This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

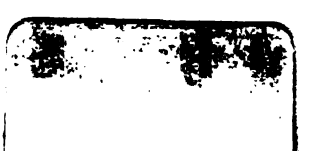
PSlav 176.25 (1867 / 4)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Ы.

PSlav 176.25 (1867 / 4)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ. 1867.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ IV. — ДЕКАБРЬ 1867.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Программа «Вѣстника Европы», журнала исторіи, политики, литературы, на 1868 годъ. — Post-scriptum.

I. — ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФІИ КАВКАЗА. — Статья вторая. — **Евг. П. Ковалевскаго.**

II. — ГОРНЫЕ ЧЕРЕМИСЫ КАЗАНСКАГО КРАЯ. — Изъ наблюденій очевидца. — **П. Знаменскаго.**

III. — ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА. — Главы третья и четвертая.

IV. — ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ЕВРОПѢ. — III. — **А. Н. Скребицкаго.**

V. — ПІЙ IX И РЕВОЛЮЦІЯ. — Изъ записокъ очевидца: 1848 и 49 гг. — II. — **М.-А. Пинто.**

VI. — ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ. — VI. — **С. М. Соловьева.**

VII. — РУССКОЕ МАСОНСТВО ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ. — Статья третья. — **А. Пыпина.**

VIII. — ФРАНЦУЗСКІЕ ПАРЛАМЕНТАРИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. — **И. П.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. Новѣйшая литература русской исторіи.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи.

III. Библіографическія замѣтки: 1) Русскій переводъ избранныхъ сочиненій Іеремія Бентама. — **К. А—въ.** 2) По поводу статьи г-на М.: «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская». — **Р.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Декабрь, 1867.

I. Общій взглядъ на первый періодъ исторіи земскихъ собраній. — **П. П. Колюпанова.**

II. Обзоръ городового хозяйства въ 1868 году, въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья вторая. — **П. П. Колюпанова.**

III. Современная Франція. Очеркъ третій. — **Е. О.**

IV. Австрійскій конкордатъ, въ его связи съ вопросомъ о народномъ образованіи. — **W.**

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ и ЗАМѢТКИ. — По поводу дѣла объ А. П. Щапуровѣ. (Письмо въ Редакцію.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ: Новыя книги.

Первая книга «Вѣстника Европы», на 1868 годъ, выйдетъ 1-го января.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XXXI. — ТОМЪ CLXXXII. — 9/21 ДЕКАБРЯ 1867.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

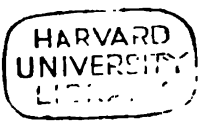
ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Галерная, 20.

1867.

1867
PSlav 176.25 (4)
~~Slav 30.2~~
1879, Oct. 6
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul,
at Birmingham, Eng.
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY



Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПРОГРАММА
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ЖУРНАЛА
ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ
ВЪ **1868** ГОДУ.

Четвертымъ и послѣднимъ томомъ второго года „Вѣстникъ Европы“ заключаетъ первый періодъ своей дѣятельности. Мы уже объявили о перемѣнѣ, которую ожидаетъ нашъ журналъ, съ января 1868 года, какъ по отношенію объема и срока выпусковъ (журналъ будетъ выходить ежемѣсячно отдѣльными книгами, такъ-что два мѣсяца составятъ одинъ томъ: шесть томовъ въ годъ, отъ 50 до 60 листовъ каждый), такъ и по отношенію содержанія, при чемъ мы сохранимъ прежній, по преимуществу историческій характеръ „Вѣстника Европы“, основаннаго въ 1865 году.

Но въ чемъ, однако, новое содержаніе можетъ измѣнить прежнюю программу нашего журнала,—это именно вопросъ, на который мы желали бы отвѣтить на столько опредѣлительно, на сколько то дозволяется тѣмъ, которые предпринимаютъ дѣло, но еще не сдѣлали его. Потому мы просимъ позволенія у своихъ читателей предоставить многое въ объясненіи этого вопроса самому дѣлу, хотя часть его признаемъ за необходимое рѣшить въ эту же минуту. Выборъ журнала для читателя есть, безспорно,

дѣло его убѣжденій, наклонностей, привычекъ, точки зрѣнія на предметъ; каждый читатель, подписываясь на журналъ, дѣйствуетъ почти также, какъ дѣйствуютъ при выборѣ повѣреннаго: ожидаютъ, что журналъ явится толкователемъ нашихъ интеллектуальныхъ и общественныхъ нуждъ, посредникомъ между нами и остальнымъ міромъ; или, еще проще, читатель дѣйствуетъ, какъ всякій при избраніи себѣ знакомыхъ: нѣкоторая общность интересовъ должна предполагаться между читателями журнала и самимъ журналомъ. Вотъ, почему читатель вправѣ требовать и отъ насъ исповѣди, узнавъ, что его прежній знакомый намѣренъ, повидимому, произвести перемѣну въ образѣ жизни и дѣятельности.

Наше общество прожило эпоху журнальныхъ „направленій“, когда всѣ, какъ верстовые столбы занимались указываніемъ пути, и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху, и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія, направо, налѣво, назадъ, впередъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что „направленіе“ въ журналахъ есть только „фраза“, такъ что, собственно говоря, при обращеніи другъ къ другу, приходилось говорить не о томъ, что такой-то человѣкъ — такого-то „направленія“, а — это человѣкъ такой-то „фразы“. И нельзя за это винить журналы: въ нихъ отражалось только то, что̀ дѣлалось въ самой жизни. Въ жизни наплодили очень много словъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе нежели идей и вещей; у насъ, какъ выразился въ одной изъ хроникъ нынѣшняго тома одинъ нашъ почтенный сотрудникъ, оказались только „имена и сражающіеся“, а потому мы и очутились въ эпохѣ „повальнаго недоразумѣнія“. Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена. Между тѣмъ, жизнь нашла себѣ другой исходъ, другія школы, и въ числѣ такихъ школъ съ глубокимъ образовательнымъ значеніемъ явились публичные суды. Тамъ общество начало читать новые безъискусственные романы; предъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанныя самою жизнью; и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основаніи которой должна лежать совѣсть; а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ только *одно* направленіе и требовалъ: „правды, одной правды и ничего другого, кромѣ правды“! Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная школа, это — земскія учрежденія; они заставили насъ своими руками коснуться самыхъ вещей, принять на себя отвѣтственность за ихъ цѣлость, и выслушать другое требованіе: „дѣла, одного дѣла и ничего другого, кромѣ дѣла“!

Вотъ, новыя направленія нашего времени, которыя, конечно, только-что начинаютъ себѣ прокладывать дорогу, но, чувствуется, что они не выдуманы, и это уже одно ручается за ихъ дальнѣйшій успѣхъ.

Намъ скажутъ, что правда и дѣло достигаются различными путями... но не будемъ спорить о путяхъ прежде, нежели намъ и нашимъ противникамъ удалось высказать дѣйствительную правду или сдѣлать полезное дѣло. Еще не довольно правды и слишкомъ мало сдѣлано дѣла, чтобы уже отъ избытка силъ, отъ полноты развитія, на досугѣ, отложивъ въ сторону и правду, и дѣло, мы могли бы сложиться въ партіи, выражающія извѣстный пріемъ, и чтобы вопросъ о пріемѣ для насъ сдѣлался важнѣе самаго дѣла. Наши партіи расли пока изъ нашихъ словъ, а чтобы партіи выростали изъ дѣла, для этого нужно прежде всего дѣло; мы *различно говорили*, но нельзя сказать, чтобы мы трудились различнымъ путемъ, потому что вообще мы мало трудились надъ общественными дѣлами, особенно, если сравнить исторію такого труда у насъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Впрочемъ, это нисколько и не удивительно, если подумать, что до сихъ поръ мы не имѣли и поприща для правильнаго труда надъ общественными дѣлами, а потому всякое усиліе, всякій интересъ къ общественному дѣлу выражался въ формахъ ненормальныхъ, походилъ на вмѣшательство, какъ будто бы, въ чужое дѣло, и вызывалъ необходимость подавленія.

Новое требованіе отъ насъ „правды“ можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для „дѣла“ нужно обогащеніе ума и воспитаніе мысли. Если нашъ органъ будетъ современемъ признанъ годнымъ орудіемъ къ тому и другому, то едва ли кто справедливо обвинитъ его въ отсутствіи направленія. Мы не беремъ на себя самаго созданія новыхъ порядковъ, но искренне желали бы, чтобы историческая и политическая науки, въ соединеніи съ литературою, являлись къ намъ въ лицѣ своихъ мыслящихъ тружениковъ, съ тѣмъ, чтобы дѣлать людей болѣе способными къ новымъ порядкамъ: недостатки общественнаго зданія бываютъ почти всегда результатомъ плохого развитія отдѣльныхъ личностей; поднимите значеніе личности, и многое измѣнится само собою въ общественномъ строѣ.

Итакъ, мы просимъ читателей избавить насъ только отъ необходимости ставить какое нибудь „прилагательное“ къ нашему направленію. Прежде всего, направленіе есть трудъ, дѣло, знаніе! Наше направленіе и до сихъ поръ можно было признавать на столько, на сколько мы обнаружили труда, дѣла, знанія, въ томъ, что предлагали наши сотрудники читателямъ чрезъ посредство „Вѣстника Европы,“ и потому мы адресуемъ отыскивающихъ наше направленіе къ оглавленію сочиненій и статей, помѣщаемому при каждомъ четвертомъ томѣ журнала за весь его годъ.

Относительно новой области, которую мы присоединяемъ къ журналу съ 1868 года, а именно литературы, мы имѣли уже случай высказаться предъ своими читателями и теперь повторяемъ тоже самое. Мы вводимъ литературу, въ журналъ историческаго характера по преимуществу, потому, что не слѣдуетъ исключать изъ исторіи общества исторію его

слова и тѣхъ *матеріаловъ*, которые на нашихъ глазахъ продолжаютъ эту исторію. Такой мотивъ пріема въ нашъ журналъ литературной области говоритъ самъ о томъ, какъ мы намѣрены относиться къ литературѣ: критика совершившихся ея фактовъ и ознакомленіе публики съ новыми матеріалами литературы, подтверждающими болѣе или менѣе основоположенія критики — вотъ задача, которую мы хотѣли бы выполнить въ своемъ журналѣ.

Исключеніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ, кромѣ поэтическихъ произведеній и неизданныхъ рукописей — остается попрежнему условіемъ нашей дѣятельности. Для замѣчательныхъ фактовъ иностранной литературы, какъ ученой, такъ и изящной, мы ограничимся анализомъ ихъ, критикою или краткимъ отчетомъ въ отдѣлѣ библіографіи.

POST-SCRIPTUM. — Остается еще одинъ вопросъ, который мы считаемъ обязанностью разъяснить нашимъ читателямъ, несмотря на то, что онъ, повидимому, болѣе нежели второстепенный, и скорѣе технической вопросъ. Двухлѣтняя практика убѣдила насъ, что подписчики—какъ то и весьма основательно съ ихъ стороны—не желаютъ ограничиваться чтеніемъ объявленія въ газетахъ, что вышелъ такой-то нумеръ журнала, но непремѣнно желаютъ, чтобы этотъ нумеръ *дошелъ до нихъ*. Но отъ насъ зависятъ только три дѣла: 1) редакція, т. е. составленіе нумера журнала и приготовленіе статей къ печати; 2) изданіе, т. е. напечатаніе; и 3) сдача въ Газетную Экспедицію; потому редакція можетъ нести отвѣтственность только по тремъ этимъ пунктамъ, или недоставивъ своевременно въ типографію рукописи, или избравъ типографію, которая не въ состояніи своевременно выполнить работу, или не имѣя достаточно рукъ для брошюровки экземпляровъ, чтобы своевременно сдать ихъ въ Газетную Экспедицію. У дверей Газетной Экспедиціи кончаются всѣ обязанности редакціи. Нашимъ подписчикамъ извѣстно, что въ теченіе двухъ лѣтъ, исключая одного случая, впрочемъ, объясненнаго нами, нашъ журналъ выходилъ и сдавался въ Газетную Экспедицію каждый разъ въ первый день новаго времени года, т. е. 9-го числа марта, іюня, сентября и декабря. Въ теченіе двухъ лѣтъ не было ни одной жалобы, при разборѣ которой оказалось бы, что редакція была виновна, а между тѣмъ въ одномъ нынѣшнемъ году поступило до настоящаго дня 41 жалоба. Лицамъ, подавшимъ жалобы извѣстно, что ни одна изъ нихъ не осталась безъ отвѣта отъ редакціи: редакція получала изъ Газетной Экспедиціи ея росписку на имя подавшаго жалобу, и эта росписка доставлялась подписчику, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что до дверей Газетной Экспедиціи редакція исполнила всѣ свои обязанности, а затѣмъ ее можно обвинить въ томъ, что она довѣряетъ экзем-

пляры Газетной Экспедиціи; но это дѣлается, 1) потому что иначе нельзя сдѣлать, и 2) подписчикамъ было впередъ извѣстно, что редакція сдастъ ихъ экземпляры въ почтамтѣ. Не смотря на то, редакція получала отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ 41 слѣдующаго рода отвѣты, какъ, напримѣръ, изъ Кіева отъ г. А., или изъ Вольска отъ г. А.: „росписка Газетной Экспедиціи въ сдачѣ ей потеряннаго экземпляра мною получена, но я подписался на полученіе журнала, а не почтовыхъ росписокъ“ и т. д. Другими словами, подписчики возлагаютъ отвѣтственность на редакціи за неисправность почтамта; но могутъ ли редакціи отвѣчать за то, что не зависитъ отъ нихъ, и отъ чего они сами зависятъ вмѣстѣ со всею публикою. Но подписчики этимъ, быть можетъ, хотятъ сказать, что доставленная квитанція не есть средство для нихъ къ тому, чтобы получить законное удовлетвореніе, что имъ трудно издалека вести процессъ или переписку съ Газетною Экспедиціею, что для редакціи все это легче на мѣстѣ. Совершенно справедливо! Но справедливо также и то, что Газетная Экспедиція только *отправляетъ* журналъ, а самое *доставленіе* подписчику исполняетъ мѣстная Почтовая контора. Изъ 41 слѣдствія оказалось, что Газетная Экспедиція была виновна засылкою журнала по другому тракту всего 2 раза, а 39 разъ вина падала на Почтовыя конторы, которыя возвращали Газетной Экспедиціи карту съ роспискою управляющаго Почтовою конторою въ полученіи сполна всѣхъ экземпляровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что зло гораздо ближе къ подписчикамъ, чѣмъ къ редакціи.

Мы знаемъ, что въ нынѣшнемъ году почтовое начальство весьма дѣятельно занималось составленіемъ проектовъ улучшенія по вопросу объ экспедиціи журналовъ. Но какія нужно сдѣлать реформы, чтобы устранить, напримѣръ, случай, однажды постигшій насъ: мы получили подписку въ концѣ сентября, т. е. по выходѣ первыхъ трехъ томовъ журнала, и слѣдовательно отправили всѣ три тома въ одномъ пакетѣ; толстота книгъ вынуждаетъ насъ не ограничиваться одною бумажною оберткою, и подъ нею всѣ три тома связываются накрѣпко бичевкою. Послѣ этого мы поняли бы, что, по той или другой причинѣ, подписчикъ не получилъ бы ни одного тома, но изъ жалобы оказалось, что онъ получилъ второй и третій, а первый исчезъ. Едва ли бы судебный слѣдователь затруднился рѣшеніемъ этого вопроса, особенно при почтовомъ правилѣ, что контора не можетъ снимать съ экземпляра пакета, въ который онъ былъ задѣланъ и перевязанъ веревкою. Въ такихъ случаяхъ, намъ кажется, простое преданіе суду было бы дѣйствительнѣе реформы, и для карательной власти тутъ болѣе работы, нежели для административной.

Въ ожиданіи новой реформы, и желая удовлетворить скорѣе справедливое желаніе нашихъ подписчиковъ, мы рѣшились на будущее время составить правило, которое считаемъ обязательнымъ для себя, и надѣемся

выполнить его легко, если сами подписчики не откажутъ намъ въ своемъ содѣйствіи. Газетная Экспедиція—говорятъ они—далеко отъ нихъ; на такой же дистанціи—редакціи отстоятъ отъ Почтовой конторы, и потому редакція „Вѣстника Европы“ покорнѣйше проситъ каждаго, кто не получитъ своего экземпляра, достать въ своей Почтовой конторѣ свидѣтельство, что на его имя не было такого-то числа доставленъ экземпляръ. Получивъ такое свидѣтельство, редакція обязуется немедленно, съ первою почтой, выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго, а остальное беретъ на себя, такъ какъ свидѣтельство о неполученіи Почтовою конторою есть уже первое доказательство о невысылкѣ отсюда, а слѣдовательно,—дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Почтовыя конторы могутъ отказывать въ выдачѣ такого свидѣтельства, въ такомъ случаѣ редакція проситъ извѣстить ее о такомъ отказѣ, и беретъ на себя, основываясь на документѣ, ходатайство предъ почтовымъ начальствомъ о понужденіи Почтовой конторы открыть то, что она считаетъ секретомъ.

Между двумя пунктами, т. е. между Газетною Экспедиціею и мѣстною Почтовою конторою отдѣльная книжка журнала пропадать не можетъ,—потому что книжки накладываются не отдѣльно, но въ тюкѣ: можетъ пропасть весь тюкъ, но не отдѣльная книга; если же пропала отдѣльная книга, то или она не была положена здѣсь, или была не хорошо вынута тамъ. Всего два случая, и оба случая вовсе не гражданскаго свойства! Изъ изложеннаго нами, мы увѣрены, подписчики наши усмотрятъ, что ихъ содѣйствіе намъ крайне необходимо, что свое право слѣдуетъ отстаивать вовсе не потому, что дѣло грошёвое или не грошёвое; сущность права не измѣняется отъ числа рублей, и потому мы приглашаемъ ихъ быть настойчивыми въ мѣстныхъ Почтовыхъ конторахъ, а этимъ они много облегчатъ какъ наши дѣйствія, такъ и дѣйствія Газетной Экспедиціи, на которую одну такъ часто и несправедливо падаетъ все, что дѣлается въ Почтовыхъ конторахъ.

Съ будущаго года, дни выхода журнала измѣняются, и отдѣльныя 12 книжекъ, составляющія шесть томовъ въ годъ, будутъ выходить, на сколько то зависитъ отъ усилій редакціи, перваго числа каждаго мѣсяца.

С.-Петербургъ. — 1-го декабря 1867.

I.

ОЧЕРКИ

ЭТНОГРАФІИ КАВКАЗА.

II *).

Какъ ни затруднительно было для насъ, по недостатку положительныхъ данныхъ, представить полное изображеніе двухъ важнѣйшихъ народовъ Западнаго Кавказа, но намъ предстоитъ еще болѣе затрудненій при рѣшеніи вопроса: какое мѣсто они должны занимать въ общей семьѣ народовъ? А потому, прежде нежели приступимъ къ разрѣшенію этой темной для насъ задачи, считаемъ нужнымъ привести мнѣнія другихъ о томъ же предметѣ. Начнемъ съ основателя сравнительной антропологіи и этнографіи—Блюменбаха. Въ своей классификаціи народовъ [1]), онъ принимаетъ, для различія ихъ, главнымъ основаніемъ тѣлесные, типическіе признаки, а именно: цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, форму волосъ и головы, черты лица, ростъ, словомъ—все, что составляетъ наружную физіономію людей, образующихъ народы. Слѣдуя своему критерію, Блюменбахъ раздѣлилъ всѣ извѣстные въ его время народы *на пять главныхъ расъ или породъ* [2]). Первая изъ этихъ расъ, отличающаяся совершеннѣйшимъ

*) См. выше т. II, отд. I, стр. 65 и слѣд.

[1]) S. F. Blumenbach, de gener. human. variet. nationum. 1776.

[2]) Такъ-какъ слово «порода» примѣняется въ зоологической системѣ къ животнымъ вообще, то, вѣроятно, для отличія человѣка, Блюменбахъ замѣнилъ сказанное слово для народовъ терминомъ «раса». Выраженіе это, усвоенное ученою литера-

устройствомъ тѣлесныхъ формъ, названа имъ *кавказскою;* къ ней онъ причисляетъ, кромѣ кавказскихъ народовъ, всѣхъ европейцевъ, за исключеніемъ финновъ. Въ этомъ смыслѣ, слово—*кавказская раса* употребляется и понынѣ нѣкоторыми этнографами, а потому намъ могутъ сказать, что вопросъ о племенной принадлежности кавказскихъ народовъ рѣшенъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, онъ не только не рѣшенъ, но окончательное разрѣшеніе его отодвинуто, можетъ быть, еще на нѣсколько времени. Научныя изслѣдованія, послѣ Блюменбаха произведенныя, достаточно убѣждаютъ, что тѣлесныя формы и всѣ наружные признаки людей, составляющихъ народы, подвержены весьма значительнымъ измѣненіямъ не только отъ скрещенія ихъ между собою, но не менѣе того и отъ измѣненія среды, въ которой они обитаютъ. Подъ именемъ же среды мы должны разумѣть не одни климатическія условія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, но также родъ пищи, употребляемый народами, образъ ихъ жизни, упадокъ или возвышеніе умственнаго развитія, измѣненіе соціальныхъ и политическихъ ихъ отношеній, и т. д. Чѣмъ совокупнѣе, постояннѣе и продолжительнѣе дѣйствуютъ эти агенты среды, тѣмъ болѣе оказывается вліянія ихъ на уклоненіе народовъ отъ прежняго ихъ типа. Въ своемъ мѣстѣ (глава объ основаніяхъ классификаціи народовъ) мы привели, для подтвержденія этой истины, множество примѣровъ, взятыхъ между народами всѣхъ частей земного шара. Укажемъ изъ этихъ данныхъ на выдержку, хоть напр. на красивыхъ и просвѣщенныхъ венгровъ и кровныхъ ихъ родичей полудикихъ вогуловъ и енисейскихъ остяковъ; на отличающихся правильностью тѣлесныхъ формъ — европейскихъ турокъ и происходящихъ отъ одного съ

турою вообще, принято и у насъ. Впослѣдствіи, когда возникла необходимость дальнѣйшаго дѣленія расъ, стали употреблять и другія выраженія, какъ-то: «группы, отдѣлы, семейства», и т. п. Для сохраненія единообразія и опредѣлительности въ моихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, я допускаю, при классификаціи народовъ, русскія выраженія, въ слѣдующемъ порядкѣ: принимая народъ какъ единицу, я употребляю, въ восходящей линіи, сперва *«семейство»*, потомъ *«покольніе»*, наконецъ *«племя»;* въ нисходящей же линіи, представители народа называются мною *«отраслями его»*. Для объясненія примѣромъ, возьмемъ—народъ русскій. По нашей номенклатурѣ онъ принадлежитъ къ семейству славянъ, къ поколѣнію европейскихъ арійцевъ, къ племени арійскому (индо-европейскому); отрасли его составляютъ: великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы. Еще примѣръ: народъ венгерскій принадлежитъ къ племени туранскому, къ поколѣнію финскому, къ семейству финно-угорскому, въ которомъ заключаются, кромѣ него—вогулы, угро-остяки и пр. Я не выдаю впрочемъ этой номенклатуры за неизмѣнный образецъ и предоставляю всякому употреблять для классификаціи народовъ термины по его усмотрѣнію, лишь бы только они были постоянны и опредѣлительны.

ними корня, весьма некрасивыхъ — якутовъ. Никто теперь не будетъ основывать классификаціи народовъ на однѣхъ тѣлесныхъ формахъ, подвергающихся такимъ разительнымъ измѣненіямъ. Въ настоящее время, для опредѣленія племени, къ которому принадлежитъ извѣстный народъ, необходимо обращаться или къ исторіи, объясняющей его происхожденіе, или къ языку, тѣсно связанному съ его духовною жизнью; въ составъ этого языка могутъ входить чуждыя слова и выраженія, но грамматическій строй его остается всегда неизмѣннымъ, пока онъ существуетъ и пока народъ, имъ говорящій, не уничтожится или не сольется съ другимъ окончательно. Наука, совершенно новая — сравнительная филологія — дала уже возможность назначить для европейскихъ народовъ мѣсто въ общей классификаціи. Мы знаемъ теперь положительно, что европейцы, за исключеніемъ финновъ и турокъ, принадлежатъ къ арійскому племени; знаемъ также и то, что нѣкоторые изъ кавказскихъ народовъ принадлежатъ совершенно къ иному племени — турапскому; о другихъ же народахъ Кавказа мы имѣемъ до сихъ поръ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Изъ всего этого мы въ правѣ заключить, что выраженіе — *«кавказская раса»*, какъ ее понималъ Блюменбахъ, въ настоящее время не можетъ имѣть прочнаго значенія въ научномъ отношеніи.

Академикъ Гюльденштедтъ, первый, познакомившій ученый свѣтъ съ этнографіею Западнаго Кавказа, послѣ посѣщенія его въ 1700 — 1703 годахъ [1]), говоритъ, между прочимъ, что въ горахъ живутъ, съ древняго времени, на тѣхъ же мѣстахъ, остатки народовъ, слѣдовавшихъ изъ Азіи въ Европу, во время великаго переселенія. Остатки эти пополнялись, впослѣдствіи, новыми переселенцами изъ Европы. Въ другомъ мѣстѣ своего «Путешествія» (стр. 467, т. I), онъ утверждаетъ, что черкесы составляютъ особенный народъ, который, сколько по языку, столько же и по другимъ обстоятельствамъ судить можно, *ни съ какими народами не состоитъ въ родствѣ, за исключеніемъ однакожъ своихъ сосѣдей — абхазовъ*. Оба народа, т. е. черкесы и абхазы имѣютъ, по мнѣнію Гюльденштедта, одинъ коренной языкъ, который однакожъ распадается на столько различныхъ діалектовъ, что говорящіе ими безъ особаго навыка не понимаютъ другъ друга. Послѣднее извѣстіе покойнаго академика обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ результатъ личныхъ наблюденій,

[1]) Описаніе путешествія Гюльденштедта издано по смерти его Палласомъ, съ краткою біографіею автора, на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1787 году.

подкрѣпленный и другими лицами, посѣщавшими означенные народы.

Знаменитый нашъ натуралистъ Палласъ, въ описаніи своихъ путешествій по южнымъ областямъ Россіи (въ 1793 и 1794 годахъ), касается, между прочимъ, и происхожденія черкесовъ, объясняя его такимъ образомъ: «Древніе черкесы были скитающіеся рыцари, которые, покоривъ народы, жившіе на Кавказѣ, приняли ихъ бытъ и сдѣлали свой языкъ господствующимъ, точно такъ, какъ поступили тевтонскіе рыцари въ Остъ-Зейскомъ краѣ, покоривъ прежнихъ его обитателей.» Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ упоминаетъ, что князья и дворяне между кабардинцами (составляющими отрасль народа черкесскаго) имѣютъ особое нарѣчіе, скрываемое ими отъ простолюдиновъ. Но, чтобы это нарѣчіе существовало, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, того никто изъ знающихъ близко кабардинцевъ не подтверждаетъ.

Люлье, занимавшійся всѣмъ, что̀ относится до этого народа, отвергая показаніе Палласа, говоритъ, что хотя и существуетъ у черкесовъ искаженное нарѣчіе (аргò), но оно употребляется только между охотниками [1]). Странное съ перваго взгляда мнѣніе Палласа нѣкоторымъ образомъ выясняется при дальнѣйшемъ разборѣ сказаній о вліяніи на кабардинцевъ и народнаго элемента. Самъ Палласъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія упоминаетъ, что кабардинскіе князья и дворяне выводятъ свое происхожденіе отъ аравійскихъ владѣтелей. Это подтверждаютъ и другіе писатели, основываясь на преданіи, существующемъ у кабардинцевъ, а именно: графъ Иванъ Потоцкій [2]) и Фонтонъ [3]). Относительно убыховъ, другой отрасли черкесовъ, ученый Потоцкій полагаетъ, что они должны представлять остатки древнихъ алановъ, присовокупляя однакожъ къ тому, что для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса ему не доставало знанія убыхскаго языка. Объ абхазахъ говоритъ профессоръ Эйхвальдъ [4]), что они считаютъ себя потомками египтянъ, но скорѣе полагать должно, что они происходятъ отъ абиссинянъ, потому-что сами себя называютъ «абсне»; другіе же—продолжаетъ Эйхвальдъ — думаютъ, что абхазы — потомки армянъ. Эти свѣдѣнія представляютъ одни догадки и предположенія, не основанныя на прямыхъ доказательствахъ. Къ этой же категоріи свѣдѣній о

---

[1]) Статья: «Общій взглядъ на страны, занимаемыя черкесами», въ Кавказскомъ Календарѣ на 1857 годъ.

[2]) Voyage aux steppes d'Astrakan et au Caucase, edit. de Klaproth.

[3]) La Russie dans l'Asie Mineure.

[4]) Reise in den Kaukasus etc. 1837.

происхожденіи народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежитъ и извѣстіе извѣстнаго историка гунновъ, Дегиня, который выводитъ черкесъ отъ киргизовъ, останавливаясь на одномъ созвучіи именъ этихъ народовъ — керкесъ и киргизъ. Самъ онъ говоритъ [1]), что киргизы пришли будто бы въ нынѣшнюю Черкессію съ монголами въ XIII вѣкѣ по Р. Х. и жили прежде между Обью и Ангарою. Между тѣмъ извѣстно положительно, что черкесы, подъ именемъ керкетовъ, зиговъ или адиговъ и пр., были исторически извѣстны за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и никогда не оставляли своей страны до послѣдняго ихъ выселенія. Наконецъ, ни по языку, ни по исторіи, ни по типическимъ свойствамъ, черкесы не имѣютъ ничего общаго съ киргизскимъ народомъ тюркскаго происхожденія.

Засимъ слѣдуютъ писатели, приводящіе, въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній о происхожденіи черкесовъ и абхазовъ, болѣе доказательствъ; а потому мы остановимся на нихъ долѣе и разсмотримъ ближе приводимые ими аргументы. Первое, по времени, мѣсто изъ этихъ писателей занимаетъ датскій исторіографъ Сумъ, посвятившій ученые труды свои, между прочимъ, изслѣдованію о нѣкоторыхъ народахъ, населявшихъ страны между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Онъ издалъ объ этомъ предметѣ сочиненіе (въ 1776 — 1779 г. [2]), въ которомъ (стр. 61) утверждаетъ, «что черкесы, многочисленный и извѣстный красотою своихъ женщинъ народъ, происходитъ отъ хозаровъ». Доказательства Сума заключаются главнѣйше въ слѣдующемъ: языкъ черкесскій, по мнѣнію Пейсонеля, имѣетъ нѣкоторое сходство съ угорскимъ (угро-финскимъ), а этотъ былъ (по мнѣнію того же автора) языкомъ хозаровъ; черкесы занимали часть земель, которыми владѣли хозары; кабардинцы, составляющіе значительную часть народа черкесскаго, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, тождественны съ кибарами, составлявшими отрасль хозаровъ. Не говоря уже о томъ, что Пейсонель не имѣетъ никакого авторитета въ сравнительномъ языковѣдѣніи, самъ же Сумъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 67) приводитъ мнѣніе компетентныхъ писателей, утверждающихъ, что хозары говорили по-турецки, но, для ослабленія историческаго факта, онъ присовокупляетъ, «что это не былъ нынѣшній турецкій языкъ!»

---

[1]) Histoire des Huns, tom. IV, lib. 22, pag. 252, 253.

[2]) Сочиненіе Сума переведено съ датскаго на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ и напечатано было первоначально въ «Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей» въ 1846 г. подъ заглавіемъ: «Историческія разсужденія о происхожденіи народовъ, населявшихъ Польшу, Россію и земли между Чернымъ и Каспійскимъ морями», и пр.

Оставляя все это въ сторонѣ, мы нынѣ, опираясь на лексико-грамматическія сочиненія, изданныя въ послѣднее время объ адигскомъ и абхазскомъ языкахъ, можемъ утверждать положительно, что эти языки, существенными элементами своего строя, отличаются отъ угро-финскихъ и тюркскихъ, а слѣдовательно и отъ хозарскаго языковъ. Что касается второго аргумента, то онъ не имѣетъ никакого значенія. Народы, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, могутъ занимать не только часть, но и всю территорію другихъ иноплеменныхъ народовъ, то смѣшиваясь съ ними, то совершенно вытѣсняя ихъ. Въ настоящемъ же случаѣ, исторія свидѣтельствуетъ, что хозары никогда не занимали мало-доступныхъ мѣстъ, которыми, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, обладали черкесы и абхазы. Послѣднее обстоятельство, приводимое Сумомъ въ доказательство его мнѣнія, если только мы безусловно примемъ тождество упоминаемыхъ Константиномъ Порфиророднымъ кибаровъ съ кабардинцами, можетъ относиться только въ частности къ одной этой отрасли адигскаго народа, не касаясь прочихъ отраслей его, можетъ служить частнымъ эпизодомъ въ исторіи этого народа, не имѣвшимъ вліянія на общую судьбу его. Извѣстіе императора Константина [1]) о кибарахъ весьма кратко: онъ говоритъ, что это была отрасль хозаровъ, которая, по причинѣ внутреннихъ народныхъ смутъ, принуждена была удалиться къ печенѣгамъ — чисто турецкому народу — и между нимъ къ сѣверу отъ Чернаго моря поселиться; все это случилось за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того времени, когда писалъ царственный авторъ (952 г.). Должно полагать, что послѣ того они перешли чрезъ Донъ и приблизились къ Кавказу, безъ сомнѣнія, послѣ чрезвычайнаго ослабленія вообще хозаръ сперва узами и команами, а потомъ русскими великими князьями въ концѣ X столѣтія; потому-что Кедренъ [2]), писатель слѣдующаго вѣка, упоминаетъ о кибарахъ въ числѣ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кавказа. Въ своихъ странствованіяхъ, кибары приближались въ XII столѣтіи къ Кубани и здѣсь столкнулись съ выдвинувшеюся изъ горъ отраслью черкесовъ, покорили ее и сообщили ей свое имя. Исторія представляетъ намъ много подобныхъ примѣровъ. Если, повторяемъ, можно кибаровъ принимать за кабардинцевъ, то этимъ легко объяснить преданіе, сохранившееся у этихъ послѣднихъ, о времени пребываніи ихъ предковъ въ Крыму, куда могли увлечь за собою ихъ побѣдители, что̀ у народовъ тюркскаго корня, каковы были хозары,

[1]) Constantin. Porphyrogen. de adm. Imp. c. 39, pag. 108.

[2]) Cedrenus, pag. 768—771, apud Historic. Byzant.

происходило часто, и это тѣмъ болѣе, что кибары могли найти прочное убѣжище въ Крыму, большею частью котораго владѣли ихъ кровные родичи — хозары. Во всякомъ случаѣ, допуская, что кабардинцы замѣстили собою кибаровъ, что первые, по бо́льшей числительности своего населенія, впослѣдствіи поглотили послѣднихъ, получивъ однакожъ отъ нихъ наименованіе, чему исторія представляетъ также много примѣровъ [1]), — мы никакъ не можемъ допустить того, чтобы частный случай былъ перенесенъ на общую судьбу всего черкесскаго народа, чтобы хозары, явившіеся на сценѣ исторіи съ VI столѣтія по Р. Х., были предками черкесовъ и абхазовъ, извѣстныхъ подъ тѣми же именами и въ тѣхъ же мѣстахъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Этому противорѣчитъ и исторія и сравнительная филологія [2]). Языки означенныхъ народовъ существенно различны какъ отъ турецкаго, который былъ первоначально языкомъ хозаровъ, такъ и отъ угро-финскаго, которымъ говорила часть народа, по смѣшеніи хозаровъ съ восточными финнами [3]). Мы не указываемъ уже на

---

[1]) Укажемъ, между прочимъ, на варяго-руссовъ и славянъ въ Россіи, франковъ и галловъ во Франціи, тюрко-финскихъ болгаръ и славянъ въ нынѣшней Болгаріи.

[2]) Если мы допустимъ мнѣніе, что хозары — представители аорсовъ и сираковъ, то увидимъ, что и эти народы являются не ранѣе первыхъ двухъ вѣковъ по Р. Х.

[3]) Изъ всѣхъ народовъ, являвшихся поперемѣнно на сценѣ необъятныхъ степей, простирающихся по сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей, включая туда же и сосѣднія подошвы Кавказа, — безъ сомнѣнія, самый замѣчательный народъ были — хозары. Во время своего могущества (VIII и IX вѣка по Р. Х.), они заставляли трепетать персидскихъ государей, аравійскихъ калифовъ и византійскихъ императоровъ. Но воинскіе подвиги не составляли еще исключительнаго ихъ преимущества. На этомъ поприщѣ соперничали съ ними и другіе соплеменники ихъ — гунны, авары, болгары, команы. Но они отличались не только отъ нихъ, но и отъ другихъ современниковъ умственнымъ развитіемъ и цивилизаціею. Хозары производили обширную торговлю, связывая чрезъ нее Азію съ Европою, и сохраняли въ высшей степени вѣротерпимость. Не смотря на то, что повелители ихъ (каганы), нынѣшніе сановники, были іудейской вѣры, въ Хазаріи было много магометанъ, христіанъ и даже идолопоклонниковъ, — всѣ они безъ всякаго стѣсненія исполняли обряды своего вѣроисповѣданія. О хозарахъ оставили намъ свѣдѣнія греческіе, римскіе и мусульманскіе писатели; исторію этого народа посвящали свои труды ученые Германіи, Франціи, Англіи и Россіи. Это дало намъ возможность составить особенную статью о замѣчательномъ хозарскомъ народѣ. Въ ней, между прочимъ, мы старались разъяснить и спорный вопросъ: къ какому изъ извѣстныхъ народныхъ семействъ должны быть причислены хозары? Византійцы и римляне, знавшіе этотъ народъ по его правительству и видя, что не только правительственныя лица, начиная съ государя (кагана), носили турецкія имена, но и весь механизмъ управленія страною былъ чисто турецкій, положительно признавали хозаровъ за турокъ. Мусульманскіе писатели посѣщали Хазарію еще въ X столѣтіи, когда хозары, покоривъ себѣ старожиловъ восточныхъ финновъ, носившихъ разныя названія, составили съ ними народъ смѣшанный, подобно тому, какъ это произошло прежде съ аборигенами финскаго происхожденія, а перво-

типическое различіе въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, существующее съ одной стороны, между тюрками и восточными финнами, а съ другой — между черкесами.

Мнѣніе, высказанное Пейсонелемъ, о родствѣ языковъ угрофинскихъ съ черкескимъ [1]) не осталось безъ послѣдствій. Юлій Клапротъ, посѣщавшій въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ ученою цѣлію Кавказъ и описавшій свое путешествіе сперва на нѣмецкомъ, а потомъ съ добавленіями на французскомъ языкѣ [2]), говоритъ (стр. 380—382, томъ I, послѣдняго сочиненія), «что черкесы весьма древній народъ на Кавказѣ. Языкъ ихъ отличается отъ другихъ идіомовъ кавказскихъ, какъ по словамъ, такъ и по синтаксису: онъ показываетъ, однакожъ, родство съ корнями финскими, особенно же съ языками вогуловъ и сибирскихъ остяковъ. Это сходство заставляетъ заключать, что черкесы, также какъ вогулы и остяки, принадлежатъ одному корню, который въ самую отдаленную эпоху раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одни вѣроятно образовали гунновъ [3])». Для убѣжденія въ этомъ мнѣніи Клапротъ приводитъ грамматическія замѣтки, впрочемъ весьма краткія, о языкѣ черкесскомъ, и къ тому присовокупляетъ нѣсколько словъ этого языка, которымъ онъ придаетъ названіе «Черкесскаго Словаря» (Vocabulaire). Первый оставляетъ онъ безъ сравненія, какъ бы слѣдовало, съ грамматическимъ языкомъ, который считаютъ родственнымъ съ черкесскимъ;

начально съ тюркскими скиѳами, сироками, аварами и болгарами. Вотъ почему мусульманскіе писатели иные говорятъ, что у хозаровъ былъ и особый языкъ, непохожій на турецкій, ни на персидскій, другіе — что хозарскій языкъ походилъ на языкъ болгаръ (волгскихъ), которые, какъ извѣстно, были народъ также смѣшанный, составившійся изъ тюркскихъ и финскихъ элементовъ; третьи наконецъ, что у хозаровъ замѣчались два типа людей, по наружности непохожихъ другъ съ другомъ, желтовато-чернаго цвѣта, а другіе бѣлаго цвѣта и высокаго роста. Это доказываетъ только, что въ то время смѣшавшійся народъ не слился еще окончательно. Все это, а равно и другіе факты, приведенные въ вышеупоминаемомъ сочиненіи нашемъ, повтореніе которыхъ слишкомъ далеко завлекло бы, привели насъ къ убѣжденію, что хозаровъ должно почитать *народомъ смѣшаннымъ*, въ которомъ преобладающимъ по началу происхожденія и по могуществу былъ тюркскій, а по численности финскій элементъ. Вѣроятно, ничтожный остатокъ этого могущественнаго нѣкогда народа, принадлежащій къ той части хозаровъ, которая исповѣдывала іудейскую вѣру, сохранился въ караимахъ, держащихся Моисеева закона и отвергающихъ талмудъ. Они *говорятъ тюркскимъ языкомъ* и живутъ въ южной Россіи, преимущественно въ Крыму, гдѣ, напримѣръ, Чуфутъ-Кале считаютъ священнымъ для себя мѣстомъ.

[1]) Peysonel. lib. c. pag. 12, 13, 80.

[2]) Voyage au mont Caucase et en Géorgie, 1823.

[3]) Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ — Archiv für asiatische Literatur, Geschichte u. Sprachkunde, Asia polyglota etc.—Клапротъ повторяетъ это и распространяетъ означенное и на другіе народы Кавказа.

въ названномъ же имъ «Словарѣ» мы едва насчитали десятокъ словъ, которыя авторъ полагаетъ, съ большою натяжкою, сходственными съ вогульскими, самоѣдскими и даже западно-финскими. Можно ли на такихъ данныхъ основывать родство языковъ, при настоящемъ положеніи сравнительной филологіи? Мы предоставляемъ рѣшить это читателю; съ своей же стороны считаемъ обязанностью присовокупить, что вообще извѣстія Клапрота о народахъ Кавказа имѣли въ свое время большой авторитетъ. Этому способствовало съ одной стороны младенчество науки сравнительнаго языковѣдѣнія и недостатокъ точныхъ свѣдѣній о кавказскихъ народахъ, а съ другой стороны способность автора — легко собирать свѣдѣнія, группировать ихъ и дѣлать изъ нихъ замѣчательные выводы. Но теперь, когда сравнительная филологія сдѣлала такіе успѣхи, когда мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія о кавказскихъ народахъ, и когда, съ тѣмъ вмѣстѣ, обнаружились источники, изъ которыхъ Клапротъ почерпалъ свои свѣдѣнія и на которыхъ основывалъ онъ свои заключенія [1]) — авторитетъ этого писателя, по крайней мѣрѣ между нашими учеными, сильно поколебался. — Несмотря однакожъ на то, мнѣніе его о родствѣ черкесовъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, абхазовъ, съ уральскими или восточными финнами раздѣляется по сіе время нѣкоторыми учеными. Мы же съ своей стороны, на основаніи вышеописаннаго, никакъ не можемъ съ нимъ согласиться, тѣмъ болѣе, что и исторія не представляетъ ничего, что̀ могло бы служить доказательствомъ о генеалогической связи такихъ несходственныхъ между собою народовъ, каковы съ одной стороны черкесы и абхазы, а съ другой вогулы и остяки.

Обратимся къ тѣмъ писателямъ, которые описываютъ происхожденіе черкесовъ, основываясь на народномъ преданіи. Люлье, въ вышеприведенной статьѣ (Кавк. Календарь 1857 г.), говоритъ, что они считаютъ себя аравійскими выходцами. Вотъ какъ авторъ описываетъ это преданіе. Вслѣдствіе междоусобныхъ раздоровъ въ Египтѣ, одинъ изъ народныхъ предводителей аравійскаго происхожденія переселился оттуда съ своими приверженцами въ Малую Азію — когда это произошло и сколько времени эти выходцы тамъ оставались — преданіе о томъ умалчиваетъ. Выселившейся колоніи угрожали мусульмане, желавшіе обратить ея жителей въ магометанство. Это понудило ихъ — преданіе тоже не означаетъ времени — къ другому переселенію; они явились въ Крыму. Какъ

[1]) Мы ссылаемся по этому предмету на извлеченія изъ писемъ съ Кавказа покойнаго академика Шёгрена къ покойному же академику Френу, помѣщенныя въ бюллетенѣ Академіи наукъ 19 янв. 1837 г., № 23.

и когда они туда попали, преданіе не говоритъ; но пребываніе ихъ въ Крыму подтверждается названіемъ нѣкоторыхъ мѣстностей: тамъ существуютъ развалины замка, называемаго татарами — Черкесъ-Кермень; равнина между Бельбекомъ и Качею именуется — Черкесъ-дюзъ (черкесская долина). Изъ Крыма выходцы перешли на восточный берегъ Чернаго моря, но по какимъ причинамъ и въ какое время—преданіе о томъ также умалчиваетъ. Оно свидѣтельствуетъ только, что странствователи заняли сперва равнины около нынѣшней Анапы, а потомъ предводители ихъ перешли въ Кабарду и подчинили своей власти весь черкесскій народъ. Изъ этихъ властителей, царствовалъ со славою въ XV столѣтіи Ималъ-Тегенъ, котораго кабардинскіе князья считаютъ своимъ родоначальникомъ и котораго воинскіе подвиги и мудрость гремѣли по всему Кавказу. Не этимъ ли выходцамъ придаетъ Палласъ названіе странствующихъ рыцарей, ссылаясь на народное преданіе о происхожденіи кабардинскихъ князей и дворянъ отъ аравійскихъ владѣтелей?

Гораздо съ бо̀льшими подробностями и дополненіями передаетъ вышесказанное преданіе Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ природный черкесъ, исторіографъ своего народа [1]). Сущность разсказа Ногмова о происхожденіи адыгскаго народа, заключается въ слѣдующемъ: Ханъ Ларунъ, уроженецъ вавилонскій (?), вслѣдствіе гоненій оставилъ родину и поселился въ Египтѣ; тамъ два сына его *Черкесъ* и *Бекесъ* пріобрѣли своими подвигами боль-

---

[1]) «Исторія адыхейскаго народа, составленная, по преданіямъ кабардинцевъ, Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ», издана подъ редакціею г. Берже и напечатана въ Кавказскомъ Календарѣ за 1862 годъ. Г. Берже, предпославъ этому сочиненію краткую біографію автора, изъ которой видно, что онъ родился въ аулѣ Ногмова, близъ Пятигорска въ 1801 г., принадлежалъ къ семьѣ абадзехской, переселившейся въ Кабарду, и считался въ числѣ кабардинскихъ узденей 2 степени. Съ юныхъ лѣтъ Шора-Ногмовъ чувствовалъ влеченіе къ ученію и 18 лѣтъ зналъ уже языкъ арабскій; потомъ изучилъ языки—турецкій, персидскій и русскій. Сперва онъ былъ муллою, но вскорѣ отказался отъ этой обязанности и поступилъ въ русскую службу переводчикомъ и употреблялся кавказскимъ начальствомъ на линіи для разныхъ секретныхъ порученій. Въ 1830 г., Ногмовъ поступилъ въ гвардейскій кавказско-горскій эскадронъ, участвовалъ въ походѣ противъ поляковъ и получилъ офицерскій чинъ. Живя въ Петербургѣ, онъ усовершенствовалъ себя въ арабскомъ языкѣ и, возвратясь на родину, въ должности секретаря кабардинскаго суда, занялся составленіемъ исторіи своего народа. Окончивъ ее въ 1843 г., онъ отправился въ Петербургъ для изданія своего сочиненія, при пособіи правительства, но не успѣвъ совершить того, умеръ тамъ въ слѣдующемъ 1844 г. Кромѣ исторіи, Шора-Ногмовъ составилъ еще грамматику кабардинскаго языка, которую представилъ покойному академику Шёгрену; но онъ возвратилъ ее автору, съ совѣтомъ передѣлать ее и употребить притомъ вмѣсто русскихъ буквъ—арабскую азбуку, для выраженія звуковъ кабардинскаго языка. Грамматика эта, по словамъ г. Берже, находится у него.

шое вліяніе между жителями и сдѣлались повелителями страны. Турецкій султанъ Ислакъ (?), узнавъ объ этомъ, пошелъ на нихъ войною и побѣдилъ ихъ въ Сиріи, причемъ оба брата были убиты, а мѣсто ихъ заняли ближайшіе ихъ родственники *Туманбай* и *Арабъ-ханъ*. Не будучи въ состояніи держаться противъ побѣдоноснаго султана, они рѣшились бѣжать; войска султана ихъ преслѣдовали, и Туманбай былъ убитъ, а Арабъ-ханъ успѣлъ скрыться и явился къ греческому императору, который, по его просьбѣ, дозволилъ ему съ его дружиною поселиться въ Крыму. Здѣсь Арабъ-ханъ умеръ, а сынъ его *Абданъ-ханъ*, наслѣдовавшій ему, боясь мести турецкаго султана, при которомъ турки часто нападали на греческія области, переселился съ приверженцами своими на Западный Кавказъ, гдѣ обитавшіе адыхейцы приняли ихъ дружелюбно. Абданъ-хану наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его *Кесъ*, который, по достиженіи юношескаго возраста, оказалъ столько храбрости и мудрости, что всѣ адыхейцы признали его своимъ повелителемъ. Послѣ него царствовалъ сынъ его *Адо*, а за нимъ слѣдовалъ *Хурофатлаэ*, слабый и малодушный, при которомъ адыхейскіе князья отложились и стали-было жить по-прежнему, независимо. Наконецъ, послѣ него принялъ бразды правленія знаменитый *Ималъ*, прославившійся мудрымъ правленіемъ и храбростью; онъ покорилъ сосѣдніе народы, въ томъ числѣ и абхазовъ, при совершеніи мира съ которыми на рѣкѣ Бзыбѣ, умеръ въ 1427 году. Это первое и послѣднее указаніе на время событія въ сочиненіи Шора-Ногмова; все прочее неизвѣстно, когда именно совершалось. Изъ исторіи его вовсе исключена хронологія, а потому она теряетъ научное достоинство и становится простою повѣстью. Хотя же онъ и говоритъ далѣе, что вышесказанныя событія заимствованы имъ отчасти изъ Джіафара, и что онъ пользовался книгою Табари [1]) «О княжескомъ родословіи»; но, что̀ именно заимствовано имъ изъ сочиненія Табари—остается неизвѣстнымъ. Издатель исторіи Ногмова, г. Берже, отклоняя отъ себя ручательство за достовѣрность разсказа Ногмова, приводитъ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ извлеченіе изъ сочиненія «Тенти-Теварихъ» (1670—1672), объ участи *Туманбая*, со смертью котораго начинается преданіе о странствованіяхъ аравійскихъ или египетскихъ выходцевъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ его династіи. Изъ этого извлеченія между

---

[1]) Абу-Джафаръ Мохаметъ Этъ-Табари—одинъ изъ древнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ историковъ магометанскихъ; сочиненіе его извѣстно подъ названіемъ «Тарихъ-Улъ-Мулукъ»—лѣтописи государей. Можно догадываться, что Ногмовъ указываетъ на это сочиненіе.

прочимъ видно, «что послѣдній царь египетскій изъ *черкесской* династіи былъ *Кансогори*, который владѣлъ Египтомъ и Сиріею въ 902 г. по магометанскому исчисленію, а по христіанскому въ 1496 г. По прошествіи 16 лѣтъ его правленія, турецкій султанъ *Селимъ* разбилъ его въ Сиріи, причемъ Кансогори лишился жизни. По смерти его былъ избранъ египетскимъ царемъ *Туманбай* изъ черкесской же націи. Туманбай принужденъ былъ дать вновь сраженіе Селиму и, будучи разбитъ, бѣжалъ къ Шейхъ-Селиму, который выдалъ его турецкому султану, а этотъ приказалъ его повѣсить. Такимъ образомъ, со смертью Туманбая угасла черкеская династія въ Египтѣ и Сиріи, и страны эти съ того времени (1517 г.) присоединены къ турецкой имперіи.»

Мусульманская исторія подтверждаетъ приведенное г. Берже сказаніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ дополняетъ его въ томъ, чего въ немъ не достаетъ, и вообще разъясняетъ кажущіяся непонятными и загодочными отношенія черкесовъ къ Египту и къ аравійскому калифату. Монголы, подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана и его преемниковъ, опустошили мечемъ и огнемъ пройденныя ими пространства въ Азіи, достигли до предѣловъ Кипчаки, занимаемаго тюркскими народами, преимущественно команами или половцами, и до Кубани, гдѣ жили нѣкоторыя отрасли черкесовъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они увлекали за собою, изъ среды побѣждаемыхъ ими народовъ, множество плѣнныхъ обоего пола. Лагерь ихъ и рынки Азіи были наполнены такими невольниками. Египетскіе султаны, видя возможность дешево умножить свои войска, пріобрѣтали изъ такихъ невольниковъ людей, отличавшихся силою и наружнымъ видомъ, и формировали ими отдѣльные легіоны. Одинъ изъ этихъ султановъ Бибарсъ, тюркскаго или команскаго происхожденія, заключилъ съ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ трактатъ, въ силу котораго онъ получилъ свободный проходъ чрезъ Дарданеллы въ Черное море съ цѣлью пріобрѣтенія по восточнымъ его берегамъ невольниковъ, которыми тамъ производилась торговля съ древнѣйшихъ временъ, для своей арміи [1]). Такимъ образомъ, египетскіе султаны пріобрѣли, въ концѣ XIII столѣтія, болѣе десяти тысячъ храбрыхъ и красивыхъ воиновъ изъ Мингреліи и Абхазіи, но преимущественно изъ черкесовъ. Эти-то рабы положили основаніе знаменитой, въ исторіи нынѣшняго Египта, военной корпораціи, извѣстной подъ именемъ мамелюковъ [2]). Въ непродолжительномъ времени, маме-

[1]) Makrisi, Histoire des sultans Mamelouks de l'Egypte, trad. par Quatremère, 1837. t. I, p. 116.

[2]) Слово мамелюкъ образовано отъ причастія арабскаго глагола — meleck — «владѣть» и означаетъ «владѣемый», т. е. рабъ.

люки обратились въ настоящихъ преторіанцевъ. Подобно имъ, они начали предписывать законы своимъ государямъ и дошли до того, что стали низводить ихъ съ престола, по своей волѣ. Наконецъ, умертвивъ послѣдняго государя изъ владѣвшей въ то время Египтомъ династіи, возвели, вмѣсто него на престолъ, одного изъ своей дружины, назвавъ его султаномъ. Такимъ образомъ, потомки черкесскихъ рабовъ сдѣлались повелителями Египта и Сиріи.—Буйные и своевольные мамелюки поступали и съ своими государями точно также, какъ и съ прежними; они возводили ихъ на престолъ и низводили по своему произволу. Это продолжалось съ небольшимъ два столѣтія, въ теченіе которыхъ было на египетскомъ престолѣ сорокъ семь государей изъ черкесской династіи. Судьба ихъ зависѣла совершенно отъ мамелюковъ, употреблявшихъ для низложенія своихъ государей и мечъ и веревку, и ядъ. Такой порядокъ въ управленіи довелъ государство до упадка. Повелитель оттомановъ, султанъ *Селимъ*, пользуясь этимъ, напалъ на Сирію, разбилъ здѣсь на-голову египетскаго государя *Туманъ-бея*, захватилъ его, повѣсилъ и сдѣлался властелиномъ Египта и Сиріи. Это произошло въ 1517 г. Каково было начало, таковъ былъ и конецъ владычеству черкесской династіи надъ Египтомъ и Сиріею. Такимъ образомъ, путемъ исторіи мы добрались до загадочнаго Туманъ-бея (Туманбая или Туманпая, какъ называетъ его Ногмовъ) и до его трагической смерти. Могло быть, что послѣ разгрома, произведеннаго Селимомъ, братъ несчастнаго Туманъ-бея—Арабъ-ханъ, страшась преслѣдованій султана, скрылся сперва въ Малой Азіи, потомъ перешелъ въ Крымъ и наконецъ переселился въ Кабарду, какъ повѣствуетъ Шора-Ногмовъ. Нельзя отвергать и того, что часть приверженныхъ Арабъ-хану мамелюковъ-черкесъ могла сопутствовать ему и раздѣлять его участь. Я говорю часть, потому-что, какъ свидѣтельствуетъ исторія, мамелюки его оставались еще въ Египтѣ, гдѣ мало по малу начали усиливаться, и при владычествѣ оттомановъ пріобрѣли большое вліяніе на управленіе Египтомъ и сдѣлались опасными для правителей его, пока наконецъ могущественный Мегметъ-Али не сокрушилъ ихъ, такъ какъ султанъ Махмутъ въ Константинополѣ—янычаровъ. Мы допускаемъ также, что потомки Арабъ-хана властвовали надъ кабардинцами, что въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Ималъ, отъ котораго кабардинскіе князья ведутъ свой родъ; не можемъ только согласиться съ авторомъ въ томъ, что Ималъ скончался въ 1427 году, потому-что предокъ его Арабъ-ханъ долженъ былъ оставить Египетъ по смерти своего брата Туманъ-бея, какъ свидѣтельствуетъ мусульманская исторія, въ 1517 г., а между тѣмъ, не

говоря уже объ Арабъ-ханѣ, было изъ его семейства, по свидѣтельству самого Ногмова, пять правителей Черкесіи, включительно съ Ималомъ; слѣдовательно, онъ не могъ умереть ранѣе конца XVI столѣтія, и ни въ какомъ случаѣ, это не могло быть въ 1427 г. Но всѣ вышесказанныя происшествія составляютъ только одинъ эпизодъ изъ исторіи черкесскаго народа, эпизодъ, обнимающій случайныя сближенія черкесовъ съ Египтомъ и аравитянами, эпизодъ, относящійся до болѣе поздняго времени, именно до XVI столѣтія по Р. Х. Между тѣмъ, памятники исторической литературы эллиновъ и римлянъ убѣждаютъ насъ, что народъ черкесскій существовалъ на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и нынѣ, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. А потому предположеніе о происхожденіи этого народа отъ египтянъ или аравитянъ, которому подали поводъ означенныя отдѣльныя и случайныя событія, не имѣетъ никакого основанія.

Но Шора-Ногмовъ не останавливается на этомъ. Онъ идетъ далѣе, стараясь убѣдить насъ въ томъ, что исторія ошибается, считая *антовъ* за *славянъ*, тогда-какъ они были настоящіе *черкесы*. Предметъ этотъ заслуживаетъ особеннаго, съ нашей стороны, разъясненія. Для подтвержденія своего мнѣнія авторъ прибѣгаетъ къ филологіи, къ исторіи и къ географіи. Древніе греки называли нашихъ предковъ — говоритъ онъ — *зигами*, а иногда *керкетами;* послѣднее, вѣроятно, означаетъ прозваніе, данное народу сосѣдями его или греками. Грузинскіе писатели именуютъ ихъ *джихами*, а страну *Джихетіею*. Эти слова: зиги и джихи, напоминаютъ—продолжаетъ Ногмовъ—слово *цуг*, которое на адыгскомъ языкѣ значитъ *человѣкъ* [1]). Но настоящее, коренное имя нашего народа—говоритъ онъ—есть *антъ*, измѣнившееся со временемъ въ *адыге*. Можно ли допустить такое фонетическое измѣненіе построю языка адыгскаго, мы предоставляемъ рѣшить спеціалистамъ; съ своей же стороны можемъ утвердительно сказать, что, по свидѣтельству литературныхъ памятниковъ эллиновъ, римлянъ и арабовъ, ни одинъ изъ народовъ Кавказа не носилъ названія *антъ*. Обращаясь къ словамъ: *джихи* или *джигеты*, мы знаемъ, что это названіе принадлежитъ не адыгскому народу, а одной отрасли народа абхазскаго. Г. Берже, какъ бы въ подкрѣпленіе сказаннаго Ногмовымъ о джигахъ, приводитъ извлеченіе изъ сочиненія грузинскаго царевича Вахушта, по переводу академика Броссе.

---

[1]) Это не есть оригинальная мысль автора, но повтореніе того, что̀ сказалъ сорокъ лѣтъ ранѣе Клапротъ, неотличающійся впрочемъ точностью въ своихъ заключеніяхъ.

Но, заключающееся въ этомъ извлеченіи, описаніе географическаго положенія и границъ Джихетіи указываетъ прямо на мѣстность, занимаемую нынѣшними джигетами или садзенами, со включеніемъ малыхъ обществъ тоже абхазскаго народа (ахчипсу и анга); во всякомъ же случаѣ оно никакъ не можетъ обнимать страну, которую занималъ адыгскій народъ. Въ заключеніе приведеннаго извлеченія, царевичъ Вахуштъ говоритъ: «Эта страна (Джихетія) чрезвычайно сходна съ Абхазіею по своимъ произведеніямъ, своимъ животнымъ, своимъ нравамъ и обычаямъ: люди тамъ уподобляются звѣрямъ. Нѣкогда христіане—они не знаютъ болѣе ихъ религіи. *Абхазы* и *джиги* одѣваются, вооружаются и снаряжаются, какъ *черкесы*, часто даже имеретинцы принимаютъ ихъ обычай». Изъ этихъ словъ видно только, что авторъ отдѣляетъ *джиговъ*, какъ отъ *абхазовъ*, такъ и отъ *черкесовъ;* при чемъ однакожъ находитъ, что джиги чрезвычайно сходны вообще съ абхазами, а черкесамъ уподобляются только по одеждѣ и вооруженію, что̀ и понынѣ сохранилось по свидѣтельству очевидцевъ. Далѣе, Шора-Ногмовъ указываетъ, что Страбонъ называетъ рѣку Кубань — *Антикитисъ*, что авторъ сочиненія «Дербентъ-Наме» именуетъ всѣ народы, обитавшіе отъ Терека до Дона — *джумиандъ* и что наконецъ, по сохранившимся преданіямъ, предки нынѣшнихъ черкесовъ обитали отъ Терека до Волги и Дона на сѣверъ и, продолжая селиться по обѣ стороны Азовскаго моря, доходили до крымскихъ степей на западъ, къ югу же примыкали къ Кавказскимъ горамъ, въ ущельяхъ которыхъ жили абадзехи. Идя все далѣе и далѣе по этому пути, Ногмовъ видитъ своихъ антовъ и въ народѣ, обитавшемъ подъ этимъ именемъ на Днѣпрѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. діаконъ Павелъ (Павелъ-діаконъ жилъ не въ I, а въ IX-мъ столѣтіи). Вѣроятно—продолжаетъ авторъ—та часть нашего народа, которая обитала на западномъ берегу Азовскаго моря, подалась потомъ отъ стѣсненія готовъ, вверхъ по Днѣпру. Тутъ, какъ бы испугавшись своей смѣлости, авторъ говоритъ, что «ему было бы прискорбно, если бы читатели видѣли въ томъ желаніе породнить его соотечественниковъ съ русскими». Извиненіе совершенно напрасное. Если бы авторъ успѣлъ доказать, что черкесы дѣйствительно состоятъ, посредствомъ антовъ, въ родствѣ съ восточными славянами или россіянами,—то онъ оказалъ бы тѣмъ большую услугу этнографіи, ни мало не унизивъ русскій народъ и не возвысивъ своего собственнаго. Все дѣло состоитъ въ силѣ доказательствъ.

Рѣка Кубань, какъ и всѣ значительныя рѣки въ Европѣ и Азіи, носила разныя названія. Изъ древнихъ историческихъ ис-

точниковъ извѣстно, что эта рѣка съ того времени, какъ она сдѣлалась извѣстною грекамъ, въ концѣ V-го столѣтія до Р. Х., называлась *Гипанисъ*. Это имя держалось до начала III-го вѣка до Р. Х., когда начали называть рѣку—*Варданесъ*, что продолжалось весьма долго, именно до конца VI-го столѣтія послѣ Р. Х. Съ того времени явилось новое имя *Ковинъ* или *Кубисъ*, которое генуэзцы потомъ обратили въ Копа. Кубанью начала называться эта рѣка не ранѣе XIII-го вѣка по Р. Х. съ появленіемъ татаръ. Все это было общимъ названіемъ рѣки. Нѣкоторые же рукава ея назывались различно; такъ, Константинъ Порфирородный называетъ главный рукавъ рѣки—*Укрухъ*, Плиній одинъ изъ рукавовъ—*Северіосъ*, а Мелла по имени залива или лимана, которымъ рѣка впадаетъ въ море (limen Sindicus)—*Синдосъ*. Страбонъ, сохраняя общее названіе рѣки Варданесъ, упоминаетъ о большомъ рукавѣ ея, подъ именемъ—*Атикита Антикитисъ*, и при этомъ говоритъ о большой рыбѣ, водящейся здѣсь, которую называетъ *атикеа;* неизвѣстно, рыба ли дала названіе рукаву или обратно. Но во всякомъ случаѣ, это одно созвучіе словъ не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія Ногмова, что анты, какъ принимаетъ исторія, были не славяне, а адыги—черкесы.

Мы не остановимся на томъ, можетъ ли одно имя *джумиандъ*, употребленное авторомъ «Дербентъ-Наме», обозначать антовъ и именно антовъ адыгскихъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но не можемъ оставить безъ вниманія словъ Шора-Ногмова, которыми онъ придаетъ такое широкое распространеніе своему народу: отъ Волги и сѣверной подошвы Кавказа до Дона и Днѣпра. На этомъ огромномъ пространствѣ, по свидѣтельству исторіи, обитали въ древности скиѳскіе и сарматскіе народы; около христіанской эры занимали значительную часть его аорсы и сироки; наконецъ, въ первые вѣка по Р. Х., постепенно являются на этомъ пространствѣ, какъ бы этапами, разные народы: арійскаго племени—готы и алане, туранскаго племени—гунны, авары, хозары, болгары, печенѣги, команы и пр. Но объ антахъ-адыгахъ нѣтъ помину. Народное имя—*анты* явилось въ началѣ VI столѣтія по Р. Х., и съ того времени, на основаніи совершенно достовѣрныхъ историческихъ данныхъ они считаются принадлежностью славянской семьи. Предѣлы нашей задачи не дозволяютъ намъ привести всѣхъ этихъ данныхъ. Но въ этомъ случаѣ достаточно указать на два важнѣйшія свидѣтельства объ *антахъ* двухъ современныхъ писателей, пользующихся вообще авторитетомъ въ исторіи. Первый изъ нихъ алано-готъ Іорнандъ (552 г.) былъ секретаремъ остроготскаго

короля, а потомъ равенскимъ епископомъ и, по своему положенію, зналъ близко отношенія своего народа и сосѣднихъ съ нимъ, въ то время, славянъ. Второй, грекъ Прокопій (550 г.), занималъ важный постъ при императорѣ Юстиніанѣ и описывалъ подробно и добросовѣстно всѣ отношенія къ своему правительству разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ. Вотъ, что говоритъ Іорнандъ: «За Дунаемъ лежитъ Дакія, огражденная высокими горами; по лѣвой сторонѣ—къ сѣверу обращенной, начиная отъ вершинъ Вислы, живетъ на неизмѣримомъ пространствѣ (per immensa spatia) многолюдный народъ *винды;* хотя имена ихъ измѣнились теперь по различію родовъ и жилищъ, однако они большею частію называются *славянами* и *антами.* Славяне обитаютъ отъ города Новѣтунскаго и озера, называемаго Музіанскимъ, по самый Днѣпръ; *анты* же, храбрѣйшіе изъ нихъ, живутъ въ окрестностяхъ Понта отъ р. Днѣстра до Днѣпра....» Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о войнахъ Эрманриха, Іорнандъ говоритъ между прочимъ: «побѣдивъ многихъ сѣверныхъ народовъ, онъ обратилъ оружіе свое на *венетовъ*.... Они, какъ я сказалъ уже въ началѣ повѣствованія или обозрѣнія народовъ, пошли *отъ одного рода*, но теперь называются тремя именами: *венетами*, *антами* и *славянами* (Venetes, Antes, Sclavi), и хотя нынѣ повсюду, за грѣхи наши, свирѣпствуютъ, но тогда всѣ находились подъ властью Эрманриха.... [1])». Вотъ подлинныя слова Прокопія: «Міотійскій заливъ впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій. Тамошніе обитатели извѣстны были прежде подъ именемъ кимерійцевъ, а нынѣ уже называются утригурами; дальнѣйшіе же края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы *антовъ*». Описаніе свое о свойствахъ и нравахъ вообще славянъ, Прокопій заключаетъ такъ: «Предъ тѣмъ, *славяне* и *анты* имѣли одно имя, т. е. въ старину назывались *спорами*, потому, думаю, что жили разсѣянно (*σποράδην*); отъ этого они занимаютъ такія обширныя земли—и точно, большая часть земель по ту сторону Истра (Дуная) принадлежитъ имъ [2])». Нѣтъ сомнѣнія, что предъ такими свидѣтельствами не могутъ устоять догадки и предположенія Ногмова о томъ, что исторія будто бы «несправедливо называетъ славянами антовъ, тогда какъ это имя должно принадлежать черкесамъ».

Дабы придать болѣе вѣса своему мнѣнію, Шора-Ногмовъ ссылается еще на два событія, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что анты были не славяне, а адыги или черкесы. Одно

[1]) De Gothorum origine, стр. 5 и 23.

[2]) Procop. bell. Goth. édit. Par. cap. 15, pag. 421—422.

изъ этихъ событій относится до столкновенія антовъ съ готами, а другое до покоренія антовъ аварами. Мы не можемъ оставить безъ объясненія этихъ происшествій и начнемъ съ перваго, которое Ногмовъ излагаетъ такимъ образомъ: «Въ половинѣ IV столѣтія по Р. Х. на рѣкѣ *Баксонъ*, протекающей по Кабардѣ, жилъ князь Дауо, у котораго было восемь сыновей; изъ нихъ старшій *Баксанъ*, знаменитый нартъ (витязь), со всѣми братьями и 80 нартами былъ убитъ въ жестокомъ сраженіи съ гутами (готами, по мнѣнію автора). По этому случаю была сложена въ честь Баксана пѣсня и совершаются ежегодно игрища народныя въ память его. Сестра убитыхъ братьевъ перенесла трупы ихъ въ Кабарду, похоронила ихъ съ честью на берегу р. Этоко [1]) и воздвигла на могилѣ ихъ памятникъ, существующій и понынѣ. Памятникъ этотъ — говоритъ Ногмовъ — представляетъ молодого человѣка въ шапочкѣ и въ платьѣ, похожемъ по покрою на нынѣшній бешметъ, съ продольною строчкою, и т. д. (слѣдуютъ подробности одежды). Ноги не сдѣланы, но нижняя часть представляетъ столбъ съ греческою надписью на передней сторонѣ. Въ надписи можно разобрать многое и, между прочимъ, имя Баксана, а въ концѣ — годъ, который показываетъ, что памятникъ воздвигнутъ въ IV столѣтіи. Исторія, говоритъ авторъ, подтверждаетъ преданіе — разумѣется, если перенесть имя антовъ съ славянъ на адыговъ. Но возможно ли это? Въ разрѣшеніи этого вопроса заключается весь предметъ изслѣдованія, вся сущность искомаго. Изъ византійскаго историка того времени и Іорнанда, мы знаемъ — продолжаетъ Ногмовъ — что наслѣдникъ готскаго короля Эрманриха, Винитаръ, хотя и былъ уже самъ данникомъ гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами и завоевалъ страну *антовъ*, обитавшихъ *на сѣверъ отъ Чернаго моря*, умертвивъ въ сраженіи царя ихъ *Бокса*, съ 70 знатнѣйшими князьями. Различіе, по мнѣнію автора, между изустнымъ преданіемъ и исторіею, весьма незначительно: *Божо* тоже, что и *Баксанъ*, съ греческимъ окончаніемъ; одна лишь разница въ мѣстѣ жительства антовъ: оно показано въ исторіи на сѣверѣ Чернаго моря, а, по преданіямъ, они жили на востокѣ отъ него.»

Прежде, нежели мы выскажемъ мнѣніе наше, считаемъ необходимымъ обратиться опять къ Іорнанду, на котораго ссылается авторъ, и на свидѣтельствѣ котораго основываются историческіе писатели по дѣламъ, до готовъ относящимся. Ему, какъ

---

[1]) «Этоко» одинъ изъ протоковъ Подкумка, протекающаго близъ Кисловодска, слѣдовательно не въ дальнемъ разстояніи отъ Пятигорска.

исторіографу своего народа, должно быть болѣе, нежели кому-либо извѣстно: гдѣ, съ кѣмъ именно и когда послѣдовало событіе, о которомъ идетъ рѣчь. Вотъ подлинныя слова Іорнанда: «Остроготы, по смерти Эрманриха, отдѣлились отъ визиготовъ и, находясь въ зависимости отъ гунновъ, жили по прежнему на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, подъ правленіемъ Винитара, изъ рода алановъ, который, желая сравниться съ дѣдомъ своимъ Атульфомъ, хотя не имѣлъ равнаго счастія съ Эрманрихомъ, однако, тяготясь господствомъ гунновъ, старался мало по малу освободиться отъ нихъ, а потому, желая показать удальство, вторгся въ предѣлы *антовъ* и, сразившись съ ними, былъ на первый разъ разбитъ, но оправясь, послѣ побѣды, приказалъ, для устрашенія народа, распять на крестѣ повелителя его, по имени *Божа* (Booź nomine) съ его сыновьями и 70 сановниками. Такимъ образомъ, уже около года повелѣвалъ онъ, какъ царь гунновъ. Баламберъ, не желая простить ему такого самоуправства, пошелъ на него войною и въ сраженіи на рѣкѣ Эрико сынъ самъ застрѣлилъ его изъ лука (378 г.) [1]).» При этомъ не должно упускать изъ виду, что Іорнандъ, какъ выше доказано, антовъ считаетъ всегда славянами. Сличая далѣе его свидѣтельство съ разсказомъ Шора-Ногмова, оказывается далеко не такъ малое различіе между исторіею и преданіемъ, какъ думаетъ Ногмовъ. Историкъ говоритъ, что событіе имѣло мѣсто на сѣверныхъ берегахъ Понта, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, гдѣ, по его прежнему показанію, жили анты-славяне. Ногмовъ указываетъ на восточные берега Чернаго моря и на Кабарду. Разстояніе между этими мѣстностями огромное. Предводителя антовъ Іорнандъ называетъ—*Божемъ* или *Боозомъ*, а не *Боксомъ*, какъ именуетъ его авторъ, вѣроятно для удобнѣйшей деривації изъ этаго слова названія своего героя *Баксана* и соименной ему рѣки въ Кабардѣ. Трудно наконецъ допустить, чтобы въ устныхъ преданіяхъ народа могло сохраниться происшествіе съ такою подробностью и ясностью, въ теченіе такого долгаго времени (съ IV по XIX столѣтіе). Остается памятникъ, который могъ бы служить сильнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія Ногмова. Если время не коснулось разрушительно этого счастливаго памятника въ теченіе пятнадцати столѣтій, такъ-что сохранилась въ цѣлости греческая на немъ надпись, то для убѣжденія насъ въ томъ, что подъ нимъ покоится именно прахъ

[1]) Jornand, de Gothorum origine, cap. 23. Эрико напоминаетъ славяно-русское слово—ерикъ, которымъ называются протоки и затоны большихъ рѣкъ; Днѣпръ имѣетъ много такихъ ериковъ.

героя Божа или Боксана, что онъ дѣйствительно погибъ въ сраженіи съ готами, предводимыми Винитаромъ и погребенъ своею сестрою въ IV столѣтіи,—слѣдовало бы Ногмову снять и предъявить вѣрный снимокъ (facsimile) съ надписи,—а это, по недалекому разстоянію памятника отъ города Пятигорска, представляло всѣ удобства. Безъ соблюденія такого необходимаго условія, свидѣтельство Ногмова не можетъ пользоваться никакимъ значеніемъ въ исторіи.

Другое событіе, на которое указываетъ Шора-Ногмовъ, относится до покоренія антовъ аварами въ VI столѣтіи по Р. Х. «Адыги—говоритъ онъ—жили спокойно и сохраняли независимость, какъ вдругъ распространился слухъ, что аварскій ханъ *Байканъ* съ многочисленнымъ войскомъ опустошилъ владѣнія греческой имперіи и даже самый Алигъ, т. е. Грецію; очередь доходила и до нашего народа. Ханъ Байканъ потребовалъ отъ него, чрезъ своихъ пословъ, покорности. Князь *Лавристонъ* и другіе адыгскіе вожди не исполнили желанія хана и отвѣчали его посламъ гордыми и неприличными рѣчами; послы стали поддерживать достоинство своего хана и заплатили жизнью за свою дерзость. Ханъ, собравъ многочисленное войско, вступилъ отъ берега Чернаго моря въ землю адыговъ (Кабарду) и завладѣлъ ею до р. Баксана. Месть его преимущественно устремилась на Лавристона и другихъ вождей. Съ этого времени, продолжаетъ Ногмовъ, селенія и поля нашихъ предковъ опустошились, и народъ адыхейскій сталъ упадать. Ханъ Байканъ, послѣ покоренія нашего народа, взялъ у него лучшихъ воиновъ и повелъ ихъ *на завоеваніе земель, лежащихъ около Каспійскаго моря.*» Для подтвержденія этого преданія, Шора-Ногмовъ приводитъ въ подлинникѣ описаніе столкновенія антовъ съ аварами, изъ исторіи Карамзина, въ которомъ все, что̀ касается до пословъ хана Баяна, до дерзкихъ рѣчей Лавритаса, до покоренія и разгрома антовъ и до увлеченія лучшихъ изъ нихъ воиновъ аварами для завоеванія другихъ странъ, дѣйствительно сходствуетъ съ тѣмъ, что̀ говоритъ Ногмовъ. Но разница, и притомъ самая существенная, состоитъ въ томъ, что въ приведенномъ описаніи, основанномъ на свидѣтельствѣ современныхъ писателей, завоеванный аварами народъ *анты* были *славяне*, а не *адыги*, и что самое событіе произошло на *сѣверномъ берегу Чернаго моря*, между *Днѣпромъ* и *Днѣстромъ*, а *не на востокъ отъ Чернаго моря къ Кубани и Баксану*, какъ полагаетъ Ногмовъ, произвольно измѣняя съ тѣмъ вмѣстѣ имена аварскаго хана и предводителя антовъ. Дозволивъ себѣ такой произволъ, авторъ продолжаетъ: «Преданіе во всемъ сходно съ исторіей,

но повѣсть о Лавристонѣ *перенесена несправедливо* къ *славянамъ европейскимъ*, которые смѣшаны съ кавказскими антами. Тѣ и другіе были покорены аварами; но подробность и вѣрность преданія насчетъ мѣстности пути, по которому слѣдовалъ ханъ, вступившій въ землю антовъ отъ берега Чернаго моря, наименованіе этой дороги смертными Байкановыми путями, наконецъ вѣрность въ именахъ, сохраняемыхъ чрезъ многія столѣтія: вмѣсто *Баяна*, *Байканъ*, вмѣсто *Лавритаса*, болѣе походящее на греческое имя, *Лавристанъ*, по окончанію чисто антское (адыгское) слово; все это не позволяетъ сомнѣваться въ достовѣрности преданія. Кажется, заключаетъ Ногмовъ, безъ излишней самонадѣянности можно сказать, что преданіе можетъ пояснить историческія свѣдѣнія, оставшіяся у грековъ о двухъ народахъ, которые, по ихъ извѣстіямъ, считались *соплеменными*». Въ этихъ словахъ опять проявляется мнѣніе, хотя и робко высказанное о соплеменности или родствѣ антовъ-адыговъ съ антами-славянами. Открытіе весьма важное, еслибы только аргументы автора имѣли какую-либо историческую силу; но, къ сожалѣнію, они далеки отъ нея.

Авары явились на исторической сценѣ въ VI вѣкѣ по Р. Х. По свидѣтельству современныхъ писателей: Агаѳія (559 г.), Менандра (594 г.), Маврикія (602 г.) и Ѳеофилакта Самосатскаго (629 г.), авары — выходцы изъ восточной Азіи, подобно своимъ предшественникамъ гуннамъ, двигались по главной, торной дорогѣ всѣхъ кочевниковъ туранскаго племени, чрезъ Волгу, Донъ, Днѣпръ и Дунай, покоряя на пути встрѣчающіеся народы и увлекая ихъ за собою, волею и неволею, далѣе на западъ къ владѣніямъ восточной имперіи. Въ 557 году, авары показались на Дону; около 560 года они были уже на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ, гдѣ и покорили пограничныя отрасли восточныхъ славянъ-антовъ. Извѣстный исторіографъ славянскаго народа Шафарикъ, основываясь на свидѣтельствѣ Менандра, полагаетъ, что это покореніе, или, лучше сказать, нашествіе, ограничивалось только нѣкоторою частью антовъ и было непродолжительно [1]). Съ этимъ нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что жилища антовъ простирались далеко на сѣверъ по Днѣпру. Но если допустить даже, что всѣ *анты* были въ то время покорены аварами, то это покореніе никакъ не могло относиться до другихъ славянъ, жившихъ отъ нихъ на юго-западъ въ Дакіи и Панноніи. Къ этимъ-то славянамъ, свободнымъ и сильнымъ, безпрерывно нападавшимъ на восточную имперію, относится событіе, на кото-

[1]) Славянскія древности, русскій переводъ профессора Бодянскаго, т. II, кн. I.

рое указываетъ Шора-Ногмовъ. Аварскій ханъ *Баянъ* (какъ онъ называется современными писателями), а не *Баксанъ* (какъ именуетъ его Ногмовъ) требовалъ, чрезъ своихъ пословъ, покорности именно этихъ славянъ, а не антовъ, уже побѣжденныхъ. *Ловретъ* или *Лавритасъ* (какъ называетъ его современный писатель Менандръ), а не *Лавристонъ* (какъ именуетъ его Ногмовъ), и другіе славянскіе вожди отвѣчали на это дерзкими словами, упоминая о своей свободѣ и своихъ подвигахъ, завели ссору съ послами и умертвили ихъ. Послѣдствіемъ этого было опустошеніе страны ихъ аварами, которые, умноживъ побѣжденными славянами свои полчища, двинулись далѣе, иные изъ нихъ на Илирикъ, а другіе въ Моравію, Чехію и Германію, гдѣ встрѣтились съ побѣдоносными войсками Карла Великаго; послѣ этого, имя аваровъ постепенно начало исчезать изъ исторіи. Столкновеніе же ихъ съ славянами засвидѣтельствовано положительно современными писателями, съ указаніемъ мѣстъ, времени и послѣдствій. Послѣ этого доводы Шора-Ногмова, основанные на неясномъ преданіи и на произвольныхъ толкованіяхъ обстоятельствъ, теряютъ всякое значеніе. Напрасно онъ ставитъ вмѣсто славянъ своихъ адыговъ, напрасно переноситъ мѣсто событія съ одного конца Чернаго моря до другого, съ Дупая на Кубань, напрасно направляетъ своихъ антовъ-адыговъ съ аварскими побѣдителями на завоеваніе земель, лежащихъ около Каспійскаго моря, т. е. на востокъ, слѣдовательно по пути, совершенно противоположному тому, по которому слѣдовали авары въ Европѣ, послѣ покоренія настоящихъ антовъ-славянъ. Все это не можетъ никого убѣдить въ томъ, чего домогается Шора-Ногмовъ. Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что авары, какъ свидѣтельствуетъ исторія, въ своемъ движеніи на западъ въ Европу оставались и на равнинахъ, прилегающихъ съ сѣвера къ Кавказу; часть ихъ могла проникнуть въ Кавказъ и, побѣдивъ нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ народовъ, увлечь ихъ за собою для дальнѣйшихъ грабежей и завоеваній. Судьба эта могла постигнуть и кабардинцевъ, которые могли участвовать съ аварами въ завоеваніи земель, лежащихъ около Каспійскаго моря. Греческіе писатели дѣйствительно указываютъ на войны аваровъ съ персіянами. Это вѣроятно послужило началомъ и основаніемъ преданію, сохранившемуся у кабардинцевъ, которое Ногмовъ произвольно распространилъ и своевольно перенесъ самое событіе съ Днѣпра и Днѣстра на Кубань и Баксанъ. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, мы не могли извлечь ничего существеннаго изъ сочиненія народнаго исторіографа о проис-

хожденіи черкесовъ или адыговъ и о племенномъ родствѣ ихъ съ другими народами [1]).

Новѣйшій изслѣдователь быта черкесовъ, Лапинскій, касается также вопроса о генеалогической связи этого народа съ другими. Я говорю—касается, потому-что при этомъ удобномъ случаѣ онъ распространился болѣе о происхожденіи народа русскаго, который онъ величаетъ москалями, чѣмъ черкесовъ и абхазовъ. Прежде всего, Лапинскій отвергаетъ самое названіе черкесовъ, придаваемое будто бы одними русскими этому народу, и утверждаетъ, что это имя принадлежитъ вовсе не ему, а совершенно другому народу. Потомъ, опираясь на пресловутое ученіе другого полякa Духинскаго, котораго онъ, для бо́льшаго эффекта, называетъ русскимъ ученымъ, потому только, что нѣсколько времени онъ жилъ въ Кіевѣ, Лапинскій вычеркиваетъ русскихъ изъ семьи славянъ и изъ племени индо-европейскаго, лишаетъ ихъ имени русскихъ, велитъ имъ именоваться московитами или москалями, выводитъ происхожденіе ихъ отъ смѣшенія татаръ съ финнами и назначаетъ имъ мѣсто въ племени туранскомъ. Положивъ своему изслѣдованію такое основаніе, подкрѣпляемое такимъ авторитетомъ, какъ Духинскій, авторъ обращается къ происхожденію черкесовъ, которое онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: слово «черкесъ» весьма древнее и состоитъ изъ двухъ турко-татарскихъ словъ: «черъ» или «чаръ» — искать и «кесъ» — хищничать, убивать. Это слово, по мнѣнію его, служило сначала названіемъ разбойничьей вольницѣ, возникшей на берегахъ Днѣпра, въ которой главный элементъ составляли татары-москали и къ которой присоединялись потомъ бѣглецы разныхъ народностей. Главное пребываніе этой вольницы было на Днѣпрѣ, гдѣ и понынѣ находится городъ Черкасы. Когда же бѣглецы изъ Польши и Малороссіи стали умножаться среди черкесской вольницы, и такимъ образомъ славянскій элементъ началъ въ ней преобладать, тогда часть ея, состоящая изъ татаръ (въ томъ числѣ и москалей) удалилась на Донъ и основала тамъ новые Черкасы или новый Черкаскъ; оставшіеся же на Днѣпрѣ начали называться кайсаками, а потомъ уже казаками. Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ раздѣленіе Лапинскимъ казаковъ вообще по народностямъ: только

---

[1]) Дальнѣйшій разборъ сочиненія Погмова не принадлежитъ къ моей задачѣ; но я считаю обязанностью выразить мое мнѣніе, что это сочиненіе, при отсутствіи хронологіи и при другихъ важныхъ недостаткахъ, содержитъ довольно интересные предметы по части преданій, народныхъ повѣрій, обычаевъ и пѣсенъ, которые могутъ служить пособіемъ для будущаго исторіографа черкесскаго народа.

днѣпровскіе казаки—говоритъ онъ—сохраняютъ въ себѣ славянскую кровь; донскіе произошли отъ смѣшенія татаръ съ москалями, а оренбургскіе представляютъ смѣсь татаръ, турокъ, башкиръ, тунгусовъ, киргизовъ, туркомановъ, калмыковъ и москалей! Далѣе слѣдуетъ у Лапинскаго довольно запутанное сказаніе о томъ, какъ московскіе великіе князья притѣсняли вышеозначенныхъ удалившихся на Донъ черкесовъ, желая распространить между ними восточно-христіанскую вѣру, какъ часть изъ нихъ удалилась далѣе на востокъ и поселилась на равнинахъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, къ сѣверу отъ рѣкъ Кубани и Терека. Удалившіеся такимъ образомъ на Кавказъ черкесы принесли съ собою—какъ говоритъ Лапинскій—дикіе татарскіе нравы и магометанскую религію. Тѣ изъ нихъ, которые поселились со стороны Терека, скоро слились съ народами Дагестана, принадлежащими туранскому и семитскому племенамъ. Но переселенцевъ на Кубани ожидала совсѣмъ иная участь. Здѣсь, именно на лѣвомъ берегу этой рѣки, черкесы встрѣтились съ народомъ, также воинственнымъ, какъ и они, но отличавшимся съ тѣмъ вмѣстѣ рыцарскими нравами и любовью къ свободѣ; народъ этотъ называетъ Лапинскій абазами. Оба народа—черкесы и абазы Лапинскаго, по сказанію его, вели между собою безпрерывную войну, которая окончилась въ пользу послѣднихъ. Побѣжденные черкесы искали защиты подъ стѣнами турецкихъ крѣпостей—Анапы и Суджука или селились на пустыхъ мѣстахъ при устьяхъ рѣчекъ—Псекупса, Пши и др., впадающихъ въ Кубань, гдѣ образовали вмѣстѣ съ абазами малыя общества: бжедуховъ, кемюргоевцевъ, мокошей, кирачаевцевъ, и т. д. По исчисленію Лапинскаго, едва пятьдесятъ семействъ черкесовъ смѣшались собственно съ абазами и поселились между ними. Но самая значительная часть ихъ двинулась въ Кабарду, покорила тамошнихъ жителей индо-европейскаго, туранскаго и семитскаго поколѣній и вмѣстѣ съ ними образовала смѣшанный народъ, который принялъ магометанскую вѣру черкесовъ, но удержалъ языкъ абазовъ. Переселеніе русскимъ правительствомъ запорожскихъ казаковъ съ Днѣпра на Кубань и донскихъ на Терекъ понудило послѣдніе остатки черкесовъ смѣшаться частью съ казаками, частью съ абазами и дагестанцами. Такъ описываетъ Лапинскій уничтоженіе на Кавказѣ своихъ черкесовъ, вмѣсто которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ принимать его же абазовъ. Что касается до существеннаго вопроса о генеалогической связи этихъ абазовъ съ другими извѣстными народами, то Лапинскій говоритъ рѣшительно, что они несомнѣнно принадлежатъ по *языку* и *происхожденію* къ индо-европейской расѣ,

такъ точно, какъ и сосѣди ихъ — княжескіе абазы, сванеты и осетины; въ Европѣ же кровными ихъ братьями должны почитаться албанцы или арнауты, потому-что и тѣ и другіе обитаютъ въ гористыхъ и притомъ восточныхъ берегахъ, — первые Чернаго, а вторые Адріатическаго моря! О родствѣ языка адыге съ индо-европейскимъ Лапинскій не представляетъ ни одного доказательства, ни одного даннаго. Но относительно происхожденія своихъ абазовъ онъ очень многорѣчивъ. Оставляя въ сторонѣ все то, что̀ не принадлежитъ собственно этому народу и болѣе относится до москалей, албанцевъ, грузинъ, армянъ, осетинъ и проч., сущность разсказа Лапинскаго заключается въ слѣдующемъ: у абазовъ (Лапинскаго) существуетъ преданіе, что предки ихъ пришли изъ страны, лежащей на юго-востокъ и что прежде они жили на берегахъ большой рѣки, называемой «Абаза». Дѣйствительно — прибавляетъ Лапинскій — на юго-востокѣ есть большая рѣка Абаза или Алаза и страна, по которой она протекаетъ, называлась Албаніей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія ландкарты; въ этомъ онъ находитъ подтвержденіе того, что абазы и албанцы — ближайшіе родичи. Самое имя «адыге», которымъ отличаютъ себя сѣверные отъ южныхъ или княжескихъ абазовъ, происходитъ отъ «аде» — потомъ или позже, и «ге» — приходить или быть, — значитъ позже-пришедшіе, изъ чего Лапинскій заключаетъ, что, слѣдуя съ юго-востока на сѣверо-западъ и достигнувъ восточныхъ береговъ Чернаго моря, они встрѣтили уже тутъ поселенія: армяно-грузинскія на югѣ и далѣе на сѣверъ, сперва греческія, а потомъ генуэзскія, съ которыми и перемѣшались; поэтому — говоритъ Лапинскій — поражаетъ наблюдателя большое число грузинскихъ физіономій, встрѣченныхъ имъ на югѣ Абазіи, греческихъ въ срединѣ и романскихъ на сѣверѣ [1]).

Такимъ образомъ, изъ сочиненія Лапинскаго мы видимъ прежде всего, что черкесы не должны называться черкесами, что ихъ неправильно такъ именуютъ русскіе, и что имъ слѣдуетъ быть абазами. Но народъ, о которомъ идетъ рѣчь, называютъ черкесами не одни русскіе, а также турки, болѣе всѣхъ съ ними знакомые, имѣвшіе съ ними ближайшія сношенія, религіозныя, политическія и торговыя, а наконецъ и прочіе европейцы, измѣняя только нѣсколько произношеніе этого слова по свойствамъ языковъ. По той же причинѣ, эллины прежде всѣхъ познакомившіеся съ народомъ, называютъ его *керкетами*, а рим-

[1]) Подробности заключаются въ сочиненіи Лапинскаго: «Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen». I Band, 1863.

ляне *черкетами*. Вотъ откуда происходитъ и русское имя этого народа — *черкесы*. Что касается до названія абазовъ, то оно принадлежитъ вовсе не черкесамъ, а ихъ сосѣдямъ—абхазамъ. Производство черкесовъ отъ днѣпровскихъ казаковъ, основаніе ими на Днѣпрѣ города Черкасы, а на Дону — Ново-Черкаска, удаленіе ихъ съ Днѣпра сперва на Донъ, а потомъ на Кубань и Терекъ, слитіе ихъ на востокѣ Кавказа съ единовѣрными жителями Дагестана, смѣшеніе ихъ на западѣ его, съ вновь переселенными московскимъ правительствомъ на Кубань казаками и частью только съ абазами и завоеваніе ими Кабарды— все это есть настоящій романъ, плодъ фантазіи Лапинскаго, совершенно несогласный съ историческими данными о происхожденіи и бытѣ съ одной стороны днѣпровскихъ или украинскихъ и донскихъ казаковъ, а съ другой — черкесовъ и абазовъ или абхазовъ. Вся эта путаница основана на созвучіи именъ народа черкесовъ съ городами — Черкасами и Ново-Черкаскомъ, изъ которыхъ послѣдній основанъ въ новѣйшее время не жителями перваго, а обитателями *стараго Черкаска* на Дону, по случаю наводненія этого города ежегоднымъ разливомъ рѣки, почему и получилъ онъ названіе *Новаго-Черкаска*. Гоняться за созвучіемъ именъ, не обращая никакого вниманія на исторію народовъ, ведетъ всегда изслѣдователя къ важнымъ промахамъ и заблужденіямъ, чему Лапинскій представляетъ много примѣровъ въ своемъ сочиненіи. Мнѣніе его о томъ, что донскіе казаки образовались отъ смѣшенія татаръ съ москалями, а оренбургскіе представляютъ смѣсь этихъ народовъ еще съ турками, калмыками, туркоменами и тунгусами,—доказываетъ совершенное незнаніе Лапинскимъ географіи. Какъ онъ грѣшитъ здѣсь противъ этой науки, въ той же мѣрѣ искажаетъ онъ исторію, говоря, что казаки удалились сперва съ Днѣпра на Донъ, а потомъ оттуда на Кубань и Терекъ отъ притѣсненій московскихъ великихъ князей, которые старались насильно ввести между ними восточную христіанскую вѣру. Напротивъ того, исторія намъ показываетъ, что днѣпровскіе или украинскіе казаки не только всегда были христіане сами, но и отличались непоколебимою преданностью къ православной вѣрѣ и вели за сохраненіе ея кровопролитныя войны съ поляками, которые старались всѣми насиліями ввести у нихъ католицизмъ, но не могли достигнуть своей цѣли. За этимъ историческимъ искаженіемъ слѣдуетъ другой, не менѣе важный промахъ Лапинскаго, удостовѣряющаго, что казаки, поселившіеся на востокѣ Кавказа, смѣшались скоро съ единовѣрными имъ дагестанцами (т. е. магомстанами), но на западѣ это смѣшеніе послѣдовало въ самомъ маломъ размѣрѣ.

Поселеніе запорожскихъ казаковъ на Кубани, донскихъ, волжскихъ, хоперскихъ и др., какъ на кубанской, такъ и на терекской военныхъ линіяхъ, послѣдовало по распоряженію русскаго правительства — для защиты сперва нашихъ укрѣпленій близъ устья Терека и потомъ по расширенію нашихъ владѣній — для огражденія отъ горцевъ, вообще нашей границы, простирающейся между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Эти поселенцы, извѣстные нынѣ подъ именемъ черноморскихъ и линейныхъ казаковъ, никогда не принимали магометанской вѣры, никогда не смѣшивались съ горцами, а напротивъ того, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Кавказа находились съ ними въ непримиримой враждѣ. Это знаетъ всякій, кому сколько-нибудь знакомы событія на Кавказѣ; это должно быть совершенно извѣстно и Лапинскому, бывшему свидѣтелемъ кровавыхъ стычекъ казаковъ съ черкесами и взаимной ихъ другъ къ другу ненависти.

Но все вышесказанное не можетъ сравниться съ искаженіемъ истины, основанной на историческихъ, филологическихъ и этнографическихъ изысканіяхъ, а именно, что русскіе принадлежатъ къ славянской семьѣ и къ индо-европейскому или арійскому поколѣнію. Въ опроверженіе этой истины, Лапинскій не могъ представить никакихъ научныхъ доказательствъ, но просто ссылается на Духинскаго, изобрѣтателя дикой мысли о происхожденіи народа русскаго отъ смѣшенія татаръ съ финнами, присовокупивъ къ тому, что будто бы мнѣніе его раздѣляютъ «отличнѣйшіе географы, этнографы и историки». Но кто же эти отличнѣйшіе ученые? Лапинскій не указываетъ ни на одного. Путеводитель его Духинскій, въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Парижѣ, ссылается въ этомъ случаѣ на своего друга Ганри-Мартена, занимающагося французскою исторіею. Далѣе его и нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ и журналистовъ, горячо сочувствующихъ, по разнымъ причинамъ, такъ-называемому польскому вопросу и враждебныхъ Россіи, — мы никого не видимъ. Между тѣмъ, принадлежность народа русскаго къ славянской семьѣ и къ индо-европейскому племени признана положительною истиною отъ всѣхъ филологовъ и этнографовъ, которые только посвящаютъ труды свои чисто одной наукѣ, не унижая ея своекорыстными видами. Конечно, можно иногда заблуждаться въ мнѣніяхъ, но искажать намѣренно, съ какою-либо политическою или другою цѣлью, истину, освященную наукою, болѣе чѣмъ предосудительно.

Въ заключеніе своего мнѣнія о происхожденіи своихъ абазовъ отъ индо-европейскаго корня, Лапинскій вновь прибѣгаетъ

къ предположеніямъ и употребляетъ для того свой любимый способъ — пользоваться созвучіемъ словъ.

У абазовъ (нашихъ черкесовъ) существуетъ будто бы преданіе, что предки ихъ вышли изъ страны, лежащей на юго-востокъ. По этому направленію Лапинскій встрѣчаетъ рѣку, по его выраженію «Абазу», которая однакожъ называется «Алазанью». По теченію этой рѣки находилась въ древности страна, которая называлась Албаніею. Изъ этого Лапинскій выводитъ заключеніе, что первоначальное жительство народа было на рѣкѣ Абазѣ и въ странѣ, носившей названіе Албаніи, которую онъ оставилъ позже другихъ кавказскихъ народовъ. А какъ и понынѣ существуетъ народъ въ Европѣ, извѣстный подъ именемъ «албанцевъ», то они должны быть, по мнѣнію Лапинскаго, самыми кровными родичами его абазовъ, тѣмъ болѣе, что «эти живутъ въ гористыхъ, восточныхъ берегахъ Чернаго моря, и албанцы обитаютъ въ гористыхъ же восточныхъ берегахъ Адріатическаго моря». Подобные выводы и заключенія не заслуживаютъ серьознаго опроверженія и, представляя одну только фантазію, доказываютъ, какъ легко обращается авторъ съ научными предметами. О родствѣ же языка «адыге» съ индо-европейскими языками, какъ мы уже сказали, не представляетъ Лапинскій никакихъ данныхъ, между тѣмъ, какъ изысканіями по этому предмету онъ могъ бы оказать важную услугу филологіи и этнографіи. Живя три года среди народа, котораго такъ изучалъ онъ свойства, нравы и обычаи, Лапинскій могъ бы то же сдѣлать и относительно языка его. Такимъ образомъ, изъ всего его сказанія, исполненнаго промаховъ, несообразностей и намѣренныхъ искаженій истины, мы можемъ воспользоваться развѣ только тѣми данными, которыми онъ доказываетъ близкое родство своихъ вольныхъ абазовъ или нашихъ черкесовъ, съ его же княжескими абазами или нашими абхазами, хотя и тутъ нельзя принять его мнѣнія, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ.

Необыкновенное явленіе въ исторіи народовъ представляютъ намъ черкесы и абхазы. Тогда-какъ въ другихъ мѣстахъ Европы и Азіи и сѣверной Африки народы перемѣшивались между собою, перекрещивались и какъ бы переваривались въ горнилахъ, когда изъ этихъ горнилъ вытекали народы съ обновленными силами физическими и духовными, когда они созидали государства, достигшія въ Европѣ высшей степени соціальнаго и политическаго развитія, которымъ суждено нынѣ располагать судьбами народовъ не только въ старомъ, но и въ новомъ свѣтѣ,— въ это время, черкесы и абхазы, за самыми малыми исключеніями, оставались въ одномъ и томъ же первобытномъ положе-

ніи и не выходили изъ своей среды. Болѣе двадцати столѣтій пронеслось надъ ихъ головами, впродолженіе которыхъ въ другихъ мѣстахъ происходили коренные перевороты, падали государства и возникали новыя, даже въ самомъ Кавказѣ, — но народы, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, оставались тѣми же черкесами, какими мы знали ихъ до послѣдняго ихъ выселенія, тѣми же абхазами, какіе намъ понынѣ представляются. Причинъ этого удивительнаго явленія искать, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сколько въ особомъ топографическомъ положеніи страны, занимаемой этими народами съ древнѣйшихъ временъ, столько же и въ особенныхъ типическихъ ихъ свойствахъ. Ихъ ограждали, съ одной стороны, непроходимыя ущелья, покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ сѣверо-западнаго Кавказскаго хребта, а съ другой — море, недаромъ долгое время носившее названіе враждебнаго (axenus) [1]). Въ этомъ недоступномъ мѣстѣ, въ глубь котораго не могли проникнуть ни мечъ смѣлаго непріятеля, ни цивилизація съ своими благодѣтельными плодами, черкесы и абхазы упорно сохраняли свой типическій характеръ, главныя черты котораго составляли: личная свобода, доходящая до страсти, необуздываемой соціальными условіями, личная храбрость, неограниченная никакою дисциплиною, необыкновенное умѣнье вести оборонительную войну въ своихъ предѣлахъ, для защиты своей независимости, ревнивое отчужденіе отъ другихъ народовъ, и наконецъ—отсутствіе способности къ внутреннему развитію, отчего черкесы и абхазы не выходили изъ состоянія общинъ или клановъ и не могли достигнуть до образованія отдѣльныхъ государствъ, въ прямомъ смыслѣ этого выраженія. Самая религія, сперва христіанская, потомъ магометанская, такъ могущественно дѣйствовавшая на другіе народы, не произвела существенныхъ измѣненій въ соціальномъ положеніи черкесовъ и абхазовъ, которые не подвергались существеннымъ измѣненіямъ, потому-что народы пребывали въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ среды, ихъ окружающей *).

Евг. Ковалевскій.

---

[1]) Впослѣдствіи же оно замѣнено греками, основавшими торговыя мѣста по восточному берегу Понта, именемъ Euxinus — гостепріимнаго.

*) Окончаніе рукописи не найдено до сихъ поръ въ бумагахъ Евг. П. Ковалевскаго. Послѣдняя фраза приписана имъ на поляхъ, и при послѣднемъ словѣ помѣщенъ значекъ, откуда видно, что авторъ имѣлъ въ виду связать эту приписку съ содержаніемъ слѣдующей, не дошедшей до насъ страницы. — *Ред.*

II.

ГОРНЫЕ ЧЕРЕМИСЫ

КАЗАНСКАГО КРАЯ.

(Изъ наблюденій очевидца.)

Горные черемисы занимаютъ своими поселеніями уголъ, образуемый впаденіемъ Суры въ Волгу и составляющій часть Козмодемьянскаго уѣзда Казанской губерніи; небольшая только часть ихъ переходитъ за Суру въ Васильскій уѣздъ Нижегородской губерніи. Это племя большого черемисскаго народа составляетъ самую энергическую, талантливую и образованную часть его, стоитъ по своему развитію едва ли не выше всѣхъ нашихъ инородцевъ восточнаго края, за исключеніемъ развѣ татаръ. Собратья горныхъ черемисъ—черемисы луговые, по лѣвому берегу Волги, доселѣ еще живутъ старинною лѣсною жизнью своихъ отцовъ и дѣдовъ, верстъ за 100 отъ селеній бродятъ по лѣсамъ за своимъ звѣринымъ промысломъ, отличаются тупостью, упрямой приверженностью къ сусвѣрной старинѣ, отсутствіемъ общительности, угрюмымъ и нелюдимымъ характеромъ и отвращеніемъ отъ русской цивилизаціи. Горные черемисы, напротивъ, всѣ занимаются земледѣліемъ, живутъ сплоченно и въ близкихъ связяхъ съ русскими, живо усвоиваютъ себѣ разныя рукодѣлія и ремесла (такъ-что у нихъ есть по деревнямъ, наприм., свои кузнецы, плотники, каменьщики, столяры, даже мастера золотыхъ и серебряныхъ вещей), наконецъ, заводятъ у себя школы для обученія дѣтей. Грамотность развита между ними до такой

степени, что въ каждой черемисской деревнѣ непремѣнно найдете человѣкъ десять грамотниковъ. Всѣ они числятся христіанами, хотя, на самомъ дѣлѣ, язычество довольно сильно между ними. Многіе изъ нихъ—преимущественно люди стараго поколѣнія—не только придерживаются старинныхъ обрядовъ, гаданій, примѣтъ и тому подобныхъ остатковъ язычества, но еще довольно ясно помнятъ и старыхъ боговъ, приносятъ имъ жертвы и почитаютъ языческихъ волхвовъ или ворожниковъ, какъ они здѣсь называются.

Лѣтъ десять тому назадъ, по всему краю началось замѣчательное религіозное движеніе, которое теперь находится въ полномъ разгарѣ. Одинъ молодой черемисъ лѣтъ 25-ти, Михаилъ Герасимовъ, человѣкъ грамотный и очень благочестивый, взялся за дѣло народнаго учителя и принялся обращать своихъ суевѣрныхъ земляковъ въ христіанство. Ходя съ проповѣдью по деревнямъ, онъ въ короткое время имѣлъ замѣчательный успѣхъ, о какомъ трудно и мечтать русскому священнику. Около 4,000 человѣкъ сдѣлались самыми усердными христіанами, и бо́льшая часть изъ нихъ у того же Герасимова научились грамотѣ. Какъ всегда бываетъ въ началѣ христіанства, всѣ новообращенные, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, отличались аскетическимъ направленіемъ благочестія. Человѣкъ десять изъ нихъ вмѣстѣ съ Герасимовымъ удалились изъ деревень въ глубину присурскаго лѣса, построили кельи, накопали пещеръ и стали спасаться. Они пожелали устроить тутъ настоящій монастырь, который, по ихъ рѣшенію, былъ бы средоточіемъ христіанства и грамотности для всего Черемисскаго края, и завести при немъ школу. Въ 1864 году было ими подано объ этомъ прошеніе въ св. Синодъ.

Языческая партія черемисъ, разумѣется, отъ всей души ненавидѣла Герасимова; однажды его такъ избили, что онъ недѣль пять лежалъ при смерти. Отъ будущаго монастыря язычники боялись страшнаго подрыва для своихъ вѣрованій и рѣшились противодѣйствовать устроенію его. Монастыря не желали и нѣкоторые люди изъ христіанъ, изъ русскихъ. Въ томъ же году на Герасимова поданъ двойной доносъ: въ распространеніи раскола и въ порубкѣ казеннаго лѣса на мѣстѣ его отшельничества. Обвиненіе въ расколѣ не пошло въ ходъ; у насъ, какъ извѣстно, расколъ не прививается къ инородцамъ, ничего не понимающимъ, ни старины, ни новшествъ въ богослуженіи, и остается спеціальнымъ произрастеніемъ великорусской религіозности. О порубкѣ лѣса началось слѣдствіе. Какъ оно производилось — дѣло намъ темное; кончилось же тѣмъ, что Герасимовъ, по своему четиминейному направленію не желавшій оправ-

дываться, былъ присужденъ къ уплатѣ 470 рублей и заключенъ въ козмодемьянскій острогъ на полтора года. Дѣло о монастырѣ остановилось на время, но не совсѣмъ.

Герасимовъ оставилъ послѣ себя нѣсколько ревностныхъ учениковъ, которые, послѣ его заключенія, приняли на себя всѣ его труды относительно просвѣщенія края и устройства монастыря. Одинъ изъ этихъ учениковъ, Иванъ Захаровъ, нѣсколько разъ ходилъ въ Петербургъ, не говоря уже о Казани, съ прошеніями въ св. синодъ, оберъ-прокурору, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ лица всѣхъ православныхъ черемисъ, разъяснялъ все дѣло и просилъ о переслѣдованіи его. Между тѣмъ, по всему Черемисскому краю шла подписка на устроеніе монастыря. Въ настоящее время подписная сумма простирается до 6,226 рублей, не считая при этомъ обѣщанныхъ пожертвованій натурою со стороны крестьянъ и трудомъ со стороны черемисскихъ мастеровыхъ: — цифра почтенная для деревенскихъ жителей и достаточно свидѣтельствующая объ ихъ усердіи къ христіанству. Много обѣщано пожертвованій и со стороны русскихъ. Есть надежда, что энергическія усилія Захарова и другихъ вождей этого дѣла скоро увѣнчаются успѣхомъ. Настоящій г. оберъ-прокуроръ св. синода обратилъ особенное вниманіе на просвѣщеніе инородцевъ; можно надѣяться, что онъ поддержитъ скромное начало, положенное въ пользу черемисскаго просвѣщенія самими черемисами. Будучи лично знакомы съ главными народными учителями черемисъ, мы можемъ увѣрить въ ихъ полной добросовѣстности, православіи, а также въ удивительной успѣшности ихъ самоотверженной проповѣди.

Ученики Герасимова, послѣ его заключенія*), продолжаютъ съ большими успѣхами дѣло пропаганды грамотности и христіанства. Каждый праздникъ до обѣдни и послѣ обѣдни, они собираютъ около себя толпы черемисъ и толкуютъ имъ разныя мѣста св. Писанія и важнѣйшіе пункты христіанскаго вѣроученія и нравственности. Ходя по домамъ, учатъ грамотѣ, опровергаютъ старинныя суевѣрія, увѣщеваютъ не ходить къ ворожникамъ, не приносить жертвъ и, по мѣрѣ возможности, стараются мѣшать этимъ жертвамъ, когда нѣсколько суевѣрныхъ людей вздумаютъ удалиться въ лѣсъ для умилостивленія Юмы или Кереметя.

---

*) Безъ сомнѣнія, нашъ почтенный авторъ и наблюдатель не относитъ этого заключенія Герасимова къ числу фактовъ, доказывающихъ особенное вниманіе съ нашей стороны къ просвѣщенію инородцевъ, о чемъ онъ свидѣтельствовалъ выше. Дѣло Герасимова — эпизодъ весьма любопытный, и конечно авторъ не остановился на немъ дольше только потому, чтобы не упускать изъ виду главной цѣли своихъ наблюденій. — *Ред.*

Славянизація края при такихъ обстоятельствахъ идетъ быстрыми шагами впередъ. Какихъ-нибудь 20 лѣтъ назадъ, черемисская народность была здѣсь еще въ полной силѣ со всѣми своими нравами, обычаями, житейскою обстановкой и вѣрованіями. Теперь ея особенности сильно сгладились. Молодое поколѣніе черемисъ, даже женщины, отлично владѣютъ русскимъ языкомъ; многіе даже довольно сносно пишутъ на немъ. У насъ есть нѣсколько записокъ по миѳологіи, составленныхъ для насъ двумя знакомыми намъ черемисами; эти записки написаны грамотно и даже складно, легко могутъ быть понятны при самомъ бѣгломъ чтеніи. Между молодымъ поколѣніемъ развелось множество людей, подражающихъ русскимъ обычаямъ; къ своей старинѣ, ко всему черемисскому они относятся уже съ презрѣніемъ. Смѣнится еще поколѣнія два, три—и весь край, навѣрное, совершенно обрусѣетъ, особенно, если правительство поддержитъ нынѣшнее стремленіе черемисъ къ образованію своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ ему.

Религіозныя вѣрованія старины пропадаютъ быстро. Христіанство гонитъ старыхъ боговъ изъ всѣхъ уголковъ нагорной стороны Волги въ трущобы заволжскихъ лѣсовъ, гдѣ луговой черемисинъ еще благоговѣетъ предъ дѣдовскими суевѣріями. Язычество выдвинуло противъ христіанства своихъ волхвовъ, ворожниковъ, которые напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать народнымъ учителямъ. По всему черемисскому краю идетъ теперь интереснѣйшая борьба между старой и новой вѣрой, въ которой можно найти живой комментарій для скудныхъ извѣстій нашей древней исторіи о такой же борьбѣ, бывшей когда-то въ славянскомъ мірѣ. Язычеству приходится очень плохо. Священныя мѣста его запустѣли; керемети вырублены; богослуженіе не можетъ совершаться публично и со всею торжественностью, принуждено прятаться въ недоступныхъ для церкви и полиціи темныхъ углахъ семьи. На сторонѣ христіанства сила и большинство народонаселенія. Даже закоренѣлый кереметникъ идетъ теперь въ церковь и приглашаетъ къ себѣ духовенство для совершенія христіанской требы «изъ стыда», какъ говорятъ сами черемисы, слѣдовательно, не изъ одного страха предъ начальствомъ, но и изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ [1]).

Суевѣрные люди видятъ сны и видѣнія, которыя грозятъ бѣдами народу за оставленіе боговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обна-

[1]) Подробное изложеніе этой борьбы христіанства съ язычествомъ см. въ нашей корреспонденціи о религіозномъ состояніи черемисъ, помѣщенной въ «Прав. Обозрѣніи» 1866 года, октябрь и ноябрь.

руживаютъ близкій упадокъ язычества. Одному черемисину явился грозный нѣкогда и сильный *Кирдывадыш* (желѣзный духъ); сидитъ себѣ въ углу, пригорюнившись, такой блѣдный и худой, и жалуется на плохія времена, что черемисы не кормятъ его больше жертвами. Другой черемисинъ разсказывалъ, что ему являлись боги и сказали, что они скоро совсѣмъ оставятъ нагорный край. Имъ стало нечего ѣсть; Герасимовъ съ Захаровымъ весь хлѣбъ отбили; теперь они только кое-какъ побираются по міру, гдѣ хлѣба имъ отломятъ, гдѣ пива немного отольютъ, — тѣмъ и сыты. По всему этому и приходится перебраться на ту сторону Волги, гдѣ среди привольныхъ лѣсовъ осталось много еще и вовсе некрещеныхъ черемисовъ. Православные черемисы, посмѣиваясь, желаютъ имъ счастливаго пути.

Въ черемисской миѳологіи замѣчаются неизбѣжныя слѣдствія столкновенія ея съ христіанствомъ. Появились заимствованія христіанскихъ народныхъ сказаній, которыя значительно измѣнили характеръ собственно черемисскихъ сказаній; многія старыя вѣрованія и обряды уничтожились и даже забылись черемисами; въ понятіяхъ о богахъ видимъ путаницу; являются новыя божества изъ предикатовъ другихъ божествъ, и, наоборотъ, божественныя личности обращаются въ предикаты; на-ряду съ юмами, народъ приноситъ жеребятъ и зайцевъ въ жертву св. Николаю чудотворцу, казанскому чудотворцу Варсонофію, казанской Богородицѣ и т. д. Въ языческомъ мірѣ такимъ образомъ открылось двоевѣріе, которое составляетъ необходимое явленіе при началѣ христіанства въ каждой странѣ. Въ какія-нибудь 20 лѣтъ послѣдняго времени успѣло столько воды утечь, что сами черемисскіе ворожники сознаются теперь въ незнаніи, въ забвеніи многихъ вещей, которыя были извѣстны недавно умершимъ старикамъ. Теперешніе старики можетъ быть и вовсе унесутъ съ собою старыя вѣрованія въ могилу, потому-что молодое поколѣніе черемисъ чуть не все уже перешло на сторону христіанства.

Такъ, почти на нашихъ глазахъ, удаляются въ область исторіи языческія вѣрованія цѣлаго инородческаго племени, которое играло нѣкогда первостепенную роль въ восточномъ краѣ Россіи. Изслѣдователю этихъ вѣрованій и теперь уже приходится не разъ останавливаться въ недоумѣніи передъ досадными и ничѣмъ невознаградимыми пробѣлами въ ряду фактовъ и, если онъ уже очень любитъ полноту и систему, утѣшать себя какой-нибудь болѣе или менѣе удачной гипотезой. Нужно спѣшить изслѣдованіями, чтобы, хоть на сколько-нибудь, уловить характеристическія черты этихъ вѣрованій, удержать въ памяти физіо-

номію этого вымирающаго язычества. Считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что черемисская миѳологія изслѣдована у насъ очень неудовлетворительно. Нѣсколько бѣглыхъ очерковъ—и то съ грѣхомъ и риторикой пополамъ—вотъ все, что̀ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи наша литература. Самыми полными и наиболѣе удовлетворительными изслѣдованіями по миѳологіи черемисъ доселѣ остаются, не смотря на ихъ недостатки: «Записки о чувашахъ и черемисахъ» г-жи Фуксъ; статья неизвѣстнаго автора: «О религіи некрещеныхъ черемисъ Казанской губерніи» (Этногр. Сборн. 1858 г. кн. IV); г. Нурминскаго «Очеркъ религіозныхъ вѣрованій черемисъ» (Прав. Собес. 1862 г., декабрь), и отдѣлъ о черемисскихъ вѣрованіяхъ въ «Описаніи Оренбургской губерніи» Черемшанскаго (1859, г. Уфа). О религіи горныхъ черемисъ въ частности вовсе нѣтъ изслѣдованій. Замѣтки о ней, помѣщенныя въ статьѣ о горныхъ черемисахъ Казанскаго края о. Яблонскаго (Соврем. Листокъ, 1865 г. № 50), заимствованы цѣликомъ изъ статьи г. Нурминскаго и не имѣютъ мѣстнаго значенія.

Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ касательно источника, изъ котораго мы почерпали свои свѣдѣнія. На нашу долю выпало счастіе, рѣдко встрѣчающееся изслѣдователямъ инородческихъ племенъ. Извѣстно, что наши инородцы, особенно черемисы, очень скрытны относительно своихъ вѣрованій предъ русскими. У черемисовъ считается тяжкимъ грѣхомъ даже упомянуть о какомъ-нибудь священномъ предметѣ на русскомъ языкѣ. Одинъ черемисскій грамотникъ, именно Иванъ Захаровъ, прочтя статью г. Нурминскаго, возъимѣлъ благую мысль поправить и дополнить находящіяся въ ней свѣдѣнія, сталъ искать человѣка, который послужилъ бы ему своимъ перомъ и столкнулся съ нами. Въ длинныхъ бесѣдахъ онъ сообщилъ намъ все, что̀ могъ припомнить, о чемъ его спрашивали; не удовольствовался этимъ — сталъ еще составлять для насъ записки вмѣстѣ съ другимъ черемисиномъ Андреемъ Кирилловымъ, однимъ изъ самыхъ начитанныхъ и вліятельныхъ народныхъ учителей. Чего сами не могли припомнить или понять, объ этомъ они наводили справки у одного бывшаго ворожника, знатока черемисской старины, недавно обратившагося въ христіанство. Мало по малу составился у насъ сборъ фактовъ, на основаніи которыхъ мы могли провѣрить извѣстныя изслѣдованія о черемисской миѳологіи горнаго края и составить болѣе полное и вѣрное представленіе объ ней. Собранныя нами свѣдѣнія намъ удалось потомъ провѣрить на мѣстѣ разспросами у другихъ черемисъ и у мѣстнаго духовенства, которое, замѣтимъ кстати, отличается до-

вольно рѣдкимъ образованіемъ и усердіемъ къ своему дѣлу. Одинъ изъ священниковъ этаго края, о. Ястребовъ, около 20 лѣтъ изучаетъ черемисскій языкъ, издалъ на немъ сочиненіе преосв. Григорія: «День св. жизни», написалъ совершенно оригинальную грамматику и первый еще въ мірѣ лексиконъ черемисскаго языка. Къ величайшему сожалѣнію бѣдность не позволяетъ ему издать въ свѣтъ двухъ послѣднихъ произведеній, не смотря на всю ихъ капитальность.

Излагая наши свѣдѣнія о язычествѣ горныхъ черемисъ, мы беремъ на себя скромную обязанность лишь добросовѣстно представить факты, какъ они намъ переданы, отлагая пока свое крайнее разумѣніе этихъ фактовъ и ихъ ученую разработку въ сторону, чтобы чѣмъ-нибудь не уничтожить ихъ свѣжести и правды.

Въ настоящее время, Черемисскій край Козмодемьянскаго уѣзда представляетъ собою сплошное пространство пахатныхъ земель, прерывающееся небольшими перелѣсками по глубокимъ оврагамъ этой гористой мѣстности. Только вдоль Суры—верстъ на 15 въ ширину и около 50 въ длину, отъ Волги до Ядрина—тянется старый и густой дубовый лѣсъ, въ которомъ; кромѣ хижинъ полѣсовщиковъ и пчеловодовъ, нѣтъ никакихъ другихъ поселеній. Но еще и теперь старожилы помнятъ, что весь этотъ край былъ покрытъ густымъ чернолѣсьемъ. Когда-то онъ представлялъ такую же лѣсную трущобу изъ дубовъ и березъ, какъ берега Суры и Заволжье.

Черемисское племя и здѣсь, какъ за Волгой, воспиталось среди лѣсовъ, и доселѣ еще замѣтны черты его прежняго лѣсного характера. Доселѣ еще горный черемисинъ хранитъ въ душѣ любовь къ лѣсу и всегда съ большимъ удовольствіемъ ѣдетъ на Суру. Не имѣя теперь лѣса по близости своей деревни, онъ удовлетворяетъ своей страсти искусственнымъ разведеніемъ деревъ на своемъ дворѣ. При каждомъ деревенскомъ домѣ вы найдете непремѣнно небольшой садъ изъ кудрявыхъ березъ, рѣдко изъ плодовыхъ деревъ; хозяинъ особенно любитъ это мѣсто; оно обнесено крѣпкимъ плетнемъ или даже заборомъ, чтобы туда не заходила скотина, и содержится въ большой чистотѣ. Отъ множества этихъ садовъ черемисская деревня имѣетъ особенную физіономію, рѣзко отличающую ее отъ русскихъ деревень. Въ послѣднихъ рѣдко можно увидать другую зелень, кромѣ грязнаго луга по улицѣ да крапивы на околицѣ; чере-

мисская деревня вся спрятана въ густой, веселой зелени березъ, имѣетъ видъ скорѣе увеселительной дачи, чѣмъ простой деревни. Лѣсъ наложилъ особенный характеръ и на религіозныя вѣрованія черемисъ. По всей вѣроятности, религія черемисъ имѣла свой періодъ фетишизма, непосредственнаго обожанія предметовъ природы. Обожаніе растительности должно было играть при этомъ самую главную роль. Слѣды его хранятся доселѣ въ благоговѣйномъ почитаніи разныхъ лѣсныхъ урочищъ и нѣкоторыхъ видовъ растительности, пользующихся важнымъ значеніемъ въ религіозныхъ обрядахъ.

Среди своего чернолѣсья черемисъ особенно благоговѣлъ передъ березой. Она всегда была самымъ полезнымъ деревомъ въ его быту: березовой лучиной онъ освѣщалъ свою избу въ длинныя ночи; березой топилъ свою печь; корой ея онъ доселѣ кроетъ свою кровлю; изъ этой же коры состоитъ его домашняя посуда, кузовья, бураки и проч.; изъ нея онъ дѣлалъ себѣ въ старину высокую шапку, и замѣчательно, что такія высокія берестовыя шапки считаются доселѣ необходимою принадлежностью черемисскаго убранства при совершеніи языческихъ жертвоприношеній и молитвъ. Мѣстами жертвенныхъ обрядовъ, большею частью, служатъ березовыя рощи; въ нихъ же помѣщаются и разные керемети. Другое особенно почтенное дерево—рябина. Судя по нѣкоторымъ повѣрьямъ и обрядамъ, она имѣетъ очистительную и предохранительную силу отъ всякаго колдовства и дѣйствія злыхъ духовъ. Замѣчательно, что такое же вѣрованіе въ силу рябины находится и въ числѣ русскихъ суевѣрій. Рябиновый прутъ или палка постоянно служатъ волшебнымъ жезломъ въ рукахъ черемисскихъ ворожниковъ.

Періодъ фетишизма, какъ видится, уже миновалъ для черемисской религіи. Она успѣла достигнуть дальнѣйшей степени развитія, создать себѣ множество личныхъ боговъ, надѣлить ихъ болѣе или менѣе спеціальными вѣдомствами и создать нѣсколько миѳическихъ сказаній изъ ихъ исторіи и повседневной жизни. Между богами замѣтны начатки іерархіи, подчиненности; изъ сопоставленія ихъ между собою начала̀ смутно возникать идея одного главнаго бога, которому подчинены всѣ остальные.

Верховный богъ, общій для всѣхъ народовъ, называется *Юма*. Ему присвояются разные предикаты; въ отношеніи ко множеству другихъ боговъ онъ называется *когд-Юма*, большой (на̀большій) богъ; другіе предикаты: *кугужа* (вседержитель), *тэмемъ* (древній, старшій), *ханъ* (владыка), *пудерша* (творецъ), *ошъ* (бѣлый, сѣдой), *сотня* (отъ *сота* — свѣтъ) или просто *свѣтъ*. Во время молитвенныхъ воззваній къ Юмѣ замѣчательно утрое-

ніе его имени, каждый разъ съ новымъ эпитетомъ, наприм., «свѣтъ-когò-Юма! свѣтъ ханъ когò-Юма! свѣтъ пудерша!» или: «тэмемъ когò-Юма! тэмемъ ханъ когò-Юма! тэмемъ пудерша!» и т. д. [1]). Обычная жертва при моленіи Юмѣ — одношерстный (всего приличнѣе бѣлой шерсти) неѣзжаный жеребенокъ.

Представленія черемисъ о своемъ верховномъ божествѣ очень грубы. На него перенесены всѣ черты обыкновеннаго деревенскаго быта черемисина. У Юмы на небѣ отличная изба и такъ много всякаго добра, что самый богатый человѣкъ передъ нимъ — нищій. У него огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ; когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видишь, а задній еще не вытянулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юма со всей семьей постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Онъ такъ занятъ этой работой и собой, что долго не обращалъ на людей рѣшительно никакого вниманія и не имѣлъ въ землѣ ни малѣйшаго отношенія. Вотъ одна легенда, показывающая, какъ началась связь Юмы съ землей; заимствуемъ эту легенду изъ статьи г. Нурминскаго,—самимъ намъ слышать ее не удавалось.

У Юмы была дочь прекрасная, а жениховъ на небѣ не было; были одни только ангелы. Богъ былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скоту нужно было спускаться на землю. Богъ и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, раскинетъ войлокъ, чтобы онъ доставалъ до земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: «дохъ, дохъ, дохъ!»—и лошади спускаются. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: «тпруна, тпруна!»—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: «ста, ста, ста!»—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: «Батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой; я отпасла скотину!» — и богъ опять отворяетъ небо, спускаетъ войлочекъ, и она влѣзаетъ на небо, а потомъ кричитъ скотину. Дочь божія пасла-пасла скотину, ходила-ходила, а жениховъ все нѣтъ. Разъ спустилась она на землю и увидала молодца; поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ она учила жениха: «Смотри, у меня отецъ-то богъ, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и меня увези, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ-нибудь на колъ. Онъ увидитъ

---

[1]) Черемисскія слова мы постоянно будемъ приводить по мѣстному козмодемьянскому произношенію, хотя при этомъ иногда и придется отступить отъ принятаго въ печати начертанія ихъ.

этотъ платокъ, тутъ и будетъ меня искать; не найдетъ и скажетъ: умерла.» Такъ и сдѣлалось. Черезъ два года они пришли къ отцу и сказали ему всю правду. Помирились, и на мировой былъ большой пиръ. Приданаго богъ далъ много. Съ этихъ поръ богъ и сталъ знакомъ людямъ.—Въ этомъ сближеніи неба и земли чрезъ дѣву г. Нурминскій видитъ нѣкоторую мистическую мысль. Для насъ эта легенда интересна главнымъ образомъ по яркой характеристикѣ верховнаго бога и божеской жизни на небѣ.

Юма есть богъ всеобщій. Черемисы думаютъ, что кромѣ него есть еще много національныхъ боговъ, наприм., богъ русскій, богъ татарскій, чувашскій и другіе. Это ученіе о національныхъ богахъ служитъ основаніемъ своего рода индифферентизма религіознаго, общаго всѣмъ нашимъ восточнымъ инородцамъ и татарской и финской расы. У всякаго народа своя вѣра, данная Юмой, какъ у всякаго дерева въ лѣсу свои листья—говорятъ черемисы. Люди говорятъ на 77 языкахъ; 77 языковъ—77 вѣръ. Замѣчательно, что нынѣшніе народные учители черемисъ прежде всего стараются опровергнуть эти положенія. Одинъ изъ этихъ учителей очень живо былъ заинтересованъ, когда узналъ, что въ «Православномъ Собесѣдникѣ» помѣщена статейка (1866 г., май), въ которой кто-то потрудился сосчитать, что на земномъ шарѣ существуетъ 3,064 извѣстныхъ языковъ и 1,100 извѣстныхъ религій; черемисскій проповѣдникъ тотчасъ же списалъ эту замѣтку для своей проповѣднической практики. Религіозный индифферентизмъ впрочемъ не простирается дальше той мысли, что всѣ 77 вѣръ даны Юмой, и отъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ нея отказывается. Хотя всѣ вѣры угодны Юмѣ, но онъ строго наказываетъ тѣхъ, которые измѣняютъ своей вѣрѣ.

Всѣ національные боги постоянно ссорятся и враждуютъ между собою, а Юма разбираетъ ихъ ссоры, призываетъ ихъ къ себѣ и судитъ. Кто собственно черемисскій національный богъ—на это довольно трудно отвѣтить. Какъ и всякій народъ, допускающій національныхъ боговъ, черемисы думаютъ, что именно Юма, верховный богъ, и есть ихъ національное божество: эта мысль проходитъ чрезъ всѣ религіозныя вѣрованія, но не выдерживается со всей строгостью. Одна, наприм., легенда разсказываетъ, какъ однажды Юма судилъ всѣхъ боговъ, въ числѣ которыхъ былъ и черемисскій богъ. Въ этой легендѣ между прочимъ выразился лѣсной характеръ черемисской религіи. Когда Юма потребовалъ къ себѣ на судъ всѣхъ боговъ—разсказывается здѣсь—русскій богъ явился первымъ, оправдался

и сложилъ всю вину на другихъ; за нимъ явился татарскій богъ, тоже оправдался, и т. д. Вина осталась за черемисскимъ богомъ, а онъ не хотѣлъ и идти къ Юмѣ, потому-что не зачѣмъ, не виноватъ. Юма страшно на него разгнѣвался, прогналъ съ неба и велѣлъ ему жить въ лѣсу. Такъ лѣсъ и сдѣлался его жилищемъ. Въ послѣднее время русскій богъ и отсюда сталъ его вытѣснять, да еще не совсѣмъ вытѣснилъ.

Г. Нурминскій считаетъ этого лѣсного черемисскаго бога *Вадышемъ*. Онъ производитъ это имя отъ глагола *вадышема*, лубья деру, и считаетъ *Вадыша* олицетвореніемъ березовой и всякой растительности. «Гдѣ онъ проходитъ — всѣ деревья кланяются ему до земли, птицы поютъ ему пѣсни, а дикіе звѣри съ благоговѣніемъ разступаются передъ нимъ. Какъ въ лицѣ Юмы олицетворено благотворное вліяніе солнца-неба на землю, такъ Вадышъ, богъ національный, есть олицетвореніе вліянія и значенія земной растительности для человѣка. Черемисинъ живетъ въ лѣсу — естественно ему было прежде всего понять и оцѣнить значеніе лѣса». Все это было бы очень правдоподобно, еслибъ въ черемисской миѳологіи былъ одинъ лѣсной Вадышъ. Лѣсныхъ вадышей черемисы дѣйствительно представляютъ въ подобномъ образѣ. Но у нихъ есть еще неопредѣленное множество другихъ вадышей, живущихъ по оврагамъ, озерамъ и рѣкамъ, вадышей горныхъ, полевыхъ, водяныхъ. Вадыши представляются духами разныхъ природныхъ урочищъ, даже злыми. Черемисы горные смѣшиваютъ ихъ съ *шайтанами*, причисляющимися къ царству темнаго Керемета. Умершій человѣкъ, тоже переходящій въ царство Керемета, иногда дѣлается вадышемъ же. Самое слово *вадышъ*, кромѣ выраженія понятія о сдираніи лубьевъ, употребляется еще для выраженія понятія о темнотѣ. Во всякомъ случаѣ вадышъ не можетъ считаться главнымъ національнымъ богомъ черемисъ. Самое происхожденіе лѣсныхъ вадышей и шайтановъ черемисы объясняютъ извѣстною легендой о сверженіи съ неба падшихъ духовъ. При этомъ сверженіи, одни изъ нихъ упали въ лѣсъ, другіе въ болото, третьи въ рѣку и т. д., и отъ этого явились лѣсные, болотные, рѣчные и всякіе шайтаны и вадыши. Легенда эта заимствована изъ русскихъ апокрифическихъ сказаній о дьяволахъ, но она ходитъ между черемисами-язычниками, и, взявъ во вниманіе это послѣднее обстоятельство, мы находимъ очень важнымъ это приложеніе къ вадышамъ того, что̀ сказано о дьяволахъ.

Но мы еще будемъ говорить о разныхъ вадышахъ особо; возвратимся снова къ царству свѣтлаго Юмы. Около главнаго Юмы группируется множество другихъ Юмъ и Авя (матерей)—

цѣлая огромная семья боговъ. Генеалогіи ихъ уловить нельзя; она уже совсѣмъ забыта, а можетъ быть, и не успѣла выработаться. Въ настоящее время черемисы ограничиваются общимъ причисленіемъ всѣхъ Юмъ и Авя къ семьѣ Юмы, не разбирая самаго родства. Всѣхъ боговъ этого порядка они называютъ верхними, горними, въ отличіе отъ нижнихъ, причисляемыхъ къ царству Керемета. Всѣхъ Юмъ очень много и почти всѣ они носятъ названія отъ тѣхъ предметовъ, которые находятся въ вѣдомствѣ каждаго. Нужно впрочемъ замѣтить при этомъ напередъ, что черемисская миѳологія не успѣла еще опредѣлиться во всѣхъ подробностяхъ и подвержена произвольнымъ толкованіямъ со стороны самихъ черемисъ. Иное божеское названіе, употребляемое явно въ качествѣ предиката, вдругъ явится самостоятельнымъ субъектомъ и окажется названіемъ особаго самостоятельнаго божества. Вслѣдствіе этого число боговъ черемисскихъ можетъ неопредѣленно и возрастать и уменьшаться по произволу вѣрующихъ и ихъ ворожниковъ. Отсюда же множество мѣстныхъ боговъ, извѣстныхъ въ одной мѣстности и неизвѣстныхъ въ другихъ, и боговъ, такъ-сказать, случайныхъ, которые являются по какому-нибудь случаю, надобности, и по минованіи этой надобности опять забываются. Созданіе новыхъ боговъ, кажется, продолжается и доселѣ; оно очень легко—стоитъ только къ слову Юма или Авя прибавить эпитетъ, и явится понятіе о какомъ-нибудь частномъ божествѣ, а ворожникъ не замедлитъ назначить ему родъ жертвы. Можетъ быть, вслѣдствіе такого случайнаго происхожденія нѣкоторыхъ боговъ, сами черемисы не понимаютъ ихъ значенія. Напримѣръ, мы никакъ не могли добиться объясненія, что̀ за божество *Вада-сола-кого̀-Юма* (*вада* значитъ вечеръ, *сола* — деревня). При перечисленіи боговъ мы обратимъ главное вниманіе на божества наиболѣе опредѣлившіяся и общія въ народномъ краѣ.

Мы уже видѣли, какіе предикаты приписываются главному Юмѣ. По обычному у черемисъ возведенію предикатовъ въ особыя божественныя личности, личность Юмы раздѣлилась на нѣсколько новыхъ личностей. Это раздѣленіе обнаруживается во время черемисскихъ общественныхъ моленій. Въ общемъ собраніи молящихся ворожникъ назначаетъ каждому изъ присутствующихъ особаго бога, котораго ему надобно молить. При этомъ онъ назначаетъ одному призывать *сотня-кого̀-Юма*, другому—*тня-кого̀-Юма*, третьему — *тэмемъ-кого̀-Юма*. Когда начнется самое моленіе, каждый выкликаетъ своего назначеннаго бога, каждый разъ извѣстнымъ намъ образомъ утраивая свое воззваніе: «Сотня-кого̀-Юма! Сотня-ханъ-кого̀-Юма! Сотня-пудерша!»

и проч. *Тэмемъ-Юма* не успѣлъ получить спеціальности и особенныхъ, спеціально ему назначенныхъ жертвъ. *Сотня-Юма* является богомъ свѣта, очень уважаемымъ черемисами; ему приносится въ жертву обыкновенно лошадь бѣлой шерсти. Нѣкоторые черемисы объясняютъ его имя изъ русскаго языка и считаютъ сотня-Юму богомъ сотни боговъ; объясненіе невѣрное, но оно свидѣтельствуетъ о высокомъ понятіи народа касательно значенія этого божества. Очень замѣчательно и то обстоятельство, что христіанскаго Николая чудотворца, самаго уважаемаго въ народѣ святого, называютъ сотня-когò-Юма. Подъ этимъ именемъ черемисы очень почитаютъ христіанскаго угодника и ставятъ ему свѣчи за обѣдней. Что̀ за божество *тня-когò-Юма*, этого, къ сожалѣнію, намъ никто не могъ объяснить.

За этими божествами слѣдуетъ рядъ боговъ, господствующихъ надъ разными частями вселенной и надъ стихіями. Черемисы отдѣляютъ отъ Юмы, какъ особое божество, смотрителя вселенной (*Сандалыкамъ-кучень-урдаша*) съ двумя помощниками и приносятъ ему особую жертву — жеребца; изъ его помощниковъ первому жертвуютъ быка, второму — ягненка.

Божество неба называется *пильвилвялъ-когò-Юма* (отъ *пиль* — небо) или *тюнча-Юма;* онъ управляетъ небесами и облаками. Въ жертву ему приносятъ корову.

Есть еще особый *князь звѣздъ* (*шидырь-ханъ*); онъ управляетъ звѣздами, наблюдаетъ за ихъ теченіемъ и перестанавливаетъ ихъ съ мѣста на мѣсто.

Кидырцы-когò-Юма (*кидырцы* или кюдюрга — громъ) управляетъ громомъ. Повѣрья объ немъ очень сходны съ русскими повѣрьями объ Ильѣ пророкѣ. Онъ также разъѣзжаетъ по небу на своихъ коняхъ и прогоняетъ громомъ дьявола, шайтана. Отъ него происходитъ дождь и плодородіе. Кромѣ того, онъ охраняетъ домашнюю скотину черемисъ. Когда нѣтъ долго дождя, ему приносятъ жертву, обыкновенно жеребца или мерина, который потомъ поступаетъ въ его конюшню и впрягается въ его колесницу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ жертву коровъ, которыя находятся подъ его опекой. Если ему долго не приносятъ жертвъ, онъ страшно гнѣвается, гремитъ своими громами, побиваетъ людей и скотовъ, не даетъ дождя, истребляетъ градомъ посѣвы.

Есть еще особый *богъ молніи* (*ваманза-Юма*), который занимается храненіемъ отъ молніи зеленыхъ плодовъ и рыбы. Жертва ему состоитъ изъ плодовъ.

Когда оканчивается ночь или день, *ижеря-когò-Юма* производитъ на небѣ зарю. Днемъ управляетъ *ошъ-кеча-когò-Юма*,

бѣлодневный богъ; у него два помощника, которые имѣютъ золотыя крылья и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто во мгновеніе ока исполнять повелѣнія ошъ-кеча-Юмы. Онъ возжигаетъ дневной свѣтъ, грѣетъ землю солнцемъ, произращаетъ изъ земли растенія и предохраняетъ ихъ отъ всякаго вреда. Въ жертву ему приносятъ бѣлаго ягненка, а помощникамъ—по парѣ бѣлыхъ гусей.

Богъ огня называется *толя-коґо-Юма*. Хранитъ отъ огня жилища; но если его не почтятъ, въ наказаніе производитъ пожары.

Туля-коґо-Юма управляетъ вѣтрами. Онъ держитъ ихъ на цѣпи и когда видитъ въ людяхъ непочтеніе къ себѣ, спускаетъ ихъ; они понесутся съ страшной силой, изломаютъ деревья, дома, истребятъ съ корнемъ посѣвы. Въ жертву ему приносятъ земные плоды; въ праздникъ его (въ пятницу въ новолуніе) для него пекутъ ватрушки, варятъ медовый квасъ и хмѣльное пиво; до хмѣлю онъ охотникъ.

Есть божество, производящее теплоту и холодъ, жаръ и морозъ — *покшимъ овошка*. Замѣчательно, что онъ представляется вдовцомъ (*овошка*). Насчетъ этого навѣрное существуетъ какая-нибудь легенда, но мы ея не знаемъ.

Богъ земли называется *клемъ-ханъ-коґо-Юма* (*клемъ*—клей). Когда еще не было міра, былъ хаосъ въ видѣ воды; по этой водѣ безпорядочно носилась земля. Клемъ-ханъ-Юма поймалъ ее и утвердилъ на одномъ мѣстѣ, приклеилъ, прилѣпилъ ее; но къ чему онъ прилѣпилъ ее, мы не могли добиться.

Водой завѣдуетъ *танышъ-ханъ-коґо-Юма*, владыка моря.

Богъ лѣсной растительности есть *пу-ханъ-Юма* (*пу* — дерево). Онъ же, по всей вѣроятности, называется *шира-перке-ханъ*. (*Шира* — лѣсъ, *перке* — обиліе, урожай.)

Цвѣты цвѣтутъ по милости бога цвѣтовъ, который носитъ названіе *хирхя-кого-Юма*. *Хирхя* собственно значитъ рожа-цвѣтокъ.

Хлѣбъ произращаетъ *кинда-шачахтша-Юма* или *кинда-перке-ханъ* (*кинда* — хлѣбъ). Какъ только кончатся всѣ сельскія работы, въ новолуніе октября, ему приносятъ въ жертву новый хлѣбъ. Для моленія ему варятъ пиво и покупаютъ вина. Противоположное ему божество—*вопманъ* (обжора). Онъ пожираетъ весь хлѣбъ на поляхъ того человѣка, на котораго почему-нибудь сердится. Въ молитвахъ его просятъ, чтобы онъ не съѣдалъ посѣва и не дѣлалъ его рѣдкимъ. Во время жатвы не совѣтуется никому спать на межѣ, потому-что онъ въ это время

разгуливаетъ по межамъ, и черезъ кого перешагнетъ, тому послѣдуетъ неминуемая смерть.

У межей на полѣ есть особенный хранитель—*писмяновошка* (*писмя*—межа, *овошка*—вдовецъ), тоже почему-то вдовецъ, какъ и божество жара и мороза. Онъ обыкновенно разъѣзжаетъ по межамъ въ лодкѣ, которую везутъ лошади. При довольно сильномъ развитіи у черемисъ земледѣльческаго быта явился и богъ-хранитель поземельной собственности—*сурт-кого-Юма* (*сурт*—вотчина, поземельная собственность).

Послѣ земледѣлія самое важное значеніе въ черемисскомъ хозяйствѣ имѣетъ скотоводство. Богъ-скотодатель есть *волик шачахтша*, собственно—коровій богъ. Моленіе ему обыкновенно происходитъ, когда во дворѣ отелится корова. Послѣ этого цѣлые пятеро сутокъ собираютъ коровье молоко для общаго пира съ сосѣдями и знакомыми. Предъ началомъ пиршества хозяинъ уходитъ въ чуланъ и возвращается оттуда съ ковшомъ воды. Часть воды отливаетъ къ печкѣ, моля божество, чтобы теленокъ выросъ съ печку величиной; потомъ плещетъ ею на присутствующихъ, причитывая, чтобы божество дало коровѣ по-больше молока и чтобы она не была суха. Послѣ возліяній приносятъ въ жертву короводателю кашу съ коровьимъ масломъ; при этомъ ему молятся, чтобы онъ далъ столько скота, сколько у коровы шерсти, чтобы одинъ конецъ стада былъ въ оврагѣ, а другой еще въ кардѣ (сараѣ). Есть еще особое божество, которое даетъ молоко коровамъ, это — *шшерг-ярг-кого-Юма*. (*Шшерг-ярг* — молочное озеро.)

Пчеловодство, составлявшее испоконъ вѣка главный промыселъ въ черемисскихъ лѣсахъ, имѣетъ своего представителя въ богѣ пчелъ — *мюгиз-ханг-кого-Юмъ*. Онъ еще называется *шинзаша-кого-Юма* (*шинзамг* — сижу, *шинза* — глазъ): пчелы летаютъ по всему пчельнику, а онъ сидитъ и смотритъ за ними, повелѣваетъ работать. Жертва ему — рогатый баранъ и медовый квасъ.

Очень большую пользу приноситъ черемисину *ялянг-Юма*, богъ, спасающій отъ поклеповъ, напраслинъ, доносовъ. Онъ избавляетъ черемисина и отъ суда, который, какъ извѣстно, для нашихъ инородцевъ страшнѣе всякой бѣды.

Божество судьбы есть *вуй-Юма* (*вуй*—голова). Каждый человѣкъ получаетъ на свою голову своего вуй-Юму. При рожденіи еще ребенка, его вуй-Юма опредѣляетъ и пишетъ его судьбу: кому гдѣ счастіе или несчастіе случится, кому гдѣ и какъ умереть, удавиться или опиться, кому угодить въ Сибирь, кому въ солдаты и проч. Фаталистическій элементъ довольно сильно раз-

вить у черемисъ. Вѣра, наприм., въ хорошій или дурной часъ очень распространена. Какъ бы человѣкъ ни старался—въ дурной часъ всякое дѣло кончится неудачей. Отсюда понятное желаніе узнать дурной часъ, предугадать удачу или неудачу, всякое опредѣленіе судьбы — вѣра въ сны, гаданія и примѣты. Примѣты берутся съ разныхъ окружающихъ черемиса предметовъ, облаковъ, дерева, снѣга, животныхъ; наприм., если запряженная для поѣздки лошадь станетъ испражняться мочею, онъ сейчасъ ее отложитъ и безъ всякаго раздумья оставитъ поѣздку, потому-что явная будетъ неудача; если лошадь извергаетъ калъ, поѣздка будетъ отличная.

У большей части означенныхъ божествъ есть подчиненные духи-помощники, обыкновенно по два, одинъ *пурюкша* (добрый духъ), чрезъ котораго божество оказываетъ благодѣянія черемисамъ, другой *сакче* (докладчикъ), который приноситъ къ божеству молитвы черемисъ. Этимъ духамъ тоже приносятся жертвы, большею частью изъ гусей и зайцевъ. Въ настоящее время впрочемъ приведенныя названія духовъ забыты между горными черемисами; пурюкши и сакчи называются разными частными именами при каждомъ изъ божествъ, именами впрочемъ тоже малоизвѣстными въ народѣ. Такъ, наприм., помощниковъ ошъ-веча-Юмы нѣкоторые черемисы называли намъ *хршанъ* и *сожолъ*, другіе отзывались незнаніемъ этихъ именъ.

Обратимся теперь къ порядку женскихъ божествъ, разныхъ *авявлянъ* (матерей). Эти женскія божества мало соотвѣтствуютъ мужскимъ и существуютъ большею частію самостоятельно, не какъ въ чувашской миѳологіи, гдѣ у каждаго бога непремѣнно есть и мать. Первое мѣсто между ними занимаетъ *юмынъ-авя* (мать Юмы). Отъ нея зависитъ продолженіе человѣческой жизни; она даетъ дыханіе, есть источникъ жизни, отъ котораго произошелъ и самъ Юма.

За ней слѣдуютъ: *пюль-авя* — мать облаковъ, неба; *кечаавя* — мать солнца; она — хранительница отъ мора и заразы, а потому во время этихъ народныхъ бѣдствій ей даютъ разные обѣты; въ жертву приносятъ старую корову бѣлой шерсти или овцу; *тылзи-авя*—мать луны, тоже требуетъ въ жертву старой коровы или старой овцы; *шидыръ-авя* — мать звѣздъ, соотвѣтствующая шидыръ хану; *шокша-авя* — мать теплоты; *пержеавя* — мать обилія,— она же, можетъ быть, разумѣется у нѣкоторыхъ черемисъ подъ именемъ *шоченъ-авя* (мать рожденія); подъ этимъ именемъ она имѣетъ болѣе спеціальное вѣдомство: отъ нея зависитъ оплодотвореніе черемисскихъ супругъ и домашняго скота; *толъ-авя* — мать огня, перекатывается изъ де-

ревни въ деревню, какъ будто какой снопъ или шапка, хранитъ жилища отъ огня, а въ сердцахъ напротивъ производитъ пожары; *видъ-авя* — мать воды, почитаемая преимущественно рыбаками, которымъ подаетъ рыбу; они чтутъ ее виномъ и яичной кашей; *мюлянда-авя* — мать земли, управляющая землею; въ частности *ташкемъ-мюлянда-авя* — дворовая земляная мать, занимается храненіемъ скота и людей во дворѣ. Обычная жертва всякаго рода *авяваханъ* (матерямъ) есть корова.

Изъ этого перечня божествъ мужскихъ и женскихъ можно видѣть всю скудость религіознаго развитія черемисъ. Мы сказали, что черемисская религія дошла до степени почитанія личныхъ божествъ, успѣла олицетворить силы и явленія природы во множествѣ князей, хановъ, юмъ и матерей. Но всѣ эти личности въ высшей степени неопредѣленны; съ ихъ именами черемисы не соединяютъ живыхъ образовъ; ихъ дѣятельность и личный характеръ представляются очень смутно; не имѣютъ они и личной исторіи, которая опредѣлила бы ихъ отношенія между собою, создала миѳы о жизни каждаго. Всѣ эти личности, образовавшіяся чрезъ соединеніе съ словами *Юма* и *Авя* разныхъ эпитетовъ, представляютъ собою скорѣе слѣдствіе какой-то игры языка, чѣмъ созданіе религіозной фантазіи, образы религіозно-поэтическаго міросозерцанія. Причина этой скудости и сухости черемисской миѳологіи заключается вовсе не въ молодости ея, не въ томъ, что она еще не успѣла вполнѣ выработаться, а въ самомъ характерѣ черемисскаго народа. При первомъ же знакомствѣ съ черемисами изслѣдователя поражаетъ въ нихъ отсутствіе всякаго идеализма и поэзіи, какой-то сухой практицизмъ, далекій отъ всего, что не относится къ обыденной жизни. Замѣчательно, что у этого народа, точно у какихъ-нибудь тупыхъ обитателей нашего сѣвера, вовсе нѣтъ и пѣсенъ, въ которыхъ онъ изливалъ бы свои чувства. Веселъ ли черемисинъ, печаленъ ли, пляшетъ или плачетъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно издавать звуки и пѣть, онъ одинаково тоскливо тянетъ свое однообразное: а-а-а, о-о-о, безъ всякихъ словъ. Даже причитанья наприм. на свадьбахъ и похоронахъ, которыя есть у всѣхъ народовъ, у него до крайности сухи и однообразны. Чувство лѣсной красоты едва ли не единственное проявленіе его эстетики. Ему хорошо среди лѣсной трущобы, со всѣхъ сторонъ сдавленной огромными дубами, темной отъ густой листвы вершинъ, хорошо на веселой полянѣ, окруженной кудрявымъ березникомъ, сплошь облитой солнцемъ; но онъ не создалъ ни одного стиха про лѣсную пустыню, не спѣлъ про свой лѣсъ ни одной пѣсни. Ему хорошо въ лѣсу, такъ-что и выходить бы не хотѣлось — и

больше ничего. Это какая-то животная привязанность или просто — чувство природы, не осмысленное проблескомъ сознанія, не оживленное лучемъ поэзіи. А между тѣмъ черемисинъ далеко не тупъ: онъ выше всѣхъ финскихъ инородцевъ, во многихъ отношеніяхъ выше даже русскаго. Дѣло въ томъ, что эта натура исключительно практическая до узкости и мелочности. Черемисинъ энергиченъ, предпріимчивъ, живо усвоиваетъ все, что относится къ улучшенію внѣшняго быта, хорошій хозяинъ-скопидомъ, у котораго и изба выглядываетъ опрятно и богато, и поля хороши, и домашней скотины вдоволь; но онъ не способенъ къ поэзіи, не можетъ отрѣшиться отъ будничной дѣйствительности и освоиться съ міромъ высшихъ интересовъ. Узкая практическая натура отразилась и въ религіи черемисина.

Черемисское язычество исключительно практическое. Догматическая, миѳологическая сторона въ немъ занимаетъ послѣднее мѣсто; на первомъ мѣстѣ стоятъ обрядъ, примѣта, жертва, которою можно добиться у божества того или другого блага, защиты отъ той или другой бѣды. Отношеніе къ богамъ чисто утилитарное. Узнавъ, какое божество нужно ублажить въ томъ или другомъ случаѣ жизни и какою именно жертвою, черемисинъ вполнѣ удовольствуется этимъ свѣдѣніемъ и въ случаѣ надобности прилагаетъ его къ дѣлу; затѣмъ, что касается до личности божества, его антропоморфическаго образа, тѣмъ болѣе какихъ-нибудь ѳеогоническихъ вопросовъ, для него это все равно, точно также, какъ напримѣръ для нашего благочестиваго простолюдина, призывающаго «матушку Троицу» или «батюшку Покровъ» и т. п., вовсе не интересно, что разумѣется подъ этими названіями, которыя онъ произноситъ съ такимъ глубокимъ вздохомъ. Пересматривая списокъ черемисскихъ божествъ, мы видимъ, что съ наибольшей полнотою описываются въ немъ божества, имѣющія непосредственное отношеніе къ жизни, здоровью и занятіямъ черемисъ,—у нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываютъ даже личные характеры. Другія, не имѣющія утилитарнаго значенія, извѣстны по однимъ только именамъ,—имъ нѣтъ даже и жертвъ, напримѣръ хоть забавному хирхя-Юмѣ, играющему у черемисъ роль прекрасной Флоры, который и явился въ миѳологіи единственно потому, что широкіе красные лепестки рожи слишкомъ уже ярко метнулись черемисину въ глаза.

Тотъ же практическій и утилитарный складъ религіозности выразился въ черемисской религіи особеннымъ развитіемъ культа злымъ божествамъ. Зло всегда чувствительнѣе касается человѣка, чѣмъ добро. Мы видѣли, что и добрымъ божествамъ жертвы назначаются большею частью съ отрицательной цѣлью, чтобы эти

божества не сердились и не сдѣлали вреда черемисину, каждое въ своей сферѣ. Черемисинъ чувствуетъ особенный приливъ религіозности, когда захвораетъ, когда начнетъ хилѣть его скотина, пропадетъ что-нибудь въ домѣ, не уродится хлѣбъ или когда надъ всей страной разразится тяжкое народное бѣдствіе. Злыя божества гораздо чаще пользуются его жертвами, чѣмъ добрыя, и жертвы имъ гораздо богаче. Страхъ предъ ними былъ причиною болѣе подробнаго развитія миѳовъ объ нихъ. Источникомъ всякаго зла считается *Кереметь;* около него группируются нѣсколько спеціальныхъ кереметей, потомъ толпа *шайтановъ* и разнаго рода *вадыши*. Они составляютъ рядъ нижнихъ, дольнихъ божествъ въ параллель перечисленнымъ нами верхнимъ, горнимъ божествамъ. Послѣднимъ приносятся болѣе чистыя и безукоризненныя жертвы — животныя бѣлой шерсти, плоды, хлѣбъ, пиво съ медомъ безъ хмѣля. Божествамъ злымъ приносятъ въ жертву животныхъ черной шерсти, пиво, вареное съ хмѣлемъ, даже водку.

Злое начало — *Кереметь* — представляется такимъ же самостоятельнымъ, какъ доброе — Юма. Какія между ними отношенія, неизвѣстно опредѣленно. Юма даруетъ всякое добро человѣку; Кереметь на каждомъ шагу старается дѣлать зло. Но черемисская миѳологія вовсе не говоритъ намъ о борьбѣ между ними; они какъ будто не обращаютъ другъ на друга ни малѣйшаго вниманія. Нѣкоторые черемисы говорятъ, что Кереметь есть младшій братъ Юмы, долженъ былъ повиноваться его владычеству, но по своей гордости не захотѣлъ этого и за это свергнутъ Юмою съ неба. Но это сказаніе неизвѣстно между черемисами-кереметниками и представляетъ собою явное заимствованіе изъ христіанскихъ сказаній.

Отъ нищихъ колѣкъ, поющихъ свои стихи по деревнямъ, отъ раскольниковъ, живущихъ около черемисскихъ деревень въ Козмодемьянскомъ и Васильскомъ уѣздахъ, черемисы заимствовали много апокриѳическихъ сказаній, которыми они охотно восполняютъ свою скудную миѳологію. Такъ наприм., они вполнѣ заимствовали сказаніе о паденіи злыхъ духовъ съ неба и о распредѣленіи ихъ по разнымъ частямъ міра; этимъ сказаніемъ они объясняютъ происхожденіе лѣсныхъ кереметей, водяныхъ шайтановъ, яръ-вадышей (озерныхъ вадышей) и т. д.

Изъ христіанскихъ же апокриѳовъ заимствованы ими свѣдѣнія о твореніи міра Юмою и объ участіи въ немъ Кереметя. Кереметь плавалъ по водѣ въ видѣ селезня; Юма, желая сотворить сушу, велѣлъ ему опуститься въ воду и достать со дна земли. Кереметь дѣйствительно досталъ земли, но не всю ее от-

далъ Юмѣ, а утаилъ часть ея у себя во рту. Когда Юма, дунувъ на землю, простеръ ее по водѣ и произвелъ ровную и гладкую сушу, Кереметь началъ выплевывать утаенную часть земли и наплевалъ множество высокихъ горъ. Такого же происхожденія разсказъ о томъ, какъ Кереметь испортилъ только лишь слѣпленное Юмой тѣло перваго человѣка. Воспользовавшись тѣмъ временемъ, какъ Юма ходилъ на небо за душой человѣку, Кереметь оплевалъ его тѣло съ ногъ до головы, такъ-что Юма и вычистить уже не могъ, а просто взялъ да выворотилъ на-изнанку, отъ чего внутренность человѣка осталась поганою. Тутъ же Юма проклялъ и собаку, которая приставлена была караулить человѣка, за то, что она, не стерпя холода, напущеннаго Керметемъ, соблазнилась на шубу, которую онъ ей посулилъ, и допустила его до человѣка; Кереметь далъ ей шерсть, а до того она была голая.

Заимствованы черемисами и апокрифы о потопѣ, о томъ, какъ Кереметь спасся отъ потопа въ ковчегѣ подъ подоломъ у жены Ноевой, какъ онъ едва не потопилъ ковчега, прогрызши въ немъ дыру, какъ спасъ ковчегъ ужъ, заткнувшій эту дыру головой, какъ Кереметь научилъ дѣлать вино. Не приводимъ этихъ сказаній, потому-что они не представляютъ никакихъ замѣчательныхъ варіантовъ противъ русскихъ редакцій.

У черемисъ есть легенда, разсказывающая о томъ, какъ началось поклоненіе Керемету; эта легенда уже своя доморощенная. Когда размножились люди и стало много народовъ, Юма сталъ раздавать имъ вѣры. Для этого онъ созвалъ къ себѣ родоначальниковъ разныхъ народовъ. Всѣ родоначальники поспѣшили на зовъ, пошелъ и черемисскій родоначальникъ. Но на дорогѣ ему попался Кереметь и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Стали шутить да болтать о томъ о семъ, и до того закалякались, что черемисскій родоначальникъ опоздалъ къ Юмѣ. Когда онъ явился, отъ Юмы выходилъ послѣдній родоначальникъ съ послѣдней вѣрой. «Такъ какой же мнѣ вѣры держаться?» воскликнулъ черемисскій Адамъ, озадаченный этимъ обстоятельствомъ. А Кереметь какъ тутъ, слетѣлъ съ березы и говоритъ: «кланяйся инъ мнѣ». По другому варіанту самъ Юма сказалъ родоначальнику: «за то, что ты забылъ приказаніе и заболтался о пустякахъ, вонъ кланяйся Керемету». А Кереметь ужъ тутъ на березѣ. Съ тѣхъ поръ черемисы и должны были кланяться и приносить жертвы Керемету.

Кереметь есть олицетвореніе всякаго зла. Подъ зломъ черемисинъ, имѣющій смутныя понятія о добрѣ и злѣ нравственномъ, разумѣетъ, главнымъ образомъ, зло физическое. Кереметь

насылаетъ холода и зиму, засухи, бури, вѣтры и проч. Когда по лѣсу пронесется буря, съ трескомъ повалятся деревья, завоетъ вѣтеръ по трущобамъ, — это тѣшится Кереметь. Когда человѣкъ захвораетъ, это «Кереметь схватилъ». Онъ сушитъ хлѣбъ на поляхъ, разгоняетъ пчелъ изъ ульевъ, не даетъ имъ меду, заставляетъ плутать по лѣсу дровосѣка и звѣролова, разгоняетъ у послѣдняго дичь, не даетъ ловить рыбы рыбаку, топитъ его въ водѣ, портитъ и моритъ домашній скотъ и т. п. Вообще, Кереметь есть начало смерти и разрушенія; онъ и живетъ большею частію около старыхъ деревъ и пней въ лѣсу; высохшій, мертвый пень, по замѣчанію г. Нурминскаго, есть лучшій представитель начала смерти. Изъ животныхъ самое близкое отношеніе къ Кереметю имѣетъ медвѣдь, врагъ черемисскихъ стадъ, царь мѣстныхъ звѣрей. Если черемисинъ увидитъ во снѣ медвѣдя, это значитъ, что Кереметь требуетъ отъ него самой дорогой жертвы — лошади.

Черемисинъ не столько благоговѣетъ предъ своими юмами, сколько боится Кереметя. Онъ разбираетъ каждый свой шагъ, чтобы не обидѣть это опасное божество, разбираетъ каждый свой сонъ, каждую примѣту, совѣтуется съ своими знахарями, чтобы узнать, чѣмъ можно угодить Кереметю, какую жертву принести ему. Можно сказать, что культъ Кереметю составляетъ сущность всей религіи. Не даромъ сами черемисы крещеные зовутъ своихъ собратій, придерживающихся язычества, именно *кереметниками*. Жертвы Кереметю очень дорого стоятъ; тутъ рѣдко можно отдѣлаться пивомъ, виномъ или нѣсколькими лепешками; Кереметь большею частію требуетъ себѣ лошади или коровы, а овецъ такъ по нѣскольку штукъ разомъ. По назначенію ворожника жертва потомъ не разъ повторяется, если оказывается безплодною. Одинъ черемисинъ сталъ-было приносить жертвы по случаю болѣзни своей жены, и совсѣмъ было разорился, рублей 50 издержалъ на Кереметя, а все толку не было. Эти расходы сильно подѣйствовали на него и помогли знакомымъ уже намъ народнымъ учителямъ; по совѣту одного изъ нихъ, онъ обратился къ христіанскому Богу. Жена вскорѣ послѣ этого выздоровѣла, и онъ теперь сталъ ревностнымъ христіаниномъ и врагомъ Кереметя. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ доказательствъ въ пользу христіанства у черемисскихъ миссіонеровъ служитъ то, что Кереметь и всѣ вообще боги очень прожорливы и объѣдаютъ черемисъ, тогда-какъ христіанскій Богъ ничего не проситъ, напротивъ, самъ все подаетъ; эта мысль какъ разъ подходитъ къ практическому характеру черемисина.

Страхъ передъ Кереметемъ до-того сильно вкореняется въ

душу черемисина съ самаго дѣтства, что его часто не можетъ истребить и христіанство, когда кереметникъ обратится къ церкви. Православный черемисъ не пропуститъ случая даже посмѣяться надъ своимъ прежнимъ страшилой въ обыкновенное время. Но случись съ нимъ что-нибудь особенное, какое-нибудь несчастіе, тотчасъ же старое суевѣріе всплываетъ наружу; онъ пойдетъ къ ворожнику и по-старому сходитъ въ лѣсъ ублаготворить Кереметя какой-нибудь жертвой. Времена народныхъ бѣдствій очень полезны для язычества; ими ловко умѣютъ пользоваться языческіе ворожники въ своей борьбѣ противъ христіанства. Давнишніе уже христіане въ эти времена отпадаютъ отъ церкви и обращаются къ Кереметю. Ворожникамъ удается тогда собирать цѣлыя сотни поклонниковъ въ священномъ лѣсу и съ прежнею языческой торжественностью возстановлять уже давно павшее общественное богослуженіе. Намъ разсказывали разительный примѣръ привязанности черемисъ къ своему Кереметю. Въ одной изъ нашихъ восточныхъ семинарій не очень давно учился одинъ черемисинъ съ миссіонерскою цѣлью; начальство нѣсколько разъ замѣчало его въ жертвоприношеніяхъ Кереметю, когда онъ былъ уже въ высшемъ отдѣленіи семинаріи и изучалъ богословіе. Потомъ онъ былъ гдѣ-то священникомъ въ черемисскомъ приходѣ и, говорятъ, не отсталъ отъ своихъ суевѣрій. Разительнѣе этого примѣра мы, по крайней мѣрѣ, ничего не можемъ представить...

Надобно замѣтить, что при всемъ развитіи культа злому началу, дуализмъ въ черемисской миѳологіи намѣченъ очень слабо. Это видно уже изъ крайней неопредѣленности взаимныхъ отношеній между Кереметемъ и Юмою. Всѣ добрыя божества добры изъ корысти, изъ-за жертвъ, добры до тѣхъ поръ, пока ихъ ублажаютъ; въ сердцахъ они становятся также злы и вредны, какъ и Кереметь. Въ свою очередь и Кереметь, если его ублаготворять жертвами, будетъ добръ для человѣка, если не сдѣлаетъ добра, такъ по крайней мѣрѣ вредить перестанетъ. Съ черемисской утилитарной точки зрѣнія добро и зло относительны, лежатъ, такъ сказать, не въ самой натурѣ божествъ, а происходятъ изъ тѣхъ или другихъ отношеній божества къ человѣку. Эпитеты—*злой, добрый* даже не употребляются въ миѳологіи, а существуетъ въ ней только раздѣленіе божествъ на верхнихъ—горнихъ, и нижнихъ — дольнихъ.

Какъ около Юмы сгруппировано множество второстепенныхъ горнихъ боговъ, матерей и ихъ помощниковъ, такъ и около Кереметя видимъ толпу частныхъ, второстепенныхъ кереметей, вадышей и шайтановъ. Черемисская миѳологія и здѣсь восполнила свою скудость христіанскимъ апокрифическимъ сказаніемъ о про-

исхожденіи добрыхъ и злыхъ ангеловъ. Юма сталъ высѣкать искры изъ камня и полетѣли *сакчи*. Кереметь подсматривалъ за нимъ въ это время, и когда Юма уснулъ, онъ также сталъ высѣкать искры и полетѣли его собственные сакчи—*шайтаны*. Впрочемъ у горныхъ черемисъ шайтаны занимаютъ незначительное мѣсто въ повѣрьяхъ. Всѣ повѣрья главнымъ образомъ вертятся около разныхъ кереметей и вадышей.

Изъ кереметей въ нагорномъ краѣ почитаются: *икся-Кереметь* (*икся*—источникъ), живущій при источникахъ и занимающійся здѣсь порчей людей и животныхъ, которыя пьютъ воду; *кявя-Кереметь* (въ березовой рощѣ), лѣсной, наиболѣе чтимый. Есть кереметь горные и каменные, которымъ приносятъ по парѣ утокъ въ годъ съ человѣка, пиво, пряники, орѣхи, сладкую водку. При рѣкѣ Сумкѣ почитается *пальтыканъ-Кереметь*, на проселочной дорогѣ. Этого Кереметя можно видѣть плавающимъ по рѣкѣ въ золотой лодкѣ въ красной рубахѣ около осиноваго лѣса, раскинутаго по берегу. Ему ходятъ приносить въ жертву старую лошадь, и онъ за это иногда показываетъ людямъ зарытые тамъ клады; но вообще встрѣчаться съ нимъ небезопасно. Всѣ кереметь пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, къ оврагу, камню, старому пню въ лѣсу, озеру, болоту и т. п., куда и ходятъ ихъ поклонники. Все это мѣста священныя и страшныя. Черемисинъ старается не смотрѣть на нихъ, когда ему случится пройти мимо. Кереметь накажетъ болѣзнью всякаго, кто осмѣлится около посвященнаго ему мѣста сдѣлать что-нибудь непристойное, сквернословить или говорить по-русски; поэтому, подходя къ заповѣдному мѣсту, черемисинъ непремѣнно заговоритъ на своемъ языкѣ еще издали.

За кереметями слѣдуютъ *вадыши* — духи, обитающіе тоже большею частью на опредѣленныхъ мѣстахъ. Они причисляются къ злымъ божествамъ, какъ это ясно видно изъ ихъ смѣшенія съ шайтанами; но мы знаемъ уже, какъ слабо развитъ и выдержанъ въ черемисской миѳологіи дуализмъ. Значеніе вадышей до того въ этомъ отношеніи сбивчиво, что къ именамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ прилагается извѣстное—*кого-Юма*, поставляющее вадыша въ рядъ горнихъ боговъ. Черемисы, болѣе знающіе и понимающіе свою вѣру, протестуютъ противъ этого незаконнаго величанія вадышей Юмами и причисляютъ ихъ къ дольнимъ божествамъ.

Между вадышами первое мѣсто принадлежитъ *шюды-вадышу*. Г. Нурминскій производитъ это названіе отъ *шуда* — сѣно и считаетъ шуда-вадыша богомъ луговодства. Но сами черемисы производятъ его отъ *шюду* — сто. По этому словопроизводству

шюды-вадышъ признается ими начальникомъ 100 духовъ, могущественнымъ сотскимъ у вадышей. Спеціальности у него нѣтъ; его призываютъ въ разныхъ случаяхъ, въ болѣзняхъ, засухахъ, скотскихъ падежахъ и т. п. Большое уваженіе къ нему видно изъ нерѣдкаго прибавленія къ его имени величанія *кого-Юма* и изъ богатыхъ жертвъ въ честь его. Обычная жертва ему состоитъ изъ быка, барана, зайца, бѣлки, утки и рыбы щуки.

Г. Нурминскій знаетъ еще *корна-вадыша* (*корна* — дорога), бога дорогъ, къ которому будто бы черемисинъ обращается, когда ему случается заблудиться въ лѣсу. Горные черемисы не знаютъ этого вадыша. Мы думаемъ, что за корна-вадыша г. Нурминскій принялъ *кирдни-вадыша* (*кирдни* — желѣзо), желѣзнаго (въ смыслѣ—крѣпкаго, сильнаго) духа. Это особенно чтимый вадышъ. Важность его видна изъ того, что подъ вліяніемъ христіанства черемисы слили его личность съ личностью Михаила-архангела. Придя въ церковь, двоевѣрный черемисинъ постукаетъ своего передняго сосѣда свѣчкой и, указывая на образъ Михаила архангела, скажетъ: «поставь-ка это вонъ тому кирдны-вадышу». Этого вадыша дѣйствительно можно принять на первыхъ порахъ знакомства съ черемисской миѳологіей за божество дорогъ, потому-что, хотя у него и есть опредѣленное урочище, гдѣ онъ обитаетъ, но онъ постоянно ѣздитъ вездѣ съ черемисами: въ городъ на базаръ, на войну съ черемисскими солдатами и проч. Поэтому, отлучившись съ родины, черемисинъ съ особенной охотой молится этому божеству. Если ему случится выпить на дорогѣ, онъ непремѣнно часть вина отольетъ на землю въ честь своего кирдны-вадыша и произнесетъ: «смля!» (вѣроятно испорченное: бисмилляхъ, позаимствованное у татаръ). Гдѣ бы ни находился солдатъ изъ черемисъ и какъ бы онъ долго ни служилъ вдали отъ родины, онъ никогда не забываетъ помолиться этому вадышу, который вездѣ помогаетъ ему, потому-что, какъ увидимъ, самъ былъ когда-то солдатомъ.

Многіе видѣли кирдны-вадыша. Онъ ѣздитъ на тройкѣ карихъ лошадей, одѣтъ бариномъ, точь-въ-точь исправникъ. Одинъ крестьянинъ видѣлъ его очень близко, но не догадался, кто онъ такой. Ему сказалъ объ этомъ какой-то человѣкъ, бѣжавшій за тройкой кирдны-вадыша, вѣроятно его помощникъ, и объяснилъ при этомъ, что кирдны-вадышъ поѣхалъ на войну помогать черемисскимъ солдатамъ. Это было во время крымской кампаніи. Проѣздомъ, кирдны-вадышъ еще купилъ у крестьянина 2 фунта рыбы. Воротившись домой, крестьянинъ сталъ взвѣшивать оставшуюся рыбу. Остатокъ долженъ былъ состоять изъ 8 фунтовъ

(было всего 10), а вмѣсто того вытянулъ 12; отъ покупки кирдны-вадыша 2 фунта не убыли, а прибыли.

Кирдны-вадышу молятся также въ разныхъ болѣзняхъ и другихъ несчастіяхъ и приносятъ ему при этомъ очень богатыя жертвы. Вотъ предметы самой богатой жертвы ему, которая назначается ворожникомъ, какъ послѣднее средство въ случаѣ, напр., болѣзни: 2 лошади, 2 бычачьи головы, 2 барана, 6 утокъ (4 селезня и 2 самки), 6 рыбъ (4 щуки и 2 подлещика), 6 калачей, 6 яблоковъ, 6 кусковъ сахару, 6 яицъ, 6 восковыхъ свѣчей, 6 лепешекъ изъ творогу, 6 орѣховъ, 12 стерлядей, полштофа сладкой водки и полштофа простой, непремѣнно за печатью, а то кирдны-вадышъ не приметъ. Жертвы изъ животныхъ, особенно такихъ дорогихъ, какъ лошадь, корова, очень убыточны для черемисъ. Черемисская экономія нашла средство избѣгать ихъ; вмѣсто животныхъ стали приносить богамъ изображенія лошадей, коровъ, быковъ, птицъ и проч., сдѣланныя изъ сладкаго тѣста въ видѣ пряниковъ. Эти пряники называются *аргамаками*. По черемисскимъ деревнямъ есть особые мастера, которые занимаются производствомъ аргамаковъ и продаютъ ихъ по базарамъ; промыселъ этотъ они находятъ очень выгоднымъ, потому-что запросъ на аргамаковъ очень значителенъ. Умилостивленіе божества большею частью начинается съ аргамаковъ и, когда уже отъ нихъ не будетъ никакой пользы, приступаютъ къ настоящей животной жертвѣ.

Урочище, посвященное кирдны-вадышу, находится верстахъ въ двухъ отъ села Покровскаго и Троицкаго при р. Юнгѣ. Поэтому полное имя этого вадыша *юнги-кирдны-вадышъ*. Вотъ легенда, объясняющая происхожденіе этого божества. Были два брата между черемисами, жили когда-то давно. Оба они угодили въ солдаты, но чрезъ нѣсколько времени, не вынесши строгостей солдатской жизни, бѣжали изъ полка и прибыли опять на родину. Одинъ поселился на Юнгѣ въ глубокомъ лѣсу (юнги-кирдны-вадышъ), другой саженяхъ въ 20 отъ него на высокомъ пустынномъ берегу Юнги; отъ этого его называютъ *хирь-сырь-вадышъ* (пустынный, *хирь*—степь и *сырь*—сторона, собственно—вадышъ пустынной, степной стороны). Поселившись тутъ, оба они стали кормиться разбоемъ, нападали на прохожихъ, воровали скотину, сдѣлались такими злодѣями, что черемисы скоро потеряли всякое терпѣніе. Собралась толпа обывателей, поймала ихъ и приговорила къ смерти. Передъ смертью оба брата просили сказать послѣднее слово. Когда имъ позволили это, они сказали: «Жили мы у васъ, пили и ѣли; и послѣ смерти останемся при васъ. Вы будете приносить намъ жертвы и будете

звать насъ кирдны-вадышемъ и хирь-сыръ-вадышемъ.» Кончили слово и бросились оба въ Юнгу. Чрезъ нѣсколько времени наступилъ въ черемисской землѣ страшный моръ. Тогда черемисы вспомнили завѣщаніе братьевъ и стали приносить имъ жертвы. Отъ костей ихъ образовалась гора, которая и теперь стоитъ на берегу Юнги.

Такъ люди могутъ дѣлаться вадышами послѣ своей смерти. Они переходятъ тогда въ царство Кереметя и дѣлаются его помощниками въ нанесеніи вреда людямъ; ихъ нужно задабривать жертвами. Замѣчательно, что всѣ вадыши изъ людей при жизни были злодѣями, вредными людьми, какъ это видно изъ всѣхъ легендъ объ нихъ. Вотъ еще подобная же легенда про *Яуша* (Яковъ), вадыша заволжской стороны, но почитаемаго и горными черемисами. Этотъ Яушъ былъ тоже бѣглый солдатъ, жилъ въ лѣсу за Волгой и разбойничалъ. Черемисы собрались и напали на него. Онъ былъ забубенная голова, залѣзъ на дерево и распѣваетъ себѣ пѣсни. Черемисы подстрѣлили его на деревѣ. Умирая, онъ тоже сказалъ, что будутъ приносить ему жертвы. Дѣйствительно, мужики, подстрѣлившіе его, всѣ захворали и только жертвами Яушу отдѣлались отъ болѣзни. Въ нагорной сторонѣ его стали почитать по такому случаю: переѣхали разъ нѣсколько горныхъ черемисъ за Волгу рубить лѣсъ; при этомъ срубили и то дерево, гдѣ былъ застрѣленъ Яушъ. Воротившись домой, они всѣ захворали; стали лечиться — ничто не помогаетъ. Тогда-то они догадались принести жертву Яушу и выздоровѣли. Съ этихъ поръ и на горахъ стали чтить Яуша. Въ жертву ему обыкновенно приносятъ 4 быка, 2 барановъ, 4 зайцевъ, 2 бѣлокъ, 2 утки, 6 щукъ.

Такую же точно жертву приносятъ на горахъ другому вадышу луговой стороны, *шомемъ-яръ-вадышу* (Шомемъ-яръ есть названіе одного озера за Волгой). По какому случаю его стали почитать въ нагорной сторонѣ—неизвѣстно. Всѣ вадыши имѣютъ вообще мѣстное значеніе, какъ мѣстные герои-злодѣи. За Волгой другіе вадыши, о которыхъ не знаютъ горные черемисы.

Къ числу вадышей надобно причислить *Макаръ-нура*. «При земледѣліи также понадобилось особое божество—говоритъ Нурминскій—которое завѣдывало бы полеводствомъ. Такъ появился Макаръ-нуръ, богъ поля (*нуръ* — поле). Слово Макаръ не русское, а свое національное». Но что оно значитъ по-національному, авторъ не сказалъ и не можетъ сказать. Макаръ есть не что иное, какъ русское имя, какъ *Яушъ* имя Яковъ. Черемисы говорятъ, что Макаръ-нуръ былъ человѣкъ, и разсказываютъ про него легенду, которая совершенно объясняетъ и его

прозвище — *куро*. Однажды онъ тягался съ какимъ-то человѣкомъ изъ-за поля. Чтобы выиграть тяжбу, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Выкопалъ три ямы по концамъ спорнаго поля, посадилъ въ нихъ троихъ сыновей своихъ и закрылъ ихъ тамъ. Потомъ сталъ ходить по полю съ своимъ соперникомъ; подойдетъ къ закрытой ямѣ и спроситъ: «Чье это поле?» а сынъ его изъподъ земли и отвѣтитъ: «Макарово». Такъ и выигралъ тяжбу. Но тотчасъ же и послѣдовало наказаніе за этотъ обманъ: началъ вытаскивать изъ ямъ дѣтей и не могъ вытащить, — такъ они и умерли въ ямахъ. Вскорѣ послѣ этого ему случилось переправляться вмѣстѣ съ женой черезъ рѣку. Положили черезъ рѣку доску. Макаръ перешелъ, но подъ женой доска подломилась и она утонула. Съ горя, что потерялъ всѣхъ своихъ, Макаръ пошелъ въ лѣсъ и удавился. Послѣ этого и сталъ онъ вадышемъ. Но онъ вовсе не спеціальное божество полеводства; его призываютъ въ разнообразныхъ случаяхъ, какъ и всѣхъ вадышей. Обычную жертву ему составляютъ два барана черной шерсти.

Вообще у кереметей и у вадышей вовсе нѣтъ спеціальныхъ занятій. Какому кереметю или вадышу молиться въ болѣзни или бѣдѣ, это вполнѣ зависитъ отъ произвольнаго назначенія ворожника, къ которому приходятъ совѣтоваться. Ворожники иногда даютъ совѣтъ почтить даже какого-нибудь христіанскаго святого, поставить свѣчку Николѣ, Варсонофію и т. п., или просто отнести свѣчку въ извѣстную церковь. Христіанскіе святые умножаютъ собою число Юмъ и вадышей. Въ горномъ краю почитается какое-то непонятное для насъ божество *Кузьма-деньга* (Кузьмина тетка); она покровительствуетъ полевымъ работамъ; ей молятся о томъ, чтобы она помогала жать и убирать съ поля хлѣбъ. Не произошла ли эта Кузьма-деньга отъ христіанскихъ Кузьмы и Демьяна, какъ извѣстно, тоже спеціальныхъ покровителей земледѣлія въ русскомъ народѣ?...

Существенную сторону служенія богамъ составляютъ жертвы. Онѣ необходимы и для людей и для боговъ: и доброе божество дѣлается злымъ, если ему не приносить жертвы; за жертву наоборотъ и злое божество можно сдѣлать добрымъ для себя. Жертва не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства предъ божествомъ; она приносится по чистому практическому разсчету, для собственной пользы, и какъ необходимая дань божеству. Божество, съ своей стороны, не можетъ обойтись безъ жертвъ. Боги имѣютъ тѣ же потребности, какъ и люди, а удовлетворить этимъ потребностямъ на небѣ нечѣмъ. Дань, которую приносятъ небеснымъ обывателямъ земные, совершенно необходима для

первыхъ. Имъ нужна пища всякаго рода: пиво, вино, нужны одежды, скотина, лошади для ѣзды и проч. Мы уже говорили о томъ, какъ теперь стали грустить и жаловаться боги, когда стало распространяться невѣріе въ нихъ и оскудѣли имъ жертвы. Они начали нуждаться въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ черемисинъ видѣлъ самъ во снѣ, какъ у одного изъ юмъ кони отъѣздили себѣ всѣ ноги по колѣна, а новыхъ коней никто не приноситъ въ жертву; между тѣмъ поѣздки у боговъ частыя и дальнія — гдѣ нужно поправить, гдѣ подсобить, гдѣ наказать кого-нибудь — и вездѣ нужны свои глаза. Когда долго не бываетъ дождя или случится что-нибудь другое въ этомъ родѣ, черемисы говорятъ, что у котораго-нибудь юмы коней нѣтъ, всѣ израсходовались или ноги себѣ исшаркали до половины, что слѣдовательно нужно ему принести въ жертву изъ коней.

Жертвы бываютъ частныя и общественныя. Обыкновенныя частныя жертвы совершаются очень часто, наприм., во время вкушенія пищи, предъ какимъ-нибудь дѣломъ и т. п. Гдѣ бы ни находился черемисинъ, дома или внѣ дома, въ дорогѣ, передъ вкушеніемъ пищи или питья, онъ скажетъ: «смля», вмѣсто: «Господи, благослови», и при этомъ, отломивъ часть пищи въ жертву какому-нибудь богу, броситъ ее на землю, отольетъ также нѣсколько капель питья. Дома этотъ обрядъ совершается обыкновенно передъ отвореннымъ окномъ или дверью. Если черемисину случается проходить мимо какого-нибудь священнаго мѣста, онъ считаетъ нужнымъ бросить тутъ или денегъ или кусочекъ хлѣба, рыбы, что у него на ту пору случится.

По случаю какихъ-нибудь особенныхъ домашнихъ обстоятельствъ, особенно, по случаю какой-нибудь бѣды, болѣзни кого-нибудь изъ домашнихъ, пропажи чего-нибудь, похищенія животнаго звѣремъ и т. п., частныя жертвы получаютъ болѣе торжественную обстановку. Въ этихъ случаяхъ черемисинъ считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ ворожникомъ и во всей точности исполняетъ, что этотъ назначитъ ему сдѣлать. Иногда бываетъ нужно, чтобы самъ ворожникъ совершалъ всѣ обряды, но обычными совершителями домашняго богослуженія считаются отецъ семейства и его жена. Иногда недостаточно бываетъ ограничиться одними домашними обрядами, а нужно для жертвы сходить въ лѣсъ на одно изъ священныхъ мѣстъ. Сначала хозяинъ и хозяйка приготовляютъ матеріалы для жертвы. Первый выбираетъ для этого животное или покупаетъ его, вторая готовитъ муку и все необходимое для печенія жертвенныхъ лепешекъ и сваренія пива. Животное закалывается самимъ хозяиномъ, или же, если онъ самъ не можетъ почему-нибудь сдѣлать

этого, сосѣдомъ, ближайшимъ знакомымъ, родственникомъ. Предъ заколаніемъ животное испытываютъ, будетъ ли оно угодно божеству. Для этого его привязываютъ за шею къ дереву и выливаютъ на него вдоль спины отъ головы до хвоста ковшъ холодной ключевой воды. Если животное вздрогнетъ и встряхнется, это считается знакомъ того, что жертва угодна богу. Всѣ изъявляютъ радость и говорятъ: «прими любезно». Хозяинъ беретъ въ одну руку ножъ, въ другую топоръ и ударяетъ ими другъ объ друга, чтобы слышало божество. Черемисы говорятъ, что эти звуки у нихъ все равно, какъ колокольный звонъ у русскихъ. При первомъ же звукѣ всѣ падаютъ на колѣна. Послѣ этого хозяинъ приступаетъ къ заколанію животнаго. При совершеніи обряда всѣ должны быть въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ, также ни слова не говорить по-русски. Русская рѣчь, какъ и всякое сквернословіе, отнимаетъ всякую силу у жертвоприношенія.

Божествамъ даются только части жертвенныхъ матеріаловъ. Въ нарочно приготовленный *лянгусъ* (ведро или буракъ) отливаютъ часть пива, меда, вина, бросаютъ туда же кусочки лепешекъ, отщипнутые отъ каждой лепешки, и все или выбрасываютъ въ чистое мѣсто или сожигаютъ въ огнѣ. Точно также отрываются частички отъ жертвеннаго животнаго. Считается необходимымъ оторвать по кусочку отъ каждой части его тѣла, отъ ногъ, головы, ушей, сердца, печени, легкихъ и проч. Все это тоже сожигаютъ. Шкуру животнаго вѣшаютъ на дерево на сучья, гдѣ она и виситъ до тѣхъ поръ, пока не свалится сама и не сгніетъ; иногда ее продаютъ или отдаютъ ворожнику, смотря потому, какъ укажетъ ворожникъ. Около стола, на которомъ совершается вся эта операція, кадятъ зажженной головней. Въ молитвахъ по случаю жертвы читаютъ: «Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать». Молитвенная сторона богослуженія, требующая своего рода поэзіи и чувства, вообще мало развита у черемисъ. Приводимъ въ образчикъ молитву при жертвоприношеніи кереметю, вѣрно обрисовывающую и бытъ, и понятія, и религіозныя чуствованія черемисина (Казанск. губ. Лапшева. 1861 г., стр. 486):

«Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ и въ деньгахъ счастіе дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастіе дай. Дай Богъ счастіе взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить сча-

стіе дай. Помоги боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ вешняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастія дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастіе даруй.»

Жертвоприношеніе оканчивается разгульнымъ пиромъ изъ оставшихся жертвенныхъ матеріаловъ. Къ этому пиршеству нерѣдко приглашаются сосѣди и знакомые. Кости и внутренности съѣденныхъ животныхъ сожигаются; пепелъ прячутъ въ чистое мѣсто.

Общественная жертва приносится въ сущности съ тѣми же обрядами, отличается только болѣе торжественной обстановкой и непремѣннымъ участіемъ *мужана* или ворожника. Собраніе для нея обыкновенно бываетъ въ лѣсу. Въ настоящее время въ нагорномъ краѣ уже не слышно объ этихъ собраніяхъ. Язычество лишилось своей торжественной обстановки и принуждено ограничиться частнымъ богослуженіемъ въ предѣлахъ семьи. Но и теперь хранится еще свѣжая память объ общественныхъ жертвахъ. Верстахъ въ 6-ти отъ деревни Чермышевой есть урочище (Якнъ-ангеръ), куда, по разсказамъ черемисъ, язычники еще очень недавно собирались на общія молепія три раза въ годъ: въ апрѣлѣ, маѣ й сентябрѣ. Можетъ быть, и теперь изрѣдка дѣлаются эти собранія, но они содержатся въ величайшемъ секретѣ, потому-что противъ нихъ вооружены крещеные и вѣрующіе черемисы и объявляютъ объ нихъ начальству. Наприм., въ 1862 году подобное собраніе накрылъ съ понятыми Иванъ Захаровъ и предалъ зачинщиковъ суду. Не смотря на подобнаго рода стѣсненія, начавшіяся уже давно, еще и въ послѣднее время общественныя собранія сохранили слѣды своей прежней торжественности, такъ-что еще можно составить кое-какое понятіе о томъ, что было въ старину. Мы передадимъ здѣсь то, что могли узнать отъ очевидцевъ-черемисъ.

Общественное богослуженіе назначается по совѣту опытнаго мужана или нѣсколькихъ мужановъ разныхъ деревень въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ. Предметомъ его бываетъ моленіе объ урожаѣ или отвращеніи какого-нибудь народнаго бѣдствія. Когда рѣшатъ, что надобно совершить общее моленіе, назначаютъ для него время, мѣсто и число жертвенныхъ животныхъ. Нарочно выбранные люди, по одному изъ деревни, собираютъ съ каждаго дома муку, солодъ, все, что нужно, также деньги на покупку животныхъ по общей мірской раскладкѣ; эти же выбор-

ные приготовляютъ пиво и лепешки. Затѣмъ въ назначенное время всѣ участники собираются въ лѣсъ деревень изъ шести, а въ прежнее время деревень изъ 15. Во время упомянутаго моленія 1862 года участвующихъ было до 170 человѣкъ изъ 6 деревень. Наканунѣ всѣ участники должны приготовиться къ моленію, сходить непремѣнно въ баню и надѣть чистое бѣлье, новый кафтанъ, новые онучи и лапти. Необходимою принадлежностью жертвеннаго костюма считаются еще высокія берестовыя шапки, четверти 3 вышиной, на подобіе камилавки.

Священное мѣсто, назначенное для моленія, также предварительно очищается отъ всякаго сора и нечистоты и сохраняется съ величайшимъ благоговѣніемъ. Около него не дозволяется никакая непристойность; боятся даже близко подходить къ нему. Во время собранія черемисинъ, въ случаѣ естественной потребности, бѣжитъ отъ него чуть не за полверсты. Середи поляны разстилается бѣлая кошма около квадратной сажени величиной, на которой раскладываются лепешки въ три ряда кучками, по три лепешки въ кучкѣ. Около кошмы раскладывается костеръ, надъ которымъ вѣшаютъ котелъ для варенія жертвеннаго мяса, и становятся боченки съ пивомъ; въ старое время ихъ бывало штукъ до 20; около нихъ ковши по числу присутствующихъ. Тутъ же помѣщаются животныя, назначенныя для жертвы. Какъ богаты эти жертвы, видно изъ того, что въ 1862 году Захаровъ засталъ на полянѣ до 170 головъ скота и птицъ. Для раздробленія мяса и его потребленія ставятся еще большіе липовые столы.

Всѣ участники жертвы становятся вокругъ приготовленій лицомъ на востокъ. У каждаго изъ нихъ сумка, въ которой принесены чашка и ложка, въ рукахъ свѣча изъ воску. Свѣчи эти прилѣпляются къ столамъ и горятъ въ теченіе всѣхъ обрядовъ. Ворожникъ или мужанъ прежде всего извѣстнымъ намъ способомъ испытываетъ животныхъ, годны ли они. Затѣмъ всѣмъ присутствующимъ онъ раздаетъ имена боговъ, кому кого призывать въ молитвѣ; одному велитъ взывать: свѣтъ-когò-Юма, свѣтъ-ханъ-когò-Юма, свѣтъ пудерша! другому: тэмемъ-когò-Юма, тэмемъ-ханъ-когò-Юма и т. д. Всѣ начинаютъ молиться, постоянно падая на колѣна и кланяясь въ землю. По окончаніи моленія мужанъ закалаетъ животныхъ и варитъ ихъ мясо, причемъ сопровождаетъ свои дѣйствія ударами ножа объ топоръ и объ жертвенный котелъ. Когда приготовленное мясо разложится на столѣ, онъ кадитъ около него зажженной головней. Наконецъ, совершается самое жертвоприношеніе богамъ, отдѣляются частицы отъ мяса и лепешекъ и совершаются возліянія въ огонь.

Всѣ садятся съ молитвой потреблять остатки, снявъ предварительно обрядовыя шапки. Кости, внутренности и шкуры животныхъ сожигаются. Къ небывшимъ въ лѣсу, мясо и лепешки относятся на домъ; эти яства ѣдятъ, какъ освященныя. Женщины свободно допускаются къ подобнаго рода богослуженіямъ, но въ качествѣ зрительницъ. Въ пиршествѣ онѣ участвуютъ на ряду съ мущинами. Когда-то эти моленія и въ нагорной сторонѣ, какъ на луговой, совершались по три дня, въ теченіе которыхъ никто изъ участниковъ не занимался никакими работами.

Доселѣ еще сохранились священныя времена и праздники черемисскаго язычества, хотя и они теперь представляютъ собою далеко не то, чѣмъ были въ старое время. Нѣкоторые изъ нихъ перепутались съ христіанскими празднествами и потеряли свое древнее значеніе; всѣ вообще лишились своей прежней торжественности.

Священнымъ днемъ недѣли считается пятница; она проводится въ полномъ бездѣльи. Запрещается даже печь хлѣбъ и вообще стряпать; печку можно затоплять не ранѣе полудня. Вслѣдствіе этого уваженія къ пятницѣ праздникъ Рождества, съ котораго мы начнемъ обозрѣніе праздничныхъ обрядовъ у черемисъ, полагается начинать непремѣнно съ этого дня недѣли переднимъ или заднимъ числомъ, хоть бы пятница пришлась въ сочельникъ. Во многихъ семействахъ духовенство доселѣ не можетъ вывести этого противоцерковнаго обычая. Полувѣрные черемисы еще до свѣта, чтобы никто не видалъ, отправляютъ обрядовое пиршество, передъ которымъ, вставъ у дверей, совершаютъ отдѣленіе частицъ для боговъ и возліяніе пива, и молятся объ обиліи хлѣба и скота. Время Рождества есть спеціальное время моленій и гаданій объ обиліи на слѣдующій годъ, какъ и у русскихъ. Для гаданія объ этомъ предметѣ, наприм., пекутъ пироги и въ одинъ изъ нихъ кладутъ при этомъ монету. Кому онъ достанется, тотъ будетъ богатъ. Употребляются въ теченіе святокъ и другія гаданія, наприм. въ новый годъ ходятъ въ поле слушать, приложившись ухомъ къ землѣ,—звонъ колокольчика, услышанный при этомъ, предсказываетъ солдатство, звукъ топора—смерть, и проч., какъ у русскихъ;—послѣ этого ходятъ слушать подъ окнами у сосѣдей. Въ какой-нибудь день святокъ еще до свѣта ходятъ на гумно и сгребаютъ тамъ въ нѣсколько кучекъ снѣгъ, въ кучки втыкаютъ пуки соломы, приговаривая, чтобы въ слѣдующемъ году столько же было на гумнѣ копенъ хлѣба, сколько кучекъ изъ снѣга; вечеромъ смотрятъ, не занесло ли кучки снѣгомъ; если занесло — быть хорошему урожаю. Въ Крещеніе примѣчаютъ: если бываетъ облачная по-

года, годъ будетъ счастливъ для черемисъ, если вѣтеръ — счастливъ для русскихъ.

Не беремся судить о томъ, насколько народны или заимствованы эти и подобныя гаданія, но общее обыкновеніе черемисъ молиться и гадать объ обиліи и счастіи во время святокъ ведетъ начало изъ глубокой древности; къ этому времени пріурочивается древній и общій между всѣми черемисами праздникъ овецъ — главнаго богатства черемисъ — *шорокъ-іолъ* (собственно—овечья нога). Онъ празднуется между Новымъ годомъ и Крещеніемъ и преимущественно молодыми людьми обоего пола. Для празднованія его въ Новый годъ дѣлается складчина мукой, яйцами, солодомъ и другими припасами для кушанья и пива; толпа молодежи собирается въ одну избу, назначенную для праздника, играютъ въ пузыри, скрыпки, бубны, играютъ во что-то въ родѣ фантовъ и пляшутъ. Около полуночи всѣ отправляются въ обходъ по деревнѣ съ криками и музыкой, начиная съ одной крайней избы въ деревнѣ и оканчивая другой крайней. Войдя въ избу, парни и дѣвки разбрасываютъ по полу орѣхи и кричатъ хозяину, чтобы у него было столько же овецъ и ягнятъ, сколько орѣховъ. Хозяинъ прямо приглашаетъ ихъ въ хлѣвъ. Войдя въ темный хлѣвъ, они хватаютъ за заднія ноги овецъ, какія попадутся въ темнотѣ, произнося: «Юма, дай одногодовалыхъ, двухгодовалыхъ ягнятъ». Отъ этого хватанія овецъ за ноги получилъ названіе и самый праздникъ. Дѣвушка, схвативъ овцу, смотритъ, какая попалась—старая или молодая, и при этомъ удобномъ случаѣ гадаетъ, старый или молодой женихъ будетъ у нея. Изъ хлѣва опять идутъ въ избу, гдѣ ихъ ожидаетъ угощеніе, музыка и пляска. Для этого во всѣхъ домахъ готовятъ большое количество пива, блиновъ и лепешекъ. Въ шорокъ-іолъ есть обычай созывать друзей въ домъ; друзья приносятъ съ собою вина и дарятъ хозяина возжами или кушакомъ. Послѣ смерти этими возжами и кушакомъ, по повѣрью черемисъ, можно человѣка вытащить изъ ада, и никто, ни жена, ни дѣти, ни родственники не могутъ сдѣлать этого, кромѣ домашняго друга. Приводимъ здѣсь насчетъ этого предмета народную легенду; въ основѣ она, кажется, одна и та же съ русской легендой о божіемъ другѣ, только передѣлана на черемисскіе нравы.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ съ женой. У всѣхъ богатыхъ въ шорокъ-іолъ собрались друзья, пьютъ и гуляютъ, а къ нему никто не идетъ. Жена и говоритъ: «Ахъ, мы несчастные! Никто къ намъ не идетъ. Ступай на дорогу и зови перваго, кого встрѣтишь, а я буду пока стряпать.» Мужикъ пошелъ и встрѣтилъ

гнуснаго, сопливаго человѣка. Привелъ его домой, оставилъ его на дворѣ, а самъ пошелъ спросить жену, приметъ ли она такого. Та съ радостью приняла гостя, умыла его, одѣла въ бѣлую рубашку, угощала. Простившись съ хозяевами, гнусный человѣкъ позвалъ мужика къ себѣ въ гости. Мужикъ пошелъ къ нему, а это былъ богъ. Богъ отлично угостилъ мужика. Пока они сидѣли, богу случилась надобность удалиться по своему дѣлу; онъ оставилъ гостя у себя, но запретилъ ему смотрѣть въ четыре окна избы. Мужикъ не утерпѣлъ и посмотрѣлъ. Въ первомъ окнѣ увидалъ адъ — покойники мучатся, и стоитъ тутъ одинъ человѣкъ, хочетъ вытащить лукою друга изъ ада, но не можетъ: подастъ луку, а другъ его и сорвется. Въ другомъ окнѣ увидалъ рай свѣтлый; въ третьемъ тоже рай, но потемнѣе; въ четвертомъ — земля, и на озимомъ полѣ юноша съ дѣвкой блудъ творятъ: ударилъ громъ и поразилъ ихъ. Воротился богъ и укорилъ мужика за нарушеніе заповѣди, но растолковалъ ему видѣнное. «Человѣкъ, который не можетъ вытащить друга, сказалъ богъ, подарилъ ему только луку, а надобно дарить возжи или кушакъ. Свѣтлый рай приготовленъ твоей женѣ, а потемнѣе—тебѣ, за то, что ты усомнился принять меня гнуснаго, а она нѣтъ. Юношу и дѣвку я поразилъ. Впередъ не грѣшите на озимомъ полѣ. Водите къ себѣ друзей въ шорокъ-іолъ, и пусть они дарятъ возжи и кушаки».

Послѣ святочныхъ праздниковъ черемисы очень разгульно празднуютъ время масляницы. Въ это время въ разныхъ селахъ бываютъ народныя гулянія, продолжающіяся и въ первую недѣлю великаго поста. Постовъ черемисы не имѣютъ. Въ молитвахъ своихъ они просятъ во время этихъ праздниковъ, чтобы богъ далъ черемисамъ ленъ и конопель долгій, а русскимъ покороче.

Въ великомъ постѣ совершается три *канма*—въ Лазарево воскресенье, среду и четвергъ на страстной недѣлѣ. Въ эти дни ничего не работаютъ изъ опасенія, что за работу пошлется наказаніе, поднимется вѣтеръ, будетъ рвать деревья и крыши съ домовъ: скотину не кормятъ, чтобы она была тиха и сохранна отъ звѣрей.

Въ первый канмъ совершается обрядъ надъ солью. Собравши нѣсколько соли въ кучку, дуютъ и плюютъ на нее сквозь щель расколотаго рябиноваго прута; потомъ сверху пускаютъ въ эту соль ножъ такъ, чтобы онъ воткнулся въ нее. Эта соль потомъ, какъ цѣлебная, употребляется въ случаѣ болѣзни кого-нибудь изъ домашнихъ или скота. Вечеромъ совершается обрядъ изгнанія шайтановъ; у луговыхъ черемисъ онъ совершается въ

началѣ мартовскаго новолунія. Изгнаніе шайтановъ начинается съ крайней избы, куда собирается нѣсколько человѣкъ съ рябиновыми палками въ рукахъ. Огонь гасятъ и начинаютъ съ крикомъ и шумомъ колотить палками по стѣнамъ, столамъ, лавкамъ, по полу; къ этому шуму присоединяется еще оглушительная музыка *чадра* (родъ трещетки); все это дѣлается, чтобы распугать шайтановъ. Изъ избы эта церемонія переносится на дворъ, стучатъ по всѣмъ заборамъ, хлѣвамъ, амбарамъ. Изъ перваго дома переходятъ во второй, и т. д. Толпа изгнателей нечистой силы все растетъ, потому-что къ ней присоединяются обыватели пройденныхъ и очищенныхъ уже домовъ. Во всякомъ домѣ берутъ съ собою лепешки и яйца, которыхъ вездѣ приготовляется для этого вдоволь. Кончивъ обходъ всей деревни, толпа идетъ съ тѣмъ же шумомъ въ оврагъ въ ближайшемъ лѣсу. Выбравши здѣсь самое большое дерево, окружаютъ его, обходятъ три раза и бьютъ по немъ палками. Послѣ этого палки бросаются. Каждый изъ присутствующихъ кидаетъ по три раза яйцо въ вершину дерева. Если яйцо ударится въ дерево, это служитъ знакомъ, что жертва принята. Наконецъ, отламываются богамъ частички отъ принесенныхъ лепешекъ, отливается пиво и всѣ отправляются по домамъ пировать на радостяхъ, что всѣ шайтаны прогнаны изъ деревни. Въ этотъ же день лихіе люди ходятъ въ лѣсъ колдовать на пагубу и порчу людей и скота, потому-что шайтаны тогда особенно злы.

Въ среду на страстной недѣлѣ всѣ моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье. Работать не дозволяется ни подъ какимъ видомъ; нельзя ничего дѣлать такого, отъ чего можетъ произойти стукъ. Обрядовъ особенныхъ нѣтъ; только въ огородѣ раскладываютъ огонь для того, чтобы уничтожить въ немъ всякую порчу и чтобы родители (умершіе родственники) руки погрѣли. Въ этотъ день вообще идетъ приготовленіе къ поминовенію родителей на слѣдующій день; готовятъ ведеръ до трехъ пива, множество красныхъ яицъ, блиновъ и ватрушекъ. Вечеромъ начинается самое поминовеніе, пьютъ пиво и ѣдятъ поминовенныя кушанья. Но главный обрядъ совершается въ четвергъ.

Всѣ припасы, вино, пиво, блины, ватрушки, яица, разставляются на столѣ, поставленномъ у окна или около дверей. Подлѣ него ставится пустой лянгусъ съ ковшомъ и блюдо съ ложками. Около блюда, лянгуса и на косякахъ дверей прилѣпляются свѣчи, слитыя изъ воску, по числу поминаемыхъ покойниковъ; у бѣдныхъ людей одна свѣча разрѣзывается на нѣсколько частей. Для большихъ покойниковъ назначаются большія свѣчи, для малолѣтнихъ маленькія. Неизвѣстно почему, чи-

ело свѣчей требуется всегда нечетное; если умершихъ родителей четное число, одного выпускаютъ. При поминовеніи покойниковъ не поминаютъ дѣда и бабку; они уже вышли изъ числа родителей, лишніе. Всѣ свѣчи зажигаются и по яркости пламени узнаютъ, каково родителямъ на томъ свѣтѣ; если свѣчи обтекаютъ, это знакъ того, что покойникамъ на томъ свѣтѣ плохо, плачутъ. Каждый изъ поминающихъ ломаетъ по кусочку отъ блиновъ, ватрушекъ и проч. и бросаетъ въ чашку, а пива и вина отливаетъ въ ведро по три раза, приговаривая: «Шӧжо! (пусть дойдетъ!) Вамъ темно въ землѣ, — пусть свѣтло будетъ; живите въ обилiи и сытости.» Затѣмъ начинаютъ ѣсть сами. Являются необходимые на всѣхъ праздникахъ пузыри, рожки, скрипки, и тризна разыгрывается во всей формѣ. Чашку и ведро съ отложенными для покойниковъ веществами выносятъ на дворъ собакамъ, причемъ замѣчаютъ, какъ собаки будутъ ѣсть; если онѣ при этомъ грызутся, покойникамъ хорошо на томъ свѣтѣ. Остатки послѣ пиршества тоже выбрасываютъ съ лѣстницы, назначая ихъ для непоминаемыхъ покойниковъ, приговаривая: «Это голодному, зяблому, бродячему».

Такія же поминки совершаются еще въ Семикъ. При этомъ въ ближнемъ оврагѣ сожигаютъ разную старую рухлядь, вѣроятно для покойниковъ же. Поминовеніе умершихъ и принесеніе имъ жертвъ считается необходимымъ точно въ томъ же смыслѣ, какъ принесеніе жертвъ Кереметю и вадышамъ. Ихъ нужно задабривать, иначе они будутъ, наприм., скотъ прятать, болѣзни наводить на домъ и вообще дѣлать всякое зло.

Въ Пасху, которая извѣстна у черемисъ подъ названіемъ *кого-кеча* (великій день), мы не замѣтили никакихъ особенныхъ обрядовъ, кромѣ обыкновеннаго моленія при употребленіи яствъ и праздничнаго пива, моленія, которое повторяется во всѣ праздники христіанскаго календаря. Ставъ передъ дверью или окномъ, при этомъ произносятъ короткую молитву: «Юма, дай здоровья, дай ѣсть и пить хорошенько, дай много хлѣба», отламываютъ кусочки, отливаютъ пива и остальное все съѣдаютъ и выпиваютъ съ словомъ: «смля». Вся Пасха и всѣ праздники проводятся очень шумно и пьяно.

Въ древнее время у черемисъ были торжественные лѣтніе праздники земледѣльческаго характера; луговые черемисы еще сохранили ихъ въ довольно подробномъ видѣ, у горныхъ черемисъ они уже успѣли забыться. Такъ за Волгой еще празднуется торжественный *ага-паремъ* (праздникъ пашни) передъ посѣвомъ хлѣбовъ весной, когда все деревенское населеніе выходитъ на яровое поле, обставляетъ его восковыми свѣчами, расклады-

ваетъ по нему блины, яишницу, разводитъ костры и проситъ у Юмы хорошаго урожая. Никакихъ обрядовъ, соотвѣтствующихъ этому празднику, у горныхъ черемисъ мы не знаемъ; они забыли и самое названіе этого праздника. Забытъ здѣсь и другой великій праздникъ *сюремъ* послѣ унавоживанія полей, празднующійся у луговыхъ черемисъ около Петрова дня. У горныхъ черемисъ Петровки въ большомъ почтеніи и проводятся очень празднично. По всей вѣроятности на это почтеніе имѣло большое вліяніе совпаденіе Петровокъ съ сюремомъ; но самые обряды сюрема, во времена язычества продолжавшіеся цѣлую недѣлю, потеряли самостоятельное значеніе и обратились въ принадлежность чрезвычайныхъ общественныхъ собраній, которыя недавно назначались въ іюнѣ мѣсяцѣ. Мы уже описывали одно подобное собраніе; оно представляетъ очень близкое подобіе древняго сюрема, на сколько объ этомъ можно судить по остаткамъ этого праздника, сохранившимся за Волгой.

До празднованія сюрема, во время цвѣтенія хлѣба, бабамъ и красильщикамъ строго запрещается что-нибудь красить; во все это время не роютъ земли, не косятъ травы и не рубятъ деревъ. У горныхъ черемисъ это запрещеніе имѣетъ силу до Петрова дня.

Въ большей цѣлости сохранился осенній праздникъ, извѣстный у луговой черемисы подъ названіемъ *ужиндынъ-паремъ* (праздникъ новаго хлѣба) или *кишлянъ-паремъ* (праздникъ киселя), а у горныхъ черемисъ называемый просто *шошмомъ-эшъ* (осеннее пированіе). Онъ празднуется обыкновенно по окончаніи молотьбы, около 8-го ноября. Къ празднику всѣ моются въ банѣ, одѣваются въ чистую одежду и приготовляютъ изъ новаго жита хлѣбъ, кашу, кисель и пиво. Моленіе совершается семейнымъ образомъ; всѣ припасы изъ новаго хлѣба ставятся на столъ, прилѣпляются къ нимъ свѣчи въ честь Юмы, мюлянди-Авя и юмынъ-Авя, и всѣ присутствующіе молятся и благодарятъ боговъ за урожай. Потомъ совершаются обычныя отдѣленія отъ хлѣба, киселя, каши, и возліянія пива въ огонь, разведенный въ горнушкѣ у печи. Вечеромъ молодежь ходитъ изъ дома въ домъ съ пѣніемъ и плясками; хозяева угощаютъ ее виномъ, пивомъ и новымъ хлѣбомъ съ солью. День оканчивается общей попойкой. Весь праздникъ продолжается трое сутокъ.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о ворожихахъ черемисъ и ихъ участіи въ разныхъ обрядахъ. Это остатки черемисской жреческой іерархіи, совершавшей общественные обряды и обладавшей разными секретными знаніями. У луговыхъ черемисъ они еще удержали названіе *картовъ* (жрецовъ), выражающее ихъ

древнее значеніе, какъ представителей народа предъ божествами, посредниковъ между ними и людьми. На сколько развито было ихъ жреческое значеніе, теперь довольно трудно судить. У горныхъ черемисъ названіе *карт* забыто; картовъ просто зовутъ *мужанами* (знахарями, ворожниками), — названіе уже не выражающее идеи жречества. Въ настоящее время эти мужаны горнаго края представляютъ собою живой комментарій на наши лѣтописныя извѣстія о волхвахъ, являвшихся на нашемъ сѣверѣ въ началѣ христіанства и имѣвшихъ, можетъ быть, прямо финское происхожденіе.

Мужанами обыкновенно бываютъ старики лѣтъ подъ 60, отличающіеся опытностью и знаніемъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, примѣтъ, молитвъ, обрядовъ, таинственныхъ дѣйствій, симпатическихъ средствъ въ болѣзняхъ и т. п. Строгая, степенная жизнь считается необходимымъ достоинствомъ всякаго ворожника. Кромѣ того онъ долженъ быть ловокъ, находчивъ, боекъ на языкъ, умѣть и наружностью и поступками и рѣчью озадачивать толпу и внушать къ себѣ безграничное довѣріе. Форменная одежда ворожника — бѣлый длинный балахонъ безъ сборовъ, съ красной нашивкой на груди изъ кумача, а назади съ черной изъ сукна вершка въ 3 ширины и четверти полторы длины, на головѣ высокая молитвенная шапка.

Обязанность ворожника назначать общественныя богослуженія и присутствовать на нихъ въ качествѣ главнаго совершителя жертвоприношеній; онъ же назначаетъ родъ и количество жертвы частной для тѣхъ, кто приходитъ къ нему за совѣтомъ по случаю болѣзни и разныхъ домашнихъ несчастій. Какъ люди, обладающіе тайными знаніями и находящіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, ворожники пророчествуютъ, гадаютъ, узнаютъ и указываютъ воровъ и т. п. Свои откровенія они получаютъ большею частью посредствомъ вѣщихъ сновъ, вѣра въ которые очень сильно развита между черемисами. Иногда боги и на яву являются ворожникамъ, разсказываютъ чего у нихъ не достаетъ и велятъ имъ назначать себѣ жертвы изъ предметовъ потребныхъ въ небесномъ обиходѣ. Ворожникъ обладаетъ знаніемъ разныхъ медицинскихъ средствъ въ болѣзняхъ людей и скота, но большею частью онъ отказывается назначать лекарства, даже симпатическія средства, а просто указываетъ принести какую-нибудь жертву той или другой злой силѣ. Черемисы имѣютъ безусловную вѣру во всемогущую силу своего ворожника; ему ничего не стоитъ напустить на человѣка сколько угодно шайтановъ или всякихъ золъ отъ Кереметя. Желая испортить кого-нибудь, злой ворожникъ возьметъ у человѣка, на

котораго сердитъ, какую-нибудь вещь, лоскутъ отъ одежи, онучу, лапоть, что̀ попадется, и снесетъ ее въ лѣсъ; тамъ онъ заткнетъ ее въ дупло дерева, гдѣ живетъ Кереметь, или закопаетъ въ землю, и человѣкъ начнетъ хворать, мучиться, чахнуть, такъ и пропадетъ, если не умолитъ ворожника помочь ему и снять съ него порчу.

По способу гаданій ворожники горныхъ черемисъ раздѣляются на два класса. Одни ворожники гадаютъ посредствомъ иглы. Когда придетъ кто-нибудь къ такому ворожнику спросить объ успѣхѣ своего дѣла, ворожникъ возьметъ длинную дощечку, на одномъ ея концѣ положитъ кусокъ хлѣба, а на другомъ уголь или комъ земли, потомъ сверху надъ серединой дощечки спуститъ отвѣсъ — нитку съ иглой на концѣ, и качаетъ его изъ стороны въ сторону вдоль дощечки; смотря по тому, во что̀ прежде ударится игла — въ хлѣбъ или уголь, предсказываютъ удачу или неудачу. Другіе ворожники денежные. У денежнаго ворожника есть полушка, гладко стертая съ обѣихъ сторонъ, которая послана ему съ неба. Возьметъ онъ эту полушку, поглядитъ на нее и станетъ по ней читать отвѣтъ, какъ по писаному, что̀ дѣлать вопрошающему, какому кереметю какую жертву принесть. Въ новолуніе денежные ворожники имѣютъ обыкновеніе бѣсноваться; въ это время ихъ требуютъ къ себѣ боги и бесѣдуютъ съ ними. Этотъ классъ пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ первый. Денежными ворожниками могутъ быть одни только мужчины, тогда-какъ игольными — и мужчины и женщины.

Къ числу обязанностей ворожника относится нарѣченіе имени новорожденному младенцу. При этомъ они высѣкаютъ огонь изъ кремня и огнива, перебирая всякія имена, какія попадутся на языкъ: при которомъ имени трутъ загорится, то и нарѣкаютъ; или возьмутъ плачущаго младенца на руки и качаютъ его, перебирая имена, до тѣхъ поръ, пока дитя перестанетъ плакать: послѣднее имя, произнесенное ворожникомъ, и дается дитяти. За отсутствіемъ ворожника эту обязанность могутъ исполнять за него вообще старые люди, мужчины и женщины.

Ворожникъ — необходимое лицо на черемисскихъ свадьбахъ. Впрочемъ, ему принадлежитъ здѣсь только совершеніе главнаго обряда — соединенія брачущихся, при чемъ онъ проситъ Юму надѣлить ихъ всякимъ благополучіемъ. Большая часть обрядовъ, составляющихъ религіозную обстановку брака, совершается родителями жениха и невѣсты, свадебнымъ головой и дружками. Подробное описаніе черемисскаго брака не относится къ предмету нашей настоящей статьи; желающимъ познакомиться съ этимъ пред-

метомъ рекомендуемъ статью о свадьбахъ горныхъ черемисъ, помѣщенную въ «Казанскихъ Вѣдомостяхъ» (1854 г., №№ 36—37). Собственно религіозные обряды немногосложны; они состоятъ въ обычномъ жертвоприношеніи богамъ изъ брачныхъ кушаній; главными обрядовыми припасами являются пиво, молочная яишница и жареная курица. Частички, отдѣляемыя въ честь боговъ, во время свадьбы бросаютъ вверхъ по три раза къ потолку или, если моленіе совершается на дворѣ, на крышу клѣти. Въ молитвахъ просятъ Юму: «Юма, сохрани и благополучіе подай, дай избытокъ и богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай жить, играть и смѣяться.» Необходимымъ украшеніемъ свадебнаго пира, который совершается на дворѣ, служитъ священная кудрявая березка, подъ которую сажаются молодые. Отпуская послѣ свадьбы свою дочь изъ дому, отецъ ея даетъ ей благословеніе, представительницей котораго служитъ трость, именуемая поэтому хранителемъ. Въ домѣ жениха молодымъ подаютъ одну лепешку, отъ которой они оба отвѣдываютъ въ знакъ своего союза. Остатокъ этой лепешки и трость навсегда уносятся въ шалашъ на дворѣ, гдѣ и хранятся за особой перегородкой; палка втыкается тамъ въ землю. Это *шалашевой кереметь*. Чрезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы молодая приноситъ въ домѣ отца жертву родительскимъ богамъ, обыкновенно 2 барановъ, 2 утокъ и нѣсколько пряниковъ съ изображеніемъ коровъ, быковъ, лошадей, зайцевъ, утокъ и проч. (*аргамаковъ*).

Въ заключеніе всего считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о вѣрованіяхъ черемисъ касательно загробной жизни и ихъ похоронныхъ обрядахъ.

О будущей жизни черемисское язычество представляетъ очень скудныя свѣдѣнія. Эта жизнь представляется въ формѣ настоящей. У покойниковъ остаются тѣ же потребности, какія они имѣли при жизни. Отъ этого покойника рядятъ въ полный черемисскій костюмъ, надѣваютъ ему даже рукавицы на руки, въ карманъ ему засовываютъ кошелекъ съ деньгами, чтобы, какъ говорятъ, «откупить кровь отъ смерти», въ пазуху кладутъ нѣсколько сдобныхъ лепешекъ (*азренкинды* — смертныя лепешки), по бокамъ у него помѣщаютъ склянку съ виномъ, пиво и разныя вещи домашняго обихода, кнутъ, нѣсколько аршинъ холста на рубаху, заплетенный лапоть съ лыками и кочедыкомъ и проч.,— все это для того, чтобы умершій, явясь на тотъ свѣтъ, могъ представить тамъ доказательства, что онъ былъ хорошій, трудолюбивый человѣкъ, и чтобы онъ тамъ не нуждался ни въ чемъ и не приходилъ за чѣмъ-нибудь опять на землю. Ту же мысль

выражаютъ покормы, даваемые мертвецамъ во время поминокъ. Поминки назначаются въ третій, седьмой и сороковой день, на страстной недѣлѣ, въ Семикъ и въ разныя времена, когда черемисину приснится покойникъ во снѣ и покажется, что онъ на томъ свѣтѣ проголодался. Въ седьмой день для покойника закалываютъ курицу, потому-что она, по вѣрованіямъ черемисъ, на томъ свѣтѣ собираетъ всѣ ногти, остриженные покойникомъ при жизни; для чего эти ногти нужны, намъ не могли объяснить, но изъ русскаго повѣрья о томъ же намъ извѣстно, что эти ногти покойнику нужны для того, чтобы влѣзать на крутую гору Сіонскую — въ рай.

Тотчасъ послѣ смерти покойникъ долженъ явиться къ адскому судьѣ *(кіямат-тюре)* и дать отчетъ въ своей жизни. Судья заставляетъ покойниковъ переходить по тонкой жердочкѣ черезъ котелъ съ кипящей смолой; дурной человѣкъ непремѣнно свалится въ котелъ и будетъ мучиться въ смолѣ. Не смотря на это вѣрованіе, необходимо предполагающее различіе въ загробной судьбѣ хорошихъ и дурныхъ людей, черемисы считаютъ нечистыми всѣхъ безъ исключенія покойниковъ и очень боятся ихъ. Какъ видится, понятія о различной судьбѣ за гробомъ не успѣли еще войти въ ясное сознаніе. Смерть является дѣломъ Кереметя, и человѣкъ умершій вступаетъ уже во власть злого начала, самъ дѣлается страшнымъ, вреднымъ для живыхъ. Мы уже видѣли, какъ покойники дѣлаются вадышами, увеличиваютъ собою число таинственныхъ злыхъ существъ, отъ которыхъ черемисину приходится отдѣлываться такими дорогими жертвами.

Страхъ передъ покойниками выражается во всѣхъ похоронныхъ обрядахъ. Поэтому черемисинъ, если у него кто-нибудь умретъ, старается хоронить покойника тотчасъ же; принужденный держать покойника три дня послѣ смерти, онъ его постарается упрятать куда-нибудь подальше, наприм. въ пустой сарай, куда потомъ не заглядываетъ до того времени, пока не сволочетъ трупъ на погостъ. Мертвое тѣло никто не станетъ обмывать, потому-что на такого человѣка всѣ стали бы смотрѣть, какъ на послѣдняго поганца; для этой операціи приглашаютъ кого-нибудь изъ русскихъ или татаръ, и совершается она не въ избѣ, а гдѣ-нибудь подальше, наприм. на гумнѣ. Войлокъ, подушка, одежда, всѣ вещи, которыми пользовался умершій во время болѣзни, продаются за безцѣнокъ или отдаются русскимъ нищимъ, а то просто выбрасываются. Послѣ погребенія бросаютъ на могилѣ даже тѣ орудія, которыми она выкопана. Посѣщать покойника и провожать его въ церковь и на кладбище не принято. Замѣчательно, что черемисы даже рѣдко плачутъ о покойникахъ. Ко-

гда тѣло умершаго вынесутъ изъ дома, хозяйка дома кидаетъ ему вслѣдъ нарочно для этого раскаленный камень, чтобы избавиться отъ посѣщеній мертвеца. Затѣмъ все въ домѣ чистятъ и моютъ, и сами обмываются въ банѣ.

Изъ того же страха предъ мертвецами проистекаютъ всѣ дальнѣйшія отношенія живыхъ къ умершимъ. При погребеніи мужанъ молятся богамъ, чтобы они успокоили умершаго, чтобы онъ не шатался по свѣту и не мѣшалъ живымъ. Живые всячески стараются удовольствовать покойниковъ всѣми потребами. Мы уже разсказывали о черемисскихъ поминкахъ, о ежегодномъ и неоднократномъ покормѣ умершихъ. Эти покормы совершенно аналогичны съ жертвами кереметямъ и вадышамъ. На черемисина всегда находитъ ужасъ, когда ему приснится покойникъ во снѣ: послѣ этого онъ всегда начнетъ приносить богатыя жертвы, пойдетъ къ ворожнику, чтобы оградить себя отъ мертвецовъ заклинаніями и волшебствомъ.

П. Знаменскій.

III.

ВОСПОМИНАНІЯ

В. И. ПАНАЕВА.

ГЛАВА III*).

Служба моя по министерству народнаго просвѣщенія.—Князь А. Н. Голицынъ, М. Л. Магницкій, А. С. Шишковъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, когда гвардія выступала уже въ походъ и все предвѣщало неизбѣжную войну съ Франціею, Петербургъ, а потомъ, можно сказать, и вся Россія, изумлены были внезапнымъ извѣстіемъ, что государственный секретарь, тайный совѣтникъ Сперанскій, ближайшій къ императору человѣкъ, одинъ изъ самыхъ довѣренныхъ, способнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ, взятъ, по возвращеніи отъ государя, тогдашнимъ министромъ полиціи, генераломъ Балашовымъ, и высланъ съ фельдъегеремъ въ Нижній-Новгородъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тотъ же день (17 марта) вывезенъ былъ въ Вологду другой замѣчательный человѣкъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій, занимавшій должность статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, и находившійся въ дружескихъ со Сперанскимъ отношеніяхъ. Можетъ быть когда-ни-

*) См. выше т. III, отд. I, стр. 193—270.

[1]) Въ Нижнемъ-Новгородѣ Сперанскій оставался недолго. По занятіи французами Москвы, онъ вывезенъ былъ въ Пермь, гдѣ и прожилъ до половины 1816 года, т. е. до назначенія его пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

будь я скажу мое мнѣніе о причинахъ временнаго паденія Сперанскаго, этого даровитаго, этого необыкновеннаго государственнаго мужа, а теперь займусь господиномъ Магницкимъ, снискавшимъ впослѣдствіи громкую, хотя и незавидную извѣстность. Я дѣлаю это болѣе потому, что мнѣ довелось принять весьма близкое участіе во вторичномъ окончательномъ его паденіи.

Магницкій (Михаилъ Леонтьевичъ) происходилъ отъ того Магницкаго, который въ царствованіе Петра Великаго издалъ первый на русскомъ языкѣ курсъ математики. Книга эта принадлежитъ теперь къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Она была напечатана въ большую четвертку; на фронтисписѣ изображенъ храмъ, посвященный математикѣ, на столпахъ котораго надписи, означающія подраздѣленія науки (ариѳметика, геометрія и проч.), а внизу двоестишіе:

Маѳіматіка что дѣетъ:
На столпахъ то все имѣетъ.

Потомокъ его, герой моего разсказа, въ молодости также занимался литературою; но писалъ не такіе стихи, какъ его предокъ; прекрасное его стихотвореніе: *Соловей* очень славилось въ свое время. Домашнее или публичное получилъ онъ воспитаніе — я не знаю; но оно могло назваться блестящимъ, и при его дарованіяхъ, увлекательномъ разговорѣ и видной, красивой наружности, много способствовало успѣхамъ его и по службѣ и въ большомъ свѣтѣ. Въ 1801 году, будучи 22 лѣтъ, онъ является уже на дипломатическомъ поприщѣ — сначала при посольствѣ нашемъ въ Вѣнѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе супруги перваго консула, Жозефины. При учрежденіи министерствъ поступилъ онъ начальникомъ экспедиціи департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, что въ особенности и сблизило его съ тогдашнимъ директоромъ онаго, Сперанскимъ. Вслѣдствіе этой дружеской связи, въ 1810 году онъ назначенъ былъ въ должность статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, преобразованномъ по плану Сперанскаго, а въ декабрѣ слѣдующаго 1811 года, за участіе въ составленіи учрежденія большой дѣйствующей арміи, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Но этотъ быстрый ходъ по службѣ былъ черезъ три мѣсяца, какъ мы видѣли выше, прерванъ удаленіемъ его въ Вологду. Тѣмъ же указомъ, состоявшимся, помнится, 30 августа 1816 года, которымъ Сперанскій назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, Магницкій опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ. Черезъ годъ былъ онъ уже симбирскимъ губернаторомъ, и здѣсь-то начинается второй, важнѣйшій по послѣдствіямъ,

періодъ политической его жизни, гдѣ онъ является совершенно инымъ человѣкомъ.

Въ это время императоръ Александръ, вполнѣ проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ, что не одними человѣческими силами и средствами, бывшими въ его распоряженіи, совершилъ онъ великое дѣло освобожденія Европы, началъ болѣе и болѣе предаваться богомыслію, теплѣе и теплѣе развивать въ душѣ своей чувство безусловной вѣры въ промыслъ Божій, въ его чудесныя проявленія. Отсюда охлажденіе къ свѣту, къ увеселеніямъ, склонность къ уединенію, къ мистицизму, недовѣріе къ людямъ, особливо чуждымъ смиренія, такъ сильно въ немъ преобладавшаго, и расположеніе къ тѣмъ, которые казались ему благочестивыми, религіозными. Такое состояніе духа, при всей свойственной ему скрытности, не могло остаться незамѣченнымъ. Явились послѣдователи, подражатели; одни, какъ и онъ самъ, по искреннему убѣжденію, другіе, и разумѣется большая часть, по разсчету. Къ числу первыхъ принадлежалъ, и стоялъ въ главѣ ихъ, извѣстный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; къ числу послѣднихъ присоединился, хотя и издалека, симбирскій губернаторъ. Многіе сомнѣвались въ чистотѣ религіозныхъ чувствъ князя Голицына; но я, служившій въ то время подъ его начальствомъ, и бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ самыми близкими къ нему людьми, могу утвердительно сказать, что этотъ достойный человѣкъ, при добрѣйшемъ довѣрчивомъ сердцѣ, склонный по самому характеру своему къ созерцательности, къ чудесному, дѣйствовалъ вслѣдствіе внутренняго увлеченія; отъ того можетъ быть и переходилъ за черту, не зналъ предѣловъ своей ревности; отъ того вѣрилъ ложному благочестію другихъ и, къ сожалѣнію, подчинялся вредному ихъ вліянію. Напротивъ, Магницкій дѣйствовалъ совсѣмъ иначе — именно по разсчету, изъ видовъ честолюбія. Будучи блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, весьма остроумнымъ и насмѣшливымъ, напитаннымъ философіею XVIII столѣтія, вдругъ дѣлается онъ жаркимъ фанатикомъ; ѣздитъ по церквамъ, бесѣдуетъ съ духовными лицами, посѣщаетъ чаще обыкновеннаго больницы, тюрьмы (что императоръ обыкновенно дѣлалъ въ своихъ вояжахъ); учреждаетъ въ Симбирскѣ, едва ли не первый изъ губернаторовъ, въ подражаніе столицѣ и въ угожденіе князю Голицыну, общество библейское; выходитъ изъ кареты, не смотря на грязь и холодъ, чтобы принять благословеніе бѣгавшаго по симбирскимъ улицамъ, такъ-называемаго Блаженнаго, въ надеждѣ, что объ этомъ дойдетъ до князя Голицына, а чрезъ него можетъ быть и до государя. По близости въ свое время къ графу Кочубею, къ

Сперанскому, ему извѣстны были филантропическія чувствованія государя, его тайныя помышленія — объ уничтоженіи рабства, о сокращеніи власти помѣщиковъ. Магницкій начинаетъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. По какому-то доносу (говорятъ, имъ же самимъ направленному), что одинъ изъ значительнѣйшихъ симбирскихъ помѣщиковъ, Наумовъ, будто бы тиранствуетъ надъ своими людьми, заковываетъ ихъ въ цѣпи, сажаетъ въ колодки, въ рога,—онъ, безъ всякаго предваренія, внезапно съ большою свитою и командою, отправляется въ село его, Головкино, и, собравъ всѣхъ крестьянъ, идетъ прямо къ подваламъ стариннаго барскаго дома. Съ трудомъ отперты были заржавленные замки и отодвинуты засовы. Въ подвалахъ дѣйствительно найдены цѣпи, колодки, рога, оставшіеся отъ прежнихъ владѣльцовъ Головкина и нѣсколько десятковъ лѣтъ лежавшіе безъ употребленія. Губернаторъ приказываетъ взять ихъ, и торжественно, при стеченіи всего народа, бросить въ рѣку. Можно предполагать, что любя разглагольствіе, и обладая талантомъ хорошо говорить, большею частью рѣзко и фигурно, онъ не воздержался отъ какой-нибудь, приличной настоящему случаю, предики; потому-что между крестьянами вскорѣ оказались волненіе, неповиновеніе. Оскорбленный помѣщикъ принесъ жалобу высшему правительству; началось дѣло, достигшее комитета министровъ, и кончилось бы весьма невыгодно для господина Магницкаго, если бы не поспѣшилъ къ нему на помощь князь Голицынъ: дѣло прекращено тѣмъ, что Магницкій уволенъ отъ должности губернатора и опредѣленъ членомъ главнаго училищъ правленія, а чрезъ мѣсяцъ (въ февралѣ 1819 года) посланъ ревизовать Казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ подробнаго и личнаго всѣхъ частей обозрѣнія, представилъ свое заключеніе: *можетъ ли университетъ съ пользою существовать впредь?*

Тогда говорили, и не безъ основанія, что Магницкій самъ напросился на это порученіе. Ему легко было, по близкому разстоянію Симбирска отъ Казани, увѣрить князя, что онъ хорошо знаетъ, въ какомъ жалкомъ (будто бы) положеніи находится университетъ, ему нужно было неотлагательно блеснуть передъ сосѣднимъ, не любившимъ его, Симбирскомъ, такимъ важнымъ порученіемъ, такимъ довѣріемъ правительства, и въ тоже время, имѣть случай показать предъ новымъ начальствомъ и государемъ ревность свою, особливо въ религіозномъ отношеніи. Тогда было это очень кстати по причинѣ либеральныхъ волненій въ университетахъ германскихъ и появленія карбо-

нарства въ Италіи, тревожившихъ наше правительство. Все это разсчелъ онъ хорошо и вѣрно.

Пробывъ въ Казани не болѣе шести дней, Магницкій, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ министру просвѣщенія подробный отчетъ объ осмотрѣ университета, описавъ его самыми черными красками, напримѣръ: «Зданія въ развалинахъ, неопрятность студенческихъ и гимназическихъ комнатъ поразительна, въ печахъ нѣтъ вьюшекъ и заслонокъ, нечистоты кухонь безъ отвращенія нельзя представить, огромныя суммы растрачены безотчетно; совѣтъ университетскій, состоящій изъ 25 человѣкъ, сдѣлался посмѣшищемъ самихъ своихъ членовъ, изъ которыхъ только пятеро молодыхъ, люди порядочные, но и тѣ, по невинному чувству уваженія и благодарности, всегда поддерживали зло; профессоры вообще невѣжды, вольнодумцы и деисты; студенты не знаютъ даже числа заповѣдей.»

Донесеніе свое, къ которому приложено было описаніе познаній, свойствъ и способностей каждаго профессора, въ выраженіяхъ самыхъ ѣдкихъ и оскорбительныхъ, Магницкій заключилъ мнѣніемъ, что, «по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, университетъ подлежитъ *уничтоженію*, которое должно быть произведено въ видѣ публичнаго разрушенія.»

Во всемъ этомъ грозномъ донесеніи не было и сотой доли правды. Да и возможно ли въ теченіе шести дней войдти въ подробности управленія, ознакомиться съ ученою, учебною, хозяйственною, счетною и полицейскою частями онаго, познать умственныя и нравственныя качества двадцати пяти профессоровъ? Кто другой, съ такою неслыханною самонадѣянностью, безъ представленія фактическихъ доказательствъ, безъ слѣдствія, рѣшился бы произнести смертный приговоръ столь важному государственному учрежденію?

Довѣрчивый министръ, оглушенный рѣзкимъ краснорѣчіемъ ревизора, не усомнился въ томъ же смыслѣ донести обо всемъ императору. Съ трепетомъ благомыслящіе люди, а въ особенности, воспитанники Казанскаго университета, находившіеся въ столицѣ, ожидали рѣшенія его участи. Но мудрость и великодушіе государя спасли университетъ. *Зачѣмъ разрушать, можно исправить*, сказалъ онъ министру, и повелѣлъ удалить тѣ лица, кои того заслуживаютъ, для замѣщенія праздныхъ каѳедръ пріискать способныхъ профессоровъ въ другихъ округахъ; въ случаѣ недостатка—выписать изъ чужихъ краевъ людей извѣстной нравственности.

Въ іюнѣ того же 1819 года, Магницкій назначенъ попечителемъ Казанскаго университета. Съ сего времени наступаетъ

новая эпоха этого заведенія, ознаменованная изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ отличнѣйшихъ профессоровъ и принятіемъ на мѣсто ихъ новыхъ, столько же неизвѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ, сколько извѣстны были ихъ предмѣстники; множествомъ странныхъ нововведеній, закрытіемъ однихъ, учрежденіемъ другихъ, разъединеніемъ или соединеніемъ каѳедръ, опредѣленіемъ новаго начальственнаго лица, подъ названіемъ директора университета; изданіемъ инструкціи директорской и ректорской, совершенно нарушающихъ уставъ, унижающихъ достоинство ректора, замедляющихъ новою инстанціею теченіе дѣлъ и дающихъ произвольное направленіе преподаванію наукъ [1]). Сверхъ того эта эпоха, именовавшаяся *возобновленіемъ* или *преобразованіемъ*, отличалась отъ прежней видимою заботливостью объ одной наружности и пренебреженіемъ сущности; распространеніемъ между наставниками и воспитанниками духа лицемѣрія и ханжества, какъ вѣрнаго средства къ снисканію благосклонности попечителя; происками и враждою членовъ университета, щедрыми наградами и возвышеніемъ окладовъ довѣренныхъ лицъ, частою оныхъ перемѣною; наконецъ огромными, безотчетными издержками по части строительной. Сверхъ того профессорамъ, и всѣмъ служащимъ, запрещалось употребленіе вина; въ торжественные же дни, здоровье высшихъ начальниковъ и государя должны они были пить медомъ. Провинившійся студентъ именовался не виноватымъ, а грѣшнымъ (!), запирался въ карцеръ, съ лишеніемъ какъ можно болѣе свѣта, былъ навѣщаемъ тамъ священникомъ, который увѣщевалъ его, потомъ исповѣдывалъ и удостоивалъ св. таинъ; послѣ чего освобождался онъ, какъ совершенно исправившійся! Изгнавъ профессора Аргольда, человѣка, по отзыву его, безнравственнаго, неимѣющаго понятія о наукѣ (хирургіи), которую преподавалъ, Магницкій силился (при новомъ уже министрѣ Шишковѣ) опредѣлить его опять на ту же кафедру, потому-что онъ, какъ сказано въ представленіи, исправился, принялъ православную вѣру и написалъ превосходную диссертацію, въ которой доказалъ, что главная и единственная причина всѣхъ болѣзней *есть грѣхъ* (!).

Въ такомъ видѣ, въ такомъ духѣ продолжалось управленіе Казанскаго университета около шести лѣтъ. Въ промежуткѣ этого времени, именно въ 1823 году, пріѣхалъ я въ Казань для свиданія съ родными. Тутъ картина жалкаго положенія

---

[1]) Ректорскою инструкціею профессору исторіи между прочимъ предписано было изъяснить, сколько настоящее царствованіе (императора Александра I-го) превзошло и затмило всѣ прочія, какъ славою воинскою, такъ и законодательною.

университета раскрылась передо мною во всей полнотѣ и усилила мое негодованіе къ виновнику этого зла, возбужденное уже пресловутою его ревизіею. Я не скрывалъ въ тамошнемъ обществѣ моего мнѣнія объ этомъ, и никакъ не подозрѣвалъ, что приверженцы попечителя обо всемъ ему сообщаютъ. Я служилъ тогда, какъ упомянуто выше, подъ начальствомъ князя Александра Николаевича Голицына и пользовался уже литературною извѣстностью, слѣдственно былъ не безъинтересенъ для агентовъ Магницкаго, а мнѣніе мое могло имѣть для нихъ нѣкоторый вѣсъ.

Казанскою эпархіею управлялъ тогда знаменитый архіепископъ Амвросій, прославившійся проповѣдью, сказанной имъ лѣтъ за десять передъ тѣмъ въ Тулѣ, по случаю дворянскихъ выборовъ, а губерніею — вице-губернаторъ Александръ Яковлевичъ Жмакинъ. Съ первымъ познакомился я еще въ 1820 г. и питалъ къ нему глубокое уваженіе; со вторымъ — въ этотъ мой пріѣздъ, и очень полюбилъ его за его необыкновенный умъ, отличныя по службѣ способности и очаровательную любезность. А какъ старшая дочь его была дѣвица замѣчательной красоты, первая невѣста въ городѣ, то и не мудрено, что къ концу пребыванія моего въ Казани я на ней помолвилъ.

Два эти человѣка, каждый съ своей стороны, сообщили мнѣ многое о удивительныхъ дѣйствіяхъ Магницкаго, жалуясь притомъ, что онъ, при столкновеніи нѣкоторыхъ университетскихъ дѣлъ съ эпархіальными и губернскими, высказываетъ въ сношеніяхъ своихъ тонъ самовластія и вредитъ имъ въ Петербургѣ — архіерею, поддерживая игуменью Казанскаго дѣвичьяго монастыря, Назарету, на него клеветавшую, а Жмакину — помогая казанскому губернатору Нилову, котораго ревизовавшій губернію достопочтенный сенаторъ Соймоновъ устранилъ отъ управленія губерніею, ввѣривъ оное Жмакину, и который сильно хлопоталъ въ столицѣ, чтобы возвратиться на прежнее мѣсто и столкнуть Жемакина; сблизился же онъ съ Ниловымъ въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой, и въ кельѣ извѣстнаго архимандрита Юрьевскаго монастыря, Фотія, когда послѣдній, пріѣзжая въ Петербургъ, живалъ въ Невскомъ монастырѣ. Отзывы этихъ уважаемыхъ мною лицъ, архіерея и управляющаго губерніею, только что распаляли мое негодованіе и конечно не положили храненія устамъ моимъ.

Графъ Аракчеевъ находился тогда на верху своего могущества. Снискавъ довѣренность государя многолѣтними опытами вѣрности, преданности, нѣкоторыми полезными учрежденіями и ревностнымъ попеченіемъ о дѣлахъ государственныхъ, онъ уве-

личилъ въ то время монаршее къ себѣ благоволеніе приведеніемъ въ исполненіе мысли о устройствѣ военныхъ поселеній. Предоставимъ исторіи произнести судъ свой надъ этимъ человѣкомъ и изслѣдовать причины столь сильной привязанности къ нему императора. Можетъ быть она скажетъ, что Александръ, искусившійся въ людяхъ, покрытыхъ лоскомъ образованія и свѣтскости, утомленный напряженною борьбою съ Наполеономъ, упоенный славою, неожиданно и такъ блистательно его озарившею, узрѣвшій себя поставленнымъ во главѣ Европы распорядителемъ судебъ ея, и сознавшій въ томъ дѣйствіе Промысла Божія, могъ, какъ человѣкъ, охладѣть къ занятіямъ внутренними государственными дѣлами, которыя казались ему прозою въ сравненіи съ поэзіею внѣшнихъ политическихъ дѣлъ, зависѣвшихъ отъ его мановенія и требовавшихъ неусыпной бдительности. Вслѣдствіе всего этого немудрено было ему ввѣриться человѣку, хотя не получившему свѣтскаго образованія, хотя суровому до жестокости, но умному, опытному, твердому, не развлеченному никакими условіями свѣта, не подчиненному вліянію никакихъ личныхъ связей, ведущему затворническую жизнь и посвящающему все свое время занятіямъ служебнымъ. Такой человѣкъ конечно могъ облегчать ему труды правленія, часто неразлучные съ дѣйствіями строгости, которая была не по душѣ Александру, и выполненіе которой ревностный и взыскательный сановникъ охотно принималъ на себя, заслоняя государя.

Не смотря на свою силу, Аракчеевъ завидовалъ однакожъ близости къ императору и вліянію на него трехъ человѣкъ, управлявшихъ важнѣйшими частями—финансовою, военною, народнаго просвѣщенія и соединенныхъ съ онымъ дѣлъ духовныхъ. Ему тѣсно было при нихъ около государя, а притомъ они составляли ему оппозицію въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. То были: графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и часто упоминаемый князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Ему нужно было отъ нихъ избавиться. Онъ началъ съ графа Гурьева, который портфель министра финансовъ долженъ былъ передать генералъ-лейтенанту Канкрину (впослѣдствіи графъ и полный генералъ). Не устоялъ потомъ и князь Петръ Михайловичъ Волконскій, уступившій званіе начальника главнаго штаба генералъ-лейтенанту Дибичу (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ). Оставался князь Голицынъ. Его сломить было нѣсколько труднѣе, какъ по болѣе теплому расположенію къ нему государя, скрѣпленному одинаковымъ религіознымъ направленіемъ, такъ и потому, что части народнаго просвѣщенія и духовныхъ

дѣлъ были для Аракчеева terra incognita, страна совершенно неизвѣстная. Нужны были знающіе помощники. Выборъ палъ на митрополита Серафима, архимандрита Фотія и Магницкаго. Какъ послѣдовало это соединеніе—покрыто мракомъ неизвѣстности. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ сказанныя три лица пользовались благорасположеніемъ и милостями князя Голицына, а послѣдній, т. е. Магницкій, былъ осыпанъ его благодѣяніями, ибо, кромѣ сказаннаго выше, онъ исходатайствовалъ ему въ теченіе пяти лѣтъ (какъ тогда говорили) около двухъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями негласнаго пособія.

Правда, что митрополитъ, человѣкъ ума ограниченнаго, учености недальней, придерживавшійся старины, давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на первенство въ дѣлахъ духовныхъ, лица свѣтскаго, на покровительство, оказываемое Голицынымъ представителямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, на участіе ихъ въ библейскихъ обществахъ, на учрежденіе евангелическаго епископа (въ лицѣ г. Сигнеуса), на изданіе нѣкоторыхъ книгъ, съ разрѣшенія министра.

Правда, что архимандритъ Фотій, недоучившійся студентъ с.-петербургской академіи, былъ полудикій, изступленный фанатикъ, совершенный старообрядецъ, еще болѣе не терпящій нововведеній и духовенства другихъ исповѣданій.

Но Магницкій.... Въ самое это время возвратился я въ Петербургъ для испрошенія позволенія начальства на мою женитьбу, для приготовленій къ свадьбѣ и полученія новаго отпуска.

Здѣсь долженъ я остановиться, чтобы сказать нѣсколько словъ о Фотіѣ. За годъ передъ тѣмъ, начальникъ и другъ мой, Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ, переводчикъ Массиліона, умнѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ, пригласилъ меня на экзаменъ духовной академіи, обѣщая показать тамъ Фотія, котораго я еще не видалъ и который строгою святостью и разными странными поступками привлекалъ тогда общее на себя вниманіе. За конференцъ-столомъ сидѣли уже члены синода, и сверхъ того митрополитъ Сестренцевичъ, Сперанскій и графъ Хвостовъ. Мы помѣстились въ первомъ ряду креселъ. «Вотъ Фотій»—сказалъ мнѣ Ястребцовъ, указывая въ лѣво, на четвертый, весьма длинный рядъ креселъ, гдѣ сидѣлъ, одинъ одинехонекъ (видно никто не дерзалъ къ нему приблизиться), худощавый, блѣдный монахъ, съ поникнутымъ лицомъ, съ большими мутными голубыми глазами, быстро поворачивающимися во всѣ стороны. Клобукъ, закрывавшій брови, придавалъ еще болѣе дикости его взору. Вскорѣ вошелъ министръ, князь Голицынъ; всѣ встали. Принявъ благословеніе митрополита и сѣвъ на свое мѣсто, князь началъ оглядываться съ

видимымъ намѣреніемъ отыскать Фотія, — нашелъ, всталъ и почтительно поклонился; потомъ началъ безпрестанно на него оглядываться. Я невольно дѣлалъ тоже, Фотій же ни на него, ни на меня не обращалъ вниманія, перебиралъ четки, а иногда, слѣдуя за ходомъ экзамена (богословіе), крестился: вѣроятно нѣкоторыя положенія науки, по его понятію *грѣховныя*, ему не нравились. По окончаніи экзамена, ректоръ, епископъ Григорій (нынѣ с.-петербургскій митрополитъ [1]), пригласилъ всѣхъ на завтракъ. Впереди, разумѣется, шелъ министръ. Поровнявшись съ четвертымъ рядомъ креселъ, онъ протѣснился по узкому между рядами проходу, чтобы принять благословеніе Фотія, а тотъ, стоя на одномъ мѣстѣ, не сдѣлалъ ни шагу, чтобы двинуться ему на встрѣчу. До залы, гдѣ изготовленъ былъ завтракъ, надлежало проходить длиннымъ коридоромъ. Я шелъ за Фотіемъ въ двухъ шагахъ, не отставая: такъ мнѣ хотѣлось разсмотрѣть его, и, признаюсь, что-то невольно къ нему тянуло. Вдругъ меня обгоняетъ мой помощникъ (я тогда былъ начальникомъ исполнительнаго стола въ коммиссіи духовныхъ училищъ), бывшій домашній секретарь Державина, Абрамовъ; ему видно хотѣлось похвастаться предо мною извѣстностью своею Фотію, который часто посѣщалъ вдову Державина, сдѣлавшуюся богомолкою. Опередивъ меня и поровнявшись съ архимандритомъ, онъ протянулъ къ нему на-ходу сухощавую свою руку для благословенія; но Фотій, взглянувъ на него презрительно, вмѣсто благословенія, ударилъ его по ладони, такъ-что раздалось. Старикъ покраснѣлъ и отступилъ назадъ. Вошедъ въ залу, Фотій остановился у порога; я сталъ съ нимъ рядомъ. Министръ, члены синода и гости приступили къ закускѣ. Сперанскій, закусивъ немного, отошелъ къ окну, противоположному двери, у которой мы стояли, и постучавъ пальцами въ стекло, пошелъ прямо на насъ, дѣлая однако видъ, что идетъ такъ, безъ цѣли, безъ намѣренія. Съ этимъ, мнимо-разсѣяннымъ видомъ, приблизился онъ къ Фотію, который, между тѣмъ, опустя голову, перебиралъ четки. «Отецъ Фотій— сказалъ Сперанскій—благословите меня». Фотій поднялъ голову и глухо произнесъ: *Я тебя не знаю.* Слова эти такъ поразили Сперанскаго, что онъ пошатнулся, покраснѣлъ, и въ смущеніи отвѣчалъ: «Я Сперанскій». — *А, ты Сперанскій?* возгласилъ Фотій—*Господь тебя благословитъ*, и размашисто благословилъ его. Такіе-то поступки позволялъ себѣ этотъ необыкновенный въ своемъ родѣ монахъ; и видно, они обращались ему не во вредъ, потому-что онъ былъ тогда въ большомъ почетѣ. Довольно ука-

[1]) Т. е. въ 1858 г.

зать на Державину, на упомянутую графиню Орлову, дочь героя Чесменскаго, которыя предъ нимъ раболѣпствовали, особливо послѣдняя, обогатившая монастырь его — приношеніями свыше милліона рублей, и исполнявшая въ кельѣ его роль служанки. *Раба Божія Анна*—бывало онъ ей скажетъ—*подай мнѣ туфли, подай мнѣ квасу*,—и раба Божія смиренно подаетъ. Поступокъ со Сперанскимъ тѣмъ изумительнѣе, что, учась въ академіи въ то время, когда Сперанскій составлялъ уставъ оной и часто по этому случаю, да и безъ того, бывалъ тамъ, Фотій не могъ не знать его, а если и не узналъ, давно съ нимъ не встрѣчаясь, то видя передъ собою человѣка почтенныхъ лѣтъ, съ двумя звѣздами, просящаго благословенія, долженъ былъ немедленно благословить его, какъ христіанина, кто бы это ни былъ, а не поразить такимъ грубымъ отвѣтомъ, равно-какъ и не щелкать по рукѣ моего помощника, какъ бы ничтоженъ онъ ему ни показался.

Итакъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1824 года, за недѣлю до праздника Пасхи возвратился я въ Петербургъ. Въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ — мы жили въ одномъ домѣ, принадлежащемъ коммиссіи, дѣлами которой онъ управлялъ —и съ безпокойствомъ сообщилъ мнѣ, что противъ князя Голицына существуетъ заговоръ, составленный четырьмя вышесказанными лицами, что они ожидаютъ только выхода въ свѣтъ печатающейся книги пастора Госнера: *Толкованіе Евангелія отъ Матѳея*, переведенной по желанію князя, въ нѣсколько рукъ, подъ наблюденіемъ какого-то старичка, статскаго совѣтника Брискорна, чтобы начать дѣйствовать открыто, и что довѣрчивый князь повидимому не подозрѣваетъ угрожающей ему опасности. Мы долго съ горемъ объ этомъ толковали.

Госнеръ, ученый теологъ, изъ Баваріи, прибылъ за годъ передъ тѣмъ въ Петербургъ, чтобы проповѣдывать Слово Божіе. Тогда повсюду проявлялось религіозное движеніе, произведенное можетъ быть великими событіями, умиротворившими Европу, и празднованіемъ трехсотлѣтняго юбилея Лютеровой реформы, причемъ полагалось сблизить между собою всѣ евангелическія исповѣданія. Послѣднее было намѣреніемъ нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ, но тамъ нашлись и частныя лица, рѣшившіяся проповѣдывать всему христіанскому міру, безъ различія церквей, съ цѣлью кажется труднѣйшею въ достиженіи — сближенія католической религіи съ протестантскою. Можетъ быть, проявившаяся впослѣдствіи въ Пруссіи секта новыхъ католиковъ началомъ своимъ относится къ этому времени. Года за три до Госнера пріѣзжалъ въ Петербургъ, также изъ Баваріи, другой про-

повѣдникъ Линдель; былъ благосклонно принятъ нашимъ правительствомъ, писалъ, говорилъ проповѣди, изъ коихъ иныя переводились на русскій языкъ, но потомъ за нѣкоторыя изъ нихъ былъ вѣжливо высланъ въ Одессу. Пріемъ, оказанный Госнеру, былъ еще благосклоннѣе, а краснорѣчіе его блистательнѣе, такъ-что жители столицы всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и православнаго, толпами сбирались по вечерамъ въ католическую церковь слушать его проповѣди.

Въ день Свѣтлаго праздника отправился я къ заутрени въ церковь Инженернаго замка, чтобы тамошнему протоіерею, Малову, извѣстному своими проповѣдями, обыкновенно говоренными имъ безъ тетради, лично вручить письмо отъ казанскаго преосвященнаго. Почтенный Маловъ обошелся со мною съ свойственною ему любезностью, и настоятельно просилъ — посѣтить его въ среду вечеромъ. Я пришелъ въ назначенное время, и мы тотчасъ же сблизились, какъ будто вѣкъ были знакомы. Оказалось при этомъ, что мы земляки, казанцы. Маловъ также сообщилъ мнѣ подозрѣнія свои объ умышленіи сказанныхъ лицъ противъ князя Голицына, отзываясь съ негодованіемъ о предательствѣ Магницкаго и фанатизмѣ Фотія; узнавъ же отъ меня, что творится въ Казанскомъ университетѣ, убѣждалъ передать всё это лично пріятелю его, князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову, надворному совѣтнику (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и министръ народнаго просвѣщенія), служащему начальникомъ отдѣленія въ инженерномъ департаментѣ, и тутъ же въ замкѣ живущему, которому Магницкій предлагаетъ мѣсто директора Казанскаго университета, но тотъ колеблется. Въ слѣдующій понедѣльникъ, какъ мы условились, пріѣзжаю опять къ протоіерею; нахожу у него князя Шихматова, человѣка лѣтъ тридцати пяти, необыкновенно скромнаго, что выражалось во всѣхъ его манерахъ, даже въ голосѣ, и по возобновленной просьбѣ, пересказываю всё, что было мнѣ извѣстно о дѣйствіяхъ Магницкаго. Князь объявилъ, что послѣ этого онъ не приметъ предлагаемой ему должности.

Не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, подкопъ, подведенный подъ князя Голицына, взорвался, но не убилъ его, а только перекинулъ съ одного мѣста на другое. Вотъ, какъ это происходило. По мѣрѣ того, какъ печатался переводъ сказанной книги Госнера, нѣкто коллежскій ассессоръ Платоновъ, сирота, воспитанный митрополитомъ Платономъ и потому получившій это прозваніе, ходилъ по порученію Магницкаго въ типографію и покупалъ у наборщиковъ оттиснутые листы, платя по гривеннику за каждый; когда жъ послѣдній листъ былъ отпечатанъ, книга,

прежде выпуска оной въ свѣтъ, переплетена и представлена государю. Вслѣдъ за тѣмъ митрополитъ отправился во дворецъ. Для этого нарочно было избрано необыкновенное время — шесть часовъ вечера, чтобы необычайностью самаго посѣщенія встревожить императора. Митрополитъ упалъ къ ногамъ его и требовалъ удаленія князя Голицына, котораго управленіе, по его словамъ, колеблетъ церковь православную. Такая сцена не могла не подѣйствовать. Государь старался успокоить митрополита, сказалъ, что обратитъ вниманіе на его жалобу, и если найдетъ дѣйствія министра ошибочными, устранитъ отъ управленія ввѣренными ему частями. Подробности этого разговора, за кончиною всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, останутся на-всегда неизвѣстными, но главный результатъ, какъ тогда шептали, былъ таковъ: Магницкій, сблизившійся впослѣдствіи съ моимъ тестемъ, на бѣду послѣдняго (о чемъ упомянуто ниже), сказывалъ ему съ торжествомъ, что онъ вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ, а оттуда прошелъ къ подъѣзду государя, гдѣ уже столпилось довольно народу, привлеченнаго каретою митрополита, съ тѣмъ, чтобы видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ онъ изъ дворца—веселымъ или печальнымъ? Удостовѣрившись же по довольному выраженію лица владыки, что дѣло идетъ хорошо, поспѣшилъ въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ.

Я увѣренъ, что митрополитъ, этотъ полупросвѣщенный преемникъ высокообразованнаго, даровитаго Михаила, и Фотій, этотъ изступленный полупомѣшанный фанатикъ, дѣйствовали болѣе по внутреннему своему убѣжденію, по своей нетерпимости, были только орудіями Аракчеева и Магницкаго. Предательство же послѣдняго объяснить не трудно. Онъ постигалъ постепенно возрастающую силу Аракчеева, зналъ, что ему хотѣлось низвергнуть Голицына, видѣлъ, что мѣста графа Гурьева и князя Волконскаго замѣнены людьми, хотя даровитыми, но незначительными по происхожденію, по чинамъ, по занимаемымъ предъ тѣмъ должностямъ, и могъ надѣяться, что Аракчеевъ, за оказанную услугу, возведетъ его въ званіе министра. Онъ однакожъ ошибся въ своемъ преступномъ разсчетѣ.

Прежде всего послѣдовало высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера комитетомъ, составленнымъ изъ генералъ-губернатора графа Милорадовича, министра внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланского и президента Россійской академіи, адмирала А. С. Шишкова. Понятно, что только послѣдній изъ нихъ могъ настоящимъ образомъ заняться порученнымъ комитету дѣломъ, и занялся съ усердіемъ, тѣмъ болѣе жаркимъ, что не любилъ

князя Голицына (въ зависимости котораго состоялъ по званію президента академіи). Не любилъ какъ лично, по щекотливымъ отношеніямъ подчиненнаго, будучи старше его лѣтами и службою, такъ и за стѣснительную цензуру, дѣйствительно слишкомъ придирчивую, и препятствовавшую развитію литературы, за что̀ Голицынъ тогдашними литераторами былъ прозванъ не министромъ, а гасильникомъ просвѣщенія. Впрочемъ въ нѣкоторое, хотя неполное, оправданіе князя Александра Николаевича надобно сказать, что все это дѣлалось по преобладающему вліянію другихъ — главное — Магницкаго, а потомъ Рунича, попечителя Петербургскаго университета, и Попова, директора департамента просвѣщенія, фанатика, сосланнаго впослѣдствіи въ Зилактовскій монастырь близъ Казани [1]).

Вскорѣ по распространеніи слуха о существованіи комитета, пришелъ ко мнѣ добрый другъ мой и товарищъ по университету, Александръ Максимовичъ Княжевичъ (тогда начальникъ отдѣленія въ департаментѣ казначейства, нынѣ министръ финансовъ) [2]), сказать, что въ тотъ день заходилъ къ нимъ въ департаментъ квартальный надзиратель и спрашивалъ, гдѣ живетъ отставной профессоръ Яковкинъ; что, вѣроятно, его отыскиваютъ по участію въ переводѣ Госнеровой книги, и что я, по благорасположенію ко мнѣ Шишкова, могъ бы у него объ этомъ освѣдомиться, и по возможности защитить Яковкина. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Но прежде надобно сообщить о профессорѣ Яковкинѣ и о знакомствѣ моемъ съ достопочтеннымъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ.

Я сдѣлался ему извѣстнымъ со времени выхода въ свѣтъ

---

[1]) Поповъ слѣдовалъ сектѣ нѣкоей г-жи Татариновой, имѣвшей, не знаю почему, помѣщеніе въ Инженерномъ замкѣ, когда онъ именовался еще Михайловскимъ. Впрочемъ, тамъ жили, съ разрѣшенія государя, и другія лица, изъ людей недостаточныхъ и почему-либо ему извѣстныхъ. Татаринова установила тамъ особый родъ богомоленія, состоящій въ кружеяіи около чана съ водою, до упада; причемъ закружившійся получалъ будто бы даръ пророчества. Склонный къ чудесному, кн. Голицынъ посѣщалъ ее. Когда жъ она, еще при Александрѣ Павловичѣ, была выслана изъ замка, то поселилась на дачѣ по царскосельской дорогѣ. Число поклонниковъ увеличилось. Присоединились люди извѣстные (напримѣръ, супруга генерала-отъ-инфантеріи Головина, г. Дубовицкій, человѣкъ весьма богатый). Устроили домовую молельню, украшенную образами, писанными знаменитымъ художникомъ Боровиковскимъ, предавшимся въ старости мистицизму. Тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ сдѣлался самымъ жаркимъ послѣдователемъ. Наконецъ, жалобы дочерей его на тиранское съ ними обращеніе отца, принуждавшаго ихъ присоединиться къ сектѣ, открыли правительству (кажется въ 1840 г.) тайное оной существованіе. Татаринова и Дубовицкій разосланы были по разнымъ монастырямъ, а образа взяты въ Невскій.

[2]) Т. е. 1858 г.

(въ 1820 г.) моихъ идиллій, экземпляръ которыхъ послалъ ему, равно-какъ и ко всѣмъ первенствующимъ тогдашнимъ писателямъ, и чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ отпускъ. Чтожъ сдѣлалъ Шишковъ, никогда въ глаза меня невидавшій? Идилліи мои внесъ онъ въ Императорскую Россійскую Академію и предложилъ ихъ разсмотрѣть, а академія не только-что ихъ одобрила, но и присудила мнѣ меньшую золотую медаль [1]). Живя въ деревнѣ, я ничего подобнаго и ожидать не могъ, даже не зналъ, что академія награждаетъ писателей, какъ вдругъ получилъ о томъ предварительное извѣщеніе отъ Ястребцова, а вслѣдъ затѣмъ и отношеніе секретаря академіи, съ препровожденіемъ медали. Награда эта тѣмъ болѣе была мнѣ пріятна, что, получивъ ее въ сельскомъ нашемъ уединеніи, я могъ порадовать ею матушку, нѣжно любившихъ меня сестеръ и прочихъ родныхъ [2]). Возвратясь въ Петербургъ я не замедлилъ представиться Александру Семеновичу и лично благодарить его. Съ тѣхъ поръ онъ оказывалъ мнѣ постоянную благосклонность, но я мало ею пользовался. Чуждый всякаго искательства, притомъ довольно застѣнчивый, я всегда какъ-то дичился людей значительныхъ, и конечно терялъ чрезъ то много, поэтому рѣдко посѣщалъ Шишкова, и только лѣтъ черезъ десять, когда избранъ былъ въ члены Россійской Академіи, сдѣлался коротвимъ въ его домѣ.

Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ былъ добрый, почтенный человѣкъ, учености временъ прежнихъ, временъ Брянцова, Барсова, Чеботарева, и столькожъ, какъ они, преисполненный благонамѣренности и простодушія. Онъ былъ главнымъ помощникомъ попечителя Румовскаго при учрежденіи и устройствѣ Казанскаго университета. Румовскій имѣлъ къ нему полную довѣренность, профессора завидовали, студенты любили его. Огорченный Магницкимъ, онъ былъ отставленъ, хотя съ пенсіономъ, но, для

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что тѣмъ же журналомъ академіи, какъ и мнѣ, присуждена была, конечно по случайному стеченію обстоятельствъ, большая золотая медаль Карамзину за его исторію.

[2]) Кстати упомянуть, что въ деревнѣ же удостоился я вскорѣ получить золотые часы отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, доселѣ мною хранимые. Виною этой милости, тогда очень видной, былъ почтенный Александръ Ивановичъ Красовскій. Когда я прощался съ нимъ, отъѣзжая въ деревню, онъ спросилъ меня, почему я не представилъ идиллій моихъ государю? Потому—отвѣчалъ я—что теперь, судя по дѣйствіямъ министерства просвѣщенія, не обращается вниманія на изящную литературу. «Но императрица занимается ею; я слышалъ это отъ графини Строгоновой, представьте экземпляръ государынѣ».—«Теперь уже некогда, я завтра ѣду».—«Такъ пришлите его ко мнѣ, а я передамъ секретарю ея величества, Н. М. Лонгинову». Я такъ и сдѣлалъ.

бо́льшаго уничиженія, не изъ государственнаго казначейства, а изъ Человѣколюбиваго общества. Огорченный старикъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣла. Мы всѣ, находившіеся въ столицѣ, воспитанники Казанскаго университета, приняли его съ распростертыми объятіями, дали ему, сложившись, обѣдъ въ квартирѣ гг. Княжевичей, за которымъ онъ чуть ли не болѣе пролилъ слезъ умиленія, чѣмъ выпилъ шампанскаго, и старались по мѣрѣ силъ быть ему полезными. Однажды, за годъ предъ госнеровой исторіей, сидя у меня, онъ съ горемъ сообщилъ мнѣ, что бѣдность заставила его принять на себя переводъ нѣкоторыхъ статей книги Госнера, но примолвилъ: *нѣмецъ кажется завирается; я дѣлаю свои примѣчанія.* Квартальный надзиратель потому вѣроятно и обратился къ Княжевичамъ съ вопросомъ о квартирѣ Яковкина, что Магницкій могъ въ свое время какъ-нибудь спровѣдать объ упомянутомъ обѣдѣ и не забылъ этого.

Вслѣдствіе тревожнаго извѣстія, сообщеннаго мнѣ Княжевичемъ, я на другое же утро отправился къ Шишкову, опасаясь впрочемъ, что занятый важнымъ дѣломъ, онъ, пожалуй, и не приметъ; однакожъ меня позвали въ кабинетъ. Александръ Семеновичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ; предъ нимъ лежала розогнутая книга, — справо и слѣва бумаги.

— Не помѣшалъ ли я вашему высокопревосходительству?

— Нѣтъ; садись пожалуста; поговоримъ.

— Вы вѣрно заняты книгою, возбудившею вниманіе цѣлаго Петербурга?

— Да.

— Какъ вы ее находите?

— Очень вредною, богопротивною. И прочиталъ мнѣ, съ негодованіемъ нѣкоторыя мѣста, дѣйствительно противныя догматамъ православной вѣры, но вставленныя, какъ мнѣ показалось, не столько по дурному умыслу, сколько по излишней ученности, по желанію выказать глубокія познанія свои въ церковной исторіи и всю тонкость своихъ изслѣдованій. Тутъ я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія, обстоятельства, побудившія Яковкина принять участіе въ переводѣ этой книги и его объ ней сужденіе, прося не смѣшивать его съ другими переводчиками, и, въ случаѣ нужды, защитить. Шишковъ взялъ лежавшій съ правой стороны листъ бумаги, взглянулъ на него, и сказалъ: «Яковкина въ спискѣ нѣтъ.» Я обрадовался. Разговоръ о настоящихъ событіяхъ продолжился. Замѣтивъ, что старикъ мало, или почти ничего не зналъ о гнусной неблагодарности Магницкаго, о прежнихъ отношеніяхъ его къ князю Голицыну, я съ

жаромъ и подробно пересказалъ ему о томъ. Это было въ день Вознесенія, 15 мая. Возвратившись отъ Шишкова, поспѣшилъ успокоить Княжевичей.

На другое утро, въ семь часовъ, когда я еще спалъ, вошелъ ко мнѣ въ спальню и разбудилъ меня Ястребцовъ. «Опасенія наши, сказалъ онъ, совершились: князь Голицынъ болѣе не министръ; вчера состоялся указъ о назначеніи на его мѣсто Шишкова [1]), всѣмъ намъ худо, кромѣ васъ. Вставайте, одѣвайтесь и поѣзжайте поздравлять новаго министра.» Хотя и не ожидалъ я хорошихъ послѣдствій для князя Голицына отъ дѣйствій возставшихъ противъ него враговъ, но никакъ не предполагалъ такого скораго результата, тѣмъ болѣе, что о выкраденной изъ типографіи книгѣ Госнера и о свиданіи митрополита съ государемъ, узналъ уже послѣ, когда ходъ дѣла болѣе прояснился. Не любя, какъ упомянуто выше, соваться въ глаза и заискивать, я отвѣчалъ Ястребцову, что, бывая у Шишкова рѣдко и посѣтивши его недалѣе, какъ вчера, не поѣду; не хочу и не могу быть выскочкою въ числѣ поздравителей. Ястребцовъ настаивалъ, даже упрекалъ меня, что я видно не желаю быть полезнымъ друзьямъ своимъ. Наконецъ, послѣ долгихъ убѣжденій, видя, что Ястребцовъ сердится серьезно (а надобно вспомнить, что онъ былъ мой начальникъ), я обѣщалъ ѣхать, но не прежде, какъ въ воскресенье. По крайней мѣрѣ, въ праздничный день приличнѣе, думалъ я.

Итакъ, въ воскресенье въ 9 часовъ утра ѣду въ Фурштадтскую улицу, гдѣ Шишковъ имѣлъ собственный домъ (нынѣ трактиръ), замѣтный по выпуклымъ у оконъ нижняго этажа желѣзнымъ рѣшеткамъ. Новый министръ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и въ морскомъ мундирѣ, котораго я никогда не видалъ на немъ въ прежнія мои посѣщенія; онъ всегда сидѣлъ въ халатѣ. Поздравленіе мое принято весьма благосклонно, тѣмъ болѣе, что я выразилъ въ немъ надежду на будущее процвѣтаніе русской словесности и, между прочимъ, ссылаясь на текстъ указа, сказалъ, что если управленіе иностранными исповѣданіями повелѣно привести въ предѣлы, въ которыхъ находилось оно до 1810 года, то еще кажется нужнѣе поставить въ эти предѣлы министерство народнаго просвѣщенія, искаженное влія-

[1]) Замѣчательно, что государь подписывалъ указъ о назначеніи Шишкова министромъ въ то самое время, когда я, сидя у него, съ такимъ негодованіемъ объяснялъ ему предательство Магницкаго. Казалось бы, что послѣ онъ могъ обратить вниманіе на знаменательность стеченія сихъ обстоятельствъ, ибо вступалъ теперь въ близкое сношеніе съ этимъ опаснымъ человѣкомъ, но онъ къ позднему раскаянію этого не сдѣлалъ.

ніемъ фанатиковъ. Шишковъ жаловался на свою старость, на то, что государь, не спрося его согласія, сдѣлалъ его министромъ, говорилъ, что намѣренъ писать къ нему объ этомъ и покажетъ мнѣ напередъ это письмо. «Вотъ, не далѣе, какъ въ понедѣльникъ, встрѣтился я съ государемъ во дворцѣ, проходя въ Совѣтъ; онъ остановился, очень благосклонно спросилъ меня о здоровьи. Почему бы тутъ же не сказать мнѣ о своемъ намѣреніи? Я бы отказался.» Вскорѣ у крыльца застучали кареты поздравителей; мы перешли въ гостиную; Александръ Семеновичъ указалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя; чрезъ полчаса всѣ восемь креселъ, идущихъ отъ дивана, заняты были почетными гостями. Мнѣ, молодому человѣку, какъ-то совѣстно, какъ-то стѣснительно было сидѣть между ними: я всталъ. Министръ, къ удивленію, проводилъ меня до дверей гостиной и, остановясь, спросилъ: «Когда же ты у меня отобѣдаешь?» (Я никогда у него прежде не обѣдывалъ).—Когда прикажете. — Да гдѣ-бишь ты живешь-то. — Въ домѣ Коммиссіи Духовныхъ училищъ. — А, помню, хорошо [1]).

Ястребцовъ, нетерпѣливо ожидавшій моего возвращенія, очень былъ доволенъ разсказомъ о благосклонности ко мнѣ министра, выводя изъ оказаннаго мнѣ довѣрія — прочитать письмо, которое напишетъ государю — изъ провода до дверей и приглашенія обѣдать, хорошее въ пользу мою заключеніе. «Когда жъ вы поѣдете къ нему?» подъ конецъ спросилъ онъ. — Когда пришлетъ меня звать.—«Помилуйте, до того ли ему теперь, чтобы помнить, что хотѣлъ позвать васъ обѣдать; онъ же, извѣстно, по старости, забывчивъ; вы прождете; а между тѣмъ на будущей недѣлѣ вамъ надобно отсюда ѣхать (дѣйствительно, получивъ уже разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ и отпускъ, я собирался на слѣдующей недѣлѣ отправиться въ Казань); ступай просто, безъ зова, такъ, дня черезъ три. Это все равно». Я никакъ не могъ согласиться, чтобы это было все равно и не ѣхалъ. Между тѣмъ Ястребцовъ почти каждый день продолжалъ меня подталкивать. Пренія наши кончились тѣмъ, что я напослѣдокъ обѣщалъ ему въ слѣдующее воскресенье, въ Троицынъ день, заѣхать къ Александру Семеновичу напередъ по утру, съ тѣмъ, что онъ можетъ быть повторитъ приглашеніе. Такъ и вышло. «Когда же ты у меня обѣдаешь?» спросилъ опять Александръ Семеновичъ.—Если прикажете, хоть сегодня.—«Такъ хорошо, пріѣзжай». Въ этотъ же разъ онъ снова отозвался съ

[1]) Квартира моя была извѣстна ему потому, что онъ иногда посылалъ мнѣ нѣкоторыя книги.

большимъ одобреніемъ о моемъ *Похвальномъ словѣ князю Кутузову-Смоленскому*, только-что мѣсяца за полтора передъ тѣмъ вышедшемъ въ свѣтъ. Оно было извѣстно ему еще въ рукописи; онъ еще тогда читалъ его вдовѣ фельдмаршала, княгинѣ Екатеринѣ Ильиничнѣ и, помню, сдѣлалъ мнѣ одно прекрасное замѣчаніе въ описаніи бородинской битвы, которымъ я воспользовался, отчего описаніе это много выиграло.

Да позволено мнѣ будетъ прервать на минуту нить главнаго повѣствованія, чтобы разсказать о весьма пріятномъ для меня событіи по поводу выхода въ свѣтъ этого сочиненія. Отъѣзжая въ прошедшемъ году въ отпускъ, я просилъ Александра Максимовича Княжевича принять на себя трудъ наблюсти за печатаніемъ онаго, просматривать корректуру, а по отпечатаніи — разослать нѣсколько хорошо переплетенныхъ экземпляровъ извѣстнымъ лицамъ, по оставленному мною списку; въ томъ числѣ два экземпляра къ Николаю Михайловичу Лонгинову—одинъ собственно для него, а другой — для представленія государынѣ, такъ какъ я, тронутый прежнимъ ея ко мнѣ вниманіемъ, считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это. Добрый другъ мой исполнилъ все къ моему возвращенію; не успѣлъ только разослать назначенныхъ экземпляровъ, что̀ уже и стало личною моею заботою. Къ тому, другому посылаю въ пакетахъ съ курьерами, къ Красовскому везу самъ три экземпляра для него и, какъ упомянуто выше—для Лонгинова и для императрицы. Спустя недѣлю вижу сонъ (подъ утро 2-го мая), будто входитъ ко мнѣ придворный лакей и подаетъ красную сафьянную коробочку; раскрываю, три брилліантовые кружка. Въ это самое время (въ 8 часовъ утра) человѣкъ мой будитъ меня, говоря, что пріѣхалъ придворный ѣздовой. Надѣваю халатъ; выхожу; ѣздовой подаетъ мнѣ пакетъ; распечатываю—письмо отъ Лонгинова, съ препровожденіемъ фермуара, пожалованнаго императрицею моей невѣстѣ! раскрываю красный сафьяный футляръ—вижу фермуаръ, составленный изъ трехъ совершенно круглыхъ частей (средняя побольше боковыхъ) точно такихъ, какія видѣлъ я во снѣ! Чѣмъ объяснить этотъ сонъ, такъ вѣрно и такъ быстро сбывшійся? Тѣмъ, что можетъ быть я много думалъ о посланномъ мною къ государынѣ экземплярѣ, надѣялся на новую отъ нея милость? Нѣтъ; во-первыхъ потому, что это сочиненіе было посвящено государю императору и поднесено ему оффиціально министромъ просвѣщенія: слѣдственно, отъ него только могъ я надѣяться какого-либо вниманія [1]); наградить меня было дѣло его,

[1]) Я и дѣйствительно получилъ отъ его величества подарокъ, можно сказать бо-

а не императрицы; съ ея стороны, видя при книгѣ печатное посвященіе августѣйшему супругу, весьма достаточно было ограничиться милостивымъ словомъ чрезъ Лонгинова, чего только я и надѣялся; во-вторыхъ, я въ то время такъ былъ занятъ множествомъ приготовленій къ сватьбѣ (мнѣ не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь предъ будущимъ моимъ тестемъ, человѣкомъ роскошнымъ, и предъ такимъ городомъ, каковъ Казань); въ-третьихъ, настоящія событія такъ вообще были важны, и для меня лично такъ интересны, что все другое мало меня занимало. Да и могло ли придти въ голову, чтобы императрица оказала мнѣ такую необыкновенную милость, какой могъ быть удостоенъ развѣ человѣкъ самый къ ней близкій, значительный? Всѣ мои знакомые были изумлены и тронуты. Выходитъ, что сонъ этотъ принадлежитъ къ числу многихъ подобныхъ неизъяснимыхъ явленій нашей жизни, гдѣ гордый, пытливый умъ человѣческій долженъ умолкнуть, и гдѣ начинается область одной вѣры.

Письмо Лонгинова было слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь мой,
Владимиръ Ивановичъ!

Я имѣлъ счастіе представить государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ экземпляръ сочиненнаго вами историческаго Похвальнаго слова князю Смоленскому. Ея императорское величество, удостоивъ оный всемилостивѣйшаго принятія и свѣдавъ, что вы недавно помолвлены, высочайше повелѣть мнѣ соизволила препроводить къ вамъ, для врученія невѣстѣ вашей, брилліантовый фермуаръ, всемилостивѣйше пожалованный въ знакъ высочайшаго вниманія къ трудамъ вашимъ, и вмѣстѣ пожелать вамъ совершеннаго благоденствія въ супружествѣ вашемъ. Даръ сей прилагая, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ,

вашего высокоблагородія
покорный слуга
Н. Лонгиновъ.

№ 330.
1-го мая 1824 года.
Его высокобл.:
В. И.
Панаеву.

гатый — бриллiантовый перстень въ двѣ тысячи рублей ассигн. Судя по тогдашнимъ цѣнамъ и небольшому чину моему — коллежскаго ассесора, милость эта была всѣми признана значительною, даже неожиданною, тѣмъ болѣе, что сочиненіе мое заключало въ себѣ мѣста щекотливыя, именно тамъ, гдѣ говорилось о постигшей Кутузова опалѣ. Доказательствомъ тому, какъ холодны были въ то время къ литературѣ и государь и министръ, служитъ то, что рукопись моя два года прогостила въ портфелѣ князя Голицына: онъ все выжидалъ удобнаго для доклада случая. Замѣчательно также, что государь приказалъ ему прочитать вслухъ нѣкоторыя мѣста, — и какъ нарочно попались щекотливыя. Объ этомъ сказывалъ мнѣ Ястребцовъ слышанное отъ князя. Тѣмъ болѣе цѣны великодушію его величества.

Всякой пойметъ, какъ было мнѣ пріятно получить такое письмо, и такой высочайшій подарокъ препроводить въ Казань къ моей невѣстѣ.

Но прежде, чѣмъ отправлюсь обѣдать къ Александру Семеновичу, слѣдуетъ упомянуть, что книга Госнера была истреблена, а самъ онъ высланъ за границу; что новое министерство принялось за разсмотрѣніе нѣкоторыхъ другихъ книгъ, или запрещенныхъ прежнимъ (какъ, напримѣръ, *Плачъ на гробъ младенца, Станевича*), или покровительствуемыхъ (какъ книга Таулера [1]), переводъ Ястребцова); что князь Голицынъ назначенъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ; что директора департамента просвѣщенія, Попова, перемѣстилъ онъ въ директоры особой своей канцеляріи, а директору департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Тургеневу и правителю дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ Ястребцову испросилъ годовые отпуски съ благородною цѣлію устранить ихъ отъ гоненій восторжествовавшей партіи; что исправляющими должность директоровъ департамента просвѣщенія и департамента иностранныхъ исповѣданій Шишковъ назначилъ статскихъ совѣтниковъ: Дмитрія Ивановича Языкова и Григорія Ивановича Карташевскаго, людей ему извѣстныхъ, весьма достойныхъ и просвѣщенныхъ. Хотя я давно пользовался ихъ знакомствомъ, особливо послѣдняго, но они никогда прежде у меня не бывали, а теперь оба меня посѣтили, сообщивъ, между прочимъ, что Александръ Семеновичъ въ это короткое время не разъ уже заводилъ съ ними рѣчь обо мнѣ; что онъ желаетъ имѣть при себѣ канцелярію и чуть ли мѣтитъ не на меня — въ правители оной; слѣдственно, очень жаль, что я уѣзжаю, и такъ на-долго. Я дѣйствительно взялъ отпускъ на пять мѣсяцевъ, не зная положительно, когда назначенъ будетъ день сватьбы.

За столомъ у министра было гостей немного — человѣкъ двѣнадцать и съ дамами. Послѣ обѣда повелъ онъ меня въ свой кабинетъ, заперъ за собою дверь и прочиталъ неконченное еще письмо свое къ государю, гдѣ онъ выражалъ сожалѣніе, что не спрошено напередъ его согласіе, говорилъ, что онъ старъ, стоитъ уже одною ногою въ гробѣ, что чувствуетъ себя неспособнымъ нести возложенное на него бремя; далѣе объяснялъ — въ чемъ, по его понятіямъ, состоитъ истинное просвѣщеніе. Послѣ того завелъ онъ со мною рѣчь о Екатеринѣ, которую, можно сказать, обожалъ; сообщилъ мнѣ много любопытнаго о ея царствованіи и прочиталъ описанный имъ случай самоотверже-

[1]) «Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Іисуса Христа».

нія государыни, съ какимъ согласилась она на женитьбу любимца своего, Дмитріева-Мамонова, и даже сама, скрѣпя сердце, убирала къ вѣнцу его невѣсту. Въ шесть часовъ вошелъ человѣкъ доложить, что коляска готова. «Поѣдемъ со мною въ Катерингофъ, и дорогою еще поговоримъ» сказалъ Александръ Семеновичъ. Извѣстно, что въ Троицынъ день ежегодно бываетъ въ Катерингофѣ большое гулянье, тогда оно было блистательнымъ, нынѣ только многолюдное. Какъ ни лестно было бы мнѣ, молодому человѣку, сѣсть въ одну коляску съ новымъ министромъ, на котораго обращены были всѣ взоры, и явиться съ нимъ посреди лучшей петербургской публики, но мнѣ было не до того; я думалъ о дорогѣ, о моей невѣстѣ, и — отказался.

— Извините, сказалъ я, дня черезъ три мнѣ надобно ѣхать, а хлопотъ и сборовъ осталось еще довольно.

— Жаль; такъ стало быть мы теперь и простимся?

— Позвольте.

Старикъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Когда-жъ возвратишься?

— Мѣсяца черезъ четыре, если не болѣе.

— Долго же прогостишь. А чтожъ ты думаешь о себѣ?

— Теперь, право, ничего не могу сказать. Всѣ мои мысли заняты женитьбою.

— Ну однакожъ чего бы желалъ ты?

Я вполнѣ понялъ, къ чему клонится вопросъ, и отвѣчалъ:

— Если ваше высокопревосходительство въ прошлогоднее мое отсутствіе, по собственному вашему вызову, такъ заботились о помѣщеніи меня въ канцелярію государственнаго совѣта [1]), то теперь когда вы министръ....

— Ну чтожъ?

— Теперь прошу васъ только не забыть, что я ворочусь женатымъ.

— Хорошо, не забуду.

При этомъ словѣ онъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ. Мы разстались. Всякій, думаю, согласится со мною, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ я не могъ дать ему положительнаго

---

[1]) Передъ отъѣздомъ моимъ въ прошедшемъ году Александръ Семеновичъ однажды сказалъ мнѣ: «Тебѣ бы лучше служить въ государственномъ совѣтѣ, тамъ же кстати составляются теперь новые штаты. Если хочешь, я похлопочу». Я искренно благодарилъ, но позволилъ себѣ выразить желаніе, сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящее мѣсто, такъ какъ оно давало мнѣ квартиру. Онъ обѣщалъ имѣть это въ виду. И дѣйствительно, какъ узналъ я по возвращеніи, при всемъ нерасположеніи своемъ къ князю Голицыну, два раза объ этомъ съ нимъ объяснялся. Штаты однакожъ тогда не состоялись и намѣреніе осталось безъ исполненія.

Бтвѣта. Мнѣ оставалось только намекнуть, что женатому человѣку нужно мѣсто по-выгоднѣе относительно содержанія.

На другое утро, въ Духовъ день, пришли ко мнѣ товарищи мои по университету: Евареетъ Андреевичъ Груберъ (нынѣ попечитель Казанскаго университета) и профессоръ Василій Ильичъ Темьянскій [1]) и сообщили мнѣ извѣстіе, что князь Шихматовъ опредѣленъ директоромъ Казанскаго университета. Это меня поразило. Я хотѣлъ непремѣнно прежде отъѣзда объясниться по этому обстоятельству съ протоіереемъ Маловымъ, и хотя свободнаго времени было у меня мало, однакожъ вечеромъ я къ нему поѣхалъ. Нашелъ у него множество гостей (на его улицѣ былъ праздникъ—гулянье въ Лѣтнемъ саду); всѣ комнаты были ими заняты, ни одного уголка свободнаго, гдѣ бы поговорить про себя: хозяинъ повелъ меня въ кладовую. «Скажите, батюшка—спросилъ я—правда-ли, что князь Шихматовъ опредѣленъ въ директоры Казанскаго университета?» — Къ сожалѣнію, правда. —Чтожъ это значитъ? Не при васъ ли онъ говорилъ, что не приметъ этой должности? — Да; не понимаю. Можетъ быть обстоятельства: онъ человѣкъ семейный, а тамъ содержаніе лучше. — Да безопасны ли мы съ нашею откровенностью, при теперешнемъ раздраженіи господствующей партіи?

— О, этого я ужъ не думаю; будьте покойны.

Шихматовъ, уступивъ въ это время настоянію Магницкаго, нашелъ однако возможность, подъ разными предлогами, не ѣхать въ Казань. Чрезъ посредство брата своего, морского капитана, извѣстнаго стихотвореніями своими въ возвышенномъ библейскомъ тонѣ, и принявшаго впослѣдствіи санъ иноческій, котораго Александръ Семеновичъ, за его кротость, благочестіе, талантъ и славянизмъ, любилъ какъ сына, онъ надѣялся найти въ министрѣ болѣе сильнаго покровителя, чѣмъ Магницкій, и достигнуть болѣе виднаго мѣста. И дѣйствительно, мѣсяца черезъ четыре онъ былъ уже правителемъ дѣлъ вновь учредившейся канцеляріи министра народнаго просвѣщенія. А какъ впродолженіе этого времени успѣлъ онъ, по ходатайству Магницкаго, получить чинъ коллежскаго совѣтника и анненскій второй степени орденъ, къ которому представленъ былъ еще прежнимъ начальствомъ, но представленіе залежалось въ комитетѣ министровъ, то разгнѣванный Михаилъ Леонтьевичъ, пріѣхавъ поздравить его

[1]) Темьянскій, какъ отличный натуралистъ, былъ посланъ въ кругосвѣтное плаваніе; но корабль потерпѣлъ бурю у береговъ Норвегіи, и онъ воротился. По этой неудачѣ онъ оставилъ ученую службу; умеръ къ сожалѣнію въ зрѣлыхъ еще лѣтахъ. Это былъ весьма достойный человѣкъ.

съ новымъ назначеніемъ, прекратилъ свои къ нему посѣщенія и даже избѣгалъ съ нимъ встрѣчи.—Винить ли Шихматова, что онъ ловкимъ маневромъ ускользнулъ изъ-подъ власти такого человѣка?

Я не видалъ, какъ текло время мое въ Казани, наслаждаясь супружескою жизнію, въ которую вступилъ 27 іюля, ежедневною увлекательною бесѣдою моего тестя (Денисъ Давыдовъ называлъ его Вальтеръ-Скоттомъ), ласками матери, дяди, сестеръ, братьевъ, которые всѣ одобряли мое супружество, любили жену мою, наконецъ самымъ искреннимъ, радушнымъ расположеніемъ высшаго круга общества, знавшаго меня еще въ юности и жившаго тогда весело и привольно.

Къ концу моего отпуска, жена моя была уже почти въ половинѣ беременности; наступила осень, самая дурная, долго затянувшаяся, такъ что Волга стала окончательно только 29 декабря. Ѣхать въ Петербургъ было невозможно.

Въ ноябрѣ тесть мой получилъ письмо отъ Карташевскаго, который писалъ: «Что вы держите Владимира Ивановича? высылайте его сюда; мы съ Языковымъ давно уже бережемъ для него, каждый у себя, мѣсто начальника отдѣленія; но долго ждать нельзя; ваканціи требуютъ замѣщенія.» Я тотчасъ написалъ къ Княжевичу, чтобы онъ побывалъ у Григорія Ивановича и сказалъ бы, что я предоставляю ему замѣстить ваканцію, кѣмъ ему угодно, поелику прощаясь съ министромъ, замѣтилъ изъ словъ его, что ему пріятнѣе было бы, чтобы я служилъ собственно по министерству просвѣщенія.—Это была маленькая ложь; но я не хотѣлъ простымъ, сухимъ отказомъ оскорбить доброжелательнаго Карташевскаго.

Не прежде, какъ 20 февраля слѣдующаго 1825 года, могъ я выѣхать изъ Казани. Въ Москвѣ нашелъ Ивана Ивановича Ястребцова, который, пользуясь годичнымъ отпускомъ, жилъ тамъ, на своей родинѣ. Отъ него, отъ профессоровъ Каченовскаго, Мерзлякова, Перевощикова (тоже добраго товарища по Казанскому университету) съ сожалѣніемъ узналъ я, что, по слухамъ, Магницкій также почти овладѣлъ Шишковымъ, какъ нѣкогда Голицынымъ; что дѣла идутъ хотя не совсѣмъ въ томъ духѣ, но не лучше прежняго.

По пріѣздѣ въ Петербургъ отправляюсь въ тотъ же вечеръ къ князю Шихматову, чтобы узнать, что̀ дѣлается. Князь подтвердилъ мнѣ слышанное мною въ Москвѣ.

— Были ли вы у министра, спросилъ онъ?

— Нѣтъ еще, собираюсь завтра.

— Не откладывайте; да напомните ему о себѣ, о вашемъ къ намъ перемѣщеніи.

— Я не могу говорить о себѣ; у меня языкъ не поворотится. Да и къ чему, если Александръ Семеновичъ приказалъ сохранить для меня не одно, а даже два мѣста, на выборъ.

— Такъ, я знаю; а все таки лучше, если поговорите.

На другой день ѣду къ министру. Онъ принялъ меня по прежнему очень благосклонно. Первые вопросы относились къ моей женитьбѣ, съ изъявленіемъ желанія, чтобы я познакомилъ съ нимъ жену мою.

— А что Казанскій университетъ?

— Хуже всякой семинаріи.

Вмѣсто того, чтобы остановиться на такомъ рѣзкомъ отвѣтѣ, и по крайней мѣрѣ спросить: почему? онъ перемѣнилъ разговоръ вопросомъ: не написалъ ли я чего нибудь новаго?... Это было уже яснымъ подтвержденіемъ, что вліяніе Магницкаго сильно. Собственно о мѣстѣ ни я, ни онъ не проронили ни слова.

На пятый день пребыванія моего въ Петербургѣ неожиданно пріѣзжаетъ изъ Москвы Ястребцовъ. «Я соскучился по васъ, говоритъ онъ, обнимая меня, теперь же вы съ милою супругою: буду около васъ доживать годовой мой отпускъ. А что ваше опредѣленіе?

— Пока ничего еще не знаю?

— Вотъ видите ли, вы здѣсь пять дней, и не знаете: а я пріѣхалъ только сегодня, да знаю. Васъ обнесли чарочкой: мѣсто начальника отдѣленія, которое столько времени берегли для васъ, отдано Фарфоровскому, не далѣе, какъ третьяго дня; объ васъ же вчера пошла записка въ Комитетъ министровъ, съ назначеніемъ въ чиновники особыхъ порученій. Разница: тамъ жалованья 2,500 р. и квартира, а тутъ только 2,000 р.

Такое извѣстіе не могло меня не взволновать. Скачу къ Шихматову. Ни у Языкова, ни у Карташевскаго, за хлопотами по новому домашнему устройству, мнѣ не удалось еще быть.

— Скажите, князь, что это значитъ?

— Да вѣдь я говорилъ вамъ, чтобъ напомнили о себѣ Александру Семеновичу.

— Послушайте; если вы знали, какъ видно по всему, что тутъ есть интрига, если слышали мой отвѣтъ, что не могу о себѣ говорить, то почему не выразились яснѣе, или не остерегли Александра Семеновича. Я былъ съ вами откровеннѣе.

— Ваше опредѣленіе до меня не касается, отвѣчалъ Шихматовъ (это по части Дмитрія Ивановича Языкова). Тутъ кажется не безъ грѣха съ его стороны. Онъ очень друженъ съ Ниловымъ,

землякомъ своимъ и товарищемъ по воспитанію, а тотъ, по дому Державиной и графини Орловой—съ Магницкимъ; въ отдѣленіи же, которое вамъ назначалось, производятся дѣла Казанскаго университета, понимаете! Узнавши о вашемъ пріѣздѣ вдругъ заторопились: представили Александру Семеновичу записку въ Комитетъ о назначеніи въ начальники отдѣленія столоначальника Фарфоровскаго; Александръ Семеновичъ, по усилившейся въ немъ забывчивости, подписалъ; когда жъ представили другую о васъ,— онъ вспомнилъ, что готовилъ это мѣсто вамъ, и разсердился; но его успокоили тѣмъ, что Фарфоровскій, служа въ этомъ отдѣленіи пятнадцать лѣтъ столоначальникомъ, очень опытенъ въ дѣлахъ, и что записка о немъ отправлена уже въ Комитетъ.

На другой день являюсь къ министру: «Здравствуй, Владиміръ Ивановичъ, садись.»

Я поклонился, но не сѣлъ.

— Чтожъ ты не садишься?

— До сихъ поръ я имѣлъ честь быть вашимъ знакомымъ,— теперь я вашъ подчиненный; позвольте прежде поблагодарить.

Онъ всталъ съ своего мѣста; обошелъ вокругъ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ, и потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «Я очень радъ, что будемъ служить вмѣстѣ.»

— Но позвольте откровенно сказать: не то вы мнѣ готовили, не то я получилъ.

— Чтожъ дѣлать, братецъ: тотъ, кто теперь опредѣленъ, говорятъ, человѣкъ опытный и давно тутъ служитъ.

— Съ тою же откровенностью скажу вамъ, что я охотно бы уступилъ первенство г. Фарфоровскому, еслибъ меня объ этомъ спросили: я его знаю; а то ждавши меня цѣлые восемь мѣсяцевъ, вдругъ, когда я былъ уже здѣсь, выхватили мѣсто, такъ сказать, изъ подъ-носа.

— Ну, не сердись, успокойся, послѣ какъ-нибудь поправимъ дѣло.

Поступокъ Языкова, если это было такъ, какъ объяснялъ князь Шихматовъ, крайне огорчилъ меня, потому-что я любилъ и уважалъ его, за его доброту, простую русскую привѣтливость, большія познанія и необыкновенное трудолюбіе. Впрочемъ не мудрено: въ послѣднюю бытность мою въ Казани, я еще съ бо́льшимъ негодованіемъ отзывался о Магницкомъ, будучи, такъ сказать, свидѣтелемъ его Іудина предательства [1]), а клевреты его разумѣется доносили; слѣдственно, ему былъ поводъ постараться

[1]) Одинъ изъ моихъ соучениковъ, князь Гундоровъ, написалъ на него прекрасную эпиграмму. Вотъ она:

не допустить меня до управленія отдѣленіемъ, завѣдывавшимъ дѣлами Казанскаго университета, на Языкова же дѣйствовалъ онъ посредствомъ Нилова. Конечно, ни Языковъ, ни князь Шихматовъ не питали расположенія къ Магницкому; скорѣе онъ былъ имъ, какъ и всѣмъ порядочнымъ людямъ, противенъ, но они, зная силу его у графа Аракчеева, конечно боялись его и при случаѣ угождали.

Неутралитета князя Шихматова въ моемъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, также похвалить нельзя.

Въ досадѣ на Языкова я рѣшился вовсе къ нему не ѣхать, не смотря на то, что нѣкоторымъ образомъ поступилъ въ его зависимость. Такъ проходило около мѣсяца, въ продолженіе котораго я отыскивалъ и нашелъ себѣ квартиру въ Фурштадтской улицѣ, потому-что казенную долженъ былъ оставить; снабдилъ ее мебелью и всѣми нужными для жизни человѣка семейнаго принадлежностями. Къ тому же приближалось разрѣшеніе жены моей, а это также требовало своихъ заботъ и подготовленій. Наконецъ, я могъ начать дѣлать визиты для возобновленія знакомствъ, и приняться за исполненіе порученій моего дяди, моего тестя. Въ числѣ ихъ была просьба послѣдняго вручить лично Сперанскому письмо его, по дѣламъ княгини Шаховской (въ послѣдствіи графини Полье и княгини Бутѣра), которыми Сперанскій завѣдывалъ въ качествѣ опекуна; главная же цѣль состояла въ томъ, чтобы я, воспользовавшись этимъ свиданіемъ, объяснилъ Михайлу Михайловичу странное положеніе моего тестя, три года отлично управляющаго губерніею и до сихъ поръ не утвержденнаго въ должности. Порученіе это принялъ я съ удовольствіемъ уже и потому, что мнѣ давно хотѣлось поближе всмотрѣться въ этого необыкновеннаго человѣка, а я видалъ его только издали.

Пріѣзжаю. Сперанскій жилъ тогда въ домѣ Лазаревыхъ на Невскомъ проспектѣ. Молодой, благообразный швейцаръ деликатно спрашиваетъ меня: кто я, какого чина, зачѣмъ, по своему или чужому дѣлу? сказываю. «Извините, продолжаетъ швейцаръ, я не могу теперь доложить о васъ его превосходительству, а пришлите вечеркомъ человѣка, тогда я скажу приметъ ли васъ Михаилъ Михайловичъ и въ какое время. У насъ такой обычай.» Я подивился нѣсколько этому обычаю, но тогда же сообразилъ, что Сперанскій, послѣ своего паденія, вѣроятно сталъ

Магницкій, право, въ свѣтѣ чудо;
Но жаль, что поздно онъ родился для чудесъ:
За тайной вечерью онъ вѣрно бъ былъ Іуда,
А въ Директоріи — Сіэсъ.

очень остороженъ насчетъ знакомства и сношеній съ новыми лицами, особливо, если предположить, что могущественный, стокій Аракчеевъ, можетъ быть, наблюдалъ за нимъ.—Вечеромъ человѣкъ мой возвратился съ отвѣтомъ, что Сперанскій проситъ меня завтра въ семь часовъ утра. Такое раннее назначеніе подтверждало мою загадку.

Въ маленькой, узенькой комнаткѣ четвертаго этажа сидѣлъ Михаилъ Михайловичъ за книгою, въ гороховомъ сюртукѣ, когда въ семь часовъ слѣдующаго утра я вошелъ къ нему. Онъ принялъ меня весьма привѣтливо; сказалъ, что давно знаетъ меня по имени, по моимъ литературнымъ трудамъ и очень радъ лично познакомиться. Обращеніе его было такъ просто, такъ обязательно, что я, послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго смущенія, скоро ободрился и говорилъ о моемъ тестѣ съ увлеченіемъ. Послѣ этого Сперанскій спросилъ меня:

— Гдѣ вы служите?

— Съ весьма недавняго времени чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія.

— Спрашивалъ онъ васъ о Казанскомъ университетѣ?

— Спрашивалъ.

— Что жъ вы сказали?

— Я сказалъ, что университетъ хуже всякой семинаріи.

— А онъ что на это?

— Онъ замолчалъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ.

— Такъ вы остановились? жаль.

— Нечего было дѣлать; но при первомъ удобномъ случаѣ я непремѣнно возобновлю этотъ прерванный разговоръ.

При этомъ словѣ Сперанскій быстро привсталъ, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Я васъ объ этомъ прошу. Нѣтъ ли около Александра Семеновича еще такихъ же добрыхъ людей. Соединитесь всѣ!

Выходка эта чрезвычайно меня удивила, что̀ и выразилось на моемъ лицѣ. Михаилъ Михайловичъ тотчасъ это примѣтилъ и продолжалъ:

— Вы удивляетесь?

— Потому (съ замѣшательствомъ произнесъ я), потому-что вы кажется находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ г. Магницкимъ.

— Да, я *былъ* его — его другомъ (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ *былъ)* и потому-то такъ хорошо его знаю. Я вамъ его опишу; это государственный злодѣй! это архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, который стоитъ подлѣ почтеннаго старца Шишкова и препятствуетъ уважать его какъ бы слѣдовало.

Это неожиданное откровенное объясненіе, эти слова, произнесенныя съ такимъ жаромъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я и безъ того, какъ боченокъ съ порохомъ, былъ начиненъ негодованіемъ къ Магницкому, а тутъ еще брошена въ него искра, и кѣмъ же? Человѣкомъ, на котораго съ юношескихъ лѣтъ привыкъ я смотрѣть какъ на явленіе необычайное, какъ на лицо историческое, съ огромнымъ авторитетомъ. Я вышелъ отъ него взволнованный до-нельзя и прямо къ Языкову, забывая все мое противъ него неудовольствіе. Частное зло, мнѣ причиненное, исчезло при мысли о возможномъ отвращеніи вреда общаго. Дмитрій Ивановичъ не вышелъ, а выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и, обнимая меня, сказалъ: «Не сердитесь на меня, любезнѣйшій Владимиръ Ивановичъ; я право не такъ виноватъ, какъ вы думаете; увидите послѣ сами.»

Что онъ хотѣлъ дать мнѣ этимъ понять—не знаю; вѣроятно общее на все министерство вліяніе Магницкаго и свое безсиліе, или слова эти вылились просто отъ замѣшательства.

«Забываю все, отвѣчалъ я, и пріѣхалъ къ вамъ объясниться по предмету гораздо важнѣйшему. Я сейчасъ отъ Сперанскаго.» Тутъ я передалъ Языкову разговоръ мой съ Михайломъ Михайловичемъ во всей подробности и продолжалъ: «Не обидно ли слышать такія слова отъ государственнаго человѣка, котораго мнѣніе имѣетъ такой вѣсъ въ публикѣ? Не кладутъ ли они пятна на наше министерство, и не должны ли мы общими силами постараться освободить старика отъ сѣтей обаятеля?»

Языковъ отвѣчалъ, что все это такъ, что преобладаніе Магницкаго велико, что старикъ подчиняется оному, но не по убѣжденію, какъ князь Голицынъ, а по какой-то невнимательности, по какому-то равнодушію; что онъ, Языковъ, ничего одинъ сдѣлать не можетъ.

— А князь Шихматовъ?

— Къ сожалѣнію, мы съ нимъ не въ ладахъ; соблюдаемъ одну наружность.

— Хотите ли съ нимъ поладить?

— Охотно.

— Такъ я сейчасъ же къ нему поѣду и постараюсь убѣдить. Ежели согласится — пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ семь часовъ вечера. Его я также приглашу, и дамъ вамъ знать.

Съ Шихматовымъ такой же разговоръ, тѣже доводы, тотъ же отвѣтъ: «мы не въ ладахъ,» и наконецъ тоже согласіе помириться.

На другой день они просидѣли у меня цѣлый вечеръ, и за стаканомъ пунша, — неизбѣжное въ тѣ времена угощеніе, — со-

вершенно примирились. Положено дѣйствовать соединенными силами, пользоваться случаями къ остереженію Александра Семеновича, указывая на жалкій примѣръ князя Голицына, на мнѣніе публики, строже разбирать неумѣстныя представленія Магницкаго и смѣлѣе писать отвѣтныя бумаги.

По случаю разрѣшенія жены моей, я недѣли двѣ не выходилъ изъ дома. Пріѣзжаетъ князь Шихматовъ и сообщаетъ мнѣ, что Магницкій донесъ министру о дурномъ направленіи преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ, о господствующемъ тамъ либерализмѣ и слабомъ управленіи, прося настоятельно донести о томъ до Высочайшаго свѣденія; что Государь приказалъ министру осмотрѣть университетъ, такъ какъ онъ не далеко; что Александръ Семеновичъ ѣдетъ и беретъ его, Шихматова, съ собою.

По возвращеніи министра, князь Шихматовъ опять ко мнѣ заѣхалъ разсказать о послѣдствіи ихъ путешествія. Ничего подобнаго, о чемъ доносилъ Магницкій, не оказалось; министръ, принятый отлично, остался очень доволенъ университетомъ и въ такомъ смыслѣ доложитъ Государю. Чрезъ полчаса пріѣхалъ и Языковъ. Мы потолковали о новой продѣлкѣ Магницкаго и условились ѣхать на дняхъ въ Царское Село, обѣдать къ министру (онъ жилъ тогда тамъ съ больною супругою), съ тѣмъ, чтобы я завелъ съ нимъ рѣчь о дерптской поѣздкѣ.

Когда въ избранный день карета наша, около трехъ часовъ по полудни, подъѣхала къ дому, занимаемому Александромъ Семеновичемъ, онъ сходилъ съ крыльца, чтобы идти прогуливаться. Поздоровавшись съ нами, спутникамъ моимъ предложилъ посидѣть пока у Дарьи Алексѣевны, а меня пригласилъ съ собою въ садъ. Я обрадовался: какой благопріятный случай! мы одни, на просторѣ.

Идемъ.

— Какъ вы совершили ваше путешествіе въ Дерптъ?

— Слава Богу, хорошо; спасибо и погода стояла хорошая.

— А какъ нашли университетъ?

— Прекрасный университетъ; я очень доволенъ.

— О чемъ же Магницкій доносилъ вамъ?

Тутъ старикъ остановился и повернувшись ко мнѣ продолжалъ:

— Странный онъ, братецъ, человѣкъ.

— Не странный, а черный человѣкъ.

— Нѣтъ, онъ фанатикъ.

— Еслибъ онъ былъ только фанатикъ, то не дѣйствовалъ бы, смотря по обстоятельствамъ, куда вѣтеръ вѣетъ. Напримѣръ: при князѣ Голицынѣ онъ былъ ревностнымъ покровителемъ библей-

скихъ обществъ и распространялъ ихъ силой въ обширномъ своемъ округѣ, требуя, чтобы каждый вступающій студентъ имѣлъ при себѣ Библію, Новый Завѣтъ съ переводомъ на русскій языкъ и псалтирь по русски; при васъ, коль скоро почуялъ, что вы намѣрены ходатайствовать о закрытіи этихъ обществъ — началъ ихъ преслѣдовать; тоже и о ланкастерскихъ школахъ: прежде требовалъ распространенія ихъ до Камчатки, вамъ же донесъ, что эта выдумка никуда негодная и вредная, и что онѣ должны быть закрыты. При Голицынѣ опредѣлилъ въ директоры университета какого-то ханжу, теперь же дворянина, свѣтскаго, любезнаго человѣка, успѣвшаго прожить четыре тысячи душъ. При Голицынѣ никто изъ профессоровъ не смѣлъ публично прикоснуться къ рюмкѣ вина, директоръ тотчасъ бы донесъ попечителю, теперь — пей себѣ сколько угодно.

Александръ Семеновичъ засмѣялся, по прежнему завелъ рѣчь о другомъ. Попытка не удалась.

— Представьте, говоритъ мнѣ Языковъ, когда вскорѣ потомъ я къ нему заѣхалъ, какое вчера министръ нашъ получилъ отношеніе отъ Магницкаго. Вы помните, что еще при князѣ Голицынѣ профессоры: Германъ, Плисовъ, Куницынъ, Арсеньевъ, были, по настоянію Рунича и Магницкаго, исключены изъ университета, по открытому, якобы, въ преподаваніяхъ ихъ безбожію и вольнодумству, а въ недавнемъ времени Германъ опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ Смольный монастырь, Арсеньевъ — преподавателемъ въ Инженерное училище, слѣдственно первый — императрицею Маріею Ѳедоровною, а послѣдній — Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Теперь, сообщая объ этомъ въ своемъ отношеніи, Магницкій выражается такъ: «Правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста; покорнѣйше прошу довести о семъ до свѣденія Государя Императора.» Я предлагалъ Александру Семеновичу отбрить его порядкомъ; но онъ приказалъ оставить безъ отвѣта (?!).

Магницкій не унялся, настрочилъ другое отношеніе, въ которомъ писалъ, что двѣ недѣли не получаетъ онъ отвѣта на первую свою бумагу, что если министръ не хочетъ доложить по ней Государю, такъ онъ самъ доложитъ.

Это ужъ взяло старика за живое: онъ велѣлъ ему отвѣчать, что не его, министра, дѣло входить въ распоряженія членовъ императорской фамиліи по ихъ учебнымъ заведеніямъ, и что если онъ, Магницкій, напишетъ ему третью такую бумагу, то онъ доложитъ Государю о его дерзости.

Сообщая мнѣ объ этомъ, Языковъ присовокупилъ:

— Знаете ли, какая мысль пришла въ голову мнѣ? Хорошо бы разобрать критически его ревизію Казанскаго университета? Есть гдѣ разгуляться. Не возметесь ли вы? вамъ же болѣе другихъ извѣстны и мѣстныя обстоятельства и дѣйствующія лица.

— Давайте, давайте!

— Но надобно прежде доложить Александру Семеновичу. Я думаю, онъ теперь согласится. Тогда пришлю вамъ дѣла; однакожъ неиначе, какъ ночью. Имѣю причину подозрѣвать, что у Магницкаго есть шпіоны, которые за нами наблюдаютъ.

Министръ согласился; дѣла дѣйствительно доставлены были мнѣ ночью. Я принялся за нихъ съ жаромъ, — занимался, можно сказать, день и ночь, и кончилъ съ небольшимъ въ двѣ недѣли, повредивъ нѣсколько, отъ излишняго напряженія, глаза.

Случилось, что въ одинъ день, по какой-то надобности, вышелъ я со двора. Безъ меня пріѣзжаетъ Симоновъ, мой товарищъ по университету, впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ нашихъ астрономовъ, и тогда уже пріобрѣтшій большую извѣстность кругосвѣтнымъ путешествіемъ — человѣкъ весьма любезный и обходительный, облагодѣтельствованный Магницкимъ и у него въ ту пору жившій. Камердинеръ мой говорилъ, что меня нѣтъ дома. «А барыня?» Одѣвается. «Такъ доложи ей, я подожду,» и вошелъ въ растворенную дверь кабинета; а тамъ лежали на столѣ дѣла по ревизіи Казанскаго университета и мое писанье, моя противъ Магницкаго филиппика. Я очень встревожился, когда по возвращеніи домой узналъ о томъ, тѣмъ болѣе, что одно дѣло оказалось раскрытымъ не на той страницѣ, какъ было оставлено. Значитъ, онъ пересматривалъ бумаги; да и самое посѣщеніе, вѣроятно, имѣло цѣлію исполненіе приказанія Магницкаго, который конечно узналъ о данномъ мнѣ порученіи и хотѣлъ поразвѣдать болѣе. Предположеніе мое дѣлается вѣроятнымъ еще и потому, что Симоновъ могъ бы и пораньше, мѣсяца за два назадъ, навѣстить стараго товарища, женатаго притомъ на дочери человѣка, въ домѣ котораго онъ былъ обласканъ. Не осуждаю строго Симонова, если и дѣйствительно былъ онъ подосланъ: онъ слишкомъ былъ обязанъ Магницкому, сдѣлавшему много истиннаго ему добра. Во все послѣдующее время, до конца жизни своей, Симоновъ сохранялъ ко мнѣ самое искреннее расположеніе, и старался доказывать то при всякомъ случаѣ.

Языковъ одобрилъ мою работу. Положено было ѣхать опять втроемъ въ Царское Село обѣдать къ министру. Планъ былъ такой: Дмитрій Ивановичъ возьметъ съ прочими бумагами и мою; будетъ докладывать послѣ обѣда въ гостиной; мнѣ оста-

ваться въ залѣ, куда дверь изъ гостиной не совсѣмъ будетъ притворена, такъ, чтобы было слышно; князю Шихматову бесѣдовать въ это время съ министершею въ спальнѣ.

Окончивъ докладъ текущихъ бумагъ, Языковъ произнесъ довольно громко: «Владимиръ Ивановичъ успѣшно окончилъ порученное ему дѣло; а какъ онъ теперь здѣсь, то не прикажете ли ваше высокопревосходительство, чтобы самъ же и доложилъ его вамъ?.» Минутное молчаніе, нарушаемое шумомъ листовъ моей тетради, которые министръ перевертывалъ; потомъ раздались слова его: *нѣтъ*, *послѣ*. Слышали? сказалъ мнѣ Языковъ выходя изъ гостиной.

Ѣдучи обратно изъ Царскаго села, мы дорогою разсудили, что пока Александръ Семеновичъ вздумаетъ спросить мою работу — а это, пожалуй, можетъ задлиться—не худо бы мнѣ заняться разсмотрѣніемъ собственныхъ дѣйствій Магницкаго, какъ попечителя, по университетскимъ меморіямъ, хотя бы за одинъ который либо годъ. Для этого на другой день я долженъ былъ пріѣхать къ Языкову. Онъ повелъ меня въ архивъ департамента, и указывая на пять четырехъ-угольныхъ колоновъ, вышиною около сажени, прислоненныхъ къ стѣнѣ, сказалъ:

— Вотъ пятилѣтніе подвиги Михаила Леонтьевича! Который же годъ вы возьмете?

— Вы лучше знаете, который поинтереснѣе, чтобы веселѣе было работать.

— Всѣ хороши; одинъ другого стоитъ, выбирайте сами на удачу.

Я указалъ на среднюю колонку: то былъ 1822 годъ.

Дѣла эти неотлагательно были ко мнѣ доставлены, и опять ночью. Я занялся съ прежнимъ жаркимъ усердіемъ, запирая уже кабинетъ свой, когда выходилъ со двора; кончилъ недѣли въ три; работу свою отослалъ къ Языкову; но самъ захворалъ глазами такъ, что долженъ былъ лечиться серьёзно, сидѣть въ темной комнатѣ, ставить піявки, мушки.

Пока я за болѣзнію не выходилъ изъ дома, министерство сдѣлало шагъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Магницкаго. Пришла мысль выжить его изъ Петербурга, и вотъ какое придумали къ тому средство: послали циркулярное предложеніе всѣмъ попечителямъ, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что они должны находиться при своихъ мѣстахъ; а они всѣ, кромѣ Магницкаго, находились при своихъ университетахъ. Отводомъ, или извиненіемъ этой мѣры, могъ служить одинъ только Николай Николаевичъ Новосильцовъ, виленскій попечитель, жившій по другимъ, важнѣйшимъ своимъ обязанностямъ, въ Варшавѣ;

но было извѣстно, что онъ по нѣскольку разъ въ годъ пріѣзжалъ въ Вильну; Магницкій же, во всѣ шесть лѣтъ своего попечительства не былъ въ Казани ни разу; слѣдственно, ударъ палъ на него одного, и въ какой странной, натянутой формѣ, явно обличающей умыселъ робкихъ людей, бросающихъ камень изъ-за угла! Прямое на лицо его предписаніе было бы благовиднѣе, пристойнѣе и менѣе раздражительно. Кому принадлежала эта мысль, министру ли, или его совѣтникамъ,—не знаю, да и совѣстно было спрашивать.

Магницкій воспылалъ гнѣвомъ и отправился въ Грузино за совѣтомъ, что̀ тутъ дѣлать? Графъ Аракчеевъ (какъ сдѣлалось послѣ извѣстно) нашелъ, что нельзя не исполнить воли начальства, надобно ѣхать, пробыть въ Казани нѣкоторое время, возвратиться, и тогда уже принять мѣры въ отвращеніе подобныхъ дѣйствій министерства.

Магницкій прогостилъ въ Грузинѣ пять дней и видѣлъ тутъ извѣстный, достопамятный сонъ свой, витіевато описанный имъ и поднесенный знаменитому хозяину. Сонъ этотъ приснился будто бы отъ того, что графъ, показывая ему всѣ заведенія и примѣчательности Грузина, подвелъ между прочимъ къ могильному памятнику, сооруженному имъ надъ прахомъ столѣтняго своего крестьянина и разсказалъ о добродѣтельной жизни покойника. Утомленный утреннею ходьбою, гость легъ послѣ обѣда отдохнуть,—заснулъ, и вдругъ якобы явился ему этотъ столѣтній старецъ, велѣлъ слѣдовать за собою и повелъ по Грузину, говоря: «Давича графъ все тебѣ показывалъ, а теперь покажу я, по своему.» Это новое путешествіе по тѣмъ же мѣстамъ, состояло изъ непомѣрной лести графу, съ придачею пророчества, что Грузино, такъ часто и съ такимъ удовольствіемъ посѣщаемое государемъ, чуть ли не сравняется нѣкогда со столицею. Вдохновенный вожатый указывалъ уже Магницкому на дворцы, палаты, храмы съ золочеными главами и пристань, усѣянную кораблями, а тотъ все это видѣлъ.

Когда я прочиталъ этотъ панегирикъ-бредъ, ходившій тогда по рукамъ (вѣроятно, по волѣ сочинителя), мнѣ не вѣрилось, чтобы Аракчеевъ, человѣкъ солидный, дѣльный, благосклонно принялъ такую льстивую, вычурную болтовню. Оказалось напротивъ: секретарь его, Сырневъ, сказывалъ мнѣ, что графъ, прославъ рукопись въ Петербургъ, приказалъ переплести ее въ сафьянъ и внести въ библіотеку.

5-го августа, заѣхалъ ко мнѣ Симоновъ проститься, сказавъ, что отправляется завтра въ Казань съ Михайломъ Леонтьевичемъ.

На другое утро, пользуясь праздничнымъ днемъ и хорошею

погодою (глаза мои довольно уже поправились), вздумалъ я побывать у министра, котораго давно не видалъ, и который, по усилившейся болѣзни супруги, преждевременно переѣхалъ въ городъ. Когда обо мнѣ доложили, онъ выслалъ начальника отдѣленія, бывшаго у него съ докладомъ, и велѣлъ позвать меня, а когда я вошелъ—предложилъ мнѣ походить съ нимъ по пространному его кабинету и потолковать — разумѣется, о словесности. Наговорившись довольно объ этомъ любимомъ его предметѣ, я между прочимъ сказалъ:

— А сегодня нашъ Михаилъ Леонтьевичъ отправился въ Казань.

— Какъ отправился, быть не можетъ; кто тебѣ сказалъ?

— Профессоръ Симоновъ, заѣзжавшій вчера ко мнѣ проститься. Да вѣдь это вслѣдствіе вашего же циркулярнаго предложенія.

— Конечно; но слѣдовало бы пріѣхать откланяться: я могъ дать ему словесныя наставленія. Да нѣтъ: быть не можетъ, вѣрно заѣзжалъ, да не засталъ меня дома.

Тутъ онъ позвонилъ; вошелъ дежурный чиновникъ. Министръ велѣлъ принести ему книгу, въ которой записываются пріѣзжающіе, просмотрѣлъ ее за цѣлую недѣлю, и не нашелъ имени Магницкаго; съ досадою отдалъ книгу назадъ, и когда дежурный вышелъ, сказалъ: «Удивляюсь! Да чтожъ онъ со мною дѣлаетъ? Уѣхать, не явившись предъ отъѣздомъ!»

Видя, что старикъ въ досадѣ большой, я не хотѣлъ пропустить удобнаго случая.

— Неужели вы только теперь (началъ я) узнаёте этого человѣка? Позвольте напомнить, что въ прошедшемъ году, когда я пріѣзжалъ къ вамъ ходатайствовать за профессора Яковкина по поводу Госнеровой исторіи — объяснялъ вамъ предательство Магницкаго, вы слушали, казалось, внимательно; но видно не усвоили себѣ ничего для собственной безопасности. А какъ разговоръ этотъ происходилъ 15 мая, въ то самое утро, въ которое государь подписывалъ указъ о назначеніи васъ министромъ, то такое стеченіе обстоятельствъ могло бы, кажется, имѣть для васъ нѣкоторое значеніе при мысли, что вы неожиданно поставляетесь въ близкія сношенія съ этимъ человѣкомъ, становитесь съ нимъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу. Позвольте также напомнить, что въ нынѣшнемъ году, когда, по возвращеніи моемъ изъ Казани, на вопросъ вашъ объ университетѣ, я хотѣлъ развернуть предъ вами жалкую картину этого заведенія и дѣйствій попечителя,—вы перемѣнили разговоръ; то же самое было и при разговорѣ о поѣздкѣ вашей въ Дерптъ.

Старикъ ходилъ по кабинету, опустя голову и молчалъ.

— Неужели, продолжалъ я, вы хотите дождаться того же, чтобы и вашъ портретъ также выкинули въ свое время изъ конференцъ-залы университета, какъ въ прошломъ году, при назначеніи васъ министромъ, былъ выкинутъ портретъ князя Александра Николаевича, писанный по подпискѣ отъ всего округа, предложенной Магницкимъ?

Александръ Семеновичъ остановился, живо поднялъ голову и спросилъ:

— Какъ! неужто въ самомъ дѣлѣ?

— Точно такъ; это совершилось по приказанію попечителя, въ бытность мою въ Казани.

— Представь себѣ; не успѣлъ я еще оглядѣться по вступленіи въ должность, какъ онъ началъ уже приставать ко мнѣ съ просьбою — позволить списать съ меня портретъ, также на счетъ округа..Я отговаривался, объясняя, что не заслужилъ еще этой чести; но однажды онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ съ живописцомъ. Я съ дуру-то и сѣлъ-было, да по счастію вошла Дарья Алексѣевна и прогнала ихъ, говоря, что, при моей слабости и головокруженіи, такое принужденное сидѣнье — вредно.

Негодованіе министра должно было возрасти, когда въ тотъ же день онъ получилъ отъ Магницкаго письмо, въ которомъ послѣдній, увѣдомляя о своемъ отъѣздѣ, присовокупилъ, что заѣзжалъ проститься, но не былъ принятъ; число же выставилъ то, въ которое находился уже въ дорогѣ.

Въ Казань явился онъ Гогъ-Магогомъ; профессоровъ принялъ самымъ парадным образомъ, въ мундирѣ, въ лентѣ и башмакахъ; въ городѣ также задавалъ тоны, съ управляющимъ губерніею, тестемъ моимъ, обходился холодно, не забывая при случаѣ упомянуть о близкихъ отношеніяхъ своихъ къ Аракчееву, отчего всѣ губернскія власти смотрѣли на него со страхомъ и трепетомъ. Произвелъ общіе экзамены; освятилъ университетскій храмъ, открылъ публичное собраніе, гдѣ говорилъ рѣчь, исполненную самохвальства, о блестящихъ успѣхахъ университета, принялъ данный ему онымъ большой, въ стороннемъ домѣ, балъ, на которомъ студенты, прежніе затворники, танцовали теперь до утра.

Обо всѣхъ сказанныхъ дѣйствіяхъ своихъ по университету, не удостоилъ онъ министра ни одною строчкою, точно какъ будто канулъ въ воду; а между тѣмъ написалъ о томъ статью, со включеніемъ своей рѣчи и всякаго хвастовства, и послалъ ее для напечатанія въ вѣдомостяхъ: Московскихъ, С.-Петербургскихъ и въ Меркелеву Рижскую газету. Редакторомъ С.-Пе-

тербургскихъ вѣдомостей былъ тогда Пезаровіусъ. Благородный, великодушный основатель *Инвалида* явился къ Александру Семеновичу съ вопросомъ, можетъ ли статья быть пропущена, такъ какъ по содержанію своему она относится до его министерства [1]). Статья, разумѣется, запрещена, но напечатаніе ее въ Москвѣ и Ригѣ остановить было уже невозможно.

Около этого времени скончалась Дарья Алексѣевна. Получивъ объ этомъ извѣстіе и сообщая его женѣ директора университета Вишневскаго, урожденной Еропкиной, женщинѣ весьма умной и образованной, у которой любилъ проводить вечера, Магницкій сказалъ ей: «этотъ женолюбъ, этотъ старый дуракъ вскорѣ послѣдуетъ за своею супругою: я ворочусь въ Петербургъ и сорву голову Панаеву, Языкову и Шихматову.

Рано утромъ на другой день, г-жа Вишневская, со всѣми предосторожностями, пришла пѣшкомъ къ сестрѣ моей Поликсенѣ Ивановнѣ Рындовской, съ которой была въ дружескихъ отношеніяхъ, да и меня полюбила въ послѣднюю мою бытность въ Казани, передала ей сказанное Магницкимъ, и просила поспѣшить меня о томъ увѣдомить (только не по почтѣ, а съ какою-нибудь оказіею), для того, чтобы я заблаговременно могъ принять какія-либо мѣры къ огражденію себя отъ угрожающей опасности. Милая, незабвенная сестра моя, любившая меня безпредѣльно, скоро отыскала случай, и съ однимъ отъѣзжавшимъ въ Петербургъ отправила ко мнѣ письмо, въ которомъ все буквально изложила, съ выраженіемъ своей тревоги, своихъ за меня опасеній.

Письмо это получилъ я, будучи нездоровъ опять глазами, которые натрудилъ исполненіемъ порученія Языкова—сдѣлать сокращенный сводъ изъ вышеупомянутыхъ выписокъ моихъ о Магницкомъ, пополнивъ оный новѣйшими его подвигами, и приводя все въ математическій по возможности порядокъ, съ тѣмъ, чтобы составленная такимъ образомъ записка могла, въ случаѣ надобности, быть представлена государю [2]).

---

[1]) Года за два передъ тѣмъ графъ Аракчеевъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы статьи, содержаніе которыхъ касается какого-либо министерства, не иначе были печатаемы, какъ съ разрѣшенія того министра, до вѣдомства котораго принадлежатъ. Повелѣніе это состоялось по поводу изданнаго Закревскимъ отчета объ управленіи имъ инспекторскаго департамента, когда при увольненіи князя Волконскаго отъ званія начальника главнаго штаба, онъ также долженъ былъ оставить свою должность. Пезаровіусъ началъ издавать «Русскій Инвалидъ» въ 1813 году съ тѣмъ, чтобы всю вырученную подписками сумму, за покрытіемъ издержекъ, жертвовать въ пользу инвалидовъ, и представивъ въ 1815 году 395,000 р. ассигн., положилъ тѣмъ основаніе инвалидному капиталу, простирающемуся нынѣ до 7,000,000 р. сер.

[2]) Выписка эта при семъ прилагается.

Прочитавъ письмо, я послалъ просить къ себѣ Ивана Ивановича Ястребцова и Александра Максимовича Княжевича, чтобы посовѣтоваться съ ними, что предпринять. Оба сказали, что ничего другого не остается, какъ ѣхать завтра же, хорошенько закутавшись въ каретѣ, къ министру и показать ему письмо. Нужды нѣтъ, что оно для него оскорбительно, потому-что однимъ моимъ словамъ, безъ всякихъ подробностей, онъ можетъ и не повѣрить, или приметъ холодно.

Я счелъ однако нужнымъ заѣхать напередъ къ князю Шихматову и просить его предупредить министра о непріятномъ для него со мною свиданіи. Мы отправились вмѣстѣ: князь вошелъ въ кабинетъ, а я остался въ гостиной. Минутъ черезъ пятнадцать онъ вышелъ, сказалъ, что министръ меня спрашиваетъ, и удалился. По моему мнѣнію, ему не слѣдовало удаляться, а надлежало принять участіе въ объясненіяхъ: дѣло было общее; онъ не могъ сказать: моя изба съ краю, я ничего не знаю.

— Здравствуй, Владимиръ Ивановичъ, сказалъ министръ, когда я вошелъ къ нему; ты опять нездоровъ?

— Теперь, слава Богу, лучше.

— Садись. Ты хочешь сообщить мнѣ что-то непріятное? Ты получилъ письмо изъ Казани?

— Точно такъ.

— Гдѣ жъ оно? съ тобою? Дай сюда.

— Но мнѣ больно показать его вамъ; такія дерзкія выраженія!

— Что? Бранитъ меня? нужды нѣтъ; дай сюда.

Александръ Семеновичъ, обыкновенно блѣдный, поблѣднѣлъ еще болѣе, читая письмо.

— Злой человѣкъ, сказалъ онъ кончивъ, но ты не бойся: я тебя не выдамъ.

— Какъ жаль, ваше высокопревосходительство, что вы не удостоили выслушать сдѣланнаго мною разбора его ревизіи и тогда же не представили государю; Магницкій вѣроятно не усидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ, и вы были бы теперь покойны. Но дѣло можно еще поправить; въ департаментѣ составленъ сводъ, въ видѣ записки, какъ прежнихъ, такъ и слѣдующихъ дѣйствій Магницкаго: пошлите ее въ Таганрогъ.

— Зачѣмъ посылать; государь, говорятъ, будетъ сюда къ 12-му декабря; недалеко (это было въ началѣ ноября), тогда я лично доложу ему.

Не задолго передъ тѣмъ въ Грузинѣ совершилось кровавое дѣло: любовница Аракчеева, извѣстная Настасья, была зарѣзана дворовымъ человѣкомъ. Бѣдственная смерть этой женщины (го-

ворятъ, злой, но ему любезной) повергла графа въ совершенное отчаяніе, не смотря на всѣ увѣщанія Фотія, совершавшаго обрядъ отпѣванія. Министры и другіе сановники спѣшили выразить ему свое участіе посылкою нарочныхъ чиновниковъ съ освѣдомленіемъ о здоровьѣ [1]).

Государь изъ Таганрога старался утѣшить его дружескими письмами [2]). Аракчеевъ, похоронивъ Настасью, переѣхалъ въ Новгородъ и оттуда писалъ Магницкому, чтобы онъ поспѣшилъ къ нему раздѣлить горе. Михаилъ Леонтьевичъ не заставилъ себя долго ждать. Стукъ коляски его, прибатившейся въ Новгородъ, раздался по Петербургу и можетъ быть кое-кого заставилъ дрогнуть.

Между тѣмъ носились въ городѣ уже слухи о нездоровьи государя. Ждали съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Они приходили, но не возбуждали ни малѣйшаго опасенія. 27-го ноября, пользуясь хорошей, тихой погодой, при мягкомъ морозѣ, отправились мы съ женою пройтись по Невскому проспекту. На улицахъ замѣтно было большое движеніе. Противъ Аничковскаго (нынѣ Николаевскій) дворца, попался намъ идущій на встрѣчу Ястребцовъ. «Поздравляю съ новымъ императоромъ: государь скончался», сказалъ онъ съ живостью. Слова эти, какъ громомъ меня поразили, я пошатнулся назадъ и едва-едва не упалъ. Признаться, мнѣ очень не понравился холодный тонъ произнесенныхъ Ястребцовымъ словъ, и я съ досадою выразилъ ему мое неудовольствіе. Идемъ далѣе. Попадается Николай Ивановичъ Гречъ съ мокрыми отъ слезъ глазами; мои пролились обильно.

Видя государя еще недавно, три мѣсяца назадъ, цвѣтущаго здоровьемъ и красотою, начавъ понимать себя въ его царствованіе и возрастая съ годами онаго, большею частію счастливыми и достопамятными, питая къ нему безпредѣльную любовь, я ни

---

[1]) Помню, какъ однажды, когда сидѣлъ я у князя Шихматова, гдѣ находился и братъ его, постригшійся послѣ въ монахи, вбѣжалъ въ комнату камергеръ Павловъ, служившій въ синодѣ, и только-что возвратившійся изъ Грузина, куда ѣздилъ отъ имени Шишкова (а болѣе отъ своего) и сказалъ, что графъ два раза уже исповѣдывался и пріобщался. Князья перекрестились и сказали: «Слава Богу! какой примѣръ для Россіи».

[2]) Графъ Аракчеевъ, находясь въ слѣдующемъ году въ чужихъ краяхъ и сбиваясь уже съ толку на закатѣ звѣзды своей, напечаталъ въ Берлинѣ эти письма особой брошюрой, но король прусскій не допустилъ ей распространяться. Онъ приказалъ конфисковать все изданіе и отправилъ оное къ Николаю Павловичу. Этотъ необдуманный поступокъ довершилъ паденіе Аракчеева. Нѣкоторыя изъ писемъ мнѣ случалось читать; они исполнены были самаго нѣжнаго участія, самой теплой дружбы.

разу не останавливался на мысли, что онъ когда-нибудь долженъ умереть. Мнѣ казалось, что онъ безсмертенъ.

Поговоривъ о великой потерѣ, Гречъ перемѣнилъ разговоръ. «Перестанемъ плакать—сказалъ онъ—поговоримъ лучше о чемъ-нибудь повеселѣе. Знаете ли что? Вчера неожиданно явился къ Шишкову Магницкій, очень парадно, въ мундирѣ, привезъ поклонъ отъ Аракчеева и просьбу его сіятельства — позволить Михаилу Леонтьевичу воротиться въ Новгородъ и пробыть съ графомъ по-долѣе. Говорятъ, старикъ струсилъ и, разумѣется, далъ полное согласіе.

Въ теченіе дня узналъ я, что ночью будетъ экстраординарное собраніе государственнаго совѣта. Любопытно было узнать хотя что-нибудь о послѣдствіяхъ. Въ надеждѣ на откровенность, которою иногда удостоивалъ меня Александръ Семеновичъ, я на другой день рано утромъ къ нему поѣхалъ. Хотѣлось также удостовѣриться въ извѣстіи, сообщенномъ мнѣ Гречемъ.

Сначала, само собою разумѣется, рѣчь шла о несчастіи, постигшемъ государство. О засѣданіи совѣта Александръ Семеновичъ сказалъ мнѣ только, что всѣ члены, слѣдуя закону о первородствѣ, требовали провозглашенія императоромъ Константина Павловича, что одинъ (это былъ князь Голицынъ, но онъ его не назвалъ) тому противился, ссылаясь на завѣщаніе, но что великій князь Николай Павловичъ рѣшилъ все своею присягою, причемъ очень хвалилъ высокій поступокъ великаго князя. «А правда ли, наконецъ спросилъ я, что третьяго дня у васъ былъ Магницкій?»

— Да, привезъ мнѣ поклонъ отъ графа Алексѣя Андреевича; — просился опять къ нему. Ну, я позволилъ. Теперь, думаю, не поѣдетъ, прибавилъ старикъ, съ лукавою улыбкою.

Первое декабря разразилось бѣдой надъ головою Магницкаго. Въ полночь является къ нему оберъ-полиціймейстеръ и по приказанію военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича объявляетъ высочайшее повелѣніе, ѣхать немедленно въ Казань къ своему мѣсту. Перепуганный Магницкій объясняетъ, что онъ только-что изъ Казани, что ему не зачѣмъ туда ѣхать, что онъ не можетъ оставить Петербурга безъ вѣдома своего министра, и потому проситъ позволенія сообщить ему объ этомъ. Оберъ-полиціймейстеръ уѣзжаетъ, сказавъ, что доложитъ обо всемъ генералъ-губернатору и пріѣдетъ уже завтра. Магницкій пишетъ письмо къ министру, въ которомъ, разсказывая случившееся, говоритъ, что такъ какъ государя императора въ Петербургѣ нѣтъ, то графъ Милорадовичъ не можетъ объявлять высочайшихъ повелѣній, что напротивъ онъ, Магницкій, по высо-

чайшему повелѣнію членъ Главнаго училищъ правленія, слѣдственно долженъ находиться здѣсь, что въ Казани ему нечего дѣлать: онъ оттуда недавно, что еслибъ онъ и повиновался повелѣнію, то ему не начто ѣхать. Въ заключеніе, умолялъ Александра Семеновича о защитѣ. Письмо послано тутъ же ночью.

Министра разбудили. Потребованы къ нему Шихматовъ и Языковъ, и данъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Не мнѣ разбирать, почему генералъ-губернаторъ въ отсутствіе государя объявляетъ высочайшее повелѣніе; вѣроятно, занимаемый имъ важный постъ даетъ ему это право; что вы членъ Главнаго училищъ правленія по именному указу — это нисколько не можетъ васъ удерживать въ Петербургѣ постоянно; что въ 1822 году выдано вамъ 4,000 руб. на обзаведеніе округа — вы не поѣхали и не дали въ деньгахъ отчета [1]); поѣзжайте на нихъ.»

Копія съ этого отзыва отправлена была при отношеніи къ графу Милорадовичу. Графъ на утро отвѣчалъ, что Магницкій писалъ къ нему тоже самое; что всѣ затрудненія отвращены; что онъ, графъ, послалъ къ нему квартальнаго надзирателя съ тройкою почтовыхъ и прогонами, и что онъ уже вывезенъ изъ Петербурга.

Вѣсть о высылкѣ Магницкаго была принята въ городѣ съ общимъ одобреніемъ; такъ всѣмъ былъ онъ не милъ, но никто не зналъ, отчего вдругъ совершилась съ нимъ такая катастрофа. Я и теперь достовѣрно о томъ не знаю. Но вотъ тогдашнія догадки.

Выше сказано, что Магницкій два раза съ дерзостью настаивалъ у министра, чтобы тотъ довелъ до свѣдѣнія государя объ опредѣленіи членами императорской фамиліи къ должностямъ профессоровъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, и хотя получилъ строгій, отрицательный отвѣтъ, но не остановился исполнить свою угрозу: самъ донесъ о томъ (вѣроятно чрезъ графа Аракчеева) государю. Когда же, по полученіи извѣстія о его кончинѣ, великій князь Николай Павловичъ поручилъ князю Александру Николаевичу разобрать бывшія въ кабинетѣ бумаги, въ числѣ первыхъ попался на глаза этотъ доносъ, такъ какъ онъ былъ поданъ вѣроятно не задолго до отъѣзда въ Таганрогъ и лежалъ сверху. Князь Голицынъ представилъ эту бумагу великому князю, а великій князь разсудилъ, что, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, пребываніе въ Петербургѣ столь дерзкаго человѣка — не безопасно.

На другой день я подробно сообщилъ моему тестю и архіе-

[1]) Извлеченіе изъ моей записки.

рею, чтобы не допустить Магницкаго важничать передъ ними по прежнему, и чтобъ они, въ предосторожность свою, знали, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на новое появленіе его въ Казани [1]). Между тѣмъ Магницкій, доѣхавъ до Свіяжска (въ 25 верстахъ отъ Казани) упросилъ квартальнаго надзирателя, и можетъ быть не даромъ, ради стыда, не сопровождать его далѣе, и оставить тутъ (вѣдь я дескать не убѣгу отсюда). Квартальный согласился, и Магницкій въѣхалъ въ Казань въ три часа зимней ночи, чтобы не быть видимымъ.

Приближалось 14 декабря. Кто жилъ тогда въ Петербургѣ, тотъ помнитъ, какое тревожное недоумѣніе господствовало въ городѣ. Всѣ сидѣли по-домамъ и про себя толковали, на улицахъ была пустота. Наканунѣ этого бѣдственнаго дня, въ воскресенье, я почувствовалъ себя нездоровымъ: ознобъ, жаръ, стрѣльба въ ухо, въ високъ, а въ понедѣльникъ мнѣ нужно было съѣздить въ сенатъ, справиться по дѣлу тестя, съ тѣмъ, чтобы во вторникъ (тогдашній день почты въ Казань) увѣдомить его, что узнаю. Поэтому я просилъ навѣщавшаго меня доктора, Ѳедора Мартыновича Отсолига (нынѣ директора медицинскаго департамента), также учившагося въ Казанскомъ университетѣ, но уже послѣ меня, и также потерпѣвшаго отъ Магницкаго, чтобы онъ позволилъ мнѣ завтра выѣхать, на одинъ какой-нибудь часъ, а тамъ засадилъ бы хоть на недѣлю. Такъ, по любви моей къ тестю, я заботился о дѣлахъ его. Ѳедоръ Мартыновичъ однакоже не согласился, и сказалъ, что рѣшитъ этотъ вопросъ завтра поутру.

На другой день, въ 12-мъ часу онъ дѣйствительно пріѣхалъ.

— Ну что, можно ли мнѣ выѣхать?

— Нельзя; потому-что вамъ, я вижу, не лучше, а еще потому (тутъ онъ понизилъ голосъ), что у насъ возмущеніе; мятежныя войска собрались у самаго сената; я насилу могъ проѣхать съ Васильевскаго острова.

Отъ всей души возблагодарилъ я послѣ Господа за болѣзнь мою. Большая часть дѣйствующихъ лицъ заговора были коротко мнѣ знакомы, и по Обществу любителей просвѣщенія и благотворенія, и такъ. Не зная причины ихъ сбора, я, подъѣзжая къ сенату, могъ подойти къ нимъ, заговориться и быть ими удер-

---

[1]) Ниже увидимъ, что забота моя была безполезна: и тотъ и другой мало по малу сблизились, во вредъ себѣ, съ Магницкимъ. Сближеніе его съ тестемъ моимъ пригодилось мнѣ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что я узналъ отъ него немаловажную частичку заговора противъ князя Голицына.

жанъ или сочтенъ ихъ участникомъ, хотя бы и удалось вырваться [1]).

Памятный этотъ день провелъ я, какъ, безъ сомнѣнія, и каждый изъ жителей столицы, въ большой тревогѣ, и особливо когда послышались выстрѣлы. Не было никакой возможности узнать, что дѣлается, на чьей сторонѣ перевѣсъ? Никто изъ знакомыхъ къ намъ не заѣзжалъ, посылаемые люди возвращались съ отвѣтомъ, что ни ко дворцу, ни къ Адмиралтейству нельзя сквозь войска пробраться. Пожары, грабежъ разъяренныхъ пьяныхъ солдатъ, въ случаѣ успѣха возмутившихся полковъ, представлялись также воображенію. Утомленный тѣломъ и духомъ, я въ первомъ часу ночи легъ наконецъ въ постель, но свѣчи не гасилъ. Вдругъ въ передней раздался колокольчикъ. Доложили, что пріѣхалъ князь Тенишевъ.

Князь Дмитрій Васильевичъ Тенишевъ, очень умный и дѣльный человѣкъ, баринъ богатый, бывшій въ началѣ царствованія Александра Павловича астраханскимъ губернаторомъ, жилъ въ это время по тяжебному дѣлу въ Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, недалеко отъ Исакія. Хотя онъ слишкомъ вдвое былъ меня старѣе, но любилъ со мною бесѣдовать, и вообще по благосклонности своей оказывалъ мнѣ большое расположеніе. Онъ сѣлъ ко мнѣ на постель и сказалъ, что пріѣхалъ дальною околицею, мимо Большого театра, и по Фонтанкѣ, ближе отъ него проѣзда не было, все оцѣплено; что никакъ не могъ утерпѣть, чтобы хотя ночью не повидаться со мною и не поговорить о событіяхъ дня; что нѣкоторые генералы и флигель-адъютанты пріѣзжали къ нему съ площади и сообщали о происходившемъ (о томъ-то и о томъ-то); что, между прочимъ, государь, видя возмущеніе лейбъ-гренадерскаго полка, сказалъ: «Этотъ полкъ не возмутился бы, еслибъ Желтухинъ былъ здѣсь.»

— Послушайте, Владимиръ Ивановичъ—присовокупилъ князь —сообщите эти слова Петру Ѳедоровичу и посовѣтуйте ему поскорѣе сюда пріѣхать. При такомъ мнѣніи о немъ новаго государя онъ много можетъ выиграть.

— Но мнѣ кажется, лучше бы вамъ, князь, написать къ нему объ этомъ, вѣдь онъ вамъ зять.

— Да; но я долженъ вамъ признаться, что мы съ нимъ не въ хорошихъ отношеніяхъ; мудрено ужиться съ человѣкомъ

---

[1]) И безъ того уже на третій день прошелъ слухъ, что я тоже въ крѣпости. Нѣкоторые знакомые пріѣзжали къ намъ освѣдомиться. Объяснилось тѣмъ, что, по сходству фамилій, меня смѣшали съ лейбъ-гренадерскимъ офицеромъ Пановымъ.

молчнымъ, строптивымъ, гордымъ. Мое письмо не подѣйствуетъ; а васъ онъ любитъ и скорѣе послушается.

Исполняя порученіе князя Тенишева, я тотчасъ написалъ къ Петру Ѳедоровичу и получилъ въ отвѣтъ, что онъ черезъ три недѣли выѣдетъ.

По высылкѣ Магницкаго изъ Петербурга, министерство народнаго просвѣщенія возобновило наступательныя противъ него дѣйствія. Положено—послать нарочнаго чиновника обревизовать на мѣстѣ его управленіе, и выборъ палъ на меня, безъ моего вѣдома. Хорошо, что доброжелательный Карташевскій нарочно пріѣхалъ предупредить меня о томъ: «Откажитесь—говорилъ онъ—что вамъ за охота возиться съ человѣкомъ, съ которымъ всякое столкновеніе опасно; довольно, кажется, вы сдѣлали для министерства, обличивъ его самыми его дѣйствіями и выставивъ его на ладонку». Я немедленно отправился къ Языкову и рѣшительно объявилъ, что не ѣду. Вмѣсто меня назначенъ былъ коллежскій совѣтникъ Есиповъ, нѣкогда саратовскій прокуроръ, отрѣшенный отъ должности, и чрезъ двадцать лѣтъ потомъ, по ходатайству Александра Семеновича причисленный къ министерству. Онъ извѣстенъ былъ въ обществѣ, подъ именемъ глухого Есипова. Мнѣ приказано было приготовить его къ исполненію возлагаемаго на него порученія, почему онъ и провелъ у меня нѣсколько вечеровъ, а между тѣмъ министръ ожидалъ перваго доклада, чтобы представить государю извѣстную мою записку и испросить разрѣшеніе на задуманную ревизію.

Новый императоръ принялъ Александра Семеновича съ первымъ докладомъ въ Новый годъ, выслушавъ мою записку, одобрилъ представленіе о ревизіи, но сказалъ: «Есипова твоего я не знаю; пускай онъ ѣдетъ, а главнымъ ревизоромъ будетъ генералъ-маіоръ Желтухинъ, находящійся въ безсрочномъ отпуску въ Казани; сообщи ему объ этомъ мое повелѣніе, да увѣдомь Ивана Ивановича (Дибича); съ Есиповымъ же пошли къ нему эту записку для руководства».

Александръ Семеновичъ возвратился не совсѣмъ довольный тѣмъ, что первый докладъ его утвержденъ не вполнѣ. «Какой это генералъ-маіоръ Желтухинъ, спросилъ онъ князя Шихматова, пересказывая ему слова государя? Ты знаешь его?» Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ и никогда не видывалъ. Послали за Языковымъ: отвѣтъ тотъ же, съ прибавленіемъ, что иногда видалъ его, и что онъ командовалъ прежде лейбъ-гренадерскимъ полкомъ.

Князь Шихматовъ въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ передать обо всемъ этомъ, и когда услышалъ отъ меня, что выборъ государя, по моему мнѣнію, очень хорошъ, ибо Желтухинъ чело-

вѣкъ строгій, взыскательный по службѣ, и что я хорошо знакомъ съ нимъ, то просилъ меня завтра же ѣхать къ министру и успокоить его на этотъ счетъ.

Я дѣйствительно успокоилъ Александра Семеновича, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что Желтухинъ по моему вызову намѣренъ былъ скоро выѣхать изъ Казани, и что если не остановить его, то повелѣніе можетъ разойтись съ нимъ. По этому просилъ разрѣшенія немедленно сообщить ему полуофиціально, но глухо, по секрету, что онъ получитъ весьма лестное и важное высочайшее порученіе въ Казани, и что слѣдственно повременилъ бы выѣздомъ. Министръ разрѣшилъ; письмо послано, для большей вѣрности и личнаго врученія, чрезъ моего тестя; Желтухинъ остановился. При отправленіи Есипова я предложилъ написать съ нимъ другое письмо, въ которомъ могъ бы спросить Петра Ѳедоровича, какого онъ вообще мнѣнія о Магницкомъ,—а по отвѣту его мы могли бы судить, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Зная, что Желтухинъ года полтора назадъ, потерявши единственную дочь (супруга его скончалась прежде), впалъ въ унынie, предался богомоленію, сталъ ѣздить къ митрополиту, къ графинѣ Орловой, я, признаться, опасался, что встрѣчаясь тамъ съ Магницкимъ, онъ могъ, при такомъ состояніи духа, съ нимъ сблизиться. Мѣра эта была также одобрена; а отвѣтъ Петра Ѳедоровича: «знаю я этого лицемѣра»—разсѣялъ всѣ сомнѣнія и ободрилъ министерство.

Какъ одного помощника въ лицѣ Есипова было бы для Желтухина недостаточно, то министръ испросилъ, и объявилъ мѣстному генералъ-губернатору Бахметьеву высочайшее повелѣніе, оказывать ему со стороны губернскаго начальства возможное содѣйствіе и командировать по требованіямъ его чиновниковъ. Бахметьевъ передалъ это повелѣніе моему тестю, а тотъ предложилъ Желтухину взять совѣтника казенной палаты Карнѣева, молодого человѣка, хорошо владѣющаго перомъ и посѣщавшаго университетскія лекціи. Вотъ начало счастія нынѣшняго статсъ-секретаря Карнѣева.

Желтухинъ окончилъ порученіе скоро, мѣсяца въ два, такъ что въ апрѣлѣ ждали его уже въ Петербургѣ и говорили, что государь намѣренъ вознаградить его званіемъ казанскаго военнаго губернатора. Это меня встревожило. Какъ, думалъ я, неужели тесть мой, столько времени, къ общему удовольствію и съ такою пользою управляющій губерніею, долженъ вовсе лишиться надежды быть утвержденнымъ въ должности губернатора?! и рѣшился дѣйствовать. Соображая время отправленія къ Желтухину вопроса, согласенъ ли онъ принять это званіе, со време-

немъ выѣзда его изъ Казани, я предполагалъ, что онъ разъѣдется съ отношеніемъ Дибича и пріѣдетъ въ Петербургъ ничего о томъ не зная. Еще съ большей вѣроятностью полагалъ я, что такое назначеніе не должно быть ему лестно, какъ генералу заслуженному. На этомъ соображеніи основалъ я планъ моихъ дѣйствій. Прежде всего узналъ, гдѣ остановится Желтухинъ. Оказалось—у родственника своего, генерала Салова. Потомъ поѣхалъ въ этотъ домъ; далъ швейцару синенькую и просилъ немедленно увѣдомить меня, когда пріѣдетъ Петръ Ѳедоровичъ. Чрезъ нѣсколько дней швейцаръ прислалъ мнѣ сказать, что генералъ сейчасъ только (часовъ въ 11 вечера) пріѣхалъ. Рано утромъ ѣду къ нему. Онъ обнимаетъ меня, цалуетъ, но сухо, лаконически говоритъ: «ваши вамъ кланяются». Это меня удивило, зная, какъ онъ хорошъ былъ съ моимъ тестемъ. Извѣстно ли вамъ, спросилъ я, намѣреніе государя относительно васъ?

— Да, мнѣ сказывалъ Иванъ Ивановичъ; я прямо отъ заставы проѣхалъ вчера къ нему.

— Мнѣ кажется для васъ не можетъ быть лестнымъ такое назначеніе; а притомъ, принявъ званіе военнаго губернатора, вы преградили бы дорогу моему тестю, которому всегда отдавали должную справедливость, а это и могло бы служить для васъ самымъ легкимъ и пристойнымъ предъ государемъ средствомъ къ уклоненію.

— Объ этомъ послѣ; а теперь поговоримъ о главномъ, о нашемъ дѣлѣ. Кажется я, благодаря вамъ, кончилъ его удачно. Мнѣ хотѣлось бы завтра прочитать съ вами докладъ мой, прежде нежели представлю его государю. Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать, да пригласите также Языкова и князя Шихматова. Хоть я ихъ не знаю, но имъ нужно тутъ быть; сами же пріѣзжайте немного пораньше.

Я ушелъ, не солоно хлѣбавши. Заѣхалъ къ Языкову, къ Шихматову, пригласилъ ихъ, и на другой день явился въ половинѣ четвертаго.

Желтухинъ сидѣлъ на диванѣ въ гостиной, съ самымъ довольнымъ выраженіемъ лица.

— Поздравьте меня, Владимиръ Ивановичъ, я былъ сегодня у государя, и представилъ ему докладъ мой.

— Какъ?

— Да; онъ прислалъ за мною сегодня въ 8 часовъ утра; принялъ меня и выслушалъ очень благосклонно. Но, представьте, какую диверсію сдѣлалъ мнѣ Магницкій? Я хотѣлъ выпросить Есипову Анну второй степени, а Карнѣеву—Владимира четвер-

той, но государь показалъ мнѣ письмо Магницкаго, за недѣлю до моего пріѣзда полученное, въ которомъ Магницкій, жалуясь на меня, говоритъ, что военный генералъ, незнакомый съ ученою частью, не могъ правильно судить о его дѣйствіяхъ, а тѣмъ менѣе Есиповъ, изгнанный нѣкогда изъ службы, распубликованный сенатскимъ указомъ,—и приложилъ къ письму самый указъ, изволилъ сказать, что послѣ этого онъ не можетъ дать Есипову ордена, а дастъ обоимъ чиновникамъ денежное награжденіе.

Помолчавъ немного, Желтухинъ сказалъ: «Государь, между прочимъ, спрашивалъ меня и о вашемъ тестѣ.»

Видя двухъ, сидѣвшихъ въ гостиной, неизвѣстныхъ мнѣ господъ, и опасаясь, что Желтухинъ, явно перемѣнившійся къ моему тестю, брякнетъ при нихъ о немъ что-нибудь непріятное, я не рѣшился сдѣлать дальнѣйшаго вопроса, и промолчалъ.

Когда вошли Языковъ и Шихматовъ, я, разумѣется, ихъ ему представилъ, а за обѣдомъ сѣлъ между ними, чтобы имъ не такъ скучно было въ незнакомомъ обществѣ, гостей же было довольно. Желтухинъ, соблюдавшій діэту, ходилъ вокругъ стола, подчивалъ насъ, и подливалъ вина, но мнѣ, какъ говорится, кусокъ не шолъ въ горло: такъ тревожила меня судьба тестя.

Послѣ обѣда я всячески сноравливалъ, чтобы поговорить съ нимъ отдѣльно. Наконецъ, мнѣ это удалось. Онъ взялъ меня по прежнему подъ руку, и отвелъ въ уголъ гостиной.

— Что же спрашивалъ государь о моемъ тестѣ?

— Спрашивалъ, каковъ онъ?

— Что жъ вы отвѣчали?

— Что онъ человѣкъ хорошій.

— Только-то?

Тутъ невольно я выдернулъ руку изъ-подъ его руки. Желтухинъ продолжалъ:

— Я не могъ сказать болѣе; наши прежнія отношенія кончились. Вы можетъ быть знаете?

— Въ первый разъ слышу. Объясните ради Бога, отчего такая перемѣна?

— Судите сами, могъ ли я сохранить съ нимъ прежнія отношенія? Я ревизую человѣка, находящагося подъ гнѣвомъ правительства, а Александръ Яковлевичъ его принимаетъ, ласкаетъ, а мачиха вашей супруги каждое воскресенье ѣздитъ въ университетскую церковь къ обѣднѣ. Слѣдуетъ ли такъ поступать начальнику губерніи? Да хорошо ли это и относительно къ вамъ? Развѣ не зналъ онъ, какое близкое участіе принимали вы въ этомъ дѣлѣ? Развѣ не вы обо всемъ подробно ему сообщали? Процессъ мой съ архіереемъ о мельницѣ вдругъ повер-

нулся въ его пользу, потому-что и архіерей сошелся съ Магницкимъ. Въ прощеный день, поздно вечеромъ, соблюдая старинный обрядъ, и отлагая въ сторону, что я давнымъ-давно генералъ, а тесть вашъ статскій совѣтникъ, но помня, что онъ правитель губерніею,—ѣду къ нему. Говорятъ нѣтъ дома. Чьи же эти сани? Магницкаго. Меня не принимаютъ, а онъ тамъ. Судите сами.

Я былъ оглушенъ этимъ длиннымъ монологомъ. Не могъ внутренно не убѣдиться въ промахѣ моего тестя, но однакожъ сказалъ:

— Этому главною причиною должна быть жена моего тестя, женщина пустая, тщеславная, имѣющая, какъ всѣмъ извѣстно, такое сильное вліяніе на мужа. Увлечь ее ничего не стоило Магницкому. Что-жъ касается до процесса съ архіереемъ, то сенаторъ Соймоновъ, встрѣтившійся съ вами прошедшею весною на станціи, съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о готовности вашей сдѣлать уступки и хвалилъ ваше великодушіе [1]). Желтухину подали карточку, чтобы посадить его въ вистъ; мы разошлись.

Дней черезъ десять, 6-го мая, онъ прислалъ мнѣ копію съ именного указа, въ тотъ день состоявшагося, объ удаленіи Магницкаго отъ должности. Вслѣдъ затѣмъ назначенъ въ Казань губернаторомъ статскій совѣтникъ баронъ Розенъ, а тесть мой остался по прежнему вице-губернаторомъ. Вотъ, что надѣлало сближеніе его съ Магницкимъ. Хотя промахъ его объясняется съ одной стороны его гостепріимствомъ, его необыкновенною ко всѣмъ привѣтливостью и суетностью жены, а съ другой—извѣстіями, что Аракчеевъ, явившійся къ новому государю и въ буквальномъ смыслѣ упавшій ему въ ноги, былъ потомъ однажды приглашенъ государемъ сѣсть съ нимъ отъ развода въ сани и повезенъ въ Аничковскій дворецъ, стало быть покровитель Магницкаго еще силенъ; но все-таки Александръ Яковлевичъ былъ самъ виноватъ бѣдѣ своей.

Положеніе его меня огорчало. Я рѣшился ѣхать къ Сперанскому, возобновить въ памяти его то, что за годъ назадъ говорилъ ему объ умѣ, способностяхъ и службѣ моего тестя, и просить его покровительства.

«Напишите къ нему—сказалъ Михаилъ Михайловичъ—чтобы онъ пріѣхалъ въ Москву къ коронаціи. Графъ Викторъ Павловичъ съ удовольствіемъ отзывался о немъ, видавшись съ нимъ

[1]) Немудрено, что Желтухинъ соглашался тогда на уступки. Незадолго предъ тѣмъ гонимый прежде архіерей, послѣ свиданія съ государемъ въ Симбирскѣ, осенью 1824 года, получилъ Александровскую ленту и былъ назначаемъ волею въ митрополиты.

въ проѣздъ свой чрезъ Казань, года три назадъ; онъ будетъ въ Москвѣ, Бахметьевъ тоже; какъ-нибудь общими силами поможемъ.»

Я написалъ. Александръ Яковлевичъ пріѣхалъ въ Москву и вскорѣ опредѣленъ губернаторомъ въ Симбирскѣ.

Магницкому, по удаленіи отъ должности, велѣно было оставаться въ Казани, а губернатору секретно предписано наблюдать за нимъ. Въ надеждѣ на милости, обыкновенно въ дни торжествъ коронаціонныхъ изливаемыя, онъ не устыдился обратиться къ князю Голицыну, и описывая свое недостаточное состояніе, горестную необходимость жить съ женою врозь, на два дома, умолялъ о возобновленіи ему, если не оклада попечительскаго, то по крайней-мѣрѣ о продолженіи тѣхъ шести тысячъ рублей, которые, онъ же князь, нѣкогда выпросилъ ему по особому указу. Князь Голицынъ, какъ истинный христіанинъ, сдѣлалъ это.

Казалось, хотя наконецъ теперь слѣдовало бы Магницкому уняться, жить покойно, смирно. Но нѣтъ; полетѣли въ Петербургъ безъименные доносы, писанные женскою рукою на разныя лица, на новаго губернатора, даже на моего тестя, хотя онъ находился уже въ Симбирскѣ. Доносы эти препровождались къ губернатору, для секретнаго узнанія о сочинителяхъ. Оказалось, что сочинители собирались у Магницкаго, писали подъ его руководствомъ, подъ его редакціею. Баронъ Розенъ донесъ о томъ высшему правительству, присовокупляя, что частыя посѣщенія Магницкимъ архіерея, гдѣ онъ сидитъ иногда до двухъ часовъ ночи, подозрительны и служатъ не къ чести преосвященнаго. Прискакалъ фельдъегерь, взялъ Магницкаго и отвезъ его въ Ревель, гдѣ опредѣлено ему жить подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства; архіерей же былъ переведенъ на Тверскую, низшую эпархію.

Когда Магницкій выѣзжалъ съ фельдъегеремъ изъ Казани, у него не было шубы. Бывшій профессоръ, а въ то время губернскій прокуроръ, Солнцевъ, котораго онъ сначала возвелъ въ званіе ректора, а потомъ отдалъ подъ судъ, далъ ему — свою.

Изъ Ревеля лѣтъ черезъ шесть Магницкій писалъ къ князю Голицыну [1]): «Можетъ быть вы не знаете, сколько я былъ предъ вами виноватъ? Сознаюсь въ томъ и повергаюсь передъ вами, умоляя, простите меня». Голицынъ отвѣчалъ: «Я очень хорошо зналъ, сколько вы были предо мною виноваты и простилъ васъ

[1]) Это впослѣдствіи передалъ мнѣ Языковъ, какъ слышанное имъ отъ самого князя.

тогда же». Магницкій написалъ другое письмо: «Благодарю за великодушное прощеніе, но если вы истинный христіанинъ, то заплатите мнѣ за зло добромъ: извлеките меня изъ настоящаго положенія; по крайней мѣрѣ, исходатайствуйте мнѣ другое мѣсто-пребываніе, въ лучшемъ климатѣ; ревельскій мнѣ вреденъ.» Князь отвѣчалъ уже не письмомъ, а перемѣщеніемъ его въ Одессу, гдѣ онъ и умеръ 21 ноября 1844 года, за день до кончины князя Александра Николаевича, послѣдовавшей въ крымскомъ его уединеніи. Сближеніе замѣчательное.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда все это происходило, отъ тридцати двухъ, почти до сорока лѣтъ [1]). Изъ множества лицъ, упомянутыхъ въ моемъ разказѣ остаются въ живыхъ не болѣе пяти человѣкъ [2]). Грустный счетъ, указывающій на столько могилъ, вмѣстившихъ въ себя и добродѣтели, и слабости, и страсти почившихъ. Выводить ли какое-либо рѣшительное заключеніе о тѣхъ изъ нихъ, которые рельефнѣе выказывались, болѣе другихъ дѣйствовали, отъ которыхъ болѣе зависѣли событія и частію моя личность? Тревожить ли прахъ ихъ? Дѣла ихъ говорятъ сами за себя тише, или громче. Небольшія непріятности, испытанныя мною при столкновеніи съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ, давно забыты мною, изглажены пріятными отношеніями еще при ихъ жизни. Еслижъ я въ моемъ повѣствованіи не совсѣмъ равнодушно отзывался объ этихъ неудовольствіяхъ, это потому, что долженъ былъ перенести себя въ то время и при воспоминаніи невольно оживлялся чувствами, тогда меня волновавшими. Только главное лицо, Магницкій—да проститъ мнѣ тѣнь его—подлежитъ строгому суду исторіи, только почтеннаго старца Шишкова хотѣлось бы мнѣ оправдать въ его загадочномъ невниманіи къ поступкамъ послѣдняго. Да оно потому и было загадочнымъ, что было искусственнымъ: онъ видѣлъ, понималъ все; но развѣ легко ему было при глубокой старости, сопровождаемой преждевременною дряхлостью и склонной къ спокойствію, вступать въ открытую борьбу съ подобнымъ человѣкомъ, борьбу, которая, при защитѣ всемогущаго Аракчеева, неизвѣстно чѣмъ бы кончилась. Краснорѣчивый защитникъ правды въ государственномъ совѣтѣ не имѣлъ уже прежняго мужества, прежняго одушевленія.

18 іюня 1858 г.
С. Килимово.

---

[1]) Ревизію Казанскаго университета, какъ видно выше, производилъ Магницкій въ 1819 г., а паденіе его послѣдовало въ 1826 году.

[2]) А. М. Княжевичъ, Е. А. Груберъ, Д. М. Перевощиковъ, Ѳ. М. Отсолингъ, В. И. Карнѣевъ.

ГЛАВА IV.

Служба моя по министерству удѣловъ. — Князь П. М. Волконскій. — Л. А. Перовскій. — М. М. Сперанскій. — Графъ В. П. Кочубей.

Я забылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что лѣтомъ 1825 года, когда съ такимъ усердіемъ занимался я разсмотрѣніемъ дѣйствій Магницкаго, мнѣ предложено было, вѣроятно въ вознагражденіе потери мѣста начальника отдѣленія, занять вакантную должность цензора. Ваканція эта, и еще другая, открылись разомъ—отрѣшеніемъ и заключеніемъ на время въ крѣпость, по милости Руница и Магницкаго, двухъ цензоровъ. Я было согласился, но меня остерегъ Карташевскій, вѣчная ему память. Помогая министру укладывать въ портфель бумаги, съ которыми шелъ онъ къ государю (это было въ Царскомъ селѣ), Карташевскій увидѣлъ докладъ обо мнѣ, и опасаясь, чтобы такое назначеніе, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не обратилось мнѣ во вредъ, просилъ Александра Семеновича отложить до слѣдующаго доклада, чтобы имѣть время со мною объясниться. Министръ согласился. «Не принимайте этой должности—сказалъ Григорій Ивановичъ—нарочно ко мнѣ заѣхавшій. То ли теперь время? видите, что дѣлается. Вамъ же еще опаснѣе: не можетъ быть, чтобы эти господа (Магницкій и Руничъ) не знали о порученномъ вамъ дѣлѣ.» Я обнялъ его и просилъ доложить Александру Семеновичу, что, раздумавъ хорошенько, и страдая глазами, отказываюсь. Когда въ весною слѣдующаго года императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ пересмотрѣть цензурный уставъ съ тѣмъ, что если дѣйствительно окажется стѣснительнымъ—на что давно жаловались—то составить новый; и когда съ тѣмъ вмѣстѣ признано было нужнымъ увеличить число цензоровъ, положивъ имъ хорошее содержаніе — именно по три тысячи рублей, что было въ тѣ времена значительно,—Карташевскій сказалъ мнѣ: «теперь ступайте.» — Я поѣхалъ къ Языкову и просилъ записать меня въ кандидаты, такъ какъ явилось уже нѣсколько желающихъ, а между тѣмъ дѣло, за усиленнымъ ходомъ верховнаго суда надъ государственными преступниками и переѣздами государя изъ Царскаго села въ Красное, гдѣ стояла гвардія лагеремъ, затягивалось, откладывалось съ недѣли на недѣлю, до назначенія министру личнаго доклада. Наконецъ, докладъ назначенъ 12 іюля, вечеромъ, въ Петербургѣ. Въ этотъ самый вечеръ приходитъ къ намъ неожиданно Михаилъ Петровичъ Ивановъ.

Здѣсь обращусь я нѣсколько назадъ. Когда въ началѣ про-

шедшаго года отъѣзжалъ я съ женою изъ Казани, тесть мой, Александръ Яковлевичъ, снабдилъ меня письмами къ двумъ старинным своимъ по прежней удѣльной службѣ пріятелямъ, статскимъ совѣтникамъ: Буцкому и Иванову. Буцкой, умный, пріятный, но нѣсколько флегматическій человѣкъ, побочный братъ графа Гурьева, занималъ мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ удѣловъ. Онъ и другъ его, статскій же совѣтникъ, даровитый Взметневъ, были тогда одинъ правою, другой лѣвою рукою министра. Ивановъ—казначей департамента удѣловъ, служилъ тутъ уже тридцать лѣтъ, съ самаго учрежденія департамента. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, владимирской, какъ и Сперанскій, епархіи; но былъ старѣе его лѣтами. По переводѣ Сперанскаго, за дарованія его и успѣхи, изъ мѣстной семинаріи въ С.-Петербургскую духовную академію, Ивановъ нерѣдко навѣщалъ земляка. Когда къ министру удѣловъ, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, при которомъ Ивановъ состоялъ въ родѣ письмоводителя, понадобился грамотный молодой человѣкъ, на котораго могъ бы онъ возложить частную переписку,—Ивановъ, зная нерасположеніе Сперанскаго къ духовному званію, рекомендовалъ его, и тѣмъ положилъ основаніе будущей, блестящей его карьерѣ. «Я представилъ Михайла Михайловича князю Куракину—разсказывалъ мнѣ Ивановъ—вечеромъ. Князь, поговоривъ съ нимъ ласково, передалъ ему одиннадцать писемъ; объяснилъ, что слѣдуетъ отвѣчать на каждое, и велѣлъ въ теченіе недѣли изготовить отвѣты. Когда мы пришли ко мнѣ на верхъ (князь Куракинъ жилъ тогда въ домѣ, принадлежащемъ Елисѣевымъ, нынѣ у Полицейскаго моста, гдѣ теперь Благородное собраніе), Сперанскій, видя, что на дворѣ очень темно, а до Невскаго монастыря очень далеко, остался у меня ночевать; сѣлъ за письменный столъ и къ заутрени изготовилъ всѣ одиннадцать отвѣтовъ. Въ шесть часовъ вошелъ я въ кабинетъ министра (онъ вставалъ въ пять) доложить, что письма готовы. Князь былъ изумленъ, велѣлъ позвать Сперанскаго; просмотрѣлъ письма, увидѣлъ, что они написаны такъ, какъ никто еще изъ его подчиненныхъ не писывалъ, что ничего изъ приказаннаго не забыто, ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ, и тотчасъ же опредѣлилъ его къ себѣ.»—Во время воспитанія жены моей въ Екатерининскомъ институтѣ, отецъ поручилъ Михаилу Петровичу навѣщать ее по воскресеньямъ, носить по обыкновенію конфекты, булки и другіе заѣдки. Старикъ исполнялъ это съ любовью и точностью. Когда жъ мы основались въ Петербургѣ, онъ каждое воскресенье приходилъ къ намъ отъ обѣдни и приносилъ просвирку, а 12 іюля, неожиданно пришелъ, какъ сказано, вечеромъ.

— Не удивляйтесь, говорилъ онъ, что я являюсь въ необыкновенное время; но дѣло не терпитъ отлагательства. Третьяго дня состоялся указъ о назначеніи Петра Александровича Буцкаго членомъ департамента удѣловъ. Поѣзжайте къ нему завтра же, проситесь на его мѣсто въ начальники отдѣленія. По пріязни съ Александромъ Яковлевичемъ, онъ, можетъ быть, не откажетъ вамъ въ содѣйствіи, пользуясь милостію князя Александра Николаевича, вашего же прежняго начальника, за котораго вы такъ храбро сражались [1]). А мѣсто выгодное: если захотите только, можете получать по девятнадцати тысячъ въ годъ; отъ каждаго управленія по тысячѣ — такъ, ни за-что, даромъ, безгрѣшно.

— Благодарю васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за ваше усердіе, за обѣщаемыя выгоды, это не по моей части, и я конечно бы ими не воспользовался, но вотъ что̀ главное: я не могу принять вашего предложенія уже потому, что сегодня государь назначилъ министру докладъ по цензурѣ, и можетъ быть въ эту самую минуту, какъ мы съ вами разговариваемъ, онъ подписываетъ указъ объ опредѣленіи меня цензоромъ. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ отъ души.

— Жаль; Александру Яковлевичу, по его прежней удѣльной службѣ и по его тутъ связямъ было бы это пріятно [2]).

Я пересказалъ разговоръ нашъ женѣ. Она тоже выразила сожалѣніе, что я отказался. «Откажись лучше отъ цензорства; брось эту ученую службу, опредѣлись въ департаментъ; ты угодишь этимъ папенькѣ.»

По утру на другой день поѣхалъ я къ Языкову узнать, чѣмъ кончился вчерашній докладъ.

— Какой тутъ докладъ? Развѣ не знаете, сказалъ онъ? Сегодня на разсвѣтѣ была казнь государственныхъ преступниковъ. Государь вчера не пріѣзжалъ; однакожъ, предувѣдомилъ о томъ Александра Семеновича запискою, а дѣло о цензурѣ приказалъ ему взять съ собою въ Москву, куда и самъ послѣ завтра, 15 числа, изволитъ ѣхать, прямо изъ Царскаго Села; министръ же нашъ ѣдетъ 17 числа, въ субботу; и беретъ съ собою князя Шихматова. Повидайтесь съ нимъ; меня въ Москвѣ не будетъ; а кандидатовъ набралось не мало: болѣе тремя, чѣмъ сколько нужно.

---

[1]) По смерти графа Гурьева, послѣдовавшей въ сентябрѣ 1825 г., управленіе кабинетомъ и министерствомъ удѣловъ, поручено было временно (указомъ изъ Таганрога) князю Голицыну, что по роду дѣлъ вновь сближало его съ государемъ: слѣдственно Аракчеевъ не могъ удалить его отъ императора.

[2]) Тесть мой лѣтъ пятнадцать служилъ по удѣльному вѣдомству, сначала помощникомъ управляющаго въ Костромѣ, а потомъ управляющимъ въ Вяткѣ.

Я поѣхалъ къ князю Шихматову. Тотъ подтвердилъ, что есть лишніе кандидаты; что большая часть ихъ рекомендована сильными людьми: великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, митрополитомъ, графомъ Нессельродомъ, Дибичемъ, и чтобы я не ропталъ на него, если въ Москвѣ послѣдуетъ такая неудача.

Не веселъ, въ раздумьи, воротился я домой. «Вотъ видишь ли — говоритъ жена — дѣло невѣрное; пожалуй, опять обойдутъ тебя; плюнь же на это цензорство; послушайся Михайла Петровича; его совѣтъ отъ искренняго сердца; поѣзжай къ нему.»

Ѣду; пересказываю обо всемъ; старикъ радуется моему колебанію, продолжаетъ уговаривать; соглашаюсь.

— Такъ поѣзжайте завтра, какъ можно пораньше къ Петру Александровичу. Онъ живетъ на Крестовскомъ въ деревнѣ, позади рощи, а послѣ завтра, въ пятницу, ѣдетъ съ княземъ на коронацію.

На другой день, въ шесть часовъ утра, дрожки мои остановились у домика на Крестовскомъ островѣ, который занималъ Буцкой. Ставни большею частью были еще закрыты. Онъ вышелъ ко мнѣ въ полисадникъ не дверью, а чрезъ окно, чтобы не безпокоить семейства. Чрезъ окно же подали намъ и два стула.

Объясненіе мое, по студентской крѣпко засѣвшей во мнѣ совѣсти, началъ я такъ:

— Я желалъ бы занять бывшее ваше мѣсто. Скажите мнѣ откровенно, одобряете ли вы мое намѣреніе, находите ли меня годнымъ, не имѣете ли въ виду болѣе годнаго, и будете ли помогать мнѣ?

Такихъ вопросовъ, и такъ чистосердечно предложенныхъ, вѣроятно не случалось ему слышать отъ другихъ просителей, потому-что онъ видимо смутился, и помолчавъ съ минуту отвѣчалъ:

— Признаюсь не могу одобрить вашего намѣренія.

— Почему?

— Потому, что дѣла въ этомъ отдѣленіи самыя обыкновенныя: опредѣленіе, увольненіе, награды и проч.; важнѣйшія производятся въ другихъ отдѣленіяхъ. По вашимъ способностямъ нужны занятія по-серьезнѣе, по-питательнѣе.

(Я поблагодарилъ наклоненіемъ головы. Не знаю, какое онъ могъ имѣть понятіе о моихъ способностяхъ; впродолженіе цѣлаго года я успѣлъ побывать у него не болѣе пяти разъ. Развѣ не дошелъ ли до него слухъ объ успѣшной войнѣ моей съ Магницкимъ? Быть можетъ. Тогда это было уже не тайна.)

— Однакожъ, Петръ Александровичъ, вы занимали это мѣсто?

— Да, но вѣсъ ему придавало благоволеніе покойнаго графа Дмитрія Александровича. Притомъ же, онъ меня занималъ другими, совсѣмъ особыми дѣлами. Что̀ касается до того, не имѣю ли кого-либо въ виду, скажу вамъ, что есть шесть искателей, но я ни одного не могу одобрить; вамъ же, если рѣшаетесь, готовъ помогать.

— Научите же, что мнѣ дѣлать?

— Заготовьте просьбу на имя князя Александра Николаевича, но подавать ее здѣсь уже некогда: мы послѣ завтра ѣдемъ въ Москву; пришлите туда при письмѣ, въ которомъ напомните князю, что служили подъ его начальствомъ.

И жена моя и старикъ Ивановъ были очень довольны, что я ихъ послушался, и что дѣло, въ добрый часъ, получило благопріятное начало. Черезъ недѣлю просьба и письмо отправлены въ Москву; а 14 августа, въ достопамятный день, когда долго ожидаемый, великій князь Константинъ Павловичъ вдругъ вошелъ въ кабинетъ государя и въ присутствіи князя Голицына, находившагося тутъ съ докладомъ, упалъ къ ногамъ императора, былъ подписанъ обо мнѣ указъ. (Тогда давались именные указы объ опредѣленіи въ начальники отдѣленія.)

22 августа, въ самый день коронованія состоялось учрежденіе министерства императорскаго двора, въ составъ котораго, кромѣ собственно частей придворнаго вѣдомства, вошли: кабинетъ, министерство удѣловъ и театры [1]). Министромъ назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, нѣсколько лѣтъ, послѣ смерти оберъ-гофмаршала графа Толстаго (до отъѣзда своего въ 1824 году въ чужіе края), управлявшій придворною частью. Это былъ (какъ я хорошо послѣ узналъ его) человѣкъ большихъ достоинствъ, преисполненный чувствомъ долга и гражданскаго самоотверженія; самый вѣрный слуга царскій, не знавшій на службѣ никакихъ частныхъ отношеній, человѣкъ яснаго, здраваго ума, характера твердаго, обладавшій большими административными способностями и необыкновенною памятью; достаточно образованный, неутомимо трудолюбивый, внимательно читавшій всякую бумагу, и терпѣливо выслушивавшій всякаго просителя; бережливый, даже скупой, особливо на царскія милости и деньги, которыми дорожилъ какъ своими; взыскательный, но справедливый, и потому не оставлявшій истинныхъ заслугъ безъ вниманія; казавшійся суровымъ, но это не согласовалось съ пріятнымъ выраженіемъ большихъ

[1]) Впослѣдствіи оно увеличилось присоединеніемъ Академіи художествъ, Ботаническаго сада, Капитула, Публичной библіотеки и великокняжескихъ дворовъ.

голубыхъ его глазъ, и слѣдственно усвоено имъ съ намѣреніемъ, для отклоненія искательствъ и искателей, которыми, по близости къ государю, былъ окруженъ онъ съ ранней молодости. Никогда не обнаруживалось въ немъ ни малѣйшаго тщеславія, даже, къ удивленію, чувства славы; все подчинено было простому, холодному, неуклонному исполненію своихъ обязанностей. Это, по моему, героизмъ своего рода.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ князя Волконскаго министромъ двора, государь пожаловалъ ему пятьдесятъ тысячъ рублей (ассигн.) ежегодной пенсіи. Такая великая монаршая милость, равная только, незадолго предъ тѣмъ, оказанной Карамзину, объясняется слѣдующими обстоятельствами.

Во время вѣнскаго конгресса, вѣнценосные члены онаго, сознавая важность заслугъ князя Волконскаго по лежавшему на немъ бремени — начальника штаба всѣхъ соединенныхъ армій, полагали отдать ему Іоганисбергъ во владѣніе, но императоръ Александръ, примѣтивъ, что этотъ лакомый кусочекъ хотѣлось получить князю Меттерниху и предвидя будущее сильное вліяніе этого дипломата на политическія дѣла Европы, просилъ князя Волконскаго отказаться, обѣщая впослѣдствіи вознаградить его отъ себя. Конечно, онъ поставилъ его высоко, возведя въ званіе начальника Главнаго своего штаба, подчинивъ ему военнаго министра, и устранивъ изъ-подъ власти сената, но матеріальнаго вознагражденія сдѣлать при жизни не успѣлъ, а можетъ быть, по интригѣ Аракчеева, и раздумалъ. Императоръ Николай зналъ объ этомъ и поспѣшилъ исправить погрѣшность своего предшественника.

Князь Петръ Михайловичъ, лежавшій на одрѣ тяжкой болѣзни, не могъ тотчасъ вступить въ новую свою должность, и только въ половинѣ октября прибылъ въ Петербургъ; министерствомъ же до этого времени управлялъ князь Голицынъ. Мое вступленіе въ должность также очень замедлилось, отъ того, что по множеству именныхъ указовъ, состоявшихся въ Москвѣ во дни коронаціонныхъ торжествъ, сенатскіе, съ обнародованіемъ оныхъ, выходили поздно.

Помню, съ какимъ невольнымъ смущеніемъ, сознавая внутренно мою небольшую опытность, явился я въ первый разъ въ департаментъ удѣловъ. Никѣмъ незнаемый, исключая Иванова и флегматическаго Буцкаго, переступившій можетъ быть кому-нибудь дорогу, я встрѣчалъ кругомъ себя взоры не слишкомъ привѣтливые, на лицахъ нѣкоторыхъ пожилыхъ, засидѣвшихся чиновниковъ, проскальзывала даже улыбка; повидимому, имъ казалось, что я слишкомъ молодъ для такой солидной должности.

И дѣйствительно, мнѣ надобно было учиться у моихъ столоначальниковъ формамъ, пріемамъ и вообще мѣстному порядку въ производствѣ дѣлъ, отличному отъ существующаго въ министерскихъ департаментахъ и канцеляріяхъ, потому-что удѣльный департаментъ управлялся коллегіально—присутствіемъ, состоявшимъ изъ четырехъ членовъ. Въ ту пору они были, кромѣ Буцкаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: Михайловъ, находившійся тогда уже при смерти, Крейтеръ и Шишовъ; оба изъ старыхъ сенатскихъ оберъ-секретарей. Первый, человѣкъ благородный, дѣльный, съ вѣрнымъ тактомъ въ сужденіяхъ; второй, тоже дѣлецъ, но совершеннѣйшій типъ подъячаго старыхъ временъ и по фигурѣ, и по манерамъ, и по дѣйствіямъ [1]).

Прибытіе князя Волконскаго навело страхъ на весь департаментъ; знали, что онъ по службѣ строгъ, на все обращаетъ вниманіе, прочитываетъ все, что̀ ему представляется, знали также изъ разговоровъ директора канцеляріи его, Ситникова, что онъ предубѣжденъ противъ департамента, запущеннаго вялымъ подъ старость управленіемъ графа Гурьева и поверхностнымъ завѣдываніемъ послѣ него князя Голицына. И дѣйствительно, департаментъ не пользовался хорошимъ мнѣніемъ въ публикѣ, что̀ также увеличивало колебаніе мое вступить въ оный. Вскорѣ директоръ извѣстилъ, что министръ, желая лично познакомиться съ главными лицами, приметъ членовъ и начальниковъ отдѣленій въ такой-то день и часъ. Мы отправились; стали фрунтомъ по старшинству въ залѣ его въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ постоянно жилъ онъ съ воцаренія Александра Павловича. Изъ внутреннихъ комнатъ появился какой-то блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, въ черномъ фракѣ; посмотрѣлъ на насъ въ лорнетъ и опять скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ князь, спросилъ каждаго о его обязанностяхъ, давно ли въ службѣ, давно ли въ занимаемой должности? а отпуская насъ сказалъ: «Господа, я люблю порядокъ, исправность, живость въ производствѣ дѣлъ; я взыскателенъ; служите усердно и добросовѣстно.»

Недѣли черезъ двѣ, блѣдный молодой человѣкъ въ черномъ

---

[1]) Тесть мой сказывалъ мнѣ, что этотъ Шишовъ подарилъ маленькому сыну своему альбомъ, съ тѣмъ, чтобы, когда придутъ къ отцу управляющіе конторами, и прежде, чѣмъ онъ ихъ приметъ, сынишка выходилъ въ залу и просилъ являющихся написать въ альбомѣ: это значило выставить цифру и положить между страницъ деньги. Когда я, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи въ департаментъ, докладывалъ одно дѣло, въ которомъ Шишовъ принималъ нечистое участіе, онъ сказалъ мнѣ по выходѣ изъ присутствія: «Что это вы, Владиміръ Ивановичъ, ужъ такъ больно ясно изложили, а я бы заколесилъ такъ, что и самъ бы чортъ не разобралъ.»

фракѣ (это былъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ удѣловъ) опредѣленъ четвертымъ членомъ департамента, вмѣсто незадолго предъ тѣмъ умершаго Михайлова. Онъ былъ, какъ извѣстно, побочный сынъ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, учился въ Москвѣ, въ частной математической школѣ генералъ-маіора Муравьева (отца покорителя Карса и нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ). Школу эту, по приносимой ею пользѣ, князь Петръ Михайловичъ превратилъ потомъ въ казенное заведеніе, сдѣлавъ разсадникомъ офицеровъ генеральнаго штаба, куда и опредѣлилъ Перовскаго вмѣстѣ съ меньшимъ его братомъ, Василіемъ (впослѣдствіи тоже графъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ). Въ особенности полюбилъ онъ и приблизилъ къ себѣ Льва Алексѣевича. Лѣтъ черезъ семь, Перовскій былъ уже свитскимъ полковникомъ; но женившись, вышелъ въ 1820 году въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіемъ камергера, жилъ шесть лѣтъ въ чужихъ краяхъ, а передъ коронаціею возвратился въ Россію, — очень кстати — ко времени новаго возвышенія, новой значительности князя Волконскаго. Перовскій былъ человѣкъ желчнаго холерическаго сложенія, отъ того болѣзненный, нетерпѣливый, вмѣстѣ съ тѣмъ мстительный, гордый. Характеръ имѣлъ твердый, настойчивый, готовъ былъ прошибить каменную стѣну, лишь бы достичь своей цѣли; непомѣрно милостивый къ тѣмъ немногимъ, которые ему нравились, безжалостно невнимательный къ тѣмъ, которые почему-либо не нравились; честолюбивый до ненасытности и устремлявшій къ тому всѣ свои помышленія, всѣ свои дѣйствія, застѣнчивый въ обществѣ стороннихъ людей, и отъ того рѣдко выѣзжавшій въ большія собранія, плохо, неясно, съ затрудненіемъ объяснявшійся, плохо и мало писавшій, но умѣвшій очень хорошо оцѣнять достоинства и недостатки въ редакціи другихъ. Къ чести его можно сказать, что онъ любилъ окружать себя людьми способными и оказывать имъ сильное покровительство; что любилъ заниматься нѣкоторыми науками, входящими въ кругъ его служебныхъ обязанностей, какъ-то: минералогіей, ботаникой, археологіей; что былъ господинъ своего слова; не терпѣлъ низкихъ поступковъ, но, къ сожалѣнію, людей подобнаго рода, наушниковъ, доносителей, сыщиковъ, охотно употреблялъ (а особливо сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ) для достиженія своихъ намѣреній. Онъ съ величайшею пользою могъ бы быть поставленъ во главѣ тайной полиціи.

Первые дни Перовскій сидѣлъ въ присутствіи молча, не вмѣ-

шивался въ сужденія, прислушивался, приглядывался, и передавалъ министру свои наблюденія. Между тѣмъ министръ удивлялъ департаментъ своею дѣятельностью: кипы толстыхъ журналовъ просматривалъ безъ задержанія, клалъ на нихъ основательныя резолюціи, дѣлалъ строгія, но справедливыя замѣчанія. Вскорѣ посыпались выговоры, полетѣли эстафеты на счетъ управляющихъ удѣльными конторами, по усмотрѣнной медленности въ ихъ донесеніяхъ. Одинъ изъ выговоровъ палъ на начальника 2-го отдѣленія, статскаго совѣтника Смирнова, человѣка весьма уже пожилого, нѣсколько гордаго и щекотливаго: онъ занемогъ горячкою. Призываютъ меня въ присутствіе: старшій членъ, Крейтеръ, объявляетъ, что по случаю болѣзни Смирнова департаментъ полагаетъ поручить мнѣ его отдѣленіе. Я отговариваюсь моею неопытностью, недавнимъ поступленіемъ, которому нѣтъ еще и полутора мѣсяца, неполнымъ ознакомленіемъ съ дѣлами собственнаго отдѣленія, важностью дѣлъ второго, въ которомъ сосредоточивалась вся хозяйственная и распорядительная часть. Крейтеръ и два другіе члена (Перовскій молчалъ) убѣждаютъ, говорятъ, что иного способа нѣтъ, что на это меня станетъ. Надобно было покориться волѣ начальства. Съ новымъ къ себѣ недовѣріемъ принимаюсь за тяжкую работу; при усиленномъ стараніи оно идетъ успѣшно по обоимъ отдѣленіямъ. Недѣли черезъ три министръ, примѣтивъ, что журналы второго отдѣленія подписываются мною, сдѣлалъ департаменту вопросъ: почему это? Присутствіе, не пославшее въ свое время на утвержденіе князя (неизвѣстно по какой причинѣ) журнала о возложенномъ на меня порученіи, переконфузилось и послало только теперь, вмѣсто отвѣта на вопросъ. Князь написалъ на журналѣ слѣдующую резолюцію: «Не могу согласиться съ распоряженіемъ департамента; начальникъ 1-го отдѣленія и безъ того много занятъ своими дѣлами; пусть столоначальники 2-го отдѣленія, каждый по своей части, подписываютъ бумаги и за нихъ отвѣчаютъ.» У меня гора свалилась съ плечъ, но я отдохнулъ не надолго. Къ 1-му января 1827 года былъ представленъ министру годовой отчетъ. Съ гнѣвомъ усмотрѣлъ онъ, что по третьему, судному отдѣленію осталось сто двадцать дѣлъ нерѣшенныхъ; сдѣлалъ строгое замѣчаніе присутствію департамента и потребовалъ, чтобы они были рѣшены въ теченіе мѣсяца. Что оставалось присутствію? Оно опредѣлило раздать нерѣшенныя дѣла по прочимъ отдѣленіямъ, въ томъ числѣ и мнѣ назначена порядочная доля. Я опять призванъ въ присутствіе для объявленія этого распоряженія. По прежнему отговариваюсь, объясняю, что едва только освободился отъ лежавшаго на мнѣ

бремени занятія чужими дѣлами, что могу запустить собственныя, что производство дѣлъ судныхъ вовсе мнѣ незнакомо; на лестныя же слова Крейтера, что при моихъ способностяхъ можно успѣть и въ томъ и другомъ, у меня вырвалось въ отвѣтъ: «Нѣтъ, ваше превосходительство, нѣтъ; еслибъ я и во снѣ увидалъ, что съ этимъ слажу, то и во снѣ покраснѣлъ бы.» При этихъ словахъ, сказанныхъ отъ чистаго сердца, Перовскій, сидѣвшій съ опущенною головою, вдругъ ее поднялъ и устремилъ на меня глаза. Послѣ, когда мы сблизились, онъ сказывалъ мнѣ, что съ этой минуты обратилъ на меня вниманіе.

Эта новая обуза показалась мнѣ тяжелѣе прежней, именно, по самому роду и огромности дѣлъ. Я обратился къ помощи Божіей, и помолившись усердно, положилъ каждый день заниматься до трехъ часовъ ночи. Но прежде надобно было познакомиться съ самымъ составомъ этихъ дѣлъ, обыкновенно набитыхъ повтореніями, выучиться, что̀ читать, что̀ пропускать. Я скоро это смекнулъ, прочитавши одно большое дѣло, и началъ быстро подвигаться впередъ. Самъ не вѣрилъ своему успѣху; удивлялся, что всѣ составляемыя мною резолюціи, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ процессамъ, постоянно утверждались присутствіемъ.

Однажды, когда я докладывалъ одно какое-то сложное дѣло, Перовскій, начавшій уже входить въ общія сужденія, сомнѣваясь, повидимому, самъ ли я такъ успѣшно занимаюсь, не чужими ли руками загребаю жаръ, началъ меня сбивать, требовалъ повторить весь ходъ дѣла. Я повторилъ. Тогда вставъ со стула и отозвавъ меня къ дальнему окну залы, сказалъ: «Продолжайте такъ трудиться; не будете раскаяваться; министръ замѣчаетъ ваше усердіе.»

Въ послѣдній день назначеннаго министромъ мѣсячнаго срока, доложилъ я и послѣднее судное дѣло, а на другой день отъ имени его была объявлена мнѣ благодарность, со внесеніемъ въ журналъ — первая милость по всему вѣдомству, а то были одни только замѣчанія, да выговоры и штрафы.

Въ день Пасхи, Перовскій пожалованъ въ должность гофмейстера и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ въ должность вице-президента департамента. Тогда началъ онъ постепенно развивать свою дѣятельность, призывая меня для совѣщаній и изложенія на бумагѣ своихъ предположеній. Ему нравилось во-первыхъ мое рвеніе, съ которымъ я принимался за работу, а меня одушевляло его вниманіе, и мысль, что приношу пользу; во-вторыхъ то, что я хорошо понималъ несвязныя его рѣчи, въ-третьихъ — моя редакція, которую называлъ онъ логичною. Все, что̀ было

сдѣлано въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ для устройства и улучшенія удѣльныхъ имѣній, все проходило чрезъ мои руки, во всемъ принималъ я непосредственное участіе, до какого бы отдѣленія то ни относилось. Я не исчисляю всѣхъ измѣненій, всѣхъ нововведеній, которыми доведено удѣльное вѣдомство до настоящаго, удовлетворительнаго своего положенія, ни всѣхъ, понесенныхъ мною трудовъ, постоянно подкрѣпляемыхъ одобреніемъ и поощреніемъ Перовскаго, даже вниманіемъ самого министра, который, посѣщая департаментъ, всякой разъ подходилъ къ столу моему, спрашивалъ здоровъ ли я, чѣмъ занятъ? Укажу ниже только на нѣкоторыя, о коихъ болѣе пріятно мнѣ вспомнить, а теперь скажу, что первые года полтора Перовскій былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался послѣ. Въ немъ, при благородномъ образѣ мыслей и застѣнчивости, проглядывала какая-то невинность и невѣдѣніе многаго; онъ имѣлъ весьма слабыя понятія о внутреннемъ управленіи государства, о промышленномъ и торговомъ состояніи Россіи, о главнѣйшихъ средствахъ и качествахъ той или другой губерніи; мало зналъ о главныхъ дѣйствующихъ въ правительствѣ лицахъ, и рѣшительно ничего о второстепенныхъ, отъ которыхъ такъ много зависитъ ходъ дѣлъ. Вытѣснивъ постепенно всѣхъ прежнихъ управляющихъ удѣльными конторами и членовъ департамента (нѣкоторыхъ не совсѣмъ справедливо), онъ очень затруднялся, по недостатку связей и по неимѣнію въ виду способныхъ людей, замѣщеніемъ упраздненныхъ должностей. Большая часть новыхъ опредѣлены были по моей рекомендаціи, отчасти по указанію его старшаго брата Алексѣя, тогдашняго попечителя Харьковскаго университета, и трое по избранію самого министра. Въ это время онъ нерѣдко приглашалъ меня обѣдать. Для насъ двоихъ подавали не менѣе восьми блюдъ; ему какъ будто совѣстно было угощать меня меньшимъ числомъ. Обѣдъ обыкновенно начинался рюмкою бургонскаго и оканчивался цѣлою бутылкою сеньперѣ, которую всю вдвоемъ мы выпивали. Когда же честолюбіе его начало сильно разыгрываться, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилились желчные и геморроидальные припадки, онъ могъ ѣсть одинъ только супъ съ курицей, и потому, вмѣсто обѣда, сталъ приглашать меня къ чаю; но вскорѣ и чай былъ ему запрещенъ. Тогда онъ присылалъ за мною уже по утрамъ, до начала присутствія, а это повторялось каждый почти день.

Вникая въ дѣла моего отдѣленія, я нашелъ, что учрежденіемъ положено имѣть въ удѣльныхъ имѣніяхъ больницы, богадѣльни, училища, а между тѣмъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, не устроено ни одного подобнаго заведенія. Разспрашиваю ста-

рожила департамента, упомянутаго выше Иванова, отчего благія эти предположенія доселѣ не приведены въ исполненіе? «Отъ того, отвѣчалъ Ивановъ, что на это требовалось бы много денегъ, а ихъ столько нѣтъ.» Придумывая, какъ бы пособить горю, т. е. достать денегъ, безъ отягощенія удѣльнаго казначейства, я вспомнилъ, что за два предъ тѣмъ года зять мой, Лихачевъ, при свиданіи со мною въ Казани, сообщилъ мнѣ намѣреніе свое испытать способъ одного тамбовскаго помѣщика, употребленный имъ для облегченія крестьянъ въ исправномъ платежѣ государственныхъ податей и повинностей: способъ этотъ состоялъ въ отдѣленіи отъ каждаго тягла небольшого количества земли, съ тѣмъ, чтобы образовавшееся изъ этихъ клочковъ и отведенное къ одному мѣсту особое поле, воздѣлывалось, засѣвалось и убиралось всѣмъ міромъ, собранный хлѣбъ продавался бы, а изъ вырученныхъ денегъ уплачивались бы подати и повинности, сборъ которыхъ съ каждой души отдѣльно представляетъ обыкновенно много неудобствъ, затрудненій и неразлученъ съ недоимками. Я немедленно написалъ къ Лихачеву, прося его увѣдомить меня, удалось ли ему это предположеніе? Лихачевъ отвѣчалъ, что удалось, какъ нельзя лучше; что въ первый же годъ не только внесены всѣ подати и повинности, но еще осталось до полуторы тысячи рублей въ экономіи. Обрадованный такимъ увѣдомленіемъ, я составилъ проектъ учрежденія въ удѣльныхъ имѣніяхъ такъ-называемой *общественной запашки* съ отдѣленіемъ, для образованія общественныхъ полей въ селеніяхъ многоземельныхъ, по одной шестнадцатой, а въ малоземельныхъ — по одной тридцать второй десятины, отъ каждой ревизской души. По выведенному мною приблизительному разсчету оказалась весьма значительная за продаваемый хлѣбъ выручка, съ избыткомъ достаточная на устройство и содержаніе больницъ, богадѣленъ и школъ, такъ-что не ограничиваясь этимъ, можно было имѣть въ виду и другія полезныя учрежденія.

Проектъ этотъ въ маѣ мѣсяцѣ 1827 года, т. е. съ небольшимъ черезъ полгода по вступленіи моемъ въ должность, представилъ я Перовскому. Онъ пришелъ въ восхищеніе.

— Прекрасно! благодарю васъ; но уступите ваше предположеніе въ пользу запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, которые, вы знаете, оказались существующими по одному только имени.

— Но хлѣбные магазины находятся въ вѣдомствѣ второго отдѣленія; а я обязанъ заботиться о томъ, что подлежитъ наблюденію перваго.

— Такъ, но по вашему проекту и за наполненіемъ запасныхъ магазиновъ останутся достаточныя средства для учрежде-

нія въ имѣніяхъ богоугодныхъ заведеній; а притомъ, скажу вамъ по секрету, министръ намѣренъ ввѣрить вамъ второе отдѣленіе.

— А Смирновъ, куда жъ Смирнова?

— Вонъ. Онъ несносенъ; каждый докладъ его сущее наказаніе. И не понимаетъ, что ему пора выйти въ отставку. Вамъ потерпѣть не долго; займитесь пока примѣненіемъ вашего проекта къ запаснымъ магазинамъ, а между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ Смирновъ по-неволѣ очиститъ вамъ свое мѣсто. Долѣе терпѣть его невозможно; онъ будетъ отставленъ.

— Нѣтъ, на такомъ основаніи я не желаю занять его мѣсто; дайте ему возможность оставить службу по доброй волѣ. Можетъ быть, онъ дурно докладываетъ и плохо владѣетъ перомъ; но если, какъ мнѣ кажется, вы считаете его наравнѣ съ тѣми, которыхъ подозрѣваете въ нечистотѣ дѣйствій, то ошибаетесь, онъ человѣкъ благородныхъ правилъ. Его убьетъ отставка безъ подачи прошенія.

— Хорошо; можно нѣсколько подождать.

Спустя немного, Смирновъ вышедъ однажды изъ присутственной комнаты съ весьма разстроеннымъ видомъ, подошелъ ко мнѣ, и горько жаловался на непріятности, которыя терпитъ при каждомъ своемъ докладѣ, что резолюціи его отвергаются то съ колкими, то съ жосткими замѣчаніями; что онъ сейчасъ бы подалъ въ отставку, еслибъ былъ увѣренъ, что ему дадутъ пенсіонъ. Тогда еще не было положительнаго закона о пенсіонахъ, и назначеніе оныхъ дѣлалось по усмотрѣнію начальства и особому каждый разъ докладу [1]). Видя его въ такомъ огорченіи, я вызвался, если онъ позволитъ, объясниться на этотъ счетъ съ Перовскимъ. Смирновъ съ благодарностью принялъ мой вызовъ; Левъ Алексѣевичъ тоже обрадовался намѣренію его оставить департаментъ; но долго не соглашался ходатайствовать о пожалованіи ему пенсіона; наконецъ уступилъ моимъ просьбамъ, — и Смирновъ былъ честно уволенъ, съ назначеніемъ пенсіи въ 2,500 р. ассиг. Въ тотъ же день объявлено повелѣніе министра о перемѣщеніи меня во второе отдѣленіе и, совершенно уже сюрпризомъ — объ отводѣ мнѣ квартиры въ домѣ департамента. Квартира эта, лучшая изъ всѣхъ и принадлежавшая умершему

---

[1]) Первое пенсіонное положеніе, какъ законъ, состоялось въ апрѣлѣ 1827 г. для лицъ собственно придворнаго вѣдомства; въ сентябрѣ того жъ года для департамента удѣловъ и кабинета (мною написанное), а по примѣру, поданному княземъ Волконскимъ, послѣдовалъ въ непродолжительномъ времени и общій по государству уставъ о пенсіяхъ.

члену Михайлову, стояла пустая, но тщательно отдѣлывалась, равно какъ и весь бель-этажъ, занятый департаментомъ. Ее просилъ членъ Буцкой, остававшійся тогда еще на службѣ, но ему отказано. Безъ всякой моей просьбы она отдана мнѣ, младшему по службѣ всѣхъ начальниковъ отдѣленій, не говоря уже о членахъ.

Примѣняя проектъ мой къ запаснымъ хлѣбнымъ магазинамъ, надлежало вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что существующее на предметъ сей законоположеніе, весьма еще свѣжее, изданное за четыре передъ тѣмъ года, не достигаетъ своей цѣли; слѣдственно, по одному этому могло быть замѣнено другимъ, болѣе удовлетворительнымъ, основаннымъ, напримѣръ, хотя на учрежденіи общественной запашки. Этимъ законоположеніемъ, состоявшимся въ 1823 году, подъ личнымъ руководствомъ графа Кочубея, управлявшимъ тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, установленъ былъ подушный сборъ въ губерніяхъ хлѣбопашенныхъ — хлѣбъ, а въ губерніяхъ промышленныхъ и сѣверныхъ — денегъ, но въ такомъ того и другого количествѣ, что принимая въ соображеніе по одному неурожайному году въ теченіе каждыхъ семи лѣтъ, какъ это дознано опытомъ, — оказывается, что положенное количество по $1^1/_2$ четверти ржи на душу могло быть собрано едва въ 24-ре года, а на вносимыя деньги, не прежде какъ черезъ 48 лѣтъ, могла быть куплена одна четверть ржи, полагая оную, въ голодный годъ по 12 руб. асс.

Передѣланный и принаровленный къ новой цѣли проектъ мой былъ въ іюлѣ мѣсяцѣ представленъ Перовскимъ министру двора; но князь не спѣшилъ подносить его на высочайшее утвержденіе. «Дѣло это слишкомъ важно — говорилъ онъ Перовскому, который настаивалъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи — надобно напередъ посовѣтоваться съ знающими людьми. Въ сентябрѣ соберутся сюда всѣ генералъ-губернаторы: позову ихъ обѣдать и потолкую съ ними.» Когда они съѣхались въ Петербургъ, князь дѣйствительно пригласилъ ихъ обѣдать и прочиталъ имъ проектъ; но какъ онъ послѣ отзывался Перовскому, только трое изъ нихъ могли основательно разсуждать о предметѣ и похвалили предположеніе. Не довольствуясь этимъ, князь разсудилъ спросить мнѣнія графа Кочубея, съ которымъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Узнавъ объ этомъ отъ Перовскаго, я просилъ его остеречь князя, объяснивъ ему, что законъ, котораго недостатки выставлены въ моемъ проектѣ, и притомъ рѣзко, слишкомъ осязательно, продиктованъ графомъ Кочубеемъ. «Тѣмъ лучше — сказалъ князь — онъ будетъ строже разбирать наше предположеніе», и послалъ проектъ на разсмотрѣніе графа.

Что же сдѣлалъ графъ Викторъ Павловичъ? Какъ истинно государственный человѣкъ, онъ не только не отстаивалъ закона 1823 года, но отдалъ полную справедливость новому способу содержанія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ во всегдашней готовности пособлять нуждающимся. Тогда князь Петръ Михайловичъ вошелъ съ докладомъ къ государю императору и проектъ былъ высочайше утвержденъ.

Въ публикѣ, всегда нерасположенной къ нововведеніямъ и мало довѣряющей администраторамъ военнаго званія, составилось оппозиціонное противъ этой мѣры мнѣніе: возможно ли, говорили такъ-называемые знающіе люди, заводить барщину между свободными крестьянами, отягощать ихъ работами, которыхъ не знали они цѣлые вѣка? Да они, пожалуй, взбунтуются, и затѣйливую выдумку надобно будетъ бросить, обратиться къ прежнему простому способу сбора съ душъ.

Тщетно боролся я съ этими превратными толками, тщетно доказывалъ, что эта барщина и это отягощеніе, о которыхъ столько хлопочутъ, есть не что иное, какъ четыре дня работы въ теченіе цѣлаго года, совершаемой всѣмъ міромъ той или другой деревни вдругъ, одновременно. Толковали до тѣхъ поръ, пока скорый и блестящій результатъ не заставилъ всѣхъ умолкнуть. Въ первый же годъ магазины были уже наполнены яровымъ хлѣбомъ, котораго требуется небольшое количество, а чрезъ два слѣдующіе года — и ржанымъ, такъ-что оставалось только, какъ это съ тѣхъ поръ и дѣлается, перемѣнять время отъ времени старый хлѣбъ новымъ и провѣрять количество онаго мѣрными закромами, имѣющими внутри градусы.

Говорить ли о тѣхъ значительныхъ капиталахъ, которые пріобрѣтены департаментомъ ежегодною продажею избытковъ общественнаго хлѣба, и тѣхъ полезныхъ заведеніяхъ, которыя основаны на счетъ оныхъ? Это видно изъ отчетовъ министерства удѣловъ. Но позволяю себѣ сказать, что въ первыя пять лѣтъ, пока я завѣдывалъ этою частью, прикащики, наблюдающіе за работами, получали, на основаніи моего проекта, въ поощреніе трудовъ своихъ, по 10 к. сер. съ души изъ выручки за продаваемый излишній хлѣбъ. Когда же я оставилъ департаментъ, Левъ Алексѣевичъ придумалъ способъ сдѣлать участниками выгодъ, представляемыхъ предложенною мною мѣрою, не только управляющихъ удѣльными конторами съ ихъ чиновниками, но начальниковъ отдѣленія департамента, членовъ онаго и наконецъ самого себя. Каковы жъ эти выгоды — довольно указать на тѣхъ изъ управляющихъ, завѣдывающихъ болѣе населенными имѣніями, которые въ иной годъ получаютъ до десяти тысячъ рублей

серебромъ. Что̀ получалъ Левъ Алексѣевичъ — хорошенько не знаю, но судя по этому размѣру, конечно не мало. Тотъ же, кто предложилъ эту мѣру, кто ее взлелеялъ, — оставленъ въ забвеніи. Онъ могъ конечно возвысить свой голосъ противъ такой несправедливости, могъ требовать даже пенсіона за столь важную услугу, но онъ молчалъ и молчитъ доселѣ, утѣшаясь мыслью, что честь лучшаго, полезнѣйшаго изъ всѣхъ нововведеній, бывшихъ по министерству удѣловъ, принадлежитъ исключительно ему, и что оно блестящимъ успѣхомъ своимъ привлекло̀ къ подражанію множество помѣщиковъ въ государствѣ.

Въ томъ же 1827 году, занятъ я былъ другимъ важнымъ дѣломъ. Императоръ Александръ Павловичъ, посѣтившій Англію въ 1824 году, плѣнился тамъ знаменитою бумажною фабрикою Фудриньера, дѣйствующею по особому механизму такъ, что листъ бумаги, выходящій изъ подпрессовыхъ валовъ, могъ быть протянутъ на нѣсколько верстъ, лишь бы доставало въ ролѣ бумажной массы, — пожеладъ устроить подобную въ Россіи, именно въ Петергофѣ. Для приведенія въ исполненіе намѣренія императора пріисканъ былъ въ Лондонѣ нѣкто Вистингаузенъ, бывшій нарвскій купецъ, давно уже переселившійся въ Англію и выдававшій себя за англичанина. Какъ Вистингаузенъ старался придать дѣлу этому великую важность (оно и въ самомъ дѣлѣ было немаловажное), то государь приказалъ тремъ своимъ дипломатамъ: Татищеву, Поццо-ди-Борго и графу Нессельроду, находившимся тогда въ Лондонѣ, заключить съ нимъ договоръ. Хитрый и смѣлый Вистингаузенъ съумѣлъ провести знаменитыхъ дипломатовъ: они подписали договоръ, по неясности котораго онъ могъ получать предоставленную ему четвертую часть не отъ чистой прибыли, какъ бы слѣдовало (т. е. за исключеніемъ всѣхъ расходовъ), а отъ суммы, на которую выдѣлаетъ бумаги. Отъ этого произошло, что Вистингаузенъ не считалъ себя обязаннымъ заботиться о сбытѣ издѣлія, хлопоталъ только о томъ, чтобы выработать онаго какъ можно болѣе, оцѣнить какъ можно выше, и къ концу года отсчитать себѣ четвертую часть этой цѣнности. По той же причинѣ не старался онъ и о доведеніи бумаги до желаннаго совершенства. Она не шла съ рукъ и наполняла только кладовыя, особливо бумага большихъ размѣровъ, такъ-называемая александрійская, которой назначалъ онъ неимовѣрную цѣну — отъ пяти до семи тысячъ рублей за стопу. Ни графъ Гурьевъ, ни самый кабинетъ, не обращали на то должнаго вниманія и продолжали ежегодно отпускать Вистингаузену по пятисотъ двадцати восьми тысячъ рублей на обороты фабрики, такъ-что къ 1827 году, когда

князь Петръ Михайловичъ вникнулъ въ дѣло, на нее издержано уже было восемь милліоновъ ассигнаціями, не считая процентовъ на эту сумму въ теченіе четырнадцати лѣтъ! Князь потребовалъ отъ кабинета объясненій, но нашелъ ихъ такъ неясными и запутанными, что бросилъ въ печь. Честолюбивый Перовскій этимъ воспользовался. Онъ сталъ доказывать министру, что кабинетъ, особливо съ настоящими своими членами, не въ состояніи управить этимъ дѣломъ (трое изъ нихъ вскорѣ и были уволены), что лучше бы передать фабрику въ завѣдываніе департамента удѣловъ, что онъ надѣется все распутать и привести въ порядокъ. Смѣлую эту надежду основывалъ онъ на мнѣ и на надворномъ совѣтникѣ Казинѣ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и директоръ канцеляріи капитула). На мнѣ потому, что я согласился на его убѣжденія присоединить дѣла фабрики къ дѣламъ второго отдѣленія, съ учрежденіемъ особаго стола; на Казинѣ по той причинѣ, что Казинъ былъ прежде нѣсколько лѣтъ членомъ фабричнаго правленія, оставилъ эту должность по неудовольствіямъ съ Вистингаузеномъ, слѣдственно могъ имѣть о положеніи ея достаточныя свѣдѣнія. «Я не иначе буду продолжать настоянія мои у министра, о передачѣ въ департаментъ Петергофской фабрики — говорилъ онъ мнѣ — какъ въ такомъ случаѣ, когда вы согласитесь взять ее въ ваше отдѣленіе.» Я долго отговаривался множествомъ текущихъ дѣлъ и возлагаемыхъ на меня особыхъ порученій, но надобно было исполнить его желаніе, чтобы избѣжать приказанія; князь тоже не вдругъ уступилъ его настояніямъ. Когда наконецъ послѣдовало на эту передачу высочайшее повелѣніе, Перовскій поспѣшилъ познакомить меня съ Казинымъ, пригласивъ насъ обоихъ къ себѣ на чай (тогда еще онъ могъ пить чай).

Довольно было одного вечера, чтобы узнать Дмитрія Ниловича Казина, чтобы найти въ немъ самаго умнаго, самаго любезнаго человѣка съ большими административными и коммерческими способностями. Мы тотчасъ сблизились, впослѣдствіи и породнились, женитьбою одного изъ сыновей его на моей племянницѣ, дочери сестры моей, Лихачевой. Не могу безъ глубокой признательности вспомнить о нашихъ дружескихъ отношеніяхъ, сопровождаемыхъ со стороны его самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, и продолжавшихся постоянно по самый день его кончины, впродолженіе двадцати пяти лѣтъ. Чрезъ него же познакомился я и тѣсно сблизился съ однимъ изъ его родственниковъ, отставнымъ полковникомъ Ильею Александровичемъ Болтинымъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и совѣтникъ придворной конюшенной конторы), человѣкомъ благо-

роднѣйшихъ правилъ, настоящимъ рыцаремъ, какихъ теперь не скоро встрѣтишь. Его дружба, его необыкновенная ко мнѣ привязанность много усладили жизнь мою въ послѣднія десять лѣтъ; не проходило, можно сказать, дня, чтобы мы не видались, и всегда съ возрастающимъ удовольствіемъ. Но вотъ скоро два года, какъ я посѣщаю уже не его, а его могилу на Волковскомъ кладбищѣ! Миръ праху вашему, друзья незамѣнимые!

Да проститъ мнѣ снисходительный читатель это невольное отступленіе. Память сердца и чувства благодарности у меня не увяли: онѣ просились излиться на бумагу.

Мнѣ поручено составить всеподданнѣйшій докладъ съ подробнымъ изложеніемъ убыточныхъ дѣйствій фабрики во все время ея существованія, неосновательности правилъ, по коимъ она управляется, злоупотребленій Вистингаузена и многократнаго нарушенія имъ контракта, съ изложеніемъ необходимости удалить его и дать заведенію другое управленіе. Когда министръ началъ читать докладъ государю, — онъ остановилъ его, сказавъ, что прочтетъ послѣ самъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ, и продержалъ докладъ у себя дней пять; возвращая же, отозвался о немъ съ особенною похвалою, присовокупивъ, что хотя, будучи еще великимъ княземъ, много слыхалъ о невыгодномъ положеніи фабрики, но никогда не видалъ того такъ ясно, какъ изъ этого доклада, и потому желаетъ знать, кто писалъ его. Князь спросилъ Перовскаго и на другой день доложилъ, что докладъ писанъ мною. Такой отзывъ государя, разумѣется, много меня порадовалъ. Но между тѣмъ, какъ государь изволилъ держать у себя докладъ, Вистингаузенъ провѣдавъ, что дѣло поступило уже къ его величеству, подалъ ему, неизвѣстно какимъ путемъ, жалобу на министра, называя его личнымъ себѣ врагомъ, и потому просилъ воздержаться отъ утвержденія доклада, повелѣвъ разсмотрѣть дѣло лицамъ безпристрастнымъ, независящимъ отъ князя Волконскаго. Хотя жалоба эта, переданная государемъ князю, была подробно мною разобрана и опровергнута, но государь все-таки приказалъ составить комитетъ подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, изъ министра юстиціи князя Долгорукаго и государственнаго контролера Хитрова; я же именованъ правителемъ дѣлъ комитета.

Въ назначенный Сперанскимъ день, въ семь часовъ вечера, явился я къ нему съ дѣломъ [1]), но онъ сказалъ мнѣ, что квар-

[1]) Для облегченія занятій комитета мы съ Перовскимъ разсудили напечатать и докладъ и жалобу Вистингаузена и возраженія на оную и всѣ извлеченія изъ уродливыхъ его отчетовъ, что̀ составило порядочную книгу въ листъ.

тира его не такъ удобна для засѣданій, что мы будемъ собираться у министра юстиціи, и посадивъ меня въ свою карету, повезъ къ князю Долгорукову, которому, равно какъ и Хитрову, отрекомендовалъ меня въ лестныхъ выраженіяхъ.

Когда я кончилъ чтеніе доклада, съ нужными къ нему приложеніями, негодованіе къ безсовѣстнымъ, наглымъ поступкамъ Вистингаузена и сожалѣніе о потраченныхъ правительствомъ такихъ огромныхъ суммахъ выразились на лицахъ членовъ. Положено прежде всего подвергнуть контрольному пересмотру всѣ фабричные отчеты, для чего и откомандировать ко мнѣ изъ государственнаго контроля самаго опытнаго чиновника. На другой день въ лицѣ этого чиновника явился ко мнѣ коллежскій (нынѣ тайный совѣтникъ) Шамшинъ. Ему отвели въ департаментѣ удѣловъ двѣ комнаты и перенесли туда всѣ отчетныя дѣла фабрики, дабы не возить ихъ частями къ нему на домъ и отвратить какой либо подмѣнъ. По прочтеніи доклада министра двора, и всѣхъ напечатанныхъ нами приложеній къ оному, г. Шамшинъ выразилъ такое же негодованіе, какъ и члены комитета; но каковожъ было мое удивленіе, когда недѣли черезъ двѣ, онъ вдругъ началъ увѣрять меня, что мы напрасно насчитали на Вистингаузена такіе убытки, что, по его мнѣнію, онъ доставилъ казнѣ даже выгоды, если отпускъ суммъ покрыть цѣнностью изготовленной бумаги, и что Сперанскій, не разъ уже призывавшій его, Шамшина, къ себѣ, думаетъ также. Меня это взорвало. Конечно бумага, гнившая въ кладовыхъ, могла неполнѣрною цѣною своею покрыть почти всѣ суммы на обороты мануфактуры отпущенныя; но вѣдь въ докладѣ было уже доказано, что въ этомъ-то и заключалась преступная стратагема Вистингаузена, и что огромныя издержки на устройство зданій и механизма фабрики, съ ежегоднымъ ремонтомъ оныхъ, никакъ уже не могли быть покрыты этимъ хламомъ. Я не вытерпѣлъ, и сказалъ г. Шамшину во всеуслышаніе (это было въ комнатѣ моего отдѣленія), что если, къ сожалѣнію, существуетъ на свѣтѣ подъячизмъ судебный, подъячизмъ канцелярскій, то я по крайней мѣрѣ не имѣлъ до сихъ поръ понятія о подъячизмѣ цифернomъ. Въ эту минуту проходилъ черезъ мою комнату Перовскій. Услышавъ шумный разговоръ, онъ подошелъ къ намъ узнать о причинѣ. Я объяснилъ, но какъ говорилъ не съ меньшимъ жаромъ и жесткостью, то онъ старался прекратить нашъ споръ, прося отложить всѣ пренія до конца контрольной работы.

Когда она была кончена, разумѣется, въ направленіи близкомъ къ мнѣнію, выраженному Шамшинымъ, я занемогъ сильно простудою; слѣдственно, не могъ быть въ засѣданіи комитета,

въ которомъ Шамшинъ читалъ свою записку. Сперанскій прислалъ ее ко мнѣ для составленія журнала. Я принялся черезъ силу, но въ твердомъ намѣреніи держаться прежняго убѣжденія, основаннаго на сущности дѣла, указавъ конечно и на софизмъ контрольный, но не какъ на фактъ положительный, а какъ на иной способъ воззрѣнія, если только правительству угодно будетъ принять оный. Работа, по нездоровью моему, шла не скоро; поэтому Сперанскій, встрѣтясь съ Перовскимъ въ театрѣ, просилъ его передать мнѣ, чтобы я не изнурялъ себя напряженнымъ трудомъ, а лучше возвратилъ бы всѣ бумаги ему; что онъ самъ займется составленіемъ журнала. Перовскій отвѣчалъ, что мнѣ гораздо лучше, и что я скоро кончу. Это было дѣйствительно такъ; но недовѣрчивый Левъ Алексѣевичъ имѣлъ другую причину желать, чтобы журналъ написанъ былъ мною: онъ подозрѣвалъ не только Шамшина, послѣ представленной имъ записки, но и самого Сперанскаго въ понаровкѣ Вистингаузену, тѣмъ болѣе, что послѣдній будто бы хвалился (какъ отъ кого-то Перовскій слышалъ), что, пожертвовавъ пятьдесятъ тысячъ, онъ не опасается никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій. Въ подозрѣніи своемъ Перовскій дошелъ до того, что не остановился сказать объ этомъ слухѣ Михайлу Михайловичу; причемъ такъ устремилъ на него глаза (какъ самъ мнѣ разсказывалъ), что тотъ покраснѣлъ. Намѣреніе Перовскаго при сообщеніи этого слуха состояло въ томъ, чтобы перепугать членовъ комитета (исключая Хитрова, которому онъ довѣрялъ болѣе), внушивъ имъ опасеніе, что, пожалуй, въ публикѣ пойдутъ толки о подкупѣ такою огромною, по тогдашнему времени, суммою, не одного г. Шамшина, и что они слѣдственно не должны щадить Вистингаузена. Но Перовскій жестоко ошибся, и не только не достигъ такимъ поступкомъ дерзкимъ предположенной цѣли, но произвелъ противное дѣйствіе. Оскорбленный Сперанскій рѣшился вести дѣло вопреки мнѣнію министра двора, и по возможности выгородить изъ бѣды подсудимаго. Когда я, по выздоровленіи, явился къ нему съ проектомъ журнала, онъ остановилъ меня на первыхъ же страницахъ, гдѣ говорилось о милліонныхъ убыткахъ, понесенныхъ казною, и началъ разными натянутыми доводами, въ родѣ Шамшинскихъ, уменьшать количество потраченныхъ суммъ, объясняясь впрочемъ весьма спокойно, хладнокровно, безъ малѣйшаго вида заступничества. Я, разумѣется, деликатно опровергалъ его, но онъ кончилъ тѣмъ, что, не давъ мнѣ дочитать журнала, подъ предлогомъ недосуга, просилъ оставить бумаги у него для прочтенія въ свободное время; послѣ чего обѣщалъ пригласить меня къ себѣ.

Прошло около мѣсяца, а приглашенія не было. 21-го ноября, въ праздникъ Введенія во храмъ, пользуясь хорошею погодою, я какъ-то улучилъ свободный часъ, чтобы пройтись по Невскому проспекту (кстати упомянуть мимоходомъ, что съ тѣхъ поръ по сіе время, впродолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ, я ни разу не посѣтилъ Невскаго проспекта собственно для прогулки. Вотъ до какой степени служба не позволяла мнѣ располагать моимъ временемъ). Поравнявшись съ католическою церковію, я встрѣтился съ Михаиломъ Михайловичемъ. Мы сухо раскланялись. Минуты черезъ три чувствую, что кто-то беретъ меня сзади за плечо, оборачиваюсь—это былъ Сперанскій, воротившійся и меня догнавшій. «Я не присылалъ за вами потому — сказалъ онъ — что самъ занялся составленіемъ журнала; вѣдь я изъ-стари большой охотникъ писать и почти совсѣмъ его *обольянилъ*. Въ субботу (это было въ *четвергъ*) мы соберемся въ послѣдній разъ для прочтенія журнала, а въ воскресенье я доложу дѣло государю.»

Суббота прошла безъ присылки за мною, а въ воскресенье государь уже передалъ князю Петру Михайловичу журналъ комитета, въ которомъ весьма были ослаблены и вины Вистингаузена и самые убытки казны, сверхъ того при журналѣ находились двѣ докладныя записки Сперанскаго, изъ которыхъ въ одной предлагалъ онъ внести дѣло для окончательнаго рѣшенія въ государственный совѣтъ, а въ другой полагалъ, и притомъ предпочтительно, предоставить оное разсмотрѣнію перваго департамента сената, поелику оно заключало въ себѣ тяжбу частнаго лица съ казною.

Такимъ образомъ, Сперанскій отплатилъ Перовскому за его обидную выходку и ловко уклонился отъ рѣшенія участи Вистингаузена, хотя съ тѣмъ именно комитетъ и былъ учрежденъ; предлагая же предоставить дѣло разсмотрѣнію сената—бросалъ оное въ затяжку на многіе годы, ко вреду мануфактуры, и къ утѣшительной для Вистингаузена надеждѣ выпутаться какъ-нибудь изъ бѣды.

Не трудно было понять этотъ планъ и воспротивиться исполненію. По докладу князя Петра Михайловича, Вистингаузенъ былъ оставленъ, а дѣло внесено въ государственный совѣтъ, который потомъ опредѣлилъ предать его суду за разные безпорядки по управленію мануфактуры и за самозванство, потому что онъ, будучи коллежскимъ ассесоромъ, подписывался надворнымъ совѣтникомъ; убытки же, за принятіемъ въ уплату оныхъ залежавшейся бумаги, взыскать съ имѣнія его, гдѣ какое окажется. На мѣсто Вистингаузена опредѣленъ директоромъ фабрики

Казинъ, съ назначеніемъ вмѣсто жалованья—десяти процентовъ, но уже отъ чистой прибыли, какъ она должна быть выводима, и какъ она понимается на всѣхъ частныхъ подобнаго рода заведеніяхъ, т. е. за исключеніемъ всѣхъ расходовъ. Для управленія фабрикою составлены мною, при участіи новаго умнаго директора, новыя правила, — и она скоро пришла въ цвѣтущее состояніе, такъ-что доходъ ея возвысился наконецъ до трехъ сотъ тысячъ рублей (вмѣсто ежегоднаго поглощенія 528,000 р.). Такой успѣхъ возбудилъ стремленіе частныхъ капиталистовъ заводить подобныя фабрики. Когда же число ихъ, въ теченіе лѣтъ двадцати, увеличилось до такой степени, что соперничество съ ними становилось уже невыгоднымъ, — благоразумный Казинъ донесъ начальству, что при такомъ положеніи дѣла дальнѣйшее существованіе мануфактуры безполезно, тѣмъ болѣе, что она исполнила свое назначеніе — послужила примѣромъ для подражанія. Вслѣдствіе этого фабрика была закрыта; Казинъ же поступилъ сначала въ члены кабинета, а потомъ въ директоры канцеляріи капитула.

Къ исходу года передѣлка комнатъ, занимаемыхъ департаментомъ удѣловъ, была окончена. Столы, стулья, конторки, шкафы, все явилось новое, просто, но изящно сдѣланное. Для храненія дѣлъ придуманы форменныя картонки; на столахъ однообразныя чернильницы; полъ паркé, ковровыя дорожки чрезъ всю анфиладу комнатъ. Это былъ первый примѣръ благоприличнаго устройства присутственныхъ мѣстъ, поданный княземъ Волконскимъ. Всѣ первенствующіе сановники пріѣзжали осматривать департаментъ. 21-го января 1828 года, изволилъ посѣтить его и государь императоръ. Спускаясь обратно съ лѣстницы и увидѣвъ дверь съ надписью: *Начальникъ отдѣленія Панаева* — «Можно войти?» спросилъ онъ министра. Князь отворилъ дверь. Войдя въ залу, которой стѣны увѣшаны были картинами, государь приблизился къ одной изъ нихъ, болѣе замѣтной, и сказалъ: «Начальникъ отдѣленія охотникъ до картинъ, да и хороши.» Потомъ повернулъ налѣво, въ маленькій мой кабинетъ, также съ картинами. Въ числѣ ихъ былъ портретъ Державина, упомянутый въ II-й главѣ моихъ «Воспоминаній». «Чей это портретъ?» спросилъ онъ князя. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ. «Не знаешь ли ты, Перовскій?» Отвѣтъ тотъ же. «Такъ сходи на верхъ, спроси Панаева; мнѣ что-то памятна физіономія этого старика.» Перовскій прибѣжалъ ко мнѣ, спросилъ и доложилъ. «Ну, такъ и есть; это Державинъ, сказалъ государь; я видалъ его, когда былъ еще очень молодъ, и потому слабо помню.» Въ это время, покуда его величество находился въ кабинетѣ, жена моя, видѣвъ-

шая сквозь окно какъ онъ подъѣхалъ къ крыльцу департамента, и желавшая посмотрѣть, какъ онъ обратно сядетъ въ сани, такъ пристально смотрѣла на подъѣздъ сквозь двойныя рамы гостиной, что не слыхала шума шаговъ и разговора вошедшихъ въ залу людей. Но когда императоръ выходилъ изъ кабинета, она услыхала звукъ шпоръ и голоса, и стояла уже въ дверяхъ гостиной, изумленная посѣщеніемъ такого гостя. Государь, увидавъ ее, остановился въ нѣкоторомъ смущеніи (онъ тогда не былъ еще такъ развязенъ съ женщинами, какъ впослѣдствіи; красота же жены моей бросилась въ глаза). «Это супруга г-на Панаева», поспѣшилъ сказать князь. Тогда государь подошелъ къ ней и милостиво спросилъ:

— Довольны ли вашимъ помѣщеніемъ?

— Очень довольна, ваше величество, отвѣчала она.

— Я вижу, что вы умѣли и расположиться. Можно войти въ гостиную?

Она отсторонилась.

— И здѣсь хорошо. А позвольте спросить, родня вамъ Панаевъ инженерный?

— Не знаю, ваше величество.

Государь вѣжливо поклонился и вышелъ. Кто-жъ этотъ Панаевъ, о которомъ спрашивалъ государь жену мою? Это былъ инженерный подполковникъ, состоявшій при графѣ Аракчеевѣ, для производства строительныхъ работъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, рѣдко, и то на нѣсколько дней, пріѣзжавшій въ Петербургъ, какъ это случалось мнѣ видѣть изъ газетъ, но нигдѣ встрѣтиться съ нимъ неудавалось. А мнѣ давно хотѣлось этого, чтобы узнать, не родня ли мы, такъ-какъ я слыхалъ отъ матушки, что у насъ должны быть родственники въ Петербургѣ. Жена моя, никогда отъ меня не слыхавшая, не могла дать государю другого отвѣта.

Я забылъ сказать, что въ концѣ декабря Перовскому пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, а мнѣ 4-й, и больше никому никакой награды. Левъ Алексѣевичъ имѣлъ до того только этотъ же орденъ 4-й степени, и поздравляя меня съ царскою милостью, подарилъ носимый имъ крестикъ. Я обновилъ его въ первый день новаго 1828 года. Вскорѣ пожаловано мнѣ двѣ тысячи рублей за труды по фабричному дѣлу. Вообще, осуждая въ Перовскомъ многое, особливо его непомѣрное честолюбіе и неумолимую жестокость, я всегда съ признательностью вспоминаю о личныхъ его ко мнѣ отношеніяхъ въ эпоху отъ 1827 по 1832 годъ; послѣ они совершенно измѣнились. Конечно, онъ налагалъ безпрерывно на меня одну работу за дру-

гою; но за-то и поощрялъ наградами, дѣлая это всегда сюрпризомъ. Такъ, въ теченіе пяти лѣтъ, получилъ я еще орденъ св. Анны 2-й степени, 2,500 руб. столовыхъ, чинъ коллежскаго совѣтника за отличіе и до десяти тысячъ рублей денежнаго награжденія. Послѣднее, при умножающемся моемъ семействѣ, было для меня, вмѣстѣ съ прекрасною казенною квартирою, большимъ подспорьемъ.

Держась хронологическаго порядка, слѣдуетъ разсказать, какимъ образомъ судьба вновь столкнула меня со Сперанскимъ по дѣламъ службы. Еще до войны 1812 года, какой-то подполковникъ, находившійся подъ военнымъ судомъ и долго сидѣвшій на гауптвахтѣ, придумалъ новый, вполнѣ уравнительный, способъ исполненія рекрутской повинности въ имѣніяхъ помѣщичьихъ. Извѣстно, что въ прежнее время мелкія дворянскія имѣнія соединялись для того въ одинъ рекрутскій участокъ, и тому изъ нихъ, которому доводилось поставлять рекрута, прочіе обязаны были платить складочныя по разсчету деньги. Но этотъ распорядокъ представлялъ большія неудобства, тьму хлопотъ и возбуждалъ неудовольствія между помѣщиками, потому-что складочныя деньги или вовсе не платились, или взыскивались съ проволочкою, по нѣскольку лѣтъ продолжавшеюся. Притомъ части или хвосты большихъ имѣній (напримѣръ, 50 душъ при 1,000) не вводились въ раскладку, и армія теряла много рекрутъ. Способъ, придуманный арестантомъ-подполковникомъ состоялъ въ томъ, что число душъ мелкопомѣстныхъ имѣній (не мельче однакожъ 21 души, которыя обязывались платить складочныя деньги, но уже въ казну) при каждомъ наборѣ должно было помножаться на число требовавшихся рекрутъ, до тѣхъ поръ, пока такимъ помноженіемъ, число душъ того или другого имѣнія дойдетъ до цифры, съ которой слѣдуетъ полный рекрутъ, тогда имѣніе то обязывалось поставить рекрута. Эта же мѣра распространялась и на мелкія части, или хвосты большихъ имѣній.

Говорятъ, что подсудимый подполковникъ (имени его, къ сожалѣнію, не помню), былъ за представленную имъ мысль помилованъ; предположеніе же его повелѣно разсмотрѣть въ военномъ министерствѣ и приложить къ дѣлу. Война и другія обстоятельства долго препятствовали исполненію. Наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, образовался комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дежурнаго генерала Потапова, изъ членовъ со стороны нѣкоторыхъ подлежащихъ вѣдомствъ, въ который и внесенъ составленный начальникомъ отдѣленія инспекторскаго департамента, Василевичемъ, проектъ

полнаго рекрутскаго устава, основанный на сказанной мысли и другихъ опытомъ указанныхъ соображеній. Въ началѣ 1827 г., комитетъ окончилъ свои занятія, но императоръ Николай Павловичъ, усмотрѣвъ, что въ комитетѣ не было представителей ни со стороны министерства финансовъ, ни со стороны министерства удѣловъ, приказалъ ихъ назначить, и вновь разсмотрѣть проектъ устава. Отъ министерства удѣловъ командированъ былъ я, отъ министерства финансовъ—статскій совѣтникъ Энегольмъ (нынѣ тайный совѣтникъ и членъ коммиссіи прошеній).

Когда въ засѣданіи комитета, къ которому были мы приглашены, прочитано было означенное повелѣніе государя, я тотчасъ почувствовалъ, что намъ, двумъ новичкамъ, надобно прежде поравняться съ прежними членами, т. е. хорошенько познакомиться съ предметомъ, чтобы достойнымъ образомъ участвовать въ сужденіяхъ комитета, и потому мы предложили эту мысль. Она принята была съ общимъ одобреніемъ. Предсѣдатель поспѣшилъ вручить мнѣ проектъ, для предварительнаго прочтенія на дому. Засѣданіе не состоялось.

Въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ сочинитель устава, Кондратій Яковлевичъ Василевичъ. «Судя по давишнему вашему вызову, я вижу—сказалъ онъ—что вы хотите заняться дѣломъ не кое-какъ, а какъ слѣдуетъ, и потому пришелъ предложить вамъ мои услуги, на случай, если что̀ покажется вамъ не яснымъ, или непонятнымъ. Пришлите за мною, когда вамъ угодно. Не одинъ годъ просидѣлъ я надъ этимъ обширнымъ и сложнымъ предметомъ; все, что̀ къ нему относится, знаю до малѣйшей подробности. Это мое любимое дѣтище, да только не могу поставить его на ноги; а новая уравнительная раскладка, принятая мною въ основаніе, всѣхъ бы удовлетворила, лишь бы уставъ поскорѣе былъ утвержденъ.»

Изъ дальнѣйшаго съ нимъ разговора узналъ я, что уже три года, какъ онъ за сочиненіе устава награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и уволенъ въ отставку съ хорошимъ пенсіономъ, но для того именно не ѣдетъ на родину, чтобы полезный трудъ свой видѣть осуществленнымъ, что побуждаетъ къ тому всѣхъ, отъ кого это зависитъ, ходитъ за этимъ къ Дибичу, къ Мордвинову, къ Сперанскому, и другимъ важнымъ лицамъ, имѣющимъ значеніе въ правительствѣ; что, наконецъ, присутствуетъ въ комитетѣ, не какъ членъ, а по доброй волѣ, какъ волонтеръ, и все съ тою же цѣлію — подвигать дѣло къ концу.

Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на этого человѣка, слушая простодушный разсказъ его, на это кроткое лицо, выражавшее

столько чистоты душевной. Вышедши въ отставку, съ тѣмъ, чтобы провести остатокъ дней въ маленькомъ своемъ хуторѣ, подъ прекраснымъ небомъ Малороссіи, онъ, при семидесятилѣтней старости, остается въ Петербургѣ единственно изъ любви къ пользѣ государственной, къ пользѣ поселянъ, на которыхъ лежитъ тяжкая повинность рекрутская, многими статьями устава значительно облегчаемая. Какъ же не уважать такого человѣка? Мы полюбили другъ друга, и пріятность взаимныхъ нашихъ отношеній сохранилась по самую его кончину, послѣдовавшую чрезъ нѣсколько лѣтъ на родинѣ, откуда нерѣдко посылалъ онъ мнѣ поклоны и раза два въ годъ писалъ умныя письма, почеркомъ необыкновенно чистымъ, хотя достигъ тогда глубокой уже старости.

Съ уваженіемъ также смотрѣлъ я и на самый проектъ его устава. Это былъ верхъ отчетливости, предусмотрительности, благодушія; ясность въ изложеніи примѣрная, такъ-что мнѣ не предстояло никакой надобности безпокоить его, приглашать для объясненій.

По прочтеніи устава, я передалъ его г. Энегольму; но комитетъ собрался во второй разъ — кто бы этому повѣрилъ? ровно черезъ годъ, въ апрѣлѣ 1828 года! Почему? не знаю; но и тутъ неудачно.—Гдѣ же Кондратій Яковлевичъ? спросилъ Потаповъ вице-директора своего, генералъ-маіора Шатилова; зачѣмъ его сегодня нѣтъ?—Не знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ Шатиловъ. Впрочемъ, вѣдь онъ посѣщаетъ насъ gratis; слѣдственно отъ его воли зависитъ быть или не быть.—Ну такъ, господа, извините, сказалъ Потаповъ, безъ г. Василевича я не могу открыть засѣданія.

Очень помню, какъ при этомъ словѣ, сидѣвшій подлѣ меня Яковъ Васильевичъ Вилліе, круто повернулся на стулѣ и сказалъ: «Панаевъ, пойдемъ лучше ко мнѣ, откроемъ свой комитетъ: мнѣ прислали изъ Англіи мадеры, а съ Урала икры.» Старику, какъ видно, было досадно, что его потревожили напрасно; благосклонностью же его ко мнѣ, полагаю, былъ я обязанъ добрымъ отзывомъ обо мнѣ жившаго съ нимъ доктора Орлая, одного изъ почтеннѣйшихъ людей, который любилъ меня. Мы дѣйствительно пошли, и какъ комитетъ собирался въ квартирѣ Потапова, въ зданіи главнаго штаба, а Вилліе жилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца, то минутъ черезъ десять мы были уже на мѣстѣ, домой же возвратился я не прежде, какъ часовъ черезъ десять, когда уже смерклось. Такъ усердно подчивалъ меня радушный хозяинъ, и такъ много интереснаго разсказывалъ о путешествіяхъ своихъ съ императоромъ Александ-

ромъ Павловичемъ. Старикъ Орлай и секретарь баронета, забавный Костогоровъ, тоже обѣдали съ нами.

Вскорѣ наступила турецкая война. Государь съ большою свитою отправился въ походъ. Комитетъ заглохъ совершенно. По окончаніи войны, въ 1829 году въ первый разъ посланы были флигель-адъютанты для наблюденія за исполненіемъ рекрутскаго набора. Нѣкоторые изъ нихъ представили по возвращеніи свои замѣчанія; для разсмотрѣнія ихъ составленъ новый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Бенкендорфа. И въ этотъ комитетъ со стороны министерства удѣловъ былъ я назначенъ членомъ; но прошло мѣсяца два, а комитетъ не собирался. Наконецъ, послѣдовало третье высочайшее повелѣніе о соединеніи обоихъ комитетовъ въ одинъ, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго. Черезъ недѣлю Михаилъ Михайловичъ пригласилъ уже насъ въ засѣданіе.

Членами комитета были: генералъ-маіоръ Шатиловъ, флигель-адъютантъ графъ Строгановъ (нынѣшній новороссійскій генералъ-губернаторъ), вышесказанный Энегольмъ, коллежскій совѣтникъ Никифоровъ (со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ), докторъ Кайдановъ, заступившій мѣсто Виллié, и Василевичъ [1]).

Комитетъ нашъ продолжался долѣе года, собираясь разъ въ недѣлю по вечерамъ, во II отдѣленіи собственной канцеляріи. Тутъ я имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенныхъ дарованіяхъ Михаила Михайловича, въ его способности быстро обнимать данный предметъ и объяснять его логически, убѣдительно, безъ запинки—обнимать, но не всегда углубляться; этого, по моему мнѣнію, ему не доставало. Таковы по большей части бываютъ люди ума пылкаго, блестящаго, который рѣдко совпадаетъ съ копотливымъ терпѣніемъ, съ оглядкою, съ обсужденіемъ всѣхъ подробностей, именно потому, что онѣ задерживаютъ полетъ его. Другой, замѣченный мною въ немъ недостатокъ, было пристрастіе къ своему мнѣнію, которое впрочемъ отстаивалъ онъ мягко, ловко, съ быстротою, недозволяющей оппозиціи развернуться надлежащимъ образомъ. Это было конечно плодомъ самолюбія, свойственнаго многимъ, а у него и весьма естественнаго, если принять въ соображеніе многолѣтній авторитетъ его въ дѣлахъ государственныхъ. Вотъ примѣры:

Въ первое же засѣданіе онъ объявилъ намъ, что трудъ нашъ

---

[1]) Такъ-какъ рекрутскій комитетъ возобновлялся нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе донесеній флигель-адъютантовъ, то послѣ присоединены были къ нимъ флигель-адъютанты: Игнатьевъ (нынѣшній с.-пб. военный генералъ-губернаторъ) и графъ Кушелевъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ.

будетъ двоякій; что мы не ограничимся проектомъ представленнаго устава, а будемъ разсматривать и прежнія узаконенія по рекрутской части, чтобы исправить ихъ, пополнить и составить ихъ сводъ, и все это, по его убѣжденію, для того, что хотя бы мы и одобрили уставъ вполнѣ, то онъ можетъ быть еще отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ, и что, слѣдственно, долговременный трудъ нашъ пропадетъ тогда даромъ; составленіе же свода прежнихъ узаконеній во всякомъ случаѣ пригодится. Такое начало огорчило старика Василевича. По окончаніи присутствія онъ сказалъ мнѣ: «Ну, не знаю, будетъ ли онъ *Солонъ*, или только *сòлонъ*.»

Часть рекрутская входила въ составъ моего отдѣленія, которымъ управлялъ я три уже года. Вникая во всѣ подробности внутренняго распорядка въ удѣльныхъ имѣніяхъ, требуя всякаго рода свѣдѣній и на все объясненій, я достаточно познакомился и съ этою частью. Сверхъ того имѣлъ о ней нѣкоторыя понятія и прежде, какъ помѣщикъ, какъ свидѣтель на мѣстѣ усиленныхъ наборовъ, во время отечественной войны. Поэтому не проходило почти ни одного засѣданія, въ которое мнѣ не доводилось бы сдѣлать какого-либо замѣчанія на статью закона, или какого-нибудь возраженія на сужденіе Сперанскаго; а онъ, какъ оказалось, не имѣлъ практическихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, хотя въ свое время былъ и губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ. Нѣкоторые изъ членовъ, но чрезвычайно рѣдко, вмѣшивались въ пренія, придерживаясь большею частью меня. Они всѣ были люди умные, но не знали дѣла, исключая Шатилова и Никифорова. Такъ прошло уже можетъ быть засѣданій восемь, какъ однажды Сперанскій сказалъ намъ: «Господа, мы много теряемъ времени въ нашихъ преніяхъ; не лучше ли, чтобы каждый изъ васъ изложилъ мнѣнія свои о пройденныхъ нами статьяхъ на бумагѣ? Тогда мы прочтемъ все въ совокупности и рѣшимъ разомъ.» Я очень обрадовался этому, потому-что Михаилъ Михайловичъ, по свойственной ему ловкости, иногда заминалъ разговоръ, и отъ того никакого результата не выходило. Къ слѣдующему собранію мое мнѣніе о нѣкоторыхъ предметахъ, возбуждавшихъ пренія, было готово; но такъ-какъ оно по прежнему оставалось своеобразнымъ, несогласнымъ съ сужденіемъ Сперанскаго, то я счелъ нужнымъ напередъ прочитать ему записку мою на дому и спросить, позволитъ ли онъ представить ее завтра комитету. Надобно знать, что я не былъ у него со времени вистенгаузенскаго дѣла, которое меня нѣсколько къ нему охладило, т. е. два года. Не смотря на это, онъ благосклонно привѣтствовалъ меня при встрѣчѣ въ первый разъ въ комитетѣ и

ласково принялъ теперь у себя. «Я былъ увѣренъ—сказалъ онъ—узнавши о причинѣ моего пріѣзда, что вы первый исполните мое предложеніе.» Во время же чтенія не разъ отзывался одобрительно и просилъ прочитать завтра въ комитетѣ. На другой день онъ открылъ засѣданіе напоминаніемъ о сдѣланномъ имъ предложеніи и объявилъ, что мною оно уже исполнено. Я сталъ читать и нарочно тихо, съ разстановкою, зная, какъ онъ любитъ все объяснять собственными словами, все, такъ-сказать, разжевывать и класть въ ротъ малосвѣдущимъ нашимъ членамъ. Не тутъ-то было: онъ, къ удивленію, молчалъ, и только время отъ времени краснѣлъ. Когда же я кончилъ, онъ, не остановясь ни на одномъ предметѣ, не давъ никакого рѣшенія, окинулъ собраніе глазами, и спросилъ: «нѣтъ ли еще у кого-нибудь?» — Есть у меня, сказалъ Василевичъ, съ тономъ малороссійскаго негодованія, да я читать не хочу. — Почему жъ? произнесъ Сперанскій. — Потому, что почти все тоже сказано у Владимира Ивановича, да и изложено лучше.—Нужды нѣтъ, прочтемъ и вашу записку.— Да у меня глаза плохи.—У меня еще хороши.— Съ этимъ словомъ Сперанскій выхватилъ у него бумагу, которую онъ хотѣлъ было передать мнѣ черезъ столъ для прочтенія, и сталъ читать самъ. Мнѣніе дѣйствительно оказалось очень сходно съ моимъ, и немудрено, потому-что мы одинаково смотрѣли на предметъ. Но Сперанскій опять ни слова, и опять тотъ же вопросъ: «нѣтъ ли еще у кого?» Графъ Строгановъ началъ-было разстегивать мундиръ, но вдругъ опять проворно застегнулъ его. Предсѣдатель этого не примѣтилъ и, не слыша отвѣта на повторенный свой вопросъ, приказалъ правителю дѣлъ, трудолюбивому, почтенному г. Рѣпинскому (нынѣ сенаторъ) читать сводъ рекрутскихъ узаконеній.

Укажу хоть на двѣ статьи моей записки, въ доказательство, какъ Михаилъ Михайловичъ не любилъ чужихъ мнѣній. Нигдѣ въ законѣ не было пояснено, когда рекрутская очередь, исполненная большимъ семействомъ, напримѣръ семерикомъ, должна опять возвратиться къ этому семейству. Ревизовавшій Вятскую губернію въ 1795 году сенаторъ Мавринъ разрѣшилъ вопросъ назначеніемъ для этого пяти лѣтъ; въ петербургской казенной палатѣ принято было три года. И тотъ и другой срокъ не имѣли никакого основанія, взяты были на-обумъ, на выдержку; наборъ набору—рознь, и въ разстояніи времени одинъ отъ другого (тогда не было еще ежегодныхъ наборовъ), и въ числѣ требовавшихся съ участка рекрутъ; слѣдственно, при такомъ положеніи дѣла, могутъ ли правильно быть примѣнены къ оному пять или три года? Какимъ могутъ служить они масштабомъ? И

почему также нельзя назначить для того два, четыре года или шесть лѣтъ? При встрѣчѣ подобнаго недоумѣнія въ удѣльныхъ имѣніяхъ, вопросъ этотъ, по совѣщанію съ лучшими изъ управляющихъ, рѣшенъ былъ мною слѣдующимъ образомъ. Большое семейство, поставившее рекрута, тогда должно поставить его во второй разъ, когда очередь дойдетъ до семей въ половину меньшихъ, становясь, такъ сказать, старшею между ними; основаніе въ томъ, кто вдвое другого сильнѣе, тотъ вдвое и долженъ понести эту повинность. И справедливо, и понятно для крестьянъ, которые остались очень довольны этою мѣрою. Ее же предложилъ я и въ комитетѣ; но Михаилъ Михайловичъ никакъ не соглашался принять оную, предпочитая назначеніе извѣстнаго числа лѣтъ, сокращая ихъ для больше-семейныхъ и увеличивая для средне-семейныхъ.

Повсюдная неисправность очередныхъ списковъ, происходящая отъ безграмотства тѣхъ сельскихъ старшинъ, которые ведутъ ихъ, побудили меня предложить комитету постановить правиломъ, чтобы списки эти, со всѣми графами ихъ и заголовками непремѣнно печатались въ губернскихъ типографіяхъ и разсылались по волостямъ, такъ, чтобы оставалось только вставлять имена и дѣлать отмѣтки о перемѣнахъ въ семействахъ (т. е. исключать умершихъ, бѣжавшихъ, присоединять вновь родившихся или приписанныхъ); но какъ отмѣтки эти, тоже по безграмотству, могутъ, къ новой запутанности, испестрить, перепачкать списки, то я требовалъ, чтобы они были возобновляемы, по крайней мѣрѣ, лѣтъ черезъ шесть, черезъ семь. Сперанскій опять не соглашался, оспаривая меня тѣмъ, что у насъ по деревнямъ нѣтъ такого безграмотства; но когда я указалъ ему на то, каковы у насъ метрическія книги, которыя ведутъ не мужики, а священники, и каково у насъ время ревизіи,—онъ, сконфузившись, отвѣчалъ: «да, время ревизіи, это второе землетрясеніе», и хотя принялъ мое предложеніе, но настаивалъ, чтобы списки возобновлялись каждый годъ, передъ наборомъ. Я удивился. Наборы обыкновенно начинаются у насъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ самую распутицу, дорогъ нѣтъ, рѣки еще не стали: какая же возможность въ это время, когда нужно уже вести рекрутъ въ городъ, печатать бланки, разсылать ихъ по волостямъ, составлять списки, провѣрять съ прежними? Тутъ-то, кромѣ очевидной физической невозможности, и явилась бы мутная вода, въ которой стали бы ловить рыбу.

Въ слѣдующее засѣданіе Сперанскій прежде всего объявилъ намъ, что въ прошедшій разъ графъ Строгановъ хотѣлъ, но не успѣлъ, прочитать свое мнѣніе; что оно заслуживаетъ боль-

шого вниманія и состоитъ въ слѣдующемъ: справедливо ли, что семейство, поставившее рекрута, слѣдственно лишившееся своего члена, части своей силы, оплачиваетъ за него до новой ревизіи всѣ подати и повинности? Посему не слѣдуетъ ли это отмѣнить? Потомъ, вынувъ изъ кармана самое мнѣніе и прочитавъ его съ довольнымъ видомъ, заключилъ словами: «Господа, вотъ предметъ разсужденія; какъ вы полагаете»? Всѣ молчали. Наконецъ, глаза его остановились на мнѣ, и какъ бы требовали отвѣта. Что мнѣ было дѣлать? Авторъ находился тутъ, а торжественность, съ какою предсѣдатель читалъ его мнѣніе—должна была исчезнуть передъ практикою. «Забота графа Александра Григорьевича—сказалъ я—о семействѣ, лишившемся своего сочлена, а между тѣмъ продолжающемъ вносить за него подати, дѣлаетъ честь его человѣколюбію, но она напрасна.»

— Почему? перебилъ меня Сперанскій.

— Потому, что въ сущности подати платитъ не человѣкъ, а земля; только правительство ведетъ имъ счетъ по душамъ. Если семейство въ силахъ обработывать участокъ, принадлежавшій выбывшему члену, оно ничего въ этомъ отношеніи не потеряло: источникъ дохода остается тотъ же; еслижъ не можетъ,—міръ беретъ праздный участокъ и отдаетъ его любому семейству, изъявившему на то желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимающему на себя и отвѣтственность въ платежѣ податей.

— Такъ ли это? возразилъ Сперанскій, нѣсколько смутившись.

— Точно такъ.

— Гдѣ я могу въ этомъ удостовѣриться?

— Полагаю, что въ здѣшней казенной палатѣ извѣстенъ этотъ порядокъ.

Когда въ слѣдующій разъ члены комитета заняли свои мѣста, Сперанскій, оборотясь ко мнѣ, сказалъ отрывисто: «Я сносился съ казенною палатою: вы правы, Владимиръ Ивановичъ; а обращаясь къ прочимъ—господа, будемъ продолжать чтеніе свода.»

Въ это засѣданіе графъ Строгановъ не пріѣхалъ, потому, какъ объявилъ намъ предсѣдатель, что супруга его на дняхъ разрѣшилась отъ бремени.

Когда черезъ годовой почти промежутокъ времени Сперанскій собралъ насъ раза два для прочтенія составленнаго имъ рекрутскаго устава, на основаніи бывшихъ въ комитетѣ сужденій, и когда я увидѣлъ, что наконецъ нѣкоторыя изъ моихъ предложеній хотя и приняты, но съ измѣненіями, отъ которыхъ становились неудобоисполнимыми или тягостными для поселянъ, то вновь его останавливалъ, а онъ, съ своей стороны, вновь ста-

рался меня оспаривать. Находя неприличнымъ продолжать преніе въ комитетѣ, я рѣшился на другой день ѣхать къ нему на домъ. Думалъ, что онъ не приметъ меня, какъ надоѣвшаго ему спорщика; но, напротивъ, принялъ ласково, а когда я сталъ извиняться, что пришелъ безпокоить его просьбою о перемѣнѣ нѣкоторыхъ параграфовъ, и что дѣлаю это не по какому-либо самолюбію, а изъ любви къ дѣлу, для пользы крестьянъ, онъ отвѣчалъ:

— Сегодня ночью я думалъ о нѣкоторыхъ вашихъ возраженіяхъ и передѣлаю иныя. Напримѣръ, для возобновленія очередныхъ списковъ полагаю не назначать никакого срока, а когда окажется это нужнымъ; для возвращенія очередей къ большимъ семействамъ, вмѣсто одного срока — положу разные, смотря по числу работниковъ въ семействѣ. Что же касается до прочихъ вашихъ замѣчаній, то вы можете ввести ихъ въ тѣ параграфы, до которыхъ они относятся, когда государственный совѣтъ пошлетъ проектъ устава для предварительнаго соображенія министровъ; мнѣ же теперь некогда заняться пересмотромъ: послѣ завтра, въ четвергъ, я представлю уставъ нашъ государю, а въ субботу уѣду за границу.

Довольный такимъ объясненіемъ, я только-что хотѣлъ встать и извиниться, что часто надоѣдалъ ему моими преніями, какъ онъ предупредилъ меня: всталъ, подалъ мнѣ руку и началъ въ томъ же извиняться. «Возможно ли — вскричалъ я, будучи глубоко тронутъ его великодушіемъ: не вамъ, а мнѣ надобно извиняться, я только-что хотѣлъ это сдѣлать, вы какъ будто вырвали изъ души моей это намѣреніе; простите меня за мои противорѣчія».

Главное основаніе проекта, составленнаго Василевичемъ, уравнивающее малыя имѣнія съ большими въ ставкѣ рекрутъ, или такъ-названная *долговая система,* примѣнена была Сперанскимъ только къ имѣніямъ помѣщичьимъ и обществамъ мѣщанскимъ. Взято также много статей, относящихся вообще до распорядка при исполненіи рекрутской повинности; самого же старика Михаилъ Михайловичъ утѣшилъ исходатайствованіемъ ему ордена св. Станислава 1-й степени. Спасибо ему!

По заведенному прежде порядку, къ 15-му марта каждаго года представляли государю императору отчетъ о приходѣ, расходѣ и капиталахъ удѣльнаго вѣдомства, состоящій въ однѣхъ цифрахъ. А какъ со времени назначенія министромъ удѣловъ князя Волконскаго, послѣдовало по этой части много улучшеній, преобразованій и полезныхъ нововведеній, то я предложилъ Перовскому обставить сухія цифры краткими указаніями и на

самыя дѣйствія министерства. Отчетъ, составленный мною въ такомъ видѣ, заключалъ въ себѣ не болѣе четырехъ листовъ, и такъ понравился государю, что онъ изволилъ приказать препроводить его къ предсѣдателю государственнаго совѣта и комитета министровъ, графу Кочубею, съ изъявленіемъ желанія, чтобы и прочіе министры послѣдовали сему примѣру. Съ тѣхъ поръ установилось ежегодное представленіе министрами отчетовъ, съ тою разницею, что отчеты нѣкоторыхъ министровъ сдѣлались наконецъ слишкомъ объемистыми, отчеты же департамента удѣловъ и понынѣ составляются довольно кратко [1]).

Хотя сказанные успѣхи по удѣльному вѣдомству обратили на Перовскаго вниманіе публики и милость государя — въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, званіемъ гофмейстера и утвержденъ вице-президентомъ департамента удѣловъ — но неугомонное честолюбіе и возрастающая энергія влекли его все далѣе и далѣе. Нельзя не похвалить такого стремленія, но во сколько бы разъ оно было цѣннѣе, еслибъ проистекало изъ источника болѣе чистаго, изъ любви къ отечеству, изъ искренняго желанія блага, а не изъ видовъ на почести, на возвышенія? Впрочемъ, это относится до его нравственной стороны, до его души; а на дѣлѣ польза шла своимъ чередомъ, и слѣды ея доселѣ еще видимы. Ему давно уже хотѣлось осуществить мысль о поземельномъ сборѣ, указанную учрежденіемъ департамента удѣловъ 1797 года, и онъ неоднократно приставалъ ко мнѣ съ настояніями заняться приведеніемъ ея въ исполненіе. Но я, убѣжденный въ томъ, что эта мысль, справедливая въ основаніи своемъ и прекрасная на бумагѣ, сопряжена при исполненіи съ величайшими трудностями и, по пространству нашихъ земель, почти невозможна въ правильномъ осуществленіи, всячески старался отклонить его отъ такого намѣренія; наконецъ, надобно было уступить. Съ грѣхомъ пополамъ составилъ я циркулярное предписаніе управляющимъ, съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ министерство приступить къ этому способу, и съ краткими поверхностными наставленіями о перенесеніи податей съ душъ на землю, поставлялъ однакожъ управляющимъ на видъ, какъ приказано мнѣ было, чтобы доходъ удѣльный при этой перемѣнѣ не упалъ, но по возможности возвысился бы. Спустя недѣль шесть по разсылкѣ циркуляра, Перовскій поѣхалъ въ Екатеринбургъ и, проѣзжая Казань, имѣлъ

---

[1]) Извѣстно, что въ первые два или три года существованія министерствъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, представлялъ государю отчеты, бывшіе въ большой славѣ, но вскорѣ они прекратились.

по этому предмету совѣщаніе съ управляющимъ тамошнею удѣльною конторою Коваленскимъ, стариннымъ своимъ знакомымъ, котораго незадолго передъ тѣмъ посадилъ на это мѣсто. Я не зналъ лично г. Коваленскаго. То былъ, какъ послѣ оказалось, человѣкъ хорошо образованный, весьма свободно владѣвшій перомъ, но теоретикъ, прожектеръ, начитавшійся Тьера и другихъ подобныхъ писателей, которыхъ идеи такъ трудно примѣнимы къ русскому хозяйству, разстроившій разными затѣями собственное имѣніе, и кончившій тѣмъ, что тотъ же Перовскій впослѣдствіи отрѣшилъ его и отдалъ подъ судъ. Этотъ-то человѣкъ вызвался ему составить положеніе о поземельномъ сборѣ по своей идеѣ, и пока Левъ Алексѣевичъ ѣздилъ въ Екатеринбургъ и возвратился въ Казань, т. е. ровно въ двѣ недѣли, положеніе въ два пальца толщиною, съ разными таблицами и съ статистическимъ описаніемъ казанскаго удѣльнаго имѣнія, было уже готово. Это, конечно, доказывало, что перо легко ему повинуется, но ручалось ли за основательность, за добросовѣстность труда? Однакожъ оно понравилось Перовскому, вѣроятно потому, что ловко обходило тѣ великія затрудненія, которыя неизбѣжны при введеніи кадастра (а безъ кадастра не можетъ быть и правильнаго поземельнаго сбора). Оно нравилось ему еще и потому, что увеличивало доходъ удѣльный, но увеличивало насильственно; наконецъ потому, что имѣло видъ какой-то системы, но только для людей непривыкшихъ углубляться въ обширные и сухіе предметы подобнаго рода.

Немедленно, изъ Казани же, Перовскій отправилъ къ министру это положеніе, прося его пустить оное въ ходъ, самъ же поѣхалъ по другимъ губерніямъ и, возвратившись черезъ мѣсяцъ, тотчасъ послалъ за мною.

— Ну что, данъ ходъ новому положенію о поземельномъ сборѣ? спросилъ онъ.

— Какому?

— Тому, которое отправилъ я къ князю изъ Казани.

— Князь не передавалъ его въ департаментъ, и мы о немъ ничего не слыхали.

— Вѣчно задерживаетъ новыя предположенія, а это такъ важно и такъ облегчено новымъ положеніемъ; вы увидите. Да я сегодня у него вырву.

Дѣйствительно въ то же утро онъ передалъ мнѣ проектъ положенія, составленный Коваленскимъ, съ тѣмъ, чтобы я, по разсмотрѣніи, поторопился доложить департаменту.

Читаю: съ первыхъ страницъ вижу, что сочинитель хорошо владѣетъ перомъ, начитанъ, имѣетъ изворотливый умъ. Иду да-

лѣе; прочитавши все — вижу великолѣпный пуфъ, со всею обстановкою дѣльной бумаги, но пуфъ. Вотъ главныя основанія положенія:

1) Число душъ имѣнія превращается въ число тяголъ, полагая послѣднихъ въ половину менѣе противу первыхъ.

(Конечно, приблизительно такой счетъ допускается; но онъ никогда почти невѣренъ и число тяголъ обыкновенно бываетъ менѣе половины числа душъ; въ настоящемъ же правильномъ поземельномъ сборѣ нужна во всѣхъ счетахъ и разсчетахъ буквальная точность, достигаемая только кадастромъ.)

2) Земля и угодья приводятся въ извѣстность не посредствомъ землемѣровъ, а самими крестьянами, посредствомъ веревокъ, какъ это дѣлаютъ они при дѣлежѣ земли между собою.

(Конечно, землемѣровъ понадобилось бы бездна, а гдѣ ихъ взять, и чего бы это стоило? Правда и то, что крестьяне довольно удовлетворительно разверстываютъ такимъ способомъ свои земли. Но развѣ тутъ можетъ быть желаемая точность? Развѣ веревка вполнѣ замѣняетъ астролябію?)

3) Для оцѣнки дохода съ тягловаго участка приняты въ соображеніе десятилѣтняя сложность урожаевъ и пятилѣтняя — продажныхъ цѣнъ хлѣба.

(Конечно, въ послѣднее тогда пятилѣтіе цѣны на хлѣбъ стояли низкія, и если бы принять ихъ въ соображеніе, то доходъ удѣльный уменьшился бы противъ настоящаго подушнаго, чего допустить не хотѣлось. Но гдѣ же правда, гдѣ добросовѣстность? И развѣ можно для увертки отъ такого послѣдствія принять для оцѣнки земли и опредѣленія съ оной дохода систему кривобокую? Съ одной стороны — десятилѣтняя сложность урожаевъ, съ другой — пятилѣтняя цѣнъ!)

4) Доходъ съ земляного участка, отводимаго тяглу, оцѣненъ въ 75 руб. асс. съ тѣмъ, чтобы три пятыхъ онаго, или 45 р. принадлежали крестьянину на его обиходъ, а двѣ пятыхъ, или 30 р. обращались бы въ уплату удѣльнаго оброка, казенныхъ податей и повинностей. Но какъ для составленія этихъ двухъ пятыхъ, т. е. 30 руб. при всей сказанной натяжкѣ въ оцѣнкѣ, недоставало, помнится, рубля шестидесяти копѣекъ, то они и наложены на тягло, для округленія цифры, чѣмъ, въ добавокъ, значительно увеличенъ и удѣльный оброкъ.

(Конечно, если во всемъ положеніи приняты цифры приблизительныя, потому-что это легко даже можетъ быть сдѣлано сидя въ кабинетѣ, и не представляетъ тѣни кадастроваго способа, то и здѣсь надобно было поступить такимъ же образомъ. Но гдѣ же правда, гдѣ добросовѣстность? Развѣ оброкъ, посту-

пающій въ доходъ удѣла, увеличивался посредствомъ вводимаго, хотя бы и мнимаго, поземельнаго сбора? Развѣ это не простой насильственный налогъ?)

5) Для составленія тягловаго участка назначено шесть десятинъ, и въ сборныхъ избахъ положено прибить такъ-названныя платежныя табели, со всѣми циферными выводами, чтобы всякой зналъ, почему такое количество земли достаточно какъ для собственнаго содержанія крестьянина, такъ и для выполненія лежащихъ на немъ платежей.

(Конечно, лучше, если крестьянину почаще напоминать, въ чемъ состоятъ обязанности его передъ правительствомъ. Но какъ быть при наступленіи новой ревизіи, когда число душъ, а слѣдственно и тяголъ, увеличится, и когда въ той или другой деревнѣ недостанетъ земли для надѣленія ихъ шести-десятинными участками, а разсчетъ платежей сдѣланъ именно по этой мѣрѣ, и имъ втолкованъ?)

6) Въ статистическомъ описаніи казанскаго удѣльнаго имѣнія, къ которому для примѣра примѣнена была такая система поземельнаго сбора, изложены о каждомъ селеніи всѣ подробности, какъ требуетъ наука.

(Конечно, подробныя статистическія свѣдѣнія о каждой мѣстности необходимы при введеніи поземельнаго сбора; притомъ же они, бросаясь въ глаза, ручаются, такъ сказать, за правильность выводовъ и даютъ большой вѣсъ труду. Но развѣ можно было собрать ихъ въ такой подробности, не выѣзжая изъ города и въ двѣ недѣли?)

Такія-то сомнѣнія овладѣли мною при чтеніи проекта положенія о поземельномъ сборѣ. Желая ихъ повѣрить и болѣе вникнуть въ дѣло, я началъ дѣлать на указанныя выше, и другія статьи, мои замѣчанія. Такъ проходило уже три дня, какъ Перовскій, подойдя къ столу моему, спрашиваетъ, скоро ли я внесу проектъ въ присутствіе? Отвѣчаю, что еще дня черезъ три.

— Да отчего же? Развѣ вы въ чемъ затрудняетесь? а кажется нечѣмъ: все такъ легко и ясно.

Да, думалъ я про себя, ужъ очень легко, очень размашисто, и отвѣчалъ, что не могу согласиться со многими положеніями.

— И вѣрно дѣлаете свои замѣчанія?

— Дѣлаю.

— Такъ кончайте скорѣе и приходите ко мнѣ прочитать.

Постаравшись окончить, какъ обѣщалъ, въ три дни, прихожу къ нему; читаю. Перовскій возражаетъ, усиливается доказать, что я ошибаюсь, не такъ понимаю. Докладываютъ о пріѣздѣ члена департамента, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра

Ивановича Колошина (человѣка умнаго, учившагося также въ школѣ Муравьева). Перовскій приказываетъ отказать; я прошу, чтобы онъ его принялъ и сдѣлалъ участникомъ нашихъ преній. Колошинъ входитъ, садится, вслушивается, и принимаетъ то мою сторону, то Перовскаго; видя же себя, по отношеніямъ къ нему какъ къ начальнику, въ затруднительномъ положеніи, скоро удаляется. Мы остаемся вдвоемъ, продолжаемъ читать и спорить. Наконецъ, Перовскій говоритъ:

— Послушайте, Владимиръ Ивановичъ, чтобы доказать вамъ, какъ я уважаю ваши мнѣнія, я пріостановлю ходъ дѣла и пошлю къ Коваленскому эстафетъ съ вашими замѣчаніями.

Я поблагодарилъ.

— Но говорить ли, что онѣ писаны вами, чтобы не стѣснить тѣмъ свободы его объясненій?

— Конечно, лучше не говорить. Скажите просто, что ихъ сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ знакомыхъ, не означая даже имени.

Едва прошло три недѣли, какъ полученъ отвѣтъ Каваленскаго, съ передѣланнымъ положеніемъ. Правда, что онъ находился тогда не такъ далеко, не въ Казани, а въ рязанской или тамбовской своей деревнѣ, но все не близко. Это служило новымъ доказательствомъ, что онъ и легко владѣетъ перомъ и легко смотритъ на дѣло.

Письмо это начиналось такъ: «Видно вашъ знакомый человѣкъ съ головой. Я принялъ нѣкоторыя его замѣчанія, но не всѣ.»

— Видите ли, сказалъ Перовскій, показывая мнѣ это письмо, и онъ отдаетъ вамъ справедливость. Теперь не-зачѣмъ останавливаться, доложите поскорѣе.

Когда возвратясь домой и прочитавъ передѣланное положеніе, я увидѣлъ, что хотя Коваленскій дѣйствительно воспользовался нѣкоторыми моими замѣчаніями, но важнѣйшее, коренное, осталось по прежнему, съ небольшими развѣ въ иныхъ мѣстахъ измѣненіями; и когда вообразилъ, что я противъ убѣжденія, должень трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе такого дѣла,— то послѣ сильнаго волненія на меня напало какое-то нервическое разслабленіе, такъ-что я пролежалъ на диванѣ цѣлый день. Меня въ особенности угнетала мысль, какимъ образомъ Перовскій, — до сихъ поръ имѣвшій ясный взглядъ на дѣла, не видитъ, или не хочетъ видѣть, что вся эта пышная исторія есть не болѣе, какъ ловкое мороченье, хорошо пріодѣтое, замаскированное; что это не поземельный сборъ, а тягловой, подобный существующему въ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Конечно, въ тоже время я постигалъ причину такого, скорѣе притворнаго въ немъ затмѣнія: ему надобно было, во чтобы-то ни стало, блеснуть

передъ министромъ, которому онъ расхвалилъ проектъ, выказаться передъ публикою, передъ государемъ, зная напередъ, что никто не захочетъ ломать себѣ добровольно голову надъ сухимъ предметомъ, которому дана пристойная бюрократическая оболочка, и что вопросъ будетъ рѣшенъ безъ внесенія въ государственный совѣтъ. Но дѣло казалось слишкомъ важнымъ, чтобы вести его такимъ образомъ, и мнѣ было очень горько. Впрочемъ, какъ я ни скорбѣлъ — ему данъ ходъ въ этомъ самомъ видѣ. Читая однакожъ въ глазахъ моихъ неодобреніе, а въ сужденіяхъ слыша иногда прежнія возраженія, хотя не такъ уже жаркія, потому-что теперь онѣ были бы полезны, Перовскій однажды сказалъ мнѣ:

— Если уже вы не можете хорошенько вникнуть въ нашу систему поземельнаго сбора и встрѣчаете столько недоумѣній, то чтоже управляющіе? Я часто объ этомъ думаю, и потому просилъ бы васъ заняться сочиненіемъ разговора двухъ лицъ, изъ которыхъ, напр.: *А*, излагалъ бы систему Коваленскаго, а *В*, ваши сомнѣнія, ваши возраженія, съ окончательнымъ опять опроверженіемъ ихъ лицомъ *А* тѣми доводами, которые были приложены Коваленскимъ въ особой запискѣ, при представленіи передѣланнаго имъ проекта. Мы разговоръ этотъ напечатаемъ и разошлемъ по конторамъ.

Съ удовольствіемъ принялся я за эту работу, не легкую и не маленькую, въ томъ утѣшительномъ предположеніи, что оставляя за господиномъ *А* сказанныя послѣднія опроверженія, или лучше сказать новыя хитросплетенія, по всѣмъ второстепеннымъ вопросамъ,— можетъ быть мнѣ удастся формою разговора яснѣе выразить главное мое убѣжденіе и незамѣтно привести къ нему моего противника съ тѣмъ, что если уже не теперь, то по крайней мѣрѣ современемъ удѣльное начальство перешло бы къ оному по-немногу, хотя бы даже путемъ Коваленскаго, т. е. безъ кадастра, съ веревками, вмѣсто астролябіи и съемки, съ фальшивою оцѣнкою земли по десятилѣтней сложности урожаевъ и пятилѣтней — цѣнъ хлѣба, съ гадательнымъ, сдѣланнымъ въ кабинетѣ, статистическимъ описаніемъ, но лишь бы перешло. Такъ я и сдѣлалъ; убѣжденіе же мое состояло, и состоитъ понынѣ, въ томъ, что при установленіи настоящаго поземельнаго сбора надобно забыть и души и тягла, а имѣть въ виду только земляные участки, и по нимъ вести счетъ дохода, ибо не все ли равно для владѣльца земли, сто ли человѣкъ, десять ли человѣкъ пользуются пятью стами принадлежащихъ ему участковъ, лишь бы платили то, что̀ это количество земли должно приносить хозяину? Тогда установился бы

истинный поземельный сборъ, а не тягловой, не оброчный помѣщичій.

Написавъ заданный разговоръ, потребовавшій не менѣе дести бумаги, я представилъ его Льву Алексѣевичу. Онъ сказалъ, что сперва прочтетъ его одинъ, а потомъ вмѣстѣ со мною. Прошла недѣля. Однажды вечеромъ присылаетъ за мною. Мрачный видъ, лицо блѣднѣе обыкновеннаго и сухо сказанное: *садитесь*, не предвѣщали добра. «Теперь я вижу, Владиміръ Ивановичъ, сказалъ онъ, что вы не только не раздѣляете мнѣнія моего о нашемъ поземельномъ сборѣ, но рѣшились его опрокинуть. Разговоръ вашъ не можетъ быть напечатанъ въ такомъ видѣ. Я однакожъ оставлю его у себя, но не буду болѣе васъ безпокоить имъ».

Хотя я на это возразилъ ему, что опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, кажется, могъ удостовѣрить его, съ какимъ всегда одушевленіемъ раздѣлялъ я его идеи, его предположенія, съ какою готовностью трудился надъ ихъ осуществленіемъ, убѣждаясь въ пользѣ и справедливости; но что-же мнѣ дѣлать, если въ настоящемъ случаѣ не имѣю этого убѣжденія?

Онъ молчалъ. Посидѣвъ съ минуту, я раскланялся. Это было началомъ взаимнаго охлажденія. Но онъ не могъ однакожъ совсѣмъ тогда отъ меня отклониться или замѣтнымъ образомъ перемѣнить обращеніе: у насъ было въ ходу другое важное дѣло.

Посѣщая Пермскую и Оренбургскую губерніи, Перовскій узналъ о существованіи обширныхъ башкирскихъ земель, которыми этотъ полудикій народъ не умѣетъ пользоваться—отдаетъ ихъ или въ кортому, или продаетъ за ничтожную цѣну, отчего, вслѣдствіе обмана или неполнаго согласія мірскихъ обществъ, возникаютъ безпрестанно запутанныя многолѣтнія тяжбы; что въ дачахъ башкирскихъ есть минералы; что Киргизская степь, прилегающая къ Оренбургской губерніи, вовсе не степь на значительное пространство; что тамъ находятся и лѣса, и рѣчки, и горы, заключающія въ себѣ металлы, особливо серебро. Поэтому родилась у него мысль: присоединить къ удѣльному вѣдомству излишнія башкирскія земли, равно-какъ и сѣверо-западную полосу Киргизской степи, отодвинувъ границу внутрь на не малое разстояніе отъ прежней. Мнѣ нравилось это предположеніе. Льву Алексѣевичу удалось склонить на то и князя Петра Михайловича; вслѣдствіе чего былъ составленъ мною всеподданнѣйшій секретный докладъ, въ которомъ, разумѣется, объяснено, что на эти плодоносныя земли будутъ переселены удѣльные крестьяне изъ такихъ губерній, гдѣ имъ давно уже тѣсно, что въ этихъ пустыняхъ, даромъ пропадающихъ, процвѣтетъ

земледѣліе, возникнутъ рудокопные заводы, къ новому приращенію народнаго богатства, и проч. Государь изъявилъ предварительное согласіе. Съ годъ еще собирали мы свѣдѣнія объ этомъ краѣ, извлекая ихъ изъ книгъ, изъ живыхъ источниковъ бывалыхъ людей, изъ розысканій управляющаго удѣльною конторою, которому секретно было о томъ предписано. Во все это время никто, кромѣ государя, министра двора, Перовскаго и меня, не зналъ о нашей смѣлой и громадной затѣѣ. Наконецъ, Левъ Алексѣевичъ придумалъ вызвать въ Петербургъ башкирскую депутацію, чтобы получить добровольное ихъ согласіе на уступку излишнихъ земель и на зависимость народа отъ удѣльнаго вѣдомства. Новый докладъ государю, уже не секретный; онъ и на это соизволилъ. Признаться, судя по крайнему невѣжеству этихъ людей, соединенному съ азіатскою хитростью, и зная изъ дѣлъ, какъ мало въ ихъ кантонахъ общаго согласія, я не предвидѣлъ успѣха отъ такой мѣры; но Перовскій надѣялся отуманить ихъ блескомъ столицы, ласковымъ пріемомъ, угощеніями, обѣщаніемъ лучшаго положенія въ будущемъ. Вышло не такъ. Онъ встрѣтилъ ихъ въ парадномъ придворномъ мундирѣ и въ лентѣ, но только что хотѣлъ попросить сѣсть, какъ они разсѣлись сами; это его взорвало. Разговоръ, чрезъ сопровождавшаго ихъ казацкаго маіора, не повелъ ни къ чему; они ни на что̀ не соглашались. Взволнованный Перовскій, отпустивъ ихъ, призвалъ меня, разсказалъ обо всемъ и поручилъ написать докладъ, въ которомъ изъяснить, что они загрубѣлые невѣжды, номады, съ которыми ни о чемъ нельзя разсуждать, что ихъ надобно немедленно отправить назадъ, и рѣшить дѣло безъ ихъ согласія [1]).

Это было въ концѣ августа 1831 года въ первую холеру, наводившую на всѣхъ такой ужасъ, но начинавшую уже ослабѣвать. Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ, а оно оцѣплено. Написанный мною докладъ Перовскій отправилъ къ князю Петру Михайловичу, жившему тамъ же, 28 числа, а 29 получилъ въ отвѣтъ, что государь императоръ, по важности дѣла, не принялъ на себя рѣшить его окончательно, а повелѣлъ прежде разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, составленномъ подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ него, князя Волконскаго, графа П. А. Толстаго, Сперанскаго, Блудова, Дашкова и Н. П. Новосильцова, управлявшаго тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что онъ, князь, объявилъ уже эту высочайшую волю графу Кочубею (жившему тогда въ Царскомъ Селѣ), что графъ, отпра-

[1]) Эта башкирская депутація стоила намъ до 30 т. р. асс.

вляясь въ городъ, по случаю праздника Александра Невскаго, готовъ завтра же послѣ обѣдни открыть комитетъ, но что у него нѣтъ въ виду человѣка, которому онъ могъ бы поручить управленіе дѣлами онаго. Далѣе князь писалъ, что полагаетъ назначить меня, о чемъ и предварилъ Кочубея, и чтобы я завтра, тотчасъ по окончаніи обѣдни въ Невскомъ монастырѣ, явился въ домъ графа съ возвращаемымъ докладомъ.

Прочитавъ мнѣ это письмо, Левъ Алексѣевичъ просилъ изготовить по-скорѣе особую записку, которая могла бы служить для графа Виктора Павловича предисловіемъ къ докладу, и чтобы я постарался ее вручить ему прежде прибытія членовъ комитета.

Мысль явиться къ такому важному государственному человѣку, каковъ былъ графъ Кочубей, и въ присутствіи его докладывать дѣло, смущала меня; притомъ же надобно было быть въ мундирѣ, и по-тогдашнему—въ башмакахъ; шпага, шляпа, портфель — это также не могло придать мнѣ развязности. Въ назначенное время пріѣзжаю, узнаю, что графъ возвратился уже отъ обѣдни, но что у него съ докладомъ государственный секретарь Марченко; прошу камердинера доложить, онъ выноситъ мнѣ изъ кабинета отвѣтъ, что его сіятельство проситъ минуточку подождать. Однакожъ минуточка эта продолжается около получаса. Пріѣзжаетъ князь Петръ Михайловичъ. (Такъ и послѣ всегда пріѣзжалъ онъ первый.) Подходитъ ко мнѣ; изъявляетъ свое удовольствіе, что въ такое опасное время видитъ меня жива и здрава; поспѣшаю сказать, что у меня есть бумага, которую надобно бы вручить графу прежде, чѣмъ соберутся члены; князь беретъ ее, говоря, что самъ отдастъ. Марченко выходитъ изъ кабинета. Пріѣзжаетъ Сперанскій, съ которымъ я по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ еще не видался; ласково беретъ за руку и съ улыбкою говоритъ: «Ну, такъ и есть; безъ васъ важныя дѣла не рѣшаются.» Вскорѣ съѣхались всѣ члены. Графъ отворяетъ дверь кабинета и говоритъ мнѣ: «пожалуйте». Вхожу, и ужъ конечно не безъ замѣшательства; шпага болтается, въ одной рукѣ бумаги, въ другой шляпа; хорошо, что я скоро догадался ее положить на окно, а то бы просто бѣда съ этой обузой. Деликатный хозяинъ, не хотѣвъ, какъ видно, занять у себя въ кабинетѣ предсѣдательскаго мѣста, приказалъ къ передовой, узкой части стола приставить маленькой столикъ, а къ столику стулъ, на который и указалъ мнѣ; самъ сѣлъ вторымъ съ правой стороны, на первое же мѣсто посадилъ князя Петра Михайловича.

Когда всѣ усѣлись, графъ Викторъ Павловичъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ коей кратко изложилъ дѣло, для обсужденія

котораго государю императору угодно было учредить комитетъ. И было чего послушать: плавно, связно, отчетливо, въ отборныхъ выраженіяхъ. Къ этому надобно присоединить его благородную, величественную наружность, высокій ростъ, прямой станъ, нѣсколько вьющіеся черные волосы, черные спокойные выразительные глаза, прекрасное лицо, хотя покрытое отъ частыхъ болѣзней нѣкоторою желтизною, но еще весьма красивое. Кажется, все соединялось въ этомъ человѣкѣ: и образованіе, и опытность, и способность писать, и даръ слова, чтобы быть гдѣ угодно первенствующимъ министромъ. Ему было тогда шестьдесятъ два года.

Переставъ говорить, онъ приказалъ мнѣ читать нашъ всеподданнѣйшій докладъ; но едва я кончилъ, какъ Сперанскій, незабывшій, повидимому, обиды, нанесенной ему Перовскимъ, и досады на князя за опроверженіе заключенія его по дѣлу Вистингаузена, сильно возсталъ противъ мысли присоединенія башкирцевъ къ удѣльному вѣдомству. Онъ соглашался, что надобно обратить вниманіе на богатый край Оренбургскій, надѣленный всѣми дарами природы, но не со стороны частной, какою онъ разумѣлъ удѣльное вѣдомство, а со стороны государственной. Видя, что князь защищается слабо, я три раза пускался ему на выручку, возражая Сперанскому, который два раза отвѣчалъ мнѣ, а въ третій не поворотилъ даже и головы. Тогда только вспомнилъ я, что не имѣю права голоса, тогда только догадался, что при первомъ же разѣ Сперанскій могъ мнѣ напомнить, что мое дѣло слушать, а не разсуждать. Краснорѣчивый ораторъ говорилъ такъ убѣдительно, что всѣхъ увлекъ за собою. Комитетъ положилъ заняться Оренбургскимъ краемъ, но съ государственной точки зрѣнія. Надобно сознаться, Сперанскій былъ правъ; къ концу засѣданія я самъ внутренно въ томъ убѣдился.

Перовскій просилъ меня прямо изъ комитета заѣхать къ нему. Когда я вошелъ, онъ въ нетерпѣніи ходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ.

— Ну что? спрашиваетъ.

— Все лопнуло, отвѣчаю.

— Какъ?

— Сперанскій опрокинулъ наше предположеніе и повернулъ его въ другую сторону. Доказалъ, что на это дѣло надобно смотрѣть съ государственной точки зрѣнія.

— Ахъ онъ кут....! Чтожъ князь?

— Князь говорилъ, что могъ; я самъ имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ преніе; но все напрасно. Сперанскій развилъ свою

мысль такъ убѣдительно, что членамъ комитета оставалось только согласиться.

— Досадно, по крайней мѣрѣ мы же навели правительство на эту мысль.

Журналомъ комитета, который, какъ и всѣ прочіе, графъ Кочубей представлялъ на высочайшее благоусмотрѣніе, положено было потребовать отъ государственнаго совѣта, сената, министровъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ, военнаго и отъ графа Аракчеева, который тогда еще здравствовалъ, всѣ дѣла до башкирцевъ и земель ихъ относящіяся. Пространство времени, къ которому они относились, заключало въ себѣ девяносто два года, считая съ первоначальнаго устройства Оренбургскаго края. Ихъ обыкновенно препровождали къ графу Кочубею, а онъ присылалъ ко мнѣ. Но они доставлялись очень медленно.

Осенью пріѣхалъ въ Петербургъ оренбургскій военный губернаторъ, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, человѣкъ большихъ достоинствъ. Искренно радѣя о пользѣ края, онъ доложилъ государю, что большая часть представленій его остается безъ удовлетворенія; что, пользуясь настоящимъ пребываніемъ въ столицѣ, онъ желалъ бы, при содѣйствіи высшихъ властей заняться, по крайней мѣрѣ, дѣлами, до военной части относящимися. Государь приказалъ учредить для этого комитетъ подъ предсѣдательствомъ Эссена, предмѣстника графа Сухтелена, изъ генераловъ: Ермолова, Довра, Нейдгарта и самого Сухтелена, но, какъ видно, не объяснился объ этомъ съ графомъ Кочубеемъ, потому что, когда тайный совѣтникъ Радофиникинъ, назначенный правителемъ дѣлъ новаго комитета, пріѣхалъ къ нему со спискомъ дѣлъ, для нихъ нужныхъ, изъ числа у меня уже находившихся, то графа, какъ сейчасъ увидимъ, это укололо.

Онъ пишетъ ко мнѣ собственноручную въ третьемъ лицѣ записку (какъ всегда дѣлалъ), зоветъ къ себѣ. Нахожу его сумрачнымъ. Онъ стоитъ у стола и держитъ въ рукѣ листъ бумаги. (Въ прежніе разы также принималъ стоя и не просилъ сѣсть.) Подавая мнѣ этотъ листокъ, спрашиваетъ:

— Есть у васъ эти дѣла (то былъ реестръ дѣлъ, полученный имъ отъ Радофиникина).

Пробѣжавъ реестръ отвѣчаю:

— Они у меня.

— Что же вы съ ними и съ прочими, какія у васъ, дѣлаете?

— Пока еще ничего.

— Какъ ничего?

— Потому, что они большею частію новѣйшаго времени, не ранѣе 1805 года; слѣдственно, я не могу приступить къ хро-

нологическому изложенію судьбы края, ни сдѣлать соображенія прошедшаго съ послѣдующимъ.

— Да надѣетесь ли сладить съ этимъ дѣломъ?

— Я полагалъ заняться имъ такъ, чтобы правительство, которое девяносто два года перебрасывало его изъ рукъ въ руки, изъ мѣста въ мѣсто, болѣе не оглядывалось бы назадъ.

Отъ этихъ словъ лицо его нѣсколько прояснилось. Онъ взглянулъ на меня примѣчательно, и продолжалъ: «Теперь учрежденъ другой комитетъ, по просьбѣ графа Сухтелена, о тамошней военной части. Имъ нужны дѣла, показанныя въ реестрѣ; потрудитесь лично доставить ихъ г. Радофиникину, онъ управляетъ дѣлами комитета.»

— Такъ какъ военная часть тамошняго края зависитъ большею частію отъ земства, то и о ней, ваше сіятельство, думалъ я представить на обсужденіе нашего комитета.

— Ужъ теперь нельзя; *и я не могу спросить государя, существовать ли, послѣ этого, нашему комитету, ибо мнѣ не на что опереться.* А когда вы надѣетесь кончить вашу работу?

— Если скоро будутъ доставлены старыя дѣла, то мѣсяца черезъ два.

— Отчего такъ долго?

— Оттого, что и дѣлъ нужныхъ, какъ я уже доложилъ, у меня еще нѣтъ, а я много занятъ по моей должности.

— Да вотъ видите, нынѣче все спѣшатъ.

— Пора бы, ваше сіятельство, стать поперегъ этой поспѣшности.

Смѣлыя слова мои вновь привлекли на меня примѣчательный взоръ его, еще болѣе прояснившійся.

— Я съ вами согласенъ, сказалъ онъ, но одинъ не могу этого сдѣлать. Буду терпѣливо ждать истеченія двухъ мѣсяцовъ; прощайте.

Достопамятный для меня этотъ разговоръ происходилъ 23-го ноября.

На другой день ѣду къ Радофиникину; за мною—телѣга, нагруженная дѣлами, вручаю ему реестръ. Пока ихъ таскали на верхъ, онъ завелъ со мною разговоръ о нашемъ комитетѣ.

— Говорятъ, сказалъ онъ, что вы намѣрены подвинуть границу внутрь Киргизской степи?

— Да, потому-что это не степь, а полоса плодоносной земли, пропадающей даромъ.

— Стало быть вы хотите европейской войны?

— Отчего это?

— Да развѣ вы думаете, что Англія будетъ равнодушно на это смотрѣть?

— Почему же мы равнодушно смотримъ на то, что англійскіе эмиссары проникли уже въ Бухару? Какое имъ дѣло до нея изъ-за такой дали? а Киргизская степь у насъ подлѣ боку.

— Ну, ужъ позвольте намъ объ этомъ судить.

Радофинникинъ, какъ извѣстно, былъ директоромъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ.

Привожу этотъ разговоръ для того, чтобы показать, какъ уступчивы мы были въ отношеніяхъ нашихъ къ неблагодарной Англіи, какъ дорожили ими; а между тѣмъ она, пользуясь этимъ, продолжала усиливаться въ Азіи.

23-го января (1832 г.), ровно черезъ два мѣсяца послѣ свиданія съ графомъ Викторомъ Павловичемъ, вхожу къ нему съ тетрадью, толщиною въ два слишкомъ пальца. Это была записка моя по башкирскому дѣлу. Онъ взялъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ и холодно сказалъ:

— Велика.

— Если бы я, ваше сіятельство, не зналъ, что въ дѣлахъ подобнаго рода велико или мало — она была бы втрое больше.

— Посмотрю! — и кивнулъ головою. Я вышелъ. Черезъ недѣлю получаю отъ него пригласительную записку.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ—говоритъ онъ, когда я вошелъ въ кабинетъ — прошу покорно садиться.

Удивленный такимъ ласковымъ привѣтствіемъ, никогда не называемый имъ по имени, а всегда одними мѣстоименіями, никогда неприглашаемый сѣсть, я медлилъ садиться, почтительно поклонившись.

— Пожалуста садитесь.

Я сѣлъ.

— Читалъ я — продолжалъ онъ — читалъ съ большимъ удовольствіемъ вашу записку: *теперь могу спросить государя, существовать ли нашему комитету, ибо мнѣ есть на что опереться:* но все-таки записка велика; вы много дѣлаете извлеченій изъ исторіи.

— Это съ намѣреніемъ, ваше сіятельство, чтобы доказать, что башкирцы также завоеваны какъ и татары, и не имѣютъ тѣхъ граматъ, на которыя ссылаются; слѣдственно, не могутъ имѣть и помѣщичьяго права на свои земли въ такомъ смыслѣ, въ такомъ обширномъ объемѣ.

— Правда; но наши молодые министры не любятъ много читать [1]). На мою долю тутъ также досталось.

---

[1]) Незадолго передъ тѣмъ Блудовъ и Дашковъ назначены были министрами, одинъ внутреннихъ дѣлъ, другой юстиціи. Поэтому Новосильцевъ выбылъ изъ комитета.

Я тотчасъ догадался, на что̀ онъ намекаетъ. Въ двухъ выносныхъ примѣчаніяхъ записки было показано, что два административные вопроса, до Оренбургскаго края относящіеся и внесенные въ государственный совѣтъ, были пропровождены въ сенатъ для совокупнаго разсмотрѣнія, какъ сказано въ мнѣніи совѣта, съ производящимися тамъ дѣлами, тогда какъ ихъ слѣдовало разсмотрѣть въ совѣтѣ.

— Я потому и объяснилъ это не въ текстѣ, а въ выносахъ, чтобы, если не угодно, ихъ можно было исключить, не измѣняя текста, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, сказалъ графъ, пускай остаются, ибо я дѣйствительно виноватъ.

Онъ ходилъ къ государю съ докладами по четвергамъ. Въ пятницу утромъ (это было на масляницѣ) присылаетъ за мною. Лицо веселое, опять: Владимиръ Ивановичъ! опять: садитесь!

— Я былъ вчера у государя, говоритъ мнѣ; спрашивалъ, существовать ли моему комитету? Его величество изволилъ отозваться, что все, что̀ ни сдѣлано тѣмъ комитетомъ, а онъ уже кончилъ свои занятія, прикажетъ передать мнѣ для соображенія. Сверхъ сего присоединяетъ къ намъ еще двухъ членовъ: графа Сухтелена и министра финансовъ. Полагаю собрать комитетъ въ чистый понедѣльникъ, въ семь часовъ вечера. Пошлите ко всѣмъ пригласительныя записки, а сами пріѣзжайте за полчаса.

Являюсь въ назначенное время, но едва успѣлъ графъ сказать со мною нѣсколько словъ о предстоящемъ засѣданіи, какъ пріѣхалъ князь Волконскій. Поздоровавшись, они пошли въ глубь кабинета, за колонны, и опершись на низенькіе шкафики, идущіе вдоль стѣны, стали разговаривать, часто посматривая на меня; я же остался у противоположныхъ колоннъ. Надобно знать, что кабинетъ графа былъ огромный залъ, подраздѣленный двумя рядами колоннъ, въ которомъ, сверхъ главнаго письменнаго стола, находилось еще нѣсколько разной величины столовъ, съ приставленными къ нимъ разнаго вида креслами и стульями, чтобы не смѣшивать въ занятіяхъ одни дѣла съ другими. Это придавало комнатѣ прекрасный разнообразный видъ, хотя и дѣлало ее лабиринтомъ. Стали наѣзжать члены. Князь оставилъ графа и, минуя входящихъ, пробрался этимъ лабиринтомъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ: здоровъ ли? обыкновенный отвѣтъ: слава Богу!

— Ну, что дѣлается у насъ въ департаментѣ?

— Все, кажется, хорошо.

— А каково идетъ поземельный сборъ?

— Идетъ своимъ порядкомъ.

— Да ты говори правду: вѣдь ты спорилъ, вѣдь ты на него не соглашался?

Я удивленъ былъ этимъ вопросомъ; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы Перовскій пересказалъ ему о моихъ возраженіяхъ. Эту, тогда непонятную для меня его политику понялъ я впослѣдствіи, когда сблизился съ княземъ. Перовскій зналъ, какъ и я послѣ узналъ, что заботливый князь не пропускалъ ни обѣдовъ, ни баловъ, никакихъ другихъ собраній, чтобы при встрѣчѣ съ людьми, которыхъ обязанности или дѣйствія соприкасались съ его министерствомъ, не поговорить съ ними о дѣлахъ, и потому опасаясь, чтобы министръ, встрѣчая меня у графа Кочубея, не заѣхалъ со мною, по своей привычкѣ, рѣчи о поземельномъ сборѣ а я, по моей откровенности, не высказалъ бы ему правды,— счелъ нужнымъ предупредить его, и даже вооружилъ его тѣми доводами, которые противопоставлялъ мнѣ. Надобно было отвѣчать на вопросъ.

— Точно такъ, я не соглашался.

— Да отчего же, скажи?

— Это объясненіе, ваше сіятельство (тогда онъ не имѣлъ еще титла свѣтлости) будетъ слишкомъ длинно, а я того и гляжу, что графъ Викторъ Павловичъ попроситъ васъ сѣсть; всѣ члены уже собрались. — Мнѣ хотѣлось уклониться отъ объясненія.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, въ короткихъ словахъ.

— Да вы меня не выдадите, сказалъ я помолчавши немного.

— Не выдамъ, говори — продолжалъ князь — ласково потрепавъ меня по плечу.

— Какая же это система, когда для оцѣнки земли взята десятилѣтняя сложность урожая и пятилѣтняя цѣна хлѣба? Какое же это приращеніе удѣльнаго дохода чрезъ поземельный сборъ, когда для округленія двухъ пятыхъ цифрою тридцати рублей, наложены произвольно рубль шестьдесятъ копѣекъ? Зачѣмъ натолковано крестьянамъ, что, для выполненія лежащихъ на нихъ платежей, они должны имѣть не менѣе шести десятинъ на тягло? Придетъ ревизія, число населенія увеличится, земли въ эту мѣру недостанетъ; тогда крестьянинъ можетъ, пожалуй, сказать: дайте мнѣ шесть десятинъ, или я не плачу.

— Но у насъ есть запасныя земли, надѣлимъ ими.

— Такъ; но во многихъ ли мѣстахъ? а въ другихъ и теперь крайній недостатокъ.

— Мы можемъ переселять.

— Можемъ; но только въ Оренбургскую и Саратовскую губерніи, гдѣ земли еще довольно. А сколько хлопотъ, сколько издержекъ съ переселеніями?

Въ эту минуту графъ Викторъ Павловичъ подошелъ къ князю и повелъ его къ столу. Маленькаго столика не было уже, какъ въ первый разъ, приставлено къ большому; вмѣсто него стояло у президентскаго мѣста кресло, на которое графъ и предложилъ мнѣ сѣсть, сказавъ: такъ будетъ намъ слышнѣе. Сперанскій за болѣзнію не присутствовалъ, Канкринъ и Сухтеленъ были.

Чтеніе записки моей, со включеніемъ сужденій комитета, продолжалось до половины второго часа ночи, съ небольшимъ промежуткомъ для чая. Члены слушали меня съ видимымъ удовольствіемъ, никто не вздремнулъ; значитъ, записка была составлена неутомительно, не скучно. Когда всѣ встали, графъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ: хорошо ли вы вслушались въ наши сужденія? — Кажется хорошо. — Однако лучше я повторю—и повторилъ съ удивительною ясностью въ полной связи.

На другое утро присылаетъ за мною Перовскій.

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ князя Петра Михайловича, говорилъ онъ тономъ не очень ласковымъ.

— Какое?

— Сказать вамъ, что онъ назначаетъ васъ директоромъ своей канцеляріи.

— Да вѣдь тамъ есть директоръ?

— Есть, но его скоро не будетъ. Князь проситъ только, чтобы вы помолчали объ этомъ недѣли двѣ, три.

Я опустилъ голову ошеломленный этою неожиданною новостью.

— Чтожъ вы не радуетесь?

— Я такъ привыкъ къ настоящему моему положенію, къ моей должности, къ роду моихъ занятій, что меня страшитъ эта неизвѣстная будущность.

Дѣйствительно, всякая подобная перемѣна въ службѣ меня смущала. Мнѣ всегда казалось, что я не вполнѣ оправдаю назначеніе; не слажу, не съумѣю; и это, можетъ быть врожденное смиреніе помогало мнѣ выдерживать до сихъ поръ правило: ни на что не напрашиваться. Дай Богъ, чтобы оно не измѣнило мнѣ до недалекаго уже конца служебнаго моего поприща.

— Чего жъ вы боитесь?

— Да вѣдь вы же напугали меня княземъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Перовскій нерѣдко говорилъ о его строгости, взыскательности, скупости на милости.

— Если я напугалъ, то я же и научу васъ, какъ съ нимъ быть. Если хотите въ чемъ-нибудь успѣть у него, то, послѣ перваго словеснаго доклада, приходите съ готовою для подписанія бумагой, и настаивайте.

Я однакожъ не хотѣлъ, да и не могъ бы воспользоваться этимъ наставленіемъ, ужъ по одному уваженію, которое питалъ къ князю.

— Послушайте, Владиміръ Ивановичъ—продолжалъ Перовскій — лучше бъ мнѣ отрубили правую руку, чѣмъ васъ взяли; но я не хотѣлъ мѣшать этому, напротивъ, когда князь жаловался мнѣ на своего директора, я всегда указывалъ ему на васъ. Прошу васъ однако пріискать мнѣ на мѣсто себя чиновника, подобнаго вамъ, иначе вы поставите меня въ большое затрудненіе.

Какъ ни лестны эти слова, но они произнесены были такимъ тономъ, который не соотвѣтствовалъ ихъ смыслу; въ немъ отзывалась какая-то досада, какая-то жесткость; и потому я, какъ тогда полагалъ, такъ и до сихъ поръ увѣренъ, что внезапнымъ возвышеніемъ моимъ обязанъ самому князю Петру Михайловичу, вслѣдствіе можетъ быть выгоднаго мнѣнія обо мнѣ князя Кочубея, котораго онъ очень уважалъ, а также и вчерашнему успѣху моему въ комитетѣ, ибо я примѣтилъ, какъ пріятно было князю видѣть вниманіе ко мнѣ членовъ и слышать удачные мои отвѣты на вопросы и возраженія, особливо Блудова, который, зная хорошо исторію, нерѣдко останавливалъ меня указаніемъ на тотъ или другой историческій источникъ, полагая, что я пропустилъ его, но всегда слышалъ въ отвѣтъ: объ этомъ сейчасъ будетъ сказано.

Составленный мною журналъ засѣданія комитета князь Викторъ Павловичъ похвалилъ, сдѣлавъ небольшія, ловкія поправки и вставки, изложенныя хорошимъ слогомъ. Когда дошло до предположенія выдвинуть границу внутрь степи, онъ прибавилъ, что лучше отложить оное до другого времени, «ибо (помню даже выраженія) настоящее положеніе европейскихъ державъ не предобѣщаетъ общаго спокойствія.» Потомъ приказалъ мнѣ прочитать журналъ, какъ есть въ-чернѣ, графу Сухтелену и министру юстиціи Дашкову, поелику предметъ наиболѣе касался ихъ вѣдомствъ.

Графа Сухтелена нашелъ я занятаго бумагами, онъ тотчасъ ихъ оставилъ, слушалъ журналъ съ большимъ вниманіемъ и дѣлалъ самыя основательныя замѣчанія, которыя всѣ я принялъ. Мы просидѣли часа полтора. Когда же я всталъ, онъ пошелъ меня провожать изъ комнаты въ комнату, по длинной ихъ анфиладѣ, и остановясь у передней, сказалъ мнѣ:

— У меня есть къ вамъ покорнѣйшая просьба; мнѣ бы хотѣлось имѣть копію съ той записки, которую читали вы въ комитетѣ: это квинтъ-эссенція всего, что относится до моего края,

но какъ я почти незнакомъ съ княземъ Викторомъ Павловичемъ [1]), то не смѣю самъ просить его объ этомъ. Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, если бы приняли этотъ трудъ на себя.

— Извините ваше сіятельство, не могу.

— Почему же? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Потому, что выразить передъ княземъ причину, по которой желаете вы имѣть копію съ записки, значило бы похвалить себя: записка писана мною.

— Извините, извините, вскричалъ онъ, схвативъ меня за обѣ руки; конечно, вамъ нельзя; я самъ поѣду къ князю. Я никакъ не полагалъ, чтобы этотъ огромный, почтенный трудъ былъ вашъ; я думалъ, что записка составлена въ государственномъ совѣтѣ.

Такъ молодость моя нерѣдко и прежде вводила въ подобный соблазнъ людей серьезныхъ.

Онъ на другой же день былъ у князя, который, съ весьма пріятнымъ отзывомъ на мой счетъ, приказалъ мнѣ исполнить его просьбу; графъ же не замедлилъ сдѣлать мнѣ визитъ и вмѣстѣ съ билетомъ, не заставъ меня, оставилъ вышедшую на тѣхъ дняхъ книжку: «Описаніе Оренбургской губерніи», написанную уфимскимъ губернаторомъ, или братомъ его, правителемъ канцеляріи графа, Жуковскимъ,— сказавъ мнѣ при первомъ свиданіи: «это слабая отплата за вашу прекрасную записку».

Было уже два часа за полдень, когда я пріѣхалъ къ Дмитрію Васильевичу Дашкову. Онъ встрѣтилъ меня въ халатѣ, съ длинною турецкою трубкою, и когда я хотѣлъ прочитать ему журналъ, онъ остановилъ меня, сказавъ: «Нѣтъ, Владимиръ Ивановичъ, я на такія дѣла совѣстливъ: не могу рѣшать разомъ; оставьте журналъ у меня: я соберу для разсмотрѣнія его маленькой комитетецъ изъ оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретарей.»!

Прошла недѣля,—а онъ не возвращалъ журнала. Князь вновь проситъ меня заѣхать къ нему, поторопить. Дмитрій Васильевичъ по прежнему встрѣчаетъ меня въ халатѣ, хотя было уже три часа по полудни (этотъ умный и достойный человѣкъ любилъ комфортъ, любилъ полѣниться), не съ трубкою уже, а съ нашимъ журналомъ, говоря: «Занимаюсь, занимаюсь, вотъ видите; потерпите, незадержу.»

---

[1]) Я позабылъ сказать выше, что въ новый годъ графу Кочубею пожалованъ титулъ князя, но безъ свѣтлости, чѣмъ онъ, кажется, былъ недоволенъ. Случилось дважды, что онъ при мнѣ писалъ къ кому-то записку въ третьемъ лицѣ, и въ оба раза вмѣсто князя, ставилъ: графъ, потомъ рвалъ записки говоря, наморщившись: «я все забываю, что я князь.» Въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ я буду называть его уже княземъ.

Князю Виктору Павловичу и безъ того уже не нравилась такая медленность, хотя онъ замѣтно любилъ Дашкова, но графъ Сухтеленъ спѣшилъ возвратиться въ Оренбургъ, а между тѣмъ наступила весенняя распутица; отъѣздъ же его, какъ выразился государь, зависѣлъ отъ князя Кочубея, поэтому князь опять послалъ меня къ Дашкову объяснить, что по сказаннымъ причинамъ долѣе ждать нельзя.

Въ третье посѣщеніе мое я нашелъ министра юстиціи уже во фракѣ, — то былъ пріемный его день. «Съ моей стороны я не нахожу никакого препятствія одобрить проектъ журнала, сказалъ онъ, но ни я, ни вы, — мы не крестились въ чернилахъ, тутъ надобны другого рода люди, а они еще съ нимъ водятся. Доложите князю, что дня черезъ два непремѣнно возвращу журналъ и пришлю проектъ вновь у меня составляемаго!

Прошло еще четыре дня, а всего болѣе двухъ недѣль—нѣтъ ни моего, ни обѣщаннаго Дашковымъ журнала. Выведенный изъ терпѣнія, князь Викторъ Павловичъ посылаетъ за мною и приказываетъ разослать къ членамъ пригласительныя записки въ засѣданіе комитета, назначаемое завтрашній день вечеромъ. «Это непростительно, примолвилъ онъ. Вотъ каковы молодые министры: но какъ себѣ хочетъ Дмитрій Васильевичъ, я не могу задерживать графа Сухтелена и быть виноватымъ въ томъ предъ государемъ.»

Держась прежняго приказанія князя, пріѣзжаю къ нему за полчаса до засѣданія.

— Ну, что, не получили вы отъ Дашкова журналовъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

— Чтожъ онъ съ нами дѣлаетъ?

— Можетъ быть привезетъ съ собою.

— Надѣюсь; да вѣдь мнѣ надобно прочитать съ вами составленный у него, прежде открытія засѣданія; иначе, что могу сказать о немъ комитету?

Камердинеръ подаетъ пакетъ сказавъ: отъ Дашкова.

Князь торопливо распечаталъ, и только что принялся читать вновь составленный журналъ, какъ вошелъ князь Петръ Михайловичъ, за нимъ мало по малу другіе члены, наконецъ и самъ Дашковъ.

Сѣли. Князь плавною, складною рѣчью, сообщилъ комитету о причинѣ значительнаго промежутка времени между послѣднимъ и настоящимъ засѣданіемъ, присовокупивъ, что ничего не можетъ сказать о содержаніи журнала Дмитрія Васильевича, поелику получилъ его за нѣсколько только минутъ. Потомъ спросилъ, съ котораго журнала угодно будетъ комитету начать чте-

ніе? «Съ того, отвѣчалъ Канкринъ, который прежде написанъ.» Я прочелъ по порядку тотъ и другой. За симъ предсѣдатель сдѣлалъ вопросъ, который изъ журналовъ комитетъ предпочитаетъ?

— Г-на Панаева, громко произнесъ Канкринъ, безпокойно вертѣвшійся на стулѣ, пока продолжалось чтеніе послѣдняго журнала, — потому-что г. Панаевъ смотритъ на дѣло en grand.

— Я самъ отдаю справедливость проекту Владимира Ивановича; я это говорилъ ему, отвѣчалъ Дашковъ; но находилъ съ своей стороны, что тутъ нельзя обойтись безъ указанія на межевые законы съ ихъ измѣненіями, а также на другія постановленія, до правъ собственности относящіяся.

— И, батюшка, возразилъ Канкринъ, если вы погонитесь за всѣми извилинами межевыхъ законовъ, то войдете въ такой лабиринтъ, изъ котораго не выйдете.

— По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ смутившійся Дашковъ, можно соединить оба журнала въ одинъ, взявъ нѣкоторыя статьи изъ представленнаго мною.

— Пожалуй, продолжалъ Егоръ Францовичъ, если это окажется возможнымъ; только теперь надо читать журналъ вашъ по статьямъ, останавливаясь на каждой.

Я началъ снова, умолкая при каждой прочитанной статьѣ. Дмитрій Васильевичъ, конечно, внутренно раскаявался, что сдѣлалъ такое предложеніе, потому-что Канкринъ опровергъ всѣ пункты его журнала, находя не нужнымъ вносить ихъ въ мой.

— Какъ! вскричалъ Дашковъ, даже и то не нужно, гдѣ говорится о крѣпостномъ правѣ, о выдачѣ межевыхъ плановъ и книгъ, о десятилѣтней давности?

— Пожалуй, батюшка, отвѣчалъ Егоръ Францовичъ, но развѣ гдѣ-нибудь мимоходомъ.

Такъ было мною и сдѣлано, по общему согласію въ томъ комитета.

Въ слѣдующее засѣданіе бѣдный Дмитрій Васильевичъ опять попалъ въ передѣлъ, но уже къ самому предсѣдателю. Князь Викторъ Павловичъ началъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ развивать не помню какую-то мысль; вдругъ Дашковъ его перебиваетъ и начинаетъ говорить свое; а какъ онъ очень иногда заикался, то рѣчь его позадлилась; когда же кончилъ, то, обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ: «Не угодно ли вашему сіятельству продолжать.» —Продолжать? возразилъ князь; я потерялъ нить моихъ мыслей, и не имѣю такого горла, чтобы перекричать васъ.

18 марта (1832 г.), князь Петръ Михайловичъ прислалъ за мною фельдъегеря. Меня вводятъ въ маленькій его кабинетъ.

— Говорилъ вамъ Левъ Алексѣевичъ о моемъ въ разсужденіи о васъ намѣреніи?

— Говорилъ, ваше сіятельство.

— Такъ подите въ канцелярію; она въ верху надо мною, и напишите указъ.

— Какъ? о себѣ написать указъ? нѣтъ, ваше сіятельство, я этого не могу.

Студенческая совѣсть опять во мнѣ заговорила. Князь улыбнулся и сказалъ:

— Ну, такъ спросите тамъ начальника экспедиціи [1]) Прохорова и велите ему написать; у него же хорошій почеркъ; пусть самъ и перепишетъ; эдакъ будетъ секретнѣе.

Черезъ четверть часа я вручилъ министру изготовленный указъ. Онъ понесъ его къ государю, а мнѣ велѣлъ подождать; возвратившись же, поздравилъ меня, поцѣловалъ, и приказалъ отправить указъ въ сенатъ, совѣтуя дня три никому объ этомъ не говорить. Потомъ началъ изъ окладовъ моего предмѣстника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ситникова, выкраивать мнѣ жалованье. Тотъ получалъ, переходя изъ мѣста въ мѣсто и сохраняя за собою прежніе оклады, до тринадцати тысячъ рублей ассигнаціями; мнѣ назначилъ князь только семь тысячъ, говоря: «на первый разъ, кажется, довольно.» Но этотъ первый разъ продолжался лѣтъ восемь, до тѣхъ поръ, пока всѣмъ директорамъ канцелярій и департаментовъ, получавшимъ прежде по 6 тысячъ, удвоено было содержаніе. Я, по обыкновенію, молчалъ, а князь, по извѣстной ему скупости, кажется и радъ былъ тому. Впрочемъ, мнѣ все-таки назначено было болѣе, чѣмъ тогдашнимъ директорамъ; а притомъ я удостоенъ этого званія въ чинѣ коллежскаго совѣтника, чему не было еще примѣра.

Вечеромъ того же дня получилъ я отъ князя Виктора Павловича записку, въ которой онъ приглашалъ меня пріѣхать къ нему завтра по утру въ 11 часовъ.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ, сказалъ онъ съ пріятнымъ выраженіемъ лица, когда я вошелъ въ кабинетъ — поздравляю васъ директоромъ.

Помня совѣтъ министра моего относительно трехъ-дневнаго молчанія, я на минуту пріостановился, но потомъ отвѣчалъ:

— Точно такъ, ваше сіятельство, но позвольте спросить, отчего вы это знаете?

— А вотъ, садитесь-ка, я разскажу вамъ. Вчера я былъ у

---

[1]) Тоже, что отдѣленіе. Экспедиціи, гдѣ онѣ существовали, вездѣ послѣ переименованы въ отдѣленія.

государя съ послѣднимъ нашимъ журналомъ, и видя, какъ онъ изволилъ остаться имъ доволенъ, доложилъ, что успѣхомъ этого дѣла мы обязаны вамъ; но едва успѣлъ вымолвить еще нѣсколько словъ въ вашу похвалу, съ тѣмъ, чтобы исходатайствовать вамъ какую-либо награду, какъ его величество перебилъ меня, сказавъ: «Знаю, знаю, я объ немъ много хорошаго слышалъ, и не далѣе, какъ часъ назадъ, сдѣлалъ его директоромъ. Да мнѣ и фамилія его очень памятна: я съ племянникомъ его, въ дѣтствѣ моемъ, часто игрывалъ.

Всякій пойметъ, какъ пріятно мнѣ было выслушать этотъ подробный разсказъ, и притомъ изъ устъ перваго государственнаго человѣка.

— Кто же это вашъ племянникъ? продолжалъ князь.

— У меня нѣсколько племянниковъ, но старшему изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ. Государь, вѣроятно, разумѣлъ одного дальняго моего родственника, инженернаго полковника Панаева, состоящаго при графѣ Аракчеевѣ въ военныхъ поселеніяхъ, о которомъ его величество, шесть лѣтъ назадъ, изволилъ уже спрашивать жену мою, когда посѣтилъ квартиру мою въ домѣ департамента удѣловъ (тутъ я разсказалъ этотъ случай), но котораго я вовсе не знаю и не могу нигдѣ съ нимъ встрѣтиться. Племянникомъ же моимъ государь считаетъ его можетъ быть потому, что назначивъ меня на солидную должность, думаетъ, что я солидныхъ уже лѣтъ.

— Догадка ваша весьма справедлива. Однако жъ я вамъ совѣтую познакомиться съ этимъ полковникомъ: придетъ время, государь васъ самихъ о немъ спроситъ. Сужу такъ по оживленному тону вчерашнихъ словъ его. Ну, я долженъ былъ остановиться въ намѣреніи моемъ исходатайствовать вамъ какую-либо награду, и пошелъ посовѣтываться о томъ къ князю Петру Михайловичу, но онъ сказалъ мнѣ: чего же еще? и такъ сдѣланъ директоромъ!

Тутъ князь Викторъ Павловичъ улыбнулся и спросилъ:

— А гдѣ вы будете теперь жить?

— Князь Петръ Михайловичъ предложилъ мнѣ два дома: Іезуитскій и Боурскій. Въ первомъ сегодня я былъ; квартира мнѣ не понравилась, хуже моей теперешней.

— Берите въ Боурскомъ, это хорошій домъ. Когда я былъ еще камеръ-юнкеромъ, то ѣзжалъ туда, къ жившимъ тамъ екатерининскимъ старушкамъ, поздравлять ихъ съ праздникомъ. Да и ко мнѣ поближе, можетъ быть судьба опять сведетъ меня съ вами.

Тронутый послѣдними словами, я всталъ и отъ души ему поклонился.

Отъ него прямо поѣхалъ я въ Боурскій домъ. Вижу у воротъ стоитъ знакомый мнѣ человѣкъ, г. Шеристановъ, котораго я давно уже не видалъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете Иванъ Григорьевичъ?

— Наблюдаю за поправкой мостовой; вѣдь я смотритель здѣшняго дома.

— А, тѣмъ лучше; такъ прошу васъ по приказанію министра, показать мнѣ свободную квартиру. Я буду здѣсь жить.

— Да здѣсь и такъ ужъ живетъ одна Панаева.

— Какая Панаева?

— Старушка, коллежская совѣтница.

— Нѣтъ ли у нея сына инженернаго полковника?

— Есть, онъ служитъ въ новгородскихъ поселеніяхъ; но рѣдко пріѣзжаетъ въ Петербургъ.

Не странно ли, не замѣчательно ли, что не прошло еще и десяти минутъ, какъ достопочтенный князь Викторъ Павловичъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Панаевымъ, и я уже открываю къ нему слѣдъ самый вѣрный?

Осмотрѣвши квартиру, я просилъ Шеристанова проводить меня къ г-жѣ Панаевой. То была почтенная глубокихъ лѣтъ старушка. Она жила тутъ съ двумя сестрами, такими же старушками, имѣвшими по прежней ихъ службѣ казенное помѣщеніе. Одна была камеръ-юнгферою императрицы Екатерины, другая—Маріи Павловны. На вопросъ мой, неизвѣстно ли ей, какъ мы родня? она отвѣчала, что хорошенько не знаетъ, но постарается отыскать письмо моего отца къ ея мужу, въ которомъ онъ увѣдомлялъ его о своей женитьбѣ на моей матери и называлъ, помнится ей, дядею.

Такъ окончилась служба моя по министерству удѣловъ и началась по министерству императорскаго двора.

Вмѣсто себя на должность начальника отдѣленія въ департаментѣ, представлялъ я Перовскому нѣсколькихъ хорошихъ чиновниковъ, но ни одинъ, по испытаніи, ему не понравился; такъ трудно было ему угодить; тогда онъ вздумалъ требовать, чтобы я, пока ваканція эта не будетъ занята способнымъ чиновникомъ, занимался бы и по департаменту, даже склонилъ-было къ тому министра; но когда я спросилъ князя, какъ въ такомъ случаѣ должно мнѣ подписываться на департаментскихъ бумагахъ, начальникомъ отдѣленія или директоромъ? — князь засмѣялся и обратилъ дѣло въ шутку. Вскорѣ послѣ этого, отношенія наши со Львомъ Алексѣевичемъ совершенно измѣнились, но — не по моей, а по его винѣ. Не хочу и вспоминать объ этомъ.

Такъ какъ я не знаю, буду ли продолжать мои «Воспоминанія»,

найду ли свободное для того время, то слѣдуетъ здѣсь добавить, что въ августѣ мѣсяцѣ, когда я жилъ уже въ Боурскомъ домѣ, явился ко мнѣ пріѣхавшій изъ поселеній Николай Ивановичъ Панаевъ, въ которомъ я нашелъ предостойнаго человѣка, и показалъ мнѣ отысканное матерью письмо моего отца, въ которомъ онъ дѣйствительно называлъ отца его дядею; слѣдственно, не Николай Ивановичъ моимъ, а я его былъ племянникомъ; но въ какой степени — до этого добраться мы не могли, и положили считаться троюродными.

Остается еще упомянуть о томъ, какъ сбылись и предчувствіе и пророчество князя Виктора Павловича.

Въ 1834 году, ровно черезъ два года, и также въ великій постъ, башкирскій комитетъ неожиданно возобновился. Хотя князь былъ тяжко тогда боленъ, но прислалъ за мною и лежа въ постелѣ объяснился насчетъ засѣданія, назначаемаго имъ черезъ два дня. Я никакъ не ожидалъ, достанетъ ли у него на это силъ; но онъ превозмогъ себя, и въ назначенное утро я нашелъ его уже въ другой комнатѣ, близъ спальни, въ сюртукѣ, но не на креслахъ, а лежащаго на кушеткѣ, придвинутой къ столу засѣданій. Онъ былъ худъ, блѣденъ и грустенъ, и когда дочь его, графиня Строганова, прежде прибытія членовъ, подошла къ нему съ выраженіемъ участія, онъ пожалъ ей руку и двѣ слезы выкатились у него изъ глазъ. Я едва удержался, чтобы не заплакать отъ этой сцены. Къ счастію, по существу дѣла достаточно было собрать комитетъ одинъ разъ, слѣдственно и мнѣ написать одинъ только журналъ. Такимъ образомъ, судьба, какъ за два года назадъ выразился князь, опять меня свела съ нимъ.

Въ день Пасхи того жъ года, князь Викторъ Павловичъ пожалованъ былъ въ канцлеры гражданскихъ дѣлъ, и я имѣлъ счастіе написать объ этомъ указъ. Онъ скончался черезъ два потомъ мѣсяца въ Москвѣ, гдѣ остановился отдохнуть, ѣхавши въ свое имѣніе.

Въ 1837 году, по случаю пожалованія меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники, я долженъ былъ вмѣстѣ съ прочими, получившими какія-либо монаршія награды, представляться государю императору. Онъ изволилъ принять насъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ, въ Елагино-островскомъ дворцѣ. Когда по приближеніи ко мнѣ оберъ-камергеръ графъ Литта произнесъ мое имя, государь сказалъ: «Знаю, вы состоите при князѣ Волконскомъ директоромъ канцеляріи. Продолжайте служить также хорошо, какъ до сихъ поръ служили,» и отошелъ къ тѣмъ, которые представлялись по случаю прибытія въ столицу, поставленные отдѣльно, въ разстояніи отъ меня сажени на двѣ; но вдругъ,

не остановясь тамъ ни передъ кѣмъ, возвратился ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте спросить, родня вамъ Панаевъ инженерный?

— Родня, ваше величество.

— Далеко или близко?

— Довольно далеко.

— Однакожъ какъ?

— Мы троюродные.

Его величество, сдѣлавъ движеніе головою, опять отошелъ къ тѣмъ, которыхъ на минуту оставилъ.

Я тутъ же вспомнилъ, какъ вѣрно, за пять лѣтъ назадъ, предсказалъ мнѣ этотъ случай покойный князь Викторъ Павловичъ.

Чуть-чуть не забылъ разсказать объ одномъ весьма пріятномъ для меня событіи. Черезъ три недѣли по назначеніи меня директоромъ, въ пятницу на страстной недѣлѣ, возвратившійся отъ государя князь Петръ Михайловичъ передавалъ мнѣ доложенныя имъ бумаги, большею частію о наградахъ по министерству, такъ какъ это было передъ Пасхою, и вдругъ спросилъ меня:

— Вы имѣете Анну второй степени съ короною?

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

— Такъ государь вамъ ее пожаловалъ.

— Покорнѣйше благодарю за милостивое ходатайство.

— Не меня благодарите, а князя Кочубея?

Тутъ онъ подалъ мнѣ собственноручную записку князя Виктора Павловича, которою послѣдній, въ лестныхъ выраженіяхъ для меня, обращалъ вниманіе государя на труды мои по комитету. Вотъ она:

«Бывшій начальникъ отдѣленія въ удѣльномъ департаментѣ Панаевъ, занимался дѣломъ о земляхъ башкирцевъ, о правахъ ихъ на оныя и проч.

«Дѣло сіе, самое запутанное, преобширное и занимавшее разныя правительственныя мѣста болѣе 90 л., нынѣ оканчивается. Труды Панаева, который около пяти мѣсяцевъ занимался разборомъ бумагъ до дѣла сего относящихся и составленіемъ исторической записки, заслуживаютъ вниманія.

«Я долгомъ вмѣняю о семъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести.»

Подлинникъ хранится у меня съ прочими подобнаго рода бумагами, а въ сердцѣ — теплится чувство искренней благодарности къ государственному мужу, почтившему меня такимъ отзывомъ предъ лицемъ монарха.

8 іюля 1858 г.
с. Килимово.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ рукописи еще слѣдуетъ неоконченная глава V: „Продолженіе службы моей съ 1832 года по настоящее время", т. е. 1859 годъ. Но это — почти одинъ послужной списокъ автора, исчисленіе полученныхъ имъ орденовъ, указаніе обществъ, которыхъ онъ числился членомъ, виды въ будущемъ на повышеніе по службѣ и т. п. Все вмѣстѣ составляетъ около 14 страницъ разгонистаго почерка, которыя мы опускаемъ, какъ относящіяся къ личной службѣ автора; его же характеръ и качества достаточно обрисованы предъидущимъ разсказомъ, такъ-что послѣдняя глава не можетъ намъ представить ничего новаго. Мы имѣли уже случай выразить свой взглядъ вообще на мемуары; мы считаемъ мемуаръ современника не болѣе, какъ будущею работою для историка, которому предстоитъ одинаково изучать и эпоху, по свидѣтельству очевидца, и въ тоже время оцѣнивать свидѣтельство, по характеру свидѣтельствующаго лица. Въ исторіи, какъ и въ судебномъ слѣдствіи, мы обязаны выслушивать показанія всѣхъ, кого положеніе ставило въ возможность быть очевидцемъ. Если авторъ мемуаровъ иногда не является въ нихъ тѣмъ, чѣмъ намъ желательно было бы его видѣть, то и въ такомъ случаѣ нельзя не вмѣнить въ достоинство запискамъ такого автора именно то, что онъ не напалъ на мысль составить себѣ желаемую репутацію, т. е. не обманулъ своихъ читателей, и нарисовалъ вѣрный портретъ самого себя и цѣлаго кружка, въ которомъ онъ вращался, самъ почти не подозрѣвая выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы впослѣдствіи. Именно, этого мы не находимъ, напримѣръ, въ „Запискахъ" Вигеля, и именно этимъ отличаются „Воспоминанія" В. И. Панаева. Вотъ, по нашему мнѣнію, въ чемъ состоитъ ихъ право на извѣстное мѣсто въ ряду историческихъ мемуаровъ. При этомъ, долгомъ считаемъ напомнить „Предисловіе" автора, изъ котораго видно, что его задача первоначально ограничивалась тѣми страницами, которыя позже составили *третью* главу; предъидущее и послѣдующее за нею явилось уже послѣ; потому, собственно, одна третья глава составляетъ весь интересъ, но она осталась бы намъ менѣе понятною, если бы авторъ ограничился только ею.

Мы должны присоединить еще одно замѣчаніе, не смотря на то, что нами уже высказано выше, какъ слѣдуетъ относиться вообще къ мемуарамъ. Авторъ напечатанныхъ нами „Воспоминаній" не разъ отзывается о лицахъ, близкихъ къ намъ по времени съ характеромъ обвинителя и судьи. Читатель не разъ встрѣчаетъ въ „Воспоминаніяхъ" болѣе или менѣе тяжкія обвиненія лицъ, непріязненныхъ автору; мы оставили все это безъ измѣненія, именно потому, что всякая перемѣна или опущеніе съ нашей стороны равнялось бы желанію защитить автора и скрыть его слабыя стороны, представить его болѣе справедливымъ, добродушнымъ,

нежели какимъ онъ былъ на дѣлѣ; однимъ словомъ, поступивъ такъ, мы взяли бы читателя подъ свою опеку и предположили въ немъ ту наивность, которая смѣшиваетъ обвиняемаго съ обвиненнымъ. Авторъ „Воспоминаній", какъ и всякій составитель мемуаровъ, можетъ только *обвинять*, но самый приговоръ не принадлежитъ ему. Въ исторіи, какъ и въ судѣ, обвиняющій очень легко можетъ выти изъ суда самъ обвиненнымъ.

Напомнивъ, такимъ образомъ, нашимъ читателямъ о необходимости относиться критически вообще къ мемуарамъ, мы ограничимся въ заключеніе двумя примѣрами изъ самихъ же „Воспоминаній", и укажемъ именно на отзывъ ихъ автора о Дельвигѣ, Баратынскомъ и др. Дѣло объ исключеніи Баратынскаго изъ Пажескаго корпуса авторъ передаетъ безъ малѣйшаго замѣчанія съ своей стороны, безъ всякой оговорки, на которую имѣла бы полное право память всѣми уважаемаго поэта, его безупречная жизнь, благородный и честный характеръ. Такую оговорку можно вмѣнить въ обязанность всякому, кто не могъ бы избѣгнуть упоминовенія о проступкѣ отрочества Баратынскаго. Мы вообще не считаемъ справедливымъ при оцѣнкѣ цѣлой жизни человѣка добираться до эпохи его пеленокъ, и вырывая изъ нея отдѣльный фактъ намекать вообще на нравы и привычки человѣка; потому мы не думаемъ также, что способъ упоминовенія авторомъ имени Баратынскаго заслужитъ чье нибудь одобреніе. Многіе благополучно проходятъ свое отрочество, ихъ не исключаютъ изъ заведеній за пороки, но это нисколько не мѣшаетъ имъ впослѣдствіи запятнать всю свою жизнь; и наоборотъ, за самыми грубыми ошибками отрочества можетъ слѣдовать жизнь совершенно безукоризненная. А потому, нельзя не упрекнуть автора „Воспоминаній" въ томъ, что онъ привелъ голый и уединенный фактъ изъ отрочества Баратынскаго, и какъ бы тѣмъ хотѣлъ, чтобы поэта судили именно по этому одному факту. Внимательный читатель пойметъ легко, конечно, безъ нашихъ указаній, что, дѣйствительно, всякая оговорка со стороны автора, въ пользу Баратынскаго, была бы неудобна для достиженія главной цѣли; авторъ хотѣлъ не столько напомнить читателямъ всѣмъ извѣстную исторію изъ отрочества Баратынскаго, сколько сообщить черту изъ собственной жизни, а именно, что авторъ въ молодости избѣгалъ общества дурныхъ юношей. Впрочемъ, такимъ образомъ мы только объясняемъ, почему авторъ предпочелъ не дѣлать никакихъ замѣчаній въ пользу Баратынскаго, но вовсе не думаемъ оправдывать автора.

Мы слышали отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія, что недавно найдено весьма любопытное письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому, и въ немъ поэтъ разсказываетъ съ самою благородною и трогательною откровенностью всю свою печальную исторію четырнадцатилѣтняго юноши; впрочемъ, эта исторія оказывается печальною не столько для Баратынскаго, сколько для тѣхъ лицъ, которыя всегда не-

сутъ отвѣтственность за своихъ питомцевъ, истребляя иногда въ нихъ все прирожденное доброе и наталкивая на пороки своими дикими педагогическими пріемами и понятіями. Это письмо есть лучшее оправданіе для Баратынскаго, и память о немъ останется еще свѣтлѣе и чище въ глазахъ потомства, когда мы подумаемъ, что онъ обязанъ исключительно самому себѣ, твердости своего характера и силѣ разума, тѣмъ уваженіемъ, котораго заслужила вся его жизнь, какъ бы на-перекоръ всему, что онъ могъ почерпнуть изъ исторіи своего воспитанія. Ждемъ съ нетерпѣніемъ появленія этого письма въ печати: оно уже отправлено нынѣхъ въ редакцію одного изъ ученыхъ сборниковъ.

Отзывы В. И. Панаева о Л. А. Перовскомъ, подъ начальствомъ котораго авторъ служилъ въ 20-хъ одахъ, также, вѣроятно, обратятъ на себя вниманіе читателя; не имѣя возможности умолчать о хорошихъ сторонахъ его характера, онъ удивляетъ по временамъ отзывами о немъ весьма не лестными, трудно соединяемыми съ другими показаніями тогоже автора, а главное, ничѣмъ не доказанными въ текстѣ разсказа. Но читателю достаточно первыхъ строкъ на страницѣ 137, чтобы понять *inde irae:* авторъ въ третьемъ лицѣ говоритъ тамъ о самомъ себѣ.

28 октября, 1867.

IV.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

III *).

Пиринейскій полуостровъ представляетъ, относительно судьбы сельскаго населенія, оригинальное явленіе. Оно здѣсь уже очень рано, сравнительно съ прочими странами Европы, достигло извѣстной степени благосостоянія, и обязано было имъ — странно сказать — завоеванію полуострова аравитянами (711 г.). Послѣдователи Магомета, покоряя христіанское населеніе, обращались съ нимъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ германскіе завоеватели римскихъ провинцій. Они не только оставляли жителямъ Пиринейскаго полуострова ихъ собственность, суды, но не посягали даже на ихъ вѣру. Конечно, причиной этой гуманности была не особенная терпимость послѣдователей корана, а чистый матеріальный разсчетъ. Они имѣли въ виду — удержать туземное населеніе отъ переселеній, и не ошиблись въ разсчетѣ. Большая часть его предпочла остаться на своихъ прежнихъ мѣстахъ, подъ властью иновѣрческихъ покорителей, чѣмъ переселяться въ горы Астуріи къ своимъ единовѣрцамъ.

Но и положеніе этихъ послѣднихъ, въ особенности въ пер-

*) См. выше, т. III, отд. I, стр. 271 и слѣд.

вые два вѣка послѣ вторженія аравитянъ въ предѣлы вестготскаго государства, не способствовало развитію сословныхъ различій. Здѣсь повторилось то, что̀ мы видимъ всегда во время поголовныхъ общественныхъ бѣдствій: сословныя различія исчезаютъ; между богатымъ и бѣднымъ падаютъ, въ виду общихъ несчастій, воздвигнутыя, въ обыкновенныя времена, перегородки кастъ. И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ могъ отличаться, въ горахъ Астуріи, титулованный дворянинъ отъ своего бывшаго раба? И тотъ и другой искали, посреди неприступныхъ скалъ, спасенія и защиты отъ общаго врага; они оба принуждены были, съ мечомъ въ рукахъ, отражать его вторженія; и тотъ и другой должны были снискивать себѣ насущный хлѣбъ, посреди общихъ лишеній, упорнымъ трудомъ.

Существовала еще и другая причина, принуждавшая дворянъ и духовенство къ болѣе человѣческому обращенію съ крестьянами, бѣжавшими вмѣстѣ съ ними на сѣверъ Испаніи. Они питали надежду, что единовѣрцы ихъ, подпавшіе подъ власть аравитянъ, съ теченіемъ времени постараются перейти въ соплеменный имъ лагерь и общими силами имъ удастся возстановить прежнюю независимость страны. Конечно, узы вѣры и происхожденія способствовали отчасти осуществленію этихъ надеждъ, но онѣ однѣ не были вполнѣ достаточны для того, чтобы уравновѣсить переселеніе изъ богато-одаренной страны, въ которой онѣ пользовались независимостью, въ суровыя мѣстности сѣверной Испаніи подъ власть своихъ прежнихъ притѣснителей. Потому-то послѣднимъ пришлось какъ можно скорѣе забыть свои кулачныя привилегіи прежняго времени.

Къ этому присоединилось еще новое, совершенно мѣстное обстоятельство. Государства, возникшія на мѣстѣ вестготскаго королевства, могли легко обходиться безъ крѣпостныхъ изъ христіанъ. Состоя въ постоянной враждѣ съ поклонниками пророка, они пріобрѣтали крѣпостныхъ изъ мавровъ, попадавшихся въ плѣнъ. Военноплѣнные же, почти въ теченіе цѣлаго періода среднихъ вѣковъ, равно-какъ и жители покоренныхъ селъ и городовъ, представляли сильный, значительный контингентъ крѣпостныхъ.

Таковы были причины, по которымъ законодательство вестготовъ, сохранившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пиринейскаго полуострова въ теченіе пяти и даже болѣе вѣковъ послѣ разрушенія вестготскаго царства, и признававшее крѣпостное право кореннымъ закономъ, утратило, въ своемъ примѣненіи, прежнюю суровость, по крайней мѣрѣ относительно христіанскаго населенія страны.

Правда, это случилось не во всѣхъ провинціяхъ ея, и всего ме-

нѣе — въ покоренныхъ Карломъ Великимъ и сыномъ его Лудовикомъ частяхъ Испаніи, начиная отъ западныхъ Пиринеевъ до Эбро, Каталоніи и значительной части Аррагоніи. Хотя здѣсь немедленно введены были франкскія учрежденія, но крѣпостного права побѣдители не осмѣлились ввести въ самомъ началѣ, а постепенно, путемъ злоупотребленій и насилія. Въ первое время, напротивъ, Карлъ Великій старался, посредствомъ даровой раздачи во владѣніе поземельныхъ участковъ, привлечь на нихъ рабочія руки въ особенности изъ тѣхъ частей полуострова, которыя находились подъ владычествомъ аравитянъ, а сынъ его гарантировалъ этимъ переселенцамъ полнѣйшую свободу. Но если и при этихъ первыхъ Каролингахъ встрѣчались случаи порабощенія новыхъ переселенцевъ дворянами и чиновничествомъ, то при слабыхъ преемникахъ Карла, начиная съ половины IX-го вѣка, въ періодъ распаденія имперіи, и на территоріи франкской части Пиринейскаго полуострова повторяются тѣ же явленія захватовъ, которыя упомянуты были выше въ другихъ частяхъ наслѣдія Карла Великаго. Лукавствомъ и насиліемъ привилегированные классы отторгали у меньшей братіи сначала ихъ гражданскія права, а потомъ порѣшили и съ человѣческими, низведя ихъ на степень крѣпостныхъ и рабовъ. Впрочемъ, въ провинціяхъ прежней Карловой монархіи на Пиринейскомъ полуостровѣ число этихъ несчастныхъ стало раньше уменьшаться, чѣмъ въ другихъ ея провинціяхъ. Новые правители, сознавая необходимость оживить опустошенныя огнемъ и мечомъ страны, принуждены были, для привлеченія туда рабочихъ рукъ, гарантировать переселенцамъ не только предлагаемую имъ собственность, но и личную независимость и гражданскія права свободнаго человѣка.

Въ остальныхъ христіанскихъ государствахъ полуострова, не составлявшихъ прежде части монархіи Карла Великаго, люди жили въ состояніи первобытной дикости. Иначе и быть не могло: постоянныя распри, хищническіе набѣги аравитянъ могли имѣть только два исхода: страна была превращена въ пустыню, и покрывалась могильными курганами, или жители ея уводились въ неволю. Понятно, что если христіанскимъ королямъ удавалось захватить какую-нибудь территорію, то первою заботою ихъ и ихъ дворянъ было — достать руки для воздѣлыванія этихъ безплодныхъ пустынь. Современное законодательство свидѣтельствуетъ объ этихъ заботахъ многочисленными статьями, изданными съ этой цѣлью. Между прочими сохранилось, почти до конца среднихъ вѣковъ, право «мертваго огня». Этимъ именемъ называлось право каждаго, кто только расчистилъ подъ пашню запущенную землю, уничтоживъ огнемъ растущіе на ней кустар-

ники и сорныя травы, и потомъ засѣялъ ее — пріобрѣтать ее въ полную собственность. Даже настоящій собственникъ ея не имѣлъ права согнать захватившаго съ такого участка. Понятно, что, при подобномъ безлюдіи, законодательство, въ интересѣ собственниковъ, старалось заманить всѣхъ—кого природа надѣлила здоровыми мышцами — обѣщаніями лучшей участи, права пользованія плодомъ своихъ трудовъ и свободнаго распоряженія своею личностью.

Слѣдствіемъ сказаннаго былъ совершенно своеобразный складъ крестьянскаго сословія въ христіанской Испаніи именно въ ту эпоху, когда въ остальной Европѣ, и притомъ гораздо позже, подобными льготами пользовались только жители городовъ. Общественныя учрежденія въ городахъ и селахъ Испаніи и Португаліи не представляли между собою рѣзкихъ отличій, и между такъ-называемыми третьимъ и четвертымъ сословіями незамѣтно было на Йберійскомъ полуостровѣ значительныхъ контрастовъ въ то время, когда въ остальной Европѣ послѣднее сословіе не существовало еще по имени. Исторгнутыя изъ рукъ невѣрныхъ провинціи были удерживаемы королями-побѣдителями въ свою собственность, или же раздавались ими, въ видѣ леновъ, ихъ военачальникамъ, дворянамъ, духовнымъ, подъ условіемъ обработки земель и принятія на себя военной повинности съ полученнаго участка. Для привлеченія рукъ въ эти безлюдныя мѣстности, владѣльцы этихъ земель заключали обязательные для обѣихъ сторонъ контракты, въ силу которыхъ крестьяне пользовались извѣстными правами за платимыя ими землевладѣльцу повинности или работы. Договоры эти между заселителями (popladores) и новыми воздѣлывателями земли представляютъ самыя древнія деревенскія граматы (fueros), гораздо старѣе муниципальныхъ, городскихъ [1]).

Кромѣ указанныхъ выше трехъ видовъ основанія деревенскихъ общинъ — королемъ, дворянствомъ и духовенствомъ [2]) — встрѣчается еще на Пиринейскомъ полуостровѣ и четвертый. Случалось, что на исторгнутыхъ изъ рукъ сарацинъ, опустошенныхъ войною земляхъ, поселялись, по собственному влеченію, жители

---

[1]) Самая древняя городская грамата, принадлежащая городу Леону — 1020 года, между тѣмъ какъ есть деревенскій договоръ уже 824 г., заключенный крестьянами Браносера.

[2]) Когда король былъ землевладѣльцемъ, они назывались realengos; когда земля принадлежала дворянину — solariegos, а когда духовная корпорація или монастырь были ея владѣтелемъ—abadengos. Иногда случалось, что одно и то же село было на половину behetria, на половину abadengo; или одна часть его была solariego, а другая — realengo.

какого-либо чрезмѣрно населеннаго города или деревни. Для привлеченія и другихъ слѣдовать ихъ примѣру, имъ предоставлено было право самимъ избирать, изъ среды себя, покровителя (benefactor), обыкновенно владѣтеля замка, лежавшаго въ околодкѣ. Какъ бы въ вознагражденіе за защиту, имъ доставляемую во время набѣговъ аравитянъ, ему предоставлялось, особыми договорами, заключенными при выборѣ его, взимать извѣстную опредѣленную подать. Такія сельскія общества получили названіе benefactorias [1]). Такихъ behetrias было три рода: перваго рода, самыя привилегированныя были behetrias de mar à mar, жители которой имѣли право избирать своего benefactor'a отъ моря до моря; т. е. въ предѣлахъ всего полуострова. Второй видъ — behetrias de linage — когда жители обязаны были постоянно избирать benefactor'ами потомковъ мужескаго пола первоначально ими избраннаго лица; и наконецъ — behetrias de naturaleza, когда они должны были выбирать ихъ изъ туземныхъ жителей той провинціи, изъ которой выселились колонисты. Benefactor не имѣлъ права уступать своихъ правъ никому. Изъ сказаннаго можно уже заключить, какими существенными правами пользовались жители behetrias, существовавшими въ Кастиліи до второй половины XIV-го, а въ Португаліи даже до начала XVI-го вѣка.

Точно также, какъ жители behetrias, и остальные, вышеупомянутые три вида сельскихъ общинъ, пользовались полнѣйшей личной свободой. Нѣкоторые правители до-того простирали рвеніе свое къ заселенію пустопорожнихъ мѣстъ, что гарантировали не только крѣпостнымъ, но даже преступникамъ полную свободу и безнаказанность, если они изъявляли свое согласіе на переселеніе. Право востребованія назадъ бѣжавшихъ отъ своихъ помѣщиковъ крѣпостныхъ было въ упомянутыхъ выше fueros положительно запрещено и допускалось въ видѣ рѣдкихъ и кратковременныхъ изъятій. Кромѣ этого, въ fueros положительно было опредѣлено, что сельскія общины, подобно городскимъ, имѣли право назначенія своихъ чиновниковъ, въ особенности избранія судей. Нерѣдко даже запрещалось землевладѣльцу присутствовать при произнесеніи приговора. Воздѣланныя новыми поселенцами поля не принадлежали имъ въ собственность, а состояли въ ихъ потомственномъ владѣніи, съ правомъ отчужденія и увеличенія участковъ, путемъ покупокъ, конечно съ передачею преемнику всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ

[1]) Изъ этого слова произошло впослѣдствіи испорченное слово behetria, которое иные производятъ отъ баскскаго: bere tiria — независимая община или городъ.

владѣніемъ. Такимъ образомъ, они были наслѣдственными арендаторами. Посредствомъ fueros жители этихъ вновь основываемыхъ селеній освобождались отъ тяжелыхъ и ненавистныхъ податей, вытекавшихъ изъ ленныхъ и крѣпостныхъ отношеній. Такъ, droit de meilleur catel (см. стр. 213-ю тома II-го) было неизвѣстно на Пиринейскомъ полуостровѣ, равно-какъ и право первой ночи, исключая одной только провинціи. Нерѣдко крестьяне освобождались этими fueros и отъ тяжелаго, лежавшаго на сельскомъ населеніи другихъ странъ Европы до XVIII вѣка, обязательства — продавать сельскія произведенія свои помѣщику прежде, чѣмъ прочимъ покупщикамъ, и притомъ за произвольно имъ назначенную, конечно низшую противъ рыночной, цѣну (въ Германіи право это называлось Verkaufsrecht). Съ этимъ въ непосредственной связи находилось запрещеніе крестьянамъ покупать что-либо на рынкѣ, или даже вообще въ деревнѣ прежде, чѣмъ помѣщикъ запасется ему необходимымъ. Правда, въ нѣкоторыхъ граматахъ эти права помѣщики оставляли за собою, въ особенности въ Португаліи.

Выше было уже упомянуто, что главною и общею обязанностью (отъ нея не были освобождены первоначально даже духовные) была воинская повинность. Необходимость ея въ то время вытекала изъ необезпеченности недавно отторгнутыхъ отъ аравитянъ странъ, подвергавшихся постояннымъ вторженіямъ ихъ. Поэтому неудивительно, что въ fueros нетолько эти воинскія обязанности, но даже подробно опредѣлялись должности, занимаемыя отдѣльными личностями въ средѣ ополченія. Всадники, выступавшіе въ походъ на конѣ (caballeros) и, слѣдовательно, несшіе самую тяжелую повинность въ военное время, освобождались отъ многихъ податей, лежавшихъ на пѣхотинцахъ (peones), и пользовались нѣкоторыми судебными привилегіями. За неисполненіе воинской повинности взимались денежныя пени, поступавшія въ пользу главы государства, который, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ уменьшенія потребности поголовнаго вооруженія, слагалъ ее съ нѣкоторыхъ лицъ за уплату денежной подати.

Личныя и вещественныя послуги, опредѣляемыя fueros'ами, были тоже умѣренны сравнительно съ существовавшими въ это время въ другихъ странахъ Европы. Въ особенности легки онѣ были въ помѣстьяхъ королевскихъ — realengos; нѣсколько обременительнѣе въ abadengos и solariegos. Въ первыхъ онѣ рѣдко превосходили 3 или 4 барщинные дня въ годъ; въ послѣднихъ доходили до одного дня въ мѣсяцъ. Всегда землевладѣлецъ обязанъ былъ прилично и не скупо кормить барщинниковъ. Работы

состояли изъ полевыхъ, подводной повинности и посылокъ (послѣднія имѣли нерѣдко значеніе почтовой гоньбы, въ ту пору несуществовавшей); иногда это были послуги при охотѣ, рыбной ловлѣ, постройкахъ. Послѣднія лежали, впрочемъ, не на одномъ только сельскомъ населеніи, но и на городскомъ, и были слѣдствіемъ поголовной воинской повинности и постоянно грозившихъ нападеній аравитянъ. Какъ ни ненавистны были онѣ народу, но предназначенныя на постройку, поддержаніе и починку замковъ и городскихъ стѣнъ, за которыми все населеніе искало защиты и спасенія во время набѣговъ сарацинъ, ихъ нельзя было считать очень несправедливыми и несоразмѣрно тягостными. Когда (въ 1212 г.) битвою на равнинахъ Толедо былъ окончательно упроченъ перевѣсъ христіанскаго оружія, подобныя вооруженныя мѣста сдѣлались менѣе необходимыми, и прежнія барщины для этой цѣли стали замѣняться легкимъ денежнымъ оброкомъ.

Изъ вещественныхъ повинностей главною была обязанность крестьянина (обыкновенно одинъ разъ въ годъ), доставить землевладѣльцу и его свитѣ помѣщеніе и содержаніе, когда онъ являлся въ деревню для произнесенія суда и расправы. Впрочемъ, обязанность эту (называемую на Пиринейскомъ полуостровѣ jantar — вѣроятно отъ латинскаго jentare, завтракать, — а въ Арагоніи — cena) крестьянинъ несъ наравнѣ съ другими классами населенія, не исключая даже духовныхъ. Повинность эта вынуждена была несуществованіемъ въ ту пору гостинницъ. Но и она была, вслѣдствіе вымогательства мелкаго чиновничества, переложена вскорѣ на деньги, въ особенности въ имѣніяхъ королевскихъ. Другія натуральныя повинности, напр., обязанность португальскихъ крестьянъ доставлять землевладѣльцу желѣзо для подковъ и т. п., были мало-по-малу замѣняемы денежными взносами. Вообще на Пиринейскомъ полуостровѣ замѣтно рано стремленіе крестьянъ перелагать лежавшія на нихъ личныя и вещественныя подати на деньги, и нѣкоторымъ обществамъ удалось съ самаго ранняго времени освободиться отъ всѣхъ возможныхъ видовъ барщины взносомъ опредѣленной подымной и поземельной подати.

Всѣми этими облегченіями въ судьбѣ крестьянъ Пиринейскаго полуострова они были обязаны по преимуществу fueros'амъ, этимъ граматамъ, которыя заключались между землевладѣльцами и воздѣлывателями земли. Впрочемъ, были нѣкоторыя христіанскія провинціи полуострова, прежде подвластныя франкскому владычеству, которыя представляли печальное исключеніе изъ изображеннаго выше порядка вещей. Такъ, въ Каталоніи и Арраго-

ніи крѣпостное право не только проявлялось въ своей обычной, жестокой и безчеловѣчной формѣ, но кромѣ того оно сохранилось до исхода среднихъ вѣковъ. Грабежъ и насилія были здѣсь не только допущены на дѣлѣ, но даже освящены закономъ; droit de meilleur catel, право первой ночи и прочія дворянскія забавы на счетъ личности и имущества ближняго, были здѣсь въ полномъ ходу!! Возстанія крестьянъ, вызванныя этимъ гнетомъ, кончились бы, вѣроятно, ухудшеніемъ ихъ быта, еслибъ, къ счастію сельскаго населенія этихъ двухъ провинцій, въ концѣ XV-го вѣка, королевская власть не окрѣпла на столько, что была достаточно сильною, чтобы противостоять строптивому дворянству, прежде ее поработившему. Съ помощью знаменитаго министра Ксименеса, Изабеллѣ и Фердинанду Католическимъ удалось, послѣ взятія Гренады (1492), при посредствѣ и помощи городовъ, приступить къ трудной задачѣ улучшенія быта сельскаго населенія этихъ двухъ провинцій. Уже въ 1483 году Фердинандъ сдѣлалъ первый шагъ на пути добровольныхъ сдѣлокъ между землевладѣльцами и ихъ крѣпостными. Три года переговоровъ съ первыми не привели однако къ желаемому результату, пока сильныя давленія доведеннаго до отчаянія сельскаго населенія, не заставили упрямыхъ кастильскихъ бароновъ пойти на уступки. Въ апрѣлѣ 1486 г. изданъ былъ наконецъ законъ, въ силу котораго каталонскимъ крестьянамъ разрѣшено было приступить къ выкупу своей личной зависимости и барщинныхъ послугъ, посредствомъ ежегоднаго взноса шестидесяти барцелонскихъ суэльдовъ — подати довольно умѣренной, которая могла быть притомъ и капитализирована. Поставленные подъ защиту короны, крестьяне этихъ провинцій сдѣлались наконецъ свободными гражданами и послѣдніе слѣды крѣпостного права исчезли съ территоріи Пиринейскаго полуострова.

Но благоденствіе это не было продолжительно. Внукъ и преемникъ Фердинанда Католическаго, Карлъ I, характера въ высшей степени честолюбиваго, мечталъ объ осуществленіи всемірной монархіи. На пути къ этой цѣли ему пришлось испытать, что даже въ самой Испаніи власть его была ограничена, ибо когда онъ, послѣ кончины другого своего дѣда, императора Максимиліана I, былъ избранъ на нѣмецкій престолъ, испанцы воспротивились принятію имъ этого выбора. Они справедливо замѣтили, что съ нимъ сопряжено было бы больше мнимыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ преимуществъ. Притомъ, по древнему кастильскому закону, государь не имѣлъ права оставлять территорію страны безъ разрѣшенія государственныхъ чиновъ, и когда Карлъ V, не стѣсняясь этимъ постановленіемъ, отплылъ въ Гер-

манію, главнѣйшіе города полуострова возстали, избрали хунту, немедленно обратившуюся къ Карлу съ требованіемъ возвратиться въ страну, притомъ подъ условіями, довольно оскорбительными для императорскаго величества. Несмотря на то, что возстаніе это отличалось сильнымъ антидворянскимъ оттѣнкомъ, дворянство, недовольное само предпочтеніемъ, оказываемымъ Карломъ нидерландцамъ, оставалось спокойнымъ зрителемъ совершавшагося вокругъ нихъ движенія, пока города, поощренные удачами, не проявили намѣренія потребовать себѣ обратно королевскія помѣстья, перешедшія къ грандамъ, и составлявшія болѣе двухъ вѣковъ яблоко раздора между обоими сословіями. Дворянство, взявшись теперь за оружіе, и соединившись съ намѣстниками Карла, не мало способствовало одержанію побѣды послѣднимъ (23 апрѣля, 1521) при Виллалярѣ, надъ возставшими гражданами, потерявшими здѣсь свою прежнюю независимость; ибо, хотя Карлъ V поступилъ съ ними довольно снисходительно, помиловалъ вскорѣ большую часть ихъ, однако онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользовался предлогомъ лишить горожанъ на будущее время ихъ прежнихъ политическихъ правъ, неразъ мѣшавшихъ ему осуществлять его деспотическіе замыслы. Битва при Виллалярѣ раздвинула еще больше бездну, существовавшую между грандами и горожанами, и очень способствовала осуществленію политики Карла V — сдѣлать, прежде столь строптивые и могущественные, кортесы слѣпымъ орудіемъ его воли, подобно рабски-безотвѣтнымъ нѣмецкимъ сеймамъ того времени. Напрасно горожане старались отстоять свои прежнія права противъ насилія правительства: неподдержанные ни духовенствомъ, совершенно преданнымъ Карлу, ни дворянствомъ, которое они вооружили противъ себя, и потомъ слишкомъ гордые, чтобы заискивать его расположенія, они не устояли противъ напора деспотизма. Испанія представляетъ собою самый разительный примѣръ, оправдываемый и судьбой другихъ странъ, но не такъ наглядно и рѣзко, справедливости начала, признаннаго теперь неопровержимымъ, именно: что система правительства, государственныя и общественныя учрежденія страны, оказываютъ на сельское хозяйство ея гораздо большее и сильное вліяніе, чѣмъ торговля и промышленность, большее даже, чѣмъ самый климатъ и свойство почвы. Сельское хозяйство болѣе всего процвѣтаетъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ ежедневный опытъ, не въ странахъ благословенныхъ природой, а въ тѣхъ, которыя управляются лучше другихъ. Сельское хозяйство, равно-какъ и промышленность, болѣе всего нуждаются въ свободѣ и охраненіи гражданскихъ правъ. Изъ всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ по-

стичь эти два вида человѣческой дѣятельности, нѣтъ горшаго, какъ дурное правительство. Даже революціи и войны оставляютъ еще исцѣлимыя язвы, между тѣмъ какъ дурное правительство безвозвратно губитъ народъ и страну.

Выше было уже замѣчено, что въ разсматриваемый періодъ времени въ Испаніи не существовало большой разницы между сельскими и городскими общинами. Большая часть льготъ, которыя послѣднія выговаривали себѣ въ fueros'ахъ, предоставлялась и первымъ; потому-то, начиная съ конца XII-го вѣка, въ кортесахъ, рядомъ съ выборными городовъ, сидѣли и депутаты деревень и мѣстечекъ; въ договорахъ, заключаемыхъ испанскими городами, въ теченіе среднихъ вѣковъ, съ цѣлью охраненія своихъ привилегій противъ нарушенія ихъ короной и дворянами, принимали нерѣдко участіе и деревни; разбитое на поляхъ Вилларяра войско юнты состояло по преимуществу изъ крестьянъ. Но не только одни эти обстоятельства были причиной, по которой униженіе городовъ отозвалось такимъ тяжелымъ гнетомъ на судьбѣ сельскаго населенія. Нѣтъ, болѣе всего способствовало этому обстоятельство, что Карлъ и его преемники на испанскомъ престолѣ, желая помирить дворянъ—единственный классъ народа, интересы котораго они считали себя обязанными нѣсколько щадить, съ фактическимъ исключеніемъ его, наравнѣ съ прочими, отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, и съ поголовнымъ произволомъ своей администраціи, отдали имъ на жертву людей, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Подобно тому, какъ короли попирали права кортесовъ и fueros'ы городовъ, съ такимъ же точно произволомъ разрѣшено было королями дворянамъ обращаться съ fueros'ами крестьянъ!!

Подъ ударами этой коварной и недостойной честнаго правительства политики, разрушено было древнее устройство городскихъ и деревенскихъ общинъ Испаніи. Какъ испанскіе Габсбурги лишили города и принадлежащія коронѣ помѣстья гарантированныхъ имъ fueros'ами правъ избранія судей и мѣстныхъ чиновниковъ, замѣнивъ ихъ назначаемыми по своему благоусмотрѣнію, или продавая ихъ должности болѣе предлагающему, или даже передавая ихъ въ наслѣдственное пользованіе своихъ любимцевъ, такъ точно поступали и испанскіе гранды въ своихъ помѣстьяхъ. Въ теченіе XVI-го вѣка, патримоніальный судъ и расправа смѣнили въ селахъ прежніе выборные суды и должности, и послѣдствія этого нововведенія оказались здѣсь такъ же гибельны для страны, какъ и въ городахъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ, съ половины XVI-го до половины XVIII-го вѣка, сельское населеніе Испаніи, лишенное всякой законной защиты

и прежняго представительства, отданное на произволъ мелкихъ и крупныхъ тирановъ, испытывало всѣ ужасы неволи и произвола. Но еще болѣе вредное, чѣмъ нарушеніе fueros'овъ, вліяніе оказали на судьбу крестьянъ двѣ дворянскія привилегіи: майораты и mesta. Несмотря на то, что большая часть сельскаго населенія полуострова въ концѣ среднихъ вѣковъ состояла изъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, встрѣчается однако между ними и довольно значительное количество мелкихъ собственниковъ-земледѣльцевъ, которые, пользуясь затруднительнымъ денежнымъ положеніемъ короля, выкупали у него въ собственность участки, до того снимаемые ими у правительства. Эти задатки независимаго и обезпеченнаго крестьянскаго сословія были убиты въ самомъ началѣ весьма вреднымъ нововведеніемъ Фердинанда Католическаго—правомъ дворянства учреждать майораты, съ запрещеніемъ отчуждать ихъ (1505), дарованнымъ недовольному его управленіемъ и строптивому дворянству, съ цѣлью его обузданія и обезоруженія. Понятно, что всѣ члены его, желая придать имени своему особенный блескъ, старались учреждать майоратства. Не трудно представить себѣ слѣдствія подобной маніи: большая часть Испаніи находилась уже и прежде въ мертвыхъ, непроизводительныхъ рукахъ духовенства; въ теченіе XVI и XVII вѣковъ число помѣстій, принадлежащихъ духовенству, еще больше увеличилось посредствомъ зловреднаго обычая, порожденнаго примѣромъ двора, отказывать свои имѣнія по духовнымъ завѣщаніямъ въ пользу монастырей и на украшеніе церквей. Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ парализовать накопленіе значительной части недвижимой собственности въ рукахъ, неспособныхъ къ работѣ, и уклонившихся отъ уплаты податей—былъ бы переходъ свободный отъ монастырскаго захвата недвижимой собственности въ руки трудолюбивыя и платящія подати. Учрежденіе майоратовъ сдѣлало это совершенно невозможнымъ. Владѣтели майоратовъ не только не продавали своей недвижимой собственности, но даже, движимые дворянскимъ честолюбіемъ, старались увеличивать ее, скупая участки у поселянина, вынужденнаго за-частую продавать ихъ по очень низкой цѣнѣ, лишь бы уплатить тяжелыя подати и накопившіяся недоимки.

Не менѣе пагубное вліяніе на развитіе свободнаго сельскаго населенія оказала такъ-называемая mesta. Въ теченіе вѣковой брани между христіанами и маврами образовался обычай превращать значительную часть полей и виноградниковъ въ выгоны для многочисленныхъ стадъ овецъ. Такъ-какъ первымъ дѣломъ вторгающагося непріятеля было—опустошеніе полей, то понятно,

что гораздо практичнѣе было оставлять ихъ подъ пастбища овецъ, которыя, при приближеніи непріятеля, могли быть угоняемы, если для этого не было никакихъ преградъ, рвовъ, заборовъ, которые и запрещено было устраивать. Во время этихъ вынужденныхъ перекочевокъ овцеводы сдѣлали открытіе, что отъ постоянной перемѣны воздуха и пищи, мясо этихъ животныхъ дѣлается вкуснѣе, а руно тоньше, нѣжнѣе. Провинціи южной и средней Испаніи покрылись вскорѣ многочисленными стадами кочующихъ овецъ, которыя, пасясь на изобилующихъ травами горахъ Леона, Бургоса, Толедо, Куэнки и проч., въ началѣ осени спускались въ южныя провинціи Эстрамадуры, Андалузіи, и въ апрѣлѣ опять поднимались въ горы. Такое смѣшеніе и соединеніе этихъ кочующихъ стадъ называлось mesta, и съ теченіемъ времени этимъ словомъ стали обозначать самое право, предоставленное владѣльцамъ стадъ кормить ихъ, во время ихъ прогона, на поляхъ, лежащихъ подъ паромъ. Такъ-какъ послѣднія запрещено было огораживать (по причинамъ, указаннымъ выше), то не трудно представить себѣ, какія злоупотребленія были послѣдствіемъ этого обычая. Онъ не былъ отмѣненъ и послѣ сверженія ига аравитянъ, когда прежде разрозненныя части полуострова были соединены подъ однимъ скипетромъ христіанскаго государя, и когда причина, его вызвавшая, не существовала болѣе. Личный интересъ монарха и привилегированныхъ классовъ, издающихъ законы въ виду личныхъ интересовъ, а не блага общаго, противился уничтоженію этого обычая. Первый владѣлъ самъ многочисленными стадами мериносовъ, и кромѣ того собиралъ значительныя пошлины съ прогоняемыхъ овецъ; привилегированные же классы — дворянство и духовенство, недовольные корыстью, извлекаемою ими изъ права, вытекавшаго для нихъ какъ частнаго владѣльца овецъ, составили еще (въ началѣ царствованія Филиппа II) огромное общество изъ грандовъ, епископовъ и настоятелей монастырей, для эксплуатаціи беззащитныхъ земледѣльцевъ посредствомъ пользованія правомъ mesta en grand!! Никакія представленія и просьбы сельскаго населенія не были приняты во вниманіе! Напротивъ, какъ будто въ отвѣтъ на нихъ, статутами этого новаго общества оно было объявлено совершенно независимымъ отъ всѣхъ, даже самыхъ высшихъ учрежденій государственныхъ, имѣло право издавать законы и судиться своимъ собственнымъ судомъ!!! Такимъ образомъ, эта ватага грабителей была судьею въ собственномъ дѣлѣ.... Чиновники этого послѣдняго общества сдѣлались вскорѣ бичемъ края: ихъ боялись болѣе, чѣмъ воровъ и разбойниковъ, потому-что расправа и судъ совершались ихъ же господами. Трудно

представить себѣ монополію болѣе возмутительную, произвольную и болѣе вредную для сельскаго хозяйства.

Отдаленному, безпристрастному повѣствователю этихъ безчинствъ трудно скрыть удовольствіе, имъ овладѣвающее, при мысли, что онѣ не остались безъ весьма печальныхъ послѣдствій для ихъ виновниковъ. Угнетеніе многочисленнаго и самаго необходимаго, какъ болѣе другихъ работающаго, класса народа, отданнаго на жертву трутнямъ-монахамъ и высокомѣрному, бѣгающему отъ труда дворянству, сказалось прежде всего на такихъ сильныхъ владыкахъ, какими были въ ту пору испанскіе Габсбурги, сильнѣйшіе деспоты того времени. При восшествіи на престолъ Филиппа II (1556), кромѣ испанской короны, въ его власти находились: Неаполь, Сицилія, островъ Сардинія, Ломбардія, 18 нидерландскихъ провинцій, и позднѣе (1580) Португалія. Къ матеріальнымъ средствамъ этихъ странъ слѣдуетъ присоединить еще сокровища вновь открытаго Новаго Свѣта. И несмотря на эти, повидимому, неисчерпаемыя богатства, Филиппъ II, начиная съ первыхъ годовъ своего царствованія, не выходя изъ денежныхъ затрудненій, нѣсколько разъ доходилъ до банкротства, и наконецъ оставилъ управляемыя имъ страны въ разстройствѣ, кончившемся истощеніемъ, политическимъ маразмомъ при Карлѣ II (1665 — 1700), послѣднемъ и самомъ ограниченномъ испанскомъ Габсбургѣ. Конечно, частыя войны, которыя велъ Филиппъ II и его преемники, безсмысленная и безграничная расточительность двора, изгнаніе морисковъ (1609), близорукая финансовая и колоніальная система этихъ правителей, не мало способствовали государственному разстройству. Но всѣ эти обстоятельства, сами по себѣ важныя, не могли бы такъ разрушительно дѣйствовать на государственный организмъ, еслибъ онъ не былъ истощенъ внутреннею язвой: систематическимъ и продолжительнымъ порабощеніемъ и экономическимъ растлѣніемъ двухъ самыхъ производительныхъ элементовъ государственнаго организма — городского и сельскаго сословія. Могли ли они способствовать благу его, когда дѣятельность ихъ была парализована, когда плодами ея пользовались ихъ притѣснители, смотрѣвшіе на этихъ паріевъ труда, какъ на дойную корову? Мы видѣли выше, что и Франція была обезсилена, въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, продолжительными войнами, внутренними смутами, расточительностью двора, фанатизмомъ, изгнавшимъ многочисленныхъ и самыхъ полезныхъ гражданъ ея за предѣлы родины, но все-таки страна эта не впала въ маразмъ, изъ котораго Испанія не въ силахъ выйти еще и теперь. Было бы очень несправедливо, какъ это приходится часто слышать, обвинять въ

этомъ печальномъ явленіи народный характеръ, врожденную лѣность испанцевъ. Кому неизвѣстно, какое мощное вліяніе оказываютъ на народы правительства и религія? Противостоять этимъ двумъ сильнымъ факторамъ не въ силахъ массы народныя; развитіе ихъ и примѣненіе ихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ условливаются этими двумя рычагами. Смотря на народъ испанскій съ этой точки зрѣнія, нельзя не придти къ убѣжденію, что недостатокъ энергіи и охоты къ труду, замѣчаемый въ немъ съ половины XVI вѣка, есть недостатокъ не прирожденный, а привитый ему извнѣ, можно сказать — насильно. Народъ, въ теченіе семи вѣковъ боровшійся за родную территорію, превратившій пустыни въ садъ Европы, открывшій и потомъ покорившій Новый Свѣтъ, народъ, въ теченіе цѣлаго вѣка удержавшій господство въ Европѣ, солдаты и матросы котораго считались и въ періодъ его упадка самыми храбрыми и искусными, нельзя обвинять въ лѣности. Нѣтъ, кто имѣлъ случай наблюдать его умѣренность, терпѣніе, воздержанность, способность переносить лишенія и опасности, тотъ не рѣшится обвинять испанцевъ въ прирожденной лѣности, плодѣ изнѣженности, малодушіи и трусости. Испанцамъ, тираніею и неспособностью ихъ правителей изъ дома Габсбурговъ (исключая Карла V), лѣность была привита. Послѣднихъ можно обвинять въ томъ, въ чемъ съ полнымъ правомъ можно попрекнуть испанцевъ относительно обитателей Новаго Свѣта. Подобно испанцамъ въ Америкѣ, Филиппъ II и его преемники искали всѣми мѣрами растлить своихъ подданныхъ физически и нравственно, чтобы облегчить заботы правленія. Убивши въ испанцахъ человѣческое достоинство, обративши ихъ въ безмолвныхъ рабовъ, раболѣпствовавшихъ передъ ними какъ передъ идолами, они создали порядокъ вещей, при которомъ всякій народъ, даже самый предпріимчивый, погрязъ бы въ лѣности и тунеядствѣ. Въ странѣ, гдѣ народъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ препятствія, гдѣ онъ лишенъ всякой возможности употреблять свои силы для самого себя, онъ конечно кончаетъ тѣмъ, что теряетъ охоту, и совершенно справедливо, жертвовать ими для служенія другимъ, въ особенности если эти другіе — его притѣснители и эксплуататоры, мѣшающіе ему, несмотря на крайнее напряженіе его способностей и силъ, выйти изъ нищеты на путь, на которомъ возможно удовлетвореніе по крайней мѣрѣ насущныхъ его потребностей. Ослѣпленные деспотизмомъ, испанскіе Габсбурги и не подозрѣвали, кажется, что ихъ страшная политика разоряетъ не только безотвѣтный народъ, но доводитъ государство и ихъ династію до погибели. И какими мѣрами мечтали эти близорукіе правители

спасти отъ нея страну и собственный тронъ?? Предположеніемъ поручить управленіе военными и морскими силами и финансами Испаніи каѳедральнымъ соборамъ: Толедскому, Севильскому и Малагскому!!!.. Но почему, спроситъ каждый? По очень простой причинѣ: потому-что первый изъ этихъ соборовъ лежитъ въ центрѣ страны; потому-что второй изъ нихъ находится вблизи двухъ морей, и слѣдовательно, представляетъ всѣ условія для управленія морскою частью, и наконецъ потому еще, что послѣдній, какъ приморскій, представляетъ всѣ данныя для охраненія и защиты береговъ!!.. И это не сказка, а положительный историческій фактъ!

Нищета Испаніи сказалась прежде всего въ страшномъ уменьшеніи ея населенія. Число жителей ея, при началѣ правленія Филиппа II, превосходило десять милліоновъ; въ концѣ его (1594 г.) уменьшилось до 8, а при исходѣ правленія Карла II (1702) едва простиралось до 5 мил. 700 тысячъ. Весьма ошибочно было бы предполагать, что уменьшеніе это произошло отъ изгнанія морисковъ, или отъ переселеній, вызванныхъ вновь открытыми странами Америки, или близостью и привлекательностью Неаполя. Что касается числа жертвъ религіознаго преслѣдованія, то оно, какъ увидимъ, вовсе не достигло той крупной суммы, на которую указываютъ обыкновенно. Очевидно, она преувеличена. Затѣмъ, что касается переселеній испанцевъ въ чужіе края, то они совершались чаще всего не столько по причинѣ привлекательности этихъ странъ для нихъ, сколько подъ вліяніемъ невозможности жить на родинѣ, при тяжелой, нестерпимой обстановкѣ родного произвола, насилія и эксплуатаціи. Что равнодушіе къ родинѣ не было побудительной причиной этихъ переселеній, это видно уже изъ факта, что въ теченіе XVII и началѣ XVIII столѣтій множество испанцевъ «добровольно» являлись на галеры, предпочитая, такимъ образомъ, жизнь каторжника существованію, такъ-называемаго, свободнаго человѣка подъ законами, изданными деспотическимъ правительствомъ и привилегированными классами. Послѣ этого факта нельзя попрекать испанскаго крестьянина въ легкомысленномъ равнодушіи къ родинѣ: во имя привязанности къ ней онъ предпочиталъ галеры существованію свободнаго человѣка внѣ ея предѣловъ. Притомъ, еслибъ влеченіе къ чужимъ краямъ было дѣйствительно главнѣйшею побудительною причиной переселеній, то оно вѣроятно не замедлило бы сказаться особенно въ ту минуту, когда новооткрытыя страны, съ ихъ непочатыми еще сокровищами, представляли для испанскаго крестьянина болѣе всего соблазна и привлекательности, когда онѣ, недостаточно изслѣдованныя,

рисовались въ его воображеніи какимъ-то Эльдорадо. Между тѣмъ изъ приведенныхъ выше данныхъ мы видимъ, что самое значительное уменьшеніе населенія замѣтно при Филиппѣ II и въ XVII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, когда испанцы уже успѣли ближе познакомиться съ Америкой, потерявшей черезъ это для нихъ всю прелесть новизны. Не менѣе подтверждаетъ высказанный выше взглядъ и то обстоятельство, что толпы иностранцевъ, искавшихъ счастія въ Испаніи, оставляли ее тотчасъ, какъ только имъ удавалось зашибить деньгу. Такъ-какъ явленіе это повторялось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, почти безъ [illegible]ній, то объяснить его можно развѣ государственнымъ строемъ страны, не представлявшей никакой гарантіи личности и собственности. И въ самомъ дѣлѣ, правительство дѣлало все, чѣмъ можно только подорвать кредитъ страны; оно вдругъ удвоило, а когда выходка эта ему удалась, учетверило и даже упятерило цѣнность мѣдной монеты. Какое было слѣдствіе этой мѣры? Голландцы наводнили полуостровъ мѣдными деньгами, а серебро сдѣлалось такъ рѣдко, что даже дворъ платилъ за него 40 процентовъ лажа, и въ цѣлой Кастиліи нельзя было найти ни реала, несмотря на то, что изъ Америки приплывали цѣлыя флотиліи, нагруженныя серебромъ. Кромѣ этого, правительство считало себя въ правѣ обращаться къ слѣдующимъ мѣрамъ: оно не платило долга государственнымъ кредиторамъ; захватывало, въ портахъ, слитки серебра и звонкую монету, приходившія изъ Индіи на имя частныхъ людей, выдавая имъ за это облигаціи, которыя очень рѣдко выкупались. Подати съ предметовъ потребленія были увеличиваемы произвольно и въ ужасающей прогрессіи: такъ, акцизъ съ фунта говядины поднятъ былъ съ одного мараведи до семи! Параллельно съ этимъ обременялись новыми налогами торговля, промышленность и сельское хозяйство. Неудивительно, что при этихъ организованныхъ въ систему грабежахъ правительства, народонаселеніе Испаніи уменьшалось преимущественно въ тѣхъ слояхъ его, которые осуждены были существовать личнымъ трудомъ, и въ особенности между поселянами. Такъ, въ епископствѣ Саламанка, въ періодъ времени съ 1600 по 1619 г., число крестьянъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину; въ это же самое время изъ 400 деревень, разбросанныхъ на пространствѣ королевства Гренады, этого сада Испаніи, осталось едва 260, т. е. около $^1/_3$ исчезло. Путешественникъ того времени не встрѣчалъ на протяженіи 5—6 миль ни клока воздѣланной земли, ни одного человѣческаго жилища. Въ провинціи Сеговіи была даже полоса въ 24 мили въ окружности, по причинѣ безлюдія носившая до начала текущаго столѣтія названіе большой пустыни;

въ окрестностяхъ Севиллы въ 1680 г. воздѣлывалась только $^1/_{20}$ часть земли, обработывавшейся за полвѣка передъ тѣмъ, въ 1630 г. Въ Эстремадурѣ населеніе едва достигало 184 человѣкъ на испанскую квадратную милю!! Послѣдній фактъ осязательнѣе всякихъ разсужденій доказываетъ страшныя послѣдствія привилегій mesta, ибо провинція эта была искони, уже во времена римлянъ, готовъ и мавровъ, житницей полуострова, и могла бы, по плодородію почвы, питать треть населенія всей Испаніи! Но такъ-какъ арендаторы той провинціи обязаны были оставлять земли подъ пастбища 4-хъ милліоновъ овецъ, то Эстремадура принуждена была, ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, пріобрѣтать покупкой хлѣбъ для своего столь рѣдкаго населенія. Продолжительность этого бѣдствія объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: общество mesta, при самомъ началѣ своей постыдной дѣятельности, слѣдовательно въ XVI вѣкѣ, заключило съ провинціей Эстремадурой договоръ, въ силу котораго компанія имѣла право, за плату шести реаловъ отъ каждой овцы, пасти свои безчисленныя стада, въ теченіе цѣлой зимы, на территоріи этой провинціи. Одною изъ статей этого контракта было опредѣлено, что онъ долженъ длиться до тѣхъ поръ, пока условленная плата за пастбища вносится точно. Такъ-какъ въ интересѣ этой честной компаніи было уплачивать ее аккуратно, то плодородныя нивы Эстремадуры, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, обречены были, за ничтожную плату, питать этихъ овецъ. Всѣ усилія несчастныхъ жителей уничтожить договоръ остались тщетными, равно-какъ и старанія ихъ, по крайней мѣрѣ, увеличить условленную плату соотвѣтственно значительно уменьшившейся въ теченіе двухъ вѣковъ цѣнности денегъ, оказались безуспѣшными почти до конца XVIII вѣка. Гранды и попы, благородные члены этого постыднаго общества, умѣли своими происками при дворѣ и вліяніемъ на администрацію, отстоять свою постыдную привилегію. Что она дѣйствительно была причиною обезлюденія Испаніи, можемъ убѣдиться еще примѣромъ Валенціи, почти опустѣвшей послѣ изгнанія морисковъ (1609 г.), и несмотря на это черезъ 180 лѣтъ представляющей населеніе, болѣе чѣмъ вдвое умножившееся. Явленіе это объясняется преимущественно обстоятельствомъ, что въ Валенціи общество mesta не пользовалось привилегіей пасенія своихъ мериносовъ.

Испанскіе Габсбурги, пришедшіе въ изумленіе отъ страшнаго, съ каждымъ годомъ, уменьшенія населенія, но не понимая настоящихъ его причинъ, старались, рядомъ палліятивныхъ мѣръ, спасти страну отъ обезлюденія. Такъ, предполагая, что оно происходитъ отъ уменьшенія брачныхъ союзовъ, они, еще въ на-

чалѣ XVII вѣка, для поощренія ихъ, освобождали вступающихъ въ бракъ на 4 года отъ податей и повинностей, а отца шестерыхъ сыновей — даже на всю жизнь. Вступленіе въ браки разрѣшено было даже малолѣтнимъ, которые со дня бракосочетанія пользовались всѣми имущественными правами, родители обязаны были ихъ выдѣлить и т. п. Испанскій подданный, безъ спеціальнаго разрѣшенія короля, не имѣлъ права оставлять съ своимъ семействомъ полуостровъ, подъ угрозой конфискаціи имущества. Переселеніе въ населенные города допускалось только въ случаѣ крайней необходимости; ослушники подвергались тяжкимъ наказаніямъ. Филиппъ IV жертвовалъ даже большими суммами на приданое бѣдныхъ дѣвушекъ; иностранные переселенцы, въ особенности художники, ремесленники, крестьяне, привлекались въ Испанію обѣщаніемъ вѣчнаго освобожденія отъ податей. Естественно, что рядомъ этихъ близорукихъ мѣръ нельзя было достигнуть желаемой цѣли: обезлюденіе Испаніи обусловливалось не невозможностью «основать» семейство, а напротивъ — невозможностью «содержать» его. Люди болѣе дальновидные сознавали это уже тогда и совѣтовали правительству, покончивъ съ этими палліятивными, ни къ чему неведущими мѣрами, перейти къ болѣе радикальнымъ и дѣйствительнымъ, между которыми они указывали на уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ значительное ограниченіе майоратовъ. Люди эти справедливо сравнивали экономическое положеніе Испаніи XVII и XVIII вѣковъ, обусловленное майоратами, съ состояніемъ Италіи при императорѣ Траянѣ и его преемникахъ, вызванное latifundium'ами, когда страна эта принадлежала нѣсколькимъ сенаторскимъ родамъ. Какъ тогда Италія, не имѣя возможности прокормить свое населеніе, принуждена была выписывать недостающій хлѣбъ изъ Африки, такъ теперь Испанія должна была промышлять хлѣбъ свой изъ-за границы. На земляхъ нѣкоторыхъ грандовъ поселено было до 30,000 семействъ подданныхъ, т. е. арендаторовъ. Почти цѣлая провинція Андалузія принадлежала только четыремъ герцогамъ: Инфантадо, Эскалона, Медина де Ріозеко и Оссуна. Ежегодные доходы перваго простирались до 90, второго до 100, а двухъ послѣднихъ до 130 тысячъ червонцевъ. Майораты герцоговъ Медина-Чели и Медина-Сидонія (въ провинціяхъ Толедо и Гренадѣ) доходили даже до 150 тысячъ червонцевъ ежегодно!! Чтобы составить себѣ настоящее понятіе о громадности этихъ помѣстій (совершенно справедливо называемыхъ estados — государствами), слѣдуетъ представить себѣ, что они давали такіе колоссальные доходы несмотря на то, что управлялись за глазами этихъ грандовъ, жившихъ постоянно въ Мадритѣ, и при-

томъ совершенно безконтрольно. Герцоги эти, въ своемъ ограниченномъ, безразсудномъ высокомѣріи, считали унизительнымъ для своей чести требовать отъ управляющихъ отчета, или контролировать ихъ дѣйствія! Естественно, что только часть доходовъ съ этихъ имѣній доходила до ихъ владѣльцевъ: остальное расходилось по карманамъ управляющихъ. Этимъ, отчасти, объясняется и обстоятельство, что страна эта значительную часть хлѣба принуждена была выписывать изъ чужихъ краевъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе, какъ значителенъ былъ расходъ этой страны на иностранный хлѣбъ, достаточно вспомнить, что во 2-й половинѣ XVIII-го вѣка (отъ 1756—1773 г.), когда замѣтенъ былъ уже нѣкоторый поворотъ къ лучшему, Испанія уплатила чужимъ краямъ за одинъ хлѣбъ болѣе 115 милліоновъ франковъ.

Что не прирожденная лѣность испанскаго народа, а въ особенности два вышеупомянутыя учрежденія — mesta и майораты — были главной причиной страшнаго упадка сельскаго хозяйства и обезлюденія этой страны, въ этомъ убѣждаетъ еще и судьба бискайскихъ провинцій, отъ природы весьма скудно надѣленныхъ, но тѣмъ не менѣе сильно населенныхъ племенемъ, живущимъ въ довольствѣ и прекрасно обработывающимъ свои каменистыя поля. Ни готамъ, ни аравитянамъ не удалось покорить своей власти этотъ народъ, считающій свою личную свободу и независимость выше всѣхъ земныхъ благъ. Даже деспотъ такого закала, какъ Филиппъ II, не осмѣлился посягнуть на ихъ fueros'ы — единственные, уцѣлѣвшіе на полуостровѣ во время общаго крушенія ихъ въ XVI вѣкѣ. Баски остались тѣмъ, чѣмъ были: свободными, мелкими землевладѣльцами. Они не допустили на своей почвѣ развиться феодализму и его паразитамъ — привилегированному дворянству и расточительнымъ трутнямъ-монахамъ — слѣдовательно, не было и ихъ спутниковъ на испанской территоріи: mesta и непомѣрнаго накопленія поземельной собственности въ *однѣхъ* рукахъ. Какъ ни неблагодарна, какъ ни камениста и трудно воздѣлываема почва этой провинціи, однако она уже въ XVIII столѣтіи питала по 1,000 человѣкъ на квадратную испанскую милю! Подобное явленіе представляютъ еще Астурія, Галиція и Каталонія, тоже провинціи, очень скудно надѣленныя природою, почва которыхъ едва покрываетъ скалистую подпочву. И несмотря на это, уже во второй половинѣ XVIII вѣка, поля этихъ провинцій были гораздо лучше воздѣланы и населеніе гораздо богаче, чѣмъ въ мѣстностяхъ полуострова, богато одаренныхъ природою. Причиной этого явленія было отсутствіе тѣхъ учрежденій, которыя мы видимъ въ этихъ

провинціяхъ: въ Каталоніи было очень немного майоратовъ, и земля обработывалась наслѣдственными арендаторами на условіяхъ неотяготительныхъ, въ Астуріи же и въ Галиціи поземельная собственность была лучше распредѣлена, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ Пиринейскаго полуострова. Здѣсь уцѣлѣло довольно значительное число свободныхъ поселянъ, обработывавшихъ *собственную* землю и находившихъ въ собственности самый дѣйствительный и сильный рычагъ своей дѣятельности.

Не менѣе поучительно прослѣдить, какія послѣдствія оказали майораты, чрезъ обращеніе поселянина во временного арендатора, а равно чрезъ постепенное уменьшеніе народонаселенія, на самихъ владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній. Послѣдніе, желая оградить себя отъ плутней управляющихъ, разбивали свои громадныя помѣстья на нѣсколько большихъ участковъ, которые отдавали спекуляторамъ, обыкновенно пожизненно, за условленную ежегодную плату, предоставляя имъ за-то всѣ права собственника. Понятно, что эти большіе съемщики, не сами воздѣлывая арендуемые участки, отдавали ихъ мелкимъ съемщикамъ, арендаторамъ второй руки. Такъ-какъ при введеніи майоратовъ, въ первой половинѣ XVI вѣка, народонаселеніе Пиринейскаго полуострова было еще довольно густо, то поэтому сдаваемые участки находили многочисленныхъ охотниковъ и соискателей. Крупные арендаторы, желая получить какъ можно бо́льшую выгоду, выговаривали, въ заключаемыхъ ими контрактахъ, рядомъ съ высокою наемною платою, исполненіе мелкими съемщиками не только всѣхъ государственныхъ повинностей, но даже и такихъ феодальныхъ и патримоніальныхъ тягостей, которыя давно уже были отмѣнены. Такъ, еще закономъ 1492 г. было воспрещено помѣщикамъ препятствовать поселеннымъ на ихъ землѣ арендаторамъ устроивать гостинницы и т. п. заведенія, которыя прежде открывались не иначе, какъ съ ихъ разрѣшенія и за условленную плату, часто довольно значительную. Между тѣмъ въ XVII вѣкѣ законъ этотъ приходитъ въ забвеніе, и путешественникъ принужденъ былъ опять останавливаться въ гостинницахъ, а крестьянинъ въ кабакахъ, на открытіе которыхъ содержатели должны были пріобрѣтать разрѣшеніе, дорогою цѣною, у землевладѣльца. Этимъ объясняется отчасти жалкое состояніе этихъ заведеній и въ настоящее время. Въ этихъ договорахъ выговаривалось очень часто и обязательство крестьянъ печь хлѣбъ въ помѣщичьихъ печахъ. Примѣры подобныхъ условій встрѣчаются даже въ XIX вѣкѣ! Послѣдствія подобной систематической эксплуатаціи мелкихъ арендаторовъ была поголовная нищета ихъ, несмотря на неутомимое трудолюбіе и выгодныя почвенныя условія участка.

Съ другой стороны, землевладѣльцы ничего отъ этого не выигрывали; наживались же только крупные арендаторы. Тѣ же явленія повторялись и въ заповѣдныхъ имѣніяхъ, находившихся въ рукахъ управляющихъ. Названіе притѣснителя измѣнялось, притѣсненіе же было то же какъ прежде, часто еще худшее.

Съ обезлюденіемъ полуострова отношенія измѣнились: не арендаторы искали земли, а земля нуждалась въ съемщикахъ. Желая спасти свои доходы, землевладѣльцы старались привлечь рабочія руки разными уступками и облегченіями. Такъ, въ опустѣвшей Эстремадурѣ и даже Андалузіи они предлагали съемщикамъ право, несмотря на заключенные съ ними контракты, производить, послѣ каждой жатвы, переоцѣнку земельныхъ участковъ и, согласно ей, сбавлять арендную плату. Переоцѣнка эта, производимая экспертами изъ арендаторовъ провинціи, обыкновенно оканчивалась въ пользу ихъ собрата. Другою мѣрою гранды отказывались преслѣдовать судебнымъ порядкомъ арендатора, неуплачивающаго въ срокъ условленной цѣны; даже совершенно неплатившаго нельзя было согнать съ участка ранѣе, какъ черезъ годъ. Правительство, съ своей стороны, сулило каждому, кто только изъявлялъ желаніе заниматься земледѣліемъ, дворянское достоинство (по испанскимъ понятіямъ большая награда и средство весьма заманчивое) и освобожденіе отъ рекрутской повинности. И несмотря на всѣ эти преимущества недостатокъ рабочихъ рукъ чувствовался постоянно, такъ-что землевладѣльцы принуждены были нанимать рабочихъ въ Гвіэнни и другихъ южныхъ французскихъ провинціяхъ, приходившихъ ежегодно въ числѣ 70,000 и болѣе человѣкъ для обработки полей и снятія хлѣба.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при собственныхъ богатствахъ страны, даровитости народа, благія намѣренія первыхъ испанскихъ Бурбоновъ увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, еслибъ въ нихъ было больше твердости воли противостоять происканъ привилегированныхъ классовъ, и энергіи, чтобы сломать сопротивленіе дворянства и духовенства. Не смотря на крупные промахи нѣкоторыхъ правителей этого дома, напр. Фердинанда VI-го, отказавшагося платить долги своего отца и тѣмъ надолго подорвавшаго правительственный кредитъ, Бурбоны принимали дѣйствительныя мѣры для возрожденія Испаніи, но, къ сожалѣнію, не имѣли достаточно энергіи для проведенія ихъ. Это лучше всего видно изъ мѣропріятій ихъ для улучшенія земледѣлія и быта сельскаго населенія. Такъ, уже при Филиппѣ V-мъ и Фердинандѣ VI-мъ болѣе чѣмъ въ пяти тысячахъ городахъ и деревняхъ устроены были хлѣбные магазины, а также ссудныя кассы

подъ залогъ, предназначенныя въ особенности для крестьянъ. Но все это были только полумѣры, которыми главныя препятствія для оживленія сельской промышленности не были устранены. Mesta, майораты, беззащитность крестьянъ, произволъ крупныхъ землевладѣльцевъ и большихъ арендаторовъ и ихъ управляющихъ остались прежніе. Лучшій изъ испанскихъ Бурбоновъ, Карлъ III-й, тронутый доходившими къ нему отовсюду жалобами, поручилъ министру Кампоманесу, весьма замѣчательному государственному человѣку, вступить въ переговоры съ компаніей meste'въ, сдѣлавшейся бичемъ страны. Члены ея (мы видѣли выше, къ какимъ сословіямъ они принадлежали) обратились къ очень ловкому средству «застращать» короля. Они возразили, что сказанная привилегія основана на законѣ, изданномъ при Карлѣ V-мъ кортесами, и потому безъ созванія и безъ согласія овцеводовъ отнять ее нельзя. Король, хотя и не тиранъ, а только деспотъ, не имѣлъ ни малѣйшей охоты сзывать уже почти забытое народомъ представительство, и уловка дворянства и духовенства удалась вполнѣ. Испуганный этимъ требованіемъ, онъ не рѣшился настаивать на проведеніи задуманной реформы, и удовольствовался только устраненіемъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій тяжелой привилегіи, въ особенности въ провинціи Эстремадурѣ, гдѣ она проявлялась въ самой невыносимой формѣ. Такъ, Карлу III (въ 1784 г.) удалось нѣсколько видоизмѣнить одно условіе вышеупомянутаго договора компаніи съ луговладѣльцами Эстремадуры, именно: принимая во вниманіе понизившуюся цѣну денегъ, послѣднимъ разрѣшено было требовать отъ общества высшую противъ первоначально опредѣленной платы (6 реаловъ) съ овцы; если же оно на это не будетъ согласно (чего конечно не случилось), то луговладѣльцу было разрѣшено отдавать свои луга ежегодно предлагавшимъ высшую цѣну. Шагъ дальше сдѣлалъ на этомъ пути преемникъ Карла III, Карлъ IV-й, разрѣшившій (1789) устроивать ограды вокругъ садовъ, виноградниковъ, древесныхъ насажденій, и ограничившій пространство для пасенія овецъ почти на 70 саженъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

Еще меньше было сдѣлано противъ другого закоренѣлаго зла: противъ майоратовъ. Да и самые крупные землевладѣльцы не были на столько развиты, чтобы понимать свои собственныя выгоды отъ измѣненія завѣщанной имъ близорукими предками системы хозяйства. Они не могли взять въ толкъ, что еслибъ они отдавали свои земли, разбивъ ихъ на мелкіе участки, земледѣльцамъ за цѣну, соразмѣрную съ ихъ плодородностью, то могли бы получить съ нихъ доходъ вдесятеро высшій противъ

того, который доходилъ до нихъ, проходя черезъ сотни корыстолюбивыхъ рукъ, вороватыхъ управляющихъ и служителей. Поэтому, даже въ концѣ XVIII-го вѣка, видимъ то же самое, что̀ было въ началѣ XVII-го. Владѣльцы громадныхъ помѣстій, не смотря на огромные, хотя все-таки не соразмѣрные ихъ производительности, доходы, не выходили изъ долгу, потому-что расходы управленія и содержаніе легіоновъ служителей поглощали сотни тысячъ. Карлъ III-й, испуганный неуступчивостью овцеводовъ и перспективой необходимости созванія кортесовъ, тѣмъ менѣе имѣлъ государственнаго мужества, чтобы расшатать и учрежденіе майоратовъ, и только преемнику его, Карлу IV-му, удалось нѣсколько ограничить его запрещеніемъ устроивать *новыя* заповѣдныя имѣнія, но и то онъ принужденъ былъ допустить разныя изъятія, которыя подрывали дѣйствіе главнаго закона.

Сельское населеніе зависѣло вполнѣ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ даже при Карлѣ III-мъ, который только къ концу своего царствованія (1785) принялъ мѣры къ устраненію вредныхъ послѣдствій краткосрочныхъ договоровъ. Заключаемые на три, много на 5 лѣтъ, контракты эти были очень вредны какъ для съемщиковъ земли, такъ и для самой культуры. Карлъ запретилъ сгонять произвольно крестьянъ, старательно обработывавшихъ свои участки, вносившихъ арендную плату бездоимочно; землевладѣлецъ не имѣлъ также права произвольно возвышать ее, и обязанъ былъ, при оставленіи арендаторомъ участка, возвращать ему, по оцѣнкѣ, произведенной экспертами, затраченныя на улучшеніе его деньги. Но все это были только полумѣры: испанскій крестьянинъ, состоя подъ патримоніальной властью землевладѣльца, или его управляющихъ, фактически зависѣлъ отъ обоихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что испанское дворянство, отстаивая свои наслѣдственныя привилегіи противъ реформаторскихъ попытокъ Бурбоновъ, было право «съ точки зрѣнія гражданскаго права», но съ другой стороны оно очень ошибалось, надѣясь, что привилегіи эти могутъ à la longue устоять противъ духа времени и требованій справедливости. По близорукости своей, оно и не замѣчало, что ограниченный взглядъ гражданскаго права не безопасно переносить цѣликомъ и исключительно въ государственную сферу. Поэтому нельзя отрицать, что испанскіе Бурбоны оказали Испаніи немаловажную заслугу сознаніемъ, что права привилегированныхъ сословій, существованіе ихъ на счетъ горожанъ, и въ особенности поселянъ, истощаетъ страну и требуетъ, путемъ реформы, исцѣленія больного государственнаго

организма. Но дворянство и духовенство, видя въ реформаторскихъ стремленіяхъ королей не мѣры исцѣленія, а заискиваніе ими расположенія массъ, оставались на своей точкѣ зрѣнія, т. е. на точкѣ гражданскаго права, и видѣли въ каждой реформѣ посягательство на свои вѣковыя привилегіи, сами забывая, что онѣ были не что иное, какъ нарушеніе еще болѣе древняго исконнаго закона, подкопаться подъ который имъ удалось только при Карлѣ V-мъ и его преемникахъ. Слѣдствія этого ограниченнаго, малодушнаго взгляда дворянства и духовенства, несознававшихъ, что государство, пожертвованное эгоистическимъ интересамъ меньшинства, представляетъ собой больной организмъ, проявились и, къ несчастію, проявляются еще до сихъ поръ въ Испаніи. Мы видѣли, что до-революціонная Франція должна была пройти цѣлый рядъ кровавыхъ переворотовъ потому именно, что реформы ея были очень поверхностны, и не порѣшили окончательно съ отжившими средневѣковыми заблужденіями. Тоже повторяется теперь и на испанской почвѣ: реформы Бурбоновъ, предпринятыя ими въ теченіе XVIII вѣка, не исторгли отъ растлѣннаго организма зловредныхъ соковъ, которые постоянно волнуютъ Испанію и въ настоящемъ столѣтіи революціями и усобицами.

Извѣстно, какъ дорого заплатили испанское дворянство и духовенство за свое безразсудное сопротивленіе реформамъ Бурбоновъ въ XVIII вѣкѣ, за нежеланіе «во-время» пожертвовать немногимъ «добровольно». Съ тѣхъ поръ, какъ въ Испаніи возникло вновь свободное, отчасти владѣющее поземельною собственностью, сельское сословіе, страна эта, не смотря на нынѣшнія неурядицы и частые перевороты, все-таки стоитъ на неизмѣримо высшей степени развитія, чѣмъ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ столѣтій. Этимъ относительнымъ благоденствіемъ Испанія обязана энергіи и дальновидности кортесовъ, въ теченіи трехъ лѣтъ (1810—1813) дѣйствовавшихъ на ея окраинѣ, на островѣ Леонѣ близъ Кадикса, и создавшихъ конституцію 1812 года. Прежде-чѣмъ послѣдняя возстановила утраченныя страною демократическія учрежденія, прежде-чѣмъ городскія и сельскія общества получили опять право избранія мѣстныхъ чиновниковъ, декретомъ этихъ учредительныхъ кортесовъ (6 августа 1811 г.) уничтожены были всѣ патримоніальныя и ленныя права и учрежденія. Вскорѣ (1813) затѣмъ послѣдовало уничтоженіе mesta и майоратовъ (1820—1821). Одновременно было декретировано обращеніе испанскихъ крестьянъ изъ временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственные, и изданъ законъ, признававшій обязательность арендныхъ контрактовъ и для наслѣдниковъ,

заключившихъ ихъ. Къ законоположеніямъ, оказавшимъ благотворное вліяніе на положеніе испанскаго арендатора, кромѣ здѣсь указанныхъ, слѣдуетъ еще прибавить запрещеніе сгонять немедленно съ участка неисправнаго въ уплатѣ денегъ арендатора, и обязанность, возложенная на землевладѣльца предоставить ему годичную, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ—двухгодичную отсрочку платы. Крестьянинъ-арендаторъ, сдѣлавшій новыя насажденія, освобождался на 10 лѣтъ отъ уплаты повинности.

Правда, лучшія реформы, сдѣланныя кортесами, уничтожены были Фердинандомъ VII-мъ, этимъ коварнѣйшимъ тираномъ и ханжей, но послѣ смерти его все-таки онѣ восторжествовали надъ ретроградными его тенденціями. Правда, и теперь блуждаютъ по дорогамъ Испаніи кочующія стада овецъ, хотя не въ такомъ количествѣ какъ прежде, но они не пользуются уже тѣми привилегіями, которыя дѣлали ихъ бичемъ страны. Сама королева предсѣдательствуетъ въ обществѣ овцеводовъ, и во всѣхъ провинціяхъ, черезъ которыя прогоняются эти стада, или гдѣ они имѣютъ свои пастбища (нанятыя за деньги), procuradores fiscales наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онѣ не уклонялись отъ предписанныхъ маршрутовъ, и чтобы овцеводы не нарушали заключенныхъ съ владѣльцами пастбищъ контрактовъ.

Самое благодѣтельное послѣдствіе на образованіе независимаго, и отчасти владѣющаго землею, сельскаго населенія, оказалъ законъ творцовъ конституціи 1812 г., декретировавшій отчужденіе всѣхъ невоздѣланныхъ казенныхъ и городскихъ имуществъ (1813), и секуляризація имѣній монастырскихъ и принадлежащихъ свѣтскому духовенству. Секуляризаціей монастырскихъ имѣній (1836) министръ Мендизабалъ имѣлъ въ виду лишить монаховъ, самыхъ вліятельныхъ и сильныхъ подпоръ претендента Донъ-Карлоса, средствъ помогать ему деньгами и содержать войско. Какъ при проведеніи этой мѣры, такъ и впослѣдствіи (1837, 1841—1842), при отнятіи имѣній у свѣтскаго духовенства, случалось многое, чего нельзя оправдать съ точки зрѣнія справедливости и даже законности, но мѣропріятія эти будутъ все-таки способствовать будущему замиренію страны, и вѣроятно, ея возрожденію. Огромная масса имѣній, доселѣ накопленныхъ въ «мертвой рукѣ» духовенства, оставалась не только безплодною для государства, но даже была опаснымъ для него орудіемъ, употреблявшимся его врагами; теперь же она перешла въ руки тружениковъ и податныхъ членовъ страны. Кромѣ того, указанными мѣрами увеличилось не только число мелкихъ землевладѣльцевъ, но и количество гражданъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи новаго порядка вещей, и противниковъ стараго, от-

жившаго свой вѣкъ. Такъ-какъ возстановленіе послѣдняго сопряжено было бы конечно съ возвращеніемъ прежнихъ злоупотребленій, и прежде всего съ возвращеніемъ этихъ имѣній въ поповскія руки, то понятно, что собственники этихъ секуляризированныхъ имѣній сдѣлались самыми ревностными приверженцами новаго порядка дѣлъ. Большая часть этихъ имѣній была пріобрѣтена поселянами, которые рады были случаю, не смотря на опасности, сопряженныя съ ихъ пріобрѣтеніемъ, сдѣлаться изъ арендаторовъ землевладѣльцами. А что покупать ихъ было не совсѣмъ безопасно, видно уже изъ того, что всѣ купленныя (до 1823) церковныя имѣнія, послѣ реставраціи Фердинанда VII-го, были опять возвращены духовенству, и покупщики остались безъ имѣній, и безъ заплаченныхъ за нихъ денегъ. И все-таки, не смотря на это, до исхода 1843 г., за 154 тысячи имѣній, оцѣненныхъ въ два милліарда реаловъ, выручено при продажѣ 5 милліардовъ!

Въ настоящую минуту, на изрытой революціями почвѣ Испаніи, при непродолжительности измѣненія быта сельскаго населенія и перемѣнъ въ сферѣ собственности, нельзя еще собрать достаточнаго количества данныхъ, которыя наглядно, въ формѣ чиселъ, выражали бы измѣненія, совершившіяся въ экономической сферѣ страны; но тѣ немногія данныя, которыхъ достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію, свидѣтельствуютъ уже достаточно, что Испанія выходитъ на дорогу матеріальнаго довольства и процвѣтанія. Лучше всего это видно изъ увеличившагося народонаселенія, не смотря на то, что войны за независимость, внутреннія усобицы и эпидеміи послѣдняго времени требовали много человѣческихъ жертвъ. Такъ, народонаселеніе, простиравшееся въ началѣ XVIII вѣка до 6 милліоновъ, достигаетъ въ 1857 уже 16 милліоновъ. Страна, выписывавшая въ началѣ текущаго столѣтія $^1/_5$ часть потребляемаго ею хлѣба изъ-за границы, въ 1850 г. уже покрываетъ не только потребности своего необыкновенно увеличившагося населенія, но даже отпустила за границу около 204 тысячъ фанегасовъ [1]) разныхъ сортовъ и $2^1/_4$ милліона арробасовъ [2]) пшеничной муки. Наконецъ, значительное поднятіе, сравнительно съ прежнимъ курсомъ, испанскихъ бумагъ — этого политическаго барометра и мѣры довѣрія къ состоятельности страны—показываетъ лучше всего, сколько Испанія выиграла отъ указаннаго выше соціальнаго переворота.

---

[1]) *Fanega* = 54,80 французскихъ литровъ.

[2]) *Arroba* = 25 фунтовъ; 4 арробы составляютъ одинъ центнеръ.

Въ сосѣдственной Португаліи насъ странно поражаетъ, что государственные люди, которые съумѣли совершить въ странѣ этой такія важныя политическія преобразованія и поднять ее изъ ничтожества, въ которомъ она находилась еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не поняли необходимости соціальныхъ реформъ. Отношенія между землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ въ Португаліи развивались, съ конца среднихъ вѣковъ, при такихъ же печальныхъ условіяхъ, какъ мы видѣли выше въ Испаніи. И здѣсь древнія привилегіи (foraes) сельскихъ общинъ мало по малу приходятъ въ забвеніе; и здѣсь крестьянинъ, хотя и не крѣпостной, но отданный королями въ жертву дворянству и духовенству, является вполнѣ зависимымъ отъ этихъ двухъ сословій, временнымъ арендаторомъ, иногда даже просто поденщикомъ, котораго они ежеминутно могли согнать съ участка. И въ Португаліи, въ теченіи XVI и XVII столѣтій, майораты и mesta были также распространены, какъ въ Испаніи, и потому неудивительно, что тѣ же причины оказывали тѣ же послѣдствія, изъ которыхъ главнѣйшею, болѣе другихъ бросающеюся въ глаза, было — уменьшеніе народонаселенія и упадокъ земледѣлія. Изъ двухъ милліоновъ населенія въ концѣ XV вѣка, осталось къ половинѣ XVII едва съ небольшимъ одинъ милліонъ; поля обработывались, за недостаткомъ рукъ, весьма небрежно, но земледѣліе находилось бы еще въ худшемъ положеніи, еслибъ переселяемые изъ Гвинеи невольники и мулаты не восполняли хотя отчасти свободнаго труда.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ царствованіе короля Іосифа (1750—1777), при посредствѣ благонамѣреннаго министра Помбаля, принимаются нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта поселянина и поднятія земледѣлія, вызванныя совершенною невозможностью страны, такъ облагодѣтельствованной природой, пропитать даже населеніе въ 300 тысячъ человѣкъ. Но реформы эти были, къ несчастію, подобно реформамъ испанскихъ Бурбоновъ, очень поверхностны, не уничтожали зла въ корнѣ, или даже совершенно превратны. Такъ, напримѣръ, желая принудить несчастнаго крестьянина трудиться, правительство возвышало налоги на него, выходя изъ оригинальнаго положенія, что онъ, для того, чтобы уплатить возвышенную противъ прежняго подать, долженъ былъ и больше чѣмъ до того времени трудиться! Оказалось, что множество земель осталось совершенно невоздѣланными, не мало землевладѣльцевъ были разорены, а казна, обманутая въ своей жадности, получила еще меньше податей, чѣмъ прежде. Естественно, что всѣ эти попытки, или превратныя полумѣры не имѣли никакого успѣха, равно-какъ и старанія ко-

ролевы Маріи защитить поселянъ отъ злоупотребленій патримоніальной юрисдикціи свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ. Изданный ею (1790) съ этой цѣлью законъ, благодаря сопротивленію этихъ классовъ, остался безъ послѣдствій, такъ-что положеніе португальскаго крестьянина, еще въ первыя десятилѣтія текущаго столѣтія, было такъ же безотрадно какъ прежде, и земледѣліе находилось въ томъ же жалкомъ положеніи. Въ немногихъ только мѣстностяхъ Португаліи, гдѣ крестьянамъ удалось сдѣлаться поземельными собственниками, гдѣ число майоратовъ было ограничено и гдѣ дворянство было менѣе своекорыстно и нахально, положеніе и крестьянъ, и земледѣлія было гораздо лучше.

Несмотря на неоднократныя революціи, волновавшія въ послѣднее время страну эту, онѣ не произвели въ ней тѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя необходимы были для улучшенія быта массъ. Ни кортесы, ни Донъ-Педро не поняли, что политическія реформы до тѣхъ поръ будутъ безплодны, пока не послѣдуетъ реформа соціальная, пока положеніе сельскаго рабочаго населенія не будетъ значительно улучшено. Правда, Донъ-Педро далъ странѣ конституцію, уничтожилъ монастыри (1834), секуляризировалъ ихъ имѣнія и обратилъ въ государственныя и т. п. Но, увлекшись непонятнымъ сочувствіемъ къ духовенству и дворянству, онъ не рѣшился освободить крестьянина изъ-подъ ига этихъ привилегированныхъ классовъ. Конституціей 1826 г. имъ не только были гарантированы ихъ дворянскія права, но сохранены даже майораты, неотчуждаемость земель которыхъ предоставляла большое вліяніе владѣльцамъ ихъ не только на окрестныхъ поселянъ, но и на горожанъ. За это дворянство португальское отблагодарило страну тѣмъ, что оно въ палатѣ пэровъ очень долго́ сопротивлялось проведенію закона о продажѣ національныхъ (т. е. конфискованныхъ у монастырей) имѣній, и было причиной, что казнѣ не удалось реализировать эту продажу такъ выгодно, какъ это было бы возможно при содѣйствіи дворянства. Да и духовенство свѣтское, котораго имѣнія были ему сохранены, вовсе не было привлечено этой уступкой на сторону Донъ-Педро и его наслѣдниковъ, а напротивъ, тайно, разными происками помогало Донъ-Мигуэлю, и обладая сильнымъ вліяніемъ на простой народъ, оно старалось расположить его въ пользу претендента и тѣмъ самымъ нарушать спокойствіе страны.

Благодаря этому вліянію дворянства и духовенства на сельское населеніе, самыя попытки послѣдняго времени освободить землю отъ отжившихъ феодальныхъ повинностей и сдѣлать арендаторовъ и поденщиковъ самостоятельными землевладѣльцами оказа-

лись до сихъ поръ мало успѣшными. Законы, изданные съ 1835 по 1848 г. съ этой цѣлью, остались почти безъ примѣненія, съ одной стороны по причинѣ сопротивленія, оказаннаго осуществленію ихъ привилегированными классами, а съ другой — по причинѣ бѣдности крестьянъ, не имѣющихъ ни капитала, ни кредита. Не смотря на сдѣланныя (въ 1853) законодательствомъ облегченія къ пріобрѣтенію крестьянами поземельной собственности (арендаторы монастырскихъ имѣній получили право, посредствомъ взноса суммы, равнявшейся годовой арендной платѣ, помноженной на 16, пріобрѣтать участокъ въ собственность), очень немногіе изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ главнымъ образомъ потому, что правительство не оказало крестьянамъ никакого вспомоществованія кредитомъ. Слѣдствіемъ этого порядка дѣлъ было, что въ настоящее время еще большинство сельскаго населенія Португаліи состоитъ изъ временныхъ арендаторовъ (притомъ съ краткосрочными договорами) и изъ поденщиковъ. Правда, нельзя не сознаться, что земледѣліе все-таки находится въ лучшемъ, противъ прежняго, состояніи, что̀ видно изъ уменьшенія цѣнъ предметовъ первой потребности, изъ уменьшеннаго ввоза иностраннаго хлѣба, и увеличившагося вывоза нѣкоторыхъ произведеній страны. Несмотря однако на это, земледѣліе въ Португаліи далеко не достигло той степени, на которой оно можетъ и должно находиться вслѣдствіе ея климатическихъ и почвенныхъ условій. Застой народонаселенія, остановившагося, въ теченіе почти полувѣка на одной цифрѣ ($3\frac{1}{2}$ милліона), въ сравненіи съ сосѣдственной Испаніей, гдѣ оно постоянно возрастаетъ, доказываетъ тоже, что послѣдняя страна, несмотря на то, что она и въ настоящую минуту обуреваема еще политическими распрями, сдѣлала въ послѣднее время такіе значительные успѣхи въ экономическомъ отношеніи, благодаря совершившейся тамъ соціальной реформѣ, измѣнившей прежнія отношенія землевладѣнія. Въ Португаліи, къ несчастію, по сію пору идетъ неразрѣшенная борьба между вполнѣ либеральными политическими тенденціями и системами, и совершенно отсталымъ, ретрограднымъ соціальнымъ направленіемъ.

Хотя *Скандинавскій полуостровъ* никогда не былъ завоеванъ, однако и онъ не избѣжалъ участи другихъ европейскихъ странъ и представляетъ, подобно имъ, тоже учрежденіе невольничества. И здѣсь, какъ и въ Германіи, контингентъ его составляли военноплѣнные и невольники по рожденію. По мѣрѣ того, какъ древніе скандинавы расширяли свои морскіе разбои, число первыхъ должно было увеличиваться, по преимуществу плѣнными британцами,

вендами, нѣмцами и французами. Число невольниковъ увеличивалось также преступниками. Древніе скандинавы почти не знали смертной казни, какъ вида наказаній, и большая часть ихъ сводилась на денежныя пени; притомъ, по мнѣнію ихъ, невольничество было наказаніемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ смерть. Рѣже чѣмъ этими путями, въ невольники поступали съ цѣлью получить пропитаніе, а также несостоятельные должники и промотавшіеся игроки. Отношенія между этими невольниками и ихъ владѣльцами были здѣсь, на сѣверѣ, въ теченіе до-христіанскаго періода исторіи, гораздо хуже, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, обращенныхъ уже изъ язычества. Невольникъ былъ вещью своего господина въ полномъ смыслѣ этого слова. Послѣдній имѣлъ полное право изуродовать его, убить, продать, подарить, употребить для жертвоприношенія. И здѣсь, на сѣверѣ, какъ и въ остальной Европѣ, изувѣрства эти достигаютъ своего апогея въ теченіе X и XI вѣка; въ теченіе XII—замѣчаемъ уже поворотъ къ лучшему. Христіанская церковь оказала въ Скандинавіи гораздо бо́льшія услуги въ дѣлѣ улучшенія быта меньшой братіи и совершеннаго уничтоженія рабства, чѣмъ въ другихъ странахъ. Хотя намъ неизвѣстны положительно мотивы, побудившіе скандинавское духовенство заявить себя несравненно болѣе гуманнымъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ на Западѣ, однако не трудно догадаться объ нихъ. Удаленное отъ Рима—средоточія католицизма и его мощной помощи, равно-какъ отъ сильныхъ свѣтскихъ союзниковъ, всегда готовыхъ оказать помощь противъ короля и дворянства, духовенство это принуждено было искать ее въ самой странѣ, въ массахъ населенія ея. Кромѣ того, духовенство сѣвера Европы, неимѣвшее въ настоящую эпоху ратей ленниковъ, которыми повелѣвали собратья ихъ въ другихъ странахъ, принуждено было́ стараться, въ интересѣ собственной безопасности, побудить скандинавскихъ пиратовъ (которые очень легко могли превратиться въ опасныхъ и для нихъ самихъ разбойниковъ) оставить свое ремесло. А такъ-какъ главнѣйшею побудительною причиною этого занятія была корысть и выгоды, получаемыя отъ продажи захваченныхъ невольниковъ, то понятно, что уничтоженіе рабства должно было служить самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для принужденія древнихъ скандинавовъ—оставить ихъ постыдное ремесло. Какая бы впрочемъ причина этого ни была, достовѣрно однакожъ то, что духовенство было нравственнымъ виновникомъ желанія одного изъ первыхъ христіанскихъ правителей Сѣвера, Кнуда Святого—уничтожить рабство въ его владѣніяхъ. Хотя желаніе это осуществилось не вдругъ, однако уже законы XII вѣка свидѣтель-

ствуютъ о смягченіи участи невольниковъ, такъ-что въ XIV столѣтіи, въ Норвегіи и Даніи почти не осталось и слѣдовъ этого постыднаго въ исторіи человѣчества учрежденія, несмотря на то, что не встрѣчаемъ положительнаго закона, которымъ оно было отмѣнено. Законодательнымъ путемъ оно было отмѣнено (1335 г.) только въ Швеціи королемъ Магнусомъ-Эриксеномъ, постановившимъ, что родившіеся отъ свободныхъ родителей, въ провинціяхъ Вестготландіи и въ Вэрмеландѣ, не могли быть или сдѣлаться несвободными. Законъ этотъ распространился только на эти двѣ провинціи потому, что въ нихъ число невольниковъ было особенно значительно, въ остальныхъ же ихъ было такъ мало, что не было даже причины издавать съ этой цѣлью особыя постановленія. Съ этой поры на почвѣ Скандинавіи жили только свободные люди; крѣпостныхъ полуостровъ этотъ не зналъ никогда. Невольники, о которыхъ была рѣчь выше, были домашніе невольники, т. е. несчастные, принадлежавшіе лицу господина, но неприкрѣпленные землѣ. Они не считались недвижимостью, а движимымъ имуществомъ. Явленіе это тѣмъ болѣе странно, что и на Скандинавскомъ полуостровѣ было дворянское сословіе, но съ тѣмъ громаднымъ различіемъ отъ континента Европы, что здѣсь ленная система никогда не составляла средоточія и основы государственной жизни страны и не была въ силахъ совершенно вытѣснить системы аллодіальной. Она и здѣсь существовала, но существовала только по отношенію къ королю, а не относительно сельскаго населенія, потому, главнымъ образомъ, что упомянутыя въ началѣ первой статьи настоящихъ очерковъ причины, сдѣлавшія на материкѣ западной Европы дальнѣйшее существованіе свободнаго класса мелкихъ сельскихъ землевладѣльцевъ невозможнымъ, здѣсь, къ счастію, не существовали. На Скандинавскомъ полуостровѣ, при равенствѣ всѣхъ свободныхъ передъ закономъ, каждый пользовался извѣстной долей безопасности, и поэтому никому не было надобности искать защиты подъ кровомъ сильныхъ противъ притѣсненій развращеннаго чиновничества, или противу насильнаго поступленія въ ряды ратей, постоянно перекочевывавшихъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, на материкѣ западной Европы.

Даже въ золотой вѣкъ ленной аристократіи, въ дни Кальмарскаго союза трехъ скандинавскихъ государствъ, дворянство не было опасно для сельскаго населенія Норвегіи, потому, что послѣднее не владѣло значительными помѣстьями. Не говоря уже о томъ, что страна бѣдная, съ почвой непроизводительной, не способствуетъ образованію крупнаго землевладѣнія, развитію его

мѣшали еще самые законы о наслѣдствѣ, опредѣляющіе еще и теперь, что каждый собственникъ родового имѣнія, продавши его, пользуется, въ теченіе 10 лѣтъ послѣ отчужденія правомъ выкупа его за продажную цѣну. Кромѣ того, хотя встрѣчаются въ Норвегіи въ эту эпоху дворянскія имѣнія, пользовавшіяся свободой отъ податей, но не было ни одного, въ которомъ землевладѣлецъ имѣлъ бы какія-либо ленныя права надъ сельскимъ населеніемъ, въ нихъ поселеннымъ.

Правда, шведское дворянство сдѣлало попытку, въ періодъ Кальмарскаго союза, захватить тѣ привилегіи, которыми пользовалось ихъ сословіе въ остальной Европѣ, но перевѣсъ мѣщанства и крестьянства въ дѣлахъ государственныхъ, основанный Стенъ-Стюромъ, и битва при Брункенбергерѣ (1471 г.) сдѣлали поползновенія эти невозможными. Отношенія между дворянствомъ и сельскимъ населеніемъ Швеціи, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, лучше всего обрисовываются словами короля Іоанна, сказанными имъ Стену: «Вы завѣщали мнѣ—сказалъ король ему—незавидное наслѣдство: крестьянъ, созданныхъ Богомъ чтобы быть рабами (??!), вы обратили въ господъ, а тѣхъ, которымъ надлежало бы быть господами, вы чуть не унизили до положенія рабовъ».

Послѣдній король Скандинавскаго союза, Христіанъ II-й, старался тоже измѣнить этотъ, ему ненавистный, порядокъ вещей, и можетъ быть достигъ бы цѣли своей, еслибъ Густавъ-Ваза «при помощи Божіей и содѣйствіи шведскаго крестьянства», (слова эти сдѣлались впослѣдствіи его девизомъ) не расторгъ союза, не возстановилъ самостоятельности Швеціи и не спасъ сельское населеніе ея отъ грозившей ему опасности. Понятно, что между послѣднимъ и новымъ королевскимъ домомъ должна была образоваться тѣсная связь, которою и объясняется продолжительная борьба между шведской аристократіей и королевской властью, равно-какъ этимъ же условливалась сила страны, бѣдной какъ населеніемъ, такъ и скудно надѣленной дарами природы, и между тѣмъ въ теченіе цѣлаго почти вѣка игравшей главную роль на сѣверѣ Европы. Лучшія силы народа, поглощаемыя на западѣ дворянствомъ и духовенствомъ, принадлежали въ Швеціи королю. Не столько дворяне, сколько крестьяне шведскіе, воспитанные въ школѣ лишеній, помогли королямъ своимъ приковать побѣду къ знаменамъ своей родины и основать вѣковую супрематію на сѣверѣ Европы.

Въ этомъ отношеніи роль шведскихъ крестьянъ можно сравнить съ ролью средневѣковыхъ стрѣлковъ изъ лука, о которыхъ была рѣчь выше.

Совершенно противоположное видимъ въ Даніи. Здѣсь короли, по близорукости своей не сознавая важности и значенія свободнаго сельскаго населенія, съобща съ ленною аристократіей, подвизались, съ исхода среднихъ вѣковъ, на поприщѣ угнетенія крестьянъ. Непрерывныя войны, опустошая пограничныя страны, создали цѣлую полосу, никѣмъ незаселенной, на окраинѣ Даніи лежавшей, земли, и по отсутствію частныхъ собственниковъ перешедшей къ королю. Короли, не имѣя возможности или желанія воздѣлывать эти земли, отдавали ихъ заслуженнымъ служителямъ въ ленъ. Имѣнія эти назывались фесте-имѣнія, т. е. посредствомъ договора пріобрѣтенныя, снятыя, и отдавались сначала въ наемъ не долѣе какъ на годъ, а послѣ этого срока договоръ возобновлялся. Многочисленныя неудобства, сопряженныя съ этими кратковременными контрактами, побудили впослѣдствіи (съ половины XVI в.) сдавать ихъ на 5, 10, 15 лѣтъ, и наконецъ—пожизненно. Такимъ образомъ возникъ въ королевскихъ помѣстьяхъ, путемъ чисто-гражданскихъ сдѣлокъ, классъ крѣпостныхъ. Короли, кромѣ опредѣленной арендной платы, выговаривали себѣ обыкновенно извѣстное число барщинныхъ, пѣшихъ и конныхъ, дней, такъ-что и въ Даніи, крѣпостное право является какъ плодъ насилія надъ прежде совершенно свободными сельскими жителями.

Нельзя удивляться, что дворянство и духовенство поспѣшили послѣдовать поданному имъ королями примѣру и старались превратить свои помѣстья въ фесте-имѣнія. Съ увеличеніемъ населенія, и слѣдовательно съ усиленіемъ конкурренціи соискателей, землевладѣльцы навязывали имъ все болѣе и болѣе тягостныя условія, такъ-что въ половинѣ XIV-го вѣка въ имѣніяхъ короля и духовенства, вмѣсто опредѣленныхъ барщинныхъ работъ, являются неопредѣленныя, вполнѣ произвольныя. Недальновидные датскіе короли сдѣлали шагъ дальше: они рѣшились обратить даже совершенно свободныхъ, свою собственную землю обрабатывающихъ, крестьянъ, въ барщинныхъ, обремененныхъ произвольно налагаемыми податями и повинностями. При посредствѣ этихъ мѣръ, въ теченіе нескончаемыхъ внутреннихъ усобицъ и кровопролитныхъ внѣшнихъ войнъ, съ половины XIII-го до начала XVI-го вѣка, погибло свободное сельское населеніе Даніи.

Рядъ крестьянскихъ возстаній былъ, къ несчастію, безплоднымъ отвѣтомъ угнетенныхъ своимъ притѣснителямъ. Единственнымъ ихъ послѣдствіемъ было увеличеніе тяготѣвшаго на нихъ бремени. До какой степени опо доходило, видно изъ нѣкоторыхъ мѣропріятій Христіана II-го, правителя, оставившаго послѣ себя столь печальную извѣстность въ лѣтописяхъ Сѣвера, но сознав-

шаго однако всю безнравственность союза, заключеннаго его предшественниками съ дворянствомъ и духовенствомъ для угнетенія крестьянства. Такъ, онъ запрещаетъ продажу, дареніе, промѣнъ крестьянъ на собакъ, какъ поступки безнравственные и недостойные христіанъ; онъ разрѣшилъ поселянамъ безпрепятственно переходить съ мѣста на мѣсто, отдавать дѣтей ихъ въ ученіе любому ремеслу, запретилъ обременять отдаленными посылками съ кладью, и вообще строго взыскивалъ съ притѣснителей крестьянъ. Но послѣ кратковременнаго десятилѣтняго царствованія Христіана II-го наступаетъ вновь періодъ притѣсненій ихъ. Дядя его, Фридрихъ I-й, исторгшій у племянника своего, при помощи дворянства, престолъ, сдѣлалъ послѣднему разныя постыдныя уступки, изъ которыхъ самою преступною была уголовная юрисдикція, узаконившая фактически уже существовавшее крѣпостное право. Крестьянскія возстанія, вызванныя этими сдѣлками Фридриха съ дворянствомъ, были, подобно прежнимъ, подавлены.

Рядъ ничтожныхъ правителей, управлявшихъ Даніей съ половины XVI-го вѣка до 1660 г., какъ будто соревновалъ другъ передъ другомъ въ угодливости дворянству. Но болѣе всего способствовали неограниченному произволу распоряженія Христіана III-го (1551 и 1558), предписывавшія, въ общихъ выраженіяхъ, крестьянамъ оказывать слѣпое послушаніе землевладѣльцамъ, и даже ихъ управляющимъ. Можно себѣ легко представить, какими практическими послѣдствіями сопровождалась подобная неопредѣленность и эластичность выраженій!! и дѣйствительно: плеть, сибирка, и т. п. орудія ковнушенію уваженія человѣчеству къ угнетающему его закону, созданному произволомъ и корыстью, получили полное право гражданства въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами тогдашней Даніи. Не менѣе возмутительны были, изданные этимъ же Христіаномъ III-мъ, законы объ охотѣ: онъ разрѣшалъ поймавшему браконьера выколоть ему глаза, или вздернуть на ближайшее дерево!! Достойный его преемникъ, Фридрихъ II-й, не позволялъ крестьянамъ, живущимъ вблизи заповѣдныхъ дачъ, держать болѣе одной собаки на каждомъ дворѣ, которой предписывалось кромѣ того отсѣчь одну переднюю ногу выше колѣна!!! Постоянно увеличивавшееся количество крестьянъ, попадавшихъ подъ иго дворянъ, представляло очень печальное явленіе. Какъ ни тяжело было положеніе крестьянъ въ королевскихъ помѣстьяхъ, но все-таки оно было несравненно лучше того, которое ожидало ихъ подъ властью дворянъ. Между тѣмъ, короли датскіе, въ теченіе XVI и XVII-го столѣтій, страдая въ сильной степени свойствен-

нымъ времени ихъ недугомъ—безденежьемъ, продавали или промѣнивали, одно за другимъ, свои, въ одномъ округѣ состоящія, имѣнія на разбросанные участки дворянъ. Такъ-какъ королевскія имѣнія находились почти всегда въ лучшемъ положеніи, чѣмъ дворянскія, то короли, при промѣнѣ, получали обыкновенно довольно значительныя суммы въ приплату. Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ совершалась такая мѣна, видно уже изъ того, что въ половинѣ XVII-го вѣка уже $^{9}/_{10}$ всей удобной къ обработкѣ почвы находилось въ рукахъ дворянъ, и только $^{1}/_{10}$ оставалась еще во власти короля. Крестьяне, какъ видно, утратившіе вѣру въ дѣйствительность возстаній, обратились къ Фридриху III-му съ просьбою, въ которой они доказывали ему, какія потери онъ терпитъ отъ подобныхъ промѣновъ, при которыхъ выигрываютъ только его совѣтники или соучастники ихъ въ барышахъ — дворяне; они просили его присоединить отчужденныя имѣнія опять въ казну и тѣмъ избавить ихъ, крестьянъ, отъ неволи, худшей чѣмъ плѣнъ дѣтей Израиля въ Египтѣ. Сельское населеніе предполагало, что королевская власть, освободившись изъ путъ дворянскихъ, будетъ имѣть достаточно энергіи облегчить и ихъ участь, но горько ошиблось въ своемъ разсчетѣ. Напротивъ, положеніе его еще ухудшилось при самодержавномъ правленіи. Христіанъ V-й оставилъ въ памяти народной воспоминаніе, недостойное честнаго правителя: онъ узаконилъ разныя мѣры, считавшіяся до него злоупотребленіями. Такъ, крестьянъ, бѣжавшихъ отъ угнетеній, онъ приказалъ заковывать въ желѣзо и отдавать въ работу; тѣхъ изъ нихъ, которые предпочитали оставаться безсемейными, чѣмъ плодить дѣтей, которымъ они могли завѣщать одно только горе и лишенія, онъ повелѣлъ подвергать возмутительнымъ и жестокимъ наказаніямъ. Неудивительно послѣ этого, что самые безпристрастные наблюдатели свидѣтельствуютъ объ отчаянномъ положеніи сельскаго населенія Даніи даже въ исходѣ XVII-го вѣка. Изо ста тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ, бывшихъ въ этой странѣ, 25 тысячъ совершенно опустѣли, а другія 25 ожидала та же участь. Понятно, что бѣдствіе это отозвалось и на дворянской собственности, потерявшей значительную часть своей прежней цѣнности.

Въ нѣмецкихъ провинціяхъ Даніи судьба сельскаго населенія, съ немногими уклоненіями, развивалась при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Даніи. И здѣсь до XIII-го вѣка находимъ невольниковъ, и рядомъ съ ними многочисленныхъ оброчныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ (liti), пополнявшихся невольниками послѣ отпущенія ихъ изъ рабства. Классъ свободныхъ поселянъ, послѣ присоединенія этихъ герцогствъ къ Даніи (1460), при правите-

ляхъ изъ ольденбургскаго дома, испыталъ тѣ же, даже болѣе продолжительныя бѣдствія, какія вынесъ этотъ же классъ народа въ послѣдней странѣ—болѣе продолжительныя потому, что патримоніальная юрисдикція дворянства и духовенства въ дѣлахъ уголовныхъ пустила здѣсь свои корни гораздо ранѣе, чѣмъ въ самой Даніи (уже въ XIII-мъ вѣкѣ). Хотя мнѣніе, что крѣпостное право возникло здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ и несправедливо, однако нельзя отрицать, что положеніе крестьянъ съ этого времени, а еще болѣе съ 30-ти-лѣтней войны, значительно ухудшилось, и въ XVII-мъ столѣтіи судьба крестьянъ въ герцогствахъ была та же, если не хуже чѣмъ, въ самой Даніи.

Несостоятельность этого порядка вещей не могла не быть незамѣченною Христіаномъ IV-мъ, правителемъ мудрымъ и любившимъ народъ. Попытка его, при посредствѣ государственнаго маршала Іоргэна Урне (1634), склонить дворянство датское и голштинское на освобожденіе крестьянъ, осталась, къ сожалѣнію, безуспѣшною. Она удалась гораздо позже, при Фридрихѣ IV-мъ (въ первыхъ годахъ XVIII-го вѣка), уничтожившемъ личную крѣпостную зависимость на всемъ пространствѣ датской территоріи. Однако, дѣйствительному осуществленію эманципаціи помѣшали привилегированные классы, воспользовавшіеся при этомъ, какъ орудіемъ, закономъ 1701 г. о народномъ ополченіи. Законъ этотъ возлагалъ отправленіе военной повинности исключительно на сельское населеніе, и предписывалъ, чтобы крестьянинъ оставался въ имѣніи до тѣхъ поръ, пока не отслужитъ своихъ шести лѣтъ въ рядахъ войскъ. Поступленіе подъ знамена зависѣло отъ помѣщика, на долю котораго предоставлялось опредѣлять: въ какихъ работникахъ онъ нуждается для веденія своего хозяйства, и безъ какихъ можетъ обойтись. Естественно, что помѣщики старались вести дѣло такъ, чтобы помѣшать крестьянину отслужить 6-ти-лѣтній срокъ за-разъ, а они разсрочивали его такъ, что обязанные военною службой не имѣли возможности отлучаться изъ имѣнія до 40, иногда до 50-ти-лѣтняго возраста. Неудивительно, что этимъ прикрѣпленіемъ землѣ (Stavnsbaand) воспользовались помѣщики, потому-что оно не только примиряло ихъ съ мнимою эманципаціей, но воскрешало крѣпостное право въ новой формѣ.

Преемникъ Фридриха IV, Христіанъ VI, отъ котораго не скрылись вредныя послѣдствія закона объ ополченіи, отмѣнилъ его въ самомъ началѣ своего царствованія (1730). Датскому крестьянину не пришлось однако долго радоваться этой реформѣ: дворянство, увидѣвъ, что онъ можетъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, поспѣшило отклонить грозу, и

оно отклонило ее съ искусствомъ, достойнымъ болѣе благородной цѣли! Не прошло году — и послѣдняя мѣра получила значительное ограниченіе, а черезъ два года — законъ объ ополченіи былъ возстановленъ, ибо «благо государства» — сказано было въ манифестѣ — требуетъ нѣкотораго ограниченія свободы мужиковъ, которую они пріобрѣли посредствомъ уничтоженія прежняго закона объ ополченіи».

Вскорѣ послѣдовала новая мѣра, дававшая помѣщикамъ право, тѣхъ крестьянъ, которые, отслуживъ предписанныя 6 лѣтъ въ войнѣ, возвращались въ деревню, и не желали принять для обработки предлагаемый имъ помѣщикомъ участокъ (конечно, самый негодный), отдавать въ гвардію или въ наемные полки. Понятно, что землевладѣльцы получили такимъ образомъ средство — принуждать каждаго крестьянина къ принятію предлагаемыхъ ему условій, потому-что ему не оставалось иного исхода, какъ вторичное поступленіе въ военную службу, прелестями которой никто тогда не соблазнялся, успѣвши разъ ими насладиться. Но и эта мѣра казалась еще недостаточною: черезъ 5 лѣтъ послѣдовало новое распоряженіе, по которому каждый отпущенный изъ рядовъ войска солдатъ обязанъ былъ непремѣнно возвращаться въ помѣстье, изъ котораго поступилъ на службу, и принимать предлагаемый ему участокъ. По закону 1733 г. помѣщикъ получалъ право распоряжаться судьбою крестьянина, начиная съ 14-го лѣтняго его возраста, ибо только тогда онъ вносился въ рекрутскіе списки. Въ 1764 г. оказалось это недостаточнымъ: и крестьянскій ребенокъ отдавался на жертву помѣщичьему произволу десятью годами ранѣе, т. е. послѣ достиженія имъ четырехъ лѣтняго возраста!! Этихъ данныхъ, кажется, достаточно, чтобы понять всю глубину бѣдствій, которымъ былъ обреченъ датскій крестьянинъ еще сто лѣтъ тому назадъ.

Благородный контрастъ съ датскою аристократіей представляетъ, въ XVIII в., дворянство германскихъ герцогствъ, которому принадлежитъ честь быть первымъ на пути улучшенія быта сельскаго населенія, не только въ Даніи, но даже въ цѣлой Германіи. Оно первое, и притомъ вполнѣ добровольно, подало своимъ собратіямъ примѣръ уничтоженія крѣпостного права. Примѣръ былъ поданъ еще въ исходѣ XVII вѣка графомъ Христоформъ Ранцау, даровавшимъ всѣмъ крѣпостнымъ своихъ помѣстій свободу, которою они однако пользовались не долго, потому что, послѣ продажи ихъ, черезъ нѣсколько лѣтъ графу Дернату, они подпали власти послѣдняго, не смотря на то, что онъ обязался въ купчей не посягать на независимость крестьянъ имѣнія. Черезъ полвѣка послѣ этой продажи они были все еще крѣ-

постными! Къ предтечамъ освобожденія крестьянъ въ герцогствахъ слѣдуетъ отнести также: Аленфельда, графовъ: Іоанна Ранцау и Гюнтера, въ особенности второго, сочиненіе котораго по вопросу объ освобожденіи было перепечатано даже въ Россіи, и пользовалось, въ свое время (1766), вполнѣ заслуженною извѣстностью. Графъ Ранцау, описывая яркими красками безотрадное положеніе своего имѣнія (Ашеберга) до освобожденія, указываетъ на растлѣвающее вліяніе крѣпостной зависимости на крестьянина, и матеріальный вредъ ея для помѣщика. «Неудовольствія и досада — говоритъ онъ — съ которыми крѣпостные отправлялись на работу, порождали совершенное равнодушіе къ ней. Имъ было совершенно все равно, хорошо или худо она была исполнена; качество и количество ея обусловливались, главнымъ образомъ, присутствіемъ или отсутствіемъ надсмотрщиковъ. Равнодушіе къ труду было полнѣйшее, и притомъ не только къ труду барщинному, но и къ воздѣлкѣ собственныхъ полей. Отчаянное положеніе ихъ убило въ нихъ даже надежду на какое-либо улучшеніе своего быта. Живя настоящимъ, безъ надежды въ будущемъ, они издерживали все, что̀ приносилъ имъ сегодняшній день, зная, что помѣщикъ обязанъ кормить ихъ, если у нихъ не хватитъ собственныхъ средствъ, или отпуститъ искать счастья куда глаза глядятъ. Наблюдая оставшихся, не трудно было замѣтить два обстоятельства, изъ которыхъ одно было вредно для страны, другое унижало человѣческое достоинство. Во 1-хъ, оставшіеся въ помѣстьи крестьяне не имѣли энергіи улучшать свои поля, поддерживать свои жилища, даже заключать браки. Если же они были вынуждены какими-либо обстоятельствами къ этому, то они старались не имѣть потомства, чтобы не оставить имъ такого же наслѣдства, какое они сами получили отъ своихъ предковъ. Во 2-хъ, все это убивало въ нихъ нравственное, хорошее. Они оставались совершенно равнодушными къ религіи, были нерѣдко проникнуты полнѣйшею ненавистью къ старшимъ, и отличались полнѣйшею нечувствительностью къ собственной судьбѣ. Трудились они вполнѣ механически, какъ рабочій скотъ, безъ размышленія о сбереженіи силъ и производительномъ ихъ употребленіи, притомъ лѣниво, неохотно, и это потому, что они знали по опыту, что они работаютъ не для себя, а на пользу другого. Въ нихъ встрѣчаемъ соединенными двѣ противоположности: бѣдность и расточительность. Потерявъ всякую надежду выйти изъ первой, они утѣшали себя тѣмъ, что расточали то немногое, что̀ оставалось у нихъ, выходя изъ положенія: «если «господа наши не желаютъ сами понести убытки, они должны «насъ кормить». Такъ-какъ человѣкъ не можетъ жить безъ за-

нятія и безъ удовольствія, то они наполняли время пороками и разгуломъ. Жизнь они проводили или въ тунеядствѣ, или въ безпутствѣ.»

Авторъ, размышляя надъ средствами, при помощи которыхъ онъ могъ бы отвратить вредныя послѣдствія этого порядка вещей для него и крестьянъ, пришелъ къ убѣжденію, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для этого есть — пробудить въ послѣднихъ уснувшее чувство собственной пользы, самый мощный рычагъ человѣческой дѣятельности, именно тѣмъ, чтобы крестьяне работали впредь не только для помѣщика, но и для самихъ себя. Съ этою цѣлью графъ Ранцау сдѣлалъ опытъ: онъ отдалъ самый плохой участокъ въ наслѣдственную аренду, за умѣренную плату, крестьянину, освобожденному имъ отъ всѣхъ повинностей. Черезъ пять лѣтъ уже опытъ этотъ заявилъ себя такими блестящими результатами, что графъ, естественно, приступилъ къ расширенію принятой имъ системы. Авторъ сознается далѣе, что дѣйствительность, послѣ 27-ми лѣтняго опыта, превзошла его ожиданія. Населеніе имѣнія его не только значительно возрасло отъ предоставленной ему свободы, но измѣнилось физически и нравственно. Мѣсто прежней лѣни, грубости, разврата, ябедничества и страшнаго пренебреженія воспитанія дѣтей, заняли: прилежаніе, желаніе образоваться, стремленіе къ нравственному совершенствованію, довольство и попеченіе о воспитаніи дѣтей. Въ заключеніе графъ сознается, что для него, помѣщика, реформы эти имѣли послѣдствіемъ то, что не смотря на очень значительныя издержки по имѣнію (на постройку новыхъ домовъ, покупку скота), онъ получалъ въ послѣднее время гораздо бо̀льшіе доходы, чѣмъ при прежней системѣ, и что арендаторы его произвели уже такія улучшенія почвы и построекъ, которыя ему, при прежней системѣ, не удалось бы сдѣлать и въ теченіе полувѣка.

Естественно, что свидѣтельство столь уважаемаго сельскаго хозяина произвело сильное вліяніе на помѣщиковъ герцогствъ. Тридцать три изъ нихъ, задолго до уничтоженія крѣпостного права въ началѣ XIX вѣка, proprio motu отказались отъ него въ своихъ имѣніяхъ.

Этому частному улучшенію быта сельскаго населенія способствовалъ не мало примѣръ готторпскаго правительства, опередившаго на этомъ пути королевское. Извѣстно, что Голштинія и Шлезвигъ, въ теченіе двухъ столѣтій, состояли во власти королевской линіи ольденбургскаго дома, и потомъ младшей, герцогской линіи, получившей названіе по имени ихъ родового замка — готторпской. Эта послѣдняя начала̀ еще въ половинѣ

XVIII вѣка освобождать своихъ крестьянъ изъ крѣпости, предоставляя имъ прежде обработываемые участки на правахъ наслѣдственныхъ арендаторовъ. По восшествіи этой линіи на русскій престолъ, голштейнъ-готторпскій домъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ на этомъ пути: онъ предоставилъ имъ пріобрѣтать эти участки въ собственность на очень выгодныхъ условіяхъ уплаты. Такъ-называемое московское Положеніе о подводной повинности (1767) также уничтожило многія злоупотребленія, вытекавшія изъ ея неопредѣленности. Эти мѣропріятія побудили и королевское правительство послѣдовать этому примѣру: въ періодъ времени отъ 1765 до 1787 г. въ большей части (52) королевскихъ помѣстій Голштиніи и Шлезвига крѣпостная зависимость замѣнена была наслѣдственными арендаторскими отношеніями. Послѣдствія этихъ улучшеній не замедлили вскорѣ обнаружиться: уже въ 1787 г., вмѣсто 260, помѣстья эти населены были 776 семействами, и ежегодный доходъ съ нихъ увеличился на 50% противъ прежняго.

Благодаря сильному вліянію датскаго дворянства въ Копенгагенѣ, эти примѣры не скоро оказали свое дѣйствіе въ самой Даніи. Примѣръ министра графа Бернсдорфа, несмотря на заманчивые результаты, имъ достигнутые при замѣнѣ (въ 1767 г.) крѣпостного труда арендаторскимъ, тоже не нашли многочисленныхъ подражателей. Не болѣе успѣха имѣли и благонамѣренныя реформы Струэнзе (1771) старавшагося замѣнить произвольныя и неопредѣленныя барщинныя работы облегченными и опредѣленными. Съ паденіемъ его и онѣ были забыты. Только съ восшествіемъ на престолъ Фридриха VI-го (1784) взошла для несчастнаго сельскаго населенія Даніи новая заря. Значительное и постоянное уменьшеніе народонаселенія побудили его приступить, сперва въ королевскихъ помѣстьяхъ, а потомъ и въ дворянскихъ, къ уничтоженію барщинныхъ работъ и замѣнѣ ихъ ежегодною умѣренною податью и отдачею участковъ въ наслѣдственную аренду. Слова его, произнесенныя имъ въ разговорѣ съ крупнымъ землевладѣльцемъ, графомъ Равентловомъ, не совѣтовавшимъ вдругъ измѣнять вѣковыхъ отношеній и отложить реформу ихъ еще на нѣсколько лѣтъ, такъ знаменательны въ устахъ правителя, что заслуживаютъ быть приведенными здѣсь. Возражая Равентлову на этотъ совѣтъ, едва достигшій 19-ти лѣтняго возраста принцъ-регентъ, выразился: «Мнѣ однако кажется, что въ вопросѣ такой важности, отъ разрѣшенія котораго зависитъ благо страны, *мы не имѣемъ права терять даже одних сутокъ*. Нельзя ли приступить къ нему завтра же, или не позже, какъ послѣ завтра?» Но что слова эти не были только

громозвучной фразой, это доказываютъ его послѣдующія *дѣйствія*. Въ 1786 г. онъ учредилъ коммисію изъ экспертовъ и людей благонамѣренныхъ, для рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ съ возможнымъ охраненіемъ помѣщичьихъ интересовъ. Краеугольнымъ вопросомъ былъ вопросъ уничтоженія упомянутаго выше суррогата крѣпостного права — прикрѣпленія къ землѣ. Полтора года прошло въ преніяхъ, пока большинство коммиссіи признало необходимость его уничтоженія. Столько же, если не больше, препятствій, встрѣтила эта реформа и въ средѣ государственнаго совѣта, гдѣ только Бернсдорфъ былъ единственнымъ поборникомъ благихъ намѣреній короля. Закономъ 1788 г. прикрѣпленіе къ землѣ было отмѣнено и притомъ такъ, что всѣ крестьяне, недостигшіе 14-ти лѣтняго, или свыше 36-ти лѣтняго возраста, дѣлались *немедленно* свободными; остальные же получали свободу 1 января 1800 г., т. е. ихъ нельзя было удерживать въ имѣніи, въ которомъ они достигли уже 4-хъ лѣтняго возраста, долѣе этого срока. Съ помѣщиковъ слагалась обязанность заботиться о представленіи рекрутъ для комплектованія арміи и флота, и она возлагалась непосредственно на самихъ обязанныхъ этой повинностью. Такъ-какъ этотъ налогъ крови и смерти лежалъ въ Даніи, до половины текущаго столѣтія, исключительно на сельскомъ населеніи, то личное освобожденіе его отъ прежняго прикрѣпленія къ землѣ оказалось не совсѣмъ полнымъ, ибо каждый крестьянинъ не имѣлъ права до тѣхъ поръ удаляться изъ своего рекрутскаго участка, пока не исполнилъ своей военной повинности. Такимъ образомъ, только границы прежняго прикрѣпленія были нѣсколько расширены, и лица, наблюдавшія за исполненіемъ этого закона, были оффиціальныя, вмѣсто прежнихъ помѣщиковъ; личная же свобода датскаго крестьянина не могла однако назваться полною. Изъ желанія успокоить взволнованное указанными выше мѣрами дворянство, принцъ издалъ въ 1791 г. законъ, еще болѣе стѣснявшій личную свободу значительной части сельскаго населенія: онъ запретилъ всѣмъ холостымъ батракамъ поступать въ поденьщики. Какихъ бы лѣтъ они ни были, они должны были поступать на мѣста, на которыхъ могли даже подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ. Малодушная уступка эта сословнымъ интересамъ существовала почти полвѣка.

За закономъ 1788 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій о выкупѣ барщиннаго труда и ненавистной десятины, и надѣленіи крестьянъ недвижимою собственностью или обращеніи ихъ въ наслѣдственные арендаторы.

Нѣмецкія герцогства обязаны были графу Бернсдорфу уни-

чтоженіемъ въ нихъ крѣпостной зависимости. Онъ приступилъ къ этому запрещеніемъ (1791) помѣщикамъ сдавать крестьянъ за наказаніе въ солдаты; а въ слѣдующемъ—шлезвигскимъ крестьянамъ было разрѣшено заключать договоры. Его же стараніямъ обязаны герцогства тѣмъ, что мѣстное дворянство сознало и объявило необходимость уничтоженія крѣпостной зависимости, какъ учрежденія несправедливаго, такъ и вреднаго для государства и даже для землевладѣльцевъ!! Оно опредѣлило окончательное его уничтоженіе въ теченіе 8 лѣтъ (считая съ 1797 г.). Правительство, съ радостью ухватившись за это неожиданное содѣйствіе его видамъ, опредѣлило, что съ 1 января 1805 крѣпостное право уничтожается на всемъ пространствѣ герцогства. Кромѣ опредѣленія правъ личныхъ и по имуществу изданъ былъ еще очень хорошій законъ, опредѣлявшій, что всѣ крестьяне, которые не пожелали бы сохранить за собою воздѣлываемые ими участки, должны содержаться на счетъ имѣнія. Кромѣ того было опредѣлено, чтобъ число крестьянскихъ участковъ не было уменьшаемо противъ того количества, которое засталъ новый законъ, безъ особеннаго на то королевскаго разрѣшенія. Нарушившіе этотъ законъ подвергались пени въ 500 талеровъ. Цѣль его очевидна: онъ имѣлъ въ виду устранить тѣ злоупотребленія, которыя мы видѣли, въ другихъ странахъ, напр. въ Пруссіи, гдѣ помѣщики, удаливъ разными средствами крестьянъ съ участковъ, присоединяли послѣдніе къ своимъ полямъ. Здѣсь не было уже поводовъ къ подобнымъ злоупотребленіямъ, ибо помѣщики обязаны были содержать обѣднѣвшихъ крестьянъ, и участки ихъ сдавать другимъ земледѣльцамъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости они освобождались отъ барщины, но обязаны были однако уплачивать помѣщикамъ, до заключенія окончательныхъ сдѣлокъ, извѣстную сумму, а гдѣ подобныя не состоялись до 1 мая 1805 г. — тамъ крестьяне обязаны были исполнять необходимыя работы до регулированія ихъ въ недальней будущности. Возникавшіе изъ этихъ отношеній споры разрѣшались безпошлинно и внѣ обыкновенныхъ юридическихъ формальностей, особыми коммиссарами.

И здѣсь, какъ и въ Даніи, мирныя отношенія между землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ установились не вдругъ. Послѣднее не было довольно полученными облегченіями, первые не могли примириться съ претерпѣнными потерями. Въ Шлезвигѣ дѣло вскорѣ уладилось, но въ Голштиніи правительственнымъ коммиссарамъ не вездѣ удавалось примирить противоположные интересы, и имъ приходилось, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, прибѣгать къ диктаторскимъ мѣрамъ. Коммиссарамъ пре-

подана была инструкція, тщательно опредѣлявшая права и обязанности обѣихъ сторонъ. Составленная гуманно, справедливо и удобопонятно, она не мало содѣйствовала замиренію страны.

Присоединеніе (въ 1815 г.) къ датской коронѣ Лауэнбурга не породило никакихъ затрудненій по крестьянскому вопросу. Крѣпостное право никогда здѣсь не было юридически признано. Несмотря однако на это, начиная съ XVII вѣка, участь крестьянъ была здѣсь незавидна. Даже и теперь, послѣ отмѣны либеральной конституціи 1849 г., положеніе ихъ представляетъ многія темныя стороны: крестьянъ-собственниковъ здѣсь немного, значительная часть сельскаго населенія состоитъ изъ наслѣдственныхъ, а еще большая изъ временныхъ арендаторовъ; сохранились даже нѣкоторыя патримоніальныя права.

Совершенно противоположное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ Данія и герцогства со времени уничтоженія крѣпостного права. Здѣсь число арендаторовъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и они вѣроятно вскорѣ совершенно исчезнутъ въ массѣ крестьянъ — поземельныхъ собственниковъ. Явленіе это объясняется не давленіемъ такъ-называемой мужицкой партіи (этимъ словомъ здѣсь называютъ демократическую партію), требующей, чтобы землевладѣльцы были принуждены закономъ обратить арендные участки въ свободную собственность, а тѣмъ, что сами землевладѣльцы пришли къ убѣжденію, что подобная перемѣна выгодна не только для сельскаго населенія и страны, но и для нихъ самихъ. Послѣдніе слѣды прежней зависимости уничтожены были въ недавнее только время провинціальными собраніями, которыя, несмотря на ограниченность круга своихъ дѣйствій, дѣйствовали очень энергически. Въ 1835 г., когда они открыли свою дѣятельность, почти $^1/_4$ часть крестьянъ датскихъ состояла еще на барщинѣ, такъ-какъ обѣ стороны не шли на сдѣлки, и правительство оказалось почти безсильнымъ въ этомъ дѣлѣ. Крестьяне не хотѣли и слышать о выкупѣ барщины, а требовали, чтобы правительство освободило ихъ отъ нея безъ всякаго вознагражденія, или же за очень незначительное. Отправляя барщинныя работы крайне нерачительно, они вынудили помѣщиковъ, не располагавшихъ дѣйствительными средствами взысканія, уступить ихъ требованіямъ. Кончилось тѣмъ, что помѣщики, рѣшившись получить хоть что-либо, удовольствовались выкупною суммою, соотвѣтствующею 30 рублямъ, или равноцѣннымъ количествомъ хлѣба. Законъ о холостыхъ батракахъ измѣненъ былъ также стараніями провинціальныхъ собраній: королевскимъ декретомъ 1840 г. разрѣшено было имъ, по достиженіи 28-лѣтняго возраста, спискивать себѣ пропитаніе само-

стоятельнымъ, по собственному выбору, трудомъ. Въ 1849 г. уничтожены были послѣдніе слѣды прикрѣпленія къ землѣ, введеннаго съ цѣлью отправленія рекрутской повинности.

Не лишено интереса прослѣдить, какія измѣненія оказала на производительность Даніи обработка ея почвы руками свободныхъ людей. Въ періодъ времени отъ 1775 до 1784 г., Данія, Норвегія и нѣмецкія герцогства нуждались болѣе чѣмъ въ ста тысячахъ тоннъ[1]) ржи и болѣе 27 тысячахъ тоннъ ячменя и солода. Съ октября 1816 по іюнь 1817 г. собственно датскія провинціи отпустили за границу болѣе 900 тысячъ тоннъ хлѣба; а въ періодъ времени отъ 1821—1830, Данія, вмѣстѣ съ нѣмецкими герцогствами, ежегодно отпускала за границу отъ милліона восьми сотъ тысячъ, до милліона девяти сотъ тысячъ тоннъ хлѣба, т. е. почти вдвое болѣе, чѣмъ Пруссія въ этотъ же періодъ времени. Въ 1840 г. вывозъ изъ Даніи и герцогствъ доходитъ уже до $2^1/_2$ милліоновъ тоннъ!! И другія отрасли сельскаго производства представляютъ тѣ же результаты. Въ началѣ текущаго столѣтія Данія нуждалась во ввозѣ коровьяго масла. Въ 30-хъ годахъ она уже отпускаетъ его до 54 тысячъ тоннъ, а въ 1840—уже 74,000. Естественно, что соотвѣтственно этому возрасла и цѣнность земли, возвысившаяся въ три раза противъ стоимости ея въ концѣ истекшаго столѣтія.

Судьба сельскаго населенія въ *Швейцаріи* представляетъ свои особенности.

Напрасно стали бы мы предполагать, что съ основаніемъ Союза положено было основаніе независимости сельскаго населенія этой страны. Правда, тѣ крестьяне, которые свергли съ себя австрійское иго и основали альпійскую республику, равно какъ и тѣ, которые были вслѣдъ за тѣмъ приняты въ Союзъ, достигли полной свободы, но ею пользовалось далеко не все сельское населеніе страны. Рядомъ съ новой республикой на территоріи швейцарской существовало долгое время значительное число независимыхъ владѣтелей—духовныхъ и свѣтскихъ, исчезнувшихъ не вдругъ, а вытѣсненныхъ постепенно. Хотя судьба крестьянъ, имъ подвластныхъ, была не такъ тяжела, какъ въ остальной Европѣ—они имѣли всегда возможность и случай удалиться отъ притѣсненій на территорію сосѣднихъ республикъ—однако они все-таки не были свободны, несли разныя тяжелыя повинности, отправляли нелегкую барщину и т. п.

Немало способствовало сохраненію крѣпостныхъ отношеній

[1]) Тонна—нѣсколько болѣе 6 русскихъ четвериковъ.

въ Швейцаріи обстоятельство, что крестьяне, сверглше иго зависимости, равно-какъ разбутѣвшіе горожане, не могли устоять противъ соблазна—сдѣлаться самимъ помѣщиками, пріобрѣсти крѣпостныхъ. Населеніе мѣстностей, покоренныхъ свободными швейцарцами, въ кровопролитныхъ и продолжительныхъ войнахъ съ Австріей и разными владѣтельными лицами, не дѣлались равноправными гражданами побѣдителей, а оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ были прежде. Перемѣнялись только владѣльцы ихъ, но не ихъ положеніе. Замѣчательно также, что оно было менѣе всего завиднымъ въ демократическихъ кантонахъ и относительно лучше въ аристократическихъ, т. е. тамъ, гдѣ власть сосредоточивалась въ рукахъ городскихъ олигарховъ, отчасти заботившихся объ улучшеніи участи своихъ подвластныхъ. Бернъ подалъ первый примѣръ. Уже съ начала XV вѣка здѣсь видны попытки освободить крестьянское населеніе изъ крѣпостной зависимости, посредствомъ дешеваго выкупа и гарантіи капитала и процентовъ, такъ-что къ концу XV вѣка на пространствѣ бернской территоріи не оставалось уже почти крѣпостныхъ.

Реформація и Германская большая крестьянская война оказали свое благодѣтельное вліяніе на судьбу сельскаго населенія Швейцаріи. Весною 1525 г. цюрихскіе поселяне возстали, требуя уничтоженія крѣпостного права, барщины и т. п. Совѣтъ кантонскій оказался настолько благоразумнымъ и гуманнымъ, что предпочелъ миролюбивую сдѣлку кровопролитному подавленію возстанія. Немедленная уступка и удовлетвореніе справедливыхъ требованій крестьянъ усмирило ихъ. На первомъ планѣ было, конечно, безвозмездное уничтоженіе крѣпостной зависимости и всѣхъ тягостей, вытекавшихъ изъ личной зависимости, и обязательство—побудить къ этимъ же уступкамъ всѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ на территоріи республики. Хотя барщина была сохранена, однако обѣщано было, въ случаѣ чрезмѣрнаго или несправедливаго обремененія ею крестьянъ, отмѣнить ее въ возможно непродолжительномъ времени, допущенъ былъ также и выкупъ вещественныхъ повинностей, и оказано было даже пособіе для этой цѣли. Правительство республики свято сдержало обѣщанное, такъ-что въ непродолжительномъ времени не осталось и слѣдовъ крѣпостной зависимости. Этимъ объясняется благосостояніе, котораго достигли Бернскій и Цюрихскій кантоны уже въ теченіе XVIII столѣтія. Отвратительный контрастъ съ этими кантонами представляли Базель и Солотурнъ. Въ 1525 г. возстали и базельскіе крестьяне. Правители кантона считали себя счастливыми, когда имъ удалось, при посредничествѣ Берна и Цюриха, склонить крестьянъ на миръ подъ условіемъ сдѣлать

имъ тѣ же уступки, которыя обѣщалъ имъ Цюрихъ. Но въ секретномъ протоколѣ базельскаго совѣта было оговорено, что необходимо нарушить данное обѣщаніе, какъ только обстоятельства позволятъ!! Когда сельское населеніе Солотурна, выведенное изъ терпѣнія позорнымъ торгомъ, который вели олигархи этого кантона, кровью его «подданныхъ», возстало (1515), они обѣщали, для успокоенія возстанія, выкупъ крѣпостного права, но вслѣдствіе секретной статьи протокола, подобной базельскому, онъ не состоялся. Только къ концу XVIII вѣка сельское населеніе этого кантона получило наконецъ свободу.

Самая жалкая судьба постигла крестьянъ тѣхъ кантоновъ, которые (какъ напр. нынѣшніе кантоны Тессинскій и Тюргаускій) были завоеваны старыми кантонами сообща. Сообща они и управлялись ихъ воеводами, которые, получая свои мѣста не болѣе какъ на два года, и нерѣдко покупая ихъ, не упускали случая «кормиться» до-сыта. Духовные землевладѣльцы тоже не уступали этимъ свѣтскимъ баскакамъ. Если они и соглашались, въ періодъ безденежья, на выкупъ крестьянъ на волю, то иначе, какъ за весьма высокую цѣну и притомъ съ разными тяжелыми условіями, напр., что выкупившіеся утрачиваютъ свою свободу какъ только вздумаютъ возвратиться обратно на мѣсто родины. Даже въ XVII вѣкѣ встрѣчаются еще случаи закабаленія, благочестивыми отцами, свободныхъ людей. Неудивительно послѣ этого, что въ теченіе XVI, XVII и XVIII столѣтій швейцарская почва потрясаема была столькими, общими и частными, возстаніями, и что предвозвѣстники французской революціи 1789 года были встрѣчены несвободнымъ сельскимъ населеніемъ съ восторгомъ. Самые отчаянные олигархи спѣшили предотвратить опасность своевременными уступками. Правители Солотурна уничтожили крѣпостное право уже въ 1785 г.; патриціи же Базеля и теперь не могли рѣшиться дѣйствовать честно. Хотя и они уничтожили крѣпостную зависимость (1790), но съ заднею мыслью — дать освобожденнымъ какъ можно менѣе правъ. Движеніе къ эманципаціи проявилось и въ другихъ кантонахъ, но и здѣсь ему не было сдѣлано существенныхъ уступокъ, поэтому нельзя удивляться, что народъ совершенно равнодушно отнесся къ чужеземному владычеству. Олигархи были до-того ослѣплены, что готовы были охотнѣе подпасть иностранному владычеству, чѣмъ пойти на уступки, которыя приравняли бы ихъ съ ихъ прежними «подданными». Эти же послѣдніе равнодушно смотрѣли на разгромъ отечества, которое держало ихъ въ неволѣ. Нѣтъ повода, поэтому, удивляться, что французамъ удалось, при подобномъ раздвоеніи интересовъ, основать гельветическую рес-

публику (1798), которая положила конецъ крѣпостнымъ отношеніямъ на всемъ пространствѣ швейцарской территоріи. За этимъ непосредственно слѣдовали мѣры для освобожденія земли отъ феодальныхъ тягостей. Но такъ-какъ большая часть послѣднихъ составляла собственность государства, и общая сумма главной изъ нихъ, десятины, простиралась въ то время до 118 милліоновъ франковъ (изъ нихъ только 28 принадлежали частнымъ лицамъ, остальные же 90 казнѣ), то понятно, что уничтоженіе ея должно было вызвать страшное финансовое замѣшательство. Этимъ объясняется сопротивленіе, встрѣтившее, со стороны тогдашняго правительства, предложеніе уничтожить эти феодальныя права совершенно безвозмездно. Несмотря однакожъ на то, правительство вынуждено было отказаться даромъ отъ всѣхъ небольшихъ десятинъ; остальныя тягости выкуплены были за очень умѣренную сумму. Десятины, платимыя государству, выкупались взносомъ четвертной годовой суммы, государство же обязалось выкупить у корпорацій и частныхъ лицъ ихъ натуральныя десятины уплатой имъ ежегоднаго ихъ дохода, помноженнаго на 15, а денежные оброки помножались даже на 20. Но законъ этотъ, грозившій странѣ банкротствомъ, не былъ исполненъ. Новая конституція, данная Наполеономъ странѣ весною 1803 г., освободила страну отъ грозившей ей опасности. Отдѣльные кантоны воспользовались полученной вновь автономіею для болѣе справедливаго рѣшенія вопроса о выкупѣ, грозившаго такой опасностью республикѣ. Кантонъ бернскій первый опредѣлилъ, что всѣ большія десятины и прочія поземельныя подати должны быть взносимы, до выкупа ихъ, или до переложенія ихъ въ опредѣленную норму, по правиламъ, существовавшимъ до 1798 года. Вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ закономъ, 2 іюля 1803 г., выкупъ, какъ большой и малой десятины, такъ и поземельной ренты. Послѣдняя выкупалась взносомъ ежегоднаго дохода, помноженнаго на $33\frac{1}{2}$; первая — на 25, а малая, принадлежащая частнымъ лицамъ десятина, помноженіемъ ежегоднаго дохода на 20. Малая десятина, принадлежащая государству, уничтожалась даромъ. Ежегодный доходъ опредѣлялся по средней сложности 21 послѣднихъ лѣтъ и соотвѣтствующей средней цѣнѣ продуктовъ, или же оцѣнкой. Выкупная сумма вносилась въ три срока, въ теченіе 6 лѣтъ, черезъ каждые 2 года. Условія эти, очень невыгодныя для выкупающихъ, очень замедлили дѣло выкупа, такъ что черезъ 30 лѣтъ законодательство принуждено было принять мѣры къ его облегченію. Закономъ 1834 года, выкупная сумма всѣхъ десятинъ была уменьшена; доходъ, выведенный по 10-тилѣтней сложности, помножался на 20 для выкупа всѣхъ деся-

тинъ (съ 1846 года на 14), а для выкупа поземельной ренты — на 25. Землевладѣльцы, находя подобную оцѣнку несправедливою, отказывались входить въ сдѣлку съ крестьянами, которые, въ свою очередь, пришли къ убѣжденію, что выкупъ — дѣло вообще совершенно излишнее, такъ-что правительству ничего болѣе не оставалось, какъ принять выкупъ на свой счетъ по послѣдней нормѣ.

Тѣ же явленія повторяются и въ другихъ кантонахъ Швейцаріи. Выкупъ и въ нихъ отсрочивался по тѣмъ же причинамъ, или же потому, что правительства дѣлали ошибку, повторяющуюся во всѣхъ нѣмецкихъ законодательствахъ: они не оказывали выкупающимъ никакого денежнаго вспомоществованія. Въ нѣкоторыхъ же кантонахъ, по преимуществу въ католическихъ (напр. въ Тессинскомъ), духовенство, проникнутое духомъ христіанской любви, возбуждало народъ противъ законовъ о выкупныхъ сдѣлкахъ.

Болѣе всѣхъ другихъ правительствъ сдѣлало въ этомъ вопросѣ правительство Ватландскаго кантона, и въ другихъ вопросахъ опередившаго остальныя швейцарскія республики. Выкупная сумма десятинъ опредѣлена была помноженіемъ цѣны годового чистаго дохода на 20, а поземельной ренты и другихъ феодальныхъ тягостей — на 25. Но рядомъ съ этимъ было опредѣлено приступить къ продажѣ государственныхъ имуществъ кантона, для того, чтобы вырученною суммою оказать содѣйствіе покупщикамъ-земледѣльцамъ, отказываясь одновременно безвозмездно отъ всѣхъ десятинъ и доходовъ съ земли, на которые въ иныхъ мѣстахъ имѣло право государство. Получивъ за продажу казенныхъ имуществъ болѣе трехъ милліоновъ франковъ, ватландское правительство пріятно удивило сельское населеніе своего кантона, давъ ему возможность пріобрѣсти его поземельные участки, за которые оно платило десятину, за цѣну, равнявшуюся ежегодному доходу, помноженному на 5 (вмѣсто на 20, какъ было опредѣлено закономъ), а тѣ участки, гдѣ платилась поземельная рента, за цѣну, равную чистому доходу, помноженному на 6 (а не на 25). Послѣдствія этой благоразумной мѣры не замедлили обнаружиться: къ 1 января 1812 г. выкупныя сдѣлки были окончены на всей территоріи кантона.

До конца среднихъ вѣковъ положеніе крестьянъ въ провинціяхъ, составляющихъ теперь *Голландію*, не представляло почти никакого различія отъ положенія крестьянъ въ германской имперіи, къ которой эти области тогда принадлежали. Разница состояла только въ томъ, что сельское населеніе этихъ провинцій

(не только береговое) занималось рыболовствомъ и мореплаваніемъ, доставлявшими имъ, чаще чѣмъ въ иныхъ странахъ, возможность откупаться изъ крѣпостной зависимости. Правители этихъ областей не только не полагали никакихъ преградъ этому стремленію сельскаго населенія, но даже старались способствовать ему; ибо оно, кромѣ обогащенія ихъ самихъ, представляло имъ возможность находить въ немъ оплотъ противъ строптиваго городского элемента. Эти же причины побуждали, вѣроятно, дворянство и духовенство слѣдовать примѣру правителей и не противиться эманципаціи. Перевѣсъ городского элемента заставлялъ ихъ дѣлать уступки во-время. Еслибы они не соглашались на нихъ, сельское населеніе имѣло ежедневно возможность войти въ городскія ворота, за которыми дворянскій произволъ не могъ уже настичь ихъ. Поэтому мы видимъ, что когда въ половинѣ XV вѣка герцогъ бургундскій, Филиппъ Добрый, соединилъ подъ своимъ скипетромъ большую часть нидерландскихъ и бельгійскихъ провинцій, во многихъ изъ нихъ крѣпостная зависимость не существовала уже (хотя она никогда не была уничтожена законодательнымъ порядкомъ) въ дѣйствительности, а въ исходѣ XVI-го столѣтія ея не было и слѣда въ областяхъ, возставшихъ противъ испанскаго владычества и образовавшихъ нидерландскую республику. Этимъ объясняется и странное явленіе, что реформація проникала сюда очень медленно: сельское населеніе избѣгало этого нововведенія, въ которомъ оно опасалось встрѣтить учрежденіе, ухудшающее его матеріальное положеніе. Потому-то оно такъ долго оставалось въ этой странѣ католическимъ и расположеннымъ къ испанскому владычеству. Настроеніе его измѣнилось только тогда, когда оно убѣдилось, что ни республиканская форма правленія, ни перемѣна религіи не влекутъ за собою ожидаемыхъ имъ бѣдствій; помирившись съ новымъ порядкомъ вещей, оно окончательно было расположено къ нему секуляризаціею духовныхъ имѣній и обращеніемъ въ національную собственность помѣстій, принадлежавшихъ прежнимъ правителямъ. Это внезапное расположеніе массъ къ новому порядку вещей объясняется естественно: большая часть изъ нихъ, изъ арендаторовъ, имѣла теперь возможность сдѣлаться поземельными собственниками.

Несмотря однакожъ на изложенное, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ уцѣлѣли-было, почти до XVIII вѣка, нѣкоторые слѣды прежней зависимости, въ особенности въ Гельдернѣ и Оберисселѣ. Правительство, желая побудить окружныхъ начальниковъ (Drosten) послѣдней провинціи отказаться отъ нѣкоторыхъ работъ, которыя они имѣли право требовать отъ крестьянъ, возвысило въ 1631 г. ихъ оклады. Но такъ-какъ они, подобно

своимъ товарищамъ въ Гельдернѣ, все-таки взыскивали ихъ съ крестьянъ (въ остальныхъ провинціяхъ онѣ были уничтожены въ періодъ времени отъ 1631—1657), то въ 1717 г. было разрѣшено имъ требовать подобныя послуги только дважды въ годъ, притомъ въ предѣлахъ ихъ провинціи, и то неиначе, какъ для самихъ себя, т. е. они не имѣли права переуступать ихъ постороннимъ. Наконецъ, въ 1778 г., и эти слабые остатки прежней зависимости разрѣшено выкупить уплатою одного гульдена за конную, и четверти гульдена за пѣшую работу. Окончательное уничтоженіе, законодательнымъ путемъ, нѣкоторыхъ незначительныхъ остатковъ прежней зависимости совершилось конституціей батавской республики (23 апрѣля 1798 г.), признавшей всѣ права и обязанности, вытекавшія изъ ленной системы, а не основанныя на свободномъ взаимномъ договорѣ, какъ противныя гражданской свободѣ и равенству, необязательными и подлежащими уничтоженію.

До періода реформаціи судьба сельскаго населенія провинцій, составляющихъ теперь территорію Бельгіи, не отличалась (за немногими развѣ исключеніями, напр. Люксембурга) отъ нидерландскихъ областей. За-то положеніе крестьянъ этого герцогства было крайне печальное. Въ XVI-мъ вѣкѣ наступила тяжкая година испытаній и для крестьянъ теперешней Бельгіи, которымъ пришлось расплачиваться за ошибку, сдѣланную ими: они, изъ-за религіозныхъ предразсудковъ, не воспользовались случаемъ отложиться въ самую удобную, для снисканія самостоятельности, минуту, когда сѣверныя провинціи отстояли свою независимость. Изъ изложеннаго выше намъ достаточно извѣстно печальное положеніе сельскаго населенія провинцій, подпавшихъ подъ желѣзный скипетръ Филиппа II и его наслѣдниковъ; для обрисованія судьбы бельгійскихъ крестьянъ подъ испанскимъ игомъ достаточно сказать, что она, начиная съ XVII-го столѣтія, ничѣмъ почти не отличалась отъ судьбы испанскаго и ломбардскаго населенія. Нѣсколько улучшилась она съ переходомъ нынѣшней Бельгіи подъ власть нѣмецкой линіи дома Габсбурговъ, а значительное облегченіе послѣдовало только въ 40-лѣтнее царствованіе Маріи-Терезіи, обратившей на судьбу бельгійскаго крестьянина такое же заботливое вниманіе, какъ и въ Ломбардіи. Она начала свои реформы съ того, что привела въ исполненіе предположеніе, оставшееся безъ послѣдствій, отца своего Карла VI, предоставившаго сельскимъ обществамъ участіе въ мѣстномъ управленіи, чѣмъ они избавлялись отъ притѣсненій привилегированныхъ классовъ. Затѣмъ приступлено было къ улучшенію кадастра и болѣе справедливому распредѣленію по-

датей. Не менѣе благотворны были мѣры, принятыя тогда для оживленія сельскаго хозяйства. Такъ, молодые люди, посвящавшіе себя этой дѣятельности, были освобождаемы отъ военной службы. Даже бѣглые солдаты (а ими кишила тогда Европа) избавлялись отъ всякаго наказанія, если они, въ теченіе извѣстнаго срока, возвращались въ свои села и принимались опять за плугъ. Приступавшіе къ обработкѣ пустопорожнихъ земель освобождались отъ уплаты податей на продолжительное время. Вслѣдствіе этихъ мѣропріятій, Бельгія, въ царствованіе Маріи Терезіи, представляла странное зрѣлище: городское населеніе переходило въ села, такъ-что въ концѣ ея правленія оно уменьшилось на цѣлую треть, тогда-какъ сельское на столько же увеличилось. Окончательное освобожденіе страны отъ узъ феодализма совершилось только послѣ присоединенія Бельгіи къ французской республики въ 1794 году.

Итакъ, мы видимъ, что, при всемъ разнообразіи своихъ подробностей, исторія крестьянства въ Европѣ вездѣ, и почти единовременно, приходила къ одному и тому же результату: какъ въ древней Европѣ порабощенное положеніе крестьянъ входило нѣкогда въ число непремѣнныхъ условій благоденствія высшихъ слоевъ европейскаго общества, такъ въ новой Европѣ, въ противоположность прежнему порядку вещей, освобожденіе сельскаго сословія сдѣлалось жизненнымъ вопросомъ для всего строя государственной и общественной жизни народовъ. Переходъ отъ древнихъ понятій къ новымъ совершался весьма медленно, стоилъ иногда тяжелой и кровавой борьбы, и даже въ настоящую минуту нельзя еще сказать, чтобы во всѣхъ странахъ западной Европы рѣшеніе крестьянскаго вопроса было законченнымъ и вполнѣ соотвѣтствовало правильнымъ требованіямъ народной экономіи, какъ то мы видѣли, напримѣръ, въ Португаліи. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что, въ послѣдніе два столѣтія, для разрѣшенія этого вопроса сдѣлано гораздо больше, чѣмъ во всѣ предъидущіе вѣка, а состояніе современной цивилизаціи, болѣе здравое, ясное и широкое пониманіе общественныхъ выгодъ вполнѣ ручаются, что дальнѣйшая судьба крестьянства въ Европѣ составитъ уже не предметъ борьбы, какъ то было прежде, но заботъ о его благосостояніи и преуспѣяніи, обезпечивающихъ собою всеобщее благосостояніе, и объ устраненіи всего, что можетъ замедлить въ сельскомъ сословіи успѣхи просвѣщенія и труда.

А. Серебицкій.

Бонн-на-Рейнѣ.
$^{12}/_{24}$ сентября, 1867 года.

V.

ПІЙ IX И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Изъ «Записокъ» очевидца: 1848 и 49 гг. *).

II.

Открытіе государственной консульты и народныя демонстраціи. — Реформы. — Охлажденіе народа къ папѣ и примиреніе. — Сицилійское возстаніе и отставка Ферретти. — Манифестъ Пія IX и народный энтузіасмъ. — Свѣтское министерство и конституція. — Открытіе парламента и тронная рѣчь. — Министерство Пеллегрино Росси. — Союзный конгрессъ. — 15-ое ноября. — Убійство Росси. — Переговоры. — Бѣгство папы и римская республика.

Открытіе государственнаго совѣта, или консульты, (Consulta di Stato) въ Римѣ было назначено на 15-е ноября. Въ сущности, учрежденіе это не имѣло, однако, того важнаго значенія, какое ему хотѣли придать многіе въ римскомъ обществѣ. Законъ, въ силу котораго оно состоялось, предоставлялъ правительству право выбора членовъ: изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ префектами (legati e delegati), оно утверждало одного по своему усмотрѣнію. Число членовъ простиралось до двадцати четырехъ. Совѣтъ находился подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; президентомъ въ немъ былъ кардиналъ; засѣданія совершались при закрытыхъ дверяхъ; совѣщанія хранились въ тайнѣ. Совѣтъ не былъ облеченъ никакой высшей властью, онъ не имѣлъ права ни иниціативы, ни изданія законовъ. Вся сила членовъ заключалась въ томъ, что, при рѣшеніи дѣлъ, съ ними совѣтовались, консультировались, отсюда и названіе *Consulta*. Но

*) См. выше, т. II, отд. I, стр. 257 и слѣд.

либералы старались придать этому призраку народной представительности нравственное значеніе, которое могло бы до нѣкоторой степени замѣнить матеріальную, исполнительную власть. Съ этой цѣлью, членамъ совѣта оказывалось особенное уваженіе, и они вездѣ принимались съ большимъ почетомъ. День, назначенный для открытія совѣта, общество желало ознаменовать празднествами. Въ церемоніалѣ значилось, что совѣтъ, въ полномъ своемъ составѣ, сначала посѣтитъ папу и, получивъ его благословеніе, отправится въ Ватиканъ, гдѣ должно было совершиться благодарственное молебствіе. Народъ хотѣлъ устроить торжественное шествіе и всюду сопровождать членовъ совѣта. Во главѣ шествія должны были находиться знамена съ гербами четырнадцати частей столичнаго города и всѣхъ провинцій римскихъ владѣній. Представителямъ провинцій, одѣтымъ въ придворный костюмъ, надлежало идти въ сопровожденіи самыхъ почетныхъ и знаменитыхъ гражданъ. Римская аристократія отдала въ распоряженіе общества своихъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ, свои великолѣпные экипажи и лошадей съ роскошной упряжью и въ перьяхъ. Національная гвардія, въ полномъ составѣ и въ парадной формѣ, должна была находиться тутъ же.

Слухъ объ этихъ приготовленіяхъ дошелъ до папы и возбудилъ въ немъ сильное неудовольствіе. Тщеславный еще болѣе, нежели властолюбивый, онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться той популярностью, которая до сихъ поръ исключительно принадлежала ему. Привыкнувъ къ безконечнымъ овацiямъ и шумнымъ изъявленіямъ народнаго восторга, онъ вообразилъ себѣ, что они составляютъ его неотъемлемую собственность, а также, что ему одному принадлежитъ право творить добро. Всѣ другіе могутъ его дѣлать не иначе, какъ съ его разрѣшенія и подъ его именемъ. Онъ оскорбился тѣмъ, что народъ, кромѣ него, нашелъ еще людей, достойныхъ вниманія и уваженія, и пришелъ въ такое раздраженіе, что съ нимъ едва не сдѣлался припадокъ падучей болѣзни, признаки которой совсѣмъ было исчезли съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ. Въ порывѣ гнѣва Пій IX запретилъ празднества по случаю открытія совѣта и приказалъ отмѣнить торжественное шествіе. Кардиналъ Ферретти не рѣшился этого сдѣлать, и ограничился только тѣмъ, что посовѣтовалъ народу воздержаться отъ изъявленій радости; но совѣтъ былъ данъ слишкомъ поздно, да врядъ ли послушались бы его даже и тогда, еслибъ онъ явился во-время.

Утромъ 15-го ноября, въ Квириналъ направилось величественное шествіе. Впереди развѣвались знамена и, подъ звуки музыки, подвигались впередъ члены совѣта, между двумя колоннами на-

ціональной гвардіи и въ сопровожденіи знатнѣйшихъ изъ гражданъ. За ними ѣхало сорокъ каретъ, блестѣвшихъ золотомъ и украшеніями, возлѣ которыхъ шли конюхи и слуги въ числѣ двухсотъ человѣкъ. Весь городъ принялъ праздничный видъ; изъ оконъ были выкинуты ковры и драгоцѣнныя ткани; дамы, въ роскошныхъ нарядахъ толпились на балконахъ и махали платками; путь, по которому двигалось шествіе, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, усыпанъ цвѣтами и зелеными вѣтками. Огромныя толпы народа сопровождали шествіе и, къ обычному своему восклицанію: «да здравствуетъ Пій IX!», присоединяли еще новый крикъ: «да здравствуетъ государственный совѣтъ!» (Viva Pio IX e la Consulta di Stato!) Въ такомъ порядкѣ шествіе приблизилось къ Квириналу и внезапно остановилось въ изумленіи. Два швейцарскіе ратника въ средневѣковыхъ костюмахъ, скрестивъ алебарды, заграждали входъ во дворецъ, — предосторожность вполнѣ излишняя, во-первыхъ, потому-что никто не намѣревался нарушать приказа, а во-вторыхъ, потому-что, еслибъ народъ вздумалъ ринуться въ проходъ, двѣ алебарды ни какимъ образомъ не могли бы сдержать его.

Шествіе остановилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца; участвовавшіе въ немъ граждане увѣщевали народъ молчать и не волноваться. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія. Наконецъ, въ большихъ дверяхъ полу-отворилась калитка и въ ней показалось открытое, добродушное лицо кардинала Ферретти. «Да здраствуетъ Пій IX!» воскликнула толпа. Кардиналъ въ отвѣтъ снялъ свою красную шапку и сдѣлалъ знакъ одному изъ гражданъ, стоявшему по близости. Едва переводя духъ отъ смущенія и тревоги, онъ сказалъ, что папа очень недоволенъ этой *выходкой* (sic); сначала онъ даже положилъ отослать членовъ совѣта, не видавъ ихъ, но теперь сдался на убѣдительныя просьбы его, кардинала Ферретти, и согласился ихъ принять. Однако, онъ предупреждалъ, что ихъ ожидаетъ строгій выговоръ и просилъ народъ не шумѣть и не волноваться. Во дворецъ же будутъ допущены только члены совѣта и назначенные сопровождать ихъ сорокъ восемь гражданъ.

Кардинала Ферретти попросили, однако, открыть всю дверь, чтобы не заставить членовъ совѣта проходить сквозь эту узкую калитку, предварительно давъ ему слово, что никто изъ тѣхъ, кому не слѣдуетъ, не переступитъ за порогъ дворца. Кардиналъ согласился; двери были раскрыты настежъ, и допущенныя до лицезрѣнія его святѣйшества личности, предшествуемыя государственнымъ секретаремъ, направились въ покои Пія IX принять его благословеніе и выдержать его гнѣвъ.

Въ большой пріемной залѣ, на тронѣ, подъ огромнымъ балдахиномъ изъ пунцоваго бархата съ золотыми кистями и бахрамой, въ бѣломъ одѣяніи, возсѣдалъ Пій IX, окруженный кардиналами, прелатами и тѣлохранителями. Одной рукой онъ опирался о тронъ, а другой подбоченился, почти съ угрожающимъ видомъ. Черты лица его было искажены и покрыты смертельной блѣдностью; сдвинутыя брови какъ бы обѣщали грозу, глаза сверкали зловѣщимъ огнемъ, и, по сжатымъ губамъ, пробѣгала нервная дрожь.

Лишь только небольшое число избранныхъ вошло въ залу, Пій IX обратился къ нимъ съ грозной рѣчью. Его прерывающійся отъ гнѣва голосъ, запальчивый тонъ, презрительная, лишенная всякаго благородства поза, рѣзкія и, по временамъ, грубыя выраженія, произвели на слушателей непріятное впечатлѣніе и до крайности ихъ изумили. Мало того сказать, что онъ былъ раздраженъ,—на него точно нашелъ припадокъ бѣшенства, и онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Рѣчь была выслушана въ молчаніи, затѣмъ, по приглашенію оберъ-церемоніймейстера, всѣ приступили къ обряду колѣнопреклоненія. Папа, не стѣсняясь на этотъ разъ, допустилъ всѣхъ къ цѣлованію своей туфли, послѣ чего онъ не преминулъ еще разъ повторить, что ни въ комъ не должно оставаться и тѣни сомнѣнія насчетъ мнимой важности и значенія этого учрежденія (государственнаго совѣта); «я хочу — говорилъ онъ — видѣть во всѣхъ, нынѣ здѣсь собранныхъ членахъ совѣта, не что иное, какъ вѣрноподданныхъ гражданъ, преданныхъ трону и вполнѣ покорныхъ волѣ государя.» И вслѣдъ за этимъ, онъ отпустилъ ихъ, съ благословеніемъ, даннымъ, однако, не совсѣмъ въ миролюбивомъ духѣ.

Что̀ сказать о пріемѣ Пія IX? Что̀ дѣлать, какъ себя держать въ отношеніи къ разгнѣванному папѣ? Вотъ вопросы, которые всѣ, сходя по широкой, дворцовой лѣстницѣ, задавали другъ другу. Къ счастью, отвѣтъ на нихъ былъ данъ единодушно. Порѣшили пока скрыть рѣзкую выходку папы, по возможности смягчить жесткость произнесенныхъ имъ словъ и, ни подъ какимъ видомъ, не разглашать непріятнаго впечатлѣнія, какое на всѣхъ произвела вышеописанная сцена.

Толпа, съ нетерпѣніемъ ожидавшая возвращенія членовъ совѣта, привѣтствовала ихъ громкими виватъ, на что̀ тѣ, съ притворнымъ увлеченіемъ, отвѣчали неизбѣжнымъ: «Да здравствуетъ Пій IX!» Затѣмъ шествіе направилось, посреди всеобщаго восторга, въ соборъ св. Петра, гдѣ и былъ совершенъ торжественный молебенъ.

Какъ бы въ вознагражденіе членовъ совѣта за суровый пріемъ,

оказанный имъ папой, ихъ ожидалъ, вечеромъ того же дня, великолѣпный праздникъ, устроенный въ честь ихъ, въ большомъ театрѣ Аполлона. Театръ, отданный его владѣльцемъ, княземъ Торлонія, въ полное распоряженіе учредителей празднества, былъ превращенъ въ огромную залу, освѣщенную a giorno и роскошно убранную. Ложи, украшенныя фестонами и гирляндами, обитыя розовымъ шелкомъ и газомъ, съ огнями внутри, представляли видъ очаровательныхъ будуаровъ, наполненныхъ дамами, сіяющими красотой, нарядами и брильянтами. Пять большихъ ложъ по серединѣ театра, съ драпировкой изъ краснаго съ желтымъ (цвѣта города Рима) штофа, составляли отдѣльную залу, которая предназначалась членамъ совѣта и гдѣ ихъ ожидалъ самый привѣтливый пріемъ со стороны красивѣйшей и благороднѣйшей изъ римскихъ дамъ, княгини Торлонія, урожденной Колонны, и обладательницы несмѣтныхъ богатствъ. Два оркестра и два хора пѣвцовъ-любителей, такихъ, какіе существуютъ только въ Римѣ, по очереди исполняли разныя пьесы и кантаты, а, въ заключеніе, былъ пропѣтъ гимнъ, написанный въ честь Пія IX поэтомъ Стербини и положенный на музыку Магадзарри.

Все римское общество было приглашено на этотъ вечеръ чрезъ печатныя объявленія въ журналахъ. Мужчины являлись въ бѣлыхъ галстукахъ, башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, дамы—въ бальныхъ нарядахъ. Въ залахъ и въ фойе было устроено четыре буфета и, кромѣ того, слуги, съ тяжело нагруженными подносами то и дѣло обходили гостей, число которыхъ простиралось до восьми тысячъ. И, не смотря на столь многочисленное стеченіе и на возбужденное состояніе публики, порядокъ, царствовавшій въ театрѣ, не былъ нарушенъ ни на минуту, а крики: «Да здравствуетъ Пій IX!» были неоднократно повторяемы.

Но въ то самое время, какъ праздновалось открытіе государственнаго совѣта и устраивались новыя празднества, въ честь муниципальныхъ учрежденій, происходили также демонстраціи, но совершенно иного рода, въ отношеніи къ іезуитамъ.

Общество іезуитовъ, на которое либералы съ искони вѣковъ смотрѣли недоброжелательно, въ настоящую минуту еще усиливало нерасположеніе къ себѣ всѣхъ благонамѣренныхъ людей жестокими нападками одного изъ своихъ членовъ, отца Курчи, на аббата Джіоберти. Послѣдній, въ отвѣтъ на неприличныя выходки перваго, напечаталъ большой, пятитомный памфлетъ, гдѣ разоблачалъ хитрость, коварство, лживость и вѣроломство всего ордена. Появленіе этой книги, озаглавленной: *Іезуитъ новѣйшихъ временъ* (Il gesuita moderno), составило эпоху. Первоначально напечатанная въ Брюсселѣ, она имѣла въ теченіе нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ восемь изданій, и не мало содѣйствовала къ тому, чтобъ съ новой силой возбудить въ публикѣ негодованіе противъ общества монаховъ, которые еще такъ недавно волновали Швейцарію и разжигали въ ней жестокую, междоусобную войну. Побѣда, одержанная федералистами надъ союзниками Зондербунда, подала поводъ къ антііезуитской демонстраціи. Толпы народа, собираясь передъ дверьми іезуитскихъ монастырей, оглашали воздухъ свистомъ и дикими возгласами, которыми хотѣли выразить свою ненависть и презрѣніе.

Пій IX, еще не успѣвшій оправиться отъ гнѣва, возбужденнаго въ немъ празднествами, какими публика чествовала членовъ государственнаго совѣта, нашелъ новый поводъ къ неудовольствіямъ въ этихъ враждебныхъ и столь оскорбительныхъ для общества іезуитовъ демонстраціяхъ. Не то, чтобъ онъ питалъ къ ихъ ордену особенное расположеніе, но ему сильно не нравилась смѣлость его подданныхъ, дерзавшихъ хвалить и порицать, согласно съ ихъ собственными мнѣніями и убѣжденіями, не дожидаясь на то сигнала изъ Ватикана.

Тщетно старалась журналистика смягчать неудовольствіе и недовѣріе, начинавшія проглядывать въ сношеніяхъ папы съ народомъ: охлажденіе между ними день ото дня становилось ощутительнѣе и замѣтнѣе.

Графъ Ферретти совѣтовалъ брату, посредствомъ какой-либо значительной реформы, дать новую пищу умамъ и тѣмъ самымъ поддержать угасающее пламя народной привязанности. Кардиналъ былъ самъ отъ этого не прочь и не щадилъ усилій, чтобъ склонить къ тому же Пія IX. Ему уже удалось удовлетворительно разрѣшить вопросъ о занятіи Феррары австрійцами. Иностранный гарнизонъ удалился изъ города, оставивъ за собой только два военные поста *extra muros,* предоставленные ему трактатомъ 1815 года. Конечно, это позднее удовлетвореніе, оказанное, наконецъ, австрійскимъ правительствомъ римскому двору, было гораздо болѣе слѣдствіемъ разсчета, побуждавшаго угодить Пію IX и смягчить его раздраженное самолюбіе, чѣмъ желаніе поступить сообразно съ чувствомъ чести и справедливости. Но римляне рѣшились принять уступку Австріи за чистую монету и не давать дѣлу дальнѣйшаго хода.

За день до новаго года, совершилось событіе, которое, что̀ несравненно болѣе пришлось по сердцу гражданамъ и чѣмъ они были исключительно обязаны иниціативѣ и настойчивости кардинала Ферретти, а его, въ этомъ случаѣ, сильно поддерживалъ братъ его, графъ Піетро. То былъ указъ (Motu proprio) о коренномъ преобразованіи *совѣта министровъ.* Въ силу вновь изданнаго

закона учреждались девять правительственныхъ мѣстъ, или министерствъ: иностранныхъ дѣлъ; внутреннихъ дѣлъ; народнаго просвѣщенія; юстиціи; финансовъ; торговли, художествъ, земледѣлія и промышленности; публичныхъ работъ; военное; полиціи. Каждый министръ, независимый въ кругу своей дѣятельности, былъ объявленъ *отвѣтственнымъ*. Министерство иностранныхъ дѣлъ, по-прежнему, оставалось въ вѣдѣніи государственнаго секретаря, но всѣ другія могли ввѣряться лицамъ и не входящимъ въ составъ священной коллегіи [1]). При совѣтѣ находились: прелатъ въ званіи секретаря и двадцать четыре аудитора; изъ коихъ двѣнадцать духовныхъ и двѣнадцать свѣтскихъ. Остальной составъ каждаго изъ министерствъ, распредѣленіе занятій, право президентства, порядокъ совѣщаній — все это было заимствовано изъ странъ, которыя наиболѣе славились своимъ административнымъ порядкомъ. Въ этомъ новомъ правительственномъ строѣ, три вещи особенно заслуживали вниманія: 1) точное распредѣленіе дѣятельности каждаго министерства, за черту которой оно не могло переходить; 2) отвѣтственность министровъ; 3) допущеніе въ совѣтъ министровъ свѣтскаго элемента. Правда, въ составъ перваго, послѣ обнародованія указа, кабинета, вошли только одни кардиналы и прелаты, но, тѣмъ не менѣе, дорога въ совѣтъ была открыта свѣтскимъ лицамъ, и пресса поспѣшила придать этому особенный вѣсъ, съ цѣлью начать примиреніе общественнаго мнѣнія съ папой.

Кардиналъ Ферретти, по-прежнему оставаясь во главѣ кабинета, окружилъ себя тремя кардиналами и пятью прелатами, пользовавшимися весьма хорошей репутаціей. Монсиньоръ Морикини, за которымъ осталось управленіе финансовой части, имѣлъ мужество представить папѣ подробную, интересную и весьма тщательно составленную записку о положеніи финансовъ въ римскихъ владѣніяхъ. Этотъ документъ, впрочемъ, напечатанный, останется въ исторіи, какъ живой упрекъ дурному управленію свѣтскими дѣлами кардиналовъ и прелатовъ.

За преобразованіемъ совѣта министровъ, немедленно послѣдовало преобразованіе цензуры. Новый уставъ о книгопечатаніи, не давая слишкомъ большого простора свободѣ мысли и слова, имѣлъ, однако, ту заслугу, что опредѣлялъ ей границы и, такимъ образомъ, избавлялъ ее отъ произвола стараго монаха, который, впрочемъ, былъ назначенъ президентомъ цензурнаго комитета.

Эти распоряженія правительства были встрѣчены новыми изъявленіями радости со стороны народа, который положилъ: въ

[1]) Такъ называется все общество кардиналовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

день Новаго года выразить папѣ свою признательность. Дѣйствительно, вечеромъ на площади del Popolo начала устраиваться одна изъ бывшихъ въ то время въ такой модѣ процессій съ факелами. Она уже приготовлялась двинуться къ Квириналу, какъ вдругъ разнесся слухъ, что дворецъ папы окруженъ солдатами, которымъ приказано силой оттиснуть народъ, если онъ осмѣлится явиться. Престарѣлый князь Корсини, римскій сенаторъ и, въ то же время—мэръ города, полагая, что тутъ кроется недоразумѣніе, поспѣшилъ въ Квириналъ, чтобъ объясниться съ самимъ папой. Часъ спустя, сенаторъ возвратился съ самымъ лестнымъ порученіемъ отъ св. отца. «Папа — говорилъ онъ — питаетъ полное довѣріе къ своему народу; войска разошлись по казармамъ; входъ въ Квириналъ открытъ публикѣ.» «Да здравствуетъ римскій сенаторъ! Да здравствуетъ Пій IX *одинъ!*» единодушно воскликнулъ народъ, словомъ *одинъ* выражая свое убѣжденіе въ томъ, что мѣры предосторожности были приняты министрами, а отмѣнены папой, тогда-какъ, въ сущности, дѣло было на оборотъ. Разставить войска велѣлъ Пій IX, запретившій всякаго рода демонстраціи, и даже приказавшій, въ случаѣ неповиновенія, разсѣять народъ силою. Повелѣніе солдатамъ разойтись по казармамъ, миролюбивыя распоряженія и дружественная рѣчь были внушены кардиналомъ-государственнымъ секретаремъ.

На другой день, 2-го января, папа ѣздилъ по городу; онъ посѣтилъ военные посты національной гвардіи, отечески раздавалъ благословенія на-право и на-лѣво, любезно принималъ изъявленія народнаго восторга и дружелюбно улыбался Чичерваккіо, который, взобравшись на папскую карету, махалъ надъ головой маленькимъ бѣлымъ флагомъ, на которомъ виднѣлась слѣдующая надпись золотыми буквами: «Святый отецъ, вѣрь твоему народу!»

Мы уже говорили, что римское движеніе было не что иное, какъ одинъ изъ симптомовъ того національнаго движенія, которое охватило всю Италію; оно служило поводомъ и предлогомъ къ выраженію всеобщаго стремленія къ независимости, которое было, болѣе или менѣе, развито въ сердцахъ всѣхъ итальянцевъ. Имя Пія IX служило имъ какъ бы лозунгомъ; его знамя на время замѣняло національное знамя. Римъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всѣхъ свободномыслящихъ людей, а Квириналъ — путеводной звѣздою, которая руководила массами при изъявленіи ихъ патріотическихъ желаній. Это національное движеніе выражалось, болѣе или менѣе, открыто въ различныхъ частяхъ Италіи. Въ Венеціи оно заявляло свое присутствіе въ провинціаль-

ныхъ съѣздахъ въ формѣ прошеній и предложеній, поддерживаемыхъ Томмазео и Манинымъ. Въ Миланѣ всѣ единодушно положили воздерживаться отъ употребленія табаку и сигаръ для того, чтобъ повредить интересамъ австрійскаго правительства. Въ Луккѣ шумно праздновалось прекращеніе владычества Бурбоновъ, которые уступали мѣсто великому герцогу тосканскому. Парма не скрывала своего неудовольствія при водвореніи этой самой бурбонской вѣтви на герцогскомъ престолѣ умершей Маріи-Луизы, вдовы Наполеона I. Въ Моденѣ происходили смуты, вслѣдствіе заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза между юнымъ герцогомъ моденскимъ, новымъ герцогомъ пармскимъ и императоромъ австрійскимъ. Флоренція открыто возставала противъ дерзкаго высокомѣрія фельдмаршала Радецкаго, который выражалъ свое намѣреніе занять Тоскану и всю среднюю Италію. Еще болѣе смѣлая Сицилія, видя, что ей не даютъ реформъ, которыхъ она требовала во имя интересовъ національной независимости, объявляла правительству открытую войну, назначивъ 12-е января, какъ послѣдній срокъ своей терпимости. Но это намѣреніе и манифесты, въ которыхъ оно выразилось, ни чуть не подвинули дѣла: неаполитанскій дворъ не приступалъ ни къ какимъ преобразованіямъ; но за-то все неаполитанское народонаселеніе, вообще, мало симпатизирующее съ сициліянцами, но вполнѣ раздѣлявшее ихъ патріотическія стремленія, сильно взволновалось. Въ заключеніе, новая брошюра Массимо д'Азеліо: «Трауръ Ломбардіи» (I lutti di Lombardia) возбуждала сочувствіе къ несчастнымъ итальянцамъ, сдѣлавшимся жертвой военнаго суда, открытаго австрійцами съ цѣлью положить конецъ патріотическимъ демонстраціямъ, совершавшимся въ Миланѣ, Кремонѣ и Павіи. Во многихъ церквахъ Рима, въ память этихъ жертвъ, отправлялись богослуженія, на которыхъ присутствовали, соединенные одной общей мыслью, все избранное общество, національная гвардія, члены государственнаго совѣта (Consulta di Stato) и — замѣчательное и въ то время всѣми замѣченное явленіе — сардинскій посланникъ.

Воинственный духъ виталъ надъ Папской областью. Въ столичныхъ клубахъ была составлена записка, цѣль которой заключалась въ томъ, чтобъ обратить вниманіе государственнаго совѣта на печальное положеніе римской милиціи и на необходимость преобразовать ее. Записка эта была представлена на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который, будучи самъ патріотически настроенъ, отчасти перешелъ за границу закономъ ввѣренной ему власти, и поспѣшилъ удовлетворить общественному требованію изданіемъ замѣчательнаго доклада о преобразо-

ваніи военныхъ силъ въ государствѣ. Докладъ этотъ составлялъ одинъ изъ членовъ, графъ Кампелло, тотъ самый, который теперь, недавно, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Итальянскомъ королевствѣ. Докладъ графа Кампелло указывалъ на дурное устройство папскихъ войскъ, требовалъ коренныхъ *административныхъ* и *политическихъ* реформъ въ арміи, совѣтовалъ: «немедленно призвать извнѣ искусныхъ и опытныхъ офицеровъ, ввѣрить имъ устройство войска и пригласить на помощь къ спеціальному комитету государственнаго совѣта, занимавшемуся начертаніемъ плана, который онъ находилъ необходимымъ *какъ можно скорѣе* окончить.»

Государственный совѣтъ единодушно одобрилъ докладъ. Правительство обратилось къ королю піемонтскому съ просьбой прислать ему, для устройства арміи, опытныхъ офицеровъ и, въ то же время, замѣнило прелата, управлявшаго военнымъ министерствомъ, княземъ Габріелли, старымъ служакой съ рѣзкимъ и суровымъ обращеніемъ. Это была первая свѣтская личность, допущенная въ государственный совѣтъ и къ участію въ администраціи государства.

Между тѣмъ, быстро приближалось 12-е января, назначенное сицилійцами, какъ послѣдній срокъ въ ожиданіи добровольнаго согласія короля на совершеніе требуемыхъ реформъ. День наступилъ, а реформы не явились, значитъ, король принялъ вызовъ и народъ объявилъ ему войну. 12-го января 1847 года, разразилась революція. Сигналъ къ возстанію былъ поданъ въ Палермо. Въ театрѣ, во время представленія, при крикахъ: «Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Пій IX!» вынесли на сцену бюстъ папы и увѣнчали его лаврами. Весь островъ отозвался на призывъ Палермо. Преданныя королю войска пробовали-было остановить возстаніе, но ихъ всюду разбивали и разсѣивали. Неаполитанскій дворъ, испуганный неожиданной новостью 16-го числа обнародовалъ манифесты съ разными уступками и проектами реформъ. «Слишкомъ поздно!» (troppo tardi) было народнымъ отвѣтомъ,—роковое слово, которому суждено было, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, обойти всю Европу, чтобъ доказать упорно стоявшимъ за старые порядки правительствамъ, что, для огражденія себя отъ опасности, мало одной силы, — нужна еще предусмотрительность.

Попытки къ примиренію, отвергнутыя на островѣ, не имѣли большого успѣха и на материкѣ. Неаполь забушевалъ, какъ Везувій передъ изверженіемъ; замокъ Сантъ-Эльмо, распустивъ красное знамя, освѣтился зловѣщимъ огнемъ. Приверженцы сопротивленія обратились въ бѣгство, поборники мира выступили

впередъ. Манифесты, уступки, реформы быстро смѣнялись одни другими, но все это являлось «слишкомъ поздно!» «Для спасенія власти, остается еще одно средство», говорятъ королю. — Какое? — То, къ которому уже однажды прибѣгалъ вашъ дѣдъ: провозгласите конституцію. — Съ тѣмъ, чтобъ ее отмѣнить нѣсколько позже, — подумалъ Фердинандъ II, подобно тому, какъ за четверть столѣтія до него думалъ Фердинандъ I. И вотъ, 29 января была объявлена конституція. Его величество король соблаговолилъ выйти на балконъ своего дворца и оттуда милостиво благодарилъ народъ за восторженные клики, съ какими тотъ привѣтствовалъ дарованныя ему права.

Этимъ ловкимъ поступкомъ король неаполитанскій внезапно опередилъ на пути прогресса всѣхъ итальянскихъ государей, которые, видя, что революціонная буря разыгрывается сильнѣе и сильнѣе, спѣшили дѣлать уступки, совершать преобразованія и, наконецъ, провозглашать конституцію. И все это было дѣломъ нѣсколькихъ дней.

Такимъ образомъ, Пій IX, который все это время стоялъ во главѣ національнаго движенія, внезапно очутился въ самыхъ послѣднихъ рядахъ его. Популярность, какою онъ еще пользовался въ другихъ итальянскихъ государствахъ, видимо слабѣла въ Римѣ, особенно по выходѣ изъ министерства кардинала Ферретти, который уже давно стремился избавиться отъ тяжелыхъ обязанностей, противъ воли выпавшихъ ему на долю. Сложивъ съ себя званіе государственнаго секретаря, онъ удалился въ провинцію. Кардиналъ Бофонди, въ первыхъ числахъ февраля занявшій послѣ него мѣсто президента въ совѣтѣ министровъ, внезапно очутился лицомъ къ лицу съ сильнымъ волненіемъ въ народѣ. Мѣры, къ которымъ совѣтовалъ прибѣгнуть государственный совѣтъ для преобразованія военныхъ силъ, хотя въ теоріи одобренныя правительствомъ, встрѣтили множество препятствій, когда дѣло дошло до того, чтобъ приводить ихъ въ исполненіе. Народъ встревожился, на улицахъ начали составляться сборища и даже было произнесено слово—измѣна. Подозрѣнія толпы обратились на министровъ, гнѣвъ ея палъ на іезуитовъ; она потребовала: ихъ изгнанія, кабинета, составленнаго изъ свѣтскихъ лицъ и того, чтобъ было немедленно приступлено къ обезпеченію римскихъ владѣній отъ австрійскаго вторженія. Сенаторъ, князь Корсини, взялся быть истолкователемъ народныхъ желаній передъ папой. Возвратясь отъ Пія IX, онъ объявилъ, что св. отецъ далъ обѣщаніе смѣнить министровъ и обратить вниманіе на желанія народа.

На другой день, а именно 10-го февраля, на всѣхъ углахъ

и перекресткахъ столицы появился манифестъ, подписанный папой. Новое волненіе въ народѣ: то было возвращеніе самыхъ лучшихъ дней Пія IX. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ онъ выражалъ свое довѣріе къ подданнымъ, свою любовь къ Италіи и заботливость о счастіи своего народа. Онъ говорилъ, что желаетъ произвести улучшенія въ администраціи, расширить участіе свѣтскихъ лицъ въ дѣлахъ правительственныхъ, приступить къ политическимъ реформамъ и, вообще, дать толчекъ общественному прогрессу. Затѣмъ, приступая къ самой сути дѣла, увѣрялъ, что ему болѣе, нежели кому либо, дороги честь націи и спасеніе Италіи. — «Какая опасность продолжалъ онъ могла бы быть страшна Италіи, еслибъ взаимныя довѣрія и благодарность соединили въ одно силу народовъ, мудрость правителей и неприкосновенность права? А мы, въ особенности, въ качествѣ верховнаго главы религіи и отца всѣхъ католиковъ, развѣ мы не могли бы разсчитывать на помощь безчисленнаго множества сыновъ, которые, въ случаѣ нужды, стеклись бы защищать обитель ихъ отца отъ всякаго нападенія извнѣ? Въ томъ именно и состоитъ величайшее благо, дарованное Небомъ Италіи, что, имѣя въ самомъ сердцѣ своемъ центръ католичества, три милліона нашихъ подданныхъ могутъ всегда находить опору въ двухъ стахъ милліонахъ братьевъ различныхъ расъ.... Это крѣпчайшій щитъ, который обезпечиваетъ безопасность націи. Итакъ, *великій Боже, ниспошли на Италію благословеніе*, о которомъ, съ лицомъ, повергнутымъ въ прахъ, Тебя смиренно молитъ Твой намѣстникъ. Благослови эту благородную Италію благословеніемъ, о которомъ молятъ у Твоего трона святые, въ ней рожденные, Пресвятая Дѣва, которая ей покровительствуетъ, апостолы, которыхъ прахъ въ ней покоится, и Твой Божественный Сынъ, назначившій Римъ престоломъ своего намѣстника на землѣ.»

Народонаселеніе Рима въ полномъ смыслѣ слова опьянѣло отъ радости при чтеніи этого манифеста, хорошо составленнаго для того, чтобы возбудить страстную, пылкую и, въ то же время, довѣрчивую и легкомысленную натуру римлянъ. «Великое слово произнесено — говорили они — отнынѣ Италія перестаетъ быть *географическимъ* терминомъ. Пій IX вызываетъ ее изъ могилы, возвращаетъ ей жизнь, освящаетъ ее благословеніемъ и подвигаетъ на ея защиту двѣсти милліоновъ католиковъ.» Тотчасъ всѣ тѣснѣе соединяются, заготовляются кокарды и знамена о трехъ итальянскихъ цвѣтахъ, и составляется процессія изъ національной гвардіи, членовъ различныхъ клубовъ, представителей духовенства, арміи и муниципалитета. Всѣ они, съ наступленіемъ ночи, отправляются въ Квириналъ, при звукахъ музыки и при

яркомъ свѣтѣ факеловъ, освѣщавшихъ до десяти тысячъ гражданъ. Пій IX не заставляетъ себя долго ждать и выходитъ къ толпѣ, восторженные крики которой вызываютъ его на балконъ. Онъ дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить, и на площади мгновенно водворяется совершенное безмолвіе. «Прежде, чѣмъ благословеніе Божіе — говоритъ онъ звучнымъ, хотя и взволнованнымъ голосомъ — низойдетъ на васъ, на остальную часть моихъ владѣній и, — опять и опять повторяю, на *всю Италію*, я прошу васъ пребывайте въ мирѣ и довѣріи, которое вы обѣщали папѣ.» — «Мы въ томъ клянемся!» раздался дружный крикъ толпы, а затѣмъ все снова погрузилось въ молчаніе. — «Но — продолжалъ папа — я, однако, желаю, чтобъ ко мнѣ не обращались съ требованіями, противными святости церкви: я не могу, не долженъ и не хочу ихъ допускать. Съ этимъ условіемъ благословляю васъ отъ всего сердца.» Пій IX благословляетъ народъ и удаляется въ свои покои; толпа крестится и расходится по домамъ.

Въ краткой рѣчи папы, однако, заключалась темная фраза. Какія это могли быть *требованія, противныя святости церкви, и которыя онъ не можетъ, не долженъ и не захочетъ допустить?* Намекалъ ли онъ на конституцію, которую считалъ несовмѣстной съ ученіемъ церкви, или говорилъ объ изгнаніи іезуитовъ, на которомъ такъ упорно настаивалъ народъ? Или, наконецъ, дѣло шло о войнѣ съ врагами Италіи? Но это послѣднее предположеніе опровергалось словами манифеста, обнародованнаго въ то самое утро, и возваніемъ къ двумъ стамъ милліонамъ вѣрныхъ въ пользу итальянской націи, въ средѣ которой обиталъ глава и отецъ всего католическаго міра. Первое предположеніе тоже казалось неправдоподобнымъ послѣ обѣщаній того же самаго манифеста насчетъ административныхъ улучшеній, политическихъ реформъ и общественнаго прогресса вообще. Оставался вопросъ объ изгнаніи іезуитовъ; люди осторожные и пользовавшіеся вліяніемъ надъ массами, съ этой минуты совѣтовали оставить его въ покоѣ изъ уваженія къ чувствамъ верховнаго главы церкви.

Немедленно затѣмъ послѣдовавшія событія оправдывали и это мнѣніе и основанный на немъ совѣтъ. 12-го февраля, былъ обнародованъ составъ новаго кабинета, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ кардинала, участвовали четыре прелата и четыре свѣтскія лица. Кромѣ того, оффиціальная газета извѣщала объ учрежденіи коммиссіи изъ семи кардиналовъ и трехъ прелатовъ, на которыхъ была возложена обязанность расширить границы реформъ, провести между ними связь и сдѣлать ихъ совмѣстными съ особенностями папскаго правленія.

Толчокъ былъ данъ; правительство шло впередъ, но событія шли быстрѣе его, а общественное мнѣніе опережало самыя событія. Пока правительственная коммиссія трудилась надъ разсмотрѣніемъ предполагаемыхъ административныхъ реформъ, государи тосканскій и піемонтскій уже обѣщали своему народу конституцію. Въ Римѣ тоже начали ее громко требовать. Пеллегрино Росси, французскій посолъ, совѣтовалъ папѣ не противиться народному желанію; отецъ Вентура былъ того же мнѣнія, но кардиналы пришли въ смятеніе, и Пій IX колебался. Во Франціи, между тѣмъ, успѣла совершиться революція (парижская), вслѣдствіе которой и была провозглашена республика. Время колебаній прошло: приближенныя къ папѣ лица и коллегія кардиналовъ рѣшили дать конституцію.

6-го марта, былъ обнародованъ новый составъ министерства. Оно состояло изъ двухъ кардиналовъ, одного прелата и шести свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ кардинала Антонелли. Въ числѣ членовъ находились, кромѣ кардинала Антонелли, бывшаго ловкаго президента государственнаго совѣта (Consulta di Stato), извѣстный полиглотъ кардиналъ Медзофанти, экономистъ-прелатъ Морикини, молодой публицистъ Мингетти, законовѣдъ Стурбинетти, римскій князь Альдобрандини и адвокатъ Галлетти изъ Болоньи, который пользовался большой популярностью вслѣдствіе того, что, въ царствованіе Григорія XVI, былъ въ качествѣ политическаго преступника приговоренъ къ каторжной работѣ.

Четыре дня спустя послѣ составленія новаго министерства, была обнародована, отъ имени Пія IX, конституція подъ именемъ: *Основной статутъ для управленія свѣтскими дѣлами Церковной области* (Statuto fondamentale pel governo temporale degli Stati della Chiesa). Конституціонная хартія, пожалованная Піемъ IX его подданнымъ, гласила слѣдующее: «Коллегія кардиналовъ объявлялась сенатомъ, неразлучнымъ съ личностью папы-государя. Право изданія законовъ ввѣрялось двумъ палатамъ: верхней (Alto Consiglio), члены которой назначались пожизненно самимъ папой и избирались изъ людей различныхъ категорій, — и нижней (Consiglio dei Deputati), состоявшей изъ депутатовъ, избранныхъ народонаселеніемъ различныхъ провинцій по подачѣ голосовъ, и приходившихся по одному на тридцать тысячъ душъ. Избиратели и избираемые были подчинены извѣстнымъ условіямъ положенія въ свѣтѣ и своего состоянія. Членамъ, какъ высшей, такъ и нижней палатъ, не полагалось никакого вознагражденія; судебная власть объявлялась независимою и несмѣняемою; чрезвычайныя судилища уничтожались,

равно какъ и предварительная политическая цензура; оставалась одна духовная. Національная гвардія входила въ составъ государственныхъ учрежденій; самимъ гражданамъ предоставлялось право управлять общинными и провинціальными дѣлами; инціатива новыхъ законовъ принадлежала одинаково правительству и обѣимъ палатамъ: различные проекты получали силу закона только послѣ того, какъ они, пройдя черезъ обѣ палаты, получали одобреніе папы, который первоначально отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе тайнаго совѣта кардиналовъ; палатѣ депутатовъ, одной, принадлежало право возводить обвиненія на министровъ; ихъ судить могла только верхняя палата, если они были изъ числа свѣтскихъ лицъ, и коллегія кардиналовъ, если то были особы духовнаго званія. Право подавать прошенія признавалось за всѣми гражданами, которые могли обращаться съ ними въ палату депутатовъ. На содержаніе папы, включая вознагражденіе кардиналамъ, особамъ дипломатическаго корпуса, чиновникамъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а также сумму, необходимую для поддержки и украшенія дворцовъ, библіотекъ и садовъ, опредѣлялось шесть сотъ тысячъ скудій (около девяти сотъ тысячъ рублей). Въ число временныхъ обязанностей парламента обѣщались включить разсмотрѣніе законовъ о муниципальныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ и объ отвѣтственности министровъ; кромѣ того, намѣревались заняться составленіемъ полицейскаго уложенія, устава о судопроизводствѣ (codice di procedura) и проэкта преобразованія гражданскаго и уголовнаго законодательства.

Таковы были основанія римской конституціи, которой, впрочемъ, не долго пришлось дѣйствовать. Многое можно было бы замѣтить насчетъ постановленій ея, особенно въ отношеніи того, что̀ касалось extra-легальнаго вмѣшательства коллегіи кардиналовъ въ дѣла государственныя. Такимъ образомъ создавалось нѣчто въ родѣ четвертой власти, которая, не будучи ни законодательною, ни исполнительною, ни судебною, дѣйствовала тайно и, хотя находилась внѣ конституціи, однако могла парализировать ее своимъ veto. То было безграничное и опасное право, которымъ коллегія кардиналовъ могла тѣмъ удобнѣе злоупотреблять, что ея таинственное вмѣшательство въ дѣла государственныя ускользало отъ суда общественнаго мнѣнія и не подвергалось никакой отвѣтственности, ни матеріальной, ни нравственной. Но всѣ, стремясь видѣть въ законѣ не одну только букву его, давали ему самое обширное и благосклонное истолкованіе. Потому, восторгу и радостямъ не было конца; увеселенія слѣдовали за увеселеніями, и составилось новое шествіе съ факелами, съ цѣлью—

принести папѣ благодарность народную и получить, взамѣнъ, его благословеніе.

Но то былъ послѣдній лучъ, блеснувшій надъ Квириналомъ. Звѣздѣ Пія IX, которая дотолѣ, не смотря на мгновенныя затменія, все выше и выше восходила на горизонтѣ популярности и славы, отнынѣ предстояло меркнуть и, наконецъ, угаснуть—въ крови.

Такимъ образомъ, сицилійское возстаніе вырвало у короля неаполитанскаго конституцію, которая, въ свою очередь, ускорила дарованіе подобныхъ же льготъ въ Тосканѣ и Піемонтѣ. Провозглашеніе парижской республики, съ другой стороны, принудило совѣтниковъ Пія IX-го подписать римскую конституцію, а вѣнская революція послужила какъ бы сигналомъ къ началу повсемѣстной войны за италіянскую независимость.

Министерство Пія IX-го, предвидя неизбѣжность такой войны, спѣшило своими приготовленіями. Неосторожная выходка одного іезуита, осмѣлившагося съ каѳедры порицать весь народный восторгъ и движеніе, послужила поводомъ къ закрытію школъ и монастырей братства, столь явно враждебнаго дѣлу единства и независимости. Папа издалъ прокламацію, въ которой, даруя народамъ свое пастырское благословеніе, онъ взывалъ къ Богу, да ниспошлетъ Онъ на нихъ *духъ мудрости, благоразумія и силы*, одинъ могущій упрочить миръ и благосостояніе возлюбленной Италіи, «которую — прибавилъ св. отецъ — мы, въ нашей безграничной любви ко всему католическому міру, не можемъ назвать страной самой дорогой нашему сердцу, но судьба которой однако, по волѣ Божіей, насъ занимаетъ больше прочихъ.»

Прокламація такого рода, совершенно естественно должна была еще усилить возбужденное настроеніе умовъ, и въ послѣднихъ числахъ марта изъ Рима выступило регулярное войско съ генераломъ Дурандо во главѣ. Массимо-д'Азеліо сопровождалъ его въ качествѣ адъютанта, а графъ Кампелло — въ званіи генералъ-интенданта.

Но папа, благословляя трехцвѣтныя знамена и войска, направлявшіяся къ Феррарѣ, все время вращался въ кругу софизмовъ, съ помощью которыхъ смѣшивалъ въ своемъ умѣ народное дѣло съ матеріальными интересами папства. Онъ отправлялъ войска на помощь піемонтской арміи, а думалъ, что посылаетъ ихъ единственно для защиты собственной территоріи. Онъ назначалъ прелата-коммиссара въ лагерь Карла-Альберта, но не давалъ ему точныхъ наставленій и не опредѣлялъ границъ его власти, а просто предписывалъ «дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами». Онъ дозволялъ свободный пропускъ черезъ

свои владѣнія неаполитанскимъ войскамъ, шедшимъ въ Ломбардію сражаться съ австрійцами, но ничуть не думалъ, чтобъ этотъ поступокъ къ чему-либо обязывалъ его въ будущемъ. Онъ приказывалъ генералу Дурандо согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями главнаго королевскаго корпуса, но не давалъ ему права переносить войну за границу, хотя и не запрещалъ этого, «если генералъ найдетъ то необходимымъ для спокойствія государства [1])». Принужденный руководствоваться столь запутанными инструкціями, генералъ Дурандо, соображаясь съ волей папы, согласовалъ свои дѣйствія съ первыми дѣйствіями сардинскаго короля. Онъ издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ своему войску, что предпринимаемая война вызвана съ ихъ стороны жестокостью и притѣсненіемъ иноземцевъ, что она есть не что иное, какъ борьба «просвѣщенія съ варварствомъ и въ этомъ качествѣ можетъ быть по справедливости названа не только національной войной, но и христіанской». Папа былъ непріятно пораженъ такого рода выраженіемъ и поспѣшилъ отказаться отъ словъ генерала Дурандо въ передовой статьѣ оффиціальной газеты.

Вслѣдствіе этого, а также и явнаго смущенія, овладѣвавшаго папой при каждомъ новомъ извѣстіи объ успѣхахъ итальянскаго оружія, министры сочли нужнымъ потребовать отъ Пія IX честнаго и искренняго объясненія. Они поднесли ему memorandum, гдѣ излагали положеніе правительства и страны въ отношеніи къ вопросу о мирѣ и о войнѣ. Вопросъ этотъ представлялъ три возможныя рѣшенія: a) или папа запретитъ вести войну, b) или онъ объявитъ, что, не смотря на все свое желаніе сохранить миръ, не можетъ воспрепятствовать войнѣ, c) или, наконецъ, онъ открыто дозволитъ своимъ подданнымъ принять участіе въ войнѣ. Министры, подписавшіе этотъ актъ, кардиналъ Антонелли во главѣ всѣхъ, отвергали два первыя рѣшенія и совѣтовали папѣ остановиться на третьемъ, единственномъ, допускавшемъ ихъ удержать за собой портфели. То было 25-го апрѣля, за четыре дня до открытія засѣданій одного изъ обычныхъ собраній кардиналовъ и епископовъ. Папа не далъ министрамъ никакого рѣшительнаго отвѣта, но продолжалъ говорить и поступать, по-прежнему, уклончиво.

Наконецъ, 29-го апрѣля, Пій IX произнесъ ту рѣчь, которая, разойдясь въ печати по городу, повергла его въ неописанный страхъ и изумленіе.

---

[1]) Таковъ былъ отвѣтъ папы военному министру, князю Альдобрандини, который просилъ его точнѣе выразить свою волю.

Рѣчь эта, упрочившая роковую извѣстность за двадцать девятымъ днемъ апрѣля 1848 г., заключала въ себѣ полное отреченіе папы отъ всякаго прямого или косвеннаго участія, не только въ дѣлѣ, но даже въ самой идеѣ независимости и единства.

Вечеромъ 29-го апрѣля, весь городъ еще не могъ придти въ себя отъ горестнаго изумленія, но на другой день на улицахъ Рима уже глухо раздавались первые предвѣстники народнаго возстанія. Клубы были переполнены самыми разнообразными посѣтителями; князья и простые ремесленники очередовались на импровизированныхъ трибунахъ; римскій сенаторъ, князь Корсини, и плебей Чичерваккіо относились одинъ къ другому какъ двѣ равныя силы и раздѣляли между собой почести популярности. Весь народъ принялъ угрожающій видъ и повсюду раздавались крики: «прочь Антонелли!» (a basso Antonelli). Министерство подало въ отставку.

Папа, окончательно вдавшійся въ политику, враждебную итальянскому движенію, въ-сердцахъ спрашивалъ совѣта у министровъ, отказывавшихся ему служить. Кто-то посовѣтовалъ ему удивить міръ великимъ подвигомъ, а именно, немедленно отправиться въ Миланъ и тамъ, въ качествѣ верховнаго владыки и отца всѣхъ вѣрующихъ, занять мѣсто во главѣ прочихъ государей и явить себя защитникомъ правъ итальянскаго народа, и примирителемъ всякихъ враждующихъ началъ. Совѣтъ этотъ, какъ то и слѣдовало ожидать, былъ отвергнутъ, а пока все-таки надлежало составить министерство, что въ подобную минуту представляло не мало затрудненій.

Графъ Маміани, одинъ изъ трехъ эмигрантовъ 1831 г., отказавшихся воспользоваться амнистіей ради того, чтобъ не подписывать декрета, составленнаго въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для независимаго духа свободныхъ гражданъ, въ настоящее время находился въ Римѣ вслѣдствіе дозволенія, даннаго ему папой на временное пребываніе въ этомъ городѣ для устройства своихъ частныхъ дѣлъ. Желая выразить Пію IX свою благодарность за это милостивое дозволеніе, онъ, передъ отъѣздомъ въ Генуу, которую избралъ своимъ мѣстопребываніемъ, посѣтилъ Пія IX въ Квиріналѣ. Бунтъ, вспыхнувшій 30-го апрѣля, засталъ его въ одномъ изъ клубовъ, гдѣ онъ немедленно возвысилъ голосъ въ пользу порядка, законности и умѣренности. Всѣми уважаемая личность графа, его имя и увлекательное краснорѣчіе нѣсколько успокоили умы.

Посреди ночи было рѣшено разойтись до утра, когда сговорились снова собраться, чтобы написать адресъ папѣ.

Маміани явился въ Квиріналъ, гдѣ, будучи благосклонно

принятъ Піемъ IX-мъ, получилъ приглашеніе составить новое министерство. Но, видя, что папа не намѣренъ измѣнять своей политики, графъ отказался отъ почетнаго предложенія и удалился. Положеніе вещей, между тѣмъ, все оставалось натянутое и шаткое. Папа, опасаясь серьезнаго возстанія, еще желалъ щадить народное чувство, но ни чуть не желалъ дѣлать уступки. Чтобъ нѣсколько успокоить умы и дать новую пищу общественному мнѣнію, онъ поспѣшилъ возбудить обманчивыя надежды назначеніемъ въ лагерь Карла-Альберта новаго коммиссара, Карло Фарини, изъ распавшагося министерства; впослѣдствіи Фарини былъ диктаторомъ въ Моденѣ (1859), за тѣмъ намѣстникомъ короля Виктора-Эммануила въ Неаполѣ и нѣсколько разъ министромъ короля итальянскаго.

Но народъ былъ на сторожѣ; онъ съ недовѣріемъ смотрѣлъ на подобнаго рода мнимое возвращеніе къ идеямъ прогресса и съ замѣтной холодностью принялъ новую прокламацію, которая, по приказанію св. отца, появилась 1-го мая на стѣнахъ города Рима. Папа явно старался возвратить своей особѣ утраченное ею значеніе и популярность, которой онъ отнынѣ уже навсегда лишился.

Пій IX былъ вынужденъ снова обратиться къ графу Маміани съ настоятельной просьбой помочь ему въ составленіи новаго кабинета.

Послѣ долгихъ переговоровъ, Маміани согласился, но съ двумя условіями: во 1-хъ, ему будетъ дозволено держаться политики, благопріятной дѣлу итальянской независимости; во 2-хъ, управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, по вопросамъ чисто-дипломатическимъ, исключительно касающимся свѣтской политики, будутъ взяты изъ рукъ кардинала-государственнаго-секретаря, за которымъ останется право по-прежнему распоряжаться дѣлами иностранныхъ дѣлъ по духовному вѣдомству. Однимъ словомъ, Маміани принялъ на себя въ Римѣ роль, подобную той, какую Фарини игралъ въ Миланѣ: и тотъ и другой вдались въ обманъ, лаская себя вполнѣ несбыточными надеждами.

Призывая къ дѣятельности графа Маміани, Пій IX питалъ къ нему однако непреодолимое отвращеніе, какое обыкновенно питаетъ самонадѣянное, но облеченное властью ничтожество къ дѣйствительнымъ заслугамъ человѣка, проникнутаго справедливымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Маміани, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ глубокихъ мыслителей Италіи. Человѣкъ съ обширнымъ и многостороннимъ образованіемъ, онъ соединяетъ въ себѣ тонкій, проницательный умъ съ рѣдкимъ даромъ слова и способностью производить на слуша-

телей неотразимое дѣйствіе силой и ловкостью своей діалектики. Талантливый писатель, онъ неутомимымъ трудомъ развилъ въ себѣ мыслительныя способности и, любя политику, посвятилъ себя служенію ей. Поэтъ, философъ, ученый и публицистъ, онъ разрѣшилъ трудную задачу, какъ можно, въ одно и то же время, быть дипломатомъ, общественнымъ дѣятелемъ и честнымъ человѣкомъ. Инстинктивное отвращеніе Пія IX къ Маміани еще усиливалось стеченіемъ обстоятельствъ, принудившихъ его избрать себѣ въ министры, или, какъ онъ не разъ самъ говаривалъ, заставившихъ его, какъ неизбѣжное зло, приблизить къ себѣ личность бывшаго изгнанника, свободнаго мыслителя и автора философскихъ сочиненій, красующихся въ *индексѣ*. Дурное расположеніе папы къ графу не замедлило высказаться съ первыхъ же дней. Министру нерѣдко приходилось, для веденія переговоровъ съ государемъ, прибѣгать къ помощи третьяго лица. Но, побуждаемый желаніемъ возстановить въ Римѣ миръ и порядокъ, Маміани, на сколько могъ, скрывалъ терзанія собственнаго сердца и оскорбленной гордости, повозможности сглаживалъ неурядицу, совершенно естественно возникавшую въ администраціи вслѣдствіе столь неестественнаго положенія вещей. Онъ почерпалъ для этого мужество единственно въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ непокидавшей его пока надеждѣ осуществить великую мечту, которую съ давнихъ поръ лелѣялъ его умъ. Онъ стремился провести черту, которая рѣзко, отчетливо разграничивала бы въ особѣ папы двѣ совершенно несовмѣстныя власти и отдѣляла одну отъ другой личности *первосвященника* и *короля*. За первымъ онъ предполагалъ оставить нетронутыми его высокое нравственное значеніе и безграничное вліяніе на духовныя дѣла всего католическаго міра, но отъ второго требовалъ, чтобъ онъ передалъ свѣтскому правительству страны всѣ заботы и всю отвѣтственность по ея политическому и административному устройству. «Если бы — говорилъ по этому поводу Маміани — конституціонный образъ правленія вовсе не существовалъ, то его слѣдовало бы создать нарочно для папскихъ владѣній».

По мѣрѣ того, какъ приближался день открытія парламента, а слѣдовательно и начала конституціоннаго правленія въ Римѣ, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе располагалось въ пользу Маміани. За-то недоброжелательство двора къ министру съ каждымъ днемъ росло и усиливалось, отчего положеніе послѣдняго становилось все затруднительнѣе и затруднительнѣе.

Разладъ, господствовавшій между министрами и папой, сначала прикрываемый наружными признаками взаимнаго уваженія, предписываемаго этикетомъ, окончательно обнаружился по поводу

составленія проекта торжественной рѣчи, произносимой государемъ лично или черезъ другое лицо при открытіи парламентской сессіи. Разладъ не замедлилъ принять размѣры открытой ссоры, которая, съ своей стороны, окончилась скандалезной, позорной мистификаціей. Вотъ какъ было дѣло.

Графъ Маміани подалъ на разсмотрѣніе папы черновой проектъ *тронной рѣчи*, которую одному изъ кардиналовъ надлежало произнести отъ имени Пія IX въ собраніи обѣихъ палатъ. Папа одобрилъ сущность рѣчи, но изъявилъ желаніе сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ формѣ, на что̀ Маміани охотно согласился. Такимъ образомъ, измѣненный текстъ рѣчи остался въ рукахъ государя, который, милостиво отпустивъ министра, потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней тщательно избѣгалъ съ нимъ встрѣчи. Между тѣмъ, комитетъ изъ кардиналовъ и монаховъ втайнѣ трудился надъ составленіемъ закона о книгопечатаніи, который папа отправилъ къ министрамъ наканунѣ открытія парламента, съ требованіемъ, не мнѣнія ихъ, а подписи. Министры единодушно отказались подписать законъ, въ составленіи котораго они не принимали никакого участія, и обратились къ св. отцу съ просьбой, сдѣлать имъ извѣстной окончательно одобренную его святѣйшествомъ редакцію тронной рѣчи. Утромъ 5-го іюня солнце взошло ярко на безоблачномъ небѣ и облило знойными лучами городъ, роскошно убранный для торжественнаго празднованія открытія парламента. За нѣсколько часовъ до минуты, назначенной для собранія членовъ обѣихъ палатъ, министрамъ наконецъ повѣстили содержаніе тронной рѣчи, вышедшей прямо изъ-подъ пера какого-то прелата, и не имѣвшей, ни по формѣ, ни по содержанію ничего общаго съ проектомъ, представленнымъ папѣ Маміани и удержаннымъ имъ у себя. Министры немедленно отправились къ Пію IX и объявили ему, что если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи произнести эту рѣчь, онъ поставитъ ихъ въ необходимость немедленно подать въ отставку и лишитъ ихъ возможности явиться въ парламентъ. Св. отецъ разгнѣвался, какъ простой смертный, осыпалъ упреками и неприличной бранью своихъ министровъ, употребивъ при этомъ слова: *западня, измѣна*, и наконецъ прогналъ прочь съ глазъ своихъ, какъ послѣднихъ изъ служителей.

Событіе принимало грозный характеръ. Минута открытія парламента приближалась, но какъ начать засѣданіе палатъ, не имѣя въ наличности ни одного отвѣтственнаго министра?

Появились услужливыя личности, желавшія взять на себя роль посредниковъ, а Маміани, все еще увлекаясь надеждой на возможность осуществленія своей мечты о раздѣленіи папской власти,

предложилъ средство, которое улаживало дѣло, отлагая на время окончательное рѣшеніе щекотливыхъ вопросовъ. Пусть—говорилъ онъ — обычную тронную рѣчь замѣнятъ двѣ другія рѣчи. Одну изъ нихъ, редактированную самимъ папой, очень коротенькую, очень благосклонную, но совершенно чуждую политики, сегодня же произнесетъ кто-либо изъ кардиналовъ. Вторая, чисто-правительственная рѣчь, настоящая политическая программа, пусть появится нѣсколько позже. Графъ Маміани брался въ слѣдующемъ же засѣданіи представить ее на разсмотрѣніе парламента съ тѣмъ, чтобъ отвѣтственность за нея лежала уже на всемъ кабинетѣ. Предложеніе это было принято папой, и два прелата тотчасъ же состряпали нѣчто въ родѣ крошечной проповѣди — изъ тридцати строкъ всего. Въ два часа пополудни, гораздо позже времени первоначально назначеннаго для открытія этого перваго торжественнаго засѣданія, кардиналъ Альтіери, въ парадномъ одѣяніи, предсталъ передъ парламентское собраніе и прочелъ ему въ поспѣхахъ сочиненную рѣчь.

Всѣ члены, ничего не знавшіе о томъ, что предшествовало этому чтенію, недоумѣвали насчетъ причины столь страннаго замедленія. Но изумленіе ихъ не знало границъ, когда, выслушавъ рѣчь, они убѣдились въ ничтожности ея. Мертвое молчаніе было единственнымъ на нее отвѣтомъ.

Министры наконецъ сдались на убѣдительныя увѣщанія папы, который въ настоящую минуту находился въ совершенной невозможности приступить къ составленію новаго кабинета, и согласились на время остаться при своихъ мѣстахъ. Маміани приготовилъ политическую программу, совѣтъ министровъ ее одобрилъ, а Фарини взялся представить ее папѣ. Пій IX, почти во всемъ одобривъ ее, *собственноручно* сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, кое-что вычеркнулъ, кое-что прибавилъ. Такимъ образомъ исправленная и одобренная государемъ, министерская рѣчь была прочитана въ парламентѣ 9-го іюня и встрѣчена громкими и единодушными рукоплесканіями.

Послѣднее обстоятельство встревожило Пія IX-го и не замедлило пробудить въ немъ зависть. Онъ принялся перечитывать рѣчь, уже напечатанную въ оффиціальной газетѣ, и пришелъ въ неописанное смущеніе и негодованіе. Теперь только впервые понялъ онъ ея настоящій смыслъ, и это позднее уразумѣніе столь важнаго документа нанесло его самолюбію жестокій ударъ. Въ рѣчи ясно и отчетливо развивалась цѣлая политическая система, опиравшаяся на началахъ конституціоннаго права, открыто высказывавшаяся въ пользу патріотическихъ стремленій итальянскаго народа и трактовавшая о взаимной независимости *пап-*

ства, въ лицѣ главы церкви, и *государства*, управляемаго своими министрами на основаніи своихъ законовъ.

Однимъ словомъ, то была попытка примѣнить къ дѣлу мечту Маміани, отдѣлить въ особѣ папы личность *главы церкви* отъ *главы государства* и такимъ образомъ согласовать неподвижность церкви и непогрѣшимость папы съ общественнымъ прогрессомъ и интересами націи. «Мы начинаемъ—говорилъ онъ—великое, плодотворное дѣло, результатъ котораго будетъ, безъ сомнѣнія, послѣднее слово новѣйшей цивилизаціи. Нашъ государь, который, въ то же время, есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, отнынѣ заключается въ высокую сферу своей небесной власти; онъ сосредоточивается въ ясной и мирной области догматовъ, распространяетъ въ мірѣ слово Божіе, молится, благословляетъ и прощаетъ».

Но Пію IX-му не слишкомъ-то улыбалась роль, какую ему назначилъ Маміани. Высокая сфера, въ которую онъ его заключалъ, терялась въ облакахъ, а Пій предпочиталъ чувствовать подъ собой твердую почву.

Присутствіе Маміани въ министерствѣ становилось все болѣе невозможнымъ. Между тѣмъ, неудачи, постигшія римское войско въ Венеціи и взятіе австрійцами города Виченцы (гдѣ Массимо-д'Азеліо былъ такъ сильно раненъ пулею въ ногу, что эта рана мучила его до самой смерти), настойчиво требовали тѣхъ энергическихъ и непосредственныхъ мѣръ, которыхъ просилъ парламентъ, которыя предлагались министрами, но которыя не желалъ одобрить папа. Маміани энергически настаивалъ на сложеніи съ себя своихъ обязанностей. Папа обратился къ Пеллегрино Росси, который, послѣ паденія Луи-Филиппа, оставался въ Римѣ въ качествѣ частнаго человѣка. Росси принялъ-было предложеніе, но популярность Маміани помѣшала ему найти сотоварищей, готовыхъ раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ наслѣдіе министерства, имъ предшествовавшаго. Народъ собирался толпами подъ окнами Маміани, изливая на него въ радостныхъ и восторженныхъ крикахъ все благоволеніе, которымъ до сихъ поръ исключительно пользовался папа. Случилось такъ, что въ тотъ день была вторая годовщина амнистіи. Забытый Пій IX-й озлобился противъ народа и еще болѣе противъ Маміани, который конечно не одобрялъ этихъ народныхъ манифестацій, но не могъ не принять ихъ. *Inde irae!*

Между тѣмъ, несчастія безпрестанно слѣдовали одно за другимъ. Корпусъ австрійцевъ занялъ насильственно Феррару и наложилъ значительную контрибуцію на городъ, не смотря на энергическій протестъ префекта, графа Лователли. Піемонтская ар-

мія, послѣ блестящихъ успѣховъ, ею достигнутыхъ, потерпѣла тяжкую неудачу. Партіи возмутились; Маццини произносилъ въ Миланѣ оскорбительныя рѣчи противъ короля Карла-Альберта, упрекалъ его въ измѣнѣ и проклиналъ королевскую власть. Джіоберти, принявъ на себя роль примирителя, ѣздилъ по Италіи, повсюду собирая лавры, произносилъ рѣчи, наслаждался овиціями, посѣтилъ Пія IX-го, и удостоился отъ него почетнаго караула при домѣ, въ которомъ остановился. Но, тѣмъ временемъ, король Сардиніи, разбитый Радецкимъ, возвращался вспять, прошелъ черезъ Миланъ, оскорбляемый насмѣшками черни, и вступилъ, съ разбитымъ сердцемъ, въ свои прежнія владѣнія, исполняя условія перемирія, подписаннаго генераломъ Саласко.

Хорошо обдуманная рѣшимость Маміани покинуть министерство и затрудненія, встрѣченныя Росси въ созданіи новаго кабинета, навели папу на мысль образовать переходное министерство. Графъ Фаббри, старый изгнанникъ, уважаемый за свои добродѣтели и почтенный по преклоннымъ лѣтамъ, послужилъ знаменемъ новому кабинету, другіе члены котораго, за исключеніемъ графа де-Кампелло, сохранившаго за собою портфель военныхъ дѣлъ, полученный имъ въ послѣдніе дни министерства Маміани, были люди честные, но незначительные, направляемые кардиналомъ Соліею, государственнымъ секретаремъ и президентомъ совѣта министровъ. Графъ де-Кампелло, не желавшій повиноваться кардиналу и надѣявшійся серьезно заняться арміею, навлекъ на себя неудовольствіе папы и былъ скоро вычеркнутъ изъ списка министровъ. Портфель военныхъ дѣлъ перешелъ въ руки простого чиновника военнаго коммисаріата. Вотъ какимъ образомъ приготовлялись къ войнѣ за независимость и къ оборонѣ предѣловъ страны въ ту самую минуту, когда миланское перемиріе и занятіе Феррары возвращали Австріи ея вліяніе и силу.

Парламентъ между тѣмъ обсуждалъ законы и назначилъ ораторовъ въ другіе парламенты для предложенія общаго союза во благо общему отечеству, но папа, которому не нравились эти парламентскія предложенія, счелъ лучшимъ отсрочить засѣданія обѣихъ палатъ до 15-го ноября и такимъ образомъ очистить поле для реакціоннаго министерства.

Избавленный отъ стѣснительнаго вліянія парламента, папскій дворъ могъ теперь легко вести свои интриги. Пеллегрино Росси, окруженному кардиналами и обласканному папою, суждено было сдѣлаться очистительной жертвой клерикальной реакціи. Росси мало вѣрилъ въ римскій дворъ, но слишкомъ много вѣрилъ въ самого себя. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что его надѣются

провести, но онъ полагалъ, что его высокая образованность и глубокій умъ съумѣютъ разсѣять маневры клерикаловъ. Ухватившись за основной законъ государства, одѣвшись въ броню конституціонныхъ ученій, сильный опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ школѣ Тьера, Моле и Гизо, Росси считалъ возможнымъ овладѣть положеніемъ и господствовать надъ палатами могуществомъ своего слова, надъ партіями — ловкостью своихъ дѣйствій, надъ націю — твердостью своихъ убѣжденій, и надъ массою народа — обаяніемъ своего имени. Но, принимая на себя столь тяжелую отвѣтственность, этотъ государственный человѣкъ не долженъ ли былъ внести въ управленіе значительную долю патріотизма и національности? Здѣсь мы вступаемъ на почву весьма скользкую и касаемся вопроса, крайне деликатнаго, — мы чувствуемъ, что намъ предстоятъ всякаго рода тяжелыя затрудненія; но такъ-какъ вездѣ мы старались объяснять событія посредствомъ изложенія причинъ, вызвавшихъ эти событія, то мы должны представить вещи и людей съ истинной точки зрѣнія, безъ предубѣжденій, безъ преувеличеній, безъ всякихъ постороннихъ соображеній. Мы признаемъ въ Пеллегрино Росси все превосходство возвышеннаго ума, освѣщеннаго лучами блистательной эрудиціи и утонченнаго великосвѣтскою полировкою и дѣловою практикою. Мы не говоримъ о курсахъ политической экономіи, прославившихъ его каѳедру, ни объ изслѣдованіяхъ, прославившихъ его жизнь, ни объ ученыхъ сочиненіяхъ, оставшихся прославлять его память,—мы говоримъ здѣсь о человѣкѣ политическомъ, рѣчь котораго была короткая и отрывистая, взглядъ сосредоточенный, осанка надменная. Ростомъ онъ былъ нѣсколько выше средняго, держался прямо и казался весь проникнутымъ аристократической гордостью. Худощавость его фигуры удивительно гармонировала съ блѣднымъ, нѣсколько желтоватымъ цвѣтомъ лица. Его впалыя щеки, тонкія губы, глаза, глубокосидящія во впадинахъ, но необыкновенно блестящіе, рѣдкая и ироническая улыбка придавали его физіономіи видъ жесткій и брюзгливый, который далеко не окупался привѣтливостью обращенія. Росси умѣлъ цѣнить себя и былъ глубоко проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что міръ уважаетъ насъ лишь на столько, на сколько мы сами себя уважаемъ. Скромность не была отличительной чертой его характера. Что касается до патріотизма, съ Росси нельзя быть слишкомъ требовательнымъ въ этомъ отношеніи. Уроженецъ Италіи, онъ выселился изъ нея во время своей юности; онъ отказался сначала отъ своихъ природныхъ правъ, чтобы стать гражданиномъ Швейцаріи, какъ отказался позже отъ швейцарской натурализаціи, чтобы стать гражданиномъ Фран-

ціи. Любовь къ родинѣ измѣнялась у него въ любовь той страны, въ которой ему приходилось имѣть свое пребываніе, и онъ могъ поэтому быть итальянскимъ студентомъ въ Болоньѣ, швейцарскимъ профессоромъ въ Женевѣ, пэромъ Франціи въ Парижѣ, и сдѣлаться въ Римѣ отличнымъ министромъ Пія IX-го. Либерализмъ Росси основывался на конституціонной машинѣ, управлять которою онъ намѣревался по примѣру министровъ Луи-Филиппа: въ своихъ отношеніяхъ къ парламенту онъ бывалъ по-временамъ то хитрымъ, какъ Моле, то краснорѣчивымъ, какъ Тьеръ, то надменнымъ, какъ Гизо. Идея объ итальянской національности была, въ глазахъ стараго политическаго эмигранта, мечтою юности, которую онъ считалъ ничѣмъ инымъ, какъ благородной иллюзіей. Отыскивая акты въ дипломатическихъ архивахъ, онъ читалъ депеши Меттерниха столь часто, что не могъ не убѣдиться въ томъ, что Италія дѣйствительно лишь географическій знакъ. Онъ зналъ Ламартина столь близко, что не могъ не считать Италіи *страною мертвецовъ;* онъ до-того упивался млекомъ Тьера и Гизо, что не могъ не всосать въ себя нѣкоторой доли того величаваго презрѣнія, которое проявляли къ итальянской націи эти оба государственные человѣка при всякомъ удобномъ случаѣ. Росси питалъ лишь слабую вѣру въ будущность націи и не имѣлъ никакой—въ ея будущую независимость. Таковъ былъ политическій человѣкъ, принимавшій изъ рукъ Пія IX-го кормило правленія. Умъ твердый, проницательный, рѣшительный, настойчивый и смѣлый,—натура сухая, холодная, надменная, энергическая, Росси могъ бы сдѣлаться полезнымъ министромъ во всякій другой историческій моментъ, но при данныхъ условіяхъ онъ могъ только возбудить неудовольствіе папы обуздываніемъ папской власти, и не понравиться народу, стремленій котораго онъ самъ не раздѣлялъ.

Программа министра трактовала объ уваженіи къ конституціи, и старалась внести силу въ правительство и законность въ отправленіе его дѣйствій, контроль въ администрацію, независимость въ судопроизводство, равновѣсіе въ финансы, дисциплину въ армію, бдительность въ полицію, энергію въ приказы, живость въ ихъ исполненіе, и требовала обороны предѣловъ государства. Въ ней говорилось также и о лигѣ между итальянскими государями, но этотъ проектъ, представленный Піемонтомъ и уже давно обсуждаемый безъ всякой пользы, былъ вскорѣ снова оставленъ безъ послѣдствій подъ предлогомъ тысячи причинъ, которыя имѣли цѣлью, подъ видомъ особыхъ возраженій, противодѣйствовать воззрѣніямъ и дѣятельности Піемонта и избѣгать всякаго рода соглашеній по общему предпріятію — независимости

отечества. Росси окружилъ себя людьми, по бо̀льшей части мало извѣстными, способности которыхъ были весьма посредственны, а либерализмъ весьма сомнительнаго свойства. Вотъ изъ какихъ людей составилъ онъ министерство: предсѣдательство сохранилъ за собою неизбѣжный кардиналъ Солія, который захватилъ, сверхъ того, управленіе иностранною политикою; народное просвѣщеніе было поручено кардиналу Видзардели; внутреннія дѣла и финансы удержалъ за собою самъ Росси; остальные портфели розданы пяти свѣтскимъ министрамъ, обнародованіе именъ которыхъ въ оффиціальной газетѣ отъ 16-го сентября послужило поводомъ ко всеобщему недовольству.

Но предоставимъ пока новое министерство борьбѣ съ клерикальнымъ упорствомъ, съ народною нетерпѣливостью, съ недовѣріемъ либераловъ и съ оппозиціею патріотовъ, а сами прослѣдимъ за Апеннинами новую фазу національнаго движенія съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда Италіи, блиставшая надъ Римомъ, стала свѣтить надъ Туриномъ.

Союзъ итальянскихъ государствъ, который составился, повидимому, для содѣйствія дѣлу итальянской независимости, былъ расторгнутъ однимъ ударомъ.

Неаполитанскій король, который показалъ видъ, посылая корпусъ арміи и флотъ, будто признаетъ своимъ дѣло Италіи, покинулъ національное знамя передъ лицемъ врага, отозвалъ крайне поспѣшно свои сухопутныя и морскія войска подъ предлогомъ безпорядковъ въ Калабріи, агитаціи въ Сициліи и рокового возмущенія 15-го мая, которое, благодаря подстрекавшимъ агентамъ, освобожденнымъ изъ оковъ тайною полиціею, обагрило кровью улицы неаполитанской столицы. Только горсть храбрецовъ, подъ начальствомъ генерала Пепе, осмѣлилась, пренебрегая приказаніями короля и его гнѣвомъ, ознаменовать геройскими подвигами достопамятную осаду Венеціи.

Леопольдъ II-й, великій герцогъ тосканскій, подчинился, по слабости своего характера, семейнымъ вліяніямъ и, приставая болѣе или менѣе открыто къ дѣлу Австріи, причинилъ по самой своей нерѣшимости грустные безпорядки. Въ то время, какъ цвѣтъ юношества и избранные люди литературы и науки гибли въ Куртатоне[1]) отъ австрійскаго оружія, великій герцогъ пренебрегалъ всѣмъ, что необходимо для серьезной организаціи регулярной арміи.

[1]) Въ схваткѣ подъ Куртатоне погибло болѣе трехъ сотъ тосканскихъ волонтеровъ, по большей части студентовъ и профессоровъ университета, въ главѣ которыхъ былъ и ученый профессоръ Пилла. Тамъ же раненъ знаменитый профессоръ Монтанелли.

Подъ ударами неожиданныхъ и незаслуженныхъ неудачъ, павшими на піемонтскую армію и принудившими ее къ перемирію, правительство короля видѣло еще, какъ исчезали всѣ надежды на твердую поддержку со стороны другихъ итальянскихъ государей, и мужественно боролось со всѣми затрудненіями, внутренними и внѣшними, желая во что-бы-то ни стало испытать еще разъ роковой приговоръ оружія.

Аббатъ Джіоберти, находившійся въ числѣ совѣтниковъ короля, отказался отъ портфеля по случаю послѣдняго министерскаго кризиса. Онъ приглашалъ, въ частномъ циркулярѣ и въ журнальныхъ статьяхъ, всѣ итальянскіе города прислать въ Туринъ, въ половинѣ октября, самыя замѣчательныя литературныя и политическія знаменитости для обсужденія, въ братскомъ собраніи, интересовъ общаго отечества съ цѣлью установить съ общаго согласія и потомъ предложить всѣмъ правительствамъ и парламентамъ Италіи основы національной федераціи. Воззваніе Джіоберти встрѣчено повсюду съ великимъ сочувствіемъ и, обойдя по всѣмъ угламъ Италіи, собрало въ столицѣ Піемонта избраннѣйшихъ изъ патріотовъ и публицистовъ.

Римъ послалъ, въ качествѣ своихъ представителей, на это великое семейное собраніе, принявшее титулъ итальянскаго федеративнаго конгресса (Congresso federativo Italiano), Маміани, Пинто и Стербини. Послѣ долгихъ и зрѣлыхъ обсужденій, продолжавшихся не менѣе двадцати-четырехъ засѣданій, результатомъ трудовъ конгресса былъ весьма сжатый и весьма практичный проектъ федеральнаго союза между главными итальянскими государствами, имѣвшій цѣлью прежде всего и совершенно освободить Италію отъ всякаго рода иностраннаго вмѣшательства. Каждый изъ членовъ конгресса, прощаясь съ своими сотоварищами при отъѣздѣ на родину, обязывался распространять идеи, одобренныя собраніемъ, и, возбудивъ этимъ путемъ единодушное проявленіе общественнаго мнѣнія, понудить упрямыя правительства волею или неволею принять рѣшенія конгресса.

Между тѣмъ, какъ конгрессъ, собранный по иниціативѣ Джіоберти, предлагалъ правительствамъ проектъ итальянской федераціи, Монтанелли высказалъ мысль объ обще-итальянскомъ конституціонномъ собраніи. Принятый восторженно народомъ и назначенный великимъ герцогомъ въ министры, онъ вложилъ эту мысль въ основу своей политики. Въ сущности, цѣль его была таже, что и цѣль конгресса, только средства онъ избиралъ другія. Конгрессъ стремился прежде всего обезпечить Италію относительно войны, — онъ требовалъ немедленнаго вмѣшательства въ это дѣло всѣхъ государствъ въ ихъ настоящемъ составѣ,

предоставляя будущему рѣшить вопросы о формѣ правленія и о разграниченіи земель. Это былъ проектъ практическій, приложимый безъ попиранія правъ и безъ возбужденія опасеній въ правительствахъ и государяхъ. Монтанелли, напротивъ, желалъ, чтобы нація сама, въ лицѣ своихъ правителей, рѣшила сначала, въ огромномъ собраніи, всѣ вопросы, касающіеся образа правленія и распредѣленія границъ — дѣло, совершенно непрактичное, невозможное безъ предварительнаго низверженія всѣхъ существующихъ правительствъ, или безъ внезапнаго добровольнаго отреченія отъ престола всѣхъ государей.

Римскія провинціи, находясь въ соприкосновеніи съ Тосканою, взволнованною идеею Монтанелли, и питая очень мало довѣрія къ Росси и весьма небольшое сочувствіе къ конфедераціи государей, взволновались сами и поддержали бурными демонстраціями несбыточный планъ Монтанелли. Росси прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости. Генералъ Цукки, старый солдатъ имперіи, нѣкогда преслѣдуемый австрійскимъ правительствомъ, былъ посланъ, въ качествѣ военнаго коммисара, въ Болонью, гдѣ онъ явился предвѣстникомъ системы насилія. Цукки приказалъ немедленно распустить по домамъ всѣ волонтерскіе легіоны, окрещенные огнемъ въ долинахъ Ломбардіи и подъ стѣнами Виченцы, — онъ запретилъ вербовку рекрутъ, окружилъ себя папскими наемными полками изъ швейцарцевъ и распорядился оказать вооруженное сопротивленіе небольшому отряду гарибальдійцевъ, которые, подъ начальствомъ своего доблестнаго капитана, искали убѣжища возлѣ Римини, спасаясь отъ энергическаго преслѣдованія Радецкаго.

Суровымъ мѣрамъ генерала Цукки въ провинціяхъ вполнѣ соотвѣтствовали распоряженія министра Росси въ столицѣ. Громадное сосредоточеніе войскъ придавало Риму необычайный видъ; итальянцы, подданные не-папской области, высылались за границу, либеральную прессу старались всячески стѣснять; изъ сосѣднихъ городовъ призвано въ столицу два полка жандармовъ; большой смотръ войскамъ произведенъ самимъ Росси на широкомъ дворѣ Ватикана, а публичная рѣчь министра запрещала солдатамъ по-братски обращаться съ народомъ; по всей длинѣ улицы Корсо, главной артеріи города, протянулись жандармы какъ бы для того, чтобы служить угрозою гражданамъ; мѣсто, отведенное въ палатѣ депутатовъ для публики, было уменьшено на-половину въ силу самовольнаго распоряженія министра; національная гвардія лишена всякой почетной службы, а охраненіе дворца, въ которомъ собирался парламентъ, поручено полку жандармовъ. Все это произошло передъ самымъ открытіемъ палатъ, назначеннымъ, какъ мы говорили, на 15-е ноября.

Вечеромъ 14-го числа, оффиціальная газета появилась весьма поздно; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ее, какъ органа, пропагандирующаго идеи министерства, какъ предвѣстника его проектовъ и какъ барометра положенія дѣлъ. Передовая статья, вышедшая очевидно изъ-подъ пера Росси, была жесткая и сердитая. Министерство ворчало на народъ, заявляло себя опекуномъ парламента, хозяиномъ въ государствѣ и наставникомъ всей итальянской націи. Заговоривъ тономъ жесткимъ и угрожающимъ, министерская статья разбранила, въ выраженіяхъ весьма несправедливыхъ и весьма суровыхъ, мысль о національномъ конституціонномъ собраніи,—мысль, правда, несвоевременную и мало практичную, но, во всякомъ случаѣ, возвышенную и патріотическую. Намекая, что мысль Монтанелли могла войдти въ голову только человѣка опьяненнаго винными парами, статья совѣтовала палатамъ, не поддерживать такой мысли, которая есть явное произведеніе оргіи inter scyphos (*sic*). За тѣмъ она относилась съ гордымъ пренебреженіемъ, къ общественному мнѣнію и съ надменнымъ презрѣніемъ къ народу и наконецъ, бросая вызовъ революціи, заканчивалась слѣдующими словами: «но народныя возстанія?... народныя возстанія не что иное, какъ великія слова, брошенныя на вѣтеръ и лишенныя всякаго значенія, никому не приносящія вреда». И такъ, статья коснулась всѣхъ, и всѣ были оскорблены ею, потому что она обходилась съ народомъ какъ съ ребенкомъ, съ депутатами какъ съ школьниками, съ тосканскими патріотами какъ съ пьяными людьми, съ римлянами какъ съ безумцами, и съ націей какъ съ несовершеннолѣтнею;—всѣ негодовали на положеніе, принятое министерствомъ въ эту торжественную минуту,

Роковой день 25-го ноября уже взошелъ надъ вѣчнымъ городомъ. Весь Римъ въ безпорядкѣ собрался къ парламентскому палаццо на площадь, чтобы привѣтствовать депутатовъ и взглянуть на министровъ. Тройнымъ рядомъ штыковъ окружали жандармы народъ, собравшійся массами на площади и группировавшійся на дворѣ и подъ дворцовымъ перистилемъ. Депутаты были уже на своихъ мѣстахъ, и — замѣчательное дѣло — почти всѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, заняли мѣста *слѣва* [1]). Многіе министры тоже сидѣли на своихъ скамьяхъ, — недоставало только Росси, и его ждали довольно долго. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и первыя капли мелкаго дождя начали уже поливать народную толпу, становившуюся все болѣе и болѣе нетерпѣливою. Но вотъ въ толпу врѣзалась коляска; кри-

[1]) Т. е. на сторонѣ оппозиціи.

чатъ: «берегись!» но лошади не могутъ раздвинуть любопытныхъ, тѣснившихся узнать, кто пріѣхалъ. Это были министры Росси и его помощникъ, кавалеръ Ригетти. Взрывъ насмѣшекъ привѣтствовалъ ихъ и сопровождалъ по всей площади. «Это первыя капли угрожающей намъ бури», сказалъ министръ, своему помощнику, «но я не проницаемъ какъ гутта-перча». Коляска подъѣхала подъ навѣсъ дворца и остановилась подъ большими арками перистиля. Сперва сошелъ Ригетти, за нимъ министръ; они оба старались пробиться сквозь эту сплошную массу къ парадной лѣстницѣ, находящейся позади арокъ въ тридцати шагахъ отъ того мѣста, гдѣ выходятъ изъ экипажей. Толпа смыкалась все тѣснѣе и тѣснѣе. Замѣтили легкую агитацію среди небольшой группы людей. На минуту министръ отсталъ отъ своего сотоварища. Вдругъ онъ почувствовалъ грубый толчокъ слѣва; онъ обернулся посмотрѣть, что тамъ такое. Этимъ движеніемъ обнаружилась правая сторона его шеи, — въ то же самое мгновеніе что-то блеснуло надъ его головою: это было длинное и тонкое лезвее кинжала, которое, скользнувъ съ быстротою молніи по обнаженной шеѣ, проникло и исчезло въ горлѣ министра. Изъ его устъ не раздалось ни одного крика; онъ ослабѣлъ вмигъ, но его поддержали чужія руки, быть можетъ, руки сообщниковъ убійцы, и его донесли до самой лѣстницы. Потокъ крови открылъ страшную истину толпѣ, полагавшей сначала, что министръ упалъ въ обморокъ. Тотчасъ призвали врачей; они печально и мрачно переглядывались, — къ нимъ присоединились цѣлою толпою депутаты и забрасывали ихъ вопросами. «Все кончено!» отвѣчали ученые практики, «перерѣзана большая артерія и жизнь исчезнетъ вмѣстѣ съ кровью, изливающеюся изъ зіяющаго отверстія». Раненаго отнесли въ первый этажъ, положили на диванъ, ухаживали за нимъ, но спустя нѣсколько мгновеній Росси умеръ, не сказавъ ни одного слова.

Страшное событіе поразило всю громадную толпу народа нѣмымъ ужасомъ. Убійца, незамѣченный никѣмъ, воспользовался всеобщимъ смятеніемъ и скрылся, быть можетъ, при помощи нѣсколькихъ сообщниковъ. Депутаты, испуганные катастрофою, покинули залу собранія. Жандармы, не зная что дѣлать среди изумленной и волновавшейся народной толпы, оставались на своихъ мѣстахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Публика была сначала въ глубокомъ смущеніи, — потомъ она стала безпокоиться, а за безпокойствомъ вскорѣ послѣдовала глухая агитація. Войска оставались въ казармахъ, національные гвардейцы собирались по своимъ квартирамъ, граждане сходились въ кружки, въ кофей-

ніяхъ и на улицахъ, — всѣ спрашивали, и никто не могъ дать отвѣта. Военные и гражданскіе начальники ходили въ разныя министерства за приказаніями, но тамъ не было никого, кто могъ бы приказывать. Министры, испуганные страшнымъ событіемъ, покинули свои мѣста, — многіе изъ нихъ уѣхали изъ Рима тотчасъ же, другіе заперлись съ папою въ квириналькомъ дворцѣ, закрыли ворота и не допускали къ себѣ ни души. Съ прекращеніемъ существованія Росси, никто уже не управлялъ городомъ.

Ночь прошла въ безсонницѣ, но тихо.

На другой день отъ правительства ожидали какого нибудь заявленія, но правительство не подавало и признака жизни. Толпа собралась, обсуждала положеніе дѣлъ, приходила въ негодованіе и можно было опасаться, что послѣдуетъ гибельный разгромъ, если не дадутъ исхода народнымъ стремленіямъ. Въ полдень собрались главные представители прессы; при данныхъ обстоятельствахъ они нашли необходимымъ обратиться къ государю съ нѣкоторыми требованіями, и изыскали средства для вѣрнѣйшаго осуществленія этихъ требованій на дѣлѣ. Чтобы спасти страну отъ анархіи и Италію отъ новаго пораженія, нужно было имѣть два предмета: принципы и людей; — *принципы* для того, чтобы пріобрѣсть основу и центръ прочнаго образа правленія, *людей* для того, чтобы ихъ добросовѣстно приставить къ дѣлу и чтобы ими удержаться на высотѣ обстоятельствъ и времени. Списокъ кандидатовъ для составленія новаго министерства заключалъ въ себѣ имена Маміани, Кампелло, Саличети, Фускони, Лунати, Серени и Стербини. Въ основу министерской программы предполагали вложить открытое признаніе итальянской національности, созваніе федеральнаго сейма и исполненіе тѣхъ рѣшеній относительно войны за независимость, которыя уже состоялись въ парламентѣ.

16-го ноября въ полдень, огромная процессія, состоявшая изъ всей національной гвардіи, изъ всѣхъ войскъ, находившихся въ Римѣ (безъ ружей, съ офицерами во главѣ), изъ представителей всѣхъ кружковъ (клубовъ) и изъ безчисленной массы гражданъ, шла въ полномъ порядкѣ къ палатѣ депутатовъ. Процессія остановилась на площади, и избранная предварительно коммиссія отправилась представиться палатѣ; — вручивъ ей свой адресъ, содержавшій заявленіе нуждъ и желаній, коммиссія просила избранниковъ націи благосклонно принять его и поднесть къ стопамъ трона, испрашивая согласіе папы. Адресъ прочитанъ и одобренъ, — депутаты парламента немедленно отправились въ

Квириналъ, сопровождаемые всею народною процессіею, которая, достигнувъ папскаго дворца, наполнила собою всю площадь.

Депутація проситъ, чтобы ее принялъ папа, но вмѣсто папы ее принимаетъ кардиналъ Солія и берется передать адресъ государю. Послѣ долгаго отсутствія кардиналъ приноситъ отвѣтъ, что папа *разсмотритъ этотъ вопросъ*. Благодаря своимъ новымъ настойчивымъ просьбамъ, основаннымъ на важности минуты и на необходимости дать какое нибудь правительство безпокойному и взволнованному населенію, и поддержкѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатовъ, прогуливавшихся по заламъ дворца, депутаціи удалось лично представиться папѣ. Пій IX встрѣтилъ ее грубо; произнеся нѣсколько высокомѣрныхъ фразъ, онъ отпустилъ депутатовъ изъ своего дворца, отказавшись принять какія либо мѣры въ данную минуту. Депутаты, выйдя на дворцовую террасу, передали народу, толпившемуся внизу на площади, грустный результатъ своего объясненія съ папою.

Смятеніе увеличивается; тревога распространяется повсюду. Въ такія минуты, люди, хорошо понимающіе положеніе дѣлъ, всего болѣе боятся оставить населеніе, освободившееся изъ оковъ, гарнизонъ съ оружіемъ въ рукахъ и волнующійся народъ — безъ всякой точки опоры, безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ центра управленія, или пришлось бы рискнуть допущеніемъ рѣзни и поджоговъ. Поэтому, не теряя ни минуты, сильные чистотою своихъ намѣреній и требованіями своего долга, пять молодыхъ публицистовъ, разсчитывая на свою извѣстность, собрались въ залы одного изъ клубовъ, составили тамъ *jure proprio* комитетъ временнаго правительства, и приняли на себя отвѣтственность за сохраненіе общественнаго порядка.

Комитетъ [1]) началъ свою дѣятельность обнародованіемъ прокламаціи, въ которой извѣщалъ о своемъ самостоятельномъ происхожденіи съ цѣлью образовать центръ управленія и дѣятельности въ интересахъ общественнаго порядка, и просилъ содѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей, поддержки магистрата и общаго уваженія къ распоряженіямъ, которыя будутъ исходить изъ его рукъ до учрежденія правильнаго образа правленія.

Эта прокламація, переписанная во многихъ экземплярахъ, была прибита на углахъ улицъ и, прочитанная толпѣ народными глашатаями, произвела выгодное впечатлѣніе. Эскадронъ драгуновъ тотчасъ же отдалъ себя въ распоряженіе комитета, а за

[1]) Членами комитета были: Стербини, Пинто, Шифони, Спини и Меуччи; — первые двое — члены парламента, третій былъ секретаремъ городского (муниципальнаго) совѣта, а остальные двое — членами того же совѣта.

нимъ послѣдовала и пѣхота. Національная гвардія, разбитая на три равныя отряда, поставлена эшелонами вдоль Корсо, назначена охранять порядокъ въ опредѣленныхъ округахъ каждаго квартала, и послана, подъ командою наиболѣе благоразумныхъ офицеровъ, на квиринальскую площадь. Линейныя войска, драгуны и жандармы, соединенные съ національною гвардіею и народомъ — съ цѣлью предохранить городъ отъ несчастія, отправились, по приказанію комитета, стать лагеремъ передъ квиринальскимъ дворцемъ и быть тамъ на-готовѣ подавить всякую попытку къ безпорядкамъ, къ возмущенію или къ схваткѣ, съ чьей бы стороны она ни началась.

Эти энергическія заявленія, это единодушное стремленіе къ цѣли, оказали свое вліяніе на придворныхъ и на швейцарцевъ, прекратившихъ свой убійственный огонь и удалившихся за баррикады, что тоже было и нелѣпо и безполезно, ибо никому и въ голову не приходило произвесть на нихъ нападеніе, хотя ихъ можно было разсѣять однимъ дуновеніемъ. Площадь приняла видъ величавый, но спокойный. Небольшая пушка, неизвѣстно кѣмъ и какъ привезенная на площадь, стояла у подошвы обелиска, находящагося посреди площади насупротивъ главнаго дворцоваго подъѣзда. Какой-то человѣкъ, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ, приближается къ пушкѣ и уже хочетъ приложить огонь; вдругъ, неизвѣстно откуда, на него бросаются двое другихъ людей и не даютъ совершить этого святотатства. Депутатъ Торре вырываетъ у него изъ рукъ фитиль; Чичерваккіо становится передъ жерломъ пушки и объявляетъ, что ядро, прежде чѣмъ достигнетъ дворца, должно пройти черезъ его собственное тѣло.

Между тѣмъ, переговоры съ государемъ шли своимъ чередомъ. Галлетти, принятый папою, послѣ многихъ увѣщаній и долгихъ споровъ успѣлъ получить декретъ, подписанный Піемъ IX и контрасигнованный кардиналомъ Соліею. Этотъ указъ назначалъ новое министерство и объявлялъ, что политическую программу новаго министерства составятъ парламентъ и министры по общему соглашенію. Драгунъ, съ необыкновенной поспѣшностью привезъ извѣстіе объ этомъ счастливомъ окончаніи переговоровъ въ домъ военнаго министерства, куда былъ перенесенъ комитетъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи, въ то время, какъ Галлетти объявлялъ о радостномъ событіи съ высоты квиринальской террасы народу и войскамъ, толпившимся на дворцовой площади, комитетъ, въ лицѣ Стербини, читалъ тоже самое съ балкона военнаго министерства народу и войскамъ, наполнявшимъ большой дворъ палаццо. Декретъ назначалъ мини-

страни: Росмини, Маміани, Галлетти, Лунати, Серени, Кампелло и Стербини. Комитетъ сложилъ съ себя свои обязанности и посовѣтовалъ согражданамъ спокойно разойтись по домамъ, успокоить свои семейства и возвратить городу его обычную тишину. Въ полночь, иностранецъ, въѣзжая въ Римъ черезъ *porto del Popolo*, могъ бы вполнѣ усомниться въ томъ, что почти сейчасъ происходило здѣсь столько потрясающихъ душу сценъ, волновавшихъ столь страшнымъ образомъ всѣ сословія римскаго общества.

Министры были назначены, но министерство еще не могло считать себя составленнымъ. Маміани, Кампелло и Серени отсутствовали, Росмини отказался отъ чести предсѣдательствовать въ совѣтѣ. Вмѣсто Росмини, Пій IX постарался назначить монсиньора Муццарелли, знаменитаго судью, страстнаго литератора и предсѣдателя Верхней Палаты. Принимая портфель, внезапно предложенный ему самимъ папою, несчастный прелатъ никогда не воображалъ, что позже этотъ актъ повиновенія и самоотверженія будетъ поставленъ ему въ вину, какъ преступленіе, наказываемое изгнаніемъ — изгнаніемъ почетнымъ, но роковымъ, которое стоило ему сперва зрѣнія, потомъ разсудка, и наконецъ жизни [1]).

Четыре министра, бывшихъ на лицо, обнародовали утромъ 17-го числа манифестъ, въ которомъ содержались принципы національной политики, предложенные общественнымъ мнѣніемъ. Вечеромъ, въ тотъ же день, великолѣпное сѣверное сіяніе — явленіе, почти единственное въ своемъ родѣ въ тѣхъ странахъ — покрыло весь городъ громаднымъ покровомъ, кроваваго цвѣта. Римъ былъ спокоенъ, но не веселъ.

Какъ ни торопился курьеръ съ депешею къ Маміани въ Геную, какъ ни старался послѣдній, все еще не вполнѣ оправившись отъ болѣзни, поскорѣе добраться до Рима, онъ пріѣхалъ туда только вечеромъ 23 ноября. Получивъ отъ своихъ вѣрнѣйшихъ друзей подробныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, Маміани заявилъ, что прежде чѣмъ рѣшительно и окончательно вступить въ министерство, онъ желаетъ откровенно и съ полною искренностью переговорить съ папою. Ему отвѣчали, что Пій IX ждетъ его съ нетерпѣніемъ, — и, въ самомъ дѣлѣ, великому шамбеллану (монсиньору *маджіордомо*) было приказано представить папѣ графа Маміани при его первомъ появленіи во дворцѣ.

[1]) Монсиньоръ Муццарелли, изгнанный изъ Рима, удалился въ Геную, гдѣ онъ жилъ сначала въ бѣдности, а потомъ въ нищетѣ. Отъ страданій, имъ перенесенныхъ, онъ ослѣпъ, слѣпота причинила безуміе, и онъ умеръ слѣпой, безумный и почти нищій!...

Свиданіе состоялось въ Квириналѣ въ четыре часа по-полудни 23-го ноября. Никогда Пій IX не былъ такъ благосклоненъ, разговорчивъ и вѣжливъ съ Маміани. Папа увѣрялъ его, что вступленіе въ министерство при настоящихъ обстоятельствахъ такого человѣка, какъ Маміани, онъ считаетъ залогомъ порядка и спокойствія, и что, приглашая его принять на себя министерскія обязанности, папа питаетъ полнѣйшее довѣріе къ его способностямъ, какъ министра, и къ его вѣрности, какъ гражданина. Политическое направленіе и административныя основы, изложенныя графомъ Маміани, встрѣчены одобрительно монархомъ, настойчивыя увѣренія котораго побудили Маміани принять портфель иностранныхъ дѣлъ, но съ однимъ условіемъ. Графъ требовалъ, чтобы Пій IX подписалъ основные принципы министерской политики, формулированные въ пяти статьяхъ. Папа взялъ записку изъ рукъ Маміани, прочелъ два раза, тщательно сложилъ ее и, пообѣщавъ дать положительный отвѣтъ на другой день, отпустилъ отъ себя графа Маміани, обольстительно улыбаясь ему и отцовски благословляя его.

На другой день, въ 7 часовъ утра, кто-то торопливо вбѣжалъ къ автору настоящей статьи и извѣстилъ его задыхающимся голосомъ, что въ прошлую ночь Пій IX покинулъ городъ, что Квириналъ опустѣлъ, и что никто не знаетъ по какому направленію уѣхалъ папа. Пинто хватаетъ первый попавшійся фіакръ и ѣдетъ стучаться къ Маміани, который спалъ еще сномъ праведныхъ. Графъ, внезапно пробужденный, выслушиваетъ извѣстіе съ крайнимъ изумленіемъ, предлагаетъ обнародовать манифестъ о необходимости сохранить спокойствіе и порядокъ въ городѣ, и совѣтуетъ немедленно созвать парламентъ. Манифестъ тотчасъ же печатаютъ и разносятъ по улицамъ; обѣ палаты созваны въ часъ послѣ полудня, многіе министры постоянно засѣдаютъ въ Квириналѣ и маркизъ Саккетти, папскій конюшій, представляетъ министрамъ оставленное папою письмо, въ которомъ тотъ приказываетъ министрамъ *оказать покровительство его дворцу и прислугѣ*. Народъ, спокойный и шутливый, видитъ, къ счастію, въ папскомъ отъѣздѣ только отсутствіе одного изъ священниковъ [1]). Французскій посолъ ждетъ папу въ Чивитта-Веккіи; испанскій посланникъ увѣряетъ своихъ приближенныхъ, что Пій IX бѣжалъ на Балеарскіе острова, а баварскій посолъ, посмѣиваясь надъ всѣми и, въ сопровожденіи своей супруги,

[1]) «Что вы думаете объ отъѣздѣ папы?» спросилъ авторъ этой статьи работавшихъ у него людей низшаго класса. «Что въ Римѣ однимъ попомъ стало меньше», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, при единодушномъ одобреніи прочихъ.

бѣжитъ съ папою по дорогѣ въ Гаэту. Попытаемся теперь разъяснить эту дипломатическую ошибку, которая похожа на игру въ прятки и которая есть не что иное, какъ ловкая мистификація; посредствомъ ея хитрѣйшіе заговорщики ввергли въ горькое разочарованіе двухъ тонкихъ дипломатовъ.

Весь заговоръ, составленный и подготовленный съ цѣлью устроить тайное бѣгство папы, былъ веденъ пятью лицами, но окончательная мистификація, жертвою которой должны были сдѣлаться два великіе дипломата, была дѣломъ одной женщины. Когда кардиналъ Антонелли объявилъ нѣкоторымъ членамъ дипломатическаго корпуса, что святой отецъ чувствуетъ себя очень стѣсненнымъ въ отправленіи своей власти, и униженнымъ въ томъ положеніи, которое ему приходится занимать въ Римѣ, представители трехъ иностранныхъ державъ стали на перебой предлагать услуги и гостепріимство своихъ правительствъ и вызывались лично конвоировать и сопровождать апостолическаго путешественника. Это были: герцогъ д'Аркуръ, уполномоченный французской республики и любившій ее, какъ подобаетъ герцогу; Мартинецъ делла Роза, испанскій посолъ, извѣстный поэтъ, считавшій Италію тѣмъ же, чѣмъ признавалъ ее его собратъ, Ламартинъ — *землею мертвыхъ;* и графъ Шпауръ, посланникъ Баваріи, уполномоченный защищать австрійскіе интересы на время отсутствія австрійскаго посольства. Рвеніе этихъ трехъ дипломатовъ, взаимно завидовавшихъ другъ другу, приводило въ сильное затрудненіе кардинала Антонелли, главнаго руководителя интриги. Каждый изъ нихъ одобрялъ папское намѣреніе уѣхать изъ Рима и изъявлялъ готовность употребить всѣ свои усилія для поддержки этого намѣренія, но съ тѣмъ, чтобы отъѣздъ принесъ пользу тому правительству, представителемъ котораго онъ служилъ при папскомъ дворѣ. Республиканскій герцогъ хотѣлъ увезти папу во Францію, увѣряя его, что объятія *наихристіяннѣйшей* [1]) республики отверсты для восторженнаго пріема общаго отца всѣхъ католиковъ. Рыцарскій поэтъ настаивалъ на Испаніи, на этой классической странѣ аббатствъ и монастырей. Нѣмецкій графъ выжидалъ, сдерживался, — его дипломатія нашла сторонника въ дипломатіи его жены.

Графъ Шпауръ, жившій въ Римѣ съ давнихъ лѣтъ, былъ женатъ на римской женщинѣ, которая привыкла блистать своею замѣчательною красотою въ дипломатическихъ салонахъ. Графиня Шпауръ была дочерью графа Жиро, природнаго римлянина хотя съ французскимъ именемъ, человѣка живого и весе-

[1]) Титулъ «христіаннѣйшій» дарованъ папствомъ королевству Франціи.

лаго, любившаго вкусныя блюда и общество красавицъ, сатиру и эпиграммы, автора талантливыхъ и остроумныхъ комедій. Его дочь, гордившаяся сіятельнымъ титуломъ и своею обольстительною красотою, но надѣленная малыми сравнительно средствами, пожертвовала сначала своею графскою короною для вступленія въ богатый бракъ и вышла замужъ за англичанина, которому она помогала растрачивать огромное состояніе, и который умеръ такъ скоро, что его молодой и прелестной вдовѣ удалось вновь возложить на свою голову графскую корону, принявъ руку графа Шпаура.

Между тѣмъ графиня Шпауръ не могла не замѣтить, что скипетръ красоты въ высшемъ римскомъ обществѣ оставался въ ея рукахъ слишкомъ долго, даже болѣе чѣмъ слишкомъ, и что господство ея красоты съ каждымъ днемъ теряетъ по частицѣ своего обаянія. Привыкшая царить въ салонахъ, графиня отрекалась отъ своего господства не безъ труда и старалась замѣстить тонкостью своего ума увядавшую свѣжесть ея прелестей, становившихся весьма сомнительными. Такимъ образомъ проникла она въ область дипломатіи и изучила всѣ ея обороты и изгибы. Она умѣла прикинуться набожною, желая пококетничать съ изувѣріемъ папскаго двора, — она окружила себя кардиналами и прелатами и превратила свой салонъ въ центръ заговора, главою котораго былъ кардиналъ Антонелли, а душою — она сама.

Тайная борьба, шедшая между испанскимъ и французскимъ посланниками изъ-за обладанія особою святого отца, послужила орудіемъ ловкихъ интригъ графини Шпауръ. Она совѣтовала своему мужу держаться совершенно въ сторонѣ во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, и оставить обоихъ пословъ почти неограниченными рѣшителями дѣла, предлагая имъ такое рѣшеніе, которое должно было понравиться всѣмъ, но въ концѣ концовъ оказаться выгоднымъ только графу, желавшему увести папу въ Неаполь и сдать его тамъ подъ покровительство Бурбоновъ и подъ опеку Австріи. Предложенія герцога д'Аркура приняты въ Квириналѣ весьма хорошо и папа сказалъ, что онъ готовъ слѣдовать за французскимъ посломъ въ Марсель. Настоятельныя просьбы Мартинеца делла Роза тоже встрѣчены весьма благопріятно при папскомъ дворѣ, и Пій IX увѣрялъ посланника, что имъ уже рѣшено принять гостепріимное предложеніе испанской королевы. Подъ тѣмъ предлогомъ, что успѣхъ самаго дѣла требуетъ дѣйствій благоразумныхъ и осторожныхъ, обоимъ дипломатамъ объявили, что частыя свиданія во дворцѣ могутъ показаться подозрительными, и что, поэтому, было бы лучше, еслибъ оба посла вошли въ соглашеніе, относительно подроб-

ностей дѣла, съ посланникомъ Баваріи, который въ свою очередь станетъ сноситься съ кардиналомъ Антонелли. Но такъ какъ послѣдовавшія затѣмъ совѣщанія трехъ дипломатовъ могли легко возбудить подозрѣніе въ жителяхъ города, то посламъ Франціи и Испаніи посовѣтовали вести переговоры съ графинею, которая, договариваясь съ каждымъ изъ нихъ, умѣла и передъ свѣтомъ и въ присутствіи прислуги вести себя такъ, что всякій полагалъ, что рѣчь идетъ о предметахъ совершенно индифферентныхъ. Между тѣмъ она составила общій планъ предпріятія, назначила каждому изъ заинтересованныхъ лицъ опредѣленную роль и захватила въ свои руки нить всего дѣла. Вотъ, какимъ образомъ салонъ графини Шпауръ сталъ главною квартирою заговора.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, баварскій посланникъ легко добился согласія папы и кардинала Антонелли на австрійскій проектъ, на переѣздъ Пія IX въ Гаэту, противно ожиданіямъ пословъ Франціи и Испаніи. Имѣя въ виду ту же цѣль, графиня увѣряла герцога д'Аркура, что папа принялъ предложеніе Франціи, но просила герцога не говорить объ этомъ испанскому посланнику, которому, говорила она, Пій IX дѣлаетъ видъ, будто согласенъ воспользоваться гостепріимствомъ королевы. Герцогское тщеславіе легко удовлетворилось этимъ объясненіемъ и добродушно поддалось обману, для него подготовленному. Мартинеца делла Розу, напротивъ, графиня убѣждала, что папа, недовѣряя дружбѣ республиканскаго правительства, рѣшился согласиться на рыцарское предложеніе Испаніи, но съ тѣмъ, чтобы этотъ отъѣздъ совершился безъ вѣдома французскаго посла, который смотритъ весьма недоброжелательно на такое предпочтеніе, оказываемое его сопернику. Кастильская гордость, соединенная съ католическою фантазіею поэта, была вполнѣ обольщена этимъ знакомъ папскаго довѣрія и приготовилась съиграть свою роль, не подозрѣвая, что сама служитъ игрушкою другихъ. Марсель — говорили герцогу д'Аркуру — назначенъ папою мѣстомъ высадки во Франціи; Балеарскіе острова — увѣряли Мартинеца делла Розу — будутъ первою станціею Пія IX на испанской территоріи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, папѣ приходилось ѣхать моремъ, но такъ какъ близъ римскихъ портовъ въ Средиземномъ морѣ не было тогда испанскихъ судовъ, то поэта-дипломата убѣдили въ томъ, что папа предварительно остановится въ Гаетѣ и уже оттуда, съ пріѣздомъ перваго испанскаго судна, отправится на острова. Герцогу совѣтовали имѣть французскій пароходъ въ Чивитта-Веккіи. Вотъ почему испанскій посолъ хлопоталъ у своего правительства о немедлен-

номъ отправленіи одного корабля для переѣзда папы изъ Италіи на Балеарскіе острова, и тайно благопріятствовалъ бѣгству въ Гаэту, — и вотъ почему французскій посланникъ лично отправился въ Чивитта-Веккію, гдѣ онъ приказывалъ развесть пары на паровомъ фрегатѣ: онъ полагалъ, что опередилъ папу нѣсколькими часами.

Между тѣмъ, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября, Пій IX-й и кардиналъ Антонелли, оба переодѣтые, выйдя изъ малаго дворцоваго подъѣзда, вошли во фіакръ и отправились за-городъ, гдѣ ихъ ожидала карета, запряженная парою сильныхъ лошадей. Въ глубинѣ экипажа находилась отлично, но весьма просто одѣтая дама, лицо которой было закрыто очень густою вуалью. На козлахъ сидѣлъ человѣкъ высокаго роста, осанка котораго и руки могли убѣдить всякаго поверхностнаго наблюдателя въ томъ, что этотъ человѣкъ — не кучеръ и не лакей. По пріѣздѣ фіакра, дверцы кареты отворились, и Пій IX-й, пожавъ руку кардиналу, вошелъ въ карету и помѣстился возлѣ дамы. Кардиналъ снова сѣлъ въ фіакръ и отправился догонять своихъ друзей, ожидавшихъ его съ крайнимъ безпокойствомъ. Карета, въ которой ѣхалъ папа, поскакала галопомъ. Графиня Шпауръ имѣла честь везти папу въ его добровольную ссылку, а графъ Шпауръ имѣлъ удовольствіе управлять лошадьми.

Только на четвертый день послѣ отъѣзда, узнали въ Римѣ, куда перенесся папа съ своими пенатами. Между тѣмъ, палата депутатовъ предложила министерству продолжать отправленіе своихъ обязанностей, и настаивала на томъ, чтобы графъ Маміани согласился принять участіе въ кабинетѣ. Маміани повиновался волѣ палаты; въ томъ же засѣданіи палата составила адресъ къ населенію папской области. Она извѣстила, что правительство остается составленнымъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что страна управляется тѣми же законами, и что парламентъ воодушевленъ тѣмъ же духомъ согласія и національности. Верхняя палата послѣдовала примѣру Нижней и подтвердила особою балотировкою, что между этиму обоими важнѣйшими государственными собраніями, народомъ и министрами, существуетъ сердечное согласіе. Исполнительная власть по случаю отсутствія папы была поручена *правительственной юнтѣ* (Giunta di Governo), состоящей изъ трехъ лицъ: князя Корсини, сенатора римскаго, кавалера Цуккини, сенатора болонскаго, и графа Камерата, гонфалоньера анконскаго.

Правительственная юнта, согласно съ совѣтомъ министровъ, съ желаніями обѣихъ палатъ и съ единодушными заявленіями общественнаго мнѣнія, извѣстила немедленно въ особомъ мани-

фестѣ, что она намѣревается созвать конституціонное собраніе всѣхъ римскихъ провинцій въ самомъ скоромъ времени.

5-го февраля 1849 года, наконецъ открылось это ожидаемое собраніе римскихъ провинцій. Оно послужило бы, быть можетъ, образцомъ и ядромъ будущаго конституціоннаго собранія всей Италіи, если бы, спустя одинъ мѣсяцъ, съ пораженіемъ піемонтскихъ войскъ подъ Новарою, не были разбиты и всѣ замыслы и надежды патріотовъ. Министръ Армеллини открылъ сессію долгимъ и искуснымъ изложеніемъ политическаго положенія государства и Италіи. Затѣмъ собраніе приступило къ подготовительнымъ работамъ, и 8-го февраля передъ нею предсталъ крупный вопросъ объ уничтоженіи свѣтской власти папства. Пренія открыты предложеніемъ одного изъ депутатовъ собранія «постановить разъ навсегда, что папы не должны возсѣдать на тронахъ царей, ибо ихъ царствіе не отъ міра сего». За первымъ ораторомъ всталъ съ своего мѣста, въ качествѣ простого депутата, графъ Маміани и произнесъ рѣчь, достойную лучшихъ ораторовъ, блиставшихъ когда-либо прежде на парламентскихъ трибунахъ.

Онъ началъ съ утвержденія, а именно, что всякія притязанія папъ на царскія права суть не что иное, какъ иллюзіи, потому-что народный голосъ въ Римѣ имѣетъ мѣсто въ представительномъ собраніи. Однако, говорилъ онъ, только послѣ зрѣлаго обсужденія этого вопроса можно будетъ объявить, что папъ никогда не слѣдуетъ облекать свѣтскою властью, даже по волѣ народа. При данныхъ обстоятельствахъ, прибавилъ ораторъ, Римъ можетъ имѣть своимъ главою только Пія IX-го или Кола де-Ріенцо, и изъ всѣхъ формъ правленія можно думать только о папствѣ или о республикѣ. И не вдаваясь въ разсужденіе о принципахъ, одобряемыхъ большинствомъ собранія, Маміани прямо заявляетъ, что свѣтская власть папъ, если она не можетъ примириться съ свободою и прогрессомъ и не въ состояніи перейти въ парламентъ и въ руки министровъ, будетъ всегда въ будущемъ тѣмъ же, чѣмъ бывала всегда въ прошломъ — язвою Италіи, и язвою религіи. Впрочемъ, республика—продолжалъ онъ—такой образъ правленія, который только въ теоріи ближе подходитъ къ идеалу совершенства; — должно потому обсудить, практично ли, при настоящихъ обстоятельствахъ, ввести этотъ образъ правленія и принять на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія подобнаго переворота. Римъ, прибавилъ ораторъ, далеко не имѣетъ средствъ заставить всю монархическую Европу возъимѣть уваженіе къ его голосу, — у Рима нѣтъ трехъ сотъ тысячъ штыковъ, которыми могла располагать Франція при низ-

верженіи Лудовика XVI-го. Громкое слово *республика* не будетъ имѣть, даже въ другихъ итальянскихъ провинціяхъ, того магическаго вліянія, которымъ надѣляетъ его пламенная восторженность неопытной молодежи. Въ Неаполѣ ненависть проявляется противъ бурбонской династіи и противъ царствующаго государя, но не противъ монархическаго образа правленія; центральныя провинціи, гдѣ царили до сихъ поръ мелкіе герцоги, могутъ снабдить римлянъ крайне незначительнымъ контингентомъ, а сардинское королевство никакъ не пожелаетъ отказаться отъ славной исторіи своей благородной династіи, которая одна поможетъ твердою и неизмѣнною рукою священному знамени итальянской независимости. Далѣе, приподнимая покрывало съ реакціи, которая торжествовала по всей Европѣ, ораторъ показалъ во всемъ блескѣ великолѣпнаго краснорѣчія на Вѣну, падающую во второй разъ, Берлинъ, вторично подавленный, Франкфуртъ, побитый и простертый на землѣ, Швейцарію, Христа-ради выпрашивающую дружбы государей, и французскую республику, насмѣхающуюся надъ Италіею голосомъ Ламартина, вооружающуюся противъ итальянцевъ по волѣ Каваньяка, готовившуюся впасть съ минуты на минуту или въ самую ужасную анархію или подъ самый суровый деспотизмъ. Предвѣщая новой республикѣ несчастную судьбу, знаменитый ораторъ предложилъ отложить вопросъ объ образѣ правленія въ цѣлой Италіи до другого времени, когда Италія явится соединенною въ національномъ собраніи.

Пророческій голосъ почтеннаго депутата высказалъ слишкомъ много правды, и рѣчь Маміани, не смотря на возбужденное состояніе умовъ, произвела громадное впечатлѣніе и сильно потрясла противоположныя убѣжденія. Но собраніе, въ тайномъ засѣданіи, прочло дипломатическую переписку о враждебныхъ отношеніяхъ министра Джіоберти, объ исходѣ переговоровъ римскаго посла съ туринскимъ кабинетомъ и о тайныхъ проискахъ гаэтскаго двора; — послѣ этого, не оставалось уже никакихъ средствъ къ обузданію раздраженія, вызваннаго чтеніемъ переписки. Рѣчи слѣдовали одна за другою, пренія становились все одушевленнѣе, оставаясь впрочемъ свободными, достойными и умѣренными. Послѣ двухчасоваго отдыха, засѣданіе было снова открыто вечеромъ, и послѣ двѣнадцати-часовыхъ преній конституціонное собраніе римскаго государства, состоявшее изъ 142-хъ депутатовъ, избранныхъ голосомъ народа, приняло почти единодушно [1]) слѣдующій декретъ, обнародованный президентомъ собранія въ два часа утра 9-го февраля 1849 года:

[1]) Только десять депутатовъ подали свой голосъ противъ декрета.

Ст. 1-я. Папство лишается фактически и юридически свѣтской власти въ римскомъ государствѣ.

Ст. 2-я. За римскимъ первосвященникомъ вполнѣ обезпечивается независимость въ отправленіи его духовной власти.

Ст. 3-я. Образъ правленія въ римскомъ государствѣ чисто демократическій и называется славнымъ именемъ «республики римской».

Ст. 4-я. Римская республика будетъ находиться съ остальною Италіею въ такихъ отношеніяхъ, какія потребуются общею національностью.

Этимъ актомъ завершилась революція.

Пію IX-му удалось послѣ путемъ дипломатическихъ усилій и насильственныхъ военныхъ мѣръ, снова возсѣсть на тронѣ.

Какимъ образомъ иностранныя войска возстановили свѣтскую власть, отмѣненную тѣмъ декретомъ конституціоннаго собранія, противъ котораго протестовалъ папа и кричала дипломатія, какъ австрійцы напали на Романью и Мархію, какъ испанцы появились въ Фіумичино, какъ дрались Бурбоны подъ Веллетри и какъ, послѣ долгой и кровавой борьбы, въ Римъ вошли французы—все это факты общеизвѣстные. Французы занимали послѣ того городъ впродолженіи 18-ти лѣтъ; совѣты Наполеона III-го папѣ начались письмомъ къ Эдгару Нею и окончились сентябрьскою конвенціею. Иностранныя арміи конвоировали папу въ Римъ и поддерживали его впродолженіе столь долгаго времени для того только, чтобы доказать всему міру, что свѣтская власть папства отжила свое время, и что каждой исторической эпохѣ соотвѣтствуетъ новый порядокъ идей. Свѣтское папство, лишенное почти всѣхъ своихъ правъ, остается съ тѣхъ поръ только призрачнымъ видѣніемъ, связаннымъ неразлучно съ существованіемъ Пія IX-го; когда этотъ первосвященникъ, уважаемый за свои личныя добродѣтели, за искреннія убѣжденія, не смотря на роковыя заблужденія, пріобрѣтенныя въ старости, ляжетъ въ могилу, призракъ этотъ, безъ сомнѣнія, исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ.

М. Пинто.

С.-Петербургъ, іюнь 1867.

VI.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

VI *).

Послѣдній конгрессъ. — Конецъ эпохи.

Опаснымъ состояніемъ всѣхъ трехъ южныхъ полуострововъ Европы должны были заняться государи, положившіе съѣхаться на конгрессъ въ Верону; но испанская революція составляла главную ихъ заботу. Италіянская революція была прекращена австрійскими войсками; испанская могла быть прекращена только французскими, и императоръ Александръ уже давно указывалъ Франціи на эту обязанность ея. Но согласится ли и сможетъ ли Франція сдѣлать то въ Испаніи, что̀ сдѣлала Австрія въ Италіи? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ внутренняго состоянія Франціи, отъ положенія и силы ея правительства.

Мы оставили Францію послѣ Ахенскаго конгресса, когда правительство Людовика XVIII, въ борьбѣ съ ультра-роялистами, оперлось на либераловъ, но тѣмъ самымъ подняло и враждебныя себѣ партіи, дало имъ возможность открытаго дѣйствія. Положеніе умѣренныхъ либераловъ, приверженцевъ конституціонной монархіи Бурбоновъ, было самое затруднительное: они должны были защищать конституцію противъ ультра-роялистовъ, и защищать династію противъ враждебныхъ ей партій, популяризи-

*) См. выше, т. III, отд. I, стр. 336 — 384.

ровать и національзировать ее, представлять необходимою для конституціонной свободы такую династію, которой глава былъ умирающій старикъ, а наслѣдникъ — глава приверженцевъ старой Франціи, глава ультра-роялистовъ! Естественно, приверженцы конституціи дѣлились, и тѣмъ обезсиливали себя: одни изъ нихъ, видя опасность отъ поднятія анти-династическихъ партій, выбирали изъ двухъ золъ, по ихъ мнѣнію, меньшее, требовали сближенія съ ультра-роялистами, уступки имъ, не опредѣляя, какъ далеко должно идти сближеніе, уступчивость, боясь этого опредѣленія, предчувствуя, что оно укажетъ имъ опасность или тщету ихъ стремленій; другіе изъ двухъ золъ также выбирали, по ихъ мнѣнію и отношеніямъ, меньшее, требовали сближенія съ людьми революціи и имперіи, уступчивости имъ, опять не опредѣляя, какъ далеко должны идти сближеніе и уступчивость, боясь этого опредѣленія. Такъ, въ слѣдствіе этого различія во взглядахъ и отношеніяхъ, порознились два министра Людовика XVIII, Ришелье и Деказъ, и первый долженъ былъ оставить министерство. Министерство Дессоля, самымъ виднымъ членомъ котораго былъ Деказъ, указывало на торжество второго направленія между приверженцами конституціи, торжество, которое условливалось и личнымъ неограниченнымъ вліяніемъ Деказа на короля.

Разумѣется, люди, стоявшіе между двухъ огней, измѣняли свои взгляды, свое положеніе, смотря по степени давленія, какое испытывали они отъ той или другой стороны. Деказъ, разорвавшій съ ультра-роялистами и сближавшійся потому съ ультра-либералами, долженъ былъ разорвать и съ послѣдними, когда увидалъ крайность ихъ требованій и стремленій; такимъ образомъ либеральное министерство потеряло свою популярность и между либералами, не уменьшивши нисколько ненависти къ себѣ ультра-роялистовъ. Наступили выборы въ палату 1819 года. Ультра-роялисты, зная, что не получатъ большинства, не хотѣли дать большинства умѣреннымъ либераламъ, которые должны были поддерживать министерство, но придумали дать большинство революціонерамъ, чтобы этимъ средствомъ свергнуть ненавистное министерство и произвести реакцію. Газета: «Бѣлое Знамя», органъ ультра-роялистовъ, выражалась такимъ образомъ: «Министерство — самый опасный врагъ роялистовъ, такъ его нужно бить прежде всего и постоянно; выборъ якобинскихъ кандидатовъ менѣе гибеленъ, чѣмъ выборъ министерскихъ, потому что первый ускоритъ спасительный кризисъ». Они достигли своей цѣли, и люди, боявшіеся революціи и изъ страха передъ нею прятавшіеся подъ «Бѣлое знамя», были страшно напуганы избра-

ніемъ ультра-либеральныхъ кандидатовъ, особенно аббата Грегуара, который во время революціи, будучи членомъ конвента, одинъ изъ первыхъ требовалъ провозглашенія республики и суда надъ Людовикомъ XVI, и потомъ, будучи въ отсутствіи во время приговора, письменно заявлялъ, что одобряетъ осужденіе короля на смерть. Демократическая партія была въ восторгѣ отъ этого выбора; не скрывали своего злорадства и ультра-роялисты, указывая на исполненіе своего пророчества, что «Кровавая дочь конвента» (ультра-либеральная палата) явится, какъ необходимое слѣдствіе 5-го сентября [1]), утверждали, что волненія и безпорядки, обнаружившіеся въ это время и въ другихъ странахъ Европы, были слѣдствіемъ системы, которой держалось французское министерство. Виновникъ 5-го сентября, Деказъ, испугался торжества ультралиберальной партіи, и началъ внушать своимъ товарищамъ о необходимости передѣлать дѣло 5-го сентября, измѣнить избирательный законъ. Но три министра — Дессоль, Гувіонъ де Сенъ-Сиръ и баронъ Люи не согласились на перемѣну политики и вышли изъ министерства; Деказъ обратился къ Ришелье съ просьбою составить новое министерство; но тотъ отказался, выставляя недостаточность своихъ средствъ вести правительственное дѣло въ такое бурное время. Тогда Деказъ самъ сдѣлался президентомъ совѣта новаго министерства, сохраняя свой прежній портфель внутреннихъ дѣлъ, Пакье взялъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Руа—финансовъ, генералъ Латуръ-Мобуръ—военное; Де-Серръ, рѣшительно разорвавшій съ ультралибералами, остался хранителемъ печати (министромъ юстиціи).

Деказъ и Де-Серръ задали себѣ трудную задачу: отстать отъ ультра-либераловъ, противодѣйствовать ихъ стремленіямъ, не сближаясь съ ультра-роялистами; отъ нападеній лѣвой стороны въ палатѣ они не находили защиты въ правой, которая въ началѣ 1820 года дождалась наконецъ желанной реакціи, вызванной поступкомъ одного безумца. 1 (13) февраля, во время масляницы, второй сынъ графа Артуа, герцогъ Беррійскій былъ пораженъ у дверей театра сѣдельнымъ подмастерьемъ Лувелемъ, который наслушался толковъ, что Бурбоны — виновники всѣхъ бѣдствій Франціи. Герцогъ умеръ на другой день, оставивъ пятимѣсячную дочь и беременную жену. Большинство парижскаго народонаселенія было ошеломлено этимъ событіемъ; революціонная партія, по отзывамъ очевидцевъ, обнаруживала варварское удовольствіе; въ палатѣ началась усиленная борьба партій. «Палата должна обратить вниманіе на источникъ зла, говорилось справа;

[1]) См. статью II, стр. 246.

надобно уничтожить всѣ козни фанатизма, который ведетъ къ такимъ гибельнымъ результатамъ; остановить позорныя и гибельныя движенія, которыми начинаются революціи, можно только сковавши снова революціонный духъ, вооружившись противъ безразсудныхъ писателей, дерзкихъ вслѣдствіе безнаказанности.» Справа требовалось, чтобъ въ адресѣ, который должно было подать королю по поводу печальнаго событія, было сильно выражено желаніе палаты энергически содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, которыя будутъ приняты для истребленія гибельныхъ ученій, подкапывающихъ троны и всѣ авторитеты и грозящихъ цивилизаціи поднятіемъ новыхъ революцій. — «Въ адресѣ, говорилось слѣва, должна идти рѣчь только о слезахъ, проливаемыхъ надъ принцемъ, о которомъ сожалѣютъ всѣ французы, о которомъ особенно сожалѣютъ друзья свободы, ибо они знаютъ, что гнуснымъ преступленіемъ воспользуются для того, чтобы уничтожить свободу и права, признанныя мудростію монарха».

Даже въ палатѣ одинъ изъ депутатовъ рѣшился выставить Деказа, какъ соучастника въ преступленіи Лувеля. Здѣсь чувство приличія удержало отъ выраженія сочувствія этой выходкѣ; но не удерживались въ гостиныхъ, гдѣ ожесточеніе противъ Деказа не знало предѣловъ; особенно отличались женщины. Громко высказывалось сожалѣніе, что уголовные законы стали слишкомъ мягки, что не употребляется болѣе пытка, которая заставила бы преступника выдать своихъ сообщниковъ. Съ 3 (15) числа ультра-роялистскіе журналы вдругъ, по данному знаку, повели аттаку противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ преступленіи Лувеля они указывали слѣдствіе гибельныхъ ученій, которыя высказывались подъ покровительствомъ правительства; провозглашали, что нельзя въ челѣ правительства оставлять министровъ, которыхъ нравственное участіе въ преступленіи Лувеля неоспоримо; Деказъ выставлялся человѣкомъ, который воспиталъ, ласкалъ и спустилъ съ цѣпи революціоннаго тигра. Мы видѣли, что Деказъ еще до убіенія герцога Беррійскаго началъ удаляться отъ ультра-либераловъ и, напуганный результатами послѣднихъ выборовъ, сталъ думать о необходимости измѣненія избирательнаго закона; теперь, дѣйствительно встревоженный опаснымъ общественнымъ настроеніемъ, признакомъ котораго служило преступленіе Лувеля, и желая избавиться отъ ультра-роялистскихъ нареканій, онъ приготовилъ проекты двухъ законовъ — объ ограниченіи личной свободы и объ ограниченіи свободы печати. Тогда ультра-роялисты соединились съ ультра-либералами, чтобъ не дать министерству провести эти законы и поразить его безсиліемъ; съ другой стороны, и умѣренные либералы объявили

Деказу, что они готовы поддерживать его два проекта только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ измѣненія избирательнаго закона. За исключеніемъ англійскаго посланника, дипломатическій корпусъ былъ также враждебенъ Деказу, въ которомъ представители иностранныхъ дворовъ видѣли безразсуднаго либерала, подвергнувшаго Францію, а чрезъ нее и всю Европу, большимъ опасностямъ. Наконецъ, герцогиня Беррійская, удалившаяся въ С. Клу, говорила, что не переѣдетъ въ Тюльери, если будетъ обязана встрѣчаться тамъ съ Деказомъ, и прямо объявила королю, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза министра внутреннихъ дѣлъ. Деказъ представилъ королю необходимость для себя выйти изъ министерства и указалъ на герцога Ришелье, какъ на единственнаго человѣка, способнаго быть главою министерства при тогдашнихъ обстоятельствахъ: отвращеніе Ришелье отъ ультра-либераловъ и желаніе сблизиться съ ультраройлистами были извѣстны, и все же Ришелье не былъ ультраройлистъ. Но королю было очень тяжело рѣшиться на перемѣну министерства: во-первыхъ, ему должно было разстаться съ любимцемъ; оскорбленія, которымъ подвергался любимецъ, онъ считалъ своими собственными оскорбленіями; во-вторыхъ, любимца выживала ультра-роялистская партія, противная Людовику XVIII,—партія, имѣвшая во главѣ наслѣдника графа Артуа; уступить этой партіи, пожертвовать ей любимцемъ было крайне тяжело; наконецъ, король предвидѣлъ (и для этого не нужно было имѣть очень большой проницательности), что ультрароялисты не удовольствуются этою уступкою, не успокоятся на министерствѣ Ришелье; при ихъ стремленіи овладѣть всѣмъ, это министерство будетъ только переходное къ чистому ультрароялистскому министерству: «Волки требуютъ у пастуха одного: чтобъ онъ пожертвовалъ имъ собакою», отвѣчалъ король Деказу, когда тотъ доказывалъ ему необходимость уступить ультра-роялистамъ и перемѣнить министерство Деказа на министерство Ришелье. Пастухъ видѣлъ всю опасность для себя въ исполненіи требованія волковъ, но не имѣлъ силы отказать имъ. Ультра-роялистскіе журналы удвоиваютъ ярость своихъ нападеній на колеблющагося министра, называютъ его «Бонапартомъ передней», человѣкомъ, котораго политика устрашаетъ царей и народы, министромъ, всемогущимъ противъ вѣрности, безсильнымъ противъ измѣны и убійства. Уже идутъ слухи, что нѣкоторые изъ отчаянныхъ ультра-роялистовъ рѣшились убить Деказа; графу Артуа внушаютъ необходимость обратиться къ королю съ настоятельными требованіями удалить Деказа. Вечеромъ 6 (18) февраля, графъ Артуа и герцогиня Ангулемская бросаются на колѣни

предъ Людовикомъ XVIII и умоляютъ уступить требованію обстоятельствъ, указываютъ на опасность, которая грозитъ любимцу, если онъ будетъ оставаться министромъ. Вечеромъ 20-го числа, король подписываетъ приказъ, назначающій герцога Ришелье президентомъ совѣта министровъ; Деказъ увольняется по нездоровью, возводится въ герцоги и назначается посланникомъ въ Англію; король былъ въ отчаяніи. «Все теперь для меня кончено», сказалъ онъ испанскому посланнику.

Законы объ ограниченіи личной свободы и свободы печати прошли въ палатахъ, нѣкоторые журналы должны были прекратиться; новый избирательный законъ усилилъ вліяніе избирателей, платящихъ высшія подати. Правительственная реакція была въ ходу; ультра-роялисты видимо торжествовали; министерство все болѣе и болѣе сближалось съ ними. Но ясно было и то, что дѣла находились далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ были они десять лѣтъ тому назадъ, послѣ Ста-дней. Революціонная партія была теперь на ногахъ; сдерживающія дѣйствія правительства только раздражали ее и содѣйствовали развитію ея средствъ. Споры въ палатѣ о новыхъ законахъ подавали поводъ къ сильнымъ волненіямъ въ Парижѣ и провинціяхъ. Законъ далъ министерству право заключать опасныя для государства лица безъ суда и слѣдствія; сейчасъ же составилось общество съ цѣлію покровительствовать лицамъ, захваченнымъ правительствомъ, и заботиться о ихъ семействахъ. Общество было закрыто правительствомъ: на его мѣсто явился тайный распорядительный комитетъ, во главѣ котораго сталъ Лафайетъ. Герцогиня Берійская разрѣшилась отъ бремени сыномъ (герцогомъ Бордосскимъ); ультра-роялисты были въ восторгѣ; но тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовали люди, которые утвержденіе старшей Бурбонской линіи на французскомъ престолѣ считали несовмѣстнымъ съ утвержденіемъ конституціоннаго порядка во Франціи; къ нимъ примыкали люди, которые хотѣли и другого, но сходились въ одномъ стремленіи, освободиться отъ старой Франціи съ ея старшими Бурбонами и ультра-роялистами. Это стремленіе естественно выдвигало герцога Орлеанскаго: приверженцы конституціи видѣли въ немъ ближайшаго и способнѣйшаго кандидата на тронъ по удаленіи старшей Бурбонской линіи, республиканцы и бонапартисты готовы были употребить его своимъ орудіемъ для произведенія революціи и для сокрушенія принципа легитимности, соглашались принять его царствованіе какъ переходное къ желанному ими порядку вещей. Если ультра-либералы старались выдвинуть герцога Орлеанскаго, говорили о немъ, какъ о главѣ государства, способномъ примирить всѣ революціонные интересы;

то герцогъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ средства, совмѣстныя съ его положеніемъ, чтобъ заискивать расположеніе представителей новой Франціи; онъ оказывалъ явное предпочтеніе лицамъ, которыя были извѣстны своимъ нерасположеніемъ къ королю и его фамиліи; старшій сынъ его посѣщалъ публичную школу наравнѣ съ дѣтьми частныхъ людей. Такое поведеніе раздражало короля и членовъ старшей линіи и вмѣстѣ съ вопросами этикета удаляло все болѣе и болѣе отъ нихъ герцога. Онъ постоянно требовалъ титула королевскаго высочества и постоянно получалъ отказъ; онъ требовалъ себѣ подушки во время публичныхъ церемоній, и ему отвѣчали, что старые обычаи не допускаютъ этого. Когда крестили дочь герцога Беррійскаго и присутствовавшіе должны были подписать актъ, то король самъ запретилъ кардиналу Перигору подать перо герцогу Орлеанскому, велѣлъ это сдѣлать простому священнику; герцогъ не присутствовалъ на фамильномъ обѣдѣ, не присутствовалъ и на придворномъ спектаклѣ, потому что не получилъ приглашенія въ королевскую ложу. Нѣкоторые думали, что французская революція должна была кончиться также какъ англійская: какъ въ Англіи утвердился конституціонный порядокъ съ изгнаніемъ мужской линіи Стюартовъ и съ возведеніемъ на престолъ женской линіи, такъ, думали, и во Франціи новый порядокъ утвердится съ изгнаніемъ старшей линіи Бурбоновъ и съ возведеніемъ на престолъ младшей, Орлеанской. Но внимательные наблюдатели замѣчали, что «герцогъ Орлеанскій менѣе всего способенъ покончить революцію: не имѣя личнаго мужества, великодушія и таланта править и заставлять людей уважать свое правительство, герцогъ не въ состояніи распоряжаться партіями, но партіи будутъ имъ распоряжаться, увлекать его. Похищеніе имъ престола будетъ торжествомъ демагогіи, и слѣдовательно началомъ новыхъ революцій. Отъ природы герцогъ не получилъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, а воспитаніе къ посредственности его нравственной природы прибавило еще ложное и мелочное направленіе. Онъ стремится овладѣть престоломъ и въ тоже время отличается скупостію и робостію; онъ заискиваетъ у недовольныхъ военныхъ; но военные никогда не увидятъ его въ челѣ войскъ. Бонапартовскіе военные обращаются къ принцу Евгенію, который, то ихъ выслушиваетъ, то клянется, что не промѣняетъ ни на что своего спокойнаго и счастливаго существованія, не хочетъ добиваться ничего путемъ преступленій и опасностей. Сестра его, мадамъ Лё (королева Гортензія) не одобряетъ этихъ колебаній и всѣми силами поддерживаетъ интриги и надежды революціонеровъ. Герцогъ Орлеанскій проповѣдуетъ

крайній либерализмъ и хочетъ быть королемъ милостію демократовъ и идеологовъ революціи. Его преждевременное возвышеніе будетъ началомъ смуты, которую онъ не будетъ въ силахъ прекратить и остановить движеніе, ибо онъ не будетъ его творцомъ, а только рабскимъ орудіемъ. Герцогъ день ото дня все болѣе и болѣе погружается въ *вульгаризмъ* своими рѣчами и манерами.»

Посторонніе наблюдатели отыскивали источникъ зла не во внѣшней только борьбѣ партій. «Революціонное воспитаніе уничтожило границы добра и зла. Почти всѣ должностныя лица видятъ въ самыхъ радикальныхъ перемѣнахъ только вліяніе, какое эти перемѣны будутъ имѣть на ихъ личное существованіе. Когда существуетъ такое направленіе, первымъ правиломъ жизни становится—не повредить себѣ, т. е. не исполнять своихъ обязанностей какъ должно. Эта всеобщая шаткость ослабляетъ власть и даетъ заводчикамъ смуты важное преимущество. Множество причинъ увлекаетъ Францію къ демократіи, и, быть можетъ, самая главная изъ нихъ заключается въ необычайномъ самолюбіи, которое считаетъ скромность слабостію и уваженіе къ чужимъ достоинствамъ—униженіемъ. Какъ только раздастся голосъ, возбуждающій недовѣріе къ авторитетамъ самымъ естественнымъ въ общественномъ порядкѣ, тысячи другихъ голосовъ отзываются на него съ сочувствіемъ. Самую слабую сторону правительства составляютъ второстепенные чиновники. Значительное число ихъ ведется отъ временъ республики, прошло директорію и имперію. Деказъ прибавилъ сюда своихъ шпіоновъ и своихъ темныхъ креатуръ, и изъ этого вышла такая амальгама, которая больше всего способствуетъ извращенію идей въ среднемъ классѣ народа. Направленіе народнаго просвѣщенія такъ опасно и такъ ошибочно, какъ только можно себѣ представить, въ школахъ проповѣдуется нечестіе и возмущеніе, онѣ стали аренами безбородыхъ гладіаторовъ.»

Когда вскрывались такія причины нравственныхъ безпорядковъ, съ которыми нельзя было бороться одними внѣшними средствами, престарѣлый король, уже отказавшійся отъ движенія, не сходившій съ своихъ креселъ все лѣто 1820 года, жилъ однимъ воспоминаніемъ о своемъ удалившемся любимцѣ, Деказѣ. Безпрестанно говорилъ онъ объ немъ, о его семействѣ, о его дѣлахъ и о всѣхъ мелочахъ, его касавшихся. Однажды Людовикъ XVIII-й распространился о Деказѣ въ присутствіи Ришельё; тотъ не умѣлъ скрыть своего удивленія и нетерпѣнія; король, замѣтивъ это, сказалъ: »Я понимаю, что это должно васъ удивлять; но еслибъ вы могли знать, что я чувствую въ моемъ сердцѣ

къ этому человѣку, то вы первый оправдали бы выраженія моей нѣжности къ нему».

Если Францію считали очагомъ революціи, то теперь этотъ очагъ получалъ топливо отъ революцій въ сосѣднихъ странахъ, Испаніи и Италіи. Лѣтомъ 1820 года, и во Франціи составленъ былъ планъ обширнаго военнаго возстанія съ цѣлію низверженія старшей Бурбонской линіи; но заговоръ не удался и далъ новое торжество ультра-роялистамъ, новое оправданіе борьбы, которую вели они съ революціею. Революціонныя движенія въ разныхъ странахъ Европы съ оказавшимся вліяніемъ ихъ на Францію заставляли многихъ людей, и не сочувствовавшихъ стремленіямъ ультра-роялистовъ, становиться однако на ихъ сторону для избѣжанія бо̀льшаго зла — революціи. Министерство явно держалось правой стороны, на выборахъ 1820 года поддерживало ея кандидатовъ и дало ей здѣсь блистательную побѣду, такъ что нѣкоторые ультра-роялистскіе журналы уже стали предсказывать въ близкомъ будущемъ уничтоженіе пагубныхъ учрежденій, которыя Франція, въ припадкѣ безумія, заимствовала отъ Англіи. Людовикъ XVIII-й, не пропускавшій случая поострить, говорилъ: «Вотъ мы теперь въ положеніи того всадника, который, не будучи въ состояніи сѣсть на лошадь, такъ усердно началъ молиться св. Георгію, что тотъ далъ ему больше силъ, чѣмъ сколько нужно было, и всадникъ перескочилъ черезъ сѣдло». Для большаго сближенія правительства съ побѣдоносною стороною, двое самыхъ видныхъ членовъ ультра-роялистской партіи, Виллель и Корбьеръ, вошли въ кабинетъ министрами безъ портфелей. Министерство искало опоры у сильной ультра-роялистской партіи; но скоро пришла повѣрка, и оказалось, что эта сила была только видимая, оказалась и главная причина слабости приверженцевъ старой Франціи — отсутствіе нравственно сильныхъ людей. Когда въ 1821 году піемонтская революція отозвалась немедленно же во Франціи, когда вспыхнуло волненіе въ Греноблѣ, Ліонѣ, когда во всѣхъ городахъ толковали объ отреченіи короля, о регентствѣ герцога орлеанскаго, о принятіи конституціи 1791 года и трехцвѣтной кокарды; когда ультралиберальная партія предавалась шумной радости, — ужасъ напалъ на ультра-роялистовъ, никто не думалъ о сопротивленіи, и тѣ, которые громче другихъ кричали въ палатѣ противъ революціи, когда, повидимому, настало время дѣйствовать противъ нея, оказались самыми робкими. Они осаждали биржу, чтобъ продать тамъ свои бумаги за какую угодно низкую цѣну, говорили, что все пропало. Въ подобныя минуты ищутъ обыкновенно сильнаго

человѣка; графъ Артуа не нашелъ ни одного между своими,— и сталъ совѣтовать брату возвратить Деказа!

Эта мѣра оказалась ненужною вслѣдствіе быстраго прекращенія италіанскихъ революцій, которое отняло руки у французскихъ революціонеровъ и снова подняло ихъ противниковъ; ультра-роялисты стали громко говорить, что стоитъ только захотѣть — и французкіе революціонеры исчезнутъ точно также какъ италіанскіе; стали обвинять министерство въ трусости, даже въ измѣнѣ. Господствующая партія не довольствовалась уступками, какія ей дѣлало министерство; она хотѣла, чтобъ министерство совершенно принадлежало ей, отказалось совершенно отъ всякой самостоятельности въ отношеніи къ ней; господствующая партія видѣла, что если министерство дѣлаетъ ей уступки, то дѣлаетъ это неохотно, принуждаемое обстоятельствами, и потому не могла положиться на него, упрекала его въ недостаткѣ прямоты, въ желаніи ходить извилистыми путями. Виллель и Корбьеръ, которые вошли въ кабинетъ какъ представители ультра-роялистовъ, въ знаменіе сближенія правительства съ послѣдними, не считали своею обязанностію посредничать между партіей, къ которой принадлежали, и кабинетомъ, въ который вошли, склоняя ихъ къ уступкамъ взаимнымъ; имъ гораздо пріятнѣе и легче было играть въ кабинетѣ роль представителей господствующей партіи, наблюдать за ея интересами, заставляя своихъ товарищей по кабинету подчиняться этимъ интересамъ. Отношенія Виллеля и Корбьера къ министерству всего лучше уясняются слѣдующими двумя случаями. Двое изъ министровъ въ совѣтѣ предложили открыть Гренобльскую юридическую школу, закрытую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу революціонныхъ движеній въ Гренобле. Корбьеръ, какъ предсѣдатель Совѣта народнаго просвѣщенія, сильно возсталъ противъ этого, говоря, что надобно показать твердость и этимъ успокоить роялистовъ. Школа осталась закрытою. Въ другомъ засѣданіи Совѣта министровъ Корбьеръ вдругъ объявилъ, что надобно перемѣнить нѣсколькихъ префектовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, спросилъ: за что ихъ перемѣнять? — «Я не знаю за ними никакой вины, отвѣчалъ Корбьеръ: я даже ихъ вовсе не знаю; но между нами есть люди, которые нуждаются, и пора сдѣлать что-нибудь для роялистовъ». Тутъ Ришельё сказалъ, что никогда не согласится отставить чиновника безъ вины; въ случаѣ же виновности—радъ будетъ замѣнить дурныхъ префектовъ означенными роялистами. Ультра-роялисты пришли въ сильное негодованіе, узнавши, что требованіе Корбьера было отвергнуто. Послѣ этого Виллель и Корбьеръ объявили Ришельё, что если пра-

вительству угодно въ своихъ интересахъ пользоваться ихъ вліяніемъ на ихъ политическихъ друзей, то пусть сдѣлаетъ ихъ настоящими министрами, съ портфелями. Ришелье уступилъ требованію, предложилъ Виллелю министерство морское, отъ котораго старый министръ отказывался, а для Корбьера образовалъ новое министерство народнаго просвѣщенія. Но Виллель требовалъ для себя министерства внутреннихъ дѣлъ, министръ котораго, Симсонъ, былъ особенно непріятенъ ультра-роялистамъ; потомъ Виллель согласился принять министерство морское, но потребовалъ, чтобъ военное отдано было одному изъ ультра-роялистовъ. Ришелье соглашался на это въ случаѣ, если настоящій военный министръ (Латуръ-Мобуръ) подастъ въ отставку; но Виллель и Корбьеръ требовали, чтобъ эти перемѣны въ министерствѣ послѣдовали немедленно же. Ришелье не согласился; Виллель и Корбьеръ вышли изъ кабинета. А между тѣмъ, какъ роялисты ссорились такимъ образомъ между собою, двое молодыхъ людей (Dugied и Joubert) распространяли во Франціи италіанскій карбонаризмъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Почва была приготовлена, и число членовъ общества быстро увеличивалось; между ними были пріобрѣтшіе въ послѣдствіи извѣстность: Августинъ Тьерри, Пьеръ Леру и другіе. Безъ Лафайета, разумѣется, дѣло обойтись не могло, и онъ записался въ карбонари, сталъ президентомъ высокой венты, за нимъ пошли и его друзья: Дюпонъ-де-Лёръ, Манюель, Кёхлинъ, богатый фабрикантъ мюльгаузенскій, Могэнъ, Мерилу. Въ три мѣсяца въ одномъ Парижѣ уже было 50 вентъ, весь Альзасъ скоро былъ покрытъ ими. На встрѣчу карбонари шло другое тайное общество — «рыцарей Свободы». Карбонари искали себѣ сочленовъ въ образованныхъ классахъ, но «рыцари Свободы» обратили вниманіе на работниковъ и старыхъ солдатъ, разсѣянныхъ по деревнямъ. Въ 1821 году оба общества слились въ одно.

Для противодѣйствія этимъ революціоннымъ машинамъ съ противоположной стороны была выставлена также огромная стѣнобитная машина, знаменитая «конгрегація». Въ послѣднее время имперіи, во время плѣна папы Пія VII, во Франціи составилось тайное общество съ цѣлію облегченія сношеній ревностныхъ католиковъ съ папою. Послѣ реставраціи, главы общества— Монморанси (Матвѣй), Полиньякъ, Ривьеръ и Руже, начали употреблять общество какъ средство для поддержанія католицизма и ультра-роялизма, и главою общества сталъ графъ Артуа. Скоро подлѣ этого политическаго общества стали образовываться общества религіозныя, тоже съ нимъ связанныя: собственно такъ-называемая *Конгрегація*, составленная изъ лицъ

значительныхъ, Общество св. Николая—изъ мелкихъ промышленниковъ и рабочихъ, Общество Добрыхъ Дѣлъ, занимавшееся тюрьмами и школами; іезуиты, по единству цѣлей, присоединились къ конгрегаціи, такъ что іезуитъ и конгреганистъ сдѣлались синонимами; съ другой стороны, подъ именемъ конгрегаціи начали разумѣть и политическое и религіозное общество вмѣстѣ. Какъ скоро въ противоположномъ лагерѣ увидали, что религія употребляется какъ средство для возвращенія народа къ старой Франціи, то стали вооружаться противъ религіи, стали въ большомъ количествѣ издавать анти-религіозныя сочиненія философовъ XVIII вѣка. Чтобъ противодѣйствовать этой пропагандѣ, конгрегація основала нѣсколько обществъ — Общество хорошихъ книгъ, Общество доброй школы, Общество для защиты католической религіи и т. п., для чтенія публичныхъ лекцій и изданія книгъ, соотвѣтствующихъ своимъ содержаніемъ цѣлямъ конгрегаціи; старыя сочиненія, латинскія и французскія, исправлялись въ изданіяхъ Общества хорошихъ книгъ соотвѣтственно тѣмъ же цѣлямъ. Въ департаменты посылались миссіонеры съ цѣлію возбуждать религіозное чувство проповѣдями и разными церемоніями; въ Реймсѣ, напримѣръ, устроено было 14 тріумфальныхъ воротъ, въ которыя шли миссіонеры съ военною музыкою, въ сопровожденіи духовенства, національной гвардіи и огромной толпы народа, которая кричала: «Да здравствуетъ крестъ! да здравствуетъ религія! да здравствуютъ Бурбоны!» шли къ искусственно устроенной горѣ (Голгоѳѣ), на которой и водрузили огромный крестъ. Ультра-роялистскіе журналы объявляли о многочисленныхъ обращеніяхъ, совершаемыхъ миссіонерами; но люди безпристрастные и далеко не сочувствующіе революціоннымъ стремленіямъ замѣчали вредъ, наносимый религіи миссіонерами. Главная бѣда конгрегаціи состояла въ томъ, что между ея членами не было людей съ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ, которые могли бы вести святое дѣло достойнымъ его образомъ; конгрегація не понимала, что христіанство можетъ быть возстановлено и поддержано тѣми же средствами, какими было распространено; а распространено оно было не процессіями съ военною музыкою. Противники конгрегаціи говорили въ палатѣ устами Бенжамэнъ-Констана: «Кто не знаетъ, что религія есть благодѣяніе! кто не знаетъ, что человѣкъ счастливъ, когда вѣритъ. Передайте религію человѣческому сердцу, которое не перестанетъ никогда имѣть въ ней надобность; пусть ея служители, не прибѣгая къ опорѣ свѣтской власти, заставляютъ уважать ее, внушая уваженіе къ себѣ; пусть они будутъ сами религіозны, кротки, пусть будутъ отличаться терпимостію,

пусть остаются въ своей сферѣ, дѣлаютъ добро у себя; пусть не возбуждаютъ угасшія ненависти, не воскрешаютъ исчезнувшія суевѣрія пусть не ведутъ они жизни бродяжнической и неправильной, не бѣгаютъ по селамъ, не обманываютъ легковѣрныхъ, не пугаютъ слабыхъ и не вносятъ раздоръ въ семейства, скандалъ въ хижины, невѣжество въ школы, смуты въ города: тогда религія укрѣпится и безъ помощи уголовныхъ законовъ». Бенжамэнъ-Констану мы и не повѣрили бы; но есть другіе свидѣтели болѣе безпристрастные: Поццо-ди-Борго, напримѣръ, никакъ нельзя заподозрить въ ультра-либерализмѣ; но онъ впослѣдствіи, въ 1826 году, говорилъ о королѣ Карлѣ X-мъ, главѣ конгрегаціи: «Если бы король не считалъ преобладанія духовенства и іезуитовъ необходимымъ для сохраненія своей династіи, то народъ былъ бы болѣе религіозенъ и болѣе преданъ его особѣ и его фамиліи». Тотъ же государственный человѣкъ указывалъ въ 1828 году главную причину неуспѣха охранительныхъ стремленій правительства во Франціи: «Эта монархія богата всѣми дарами Провидѣнія, кромѣ людей, которые или были бы способны, или при способности получили бы возможность хорошо управлять ею».

Герцогъ Ришельё, не смотря на всю свою благонамѣренность, не былъ способенъ управлять Франціею, держаться между ультрароялистами и ультра-либералами; не находя поддержки въ большинствѣ палаты, онъ потерялъ поддержку и въ королѣ. Людовикъ XVIII не могъ долго жить одними воспоминаніями о Деказѣ; ему нужно было человѣка, который былъ бы при немъ, ухаживалъ за нимъ нравственно; такой человѣкъ нашелся. Графиня Каила, ведя процессъ со своимъ мужемъ и зная, что король предубѣжденъ противъ нея, домогалась свиданія съ нимъ, чтобъ уничтожить въ немъ это предубѣжденіе. Она была введена въ королевскій кабинетъ, и успѣла внушить Людовику XVIII сильную привязанность. Старый король не довольствовался тѣмъ, что принималъ ее три раза въ недѣлю, сталъ переписываться съ нею каждый день. Ультра-роялисты спѣшили употребить графиню Каила орудіемъ для своихъ цѣлей: если она умѣла уничтожить въ королѣ предубѣжденіе противъ себя, то теперь должна была уничтожить въ немъ предубѣжденіе противъ ультрароялистовъ, или, какъ они выражались, «отнять у Людовика XVIII его собственныя идеи, передѣлать его мозгъ, его память, его сердце, всѣ его способности и страсти». Графиня повела дѣло съ большимъ успѣхомъ, и графъ Артуа велѣлъ благодарить ее, при чемъ просилъ не безпокоиться слухами, которые могутъ распространять противъ нея глупость и злоба, и спокойно поль-

зоваться благороднымъ употребленіемъ, какое она дѣлала изъ привязанности и довѣрія къ себѣ короля. Графъ Артуа, видя, что власть идетъ къ нему въ руки, перемѣнилъ тонъ съ Ришелье; онъ потребовалъ отъ него отставки ста-пятидесяти генераловъ, чтобъ отдать ихъ мѣста ультра-роялистамъ. Герцогъ не согласился, и Артуа сказалъ ему: «Ясно, что не хотятъ ничего сдѣлать противъ дурныхъ людей, ничего въ пользу хорошихъ». Не смотря на это, Ришелье не боялся ничего со стороны Артуа, потому что предъ вступленіемъ Ришелье въ министерство, тотъ далъ ему честное слово поддерживать его. Ришелье былъ слишкомъ слабъ, чтобъ сдерживать принцевъ и вельможъ желѣзною рукою, какъ знаменитый предокъ его, кардиналъ, и въ то же время слишкомъ честенъ, чтобъ заискивать въ сильныхъ людяхъ, отказывалъ имъ въ выгодныхъ мѣстахъ, титулахъ, и чрезъ это пріобрѣталъ въ нихъ для себя враговъ. Рѣшено было покончить съ главою министерства, который не хотѣлъ ничего дѣлать для «порядочныхъ» людей; яростныя нападенія на министерство съ правой стороны палаты достигли высшей степени, при чемъ послѣдовало соединеніе правой стороны съ лѣвою, и проведенъ былъ адресъ королю, враждебный министерству. Талейранъ, съ нетерпѣніемъ слѣдившій за борьбою и ждавшій своего времени, не упускалъ случая бросать камни въ ненавистнаго Ришелье: «Чего ждать, говорилъ онъ, отъ министра, который, чтобъ рѣшиться на что-нибудь, обязанъ ждать курьера изъ Петербурга». Ришелье не дожидался курьера изъ Петербурга, чтобъ рѣшительно объясниться съ графомъ Артуа, напомнить ему честное слово его на счетъ поддержки: «Ахъ, любезный герцогъ! отвѣчалъ Артуа, «вы приняли мои слова слишкомъ буквально, и потомъ, обстоятельства тогда были такія трудныя!» Ришелье посмотрѣлъ на него пристально, обернулся и вышелъ, не говоря ни слова, только сильно хлопнувши дверью. Онъ отправился послѣ этого къ самому близкому къ себѣ изъ товарищей по министерству, Пакье (министру иностранныхъ дѣлъ), и тамъ, бросившись въ кресло, сказалъ плачевнымъ голосомъ: «Онъ измѣняетъ своему слову, своему дворянскому слову!» Когда онъ потомъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Артуа королю, тотъ отвѣчалъ: «Чегожъ хотѣть: онъ составлялъ заговоры противъ Людовика XVI, составлялъ заговоры противъ меня, будетъ составлять заговоры противъ самого себя».

Министерство Ришелье кончилось; его мѣсто заняло министерство ультра-роялистское, въ которомъ главную роль игралъ Виллель, министръ финансовъ, хотя собственно президента не было назначено. Но это торжество приверженцевъ старой Франціи

совершалось, по мнѣнію Поццо ди Борго, въ присутствіи враговъ сильныхъ и ожесточенныхъ, въ странѣ, уравненной демократіею и деспотизмомъ власти, въ странѣ, хотя представляющей множество политическихъ оттѣнковъ, но представляющей въ тоже время громадную и страшную массу людей, которыхъ интересы и мнѣнія діаметрально противоположны людямъ и мнѣніямъ, стремившимся къ исключительному господству. Принимая такое положеніе дѣлъ отвлеченно, надобно ожидать неизбѣжнаго и скораго разложенія; но агонія можетъ быть продолжительна. Франція привыкла къ повиновенію, въ слѣдствіе силы и блеска наполеоновскаго царствованія. Если возвышеніе и паденіе Наполеона завѣщали странѣ большіе запасы смутъ, то его могущество создало охранительныя средства, создало администрацію, при которой народъ на всемъ пространствѣ монархіи находится подъ наблюденіемъ огромнаго числа агентовъ, точно солдаты въ казармѣ. Министерство располагаетъ по произволу судьбою этихъ самыхъ агентовъ, можетъ платить имъ исправно и можетъ прогнать ихъ безотвѣтственно, въ его рукахъ около милліарда денегъ для ежегодной раздачи; этимъ золотымъ дождемъ оно возбуждаетъ однихъ, льститъ надеждамъ другихъ, держитъ ихъ въ возбужденномъ состояніи, утомляетъ, не приводя въ отчаяніе. Кажется, новое министерство понимаетъ эту тактику лучше прежняго, и такъ какъ оно поддерживается въ одно время королемъ и наслѣдникомъ, чего не бывало со времени реставраціи, то оно можетъ просуществовать долго.

Конецъ 1821 и начало 1822 года ознаменовались карбонарскими заговорами. Заговоры не удавались. Но, по мнѣнію Поццо, ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что число недовольныхъ ограничивается людьми, которые осмѣлились выставить себя передъ правительствомъ: быть можетъ, большинство французскаго народонаселенія втайнѣ желало успѣха заговорщикамъ. Это печальное расположеніе умовъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свое начало въ революціи; но революціонныя вліянія чрезвычайно усилились съ тѣхъ поръ, какъ правительство приняло характеръ партіи, и партіи далеко не популярной.

Въ такомъ положеніи находились дѣла во Франціи предъ открытіемъ послѣдняго конгресса. Въ октябрѣ 1822 года, въ Верону съѣхались: императоръ австрійскій съ Меттернихомъ и Генцемъ, съ княземъ Эстергази, графомъ Зичи и барономъ Лебцельтерномъ (посланниками въ Лондонѣ, Берлинѣ и Петербургѣ); императоръ русскій съ Нессельроде, Ливеномъ и Поццо-ди-Борго; король прусскій съ двумя принцами, Вильгельмомъ и Карломъ, съ графомъ Бернсдорфомъ и барономъ Гумбольдтомъ; предста-

вителемъ Англіи явился герцогъ Веллингтонъ; Франція прислала министра иностранныхъ дѣлъ Монморанси и Шатобріана, посланника въ Лондонѣ (который смѣнилъ здѣсь Деказа). Ультраройалистское французское министерство, разумѣется, должно было больше всего и прежде всего желать прекращенія революціи въ Испаніи возстановленіемъ королевской власти; но это могло произойти неиначе, какъ посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства другихъ державъ и, прежде всего, Франціи, по ея географическому положенію. Относительно этого вооруженнаго вмѣшательства члены кабинета дѣлились: Виллель, по своему характеру и всей прежней дѣятельности, былъ представителемъ той робкой, расчетливой, можно сказать *мѣщанской*, противной духу французскаго народа политикѣ, которая послѣ господствовала въ царствованіе Людовика-Филиппа и была одною изъ главныхъ причинъ паденія Орлеанской династіи. Виллель боялся и неуспѣха французскихъ войскъ въ Испаніи, и дурного расположенія этихъ войскъ, и нерасположенія въ остальныхъ частяхъ французскаго народонаселенія къ подобной войнѣ, и траты денегъ. Но другіе члены кабинета, члены ультра-роялистской партіи вообще, и члены конгрегаціи особенно, были за войну, смотрѣли на дѣло болѣе по-французски, чѣмъ Виллель. Шатобріанъ очень хорошо изложилъ этотъ французскій взглядъ: «Виллель не замѣчалъ, говорилъ онъ, что легитимность умирала по недостатку побѣдъ послѣ торжествъ Наполеона, и особенно, послѣ опозорившихъ ее дипломатическихъ сдѣлокъ. Идея свободы въ головѣ французовъ, которые никогда не поймутъ хорошо этой свободы, не замѣнитъ никогда идеи славы, ихъ естественной идеи. Почему вѣкъ Людовика XV упалъ такъ низко во мнѣніи современниковъ? Почему онъ породилъ эти философскія системы, погубившія королевскую власть? Потому что, кромѣ битвы при Фонтенуа и нѣсколькихъ подвиговъ въ Квебекѣ, Франція находилась въ постоянномъ униженіи. Если робость Людовика XV пала на голову Людовика XVI, то чего нельзя было опасаться для Людовика XVIII или для Карла X-го послѣ униженій, которымъ подверглась Франція по вѣнскимъ договорамъ. Эта мысль давила насъ, какъ кошемаръ, въ продолженіе первыхъ осьми лѣтъ реставраціи, и мы вздохнули только послѣ успѣховъ войны Испанской». Подъ давленіемъ такого-же кошемара находился, вмѣстѣ съ Шатобріаномъ, и Монморанси, и потому они оба въ Веронѣ уклонились отъ осторожной политики Виллеля, въ инструкціяхъ котораго говорилось: «Франція, будучи единственною державою, которая должна дѣйствовать вооруженною силою въ Испаніи, одна имѣетъ право опредѣлить, когда должна наступить необхо-

димость дѣйствовать. Французскіе уполномоченные не должны соглашаться на то, чтобъ конгрессъ предписалъ Франціи, какъ она должна вести себя относительно Испаніи». Монморанси предложилъ конгрессу вопросы: 1) Въ случаѣ, если Франція принуждена будетъ порвать дипломатическія сношенія съ Испаніею, союзныя державы сдѣлаютъ ли то же самое? 2) Если война возгорится между Франціею и Испаніею, въ какой формѣ союзники дадутъ первой нравственную опору, которая должна сообщить ея дѣйствіямъ силу союза и внушить спасительный страхъ революціонерамъ всѣхъ странъ? 3) Если окажется необходимымъ дѣятельное вмѣшательство союзниковъ, то какую матеріальную помощь намѣрены они оказать Франціи? — Пруссія и Австрія отвѣчали, что онѣ согласны отозвать своихъ министровъ изъ Мадрита и доставить Франціи всякую нравственную опору; что же касается матеріальной помощи, то король прусскій объявилъ, что онъ готовъ подать ее, сколько позволитъ его положеніе и заботы о внутреннемъ состояніи Пруссіи; австрійскій же императоръ объявилъ, что необходимо будетъ новое общее совѣщаніе союзныхъ дворовъ для опредѣленія количества, качества и направленія матеріальной помощи. Одинъ русскій императоръ объявилъ, что онъ подастъ Франціи и нравственную и матеріальную помощь, въ какой она будетъ нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій. Наоборотъ, герцогъ Веллингтонъ вооружился противъ всякаго вмѣшательства посторонникъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, объявилъ, что рѣшенія Россіи, Австріи и Пруссіи противны цѣли, желаемой союзниками; опытъ показалъ, что вооруженное вмѣшательство чужихъ державъ всегда ослабляетъ и подвергаетъ опасности сторону, въ интересахъ которой оно происходитъ, и всего болѣе этого надобно бояться въ Испаніи. Мы видѣли, что и въ италіанскихъ дѣлахъ Англія провозглашала принципъ невмѣшательства; но тамъ она соглашалась, чтобъ одна Австрія потушила революцію на полуостровѣ, потому что ей выгодно было охранять Австрію, нужную ей противъ Россіи и Франціи; теперь же вооруженное вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла было совершенно противно интересамъ Англіи, и она не хочетъ допустить никакого ограниченія принципа. Испанская революція должна была обезпечить отдѣленіе и независимость американскихъ колоній, что было именно нужно Англіи, и потому она не хотѣла скораго прекращенія революціи.

17-го ноября, на конгрессѣ было рѣшено отправить отъ союзныхъ дворовъ къ испанскому правительству ноты съ требованіемъ перемѣны политической системы; въ противномъ случаѣ

французское войско должно вступить въ Испанію. Веллингтонъ не подписалъ протокола. Во французскомъ кабинетѣ поведеніе Монморанси въ Веронѣ не было одобрено; Монморанси вслѣдствіе этого счелъ невозможнымъ для себя долѣе оставаться въ министерствѣ, но Шатобріанъ счелъ возможнымъ для себя занять его мѣсто. Англія употребляла всевозможныя усилія, угрозы, интриги, чтобъ отвратить Францію отъ вмѣшательства. Каннингъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ Англіи по смерти Кесльри, такъ объяснялъ поведеніе Англіи предъ континентальными дипломатами: «Вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе опасности, чѣмъ самая революція, если ее предоставить естественному ходу; мы боимся, что столкновеніе Франціи съ Испаніею не спасетъ послѣднюю, но ввергнетъ обѣ державы въ одну бездну. Революціонное пламя не потушится на полуостровѣ, но искры посыплются на Францію, а когда здѣсь сдѣлается пожаръ, то онъ будетъ всеобщимъ». Ему возражали, что революціонное пламя не потухнетъ въ Испаніи, если его не станутъ тушить со стороны; союзные государи имѣютъ въ виду спокойствіе не одной Франціи, но безопасность всѣхъ троновъ европейскихъ; они признали, что пришло время поразить революцію анаѳемою въ глазахъ всѣхъ народовъ. Каннингъ отвѣчалъ: «Правда, что англійское правительство не имѣетъ столько причинъ бояться революціоннаго духа, сколько ихъ имѣютъ другія правительства, и потому оно далеко отъ того, чтобы оспаривать у нихъ право принимать мѣры для своей безопасности; впрочемъ, между Англіею и Испаніею существуетъ компликація особенныхъ интересовъ, которая не даетъ британскому кабинету такой свободы дѣйствія, какая возможна для другихъ кабинетовъ. Уже 8 лѣтъ мы требуемъ у Испаніи вознагражденія за убытки, понесенныя нашею торговлею, но вмѣсто удовлетворенія терпимъ новые убытки. Чтобъ доставить себѣ управу, мы отправили эскадру въ западную Индію». Но объясненіе, разумѣется, не могло никого удовлетворить. Гораздо откровеннѣе высказался глава кабинета, лордъ Ливерпуль: «Во всѣхъ вопросахъ, касающихся существованія Испаніи, Португаліи или Нидерландовъ, Англія считаетъ своею обязанностію выступить на первый планъ. Она не можетъ допустить дѣйствія французскаго правительства, особенно когда оно громко объявляетъ намѣреніе возстановить въ Испаніи фамильное вліяніе, которому Англія противоборствовала всѣми силами болѣе вѣка». Англія старалась помѣшать вооруженному вмѣшательству Франціи въ испанскія дѣла; Поццо-ди-Борго требовалъ, именемъ своего государя, чтобы французское министерство шло прямою,

открытою дорогою, какою обыкновенно шли союзники его христіаннѣйшаго величества во всѣхъ дѣлахъ общаго интереса. Поццо долженъ былъ внушить, что со степенью прямоты, съ какою тюльерійскій кабинетъ будетъ поступать съ союзниками, будетъ соразмѣрена помощь, какую союзники подадутъ Франціи какъ противъ испанскихъ революціонеровъ, такъ и противъ самой Англіи, если, по несчастію, это будетъ нужно. Виллель, желая избѣжать войны, началъ склонять испанское правительство къ уступкамъ требованію союзниковъ; но дружественные совѣты французскаго кабинета были отвергнуты точно также, какъ и грозныя требованія Россіи, Австріи и Пруссіи. Весною 1823 года, французская армія, подъ начальствомъ герцога ангулемскаго, вступила въ Испанію, и революція была уничтожена въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, какъ тогда выражались. Причиною успѣха было то, что нисшіе слои народные не выставили сопротивленія, будучи противъ революціи, оскорблявшей ихъ религіозное чувство, а войска не могли держаться противъ французовъ также по недостатку горячаго сочувствія къ новому порядку вещей, кромѣ того, вслѣдствіе недостатка дисциплины и въ слѣдствіе плохого вооруженія.

Покончили съ революціями италіанскою и испанскою; но съ греческимъ возстаніемъ покончить было трудно. Императоръ Александръ говорилъ въ Веронѣ Шатобріану: «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастія. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе—возстаніе Греціи; религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопоннеза мнѣ показались признаки революціонные, и я удержался. Чего только не дѣлали, чтобъ разорвать союзъ? Старались внушить мнѣ предубѣжденія, уязвить мое самолюбіе, меня открыто оскорбляли. Очень дурно меня знали, если думали, что мои принципы проистекали изъ тщеславія, могли уступить желанію мщенія. Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Должно позволить государямъ заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. На какую приманку я могу пойти? Нуждаюсь ли я въ увеличеніи моей имперіи? Провидѣніе дало въ мое распоряженіе 800,000 солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, но чтобъ я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію, чтобъ

далъ господство этимъ началамъ порядка, на которыхъ зиждется общество человѣческое».

Подъ вліяніемъ этихъ же мыслей была написана русская декларація, которую Татищевъ прочелъ въ конференціи уполномоченныхъ 9-го ноября: «Порта старается выставить петербургскій кабинетъ и его агентовъ участниками въ греческомъ возстаніи; но какъ же она не хочетъ обращать вниманія на ясныя доказательства, что это несчастное возстаніе есть дѣло сектъ, навлекшихъ то же бѣдствіе на Испанію, Португалію, Италію, и готовыхъ возбудить волненіе всюду, гдѣ появится хотя малая надежда на успѣхъ. Диванъ можетъ ли забыть, что его императорское величество приказалъ двинуться своимъ войскамъ противъ революціонеровъ неаполитанскихъ и піемонтскихъ, когда волненія въ Княжествахъ дали ему знать, что революціонеры перенесли свою дѣятельность на Востокъ. Развѣ министры оттоманскіе забыли русскую декларацію относительно этихъ волненій и ихъ виновниковъ? Развѣ они не знаютъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ это время барономъ Строгановымъ, и о благодарности, выраженной за нихъ Портою. Развѣ они не знаютъ, что съ этихъ поръ императоръ не переставалъ относиться враждебно къ революціонному дѣлу, что онъ пламенно желаетъ возстановленія спокойствія въ Греціи, что онъ продолжалъ содѣйствовать тому, вмѣстѣ со своими союзниками, и что многіе изъ русскихъ агентовъ получили отъ турецкихъ чиновниковъ признательность за ихъ поведеніе въ началѣ той революціи, которая теперь выставляется какъ слѣдствіе ихъ происковъ. Если будутъ приведены неоспоримыя доказательства, что хотя одинъ изъ русскихъ агентовъ позволилъ себѣ быть слѣпымъ орудіемъ сектаторовъ и ослушаться повелѣній императора, то виновный подвергнется должному наказанію. Русскій уполномоченный имѣетъ приказаніе настаивать на этотъ пунктъ, ибо существенно важно, чтобы Порта знала полную истину. Также важно, чтобъ она знала условія, на которыхъ могутъ быть возстановлены ея дипломатическія сношенія съ Россіею: 1) Умиреніе Греціи,—или Порта должна согласиться на переговоры между уполномоченными русскими, союзными и оттоманскими относительно гарантій, какія должны получить греки, возвращаясь подъ власть султана; или надобно, чтобъ *цѣлый рядъ фактовъ* доказалъ, что Порта уважаетъ религію, поставленную договорами подъ покровительство Россіи, и что она старается возстановить внутреннее спокойствіе въ Греціи такимъ образомъ, чтобъ Россія могла получить надежду на прочный миръ, могла бы быть довольна участію своихъ единовѣрцевъ, видя, что они получили вѣрные за-

логи счастія и безопасности. 2) Относительно Валахіи и Молдавіи, Порта должна непосредственно объявить Россіи о совершенномъ очищеніи Княжествъ отъ турецкихъ войскъ и о назначеніи господарей. Послѣ этого объявленія, русскіе агенты возвратятся въ Княжества для исполненія обязанностей, опредѣленныхъ договорами и для удостовѣренія въ томъ — мѣры, принятыя Портою и новыми господарями, соотвѣтствуютъ ли статьямъ договоровъ. 3) Торговля и мореплаваніе, — Порта отмѣнитъ всѣ мѣры, принятыя противъ торговли и свободнаго плаванія по Черному морю. Въ этомъ отношеніи она должна выбрать одно изъ двухъ: или допускать корабли испанскіе, португальскіе, сицилійскіе и другіе, или уважать флагъ, которымъ эти корабли прикрывались прежде. Этотъ обычай освященъ долговременною практикою, и Порта нарушила его теперь въ первый разъ».

Уполномоченные другихъ державъ признали умѣренность этихъ требованій и обѣщали всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ Порта удовлетворила имъ. Вѣнскій кабинетъ былъ очень доволенъ рѣшеніемъ восточнаго дѣла въ Веронѣ, и надѣялся, что оно скоро кончится, Россія помирится съ Турціею, греки, лишившись надежды на войну между этими державами, должны будутъ удовольствоваться тѣмъ, что выговорятъ въ ихъ пользу христіанскія государства, при чемъ значеніе Россіи сильно упадетъ на востокѣ. Но скоро послѣдовало жестокое разочарованіе. Турки, узнавъ о расположеніи государей, собиравшихся въ Веронѣ, узнавъ, что депутатъ отъ греческаго народа не былъ допущенъ на конгрессъ, — турки не хотѣли удовлетворять русскимъ требованіямъ, а между тѣмъ политикѣ австрійскаго канцлера готовился неожиданный и страшный ударъ. До сихъ поръ въ греческомъ дѣлѣ Англія шла рука-объ-руку съ Австріею по единству интересовъ, требовавшихъ, чтобъ Россія была отстранена отъ вмѣшательства, и дѣло было покончено турецкимъ правительствомъ; отсюда Кесльри, точно также какъ и Меттернихъ, старается представить русскому императору греческое дѣло съ его революціонной стороны. Но въ 1822 году англійское правительство должно было замѣтить, что средства такой политики истощаются, что греки держатся противъ турокъ, и сочувствіе къ нимъ усиливается, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Съ другой стороны, Россія достигаетъ своей цѣли: въ слѣдствіе революціонныхъ движеній, союзъ между континентальными государями крѣпнетъ, и русскій императоръ глава этого союза; Англія проиграла свое дѣло, принципъ вмѣшательства восторжествовалъ; Англія съ своимъ принципомъ невмѣшательства исключена изъ участія въ континентальныхъ дѣлахъ, она одинока, поражена безсиліемъ.

Какъ же ей выйти изъ такого тяжкаго, унизительнаго положенія? Средство одно: идти на перекоръ политикѣ союза; союзъ консервативенъ, его главная задача — тушить революціонные пожары во всѣхъ углахъ; англійская политика слѣдовательно должна стать либеральною, поддерживать народныя движенія, и прежде всего поддерживать грековъ, тѣмъ болѣе, что они обманулись въ своихъ надеждахъ на Россію, и потому легко у нихъ замѣнить русское вліяніе англійскимъ. Крутые повороты политики въ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣло обычное и легкое на островѣ: глава государства не заручается ни чѣмъ; если средства одного направленія истощаются, другое беретъ верхъ, то смѣняются лица въ кабинетѣ, и политика безцеремонно беретъ противоположное направленіе. Кесльри лишилъ себя жизни, его мѣсто занялъ Каннингъ, и въ апрѣлѣ 1823 года лордъ Странгфордъ получаетъ отъ новаго министра внушенія, изъ которыхъ видитъ, что долженъ перемѣнить свой образъ дѣйствій. Внушенія начинались тѣмъ, что, благодаря умѣренности русскаго кабинета, несогласія между Россіею и Портою должны скоро прекратиться окончательно. Россія покидаетъ свое передовое мѣсто; Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что человѣчество этого требуетъ. «Къ положенію этого христіанскаго народа (грековъ), который въ продолженіе вѣковъ стоналъ подъ игомъ варваровъ, Англія не можетъ быть равнодушна. Королю угодно, чтобъ великобританскій посланникъ сдѣлалъ Портѣ представленіе въ пользу грековъ, какъ христіанъ, требовалъ у Порты исполненія обѣщаній, данныхъ ею министрамъ союзныхъ державъ, и пригрозилъ, что если эти требованія не будутъ исполнены, то дружественныя отношенія между Турціею и Англіею продолжаться не могутъ».

Увѣренность въ помощи Англіи дала грекамъ новыя силы. Еще въ концѣ 1821 года многіе вожди изъ Мореи и западной Греціи обращались къ Англіи съ просьбою принять Грецію въ свое покровительство, на условіяхъ Іоническихъ острововъ. Теперь это предложеніе было возобновлено. Англійскіе агенты распространили въ Греціи слухи, что союзные государи высказали въ Веронѣ свое нежеланіе вмѣшиваться въ греческія дѣла и прировняли грековъ къ неаполитанскимъ и піемонтскимъ революціонерамъ, что одинъ герцогъ Веллингтонъ имѣлъ инструкціи, благопріятныя грекамъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Англія не хотѣла допускать до войны между Россіею и Турціею, ибо въ торжествѣ первой не могло быть сомнѣнія. Англія хотѣла отдѣлить русское дѣло отъ греческаго, уладить первое, чтобы тѣмъ

свободнѣе дѣйствовать на первомъ планѣ,—во второмъ. Для этого лордъ Странгфордъ угрозами заставлялъ Порту уступить русскимъ требованіямъ; онъ говорилъ рейсъ-эффенди: «Война между Россіей и Портою должна вести къ нарушенію европейскаго равновѣсія; Порта должна будетъ уступить многія области Россіи для возстановленія равновѣсія. Англія должна будетъ стараться объ увеличеніи своей силы и своихъ владѣній, ей не у кого взять кромѣ у Порты, которая сама виновата своимъ вреднымъ упрямствомъ». Устрашенная Порта согласилась уступить русскимъ требованіямъ, кромѣ относящихся къ грекамъ: объ этихъ послѣднихъ требованіяхъ Странгфордъ молчалъ. Но въ Петербургѣ не молчали. Вслѣдствіе готовности Порты выполнить русскія требованія, въ генварѣ 1824 года пріѣхалъ въ Константинополь русскій дипломатическій агентъ Минчаки и былъ принятъ съ честію; но онъ тотчасъ же объявилъ, что не имѣетъ полномочія касаться политическихъ вопросовъ, кругъ дѣйствій его долженъ ограничиться одними торговыми отношеніями. Присылку настоящаго министра въ Константинополь петербургскій кабинетъ ставилъ въ зависимость отъ исполненія всѣхъ требованій по греческому дѣлу. Въ мемуарѣ своемъ объ умиротвореніи Греціи (9 генваря 1824 года) русскій кабинетъ спрашивалъ: «Если во время прибытія императорскаго министра въ Константинополь не будетъ еще никакого соглашенія на счетъ греческихъ дѣлъ, то не будетъ ли онъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе? Онъ будетъ свидѣтелемъ борьбы между турками и греками, и борьба эта можетъ имѣть одинъ изъ двухъ результатовъ: или греки и въ этомъ году удержатъ пріобрѣтенную ими независимость, или будутъ низложены силою оружія. Въ первомъ случаѣ турки могутъ приписать свою неудачу тайнымъ происканъ и сношеніямъ императорскаго министра, какъ было при баронѣ Строгановѣ, который и принужденъ былъ оставить Константинополь. Во второмъ случаѣ, русскіе посланники и министры союзныхъ дворовъ могутъ ли оставаться неподвижными и нѣмыми свидѣтелями безпорядковъ, которые всегда сопровождаютъ побѣды оттоманскихъ войскъ и которые еще болѣе увеличатъ жажду мщенія? И способна ли будетъ Порта въ минуту побѣды выслушивать представленія самыя основательныя? И однако будетъ ли возможно не дѣлать ей никакихъ представленій? По веронскимъ протоколамъ, греческія дѣла касаются всѣхъ членовъ Союза; и было постановлено, что всѣ члены Союза коллективно будутъ принимать участіе въ ихъ рѣшеніи; слѣдовательно, ихъ министры вмѣстѣ съ русскимъ министромъ будутъ находиться въ одинакомъ положеніи: отказы-

ваясь дѣйствовать, они не будутъ исполнять своихъ обязанностей; дѣйствуя, они должны будутъ бояться, что ихъ требованія будутъ отвергнуты, и это поведетъ къ нарушенію добрыхъ отношеній ихъ къ Портѣ. Россія не можетъ равнодушно видѣть продолженія порядка вещей, который парализуетъ ея торговлю и вредитъ самымъ дорогимъ ея интересамъ. Другія союзныя государства конечно не имѣютъ такихъ важныхъ побужденій, но будетъ ли и съ ихъ стороны политично и великодушно не положить конца бѣдствіямъ Греціи и Турціи? Союзники считаютъ священною обязанностію содѣйствовать сохраненію общаго мира; но этого мира не будетъ, пока идетъ борьба у Порты съ Мореею и островами Архипелажскими, пока здѣсь господствуетъ революція и анархія. Не будетъ мира матеріально, потому что далеко еще до окончанія борьбы; не будетъ мира и нравственнаго, потому что борьба эта порождаетъ въ Европѣ во всѣхъ умахъ безпокойство, которое грозитъ опасностію. Союзные дворы однимъ своимъ единодушіемъ придавили препятствія безъ того неодолимыя, свергли съ престола похитителя и разрушительнаго генія завоеваній, удержали бичъ военныхъ революцій, возстановили общественный порядокъ на его древнихъ основаніяхъ: такъ неужели теперь они откажутся отъ одного изъ естественныхъ слѣдствій своей системы и не увѣнчаютъ своихъ успѣховъ, которыми стяжали себѣ признательность настоящаго и будущаго? Люди благонамѣренные поражены будутъ такою перемѣною и должны будутъ упрекать союзниковъ въ недостаткѣ постоянства и мужества. Съ другой стороны, революціонеры, изгнанные изъ государствъ, гдѣ они съумѣли соединить слабость съ измѣною, перенесутъ всю свою гибельную дѣятельность въ Грецію, дадутъ здѣсь торжество своимъ разрушительнымъ ученіямъ и, быть можетъ, успѣютъ ввести въ заблужденіе народы, обвиняя Союзъ въ стремленіи отдать Грецію подъ власть анархическую и варварскую и поставить на одну линію магометанство и религію христіанскую. Излишне исчислять всѣ вредныя послѣдствія такихъ заблужденій. Они отнимутъ духъ у друзей добра и наполнятъ радостію сердца заводчиковъ смуты, которые расчитываютъ на бѣдствія человѣчества. Союзу необходимо слѣдовательно уяснить свои истинныя намѣренія, показать, что всюду онъ успѣлъ установить миръ; для этого онъ долженъ спѣшить приведеніемъ къ счастливому концу переговоровъ, иначе часть Европы будетъ страдать отъ продолжительнаго кровопролитія, и нельзя будетъ установить прочныхъ отношеній между Россіею и Портою. Желая содѣйствовать счастливому исходу дѣла, русскій кабинетъ укажетъ сред-

ства для этого, по его мнѣнію, самыя вѣрныя, при чемъ ограничится одними общими взглядами. Очевидно, что турки не согласятся никогда признать политическую независимость Греціи подъ какими бы то ни было формами. Не менѣе очевидно, что греки, съ своей стороны, не согласятся никогда войти, относительно Порты, въ положеніе, бывшее до войны. Надобно найти, слѣдовательно, среднее положеніе, именно установить въ континентальной Греціи княжества, подобныя Дунайскимъ. Такихъ княжествъ будетъ три, по географическому положенію Греціи: въ составъ перваго войдутъ Θессалія, Беотія, Аттика, или Греція восточная; въ составъ второго—прежній Венеціанскій берегъ, Эпиръ, Акарнанія, или Греція западная; третье княжество будетъ состоять изъ Мореи или южной Греціи, къ которой можно присоединить островъ Кандію. Что касается до острововъ Архипелага, то имъ можно дать муниципальное управленіе. Порта сохранитъ верховную власть надъ страною; она не будетъ посылать туда ни пашей, ни губернаторовъ, но будетъ получать ежегодную дань, однимъ словомъ, отношенія будутъ тѣ же самыя, въ какихъ Порта находится къ Валахіи и Молдавіи. Представителемъ Греческихъ княжествъ и острововъ въ Константинополѣ будетъ тамошній патріархъ, который будетъ пользоваться покровительствомъ международнаго права».

Новая причина сильнаго безпокойства въ Вѣнѣ: Россія прямо высказываетъ, какъ, по ея мнѣнію, всего лучше должны опредѣлиться отношенія между Грецією и Турціею; но здѣсь высказывается основная мысль русскаго кабинета: онъ не хочетъ независимой Греціи, но княжествъ, которыхъ представителемъ будетъ константинопольскій патріархъ, которыя слѣдовательно подпадутъ русскому вліянію. Какъ тутъ быть? другія державы не могутъ не принять въ основѣ петербургскаго предложенія. Единственное средство — замедлить дѣло. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ предлагаетъ отложить его до конца кампаніи 1824 года. Турки навѣрно потерпятъ неудачу и потому должны будутъ согласиться на предложеніе державъ, сдѣланное въ смыслѣ русскаго плана. Но петербургскій кабинетъ не хочетъ медлить, требуя, чтобы тотчасъ же было приступлено къ дѣлу. Въ іюнѣ начались въ Петербургѣ конференціи по греческимъ дѣламъ. Дѣло трудное, и на этой трудности Меттернихъ основывалъ свои разсчеты. «Вопросъ о вмѣшательствѣ, писалъ онъ интернунцію, принадлежитъ къ вопросамъ неразрѣшимымъ. Хорошо, еслибъ можно было его избѣжать; но если нельзя, то надобно распорядиться такъ, чтобы доказательства неразрѣшимости вопроса были очевидны. Въ этомъ состоитъ вся моя тайна. Турки не хотятъ,

греки также не хотятъ: этого съ меня довольно, чтобы идти дальше». Турки дѣйствительно не хотѣли; когда они узнали изъ газетъ о содержаніи русскаго мемуара 9 января, то рейсъ-ефенди сильно противъ него высказался: «Въ какомъ договорѣ написано, что европейскіе государи имѣютъ право распоряжаться въ Турціи, когда христіанскимъ подданнымъ Порты угодно будетъ возмутиться? Чѣмъ можетъ быть оправдана такая претензія? Тѣмъ, что наше оружіе не принудило бунтовщиковъ къ покорности? но кто въ этомъ виноватъ? Кромѣ явныхъ враговъ, грековъ, мы должны бороться еще съ тайными, которые намъ подносятъ только дружественныя слова, а бунтовщикамъ даютъ оружіе, деньги, совѣты и помощь всякого рода. Мы не требуемъ ничего, кромѣ уваженія къ нашей независимости; мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла и рѣшились не позволять, чтобы другіе вмѣшивались въ наши.» Когда и въ Греціи узнали о русскомъ планѣ 9 января, то газета временнаго правительства, «Гидрейскія Вѣдомости», высказалась противъ него; греки требовали у Каннинга, чтобы Англія помогла имъ точно также, какъ помогла испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Каннингъ былъ въ затруднительномъ положеніи; поспѣшность Россіи сбивала его; ему нужно было подумать, какъ бы выиграть ходъ передъ Россіею. Онъ замедлилъ посылкою въ Петербургъ обѣщаннаго уполномоченнаго по греческимъ дѣламъ, племянника своего лорда Стратфорда Каннинга, и этотъ уполномоченный долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ—черезъ Вѣну! А въ Вѣнѣ между тѣмъ хлопотали о томъ, какъ бы усилить несогласіе между Россіею и Англіею, посылали въ Петербургъ внушенія, что Каннингъ руководствуется представленіями революціоннаго греческаго правительства; такія же внушенія посылались изъ Вѣны и въ Константинополь.

Каннингъ не руководился представленіями греческаго правительства. Онъ это ясно показалъ въ своемъ отвѣтѣ ему (1 декабря 1824 г.) Каннингъ писалъ, что въ Греціи напрасно такъ вооружаются противъ русскаго проекта 9 января; если нужно посредничество державъ для прекращенія борьбы, то посредничество немыслимо безъ сдѣлки, въ которой бы, съ одной стороны, была ограничена верховная власть Порты, а съ другой—независимость грековъ; если же обѣ стороны отвергаютъ всякую сдѣлку, то нечего думать о посредничествѣ. Греки требуютъ у британскаго правительства помощи, сравнивая свои права на эту помощь съ правами американскихъ испанскихъ колоній, отдѣлившихся отъ метрополіи: но въ борьбѣ между Испаніею и ея колоніями Великобританія держалась строгаго нейтралитета;

такой же нейтралитетъ соблюденъ Англіею и въ войнѣ, опустошающей Грецію. Временное правительство Греціи можетъ разсчитывать на неизмѣнное продолженіе этого нейтралитета. Оно можетъ быть увѣрено, что Великобританія не приметъ участія ни въ какой попыткѣ заставить грековъ помириться на условіяхъ, противныхъ ихъ желаніямъ, и если греки рано или поздно сочтутъ нужнымъ для себя просить посредничества Англіи, послѣдняя предложитъ его Портѣ и употребитъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, вмѣстѣ съ другими державами, которыхъ содѣйствіе облегчитъ дѣло и дастъ ему прочность.

Въ Вѣнѣ были увѣрены, что Каннингъ не думаетъ о независимости Греціи, хочетъ принять русскій планъ, но не съ тѣмъ, чтобы отдавать Грецію русскому вліянію, а чтобъ подѣлиться на Балканскомъ полуостровѣ вліяніемъ съ Россіею: какъ Россія оторвала отъ Турціи — Сербію и Дунайскія княжества, такъ Англія хотѣла оторвать Грецію и утвердить здѣсь свое вліяніе, подобное русскому вліянію въ Сербіи, Молдавіи и Валахіи. Въ Греціи очень обрадовались отвѣту Каннинга, хотя въ дѣйствительности радоваться было нечему; схватились преимущественно за ту часть его письма, гдѣ онъ обѣщалъ, что Англія не соединится съ другими державами, чтобы заставить грековъ помириться съ Портою на не выгодныхъ для нихъ условіяхъ, заключили изъ этого, что нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ, что Англія заступится за грековъ и передъ союзниками точно также, какъ передъ Портою, что, однимъ словомъ, надобно ждать спасенія отъ одной Англіи! Но нѣкоторые попытались присоединить къ Англіи и Австрію, заставить послѣднюю предпочесть независимость Греціи русскому плану. Генцъ получилъ письмо отъ Александра Маврокордато, главы англійской партіи въ Греціи: «Если Порта, писалъ Маврокордато, находитъ до извѣстной степени поддержку въ кабинетахъ европейскихъ, если существованіе Порты желательно для нихъ, то, конечно, они имѣютъ при этомъ одну цѣль — сохранить оплотъ противъ будущаго усиленія Россіи. Факты доказали, что Порта неспособна служить этой цѣли. Представляется однако возможность, чтобъ она служила ей въ будущемъ. Отдѣленіе собственной Греціи не ослабитъ Турцію, но усилитъ ее, сдѣлаетъ ее способною противиться честолюбивымъ замысламъ Россіи. Обязанная держать значительные гарнизоны въ крѣпостяхъ греческихъ, Турція теряетъ часть своихъ средствъ, которыя могла бы употребить противъ своихъ непріятелей; турецкое народонаселеніе, разсѣянное въ греческихъ областяхъ, не можетъ содѣйствовать всеобщему вооруженію, какое султанъ обыкновенно на-

значаетъ въ самое опасное время. Въ случаѣ отдѣленія Греціи, всѣ эти силы будутъ подъ руками у султана. Греки самые злые враги турокъ и имѣютъ причину враждовать къ нимъ; но какъ скоро независимость Греціи будетъ признана и границы опредѣлены, греки обязаны будутъ поддерживать существованіе Турціи, не имѣя причины бояться ея, и, наоборотъ, имѣя важныя причины опасаться Россіи. Естественные враги турокъ, греки превратятся въ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ ихъ, когда Россія вздумаетъ выгнать турокъ изъ Европы.

Генцъ отвѣчалъ, что Маврокордато исключительно занимается вопросомъ объ интересѣ, но есть высшій вопросъ — о принципахъ. Борьба между турками и греками не есть тяжба, которую европейскія державы призваны судить, ибо одна изъ тяжущихся сторонъ постоянно отстраняетъ ихъ вмѣшательство. Признать независимость грековъ — это значитъ со стороны европейскихъ державъ, произнести, безъ апелляціи, приговоръ въ дѣлѣ имъ чуждомъ. По какому праву державы поступятъ такимъ образомъ? Въ ихъ кодексѣ, кодексѣ трактатовъ, нѣтъ оружія для борьбы съ правами имперіи Оттоманской. — Не смотря на то, въ Вѣнѣ приняли къ свѣдѣнію вопросъ о выгодахъ признанія независимости Греціи, чтобы въ крайности выставить его противъ Россіи.

Между тѣмъ въ Англіи, перемѣнивъ политику относительно греческаго вопроса, затѣявъ новое дѣло, не знали, какъ вести его, и рѣшились, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, ничего не дѣлать, ждать и смотрѣть, что̀ другіе будутъ дѣлать, и всего лучше, если можно помѣшать и другимъ что̀-нибудь сдѣлать. 1824-й годъ проходилъ, а племянникъ Каннинга, Стратфордъ Каннингъ не являлся въ Петербургъ съ полномочіями. 21 декабря, Стратфордъ Каннингъ пріѣхалъ въ Вѣну и объявилъ, что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ, даже и нѣмымъ, петербургскихъ конференцій, и что онъ ѣдетъ въ Петербургъ только затѣмъ, чтобы предложить отсрочить конференцію до того времени, когда греки или турки, или тѣ и другіе вмѣстѣ, усталые, истощенные, обратятся къ европейскимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ; при этомъ Стратфордъ Каннингъ приглашалъ Меттерниха дѣйствовать за-одно противъ Россіи. Но Меттернихъ не поддался этимъ внушеніямъ: Англія отказывается отъ участія въ рѣшеніи греческаго вопроса, но Россія не откажется и тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствовать; какъ Англія тутъ будетъ ей мѣшать, — неизвѣстно. Меттернихъ отвѣчалъ, что Австрія будетъ довольна, если Россія откажется отъ петербургскихъ конференцій; но приметъ въ нихъ участіе, какъ скоро Россія, не смотря на отпаденіе Англіи, пожелаетъ ихъ

Въ Петербургѣ, узнавъ о предложеніяхъ племянника въ Вѣнѣ, высказали свое удивленіе на счетъ поведенія дяди, который прежде заявлялъ совершенно другое, и покончили тѣмъ, что объявили прекращеніе спошеній между Россіею и Англіею по поводу дѣлъ турецкихъ и греческихъ.

Тѣмъ желательнѣе было сближеніе съ Франціею. Здѣсь, въ сентябрѣ 1824 года, умеръ король Людовикъ XVIII-й, и ему наслѣдовалъ братъ, графъ Артуа, подъ именемъ Карла X-го. На представленія Поццо-ди-Борго, что Франція въ восточномъ вопросѣ должна дѣйствовать діаметрально противоположно Англіи, т. е. не уклоняться отъ рѣшенія дѣлъ сообща, но тѣсно примкнуть къ Союзу, новый король отвѣчалъ, что и до вступленія своего на престолъ, и теперь, онъ видѣлъ и видитъ спасеніе Франціи и Европы вообще въ принципахъ Союза и въ поддержкѣ его; что онъ сожалѣетъ объ удаленіи Англіи, ибо ея равнодушіе или противодѣйствіе умножатъ трудности и осложнятъ положеніе; но эта непріятность должна только усилить континентальный союзъ. Не обманывая себя на счетъ препятствій, которыя будутъ встрѣчены союзниками и со стороны турокъ, и со стороны грековъ, надобно, по требованію общаго интереса, испытать всѣ средства, чтобъ мудрыя и великодушныя предложенія русскаго императора были приняты. Графъ Лаферроннэ немедленно отправится въ Петербургъ съ инструкціями, уполномоченный участвовать въ конференціяхъ и другихъ дѣйствіяхъ, какія сочтутся нужными для достиженія спасительной цѣли. Король прибавилъ, что онъ знаетъ все добро, какое императоръ Александръ сдѣлалъ міру въ прошедшемъ, и что его довѣренность къ нему, относительно будущаго, безгранична; что, съ своей стороны, онъ будетъ содѣйствовать этому добру, управляя Франціею, по возможности, правосудно и благоразумно, и оставаясь въ неразрывной связи съ политическою федераціею, которая составляетъ источникъ нашей силы и ручательство за общую безопасность.

Итакъ, не смотря на удаленіе Англіи, въ 1825 году въ Петербургѣ будутъ конференціи по греческимъ дѣламъ. Вѣнскій дворъ уполномочилъ своего посланника, графа Лебцельтерна, участвовать въ нихъ, при чемъ ему было предписано: если не согласятся на совершенное покореніе грековъ султану съ нѣкоторыми уступками въ пользу улучшенія гражданскаго быта покорившихся, то соглашаться только на совершенную независимость грековъ. Лебцельтернъ незамедлилъ пустить предложеніе о независимости. Когда въ конференціяхъ пошла рѣчь о томъ, что въ случаѣ отказа со стороны Порты допустить вмѣшатель-

ство союзныхъ дворовъ, надобно употребить противъ нея принудительныя средства, или начать прямо непріятельскія дѣйствія или занять нѣкоторыя турецкія провинціи, Лебцельтернъ объявилъ, что его дворъ не согласится на это, и гораздо лучше признать независимость Греціи, что послужитъ, вмѣсто оружія, принудительнымъ средствомъ и внушитъ спасительный страхъ Дивану. Странность этого предложенія была очевидна: Россія требовала у союзныхъ дворовъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ нею, употребили свое посредничество для немедленнаго прекращенія борьбы между турками и греками, тѣмъ болѣе, что греки, какъ было видно, не смѣли надѣяться на успѣхъ, а вѣнскій дворъ, для избѣжанія принудительныхъ средствъ, предлагаетъ признать независимость Греціи, что одно, безъ поданія помощи грекамъ, нисколько не могло содѣйствовать прекращенію кровопролитія: это объявленіе могло быть непріятно, оскорбительно для Порты—и только, она боялась больше всего вмѣшательства, объявленіе же независимости одно, при нейтралитетѣ европейскихъ державъ, было неопасно туркамъ, они свободно продолжали бы истребительную войну и покорили бы народъ, провозглашенный независимымъ. Съ русской стороны предложеніе Лебцельтерна было отвергнуто; но вѣнскій дворъ считалъ себя при этомъ въ большомъ выигрышѣ; по его мнѣнію, Россія, отвергнувъ австрійское предложеніе, обнаружила себя предъ союзниками, показавъ, что она никогда не имѣла въ виду освобожденія Греціи, но, требуя вмѣшательства, преслѣдовала свои честолюбивые виды. При такихъ условіяхъ, когда Англія отказалась отъ участія въ конференціяхъ, Австрія приняла въ нихъ участіе съ явною цѣлію мѣшать дѣлу, когда двѣ другія державы, участвовавшія въ конференціяхъ, Франція и особенно Пруссія, боялись рѣшительныхъ мѣръ, могшихъ вести къ войнѣ,—при такихъ условіяхъ понятно, что конференціи 1825 года могли имѣть самый незначительный результатъ. Было опредѣлено, что представители союзныхъ дворовъ въ Константинополѣ попытаются убѣдить Порту въ необходимости допустить принципъ вмѣшательства великихъ континентальныхъ государствъ для прекращенія смуты на Востокѣ, сдѣлаютъ съ этою цѣлію устныя и конфиденціальныя представленія рейсъ-эффенди, докажутъ ему необходимость и выгоды этого вмѣшательства.

Попытка уполномоченныхъ, какъ легко было предвидѣть, не удалась. Еще прежде полученія извѣстія объ этой неудачѣ петербургскій кабинетъ обратился къ вѣнскому, парижскому и берлинскому кабинетамъ съ вопросомъ, что они намѣрены дѣлать въ случаѣ, если Порта отвергнетъ вмѣшательство? Кабинеты

отвѣчали, что они будутъ не согласны на употребленіе какого-нибудь принудительнаго средства. Союзники отказывались дѣйствовать; а между тѣмъ въ Греціи потеряли надежду продолжать съ успѣхомъ борьбу одними собственными средствами, и въ іюлѣ мѣсяцѣ составленъ былъ актъ, которымъ греческій народъ предавалъ неограниченному покровительству Великобританіи свою національную независимость и свое политическое существованіе. Съ другой стороны, Порта остановилась въ удовлетвореніи русскимъ требованіямъ: въ Дунайскихъ княжествахъ существовали особые полицейскіе отряды (бешли) для защиты жителей отъ турокъ и для высылки послѣднихъ за Дунай; эти отряды находились въ полной зависимости отъ господарей, безъ позволенія которыхъ офицеры ихъ (башбешли) не могли сноситься съ турецкими пашами. Но теперь изъ бешли Порта образовала особое войско, совершенно независимое отъ господарей, и тогда какъ до 1821 года содержаніе бешли стоило Валахіи ежегодно 125,000 піастровъ, теперь стоило 880,000. Въ сентябрѣ, Минчаки получилъ изъ Петербурга бумагу, въ которой ясно выражалось, какъ теперь императорское правительство относилось къ *союзникамъ*: «Упорство Порты по вопросу о бешли, говорилось въ этой бумагѣ, возбудило въ высшей степени справедливое негодованіе императора и открыло ему глаза относительно той роли, какую играютъ въ Константинополѣ посланники австрійскій, французскій и прусскій. Съ этихъ поръ императору неугодно въ восточномъ вопросѣ обращать вниманіе на союзниковъ, онъ будетъ здѣсь идти путемъ, который соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи и его достоинству.» Въ Вѣнѣ, гдѣ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за восточнымъ вопросомъ, почувствовали, что Россія не хочетъ долѣе оставаться на колеблющейся почвѣ, на какой стояла она до сихъ поръ. Меттернихъ сильно тревожился; ему давали знать, что императоръ Александръ въ высшей степени недоволенъ и наклоненъ къ перемѣнѣ политики; австрійскаго канцлера сильно тревожило то, что императоръ отправился на югъ, гдѣ работали гетеристы, отправился въ сопровожденіи генерала Дибича и другихъ желающихъ войны людей; главнокомандующій южною арміею, графъ Витгенштейнъ незадолго передъ тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда опять поѣхалъ къ арміи. Меттернихъ писалъ интернунціо: «Императоръ Александръ хочетъ выйти изъ своего, конечно, ложнаго положенія. Предоставленный самому себѣ, онъ можетъ принять рѣшеніе, которое можетъ быть опять невѣрнымъ средствомъ, но если Портѣ нанесенъ ударъ, то все равно, какъ онъ нанесенъ. Если Диванъ не совсѣмъ ослѣпъ, то

долженъ насъ понять. Неужели для Порты существованіе башбешли также важно, какъ и существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ? Если Порта такъ ослѣплена, что оба вопроса для нея равносильны, то мы принуждены будемъ поставить себя на болѣе благодарную почву и не будемъ хлопотать за державу, которая сама не въ состояніи стоять прямо».

Перемѣна русской политики въ восточномъ вопросѣ произвела такую же тревогу и въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ. Каннингъ объявилъ Меттерниху, что оставитъ безъ отвѣта просьбу грековъ о принятіи ихъ въ англійское подданство; объявлялъ всѣмъ, что Великобританія держится строгаго нейтралитета, и между тѣмъ всѣ знали, что преимущественно изъ Англіи идутъ средства для поддержанія греческаго возстанія; но въ Греціи—Франція начинаетъ соперничать съ Англіею, французскіе агенты хлопочутъ, чтобъ греки образовали особое королевство подъ властію одного изъ французскихъ принцевъ (орлеанскаго дома); можно было дожидаться и ничего не дѣлать, пока Россія вела съ своими союзниками безплодные переговоры въ Петербургѣ, но теперь нельзя долѣе оставаться въ бездѣйствіи: Россія увидала безплодность переговоровъ, безплодность союзнаго дѣйствія, и хочетъ дѣйствовать одна, и дѣйствовать рѣшительно; дѣло идетъ о войнѣ между Россіею и Турціею, значитъ дѣло идетъ о существованіи Турціи въ Европѣ, о Константинополѣ. Каннингъ послалъ лорда Странгфорда въ Петербургъ, а племянника своего Стратфорда Каннинга въ Константинополь. Вслѣдствіе этого, осенью 1825 года дѣло пошло живѣе въ Петербургѣ. Въ ноябрѣ, французскій посланникъ, графъ Лаферроннэ первый выступилъ съ предложеніемъ объявить Портѣ отъ имени пяти державъ, что онѣ считаютъ войну между турками и греками конченною, вслѣдствіе чего требуютъ отъ Порты, чтобъ она объявила, какія выгоды и ручательства намѣрена она дать своимъ греческимъ подданнымъ, а державы обязываются заставить грековъ принять предложенія Порты. Новый порядокъ вещей, который имѣетъ произойти изъ этого соглашенія, пребудетъ подъ покровительствомъ пяти державъ. Странгфордъ объявилъ съ своей стороны, что средства, употребленныя до сихъ поръ для прекращенія печальнаго состоянія дѣлъ на востокѣ, оказались недѣйствительными; нужно употребить другія посильнѣе, но не такія однако, которыя бы могли вывести за линію нейтралитета и исключить надежду на сохраненіе мира между Россіею и Турціею. Для этого Россія должна оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и отправить въ Константинополь министра, который дѣйствовалъ бы совершенно согласно съ министрами другихъ державъ.

Всѣ они должны внушить Портѣ, чтобъ она послушалась представленій пяти державъ въ греческомъ дѣлѣ, и не обманывала себя надеждою, что между ними господствуетъ несогласіе. Если предложенія пяти державъ, сдѣланныя такимъ путемъ, будутъ приняты Портою, союзники употребятъ свое вліяніе, чтобъ они могли быть приняты греками, не прибѣгая, ни въ отношеніи къ грекамъ, ни въ отношеніи къ туркамъ, къ принудительнымъ мѣрамъ. Если Порта отвергнетъ предложенія, русскій министръ оставитъ Константинополь, и министры другихъ четырехъ державъ объявятъ, что они предоставляютъ Порту ея участи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ Европѣ узнали о кончинѣ главнаго дѣятеля эпохи, императора Александра I.

Мы слишкомъ близки еще къ эпохѣ, чтобъ съ достаточною ясностію опредѣлить значеніе ея и значеніе ея главнаго дѣятеля; но мы имѣли возможность указать на отношенія эпохи конгрессовъ къ эпохѣ предшествовавшей, эпохѣ наполеоновской. Завоевательныя стремленія перваго императора французовъ должны были прекратиться при непосредственномъ столкновеніи его съ Россіею. Европа привыкла къ наступательнымъ, завоевательнымъ движеніямъ, шедшимъ постоянно съ запада на востокъ, исходившимъ изъ Франціи; это движеніе въ 1812 году достигло крайняго предѣла своего въ Москвѣ. Начинается движеніе обратное, съ востока на западъ, но движеніе съ другимъ характеромъ: двинувшаяся на западъ Россія призвала всю Европу къ союзу для прекращенія посягновеній Франціи на независимость другихъ державъ. Цѣль была достигнута союзомъ. Никогда еще Европа не испытывала отъ властолюбивыхъ стремленій одной державы такого страшнаго гнета, какой испытала отъ Франціи въ первыя пятнадцать лѣтъ XIX вѣка; естественно и необходимо должна была родиться и господствовать мысль о томъ, что надобно придумать средства для избѣжанія впредь подобной опасности. Европа освободилась отъ гнета посредствомъ союза: отсюда понятно стремленіе упрочить это средство, сдѣлать союзъ постояннымъ, чтобъ освободить Европу отъ страха предъ завоевателями; отсюда понятно, почему главный дѣятель эпохи, наступившей послѣ паденія первой французской имперіи, стремится упрочить союзъ, истощаетъ всѣ средства для его сохраненія, для рѣшенія важнѣйшихъ европейскихъ вопросовъ сообща, союзомъ. Цѣль Наполеона, какъ завоевателя, состояла въ томъ, чтобъ раздѣлять народы и государства, и бить ихъ порознь: цѣль соперника его и наслѣдника во вліяніи на Европу, Александра, состояла въ томъ, чтобъ союзить государства. Если завоевательная дѣятельность Наполеона условливалась воинствен-

нымъ характеромъ народа, надъ которымъ онъ получилъ власть, если Наполеонъ поэтому, несмотря на свое чуждое происхожденіе, былъ національный герой Франціи, то и въ противоположной дѣятельности русскаго императора мы не можемъ не видѣть соотвѣтствія характеру русскаго народа, вовсе не завоевательному, характеру русскаго государства, не имѣющаго побужденій къ расширенію своихъ предѣловъ. Мы видѣли, что императоръ Александръ ясно сознавалъ жертвы, которыя онъ приносилъ для сохраненія союза. Несмотря, однако, на всѣ жертвы, союзъ не устоялъ предъ трудностями восточнаго вопроса, и тяжело отозвался на душѣ Александра этотъ ударъ главному дѣлу жизни.

«Исторія Россіи должна начаться тамъ, гдѣ окончился романъ», писалъ Меттернихъ по поводу смерти императора Александра. Возможность окончанія романа и начатія исторіи—австрійскій канцлеръ основывалъ на характерѣ предполагаемаго преемника Александра, цесаревича Константина Павловича, который, по словамъ Меттерниха, не сочувствовалъ нисколько греческому дѣлу, былъ очень преданъ Австріи, ненавидѣлъ англичанъ, презиралъ французовъ и смотрѣлъ на Пруссію, какъ на страну, преданную революціонному духу. Но Меттернихъ ошибся въ своихъ расчетахъ: преемникомъ Александра былъ императоръ Николай I.

Поццо-ди-Борго такъ очертилъ отношенія Россіи къ державамъ Европы и Америки въ началѣ новаго царствованія: «По прекращеніи возстанія неаполитанскаго и піемонтскаго, государи съѣхались въ Верону для общаго обозрѣнія дѣлъ и для принятія мѣръ къ избавленію Испаніи отъ ига революціонной партіи, подъ которымъ эта страна находилась уже болѣе двухъ лѣтъ. Англія посылаетъ на конгрессъ герцога Веллингтона, чтобъ препятствовать всякой принудительной мѣрѣ относительно испанскихъ бунтовщиковъ, протестовать противъ мѣръ, какія могли быть приняты, и особенно отвести Францію отъ мысли взять на себя исполненіе плана другихъ дворовъ, преимущественно русскаго, который былъ главнымъ виновникомъ дѣла. Это порвало окончательно узы, связывавшія Великобританію съ Союзомъ. Несмотря на всѣ усилія, угрозы и интриги англійскаго министерства, Франція, по соглашенію съ континентальными союзниками, внесла войну въ Испанію, и революція была изгнана изъ послѣдняго убѣжища. Но Англія признала ее немедленно въ Америкѣ; союзники остановились предъ трудностями и покинули Новый Свѣтъ на жертву смутѣ. Съ другой стороны, сопротивленіе грековъ обманывало расчеты вѣнскаго двора, ко-

торый, съ году на годъ, ждалъ, что борьба будетъ окончена турецкою саблею. Предполагаемое вмѣшательство союзниковъ было только хитростію для видимаго удовлетворенія заботливости русскаго двора, хотѣвшаго покончить борьбу примирительными средствами. Такое сильное различіе въ видахъ двухъ императорскихъ кабинетовъ сдѣлало тщетными всѣ попытки уладиться съ Диваномъ, и это великое дѣло находится теперь въ состояніи полной неизвѣстности и нерѣшительности. Обозримъ предметы, которые занимаютъ теперь вниманіе европейскихъ кабинетовъ. Первый предметъ — охраненіе общественнаго порядка противъ революціонныхъ идей и дѣйствій. Здѣсь мы всѣ имѣемъ одинакія обязанности и одни интересы. Министръ, управляющій англійскимъ кабинетомъ, кажется, одинъ хочетъ предоставить себѣ пагубную свободу смотрѣть на возстаніе съ точки зрѣнія собственныхъ выгодъ: это великое несчастіе и даже великая опасность; но здѣсь континентъ Европы отдѣляется отъ него и дѣйствуетъ сообща, и въ этомъ отношеніи мы довольно сильны для нашего собственнаго охраненія. Въ дѣлѣ Испаніи и ея колоній нечего дѣлать: русскій кабинетъ можетъ продолжать оказывать ей благосклонность, давать знаки своего сочувствія, не принимая на себя обязательствъ, которыхъ нельзя выполнить. Относительно Португаліи надобно ждать, ибо неизвѣстно, что̀ тутъ замышляютъ Англія и Австрія. Въ Италіи государства второго разряда обращаются къ Россіи за покровительствомъ: въ ихъ дѣла нужно вмѣшиваться только тогда, когда это совершенно необходимо. Тоже должно наблюдать и относительно державъ германскихъ: неблагоразумно вмѣшиваться въ ихъ ежедневныя дѣла; но политика и слава требуютъ поддерживать убѣжденіе, что ихъ возстановленіе главнымъ образомъ есть дѣло Россіи, и что отъ нея они должны ожидать защиты, когда чье-нибудь честолюбіе подвергнетъ ихъ опасности. Данія есть, такъ сказать, часть насъ самихъ. Справедливость этого оказывается при первомъ взглядѣ на карту. Итакъ, намъ должно блюсти за ея сохраненіемъ, защищать ее отъ насилій, и особенно со стороны Англіи. Морское могущество Соединенныхъ Штатовъ Америки никогда не будетъ вредно Россіи, но часто можетъ быть ей благопріятно и полезно: потому надобно оставаться съ ними въ добромъ согласіи и заставить смотрѣть ихъ на петербургскій дворъ, какъ на единственный въ Европѣ,—заслужить дружбу котораго имъ выгодно. Швеція слаба: её нечего трогать. Съ Пруссіею нѣтъ причинъ къ раздору,—всѣ побужденія къ союзу. Другое дѣло—Австрія, которая тянетъ къ Англіи. Англія завидуетъ Россіи и соперничаетъ съ нею, потому что Россія стала пер-

венствующимъ государствомъ на континентѣ. Отъ соперничества и зависти къ враждѣ открытой — одинъ только шагъ. Каннингъ ненавидитъ Россію. Диктаторскій тонъ Каннинга понравился англійскому народу; дѣлая вызовъ всему свѣту, Каннингъ сталъ популяренъ у себя. Россія представляетъ ему большія препятствія; онъ старается ихъ уничтожить, не разбирая средствъ. Франція естественно и необходимо стремится къ сближенію съ Россіею. Этотъ союзъ есть единственное средство уединить Англію и поставить ее въ невозможность устраивать континентальные союзы. Австрія есть единственное государство, къ которому она можетъ обращаться съ этою цѣлію. Но если Франція будетъ свободна въ своихъ движеніяхъ и въ употребленіи своихъ силъ, Австрія не осмѣлится никогда разорвать съ Россіею».

Но возможность для Франціи быть свободною въ своихъ движеніяхъ, въ употребленіи своихъ силъ зависѣла отъ ея внутренняго состоянія. Оппозиція, которую Виллель встрѣчалъ въ палатахъ, не была на столько однородна и систематична, чтобъ могла выставить ему преемника и достаточное число кандидатовъ для образованія новаго министерства; но она успѣвала унижать правительство въ глазахъ публики, дѣлать его предметомъ порицанія и даже презрѣнія. Различныя части администраціи страдали отъ неспособности людей, ими завѣдывавшихъ. Министръ юстиціи велъ войну съ магистратурою; военный министръ не нравился арміи; министръ внутреннихъ дѣлъ не занимался ничѣмъ. Виллель былъ человѣкъ способный; но онъ слишкомъ много забралъ себѣ въ руки; у него была страсть сосредоточивать все въ своей особѣ: то расширялъ онъ несвойственнымъ образомъ предѣлы своего министерства (министерства финансовъ), то бралъ на себя роль наблюдателя надъ другими министерствами, и ему это позволялось по довѣрію короля и по неспособности другихъ министровъ. Виллель былъ способенъ избѣгать трудностей настоящей минуты, но не былъ способенъ направлять движеніе великой монархіи. Кромѣ того, сильное вліяніе на поведеніе главы министерства и на общее направленіе дѣлъ оказывала «конгрегація», имѣвшая претензію переродить Францію, сдѣлать ее религіозною и монархическою, стремившаяся раздавать правительственныя мѣста своимъ членамъ. Эта сила, преувеличиваемая въ воображеніи враговъ своихъ, стала всеобщимъ пугаломъ. Народъ видѣлъ, ощущалъ ее повсюду, и раздраженіе его становилось тѣмъ сильнѣе, что онъ не зналъ, какъ ее опредѣлить, какъ ее уловить. Успѣхи, дѣлаемые іезуитами, открытое покровительство, оказываемое имъ дворомъ, неразумная ревность большей части духовенства, и злорадство, съ

какимъ все это выставлялось безпрестанно въ революціонныхъ газетахъ, держали общество въ постоянномъ волненіи. Еще не было открытыхъ возмущеній, но каждый толковалъ уже о ихъ возможности, и для многихъ не доставало только случая, чтобъ поднять возстаніе. Король сдѣлалъ непростительную ошибку, назначивъ наставникомъ къ герцогу Бордосскому аббата Тарэна, архіепископа Страсбургскаго, честолюбца, притворявшагося энтузіастомъ, отъявленнаго приверженца іезуитовъ; остальныя лица, долженствовавшія участвовать въ воспитаніи герцога, были выбраны по тѣмъ же побужденіямъ. Такая обстановка возбудила сильныя опасенія въ людяхъ благонамѣренныхъ, а людямъ злонамѣреннымъ дала предлогъ возбуждать ненависть къ невинному младенцу; уже видѣли въ немъ іезуита. Виллель принужденъ былъ держать при себѣ извѣстнаго Рэнвиля, въ качествѣ тайнаго секретаря, и совѣтоваться съ нимъ при назначеніи мѣстъ, и такимъ образомъ удовлетворять требованіямъ конгрегаціи и духовенства, подъ условіемъ, что они, въ свою очередь, будутъ поддерживать министерство. Это не укрылось отъ охотниковъ до выгодныхъ мѣстъ, и они, для полученія ихъ, стали ханжить, что приводило въ отчаяніе людей, не хотѣвшихъ подчиниться сектѣ, о которой въ публикѣ говорилось съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Такое поведеніе правительства вело къ сравненію между членами старшей линіи Бурбоновъ и Стюартами въ Англіи. Видѣли одинакія стремленія и предсказывали одинаковый исходъ. Стало появляться множество сочиненій объ англійской революціи. Несмотря на то, что герцога Орлеанскаго мало уважали, люди, желавшіе перемѣны, разсчитывали на него. Готовый дать вести себя до самаго престола, безъ желанія употребить хотя малѣйшее усиліе для его достиженія, и окруженный шестью сыновьями, герцогъ представлялъ ручательство въ прочности династіи и въ торжествѣ популярныхъ ученій, которыя явно проповѣдывалъ. Король каждый день терялъ уваженіе и любовь подданныхъ, о его первомъ министрѣ отзывались, какъ о самомъ презрѣнномъ изъ людей. Повиновались изъ учтивости, сносили изъ благоразумія, дожидаясь, чтобъ какое нибудь случайное обстоятельство вывело каждаго изъ тяжелаго положенія и освободило отъ униженія. По словамъ Поццо, «не всѣ члены министерства заслуживали то негодованіе, которое выражалось противъ нихъ въ публикѣ; но, говоря политически, чѣмъ несправедливѣе крайнее неудовольствіе, тѣмъ оно опаснѣе, если глубоко укоренено, ибо оно служитъ доказательствомъ, что предубѣжденіе и предразсудки достигли высшей степени. Въ подобныхъ обстоятельствахъ государи конституціонные обыкновенно перемѣняютъ министерство

и соединяются съ большинствомъ. Но во Франціи представительное правленіе, испорченное три года тому назадъ, служитъ только орудіемъ безпорядка. Съ тѣхъ поръ, какъ король сталъ главою партіи и началъ смотрѣть на духовенство какъ на свою главную опору, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ удалять отъ себя людей, несогласныхъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, образованіе новаго министерства становится для него невозможнымъ, если оно должно быть болѣе популярнымъ, и становится опаснымъ, если онъ составитъ его изъ людей, еще болѣе ненавистныхъ, чѣмъ министры настоящіе. Очевидно, что Франція управляется слабо и неразумно; народъ чувствуетъ это, но терпитъ по благоразумію, или скорѣе, по неимѣнію вождей для возстанія. Такой порядокъ вещей не можетъ быть продолжителенъ, но и не представляетъ еще очень близкой опасности».

Пока очень близкой опасности еще не было, Франція продолжала имѣть значительную тяжесть на вѣсахъ европейской политики. Въ Вѣнѣ сознавали это, и при восшествіи на престолъ императора Николая, австрійскій кабинетъ сдѣлалъ французскому предложеніе условиться на счетъ средствъ заставить Россію продолжать бездѣйственную политику покойнаго императора относительно Греціи. Парижскій кабинетъ отвѣчалъ, что въ восточныхъ дѣлахъ надобно принять политику, болѣе сообразную съ законными желаніями Россіи и съ истинными интересами остальной Европы. Австрійское министерство, узнавши, что его предложеніе стало извѣстно въ Петербургѣ, поспѣшило во всемъ запереться и провозгласить необходимость поддержанія Союза во всей цѣлости. Но уже виновникъ Союза и главный его охранитель въ послѣднее время жизни своей долженъ былъ признать несостоятельность Союза и необходимость для Россіи дѣйствовать рѣшительно, безъ обращенія вниманія на мнимыхъ союзниковъ. И стоило только обнаружить намѣреніе перемѣнить политику, какъ эти союзники, испуганные, опять объявили готовность помогать Россіи; хотя нѣкоторые явились съ намѣреніемъ не помогать, а мѣшать ей. Новый императоръ шелъ оттуда, гдѣ остановился его предшественникъ, и Порта получила отъ Минчаки ультиматумъ: 1) она должна вполнѣ возстановить положеніе, въ какомъ Дунайскія княжества находились до 1821 года; 2) сербскіе депутаты должны быть немедленно освобождены, и условія бухарестскаго договора относительно Сербіи выполнены; 3) Порта должна выслать своихъ уполномоченныхъ на границы, чтобъ вмѣстѣ съ русскими уполномоченными окончить переговоры, начатые въ 1816 году. Если Порта въ продолженіе шести недѣль не удовлетворитъ этимъ требованіямъ, то русскій повѣренный

въ дѣлахъ оставитъ Константинополь. Вмѣшательство союзниковъ было отклонено въ этомъ дѣлѣ, касавшемся одной Россіи; въ дѣлѣ же греческомъ императоръ Николай соглашался дѣйствовать вмѣстѣ съ союзниками, и 4-го апрѣля, въ Петербургѣ, герцогъ Веллингтонъ, пріѣхавшій поздравить императора Николая со вступленіемъ на престолъ, и графы Нессельроде и Ливенъ подписали протоколъ, въ которомъ Россія и Англія обязывались посредничать въ примиреніи между греками и турками. Основанія примиренія были выставлены слѣдующія: 1) Порта сохраняетъ верховную власть надъ Грецією; 2) Греція платитъ ей разъ сообща опредѣленную дань; 3) удаленіе турецкихъ землевладѣльцевъ изъ Мореи и съ острововъ и уступка ихъ владѣній грекамъ за деньги; 4) должностныя лица должны состоять изъ грековъ, но въ выборѣ ихъ и Порта имѣетъ участіе; 5) свобода религіи и торговли; 6) отдѣльное и независимое управленіе. Между тѣмъ, въ Константинополѣ всѣ европейскія миссіи, изъ страха передъ войною Россіи съ Турціею, устно и письменно принялись убѣждать Порту принять русскій ультиматумъ, и ультиматумъ былъ принятъ. Акерманъ былъ назначенъ мѣстомъ конференцій, и въ качествѣ русскихъ уполномоченныхъ отправились туда генералъ-адъютантъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и тайный совѣтникъ Рибопьеръ. Въ концѣ іюля начались конференціи, 25-го сентября былъ заключенъ договоръ: Бухарестскій договоръ подтверждался во всей силѣ; въ опредѣленіи европейскихъ и азіатскихъ границъ удовлетворены были требованія Россіи; Порта обязывалась уладить вмѣстѣ съ сербскими депутатами всѣ дѣла по вопросамъ внутренняго независимаго управленія Сербіи.

Русское дѣло было покончено; но оставалось самое трудное, греческое. Видя, что Россія пустила сначала свое дѣло, англійское министерство обрадовалось этому, чтобъ захватить греческое дѣло въ свои руки и отодвинуть Россію на задній планъ; оно упустило изъ виду, что Россія, уладившись безпрепятственно съ Портою, и уладившись съ такою явною выгодою для себя, выходила изъ крайне затруднительнаго и непріятнаго положенія, развязывала себѣ руки; ея посланникъ являлся теперь въ Константинополѣ наравнѣ съ другими, наравнѣ съ другими принималъ участіе въ греческомъ вопросѣ; но какъ скоро Россія могла принять здѣсь участіе, то, по самому положенію своему, не могла быть отодвинута на задній планъ. Англійское министерство надѣялось, что Порта легко уступитъ его требованіямъ относительно грековъ, и ему будетъ принадлежать честь и выгода уляженія дѣла, котораго пять лѣтъ никто уладить не могъ; но оно

жестоко обманулось въ своихъ надеждахъ: Порта отвѣчала рѣшительно, что никогда не допуститъ вмѣшательства Англіи въ свои внутреннія дѣла; тяжелый характеръ англійскаго посланника, Стратфорда Каннинга, повелительный, угрожающій тонъ, который онъ позволялъ себѣ, усиливалъ раздраженіе въ туркахъ, и безъ того враждебно относившихся къ Англіи, какъ державѣ, бывшей недавно самою дружественною къ Портѣ и вдругъ перешедшей на сторону враговъ ея, начавшей болѣе другихъ помогать грекамъ. Вслѣдствіе заключенія акерманскаго договора, прекратившаго всѣ несогласія между Россіею и Турціею, въ началѣ 1827 года пріѣхалъ въ Константинополь русскій посланникъ Рибопьеръ, и русскій драгоманъ вмѣстѣ съ англійскимъ передали Портѣ промеморію, въ которой означены были основанія соглашенія между Турціею и греками, какъ они были означены въ петербургскомъ протоколѣ 4-го апрѣля. Рейсъ-ефенди отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ допустить какое-нибудь посредничество, и замѣтилъ, что петербургскій протоколъ, въ которомъ двѣ державы произвольно распорядились правами третьей, въ глазахъ Порты есть не иное что, какъ ничего не стоющій клочекъ бумаги. Англія должна была отказаться отъ надежды уладить дѣло, начатое ею въ Константинополѣ; остановиться было нельзя, поневолѣ нужно было идти дальше. Въ Лондонѣ составилась конференція изъ уполномоченныхъ трехъ державъ, Россіи, Англіи и Франціи, и заключенъ былъ знаменитый договоръ *6-го іюля* (1827 года) на основаніи петербургскаго протокола 4-го апрѣля (1826 года). Представители трехъ договорившихся державъ должны были передать Портѣ коллективную ноту съ требованіями, выраженными въ петербургскомъ протоколѣ, и прежде всего потребовать прекращенія военныхъ дѣйствій. Если одна изъ воюющихъ державъ или обѣ вмѣстѣ, въ продолженіе мѣсяца не прекратятъ военныхъ дѣйствій, то имъ объявится, что три союзные кабинета примутъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ мѣры для достиженія своей цѣли, и адмиралы, командующіе ихъ эскадрами на востокѣ, получатъ на этотъ счетъ инструкціи.

Благодаря греческому возстанію, такъ перемѣнились отношенія между государствами Европы! Мы видѣли, что съ начала революціонныхъ движеній самый крѣпкій союзъ былъ между тремя государствами, Россіею, Австріею и Пруссіею; Англія, провозгласивъ принципъ невмѣшательства, вышла изъ Союза, Франція колебалась: по своей правительственной формѣ ей удобнѣе было слѣдовать за Англіею, но какъ держава континентальная, она не могла отказаться отъ общаго дѣйствія, условленнаго союзомъ трехъ великихъ державъ. Теперь же Россія, Англія и

Франція дѣйствуютъ сообща, и Англія хлопочетъ изо всѣхъ силъ, чтобъ играть главную роль въ дѣлѣ вмѣшательства, Австрія же, оставаясь вѣрною прежнему своему взгляду, осталась одинокою. Англія, которая такъ долго вмѣстѣ съ Австріею хлопотала о томъ, чтобъ отстранить вмѣшательство Россіи, поддержать Турцію, дать ей время справиться съ бунтовщиками греками, Англія поддерживаетъ бунтовщиковъ и требуетъ отъ султана, чтобъ онъ принялъ русскій планъ примиренія съ ними! Австрійскій канцлеръ находился въ тяжеломъ положеніи; одно могло утѣшать его, что и Англія находилась не въ лучшемъ; Стратфордъ Каннингъ признался интернунцію, что Англія подписала *несчастный* протоколъ 4-го апрѣля только для того, чтобъ связать руки Россіи. Виллель предъ австрійскимъ посланникомъ, графомъ Аппони, оправдывалъ поведеніе Франціи тѣмъ, что ей ничего больше не оставалось на выборъ: ясно, что Россія хочетъ войны съ Турціею, Англія хочетъ оторвать отъ Турціи Грецію; если бы французское правительство къ нимъ не пристало, то ничему бы не помѣшало, только раздражило бы національное тщеславіе французовъ; чтобъ противодѣйствовать стремленіямъ Россіи и Англіи, Франція должна взяться за оружіе; съ участіемъ ея уменьшается опасность англо-русскаго союза; намѣреніе Франціи — поддерживать турецкую имперію какъ можно долѣе, не позволить Россіи и Англіи однимъ распорядиться ею при паденіи, и содѣйствовать скорѣйшему разрыву между Россіею и Англіею. Узнавши о заключеніи договора 6-го іюля, Меттернихъ написалъ интернунцію въ Константинополь: «Этотъ договоръ можетъ вести ко всему, только не къ тому, для чего онъ заключенъ. Всего вѣрнѣе ведетъ онъ къ войнѣ Россіи съ Портою. Англія этому поможетъ, а сама не вступитъ въ войну; Франція будетъ игрушкою своихъ союзниковъ и своихъ собственныхъ ложныхъ разсчетовъ».

Въ августѣ, коллективная нота была передана рейсъ-эффенди, и осталась безъ отвѣта; Порта сослалась на прежній отвѣтъ свой относительно вмѣшательства. Въ откровенной бесѣдѣ съ австрійскимъ драгоманомъ, рейсъ-эффенди выразился: «Мы подождемъ, посмотримъ, какъ далеко простираются планы нашихъ враговъ. Греція, свобода, прекращеніе кровопролитія — все это предлоги. Просто хотятъ насъ выгнать изъ Европы». Относительно условій примиренія съ греками, рейсъ-эффенди объявилъ интернунцію: «безусловная покорность, довѣріе къ великодушію султана, удаленіе всѣхъ франковъ изъ ихъ среды — суть единственныя условія, на которыхъ бунтовщики могутъ получить прощеніе». Между тѣмъ смерть Каннинга воскресила надежды въ

Вѣнѣ, тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ пугались своего безвыходнаго положенія на Востокѣ и подозрительно озирались на свою союзницу — Россію. Австрійскій посланникъ, разумѣется, считалъ своею обязанностію придавать страху внушеніями, что Англія зашла въ греческомъ дѣлѣ очень далеко противъ собственныхъ интересовъ и интересовъ Европы, и въ Вѣну приходили утѣшительныя извѣстія, что дальше, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не пойдутъ. Изъ Вѣны сдѣлано было Дивану предложеніе обратиться къ Австріи съ просьбою о посредничествѣ. Диванъ согласился; письмо великаго визиря къ Меттерниху въ этомъ смыслѣ было составлено; султанъ собственноручно написалъ на проектѣ письма: «Императоръ австрійскій нашъ старый другъ и достоинъ нашего полнаго довѣрія, ибо постоянно оказывалъ намъ знаки своего доброжелательства. Давно я знаю также отличныя достоинства князя Меттерниха». Стратфордъ Каннингъ получилъ отъ своего кабинета бумаги, въ которыхъ высказывались опасенія на счетъ Россіи и желаніе выйти изъ затруднительнаго положенія. И въ Константинополѣ, и въ Вѣнѣ были очень довольны, какъ вдругъ приходитъ страшное извѣстіе объ истребленіи турецкаго флота тремя союзными флотами — англійскимъ, французскимъ и русскимъ при Наваринѣ, вслѣдствіе предписанія, даннаго адмираламъ препятствовать продолженію военныхъ дѣйствій между турками и греками.

Ждали страшной бури въ Константинополѣ,—но бури не было; посердились, погрозили войною, всеобщимъ вооруженіемъ и согласились переговаривать съ посланниками трехъ союзныхъ державъ о томъ, что̀ Порта сдѣлаетъ для грековъ въ случаѣ ихъ покорности. Султанъ обѣщалъ простить бунтовщикамъ поголовную дань за шесть лѣтъ и не требовать съ нихъ уплаты военныхъ издержекъ; кромѣ того, освобождалъ ихъ на одинъ годъ отъ всѣхъ податей; посланники признали это недостаточнымъ, потребовали выполненія пунктовъ, постановленныхъ лондонскимъ договоромъ, и, получивъ отказъ, выѣхали изъ Константинополя. Порта начала приготовляться къ войнѣ; въ изданномъ по этому случаю манифестѣ, Россія была выставлена какъ непримиримый врагъ оттоманской имперіи и магометанской вѣры; ей приписывалось возстаніе грековъ, она своими кознями успѣла перемѣнить прежде дружественныя къ Портѣ отношенія Англіи и Франціи во враждебныя; Россія, возбуждая противъ Порты внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, препятствуетъ преобразованіямъ, которыя султанъ предпринялъ для возстановленія силъ Турціи. Тщетно интернунцій и прусскій министръ употребляли всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать публикаціи этого манифеста: европейскія га-

зеты овладѣли имъ. Война была неизбѣжна тѣмъ болѣе, что статьи акерманскаго договора нарушались; весною 1828 года, русскія войска перешли Прутъ; исполнилось то, чего такъ боялись въ Европѣ, особенно въ Вѣнѣ и Лондонѣ, и опять вѣнскій и лондонскій кабинеты соединяются въ своей враждѣ къ Россіи; но Франція, по прежнему, клонится къ послѣдней, и мы видѣли, какъ это считалось важнымъ.

Внѣшняя французская политика зависѣла отъ внутреннихъ движеній въ странѣ, готовившейся къ революціи. Въ апрѣлѣ 1827 года, на смотру національной гвардіи раздались крики: «долой Виллеля»! Король распустилъ за это національную гвардію — и все осталось спокойно. Король, министры, придворные были удивлены и пришли въ восторгъ отъ своего успѣха, отъ своей смѣлости. Но болѣе прозорливые наблюдатели смотрѣли иначе на дѣло. Министръ, по мнѣнію Поццо-ди-Борго, раздразнилъ народъ, и король долженъ былъ принимать строгія мѣры по винѣ министра, а не по винѣ народа. Никакого мятежа не было по поводу распущенія національной гвардіи; но было очевидно, что король, по этой причинѣ и по многимъ другимъ, потерялъ привязанность парижскихъ жителей, отъ которыхъ не можетъ надѣяться болѣе преданности и пожертвованій. Королевская гвардія или, по крайней мѣрѣ, та часть ея, которая находилась въ Парижѣ, была довольна униженіемъ національной гвардіи, и придворные кричали, что армія вѣрна, и потому надобно принимать строгія мѣры противъ недовольныхъ. Но армія была болѣе спокойна и равнодушна, чѣмъ вѣрна, и ничего не было опаснѣе, какъ привести ее въ столкновеніе съ столицею и вообще съ жителями страны. Виллель не зналъ, что происходило предъ революціею и во время ея, также въ періодъ, предшествовавшій реставраціи; онъ не зналъ ни фактовъ, ни лицъ. Благосклонность и довѣріе короля къ своимъ министрамъ увеличились въ той же степени, въ какой они уменьшились къ нимъ въ народѣ. Власть приняла характеръ полиціи смѣлой, быть можетъ безразсудно-отважной, а не правительства, разсчитывающаго на привязанность и силу великаго народа. Можно было сказать, что Виллель одинъ противъ всѣхъ. Было бы несправедливо отрицать въ этомъ министрѣ замѣчательные таланты, большую проницательность, ясность въ изложеніи мыслей, и рѣдкую легкость, съ какою онъ работалъ; при увеличеніи своего состоянія онъ не употреблялъ средствъ, которыя заставляли бы его краснѣть. Но у него именно недоставало тѣхъ качествъ сердца, тѣхъ чувствъ, которыя необходимы для человѣка, призваннаго управлять конституціонною страною и такою, какъ Франція. Крайне завистливый, онъ объ-

явилъ непримиримую войну всѣмъ высшимъ способностямъ, удалилъ и людей съ способностями равными своимъ, видѣлъ безопасность только въ ничтожности своихъ орудій и для нихъ былъ очень тяжелъ; равнодушный къ правдѣ, играя своими обѣщаніями и словами, онъ уничтожилъ равновѣсіе между своею властію и уваженіемъ къ себѣ, что унизило его въ глазахъ всѣхъ французовъ. Поццо подозрѣвалъ, что вѣнскій дворъ совѣтуетъ французскому министерству употреблять сильныя мѣры, т. е. мѣры, клонящіяся къ уничтоженію представительнаго правленія. Поццо замѣчалъ по этому случаю, что легко доказывать трудности и, пожалуй, опасности этой правительственной формы, легко находить въ ней недостатки вообще, и приписывать ей все зло: но прилагать такія ученія ко Франціи, гдѣ представительная форма уже установилась, предполагать, что король довольно силенъ для уничтоженія этой формы, значитъ впадать въ важную ошибку, и попытки подобнаго рода поведутъ къ новой революціи. Благоразуміе запрещаетъ иностранной державѣ вмѣшиваться въ такіе деликатные вопросы; вліяніе, какое надѣются пріобрѣсти этимъ вмѣшательствомъ, сомнительно, а отвѣтственность безконечная.

Были ли внушенія изъ Вѣны, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Виллель считалъ нужнымъ употребить сильныя мѣры: была установлена строгая цензура; палата депутатовъ распускалась, и предписывались новые выборы въ ограниченный срокъ, чтобъ не дать оппозиціи времени принять свои мѣры; въ палату перовъ назначались 76 новыхъ членовъ. Но сильныя мѣры вызвали сильное сопротивленіе. Роялисты, противные министерству, соединились съ либералами, тайныя общества дѣйствовали неутомимо, кандидаты оппозиціи взяли верхъ на выборахъ, и 1828-й годъ начался во Франціи съ новымъ министерствомъ—Мартиньяка.

Эта перемѣна въ отношеніи къ внѣшней политикѣ Франціи была важна тѣмъ, что портфель иностранныхъ дѣлъ получилъ графъ Лафероннэ, считавшій нужнымъ для Франціи дѣйствовать за одно съ Россіею. Это было тѣмъ важнѣе, что въ Вѣнѣ обнаруживалась къ Россіи «дѣятельная и неутомимая ненависть». Здѣсь уже думали о томъ, какъ бы изъ Галиціи устроить польское королевство для герцога Рейхштадскаго (сына Наполеонова). Глава англійскаго кабинета, герцогъ Веллингтонъ относился къ Россіи не лучше австрійскаго канцлера: англійскій кабинетъ величалъ наваринскую битву событіемъ прискорбнымъ, пагубнымъ, неожиданнымъ. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ долженъ былъ предложить британскому кабинету продолжать дѣйствовать въ смыслѣ договора 6 іюля, не взирая на то, что Россія принуждена взяться за оружіе. Въ началѣ марта

1828 года онъ далъ знать своему двору, что не надѣется на успѣхъ своего предложенія, Англія отказывается отъ іюльскаго договора, хочетъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ и будетъ искать союзовъ на континентѣ. Въ Англіи давали такой оборотъ дѣлу, что Россія, объявивъ войну Портѣ, этимъ самымъ отказывалась отъ договора 6 іюля, вслѣдствіе чего предложили Франціи соединиться вмѣстѣ для исполненія договора, за *исключеніемъ Россіи*. Цѣль герцога Веллингтона состояла въ томъ, чтобъ изолировать Россію, завлечь Францію въ общее дѣло съ Англіею, присоединить потомъ къ себѣ Австрію и Пруссію, и когда всѣ эти державы привыкнутъ смотрѣть на себя какъ на членовъ одного союза въ противоположность Россіи, то дѣйствовать въ отношеніи къ ней смотря по обстоятельствамъ. Успѣхъ этой политики зависѣлъ отъ Франціи, которая разстроила дѣло, примѣнувши къ Россіи. Король Карлъ X говорилъ Поццо, что герцогъ Веллингтонъ ошибается, полагая возможнымъ исключить Россію изъ участія въ выполненіи іюльскаго договора, что участіе русскаго императора въ восточныхъ дѣлахъ во всякомъ случаѣ необходимо, и особенно теперь, когда русская двухсотъ-тысячная армія стремится въ сердце страны, о которой слѣдуетъ разсуждать; что Франція употребитъ всѣ усилія не порвать съ Англіею, но не отдалится никогда отъ Россіи; что война императора Николая противъ Порты—война справедливая, потому что султанъ нарушилъ договоры, на которыхъ печать еще не остыла; что онъ не думаетъ, чтобы Англія объявила войну Россіи, и если это несчастіе случится, то онъ, король, будетъ въ очень затруднительномъ положеніи, ибо, соединившись съ Россіею, онъ долженъ ждать, что всѣ удары падутъ на Францію, а она не въ состояніи будетъ отплатить тѣмъ же въ войнѣ чисто морской; но если Франція поставитъ себя въ независимое положеніе и будетъ продолжать дружественныя сношенія съ Россіею, будетъ готова принять участіе въ борьбѣ, смотря по событіямъ, то Англія призадумается. Поццо спросилъ: «Но если Австрія соединится съ Англіею противъ Россіи»? Король отвѣчалъ: «Тогда императоръ найдетъ во мнѣ искренняго друга и вѣрнаго союзника. Намъ нужно будетъ ввести Пруссію въ нашу систему, она много потянетъ на вѣсахъ, и Франціи будетъ чрезвычайно легко, если ей не придется воевать съ нею».

Осенью 1828 года, по Европѣ разнеслись слухи, что счастіе покинуло русскія войска въ Турціи. Меттернихъ уговаривалъ англійскій кабинетъ хлопотать, чтобъ втянуть Францію во враждебные замыслы противъ Россіи, объявлялъ, что берется вовлечь въ тѣже замыслы и Пруссію. Поццо объявилъ Лаферронэ, что

Меттернихъ замышляетъ посредничество и вмѣшательство другихъ державъ въ войну между Россіею и Турціею, но императоръ Николай никогда не допуститъ никакого посредничества или вмѣшательства. Лаферронэ отвѣчалъ увѣреніемъ, что Франція отвергнетъ всякое подобное предложеніе. Французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, герцогъ Мортемаръ находился въ русской арміи, и на возвратномъ пути черезъ Вѣну имѣлъ разговоръ съ австрійскимъ канцлеромъ. Меттернихъ спросилъ его, какое впечатлѣніе произвели на него русскіе генералы и русское войско вообще? Мортемаръ отвѣчалъ, что онъ получилъ о русскомъ войскѣ самое высокое мнѣніе. Меттернихъ сказалъ почти съ презрительною улыбкою: «Вы, французы, способны давать ослѣплять себя; положитесь на насъ, мы наблюдаемъ и знаемъ русскихъ сто лѣтъ,—ихъ сила, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо, только кажущаяся; потери ихъ неисчислимы, ихъ нельзя скоро и легко вознаградить». Французскому правительству Меттернихъ внушалъ, что для прекращенія восточной войны необходимо собрать конгрессъ изъ уполномоченныхъ отъ воюющихъ сторонъ и отъ главныхъ государствъ Европы; настоящія обстоятельства чрезвычайно благопріятны для того, чтобъ дѣйствовать на русскаго императора: русская армія въ полномъ разстройствѣ и разложеніи, физическомъ и нравственномъ, генералы и самъ императоръ упали духомъ, къ тому же между генералами рознь; турки, наоборотъ, усиливаются матеріально и нравственно, они зимою возьмутъ Варну, въ чемъ великій визирь поклялся своею головою, у него 150,000 войска для этого; въ будущую кампанію 300,000 турокъ бросятся на русскія владѣнія и уничтожатъ все на своемъ пути. Но когда это предложеніе о конгрессѣ стало извѣстно, Меттернихъ опять заперся, что никогда не дѣлалъ его.

Въ тоже время въ Лондонѣ и Вѣнѣ работали надъ другимъ планомъ—отвлечь Францію отъ Россіи: для этого считалось необходимымъ низвергнуть французское министерство и отдать власть снова въ руки Виллеля; въ этотъ планъ вошелъ и князь Полиньякъ, только не для того, чтобъ возвратить власть Виллелю, а чтобъ самому стать главою новаго министерства, или, по крайней мѣрѣ, получить портфель иностранныхъ дѣлъ. Полиньякъ, пріѣхавши въ Парижъ, пробовалъ склонить короля на соглашеніе съ Англіею и Австріею; но Карлъ X-й остался непреклоненъ, сказалъ ему прямо: «Я хочу остаться въ союзѣ съ Россіею; если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; но если Австрія нападетъ на Россію, то я сейчасъ же двину войско противъ Австріи. Быть можетъ, война противъ Австріи будетъ мнѣ полезна, потому что

прекратитъ внутреннія смуты и займетъ націю en grand, какъ она желаетъ».

Въ началѣ 1829 года, дружественнымъ отношеніямъ Франціи къ Россіи начала грозить большая опасность: Лаферронэ сильно занемогъ, долженъ былъ оставить свое мѣсто и уѣхать въ Ниццу. Расположеннаго къ русскому союзу министра иностранныхъ дѣлъ не было болѣе, а вліяніе герцога Веллингтона, проводимое чрезъ королевскаго любимца Полиньяка, усиливалось. Поццо замѣчалъ: «Среди этихъ личныхъ интересовъ и побужденій, греческое дѣло отдаляется на задній планъ, и люди, которые совѣтуются съ герцогомъ (Веллингтономъ) о томъ, какъ управлять Франціею, не станутъ добросовѣстно бороться съ нимъ, когда дѣло пойдетъ объ опредѣленіи границъ Греціи. Отъ этой запутанности, отъ этого ложнаго положенія проистекаютъ противорѣчія между обѣщаніями, которыя даны мнѣ въ Парижѣ и нерѣшительнымъ языкомъ французскихъ агентовъ въ Лондонѣ. Что касается національнаго чувства, то никогда не высказывалось оно такъ сильно въ пользу Россіи, какъ теперь. Роялисты, называющіе сами себя чистыми, и конгрегація высказались противъ насъ съ ожесточеніемъ и проповѣдуютъ ученіе Англіи и Австріи; достаточно было этой непонятной нелѣпости, чтобъ всѣ остальные стали за насъ».

Весною 1829 года, въ Лондонѣ, было рѣшено возобновить дипломатическія сношенія съ Портою, и посломъ въ Константинополь былъ назначенъ Робертъ Гордонъ; Франція послѣдовала примѣру Англіи и отправила въ Константинополь графа Гильеминò. Поццо представилъ королю, что еще недавно французскій кабинетъ былъ противъ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Портою; король отвѣчалъ: «Что же дѣлать? герцога Веллингтона нельзя было уговорить, онъ рѣшился отправить великобританскаго посланника въ Константинополь, и союзу былъ бы нанесенъ вредъ, еслибъ Франція не сдѣлала того же. Султанъ, окруженный интернунціемъ и англійскимъ посланникомъ, получалъ бы только такія извѣстія и внушенія, какія имъ было бы угодно ему дать; тогда какъ графъ Гильеминò можетъ не только наблюдать за ихъ поведеніемъ и за ихъ внушеніями, но, въ случаѣ нужды, можетъ ихъ сдерживать и противорѣчить имъ, такъ что представитель Франціи будетъ вмѣстѣ и представителемъ Россіи, и императоръ будетъ имѣть свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ въ оттоманской столицѣ, какъ будто бы онъ имѣлъ тамъ своего собственнаго агента». — Дѣйствительно Гильеминò получилъ инструкцію, что если султанъ откажется смотрѣть на посланниковъ англійскаго и французскаго какъ

одинаково уполномоченныхъ по греческому дѣлу и со стороны Россіи, то онъ, Гильеминò, долженъ сейчасъ же прервать сношенія съ Портою по этому дѣлу и дать знать объ этомъ королю, не позволяя Гордону ни подъ какимъ видомъ увлечь себя къ какому-нибудь другому рѣшенію. Гильеминò долженъ считать своею особенною обязанностію блюсти за интересами Россіи, помогать ея подданнымъ всѣми зависящими отъ него средствами; если онъ сочтетъ нужнымъ сообщить что-нибудь непосредственно въ Петербургъ, можетъ это сдѣлать, и наоборотъ, если императоръ Николай возложитъ на него какое-нибудь порученіе, не колеблясь обязанъ исполнить его.

Не видя возможности оторвать Францію отъ Россіи, изъ Вѣны начали внушать, что вниманіе государей должно быть теперь преимущественно обращено на Францію, которая находится наканунѣ революціи. «Я не понимаю герцога Веллингтона, говорилъ Карлъ X-й: онъ не перестаетъ мнѣ говорить, что война Россіи съ Турціею все перепутала; а я не перестаю ему отвѣчать, что войну началъ султанъ, что противное утвержденіе есть клевета, и лучшее средство покончить все какъ можно скорѣе и какъ можно справедливѣе—это заставить султана мириться съ императоромъ русскимъ: понятно, что при этомъ мирѣ онъ долженъ что-нибудь потерять, потому что война началась по его винѣ и потому что онъ слабъ; потомъ мы должны покончить между собой греческое дѣло и представить его въ Константинополь какъ уже окончательно рѣшенное. Безъ этого мы никогда не кончимъ и только будемъ все больше и больше запутываться. Князь Меттернихъ еще болѣе для меня непонятенъ: онъ бьетъ тревогу по всей Европѣ и представляетъ Францію какъ страну, находящуюся во власти революціи, а между тѣмъ самъ онъ содѣйствуетъ всѣми силами продленію двойной борьбы на востокѣ, тогда какъ нѣтъ лучшаго средства сдержать революціонеровъ, какъ возстановленіе мира, слѣдствіемъ котораго будетъ согласіе между правительствами, а слѣдствіемъ согласія—сила ихъ. Австрія сильно ошибется, если думаетъ извлечь выгоды изъ смутъ и событій, которыя она такъ любитъ предвидѣть и не заботится предупреждать. Если Австрія нападетъ на Россію, то я выдвину противъ нея 200,000 войска, и какъ только мы согласимся съ императоромъ Николаемъ, то предпишемъ законы всякому, кто вздумаетъ намъ противиться. Франція можетъ меньше бояться внутреннихъ безпорядковъ, чѣмъ думаютъ; она расплатилась страшно, но уже расплатилась, и впредь революціонные ужасы въ ней не повторятся. Въ австрійской монархіи все можетъ подверг-

нуться величайшей опасности, и незначительныя нововведенія будутъ настоящими революціями».

Тревожное состояніе палатъ и страны Карлъ X-й приписывалъ неспособности своихъ министровъ, которымъ не сочувствовалъ. Онъ воспользовался неудачею министровъ въ проведеніи закона объ управленіи департаментовъ и общинъ, чтобъ въ концѣ іюля 1829 года назначить своего любимца, князя Полиньяка, главою новаго министерства. Это назначеніе и было заговоромъ короля противъ себя и своей фамиліи», какъ выражались современники. Къ ненависти и презрѣнію, какія питали конституціонисты и либералы къ Полиньяку, присоединялось тяжелое чувство, что герцогъ Веллингтонъ могущественно содѣйствовалъ назначенію Полиньяка, и князь Меттернихъ не былъ тутъ безъ вліянія. Эта перемѣна французскаго министерства, разумѣется, не могла быть пріятна для Россіи; но Полиньякъ не былъ въ состояніи идти наперекоръ королю и общественному мнѣнію во Франціи, которое такъ рѣшительно высказывалось въ пользу Россіи. Притомъ, теперь, когда турецкое войско потерпѣло страшное пораженіе при Кулевчи, когда сдалась Силистрія, русскія войска перешли черезъ Балканы и заняли Адріанополь, теперь было поздно перемѣнять политику. Веллингтонъ спѣшилъ до заключенія мира между Россіею и Турціею покончить въ Лондонѣ дѣло о границахъ будущаго греческаго королевства, съ тѣмъ, чтобъ урѣзать ихъ; но Франція не согласилась на это. Вступленіе русскихъ войскъ въ Адріанополь покончило греческій вопросъ: Порта обязалась согласиться на все, что будетъ постановлено въ лондонской конференціи на счетъ Греціи.

С. Соловьевъ.

VII.

РУССКОЕ МАСОНСТВО

ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ.

Новиковъ и московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Лонгинова. Москва, 1867 г.

III.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, московское масонство понесло ударъ, который совершенно остановилъ его общественную дѣятельность и произвелъ подавляющее дѣйствіе на всѣхъ остальныхъ масоновъ. Но этотъ ударъ 1792 года, какъ мы уже замѣчали [1]), подготовлялся давно, и былъ не случайнымъ неудовольствіемъ власти, а напротивъ, постояннымъ недовѣріемъ, противодѣйствіемъ и враждой. Откуда шло это недовѣріе и вражда?

Явленія такого рода, какъ первоначальное процвѣтаніе, а потомъ паденіе новиковскаго кружка, явленія общественныя, кромѣ ближайшихъ причинъ, личныхъ взглядовъ и отношеній, въ которыхъ такъ часто ищутъ ихъ единственнаго объясненія, имѣютъ всегда свои болѣе отдаленныя и гораздо болѣе обширныя и важныя причины. Историки замѣчаютъ, что императрица лично не любила масоновъ, что ей непонятно и непріятно было это увлеченіе фантастикой, и что она уничтожила масонскую дѣя-

---

[1]) См. первыя двѣ статьи выше: т. II, отд. II, стр. 51 — 106; т. III, отд. II, стр. 1 — 59.

тельность Новикова, подозрѣвая въ ней политическую, враждебную ей тенденцію, — это правда: но до послѣднихъ событій она терпѣла эту фантастику; она боролась противъ нея самымъ правильнымъ и почетнымъ оружіемъ — литературнымъ; масоны были въ ея ближайшей обстановкѣ, и масонскій слухъ утверждалъ даже, будто она сама присутствовала тайнымъ образомъ въ ложѣ при посвященіи великаго князя Павла Петровича; — съ другой стороны, при слѣдствіи по дѣлу она должна была однако убѣдиться въ несостоятельности своихъ преувеличенныхъ опасеній, и тѣмъ не менѣе Новиковъ былъ осужденъ, и осужденъ несравненно тяжеле другихъ, потому что относительно его ближайшихъ товарищей удовольствовались коротким московскимъ допросомъ, ограничились приказаніемъ имъ жить въ своихъ деревняхъ, а Лопухина, участвовавшаго съ Новиковымъ въ тайномъ печатаніи масонскихъ книгъ, даже оставили въ Москвѣ.

Новиковъ естественно долженъ былъ казаться самой сильной личностью московскаго кружка и настоящимъ представителемъ направленія: если у другихъ (очень часто богатыхъ аристократовъ) масонство могло быть прихотью или модой, у него оно объяснялось только убѣжденіемъ (по мнѣнію императрицы, злонамѣренностью), — это и привлекло на него особенную бурю. Но масонство и вообще не имѣло подъ собой твердой почвы въ русскомъ обществѣ; такъ или иначе, ему трудно, даже невозможно было держаться: при императорѣ Павлѣ, который даже покровительствовалъ масонству и поднялъ всѣхъ масоновъ, гонимыхъ наканунѣ, ложи, какъ извѣстно, оставались однако въ бездѣйствіи; при Александрѣ онѣ открылись снова, масонство расширилось какъ никогда прежде, самъ императоръ смотрѣлъ на него благосклонно, но тѣмъ не менѣе, въ 1822 г., ложи были опять закрыты, и кажется уже навсегда.

Историческое объясненіе этихъ отношеній заключается въ томъ, что здѣсь встрѣчались двѣ различныя силы или начала, взаимное отношеніе которыхъ можетъ служить мѣркой внутренняго развитія общества, — начало авторитета или административной опеки и начало общественной самодѣятельности. Въ своемъ крайнемъ смыслѣ первое исключаетъ собою второе, какъ это и бываетъ въ обществахъ съ слабымъ внутреннимъ развитіемъ; и чѣмъ больше оба начала сближаются и чѣмъ больше развивается объемъ второго, тѣмъ больше общество, развивая внутреннія свои силы, становится способно къ прочному гражданскому процвѣтанію. Дѣятельность новиковскаго кружка, какъ мы не разъ замѣчали, именно представляетъ собой попытку общественной самодѣятельности въ томъ новомъ обществѣ, какое было создано

петровской реформой, и судьба этого кружка, какъ судьба цѣлаго русскаго масонства, служитъ указателемъ того положенія, въ какомъ стояло тогда это начало въ русской жизни.

Времена были еще крайне неблагопріятны для общественной самодѣятельности. Общество, въ старыхъ формахъ еще знавшее эту самодѣятельность (хотя только патріархальную и ограниченную), теперь забыло ее совершенно. При Екатеринѣ переживалъ самую блестящую эпоху тотъ старый общественный порядокъ, который основанъ былъ еще московской централизаціей и представлялъ крайнее развитіе правительственной опеки надъ всѣми функціями общественной жизни. Путемъ этой опеки происходила и петровская реформа, отъ чего она и пріобрѣла тотъ принудительный характеръ, за который осуждали ее славянофилы (какъ видимъ, не совсѣмъ справедливо виня въ этомъ одного Петра Великаго); эта опека усилила государство матеріальными средствами европейской образованности, и вѣкъ Екатерины былъ періодомъ ея высшаго блеска: окруженная славою побѣдъ, эта опека, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII-го столѣтія, направилась и къ нравственному улучшенію общества. Но это улучшеніе, какъ предполагалось, должно было исходить изъ того же только исключительнаго центра, который управлялъ внѣшней жизнью государства.

Стремленія правительственной опеки къ нравственному улучшенію общества (любопытнымъ памятникомъ которыхъ остался знаменитый «Наказъ») и постепенное развитіе самого общества, въ которомъ медленно, но прочно созрѣвало самосознаніе, сильно возбужденное реформой, — дѣйствительно породили въ обществѣ потребность нравственнаго улучшенія. Необходимое условіе дѣйствительнаго нравственнаго успѣха заключается въ самостоятельной работѣ общественной мысли, и если разъ эта работа начинается, отъ нея невозможно требовать, чтобы она слѣдовала исключительно чьей либо одной программѣ: напротивъ, она требуетъ себѣ извѣстнаго простора и свободы выбора. А здѣсь, въ положеніи русскаго общества второй половины XVIII-го вѣка, это условіе почти еще не существовало: этотъ просторъ и свобода выбора противорѣчили господствующему началу опеки, и потому первое несогласіе во взглядахъ, первое рѣшеніе того или другого вопроса, независимое отъ этого начала, должны были повести къ столкновенію, въ которомъ слабая попытка самодѣятельности должна была пасть. Такъ это и случилось съ масонствомъ.

Этотъ характеръ отношеній повторяется и во многихъ литературныхъ событіяхъ того времени. Не входя въ подробности,

припомнимъ журналы 60 — 80-хъ годовъ. Сатирическіе листки, появившіеся съ конца 60-хъ годовъ, уже скоро стали возбуждать неудовольствіе императрицы, потому что переступали границу, какую она предполагала для литературныхъ упражненій. Переписка фонъ-Визина съ авторомъ «Былей и Небылицъ» окончилась очевиднымъ неудовольствіемъ, и брюзгливый «дѣдушка», выведенный въ «Быляхъ» представителемъ старыхъ временъ, крайне раздраженъ на людей, которые стали разсуждать слишкомъ смѣло и «о всемъ мірѣ косо и криво пекутся». Обративши вниманіе на тонъ письма фонъ-Визина послѣ извѣстныхъ отвѣтовъ автора «Былей и Небылицъ» на его вопросы, мы достаточно поймемъ, что это уже переставало быть литературнымъ состязаніемъ, и — если мы не ошибаемся — письмо произвело въ Екатеринѣ только презрѣніе къ его автору [1]). Свободнаго выраженія мыслей, конечно, нельзя было и ожидать. При одномъ изъ своихъ отвѣтовъ фонъ-Визину, авторъ «Былей» замѣчаетъ: «сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли», (очевидно вовсе не поощряя этого свободоязычія); а на объяснительное письмо фонъ-Визина, просившее автора «Былей» обличать пороки, авторъ замѣчаетъ, что изъ «Былей» — «строго исключается все то, что не въ *улыбательномъ духѣ* и не по вкусу прародителя моего» (упомянутаго брюзгливаго «дѣдушки»), «либо скуку возбудить могущее» [2]). Понятно, что такая программа была весьма неблагопріятна для противорѣчій, особенно упорныхъ.

А такимъ упорнымъ противорѣчіемъ невольно, при всей осторожности, становилась издательская дѣятельность новиковскаго кружка. Характеръ этихъ изданій не подходилъ подъ программу; изданія выражали образъ мыслей, составившійся внѣ ея, и стремились (худо-ли, хорошо-ли) вызывать общество на серьезные нравственные вопросы. И они невольно должны были противорѣчить программѣ. Масонскія мнѣнія были непріятны императрицѣ, но масоны считали себя въ правѣ какъ держаться ихъ въ душѣ, такъ и излагать ихъ литературно, когда на нихъ не только не падало запрещенія, но масонство имѣло полную терпимость; понятно, что масоны считали долгомъ говорить то, что̀ казалось имъ самой истиной... Стѣсненія масонской дѣятельности начинаются съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ орденъ пересталъ быть игрушкой и началъ дѣлаться извѣстной нравственной силой;

---

[1]) Именно, если мы не ошибаемся, что къ этому автору относятся слова императрицы въ письмѣ къ кн. Дашковой: «le misérable travail qui soit évidemment de la plume de l'auteur des Questions» etc. Mémoires, Paris 1859, III, 127.

[2]) Соч. Екат. II-й, III, 31, 46, 57.

эту силу видѣли, но не понимали ея и давали ей превратный смыслъ: такъ напр., самъ орденъ положительно отказывался отъ всякой политической мысли, онъ настоятельно заявлялъ объ этомъ, — ему не хотѣли вѣрить.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія масонства. Было ли масонство полезно или вредно, вообще или въ частностяхъ, его положеніе въ русскомъ обществѣ было открыто всякимъ случайностямъ; потому что, какъ форма общественной иниціативы, оно еще не имѣло здѣсь никакихъ прочныхъ правъ существованія.

Переходя къ подробностямъ его послѣдней судьбы, мы увидимъ, что въ дѣло масонства замѣшивается много частныхъ обстоятельствъ, которыми историки обыкновенно и ограничивались, объясняя причины его паденія. Противъ ордена поднималось множество возраженій и обвиненій; но какъ ни былъ онъ страненъ и нелѣпъ въ его розенкрейцерской формѣ, нельзя не замѣтить, что эти обвиненія, исходившія изъ традиціонныхъ взглядовъ, часто не стояли съ нимъ въ уровень, и самыя разсудительныя воззрѣнія не могли казаться убѣдительными для масоновъ, — когда положеніе двухъ сторонъ было таково, какъ мы сейчасъ указывали, и когда масонство имѣло на своей сторонѣ право убѣжденія [1]).

Обыкновенной массѣ русскихъ людей масонство казалось вообще чѣмъ-то подозрительнымъ. Какъ новость, нарушавшая старину, оно порождало недовѣріе въ людяхъ постороннихъ, которые не могли понять его смысла. При Елизаветѣ, графа Головина формально допрашивали объ его масонствѣ; позднѣе, къ нему привыкли, императрица Екатерина спокойно смотрѣла на то, что сама окружена была масонами [2]), но въ массѣ общества оставалась таже подозрительность и вражда. Для людей стараго вѣка, «фармазонъ» былъ столько же ненавистенъ, какъ «волтеріянецъ», — хотя эти названія должны бы были означать людей весьма различныхъ категорій. Какъ понимали масоновъ въ извѣстномъ слоѣ общества, довольно видно изъ той «псалмы», о которой упомянуто выше: масоновъ обвиняли въ какомъ-то ужас-

---

[1]) Въ слѣдующемъ изложеніи мы не будемъ пересказывать всей исторіи паденія московскаго кружка; отсылая читателя къ изложенію фактовъ у г. Лонгинова, мы остановимся преимущественно на томъ, что у него объяснено недостаточно, или невѣрно, или не указано вовсе.

[2]) Между прочимъ, масонами были наприм. И. П. Елагинъ, Храповицкій, Мелиссино (онъ былъ даже основателемъ особой системы), Захаръ и Ив. Чернышевы, графъ Брюсъ, князь Н. В. Репнинъ, Воронцовъ, Строгановъ и т. д.

номъ нарушеніи общественныхъ правилъ, религіи и нравственности, — и ихъ имя было кличкой, возбуждавшей безсмысленную вражду. Люди, питавшіе этого рода вражду, конечно, просто не разумѣли, о чемъ идетъ рѣчь.

Другого рода нападенія на орденъ нашли себѣ мѣсто въ литературѣ.

Главное и почти исключительное мѣсто принадлежитъ здѣсь сочиненіямъ императрицы Екатерины; она нѣсколько разъ возвращалась къ этому предмету, и поданный ею примѣръ былъ, конечно, главнымъ поводомъ и къ литературнымъ выходкамъ противъ масонства у другихъ, напр. и у Державина. Первымъ нападеніемъ императрицы была брошюра въ нѣсколько страницъ подъ названіемъ: «Тайна противо-нелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая непричастнымъ оному»; она была издана въ 1780, хотя помѣчена 1759-мъ годомъ. Это — нерѣдко весьма остроумная пародія масонскаго ритуала, заключающая въ себѣ, во-первыхъ, «Извѣстіе» о началѣ противо-нелѣпаго, т. е. противнаго масонскимъ нелѣпостямъ, общества («общество сіе начало свое воспріяло въ то самое время, въ которое *общій разсудокъ* въ свѣтъ вошелъ», т. е. здравый смыслъ, esprit commun); во-вторыхъ «Обрядъ принятія»; и въ-третьихъ «Катихизисъ». Масонскимъ странностямъ въ этой пародіи постоянно противополагается здравый смыслъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«Ложа принятія должна быть комната, которая бы отнюдь не походила на *корчму*, а тѣмъ менѣе на *лавку площадныхъ врачей*», — первое намекаетъ на застольныя собранія масоновъ или, такъ называемыя, столовыя ложи, которыя были особенно въ ходу въ началѣ нашего масонства, какъ мы выше упоминали; второе указываетъ, вѣроятно, на символическія принадлежности ложи и масонскаго наряда, — хотя сравненіе, взятое не изъ русскихъ нравовъ, едва ли было мѣтко.

«Мушьи ножки, начерченныя мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки, или шалости, навсегда изъ оной изгнаны» — это намекаетъ, вѣроятно, на масонскій чертежъ, который для принятія новаго брата чертился мѣломъ на полу ложи и изображалъ масонскіе символы; этотъ чертежъ дѣлался также особо и его просто клали на полъ; это — такъ называемый «коверъ» (tapis).

«Принимаемый входитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя *глазъ завязанныхъ* и во *всей одеждѣ*, для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть *обнаженнымъ*», — масонскій ритуалъ въ обрядѣ принятія требовалъ завязыванья глазъ принимаемому и обнаженія груди и одного колѣна.

Далѣе, принимаемаго подводятъ къ начальнику противо-нелѣпаго общества, даютъ ему вынимать изъ корзины разныя тетради и спрашиваютъ его мнѣнія объ ихъ содержаніи. Принимаемый находитъ въ корзинѣ (конечно, брошенныя туда противонелѣпыми людьми по негодности) тетради, пародирующія масонскую мудрость, церемоніи и костюмы: «сказка о кикиморахъ, о бабѣ Ягѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка, и коими надъ людьми издѣваются»; дальше: «шарлатанство, двадцать разъ объ одномъ повторяемое, которое болѣе ни къ чему не служитъ, какъ только къ ежедневному умноженію числа въ обманъ вдающихся»; «болтанье и дѣтскія игрушки сколь скучныя, столь отвратительныя; маскарады и смѣшныя украшенія всякаго рода, всякія нелѣпости, съ вопросами и отвѣтами, имъ подобными». Принимаемый на все отвѣчаетъ, что это скучно, нелѣпо и «скаредно»...

Затѣмъ начальникъ объясняетъ новопринятому: «Государь мой! наше общество *не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ;* — мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависитъ число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ ими бѣднымъ людямъ, которые съ нами *въ одной землѣ живутъ*. Не забывайте никогда, что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть *мечтанія*, а разумъ вдаваться въ *небылицы*».

Въ «Катихизисѣ» начальникъ и принимаемый между прочимъ говоритъ такъ:

Вопросъ. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?

Отвѣтъ. Въ жмурки.

В. Одни ли малыя дѣти въ сію игру играютъ?

О. Малыя и также большія...

В. Кто таковы большія дѣти, о коихъ вы сказали?

О. Тѣ, кои безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются...

В. Что противополагается общему разсудку и правиламъ прямаго разсужденія?

О. Химеры, привидѣнія и изступленія.

В. Что противополагается строгой точности?

О. Пустыя и неясныя слова...

В. Что такое есть, которое въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?

О. Необычайныя и странныя тѣлодвиженія. (Подъ этимъ послѣднимъ разумѣются различные условные пріемы и тѣлодвиженія,

по которымъ масоны узнавали другъ друга, и которые употреблялись въ ложахъ при разныхъ обрядахъ).

Эта пародія вполнѣ выражаетъ взглядъ императрицы на масонство: ей не нравилась его фантастика, туманность и внѣшнія странности; ей не нравилось и то, что масоны посылаютъ деньги чужестранцамъ,—тогда какъ члены противо-нелѣпаго общества помогаютъ бѣднымъ, живущимъ съ ними въ одной землѣ. Но пародія по разнымъ причинамъ могла однако не достигать своей цѣли: она всего больше выражала личную антипатію, за внѣшней обстановкой предмета насмѣшки мало замѣчала его внутренній смыслъ, въ которомъ и была сущность дѣла. Пародія оставалась бездоказательна.

Кто доказалъ тогда нашимъ масонамъ, что орденъ есть только игрушка и произвольная выдумка? Они знали, напротивъ, что ему придается высокій авторитетъ; что онъ имѣетъ множество послѣдователей въ Европѣ, между людьми, которыхъ они могли считать не легко способными вдаться въ пустой обманъ; что многіе изъ государей Европы были его членами и оказывали ему покровительство. Орденъ, какъ учрежденіе, по ихъ мнѣнію, чрезвычайно древнее и закрытое для профановъ, могъ, естественно, имѣть свои внѣшнія отличія, обстановку и символы; они могли казаться смѣшны для постороннихъ, но это не лишало ихъ внутренняго значенія. Это символическое значеніе было исполнено нравственнаго смысла, превышавшаго ходячую мораль. Наконецъ, и обличеніе въ посылкѣ денегъ чужестранцамъ могло не имѣть для масоновъ никакой силы, когда они могли указать на гораздо бо̀льшія деньги, которыя отдавались такимъ же чужестранцамъ за пустую модную роскошь, или которыя тратились для поощренія «безбожныхъ» писателей, ненавистныхъ тогда не однимъ масонамъ, — какъ Вольтеръ или Дидро.

Приравнивая масоновъ къ малымъ дѣтямъ, а ихъ легенды къ ребячьимъ сказкамъ, пародія такъ развиваетъ еще этотъ аргументъ:

Вопросъ. Какія сказки кормилицы сказываютъ дѣтямъ?

Отвѣтъ. Сказки о домовыхъ дѣдушкахъ и о кикиморахъ.

В. Забавны ли онѣ или нравоучительны?

О. Никакъ; онѣ наводятъ лишь зѣвоту, — и все тутъ.

В. Что дѣлали въ такихъ случаяхъ благоразумныя воспитательницы въ половинѣ осьмаго-на-десять столѣтія?

О. Они *запрещали сказывать сказки* о кикиморахъ и проч.

Очевидно, что это еще меньше разрѣшало вопросъ. Во-первыхъ, зачѣмъ запрещать, если сказки наводятъ лишь зѣвоту, а другой опасности не представляютъ? во-вторыхъ, если можетъ

быть благоразумной педагогической мѣрой запрещеніе нескладныхъ сказокъ маленькимъ дѣтямъ, то для нѣсколько взрослыхъ дѣтей одни запрещенія, какъ извѣстно, цѣли не достигаютъ: они заставляютъ только дѣлать запрещаемое тайкомъ,—что бываетъ еще хуже, потому что вводитъ недовѣріе и лицемѣріе. Для большихъ дѣтей нужны объясненія, а такого объясненія, или иного направленія своихъ нравственныхъ потребностей наши масоны, къ сожалѣнію, не получали. Ихъ не доставляла и пародія.

Въ томъ же тонѣ написаны и три комедіи императрицы Екатерины противъ масонства, теософіи, духовидѣнія и магнетизма. О комедіяхъ «Обманщикъ» и «Обольщенный» (обѣ 1785), сама императрица пишетъ къ Циммерману: «Первая весьма живо представляетъ Каліостро (коего я никогда не видывала, ни его жены, хотя она здѣсь и была), а другая — имъ обманутыхъ». Третья комедія была «Шаманъ Сибирскій» (1786), для которой, по словамъ самой императрицы, послужила основой статья Энциклопедіи Théosophes.

Императрица не разъ говоритъ объ этихъ комедіяхъ въ письмахъ къ Циммерману, которому она посылала ихъ переводы. Циммерманъ игралъ тогда роль esprit fort, человѣка безъ предразсудковъ; въ статьѣ своей противъ страсбургскихъ магнетизеровъ онъ упоминаетъ о сибирскихъ шаманахъ и пишетъ императрицѣ комплименты по поводу ея комедіи. «Я очень рада,— отвѣчаетъ она,—что вы хорошо отзываетесь о «Сибирскомъ Шаманѣ», ибо и сама очень люблю сію піесу, но опасаюсь, что она никого не исправитъ. Нелѣпости стойки; содержащіяся же въ сей піесѣ сдѣлались модными. Большая часть *нѣмецкихъ принцовъ* думаютъ, что слѣпо предаваться симъ фиглярствамъ принадлежитъ къ искусству жить въ свѣтѣ... Сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками»[1]... Описывая татарскихъ имамовъ, видѣнныхъ ею въ Крыму, она замѣчаетъ: «Между ними есть такіе люди, кои вертятся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: алла гюе; такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно не очень далеки отъ *шамановъ сибирскихъ* и *нѣмецкихъ*»... О первыхъ двухъ комедіяхъ императрица пишетъ къ Циммерману: «Наша публика весьма полюбила сіи двѣ піесы, которыя и въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Я для того къ вамъ сіе пишу, чтобъ вы знали, какъ

[1]) Въ этомъ случаѣ она могла между прочимъ разумѣть И. П. Елагина и графа А. С. Строганова (Лонг. 133; Держав., изд. Грота I, 245). И тотъ и другой были извѣстные масоны.

здѣсь обходятся съ *иллюминатами*. Говорятъ, что Германія ими наполнена, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями»... Наконецъ, въ письмѣ 1788 г.: «Думаю, что ученики Каліостровы столь же безопасны, какъ и Магометовы... это—секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ» [1]).

Комедіи императрицы достаточно извѣстны, и мы извлечемъ изъ нихъ только обвинительные пункты. Сибирскій шаманъ, вывезенный въ Петербургъ, возбуждаетъ въ столицѣ великое удивленіе: онъ колдуетъ, угадываетъ людскіе характеры по чертамъ лица, лечитъ мудреныя болѣзни, и т. п. Благоразумное лицо комедіи, выведенное, по обычаю, и здѣсь, разсуждаетъ обо всемъ этомъ такъ: «*глупость* и *невѣжество* вездѣ видитъ колдовство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится». Комедія есть pièce d'intrigue, и шаманъ играетъ роль, какую исполняетъ во французскихъ комедіяхъ ловкій интриганъ-слуга: онъ соединяетъ любящія сердца и этимъ дѣлаетъ собственно хорошее дѣло. Но порокъ долженъ быть наказанъ, и къ этой интригѣ придѣланъ криминальный конецъ: шамана берутъ подъ стражу. Вина его въ томъ, что онъ выманивалъ деньги у легковѣрныхъ, завелъ шаманскую школу, и, между прочимъ, устроилъ слѣдующее: «Сказываютъ, будто онъ у какой-то купеческой вдовы выманилъ денегъ и обѣщалъ ей показать мужа на яву; и для того приводилъ къ ней два дни сряду нарочно-наряженныхъ бородачей, коихъ она, испугавшись, приняла за мертваго сожителя»,— и этотъ обманъ потомъ открылся. Не знаемъ, до какой степени виноватъ былъ шаманъ въ чужой глупости; по крайней мѣрѣ, онъ не самъ пріѣхалъ изъ Сибири въ столицу, — его вывезли другіе, и, собственно говоря, они также должны бы быть въ отвѣтѣ, но казнь пала на одного шамана; и приключеніе съ купчихой до того исполнено комизма, что, если и другія преступленія шамана были похожи на это, то авторъ едва ли бы не лучше достигъ своей цѣли (исправленія нравовъ), если бы оставилъ дѣло на почвѣ смѣшнаго, а не сводилъ его на почву уголовнаго суда, и кромѣ шамана занялся и купчихой. Съ уголовнымъ судомъ комизмъ прекращается.

Въ «Обманщикѣ» комедія опять не выдерживаетъ своей роли и обращается къ уголовному суду. Лицо, изображающее Каліостро, говоритъ мистическій вздоръ, бесѣдуетъ съ духами, варитъ золото хозяину дома (гдѣ его дружески приняли), и для этого от-

---

[1]) Соч. Екатер., Смирд. III, 443, 451, 456. Мы упоминаемъ дальше о смѣшеніи масоновъ съ иллюминатами, которое дѣлаетъ императрица, говоря о своихъ комедіяхъ противъ масонства.

бираетъ у хозяина настоящее золото и алмазы, и съ ними исчезаетъ. Въ концѣ комедіи полиція однако изловливаетъ его и отдаетъ въ руки правосудія.

Въ «Обольщенномъ» можно, кажется, видѣть всего больше подробностей, принадлежащихъ собственно русскому масонству. Главное лицо комедіи, Радотовъ, есть именно мартинистъ, какъ ихъ тогда вообще представляли. Радотовъ ведетъ себя странно. Жена его боится, чтобъ онъ не сошелъ съ ума: онъ говоритъ не такъ, какъ другіе; въ мысляхъ есть связь, но они странны. На вопросъ, не жалуется ли онъ на болѣзнь, жена отвѣчаетъ: «боли всякой онъ весьма радъ, какъ собственно своей, такъ и людей постороннихъ», потому что, по словамъ его, «болѣзнь есть благое самое состояніе» (указаніе на мистическій аскетизмъ, какой былъ и у нашихъ масоновъ). Дальше: «На прошедшей недѣлѣ пропали у насъ часы со стола, у меня табакерка; пришли ему про то сказать; онъ съ улыбкою молвилъ только: хорошо, кому ни есть годятся» (мы упомянемъ дальше подобные разсказы о другѣ Новикова, Гамалѣѣ). «Онъ уклоняется отъ того, что намъ кажется хорошо, весело, пріятно; равномѣрно и отъ людей и дѣлъ». Началось это съ нимъ — «съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ былъ въ отпуску: на дорогѣ, что-ли, встрѣтился съ какимъ-то человѣкомъ, котораго онъ привезъ сюда; съ нимъ онъ запершись сидитъ долго, и приводятъ къ нему еще нѣсколько людей, коихъ имена и состояніе *мало* кому *извѣстны*. Одѣты они *дурно*, говорятъ языкомъ невразумительнымъ, лицами блѣдны, отъ *голода*-ли то не вѣдаю; но когда съ нимъ обѣдаютъ, тогда для нихъ вдвое пить и ѣсть изготовить надлежитъ».

Благоразумное лицо комедіи говоритъ о немъ такъ: «Я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои *давно* въ свѣтѣ *извѣстны*, что найти *нѣтъ возможности*, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ суемудрія... Похоже на то (что онъ бредитъ), ибо онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ нивись что: домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ *разумный свѣтъ* прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго *смѣется*... голову свернули ему кабалическія старыя бредни; для разобранія какихъ-то цыфровъ досталъ онъ еврейскаго учителя, котораго онъ почитаетъ за весьма великаго знатока... сей бѣдный жидъ *потаенно* здѣсь торгуетъ въ лоскутномъ ряду».

Нелѣпостями Радотова заражена и его дочь. Бабушка ея разсказываетъ: «Пришла ко мнѣ въ горницу внука моя Тансія, увидѣла на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ цвѣтами; она

начала цѣловать листочки; я спросила: на что? она на то сказала, что на каждомъ листѣ душекъ обитаетъ!... и будто на булавошномъ концѣ нѣсколько тысячь умѣщается!... Я *отъ страха обмерла!*... вѣкъ чего мы *боялись!*... предковъ нашихъ *въ ужасъ приводило*... отъ чего *отплевывались*... съ тѣмъ нынѣ *самовольно* окружаются! и щенки уже возятся!.. развращеніе вѣдь это сущее!»

Наконецъ, еще одна черта: «Они въ намѣреніи имѣютъ *потаенно* заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: *школы, больницы* и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ», на что одно изъ благоразумныхъ лицъ комедіи замѣчаетъ: «Дѣла такого роду на что производить *сокровенно?* когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства». Тоже лицо выражается вообще относительно масонства: «Колико отдаляется въ жизни кто отъ *принятыхъ* уже повсюду *правилъ*, толико приближается онъ къ *колобродному воображенію*».

Изъ приведенныхъ выписокъ достаточно опредѣляется тенденція и этой, и другихъ комедій. Сюжетъ и здѣсь сводится опять къ тому же мотиву, именно къ воровству-мошенничеству, которое въ концѣ комедіи открывается и наказывается уголовнымъ порядкомъ. Сравнивая содержаніе комедіи съ общественнымъ явленіемъ, изображеніе котораго было ея цѣлью, мы найдемъ, что комедія переступила мѣру: она слишкомъ явно хотѣла уронить масонство и представить его въ пошломъ видѣ; комическая сила изчезаетъ за очевиднымъ раздраженіемъ автора. Свести масонство почти на одно разбиваніе бауловъ съ деньгами и нескладный «сунбуръ» въ рѣчахъ было слишкомъ большимъ преувеличеніемъ. Масонство состояло не въ одномъ этомъ, и не люди «неизвѣстнаго состоянія» были его заводчиками: если въ нашемъ масонствѣ и появлялись чужіе авантюристы въ родѣ Розенберга, Шредера, Дю-Боска и т. п., то первоначально или рядомъ съ этимъ свои люди изъ высшей аристократіи сами пускались въ ревностные поиски за масонствомъ, какъ напр. упомянутые русскіе друзья Сенъ-Мартена, Воронцовъ, Репнинъ, Скавронскій, Голицыны, Кошелевъ и проч., которые сами интересовались Сенъ-Мартеномъ и сами искали его... Мы упоминали выше, какимъ ревностнымъ искателемъ «истиннаго» масонства былъ П. И. Репнинъ. Далѣе, на сколько нравственныя стремленія масонства отступали отъ *принятыхъ* уже *правилъ*, мы видѣли выше въ исторіи личныхъ понятій Новикова, и видѣли, что эти отступленія неизбѣжно вызывались болѣе высокими нравственными требованіями, какимъ не удовлетворяла принятая мораль; масон-

скій аскетизмъ, какъ мы увидимъ дальше, въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже доходилъ до отрицанія крѣпостного права. Дальше, масонская фантастика сама по себѣ, конечно, не можетъ быть оправдана, но о ней нельзя судить безотносительно. Возьмемъ для примѣра приведенныя слова бабушки о сущемъ развращеніи ея внучки. Какую мысль хотѣлъ выразить авторъ комедіи въ этихъ словахъ? Повидимому, «развращеніе» состоитъ только въ томъ, что бабушка, какъ женщина стараго вѣка, просто суевѣрно боялась даже говорить о такихъ вещахъ, — встарину боялись такими разговорами накликать нечистую силу. Если внучка уже смѣло говоритъ о духахъ, то это былъ уже нѣкоторый успѣхъ,— конечно, еще плохой, но, во всякомъ случаѣ, новое поколѣніе здѣсь вовсе не хуже стараго. «Разумный свѣтъ», правда, смѣялся надъ такими ребячествами (замѣтимъ притомъ, надъ ребячествами не только внучки, а еще больше самой бабушки); но мы уже упоминали, что средства русскаго образованія были, къ сожалѣнію, вовсе не такъ велики, чтобы отъ массы общества можно было съ какимъ нибудь правомъ требовать свободы отъ суевѣрій и предразсудковъ; и кромѣ того, когда мысль русскаго человѣка выходила въ подобныхъ же случаяхъ изъ своей старой колеи, то самъ авторъ «Былей и небылицъ» былъ недоволенъ, что этотъ человѣкъ проявляетъ свойства, которыхъ «наши предки не имѣли».

Новое поколѣніе было однако гораздо лучше стараго въ томъ, что все-таки думало объ учрежденіи школъ, больницъ и т. п. Благоразумное лицо комедіи и здѣсь упрекаетъ масоновъ за то, что они дѣлаютъ это *потаенно*. Это обвиненіе не вполнѣ точно: масоны, конечно, окружали свое общество таинственностью (хотя и эта таинственность, по словамъ самой императрицы, похожа была на театральную тайну, о которой говорятъ такъ, что всѣмъ слышно, и кромѣ того эта тайна во многихъ книгахъ напечатана), но учреждать *потаенно* больницы и школы — очень мудрено, и наши масоны, напротивъ, дѣлали это совершенно открыто: школы не только не были потаенныя, но объ нихъ печаталось во всеобщее свѣдѣніе; московскія учрежденія масоновъ существовали самымъ оффиціальнымъ образомъ.

Наконецъ, извѣстная доля этихъ обвиненій была уже разъяснена самими масонами. Мы уже говорили, что масса общества питала предубѣжденіе противъ нихъ; масоны знали о расположеніи императрицы, и еще до появленія комедій воспользовались для своей защиты апологіями ордена, являвшимися въ западной литературѣ масонства. Такова «Апологія», изъ которой мы уже приводили отрывки; по мнѣнію масоновъ, она, вѣроятно,

достаточно опровергала обвиненія, какія взводились на нихъ съ общественно-политической точки зрѣнія. Мы приведемъ ея главнѣйшіе аргументы [1]).

Упомянувши сначала разныя неблагопріятныя мнѣнія, существовавшія тогда объ орденѣ, и сказавши о дѣйствительныхъ недостаткахъ нѣкоторыхъ братьевъ и «ложныхъ масоновъ», авторъ берется однако защищать орденъ отъ обвиненій несправедливыхъ, и ведетъ защиту почти такъ:

— Масоновъ обвиняютъ, что они скрываютъ свое ученіе въ тайнѣ, что, поэтому, ихъ тайна есть, вѣроятно, «тайна злобы»; что такъ какъ правительство не знаетъ этой тайны, и масонское общество существуетъ безъ разрѣшенія правительства, то оно составляетъ государство въ государствѣ и слѣдовательно не должно быть терпимо. Авторъ отвѣчаетъ на это, что тайна есть не въ одномъ масонствѣ, и одна тайна не можетъ ничего говорить противъ ордена: государственные люди также имѣютъ и скрываютъ свои тайны, и ихъ никто однако не винитъ; и масоны употребляютъ тайну потому, что не всѣмъ людямъ доступно ученіе подобное ихъ ученію, и тайна нужна именно для того, чтобы сохранить его въ чистотѣ. Масоновъ вовсе нельзя упрекнуть въ томъ, что они составляютъ status in statu, — какъ можно было упрекнуть въ этомъ іезуитовъ; — это, конечно, самое опасное и вредное обвиненіе для ордена, но оно положительно опровергается тѣмъ, что въ орденѣ находятся самые важные государственные люди, и даже самые государи (какъ, напримѣръ, императоръ Францъ), которые, конечно, не могутъ быть врагами государству; притомъ братья обязываются повиноваться государственной власти, что̀ должно было бы освободить ихъ отъ подозрѣній.

— Масонамъ говорятъ, что ихъ общество безполезно, что каменьщики строятъ уже давно, по ихъ счету чуть не съ сотворенія міра, но еще никогда ничего не выстроили, слѣдовательно государству эти люди безполезны и оно имѣетъ право изгонять ихъ. Авторъ отвѣчаетъ, что мудрено судить о томъ, о чемъ нѣтъ свѣдѣній, и что глухіе считаютъ безполезными музыкантовъ, а слѣпые живопись. Противъ масоновъ существуетъ предубѣжденіе, и это самое заставляетъ ихъ скрываться; люди предубѣжденные не хотѣли признавать и явныхъ хорошихъ дѣлъ масонства, ко-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что эта «Апологія», изданная безъ имени автора, принадлежитъ одному изъ самыхъ крупныхъ интригановъ нѣмецко-русскаго масонства, извѣстному оберъ-гофъ-предигеру Штарку, о которомъ мы скажемъ дальше. Но это не дѣлаетъ разницы въ содержаніи аргументовъ, которые были довольно общими у масоновъ.

торыя были, однако, оцѣнены тамъ, гдѣ масоны могутъ существовать открыто, именно въ Англіи и Швеціи. Достаточно, если орденъ улучшаетъ своихъ собственныхъ членовъ, которые продолжаютъ принадлежать государству; этимъ орденъ и приноситъ свою пользу.

— «У васъ», говорятъ масонамъ, «сборище *всякихъ* людей, состояній, возрастовъ, народовъ и ремеслъ. Таковая смѣсь нельзя, чтобъ не колебала отъ Бога и натуры основанной порядокъ и наблюдала точно законъ каждаго, и сонмище ваше тѣмъ опаснѣе, что оно покрываетъ всю землю». Мы привели выше разсужденіе «Апологіи» о религіозной терпимости, защищающее орденъ относительно «всякихъ вѣръ». Авторъ говоритъ дальше, что еслибъ орденъ держался относительно «состояній» противоположнаго правила и принималъ не всякихъ людей, а только, напримѣръ, однихъ государственныхъ людей, однихъ военныхъ, однихъ мѣщанъ, духовныхъ или однихъ «подлыхъ» людей и т. д., то изъ этого еще легче было бы составить ужаснѣйшія обвиненія въ вещахъ, опасныхъ для государственнаго спокойствія, въ заговорахъ, ересяхъ и т. п. Еслибы въ орденъ принимались одни молодые люди, или также принимались женщины, то явились бы обвиненія въ развратѣ и пр. Главное же основаніе этого масонскаго обычая въ томъ, что масонство не снимаетъ съ человѣка никакихъ его общественныхъ обязанностей, и онъ, будучи въ орденѣ, остается гражданиномъ по прежнему.

Объ этихъ общественныхъ отношеніяхъ «Апологія» говоритъ наконецъ слѣдующимъ образомъ:

«Можетъ быть и уволятъ насъ наконецъ противники наши отъ такого порицанія, но порядокъ, скажутъ, въ обществѣ таковымъ смѣшеніемъ нарушается.

«Было бы такъ, естьли бы обязательства наши освобождали насъ отъ прочихъ обязательствъ. Государь и начальникъ не рушитъ своихъ обязательствъ. Внѣ ложи онъ остается таковымъ, и сынъ, подданный и слуга не забываютъ должностей своихъ. Обязательства ордена обязываютъ ихъ къ бо́льшей приверженности, повиновенію и вѣрности внѣ ложи. Не разрушаетъ орденъ союзъ должностей свѣтскихъ, и порядка, Богомъ установленнаго, не колеблетъ. Знаемъ мы, сколь сей нуженъ; не колеблетъ, но паче утверждаетъ. Для чего не дѣлали такихъ укоризнъ первому христіанскому обществу, кое не меньше изъ разнаго рода людей, возраста и пола состояло, и котораго члены также братьями именовались?» (стр. 116).

Какія бы побужденія ни руководили самимъ авторомъ этой защиты, но наши масоны (какъ мы убѣдимся въ этомъ дальше

изъ свидѣтельствъ Лопухина) принимали эти аргументы съ искреннимъ простодушіемъ, и могли выставлять ихъ доказательной защитой своего общества: то, что писали потомъ они сами (какъ Лопухинъ, И. П. Тургеневъ), вращалось въ томъ же кругѣ понятій. Наше масонство, какъ и все тогдашнее масонство, имѣло слишкомъ много слабыхъ сторонъ, но въ числѣ ихъ не была ни предвзятая злонамѣренность, ни добровольное дурачество: въ своей фантастикѣ оно было только слишкомъ легковѣрно, — противъ чего, какъ мы сказали, тогдашнія средства русской образованности не давали достаточнаго оружія.

Мы упомянемъ еще два-три литературные факта, заявляющіе оппозицію масонству со стороны общества. Эти факты, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ о безпомощности тогдашней русской литературы относительно вопросовъ, затронутыхъ масонскимъ движеніемъ, относительно его нравственныхъ требованій, фантастики и наклонностей къ обскурантизму. Эта полемика крайне незначительная и почти вся чужая.

Въ 1784 г. вышла книжка «Масонъ безъ маски»[1]), имѣвшая цѣлью осмѣять орденъ; но средство было выбрано не совсѣмъ удачно. Книжка, очевидно, англійскаго происхожденія, но переведена съ французскаго. Авторъ представляетъ себя бывшимъ масономъ; онъ бросилъ общество, потому что нашелъ въ немъ одни ребяческіе обряды, скрывающіе за собой праздное препровожденіе времени: ложу онъ представляетъ клубомъ, куда люди собираются пить портеръ и толковать о политикѣ, о вѣрѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Онъ подробно описываетъ обряды (низшихъ степеней), осмѣивая масонскія хитрости, употребляемыя съ цѣлью производить впечатлѣніе на новичка. Въ предисловіи и въ самой книгѣ онъ издѣвается надъ масонствомъ, но рядомъ съ этимъ говоритъ о немъ совсѣмъ иныя вещи. Напримѣръ, въ началѣ онъ даетъ такое понятіе объ орденѣ: «Масонство было прежде сего собраніе *людей избранныхъ*, которыхъ дружба соединяла и поощряла взаимную подавать помощь другъ другу въ нуждахъ, а *нынѣ* оное не иное что есть, какъ общество такихъ людей, кои любятъ роскошь и пиры и кои пріемлются безъ всякаго разбору въ состояніи или достоинствѣ... Пріятно бы было, естьли бы исторія сохранила намъ имя того человѣка, который первый положилъ камень во основаніе сего обширнаго зданія. Сей человѣкъ, коему

---

[1]) Полное заглавіе ея: «Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно. Въ Санктпетербургѣ 1784 года, печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга». VII стр., 3 нечум. и 114 стр.

должно *приписывать* по справедливости *безсмертіе*, имѣлъ просвѣщенной разумъ и чистое сердце. Онъ усмотрѣлъ, что всѣ люди равны и что ничего не достаетъ къ ихъ благополучію, какъ токмо, чтобы они сами хотѣли онаго достигнуть чрезъ взаимную и искреннюю любовь. И поелику страсти человѣческія и достоинства (т. е. различіе общественныхъ положеній) препятствуютъ успѣху нашего благополучія, то онъ надѣялся, изгнавъ оныя, возвратить прежнюю неповинность, и выдумалъ на сей конецъ систему, которой идею по моему мнѣнію взялъ онъ изъ Платоновой системы» (стр. 1—6). Въ своемъ современномъ масонствѣ авторъ находитъ много недостатковъ, но самъ называетъ ихъ «печальнымъ злоупотребленіемъ», «слѣдствіемъ слабости человѣческой и нещастія временъ». Понятно, что такое осужденіе масонства не могло сильно мѣшать ему; книжка описывала *чужіе* недостатки и высоко цѣнила самую сущность масонства; наши масоны также находили сами недостатки въ орденѣ и осуждали «ложныхъ» братьевъ...

По характеру тогдашней литературы естественно ожидать, что пьесы императрицы, показывавшія ея нерасположеніе къ масонству, вызовутъ услужливыхъ подражателей. Въ 1786 г. явилась комедія неизвѣстнаго автора: «Мнимый мудрецъ», — пьеса совершенно ничтожная, гдѣ выводится обманщикъ-алхимистъ, который учитъ «самопознанію» (намекъ на книгу Іоанна Масона), приводитъ въ своихъ рѣчахъ цѣлыя тирады изъ книги «О заблужденіяхъ и истинѣ» и печатаетъ ихъ курсивомъ, чтобы читатель какъ нибудь не проглядѣлъ мѣстъ, долженствовавшихъ быть извительными; благоразумное лицо опять обличаетъ обманъ и т. д. Какого разбора это произведеніе — говорить нечего. Мы не станемъ упоминать другихъ нападеній на масонство, явившихся около этого времени [1]), и упомянемъ развѣ только о стихахъ Державина. Какъ извѣстно, Державинъ не любилъ масонства, и въ своихъ восхваленіяхъ императрицы, онъ не забываетъ упомянуть:

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ, —

т. е. въ масонскія ложи; въ одѣ «На Счастіе» онъ колетъ мартинистовъ стихомъ:

Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились; —

[1]) См. нѣкоторыя указанія у Лонг., стр. 258, прим.

но эти и подобныя выраженія не даютъ основанія предположить у Державина возможность дѣйствительной, сознательной оппозиціи противъ мартинизма, т. е. предположить, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ выше мартинистовъ по своимъ понятіямъ. Названіе «мартышекъ» взято было изъ чужихъ рукъ, именно, изъ комедій императрицы Екатерины. Его собственныя метафизическія понятія не отличались особенной ясностью, и насмѣшки надъ масонствомъ не помѣшали ему потомъ писать натянутыя оды на мальтійскій орденъ, впослѣдствіи извѣстнымъ образомъ смѣнившій собою масонство.

Собственно говоря, единственнымъ дѣйствительнымъ возраженіемъ противъ масонской фантастики явилась въ тогдашней литературѣ любопытная книга, происхожденіе которой до сихъ поръ не разъяснено. Это — «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ» или опроверженіе знаменитой книги Сенъ-Мартена, составленное будто бы обществомъ одного губернскаго города и напечатанное будто бы въ Тулѣ [1]). Г. Лонгиновъ уже давно предположилъ здѣсь мистификацію и думалъ, что книга обязана своимъ происхожденіемъ иниціативѣ правительства. Это болѣе чѣмъ вѣроятно. «Изслѣдованіе» весьма обстоятельно разсматриваетъ книгу Сенъ-Мартена, опровергаетъ ея вздорную мистику научными фактами, обличаетъ ея «каббалистическое вранье», пустую таинственность и самохвальство. Это было именно такое оружіе, какимъ и слѣдовало сражаться противъ масонскаго мистицизма, и было бы пріятно думать, что губернское общество того времени могло обнаружить такую ясность понятій и такое количество свѣдѣній, какія видны въ этой книгѣ. Предисловіе разсказываетъ, что издатели думали выдать книгу еще раньше (предисловіе въ читанномъ нами экземплярѣ дѣйствительно имѣетъ видъ припечатаннаго къ книгѣ послѣ), говоритъ о появленіи и успѣхѣ книги Сенъ-Мартена между русскими читателями, и о желаніи «особливаго общества» противодѣйствовать этому ея вліянію. Въ самой книгѣ упоминаются русскія подробности, напр. случай въ турецкую войну 1770 г., случай, происходившій въ

---

[1]) Полное заглавіе таково: «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790». 8°, XVI и 377 стр.; въ концѣ 8 ненум. стр. «Таблица показующая страницы текста и изслѣдованія онаго» и 4 ненум. стр. опечатокъ. При заглавіи эпиграфъ:

Хоть полкъ противныхъ мнѣ возстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ одъ *Ломоносова*.

Петербургѣ въ 1783 г. (стр. 149, 204), — но такія вещи могли бы быть присоединены и къ чужой книгѣ. Въ самыхъ опроверженіяхъ авторъ или авторы обнаруживаютъ знакомство съ самыми разнообразными изслѣдованіями историческими и естественно-научными, ссылаются на Невтона, Галилея, Мопертюи; на Бюффона, Боннета, Бургава, Винслова; на Глаубера, Бехера, Шталя; на Пристлея и Лавуазье, Бойля и Маркграфа, приводя иногда самыя ихъ ученія; показываютъ знаніе исторіи, миѳологіи и древностей и т. д., — вообще такую эрудицію, которой невозможно предположить въ обществѣ губернскаго города. Намъ кажется, что книга носитъ на себѣ слѣды перевода [1]).

Жаль только, что «Изслѣдованіе» явилось слишкомъ поздно и слишкомъ единично. Мы приводили выше отрывокъ изъ масонской переписки, показывающій, что къ тому времени наши масоны (или вѣрнѣе, ихъ избранный кружокъ) считали себя ушедшими уже дальше этой книги: они отзывались о ней нѣсколько свысока и, конечно, могли даже и не придать цѣны ея опроверженію. Литературная полемика была бы, конечно, единственнымъ достойнымъ оружіемъ противъ масонскаго мистицизма; и она могла бы найти себѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ обильную пищу въ масонскихъ изданіяхъ, выходившихъ отъ московскаго кружка...

Для разъясненія описываемыхъ отношеній необходимо было бы опредѣлить развитіе личныхъ мнѣній императрицы объ этомъ предметѣ. Эти мнѣнія всегда были неблагосклонны къ мистицизму, но не всегда они были такъ рѣшительно враждебны масонству, какъ это было въ послѣдніе годы ея царствованія. Не принимая на себя рѣшенія этой задачи, мы приведемъ только нѣсколько указаній для ея объясненія.

Сама императрица, какъ извѣстно, совершенно отвергала фантастическій мистицизмъ, преслѣдованію котораго посвятила свои комедіи. Она признается, что не понимаетъ «Мессіады» Клопштока, т. е. даже наиболѣе умѣреннаго мистицизма изъ

---

[1]) Успѣхъ книги Сенъ-Мартена вызвалъ и въ европейской литературѣ не мало опроверженій ея, какими и могло воспользоваться русское изданіе. Къ сожалѣнію, мы не могли найти этихъ книгъ въ нашихъ библіотекахъ, а эти книги, вѣроятно, разъяснили бы происхожденіе нашей. Укажемъ напр. статью Крейля въ Wiener Journal für Freimaurer. 1784, Quart. 4, стр. 55—164, и книгу: Examen impartial du Livre intitulé: Des Erreurs et de la Verité etc. Par un frère laïque en fait de Science, 1782, написанную масономъ-раціоналистомъ и иллюминатомъ Боде. (См. Kloss, Bibl. № 3898; Handb. der Freimaur. 1865—67, II, 283—284).

того, что̀ предлагали русской публикѣ московскіе издатели [1]); ея настоящія симпатіи были совсѣмъ на другой сторонѣ, именно на сторонѣ французскихъ раціоналистовъ и скептиковъ, — хотя она далеко не склонна была и къ ихъ идеализму, какъ вообще легко отказывалась отъ теоретическихъ положеній въ практическихъ случаяхъ [2]). Въ своихъ взглядахъ на мартинизмъ она сходилась съ французскими и нѣмецкими «философами». Она интересовалась положеніемъ умовъ въ европейскомъ обществѣ относительно этого предмета и сама желала участвовать въ той борьбѣ, которая шла въ европейской литературѣ, особенно нѣмецкой, противъ мистическаго фантазерства и шарлатанства. Она посылала къ Циммерману и, вѣроятно, къ другимъ переводы своихъ комедій противъ мартинистовъ, въ перепискѣ съ Циммерманомъ не разъ возвращается къ этому предмету, съ удовольствіемъ говоритъ о своей литературной войнѣ противъ «иллюмината» Каліостро... Всѣ эти отношенія очевидно оказывали свое вліяніе на ходъ ея мыслей о русскомъ мартинизмѣ, который она постоянно приравнивала къ европейскому мистицизму. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ остановиться на нѣсколькихъ фактахъ западной литературы, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету. Въ нѣмецкой литературѣ 80-ые года были въ особенности временемъ оживленной и даже бурной литературной борьбы противъ мистики и обскурантизма. Эта борьба, какъ мы замѣчали прежде, велась отчасти на почвѣ масонства, къ которому обѣ стороны имѣли извѣстныя отношенія. Мистическія секты масонства, розенкрейцеры съ ихъ алхиміей и магіей, съ ихъ проповѣдью слѣпой вѣры и слѣпаго повиновенія, шарлатаны и фантазеры въ родѣ Каліостро, Шрепфера, патера Гаснера, Лафатера, Сведенборга, Сенъ-Мартена стали возбуждать серьезныя опасенія людей здравомыслящихъ, которые, кромѣ помраченія умовъ, какое должно было быть естественнымъ результатомъ мистики, опасались прямой іезуитской пропаганды и тайнаго католичества [3]). Однимъ изъ ревностнѣйшихъ обличителей этого рода об-

---

[1]) Въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой по поводу русскаго перевода (1785—87): «Je dois avouer que je ne comprends trop rien à ce poème dans l'original: cependant je crois fort qu' il fera grand plaisir à nos mystiques et j'espère que la vente en sera fructueuse». Mém., Paris. 1859, III, 184.

[2]) Ея мысли и выраженія нерѣдко принимали чисто французскій оборотъ. Напр. просматривая рѣчь, которую кн. Дашкова должна была произнести въ академіи, императрица умѣряетъ возданныя ей похвалы и между прочимъ замѣчаетъ: «Effacez aussi comme une *divinité bienfaisante*—apothéose qui ne s'accorde guère avec la religion chrétienne. Je crains fort de n'avoir pas de titres à la sainteté, moi qui ai mis des restrictions au temporel du clergé» (Mém. III, 128).

[3]) Тогдашніе скептики, или люди, считавшіе себя очень проницательными, иногда

скурантизма былъ другъ Лессинга, Николаи, издатель «Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки», затѣмъ Гедике и Бистеръ, издатели «Берлинскаго Ежемѣсячнаго журнала» (Berlinische Monatsschrift), Боде и др. Они усердно выводили наружу алхимическія затѣи, за которыми прятался, по ихъ мнѣнію, крипто-католицизмъ, или, во всякомъ случаѣ, крылось нарушеніе протестантской свободы изслѣдованія, вмѣсто которой внушалась слѣпая вѣра. Обскуранты съ своей стороны выставляли себя защитниками покидаемой религіи и обвиняли своихъ противниковъ въ невѣріи и матеріализмѣ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ произошло въ Баваріи раскрытіе и уничтоженіе ордена иллюминатовъ, основаннаго Вейсгауптомъ въ масонскихъ формахъ въ оппозицію іезуитскому и розенкрейцерскому обскурантизму; этотъ орденъ въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ впалъ въ другую крайность, излишній и довольно нелѣпый радикализмъ, и когда изъ взятыхъ бумагъ ордена открылось, что къ числу иллюминатовъ принадлежали и нѣкоторые изъ масоновъ-раціоналистовъ, какъ напр. Николаи и Боде, это дало ихъ противникамъ желанный поводъ кричать объ ихъ зловредности для общественнаго спокойствія, потому что баварскіе экъ-іезуиты, уничтожившіе орденъ иллюминатовъ, прокричали о немъ, какъ о страшномъ заговорѣ противъ вѣры и престоловъ. Мы скажемъ дальше, какъ это изобрѣтеніе было эксплуатировано послѣ 1789 г., когда вспыхнула французская революція. Но еще до этого времени слово «иллюминатъ» получило у большинства значеніе чего-то крайне-ужаснаго: иллюминатамъ приписывались страшные замыслы и злодѣянія, ихъ готовы были обвинять во всевозможныхъ происках и преступленіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это слово было и очень двусмысленно, потому что съ нѣмецкими иллюминатами смѣшивали еще, въ сущности имъ совершенно противоположныхъ, французскихъ illuminés, какъ называли секту послѣдователей Мартинеца Пасквалиса, учителя Сенъ-Мартена, секту теософско-магическаго характера, весьма близкую къ розенкрейцерству; наконецъ, во французскомъ употребленіи слова illuminés, подъ

смѣялись надъ страстью раціоналистовъ вездѣ подозрѣвать тайное іезуитство или крипто-католицизмъ; докторъ Циммерманъ придумалъ даже слово Jesuitenriecherei, которое въ насмѣшку прилагали къ Николаи и другимъ тогдашнимъ врагамъ іезуитства. Могло быть конечно, что нѣкоторыя подозрѣнія ихъ были преувеличены; но говоря выше о розенкрейцерствѣ мы указывали, что были факты, которые способны оправдать ихъ подозрѣнія: «религіозный эдиктъ» Вёльнера и вообще писанія розенкрейцеровъ носятъ положительно католическо-изувѣрный, а вовсе не протестантскій характеръ, и фактическія обращенія въ католичество, начавшіяся въ это время, не лишены своего особеннаго значенія.

нимъ разумѣлись и упомянутые нами фантасты и шарлатаны, въ родѣ Сенъ-Жермена, Каліостро и т. п.... Въ упомянутой нами борьбѣ сыпалось множество перекрестныхъ обвиненій, раздражительной брани и преувеличеній (даже со стороны самихъ раціоналистовъ), и хотя положеніе обѣихъ сторонъ и ихъ принципы высказывались довольно опредѣленно, но человѣкъ посторонній и нейтральный, интересующійся споромъ, но все-таки недостаточно въ него вникавшій, могъ вѣрить и невѣрить обѣимъ сторонамъ, могъ опасаться обѣихъ и даже считать ихъ одинаково вредными. Впослѣдствіи, это такъ и случилось съ императрицей. Путаница этой борьбы осталась, повидимому, не совсѣмъ ясной для нея; въ послѣдніе годы, когда императрица стала вообще крайне подозрительна, она была чрезвычайно недовѣрчива къ умственному движенію европейскаго общества,— мы увидимъ, что вслѣдствіе этого ей пришлось потомъ становиться въ противорѣчіе съ ея собственными прежними мнѣніями и дѣйствіями.

И казалось бы, однако, что императрица должна была довольно близко знать это движеніе въ Германіи, потому что сама она не одинъ разъ въ него вмѣшивалась.

Въ 1787 г. императрица приказала перевести на русскій языкъ книгу г-жи фонъ-деръ-Реке о пребываніи Каліостро въ Митавѣ въ 1779 году [1]), только что изданную въ Берлинѣ Николаи. Императрицѣ пріятно было видѣть на русскомъ языкѣ новое и на этотъ разъ фактическое обличеніе шарлатана, противъ котораго она писала свою комедію. Исторія этой книжки заключается въ слѣдующемъ. Г-жа фонъ-деръ-Реке, принадлежавшая къ одному изъ извѣстнѣйшихъ аристократическихъ домовъ Курляндіи, имѣла случай постоянно видѣть Каліостро въ Митавѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько времени до своего пріѣзда въ Петербургъ. Каліостро совершенно овладѣлъ довѣріемъ ея отца и дяди, графовъ Медемъ, и ихъ ближайшаго кружка; чтобы дѣйствовать на женскую половину этого общества, онъ завелъ въ ихъ домѣ ложу для дамъ (такъ называемая maçonnerie d' adop-

---

[1]) «Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ, и произведенныхъ имъ тамо магическихъ дѣйствій, собранное *Шарлоттою Елисаветою Констанціею фонъ деръ Реке, урожденною графинею Медемскою* (sic). Перевелъ съ нѣмецкаго *Тимоѳей Захарьинъ*». Спб., у Шнора 1787, 299 стр. Нѣм. подлинникъ, 1787, изд. Николаи, указанъ у Клосса, Bibl. № 3353.—«Berlinische Monatsschrift» 1788, мартъ, стр. 210, разсказываетъ, что императрица Екатерина, которая такъ заботится о просвѣщеніи и объ изгнаніи суевѣрій, признала важность сочиненія г-жи ф.-д.-Реке, велѣла перевести его на русскій языкъ и дала переводчику 400 рублей въ награду.

tion), куда вступила и г-жа ф.-д.-Реке, и производилъ здѣсь свои магическіе фокусы. Ея отецъ и дядя были давнишніе масоны, были преданы алхиміи, и Каліостро нашелъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ и довѣрчивыхъ прозелитовъ. Сама г-жа Реке также вполнѣ была убѣждена въ магической силѣ Каліостро, несмотря на предостереженія нѣкоторыхъ благоразумныхъ друзей, и перемѣнила свое мнѣніе только послѣ, когда стала хладнокровнѣе обдумывать его поступки и прислушиваться къ извѣстіямъ о его дальнѣйшихъ похожденіяхъ. Въ 1787 году она рѣшилась напечатать свою книжку о Каліостро, гдѣ помѣстила свои записки 1779 года и рядомъ съ ними en regard свои комментаріи 1787 года, обличавшіе шарлатанство, которое она теперь поняла. Мнѣніе о Каліостро составилось у нея теперь въ томъ самомъ духѣ, какъ говорили объ этомъ берлинскіе просвѣтители. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на ея разсказахъ, но любопытно указать, какое было мнѣніе ея объ этомъ человѣкѣ, которое императрица признавала и желала поддержать.

Г-жа ф.-д.-Реке рѣшилась издать свою книгу, несмотря на то, что многіе, особливо родные, отговаривали ее отъ этого, отчасти представляя ей неприличнымъ вмѣшиваться въ подобныя дрязги по ея положенію, а также и опасаясь, какъ говоритъ она, «чтобы кроющіеся повсюду злодѣи, и меня также, какъ вѣчной памяти достойнаго Ганганелли, тайнымъ ядомъ не отравили» (стр. 38). Она считала Каліостро тайнымъ орудіемъ іезуитовъ, и говоритъ, что не издала бы своего сочиненія, «ежели бы я не была совершенно увѣрена, что кромѣ Каліостра, Шпренфера и Гасснера есть еще многія тихимъ образомъ повсюду ползающія орудія властолюбивыхъ іезуитовъ, которые множество честнѣйшихъ людей обольщаютъ ложными обѣщаніями о доставленіи имъ сверхъестественныхъ силъ, и на подобіе Каліостра заводятъ общества, дабы помощію оныхъ достигнуть до своего намѣренія, которое въ томъ состоитъ, чтобъ слѣпою вѣрою и слѣпымъ послушаніемъ покорить людей подъ свое иго» и пр. (стр. 35—36). Въ другомъ мѣстѣ, г-жа Реке упоминаетъ, что Каліостро внушалъ ей особенно великое почтеніе къ слову «Егова» (вспомнимъ, что это было также grand nom Сенъ-Мартена) и къ буквамъ I. H. S. «Теперь я довольно понимаю,—замѣчаетъ она,—что оныя буквы не что иное суть, какъ извѣстной I. H. S. знакъ езуитскаго ордена», и замѣчаетъ, что «симъ еще подтверждается многими уже принятая сія догадка, что Каліостръ былъ точно высланецъ (т. е. эмиссаръ, агентъ) изъ общества езуитовъ, которые чрезъ него желали дѣйствовать въ Петер-

бургѣ», что она считаетъ вообще совершенно возможнымъ предположеніемъ [1]).

Г-жа Реке желала, чтобы издателемъ ея книги былъ именно Николаи. Это, безъ сомнѣнія, имѣло свою причину: она восхищалась «Мудрымъ Наѳаномъ» Лессинга, который, между прочимъ, именно внушилъ ей истинное понятіе о религіи и добродѣтели, и вѣроятно сочувствовала просвѣтительной дѣятельности Лессингова друга. Николаи очень охотно взялся за этотъ трудъ, тѣмъ больше, что книга совершенно подходила къ его собственнымъ взглядамъ: притомъ въ это время, въ 1787 г., въ Берлинѣ уже начали господствовать розенкрейцерскіе министры Фридриха-Вильгельма II, глава и «магъ» ордена Вёллнеръ, товарищъ его и ученикъ Шрепфера, Бишофсвердеръ и проч. Николаи мудрено было теперь вести прямую борьбу противъ берлинскаго обскурантизма, и онъ воспользовался случаемъ говорить противъ него косвенно по поводу Каліостро. Николаи написалъ предисловіе къ книжкѣ, гдѣ, изложивши свое мнѣніе о Каліостро и отдавъ похвалу искренности и любви къ истинѣ, обнаруженнымъ г-жею Реке, осторожно рекомендуетъ этотъ примѣръ нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ и желаетъ имъ одержать надъ собой такую же побѣду, какую умѣла одержать надъ своимъ прежнимъ заблужденіемъ г-жа Реке и которая имъ также принесла бы великую пользу. Мы говорили выше, что первымъ приверженцемъ магіи въ тогдашнемъ Берлинѣ былъ самъ король. По мнѣнію Николаи, Каліостро есть умышленный обманщикъ, который, безъ сомнѣнія, «нарочно посланъ отъ самаго коварнаго общества для положенія основанія какому-нибудь будущему предпріятію». «Я бы могъ еще много говорить — замѣчаетъ онъ дальше, — о Каліостровой неудобопонятной магической системѣ (которая, хотя и наполнена темными и обоюдными загадками, однакожъ я ее *нарочито понимаю*), также о весьма удивительномъ ея *согласіи* съ столь славною и весьма малымъ числомъ людей понимаемою книгою: Des erreurs et de la verité» (стр. 17, 24 — 25). Онъ обращаетъ вниманіе на то, съ какой хитростью Каліостро старался согласить свою магію съ христіанской религіей; и замѣчая, что Каліостро, какъ видно изъ разсказовъ г-жи Реке, очень ловко и часто ссылается на тексты Ветхаго и Новаго Завѣта, и что у католиковъ свѣтскимъ лю-

[1]) См. стр. 203 — 209; говоря объ іезуитской пропагандѣ, она замѣчаетъ: «Склонность къ чудесамъ, питаемая книгами съ намѣреніемъ для того писанными, подаетъ имъ способы весьма удачно надъ людьми дѣйствовать; а что сія склонность безпрестанно усиливается, сіе можетъ быть также ихъ проныpствомъ совершается».

дямъ запрещается читать библію, выводитъ отсюда, что Каліостро долженъ быть католическій попъ, — и стало быть тѣмъ легче іезуитъ, чѣмъ считала его и г-жа Реке. Николаи указываетъ при этомъ, какой вредъ происходитъ отъ такого хитраго смѣшенія лжи съ истиной, темныхъ магическихъ фантазій съ чистыми и ясными понятіями «благочестиваго и мудраго христіанства». Относительно «нарочитаго пониманія» книги Сенъ-Мартена, какимъ хвалится Николаи, замѣтимъ, что это было, вѣроятно, тоже пониманіе, какое высказывалъ Боде, авторъ упомянутаго нами «Examen impartial»: Боде считалъ книгу Сенъ-Мартена написанною шифрованнымъ языкомъ іезуитовъ [1]).

Въ слѣдующемъ 1788 году, г-жа ф.-д.-Реке написала другую книжку подобнаго содержанія, также изданную въ Берлинѣ Николаи и опять заслужившую вниманіе императрицы. Эта книжка направлена была противъ знаменитаго, въ свое время, дармштатскаго придворнаго предигера Штарка [2]), который въ особенности служилъ предметомъ нападеній для берлинскихъ просвѣтителей, и котораго они въ особенности обвиняли въ іезуитскомъ обскурантизмѣ и крипто-католицизмѣ. Книжка г-жи Реке есть только одно звѣно въ обширной полемикѣ противъ Штарка, о которой мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, потому что Штаркъ играетъ (впрочемъ, до сихъ поръ неизслѣдованную) роль и въ исторіи русскаго масонства, и потому что къ этой полемикѣ относится французская брошюра, приписываемая императрицѣ Екатеринѣ и, кажется, до сихъ поръ неизвѣстная нашимъ историкамъ.

Іоаннъ-Августъ Штаркъ (1741—1816) былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ наглыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ масонствѣ второй половины XVIII-го вѣка и придающихъ такой странный видъ исторіи ордена за это время. Онъ былъ изобрѣтателемъ такъ называемаго тампліерскаго клерикатa, т. е. мнимой высшей ступени тампліерства, единственно владѣющей настоящими знаніями и тайнами ордена. Этотъ клерикатъ произвелъ въ свое время впечатлѣніе, но потомъ долго подавалъ поводъ къ самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ противъ Штарка, потому что эти клерикальные вкусы, вмѣстѣ съ другими подобными обстоятельствами, позволяли или даже заставляли считать Штарка крипто-

---

[1]) См. Berl. Monatsschr. 1788, май, стр. 569. Такое же мнѣніе выражаетъ и г-жа Реке. Описаніе, стр. 225—227.

[2]) Etwas über des Herrn Oberhofpredigers J. A. Starck Vertheidigungsschrift, nebst einigen andern nöthigen Erläuterungen von Charl. Elis. Const. von der Recke, geb. Gräfinn v. Medem (22 Febr.). Berlin und Stettin, Nicolai, 1788. Мы знаемъ только выписки изъ этой книги въ Berl. Mon. 1788, и въ Allg. Deutsche Bibliothek, 1789, томъ 87, II.

католикомъ и іезуитомъ, что̀, въ особенности, было бы странно въ немъ — профессорѣ протестантской теологіи и протестантскомъ оберъ-гофъ-предигерѣ... Онъ былъ шверинскій уроженецъ, учился въ Геттингенѣ, въ 1763—65 жилъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ учителемъ въ Petrischule, и гдѣ, какъ полагаютъ, принятъ былъ въ масонскую систему Мелиссино; въ 1765—68 онъ жилъ въ Англіи, въ Парижѣ (гдѣ состоялъ въ королевской библіотекѣ переводчикомъ для восточныхъ рукописей, и гдѣ, какъ говорятъ, тайно обратился въ католицизмъ) и въ Германіи; въ 1768, опять вернулся въ Петербургъ, и здѣсь основалъ свѣтскій тампліерскій капитулъ «Феникса», къ которому, какъ полагаютъ, онъ уже присоединилъ и клерикальный, существовавшій однако недолго. Затѣмъ, въ 1769—77 онъ былъ профессоромъ теологіи, оберъ-гофъ-предигеромъ и генералъ-суперъ-интендентомъ въ Кенигсбергѣ; но, повидимому, его положеніе становилось здѣсь затруднительно, и онъ перешелъ въ 1777 г. въ Митаву, профессоромъ философіи при тамошней академіи. Въ Митавѣ онъ прожилъ 1777—81 г., и затѣмъ съ 1781 перешелъ въ Дармштадтъ, гдѣ его масонскіе покровители дали ему званіе оберъ-гофъ-предигера, совѣтника протестантской консисторіи и, наконецъ, баронское достоинство. Штаркъ былъ масономъ еще съ 1761 г.; онъ былъ большой знатокъ въ масонскихъ вещахъ и очень плодовитый писатель: какъ розенкрейцерскіе мистики, онъ любилъ говорить таинственно о высокой древности ордена, о великихъ его тайнахъ, чудесныхъ силахъ и знаніяхъ, какими онъ обладаетъ и т. п. Онъ самъ старался внушать своимъ друзьямъ и адептамъ вѣру въ чудесное, въ магію и духовидѣніе, и входилъ въ сношенія съ упомянутымъ шарлатаномъ Шрепферомъ, который занимался вызываніемъ духовъ въ Лейпцигѣ и у котораго, между прочимъ, искалъ магической мудрости Бишофсвердеръ. При какихъ обстоятельствахъ Штаркъ придумалъ клерикальную систему, это еще достаточно не разъяснено; онъ говорилъ между прочимъ, что шотландецъ лордъ Вилльямсъ основалъ въ Петербургѣ клерикальный капитулъ (capitulum clericorum regularium), и въ 1767, когда Штаркъ вступилъ въ первыя сношенія съ тампліерскимъ гермейстеромъ для соединенія высшихъ степеней тампліерства съ его клерикатомъ, онъ представлялъ патентъ, выданный ему въ 1766 клерикальнымъ начальникомъ Пиладомъ. Этотъ Пиладъ, какъ говорятъ, дѣйствительно существовалъ и былъ петербургскій часовщикъ Шюргеръ, не умѣвшій даже хорошенько подписывать своего орденскаго имени (онъ писалъ Pilades вм. Pylades). Штаркъ утверждалъ, что свѣтское тампліерство не знаетъ настоящихъ высшихъ знаній и тайнъ ордена, которыя чудеснымъ образомъ со-

хранялись только въ клерикатѣ; теперь этотъ скрывавшійся клерикатъ отыскался, и Штаркъ—для блага самого ордена—предлагалъ соединеніе свѣтской и духовной отрасли ордена. Клерикатъ долженъ былъ зависѣть только отъ гермейстера, мимо всѣхъ другихъ орденскихъ властей, и долженъ былъ получить извѣстныя преимущества. Клерикатъ дѣйствительно основался, и въ его обрядахъ явилась особенная, почти церковная, торжественность, похожая на католическія церемоніи. Было ли это дѣйствительное іезуитство—трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, это была затѣя, разсчитанная на масонское легковѣріе и имѣвшая цѣлью доставить клерикамъ вліяніе и связи. Для себя лично Штаркъ дѣйствительно пріобрѣлъ и то и другое... По мнѣнію масоновъ-раціоналистовъ клерикатъ имѣлъ тотъ же смыслъ, какъ розенкрейцерство, и они думали, что въ своихъ высшихъ степеняхъ обѣ системы сводятся къ одному «магическому клерикату», въ руки однихъ и тѣхъ же «неизвѣстныхъ начальниковъ», т. е. іезуитовъ; способъ дѣйствій—одинъ и тотъ же, т. е. распространеніе мистическаго суевѣрія и помраченіе умовъ магическими и алхимическими бреднями, и внушеніемъ слѣпой вѣры. Штаркъ устроивалъ свои дѣла довольно ловко, но тѣмъ не менѣе возбудилъ противъ себя людей здравомыслящихъ. Такъ было, повидимому, уже въ Кенигсбергѣ; когда онъ жилъ въ Митавѣ, тамошній тамплiерскій пріоръ уже вынужденъ былъ жаловаться на него орденскимъ властямъ, но клерикальный начальникъ уничтожилъ эту жалобу; какъ и другіе документы, говорившіе противъ Штарка и находившіеся въ архивѣ тамплiерской директоріи, были уничтожены по желанію герцога Брауншвейгскаго. Къ концу 70-хъ годовъ, шарлатанство клерикатa стало обнаруживаться для самихъ тамплiеровъ; въ 80-хъ гг., дѣло начало всплывать и для большой публики, и противъ Штарка, который не хотѣлъ отказываться отъ роли въ масонствѣ, началась рѣзкая полемика, продолжавшаяся цѣлые годы. Штаркъ, между прочимъ, самъ вызывалъ нападенія, для него совсѣмъ невыгодныя: въ 1785, онъ написалъ или издалъ, безъ своего имени, масонскій романъ: «Saint-Nicaise», гдѣ, между прочимъ, онъ отзывался оскорбительнымъ образомъ объ основателѣ тамплiерства, баронѣ Гундѣ, тогда уже умершемъ. Задѣтые друзья тамплiерства отвѣтили въ «Anti-Saint-Nicaise», который въ томъ же стилѣ изобразилъ д-ра и оберъ-гофъ-предигера Штарка, воспользовавшись для изображенія его собственными письмами, уцѣлѣвшими въ орденскомъ архивѣ. Въ тоже время за это дѣло ревностно взялись и берлинскіе просвѣтители; имъ была ненавистна эта пропаганда магическаго и клерикальнаго обскурантизма, въ которой они видѣли солидарность съ такой же

пропагандой берлинскихъ розенкрейцеровъ. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ преслѣдователей Штарка былъ Николаи; издатели «Berl. Monatsschrift», Гедике и Бистеръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимались разъясненіемъ исторіи д-ра Штарка; съ обѣихъ сторонъ выходили цѣлыя книги обвиненій и защиты, обличеній и свидѣтельствъ, и Клоссъ, въ своей библіографіи, могъ наполнить цѣлый отдѣлъ полемикой, имѣвшей предметомъ этого дѣятеля [1]).

Г-жа ф.-д.-Реке знала Штарка во время пребыванія его въ Митавѣ и въ разгарѣ этой полемики нашла нужнымъ подать и свой голосъ. Она въ свое время также считала Штарка человѣкомъ необыкновеннымъ и слушала его мистическія откровенія, и теперь разсказывала о нихъ также искренно, какъ незадолго передъ тѣмъ о Каліостро. Ея свидѣтельства не были благопріятны для Штарка. Этого профессора теологіи обвиняли, между прочимъ, что въ 1773 г. онъ находился въ сношеніяхъ съ вызывателемъ духовъ Шрепферомъ (это былъ содержатель кофейни въ Лейпцигѣ, кончившій жизнь самоубійствомъ, когда стали раскрываться его плутни); Штаркъ утверждалъ, что онъ хотѣлъ только «разузнать» Шрепфера, чтобы потомъ «обличить» его. Хотя и такое шпіонское разузнаванье не совсѣмъ бы шло къ теологической профессіи, но сношенія не были однако похожи на это, и г-жа Реке разсказываетъ въ своей книжкѣ, что, напротивъ, Штаркъ, еще въ 1780, совершенно серьезно и въ убѣдительныхъ словахъ представлялъ ей Шрепфера человѣкомъ, владѣющимъ сверхъестественными силами, а объ его преемникѣ, мало тогда извѣстномъ Фрёлихѣ, говорилъ, что, быть можетъ, онъ будетъ еще болѣе великъ чѣмъ Шрепферъ [2]). — Штаркъ, по разсказамъ г-жи Реке, внушалъ вообще своимъ адептамъ наклонность къ чудесному, и съ особеннымъ жаромъ и съ цѣлью увѣрить таинственно разсказывалъ ей о магическихъ событіяхъ, — между прочимъ, что однажды онъ самъ видѣлъ сверхъестественное блистаніе, когда въ сосѣдней комнатѣ одному изъ его больныхъ друзей видимо являлся Христосъ. — Магія, некромантія и духовидѣніе играли большую роль въ его наставленіяхъ и исторіяхъ, и онъ пользовался вообще большимъ значеніемъ въ мистическихъ кружкахъ Митавы.

«Г. Штаркъ, — говоритъ г-жа Реке, — въ Митавѣ (1777—

---

[1]) О Штаркѣ см. Handbuch der Freim. II, 117—119, 632; III, 108, 303—316;— Findel, Gesch. стр. 317—325; — Nicolai, Einige Bemerk.; — Kloss, Bibl. № 3382—3438.

[2]) Въ книгѣ г. Лонгинова (стр. 299) о Шрепферѣ совершенно ошибочно сказано, что онъ былъ «иллюминатъ»; напротивъ, это былъ наставникъ розенкрейцерства. О Штаркѣ говорится также не точно.

1781) былъ очень дѣятеленъ въ извѣстныхъ тайныхъ обществахъ (т. е. масонскихъ ложахъ); у людей, которые думали, что еще можно было получить великія таинства отъ неизвѣстныхъ начальниковъ, особенно изъ Франціи, онъ вообще считался за важнаго человѣка, который долженъ знать настоящіе неизвѣстные источники таинствъ, и потому на него смотрѣли съ тайнымъ благоговѣніемъ. По крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ ничего, чтобы отклонять отъ себя такое мнѣніе или уменьшать оказываемое ему отъ этого благоговѣніе; напротивъ, онъ дѣйствительно имѣлъ учениковъ въ мнимыхъ тайныхъ наукахъ, и его поэтому не безъ основанія подозрѣвали, что онъ подавалъ своимъ ученикамъ надежды, которыхъ не исполнилъ».

Въ 1779 г., въ Митавѣ было такимъ образомъ два магика, Штаркъ и Каліостро; и хотя, по разсказамъ г-жи Реке, это были люди совершенно одной школы, они встрѣтились однако враждебно. Каждый изъ нихъ не совѣтовалъ довѣряться другому; каждый называлъ дѣйствія другого «черной магіей», считая свою бѣлой или божественной магіей. Очевидно, что здѣсь сошлось два промышленника по этой части. «Одинъ, — говоритъ г-жа Реке въ книжкѣ о Каліостро, — остерегалъ учениковъ своихъ отъ такихъ заклинаній, кои дѣйствуются чрезъ воскуренія, а другой отъ тѣхъ, при которыхъ шпага употребляется. Господинъ докторъ Штаркъ могъ бы любителямъ истины наилучшимъ образомъ изъяснить связь сего дѣла»... (Оп. стр. 105). Не знаемъ, какъ отвѣчалъ на это докторъ Штаркъ.

Относительно іезуитства, въ которомъ обвиняли почтеннаго доктора теологіи, г-жа Реке разсказываетъ въ своей книжкѣ о немъ, что «кардиналъ Борджіа, бывшій префектъ коллегіи пропаганды, самъ говорилъ знатнымъ путешественникамъ, что теперь главнѣйшее мѣстопребываніе и кругъ дѣйствій іезуитовъ *на свѣтѣ*, и что нѣкоторые іезуиты даже занимаютъ мѣста протестантскихъ проповѣдниковъ». Далѣе, что «одинъ курляндскій дворянинъ встрѣтилъ у того же кардинала Борджіа такія свѣдѣнія о Курляндіи и ея политическомъ и церковномъ состояніи, которыя привели его въ изумленіе и подтвердили догадку, что римскій дворъ и пропаганда должны имѣть весьма хорошихъ корреспондентовъ и здѣсь» [1]).

Таковъ былъ этотъ основатель клерикатa. Роль Штаркa въ русскомъ масонствѣ остается до сихъ поръ очень темна; мы не знаемъ его отношеній въ Петербургѣ, а относительно пребыванія въ Митавѣ замѣтимъ только, что къ этому времени (1777—81)

[1]) См. Berlin. Monatsschrift: 1788, май, стр. 565—570; іюнь, 630—631.

относится поѣздка Шварца изъ Могилева въ Митаву, гдѣ, какъ слышалъ тогда Шварцъ, находится особенно уважаемое старое масонство. Между этими «курляндцами», съ которыми Шварцъ остался въ сношеніяхъ и послѣ, онъ могъ знать и Штарка. Впослѣдствіи, въ числѣ масонскихъ изданій новиковскаго кружка мы находимъ и книги Штарка, — напримѣръ, упомянутую нами «Апологію»; быть можетъ, Штарку принадлежитъ и книга «О мистеріяхъ», переведенная Петровымъ. Не знаемъ, могъ ли Шварцъ видѣть Штарка во вторую свою поѣздку, но любопытно, что рекомендація къ берлинскимъ розенкрейцерамъ, опредѣлившая дальнѣйшее направленіе московскаго мистицизма, была получена Шварцемъ въ Митавѣ. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, отправлявшійся въ свое путешествіе въ 1789 году, былъ уже знакомъ съ той литературной войной, которая происходила тогда между берлинскими «просвѣтителями» и Штаркомъ; въ Берлинѣ онъ видѣлся съ Николаи; въ Дармштадтѣ онъ очень желалъ видѣть Штарка, но не видѣлъ, потому что Штарка въ то время не было въ Дармштадтѣ. Карамзинъ однако вовсе не былъ на сторонѣ Николаи; напротивъ, все его сочувствіе принадлежитъ Штарку; говоря о немъ, и вспоминая преслѣдованія его враговъ, онъ приводитъ даже стихи Шекспира, изображающіе «безумство злословія»[1]). Это расположеніе къ Штарку вѣроятно было вывезено изъ Москвы.

Наконецъ, любопытно, что императрица также, повидимому, интересовалась полемикой противъ Штарка. Г-жа Реке послала ей свою книжку противъ дармштадтскаго оберъ-гофъ-предигера, и императрица выразила въ письмѣ къ г-жѣ Реке удовольствіе, доставленное ей чтеніемъ этой книги. Императрица, какъ говорятъ, и сама приняла участіе въ этой полемикѣ; по крайней мѣрѣ, Клоссъ, въ своей, весьма обстоятельной «Библіографіи», приписываетъ императрицѣ французскую брошюру противъ Штарка, изданную въ 1789 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Lettre de Mr. Starckowsky à son ami et parent, M. Starck à Darmstadt, à Moscou (6 Août) 1789». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о ней ближайшихъ свѣдѣній; въ Публичной Библіотекѣ мы ея не нашли[2]).

Мы видѣли прежде, что тѣ же вопросы возвращаются въ пе-

---

[1]) Соч. Карамз., Смирд., II, 65—69, 174—176.

[2]) Клоссъ упоминаетъ и нѣмецкій переводъ: Brief des Herrn Starkowsky an seinen Freund und Vetter Herrn Dr. Starck zu Darmstadt. A. d. franz. übers. Germanien, 1789. 8°. (Bibl. № 3425—3426). Письмо императрицы къ г-жѣ Реке, въ Berl. Monatsschr. 1788, авг. стр. 130—131.

перепискѣ императрицы съ Циммерманомъ. Эта переписка и вообще интересъ императрицы къ Циммерману и его сочиненіямъ, вѣроятно, не остались безъ вліянія на характеръ ея понятій о броженіи умовъ въ Германіи (съ которымъ она сближала и русское масонство), и потому мы остановимся еще на этой личности. Докторъ Циммерманъ (1728—1795) былъ извѣстный въ свое время врачъ, а главное—знаменитый «философъ» во вкусѣ XVIII вѣка, авторъ книги «Объ уединеніи», которая въ тѣ времена считалась классическою, далѣе, книги «О народной гордости», нѣсколькихъ книгъ о Фридрихѣ II и т. д. Книга «Объ уединеніи» доставила ему и большое расположеніе императрицы Екатерины. Циммерманъ, почти какъ Вольтеръ или Дидро, былъ модным писателемъ въ одномъ кругѣ европейскаго общества, точно также какъ Сенъ-Мартенъ, Каліостро, Лафатеръ и подобные фантасты были модными людьми въ другомъ кругѣ, — а иногда, впрочемъ, и въ томъ же самомъ. Циммерманъ былъ человѣкъ славолюбивый, и этой славы онъ достигъ своей книгой. Лучшія сочиненія были написаны имъ въ 1755—64, но затѣмъ, въ 80—90-хъ годахъ, «онъ впалъ въ ипохондрію,—говорятъ его біографы,—которая произвела въ немъ мрачный взглядъ на вещи; такъ, онъ вообразилъ себѣ, что мнѣнія многихъ изъ его современниковъ о политикѣ и религіи происходятъ изъ одного тайнаго ордена» (иллюминатства), «которому онъ придавалъ въ своей фантазіи небывалые размѣры и ужасающія свойства», — какъ это дѣлали впрочемъ и другіе. «Къ этому ордену, — продолжаютъ его біографы, — принадлежали, по его мнѣнію, многіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ; Циммерманъ думалъ, что отъ этого ордена произошла даже и французская революція. Въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни, онъ крайне рѣзко нападалъ на членовъ этого мнимаго союза, и вооружался противъ многихъ достойныхъ ученыхъ, чѣмъ почти совершенно подорвалъ свою прежнюю славу. Такъ и въ нѣсколькихъ своихъ книгахъ о Фридрихѣ Великомъ онъ позволилъ себѣ распространять о политическихъ предметахъ много показаній не вполнѣ, и даже совершенно фальшивыхъ, и чрезвычайно сурово судить о людяхъ другихъ мнѣній, и это, конечно, не способно было увеличивать его славу»... Это производила, конечно, не одна ипохондрія: Циммерманъ старѣлъ, онъ переставалъ понимать стремленія новыхъ поколѣній, самолюбіе его должно было страдать, когда на литературной аренѣ его заслоняли другіе, и у него не хватило широты взгляда и безпристрастія, чтобы вѣрно судить о вещахъ: ипохондрія только довершила дѣло личнаго самолюбія и неспособности понять положеніе вещей. Это дѣло слишкомъ обыкновенное и въ жизни, и въ литературѣ. Мы

приведемъ дальше строгое сужденіе Шлоссера, который и не считалъ Циммермана способнымъ на какую нибудь глубину мысли и серьезное пониманіе общественнаго положенія.

И такъ, роль Циммермана была не наилучшая въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ. Въ первое время, въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда началась его переписка съ императрицей, онъ страдалъ самолюбіемъ, но еще не страдалъ ипохондріей, спутавшей его мысли нѣсколько послѣ. Въ его письмахъ этого времени есть замѣчанія, не лишенныя справедливости, и совершенно похвальная умѣренность; но уже и здѣсь замѣтно, что онъ не совсѣмъ понимаетъ тѣ отношенія, о которыхъ говоритъ, однако, рѣшительнымъ и судейскимъ тономъ.

Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 15 февраля 1786, отрывокъ котораго мы приводимъ въ примѣчаніи [1]), Циммерманъ, по поводу комедій императрицы и Каліостро, говоритъ о чрезвычайномъ распространеніи алхиміи и магіи, и замѣчаетъ, что въ Германіи имъ преданы общества столь многочисленныя и *страшныя*, что было бы мудрено открыто смѣяться надъ ними на сценѣ; и однако же, говоритъ онъ, государи должны исправлять эти нелѣпости *комедіями, а не эдиктами.* Это замѣчаніе очень резонно. Дальше Циммерманъ хвастливо разсказываетъ, что «философы» (можетъ быть, берлинскіе раціоналисты) будто бы упрашивали его объяснить императрицѣ вредныя послѣдствія этого духа времени, — потому что, по ихъ мнѣнію, за алхимистами и волшебниками прячутся эксъ-іезуиты, которые стремятся проникнуть во всѣ ка-

---

[1]) «Il est indubitable comme Votre Majesté le remarque, que c'est par mode, que l'alchymie et la magie inondent l'Allemagne, et par ce que les Français sont épris de ces balivernes. Mais puisque c'est par la foi la plus aveugle en ces balivernes que les petits font dans ce moment-ci le mieux leur cour aux grands, c'est aussi par là que cette contagion a fait ces progrès rapides et imprévus. Aussi toutes ces folies dont Votre Majesté rit, sont pratiquées en Allemagne par des societés si nombreuses et si *rédoutables*, qu'il faut avoir chez nous un front d'airain pour s'en moquer. Un comédien allemand qui les mettroit sur le théatre seroit lapidé.

«*Ce n'est cependant que par les comédies, et non pas par les édits que les souverains remedient à ces folies.* Des philosophes se sont avisé l'été passé d'employer toute leur éloquence pour m'engager de représenter à Votre Majesté Impériale les consequences funestes de l'esprit de nos tems, même pour les grands états et pour les gouvernements. Ils ont cru qu'à cheval sur le dos des sorciers et des alchymistes les ex-jesuites se glissoient dans tous les cabinets. Ils ont vu en consequence de cela des Empires renversés, et les buchers et les massacres de l'ancien tems rétablis dans toutes les grandes capitales. J'ai repondu à ces philosophes que si je faisois des représentations pareilles à Votre Majesté qu'elle croiroit que la tête me tourne; et que dès qu'Elle s'apercevra que ces folies gagnent aussi dans son Empire comme je le crois, Elle ne leur opposera pour toute législation qu'une bonne troupe de comédiens. (Marcard, Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Bremen 1803, стр. 328—329).

бинеты, и что съ ихъ господствомъ могутъ снова явиться во всѣхъ столицахъ Европы костры и убійства. Такія опасенія имѣли будто бы «философы», и конечно, фанатизмъ, безстыдство и наглость экъ-іезуитовъ (достаточно обнаружившіяся уже вскорѣ) могли возбуждать въ людяхъ добронамѣренныхъ самыя серьезныя опасенія. — Но Циммерманъ отказался исполнить ихъ просьбу и отвѣтилъ имъ, что императрица сочтетъ его за сумасшедшаго, если онъ будетъ дѣлать ей подобныя представленія, и что, въ случаѣ надобности, она выставитъ противъ такихъ вещей развѣ только хорошую труппу актеровъ.

Все это было прекрасно, — хотя Циммерманъ былъ вовсе не прозорливѣе «философовъ», когда съ шутками говорилъ объ экъ-іезуитахъ, которыхъ они опасались, — тѣмъ больше, что онъ самъ находилъ *страшными* тѣ общества, которыя выбирали своимъ оружіемъ алхимію и магію. Но прошло немного времени и Циммерманъ обратилъ самыя злостныя обвиненія противъ тѣхъ самыхъ людей, которые, несмотря на всѣ трудности и опасности дѣла, боролись противъ этой *страшной* алхиміи и магіи. У Циммермана недостало ума, чтобы понять время и остаться безпристрастнымъ; или просто ипохондрія разстроила его умственныя способности. Французская революція произвела въ Германіи тревожное и мрачное настроеніе: партіи высказались опредѣленнѣе, журналистика приняла консервативно-аристократическое направленіе, и обстоятельства времени дали обскурантамъ давно желанный случай съ мнимымъ правомъ возстать противъ ненавистныхъ имъ «просвѣтителей», которыхъ они нагло стали обвинять теперь во всѣхъ безпорядкахъ и бѣдствіяхъ революціи: испуганное общество плохо соображало, на сколько такія обвиненія могли быть основательны. Берлинскіе розенкрейцеры, занявшіе теперь министерскіе посты, преслѣдовали раціоналистовъ; братья ихъ по духу, вѣнскіе экъ-іезуиты и журналисты, какъ Гофштеттеръ, Гашка и др. съ яростью накинулись на тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей, защищавшихъ права здраваго смысла противъ пропаганды суевѣрія и умственнаго одичанія. Все это было понятно; но казалось непонятнымъ, какъ то же бѣшенство обскурантизма овладѣло и Циммерманомъ, этимъ свободнымъ мыслителемъ, имѣвшимъ во всѣхъ концахъ Европы почитателей своего «генія». Какъ-бы то ни было, Циммерманъ оказался въ рядахъ обскурантовъ.

Теперь, между прочимъ, снова стали раздувать обвиненія противъ «иллюминатовъ». Этотъ орденъ, уничтоженіе котораго въ Баваріи въ 1785 доставило такую радость баварскимъ экъ-іезуитамъ, теперь почти уже не существовалъ. Въ прежнее время

упомянутый нами Николаи, врагъ розенкрейцеровъ и Штарка, былъ нѣсколько заинтересованъ лучшими сторонами этого общества (какія въ немъ дѣйствительно были, особенно въ сравненіи съ обычнымъ масонствомъ); послѣ закрытія ордена, имя Николаи оказалось въ числѣ членовъ, и Штаркъ тотчасъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить своего преслѣдователя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ и опаснымъ; но Николаи самымъ удовлетворительнымъ образомъ разъяснилъ свое участіе въ орденѣ, который былъ для него только предметомъ любопытства, и въ которомъ онъ увидѣлъ одинъ невинный проектъ, составленный безъ знанія людей, необдуманный и непримѣнимый. Это открытое объясненіе Николаи издано было еще въ 1788 г.[1]), и совсѣмъ закрывало вопросъ объ его иллюминатствѣ. Но теперь обвиненія поднялись вновь: Николаи объявили иллюминатомъ, а иллюминатовъ—зачинщиками всего французскаго возмущенія. Журналъ Николаи, знаменитая въ свое время «Всеобщая Нѣмецкая Библіотека», подвергся преслѣдованію розенкрейцерскихъ министровъ; австрійскій эксъ-іезуитъ Штаттлеръ въ 1791, въ особомъ сочиненіи, доказывалъ, что главныя положенія французской революціонной конституціи взяты изъ идей «Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки»; наконецъ, къ розенкрейцерамъ, эксъ-іезуитамъ и Штарку присоединился и докторъ Циммерманъ. Въ своихъ «Отрывкахъ о Фридрихѣ Великомъ» (1790) онъ вопіялъ о тайномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе государственнаго порядка, и причислялъ къ этому тайному обществу людей, оказавшихъ истинныя и цѣнныя заслуги въ дѣлѣ развитія нѣмецкаго общества и очень далекихъ отъ политическихъ затѣй, въ особенности возмущающихъ; Циммерманъ писалъ къ императору Леопольду о безуміи нашего вѣка, и призывалъ правительства возстать противъ воображаемаго чудовища [2]).

Вопли обскурантовъ имѣли тѣмъ больше успѣха, что общество было сильно встревожено: событія революціи, шедшія въ такой быстрой и рѣзкой прогрессіи, представлявшія такой необычайный примѣръ общественнаго возбужденія, дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ даже на людей мыслящихъ и серьезныхъ, заставляя отчаяваться въ добрыхъ качествахъ человѣческой природы. Только немногіе проникали въ истинныя причины переворота и видѣли въ немъ то, чѣмъ онъ на дѣлѣ былъ, т. е.

---

[1]) Friedrich Nicolai öffentliche Erklärung über seine geheime Verbindung mit dem Illuminaten-Orden; nebst beyläufigen Digressionen betreffend Hrn. Johann August Stark und Hrn. Johann Kaspar Lavater. Berlin und Stettin, 1788.

[2]) См. Gervinus, G. der deutsch. Dicht. 4-e Ausg. V, 352. — Hettner, III, II, 204.

результатъ цѣлой длинной исторіи. Если Циммерманъ совершенно не понялъ этого и сталъ повторять нелѣпыя инкриминаціи іезуитскаго обскурантизма,—это показываетъ только, что онъ вовсе не былъ такимъ широкимъ и возвышеннымъ умомъ, какимъ представляли себѣ его поклонники. Въ борьбѣ съ иллюминатами, Циммерманъ встрѣтился съ извѣстнымъ интриганомъ того времени барономъ Книгге, игравшимъ довольно пошлую роль въ учрежденіи иллюминатскаго ордена, и Шлоссеръ, сопоставивъ эти двѣ личности, характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Этотъ баронъ фонъ-Книгге, примкнувшій къ иллюминатамъ въ 1780 году, принадлежалъ къ тѣмъ нѣмецкимъ знаменитостямъ, которыя умѣютъ совершенно обмануть міръ,—извѣстно, что такая дорога гораздо лучше ведетъ къ славѣ, нежели истинное достоинство, понятное только для немногихъ. Въ этомъ онъ былъ похожъ на своего антагониста, доктора Циммермана, состоявшаго гофратомъ и лейбъ-медикомъ при ганноверскомъ дворѣ. Оба они безчисленными знакомствами, важничаньемъ и поверхностнымъ, разсчитаннымъ на публику, читающую романы, писательствомъ, умѣли составить себѣ имя и пріобрѣсти вліяніе... Книгге, будучи каммергеромъ въ Веймарѣ, живши во Франкфуртѣ и Гейдельбергѣ,—центрахъ мистицизма и масонства, познакомился со всѣми средствами, нужными для достиженія той цѣли, которая кажется высшей цѣлью жизни такимъ людямъ, какъ Циммерманъ и онъ. Чтобы все испробовать, Книгге перешелъ даже изъ протестантовъ въ католики, а потомъ опять изъ католиковъ въ протестанты. Пользоваться мистицизмомъ и масонствомъ, духовенствомъ и философами — для него было все равно, все годилось для его цѣли. Циммерманъ, напротивъ, поставилъ себѣ такую цѣль, что находилъ выгоду смертельно ненавидѣть все это, и въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка эта ненависть, обратившись въ мопоманію, довела его до помѣшательства [1]). Оба они, и Циммерманъ и Книгге, достигли своей цѣли,—имена ихъ стали славны по всей Европѣ. Сначала Книгге игралъ большую роль во всѣхъ орденахъ, потомъ сталъ писателемъ... Долго онъ странствовалъ по Германіи, наслаждаясь жизнью, которую кончилъ въ Бременѣ, въ званіи оберъ-гауптмана и схоларха. Циммерманъ получалъ ордена и другія почести отъ многихъ государей... Сначала онъ писалъ только о томъ, что̀ зналъ, наконецъ о всевозможныхъ вещахъ, въ которыхъ ничего не понималъ,—именно послѣднія книги и принесли ему наиболѣе славы. Всѣ газеты

[1]) Ср. Gervinus, IV, 341; — Marcard, 291 и слѣд.

хвалили его толстую книгу «Объ уединеніи»; масса публики считала его однимъ изъ своихъ оракуловъ; но каждый порядочный человѣкъ, владѣвшій перомъ и обладавшій глубокими мыслями и истиннымъ одушевленіемъ, видѣлъ въ немъ только презрѣннаго пустозвона, — такимъ изобразилъ его и величайшій сатирикъ Германіи, геттингенскій натуралистъ Лихтенбергъ [1])...»

Таковъ былъ оракулъ, авторитетъ котораго, конечно, для многихъ опредѣлялъ точку зрѣнія на событія и на умственное движеніе въ Германіи... Къ сожалѣнію, мы знаемъ только одну часть переписки императрицы съ Циммерманомъ; но эта переписка еще продолжалась въ 1791-мъ году, и судя по тому, что̀ писалъ Циммерманъ въ своихъ книгахъ и что̀ писалъ къ императору Леопольду [2]), можно полагать, что эта переписка имѣла не весьма благопріятное вліяніе на мнѣнія императрицы о вышеупомянутыхъ предметахъ. Инкриминаціи Циммермана могли производить извѣстное дѣйствіе и здѣсь: мы упомянемъ дальше, что въ послѣдніе годы Германія казалась императрицѣ переполненною самыми вредными людьми...

Чтобы ближе опредѣлить условія, въ которыхъ складывались эти понятія о положеніи умовъ въ Германіи и дѣлались заключенія о характерѣ московскаго масонства, мы считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о много разъ нами упомянутомъ орденѣ иллюминатовъ, которому въ 80-хъ и 90-хъ годахъ приписывались самыя ужасныя качества; — для нашихъ масоновъ этотъ орденъ былъ предметомъ страха и ненависти, членовъ его они считали извергами, и потому исторически очень любопытно опредѣлить настоящій характеръ ордена (получающій такимъ образомъ отрицательно большую важность и для опредѣленія нашего масонства), — тѣмъ больше, что г. Лонгиновъ въ своей книгѣ даетъ объ немъ самое странное понятіе. Онъ изобразилъ иллюминатовъ точно также, какъ въ старину изображали ихъ вѣнскіе и берлинскіе, іезуитскіе и розенкрейцерскіе обскуранты, — и не подумалъ обратиться къ болѣе разсудительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ.

---

[1]) Шлоссеръ, Ист. XVIII в., III, 213—214; см. особенно IV, 154—166: о связи съ Лафатеромъ и объ отношеніи къ нимъ обоимъ Лихтенберга.

[2]) Почитатель Циммермана, Маркардъ, пишетъ: Ich würde die meisten der damals im nördlichen Deutschland regierenden Fürsten nennen müssen, wenn ich alle die hohen Personen angeben wollte, von welchen er, entweder unmittelbar, oder durch ihre Familien, Merkmahle des Zutrauens und der Achtung erhielt... Wäre Kayser Leopold II († 1792) länger am Leben geblieben, so ist kein Zweifel, er würde Zimmermann sehr ausgezeichnet haben (Marc. 9). Рабское отношеніе Маркарда къ Циммерману характеризовано у Шлоссера, см. т. IV.

Эта старинная репутація иллюминатства создана была всего больше темнотой свѣдѣній о самомъ орденѣ и дикими инкриминаціями, которымъ вѣрило общество, устрашенное событіями конца столѣтія. На дѣлѣ онъ вовсе не былъ ни такъ зловреденъ, ни такъ обширенъ, какъ его представляли. Орденъ иллюминатовъ, по своимъ формамъ и происхожденію, былъ результатомъ тѣхъ же стремленій къ общественно-нравственной дѣятельности, отъ которыхъ произошло и распространеніе масонства; только вмѣсто піэтизма и мистики, шарлатанства и клерикально-«рыцарской» интриги, овладѣвшихъ масонствомъ, здѣсь высказывались стремленія свободы мысли и здраваго просвѣщенія, спутанныя только отчасти неумѣстнымъ радикализмомъ, отчасти приплетенными некстати внѣшними формами масонства. Въ тѣ времена «просвѣщеннаго деспотизма», недостатокъ открытой арены для выраженія и дѣятельности общественно-нравственныхъ интересовъ вообще замыкалъ людей въ условныя тайныя братства и союзы; организація этихъ обществъ складывалась опять въ формѣ авторитета и опеки, непривычка къ индивидуальной самостоятельности заставляла искать «мастера» или даже «неизвѣстнаго начальника», повиноваться какимъ-то «отцамъ», какъ это послѣднее было у розенкрейцеровъ. Иллюминатство не отличалось здѣсь ничѣмъ отъ всякихъ другихъ «системъ» масонства: но содержаніе ордена, или его «градусовъ», было иное. Споръ между отживающими преданіями и новымъ просвѣщеніемъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка становился болѣе и болѣе рѣзкимъ. Масонство было уже протестомъ противъ чисто формальной религіозности и нравственности и искало освѣжить ихъ внушеніемъ гуманистическихъ понятій; но оно дѣлало мало или ничего для настоящаго просвѣщенія, въ особенности, когда рядомъ дѣятельно работала реакція, которая, своими развращающими вліяніями, уже сильно испортила масонское движеніе, какъ это было въ разныхъ системахъ высшаго масонства, въ тамплiерствѣ, клерикатѣ, розенкрейцерствѣ и т. д. Въ 70-хъ годахъ, уничтоженіе іезуитскаго ордена показало обширность его развѣтвленій, но уничтоженіе внѣшнихъ формъ не прекратило растлѣвающаго вліянія обскурантизма, которому орденъ служилъ такъ вѣрно и которымъ пользовался такъ ловко. Въ обществѣ явилось сознаніе о необходимости противодѣйствовать этому злу, и однимъ изъ результатовъ этого сознанія было основаніе иллюминатства; іезуитскій обскурантизмъ проникалъ цѣлыя отрасли масонства, и орденъ иллюминатовъ также принялъ масонскія формы — эта форма масонскаго союза была единственная привычная тогда

форма общественной дѣятельности, и новый орденъ хотѣлъ только дать ей лучшее направленіе.

Орденъ основался именно въ той части Германіи, которая была гнѣздомъ іезуитства и розенкрейцерства, и гдѣ всего сильнѣе чувствовалась нравственная духота, — въ Баваріи [1]). Основатель иллюминатства, профессоръ въ Ингольштатѣ, Адамъ Вейсгауптъ, былъ самъ воспитанникъ іезуитовъ, но это воспитаніе имѣло то слѣдствіе, что Вейсгауптъ возненавидѣлъ воспитателей. Онъ вступилъ въ университетъ въ концѣ 1773 г., тотчасъ по закрытіи іезуитскаго ордена, и получилъ каѳедру канонического права, принадлежавшую прежде іезуитамъ, и кромѣ того читалъ лекціи нравственной философіи въ смыслѣ тогдашняго нѣмецкаго «просвѣщенія». Притѣсненія эксъ-іезуитовъ мало по малу навели его на мысль о противодѣйствіи, которое должно было дѣйствовать такими же тайными и систематическими средствами, какими дѣйствовали ученики Лойолы; вслѣдствіе тогдашней страсти къ тайнымъ братствамъ и вслѣдствіе примѣровъ, полученныхъ въ іезуитскомъ воспитаніи, Вейсгауптъ задумалъ сдѣлаться Лойолой, но для цѣлей просвѣщенія. Эта мысль была, конечно, фантастическимъ заблужденіемъ; въ исполненіи было много страннаго и вздорнаго, что впрочемъ свидѣтельствовало не о злодѣйскихъ наклонностяхъ, какъ это представляли враги иллюминатства, а развѣ о недостаткѣ практической разсудительности. Значительная доля вздорности прибавлена другими дѣятелями иллюминатства, въ числѣ которыхъ явились и пустые и дурные люди, въ родѣ упомянутаго Книгге.

Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Вейсгауптъ оставилъ подробный разсказъ объ основаніи ордена, любопытнымъ образомъ рисующій тогдашнее положеніе умовъ. Для своихъ плановъ онъ думалъ сначала обратиться къ масонству, но нашелъ здѣсь тампліерство и алхимію; это дало ему только новое побужденіе къ основанію своего общества, особенно, когда на его глазахъ одинъ алхимистъ вербовалъ въ свою ложу молодыхъ людей, и между прочимъ его слушателей, въ которыхъ Вейсгауптъ видѣлъ надежду лучшаго дѣла. Онъ рѣшился спасти ихъ отъ безсмысленной нелѣпости, и послѣднее рѣшеніе внушено было ему чтеніемъ извѣстной въ свое время книги «О заслугѣ» Аббта (рано умершаго талантливаго писателя), исполненной воодушевленными призывами къ служенію родинѣ и общему благу и пред-

---

[1]) См. о немъ Шлоссера, III, 211—229; Геттнера, III, II, 333—354; Handb. der Freim. II, 13—30; Findel, 2-te Aufl. 299—310, гдѣ, между прочимъ, приведены имена многихъ членовъ ордена.

ставляющей любопытный образчикъ тенденцій нѣмецкаго «просвѣщенія» 60-хъ годовъ [1]). Подъ этими впечатлѣніями Вейсгауптъ составилъ «статуты перфектибилистовъ», — названіе, которое онъ, впрочемъ, скоро перемѣнилъ на названіе «иллюминатовъ» (просвѣщенныхъ). Основной цѣлью ордена онъ ставилъ господство разумности; къ этому присоединялись второстепенныя цѣли — взаимная помощь между членами ордена и облегченіе средствъ къ просвѣщенію: орденъ долженъ былъ бороться съ безплоднымъ и фальшивымъ педантизмомъ, съ нетерпимостью, съ дурнымъ воспитаніемъ, съ общественнымъ угнетеніемъ. Для постепеннаго приготовленія членовъ ордена къ этой дѣятельности должна была служить лѣстница степеней. Низшія степени предназначались для изученія морали, исторіи и знанія людей; здѣсь рекомендовалось чтеніе книгъ, служащихъ для образованія сердца — изъ поэтовъ особенно баснописцы, изъ моралистовъ — Сенека, Плутархъ, Адамъ Смитъ, Базедовъ, Аббтъ, Лабрюйеръ. Въ высшихъ степеняхъ указывались книги по «политикѣ и религіи», и именно указывались крайніе французскіе философы, Робине, Гельвеціусъ, «Система природы», но впослѣдствіи эти матеріалисты, кажется, уступили мѣсто вліянію Руссо.

Во внѣшнемъ устройствѣ приняты были масонскія формы, но сказалось и вліяніе іезуитскаго воспитанія основателя. Вейсгауптъ хотѣлъ одинъ стоять во главѣ ордена, потому что, по собственнымъ его словамъ, Лойола, Доминикъ и Францискъ не сдѣлали бы своего дѣла, если бы подчинились внушеніямъ своихъ товарищей. Отъ іезуитства заимствованъ былъ также взаимный надзоръ между членами, стремленіе пріобрѣтать послѣдователей между сильными и богатыми людьми (хотя, впрочемъ, это была общая наклонность тогдашнихъ братствъ) и прямо высказанное оправданіе средствъ цѣлями. Изъ масонства взята была таинственность и торжественность церемоніала, которую Вейс-

[1]) Вотъ, напр., отрывокъ, по словамъ Вейсгаупта произведшій на него увлекательное впечатлѣніе: «Гдѣ тотъ человѣкъ, который рѣшился трудиться для временнаго и вѣчнаго блага многихъ, очень многихъ людей, устроить ихъ жизнь такъ, чтобы они дѣлались все счастливѣе и совершеннѣе, чтобы правила, ведущія къ этому, были имъ привычны и любезны;... человѣкъ, который бы взялся за этотъ трудъ даже тогда, когда бы еще никто не считалъ его возможнымъ, и часто даже безплодно терялъ свои усилія; человѣкъ, который бы имѣлъ увѣренность и надежду на этотъ трудъ, не боялся никакихъ препятствій и опасностей, не покорялся бы никакому внутреннему уклоненію или равнодушію, — и все это только для блага и счастія сердечно любимыхъ ближнихъ, созданныхъ съ нами по одному образу: о, гдѣ тотъ человѣкъ, который это дѣлаетъ? Если его уже нѣтъ, гдѣ его статуя, гдѣ ея мраморный обломокъ? Скажите это мнѣ, чтобы я могъ обнять холодный камень, и въ память его первообраза пролить на него горячія слезы благодарности».

гауптъ считалъ нужной, чтобы дѣйствовать на воображеніе адептовъ, особенно между католиками.

Въ первые годы орденъ похожъ былъ на фантастически задуманную школу для католической молодежи, — школу, которая, по свидѣтельству безпристрастныхъ людей, имѣла въ низшихъ степеняхъ очень здравое и полезное дѣйствіе.

Вторую эпоху въ существованіи ордена составило время его обширнаго распространенія за предѣлы Баваріи, въ сѣверную Германію, когда дѣятельнымъ членомъ его сталъ упомянутый интриганъ баронъ Книгге. Баронъ былъ большой знатокъ въ масонскихъ дѣлахъ, и по его вліянію орденъ былъ преобразованъ: къ первымъ «минервальскимъ» степенямъ — которыя, по мнѣнію Книгге не могли вполнѣ удовлетворить болѣе образованныхъ сѣверныхъ протестантовъ, — прибавлена была цѣлая масонская система, именно, сначала общепринятыя «іоанновскія степени» и затѣмъ еще третій, высшій классъ, степени «мистерій». Въ этой формѣ надѣялись легче распространять орденъ между собственными масонами (какъ, напр., распространялось розенкрейцерство). За распространеніе ордена взялся Книгге, и орденъ дѣйствительно уже вскорѣ имѣлъ очень большой успѣхъ на сѣверѣ Германіи. Теоретическія положенія ордена опредѣлились въ цѣлую систему, основанную на идеяхъ тогдашней философіи, не лишенную своей фантастики во вкусѣ Руссо, но проникнутую увѣренностью въ силѣ просвѣщенія, которому нѣкогда предстоитъ исправить много золъ, отягощающихъ человѣчество. Какъ ни отдаленны были цѣли ордена, но общій характеръ его идеаловъ привлекалъ множество послѣдователей, между прочимъ истинно достойныхъ людей, какъ Дальбергъ, Федеръ, Николаи и др., которые, по словамъ Шлоссера, вступали въ иллюминатство именно въ негодованіи на вторженіе мистицизма и обскурантизма въ масонство. Послѣдователи ордена были во всѣхъ слояхъ общества: въ числѣ ихъ называются между прочимъ герцогъ веймарскій Карлъ Августъ, извѣстный другъ и покровитель Шиллера, Гёте, Виланда; герцогъ Эрнестъ готскій; наслѣдный принцъ Августъ саксенъ-готскій; герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, другіе владѣтельные князья, аристократы и министры; геттингенскіе профессоры Коппе, Мертенсъ; знаменитый педагогъ Песталоцци, и даже Гердеръ и Гёте...[1]).

---

[1]) Въ упомянутой книгѣ о Циммерманѣ приводится между прочимъ письмо къ Ц. придворнаго врача императрицы Вейкарда (въ февр. 1786) гдѣ находится слѣдующее извѣстіе: «Fürst Repnin ist durch Prinz Ferdinand (конечно, Ферд. Брауншвейгскій) *Provincial der Illuminaten* in Russland»... Но затѣмъ въ томъ же письмѣ о Репнинѣ

Оппозиція иллюминатскаго раціонализма и скептицизма, конечно, скоро была открыта тѣми, кого она всего ближе касалась, т. е. баварскими эксъ-іезуитами, которые употребили всѣ средства для подавленія ордена. Самый орденъ давалъ оружіе противъ себя и въ личныхъ недостаткахъ своихъ руководителей, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ системы. У Вейсгаупта были свои разумныя стремленія, но, кромѣ того, что здѣсь онъ впадалъ въ крайности, какъ личный характеръ, онъ, повидимому, мало способенъ былъ внушать сочувствіе; по крайней мѣрѣ Шлоссеръ ставитъ его на одну доску съ своекорыстными интриганами Книгге и Цвакомъ [1]). Основатели иллюминатства выдавали свой орденъ за старое учрежденіе; и хотя это былъ слишкомъ обычный тогда масонскій обманъ, и здѣсь онъ былъ меньше вреденъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ служилъ опорой для алхимическаго шарлатанства, но онъ, во всякомъ случаѣ, компрометировалъ орденъ. Еще болѣе могли компрометировать его стремленіе превращать массу членовъ ордена въ слѣпое орудіе начальника, или совѣтъ завлекать въ орденъ вліятельныхъ людей, для своихъ цѣлей, или оправданіе средствъ цѣлями, высказанное Вейсгауптомъ, или излишній радикализмъ въ отвлеченныхъ вопросахъ. Люди разсудительные, какъ Николаи, увидѣвъ подобныя черты въ орденѣ, отдалились отъ него, потому что видѣли въ этомъ или вещь непримѣнимую, или нелѣпость. Понятно, поэтому, что когда баварское правительство захватило бумаги ордена, и раскрылись подобныя мистификаціи и іезуитскіе взгляды Вейсгаупта, то настоящіе эксъ-іезуиты и мистификаторы нашли здѣсь прекрасный случай прійти въ благородное негодованіе и прокричать о безнравственности всѣхъ вообще людей, принадлежавшихъ къ ордену. Люди простодушные этому и повѣрили: они забыли только, что эта безнравственность была еще больше у тѣхъ, кто теперь строго осуждалъ ее; что оправданіе средствъ цѣлями было основнымъ и постояннымъ принципомъ самихъ іе-

---

говорится: «Repnin ist *Enthusiast für das Buch des Erreurs et de la Verité*, und so noch andere. Nur die Profane verstehen es nicht, — sagen sie, — aber die guten Herren auch nicht; sie sehen gar nicht ein, dass es Dummheiten sind». Marcard 135—136. Повидимому, Вейкардъ смѣшиваетъ иллюминатство съ какой-нибудь масонской системой; см. впрочемъ дальше объ этомъ письмѣ.

[1]) Николаи, лично впрочемъ не знавшій Вейсгаупта, говоритъ о немъ иначе; упомянувъ о томъ, что самъ никогда не видѣлъ Вейсгаупта, онъ замѣчаетъ: «wenn ich, wie ich mit Vergnügen bekenne, eine *vorzüglich günstige Meinung* von seinem persönlichen Charakter hege: so habe ich sie bloss aus dem *Urtheile mehrerer rechtschaffener Männer*, die ihn genauer kennen». Oeffentl. Erklärung, стр. 66. Сужденіе Шлоссера можно относиться къ ошибкамъ Вейсгаупта въ теоретической постройкѣ ордена, о которыхъ прямо говоритъ и Николаи.

зуитовъ, которымъ они пользовались гораздо больше, чѣмъ иллюминаты (если только пользовался кто-нибудь изъ нихъ, кромѣ Вейсгаупта, Книгге и Цвака); что розенкрейцеры, не задумываясь надъ средствами, привлекали къ себѣ людей столько сильныхъ, какъ король прусскій и т. д. Вейсгауптъ въ сравненіи съ ними былъ только наивенъ — тѣмъ, что высказывалъ прямо то, что̀ они старательно скрывали; и кромѣ того, его бумаги были захвачены цѣликомъ, а розенкрейцерскихъ бумагъ захвачено не было. Далѣе, излагая въ своихъ программахъ дальнѣйшія перспективы человѣческаго развитія, иллюминаты предавались мечтаніямъ о всеобщей свободѣ и равенствѣ людей — во вкусѣ Руссо и другихъ утопистовъ того времени: эксъ-іезуиты прямо обвинили ихъ въ непосредственномъ стремленіи къ низверженію порядка, къ потрясенію престоловъ и алтарей. Люди разсудительные не могли, конечно, повѣрить, что подобному занятію могъ предаться Фердинандъ Брауншвейгскій или Карлъ Августъ веймарскій, или почтенные профессоры геттингенскаго университета, или Гердеръ, или Николаи и т. д. Но Штаркъ, какъ мы видѣли, воспользовался случаемъ отмстить Николаи за его преслѣдованія, и утверждалъ, что Николаи имѣетъ такія наклонности, потому что былъ иллюминатомъ. Люди легковѣрные, или не понимавшіе Штарка и ему подобныхъ, поддавались инсинуаціямъ, и какъ будто даже съ нѣкоторымъ основаніемъ. Между иллюминатами не могло не встрѣтиться людей, которые принимали мечтанія буквально, какъ между розенкрейцерами были люди, ожидавшіе, что отъ Вёльднера они могутъ получить мудрость Моисея и Аарона: «къ сожалѣнію,— замѣчаетъ Шлоссеръ, — въ числѣ баварскихъ старшинъ иллюминатства, какъ всегда бываетъ, когда люди отъ грубѣйшаго суевѣрія переходятъ къ противоположной крайности, находилось слишкомъ много людей, вмѣстѣ съ католицизмомъ отвергнувшихъ и всѣ теологическіе принципы»...

Эксъ-іезуитскіе обскуранты въ Баваріи, получивши свѣдѣнія объ иллюминатствѣ, употребили всѣ средства, чтобы раздуть дѣло объ орденѣ и заподозрить цѣлое общественное направленіе; курфирстъ Карлъ-Теодоръ былъ тогда въ рукахъ іезуитовъ; ихъ шпіоны, или люди желавшіе имъ подслужиться, проникли въ орденъ и представили ужасающіе доносы. Но преслѣдованіе началось не вдругъ: въ 1784 г., въ Баваріи запрещены были всѣ тайныя общества; въ 1785 г., Вейсгауптъ былъ лишенъ каѳедры и, предчувствуя опасность, бѣжалъ изъ Баваріи.

«Тогда, — разсказываетъ нѣмецкій историкъ, — выпущена была свора ищеекъ и доносчиковъ... Читая документы о показаніяхъ,

какія дѣлали передъ судомъ Уцшнейдеръ, аббатъ Реннеръ, проф. Грюнбергеръ, патеръ Козандей (шпіоны и обвинители ордена), приходишь въ ужасъ отъ этого сплетенія лжи. Всѣ юридическія формы были произвольно брошены въ сторону. Слѣдствіе производилось особой придворной коммиссіей, которая одна дѣлала донесенія двору и отъ него получала приказанія. Какого рода были эти слѣдователи, объ этомъ свидѣтельствуетъ анекдотъ, сообщаемый однимъ изъ достойнѣйшихъ иллюминатовъ, барономъ Меггенгофеномъ, въ его «Исторіи и Апологіи»: генералъ Бельдербушъ встрѣтилъ обвиняемаго словами, что вредность ордена доказывается уже тѣмъ, что онъ рекомендуетъ своимъ членамъ чтеніе всѣхъ старыхъ языческихъ книгъ (онъ разумѣлъ древнихъ классическихъ авторовъ). Въ Баваріи началась совершенная облава. Всѣ, кто были членами ордена, или имѣли отношенія къ кому-нибудь изъ членовъ, были лишены своихъ должностей; часть обвиненныхъ подверглась изгнанію» [1]).

Орденъ обвинялся въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, въ стремленіи низвергать троны и алтари, въ отравленіяхъ и убійствахъ; иллюминаты представлены были извергами рода человѣческаго. Какъ безсмысленны были обвиненія, можно видѣть и изъ одного того, какихъ членовъ орденъ считалъ въ своей средѣ: ни къ чему подобному, конечно, не были способны владѣтельные князья тогдашней Германіи, между прочимъ, образованнѣйшіе изъ нихъ, какъ Карлъ Августъ, или мирные и, можетъ быть, нѣсколько простодушные ученые, которыхъ увлекали идеалы просвѣщенія. Баварское правительство, захвативъ бумаги ордена, напечатало ихъ и разослало къ различнымъ европейскимъ дворамъ; но даже въ самой Германіи ни одно правительство не нашло нужными строгихъ мѣръ противъ ордена, къ какимъ приглашала Бавария [2]). Напротивъ того, самъ Вейсгауптъ, голова котораго была оцѣнена въ Баваріи, нашелъ гостепріимство

---

[1]) Hettner, III, II, 349.

[2]) Г. Лонгиновъ довольно странно принимаетъ именно тѣ отзывы объ орденѣ, какіе хотѣлось распространить баварскимъ эксъ-іезуитамъ и берлинскимъ розенкрейцерамъ. По его мнѣнію, названные нами выше члены ордена были *изверги;* онъ увѣряетъ, что «*всѣ* правительства Европы не могли не придти въ волненіе, узнавши, какая сильная организація была создана, чтобы поколебать спокойствіе государствъ и *все*, что составляетъ интересы общества и *священнѣйшее* достояніе человѣчества» (!). (Такъ именно говорилъ почтенный оберъ-гофъ-предигеръ Штаркъ, генералъ Бельдербушъ, вѣнскій эксъ-іезуитъ Штаттлеръ и К°). «Во всѣхъ странахъ стали искать, не существуетъ ли *гдѣ-либо* тайно отрасль безбожнаго, злодѣйскаго заговора» (стр. 248). Все это очень странно и совершенно невѣрно. Здравую историческую характеристику ордена г. Л. могъ бы найти даже въ *масонскихъ* современныхъ сочиненіяхъ, какъ книга Финделя, какъ «Handbuch» и проч.

и покровительство у герцога готскаго и писалъ здѣсь свою исторію и защиту ордена; другіе иллюминаты были тотчасъ приняты въ службу Іосифомъ II; даже въ Пруссіи, иллюминаты оставались цѣлы и невредимы, и Николаи въ 1788 г., несмотря на господство розенкрейцеровъ въ правительствѣ, могъ свободно вести полемику объ орденѣ съ Лафатеромъ и Штаркомъ и написалъ свое «Oeffentliche Erklärung», любопытный, хотя длинно и вяло написанный эпизодъ изъ этой борьбы іезуитовъ противъ иллюминатства. До французской революціи еще не было того ребяческаго страха, который потомъ вызывалъ въ Германіи, и въ другихъ странахъ, крайнюю подозрительность противъ всякой свободной мысли и гнетущую реакцію; въ тѣ времена вовсе не казался опаснымъ мечтательный идеализмъ, — какимъ всего больше отличалось иллюминатство, — особенно, когда средствомъ своей пропаганды этотъ идеализмъ бралъ то самое просвѣщеніе, распространенію котораго стремились содѣйствовать сами правительства. Реакція началась въ Пруссіи и Австріи только при преемникахъ Фридриха II и Іосифа II, съ господствомъ іезуитовъ и розенкрейцеровъ, и когда событія, происходившія во Франціи, произвели то впечатлѣніе, о которомъ мы выше упоминали.

Но орденъ, тѣмъ не менѣе, упалъ: публичность раскрыла его ошибки, и инкриминаціи дѣлали невозможнымъ сохраненіе и лучшихъ его частей, тѣмъ больше, что благоразумнѣйшіе люди, принимавшіе участіе въ орденѣ, напр. практическій Николаи, еще раньше его закрытія на мѣстѣ указывали на несообразность — вести дѣло просвѣщенія путемъ масонскихъ таинственностей. Онъ исчезъ мало по малу и самъ собой... Потомъ только аббаты и старые іезуиты продолжали повторять обвиненія, и когда началась литература роялистской эмиграціи, — не понимавшая причинъ паденія старой Франціи, состоявшихъ въ собственныхъ страшныхъ ошибкахъ стараго режима, — въ числѣ любимыхъ сюжетовъ этой литературы явились обвиненія противъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ она видѣла единственную причину бѣдствій Франціи. Такова была особенно знаменитая книга аббата Баррюэля и современная ей книга Робизона [1]): это были два главнѣйшіе источника, изъ которыхъ долго послѣ реакціо-

[1]) Mémoires pour servir à l' Histoire du Jacobinisme. Par M. l'abbé Augustin Barruel. Londres, 1797, 4 voll. — Proofs of Conspiracy against all the Religions and Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free-Masons, Illuminati etc. By John Robison. Edinb. 1797. Книга Робизона нѣсколько разъ вышла также по-нѣмецки и по-французски. Книга Баррюэля, въ первыхъ 1800-хъ годахъ, была переведена и на русскій языкъ.

неры заимствовали свои аргументы для инсинуацій противъ просвѣщенія и либеральныхъ учрежденій и съ помощью которыхъ они пугали общественное мнѣніе. Эти обвиненія были еще тогда же разъяснены въ книгѣ Мунье [1]), который, между прочимъ, относительно иллюминатовъ объяснилъ, что подъ словомъ *illuminés* (которое вообще служило названіемъ для нѣсколькихъ сектъ разнаго времени) понимались по французскому словоупотребленію всѣ мистическіе шарлатаны XVIII вѣка, Каліостро, Сенъ-Жерменъ, Сведенборгъ, Сенъ-Мартенъ и ихъ послѣдователи, которые не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ нѣмецкимъ иллюминатамъ Вейсгаупта; — можно себѣ представить, что эксцентричность этихъ людей, таинственность ихъ кружковъ и фантастическія занятія при всеобщей тревогѣ умовъ довольно легко могли наводить людей посторонникъ на мысль о тайныхъ политическихъ козняхъ.

Каковы бы ни были ошибки иллюминатства, — нелѣпая внѣшность тайнаго ордена и пошлый эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, игравшихъ въ немъ роль, — новѣйшіе историки отдаютъ въ цѣломъ справедливость его просвѣтительнымъ стремленіямъ. Здравыя идеи, выраженныя въ его программѣ, находили искреннее сочувствіе между самыми почтенными людьми; на молодыхъ людей низшія минервальскія степени дѣйствовали самымъ благотворнымъ воспитательнымъ образомъ: «многіе минервалы, — говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ близкихъ свидѣтелей, — до сихъ поръ съ благодарностью и глубокимъ чувствомъ вспоминаютъ, какъ эти школы оживляли ихъ трудолюбіе, пробуждали и развивали любовь къ наукамъ, вливали въ сердце воспріимчивость ко всему доброму и благородному». «Несмотря на злоупотребленіе, которому подверглись тайныя учрежденія иллюминатства, — говоритъ Шлоссеръ, — орденъ этотъ очень сильно содѣйствовалъ внесенію свѣта въ средневѣковой мракъ мрачнѣйшихъ областей Германіи». Съ такой же исторической похвалой говорятъ объ орденѣ новѣйшіе масонскіе писатели, нами выше указанные.

Такова была собственно сущность этого ордена, которому приписано было множество небывалыхъ общественныхъ преступленій, и который никогда не имѣлъ настоящей политической дѣятельности. Главнѣйшими обвинителями явились обскуранты, потому что орденъ подрывалъ ихъ алхимію и систему помраченія головъ; тѣ іезуитскіе, розенкрейцерскіе и подобные обскуранты, которые съ своей стороны составляли, по словамъ г-жи

---

[1]) I. I. Mounier, De l' influence attribuée aux Philosophes, aux Fr. Maçons et aux Illuminés sur la Révolution de France. Tübingen, 1801 и др. изд.

Реке, «невидимое общество, которое весьма заботилось, чтобы разумъ въ тинѣ суевѣрія погрузить, дабы чрезъ то мало по малу можно было ему удобнѣе надъ землями и народами владычествовать» [1]). Къ нимъ присоединился, какъ мы видѣли, и Циммерманъ. Эти обвиненія были очень распространены усердіемъ обвинителей и могли подѣйствовать на мнѣнія императрицы.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ настоящую минуту никакихъ свѣдѣній о томъ, были ли у насъ послѣдователи иллюминатства. Вышеприведенное извѣстіе Вейкарда о князѣ Репнинѣ есть вѣроятно недоразумѣніе [2]). Масоны новиковскаго кружка не только были неповинны въ какомъ-нибудь иллюминатствѣ, но, по наставленіямъ своихъ берлинскихъ «отцовъ», простодушно считали иллюминатовъ извергами человѣческаго рода, — хотя Новиковъ замѣчаетъ, что, по словамъ самихъ «отцовъ», въ иллюминатствѣ «набрано много и добраго», только оно служитъ для «прельщенія». Берлинскіе «отцы» прислали московскимъ братьямъ статуты иллюминатовъ, по которымъ бы можно было узнать изверговъ на случай, если бы они какъ нибудь между ними оказались (какъ это бывало въ Германіи, гдѣ иллюминаты скрытно проникали въ ложи, надѣясь распространить тамъ свое ученіе). Такой случай какъ будто представился въ 1789 г., когда въ иллюминатствѣ заподозрили брата Нартова, извѣстнаго въ свое время переводчика. Дѣло происходило такимъ образомъ. Нартовъ адресовалъ масонскимъ властямъ въ Петербургѣ нѣкоторые масонскіе вопросы, и желалъ на нихъ отвѣта. Изъ Петербурга прислали ихъ въ Москву, гдѣ находилось управленіе VIII масонской провинціи, учрежденное послѣ Вильгельмсбад-

---

[1]) Описаніе, стр. 278.

[2]) Вотъ, одно только извѣстное намъ указаніе, которое можетъ допускать иллюминатство кн. Репнина. Вейкардъ упоминаетъ о полученіи имъ иллюминатской степени отъ герцога Брауншвейгскаго (который дѣйствительно былъ въ орденѣ), въ началѣ 1786; самый фактъ произошелъ, вѣроятно, раньше. По показаніямъ Новикова, нѣкто Гине, родственникъ Татищева, въ 1785 г. пріѣхавши въ Москву, «весьма хвалилъ кн. Репнина и сказывалъ, что въ немъ сдѣлалась *великая перемѣна*» (конечно, въ какомъ-нибудь масонскомъ отношеніи). Потомъ Репнинъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь познакомился между прочимъ съ розенкрейцерскимъ агентомъ въ Москвѣ, барономъ Шрёдеромъ. Отъ барона въ новиковскомъ кружкѣ слышали «великія объ немъ похвалы». Репнинъ хотѣлъ быть принятымъ въ розенкрейцерство, и по этимъ отношеніямъ могъ конечно этого ожидать; но потомъ баронъ Шрёдеръ уѣхалъ въ Берлинъ: «а по возвращеніи бароновомъ изъ Берлина, въ 1786 году въ концѣ видѣлся онъ съ кн. Репнинымъ одинъ разъ и послѣ свиданія сего слышалъ я отъ кн. Трубецкаго, что баронъ Шрёдеръ княземъ Репнинымъ *недоволенъ* и *видѣться* съ нимъ болѣе *не хочетъ*, а хочетъ *знакомство* свое совсѣмъ *прервать*. Причину сего мнѣ не сказали»... (Лонг., 0100). Быть можетъ, это относится къ иллюминатскимъ сношеніямъ кн. Репнина?

скаго конвента. Кн. Н. Н. Трубецкой, занимавшій одно изъ главныхъ мѣстъ въ этомъ управленіи и вмѣстѣ въ розенкрейцерствѣ, далъ отвѣты и послалъ ихъ въ Петербургъ, кажется Ржевскому, съ такимъ розенкрейцерски-таинственнымъ наставленіемъ: «При семъ посылаю отвѣты Нартову, дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ *тѣмъ, которые тебѣ извѣстны*, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочешь, то дай и списать. Только не сказывай, *чьи они*, и *отъ кого* ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто, и отъ котораго отцы наши (т. е. Вёльнеръ) насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней... А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его *знака*, который есть въ тѣхъ актахъ». Ешевскій, въ рукахъ котораго были эти вопросы и отвѣты, замѣчаетъ, что отвѣты коротки и написаны съ непріязненнымъ, худо скрываемымъ чувствомъ къ вопрошателю. О тайномъ обществѣ упоминается въ отвѣтѣ на 11-й вопросъ: могутъ ли всѣ числа отъ одного до десяти истолковать, что̀ есть число 1 и 10-е, что̀ значитъ 5? Отвѣтъ: «Что же принадлежитъ до одиннадцатаго вопроса, то мы отъ искренней любви просили Бога, да не принадлежитъ дѣлающій его къ нѣкоторому тайному обществу, которое имѣетъ оный въ катихизмѣ перваго градуса своего, и которое происходитъ изъ *ада*, хотя великолѣпнымъ именемъ *свѣта* одѣваетъ себя. Трепещемъ мы о немъ и для него, и для любезнаго отечества нашего» [1]).

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, въ какомъ смутномъ положеніи находились умы, и какимъ образомъ обскуранты начали пугать общественное мнѣніе тайными орденами, — чтобы тѣмъ удобнѣе закрывать свои собственныя продѣлки. Есть основаніе думать, что эта литература инкриминацій не оставалась безъ вліянія на понятія императрицы, и притомъ дѣйствовала обѣими своими сторонами: трудно представить, чтобы императрица имѣла возможность и даже желаніе вникнуть ближе въ характеръ споривших сторонъ, а потому и было возможно это обоюдное вліяніе съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, шедшихъ изъ источниковъ совершенно разныхъ и другъ друга исключавшихъ. Впечатлѣнія собирались въ разное время и, не провѣряемыя ближе, породили наконецъ въ императрицѣ общее и полное недовѣріе ко всему броженію умовъ, наполнявшему 80 и 90-ые года. Мнѣнія людей, подобныхъ Циммерману, способны были

[1]) Р. Вѣстн. 1865, 3, стр. 27—28.

только усилить такое отношеніе къ дѣлу... Привыкши уже прежде связывать русское масонство съ тѣмъ, что происходило въ мистическихъ кружкахъ и масонскихъ обществахъ Европы, императрица и въ послѣднее время, — и тогда, когда она рѣшала судьбу новиковскаго кружка, — не отрѣшилась отъ предвзятыхъ мнѣній и перенесла на московскія событія свою крайнюю, но все-таки неопредѣленную подозрительность, — забывая все различіе между двумя разрядами понятій, которые она смѣшивала, между шарлатанскимъ или простодушнымъ мистицизмомъ и стремленіями къ просвѣщенію и раціонализму, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что еще важнѣе, забывъ всю громадную разницу между русской жизнью, только что начинавшей свое младенческое умственное развитіе, и умственной жизнью европейскаго общества, и мѣряя ихъ одной мѣркой. Ей представилось опаснымъ то, что было именно только младенческимъ порывомъ зарождавшейся общественной мысли и дѣятельности. Что это двоякое смѣшеніе совсѣмъ разнородныхъ вещей дѣйствительно было въ понятіяхъ императрицы, въ этомъ не трудно убѣдиться, прослѣдивъ за ея взглядами на этотъ предметъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ (1786), императрица пишетъ комедію изъ русской жизни и, по собственному ея указанію, основываетъ пьесу на статьѣ дидротовской «Энциклопедіи». Статья «Théosophes» въ Энциклопедіи была конечно сочувственна императрицѣ по своему взгляду на мистицизмъ и доставила императрицѣ матеріалъ въ томъ отношеніи, что приводитъ положенія знаменитѣйшихъ теософовъ новѣйшаго времени, Парацельса и Ванъ-Гельмонта; вмѣстѣ съ тѣмъ, «Энциклопедія» повторяла уже знакомую ей мысль объ общественномъ вредѣ мистицизма:— но тѣмъ не менѣе «Энциклопедія» была конечно очень недостаточнымъ основаніемъ для русской комедіи и для изображенія русскихъ нравовъ, потому что имѣла въ виду иную жизнь и иныя общественныя условія, чѣмъ тѣ, о которыхъ должна была говорить комедія. «Энциклопедія» косвеннымъ образомъ могла наводить императрицу на мысль о правительственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла мистицизма, т. е. въ дѣла масонства [1]), —

---

[1]) Такъ какъ не многимъ читателямъ могутъ быть удобны справки съ «Энциклопедіей», мы приведемъ здѣсь конецъ этой статьи, составляющій ея общій выводъ:

«Il suit de ce qui précede que les *Théosophes* ont été des hommes d'une imagination ardente; qu'ils ont corrompu la Théologie, obscurci la Philosophie, et abusé de leurs connoissances chimiques, et qu'il est difficile de prononcer s'ils ont plus nui que servi au progrès des connoissances humaines.

«Il y a encore quelques *Théosophes* parmi nous: ce sont des gens à demi-instruits, entêtés de rapporter aux saintes Ecritures toute l'érudition ancienne et toute la philosophie

мысль, которую, по словамъ Циммермана, прямымъ образомъ желали внушить императрицѣ нѣмецкіе «философы», и которую впослѣдствіи она привела въ исполненіе, поддавшись (въ значительной степени) вліянію, такихъ же чужихъ, европейскихъ обстоятельствъ, напр. опасеній, возбужденныхъ французской революціей.

Подобное недоразумѣніе вышло и съ «иллюминатами».

Императрица написала свои комедіи противъ Каліостро и теософовъ въ 1785—86 году; выводя на сцену *мартинистовъ*, которыхъ заставляетъ называть въ комедіи «мартышками», она въ тоже время называетъ Каліостро *иллюминатомъ*, — по томуже смѣшенію понятій, вслѣдствіе котораго многіе считали тогда Каліостро агентомъ иллюминатовъ Вейсгаупта, чего конечно не было и не могло быть [1]). Замѣтимъ, что въ это самое время поднялись упомянутыя обвиненія противъ иллюминатовъ, и при множествѣ преступленій, какія имъ приписывались, не мудрено было навязать иллюминатамъ и наглыя шарлатанства Каліостро. Между тѣмъ, нѣсколько времени спустя, въ 1787—88, императрица даетъ свое полное одобреніе книгамъ г-жи Реке, которыя издаетъ настоящій «иллюминатъ» Николаи; сама, какъ предполагаютъ, пишетъ брошюру противъ злѣйшаго врага иллюминатовъ Штарка; въ 1788, тотъ же настоящій иллюминатъ, Николаи, издаетъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ трехъ комедій императрицы противъ мистическаго фантазерства съ панегирикомъ императрицѣ въ предисловіи. Въ то же время въ императрицѣ доходятъ обвиненія противъ самихъ «философовъ», т. е. раціоналистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Николаи. Въ приведенномъ нами выше письмѣ Циммерманъ отзывается объ нихъ свысока, и Вейкардъ, состоявшій тогда придворнымъ врачемъ въ Петербургѣ, разсказываетъ въ письмѣ къ Циммерману, что императрица спрашивала его объ этихъ берлинскихъ «философахъ»,

---

nouvelle; qui déshonorent la révélation par la stupide jalousie avec laquelle ils défendent ses droits; qui retrécissent autant qu'il est en eux l'empire de la raison, dont ils nous interdiroient volontiers l'usage; qui sont toujours tout prêts à attacher l'épithete d'hérésie à toute hypothese nouvelle; qui réduiroient volontiers toute connoissance à celle de la religion, et toute lecture aux livres de l'ancien et du nouveau Testament, où ils voient tout ce qui n'y est pas et rien de ce qui y est; qui ont pris en aversion la Philosophie et les Philosophes, et qui réussiroient à éteindre parmi nous l'esprit de découvertes et de recherches, et à nous *réplonger dans la barbarie, si le gouvernement les appuioit, comme ils le demandent*» (Encyclop. XVI, 261).

[1]) Въ упомянутомъ письмѣ Вейкарда, 1786, говорится между прочимъ: «In Moscau ist die Secte der *Cabalisten* sehr stark, die *Martinisten* heissen. Das aufgeklärte Saeculum!» (Marcard 134). Здѣсь видно, какъ легко было смѣшать московскихъ мартинистовъ съ предполагаемой сектой Каліостро, который былъ магикъ и кабалистъ.

и что онъ, Вейкардъ (самъ считавшій себя очень умнымъ человѣкомъ), отвѣчалъ ей, что это просто глупцы, не заслуживающіе вниманія. Немного спустя, Циммерманъ начинаетъ свои нелѣпыя нападенія и доносы на тѣхъ же самыхъ «философовъ», нападенія, которыя были совершенно во вкусѣ Штарка и розенкрейцеровъ. Въ 1790 г., императрица считаетъ Радищева, по его книгѣ, *мартинистомъ*, — хотя, собственно говоря, онъ далеко не похожъ на нихъ, и въ самой книгѣ смѣется надъ масонскимъ мистицизмомъ. Въ 1791 г., императрица не совѣтуетъ князю Голицыну посылать дѣтей для образованія въ нѣмецкія училища, «ибо во многихъ изъ нихъ теперь ученые раздѣлилися на два класса равно для общества вредные»: одни—явные безбожники, другіе—лицемѣрные мартинисты [1])... Когда произошла французская революція, то возбужденная ею тревога усилила до послѣднихъ предѣловъ подозрѣнія и обвиненія противъ тайныхъ обществъ, и при тогдашнемъ, почти всеобщемъ неумѣньи объяснить себѣ историческія причины событій, все приписывалось тайнымъ обществамъ: франкъ-масоны, иллюминаты и якобинцы стали синонимами. Понятія спутались окончательно. Княгиня Дашкова еще долго послѣ этихъ временъ воображала, что «несчастная Франція» была вовлечена въ свои бѣдствія «иллюминатами и мнимыми философами» [2]), не имѣя никакого отчетливаго понятія ни о тѣхъ, ни о другихъ, повторяя только слова Баррюэля и Робизона и забывая, что, собственно говоря, въ числѣ «мнимыхъ философовъ» особенно видное мѣсто давалось именно ея любимцу Дидро, котораго она съ такимъ увлеченіемъ восхваляетъ въ своихъ запискахъ, который, съ своей стороны, описывалъ съ восхищеніемъ Princesse d'Ashkow (такъ онъ писалъ ея имя), и который, конечно, былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ матеріалистовъ, скептиковъ и атеистовъ всего XVIII-го вѣка. Княгиня Дашкова забывала увлеченія своей молодости и полагала, что «мнимые философы», которымъ приписывались бѣдствія Франціи, были какіе нибудь другіе философы, а не именно тѣ, которые писали «Энциклопедію».

Этотъ случай съ княгиней Дашковой вообще весьма характеристично рисуетъ тогдашнее положеніе вещей. Любопытно замѣтить, что поворотъ мнѣній пришлось испытать самой императрицѣ: ей самой приходилось оправдывать свои отношенія къ обвиненной теперь «философіи», и преслѣдовать тѣхъ самыхъ

---

[1]) Русск. Архивъ, 1865, № 9.

[2]) Mémoires, Paris 1859, I, XXIV.

писателей, которые нѣкогда, и даже очень недавно, были предметомъ ея удивленія.

Сохранилось одно ея письмо къ кому-то (отъ 1789 г.), заключающее въ себѣ оправданіе ея прежней переписки съ Вольтеромъ: императрицу упрекало въ этомъ какое-то третье лицо, судя по обстоятельствамъ, вѣроятно архіеп. Платонъ, который, какъ извѣстно, очень не одобрялъ французской литературы, и въ особенности такихъ ея представителей, какъ Вольтеръ; императрица старается доказать, что въ перепискѣ не было ничего предосудительнаго и что здѣсь она заботилась всего больше о славѣ Россіи [1]). Впослѣдствіи, когда началось дѣло Новикова, снова представился такой же случай. Въ числѣ вопросныхъ пунктовъ, которые были предложены обвиняемымъ, и которые, какъ извѣстно, составлялись подъ надзоромъ самой императрицы, былъ между прочимъ вопросъ по поводу книги «О народной гордости». На эту книгу было обращено особенное вниманіе, какъ на книгу особенно вредную; обвиняемые упорно отъ нея отказывались, ссылаясь на незнаніе объ ней, что̀ можно было бы считать даже невѣроятнымъ; Новиковъ узналъ ее только тогда, когда ему показали ее на допросѣ. Книга напечатана была въ ихъ компанейской типографіи [2]), и Новиковъ утверждаетъ въ своемъ показаніи, что имѣетъ о ней только «весьма темное и конфузное воспоминаніе», что книги этой не читалъ, и что она отдана въ печать «только по одной цензурѣ», — а кѣмъ принесена, непомнитъ. «И когда, — говоритъ онъ въ своемъ показаніи, — мнѣ изъ сей *мерзкой книги* (мѣста) показаны и прочтены, то я *ужаснулся*, что такая книга у насъ напечатана, (и) здѣсь паки дерзаю призывать всесвятѣйшаго Бога во свидѣтели въ томъ, что я сей книги, до показанія мнѣ оныя здѣсь, не читалъ и совершенно не зналъ содержанія ея; намѣренія къ разсѣванію столь *мерзкихъ понятій* не имѣлъ», и т. д. По содержанію этой книги дѣйствительно можно повѣрить, что она прошла черезъ ихъ типографію случайно, какъ много другихъ не-масонскихъ книгъ, что мѣста, прочитанныя ему изъ этой книги, «противны и мерзки по собственнымъ его понятіямъ». Книга написана во вкусѣ отрицательной философіи XVIII-го вѣка, и своимъ скептическимъ отношеніемъ къ разнымъ видамъ національной гордости, или самолюбія, могла быть антипатична и императрицѣ, въ послѣдніе годы ея жизни, и Новикову, потому

---

[1]) Это любопытное письмо напечатано въ Русск. Архивѣ, 1866, № 1, стр. 71—72.

[2]) Въ текстѣ показаній Новикова у Лонг. стр. 0110, она ошибочно названа «о народной *радости*»; но въ другихъ показаніяхъ вѣрно: *гордости*.

что въ книгѣ есть черты религіознаго скептицизма, слишкомъ рѣзкаго по тогдашнимъ, да и по нынѣшнимъ русскимъ понятіямъ. Но любопытно, что авторъ этой книги былъ никто иной какъ тотъ же докторъ Циммерманъ; онъ написалъ ее, когда былъ помоложе и еще не впадалъ въ свою «ипохондрію» [1]).

По тѣмъ общимъ понятіямъ, какія императрица извлекала изъ всѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, нами отчасти указанныхъ, она пришла наконецъ къ мысли, что масонская пропаганда новиковскаго кружка имѣетъ также свои политическіе замыслы. Нѣкоторые отдѣльные факты тогдашней русской литературы, перетолкованные крайне преувеличенно, какъ трагедія Княжнина «Вадимъ» и книга Радищева, при тогдашнемъ настроеніи императрицы только увеличили ея подозрительность; и если она считала Радищева «мартинистомъ», чѣмъ онъ вовсе не былъ, то это показываетъ, какой неопредѣленно-опасный смыслъ придавала она этому слову, и ошибка, сдѣланная ею въ примѣненіи этого слова къ Радищеву, была дурнымъ предзнаменованіемъ для настоящихъ мартинистовъ. Всѣ ихъ дѣйствія уже окрашивались въ ея глазахъ этимъ свѣтомъ. Въ 1785 г., когда она писала свои комедіи, она хвалилась передъ Циммерманомъ, что находитъ достаточнымъ *такъ* дѣйствовать противъ масонской пропаганды, — и этимъ конечно совершенно справедливо было бы хвалиться; но теперь она стояла уже совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія, и когда явился малѣйшій поводъ въ письмѣ Бажанова, указывавшемъ на нѣкоторыя отдаленныя отношенія масонства къ великому князю Павлу Петровичу, императрица дала полный просторъ своему враждебному отношенію къ мартинистамъ: она приписала имъ тѣ свойства, какія молва придавала «тайнымъ обществамъ», и сочла ихъ *якобинцами*. Мы скажемъ дальше, *кого* тогда приняли за якобинцевъ.

Но, какъ мы замѣтили, это чувство нелюбви къ масонамъ было возбуждено въ императрицѣ болѣе глубокимъ образомъ; и

---

[1]) Вотъ названіе этой любопытной и рѣдкой книги: «Народная гордость. Переводъ съ французскаго языка. Москва, въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1788». 187 стр. 8°. Подлинникъ Циммермана явился еще въ 1758. Г. Лонгинову этотъ пунктъ показаній Новикова остался непонятенъ, и книга ему неизвѣстна (стр. 328). Сопиковъ однако упоминаетъ ее въ своемъ каталогѣ и кромѣ того указываетъ другой переводъ ея, который явился подъ заглавіемъ: «Образъ народнаго любочестія», въ переводѣ съ нѣм., Николая Поливанова, Спб. 1793 — непосредственно послѣ осужденія Новикова и преслѣдованія этой самой книги!

гораздо больше, чѣмъ разными случайными обстоятельствами, оно объясняется всѣмъ общественнымъ характеромъ масонства, который всего сильнѣе обнаружился въ послѣдніе годы; и главной жертвой гоненія сталъ именно человѣкъ, который своей личной энергіей развилъ этотъ общественный характеръ масонства, — хотя собственно въ масонскомъ чиноначаліи онъ вовсе не имѣлъ перваго или исключительнаго мѣста, и хотя проступки, послужившіе къ обвиненію, не были проступками его одного, а цѣлаго кружка въ равной степени. Его отличало отъ другихъ только нравственное превосходство.

Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, какимъ образомъ этотъ характеръ масонства былъ нарушеніемъ «принятыхъ правилъ» и старыхъ преданій.

Основой масонскаго движенія, какъ мы не разъ замѣчали, было именно нравственное пробужденіе самого общества. Лопухинъ, объясняя въ своихъ записках смыслъ стремленій ихъ кружка, прямо указываетъ идеалъ, котораго они искали: «надобно человѣку морально переродиться» [1]), и потребность этого перерожденія возбуждалась въ нихъ яркими недостатками окружающей жизни; ихъ нравственныя стремленія приняли піэтистическую форму христіанской идеи, форму весьма обыкновенную въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ совершалось ихъ развитіе. Свой піэтистическій идеалъ они не безъ основанія могли ставить такъ высоко, когда въ обществѣ они не встрѣчали ничего ему равносильнаго, и когда онъ представлялся имъ единственнымъ нравственнымъ исходомъ изъ противорѣчій господствующей морали, хладнокровно мирившей внушенія любви на словахъ, и факты несправедливости и насилія. Мы понимаемъ теперь, какъ не глубоко шло ихъ разрѣшеніе противорѣчія; ихъ преувеличенія и фантастика уже въ то время стали предметомъ насмѣшекъ; но тогдашняя жизнь и понятія не находили достаточнаго опроверженія для ихъ основнаго идеала, и онъ явился протестомъ, сначала только непріятнымъ, а потомъ и ненавистнымъ.

Наглядным примѣромъ того, какъ эти стремленія встрѣчались съ господствующей моралью, могутъ служить многіе разсказы Лопухина. Самъ Лопухинъ былъ, по склонности, а потомъ по самымъ принципамъ, весьма нищелюбивъ. «Съ того времени,— говоритъ онъ, — какъ я, по щастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель (т. е. со времени вступленія въ масонство), уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели». «Помощь ближнему... особливо воспитываетъ

[1]) Зап., въ Чтен. М. Общ. 1860, II, 15—16.

духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ, а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство»... «*Но князь Прозоровскій*, — замѣчаетъ онъ, — *отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали и подавателя милостыни казались ему бунтовщиками*» [1]).

Мы не будемъ повторять извѣстныхъ свѣдѣній о филантропической и образовательной дѣятельности цѣлаго кружка, о благотворительныхъ школахъ, семинаріяхъ, стипендіяхъ, аптекѣ и даровой раздачѣ лекарствъ, книжной торговлѣ и даровой раздачѣ книгъ, и т. д. Замѣтимъ только, что эта дѣятельность кружка была первымъ обширнымъ примѣромъ подобнаго рода въ новомъ русскомъ обществѣ, примѣромъ, какого «принятыя правила» не представляли. Филантропическая ревность Новикова во время народнаго бѣдствія отъ голода была названа его «промысломъ», въ дурномъ смыслѣ этого слова, точно также какъ Прозоровскій подаваніе милостыни считалъ бунтомъ.

Старымъ привычкамъ противорѣчило и сближеніе въ ложѣ людей различныхъ общественныхъ положеній: здѣсь эти люди становились равноправными «братьями», между тѣмъ какъ въ принятыхъ обычаяхъ господствовали наслѣдованныя отъ старины воспоминанія мѣстничества въ соединеніи съ нѣмецкой чиновной іерархіей, строго наблюдавшей самыя мелкія подраздѣленія табели о рангахъ. Правда, большинство масоновъ состояло изъ людей дворянскаго сословія, но разница положеній и здѣсь была слишкомъ велика, и забыть эту разницу все-таки значило слишкомъ нарушить «принятыя правила».

Личные характеры подъ вліяніемъ масонства развивались въ такую сторону, которая опять дѣлала этихъ людей оригиналами и отщепенцами. Таковъ былъ, по разсказамъ, Гамалѣя, извѣстный масонъ этого кружка, одинъ изъ ближайшихъ друзей Новикова и одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ переводчиковъ мистическихъ книгъ. Мы упоминали выше объ его аскетическихъ вкусахъ: они были для него твердымъ принципомъ, строго проводимымъ и въ практическую жизнь; если Лопухинъ былъ нищелюбивъ и однако все-таки любилъ хорошо пожить, то Гамалѣя былъ настоящій аскетъ и безсребренникъ. Слуга однажды обокралъ его и бѣжалъ. Когда его поймали, Гамалѣя сказалъ ему: «видно мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя, и вотъ деньги, которыя ты взялъ; ступай съ Богомъ». Разъ ночью онъ встрѣтился съ ворами, которые потребовали у него часы и кошелекъ; онъ спо-

[1]) Чтен. 35—36.

койно отдалъ ихъ, и пришедши домой, сталъ молиться, чтобы воры не употребили отнятаго на что нибудь дурное. За его службу хотѣли дать ему 300 душъ крестьянъ, но онъ отказался на томъ основаніи, что не знаетъ, какъ управиться и съ одной своей душой, и боится взять на свое попеченіе еще триста чужихъ [1]). Такія разсужденія могли очень бросаться въ глаза въ то время, когда крестьяне раздавались очень щедро, и особенно какъ отвѣтъ на предложеніе получить долю въ этой раздачѣ.

Представляя рѣдкій въ то время примѣръ сознательнаго и самостоятельно составленнаго «убѣжденія», какъ правила жизни,— когда почти вся остальная масса общества управлялась чисто традиціонными понятіями и привычками, о которыхъ и не разсуждала, — масоны, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляли примѣръ постоянства въ этомъ убѣжденіи. Было, конечно, не мало людей, легко смотрѣвшихъ на дѣло и легко его покидавшихъ, но было не мало людей, остававшихся вѣрными ему до конца, и въ тѣ періоды, когда масонство не существовало открыто, сохранявшихъ свой масонскій типъ, котораго не могло не замѣчать общество. Этотъ типъ сохраняли и тѣ, кому приходилось оставлять свои кружки въ Москвѣ или Петербургѣ и поселяться въ провинціи: въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ существовали въ прошломъ столѣтіи и формальныя ложи, какъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ, Казани, Орлѣ, Вологдѣ и др.; но и внѣ ложи масонъ продолжалъ, въ провинціальномъ обществѣ, свою пропаганду, въ однихъ внушая опасливость и подозрѣнія, на другихъ оказывая извѣстное вліяніе. Образчикъ такого масона, занесеннаго судьбой въ провинціальную жизнь, представляетъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время масонъ Ив. Панаевъ, о которомъ разсказывается въ запискахъ его сына, извѣстнаго идиллика, В. И. Панаева [2]). Бывши въ 70-хъ и 80-хъ годахъ дѣятельнымъ «братомъ» и «мастеромъ» въ Петербургѣ, Панаевъ не оставилъ и въ Перми своей пропаганды въ филантропическомъ, образовательномъ и піэтистическомъ смыслѣ. Онъ поддерживалъ сношенія съ масонами новиковскаго кружка, получалъ отъ нихъ книги — конечно, масонской тенденціи кружка, — снабжалъ ими своихъ пріятелей и, по словамъ записокъ, «въ особенности любилъ руководствовать молодыхъ заблудшихъ людей, и многихъ поставилъ на путь истинный». При открытіи народныхъ училищъ Панаевъ вызвался при-

---

[1]) Лонг. 163.

[2]) Отсылаемъ читателя къ стр. 201—202 этихъ записокъ, въ предъидущей книгѣ «Вѣстн. Европы».

нять въ свое завѣдываніе пермское народное училище и заботливо управлялъ имъ.

Къ этому стремленію пробуждать нравственные интересы и содѣйствовать распространенію образованія (какова бы ни была его окончательная цѣль, въ масонскихъ понятіяхъ) масоны присоединяли и теплое отношеніе къ возрастающему поколѣнію; какъ Тургеневъ обратилъ вниманіе на Карамзина и принялъ на себя особенную заботу о немъ, такъ Панаевъ открылъ въ Перми и вывелъ на дорогу Мерзлякова. Какъ дѣло извѣстнаго принципа, это было опять новымъ явленіемъ. Въ масонскомъ кружкѣ молодые люди, въ качествѣ «учениковъ мудрости», должны были находить приготовленіе къ будущей дѣятельности, какого они не могли находить въ литературѣ, еще незначительной, или въ высшихъ школахъ, тогда едва начинавшихъ существовать. Какую «мудрость» находили они собственно въ ложахъ, это другой вопросъ, — эта мудрость была, какъ мы видѣли, исторической принадлежностью времени: но здѣсь они во всякомъ случаѣ сближались съ дѣйствующими людьми другого поколѣнія, сближались съ людьми важнаго общественнаго положенія, испытывали нравственно-общественныя вліянія и возбужденія, какія прежде ограничивались тѣсными формами школы или составляли дѣло случая. Когда жилъ еще Шварцъ, ко всему этому присоединялся особый курсъ лекцій философско-историческаго содержанія, конечно, еще болѣе усиливавшій авторитетъ и вліяніе масонскаго кружка на молодую аудиторію. Таково было отношеніе московскаго кружка къ той молодежи, которую они собирали около себя въ качествѣ семинаристовъ и стипендіатовъ, переводчиковъ и т. п.; таково было ихъ отношеніе къ извѣстному другу Карамзина, Петрову, и къ самому Карамзину. Въ перепискѣ этихъ друзей слышатся масонскія вліянія: эти вліянія, быть можетъ, еще недостаточно указаны въ умственномъ характерѣ Карамзина, гдѣ они оставили свой слѣдъ; они любопытны и въ Петровѣ, человѣкѣ съ несомнѣннымъ умомъ, склоннымъ къ критическому скептицизму, съ начитанностью и свѣдѣніями, — котораго даже странно видѣть подъ этими вліяніями. «Іоанновъ день», масонскій праздникъ, не разъ поминается въ ихъ перепискѣ.— Самый кружокъ, повидимому, до конца остался на своей странной колеѣ, не выходя изъ области крайняго мистицизма, но люди новаго поколѣнія, какъ Петровъ, имѣютъ уже здѣсь болѣе обширный горизонтъ; они обнаруживаютъ значительное знакомство съ европейской литературой, вовсе не мистической, восхищаются Шекспиромъ, слѣдятъ за литературной борьбой въ нѣмецкой литературѣ, — потому что, отправившись за границу, Карамзинъ

имѣлъ уже довольно опредѣленныя понятія о положеніи литературнаго нѣмецкаго міра, его партій, раздоровъ и т. д. Передъ поѣздкой за границу, Карамзинъ, какъ разсказываютъ, заявилъ масонскому кружку, оказавшему ему свое гостепріимство, что его понятія приняли иное направленіе, что онъ не можетъ поэтому причислять себя къ ихъ обществу, — и любопытно, что этотъ кружокъ, хотя и пожалѣлъ объ этомъ, но сохранилъ къ нему благосклонное отношеніе и простился съ нимъ дружески: терпимость, которой не имѣла позднѣйшая масонская братія, напр. описанная С. Т. Аксаковымъ.

Можно себѣ представить, что въ обществѣ, которое, въ огромномъ большинствѣ, жило еще въ непосредственной патріархальности, съ обиліемъ «темныхъ людей» и даже съ ожесточенной враждой къ просвѣщенію, наслѣдованной отъ старины и во многихъ еще усиленной принудительными мѣрами Петра, — что въ этомъ обществѣ люди, будившіе сонную неподвижность, задававшіе людямъ вопросы, притомъ люди, рѣзко отличавшіеся отъ массы особымъ оттѣнкомъ самой внѣшности, какой придавался масонствомъ, легко могли возбуждать къ себѣ то непріязненное чувство, о которомъ разсказываетъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ. Если и было не мало людей, которые, оставаясь чужды масонству, сочувствовали многимъ его стремленіямъ, какъ напримѣръ Платонъ и нѣкоторые архіереи, присылавшіе воспитанниковъ подъ руководство «Дружескаго Общества»; если многіе подчинялись личному нравственному вліянію масоновъ, то для огромнаго большинства, которое не трудится думать и не любитъ, чтобы тревожили его лѣнь, привычки, забавы или пороки, масоны стали предметомъ ненависти.

Когда, въ половинѣ 80-хъ годовъ, по смерти З. Г. Чернышева, стала высказываться неблагосклонность высшихъ сферъ къ масонству, обвиненія и нападенія посыпались съ пущимъ ожесточеніемъ. Мы передадимъ только нѣкоторыя подробности словами Лопухина, которыя, изображая характеръ времени и взгляды самихъ масоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ во многихъ случаяхъ и дѣйствительное, историческое оправданіе масоновъ:

«Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разныя о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и еще больше тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

«Порочили особливо *тайность* общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? *Отвѣтъ на это легокъ.*

Для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лутчихъ людей или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди, и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.?

«Между тѣмъ, коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на *существовавшую будто бы связь* съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

«Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же *не допускалъ онъ и до розыска*, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

«Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что *розыскъ бы обличилъ его выдумку*, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государынины, то Ей нечего опасаться...»[1]).

Слѣдствія подозрѣній долго ограничивались тѣмъ, что запечатывали, пересматривали, запрещали изданныя масонами книги; Новикова велѣно было испытать въ законѣ Божіемъ; Лопухинъ подвергся гоненіямъ отъ московскаго главнокомандующаго Брюса.

«...Въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостиню. Иные разсказывали,

---

[1]) Чтен. стр. 17—18.

что мы бесѣдуемъ съ духами, невѣря при томъ существованію духовъ [1]), и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

«У страха глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали *довѣренность къ навѣтамъ*, *обычай слушать шпіоновъ*, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искуство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуну на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

«Много также дѣйствовали предъубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

«Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ не похожи на наши»...[2]).

Лопухинъ разумѣетъ здѣсь упомянутыхъ выше иллюминатовъ, относительно которыхъ онъ естественно раздѣлялъ упомянутыя нами представленія, внушенныя розенкрейцерами и іезуитами; и наши масоны, вполнѣ справедливо отвергая всякую солидарность съ иллюминатами, въ свое время имѣли для себя въ этомъ отношеніи полное оправданіе. Но, разсуждая объ этомъ въ своихъ запискахъ, Лопухинъ прибавляетъ мысль, вѣроятно появившуюся у него еще въ то же время; онъ показываетъ, что въ сущности такой причинѣ даже и нельзя было бы приписывать французскаго переворота.

«Впрочемъ, — говоритъ онъ по поводу иллюминатовъ, — главною причиною революціи ставить самую оную философію и об-

---

[1]) При этомъ Лопухинъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ, а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣковъ».

[2]) Чтен., стр. 20—21.

щества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, естьли бъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться. — Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революціи»...[1]).

Мы почти съ изумленіемъ встрѣчаемъ такое ясное пониманіе у человѣка съ розенкрейцерскимъ мистицизмомъ въ головѣ, и это даетъ новый намекъ на то, какъ много могли эти люди расходиться съ ходячими понятіями того времени. Большинство и высшія сферы думали тогда совершенно иначе; они не умѣли представить себѣ ясно страшнаго броженія, охватившаго во Франціи цѣлыя общественныя массы: — считаться съ этимъ было трудно, а по старымъ привычкамъ нужно было найти виноватыхъ, какъ бы ни было трудно понять, что нѣсколько человѣкъ могутъ быть виной броженія и безумствъ цѣлой страны. Виноватыхъ, конечно, и находили между тѣми, кто прежде возбуждалъ къ себѣ недовѣріе въ людяхъ консервативнаго свойства. Надъ обвиненіями не задумывались: въ Германіи, а потомъ въ остальной Европѣ обвинили иллюминатовъ, и однимъ изъ главныхъ основаній обвиненія былъ тотъ фактъ, что около 1788 г. въ Парижѣ было *двое* иллюминатовъ (между прочимъ упомянутый нами обличитель Сенъ-Мартена, Боде); у насъ обвинили мартинистовъ.

Это обвиненіе почти непонятно по тому крайнему невѣдѣнію русской жизни, какое оно предполагаетъ въ обвинителяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было слишкомъ мало понимать эту жизнь и зарождавшіяся въ ней умственныя и нравственныя стремленія, чтобы свести дѣятельность и тенденціи нашего масонства на революціонныя затѣи, и исполнителями революціонныхъ замысловъ счесть Лопухина и его друзей. Но обвиненія были однако не шуточны. Въ 1792, когда начались допросы, князь Прозоровскій

---

[1]) Чтен., 21—22.

Ср. ниже, въ статьѣ «Современная Франція», приведенныя слова извѣстнаго англійскаго агронома Артура Юнга, путешествовавшаго по Франціи въ 1787 г. и почти буквально и единовременно съ процессомъ выразившаго такой же взглядъ на причины французской революціи въ описаніи своего путешествія, изданномъ въ 90-хъ годахъ. — *Ред.*

положительно подозрѣвалъ и вывѣдывалъ у Лопухина — о связяхъ съ якобинцами! Князь Прозоровскій обвинялъ масоновъ въ иллюминатствѣ, но Лопухинъ объяснилъ ему всю разницу между ними и этимъ обществомъ; на допросѣ онъ выспрашивалъ у Лопухина о перепискѣ съ «французами», и когда Лопухинъ подтвердилъ, что переписка «была», Прозоровскій былъ въ восторгѣ: онъ былъ увѣренъ, что добился сознанія въ связяхъ съ якобинцами. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

«Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда Вы къ нимъ писывали»? — «Не упомнишь», отвѣчалъ я, «всего, о чемъ и когда». — «Однако, сколько можешь вспомнить». — «Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ». — «Вы шутите,» осердясь говорилъ мнѣ князь. «Къ какимъ же французамъ вы писывали это?» — «Къ лавочникамъ здѣшнимъ; а то къ какимъ же?» — «Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами». — «А ваше сіятельство были съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?» говорилъ онъ. — «Такъ знайте жъ», сказалъ я ему сидя и гораздо не учтивясь, «что въ чести, *въ вѣрности государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю*, и не смѣйте мнѣ *дѣлать такихъ вопросовъ*...» [1]).

Этотъ разговоръ весьма наглядно показываетъ, какое громадное разстояніе было между фактами и тѣмъ значеніемъ, которое придавала имъ подозрительность власти. И это былъ вовсе не единственный случай такого взгляда на вещи. Въ то время находилось за границей трое русскихъ членовъ московскаго кружка, — Кутузовъ, который жилъ въ Берлинѣ для розенкрейцерскихъ занятій; Колокольниковъ и Невзоровъ, которые ѣздили за границу на счетъ Лопухина учиться медицинѣ. Въ началѣ 1792 г., когда разрѣшалось дѣло Новикова, эти послѣдніе, кончивъ свое ученье и получивъ степень докторовъ медицины, возвращались въ Россію. За границей они по самымъ принципамъ и наставленіямъ Лопухина не вступали ни въ какія ложи или другія общества, изъ опасенія «ложнаго масонства» или тогдашнихъ зловредныхъ идей; они строго выполнили наставленіе, но тѣмъ не менѣе съ ними произошли слѣдующія вещи, разсказанныя Невзоровымъ.

«...Мы съ покойнымъ товарищемъ своимъ В. Я. Колокольниковымъ, живя еще въ голландскомъ Лейденѣ, получили отъ благодѣтеля своего И. В. Лопухина письмо, въ которомъ онъ

---

[1]) Чтен., стр. 42.

насъ увѣдомлялъ, что въ Россіи нѣкоторые злоязычники разславляютъ, что будто бы мы въ Парижѣ (въ которомъ мы не только тогда, но и никогда не были) были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское національное собраніе съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями (!). И въ 1792 году мартѣ мѣсяцѣ привезли насъ въ Петербургъ и въ Невскій монастырь подъ именемъ *якобинцевъ* (!), какъ я послѣ узналъ... Смѣшнѣе же всего и грѣшнѣе то, что покойный Степанъ Ивановичъ Шешковскій въ Алексѣевскомъ равелинѣ при петербургской крѣпости допрашивалъ насъ и, конечно, по повелѣнію, отъ чего произошла французская революція (!), сіе чудовищное произведеніе кровопійственной философской просвѣщенной политики, противъ чего всего именно благодѣтельные наши учители и наставники, истинные свободные каменщики, и ученіемъ, и примѣрами, и сочиненіями, и всѣми заведеніями именно шли, въ чемъ я *ручался* тогда письменно своею *головою...*» [1]).

Изъ всѣхъ показаній вообще, данныхъ въ этомъ процессѣ, нельзя было не видѣть, что масоны были совершенные агнцы въ политическихъ дѣлахъ; ихъ отвѣты исполнены были такой преданности, что нужно было крайнее и до послѣдней степени несправедливое предубѣжденіе противъ нихъ, чтобы считать ихъ опасными. Припомнимъ здѣсь, что въ число предполагаемыхъ агентовъ и посредниковъ съ якобинцами поставили-было и Карамзина!

Наконецъ, едва ли можно сомнѣваться, что также точно къ весьма простымъ вещамъ сводилось и существенное обвиненіе — по сношеніямъ масоновъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Что основной пунктъ обвиненій лежалъ именно здѣсь (чего не хотѣли дать замѣтить обвиняемымъ), и что онъ имѣлъ такіе именно, а не другіе размѣры, въ этомъ убѣждаютъ уже слова записокъ Лопухина. «Прочіе вопросы (т. е. вопросные пункты по обвиненіямъ, кромѣ этого), — говоритъ Лопухинъ, — сочинены были только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался *важнымъ*, сколько въ основаніи своемъ *мечтателенъ* былъ» [2]). Мысль о томъ, что было бы полезно имѣть во главѣ русскаго отдѣла ордена такое важное лицо, являлась еще при Шварцѣ; но къ этому не было однако принято положительныхъ мѣръ, и въ особенности, судя по тону всѣхъ показаній объ этомъ

[1]) Библіографич. Записки 1858, I, 651—652.
[2]) Чтен. 45.

предметѣ, не дѣлалось ничего предосудительнаго. Обвиняемые почти одинаково показываютъ, что мысль о вниманіи къ ордену со стороны этой особы доставляла имъ удовольствіе, но что этими помышленіями дѣло и ограничилось. Всего больше, повидимому, говорилъ на эту тему въ ихъ кружкѣ архитекторъ Бажановъ, имѣвшій сношенія лично съ великимъ княземъ, но едва ли тѣсно принадлежавшій къ тѣсному кружку розенкрейцеровъ; со стороны кружка въ этомъ отношеніи все дѣло состояло въ посылкѣ нѣсколькихъ изданныхъ имъ книгъ. По словамъ Трубецкаго, самъ Новиковъ много разъ говаривалъ, что Бажановъ «фанатикъ, которому кажутся небылицы», — понятно, что они дѣйствительно едва ли бы довѣрили такому человѣку какой-нибудь планъ въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, самое письмо Бажанова объ этомъ предметѣ, составлявшее главнѣйшій corpus delicti, было писано еще въ 1787...

Притомъ изъ показаній Лопухина можно видѣть, что и самое отношеніе великаго князя къ ордену не было безусловно удовлетворительно. Лопухинъ говоритъ въ своемъ показаніи такъ: «Рѣдкая посылка отъ Новикова къ той особѣ книгъ чрезъ архитектора Бажанова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія (sic). Слова особы сея, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Бажанова Новикову, изъявили ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ *сумнѣніе* и *подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ*. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я *оскорблялся* — какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакожъ, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣдѣніе только по немногимъ разговорамъ съ Бажановымъ и по слухамъ. *Сожалѣніе* сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ» [1]). Въ запискахъ Лопухинъ замѣчаетъ объ этомъ своемъ показаніи: «написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы» [2]). Въ послѣдніе годы существованія кружка, когда онъ долженъ былъ слишкомъ почувствовать неблагопріятность обстоятельствъ, вѣроятно оставлены были и помышленія объ этомъ дѣлѣ...

Что у нашихъ масоновъ легко могла явиться подобная мысль,

---

[1]) Лопг., стр. 0128.

[2]) Чтен., стр. 41.

это совершенно понятно: въ западномъ масонствѣ они видѣли множество примѣровъ участія или главенства въ орденѣ разныхъ коронованныхъ или владѣтельныхъ лицъ; притомъ, о великомъ князѣ они знали или предполагали, что онъ посвященъ въ орденъ. Они даже и не скрывали вовсе мысли о томъ, какъ благодѣтельно было бы подобное обстоятельство для ордена. Въ примѣчаніи мы приводимъ отрывокъ изъ книги, изданной масонами еще въ 1784 году; правда, книга издана была собственно для своего кружка, но выраженная мысль уже конечно переставала быть тайной [1]). Въ послѣднее время, какъ мы замѣтили, эта мысль вѣроятно была и совсѣмъ оставлена: самый кружокъ начиналъ падать, и въ 1791 Типографическая Компанія была уничтожена самими компаньонами. Дѣло Новикова выросло до своихъ прискорбныхъ размѣровъ только вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ и чисто личныхъ впечатлѣній императрицы. Тревожныя событія времени усилили до крайней степени давнишнее недовѣріе къ проявленіямъ общественной мысли, и, быть можетъ, пробуждавшіяся воспоминанія о прошедшемъ, о придворныхъ переворотахъ стараго времени, дали новую пищу подозрительности, и безъ того выроставшей съ лѣтами: все это способно было совершенно закрыть настоящій видъ Новиковскаго дѣла.

Разсказавъ объ арестѣ Новикова, объ отвозѣ его окольными дорогами въ Шлиссельбургъ, о великихъ предосторожностяхъ, принятыхъ во время переѣзда, съ цѣлымъ гусарскимъ конвоемъ, — Лопухинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались» (стр. 39).

Кн. Прозоровскій надѣялся, что его наградятъ за совершенный подвигъ; но нѣсколько ошибся въ ожиданіи. Императрица, по окончаніи дѣла, быть можетъ, въ глубинѣ души увидѣла его сущность въ болѣе должномъ свѣтѣ. Въ началѣ 1793 г., Про-

---

[1]) «Есть ли бъ когда либо возможно было ввести во внутренность Ордена Государей, смотрящихъ еще и понынѣ на него съ опасной стороны, и предложить имъ въ величайшей ясности всѣ благодѣтельные, великодушные, благородные и человѣкодружественные планы и начертанія для блага рода человѣческаго: то безъ сомнѣнія содѣлалися бы они толико же ревностными покровителями оныхъ, какъ и толь многіе другіе великіе и просвѣщенные Европейскіе государи, которые, знакомы будучи со внутренностію Ордена, становятся нашими предводителями, и самодѣйственнѣйшимъ образомъ споспѣшествуютъ всѣмъ полезнымъ для человѣчества начертаніямъ.

«*Можетъ быть близка уже сія благополучная эпоха:* наступитъ она безъ сомнѣнія; ибо невѣроятно, чтобъ вѣчно пребыло сокрыто во мракѣ учрежденіе, управляемое здравымъ разсудкомъ, дѣлающее человѣковъ добродѣтельными и купно щастливыми». Магазинъ свободно-камспьщической, 1784, т. I, ч. 1, стр. 26—27.

зоровскій пріѣхалъ въ Петербургъ. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что, послѣ представленія Прозоровскаго, императрица обратилась къ Храповицкому съ словами: «знаетъ ли онъ (Прозоровскій) самъ зачѣмъ пріѣхалъ?» Потомъ, не дождавшись отвѣта, прибавила: «онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ». Ея слова были похожи на иронію,— потому что кн. Прозоровскій въ это время никакой награды не получилъ. Но вовсе не поправилось и положеніе мартинистовъ.

Въ чемъ же состоялъ процессъ Новикова? При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правильное «законное сужденіе» [1]), но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; «законнаго сужденія» не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургѣ. Мы указывали выше, почему самая тяжкая участь досталась изъ всего кружка только Новикову. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена даже болѣе компрометтированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлались легкими взысканіями, Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представило достаточнаго повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1-го августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ (хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе и въ сущности были оставлены въ покоѣ) говорится какъ о «преступникѣ и его сообщникахъ»; дѣятельность ихъ характеризована какъ «вредные замыслы», побужденія— «духъ любоначалія и корыстолюбія», свойства ихъ послѣдователей — «крайняя слѣпота, невѣжество и развращеніе», средства — «плутовство и обольщеніе» [2]).

Г. Лонгиновъ подробно разбираетъ предметы обвиненій и показанія Новикова, и во всей массѣ инкриминацій и подозрѣній находитъ собственно одну вину, — по своему свойству конечно не заслуживавшую такого наказанія, какое постигло Новикова, — именно тайное напечатаніе нѣсколькихъ масонскихъ сочиненій и продажу книгъ, разъ запрещенныхъ, въ чемъ Новиковъ прямо повинился, — какъ и другіе, которые отчасти въ этомъ участвовали, отчасти знали это. Остальныя преступленія были мнимыя, и между прочимъ заключались въ вещахъ, составляющихъ простую обыкновенную принадлежность масонства, каковы были напр. масонскія сношенія, обряды, знаки и т. п.; тогда какъ масонство вовсе не подвергалось никакимъ формальнымъ запрещеніямъ. Далѣе, «замѣчательно (говоритъ г. Лонги-

[1]) Указъ 1 мая 1792; Лонг. 071.
[2]) Лонг. 0114—0115.

новъ), что, судя по отвѣтамъ Новикова, его вовсе *и не спрашивали* объ изданіи книги, заключавшей въ себѣ раскольническія сочиненія, которая однако служила *главнымъ поводомъ къ его аресту*» [1]). Въ чемъ заключалось настоящее, неохотно высказываемое обвиненіе, т. е. «уловленіе въ свою секту извѣстной особы», мы выше видѣли.

Разбирая показанія Новикова, данныя на допросѣ, и сличая ихъ съ фактами, біографъ его старается опредѣлить степень искренности показаній и находитъ: что Новиковъ «не обманывалъ въ нихъ», но «не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его *не спрашивали*»; иногда «измѣняла ему память», отчего происходятъ нѣкоторыя ошибки; наконецъ, Новиковъ «старался смягчать обстоятельства, которыя могли ему повредить, и напротивъ того преувеличивать нѣсколько все то, что говорило въ его пользу».

И затѣмъ біографъ продолжаетъ: «*Обвинять ли* его за это? Предоставляемъ судить о томъ читателю, прося его однако вспомнить, что отвѣты на вопросы Шешковскаго писаны больнымъ человѣкомъ, не совершившимъ никакого государственнаго преступленія, схваченнымъ внезапно, перевезеннымъ въ дальній крѣпостной казематъ и поставленнымъ лицомъ къ лицу съ безпощаднымъ сыщикомъ, въ эпоху всеобщаго страха» [2]).

Намъ вопросъ кажется страннымъ: если Новиковъ, не совершившій никакого государственнаго преступленія, былъ поставленъ въ такое положеніе, — думать о подобномъ обвиненіи можно только становясь на точку зрѣнія Шешковскаго. Послѣ того, какъ Новиковъ сознался свою единственную вину — указанный выше проступокъ, и если все остальное, о чемъ его допрашивалъ Шешковскій, вовсе не запрещалось закономъ и не было преступленіемъ, что же оставалось ему еще дѣлать? Безпристрастный читатель исторіи Новикова едва ли станетъ думать о какомъ нибудь подобномъ обвиненіи. Ему скорѣе представится то печальное положеніе, въ какое становился здѣсь Новиковъ, какъ представитель извѣстныхъ потребностей общественнаго развитія и его дѣятель: внѣ указаннаго проступка, между обвиняемымъ и его инквизиторомъ не было правильнаго юридическаго отношенія; напротивъ, это были люди совершенно разнаго рода, не имѣвшіе одного общаго языка. Новиковъ могъ искренно и справедливо сознавать въ себѣ глубокую преданность благу своего отечества — въ дѣятельности, никогда не запрещенной закономъ,

---

[1]) Лонг., стр. 329.

[2]) Лонг., тамъ же.

и нашедшей сильный отголосокъ въ обществѣ; его сыщикъ не понималъ и никогда не могъ понять этого, — не думаемъ, чтобы молчаніе Новикова о томъ, «чего не спрашивали», могло быть въ этомъ случаѣ юридическимъ вопросомъ. Можно только жалѣть, что исторія трудныхъ процессовъ общественнаго развитія приноситъ примѣры такихъ встрѣчъ и такихъ печальныхъ контрастовъ.

Этотъ нравственно-юридическій смыслъ дѣла Новикова былъ уже совершенно ясенъ для самихъ современниковъ. Вспомнимъ приведенную нами выше фразу Потемкина, который предостерегалъ императрицу при назначеніи ею въ Москву кн. Прозоровскаго, долженствовавшаго рѣшить дѣло мартинистовъ. Безбородко, еще при жизни императрицы (въ 1794 г.), говорилъ Лопухину, съ которымъ только тогда познакомился, что «дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ» [1]). Карамзинъ въ запискѣ, писанной имъ о Новиковѣ для императора Александра въ 1818 г., при всей изученной мягкости своей фразы, называетъ Новикова «невиннымъ страдальцемъ», «жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго».

Эта тяжелая судьба и память преслѣдованія надолго закрыли дѣятельность Новикова той неизвѣстностью и молчаніемъ, которыя покрываютъ еще многія событія и явленія нашей новѣйшей общественной исторіи. Современники и ближайшія поколѣнія считали его имя опальнымъ, и историческое изученіе только немного лѣтъ тому назадъ начало раскрывать этотъ любопытный эпизодъ въ судьбахъ русскаго образованія. Еще недавно, когда праздновался столѣтній юбилей московскаго университета, — къ исторіи котораго имя Новикова такъ тѣсно привязано, — и когда выходили изданія, посвященныя исторіи этого университета, опала еще лежала на имени Новикова: «имя Новикова, — замѣчаетъ г. Лонгиновъ, — казалось столь запретнымъ, что редактору этихъ изданій, покойному С. П. Шевыреву, стоило величайшихъ трудовъ, чтобы провести въ печати, и то съ урѣзками, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ» [2]). Собственно только въ послѣдніе годы литература выдвинула этотъ историческій эпизодъ, — хотя изученіе его все еще остается весьма неполнымъ.

Тѣмъ не менѣе, при всей опалѣ, имя Новикова никогда не

---

[1]) Чтен., стр. 36.

[2]) Лонг., стр. 3.

забывалось. Въ двухъ-трехъ словахъ, которыми упоминали о немъ въ началѣ, потомъ въ краткихъ и сухихъ біографіяхъ, оно постоянно называлось какъ высокое имя русской литературы; и въ этихъ отзывахъ, безъ спора признававшихъ значеніе Новикова, несомнѣнно сказывалась традиція 80-хъ годовъ, — того времени, когда Новиковъ занималъ господствующее положеніе въ общественно-литературномъ движеніи. Его имени отдавалось уваженіе и тогда, когда еще никто не опредѣлялъ суммы и значенія его дѣятельности и когда его еще боялись называть.

Эта дѣятельность раздѣлялась вообще на три различные предмета, въ которыхъ однако Новиковъ постоянно одушевлялся однимъ господствующимъ стремленіемъ. Онъ предпринималъ и совершалъ историческіе труды, собираніе и изданіе памятниковъ старой исторіи и литературы, — руководясь историческимъ чувствомъ, которое въ изученіи прошлаго указывало ему одно изъ орудій общественнаго развитія. Онъ брался за сатиру, часто горькую и язвительную, — стараясь этимъ указаніемъ вопіющихъ недостатковъ общества внушить ему стремленіе къ лучшему и болѣе совершенному. Наконецъ, онъ сталъ ревностнымъ масономъ, — но и здѣсь имъ руководитъ та же мысль о служеніи обществу: блуждая въ масонскихъ символахъ и іероглифахъ, онъ думаетъ, что находитъ тѣ же символы въ преданіяхъ русской старины; вѣря вполнѣ въ древность и глубокій смыслъ ордена, онъ старается глубже утвердить его на русской почвѣ, дать русскому масонству національную самостоятельность, усвоить его русской жизни, — такъ что и здѣсь, въ одномъ изъ самыхъ странныхъ увлеченій «западомъ», какія только можетъ представить исторія русскаго образованія, онъ, какъ всѣ лучшіе люди, увлекавшіеся «западомъ», остается вѣренъ главному стремленію — служить своему обществу.

Результатъ, оставшійся въ русской литературѣ отъ масонской дѣятельности Новикова и его кружка, производитъ самъ по себѣ странное и тяжелое чувство. Этотъ результатъ, который долженъ представлять собой плодъ задушевныхъ стремленій и многолѣтняго труда, — есть масса книгъ, преисполненныхъ туманнымъ мистицизмомъ, грубымъ незнаніемъ, ребяческими заблужденіями, фантастическимъ суевѣріемъ, гдѣ мы только съ трудомъ отыскиваемъ то первоначальное побужденіе, которое выполняется здѣсь въ такомъ извращенномъ видѣ. Но если бы мы даже не знали цѣнныхъ историческихъ трудовъ Новикова, дающихъ ему независимо отъ всего остального почетное мѣсто въ исторіи литературы, и если бы знали только автора «Живописца», ставшаго послѣ мрачнымъ мистикомъ, — мы нашли бы

разъясненіе этого страннаго развитія, совершавшагося безъ указаній и поддержки въ средѣ, почти лишенной образованія, и исторія громаднаго, хотя въ большой степени совершенно фальшиваго труда, показала бы намъ въ масонѣ Новиковѣ дѣятеля, имѣющаго всѣ права на сочувственное воспоминаніе. Преслѣдованіе, доставшееся ему на долю, усиливаетъ это сочувствіе, какъ всегда, когда преслѣдованію подвергается сильное и чистое убѣжденіе.

Наконецъ, преслѣдованіе, упавшее тяжелымъ ударомъ на личную судьбу Новикова, не уничтожило его дѣла — опять историческій фактъ, множество разъ повторявшійся въ судьбѣ общественныхъ понятій. Мистическая школа, отчасти выросшая подъ вліяніемъ московскаго кружка, отчасти развившаяся независимо, имѣла свой новый періодъ процвѣтанія въ царствованіе Александра I. На этотъ разъ процвѣтаніе мистицизма отличалось уже другими свойствами: то, съ чѣмъ можно было мириться у Новикова, въ 80-хъ годахъ, приняло теперь самыя антипатичныя формы, становилось положительнымъ вредомъ для общества, и конечно не найдетъ въ исторіи тѣхъ оправданій, какія можетъ найти мистицизмъ Новикова. Преслѣдованіе Новикова оказывалось совершенно безполезнымъ, и ошибка 90-хъ годовъ отплачивалась въ 20-хъ.

Итакъ, ближайшее изученіе открываетъ въ дѣятельности Новикова слишкомъ много слабыхъ сторонъ, состоявшихъ въ фантастическомъ мистицизмѣ и отрицаніи настоящей положительной науки, и эти заблужденія Новикова, сами по себѣ очевидно вредныя для дѣла образованія, до сихъ поръ едва ли даже оцѣнены во всемъ ихъ объемѣ; но съ той относительной точки зрѣнія, которая необходима въ историческомъ рѣшеніи, въ новиковскомъ мистицизмѣ мы все-таки можемъ видѣть извѣстный успѣхъ относительно той неподвижности и отсутствія живыхъ умственныхъ интересовъ въ массѣ общества, едва начинавшей сознательную жизнь въ новыхъ условіяхъ петровской реформы. Какъ цѣлое общественное явленіе, литературная судьба Новикова даетъ и свой историческій урокъ, — потому что теоретическій выводъ изъ историческихъ данныхъ можетъ быть и практическимъ указаніемъ — для тѣхъ, кто бы захотѣлъ совѣтоваться съ исторіей. Изъ этой литературной судьбы можно, кажется, вывести, — что общественно-литературный успѣхъ и вліяніе, подобное вліянію и успѣху Новикова, бываютъ результатомъ не одной личной тенденціи отдѣльнаго человѣка, но обнаруживаютъ зрѣющія наклонности и стремленія самого общества; и что съ тѣхъ поръ, какъ общество перестаетъ быть неразсуждающею массой и начинаетъ свою

самодѣятельность, ему становится необходимъ и долженъ быть ему предоставленъ извѣстный просторъ, терпимость и свобода мышленія, если только мы желаемъ, чтобы эта самодѣятельность могла стать настоящею сознательною общественною силой: — организмъ общества, не совершенно слабосильнаго, самъ правильно совершитъ процессъ развитія, и только при самостоятельной работѣ мысли общество можетъ научиться вѣрно различать «заблужденія и истину», и дѣятельность его достигнетъ прочныхъ результатовъ.

А. Пыпинъ.

VIII.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПАРЛАМЕНТАРИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Tome huitième. Paris, 1867.

Dufraisse. Histoire du droit de guerre et de paix de 1789 à 1815. Paris, 1867.

I.

Восьмымъ, недавно вышедшимъ томомъ Гизо заключилъ свои мемуары, которые предназначались, по выраженію самого автора, служить матеріаломъ для «исторіи его времени.» Эта «исторія времени Гизо» т. е. сороковыхъ годовъ, эпохи полнаго развитія парламентаризма во Франціи, возбуждаетъ, именно теперь, какое-то напряженное вниманіе французскихъ изслѣдователей и публицистовъ. Въ одномъ нынѣшнемъ году вышло почти единовременно съ трудомъ Гизо нѣсколько замѣчательныхъ работъ, относящихся прямо или косвенно къ одному и тому же роду идей. Такъ, въ нынѣшнемъ же году вышли: десятый томъ «Исторіи реставраціи» Віель-Кастеля [1]),—восьмой томъ «Исторіи пар-

[1]) Histoire de la Restauration, par *Louis de Viel-Castel.* — Tome dixième.

ламентарнаго правленія во Франціи» Дювержье-де-Горàнь [1]),—и наконецъ, сочиненіе Марка Дюфресса, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Исторія права войны и мира съ 1799 по 1815 г.»

Всѣ эти сочиненія, не смотря на различіе эпохъ и событій, которыми они занимаются, имѣютъ одинъ общій предметъ, одинъ общій интересъ,—и научный и жизненный. У всѣхъ ихъ одно общее стремленіе, хотя и понимаемое ими съ различныхъ точекъ зрѣнія и вытекающее изъ различныхъ побужденій. Всѣ они ищутъ разрѣшенія одной и той же задачи, и всѣ они, въ большей или меньшей степени, вызваны къ тому неудовлетворительностью настоящаго періода французской исторіи. Предъ всѣми ими стоитъ, какъ грозный сфинксъ, одинъ вопросъ, ждущій отвѣта и сообразнаго съ нимъ примѣненія въ жизни... Задача заключается въ возможности существованія во Франціи свободы и соотвѣтственной ей системы правленія; вопросъ — почему до сихъ поръ, не могла установиться подобная система, несмотря на столько кровавыхъ опытовъ, на столько мудрыхъ комбинацій и усердныхъ стараній примѣнить ихъ? Писатели, какъ Віель-Кастель, полагаютъ, что производимые до сихъ поръ опыты не удавались вслѣдствіе ошибокъ и неумѣлости правителей, вслѣдствіе ихъ недостаточной искренности и преданности свободнымъ учрежденіямъ. Другіе, какъ Дювержье-де-Горань, вмѣстѣ съ этими причинами, указываютъ на пробѣлы и несовершенства въ самыхъ системахъ, на ограниченное примѣненіе и преграды дальнѣйшему развитію системъ. Оба эти мнѣнія видятъ самое лучшее доказательство своей правды въ событіяхъ французской исторіи въ первую половину XIX-го вѣка, и потому обращаются къ ихъ историческому изложенію во всей подробности. Исторія Віель-Кастеля уже была оцѣнена Академіею и признается французскими критиками за весьма строгій, систематическій, безпристрастный трудъ. Сочиненіе Дювержье-де-Горань получаетъ еще особенный интересъ по бывшему личному положенію автора. Онъ стоялъ въ 40-хъ годахъ во главѣ монархической партіи парламентской оппозиціи противъ министерства Гизо; рядомъ съ Одилономъ Барро, Ремюза, Токвиллемъ,— онъ стремился къ болѣе истинному примѣненію конституціонныхъ учрежденій. Но въ вышедшемъ теперь восьмомъ томѣ, Дювержье-де-Горань дошелъ еще только до 1826 г., а потому и мы ограничимся пока однимъ указаніемъ на его трудъ, тѣмъ болѣе, что читатели нашего журнала уже знакомы съ внутреннимъ со-

[1]) Histoire du gouvernement parlementaire en France, par *Duvergier-de-Hauranne*. T. 8-me. 1867.

стояніемъ Франціи предъ 30-ми годами [1]); притомъ Дюверрье-де-Горань отвелъ бы насъ слишкомъ далеко назадъ отъ той эпохи, которою занимается Гизо въ послѣдней книгѣ своихъ мемуаровъ, эпохи весьма поучительной въ исторіи французскихъ конституціонныхъ учрежденій, а главное, не лишенной и современнаго интереса.

Предъ Гизо, какъ и предъ всѣми другими, стоитъ тотъ же вопросъ о свободной системѣ правленія, но авторъ съуживаетъ его до рамокъ своей личной дѣятельности,—и ея изображеніе, сопровождаемое разными разсужденіями, предлагаетъ идеаломъ наилучшаго способа конституціонной системы. Выводъ изъ чтенія мемуаровъ получается однако прямо обратный ожиданіямъ автора, но отъ этого интересъ ихъ не только не теряетъ своей силы, а напротивъ — выигрываетъ. Гизо остался вѣренъ своему доктринерному упрямству, и ничуть не утратилъ своего прежняго самообольщенія; поэтому онъ и не думаетъ затемнять разными оправданіями главныхъ, важнѣйшихъ актовъ своей политики,—напротивъ, выставляетъ ихъ напоказъ и тѣмъ самымъ вполнѣ обнажаетъ всѣ ихъ слабыя стороны. Помня, какую первостепенную роль игралъ Гизо при Луи-Филиппѣ, мы выведемъ изъ его же собственнаго разсказа, что онъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ и главнымъ виновникомъ — на сколько событія зависятъ отъ личностей — паденія орлеанской монархіи. Другой интересъ мемуаровъ — кромѣ такого ознакомленія съ причинами паденія орлеанизма — интересъ данной минуты, заключается въ настоящемъ выжидательномъ положеніи орлеанской партіи. Орлеанисты болѣе чѣмъ когда-либо ждутъ теперь и чаютъ возвращенія на французскій престолъ своихъ династическихъ представителей. Изъ сравненія положеній, *высказываемыхъ* у Гизо, съ тѣми, которыя встрѣчаются у другихъ извѣстныхъ орлеанистскихъ публицистовъ касательно парламентскаго начала — читатель легко увидитъ, на сколько орлеанизмъ остался на своей прежней точкѣ зрѣнія, или на сколько онъ понялъ необходимость болѣе широкихъ уступокъ націи. Другими словами, намъ представляется удобный случай

---

[1]) Изъ статей: «Эпоха Конгрессовъ» и «Западная Европа наканунѣ 30-хъ годовъ». Въ главѣ XXXV-й восьмого тома, Дюверрье-де-Горань тоже занимается греческимъ вопросомъ въ 20-хъ годахъ (ср. «Эпоха Конгрессовъ» — сентябрь, 1867 г.), и интересно указаніе авторомъ впечатлѣнія, произведеннаго смертью Александра I-го на тогдашнія французскія партіи: «Il était difficile de rattacher cet événement à la lutte des partis en France, et d'y trouver un nouveau thème d'opposition. On eut pourtant l'art de le faire, et personne ne s'en etonna, tant l'irritation publique était grande. Avec Alexandre, s'écrièrent tout d'une voix les deux oppositions, la Sainte-Alliance est morte, et l'Europe est à reconstituer» (стр. 430).

убѣдиться, на сколько въ настоящую минуту парламентаризмъ іюльской монархіи, вообще, могъ бы удовлетворить стремленіямъ современной Франціи? Въ послѣднемъ отношеніи какъ нельзя лучше можетъ нами руководить сочиненіе М. Дюфресса.

Политикъ и публицистъ 40-хъ годовъ, шестидесятилѣтній *ex*-представитель народа въ короткое время февральской республики и современный профессоръ Политехнической школы Союза въ Цюрихѣ, Дюфрессъ тоже ищетъ тѣхъ гарантій, которыя разъ навсегда установили бы и упрочили свободу въ его отечествѣ, и тоже трактуетъ о парламентарномъ началѣ. Несмотря на то, что онъ сосредоточивается, повидимому, на одномъ только пунктѣ парламентаризма—на вопросѣ, кому должно принадлежать право рѣшенія войны и мира,—изъ его сочиненія вытекаетъ цѣлый особый взглядъ на должныя отношенія между исполнительной и законодательной властями въ государственномъ строѣ Франціи. А въ этихъ именно отношеніяхъ, болѣе нежели въ чемъ-либо, при серьезной и добросовѣстной избирательной системѣ, при независимости судебныхъ институтовъ, — выражается то или другое начало — произвольное и личное, или парламентарное и конституціонное. Сужденіе современной французской прессы о мемуарахъ Гизо и о сочиненіи Дюфресса весьма знаменательны во многихъ отношеніяхъ: несмотря на все бывшее значеніе Гизо, его мемуары, его проповѣдываніе парламентаризма, какъ онъ его понимаетъ, нисколько не увлекаетъ французовъ, и даже вызываетъ до сихъ поръ одни упреки и нареканія ихъ автору; между тѣмъ, парламентаризмъ, какъ его понимаетъ Дюфрессъ, при всей отрицательности въ самомъ изображеніи, — быстро обратилъ на себя взоры тѣхъ, которые давно уже ожидаютъ внутреннихъ перемѣнъ во Франціи. Потому-то, знакомясь со взглядами Гизо и Дюфресса, мы можемъ получить ясное понятіе о томъ, чего добивалась прошлая доктрина, и чего домогаются въ настоящее время? что отталкиваетъ отъ себя, и чего ищетъ либеральная Франція, т. е., та ея часть, которая не заинтересована личными матеріальными выгодами современнаго положенія вещей.

Книга Дюфресса представляетъ еще и иной интересъ, вполнѣ аналогическій съ интересомъ другихъ выше названныхъ сочиненій. Віель-Кастель и Дювержье-де-Горань, изображая историческій ходъ конституціонныхъ учрежденій, указываютъ на всѣ глубокія ошибки реставраціи и на причины ея паденія. Гизо дѣлаетъ тоже самое, хоть и помимо своей воли, относительно орлеанской монархіи. Мы безъ преувеличенія могли бы сказать, что Дюфрессъ рисуетъ яркими, огненными красками агонію второй имперіи Наполеонидовъ. Ни у кого еще не вырывалось та-

кого страшнаго, наболѣвшаго 20-ю годами изгнанія, — протеста; нигдѣ еще не высказывалось такого — то величаво-спокойнаго, то глубоко-ироническаго бичеванія существующаго порядка во Франціи. Читая названныя нами произведенія, такъ сказать, присутствуя при разложеніи трехъ, повидимому, совершенно различныхъ началъ, невольно поражаешься сходствомъ въ причинахъ постепеннаго упадка и паденія всѣхъ ихъ. Если однако вглядѣться пристальнѣе въ происхожденіе и принципы всѣхъ трехъ началъ — бурбонскаго, орлеанскаго и бонапартистскаго, то общность ихъ судьбы представится намъ весьма естественною.

Реставрація должна была воцариться на французскомъ тронѣ во имя спасенія Франціи отъ анархіи и кровопролитія, во имя установленія общества на началахъ человѣческой справедливости и общественнаго блага. Но на дѣлѣ оказалось, что реставрація понимала эти начала совершенно противоположно съ пониманіемъ Франціи и была только способна на новое возбужденіе анархіи, быстро погашенной возведеніемъ на тронъ орлеанизма. Знаменитыя слова, сказанныя Лафайетомъ при представленіи народу Луи-Филиппа: «Вотъ вамъ самая лучшая республика»! умѣли прельстить общество, искавшее въ іюльской монархіи того, чего оно не нашло въ реставраціи: серьезной организаціи парламентаризма, — представительной системы, построенной на широкихъ началахъ и огражденной отъ произвола администраціи. Но на дѣлѣ опять оказывалось, что орлеанизмъ вносилъ собой не преобразованіе, а простое продолженіе системы реставраціи, несмотря на то, что общество привыкло смотрѣть на царствованіе двухъ линій Бурбоновъ, какъ на совершенно противоположныя системы; общество было введено въ ошибку тѣмъ, что однѣ и тѣ же баррикады свергнули Карла X-го и возвели на престолъ Луи-Филиппа. Въ сущности же связь и родство между реставраціей и іюльской монархіей гораздо сильнѣе, чѣмъ казавшаяся противоположность ихъ. Средній классъ, такъ-называемая буржуазія успѣла ловко остановить движеніе общества въ іюльскіе дни тридцатаго года и воспользоваться имъ для простой смѣны одного лица другимъ, Карла X-го — Луи-Филиппомъ: но отъ этого система правленія не только не измѣнилась, а напротивъ, получила себѣ прочное укрѣпленіе, и захотѣла облечься въ опредѣленную доктрину, замкнуться въ узкій догматъ. Іюльская монархія наслѣдовала отъ реставраціи именно ея извѣстную систему, извѣстную «политику сопротивленія» — не только нововведеніямъ, но и всякому проявленію мысли несогласной съ доктриной ея министерства. Отъ этого-то и драма паденія того и другого правительства почти одна и таже, и совершается при весьма сход-

ной обстановкѣ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ причинами паденія были обманутыя ожиданія народа, его недовольство, его безнадежность относительно лучшей доли, по иниціативѣ правительства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поводомъ къ сверженію бурбонской и орлеанской династій послужило анти-конституціонное нарушеніе гражданскихъ правъ общества, стѣсненіе и насиліе надъ мыслью и общественнымъ мнѣніемъ. Въ іюлѣ 30-го года все это выразилось въ знаменитыхъ ордонансахъ о печати; въ февралѣ 48-го года—въ упрямомъ поведеніи министерства Гизо относительно банкетовъ электоральной реформы. Такимъ образомъ, іюльская революція была въ самыхъ существенныхъ вопросахъ не чѣмъ другимъ, какъ реставраціею Реставраціи, и потому мы не случайно упомянули сочиненія Віель-Кастеля и Дювержье-де-Горань, говоря объ эпохѣ сороковыхъ годовъ, отдаленной болѣе временемъ, нежели идеями, отъ эпохи Вѣнскаго Конгресса.

Если мы, наконецъ, обратимся къ условіямъ, при которыхъ явилась вторая имперія, выходящая изъ 2-го декабря [1]), то и здѣсь увидимъ большое сходство въ пріемахъ и оборотахъ начала, низвергнутаго имперіализмомъ; точно также, какъ орлеанизмъ при іюльской революціи, имперіализмъ сначала воспользовался народными мечтами о лучшемъ бытѣ, а потомъ бросился въ объятія буржуазіи, въ качествѣ спасителя общества отъ анархіи и грабежа. Знаменитыя слова Наполеона III-го въ Бордо: «Имперія, это — миръ!» пронеслись чрезъ всю Европу съ неменьшимъ шумомъ, чѣмъ и приведенныя слова Лафайета о «Луи-Филиппѣ — республикѣ!» Если Луи-Филиппъ не вполнѣ оказался «республикой», то непрестанная, двадцатилѣтняя канонада отъ Мексиканскаго залива и Кохинхины до Чернаго моря и Рима — свидѣтельствуютъ объ особенномъ свойствѣ наполеоновскаго мира! — Въ настоящую минуту, имперіализмъ прибѣгаетъ даже къ той самой «политикѣ сопротивленія», которой слѣдовали изгнанные имъ предшественники, обличая тѣмъ такую же немощь и несостоятельность, какая нѣкогда проявилась при Бурбонахъ и при Л.-Филиппѣ: Франція опять стоитъ, какъ стояла въ февралѣ 1848 г., наканунѣ важнаго рѣшенія вѣчныхъ вопросовъ о печати и о правѣ собраній.

Вотъ почему, читая французскихъ публицистовъ эпохи реставраціи, мы можемъ часто принять ихъ далекій голосъ за обращеніе къ современному положенію Франціи: такъ порази-

---

[1]) См. напримѣръ, *Kinglake*, въ его извѣстномъ сочиненіи о Крымской войнѣ, т. I, глава XIV.

тельно сходство бурбонскихъ, орлеанскихъ и наполеоновскихъ началъ, не смотря на всю ихъ междоусобную брань, не смотря на то, что одно было свергаемо другимъ.

Еще за четыре года до паденія Карла X-го, въ концѣ парламентской сессіи 1826 года, Бенжаменъ Констанъ, въ своей извѣстной рѣчи противъ возстановленія цензуры, давалъ реставраціи оправданное временемъ предостереженіе: «Да — говорилъ онъ — между нами поселяется безпокойство, и оно двоякаго рода: прежде всего существуютъ тревоги одной партіи, которая находитъ, что министерство не идетъ достаточно быстро (по своему реакціонному пути). Эта партія хотѣла бы привести насъ къ правленію абсолютному; она не перестаетъ кричать: «огонь!» чтобъ заставить вѣрить въ пожаръ, въ то время какъ она сама несетъ фитили, готовые поджечь! Другія тревоги существуютъ среди мирныхъ гражданъ.... Я умоляю министровъ въ интересѣ Франціи, въ интересѣ монархіи, не подвергать насъ снова игу цензуры» [1]). — «Серьезность положенія — замѣчаетъ Дювержье-де-Горань, — была ясна для всѣхъ.... монархія была болѣе въ опасности чѣмъ когда либо; либеральное движеніе шло быстрыми шагами и овладѣвало департаментами.... правительство реставраціи не могло сохранять ни малѣйшаго сомнѣнія относительно общественнаго мнѣнія; ему оставалось только рѣшить — уступитъ ли оно или будетъ сопротивляться, захочетъ ли оно привлечь къ себѣ умы, или подавитъ ихъ настроеніе, однимъ словомъ — дастъ ли оно или откажетъ Франціи въ исполненіи ея желаній? Отъ этого зависѣла судьба реставраціи».— Правда, такъ говорили въ концѣ сессіи 1826 г., и агонія, разладъ общества съ правительствомъ могъ длиться еще четыре года. Въ вышедшемъ прошлаго года весьма интересномъ томѣ, дополняющемъ сочиненія Токвилля и состоящемъ изъ неизданныхъ писемъ, — встрѣчается опять много предсказаній и много вѣрныхъ сужденій объ орлеанской монархіи. Въ августѣ 1847 года Токвилль писалъ [2]): «Вы найдете Францію тихою и довольно процвѣтающею, но все же тревожною. Съ нѣкотораго времени въ ней овладѣлъ умами какой-то странный недугъ; и среди такой тишины, какой ужъ у насъ давно не бывало, многимъ умамъ является мысль о *непрочности* современнаго состоянія вещей».

Эти строки, можно подумать, написаны сегодня, подъ впечатлѣніемъ нынѣшняго состоянія Франціи. Извѣстно, что орлеа-

---

[1]) Duvergier de Hauranne, t. VIII, стр. 623.

[2]) Oeuvres complètes de Alexis de Tocqueville. T. VII. Nouvelle correspondance entièrement inédite. Paris, chez Lévy. 1866, p. 231.

низмъ упрекали за униженіе Франціи извнѣ, предъ другими державами Европы [1]). Французы еще помнятъ грозныя, хотя далеко неосновательныя филиппики Армана Карреля противъ внѣшней политики іюльской монархіи. Въ 1841 году Токвиль писалъ къ Дж. Стюарту Миллю [2]): «Нужно, чтобъ тѣ, которые идутъ во главѣ такой націи (французской), всегда сохраняли гордое поведеніе, если не хотятъ уронить весьма низко уровень національныхъ нравовъ. Нація считаетъ себя униженною [3]) и дѣйствительно была такой, если не актами, то языкомъ нашихъ министровъ. Ея правительство само говорило ей про то, дѣлаю во имя ея угрозы; и какъ только эти неосторожныя и безумныя угрозы вызвали опасность,—это самое правительство, этотъ самый государь, которые высказывались столь щепетильными и столь гордыми—теперь объявили, что *надо отступить!*...»

Кто бы могъ подумать, за какіе нибудь два года тому назадъ, что совершенно подобный упрекъ можно будетъ основательно сдѣлать политикѣ Наполеона III, политикѣ, которая ничего не щадила, которая вся отдалась внѣшней грозной славѣ Франціи! А между тѣмъ, писатель, встрѣченный привѣтствіями и сочувствіемъ во Франціи, Дюфрессъ, не только обращается съ подобными упреками, но идетъ гораздо дальше и высказываетъ гораздо серьезнѣйшее опасеніе за результаты наполеоновской политики: «Вотъ уже 15 лѣтъ—пишетъ онъ [4])—15 лѣтъ уже прошло, какъ въ моей жизни отреченія и молчанія, меня преслѣдуетъ одинъ страхъ, одна боязнь, о которой засвидѣтельствуетъ въ одинъ день моя переписка изгнанника.... Теперь, если только моя патріотическая боязнь не составляетъ преступленія, думаю, я имѣю право сказать, чего я страшусь вотъ уже 15 лѣтъ. Я страшусь войны, развязки войны; я боюсь третьяго нашествія на мое отечество». Эта боязнь созрѣла въ обществѣ окончательно отъ послѣдней побѣдоносной прусской кампаніи, которая была предпринята при извѣстномъ участіи Наполеона III и которая чрезвычайно усложнила международныя отношенія единой Германіи и французской имперіи, въ силу бонапартистскаго принципа военнаго господства Франціи. «Революціонная традиція — говоритъ Дюфрессъ — извращенная по невѣжеству или по

---

[1]) Въ обвинительномъ актѣ оппозиціи противъ Гизо (см. ниже) было сказано: 1-о, d'avoir trahi au dehors l'honneur et les intérêts de la France.

[2]) Тамъ же, стр. 187.

[3]) По поводу лондонскаго трактата 15 іюля 1840 года по восточному вопросу, заключеннаго между Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей и съ полнымъ отстраненіемъ Франціи. Ср. *Elias-Régnault* — Histoire de Huit ans. T. I, гл. VII.

[4]) M. Dufraisse, стр. 371.

разсчету, и традиція имперіалистская, принятая безъ размышленія, представляютъ собой — при существующей запутанности ихъ — постоянную опасность войнъ, покушеній къ побѣдамъ, вторженіямъ. Господство Франціи въ Европѣ, — каково бы ни было его имя — преобладаніе, супрематія, всемірная монархія — все это есть не что иное, какъ императорская традиція, сведенная къ своему крайнему выраженію. Имперія — если она не предписываетъ своей воли чужеземцу — перестаетъ существовать. Форма, въ которую она облачается и даже самое имя, которое она носитъ, теряютъ въ такомъ случаѣ смыслъ своего бытія. Извѣстное званіе обязываетъ на извѣстное дѣло». При такомъ фатальномъ назначеніи имперіи во Франціи, неудивительно, что такіе люди, какъ Дюфрессъ, смотрятъ на ея главу, какъ на виновника всѣхъ тревожныхъ компликацій въ Европѣ и неловкаго положенія Франціи, разсчетливо извращенной въ своихъ понятіяхъ о свободѣ и единствѣ, въ своихъ лжепатріотическихъ иллюзіяхъ относительно славы и чести. Вмѣстѣ съ Дюфрессомъ, современная Франція вспоминаетъ невольно слова г-жи Сталь, обращенныя къ Наполеону I: «О Франція, Франція, нужно было *чужеземнаго* властителя, чтобъ низвести тебя до такого положенія! Французскій государь, каковъ бы онъ ни былъ, слишкомъ любилъ бы тебя, чтобъ подвергнуть тебя такой опасности!»

При современномъ настроеніи французскаго общества, наканунѣ ожиданій реформъ по существеннымъ вопросамъ государственной и народной жизни, ученая разработка парламентской исторіи Франціи и парламентскія воспоминанія старыхъ бойцовъ пріобрѣтаютъ особенный интересъ и даже практическое значеніе. Въ настоящую минуту болѣе нежели когда либо можно видѣть, къ какимъ заключеніямъ приходитъ бывшій орлеанскій министръ, какъ онъ понимаетъ парламентаризмъ, и то-ли это, чего желаетъ и ищетъ современная Франція.

II.

Личность Гизо заключаетъ въ себѣ три характера: литературно-историческій, теологическій и политическій; и общественную дѣятельность его можно разсматривать съ этихъ трехъ разныхъ сторонъ, между которыми, конечно, есть весьма много сроднаго и общаго. Но мы не станемъ здѣсь говорить ни объ историческихъ заслугахъ, ни о теологическихъ способностяхъ Гизо; — какъ историкъ онъ давно уже во многомъ оцѣненъ, во многомъ

осужденъ критикой; какъ теологъ [1]) — онъ долженъ принадлежать исключительно соображеніямъ католиковъ и протестантовъ. Мы отнесемся къ Гизо такъ, какъ онъ самъ того желаетъ,—къ той его дѣятельности, въ которой онъ самъ хочетъ явиться предъ нами въ мемуарахъ, т. е. въ политической, парламентской дѣятельности. И здѣсь мы поступимъ согласно съ его собственнымъ пріемомъ и не вдадимся въ біографическія подробности. Въ противоположность обычному писанію мемуаровъ, Гизо почти совершенно умолчалъ въ первомъ томѣ о своей личной жизни, о семейной обстановкѣ, объ интимныхъ отношеніяхъ, о томъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался; и не смотря на его увѣреніе: «я не пишу исторіи своего времени» — онъ прямо приступаетъ къ изображенію этой исторіи, принимая за точку отправленія ея свою политическую карьеру, и сосредоточивая ее на своемъ парламентскомъ министерствѣ при Луи-Филиппѣ.

Одного только жаль въ опущеніи авторомъ всѣхъ біографическихъ свѣденій, — жаль отсутствія его собственнаго взгляда и отношенія къ своимъ молодымъ годамъ. Эти годы всегда имѣютъ большое вліяніе на человѣка, въ нихъ формируется характеръ и запечатлѣваются извѣстныя извнѣ принятыя или въ собственной глубинѣ продуманныя воззрѣнія: тѣмъ болѣе эти годы должны были наложить свою печать на всю дальнѣйшую жизнь Гизо — при той обстановкѣ, въ которой онъ находился.

Гизо воспитывался въ Женевѣ, а надо знать, что̀ такое была Женева въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX-го вѣка, чтобы понять ея неизбѣжное вліяніе на юношу. Въ то время Женева была пропитана узкимъ аристократизмомъ и кальвинистскою нетерпимостью; идеаломъ женевскихъ аристократовъ была вовсе не ихъ республика, не республиканскія учрежденія прежней Швейцаріи или нарождавшейся Америки, а вѣковая конституціонная монархія Англіи. Изученію англійской конституціи посвящали себя молодые, знатные женевцы, отправлявшіеся на цѣлые годы въ Англію, и объ этой конституціи, объ этой наслѣдственной монархіи, ограниченной парламентаризмомъ, мечтали женевцы, какъ о лучшей формѣ для всѣхъ рѣшительно государствъ. Подобная мечта руководила женевцемъ Неккеромъ въ его служеніи Людовику XVI-му; подобная тенденція проповѣдывалась тѣми многими женевцами, которые принимали участіе въ журналистикѣ революціонной эпохи, и которые, замѣчательно,

---

[1]) Въ только-что вышедшемъ 9 томѣ Nouveaux Lundis, Sainte-Beuve'a, читатель найдетъ отчетъ талантливаго рецензента объ одномъ изъ произведеній Гизо теологическаго разряда — L'église et la Société chrétienne en 1861.

были почти единственными искренними роялистами во Франціи. Революція встрѣтила въ женевскихъ представителяхъ прессы и политики самыхъ ярыхъ враговъ, а казнь Людовика XVI-го закалила ихъ ненависть къ ней. Дѣйствія конвента и директоріи относительно женевской республики только могли раздуть огонь ненависти, а безцеремонное поведеніе Наполеона I-го заставляло женевцевъ становиться всѣми своими желаніями на сторону коалиціи и еще болѣе мечтать о введеніи во Франціи англійскаго парламентскаго начала. Рядомъ съ парламентаризмомъ, процвѣтала въ Женевѣ другая тенденція, гораздо болѣе важная и свѣтлая — это занятіе наукой и литературой не только французской, но и нѣмецкой и англійской. Англійская политика, нѣмецкая философія и женевская кальвинистская теологія, — сообщали женевской наукѣ, при тѣхъ особенныхъ условіяхъ, какой-то особый суровый, такъ сказать аскетическій характеръ, и заставляли искать въ ней разъ навсегда сложившихся, неподвижныхъ принциповъ и незыблемыхъ догматовъ.

Молодой, девятнадцати-лѣтній Гизо отправился въ Парижъ въ первые годы имперіи (1806) для того, чтобы изучать юриспруденцію, и вліяніе Женевы должно было не только не утратиться, а, напротивъ, укрѣпиться въ средѣ Ройе-Коллара, въ которую онъ былъ скоро допущенъ. Ройе-Колларъ, считающійся патріархомъ доктринеровъ, былъ воспитанъ пàтерами, и пàтерами янсенистскими; слѣды янсенизма не могли изгладиться въ немъ и отозвались на всей политикѣ страстью догматизма и доктринерства. Молодой Гизо былъ замѣченъ въ салонѣ Ройе-Коллара, и на него были возложены надежды, оправдавшіяся вынесенными изъ Женевы сходными понятіями и широкой исторической начитанностью.

Политическая карьера Гизо началась вмѣстѣ съ реставраціею въ 1814 г.; во время «стодневнаго» владычества возвратившагося съ Эльбы Наполеона, Гизо послѣдовалъ за бѣжавшимъ Людовикомъ XVIII въ Гентъ, и въ іюлѣ 1815 г. снова возвратился въ Парижъ, гдѣ получилъ вліятельное мѣсто главнаго секретаря въ министерствѣ юстиціи. Но эта карьера Гизо во время реставраціи не представляетъ для насъ особаго интереса, и вспомнить о ея началѣ пришлось только потому, что оно не разъ въ дальнѣйшей жизни, и еще въ 40-хъ годахъ, публично, въ засѣданіи палаты, вызывало порицанія и неловкія для Гизо объясненія со стороны его противниковъ: его поѣздка въ Гентъ облекалась въ характеръ, полный анти-патріотической интриги; его дѣятельность въ министерствѣ юстиціи напоминала періодъ жестокихъ реакціонныхъ преслѣдованій. Гораздо благороднѣе и

чище была другая роль Гизо во время реставраціи—роль профессора поучавшаго юношество исторіи. Здѣсь въ первый разъ сталъ онъ формулировать тѣ принципы, которые позже перенесъ съ университетской каѳедры на парламентскую трибуну. Но если эти принципы должны были явиться результатомъ женевской закваски, подмѣшанной Ройе-Колларомъ, то съ другой стороны, время, проведенное въ Парижѣ и Гентѣ, должно было отразиться на нихъ. А то было время замѣчательное по своей необыкновенности, врядъ ли когда повторявшееся въ исторіи,—время хаоса и броженія, которое совершалось не менѣе въ мірѣ моральномъ, какъ и въ политическомъ,—время отжитыхъ и разбитыхъ началъ, которыя стремились снова занять первенствующее мѣсто,—время новыхъ, небывалыхъ понятій, которыя были громко заявлены и жестоко гонимы,—время незажитыхъ ранъ и нажитыхъ мщеній. Уже не между правительствомъ и обществомъ господствовалъ кровавый разладъ, а въ самомъ обществѣ. Этотъ разладъ, эта разнородность стремленій и противоположность интересовъ должны были поразить молодого профессора-политика, и онъ, повидимому, принялъ переходный періодъ за нормальное состояніе вещей. Онъ не призналъ съ одной стороны анахронизма привилегированныхъ интересовъ, съ другой—законности одного общаго соціальнаго права; напротивъ, онъ скорѣе понялъ вещи наоборотъ, и вмѣсто того, чтобы только засвидѣтельствовать переходный, ненормальный разладъ въ обществѣ, историкъ сталъ обобщать грустное явленіе и разбивать всякое существовавшее и существующее общество на элементы, не только различные, но даже противоположные другъ другу. Каждому изъ этихъ элементовъ Гизо отводитъ свое мѣсто, но не равное, а іерархическое въ своей общественной системѣ; каждому изъ нихъ указываетъ онъ роль, сообразную со своимъ собственнымъ пониманіемъ, хотя это пониманіе часто противорѣчитъ истинному назначенію и дѣйствительной стоимости того или другого элемента, и что̀ еще важнѣе замѣтить, историкъ часто увлекается архивнымъ сентиментализмомъ и воскрешаетъ элементы давно отжившіе и существующіе не въ дѣйствительности, а только въ призракѣ и воображеніи. Распредѣливъ по-своему отысканные и подмѣченные элементы, Гизо старается удержать ихъ отъ всегда готоваго столкновенія во взаимномъ колебаніи. Это-то вѣчное колебаніе общественныхъ элементовъ онъ признаетъ и провозглашаетъ за желательное, нормальное состояніе общества, вмѣсто того чтобъ видѣть нормальный ходъ вещей въ постепенномъ приведеніи всѣхъ элементовъ къ одному общему знаменателю, къ одному общему интересу. Историкъ здѣсь забы-

ваетъ, что постоянное колебаніе грозитъ постояннымъ столкновеніемъ и дѣлаетъ невозможными стойкость и прочность, необходимыя для процвѣтанія внутренняго мира страны. Доктрина проходитъ чрезъ всѣ историческіе курсы Гизо: объ исторіи цивилизаціи Европы и потомъ о цивилизаціи Франціи; она — главный мотивъ, главная точка отправленія и опора всего философскаго построенія; вездѣ и всегда историкъ тщательно отыскиваетъ и подбираетъ противоположные элементы и потомъ представляетъ ихъ вѣчную борьбу и минутное примиреніе, ведущее къ новой борьбѣ и къ новому примиренію или компромиссу...

Пока подобное предвзятое построеніе являлось только въ научныхъ изслѣдованіяхъ — оно оставалось не болѣе какъ одною изъ многихъ философскихъ гипотезъ, и ея неудовлетворительность или неосновательность прикрывались той большой и почтенной разработкой и распорядкомъ матеріаловъ, которые составляютъ истинную заслугу Гизо, какъ историка и профессора [1]). Совершенно иное дѣло должно было выйти при перенесеніи подобной доктрины со школьной скамьи въ общественную жизнь, въ государственныя и соціальныя отношенія, а между тѣмъ именно это было сдѣлано Гизо рядомъ съ Ройе-Колларомъ, и именно эта сторона важна для изучающаго мемуары.

Для того, чтобъ понять причину извѣстной неуклонной тенденціи мемуаровъ, какъ апологіи политической дѣятельности Гизо — необходимо помнить въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключался ея главный существенный принципъ. Онъ весь выражался въ указанной доктринѣ, въ упорномъ желаніи ея примѣненія къ государству. Въ то время, какъ во Франціи уцѣлѣла и развивалась традиція того, что принципы XVIII-го вѣка должны были создать свободу, школа доктринеровъ ставила вопросъ совершенно противоположно: она указывала на тотъ фактъ, что XVIII-й вѣкъ не привелъ къ свободѣ, и отъ этого факта отправлялась къ своимъ предвзятымъ заключеніямъ, въ которые вносила много произвольнаго. Она рѣшала, что свободы надо искать совершенно въ другой области, чѣмъ въ области народныхъ нуждъ и требованій, и оставляя въ сторонѣ содержаніе и прельщаясь формою — она глядѣла на Англію и добивалась подражанія ей во внѣшней оболочкѣ, въ парламентарной формулѣ.

---

[1]) Новая французская историческая школа, зовущая себя *реальною* и начатая всего десять лѣтъ тому назадъ замѣчательной критикой Эдгара Кине (Introduction à la Philosophie de l'histoire de France), критикой, опровергающей всѣ *предвзятыя* построенія цѣлой исторіи Франціи,—эта школа не признаетъ даже за Гизо и за доктринерной школой — серьезнаго, обширнаго знанія и изученія.

При такомъ кругозорѣ, хартія 1814 года была принята доктринерами за геркулесовы столпы всякаго дальнѣйшаго развитія,— въ ней признали они регулятора всѣхъ интересовъ и всѣхъ элементовъ, и по ней провозглашали временное положеніе за нормальное состояніе.

Такъ, увидѣвъ возросшее, въ силу перерыва революціи, на полуразвалинахъ стараго дворянства могущество буржуазіи,— эту замѣну аристократіи пергамента аристократіею капитала,— они провозгласили буржуазію господствующимъ, первенствующимъ элементомъ, не только de facto, но и de jure, забывъ при этомъ свою теорію о колебаніи и уравновѣшиваніи элементовъ. Подобная забывчивость, неизбѣжно ведшая къ противорѣчіямъ, часто встрѣчается въ доктринерной школѣ, какъ и во всякой теоріи построенной въ абстрактѣ и осуществляемой на дѣлѣ. Рядомъ съ этимъ, доктринеры знали и исторически, и по живому преданію, о существованіи феодальнаго дворянства. Они видѣли, что, разбитое, оно снова ищетъ сложиться въ одно цѣлое,— этого достаточно было, чтобы признать его за цѣлостный элементъ. (Признаніе это у Гизо готово было идти до желанія возстановить наслѣдственное перство.) Забывъ, что внѣшнее значеніе дворянства — имущественное, было погребено по-большей части эмиграціей и конфискаціей 90-хъ годовъ, а внутреннее достоинство — знаніе и просвѣщеніе, растрачено въ оргіяхъ и праздности,—Гизо, какъ и всѣ доктринеры, видѣлъ государственную систему высшей мудрости въ союзѣ дворянства и буржуазіи, въ ихъ общемъ управленіи страною, которая, такимъ образомъ, только *одна* и была оставлена въ сторонѣ отъ всякаго участія, подъ вѣчной опекой ограниченнаго парламентаризма.

Здѣсь-то и лежитъ первый упрекъ, заслуженный доктринерами, упрекъ, выросшій съ годами, при упорной неподвижности доктрины,—въ негодованіе, и наконецъ, разгорѣвшійся въ февральскій пожаръ, разрушившій и доктринеровъ и, къ несчастію, ту монархію, которая довѣрялась ихъ мудрости. Эта мудрость не замѣтила, что указанное распредѣленіе элементовъ — вызывало не желанное согласіе и миръ всѣхъ противоположныхъ интересовъ, а наоборотъ, гибельное соперничество классовъ изъза монополіи и привилегіи. Іюльская монархія, не смотря на ея паденіе, была одной изъ свѣтлыхъ эпохъ въ исторіи Франціи; врядъ-ли можно отказать въ отданіи личнаго почтенія представителю Орлеанской династіи — Луи-Филиппу. Онъ, конечно, любилъ Францію и желалъ ей блага; онъ искренно отнесся къ своему монаршему назначенію въ конституціонной организаціи, и искренно искалъ себѣ законныхъ совѣтниковъ и помощниковъ

въ отвѣтственномъ министерствѣ, указанномъ парламентскимъ большинствомъ. Очевидно, что вина въ паденіи монархіи и въ бѣдственномъ потрясеніи, постигшемъ Францію, отнюдь не должна тяготѣть надъ памятью несчастнаго монарха; очевидно, что обвиненіе должно постигнуть того, кого единодушно обвиняетъ и до сихъ поръ вся Франція—правившее министерство. Но—audiatur et altera pars! сознало-ли въ концѣ концовъ министерство указанную выше ошибку своей доктрины? Хотя бы позже, — поняли-ли и замѣтили-ли люди, стоявшіе во главѣ управленія страной, недостатки и опущенія орлеанскаго парламентаризма, или наоборотъ, не могли-ли они въ свою очередь обвинить общество въ недостаточномъ, въ неясномъ пониманіи надлежавшей парламентарной организаціи?

III.

Первыя сто страницъ осьмого и послѣдняго тома мемуаровъ Гизо посвящены авторомъ изображенію парламентарнаго правленія съ 1840 до 1848 года; дополненіемъ къ нимъ служатъ послѣднія сто страницъ. Другая часть книги занимается дѣлами внѣшней политики.

Гизо начинаетъ, повидимому, съ расширенія своихъ извѣстныхъ положеній, и какъ бы дѣлаетъ уступку другимъ формамъ правленія, рядомъ съ своей парламентарной. «Большой шумъ — говоритъ онъ — творился и творится вокругъ этихъ словъ: парламентарное правительство. Вопросъ, такъ поставленный, гораздо важнѣе, чѣмъ шумъ возбуждаемый имъ. Дѣло идетъ о другомъ и о гораздо большемъ, чѣмъ о томъ, что̀ зовется парламентарнымъ правительствомъ». Вопросъ заключается въ томъ, свободно ли, свободолюбиво ли извѣстное правительство, или же готово оно еще стать таковымъ? Ибо стремленіе къ политической свободѣ, по мнѣнію Гизо, развивается у всѣхъ европейскихъ націй подъ вліяніемъ христіанской религіи и естественнаго хода новой цивилизаціи. Подъ политической свободой авторъ разумѣетъ вмѣшательство и дѣйствительный контроль народовъ надъ ихъ управленіемъ; но это не мѣшаетъ ему прибавить нѣсколькими строками ниже, что «политическая свобода можетъ существовать и существовала весьма неравномѣрно распредѣленная между классами гражданъ; она существовала и окруженная рабами». Уже въ этихъ немногихъ опредѣленіяхъ можно бы замѣтить противорѣчіе, неточность словъ, злоупотребленіе ими. Если политическая свобода означаетъ участіе народовъ, значитъ ея нѣтъ тамъ, гдѣ ею хотятъ пользоваться только нѣкоторые

классы, — тамъ ея мѣсто заступаетъ политическая привилегія. Это замѣчаніе должно послужить общимъ предостереженіемъ для чтенія мемуаровъ Гизо и противъ принятія на вѣру всѣхъ его опредѣленій. Такъ напр. (страницей дальше), онъ ставитъ за абсолютное условіе свободнаго правительства слѣдующій длинный рядъ аттрибутовъ: «Дѣйствіе представительныхъ собраній, свободное обсужденіе общественныхъ дѣлъ, въ средѣ этихъ собраній и внѣ ихъ; свободу избирательную, свободу религіозную, свободу прессы, свободу труда, гражданское равенство, судебную независимость...» Но гдѣ же авторъ встрѣтилъ такое соединеніе аттрибутовъ свободнаго правительства, и на какую подобную эпоху можетъ указать Франція въ своей исторіи?!

Но невѣрность опредѣленій стараго парламентариста не мѣшаетъ исторической наблюдательности стараго профессора. Опираясь на факты, онъ указываетъ на возможность разнороднаго существованія свободныхъ учрежденій — точно также въ монархіи, какъ и въ республикѣ. Его убѣждаютъ въ этомъ двѣ великія страны, монархическая Англія и республиканская Америка; точно тоже подтверждаютъ и мелкія государства: Голландія и Бельгія наслаждаются свободой при монархической власти, на ряду съ республиканской Швейцаріей. Отсюда Гизо дѣлаетъ выводъ, что политическая свобода вовсе не принадлежитъ какой-либо исключительной формѣ правленія, и мы могли бы подумать, что Гизо понялъ наконецъ, что его парламентаризмъ не есть еще краеугольный камень спасенія, и что свобода можетъ существовать и въ непарламентарной монархіи, еслибъ только сравнительный методъ Гизо не ограничивался этими общими мѣстами. Оставляя начатое общее размышленіе, Гизо переходитъ къ болѣе тѣсному вопросу, къ главному предмету своего труда, — къ парламентарному правленію. Составляютъ ли парламентарное правленіе, спрашиваетъ Гизо, тѣ начала и отправленія, на коихъ покоится въ англійской монархіи отвѣтственность власти? Есть ли такое правленіе естественное слѣдствіе конституціонной монархіи и дѣйствительная гарантія, въ такой монархіи, политической свободы?

Вмѣсто прямого отвѣта, Гизо предпочитаетъ указать на свою дѣятельность, которая, по его мнѣнію, вся заключалась въ примѣненіи и отправленіи парламентарной системы. Гизо увѣряетъ, что чѣмъ далѣе шелъ онъ въ своей политической жизни, тѣмъ болѣе основаніе свободнаго правленія становилось его главной и постоянной заботой. Только въ такомъ правленіи видитъ онъ и обезпеченіе частныхъ интересовъ и прочность общественнаго строя. Но рядомъ съ свободой должна идти сила и уваженіе власти; а для этого необходимо дружное и согласное дѣйствіе

короны и палатъ, взаимныя отношенія между которыми совершаются при посредствѣ отвѣтственнаго министерства (стр. 9, 14, 15). Отвѣтственность министерской власти, при монархической формѣ, находится только въ парламентарномъ режимѣ, и только этотъ режимъ оправдываетъ и удовлетворяетъ народныя ожиданія, когда народъ — «великій народъ», въ силу обстоятельствъ своего положенія и хода своей судьбы, приведенъ къ настоятельной необходимости искать въ конституціонной монархіи вѣрнаго соединенія прочности власти съ движеніемъ свободы (стр. 98).

Но мы знаемъ, хоть и помимо Гизо, что отвѣтственность министерства заключается въ усердномъ служеніи странѣ, согласномъ съ ея истинными интересами, а представителями этихъ интересовъ, конечно, служатъ избранные депутаты; вотъ почему министерство существуетъ до тѣхъ поръ, пока оно идетъ согласно съ большинствомъ палаты, принимаемымъ за большинство цѣлой страны. Но тамъ, гдѣ ставится такимъ образомъ вопросъ о существованіи, тамъ же начинается вопросъ личнаго интереса и самолюбія, часто сводящій парламентаризмъ на презрѣнную игру между нѣсколькими личностями и нѣсколькими партіями. Понимая всю рѣшающую важность парламентарнаго большинства, министерство, вопреки всякой логикѣ, по обыкновенію заботится не объ уясненіи себѣ требованій большинства и о согласныхъ съ ними дѣйствіяхъ, а наоборотъ, о принятіи большинствомъ палаты всей политики кабинета. Тогда кабинетъ, указывая на поддерживающее большинство, является какъ бы истиннымъ представителемъ общества и этимъ самымъ обязываетъ несогласныхъ съ нимъ представителей меньшинства къ подчиненію своему управленію. Въ этомъ условномъ, принятомъ цивилизаціей подчиненіи — заключается дѣйствительно хорошая сторона парламентаризма; оно — залогъ государственной прочности и общественнаго спокойствія, оно — ручательство за отсутствіе потрясающихъ покушеній на общественную безопасность. Такимъ образомъ, и Гизо постоянно стремился къ образованію согласнаго съ нимъ, компактнаго большинства. «Образованіе большинства, которое поддерживало бы кабинетъ, какъ дѣйствительная политическая партія, связанная извѣстными общими принципами и способная на постоянство и послѣдовательность въ разныхъ вопросахъ и обстоятельствахъ» (стр. 15)—это составляло одну изъ существеннѣйшихъ задачъ кабинета съ 1840 до 1848 года. И ему дѣйствительно легко удалось найти поддерживающее большинство: «Это большинство послѣдовательно возобновлялось, собиралось, укрѣплялось, изощрялось на поли-

тической аренѣ, и со дня на день становилось все болѣе тѣсно связаннымъ съ правительствомъ, какъ и правительство съ нимъ. Сообразно съ естественной склонностью представительнаго и свободнаго правленія, это большинство сдѣлалось консервативною партіею анти-революціонной и либеральной политики, успѣху которой оно хотѣло содѣйствовать, начиная съ 1831 года». Успѣхъ Гизо въ составленіи большинства могъ бы казаться тѣмъ важнѣе, что парламентское меньшинство, принужденное признавать постоянную побѣду кабинета,—состояло не изъ одного какого-либо мнѣнія, а изъ нѣсколькихъ различныхъ партій, сошедшихся на союзъ для противодѣйствія кабинету изъ-за весьма различныхъ побужденій: «Мы были лицомъ къ лицу съ оппозиціей, которая добросовѣстно объявляла себя монархической и династической, и съ оппозиціей, которая, подъ прозрачнымъ прикрытіемъ, оказывалась и даже сама признавала себя республиканскою» (стр. 526).

Интересно, что Гизо, никогда не хотѣвшій принимать ни въ малѣйшее вниманіе какое-бы то ни было мнѣніе меньшинства, теперь проповѣдуетъ необходимость партій въ государствѣ, и сознается, что, при началѣ своего министерства, не вполнѣ отдавалъ себѣ ясный отчетъ о надобности и дѣйствіи политическихъ партій. Теперь же, онъ идетъ до того далеко, что настаиваетъ на необходимости постоянства и, такъ сказать, увѣковѣченія старыхъ партій (стр. 8). Въ этомъ случаѣ мы готовы заподозрить здѣсь давнее вліяніе Женевы на Гизо, съ ея вѣчными по истинѣ безобразными партіями, до сихъ поръ еще раздирающими маленькую республику. Кромѣ того, историкъ здѣсь вредитъ политику: Гизо увлекся указаніемъ примѣровъ въ Англіи и Америкѣ. Мы думаемъ, напротивъ, что отжившія партіи должны добросовѣстно уступать мѣсто новымъ партіямъ, новымъ понятіямъ; иначе государство преступно подвергается искусственнымъ тревогамъ и смутамъ; въ умѣньи понять свою вычеркнутую роль заключается и политическій тактъ и патріотическая заслуга. Такъ, напримѣръ, должна бы поступить въ Америкѣ партія плантаторовъ, партія рабства, понявъ смертный приговоръ себѣ въ великихъ судьбахъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ.

Какъ бы то ни было, но Гизо чувствовалъ себя въ полной силѣ, имѣя предъ собою энергическую оппозицію — меньшинство, и опираясь вполнѣ довѣрчиво на неменѣе ревностное большинство. Однако, исторія парламентаризма свидѣтельствуетъ, что, несмотря на взаимныя роли тѣхъ двухъ неравныхъ лагерей въ палатѣ, именно во Франціи (и, какъ увидимъ, періодъ Гизо отнюдь не былъ исключеніемъ изъ такого явленія), тѣ потрясающія

покушенія, о которыхъ мы только-что говорили, — совершались почти съ періодическою точностью, и сочувствующими имъ оказывалось не меньшинство страны, пропорціональное съ меньшинствомъ палаты, а, вопреки всякимъ ожиданіямъ, большинство, иногда цѣлые многочисленнѣйшіе классы, иногда вся страна!

Подобный фактъ одинъ достаточенъ, чтобъ разбить всякую вѣру въ охранительное достоинство парламентаризма. Очевидно, зло кроется или въ коренномъ недостаткѣ системы или въ неудовлетворительности ея примѣненія. Вниманіе прежде всего невольно останавливается на вопросѣ: почему министерство, опиравшееся на большинство, могло внезапно рушиться, и почему парламентское большинство не оказывалось въ извѣстный моментъ — выраженіемъ большинства страны? Посмотримъ же въ нашемъ примѣрѣ, каковъ былъ при Гизо составъ большинства, этого главнаго фактора парламентаризма, и какими побужденіями руководилось оно въ поддерживаніи кабинета Гизо? «Политика, которую мы поддерживали и проводили — объясняетъ самъ авторъ—имѣла свою главную точку опоры въ преобладающемъ вліяніи среднихъ классовъ; въ этомъ вліяніи заключалась существенная гарантія конституціонной монархіи и политической свободы при такой формѣ правленія; и консервативная партія, бывшая необходимымъ орудіемъ парламентарнаго ремесла, была въ то же время естественнымъ представителемъ вліянія среднихъ классовъ». Сообразно съ такимъ ученіемъ была построена и основа парламентаризма, т. е. избирательная система. Высокій, недоступный цензъ какъ нельзя лучше ограждалъ непоколебимое вліяніе и преобладаніе среднихъ классовъ тѣмъ, что, по его условіямъ, во всей Франціи оказывалось какихъ нибудь 200 тысячъ избирателей. Уже изъ этого вполнѣ понятно, что не только большинство, но и вся палата вмѣстѣ могла оказаться вовсе не представителемъ страны, а только весьма малой и опредѣленной части ея. Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ дальнѣйшихъ компликацій. Но пойдемъ далѣе. Даже и при подобной ограниченной электоральной системѣ, совершались-ли выборы вполнѣ добросовѣстно, согласно съ теоріей парламентаризма, съ однимъ изъ его аттрибутовъ, провозглашенныхъ самимъ же Гизо, то-есть, съ электоральной свободой и независимостью?

Мы касаемся второй коренной причины паденія орлеанскаго парламентаризма. Въ томъ-то и бѣда, что Гизо, проповѣдывавшій съ трибуны необходимость руководствоваться въ государственномъ управленіи высокими принципами морали и политики, не хотѣлъ признать главнаго условія дѣйствительной представи-

тельной системы — условія, по которому власть и администрація должны всегда оставаться въ сторонѣ и непричастности къ выборамъ. Гизо, къ несчастью іюльской монархіи, держался системы, по которой правительство — вмѣсто того, чтобъ оставаться высокимъ безпристрастнымъ судьей — сводило само себя на одну изъ партій, обуревавшихъ страну: «систематическое сопротивленіе», монополія господства буржуазіи, и дружный союзъ съ буржуазіей за такую монополію — вотъ догматы, изъ-за которыхъ правительство рѣшалось спускаться на арену партій и фикцій. И въ этомъ отношеніи, правленіе Гизо принимало свою роль такъ усердно, что, подобно всѣмъ партіямъ и даже болѣе ихъ, не щадило никакихъ средствъ и мѣръ, чтобы обезпечить своей партіи побѣду на выборахъ. Даже чрезъ 20-ть, горько прожитыхъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, въ которыя подкупность и интриги въ выборахъ доведены современною администраціей во Франціи до крайней степени цинизма и безцеремонности, — Гизо не могъ понять всего зла для страны въ подобной системѣ. Отрывки, приводимые у Гизо изъ писемъ его товарища, министра Дюшателя, весьма характеристичны. Шестого іюля 1846 года, палата депутатовъ была распущена, и назначены новые выборы на 1-е августа того же года. Выборы эти остались памятными по значенію, которое получили въ близившемся паденіи орлеанскаго парламентаризма. Министръ-доктринеръ успѣлъ нажить къ тому времени враговъ во всѣхъ партіяхъ: рядомъ съ соціалистами и республиканцами, готовы были идти на осаду кабинета и легитимисты, какъ Беррье, и ловкіе ораторы, какъ Тьеръ, и искреннія парламентаристы, утратившіе всякую вѣру въ возможность мира съ Гизо, какъ Дювержье-де-Горань, Токвилль и многіе другіе.

«*Битва* становится все живѣе» — писалъ Дюшатель къ Гизо: — если *наши*, какъ я надѣюсь, будутъ биться хорошо, то я останусь доволенъ. Я желаю прежде всего побѣды, и кромѣ того — битвы». Можно подумать, что дѣло идетъ между двумя воюющими державами, и слышится рѣчь генерала, надѣющагося на своихъ солдатъ. Надежды генерала оправдались. «Сраженіе кончено — поздравлялъ Дюшатель Гизо, 6-го августа — результатъ превосходитъ всѣ надежды, кои мы были въ правѣ питать [1]). Это тѣмъ счастливѣе, чѣмъ борьба была ожесточеннѣе и насиліе оппозиціи упорнѣе. Въ этомъ отношеніи оппозиція сдѣлала большой

[1]) Это признаютъ и историки 40-хъ годовъ. См. *Elias-Regnault*, Histoire de Huit ans, 1840—1848. T. III, стр. 134: «Результатъ выборовъ превзошелъ даже надежды министерства. Консерваторы вошли въ палату многочисленнѣе и тѣсно объединенные; оппозиція была значительно уменьшена, и положеніе г. Гизо казалось отнынѣ непоколебимымъ».

успѣхъ съ 1842 года. Насъ тоже *спасли* успѣхи, сдѣланные въ свою очередь консервативною партіей въ *дисциплинѣ* и энергіи». Далѣе, Дюшатель представляетъ Гизо счеты, выигрыши и уроны съ такой безстыдною наготою, которой, конечно, не заподозрѣвали приверженцы министерства. «Изъ числа кандидатовъ, поддержанныхъ нами, есть два или три *сомнительныхъ*»... «Изъ числа побѣдившихъ кандидатовъ оппозиціи, я полагаю два или три члена могутъ быть притянуты обратно къ намъ»... «Десять консервативныхъ кандидатовъ, предпочтенныхъ оппозиціей нашимъ, — въ сущности всѣ хороши, за малымъ исключеніемъ, но они нуждаются въ *дисциплинѣ!...*» «Такимъ образомъ — кончаетъ посланіе, — обезпечивъ торжество консервативной партіи, мы, во имя нашей чести, должны не сдѣлаться орудіемъ ея паденія».

Изъ этихъ строкъ очевидно, на сколько велико было участіе самого министерства въ выборахъ, и ясно, что оно должно было обладать сильными средствами, чтобы обезпечить своей партіи большинство. Дѣйствительно, и среди выборовъ и послѣ ихъ раздались противъ кабинета крики негодованія и обвиненія: министерство пользовалось при выборахъ вовсе не проповѣдываніемъ своихъ прельщающихъ началъ, а грубою приманкою «теплыхъ мѣстечекъ!» Министерство допустило своихъ приверженцевъ до подкупа избирателей! Гизо считалъ однако себя въ правѣ оставаться глухимъ ко всѣмъ крикамъ. «Вы занимаетесь сплетнями — укорялъ онъ палату въ засѣданіи 31-го августа 1846 года — и мелочами, которыя не имѣютъ ни важности, ни основанія; мы могли бы точно также открыть поводъ къ подобнымъ же упрекамъ противъ оппозиціи. Въ свободныхъ странахъ, великія явленія обязаны своимъ происхожденіемъ великимъ причинамъ; и вы не должны приписывать ихъ какимъ-то вымышленнымъ интригамъ и избирательнымъ дрязгамъ!» Эти слова однако никого не разувѣряли; слухи росли и слагались въ болѣе опредѣленные факты; скоро пронеслись собственныя имена извѣстныхъ финансистовъ и даже генераловъ, виновныхъ въ подкупѣ избирателей; скоро общественное мнѣніе потребовало формальныхъ процессовъ, среди которыхъ у самого генеральнаго прокурора вырвалось категорическое обвиненіе: «Избирательная подкупность перестала быть пустымъ звукомъ; зло существуетъ, оно очевидно!»

Странно какъ-то, послѣ столь извѣстныхъ фактовъ, читать опроверженіе министромъ еще и теперь всего бывшаго: «Я не задумываюсь утверждать, что въ 1846, какъ и въ 1842 году [1]),

[1]) См. томъ VII, стр. 10: «И тогда администрація, по обыкновенію, обвинялась въ

изслѣдованія и дебаты, которымъ подвергнуты были всѣ наши дѣла,—доказали, что они были столь же маловажны, какъ и малочисленны, и что, помимо нѣкотораго излишества въ словахъ и непристойности нѣкоторыхъ поступковъ, выборы происходили свободно, законно, добросовѣстно». Такъ, до сихъ поръ Гизо защищаетъ отъ всякихъ нареканій служившее ему большинство, и составлявшее то, что онъ зоветъ въ своемъ первомъ томѣ «*буржуазный торизмъ*» (le torysme bourgeois). Совершенно иначе думали объ этомъ «буржуазномъ торизмѣ» другіе парламентаристы. «Система администраціи — писалъ въ 1847 году Токвиль (котораго никто не заподозритъ въ неблагонамѣренности и нескромныхъ тенденціяхъ),—дѣйствующая уже 17 лѣтъ, до такой степени извратила средній классъ, обращаясь съ постояннымъ призывомъ къ личной алчности ея членовъ, что этотъ классъ становится, мало-по-малу, для всей остальной націи, маленькой продажной и пошлой аристократіей, въ рукахъ которой оставлять все управленіе—становится постыднымъ. Если это чувство возростетъ въ массѣ, то можетъ привести къ большимъ бѣдамъ. Но какъ воспрепятствовать правительству развращать, когда выборный порядокъ естественно представляетъ ему необходимость въ томъ, и когда централизація даетъ къ тому столько средствъ?..»

Противъ столь вѣрно изображенной Токвиллемъ мелкой буржуазной аристократіи, и противъ указаннаго выборнаго порядка, и были направлены всеобщія стремленія къ *электоральной реформѣ*. Подъ реформою одна часть оппозиціи понимала расширеніе правъ чрезъ пониженіе ценза; другая часть — совершенное уничтоженіе ценза. Рядомъ съ этимъ вопросомъ шелъ не менѣе тревожный, бурный вопросъ о *реформѣ парламентарной*: о реформѣ внутри самого парламента, объ очищеніи его состава отъ нѣкоторыхъ унизительныхъ для парламента элементовъ, по мнѣнію оппозиціонныхъ Гизо парламентаристовъ. Дѣло шло объ исключеніи изъ палаты служащихъ въ администраціи лицъ, по принципу несовмѣстимости двухъ обязанностей. Вопросъ былъ возбужденъ общественнымъ ропотомъ на поведеніе министерства относительно депутатовъ. Для составленія и увеличенія *своего* большинства, кабинетъ рѣшался на фаворитизмъ; депутаты, высказывавшіе при подачѣ голосовъ сочувствіе кабинету, могли надѣяться на его покровительство и помощь въ пріисканіи виднаго и выгоднаго мѣста; и на оборотъ, дерзавшіе ратовать противъ

электоральномъ подкупѣ, но долгія и подробныя пренія выставили въ полномъ свѣтѣ добросовѣстность и законность всѣхъ дѣйствій кабинета».

кабинета должны были неминуемо подпасть опалѣ и лишеніямъ въ администраціи. Нескромная оппозиція безцеремонно звала подобное отношеніе министерства подкупностью и требовала уничтоженія ея: «Богатые, бѣдные, стѣсненные, интересъ, тщеславіе, страсти — все пускается въ ходъ, ко всему обращаются, все призываютъ! — восклицалъ Одилонъ Барро въ одномъ изъ бурныхъ засѣданій палаты въ 1846 году; — подъ вліяніемъ такихъ чувствъ, число чиновниковъ, алчность просителей должны идти въ увеличивающейся прогрессіи». Въ этихъ дебатахъ съ министерствомъ, рядомъ съ Одилономъ Барро, особенно замѣтны были по своему участію два уже знакомые намъ публициста — Дювержье-де-Горань и Ремюза, и недавно сошедшій со сцены краснорѣчивый министръ второй имперіи Билье (Billault).

Доктринерное министерство оставалось неподвижнымъ въ своей системѣ сопротивленія: «Я тщетно ищу основанія предложенію г-на Дювержье-де-Горань (объ уменьшеніи ценза), — оно все же остается въ моихъ глазахъ только махинаціею партіи, только фантазіей ума.» Таковъ былъ отвѣтъ Гизо на всѣ доводы и убѣжденія парламентаристовъ, невольно шедшихъ на разрывъ съ кабинетомъ. «Въ тотъ періодъ, говоритъ самъ Гизо (VIII, стр. 55), усилія оппозиціи обратились на толки о подкупности парламентарной еще болѣе, чѣмъ на обвиненія въ подкупности электоральной. Оппозиція рвалась къ тому, чтобъ заставить заподозрить независимость и достоинство большинства, которое насъ усердно поддерживало. Но она не успѣла пошатнуть справедливой увѣренности консервативной партіи въ честности, какъ своей собственной, такъ и кабинета.» Это категорическое отрицаніе не мѣшаетъ Гизо, немного ниже (стр. 93), можетъ быть невольно, но все же вполнѣ добросовѣстно, обличить самого себя. Онъ самъ разсказываетъ, какъ въ 1845 году г. Друэнъ-де-Люисъ, (недавній министръ иностранныхъ дѣлъ), будучи въ то время депутатомъ, вздумалъ перейти въ ряды оппозиціи; точно также поступилъ въ палатѣ перовъ графъ Ал. Сен-Пріестъ. Оба они были лица замѣтныя и, главное, служебныя. Гизо потребовалъ отъ короля, чтобъ за такое поведеніе оба они были лишены своихъ должностей. Король долго не хотѣлъ подвергать скандалу отставки оппозиціоннаго графа, но Гизо настоялъ на своемъ. Очевидно, чего могли бояться всѣ несогласные депутаты, и на сколько могли разсчитывать на министерскую помощь ярые приверженцы.

Изъ всего сказаннаго вполнѣ ясно, каковъ былъ составъ большинства въ парламентѣ, какимъ путемъ образовывался онъ, и какъ могъ опираться на него Гизо. Но зло часто мститъ тому

самому, кто творитъ его: наказаннымъ долженъ былъ остаться самъ Гизо! Вѣря въ непогрѣшимость своей системы, онъ вѣрилъ и въ истинность, въ дѣйствительность искусственнаго большинства; опираясь на подобранное и собранное всѣми правдами и кривдами, онъ сталъ думать, что дѣйствительно опирается на серьезное, проникнутое стойкими убѣжденіями большинство. Болѣе того, забывая интригу подкупа и служебной приманки на выборахъ, не помышляя объ исключеніи громаднѣйшей части націи изъ всякаго участія, онъ хотѣлъ относиться къ мнѣніямъ *своего* большинства, какъ къ выражающему собою истинное мнѣніе истиннаго большинства всей страны! Подачу голосовъ, мнѣнія, желанія *своего* большинства, онъ принималъ за таковыя всей Франціи, за «единственно законныя», за «дѣйствительно національныя». Поэтому-то, говоря въ палатѣ о выборахъ 1846 года, Гизо могъ смѣло увѣрять, будучи самъ увѣренъ, что «въ происшедшихъ выборахъ проявился великій фактъ: страна выразила свое сочувствіе политикѣ представшей предъ нею»... Въ такомъ воззрѣніи лежитъ ключъ къ уразумѣнію всего дальнѣйшаго поведенія Гизо. Естественно, онъ былъ въ правѣ сообразоваться только съ тѣмъ, что считалъ національнымъ желаніемъ и потребностью, согласными конечно съ прерогативами короны; естественно, онъ хотѣлъ упорно противостоять всѣмъ нововведеніямъ, которыя не могъ принимать за исходящія отъ націи, какъ онъ ее понималъ. Ошибка, и даже фатальная, пагубная ошибка могла быть въ пониманіи, или вѣрнѣе — непониманіи, но не въ примѣненіи; въ этомъ отношеніи Гизо былъ послѣдователенъ, и остался такимъ 20 лѣтъ спустя.

IV.

«Смертельный кризисъ разразился на вопросѣ о реформахъ въ выборномъ и парламентскомъ устройствѣ». Такъ начинаетъ Гизо свое разсужденіе о погибели орлеанизма. Приступая къ нему, онъ, въ первый разъ чувствуетъ себя невольно смущеннымъ и обращается съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія ко всѣмъ друзьямъ и противникамъ. Чувство пробилось у старика наружу и заглушило на минуту его сухую доктрину; обидное сознаніе внутренняго униженія Франціи, при настоящемъ порядкѣ вещей — зашевелило французскую струну въ душѣ стараго женевскаго доктринера. «Послѣдній кризисъ, который я долженъ изобразить здѣсь, изъ всѣхъ событій того прошлаго наиболѣе дѣлаетъ труднымъ и тяжелымъ ясный взглядъ и вѣрную оцѣнку вещей и

людей; развязка была такъ серьезна и такъ печальна, что вся моя душа волнуется и мятется при тѣхъ воспоминаніяхъ. Я хочу однако, и я надѣюсь, въ этотъ послѣдній часъ остаться вѣрнымъ тому расположенію, которое до сихъ поръ сохранялъ безъ усилій въ написаніи мемуаровъ. Теперь всѣ партіи, я могъ бы сказать—всѣ люди, которые въ какомъ бы то ни было направленіи и въ какой бы то ни было мѣрѣ, принимали участіе въ февральскомъ переворотѣ, — теперь всѣ они, какъ и я,—побѣжденные. Никто изъ насъ, навѣрное, не помышлялъ о *пропасти*, въ которую всѣхъ должно было ввергнуть столь скоро наше различіе въ понятіяхъ и стремленіяхъ. Я хотѣлъ бы съ точностью опредѣлить положеніе, въ которомъ мы всѣ тогда находились, и указать, какое было дѣйствительное настроеніе всѣхъ партій при приближеніи катастрофы, заставившей всѣхъ насъ претерпѣть такіе удары и такіе недочеты».

Въ этихъ строкахъ, Гизо является превосходнымъ адвокатомъ своего пораженія. Гордость не допускаетъ его снизойти къ болѣе пространному оправданію себя—сравненіемъ и указаніемъ на неменьшее пораженіе всѣхъ другихъ партій; но одинъ намекъ, одно напоминаніе его объ одинаковомъ разбитіи всѣхъ партій заставляетъ всякаго не быть особенно строгимъ къ бывшему министру. Въ этомъ случаѣ положеніе русскаго критика гораздо ловче и удобнѣе, чѣмъ французскаго. Каждый французъ, принадлежа къ одной изъ партій, поставленъ въ необходимость, или полнаго оправданія, или огульнаго осужденія главы доктринернаго парламентаризма. Находясь внѣ всякихъ отношеній, обращаясь къ прошлому съ полнымъ хладнокровіемъ стороннаго зрителя, мы чрезъ то самое можемъ спокойнѣе разсматривать противорѣчія и неосновательности доктринерной системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можемъ свободнѣе отдавать должную справедливость министру-доктринеру тамъ, гдѣ онъ вызываетъ ее. Такъ, мы уже заранѣе можемъ значительно облегчить вину, приписываемую политикѣ Гизо, въ силу того обстоятельства, котораго никогда не признаетъ ни одна французская партія, ни одинъ французскій публицистъ. Общее главное обвиненіе, возводимое на Гизо, заключается въ произвольномъ признаніи имъ правъ одного класса, рядомъ съ отчужденіемъ отъ всякаго участія другихъ классовъ. Говоря отвлеченнымъ языкомъ самихъ доктринеровъ, обвиненіе обличаетъ Гизо въ неумѣлости отличить основнаго, историческаго, вѣками выработаннаго элемента—отъ элемента наноснаго, случайнаго, удачно всплывшаго въ хаосѣ гигантскаго переворота. Но будто какая либо партія во Франціи поняла, еще въ то время, дѣйствительный смыслъ общественныхъ требованій и дѣйстви-

тельный способъ ихъ примѣненія къ государственной и соціальной жизни? Мы, не задумываясь, отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно и впередъ указываемъ на паденіе февральской республики, бывшее очевидно не менѣе неизбѣжнымъ, чѣмъ и паденіе орлеанизма. Только съ такимъ взглядомъ хладнокровія и безпристрастія обязана критика относиться къ историческимъ неудачамъ и катастрофамъ.

Кризисъ, какъ признаетъ Гизо, разразился на вопросѣ реформъ — выборной и парламентарной. Но кризисъ въ государствѣ означаетъ волненіе, которое, если не утишается, то обращается въ бурю, въ насильственную перемѣну порядковъ, путемъ вмѣшательства массы. Почему же такъ называемая масса— общество или народъ — обратило все свое сочувствіе на реформистскую агитацію, и все ожесточеніе на кабинетъ Гизо?

Тогдашнее состояніе Франціи показываетъ, что для народа въ требованныхъ реформахъ лежалъ путь, или по крайней мѣрѣ надежда на путь ко всеобщимъ улучшеніямъ, при обновленной чрезъ реформы иниціативѣ исполнительной и законодательной власти. Съ осени 1846 года, общее положеніе дѣлъ было крайне печальное; въ народѣ болѣзненно ощущался недостатокъ хлѣба; торговля страдала невольнымъ застоемъ; сама природа возставала на правительство и, среди распоряженій администраціи о безпошлинномъ ввозѣ хлѣба, внезапно затопляла всепоглощающими разливами и наводненіями (какъ и осенью 1866 г.) всѣ пути сообщенія въ центральной Франціи. Администрацію обвиняли въ запоздалости распоряженій, въ отсутствіи усердія къ народному благосостоянію; толковали о рабствѣ парламента, вмѣсто энергическаго контроля надъ министерствомъ; всѣ стремленія видѣли пока выходъ въ настоятельной реформѣ законодательной власти. Въ теченіе шести лѣтъ, съ февраля 41 г. до апрѣля 47 года, вопросы о реформахъ являлись на парламентскую сцену ровно десять разъ. Изъ нихъ, семь разъ возобновлялся вопросъ о реформѣ парламентарной, и три раза—о реформѣ выборной. Кабинетъ Гизо пребывалъ въ своемъ упорномъ сопротивленіи, и систематически отстранялъ всѣ реформы, «какъ безполезныя и не своевременныя въ интересѣ свободнаго правленія, которое надлежало упрочить». Тогда произошелъ случай, замѣчательный по своему невольному вліянію на дальнѣйшій ходъ реформистскаго движенія. За годъ до революціи, въ 1847 году, страннымъ образомъ вопросы о реформахъ были устранены въ парламентѣ гораздо значительнѣйшимъ большинствомъ, чѣмъ во всѣ предъидущіе разы: поводомъ къ тому послужило одно несдержанное слово Гарнье-Пажѐ. Говоря о реформѣ, ораторъ респу-

бликанской оппозиціи вздумалъ прямо указывать на всеобщую подачу голосовъ (suffrage universel), какъ на единственно законное основаніе для выборнаго права. — «День этой подачи прійдетъ!» Въ такомъ пророчествѣ и партизаны министерства и монархическая оппозиція увидѣли призракъ республики (тогда еще французы не знали, что ихъ suffrage universel вполнѣ совмѣстенъ съ имперіей), и спѣшили всѣ вмѣстѣ отстранить всякій споръ о реформахъ, какъ ведущій будто бы къ республикѣ.

Но одна крайность вызываетъ другую; — это стереотипная, избитая, но тѣмъ не менѣе остающаяся вѣрною аксіома. Такъ и въ данномъ случаѣ. Общество съ грустью убѣждалось, что интересъ страны не составляетъ интереса палаты и ея побѣдоноснаго большинства. Въ глазахъ общества палата становилась праздною игрушкою комбинацій кабинета; кабинетъ тѣшился игрою въ парламентаризмъ и сводилъ законодательное собраніе на тщеславную арену личнаго самолюбія. И въ послѣднемъ томѣ мемуаровъ мы находимъ не опроверженіе, а подтвержденіе подобнымъ обвиненіямъ. Цѣлыя тридцать страницъ посвящаетъ Гизо разсказу объ исторіи, вышедшей изъ-за поѣздки въ Англію герцога Бордоскаго — представителя старшей линіи Бурбоновъ. Эта поѣздка занимала министерство съ ноября 1841 г. до января 1844-го года! и ей суждено было показать обществу, что, съ одной стороны, палату могутъ заставить забыть свое истинное назначеніе и заниматься предметомъ совершенно ничтожнымъ и лишеннымъ для Франціи интереса; а съ другой стороны, министерство готово жертвовать спокойствіемъ страны и допускать смуты въ средѣ палаты единственно изъ-за личнаго самолюбія.

Въ первыхъ числахъ декабря 1843 года, Гизо получилъ изъ Лондона страшную корреспонденцію. Французскій посланникъ извѣщалъ министра о весьма прискорбномъ событіи: въ Лондонѣ, въ Бельгрэвъ-скверѣ, въ домѣ, гдѣ остановился Бордоскій герцогъ — собралось, 29 ноября, 300 французскихъ посѣтителей — легитимистовъ, и представитель ихъ, герцогъ Фицъ-Джемсъ, привѣтствовалъ герцога рѣчью, «въ которой, къ общему ужасу всѣхъ здравомыслящихъ людей, назвалъ его «мой король.» Хуже того, за рѣчью послѣдовали клики: «да здравствуетъ Генрихъ V-й!!» Вотъ, до чего дошелъ «скандалъ безсмысленный и преступный.» Возгорѣлась дѣятельная переписка; совѣтывались съ лордомъ Эбердиномъ о подавленіи преступныхъ замысловъ на англійской землѣ; лордъ Эбердинъ совѣщался съ королевскимъ адвокатомъ; но адвокатъ ничего не могъ помочь, и лордъ Эбердинъ — не больше, да еще одинъ лордъ, просили не подымать дѣла; онъ

боялся самъ слетѣть съ министерства, если англійская оппозиція захочетъ воспользоваться случаемъ и взять сторону герцога Бордоскаго!

Дѣло, замятое въ Лондонѣ, поднялось въ Парижѣ. При открытіи сессіи 1844 года, въ отвѣтномъ адресѣ палаты, комиссія вставила фразу: «Общественное мнѣніе предаетъ позору преступные происки.» Слово «происки» было замѣнено словомъ: «манифестаціи», и такая редакція представлена палатѣ. Здѣсь-то и разразилась цѣлая буря противъ «преданія позору»; требовали замѣны слова,—пусть будетъ сказано: «порицаетъ» и т. п. Между Гизо и Дюшателемъ шли совѣщанія и переписка; Гизо упорствовалъ: «чѣмъ сильнѣе завязывался споръ, тѣмъ становилось яснѣе, что всякое измѣненіе въ адресѣ означало бы, и для правительства и для всей консервативной партіи — недозволительную слабость.» Среди этой-то бури и раздались упомянутые выше упреки министру за начало его карьеры, за поѣздку въ Гентъ и проч. Гизо стоялъ на трибунѣ и энергично защищался; большинство тридцати голосовъ осталось за редакціей: «предаетъ позору», и это считалось столь важнымъ дѣломъ, что «кабинетъ вышелъ изъ такой пробы укрѣпленнымъ», и люди, совсѣмъ незнакомые съ Гизо, выбили въ честь его медаль, представлявшую министра стоящимъ на трибунѣ и господствующимъ надъ бурей!

Понятно, что такое препровожденіе времени въ парламентѣ не могло привлекать людей, ждавшихъ улучшеній и въ своемъ личномъ существованіи и въ общественномъ строѣ. Общее положеніе и взаимныя роли правящихъ и управляемыхъ классовъ довольно ясно изображено у Левассёра, въ его новомъ трудѣ [1]). Правительство, говоритъ авторъ, не было популярно; буржуазія не представляла ему достаточно широкой основы; въ палатѣ депутатовъ дѣло массъ вообще встрѣчало мало сочувствія. Внѣ палаты, мелкая буржуазія и люди, принадлежавшіе свободнымъ профессіямъ были — какъ вообще всѣ исключенные изъ всякого участія въ дѣлахъ — непріязненны, и требовали реформъ; работники, занимавшіеся политикою, были республиканцами или соціалистами. «Все это — говоритъ Левассёръ — конечно представляло серьезную опасность, ибо подобныя стремленія могли вести не только къ выборной реформѣ, но и къ соціальному перевороту. Объ этомъ слишкомъ мало думали въ *оффиціальномъ мірѣ*.»—

---

[1]) *E. Levasseur*,— Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. (Couronné par l'Academie de sciences mor. et pol.) P. 1867. 2 vol. T. II, liv. IV, ch. IX—*Le bien-être*.

Оффиціальный міръ состоялъ изъ короля, его министровъ и ихъ большинства въ палатѣ.

Приближаясь къ послѣднему часу іюльской монархіи, не лишне указать на ту личность, которую должно было постигнуть изгнаніе, на человѣка, для котораго горестный конецъ королевской карьеры былъ еще болѣе неожиданъ, чѣмъ 18 лѣтъ передъ тѣмъ—ея радостное начало. Характеристика Луи-Филиппа, какую мы находимъ у Гизо, весьма интересна по сравненію съ другою, сдѣланною Гервинусомъ и уже извѣстною читателю [1]).»

«Характеръ этого принца—говоритъ Гизо (стр. 73)—состоялъ изъ рѣдкаго смѣшенія хитрости и довѣрчивости, увлеченія и расчета, естественныхъ и юныхъ чувствъ, сохраненныхъ среди разочарованныхъ опытностью дворовъ, революцій и свѣта... Ни одинъ человѣкъ (стр. 88) не былъ болѣе искреннимъ либераломъ, въ философскомъ и современномъ смыслѣ слова, не былъ болѣе проникнутъ понятіями своего времени въ вопросахъ общечеловѣческой справедливости и гуманности... Филантропическія идеи (стр. 90) XVIII-го вѣка, принципы 1789 года, первое движеніе и соціальный прогрессъ французской революціи не могли бы найти приверженца искреннѣе убѣжденнаго и болѣе преданнаго, нежели этотъ принцъ, независимо отъ всякаго разсчета и личнаго интереса. Рядомъ съ тѣмъ, какъ король, и въ своемъ правительствѣ онъ сохранялъ твердую рѣшимость — никогда не преступать за конституціонный предѣлъ, и всегда принимать, въ концѣ-концовъ, мысль и желаніе страны, выраженныя путемъ свободныхъ преній и закономъ допущенныхъ проявленій. Ни одинъ государь никогда не принималъ искреннѣе принципа договора между народомъ и имъ, и ни одинъ не считалъ себя болѣе обязаннымъ, какъ совѣстью, такъ и благоразуміемъ, къ святости клятвы.

«Два могучихъ чувства дѣйствовали на него въ одно и тоже время. Онъ былъ принцъ и Бурбонъ; онъ родился, онъ воспитался въ средѣ стараго французскаго общества, при дворѣ королей; понятія и преданія монархіи Генриха IV и Людовика XIV не были ему чужды; онъ зналъ ихъ и понималъ ихъ, не какъ исторію, которую изучаютъ, но какъ знаютъ и понимаютъ то, что видѣли. Весьма просвѣщенный касательно пороковъ и недостатковъ стараго порядка, онъ зналъ также, какіе принципы правленія ввело въ этотъ порядокъ его долгое существованіе, и онъ судилъ о немъ безъ пристрастія и безъ невѣжества. Свя-

[1]) См. «Западная Европа наканунѣ тридцатыхъ годовъ». Статья вторая. Вѣст. Европы сентябрь 1867.

занный съ другой стороны, съ поры своей юности, съ идеями и событіями революціи, онъ былъ искренно привязанъ къ ея дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, живо пораженъ ея увлеченіями, ея ошибками, ея болями, ея неудачами, и относился съ большимъ недовѣріемъ къ революціоннымъ страстямъ и пріемамъ, которые онъ видѣлъ на дѣлѣ. Всѣ тѣ зрѣлища, всѣ тѣ воспоминанія, столько различныхъ впечатлѣній и наблюденій, скопившихся въ короткое время его жизни — оставили его весьма тревожнымъ относительно исхода такого великаго общественнаго кризиса и относительно успѣха его собственныхъ усилій для приведенія кризиса къ концу. Онъ видѣлъ, въ одно и тоже время, и необходимость свободнаго правленія и трудность основать его. Однажды (продолжаетъ Гизо) мы бесѣдовали одни въ маленькомъ салонѣ въ Нейльи; король находился въ своемъ состояніи сомнѣнія и разочарованія; мною, по обыкновенію, владѣлъ оптимизмъ на надежды. Мы спорили оживленно; онъ взялъ меня за руку: «Послушайте, дорогой министръ, сказалъ онъ мнѣ, я желаю отъ всей души, чтобъ вы оказались правы, но не ошибитесь: либеральное правительство рядомъ съ абсолютическими традиціями и съ революціоннымъ духомъ — это дѣло очень трудное; для этого надо либеральныхъ консерваторовъ, а ихъ не оказывается достаточно. Вы послѣдніе изъ римлянъ!» — Въ другой разъ,—среди, я уже не помню какого, умноженія и препятствій и затрудненій, — онъ воскликнулъ, схватившись руками за голову: «Какая путаница! Какое смѣшеніе! Машина, всегда готовая разлетѣться! Въ какое грустное время мы были обречены пасть!» Эти сомнѣнія, эти безпокойства о будущности между нами свободнаго правленія, нисколько не мѣшали королю Луи-Филиппу ясно понимать въ настоящемъ то мѣсто, которое онъ въ немъ занималъ, и хорошо играть свою роль, и — только свою роль. Онъ не только рѣшился никогда не нарушать основныхъ началъ, но онъ каждый день добросовѣстно принималъ ихъ требованія и условія. Его много обвиняли въ желаніи, въ каждомъ дѣлѣ предписывать кабинету свою волю... я не задумываюсь утверждать, что когда между королемъ и кабинетомъ бывало несогласіе въ мнѣніяхъ, кабинетъ-ли то отказывалъ королю въ исполненіи его желаній, или же королю не нравились наши предложенія, — король въ концѣ переставалъ настаивать или противиться, и согласовался съ замѣчаніями или требованіями своихъ отвѣтственныхъ совѣтниковъ... Король обладалъ (стр. 94) большимъ запасомъ идей, впечатлѣній, стремленій, которыя онъ не заботился сдерживать... Равнодушіе и молчаніе часто бываютъ полезными и пристойными королевскими качествами; король Луи-Филиппъ

недостаточно пользовался ими. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ мудрости своей политики и въ важности своего успѣха для блага страны, что его огорчало, когда приписывали ихъ заслугу другимъ, и онъ не могъ удержаться, чтобы не требовать громко отданія ему должной чести.» Гизо кончилъ характеристику увѣреніемъ, что въ сущности король былъ весьма скроменъ и лишенъ всѣхъ тщеславныхъ предразсудковъ.

Рядомъ съ представленнымъ здѣсь сужденіемъ Гизо, намъ приходитъ на память изъ того времени тайная исповѣдь одного еще изъ болѣе близкихъ людей къ королю,—его родного сына. Вотъ, что писалъ изъ Италіи, изъ Спеціи, 7-го ноября 1847 г., Жуанвильскій принцъ (prince de Joinville) своему брату герцогу Немурскому (duc de Nemours): «Я пишу тебѣ одно слово, потому что я смущенъ всѣми событіями, скопляющимися со всѣхъ сторонъ. Я начинаю серьезно тревожиться... Король (отецъ) непреклоненъ, онъ не слушаетъ больше ничьего мнѣнія; онъ хочетъ, чтобъ его воля брала верхъ надъ всѣмъ. Мнѣ кажется едва-ли возможнымъ, чтобъ въ нынѣшнемъ году палата не пришла къ дебатамъ объ этомъ ненормальномъ положеніи, которое уничтожило конституціонную фикцію и свело всѣ вопросы къ самому королю. Теперь нѣтъ болѣе министровъ; ихъ отвѣтственность не существуетъ; все восходитъ къ королю. Король вступилъ въ возрастъ, который не принимаетъ никакихъ замѣчаній; онъ привыкъ управлять, онъ любитъ выказывать, что управляетъ именно онъ самъ. Его громадная опытность, его смѣлость и всѣ его великія качества дѣлаютъ то, что онъ встрѣчаетъ опасность храбро, но опасность отъ того существуетъ не менѣе... Мы предстанемъ предъ палатами съ сѣвернымъ внутреннимъ положеніемъ, и не съ лучшимъ внѣшнимъ.» Сужденіе сына короля о печальномъ упорствѣ отца и о тревожномъ состояніи дѣлъ не замедлило оправдаться. 28-го декабря 1847 г., открылась парламентская сессія 1848 г., — послѣдняя сессія орлеанскаго парламентаризма. Но бѣда оказывалась еще серьезнѣе, чѣмъ думалъ удрученный принцъ, и тревога шла гораздо глубже; теперь приходилось думать уже не о томъ, какъ явиться предъ народомъ — предъ этимъ новымъ элементомъ непризваннымъ, и съ «неизвѣстнымъ вліяніемъ.» Одна крайность вызвала другую. Увидѣвъ полное отвращеніе отъ всякой реформы въ большинствѣ палаты, оппозиція отказалась отъ парламентскихъ препираній и обратилась съ призывомъ къ народу, который и принялъ ее съ открытыми объятіями,— именно вслѣдствіе такого безпадежнаго поведенія большинства. Борьба была перенесена изъ чинной залы на шумную улицу. Страннымъ образомъ улица на этотъ разъ

хотѣла принять непривычный ей скромный характеръ легальности, и этимъ невольно вовлекла въ обольщеніе и министерство и большинство, — иллюзія хотѣла царить отъ площади до трона! «Вопросъ перешелъ съ арены парламентарной на поле народныхъ страстей, пренія трибуны смѣнились банкетами. Съ конца сессіи 47 года до открытія сессіи 48 года, банкеты держали всю Францію въ постоянномъ искусственномъ лихорадочномъ состояніи.» На первомъ банкетѣ, который послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ, быстро охватившихъ бо́льшую часть городовъ [1]) — Паньеръ (недавно умершій книгопродавецъ), одинъ изъ агитаторовъ по банкетамъ, провозгласилъ тостъ «за реформу избирательную и парламентскую» — въ этомъ тостѣ лежало основаніе или вѣрнѣе поводъ ко всему народному движенію. Среди многихъ рѣчей и упрековъ, посланныхъ правительству съ банкета, самый зловѣщій упрекъ, самое тревожное предостереженіе было высказано г-мъ Дювержье-де-Горань, и тѣмъ съ бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ извѣстнѣе была прежняя порванная дружба оратора съ министромъ. Предостереженіе заключалось въ сравненіи іюльской монархіи съ реставраціей. «Конечно — говорилъ ораторъ — между правленіемъ послѣднихъ лѣтъ реставраціи и нынѣшнимъ существуетъ глубокое различіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается такое сходство, которое поражаетъ умы наименѣе дальновидные... Реставрація дѣйствовала прямо, шла на проломъ; нынѣшняя власть предпочитаетъ окольный путь и дѣйствіе въ тихомолку; то, чего реставрація хотѣла достигнуть силою и угрозами, теперь хотятъ сдѣлать хитростью и подкупомъ; теперь не уничтожаютъ учрежденій, а извращаютъ, не насилуютъ совѣсти и мнѣнія, а покупаютъ... Пока такая система существуетъ — заключалъ онъ — до тѣхъ поръ скандалы и безпорядки будутъ продолжаться и усиливаться: если это не ясно, то нѣтъ ничего яснаго на свѣтѣ!...» Когда палата сошлась въ декабрѣ 47 года, то уже тостъ Паньера пронесся по всей Франціи, снова вернулся въ Парижъ и сталъ неотступно стучать у дверей самой палаты, такъ что тотъ же Дювержье-де-Горань могъ уже назвать въ лицо министерству иную не парламентскую опору реформъ: «Послѣ послѣдней сессіи, оппозиція была бы слишкомъ непредусмотрительна и слѣпа, еслибъ вду-

[1]) «Des banquets réformistes s'organisèrent, sous les auspices des députés du côté gauche.... *redoutables assises* où le système politique de la royauté de 1830 fut impitoyablement traîné sur la sellette, et dénoncé à la France entière comme indigne de présider plus longtemps à ses destinées.» *A. Boullée.* — Etudes biographiques sur Louis-Phil. d'Orléans, dernier roi des Français. Paris, Langlois et Leclercq. 1849. — Стр. 196.

мала льстить себя надеждой выиграть здѣсь, въ палатѣ, свое дѣло. Къ счастію, какъ часто говорилъ самъ г. Гизо, внѣ палаты и выше ея, стоитъ страна, къ которой меньшинство всегда въ правѣ обратиться. Это мы и сдѣлали и будемъ продолжать дѣлать. Пусть же это будетъ хорошо понято и ясно услышано: мы вовсе не пришли теперь сюда защищать свое дѣло предъ большинствомъ противъ министерства; мы пришли защищать его предъ страною противъ министерства и противъ большинства.»

Такъ провозглашался конецъ парламентарному конфликту, такъ произносилось отрицаніе рѣшающей власти искусственнаго большинства. Въ то же время снова были возобновлены банкеты, банкетная агитація. Весьма интересенъ приводимый у Гизо по поводу этой агитаціи эпизодъ о его свиданіи съ Морни. Морни представляется здѣсь человѣкомъ ловкимъ и смѣлымъ; онъ опасается за броженіе умовъ, онъ боится за спокойствіе и цѣлость монархіи. Въ разсказѣ Гизо можно заподозрить или искусно скрытую иронію или серьезную увѣренность въ безкорыстной преданности Морни. Могъ-ли уже тогда Морни взвѣсить всѣ шансы положенія и сообразить дальнѣйшую перспективу бонапартизма, — это относится къ гадательной области, — для насъ же гораздо интереснѣе то, что на этомъ свиданіи Гизо въ первый разъ готовъ былъ уступить и отступить. Гизо жаловался Морни на смуты и конечно не могъ сознавать, что виновникъ смутъ онъ самъ! Гизо предлагалъ Морни вернуть спорные вопросы съ уличной арены банкетовъ въ замкнутыя стѣны палаты, обѣщая оставить министерство и дать провести требуемыя реформы. «Конечно—сознавался Гизо—нѣсколько избирателей больше въ коллегіяхъ, и нѣсколько чиновниковъ менѣе въ палатѣ — все это не произведетъ переворота; а мой кабинетъ довольно существовалъ, и мы можемъ удалиться. Еслибъ дѣло было только въ томъ, это легко бы устроить,—но не ошибитесь! дѣло уже вышло за предѣлы палаты; оно попало въ этотъ уличный міръ, безграничный, темный, кипящій, который мутящіе и праздные люди зовутъ народомъ. Тамъ уже не реформисты, тамъ уже революціонеры господствуютъ и творятъ событія.»

Наивность здѣсь министра-историка поразительна! Онъ, всю жизнь занимавшійся историческими событіями и столкновеніями, онъ, бо́льшую часть жизни отдавшій государственной дѣятельности, онъ не понималъ, что народныя страсти идутъ съ возбужденною силою морскихъ волнъ, которыхъ нельзя остановить по капризу у своихъ ногъ, и которыхъ не слѣдовало выжидать для мирнаго безопаснаго плаванія. Наивное ослѣпленіе не видѣло всей невозможной трудности предложенія — отнять, выхва-

тить горячій вопросъ изъ рукъ, завладѣвшихъ имъ, и снова вернуть въ палату, туда, откуда его вышвырнула упорная политика сопротивленія! Гизо не понялъ, что онъ самъ же создалъ изъ реформистовъ революціонеровъ. Скоро положеніе дѣлъ стало еще болѣе критическимъ. Среди приготовленій къ извѣстному «реформистскому банкету 12-го округа», завязался споръ между оппозиціей и министерствомъ о правѣ собранія. Министерское запрещеніе собранія банкета застало оппозицію въ расплохъ: она не ожидала этого, или по крайней мѣрѣ не ожидала этого одна ея часть. Здѣсь-то и обнаруживалось неудобство и негодность союза разнородныхъ интересовъ, и Гизо совершенно правъ, критикуя (стр. 90) составъ оппозиціи. Составъ этотъ былъ тоже искусственъ и тоже долженъ былъ привести къ компликаціямъ. Оппозиція хотѣла осуществить на себѣ невозможное: она хотѣла дружно соединить на одно дѣло совершенно противоположные интересы, совершенно противорѣчивыя побужденія. Парламентаристы легитимистской партіи, монархической оппозиціи и оппозиціи республиканской очевидно должны были имѣть разныя цѣли, и разныя средства къ достиженію ихъ. Если были республиканцы, и если они добивались пораженія монархическаго начала, то они не должны были скрывать, что ихъ стремленіе не клонится къ мирному пути; съ другой стороны, монархическая оппозиція должна была понимать, куда она идетъ, куда можетъ привести ее борьба съ министерствомъ въ союзѣ съ республиканцами, и возможно ли ей будетъ остановиться почтительно у подножія неприкосновеннаго трона,—не поздно-ли будетъ, не увлечетъ-ли насильственно ее самое возбужденное народное движеніе, или, иначе, не отдастъ-ли она самоубійственно движенія въ руки республиканцевъ?? Теперь, по столкновеніи съ грознымъ препятствіемъ министерства, послѣдствія легкомыслія оппозиціоннаго союза, не замедлили оказаться. Что же было дѣлать оппозиціи? — покориться безмолвно, значило проиграть безъ боя столь долго и столь искусно веденную борьбу; хуже того, значило смѣшаться въ презрѣніи народа съ министерскимъ большинствомъ. Не признавать запрещенія и все-таки созывать банкетъ — значило послужить вѣроятнымъ поводомъ къ столкновенію съ вооруженной силой,— къ высшей степени народнаго возбужденія, можетъ быть — къ пролитію крови... Далѣе пока не шли предположенія, но и въ приведенныхъ лежалъ цѣлый источникъ бѣдствій, и кто можетъ хотѣть принять такую отвѣтственность!?

Консервативные депутаты, въ числѣ коихъ находился Морни, явились посредниками, готовыми примирить волю правительства съ неловкимъ, далеко зашедшимъ положеніемъ реформистовъ. Ме-

жду консерваторами, уполномоченными къ тому министромъ Дюшателемъ и между депутатами монархической оппозиціи былъ устроенъ любопытный компромиссъ, грѣшившій развѣ тѣмъ, что похожъ былъ на театральную комедію: власть соглашалась допустить банкетъ собраться, депутаты соглашались немедля, едва собравшись, разойтись по требованію комиссара, протестуя противъ беззаконности разогнанія и такимъ образомъ повергая все дѣло на разсмотрѣніе исправительныхъ судей. Между договаривавшимися сторонами были заранѣе условлены даже формы разогнанія и формы оскорбленнаго протестованія, даже заранѣе назначены ораторы для приличнаго протеста. Этотъ компромиссъ, сколько намъ извѣстно, единственный своего рода въ лѣтописяхъ смутныхъ временъ, и мы не станемъ вдаваться въ размышленіе объ умѣстности съ обѣихъ сторонъ подобной игры въ жмурки, въ виду волновавшей толпы, въ моментъ остановки во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ. Но за этою сдѣлкою слѣдуетъ темное мѣсто въ исторіи февральскихъ дней. Бо́льшая часть историковъ обвиняетъ министерство въ вѣроломномъ отступленіи и взятіи назадъ своего слова, даннаго для компромисса; Гизо же, наоборотъ, обвиняетъ оппозицію въ ея внутреннемъ разладѣ, причинившемъ непризнаніе и нарушеніе компромисса со стороны республиканцевъ, и въ неумѣніи монархической оппозиціи поправить такое нарушеніе. «Сила, которая цѣлые шесть мѣсяцевъ, со дня на день, ускользала изъ рукъ монархической оппозиціи, теперь наконецъ, совершенно выскользнула, и республиканская революціонная партія, овладѣвшая положеніемъ, повлекла за собой своихъ печальныхъ и робкихъ союзниковъ» (стр. 567).

Республиканская партія повела дѣло иначе, нежели ожидалъ Гизо и удивила его сюрпризомъ. 21-го февраля, префектъ полиціи оповѣстилъ прокламаціей строгое запрещеніе собираться на банкетъ. Рядомъ съ его прокламаціей, парижане читали прокламацію республиканской оппозиціи, объявлявшей о томъ, что она не хочетъ принимать на себя отвѣтственности за послѣдствія и потому не пойдетъ на банкетъ, приглашая всѣхъ добрыхъ гражданъ послѣдовать ея примѣру. Поступая такъ, оппозиція объявляла, что она знаетъ, что «ей остается исполнить еще великій актъ твердости и справедливости». Префектъ полиціи хотѣлъ тоже исполнить великій актъ и рѣшился арестовать, въ ночь съ 21-го на 22-е февраля, 22 изъ наиболѣе извѣстныхъ республиканскихъ предводителей; но въ тоже время до полиціи дошли слухи о ссорахъ въ самомъ революціонномъ лагерѣ, и «для того, чтобъ употребить въ пользу ихъ разладъ и не дать

страстямъ никакого повода, арестованіе не было приведено въ исполненіе».

Утромъ 22-го февраля, Гизо былъ пораженъ въ палатѣ открытіемъ, въ чемъ заключался «актъ твердости и справедливости»: онъ нашелъ въ немъ предложеніе 52-хъ членовъ о преданіи министерства суду! въ обвинительномъ актѣ между прочимъ значилось: *«за покушеніе извратить представительную систему»*. Этому акту однако правительство не вдругъ придало важное значеніе, и день 22-го февраля былъ проведенъ при дворѣ весьма радостно. Король, который все время находился въ раздраженномъ состояніи, и давно уже повторялъ: «Всѣ за реформу: одни ее требуютъ, другіе обѣщаютъ; я никогда не допущу до такой слабости. Реформа — это вступленіе оппозиціи въ управленіе, а вступленіе оппозиціи — это война, это начало конца! Какъ только оппозиція возьметъ бразды правленія, я уйду вонъ!» [1]). Король теперь торжествовалъ. «Ага! воскликнулъ онъ, увидя своихъ министровъ, вы теперь пришли поздравлять меня! Дѣйствительно, дѣло повернулось великолѣпно! Какъ я благодаренъ вамъ, мои дорогіе министры, за такое веденіе дѣла! Вы знаете, что *они* отказались отъ банкета; *они* увидѣли, хотя правда немного поздно, что это значило бы затѣвать большую игру. И когда я подумаю, что многіе изъ нашихъ друзей хотѣли, чтобы уступить *имъ!* Это укрѣпитъ большинство!» [2]). Къ несчастью, Парижъ думалъ иначе, и вмѣсто укрѣпленія большинства, по предмѣстьямъ шло укрѣпленіе баррикадъ. По городу пронеслись мятежные крики: «Да здравствуетъ реформа! долой министровъ!» Студенты и работники показались у дверей палаты, и двинулись чрезъ площадь «Согласія» (place de la Concorde) къ дому Од. Барро. За гражданской процессіей появилась военная; войска заняли улицы, ближайшія ко дворцу; толпа была отброшена, но далѣе, внутри города, на баррикадахъ стали обмѣниваться пулями! А крики росли громче и громче и донеслись во дворецъ, до ушей короля. На другой день, 23-го февраля, тѣ же самые крики стали еще грознѣе; съ голосомъ рабочаго населенія сливался голосъ національной гвардіи [3]). Крики не утихли даже и послѣ краснорѣчиваго воззванія въ палатѣ г-на Дюпена: «Надо, чтобъ массы поняли, что они не имѣютъ права

---

[1]) Abdication du roi Louis-Philippe, racontée par lui-même et recueillie par Ed. Lemoine.

[2]) Guizot, t. VIII, стр. 576.

[3]) О всѣхъ февральскихъ событіяхъ см. исторію *Гарнье-Пажеса;* — Histoire de la Révolution en 1848, par *Daniel Stern.* 3 vol. 1852; — Histoire du gouvernement provisoire de 1848, par *F. Rittiez.* 1867. T. I, въ началѣ.

совѣщаться и рѣшать. Надо, чтобъ люди, прибѣгшіе къ оружію, *поняли*, что они не имѣютъ права приказывать, и что ихъ дѣло только ждать исполненія закона и мѣръ, которыя будутъ признаны за нужныя короною и палатами». Въ то же время Гизо объявилъ наконецъ палатѣ о своей отставкѣ. «Раздраженіе большинства при такомъ извѣстіи было глубоко; оно видѣло въ отставкѣ паденіе и свое собственное и той политики, которую оно отважно поддерживало цѣлыя семнадцать лѣтъ». Услышавъ неожиданное извѣстіе, одинъ изъ друзей Гизо, Кальмонъ, обратился къ другому другу министра съ лаконическимъ предостереженіемъ: «*гражданинъ* (citoyen) Мюре-де-Бордъ, скажите *гражданкѣ* Мюре-де-Бордъ, чтобъ она укладывала свои сундуки; республика не полюбитъ васъ!» Остроумная шутка рисковала обратиться въ серьезное пророчество, когда въ 9-ть часовъ вечера произошла неожиданная пагубная сцена. Толпы народа стояли на Капуцинскомъ-бульварѣ, предъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; женщины и дѣти, старики и мирные болтуны глазѣли на иллюминацію, освѣщавшую въ ту дождливую темную ночь бульвары въ знакъ радости объ отставкѣ Гизо; вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, — предательскій, роковой выстрѣлъ. До сихъ поръ осталось спорнымъ — чья рука взяла на себя такую страшную отвѣтственность: изъ рядовъ ли толпы посланъ онъ былъ въ ненавистное ей министерство, или же въ рядахъ войска проявилось неумѣстное рвеніе? Начальникъ войска принялъ первое мнѣніе и раздалось: пали! вслѣдъ за которымъ земля обагрилась кровью пятидесяти жертвъ. Разъяренная масса отправилась съ неожиданными трофеями — съ трупами на носилкахъ и дрогахъ — уже по успокоившимся кварталамъ и взывала къ мщенію. «Мщеніе! засада!» ревѣла взволнованная улица; на каждомъ шагу грезилось ей смертоносное войско; изъ каждаго угла глядѣла на нее насмѣшливая фигура непреклоннаго министра, и ея настроенное воображеніе слышало жестокія приказанія фигуры объ истребленіи крамольниковъ! Толпа бросилась въ редакцію журнала National'я. «Войско идетъ, вопила она, и вы должны быть его первыми жертвами! спасайтесь, бѣгите, не выказывая безполезной храбрости!...» Съ другой стороны, въ той же редакціи другіе люди искали успокоеній и получили въ отвѣтъ отъ редактора: «Увы, господа, дѣло уже не идетъ о реформахъ; послѣ того, что произошло, въ народѣ только одно чувство — мщеніе. Я думаю, что правительство уже не можетъ быть спасено».

Среди общаго волненія и безпорядка, только въ высшихъ сферахъ сохранялось еще спокойствіе, только тамъ царила еще

гордая увѣренность. Въ полночь, король, по совѣщаніи съ отставленнымъ Гизо, рѣшился вручить спокойствіе столицы маршалу Бюжо. Гизо спросилъ у маршала его мнѣніе о завтрашнемъ днѣ: «немного поздно—отвѣтилъ маршалъ,—но я еще никогда не былъ побитъ, и не начну этого завтра. Пусть оставятъ меня дѣйствовать и пустить въ ходъ пушку; кровь будетъ пролита, но завтра вечеромъ сила будетъ на сторонѣ закона, и крамольники получатъ должное имъ.» — «Это былъ послѣдній актъ моего кабинета и мое послѣднее свиданіе съ маршаломъ Бюжо». (Гизо).

Но вечера, обѣщаннаго маршаломъ, не было ни завтра, ни послѣ для Орлеанской монархіи. «Ночь прошла въ злоупотребленіи тѣмъ несчастіемъ или преступленіемъ (сцены на бульварѣ) для превращенія бунта въ революцію». Напрасно корона обратилась къ уступкамъ, къ назначенію не только другого министерства, но даже оппозиціоннаго министерства; несмотря на слова Луи-Филиппа, — реформы очевидно могли бы быть приведены въ исполненіе, хотя народъ этому и не вѣрилъ: довѣріе потонуло въ крови; напрасно мѣсто Бюжо заступилъ Ламорисьеръ; несчастный Ламорисьеръ раненъ выстрѣломъ съ баррикады; баррикады сдвинулись къ самому дворцу; выстрѣлы раздались подъ самыми стѣнами; и наконецъ подъ самымъ ухомъ злополучной королевской фамиліи — прозвучали страшные звуки революціонной «марсельезы»!...

Далѣе разсказывать нѣчего; мы предпочитаемъ привести вмѣсто того другія болѣе интересныя слова, болѣе поучительное восклицаніе. Варнгагенъ-фонъ-Энзе, въ IV томѣ своего дневника (Tagebücher) разсказываетъ, что старый прусскій король, услышавъ о паденіи Луи-Филиппа, воскликнулъ: «Лудвигъ-Филиппъ взошелъ на тронъ по баррикадамъ; чрезъ баррикады же онъ долженъ былъ упасть съ него!» Прусскій король былъ глубоко справедливъ [1]).

V.

Паденіемъ Орлеанизма оканчиваются мемуары Гизо. Такъ кончилась и его парламентарная карьера; скоро должна кончиться и вся его земная осьмидесятилѣтняя жизнь. Старыя личности, тѣни

[1]) Характеристичный приговоръ прусскаго короля нашелъ себѣ откликъ и пояненіе у историка: *Boullée* заключаетъ свой этюдъ о Луи-Филиппѣ такъ: «Louis-Philippe, détrôné par le même peuple dont il tenait sa couronne, offrira un exemple de plus de l'impuissance d'un chef d'État à réagir contre le principe qui l'a élevé, et à lutter contre les exigences populaires, après les avoir *encouragées* ou consacrées.

прошлаго исчезаютъ; на дняхъ умеръ въ Парижѣ товарищъ Гизо, министръ графъ Дюшатель, 64-хъ лѣтъ, умеръ въ добровольномъ удаленіи отъ всего, въ тиши и забвеніи. Можно положительно сказать, что всѣмъ имъ—этимъ старикамъ Франціи—послѣдній періодъ, періодъ бездѣятельнаго созерцанія современности достался слишкомъ тяжело, и безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ нихъ никогда не думалъ и никогда не желалъ своему отечеству судьбы, постигшей его, благодаря декабрьской катастрофѣ.

Но въ это время тяжелаго испытанія и долгаго размышленія, нашелъ ли кто-либо изъ нихъ, гдѣ и въ чемъ крылась существенная причина внезапныхъ несчастій? Въ чемъ состояло гибельно-пренебреженное основаніе всей ошибки, всего развала? Гдѣ лежалъ выходъ на болѣе вѣрную дорогу? Будто весь Парижъ, вся Франція могли быть увлечены такъ страстно однѣми громкими фразами, однѣми хитрыми кознями оппозиціи? Будто монархія, существовавшая восемнадцать лѣтъ могла разбиться въ нѣсколько дней, въ нѣсколько часовъ, уличнымъ крикомъ и нестройнымъ пѣніемъ? Будто судьбы человѣчества, или цѣлой націи, всегда до сихъ поръ имѣвшей вліяніе на всѣ другія, могутъ быть измѣнены изъ-за недовольства одною личностью, однимъ упорствомъ одного министра?... Будемъ терпѣливы до конца. Обратимся еще разъ къ Гизо, и въ послѣдній разъ допросимъ его,—не укажетъ ли онъ самъ, какъ человѣкъ, которому должно быть близко знакомо дѣло, на невѣдомыя или непризнанныя открыто причины погибели этого дѣла? Не захочетъ ли онъ самъ указать на тѣ пробѣлы или несовершенства въ системѣ, пополненіе которыхъ отвратило бы ея паденіе? Такое указаніе было бы въ пользѣ системы — оно засвидѣтельствовало бы о необходимости усовершенствованія, а не о негодности и несостоятельности ея,—въ чемъ ее можно заподозрить, глядя на ея бренность, на шаткость и паденіе.

Гизо прежде всего видитъ причину всей катастрофы въ поведеніи оппозиціи, и ей приписываетъ всю вину. Это однако старая и сама себя бьющая аргументація: обвинять врага въ своей гибели значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаваться въ своей внутренней слабости, въ отсутствіи силы для одолѣнія врага. «Нетерпѣніе и непредусмотрительность—говоритъ Гизо—эти двѣ фатальныя болѣзни столькихъ политическихъ дѣятелей овладѣли оппозиціей»... Въ другомъ мѣстѣ, Гизо обобщаетъ обвиненія и уже упрекаетъ всю націю, все общество въ неопытности и непониманіи всей мудрости доктринернаго парламентаризма: «Мы слишкомъ много и слишкомъ рано разсчитывали на здравый

смыслъ и на предусмотрительность политическую, которую сообщаетъ долгое пользованіе свободой»...

Естественно, что относясь къ обществу такимъ образомъ, считая его неумѣлымъ, неопытнымъ ребенкомъ, на котораго могли имѣть пагубное вліяніе своекорыстная оппозиція (для которой и вопросъ реформъ «былъ не цѣлью, а только средствомъ, для разбитія большинства»), естественно, что Гизо считалъ нужнымъ полновластное распоряженіе неопытной націей. Поэтому ясно, что, вмѣсто всякихъ уступокъ, онъ хотѣлъ держаться во что-бы то ни стало своей «политики сопротивленія»; ясно, что и на свою отставку онъ долженъ смотрѣть въ такомъ случаѣ какъ на обстоятельство, значительно содѣйствовавшее развязкѣ, и можно легко заключить изъ его словъ, что его мнѣніе было на сторонѣ рѣшительнаго дѣйствія и энергическаго подавленія всего движенія. Къ его положенію въ февралѣ 1848 г. можно примѣнить желаніе Дюшателя при выборахъ 1846 г.: Гизо хотѣлъ побѣды и сраженія! Но въ исторіи государствъ западной Европы, во внутренней ихъ исторіи еще болѣе чѣмъ во внѣшней, бываютъ часто побѣды, равносильныя пораженію. Жизнь, существованіе извѣстнаго правительства во Франціи, состоитъ вовсе не въ побѣдахъ надъ той или другой партіей, а въ томъ, чтобъ не довести до надобности такихъ побѣдъ,—чтобъ не довести парламентарной борьбы до бою на площади,—тогда побѣда становится также гибельна, и еще гибельнѣе, чѣмъ уступки и даже капитуляція народнымъ требованіямъ. Въ такомъ положеніи находилось Орлеанское правительство въ февральскіе дни. Гизо полагаетъ, что паденіе монархіи произошло отъ отставки его министерства; но здѣсь самолюбивая страсть парламентариста-доктринера заставила забыть историка слишкомъ громкіе и слишкомъ облитые кровью событія! Во время первой революціи, въ 1792 г., вопросъ между короной и ея приверженцами въ законодательномъ собраніи съ одной стороны, и между оппозиціей и народомъ съ другой — вопросъ шелъ о перемѣнѣ министерства, съ чѣмъ, какъ и всегда, связана была надежда на измѣненіе во всемъ внутреннемъ строѣ управленія. Тогда король Людовикъ XVI поступилъ именно такъ, какъ желалъ бы Гизо: Людовикъ XVI не только не отступилъ, но даже поразилъ народъ своимъ геройскимъ упорствомъ — 20-го іюня 1792 г., когда народъ ворвался въ самый дворецъ, требуя назначенія жирондистскаго министерства. Болѣе того, король даже отстаивалъ, преданнаго жирондистамъ и ихъ политикѣ, городского главу, Петіона, и за такую рѣшимость получилъ изъ многихъ департаментовъ поздравительные адресы. Это было въ іюнѣ, но не про-

шію и двухъ мѣсяцевъ, какъ 10 августа бурбонская монархія перестала существовать во Франціи, и конецъ ея былъ гораздо злополучнѣе для династіи, чѣмъ въ февралѣ 1848 года: бывъ зрителемъ и помня кровавую гибель Людовика XVI, Луи-Филиппъ былъ безконечно правъ, не желая идти долѣе на перекоръ желанію страны: въ этомъ выразилась его честность и сообразительность...

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же и о Гизо. Онъ забылъ въ февральскіе дни даже простое обычное условіе парламентскихъ отношеній, иначе онъ отошелъ бы въ сторону и рекомендовалъ бы королю политику совершенно противоположную бывшей,—какъ только въ стѣнахъ парламента родилось требованіе преданія министровъ суду. Въ этомъ отношеніи, молодые и современные намъ партизаны орлеанскаго парламентаризма сдѣлали большой успѣхъ; они понимаютъ, что «истинный характеръ министерской власти въ парламентаризмѣ—заключается въ перемѣщеніи этой власти, безъ потрясенія, отъ лицъ одного возврѣнія—къ лицамъ другого, на сторонѣ котораго находится въ извѣстный моментъ дѣйствительная сила [1])», т. е. общественное мнѣніе и народная потребность.

Отрицая всякую основательность какихъ бы то ни было обвиненій, обращая всю вину на своихъ противниковъ, только надъ однимъ упрекомъ Гизо считаетъ достойнымъ себя остановиться и признать по крайней мѣрѣ его вѣрность, хотя и онъ «совершенно лишенъ справедливости», по мнѣнію автора. Упрекъ заключался въ томъ, что все вниманіе министра было сосредоточено только на такъ называемой *чистой политикѣ*, только на внѣшнихъ отношеніяхъ парламента и отвѣтственнаго министерства, только на парламентской борьбѣ, на игрѣ въ парламентскія учрежденія. Упрекъ былъ равносиленъ обвиненію въ опущеніи содержанія для формы, въ пренебреженіи истинныхъ интересовъ страны изъ-за скудной формалистики узкой системы. «Да,—повторяетъ Гизо въ отвѣтъ на упрекъ—я признаю, что основаніе свободы *политической* было моей главной цѣлью». Но если мы вспомнимъ все, что было сказано о вербованіи большинства депутатовъ, о пустыхъ словопреніяхъ въ палатѣ вмѣсто добросовѣстнаго занятія народнымъ благосостояніемъ, то увидимъ,

---

[1]) *Prévost-Paradol—Du gouvernement parlementaire;* въ Essais de politique et de littérature. Première série. 3-me edition. 1865. Въ названной статьѣ читатель вообще можетъ увидѣть разницу, происшедшую въ понятіяхъ о парламентаризмѣ между старыми и молодыми орлеанистами. Размѣръ статьи дозволяетъ намъ только ограничиться этимъ указаніемъ.

что понятіе о политической свободѣ сводилось на лживый, искусственно-подтасованный парламентаризмъ, столь же далекій отъ истиннаго, сколько Англія или Америка далеки отъ Франціи, въ своей государственной организаціи. «Я былъ и остаюсь убѣжденъ—кончаетъ Гизо свое оправданіе—что принципы и событія 89 года внесли въ гражданскій порядокъ общества существенныя реформы; общественная, соціальная революція совершена; права гражданской свободы и равенства пріобрѣтены; но за этимъ великимъ дѣломъ—завоеваніе свободы политической осталось неполнымъ и шаткимъ....» Но еслибъ были пріобрѣтены гражданскія права, гражданская свобода, гражданское равенство,—то какимъ образомъ могъ бы явиться на сцену вопросъ электоральной реформы? Какимъ образомъ могъ бы существовать самый электоральный цензъ, самъ собой категорически отвергающій всякую фантазію о существовавшемъ равенствѣ правъ? И въ самомъ понятіи о гражданской, о соціальной свободѣ, и въ ссылкѣ на революцію и ея принципы—лежитъ большая запутанность и сбивчивость; и это должно быть сказано не только о Гизо, но почти о всѣхъ французскихъ политикахъ и публицистахъ, за весьма немногими исключеніями. Принимая отдѣльныя свойства и качества свободы за совершенно различные предметы, они относятся съ страстью и энтузіазмомъ къ своей политической свободѣ, и считаютъ за дѣло второстепенное такъ-называемую гражданскую свободу, подъ которой надо разумѣть всѣ соціальныя отношенія народнаго быта. Они полагаютъ, что эти отношенія, что гражданская свобода и гражданское равенство пріобрѣтены во время французской революціи торжественнымъ провозглашеніемъ: «всѣ равны предъ закономъ»; и, отправляясь отсюда, рѣшаютъ, что и въ концѣ XVIII вѣка не было ничего легче, какъ совершить соціальную революцію, и ничего труднѣе, какъ сдѣлать малѣйшій шагъ впередъ на пути политической свободы.

Такую теорію проповѣдуетъ и Эдгаръ Кинé, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о *революціи* [1]), и ошибочность этой теоріи проходитъ чрезъ весь его трудъ. Вся трудность задачи революціи, по положенію Кине, заключалась въ политической борьбѣ,—въ упорномъ отказѣ роялизма поступиться своими прерогативами; гражданская же революція, по мнѣнію историка, совершилась безпрепятственно, т. е. матеріальное благосостояніе общества стало гораздо лучше, и желѣзныя сословныя стѣны разбиты. А между тѣмъ, исторія свидѣтельствуетъ другое: роялизмъ

[1]) La Révolution, par Edgar Quinet. 2 vol. 1866. 4-me édition.

палъ, революція, повидимому, могла идти безпрепятственно, но она рушилась и смѣнилась Наполеономъ; ясно, что въ ея ходѣ были такія требованія, пренебреженныя и незамѣченныя, которыхъ она не удовлетворила. И послѣ того, въ послѣдней февральской революціи, на сцену явился вопросъ вовсе не о *политическихъ* прерогативахъ, а именно о *гражданскомъ* равенствѣ въ избирательной системѣ. А это должно было вести къ иному составу палаты, при которомъ она занималась бы добросовѣстнѣе соціальнымъ бытомъ народа.

Такъ, и въ политикѣ, и въ исторіи оказывалось до сихъ поръ у французовъ легкое отношеніе къ соціальнымъ вопросамъ, пренебреженіе ими, забвеніе ихъ,—что все болѣе должно было вести къ запутанности и непониманію. Неудивительно потому, что даже такой историкъ, какъ Кине, не могъ понять всего величія, всего громаднаго значенія крестьянскаго освобожденія отъ крѣпости у насъ, и, не понявъ, отнесся легкомысленно къ высокой иниціативѣ освобожденія.

Рядомъ съ непониманіемъ всей важности соціальныхъ вопросовъ, идетъ у бо̀льшей части публицистовъ и политиковъ другое непониманіе, или пониманіе превратное, которое мы встрѣчаемъ и въ Гизо — это понятіе о французской революціи и ея принципахъ. Эти принципы составляютъ ultima ratio въ защитѣ самыхъ противоположныхъ системъ; на этихъ принципахъ,— по мнѣнію общества и по признанію даже нынѣшняго правительства, — зиждется вся государственная и соціальная система, и нарушеніе этихъ принциповъ считается во Франціи столь страшнымъ, что не дозволяется открыто даже нынѣшнему правительству. Вотъ, и Гизо прибѣгаетъ подъ ихъ охрану и объявляетъ, что онъ хотѣлъ осуществить политическую свободу согласно съ принципами 89 года; а мы уже говорили выше о томъ, что все дѣло доктринаризма было направлено къ отброшенію назадъ, къ уничтоженію не только принциповъ 89 года, но и всякой традиціи ихъ. Очевидно изъ этого, на сколько шатко и противорѣчиво, темно и извращено всякое понятіе объ этихъ принципахъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи, и касательно соціальнаго вопроса, и касательно принциповъ 90-хъ годовъ, названное въ началѣ сочиненіе Марка Дюфресса весьма интересно. М. Дюфрессъ счелъ нужнымъ повторить, что и во Франціи, какъ и во всей Западной Европѣ, на очереди стоитъ соціальный вопросъ, трагически трудный въ своемъ разрѣшеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дюфресъ имѣлъ смѣлость и честность сознаться, что его поко-

лѣніе не понимало этого вопроса, который разрѣшить предстоитъ будущимъ поколѣніямъ [1]):

«Когда я оставляю книги экономистовъ, чтобъ изучать явленія экономической жизни,— антагонизмъ интересовъ кажется мнѣ столь рѣзкимъ, что я, право, не знаю, какъ когда-либо прійдутъ къ примиренію всѣхъ правъ, къ сближенію классовъ, которые представляютъ эти противоположныя права и эти враждебные интересы. Я вижу вопіющія несправедливости, но я вовсе не вижу столь же ясно, и тщетно ищу геройскаго средства противъ самыхъ страшныхъ злоупотребленій,—я даже не подозрѣваю палліятивныхъ мѣръ, чтобъ утишить зло.... Я и до сихъ поръ пребываю въ старыхъ понятіяхъ и остаюсь при утопіи маркиза д'Аржансона. Я хотѣлъ бы, какъ и этотъ министръ Людовика XV, чтобъ поле стало наконецъ принадлежать тому, кто его воздѣлываетъ. Въ этомъ тенденція нашей эпохи.... Я хотѣлъ бы, чтобъ серьезныя учрежденія ипотечнаго и земледѣльческаго кредита благопріятствовали тому спасительному движенію и помогли крестьянину пріобрѣсти землю своимъ трудомъ. Что касается до городского рабочаго, то моя мысль по прежнему остается та, что кооперація труда, при непосредствующемъ обмѣнѣ, и ассоціація сдѣлаютъ изъ поденщика свободнаго человѣка».

На этомъ авторъ и останавливается; онъ боится, и совершенно справедливо, всякихъ неопредѣленностей: «Я ничего такъ не боюсь въ свѣтѣ, какъ неопредѣленныхъ желаній реформаціи. Исторія научила меня, сколь гибельна была для политической свободы неопредѣленная идея о той, которую питали наши отцы». И затѣмъ, авторъ переходитъ къ этой политической свободѣ, и невольно отдавая дань вліянію своего времени [2]), подъ которымъ находится каждый авторъ—сосредоточивается, повидимому, на одномъ только вопросѣ. Всѣ непрестанныя войны Франціи, въ послѣднія 20 лѣтъ, бѣдствія, порождаемыя ими въ несчастныхъ семьяхъ, кризисы торговые и промышленные, которыми война потрясаетъ народный бытъ, заставляютъ Дюфресса

---

[1]) *M. Dufraisse*, Histoire du droit de guerre et de paix. Pages d'archéologie, § VI.

[2]) Это вліяніе съ горечью признаетъ самъ Дюфрессъ: «Я обѣщалъ себѣ, начиная эту книгу, отнюдь не говорить о настоящемъ.... Застигнутый въ расплохъ, въ разгарѣ работы, событіями, которыя такъ близко соприкасаются съ моимъ предметомъ, я не нашелъ въ себѣ силы и ума остаться совершенно въ сторонѣ. Въ этомъ я не избѣгъ общаго закона. Когда то, что *было* — наставляетъ васъ, и когда вамъ невозможно совершенно оставаться равнодушнымъ къ тому, что *будетъ*, какимъ образомъ отвлечетесь вы отъ того, что *есть*. Счастливо животное, которое не одарено словомъ, и которое принадлежитъ только настоящему. И пожалѣйте разумнаго человѣка и бѣднаго раба двухъ другихъ моментовъ времени.»

задать вопросъ — гдѣ же лежитъ причина и поводъ къ такимъ зловреднымъ войнамъ? что̀ можетъ спасти Францію отъ прекращенія ея воинственной политики, уже доведшей разъ до чужеземнаго вторженія?

Дюфрессъ указываетъ въ свою очередь на парламентарный режимъ, на одно только выраженіе его, — по отношенію къ войнѣ и миру, — и это выраженіе онъ ищетъ въ принципахъ 90-хъ годовъ. Но разъ обратившись къ этимъ принципамъ, онъ уже не оставляетъ области XVIII вѣка, и такимъ образомъ дѣлаетъ свое сочиненіе критическимъ изслѣдованіемъ и принциповъ конституанта и конвента, и политики, разбившей эти принципы,— политики 18-го брюмера, Наполеона I-го [1]). Но подъ суровымъ осужденіемъ Наполеона I-го слишкомъ откровенно высказывается аналогичное отношеніе къ 2 декабря, къ Наполеону III-му. Подобное *историческое* отношеніе къ современности, т. е. занятіе исторіей, и преимущественно исторіей конца XVIII вѣка,— составляетъ вообще весьма характеристическую черту современной французской исторіографіи. Такъ, рядомъ съ старикомъ Дюфрессомъ, другой молодой историкъ, одинъ изъ талантливыхъ и наиболѣе добросовѣстно изучавшихъ свой предметъ публицистовъ — Шассенъ — во время толковъ и споровъ о преобразованіи арміи, выпустилъ книгу объ *Арміи и Революціи* [2]), гдѣ съ документами въ рукахъ, доказываетъ антинаціональность бонапартистской политики—милитаризма и аннексаціи. Эта политика, — какъ говоритъ Шассенъ — идетъ въ разрѣзъ съ принципами 90-хъ годовъ, когда «великіе отцы» всѣхъ партій безъ различія торжественно провозглашали, что Франція, отвергая всякія покушенія на насильственное увеличеніе своей территоріи, обратится къ оружію только для защиты своей земли отъ чужеземнаго вторженія. По этому-то — доказываетъ Шассенъ — конвентъ не желалъ и не искалъ такой организаціи, такой постоянной арміи, какую создаетъ вторая имперія.

То же объясняетъ и М. Дюфрессъ, но съ болѣе пространнымъ примѣненіемъ къ современности, съ гораздо большими размышленіями о настоящей эпохѣ и, какъ уже сказано, съ указаніемъ на необходимую, по его мнѣнію, реформу въ государственномъ строѣ.

---

[1]) Въ своей увлекающейся критикѣ, переходящей часто въ памфлетъ, Дюфрессъ доходитъ до того, что объявляетъ и Наполеона I-го и всю націю въ его время—помѣшанными. Относительно «помѣшательства» Наполеона I-го, авторъ приводитъ интересныя историческія свѣденія. См. стр. 224 и сл.

[2]) *L'armée et la Révolution*, par *Ch. L. Chassin*. P. 1867.

«Тѣ буржуа, тѣ граждане 89-го года—говоритъ Дюфрессъ—питали боязнь къ славѣ, потому что любили свободу и законъ; потому что, не пренебрегая уроками исторіи, какъ мы, они знали, что законъ и свобода подвергаются опасности погибнуть подъ ударами побѣдоноснаго капитана. Но если тогда боялись, то теперь при совершенно другихъ условіяхъ экономическаго быта, война, по мнѣнію автора, является еще гораздо страшнѣйшимъ бичемъ. Начиная съ умиротворенія 1815 года, всѣ смѣнявшіяся поколѣнія постоянно стремились къ дѣятельности промышленной и торговой. Въ жизни современныхъ народовъ, гдѣ каждый долженъ трудиться, всѣ участвуютъ въ выгодахъ и неудобствахъ новой жизни, созданной развитіемъ промышленнаго труда и торговли. Прекращеніе работы въ одной отрасли производства отдается на всѣхъ другихъ отрасляхъ. Земледѣлецъ страдаетъ отъ нищеты ремесленника, и работникъ отъ стѣсненія крестьянина. Вообще, богатство есть не болѣе какъ скопленіе работы, а застой, прекращеніе—производятъ стѣсненіе, бѣдность, нищету. Война же, точно также какъ и революція, а иногда даже больше, останавливаетъ станки и обмѣнъ, т. е. экономическую жизнь. Мало того, международное развитіе экономическихъ отношеній и интересовъ дѣлаетъ то, что бѣдствія войны развиваются повсемѣстно и дѣлаютъ всѣ народы ея невольными участниками. Европейскіе народы знаютъ, какихъ заботъ, лишеній и разрушеній стоила имъ Американская война. Она препятствовала имъ отправлять въ Америку свои произведенія; она распространила по старому свѣту голодъ хлопка. Войны дѣйствуютъ точно также какъ и пилигримства въ Мекку, которыя разносятъ заразу изъ Мекки на весь свѣтъ. Такая совершенно новая сторона въ области гражданской жизни повелѣваетъ согласовать права политическаго государства съ интересами государства экономическаго. Теперь же во Франціи,—еще болѣе чѣмъ при Наполеонѣ I-мъ,—имперіалистская реставрація абсолютной власти разрывать миръ безъ предупрежденія общества — находится въ совершенномъ противорѣчіи съ указанными интересами.

«Но во Франціи, при помощи воинственныхъ бонапартистскихъ демократовъ — спутаны всѣ понятія и представленія,— эта несчастная страна носится съ своей военной славой, съ единствомъ власти, съ національностями, съ честью знамени, съ естественными границами, съ свободою театровъ, съ свободою коалицій....» Вся эта амальгама идей и словъ заставляетъ автора вспомнить, съ сдержанною трагическою ироніей, слѣдующій ѣдкій анекдотъ. Во время царствованія Луи-Филиппа, однажды, за столомъ компаніи офицеровъ, сидѣлъ старый воинъ имперіи и не

переставалъ порицать правительство, попрекать его произвольной политикой «мира во что-бы то ни стало», обвинять его въ отсутствіи либерализма....» — Да позвольте, прервалъ его наконецъ одинъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ, вотъ вы все зовете себя либераломъ, а знаете ли вы, что такое свобода? — Какъ? переспросилъ юношу, въ чистотѣ души, старый трубадуръ бонапартизма, — какъ?! вы сомнѣваетесь въ моемъ либерализмѣ! Да я пятнадцать лѣтъ служилъ въ мамелюкахъ!!

Такъ, говоритъ Дюфрессъ, понимаютъ свободу и нынѣшніе французскіе журналисты, зовущіеся демократами, — они подбиваютъ имперіализмъ на всѣ войны за великія идеи, они поютъ славу оружія и убѣждены въ чистотѣ душевной, что служатъ свободѣ; спросите ихъ: они всѣ уже пятнадцать лѣтъ служатъ въ мамелюкахъ!... Съ другой стороны, какимъ образомъ, при такой обстановкѣ, народный избранникъ 2-го декабря можетъ знать народное мнѣніе? онъ самъ въ своей конституціи провозгласилъ себя отвѣтственнымъ властелиномъ, и на немъ лежитъ отвѣтственность предъ націей, страшная отвѣтственность, по неволѣ могущая заставить его сдѣлать ошибки, ведущія къ гибели.... «Мои воспоминанія уносятъ теперь меня въ первые годы царствованія Луи-Филиппа—говоритъ Дюфрессъ—тогда тоже воинственный вѣтеръ бушевалъ во Франціи, и журналы проповѣдывали крестовый походъ за Польшу, вмѣшательство въ Италіи, вооруженную пропаганду, сожженіе трактатовъ 1815 года, — я понимаю тогда, что іюльскому королю было бы невозможно противостоять воинственному увлеченію, которое возбуждала періодическая пресса, еслибъ онъ не могъ найти опоры своей дипломатіи въ верховномъ соглашеніи съ нимъ палатъ.... Съ другой стороны, совѣтъ министровъ, независимыхъ отъ короны и отвѣтственныхъ предъ страной, и мудрая фикція, въ силу которой особа короля, огражденная своими совѣтниками, не могла быть обвинена въ неудовлетворительности, — все это было дѣйствительной и конституціонной гарантіей противъ своевольныхъ капризовъ....»

Такимъ образомъ, М. Дюфрессъ видитъ спасеніе для Франціи въ представительной системѣ правленія, въ парламентарномъ режимѣ; но, не будучи партизаномъ англійской системы, считая нелогичнымъ переносить копію учрежденій, выработанныхъ одной исторіей и одной почвою — на другую почву и въ страну съ другой исторіей,—авторъ предлагаетъ Франціи поискать принциповъ французскаго парламентаризма въ ея собственной исторіи, въ исторіи ея прежнихъ годовъ. Въ ней—указываетъ онъ—французы найдутъ, что страшный по своей важности вопросъ о войнѣ и мирѣ — рѣшался, по декрету конституанта, — сово-

купно исполнительной и законодательной властями [1]). Понявъ, что революція вовсе не состояла только въ войнѣ и защитѣ противъ коалиціи; что ея существенный характеръ заключался въ предложеніи иного, внутренняго политическаго и соціальнаго строя народа,—народъ найдетъ въ исторіи XVIII-го вѣка свою *конституціонную философію*. Но при этомъ, М. Дюфрессъ благоразумно напоминаетъ обществу первое условіе всякаго процвѣтанія, всякаго принципа—условіе, безъ котораго право представительныхъ собраній утрачиваетъ свое значеніе, безъ котораго исчезаютъ всѣ гарантіи общественной организаціи: оно заключается въ умственномъ и нравственномъ состояніи извѣстной страны или эпохи. «Хорошіе нравы,—писалъ еще Тацитъ,—стоютъ болѣе, чѣмъ хорошіе законы».

И. Н.

---

[1]) «La guerre ne pourra être décidée que par un décret du corps législatif, qui sera rendu sur la proposition formelle et nécessaire du roi, et ensuite sanctionné par sa Majesté».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева.* Томъ XVII. Исторія Россіи въ эпоху преобразованія, т. V. Москва 1867. Стр. 404. Ц. 2 р.

Много прошло времени послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго тома «Исторіи россійскаго государства», и наша исторіографія долго не могла переступить завѣтнаго 1611 года, на которомъ оставилъ ее нѣкогда Карамзинъ. Пройдя второй разъ все поприще Карамзина съ тѣми новыми средствами, которыя доставляли и новые матеріалы, и новыя изслѣдованія, С. М. Соловьевъ повелъ нашу исторіографію далѣе по ближайшимъ эпохамъ, чтобы окончательно связать современное съ давно прошедшимъ. Если старина затрудняетъ своего историка подъ-часъ недостаткомъ свѣдѣній, требуетъ отъ него болѣе проницательности, заставляя иногда задумываться чуть не надъ буквой, — то новѣйшее время имѣетъ другого рода затрудненія, подавливая насъ обиліемъ матеріаловъ и требуя строгаго выбора фактовъ, безъ чего историкъ рискуетъ впасть въ поддѣльную хронику. Въ новѣйшемъ времени есть и другое затрудненіе, несравненно болѣе важное: какъ ни быстро смѣняются дни, но историческая сущность считаетъ свое бытіе десятками и даже сотнями лѣтъ; многое изъ исторіи прошедшаго вѣка имѣетъ для насъ до сихъ поръ живой интересъ, и при оцѣнкѣ его мы невольно принимаемъ въ соображеніе свои современные интересы, и такъ-сказать въ самихъ себѣ продолжаемъ, хотя и подъ другими названіями и при другихъ обстоятельствахъ, ту борьбу, которая была завязана не нами. Потому-то историкъ болѣе близкаго къ намъ времени, борясь съ матеріальною стороною своего дѣла, вынужденъ считаться съ своимъ собственнымъ временемъ, съ его взглядами, убѣжденіями и страстями. Исторія, завязанная Петромъ Великимъ, не окончена еще и нами, а вышедшій нынѣ XVII-й томъ «Исторіи Россіи съ

древнѣйшихъ временъ», С. М. Соловьева, есть вмѣстѣ пятый томъ «Исторіи Россіи въ эпоху преобразованія»,—эпоху, изъ которой, нельзя сказать, чтобы мы вышли совсѣмъ. Исторіографъ въ пятомъ томѣ покончилъ съ двумя крупными фактами царствованія Петра Великаго: одинъ изъ нихъ относится больше къ исторіи государства, а другой къ личной, семейной исторіи самого Петра Великаго. Въ пятомъ томѣ доведена до конца «Сѣверная война», — торжество внѣшней политики Петра, и изложенъ процессъ царевича Алексѣя, надъ головой котораго несчастнымъ образомъ сосредоточились вопросы о дальнѣйшей участи внутреннихъ реформъ, задуманныхъ и отчасти исполненныхъ Петромъ. Если намъ дорого стоило внѣшнее торжество, то и самому Петру пришлось оторвать часть собственнаго существованія, въ лицѣ роднаго сына, — для торжества внутреннихъ реформъ. Вотъ почему, нынѣ вышедшій томъ труда нашего исторіографа представляетъ высокій интересъ, вызывая въ читателѣ нетерпѣливый вопросъ, какъ отнесся почтенный авторъ особенно ко второму событію, которое требуетъ отъ своего изслѣдователя рѣшенія тяжелой психологической задачи.

Всѣ, отдадутъ безъ сомнѣнія, справедливость автору за его чрезвычайно опредѣленную и точную постановку вопроса о значеніи Сѣверной войны. Авторъ не ограничивается одними цѣлями, какія могъ преслѣдовать нашъ преобразователь при объявленіи войны Швеціи, и выводитъ содержаніе этой продолжительной борьбы изъ общаго политическаго положенія дѣлъ на сѣверо-востокѣ Европы, преимущественно же указываетъ въ той эпохѣ на *«отношенія міра германскаго къ міру славянскому вообще.»* Петромъ Великимъ, по выраженію автора, кончился степной, восточный періодъ русской исторіи—начался западный, морской; такъ можно выразить ближайшее послѣдствіе Сѣверной войны для внутренней судьбы Россіи. Но почему именно Россія, до того времени ведшая вѣковую борьбу съ Польшею, при Петрѣ остановила это направленіе и даже примирилась съ Польшею, чтобъ соединиться съ нею для нападенія на Швецію? Причину такого явленія авторъ и ищетъ въ новомъ фазисѣ отношеній германскаго міра къ славянскому, разрѣшившихся окончательно только при Екатеринѣ II — раздѣломъ Польши.

«До XVIII-го вѣка, славяне—говоритъ С. М. Соловьевъ—постоянно отступали передъ натискомъ германскаго племени, оттѣснявшаго ихъ все болѣе и болѣе на востокъ. Одни изъ славянскихъ племенъ не только подчинились нѣмцамъ, но и онѣмечились; другія, послѣ долгой борьбы, подчинились нѣмцамъ съ сохраненіемъ своей народности. Изъ двухъ отраслей славянскаго племени, восточной и западной, двумъ самымъ сильнымъ народамъ, русскому и польскому, исторія вначалѣ предоставила двѣ борьбы для охраны славянства: русскому—борьбу съ восточными азіатскими хищниками, польскому—съ нѣмцами. Русскій народъ,

послѣ многовѣковой борьбы, уничтожилъ господство азіатцевъ на великой восточной равнинѣ Европы и занялъ сѣверную Азію. Но польскій народъ не выполнилъ своей задачи, не поддержалъ своихъ западныхъ собратій въ борьбѣ съ германскимъ племенемъ, далъ послѣднему онѣмечить польскія земли—Померанію, Силезію; не сладивъ самъ съ пруссаками, призвалъ на помощь нѣмцевъ, которые сладили съ ними и онѣмечили ихъ. Но, отступая предъ нѣмцами на западѣ, поляки двигались на востокъ и стремились здѣсь вознаградить себя на счетъ своихъ же славянъ, на счетъ русскаго народа, заставляя его ополячиваться посредствомъ католицизма».

Наживъ себѣ врага въ своихъ же единоплеменникахъ, Польша не укрѣпила такими пріобрѣтеніями своего организма, и не пріобрѣла новыхъ силъ для отпора нѣмцамъ, которые тѣмъ сильнѣе стремились на востокъ, чѣмъ болѣе оттѣсняли ихъ самихъ на западѣ французы, захватившіе при Лудовикѣ XIV цѣлыя нѣмецкія области,—и усилія германской народности увѣнчались большимъ успѣхомъ: германскіе императоры уже давно успѣли создать Австрію на территоріи венгерской, итальянской, а преимущественно славянской; въ Венгріи и Богеміи были королями Габсбурги. Польшу постигла таже судьба, какую имѣла Богемія: въ самомъ концѣ XVII-го вѣка, при Петрѣ Великомъ, въ Польшѣ, какъ и въ Богеміи, короли — нѣмцы. Августъ, курфирстъ саксонскій, коронуется польской короною въ Краковѣ, а бранденбургскій курфирстъ еще прежде успѣлъ оторвать значительную часть отъ Рѣчи Посполитой, и на ея же счетъ сдѣлался королемъ, принявъ въ свой титулъ названіе одной изъ прежнихъ польскихъ провинцій. «Такимъ образомъ—заключаетъ авторъ — Польша кончила свос соперничество съ германскимъ міромъ тѣмъ, что двухъ князей нѣмецкихъ сдѣлала королями на свой счетъ.» Польша вслѣдствіе того еще въ началѣ XVIII вѣка сдѣлалась вопросомъ, весьма важнымъ для германскаго міра; нѣмецкіе владѣтели съ тѣхъ поръ уже начинаютъ не бороться съ Польшею, а соперничать другъ съ другомъ за ея раздѣлъ. Пруссія не хочетъ дозволить своему собрату, саксонскому курфирсту, сдѣлаться въ Польшѣ наслѣдственнымъ только потому, что тогда она потеряла бы возможность продолжать свое усиленіе на счетъ Польши; курфирстъ саксонскій предпочитаетъ отказаться отъ части Польши, но съ тѣмъ, чтобы остальное сдѣлать родовымъ владѣніемъ, т. е. расширить предѣлы саксонскіе. Изъ такого новаго отношенія германскаго міра къ славянскому слѣдовало и новое отношеніе для насъ къ Польшѣ. Польша не могла быть болѣе нашимъ враговъ въ томъ смыслѣ, какъ то было до Петра, когда она, претерпѣвъ первую неудачу на западѣ съ нѣмцами, предпочла сама напасть на свой же славянскій міръ. При Петрѣ, на нашихъ глазахъ, возникъ самъ собою вопросъ о раздѣлѣ Польши между нѣмецкими курфирстами. Но еще

до того времени, Польша имѣла общаго врага съ нѣмцами — въ Швеціи. Швеція въ Тридцатилѣтнюю войну удержала за собою часть балтійскаго берега на материкѣ, по сосѣдству съ курфирстомъ бранденбургскимъ, а съ Польшею возникъ у нея династическій споръ, кончившійся также не въ пользу Польши. Приближаться къ Европѣ чрезъ Польшу — въ концѣ XVI-го вѣка, значило вступить въ борьбу со всѣмъ германскимъ міромъ; борьба съ Швеціею, напротивъ, склоняла въ нашу пользу германскій міръ вмѣстѣ съ Польшею, гдѣ нѣмцы уже стали одною ногой. Такимъ образомъ, само новое отношеніе германскаго міра къ славянскому указывало при Петрѣ, гдѣ намъ слѣдовало искать взаимнодѣйствія съ Европою.

При такой связи Сѣверной войны съ новыми отношеніями нѣмцевъ къ славянскому міру, весьма любопытно приводимое авторомъ извѣстіе о томъ, какъ подѣйствовалъ ништадтскій миръ 1721 года на политику германскихъ князей по отношенію къ Польшѣ. Ништадтскій миръ, весьма выгодный для насъ, казался саксонскому и прусскому правительству неудовлетворительнымъ по отношенію ихъ личныхъ интересовъ; но изъ этого видно, чего нѣмцы ожидали отъ Сѣверной войны.

«Изъ Дрездена — говоритъ С. М. Соловьевъ — князь Сергѣй Долгорукій доносилъ, въ 1721 году, что саксонскіе министры хотя и рады, что король ихъ включенъ въ Ништадтскій договоръ, однако можно было замѣтить, какъ сильно завидовали они выгоднымъ для Россіи условіямъ мира. Флемингъ [1]) разсказалъ Долгорукому подробно исторію предложенія о раздѣлѣ Польши: по его словамъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года пріѣхалъ въ Дрезденъ жидъ Леманъ и отъ имени прусскаго короля предлагалъ королю Августу раздѣлить Польшу; король велѣлъ говорить съ жидомъ Флемингу, который сказалъ ему, что дѣло состояться не можетъ, и чтобъ онъ не смѣлъ больше объ немъ говорить. Между тѣмъ изъ Дрездена дали знать саксонскому министру при прусскомъ дворѣ, чтобъ освѣдомился у самого короля, приказывалъ ли онъ жиду Леману сдѣлать подобное предложеніе. Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ, что удивляется, почему предложеніе жида принято такъ странно въ Дрезденѣ, и желаетъ повидаться съ Флемингомъ. Тотъ отправился въ Берлинъ. Король самъ ничего съ нимъ не говорилъ, но Ильгенъ спросилъ: не саксонское ли правительство поручило жиду Леману предложить прусскому королю раздѣлъ Польши? Флемингъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но что жидъ пріѣзжалъ съ этимъ предложеніемъ въ Дрезденъ отъ имени прусскаго короля. Ильгенъ спросилъ: а что думаетъ Флемингъ о проектѣ раздѣленія Польши, который Леманъ подалъ цесарскому двору чрезъ посредство герцога

[1]) Флемингъ былъ правою рукою курфирста Августа, и послѣдній, благодаря его искусству, получилъ въ 1697 году польскую корону.

Бланкенбургскаго? Флемингъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о проектѣ; тогда Ильгенъ прочелъ ему копію проекта, и сказалъ, что объ немъ сообщено ими царю, который отвѣчалъ, что дѣло состояться не можетъ; императоръ отвѣчалъ тоже самое. Призвали жида Лемана, который вошелъ съ трепетомъ и со слезами; пригласили русскаго посланника, графа Головкина, и Ильгенъ спросилъ жида, откуда пришла ему мысль предлагать раздѣлъ Польши? Жидъ отвѣчалъ: «Господь Богъ послалъ мнѣ ее на разумъ, и я вознамѣрился наказать поляковъ, какъ самыхъ дурныхъ людей въ цѣломъ свѣтѣ».

Но въ Петербургѣ не хотѣли довольствоваться этимъ объясненіемъ. «Сами вы высокопросвѣщенно разсудить изволите, писалъ Петръ королю Августу, что никто этого не можетъ почесть за вымыселъ такихъ бездѣльныхъ людей, которые кромѣ торгу ничего не привыкли предпринимать. Никто этому не повѣритъ и потому еще, что, къ великому нашему удивленію, жиды въ столь важномъ дѣлѣ не только не спрошены на счетъ подробностей, не арестованы и розыску не подвергнуты, но, какъ слышимъ, Леману вся вина отпущена безъ малѣйшаго наказанія. Мы ваше королевское величество дружебно просимъ, дабы вы помянутыхъ жидовъ Лемана и Мейера повелѣли взять за арестъ и учинить имъ, въ присутствіи князя Сергѣя Долгорукаго, инквизицію, и по изслѣдованіи сего дѣла намъ надъ оными преступниками и надъ ихъ наставниками надлежащую сатисфакцію дать, дабы на то смотря другіе впредь въ такія важныя дѣла безъ указу вступать и насъ съ сосѣдственными государствами, особенно же съ Рѣчью Посполитою, ссорить и великими государями такъ играть не отважывались».

Евреи были арестованы, подвергнуты допросу и показали, что никто имъ такого порученія не давалъ, а придумали все они сами потому, что Леманъ имѣетъ много должниковъ въ Польшѣ, и надѣялся, что посредствомъ раздѣла ея легче получитъ свои деньги.

Изъ этого любопытнаго документа видно, что нѣмецкіе интересы въ Сѣверной войнѣ не остались удовлетворенными, и съ другой стороны Россія съ первой же минуты объявила, что она не останется равнодушною зрительницею послѣдней развязки польско-нѣмецкихъ дѣлъ, не смотря на побѣду, одержанную надъ шведами.

По окончаніи Сѣверной войны, 22 октября, въ Троицкомъ соборѣ Петръ Великій выслушалъ послѣ обѣдни торжественное признаніе своихъ заслугъ предъ государствомъ, высказанное канцлеромъ Головкинымъ:

«Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія

въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены: и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожъ, да неявимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго принати. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, отецъ Отечествія, Императоръ всероссійскій!»

Петръ отвѣчалъ, что «желаетъ весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе».

Еще гораздо прежде Ништадтскаго мира, Петръ настойчиво требовалъ отъ иностранныхъ дворовъ, чтобы они не позволяли себѣ называть Россію по прежней привычкѣ, московскимъ государствомъ. Меншиковъ, въ 1713 году, писалъ князю В. Л. Долгорукому въ Копенгагенъ: «Во всѣхъ курантахъ (газетахъ) печатаютъ государство наше Московскимъ, а не Россійскимъ, и того ради извольте у себя сіе предостеречь, чтобы печатали Россійскимъ, о чемъ и къ прочимъ ко всѣмъ дворамъ писано».

Между тѣмъ, стараясь уничтожить и самое имя, напоминавшее старый порядокъ вещей, Петръ Великій былъ вынужденъ поднять руку почти на самого себя, въ лицѣ своего роднаго сына. Въ нашей литературѣ теперь уже не мало сдѣлано для разъясненія рѣдкой борьбы отца съ сыномъ, гдѣ отецъ является представителемъ реформы, а сынъ — его противникомъ. Къ трудамъ М. П. Погодина и въ особенности Н. Г. Устрялова, нашъ авторъ присоединяетъ особую главу вышедшаго нынѣ тома. Но долго еще останется справедливымъ голосъ Петра, вырвавшійся изъ глубины его души, въ самую тяжелую минуту процесса, наканунѣ его развязки: «Страдаю, а все за отечество, желая ему полезное; враги пакости мнѣ дѣютъ демонскія; *трудень* разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Богъ зритъ правду!» Конечно, Петръ Великій имѣлъ въ виду, говоря такимъ образомъ, не трудность, которую можетъ представлять этотъ процессъ потомству, по недостатку документовъ и свидѣтельствъ; тутъ всегда останется другого рода трудность: трудность выбора между противными сторонами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои *pro* и *contra*.

Точка зрѣнія автора представляетъ въ себѣ то новаго, что борьба отца съ сыномъ является у него не борьбою реформаторскихъ стремленій Петра съ круглымъ невѣжествомъ; это была борьба двухъ цивилизацій, и царевичъ Алексѣй считался именно защитникомъ и опорою нашей старой, книжно-библейской цивилизаціи, которая въ немъ находила себѣ полнаго представителя, какъ смѣсь мертвой мудрости, доходящей даже до утонченнаго, съ вялостью и распущенностью нравовъ, съ хитростью и коварствомъ, однимъ словомъ — цивилизація, подобная всѣмъ падающимъ цивилизаціямъ, какою была, напримѣръ, византійская цивилизація. Царевичъ Алексѣй обладалъ большимъ умомъ, въ чемъ никогда ему не отказывалъ и его отецъ, и тѣмъ отчаяннѣе должно было произойти столкновеніе между ними. Отцу предстояло бороться въ сынѣ не съ невѣжествомъ — сынъ, можетъ быть, по понятіямъ старины, считалъ себя образованнѣе, начитаннѣе въ книжной мудрости, — самого отца — но, что́ гораздо тяжелѣе, съ его образованностью, съ извѣстнымъ по́шибомъ этой образованности. Когда умерла кронъ-принцесса, жена царевича (22 октября, 1715), Петръ въ первый разъ рѣшился начать открытую борьбу съ сыномъ и послалъ ему, въ шестой день по смерти его жены: «Объявленіе сыну моему», подписанное еще 11 октября. Между прочимъ, отецъ пишетъ:

«.... Видя тебя наслѣдника весьма *на правленіе дѣлъ государственныхъ* непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо *разума тебя не лишилъ*, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего *о воинскомъ дѣлѣ* ниже мыслить хощешь, чѣмъ мы *отъ тьмы къ свѣту* вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже *распорядокъ* и *оборона*. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ *грековъ* (т. е. византійскихъ): не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и *единымъ миромолбіемъ побѣжденя*, и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ *покой* въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ. Аще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ тѣ генералы, по повелѣнію, управлять,—то сіе воистину не есть резонъ: ибо всякъ смотритъ (на) начальника, дабы его охотѣ послѣдовать — что очевидно есть: ибо, во дни владѣнія брата моего (Ѳедора Алексѣевича), не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ — оружіе?! хотя кому до обоихъ дѣла нѣтъ;—и до чего охотникъ начальствуяй, то до того и всѣ; а отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, колми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ! Къ тому же, не имѣя охоты, *ни въ чемъ обучаешься*

и такъ не знаешь *дѣлъ воинскихъ*... Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ... Ещежъ и сіе воспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебе бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ тому жъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою: но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и *ничего* дѣлать не хочешь, толькобъ *дома жить и имъ веселиться*, хотя отъ другой половины и все противно идетъ... Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни,— то извѣстенъ будь, что я весьма наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, а не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольше) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть! Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный!»

Это «объявленіе» было, такъ-сказать, первымъ выстрѣломъ предстоявшей борьбы, характеръ которой опредѣляется впередъ словами самого Петра. Но до катастрофы оставалось еще почти три года. *Casus belli* представленъ Петромъ весьма ясно: отецъ упрекаетъ сына за византійское «миролюбіе» и «покой»; онъ нигдѣ не жалуется на книжное невѣжество сына, а когда говоритъ: «ни въ чемъ обучаешься»—то прибавляетъ: «и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ». Петръ даже не требуетъ, чтобы сынъ его предался военщинѣ, но онъ ищетъ въ немъ «охоты» и указываетъ въ этомъ же «объявленіи» на примѣръ Людовика XIV-го, «который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую великую охоту къ тому имѣлъ и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ—оговаривается Петръ В.—но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ.» Петръ В. считалъ себя тѣмъ болѣе вправѣ разсуждать, что «такъ какъ—говоритъ онъ ниже—я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и уже возращенное оставлю?»

Вчитываясь въ подробности этого «объявленія», нельзя не признать, что едва ли можетъ найтись другой документъ, который намъ могъ бы краснорѣчивѣе и нагляднѣе изложить сущность процесса отца съ сыномъ, и едва ли самъ Петръ былъ бы въ состояніи привести что нибудь еще въ свое оправданіе предъ судомъ исторіи.

Тѣсная рамка библіографіи не позволяетъ намъ остановиться

дольше на второй главѣ пятаго тома, которую авторъ посвятилъ исключительно процессу царевича Алексѣя; но ея интересъ, безъ сомнѣнія, расположитъ нашихъ читателей къ личному ознакомленію съ самымъ текстомъ, а мы, съ своей стороны, будемъ имѣть въ виду еще разъ возвратиться къ этому предмету въ особой статьѣ.

Времясчисленіе христіанскаго и языческаго міра, съ изложеніемъ календарей, китайскаго, японскаго, народовъ Индо-Китая, египетскаго, древне-греческаго, римскаго юліанскаго и григоріанскаго,—а также еврейскаго и магометанскаго,—и съ особенно подробнымъ объясненіемъ русскаго лѣтосчисленія, съ приложеніемъ таблицъ и съ показаніемъ примѣненія ихъ къ повѣркѣ русскихъ лѣтописей. Состав. *М. Лалошъ*. Втор. изд. Спб. 1867, стр. 320. Ц. 1 р. 50 к.

Заглавіе этой книги достаточно объясняетъ и ея содержаніе и цѣль. Намъ остается засвидѣтельствовать объ обширности труда и указать на него, какъ на дѣло весьма полезное; это — настольная книга для всѣхъ, занимающихся отечественною исторіею по лѣтописямъ, и довольно полный сборъ фактовъ для тѣхъ, которые пожелали бы вкратцѣ познакомиться съ основаніями различныхъ пріемовъ лѣтосчисленія. При новомъ изданіи, авторъ присоединилъ значительныя измѣненія въ изложеніи еврейскаго календаря и магометанскаго.

Еще прежде авторъ встрѣтилъ въ обществѣ возраженія противъ его мысли о необходимости не допускать уничтоженіе стараго стиля или такъ-называемаго юліанскаго лѣтосчисленія. Пользуясь вторымъ изданіемъ, и «чтобы положить конецъ этимъ спорамъ», авторъ высказываетъ теперь свои опроверженія печатно. Мы, съ своей стороны, вовсе не думаемъ начать такого спора, но дѣло въ томъ, что и прежде не о чемъ было спорить. Почтенный авторъ и почтенные его противники, вѣроятно, смѣшиваютъ вопросъ объ опредѣленіи времени Пасхи съ простою перемѣною названія чиселъ. До какой степени послѣднее имѣетъ мало отношенія къ религіи, доказательствомъ тому служитъ то, что наша народная масса не знаетъ ничего не только о томъ, какое, напримѣръ, сегодня число, 2-е или 14-е, но незнаетъ даже хорошо раздѣленія года на мѣсяцы. И такъ, напрасно вмѣшивать въ вопросъ о стиляхъ религіозныя побужденія; вопросъ о стилѣ относится къ разряду простыхъ житейскихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопросъ: что́ лучше, децимальная система вѣсовъ, или прусская, и т. п. Мы совершенно согласны, что названіе не измѣняетъ сущности дѣла, но кто можетъ выиграть оттого, что 12 дней въ августѣ мы продолжаемъ называть іюлемъ, 12 дней въ сентябрѣ — августомъ и т. д. Намъ скажутъ, что новый стиль есть папское изобрѣтеніе, и поэтому одному не должно допускать его къ намъ; но если дѣйствительно папизмъ впадаетъ иногда въ дѣтство, когда дѣло доходитъ до православія, то едва ли это для насъ обязательно. Протестанты приняли новый стиль, не придвинувшись чрезъ то ни на шагъ къ папизму, и если бы папа

началъ утверждать, что человѣкъ сотворенъ съ двумя глазами, то неужели намъ слѣдовало бы выколоть по одному глазу, чтобы не имѣть ничего общаго съ папистами. Авторъ утверждаетъ, что «епископу римскому Григорію XIII-му *вздумалось* произвести реформу календаря». Это не совсѣмъ и вѣрно: папа былъ въ этой реформѣ также мало виноватъ, какъ бываютъ мало виновны короли, въ царствованіе которыхъ мореходы открываютъ новыя страны и называютъ ихъ по имени королей. Григорій XIII былъ юристъ, и едва ли бы когда нибудь онъ вздумалъ перемѣнять стили; это было дѣломъ астронома Лильо, и слѣдовательно дѣломъ не папскаго произвола, а науки.

Авторъ видитъ въ этомъ вопросѣ еще общественное гражданское значеніе, и утверждаетъ, что тутъ астрономическая точность не важна: важны — простота и удобство. Но это также удобно, какъ удобно двумъ лицамъ, говорящимъ на различныхъ языкахъ, бесѣдовать другъ съ другомъ.

Наконецъ, авторъ видитъ тутъ и вопросъ политическій, международный: «Что́ важнѣе для насъ, русскихъ, единообразіе ли въ лѣтосчисленіи съ Европой, или единообразіе съ нашими единокровными и единовѣрными братьями, которые теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, стремятся къ *духовному* общенію и объединенію съ нами?» Что же общаго между *духовнымъ* общеніемъ и лѣтосчисленіемъ? Мы приняли нѣмецкую одежду, но въ какой степени это могло помѣшать духовному общенію съ единоплеменниками? Почему «сердце и разсудокъ, по выраженію автора, не должны не только заявлять, но даже думать о введеніи у насъ григоріанскаго календаря», когда это же сердце и разсудокъ не нашли ничего противъ введенія другихъ иностранныхъ пріемовъ и обычаевъ? Мы сдѣлали разъ перемѣну, въ лѣтосчисленіи, начавъ новый годъ январемъ; какое имѣло политическое вліяніе подобная перемѣна, кромѣ удобства вмѣстѣ съ прочими народами имѣть общую единицу времени? Точно также и вопросъ о стилѣ не представляетъ повода ни къ какимъ политическимъ соображеніямъ. Общая единица мѣръ, вѣсовъ, времени, и т. д. это—вопросъ одного практическаго удобства для людей, живущихъ на одной планетѣ.

II.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Paris-Guide, par les principaux écrivains et artistes de la France. Première partie. La Science. L'Art. Deuxième partie—La Vie. Paris, 1867. Librairie internationale. Вмѣстѣ: XLIV и 2135 стр. Цѣна 20 фр.

Всемірная выставка окончила свое шумное существованіе. Принесла ли она великіе плоды всемірной промышленности и творцу ея—рабо-

чему человѣчеству — мы еще не знаемъ; но въ область литературы она внесла дѣйствительно одно замѣчательное произведеніе, которое, конечно, могло бы явиться и безъ нея, но она послужила ему поводомъ; французская литература за это должна быть благодарна.

Мысль о составленіи обширнаго, всеобъемлющаго, со всѣмъ знакомящаго «Путеводителя Парижа», и при томъ путеводителя, выраженнаго суммою извѣстныхъ талантовъ — эта мысль была встрѣчена въ началѣ многими съ недовѣріемъ; на нее взглянули какъ на торговую спекуляцію. Участіе въ одномъ и томъ же изданіи литераторовъ всевозможнаго рода, казалось, должно было повести только къ крайнему смѣшенію и противорѣчію, усыпанному блестящими французскими фразами и размалеваннымъ восторгомъ предъ своими великолѣпными зданіями и широкими бульварами.

Подобное предвзятое осужденіе оказалось неосновательнымъ. Всѣ литераторы отнеслись къ предложенному дѣлу добросовѣстно и рѣшились на этотъ разъ познакомить французскаго провинціала и иностранца съ дѣйствительнымъ Парижемъ, съ такимъ, какимъ онъ представляется въ данную минуту, съ Парижемъ при дневномъ свѣтѣ и при газовыхъ фонаряхъ, съ Парижемъ въ его внѣшней формѣ и въ его внутреннемъ содержаніи, съ Парижемъ праздности и разврата, мысли и морали. И при этомъ, вмѣсто ожидаемаго противорѣчія въ очеркахъ и изображеніяхъ, остаешься удивленъ встрѣчаемою общностью въ направленіи и воззрѣніяхъ всѣхъ авторовъ, такъ что книга, вмѣсто безсвязнаго сборника, представляется какъ бы цѣлостнымъ органическимъ созданіемъ. Болѣе того, — указанная общность въ направленіи получила здѣсь одинъ и тотъ же видъ, одинъ и тотъ же пріемъ, который мы назовемъ пріемомъ *историческимъ*.

Авторы обязаны представить намъ Парижъ такимъ, каковъ онъ есть, и какъ дѣйствительно его представляютъ. Смотрите! бульвары и сады, дворцы и казармы, монументы и фонтаны, башни и клоаки, магазины и трактиры, театры и балы, проституція и гошпитали, банки и тюрьмы, библіотеки и музеи, школы и академіи, — предъ вами стелется какая то фантастическая безконечная панорама; панорама, вполнѣ, даже слишкомъ реальная, даже такая, которой, гуляя по Парижу, вы и сами не подозрѣвали. Авторы съ новымъ, небывалымъ у французовъ, истиннымъ патріотизмомъ представляютъ вамъ Парижъ не только его казовымъ угломъ, но и тѣмъ, который обнажитъ настоящую дѣйствительную жизнь этого міра; и вы тогда увидите, что «не все то золото, что блеститъ;» вы можетъ быть захотите отвернуться и отнестись презрительно къ «великому Парижу», къ «сердцу всей Франціи». Но постойте! въ благодарность за такую добросовѣстность путеводителей, посмотрите на другую панораму, представленную рядомъ, такъ сказать на ретроспективную панораму Парижа. Вы видѣли, каковъ

есть Парижъ; посмотрите же, какимъ онъ былъ, какимъ онъ могъ бы быть. «Каѳедры институтовъ и коллегій теперь полунѣмыя, но было время, когда съ нихъ раздавались голоса, будившіе юность, привлекавшихъ чужеземцевъ; и будетъ время, когда на школьныя скамьи снова прійдутъ поучаться свои и чужіе, молодые и старые; на то указываютъ хотя бы курсы Лабулэ, устоявшаго въ бурѣ» (Collège de France, par Michelet). Въ средѣ французской академіи смолкли горячіе споры, «вотъ уже скоро 18 лѣтъ», но они были, и старые академики вѣрятъ, что молодежь снова внесетъ ихъ (L'Académie Française, par Sainte-Beuve). Бульвары и роскошные магазины ворвались въ *Латинскій край*, и заставили юношей думать о своемъ нарядѣ и тратить на него болѣе, чѣмъ позволяютъ средства; но было время, когда юноши думали о нарядѣ своей головы, объ умственномъ нарядѣ, и тратили и средства и жизнь на науку, и еще уцѣлѣли такіе труженники (Le Quartier latin, par Th. de Banville и Histoire de Paris, chap. XI, par E. Pelletan). Юношество это начинаетъ показываться на *той* сторонѣ, на *правой*, и предаваться разнообразію и гульбѣ; но еще недавно оно вспомнило свою прошлую жизнь и дрогнуло, когда молотъ ударилъ въ свидѣтеля его мирной жизни, въ Люксембургскій садъ (Le Palais du Luxembourg, par F. de Lasteyrie). Въ красивомъ зданіи городской думы нѣтъ даже такого муниципальнаго совѣта, которымъ одарены другіе, мелкіе города Франціи; но въ этой думѣ, въ ея стѣнахъ засѣдалъ не только муниципальный совѣтъ и верховныя правительства; въ этихъ стѣнахъ рѣшались судьбы монархій и республикъ (Hôtel-de-Ville, par P. Lanfrey).

Таковъ общій пріемъ значительнаго большинства статей. Парижъ, въ силу вѣковыхъ обстоятельствъ, въ силу постоянно росшей централизаціи, — сосредоточилъ въ себѣ одномъ, если не всю исторію, то по крайней-мѣрѣ всѣ главные и важные моменты исторіи Франціи. Въ немъ живутъ всѣ народныя традиціи, онъ непрестанно будитъ воспоминанія прошлаго, и среди недовольства настоящимъ,—поддерживаетъ своимъ прошедшимъ надежды на будущее. Вотъ почему, почти каждый писатель, описывая какое либо зданіе или учрежденіе, считаетъ нужнымъ изобразить всю его исторію, которая обращается въ отрывокъ изъ исторіи Парижа и Франціи. Каждая улица, каждый уголъ имѣетъ за собою прошлое, дорогъ французу цѣлымъ міромъ воспоминаній, дорогъ какъ картина его исторіи. — Здѣсь, предъ этимъ замкомъ съ старинной башенкой, гдѣ теперь живетъ хозяинъ-лабазникъ, разыгрывалась драма во времена Карла VI-го, улица была окровавлена убійствомъ герцога орлеанскаго (Hôtel Barbette.—Les Maisons historiques, par V. Fournier); тамъ, гдѣ стоитъ величественно Пантеонъ, святая Женевьева ободряла парижанъ и обѣщала, что Аттила не вторгнется въ ихъ городъ (Le Panthéon, par E. Quinet); на томъ углу,

на «Часовой-набережной», въ домѣ, осужденномъ на ломку, родилась у гравера дочь Манонъ Флипонъ, ставшая знаменитою мадамъ Роланъ (Les Quais, par Y. Claretie).... Л. Бланъ приводитъ слова Гёте о Парижѣ: «Представьте себѣ этотъ всемірный городъ, гдѣ каждый шагъ на мосту, на площади, напоминаетъ великое прошедшее, гдѣ на каждомъ углу улицы совершался какой либо отрывокъ изъ исторіи. Да, восклицаетъ Л. Бланъ (Le Vieux Paris, par Louis Blanc),—города тоже обладаютъ душою, которую составляетъ ихъ прошлое; и матеріальная красота только тогда получаетъ свою цѣну, когда оставляетъ сохраняться видимымъ слѣдамъ той, другой красоты, состоящей изъ воспоминаній,—воспоминаній страшныхъ или патетическихъ, которыя забавляютъ или волнуютъ, огорчаютъ или утѣшаютъ, но изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ поученіе и поддерживаетъ духъ.... Пусть уничтожаютъ улицы съ спертымъ, вреднымъ воздухомъ, и прокладываютъ просторные пути; пусть открываютъ мѣсто солнцу въ мрачныхъ кварталахъ, пусть снабжаютъ Парижъ лёгкими тамъ, гдѣ ему трудно дышется; это нужно, потому что такъ повелѣваетъ гигіена и требуетъ прогрессъ. Но тамъ, гдѣ интересъ общественнаго здравія, тамъ, гдѣ неизбѣжное развитіе цивилизаціи не предписываютъ парижскимъ эдиламъ являться неумолимыми, тамъ пощадите старый Парижъ! Пощадите видимые останки того прошлаго, котораго настоящее не можетъ разрушить во всемъ, что̀ его напоминаетъ, не совершивъ преступленія убійства!»

Этотъ-то крикъ, вырвавшійся въ первой статьѣ, проходитъ на всевозможные мотивы чрезъ все огромное твореніе. И его вызываетъ не одна сентиментальность: другія соображенія поражаютъ умы. Наталкиваясь въ центрѣ Парижа на развалины сломаннаго стараго знакомаго дома, гдѣ въ убогой квартиркѣ выросло нѣсколько поколѣній, изъ котораго вышли талантливые труженики, — Эдмондъ Абу задаетъ себѣ вопросъ о судьбѣ недостаточныхъ людей въ Парижѣ: «Я понимаю благородное презрѣніе всемогущей администраціи: ясно, что квартиры въ 250 фр. составляютъ пятно среди города столь величественнаго какъ Парижъ. Но у насъ есть работники, которые заработываютъ мало; я спрашиваю себя—подъ какою кровлею преклоняютъ они голову, когда Парижъ муниципальныхъ грезъ (т. е. г. Гаусмана) будетъ оконченъ? Ихъ гонятъ изъ центра въ окрестности; но окрестности тоже заражены кокетствомъ, онѣ тоже покрываются дворцами. Значитъ, надо будетъ, чтобъ работникъ селился еще далѣе, въ чистомъ полѣ, далеко, очень далеко отъ своей работы, и чтобъ онъ совершалъ каждое утро путешествіе въ мастерскую, каждый вечеръ—домой. Возвратится ли онъ каждый вечеръ? будетъ ли онъ сильно привлеченъ далекимъ жилищемъ, почти незнакомымъ ему, куда онъ входитъ только для того, чтобы сомкнуть глаза, откуда выходитъ съ

едва раскрывшимися глазами? Конечно, вернется, если его ждетъ тамъ семья. Остается только узнать: станутъ ли будущіе работники жениться, какъ прежде. Стóитъ-ли? Такъ мало времени для наслажденія вмѣстѣ! И потомъ, въ развлеченіяхъ нѣтъ недостатка въ сердцѣ Парижа. На развалинахъ этихъ убогихъ домовъ, вздымаются искусственные райскіе дворцы, — для работника въ блузѣ. Сто биллiардовъ, десять тысячъ газовыхъ рожковъ, позолота, зеркалà, пѣсни, мало ли еще что! И чѣмъ болѣе квартира — этотъ святой ковчегъ семьи — становится недоступнымъ бѣдному люду, тѣмъ дешевле продаются злокачественныя удовольствія» (Dans les Ruines, par Edm. About).

Другой авторъ прямо указываетъ на вѣчныя перестройки и ломки Парижа, какъ на причину уже существующаго въ Парижѣ голода, нищенства и грабежа, которые дѣйствительно въ послѣднее время принимаютъ ужасающіе размѣры (La misère et les misérables, par Alfr. Delvau). А какими удовольствіями наслаждается современный Парижъ, что́ привлекаетъ массы, густо набивающей ежедневно театры,—этотъ вопросъ смущаетъ даже такого романиста, какъ Поль Феваль, — въ его мастерски набросанной картинкѣ, живо представляющей парижскую жизнь (La Vie de Paris, par P. Féval). Вотъ, разсуждаютъ между собою три директора театровъ: Долой комедію! долой драму! долой умъ, сердце, стиль и прочія древности! Да здравствуетъ нагая амазонка, заработывающая свой хлѣбъ обѣщаніемъ своей смерти! Да здравствуютъ поддѣльные львы (въ піесѣ la Biche au bois)! Мы введемъ въ балетъ весь музей Гарткопфа! — «Господа, да вы бы купили *«мертвецкую»* (la morgue, гдѣ выставляются всѣ найденные трупы)! И залы полны каждый вечеръ; а днемъ прогулка въ Булонскомъ лѣсу; пляски, фаетоны, ярмарка улыбокъ, рынокъ внѣшностей. Въ цѣломъ мірѣ ничего подобнаго! Вы можете свалить въ одну груду всѣ столицы Европы вмѣстѣ, и все же не найдете столько долговъ, сколько на этой прогулкѣ!» — Отвернемся отъ бульваровъ, это иностранный Парижъ, заглянемъ въ міръ науки, въ міръ народнаго просвѣщенія, въ міръ двигающей мысли. Невеселую, тяжелую для науки картину представляетъ Фр. Моренъ въ большой статьѣ объ университетѣ (l'Université, par Fr. Morin): «Вотъ уже 12 или 15 лѣтъ, какъ всѣ высокіе умы вырождаются между нами. На горизонтѣ уже ничего не видно... Гдѣ они, въ настоящемъ поколѣніи, мыслители, которые будутъ имѣть честь и силу сомкнуть вокругъ своего ученія цѣлую школу?... Литературная и общественная публика... уменьшается и понижается между нами, съ каждымъ днемъ, въ ужасающихъ размѣрахъ... Мы должны сказать съ глубокимъ горемъ, но еще съ болѣе глубокимъ убѣжденіемъ — теперь нѣтъ во Франціи тысячи личностей, которыя стояли бы въ уровень серьезно продуманной книги по общей исторіи... Правда, рядомъ съ полу-отчужденіемъ отъ

серьезныхъ занятій въ буржуазной аристократіи, надо указать на законное нетерпѣніе, съ которымъ мелкая буржуазія и работники нашихъ городовъ пытаются принять участіе въ нашей умственной жизни... но, къ несчастью, они почти нигдѣ не находятъ къ тому практическихъ средствъ; первоначальное образованіе крайне неудовлетворительно, а обученіе второго разряда недоступно имъ.»—Моренъ указываетъ на дѣйствительно поразительный отчетъ одного оффиціальнаго лица, подтверждающій, что «число безграмотныхъ во Франціи равняется въ однихъ мѣстахъ $^3/_4$, въ другихъ $^5/_6$, и иногда доходитъ до $^9/_{10}$»! «Остережемся! въ такомъ умственномъ состояніи нельзя долго оставаться безнаказанно... Народъ, который теряетъ охоту къ истинѣ, къ свѣту, къ простотѣ, — перестаетъ понимать справедливость даже самую основную, — такой народъ рискуетъ подвергнуться позору и всѣмъ бѣдствіямъ разложенія, которыя могли бы напомнить лѣтописи Византійской имперіи.» — Но подобные возгласы кажутся слишкомъ преувеличенными. Быть не можетъ, чтобъ Парижъ, который каждый день, въ 5 часовъ вечера, кишитъ всевозможными журналами — на всѣхъ бульварахъ, во всѣхъ кіоскахъ, чтобъ этотъ Парижъ былъ грубъ и невѣжественъ! Намъ остается отослать любопытныхъ къ статьѣ Лабуле, къ этой ѣдкой сатирѣ, къ этому убійственному приговору нынѣшнему положенію печати (Ed. Laboulaye, l'Histoire de la presse parisienne. Ср. у Taine, l'Art en France).

Послѣ всего сказаннаго, если мы обратимся къ началу путеводителя, къ его введенію (а извѣстно, что многіе читаютъ и пишутъ введеніе послѣ всего другого) — то невольно будемъ поставлены въ затрудненіе. Предъ нами 44 мелко испещренныя страницы. Онѣ принадлежатъ Виктору Гюго, который написалъ ихъ какъ предисловіе ко всему изданію; и именно это предисловіе не только не служитъ введеніемъ, а напротивъ, оно противорѣчитъ всему направленію путеводителя.—Гюго, никогда не былъ такъ популяренъ во Франціи, въ Парижѣ, какъ теперь; сочувствіе воскрешенному «Эрнани» составляетъ теперь въ Парижѣ политическую манифестацію; предисловіе къ путеводителю выпущено теперь даже отдѣльною книжкой, — что́ же сказалъ въ немъ «великій изгнанникъ», «великій поэтъ»? Онъ высказалъ на своемъ витіеватомъ языкѣ, пересыпанномъ метафорами и противоположными сопоставленіями, свое «великое пророчество»: въ XX вѣкѣ будетъ одна небывалая, чрезвычайная нація, и ея столицей будетъ Парижъ! въ XX вѣкѣ не будетъ Франціи, она будетъ міромъ! Въ томъ мірѣ, т. е. въ XX вѣкѣ, не будетъ войнъ, люди даже не будутъ знать, что такое война? не будетъ зависти и ненависти, всѣмъ будетъ хорошо и уютно, всѣ будутъ сыты и пригрѣты. Этотъ міръ, это человѣчество сначала будетъ зваться *Европой:* «XIX вѣкъ присутствуетъ при созданіи Европы; братскій континентъ — вотъ будущее! Прежде,

нежели у Европы *будетъ свой* народъ, у нея уже есть свой городъ. Того народа, который не существуетъ еще, уже столица существуетъ. Это кажется дивомъ, это — законъ.» — На эту тему развиваетъ, и для вѣрности должно прибавить — запутываетъ Гюго свою утопію. Утопія подобная не новость; иные мыслители представляли утопіи гораздо проще и сбыточнѣе, не ставя даже ихъ условіемъ, какъ то дѣлаетъ Гюго, «воздушный локомотивъ, небо, наполненное воздушными кораблями», и т. п. Каждый можетъ предаваться въ-волю созданной имъ утопіи, но для этого надо знать мѣсто и соображать время. Гюго напрасно избралъ мѣстомъ для изображенія своей утопіи — введеніе въ путеводитель, и напрасно торопится назначить ея осуществленіе такъ скоро — въ XX столѣтіи. Кромѣ того, поэзія можетъ позволять себѣ много вольностей, но врядъ-ли ей пристало утверждать небывалое, и противорѣчить исторіи, а Гюго въ этомъ не совсѣмъ правъ. Такъ напр., онъ утверждаетъ, что вотъ уже *три* вѣка, какъ Парижъ торжествуетъ въ этомъ свѣтломъ процвѣтаніи разума, какъ разноситъ цивилизацію по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, какъ надѣляетъ людей свободною мыслью.» А между тѣмъ, исторія говоритъ, что, въ XVI вѣкѣ, безспорно торжествуетъ не Парижъ, а реформаціонная Германія; въ XVII, опять не Парижъ, олицетворяемый у Гюго Моліеромъ (!), а Англія, съ ея политическимъ и умственнымъ движеніемъ.—Мы пропускаемъ другія поэтическія вольности въ видѣ подобныхъ: «Въ иномъ мѣстѣ куютъ оружіе, въ Парижѣ куютъ идеи»! какъ будто знаменитое fusil Chassepot составляетъ идею!—Но къ чему пугать народы слѣдующимъ неожиданнымъ сюрпризомъ: восторгаясь миролюбивой идеей выставки, привѣтствуя великій соборъ всѣхъ племенъ и націй, Гюго вдругъ рѣшаетъ общую ихъ судьбу совершенно произвольно: «За чѣмъ пришли всѣ эти народы въ Парижъ? Они пришли чтобъ стать Франціей! Они пришли присоединиться къ цивилизаціи (?). Они пришли понять (?). Эти глаза насыщенные ночью, пришли посмотрѣть на свѣтъ!» — Поэтическая вольность зашла очевидно немного далеко. Всѣ будутъ болѣе довольны той картиной, въ которой Гюго, какъ и другіе, изображаетъ прошлое Парижа; это дѣйствительно художественная панорама Парижа, его сѣдой старины; панорама, наполненная поразительными сравненіями и сближеніями, *параллелизмами*, какъ говоритъ самъ Гюго. Здѣсь мы дѣйствительно узнаемъ автора Notre-Dame de Paris, Misérables и пр.

На этомъ мы и покончимъ свой краткій отчетъ о путеводителѣ. Мы ограничились указаніемъ его главной мысли, его главнаго направленія. Для передачи же, хотя вкратцѣ всего его содержанія, заключеннаго на мелкихъ 2000 страницъ — нужно выйти далеко за предѣлы библіографической рамки.

Louis XV et Louis XVI, par J. *Michelet*. 1 vol. Paris, Chamerot. 1867. 864 стр. Ц. 5½ фр.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика XV (1759—1774 г.) наполнены преимущественно корыстолюбивыми интригами министра, преданнаго Австріи, и жалкимъ разслабленіемъ короля, преданнаго своимъ метрессамъ. — Дѣйствуя въ видахъ Австріи, министръ Шуазель втягивалъ Францію во всевозможныя неудачныя войны съ Пруссіей и съ Англіей, и велъ страну прямо къ банкротству. Уже въ 1760 г., правительство прекращаетъ на долгіе сроки платежи; уже въ то время, въ Версали живутъ въ долгъ, не платя придворнымъ. А когда король хочетъ обложить города новымъ косвеннымъ налогомъ, то парламенты смѣютъ ему перечить и пророчатъ ту борьбу, которая разъиграется не за долго до революціи. Хитрый министръ ищетъ себѣ поддержки въ мощныхъ талантахъ Вольтера и его друзей, а когда дѣла идутъ уже очень плохо и общее вниманіе сосредоточивается на министрѣ, то онъ же отвлекаетъ это вниманіе заказными комедіями, въ которыхъ велитъ осмѣивать всѣхъ философовъ и литераторовъ. Та эпоха была преисполнена крайнихъ противорѣчій. Никогда противоположность между фактами и идеями, между дѣлами и мыслью—не была такъ велика, какъ въ тѣ годы правленія Людовика XV: рядомъ съ дворомъ Версаля стоялъ кругъ энциклопедистовъ; ханжество и іезуитизмъ уживались рядомъ съ нескромностью Вольтера и смѣлостью Дидро; нищета и голодъ въ дѣйствительности—не мѣшали въ области мысли гуманнымъ проповѣдямъ физіократовъ; самый грубый развратъ шелъ рядомъ съ самой нѣжной чувствительностью твореній Руссо. Болѣе того, все это находило себѣ мѣсто въ стѣнахъ того же самого Версаля; въ будуарѣ метрессы раздавался голосъ физіократа Кене; Помпадуръ не разъ помогала Дидро въ трудныхъ обстоятельствахъ борьбы съ клерикализмомъ; а Мишле склоненъ—видѣть вліяніе Новой Элоизы Руссо даже на Людовикѣ XV, въ выборѣ имъ привязанностей (стр. 75), въ чемъ однако трудно согласиться съ историкомъ.

Но дѣйствительное вліяніе необыкновеннаго литературнаго движенія, открывающагося начиная со второй половины XVIII-го вѣка, должно было сказаться позже; теперь же вся Франція еще прозябала у ногъ Версаля, а въ Версалѣ царила мрачная придворная интрига. Шуазелю надо было сохранить свое вліяніе на короля во что бы то ни стало; у него была бездна враговъ, какъ и у всякаго временщика, котораго хотятъ смѣнить другіе кандидаты на его роль. Природа избавила Шуазеля отъ самаго сильнаго непріятеля—смертью наслѣдника престола, — дофина; но жена дофина сохраняла на короля огромное вліяніе, приписывавшееся разнымъ причинамъ; скоро Шуазель избавился и отъ нея, хоть и раздавалась молва объ отравѣ. Сосредоточивъ на себѣ одномъ все вліяніе на короля, Шуазель снова весь от-

дается интересамъ Австріи, и снова готовъ ввергнуть Францію въ ненужныя войны; но его планы остановлены торжествомъ другой партіи, другой интриги. Во главѣ ея стоятъ герцогъ Ришельё и д'Эгильонъ. Враги Шуазеля, они боялись, что «австріецъ» уговоритъ короля на старости жениться ни какой нибудь австрійкѣ, и чрезъ то навсегда сохранитъ свое вліяніе; оно будетъ не менѣе и въ томъ случаѣ, если король умретъ, потому что молодой дофинъ (Людовикъ XVI) уже женатъ на австрійкѣ. А король могъ легко умереть при томъ родѣ жизни, которому онъ отдался вслѣдъ за смертью отравленной невѣстки. Полоумный старикъ бросился въ ненасытное сладострастіе; въ Парижѣ говорили о женщинахъ, изнасилованныхъ при помощи эротическихъ зелій; разсказывали о четырехъ монахиняхъ, обреченныхъ въ жертву старому грѣшнику. Ришельё рѣшился своротить короля съ такого быстраго пути къ смерти и показалъ ему женщину, въ которую старикъ влюбился, какъ въ новизну, поразившую его разнообразіемъ: женщина эта, которая должна была нанести ударъ Шуазелю, была мадамъ Дюбарри. Ея портретъ, ея знакомство, поводъ къ нему и вся интрига, призвавшая красивую куртизанку къ такой государственной ролѣ — составляютъ одну изъ лучшихъ главъ у Мишле (Chap. XI. стр, 169 и сл.).

До чего страсть—властвовать, могла ослѣплять временщика, до чего имъ двигалъ только узкій эгоистическій разсчетъ, а не преданность своему господину, вполнѣ высказывается въ средствахъ, которыми Шуазель искалъ удержать свою власть: они заключались въ устрашеніи Людовика XV-го возможностью самыхъ тяжелыхъ обличеній. Шуазель подсовывалъ королю для подписи бумаги, гдѣ король — конечно не подозрѣвая того, потому что никогда не читалъ бумагъ, — удостовѣрялъ собственноручно, что д'Эгильонъ и Калонь составляли, по его личному повелѣнію, фальшивые документы для осужденія смѣлаго оратора и публициста, бретонскаго генеральнаго прокурора Лашалотэ. Точно также Шуазель сознательно вмѣшивалъ короля въ самыя гнусныя спекуляціи по ажіотажу на вздорожавшій хлѣбъ, и король долженъ былъ выслушивать отъ Руанскаго парламента ироническія инсинуаціи: «Боже избави, государь, чтобъ мы подумали о васъ, о вашей причастности»....

Людовикъ XV-ый умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи, брошенный всѣми; Дюбарри оставила зарапѣе Версаль для того, чтобъ только разъ еще явиться на общественную арену—на эшафотъ во время террора. Общество и народъ провожали въ гробъ короля, когда-то названнаго »возлюбленнымъ», радостью и проклятіями [1]). Французскій престолъ занялъ послѣдній король, Людовикъ XVI, женатый на австрійской

[1]) Картиною кончины Людовика XV-го открывается художественный разсказъ о революціи *Карлейля*.

принцессѣ. Бракъ этотъ тоже былъ дѣломъ Шуазеля, и столь насильственнымъ, что весьма легко могъ стать несчастнымъ. Принцъ былъ тогда юношею болѣзненнымъ и безстрастнымъ; принцесса была совершенная дѣвочка; на эту дѣвочку возлагались всѣ надежды австрійской интриги: дѣвочка должна была расшевелить неподвижнаго юношу и воспламенять въ немъ горячую привязанность къ себѣ: тогда она могла бы повелѣвать чрезъ него всею Франціей, тогда вся Франція была бы къ услугамъ австрійской политики. Недавно изданная [1]) переписка Маріи Антуанетты съ ея матерью, Маріей Терезіей, въ первый разъ раскрываетъ всю роль и гибельное вліяніе матери на несчастную судьбу дочери, созданной для забавъ и нарядовъ, но мать хочетъ передѣлать ее и заставляетъ стать политическою интриганкою. Оторванную отъ всѣхъ французскихъ интересовъ, преданную только закоснѣлой въ іезуитизмѣ австрійской политикѣ,—мать поневолѣ заставляетъ ее враждебно относиться къ духу времени и новой ея страны—Франціи; оттого-то она и должна была нажить столько враговъ, вооружить противъ себя всѣхъ сознавшихъ необходимость движенія, и окружить себя только представителями старой, отживавшей системы—феодальнымъ дворянствомъ, версальскимъ дворомъ. Но и въ этомъ отношеніи, Марія Антуанетта была несчастнѣе всей своей партіи: только она одна осталась въ послѣдствіи вѣрна принятымъ ею догматамъ; вся ея партія, изъ-за которой она боролась съ духомъ времени, измѣнила ей и оставила ее: французское дворянство отказалось отъ своего понятія о чести, когда слѣдовало защищать короля и королеву: въ ночь на 10-е августа 1792 года въ Тюльери было слишкомъ мало его представителей, слишкомъ мало оказалось личностей, подобныхъ принцессѣ Ламбаль, поплатившейся за свою геройскую честность, за открытое признаніе въ преданности королевѣ—своей красивой головой.

На всей дальнѣйшей исторіи послѣднихъ часовъ монархіи отражается характеръ и вліяніе Маріи Антуанетты, выработавшейся подъ австрійской ферулой своей матери и ея ловкихъ клевретовъ. Нерѣшительный характеръ Людовика XVI-го, не проникнутаго вполнѣ австрійскими воззрѣніями,—все болѣе и болѣе будетъ уступать любимой женѣ, и только иногда будетъ прорываться какой-то намекъ на самостоятельность. Отъ того-то въ его политической дѣятельности будутъ нерѣшительность и противорѣчія, иногда упорство поставить на своемъ, иногда полнѣйшее равнодушіе и слабая уступчивость. Такая обста-

---

[1]) Арнетомъ (Arneth), вѣнскимъ архиваріусомъ, единственно подлинная переписка, а не подложныя письма, публикуемыя де Гунольстейномъ и Фелье-де-Конемъ, что однако не мѣшаетъ такимъ публицистамъ, какъ г. де-Мазадъ, составлять свои очерки только по ложнымъ документамъ. Объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно.

новка, такія личности были слишкомъ недостаточны для того времени. Людовикъ XV-й оставилъ страшное наслѣдство своему внуку: разворенную страну, обнищавшій народъ, поднимавшееся третье сословіе, крамольное дворянство, расшатанную общимъ презрѣніемъ монархію...

Среди общаго хаоса, на краю пропасти, до которой быстро дошла феодальная монархія, является одинъ человѣкъ, искренне готовый и, повидимому, могущій спасти монархію. Бывшій семинаристъ, скромный философъ, молодой Тюрго поражалъ чинныхъ академиковъ простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ новизною своихъ воззрѣній на исторію человѣчества, на теорію прогресса. Принадлежа къ школѣ экономистовъ, физіократовъ, Тюрго умѣлъ сохранять свою независимость отъ всякаго сектаторства. «Экономистическая школа—говоритъ Мишле—была истиннымъ спасеніемъ для Франціи. Она обратилась съ мощнымъ призывомъ къ землѣ, къ свободѣ продавать произведенія земли. Она ускорила великое движеніе, которое отдавало эту землю (по низкой цѣнѣ) въ тѣ руки, которыя обработывали ее. Преувеличенія этой школы, ея чрезмѣрность были очень полезны. Никакая другая теорія не соотвѣтствовала бы потребностямъ минуты, нуждамъ той Франціи, въ то время еще земледѣльческой, гдѣ фабричность была весьма второстепенною, и гдѣ во что бы то ни стало надо было увеличить воздѣлываніе единственнаго пропитанія тогдашняго народонаселенія».

Назначенный интендантомъ самой бѣдной провинціи, Тюрго преобразилъ маленькую страну въ 13 лѣтъ своего управленія, ввелъ кадастръ, равное распредѣленіе податей, преобразованіе милиціи, устройство школъ; — современные ему путешественники съ удивленіемъ и уваженіемъ указываютъ на гуманную дѣятельность ученаго интенданта. Не съ меньшимъ удивленіемъ относились къ Тюрго придворные интриганы, видя, что Тюрго не только не добивается, а напротивъ, не хочетъ оставить своей бѣдной провинціи, въ противоположность всѣмъ другимъ интендантамъ, которые вѣчно стремились къ перемѣщенію изъ бѣдной и маленькой провинціи въ большую и богатую. Такое отсутствіе честолюбія въ Тюрго представляло его при дворѣ человѣкомъ неопаснымъ, который не станетъ мѣшать другимъ и только будетъ работать за этихъ другихъ. Назначенный министромъ, Тюрго, послѣ перваго свиданія съ королемъ, написалъ ему письмо, въ которомъ выражалъ свое отношеніе и свое довѣріе къ нему, какъ къ честному человѣку, а не какъ къ королю, обѣщалъ на всегда сохранить преданность и усердіе, и ставилъ условіемъ для успѣха—прекращеніе разворительныхъ для Франціи займовъ, соблюденіе строгой экономіи, развитіе внутренней жизни страны.

Въ 18 мѣсяцевъ своего министерства, Тюрго дотрогивается до бо́льшей части язвъ стараго порядка и ищетъ искорененія ихъ. Идя въ село, онъ уничтожаетъ самый страшный въ старой Франціи, крова-

вый налогъ — натуральной дорожной повинности, разворявшей въ конецъ крестьянъ, заставлявшей ихъ бросать жилища и спасаться отъ розысковъ; останавливаясь на городскомъ населеніи, онъ освобождаетъ работника отъ гнета патрона уничтоженіемъ цеховъ и корпорацій; работая въ министерствѣ, онъ сознаетъ неудобство всепоглощающей административной бюрократіи, и ищетъ противовѣса ей въ общественной инициативѣ. Отсюда цѣлый планъ представительныхъ собраній, начиная отъ села, проходя чрезъ городъ, чрезъ провинцію и выходя къ послѣднему вѣнцу ихъ—къ общему представительству цѣлаго государства, цѣлой націи; это верховное собраніе названо «Главнымъ королевскимъ муниципалитетомъ». Но для того, чтобъ страна или нація могла представить дѣльныхъ и добросовѣстныхъ представителей ея интересовъ, она должна быть выведена изъ невѣжества, ей должно быть дано образованіе, котораго не было, или блѣдную тѣнь котораго іезуиты сводили на изувѣрство. И Тюрго предлагаетъ Людовику XVI-му цѣлый систематическій планъ народнаго просвѣщенія подъ руководствомъ особаго совѣта. «Ваше величество — обѣщаетъ онъ — чрезъ десять лѣтъ не узнаетъ своей націи; вмѣсто бездѣльничества и невѣжества, ваше величество встрѣтитъ честныхъ людей и дѣльныхъ гражданъ, готовыхъ усердно служить ему.» Но въ эти десять лѣтъ, вся Франція могла умереть съ голоду: въ одной мѣстности полное отсутствіе хлѣба, въ другой, — хлѣбъ гніетъ за отсутствіемъ сбыта. Тюрго сбиваетъ заставы, сноситъ таможни, объявляетъ свободу торговли. На этой послѣдней мѣрѣ и ждали Тюрго его многочисленные враги. Уже давно въ Версали громко роптали на него: ему мало было вторгаться въ дѣла фабрикантовъ и лавочниковъ, онъ неумолимо тѣснитъ самое дворянство, посягаетъ на самый дворъ, на аристократію; онъ уничтожилъ громадныя пенсіи, онъ отказалъ въ платежахъ по смутившимъ его контрактамъ, вздумалъ облагать унизительной податью принцевъ и герцоговъ.—Врагъ привилегированнаго парламента, онъ соединялъ противъ себя дворянство и духовенство, торговцевъ и лавочниковъ,—оставалось вооружить еще народъ! и это было сдѣлано весьма успѣшно: народъ увѣрили, что не смотря на новый подорожный налогъ, онъ все-таки долженъ будетъ отправлять натуральную повинность, что его деньги возьметъ себѣ министръ, который заставляетъ его голодать, продавая хлѣбъ за-границу. «Заговоръ голода», pacte de famine, произвелъ смуты и бунты; противъ Тюрго раздалось обычное обвиненіе въ покушеніи на собственность; придворная интрига, оскорбленная отказомъ Тюрго уплатить одному фавориту цѣлые полмилліона — добила министра окончательно, и онъ палъ.

«Вольтеръ плакалъ. И—что поразительно,—Марія-Терезія и Фридрихъ сознавали потерю, нанесенную Франціи. Королевѣ стыдно, и она хочетъ заставить мать вѣрить, что она не причастна событію» (Мишле).

Дѣйствительно, потеря была громадна; Тюрго представлялся единственнымъ человѣкомъ, который, можетъ быть, спасъ бы монархію и вывелъ бы Францію на свѣтлую дорогу. Людовикъ XVI не нашелъ въ себѣ силы противостоять коварной обстановкѣ. Съ паденіемъ Тюрго рушатся здравыя надежды на мирный выходъ изъ затрудненій; барщина, дорожная натуральная повинность снова возвращается подъ скромнымъ именемъ «прежняго способа исправленія дорогъ»; а съ барщиной возвращаются всѣ другія злоупотребленія. Старый порядокъ быстро шелъ къ катастрофѣ. Печальный скандальный «процессъ Ожерелья» долженъ былъ окончательно озлобить королеву противъ націи, высказавшей Антуанеттѣ слишкомъ незаслуженное презрѣніе. Король-мужъ былъ поставленъ еще въ болѣе противорѣчивое положеніе: любя горячо жену, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ непристойнымъ демонстраціямъ парижскаго общества и народа противъ королевы; будучи королемъ, онъ не могъ забыть своего оффиціальнаго положенія и вполнѣ пренебречь интересами націи! Король сознавалъ тяжесть своего положенія, и не разъ приходилъ въ смущеніе; задумчивый, удрученный, стоя на могилѣ своего министра Верженя (1787), онъ произнесъ трагическое желаніе: «О, еслибъ небу было угодно, чтобъ я уже могъ покоиться рядомъ съ вами» (Мишле).—Послѣ Тюрго, ни одинъ изъ министровъ, столь быстро смѣнявшихся, не могъ уже предложить монархіи новаго спасительнаго исхода. Неккеръ прибѣгаетъ къ провинціальнымъ собраніямъ, на подобіе Тюрго. Грозный дефицитъ ростетъ, и въ глазахъ народа сама королева олицетворяетъ его,—онъ зоветъ ее: «Madame Déficit». Креатура Полиньяковъ, Калонь съ наглостью провозглашаетъ этотъ громадный дефицитъ; въ три года мира произведено займовъ на пятьсотъ милліоновъ. Банкротство представляется естественнымъ заключеніемъ. Привилегированные парламенты становятся противъ роялизма и вызываютъ народное сочувствіе; въ парижскомъ парламентѣ, въ отвѣтъ на предложеніе утвердить новые налоги, раздается требованіе учредить генеральные-штаты, «которые только одни могутъ рѣшать дѣла націи». Дворъ отвѣчаетъ арестами и ссылкою парламента. Тогда на сцену является новый актеръ, до сихъ поръ не участвовавшій въ драмѣ—провинція; провинціальные парламенты въ свою очередь протестуютъ противъ насилія; провинціи требуютъ генеральныхъ-штатовъ, вступаютъ съ центральною администраціею, съ интендантами, въ открытую борьбу; обращаются помимо интендантовъ прямо къ королю; несутъ къ подножію трона напоминанія о своихъ исконныхъ правахъ управляться самимъ по своимъ законамъ и обычаямъ [1]). Революція начинается въ Бре-

[1]) «Старая» Франція, по своему составу находилась въ положеніи, дозволявшемъ ей такія требованія: она составилась и расширилась посредствомъ присоединенія ра-

тани; въ городѣ Ренне требуютъ «вольностей бретонскаго народа»; въ провинціи Дофинé, въ городѣ Гренобле, провозглашая автономію провинціи, требуютъ «правъ свободы для всей Франціи». — Зловѣщее для монархіи движеніе провинцій теряетъ, къ общей радости, свой революціонный характеръ, когда по всей Франціи разносится королевское созваніе генеральныхъ-штатовъ, на 5-е мая 1789 года.

Таково содержаніе того смутнаго періода, который долженъ былъ изобразить Мишле въ послѣднемъ томѣ своей исторіи Франціи. Далѣе идетъ уже революція, составляющая предметъ особаго, гораздо ранѣе написаннаго тѣмъ же авторомъ сочиненія въ семи большихъ томахъ (1847—1856).

Въ предисловіи къ нынѣ вышедшему тому, Мишле обѣщаетъ представить намъ въ послѣдствіи собственную критику своего творенія (Исторія Франціи), начатаго имъ 35 лѣтъ тому назадъ: «Мнѣ пристало быть моимъ судьею. Я попытаюсь, если еще буду жить, въ особомъ трудѣ оцѣнить это произведеніе въ томъ, что въ немъ есть хорошаго, неполнаго, худого. Я слишкомъ хорошо знаю его недостатки».

Но пока историкъ исполнитъ свое обѣщаніе, мы позволимъ себѣ сказать о немъ два слова. Если смотрѣть на послѣднее сочиненіе Мишле, какъ на строгое, точное историческое изслѣдованіе указаннаго періода, то оно далеко не вполнѣ удовлетворительно. Человѣку, знающему исторію того времени, оно представляетъ слишкомъ мало новаго (почти ничего новаго, кромѣ личнаго отношенія автора къ предмету); читателю, незнакомому съ эпохой, оно не даетъ полнаго понятія. Способъ писанія Мишле вызывалъ не разъ противорѣчивыя сужденія въ литературѣ: одни считали его вполнѣ поэтомъ, другіе видѣли въ немъ художественнаго и точнаго воспроизводителя былаго. Тэнъ, въ своей критикѣ Карлейля [1]), сравнилъ двухъ историковъ, назвавъ Карлейля англійскимъ Мишле. Названіе не совсѣмъ вѣрное: Мишле, можетъ быть, гораздо либеральнѣе, гораздо свободнѣе отъ нѣкоторыхъ причудъ Карлейля, но за то Карлейль гораздо точнѣе и основательнѣе въ своихъ историческихъ трудахъ. Читая Карлейля «Французскую революцію» напримѣръ, мы видимъ поразительно живыя картины; предъ вами проходятъ типы, рисуются страсти, и вы понимаете, зная хоть немного голые факты эпохи, что именно такъ должно было происходить, что изображеніе вѣрно. Читая Мишле, вы чувствуете въ немъ не болѣе, какъ личное воззрѣніе, какъ совершенно субъективное, одностороннее отношеніе автора къ предмету. Карлейль уходитъ, перено-

---

ныхъ провинцій, съ которыми короли вступали въ формальный договоръ, ограждавшій по большей части ихъ мѣстныя вольности.

[1]) *H. Taine*, L'idéalisme anglais. Thomas Carlyle. Небольшая книжка изъ Bibliothèque de la philosophie contemporaine, издаваемой Germes-Rullière'омъ.

сится въ описываемую эпоху; Мишле переноситъ эпоху въ свое собственное время. Карлейль старается допросить свои дѣйствующія лица — зачѣмъ и почему они такъ дѣйствовали; Мишле хочетъ быть психологомъ и тоже изображаетъ не индивидуальныя побужденія дѣйствующихъ лицъ; но историческая психологія должна имѣть также свои законы, основываться на опредѣленныхъ фактахъ и данныхъ, а не на совершенно субъективныхъ чувствованіяхъ современнаго художника къ отжившимъ эпохамъ. Субъективная поэтизація ведетъ Мишле къ полному отсутствію критическаго элемента, столь существенно важнаго въ историческихъ трудахъ. Увлекшись сценическимъ интересомъ, сценическою обстановкою, Мишле долго остановится на одномъ предметѣ и совершенно опуститъ другой, не менѣе и часто гораздо болѣе важный. Остановившись предъ однимъ поразившимъ его положеніемъ, ухватившись за одну попавшуюся ему нить, онъ будетъ вести весь разсказъ всѣхъ событій только сообразно съ этимъ однимъ положеніемъ, и такъ сказать наматывая одну эту нить. И, страннымъ образомъ, это не мѣшаетъ часто разметанности въ изложеніи, разсѣянности и противорѣчіямъ.

Въ послѣднемъ томѣ Мишле преслѣдуетъ во всей революціонной драмѣ одно явленіе, принимаемое имъ за причину всѣхъ компликацій и событій, это — «семейный заговоръ» — «la conspiration de famille». — Его натолкнуло на то — чтеніе указанной выше переписки Маріи Антуанетты съ ея матерью. Этотъ заговоръ фамильный т. е. австрійскій, безъ сомнѣнія имѣлъ большое вліяніе на личную судьбу династіи, но вліяніе его далеко не такъ многосторонне, и причины паденія феодальной монархіи лежали гораздо глубже. Къ этому заговору Мишле готовъ приплести и Россію, и здѣсь онъ доходитъ, скажемъ, до смѣшного, не смотря на наше уваженіе къ заслуженному таланту. «Россія, говоритъ онъ, явилась на сцену въ новой формѣ, еще болѣе варварской и болѣе лживой, — въ маскѣ запада». И затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе того, цѣлыя двѣ страницы наполнены неприличными выходками и непристойными выраженіями о Екатеринѣ II, напоминающими подобное же сужденіе автора о Маріи-Терезіи въ его предъидущемъ томѣ. «Эта Россія явилась глубокимъ животомъ (un ventre profond!), пропастью, пастью, которая широко раскрывалась, обращенная къ западу, спрашивая: что вы дадите мнѣ? Это чудовище питало голодъ ко всему: голодъ къ Турціи, голодъ къ Польшѣ, но еще гораздо болѣе голодъ къ Пруссіи».... «Да и настоящая ли русская была Екатерина II,» спрашиваетъ себя Мишле и глубокомысленно отвѣчаетъ: «Да и нѣтъ! У нея не было великодушной искренности, распашки Петра III-го, Павла I-го»... Со вступленіемъ Петра III-го, Пруссія, казалось, спасена. Петръ III былъ великодушный молодой человѣкъ, иногда грубый и рѣзкій, но съ великолѣп-

нымъ сердцемъ. Фридрихъ, столь твердый, столь серьёзный, столь справедливый въ своихъ сужденіяхъ, столь строгій къ своимъ друзьямъ—говоритъ это, и я ему вѣрю. Бѣдный Павелъ, котораго исторія тоже оклеветала, былъ человѣкъ съ великимъ сердцемъ. Онъ хотѣлъ загладить прежнее, плакалъ предъ Костюшкой...» Въ другомъ мѣстѣ, Мишле «клянется, что Индостанъ оживетъ», но «конечно, не чрезъ русскихъ, которыхъ *узнали* (?!) теперь въ эти два года, и которые составляютъ *ужасъ міра*!... Русскіе, *конечно*, придутъ въ Индію, но они растаютъ въ ней, исчезнутъ какъ снѣгъ, и гораздо болѣе, чѣмъ англичане, оставятъ по себѣ проклятое воспоминаніе варварства!...» Таковъ критическій пріемъ, таковы сужденія и пророчества Мишле, близкія къ галлюцинаціи.

Въ другомъ мѣстѣ, онъ обвиняетъ Екатерину II-ю за то, что она вздумала будто прикидываться философомъ и водиться съ Вольтеромъ, Дидро и друг. Но Мишле забылъ, что императрица *вздумала* обратиться къ философамъ тогда, когда «великая Франція», когда ея правительство, іезуиты и парламенты преслѣдовали дѣйствительно варварскими гоненіями тѣхъ философовъ, когда власти «цилизованной» Франціи лишили Дидро не только куска хлѣба и грозили его личной безопасности, но даже воровски отнимали у этого труженика его неотъемлемое состояніе—его славу, его мысль. Всѣмъ извѣстно, съ какою преступною фальсификаціею, въ какомъ обезображенномъ видѣ выпускалъ издатель «Энциклопедію» Дидро, боясь сожженія и гоненія. Русская императрица поступила съ Дидро въ высшей степени деликатно: она купила у него библіотеку и, заплативъ большія деньги, никогда и не думала перенести ее въ Петербургъ. Еслибъ Мишле, вмѣсто фантазіи, обращался къ наукѣ, еслибъ онъ хоть заглянулъ въ полное сочиненіе Розенкранца о Дидро, то вспомнилъ бы, что дѣлалъ Дидро въ Петербургѣ;—изъ его проектовъ о народномъ образованіи, объ университетахъ и о техническихъ ремесленныхъ школахъ, Мишле увидѣлъ бы, какія великія заботы занимали Екатерину,—и можетъ быть, не посмѣлъ бы смѣяться предъ лицемъ генія Дидро, который понималъ и открыто сознавалъ великую будущность Россіи, съ ея естественнымъ богатствомъ, съ ея самостоятельнымъ вкладомъ новыхъ элементовъ въ европейскую цивилизацію. Одно восклицаніе Вольтера, вызванное поведеніемъ Екатерины, уничтожаетъ всѣ возгласы Мишле: C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière! Къ сожалѣнію, Мишле принадлежитъ къ тѣмъ французамъ, которымъ и до сихъ поръ грезятся казаки, наводняющіе Европу своимъ «варварствомъ» и топящіе въ крови «великую европейскую цивилизацію».

Кончая, мы должны сказать, что даже художественная сторона весьма страдаетъ въ послѣднихъ томахъ Мишле; портреты, которые онъ такъ искусно набрасываетъ, получаютъ здѣсь какой-то отталкиваю-

щій оттѣнокъ отъ излишества, отъ крайности въ выраженіяхъ, мы могли бы сказать безъ преувеличенія — отъ грубости его опредѣленій и сравненій. Разсказывая о привязанности Людовика XVI-го къ женѣ, Мишле восклицаетъ: «Какая метресса имѣла когда либо подобное дѣйствіе на человѣка? Помпадуръ стала собакою Людовика XV-го, сохраняла его (возлѣ себя) только силою низости. Людовикъ XVI-й, напротивъ, дрожащій рабъ королевы, слѣдящій за ея взоромъ, боящійся ея высокомѣрнаго слова! Все, что разсказывали въ средніе вѣка о черной магіи, о дьявольскихъ навожденіяхъ, въ которыхъ, сохраняя внѣшность, теряли душу, — всѣ эти исторіи слишкомъ вѣрны: мы ихъ находимъ здѣсь!» Кромѣ того, все изложеніе Мишле крайне неполное и произвольное. Читатель встрѣчаетъ странные очерки Вольтера и Руссо, въ которыхъ попадаются очень вѣрныя сужденія рядомъ съ выводами, ни на чемъ неосновательными. Если же, несмотря на все сказанное, отбросить строгія требованія исторической науки и отнестись къ Мишле, какъ къ художнику, пишущему историческій разсказъ изъ первыхъ годовъ царствованія Людовика XVI и М. Антуанетты, то его книга получаетъ интересъ и достойна гораздо большаго вниманія, чѣмъ всякій такъ-называемый историческій романъ. Написанная легко, мѣстами увлекательно, среди поэтизацій, представляющая сцены изъ дѣйствительной жизни — она все же переноситъ читателя или читательницу въ ту печальную эпоху и заставляетъ задумываться надъ судьбами Франціи.

Archives de l'Ouest. Recueil de Documents concernant l'histoire de la Révolution 1789—1800, par *Antonin Proust*. — Série A. Opérations électorales de 1789. № III: Guyenne. Bretagne. in-8° gr. Paris. 1867. Librairie internationale. Ц. 5 fr. 353 стр.

Это уже третій толстый выпускъ обширнаго труда предпринятаго г-мъ Пру. До сихъ поръ большинство историковъ писали исторію революціи, преимущественно сосредоточивая все вниманіе на Парижѣ, какъ на главной сценѣ, гдѣ рѣшались судьбы Франціи. Но революція, (какъ мы видѣли въ отчетѣ о Мишле) даже началась не въ Парижѣ, а въ провинціи, — на это въ послѣднее время особенно указывали Шассенъ и его учитель Кине. Г. Пру, по выходѣ въ свѣтъ сочиненія Кине, написалъ рецензію въ провинціальномъ журналѣ: «Mémorial des Deux Sèvres», за которую журналъ поплатился строгимъ взысканіемъ. Теперь г. Пру, повидимому согласный въ главныхъ мысляхъ съ Кине, хочетъ написать исторію революціи въ провинціи; но прежде выпуска ея въ свѣтъ, онъ рѣшился издать важнѣйшіе документы, на которые будетъ опираться его исторія. Бо́льшею частью, эти документы никогда еще не были изданы.

Первая серія, первый отдѣлъ документовъ относится къ періоду выбора депутатовъ въ генеральные-штаты и снабженія ихъ чело-

битными, инструкціями, наказами, полномочіями. Все это, выражающее потребности и нужды всѣхъ классовъ націи — заключается въ такъ называемыхъ *тетрадяхъ* — *les Cahiers*. Тетради эти составлялись въ одно и тоже время повсемѣстно, по всей Франціи. Ихъ писали не только три сословія, но и отдѣльныя мелкія корпораціи каждаго городка; ихъ диктовало безграмотное населеніе деревень или своимъ священнослужителямъ или смышленымъ писарямъ изъ семинаристовъ и торговцевъ. Вся Франція, всѣ 25 милліоновъ населенія, спѣшили заявить у престола свои нужды, свои понятія о необходимой, о признанной самимъ монархомъ свободѣ. Такимъ образомъ, въ этихъ тетрадяхъ должны были отразиться, какъ въ зеркалѣ, истинныя воззрѣнія народа, и потому понятна вся важность тетрадей для здраваго, справедливаго сужденія о революціи. Историки довольно часто ссылались на тетради, но всѣ они, почти безъ исключенія, пользовались только извѣстными извлеченіями, сдѣланными еще во время самой революціи, или вскорѣ послѣ нея. Токвилль указываетъ на тетради, какъ на драгоцѣнный источникъ, но и Токвилль перечиталъ и разобралъ далеко не всѣ тетради. Огромная заслуга добросовѣстнаго изученія тетрадей и ихъ систематическаго изложенія, во всей полнотѣ и точности — принадлежитъ молодому историку Шассену, издавшему въ 1863 году первый томъ своего сочиненія: Le Génie de la Révolution. Première partie: Les Cahiers de 1789. t. I. Les Élections [1]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ вышло только два тома этого замѣчательнаго труда. Вслѣдъ за Шассеномъ, объ этихъ тетрадяхъ написалъ сочиненіе г. Понсенъ (Les Cahiers de 1789, par Léon Poncin); но это сочиненіе далеко отстаетъ отъ Шассена и по плану, и по изложенію, и по добросовѣстности изученія; авторъ очевидно воспользовался готовымъ матеріаломъ, хотя и не счелъ нужнымъ указывать на то.

Совершенно другой характеръ носитъ «Западный Архивъ», издаваемый г. Пру, который могъ бы во многомъ послужить примѣромъ подражанія для «Русскаго Архива» въ Москвѣ, начиная съ доступности въ цѣнѣ: настоящая серія, въ 23 печатныхъ листа, слѣдов. равняясь объемомъ почти полугодовому экземпляру (6 книжкамъ) «Русскаго Архива», стоитъ съ небольшимъ 1 руб. сер. *). Мы замѣчаемъ это мимоходомъ, вслѣдствіе своего убѣжденія, что такое прекрасное и полезное изданіе, какъ «Русскій Архивъ», заслуживаетъ большей до-

---

[1]) Paris. Librairie internationale. 3 фр.

*) «Русскій Архивъ», въ 1868 году, будетъ выходить въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 64, 65, 66 и 67 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіе года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ, слѣдов. годовой экземпляръ весь въ 48 листовъ). Цѣна съ пересылкою въ города и съ доставкою на домъ *шесть* рублей. Подписка принимается въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ, на Мясницкой, № 7. Составитель и издатель «Русскаго Архива» — П. И. Бартеневъ. — *Ред.*

ступности, и не долженъ быть облагаемъ такою высокою пошлиной, тѣмъ болѣе, что его великіе сотрудники покоятся давно вѣчнымъ сномъ и кромѣ признательности, въ большей части случаевъ, отъ издателя ничего не требуютъ. Обратимся къ «Западному Архиву». Это почтенный, кропотливый трудъ разбора и раціональнаго печатанія такихъ документовъ, изданіе которыхъ даетъ возможность каждому, оставаясь въ Парижѣ, заняться самостоятельно самымъ важнымъ моментомъ въ переворотѣ XVIII-го вѣка. Въ настоящемъ выпускѣ представлены документы, относящіеся къ двумъ провинціямъ, которыя обѣ играли значительную, хотя и разную роль въ исторіи революціи. Столицею Гіени (Guyenne) былъ городъ Бордо (позже, главный городъ департамента Жиронды), знаменитый своимъ значеніемъ въ борьбѣ жирондистовъ и террористовъ. Другая провинція — Бретань — первая поднявшаяся за свободу — позже была театромъ гражданской войны, въ которой «шуаны» (les Chouans) отчаянно дрались съ «синими» республиканцами (les bleus) за вѣру и короля Людовика XVII-го. Даже чтеніе одной разбираемой книги, одного указаннаго выпуска весьма наглядно знакомитъ съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, съ Франціею 89-го года. Извѣстно, что публицисты и революціонеры боялись, при созваніи генеральныхъ-штатовъ,—страшнаго разногласія и противорѣчія, которое, по ихъ мнѣнію, должно было оказаться въ многочисленныхъ тетрадяхъ; они страшились, что вѣками угнетенное населеніе останется глухо къ призыву свободы и только окончательно отдастся въ руки администраціи. На дѣлѣ же оказалось совершенно иное: единодушіе, согласіе, одинаковость въ требованіяхъ и указаніяхъ — были поразительны, и Камиллъ Демуленъ могъ воскликнуть въ своей «La France libre»: «Слушайте, Парижъ и Ліонъ, Руанъ и Бордо, Кале и Марсель, съ одного конца Франціи до другого, раздается одинъ и тотъ же крикъ, всеобщій крикъ. Нація повсюду выразила одно и то же желаніе; всѣ хотятъ быть свободными.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду одинаково сказались разногласія и разладъ между двумя первыми и третьимъ сословіемъ; между дворянствомъ и духовенствомъ съ одной стороны, и городскимъ торговымъ населеніемъ — съ другой. Для точности слѣдуетъ замѣтить, что въ то время подъ третьимъ сословіемъ разумѣлась не только одна буржуазія,—оно включало въ себя безъ различія и сельское населеніе. Низшее духовенство тоже стояло на сторонѣ народа и играло въ началѣ важную роль въ свободномъ движеніи. Но повсюду, безъ различія, одинаково высказывается общее монархическое чувство во Франціи, благодарность Людовику XVI-му за дарованіе свободы, безграничная преданность ему и желаніе увѣковѣчить счастливый моментъ памятникомъ возстановителю свободы. Чувство это перешло въ противоположное только позже, чрезъ три года (въ 1792 году), вызванное слѣпымъ со-

противленіемъ привилегированныхъ интересовъ общественному благу, безумными интригами и заговорами, искусственнымъ голодомъ, эмиграціей и коалиціей.

Въ «адресѣ» жителей, составляющихъ третье сословіе города Бордо, къ королю (стр. 21), въ нѣсколькихъ словахъ высказаны и любовь и уваженіе къ нему, и пробудившееся въ третьемъ сословіи сознаніе силы относительно двухъ первыхъ сословій: «Вы рѣшили въ своей мудрости, государь, созвать генеральные-штаты; вы хотите, въ средѣ вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, совѣщаться съ ними о средствахъ къ излеченію государственныхъ золъ, къ упроченію благоденствія вашихъ народовъ, и такимъ образомъ, хотите явиться какъ наилучшимъ, такъ и наисправедливѣйшимъ изъ королей; *но*, государь, самая многочисленная часть вашихъ подданныхъ, та, которая, своей промышленностью и своими работами, обогащаетъ и живитъ государство; та, которая снабжаетъ солдатами ваши арміи и матросами вашъ флотъ; та, которая составляя самую бо́льшую часть націи, должна считаться ея самою крѣпкою опорою,—третье сословіе, государь,—неужели его голосъ долженъ будетъ только слабо раздаваться въ томъ высокомъ собраніи? Неужели ему не будетъ дозволено послать въ собраніе число представителей, соотвѣтствующее громадному множеству лицъ, составляющихъ это сословіе,—для того, чтобы принести достойно вашему величеству справедливую дань восхваленій, должныхъ вашимъ щедротамъ?... Въ этомъ самое дорогое желаніе нашихъ сердецъ.... Мы не страшимся ревности другихъ сословій, развѣ не всѣ мы французы? развѣ не всѣ мы граждане той же имперіи? не всѣ подданные вашего величества?»

Ту же самую преданность высказываютъ бретонцы, клянясь «поддерживать до послѣдней капли крови монархическое правленіе и престолонаслѣдіе въ мужеской линіи» (стр. 201). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бретонцы, какъ и всѣ другіе, требуютъ обезпеченія личной свободы гражданина, уничтоженія произвольныхъ арестовъ и заключеній, свободы прессы, обезпеченія собственности, отвѣтственности министровъ, и ставятъ своимъ депутатамъ въ непремѣнное условіе — приступать къ совѣщанію о налогахъ не прежде, какъ по установленіи націей и по принятіи королемъ основныхъ конституціонныхъ законовъ (стр. 200—203: Cahier de doléances, remontrances et instructions de la ville de Nantes. Ch. I, art. 10—15). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 308, art. 73), избиратели прямо провозглашаютъ начало, и до сихъ поръ не существующее во Франціи: «Важно, чтобъ каждый французъ имѣлъ постоянно предъ глазами эту основную истину, что: никакой налогъ не можетъ быть установленъ безъ согласія націи».

Въ другихъ тетрадяхъ касаются вопроса, и теперь не менѣе современнаго и тревожнаго во Франціи, — требуютъ непремѣннаго

уничтоженія насильственной рекрутчины и набора по жребію, «какъ вносящихъ ужасъ и отчаяніе въ селахъ; вольное вербованіе, на издержки государства, всегда доставитъ ему столько людей, сколько требуется для его службы» (стр. 321. art. 181).

За этими общими требованіями, каждый заботится о своемъ. Въ требованіяхъ бретонскаго духовенства, напримѣръ, уже заранѣе можно видѣть грозу, разразившуюся позже вслѣдствіе католической нетерпимости. Окружное собраніе Нанта проситъ: 1) чтобъ покровительство короля и націи ограждало католическую, апостольскую и римскую религію, *единую истинную*, *господствующую* въ королевствѣ, и чтобъ содѣйствіе власти помогало энергически усердію духовенства; 2) чтобъ были приняты мѣры для подавленія вольностей прессы и книжной торговли, и для установленія ужасающихъ успѣховъ безвѣрія, роскоши и развращенія нравовъ (стр. 191. art. 1 и 2).

Ограничимся еще однимъ замѣчаніемъ о явленіи, которое поражаетъ при чтеніи этого грамаднаго и интереснаго матеріала для изученія дѣйствительной Франціи. Зло стараго порядка, заключавшееся, какъ въ недавнее время подтвердилъ Токвиль, преимущественно въ административной централизаціи, отразилось и въ «тетрадяхъ». Народъ, составители тетрадей не могли понять и опредѣлить себѣ ясно аттрибутовъ національнаго собранія; они видѣли въ немъ замѣну администраціи и думали, что его должно касаться рѣшительно все, что принадлежало прежде администрація. Несмотря на требованіе большинствомъ тетрадей учрежденія провинціальныхъ собраній и мѣстнаго самоуправленія, — очевидно изъ разныхъ частныхъ просьбъ разныхъ общинъ, что уже въ самомъ началѣ смѣшивали аттрибуты центральнаго, общаго, *національнаго* собранія—съ аттрибутами болѣе спеціальныхъ, *провинціальныхъ* собраній, и такимъ образомъ обращались къ національному собранію съ дѣлами, подлежавшими вѣдѣнію мѣстныхъ учрежденій. Эта путаница происходила отъ неестественнаго, непослѣдовательнаго образованія учрежденій, отъ отсутствія представительныхъ мѣстныхъ собраній, бывшихъ во Франціи столько же важными для общаго собранія, какъ и наоборотъ. Отсюда, напримѣръ, городъ Бордо высказываетъ очень серьезныя и понятныя требованія, но которыя не могли составлять занятія ни генеральныхъ-штатовъ, ни національнаго собранія: «Городъ Бордо проситъ о перенесеніи и перестройкѣ его госпиталя, *Hôtel-Dieu*, посредствомъ лотереи или какого другого средства, признаннаго удобнымъ на генеральныхъ-штатахъ; проситъ также объ устройствѣ пріюта для бѣдныхъ и сиротъ; исправительнаго дома для женщинъ худой жизни; дома для нищихъ просителей; дома для родильницъ, который могъ бы въ то же время служить школою для повивальныхъ бабокъ, и госпиталя для тайныхъ бо-

лѣзней,—учрежденій, не имѣющихся въ этой столицѣ (Бордо) или существующихъ въ неудовлетворительномъ состояніи» (стр. 145).

Другія общины обращаются къ генеральнымъ-штатамъ съ просьбами объ устройствѣ мѣстныхъ дорогъ и сообщеній. Частныя и мѣстныя обращенія къ генеральнымъ-штатамъ, не только общинъ, но и отдѣльныхъ всевозможныхъ корпорацій, доходятъ до того, что даже нантскіе парикмахеры заявляютъ слѣдующія гуманныя требованія: 1) хозяева-парикмахеры просятъ, чтобъ болѣе не производилось новыхъ патентовъ на хозяйства, число 92-хъ, нынѣ существующихъ,—уже слишкомъ значительно. 2) Чтобъ не было болѣе выдаваемо право на парикмахерство женщинамъ, такъ какъ сіе право принадлежитъ хозяевамъ-парикмахерамъ въ силу ихъ привилегіи» (стр. 217. Art. 162).

Но, революція не уважила требованія провинціальныхъ парикмахеровъ, и извѣстно, что ихъ парижскіе собратья платились въ революцію весьма дорого—еще болѣе, чѣмъ своими привилегіями,—часто головами, за свои парикмахерскія наклонности къ интригамъ.

Histoire de Napoléon 1-er, par *P. Lanfrey*. Paris. Charpentier. 1867. т. I-й, 478 стр. т. II-й, 510 стр. in-12°. 7 фр.

Къ исторіи Наполеона I-го обращаются въ послѣднее время не менѣе, чѣмъ къ исторіи революціи. Но для того, чтобъ отнестись справедливо и вѣрно къ новымъ сочиненіямъ о Наполеонѣ, должно непремѣнно имѣть въ виду то побужденіе, которое руководитъ писателями въ выборѣ сюжета; а здѣсь это побужденіе по бо́льшей части было вовсе не отвлеченное — научное. Бо́льшая часть замѣчательныхъ произведеній относительно Наполеона принадлежитъ врагамъ бонапартистскаго режима во Франціи. Изображая исторію Наполеона, его честолюбивые замыслы, его неуклонное стремленіе возвыситься на развалинахъ республики, его переворотъ 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), его насильственную диктатуру, сопровождавшуюся систематическимъ подавленіемъ всѣхъ вольностей, и эгоизмомъ, полнымъ жестокости, его военную неспособность и неумѣнье (здѣсь уже очевидна слѣпая вражда!),—предлагая публикѣ такую картину, авторы худо скрываютъ или даже и не хотятъ скрывать своего главнаго побужденія. А оно состоитъ въ томъ, чтобъ вызвать въ обществѣ отвращеніе къ подобному режиму, и разбить симпатіи Франціи къ бренной славѣ, которой приносились въ жертву кровь ея дѣтей и свобода ея учрежденій. Пробудивъ такія чувства, авторы надѣются, что общество перенесетъ ихъ, путемъ аналогіи,—на нынѣшній режимъ и вызоветъ противъ него общественную реакцію. Въ этомъ главная цѣль большинства сочиненій; таково направленіе *Кине* въ его революціи (т. II-й: Le 18 brumaire), *Дюфресса* (см. выше, II-й отдѣлъ: «Франц. парламентаристы»), *Барни* и *Шофуръ-Кестнера*, въ ихъ критическихъ и серьезныхъ разборахъ исторіи

Тьера [1]), и наконецъ умершаго три года тому назадъ въ изгнаніи, полковника *Шарраса*, въ его замѣчательныхъ трудахъ о Ватерлооской битвѣ и кампаніи 1815 года, и о войнѣ за независимость въ Германіи.

Надо замѣтить при этомъ, что вторая имперія оказала невольно плохую услугу первой. До нынѣшняго режима, первая имперія представлялась громадному большинству и націи и отдѣльныхъ личностей, эпохою величественною, полною поэзіи и отваги, олицетворенною героемъ, распространившимъ по всему міру «великій духъ французской свободы!!» Печальное столкновеніе лицомъ къ лицу съ второю имперіей, провозгласившей себя наслѣдницею первой, исполнительницей судебъ и предначертаній первой, — разбило иллюзіи и заставило отнестись къ Наполеону I-му не только трезво, но часто предвзято и озлобленно. Наконецъ, самое личное отношеніе династическихъ представителей наполеоновскихъ *идей*—значительно увеличиваетъ запутанность и неопредѣленность вопроса, потому что въ этомъ отношеніи высказалось слишкомъ явное противорѣчіе два года тому назадъ, когда принцъ Жеромъ-Наполеонъ вздумалъ выставить въ Аяччіо политику Наполеона I-го какъ идеалъ свободы, и когда императоръ счелъ нужнымъ публично опровергнуть двоюроднаго брата и прочесть ему выговоръ.

Сочиненіе Ланфре составляетъ исключеніе и заслуживаетъ вниманія читающей публики и по намѣренію автора и по исполненію труда. «Наполеона — говоритъ Ланфре — судили по большей части съ любовью или съ ненавистью. Послѣ смерти, какъ и при жизни, ему суждено было глубоко смущать сердца людей... Въ отвѣтъ на апотеозы и кажденія раздались суровыя бичеванія, хотя его слава и нашла себѣ болѣе поклонниковъ, чѣмъ порицателей. Я не чувствую въ себѣ ни предубѣжденій ненависти, ни изувѣрства или предразсудковъ энтузіазма, и я оттолкну какъ постыдное рабство всякое мнѣніе, которое могло бы мнѣ помѣшать преклониться предъ дѣйствительнымъ величіемъ.» Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ извѣстной либеральной партіи, принимающей республиканское начало и сочувствующей американскимъ учрежденіямъ [2]), Ланфре остается въ своемъ разсказѣ вѣренъ данному обѣщанію. Относясь несочувственно, съ полнымъ осужденіемъ, къ нынѣшнему режиму и къ 18 брюмеру, онъ все же признаетъ, въ качествѣ правдиваго историка, — геніальность и силу воли въ Наполеонѣ I-мъ.

Первыя главы, посвященныя юности и первымъ политическимъ поступкамъ, вступленіе Наполеона на политическую дорогу — крайне лю-

---

[1]) *Barni*, Napoléon et son historien, M. Thiers. Genève. — *Chaufour-Kestner*, Notes sur l'histoire du Consulat et de l'Empire de M. Thiers.

[2]) Ланфре принадлежитъ къ той же партіи, какъ и Лабуле, и которой органомъ служитъ *Revue Nationale*, гдѣ и печаталось сначала разбираемое сочиненіе.

бонытны, и едва ли были прежде изображены такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полно. Личность Наполеона, несмотря на отброшенныя авторомъ украшенія суевѣрнаго вымысла,—нисколько не теряетъ своего интереса. Авторъ ведетъ насъ на родину Наполеона, въ Корсику, напоминаетъ ея суровыя особенности, ея печальную борьбу за независимость въ то время, когда Наполеонъ былъ ребенкомъ и отрокомъ. «Родившійся среди бурь, онъ рано привыкъ къ ихъ смутамъ, и этому отчасти былъ обязанъ тѣмъ хладнокровіемъ, которое выказывалъ позже, среди революціоннаго хаоса.» Одиннадцати лѣтъ Наполеона отправили во Францію, въ школу въ Бріень. Мальчикъ, лишенный удобствъ другихъ товарищей, по бѣдности, въ которой находилось его семейство,—былъ угрюмъ, скрытенъ—предпочиталъ одиночество играмъ съ товарищами. Скоро онъ сталъ первымъ ученикомъ, и особенно отличался въ математикѣ и исторіи, въ которой его вниманіе особенно сосредоточивалось на древнихъ республикахъ—черта общая большинству революціонеровъ той эпохи. Въ 1785 году, онъ отправился въ Парижъ, въ военную школу. Бѣдность, недостаточность сравнительно съ товарищами, съ ихъ привычками—здѣсь еще болѣе, естественно, отдѣляли отъ нихъ юношу Наполеона, и онъ все болѣе уходилъ въ себя. Характеръ формировался, честолюбіе въ тайнѣ разыгрывалось. Но когда чрезъ годъ онъ отправился на службу въ провинцію—въ его мрачномъ характерѣ произошла замѣтная перемѣна; онъ испыталъ на себѣ вліяніе одной женщины, которая ласково приняла его и ввела въ свѣтъ. Это однако не мѣшало его работамъ; онъ ревностно занимался науками, и многотомныя извлеченія при занятіяхъ свидѣтельствуютъ о его громадной начитанности. Несмотря на перемѣну происшедшую въ его нравѣ, онъ далеко не преобразовался изъ угрюмаго корсиканца въ любезнаго француза. Его мысль, всѣ его стремленія принадлежали родинѣ, и онъ мечталъ стать освободителемъ своей Корсики. Только въ 1793 году, онъ покидаетъ повидимому всякую привязанность къ Корсикѣ и довѣряетъ свою судьбу Франціи,—здѣсь на болѣе широкомъ полѣ ищетъ онъ примѣненія своей широкой энергіи и еще болѣе широкому честолюбію. Съ этихъ поръ—говоритъ Ланфре—все кончено. Въ моментъ, когда Бонапартъ начинаетъ принадлежать исторіи—разсчетъ и честолюбіе превосходятъ въ немъ всякія другія побужденія. Теперь онъ избавился отъ всякой совѣстливости въ убѣжденіяхъ, теперь онъ внѣ всякаго политическаго увлеченія, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ побѣдителями, не будучи непримиримымъ врагомъ побѣжденныхъ,—избавленный отъ всѣхъ великодушныхъ иллюзій прежняго времени, измѣряющій своимъ взоромъ безпредѣльное поле, открывающееся предъ нимъ.

Мы полагаемъ, что кромѣ честолюбія и разсчета, Наполеонъ былъ движимъ еще иною силою, силою страсти, сознаніемъ своей воинской

геніальности и непреодолимымъ желаніемъ найти ей мѣсто, выходъ. Эта геніальность въ первый разъ выказалась при изгнаніи имъ англичанъ изъ Тулона, за что онъ и былъ произведенъ въ генералы артиллеріи. Ему было 24 года; въ то бурное время люди быстро жили и быстро проходили всѣ ступени къ общественной организаціи. Нѣсколько позже, въ октябрѣ 1795 года, Бонапартъ нашелъ случай выказать другія способности, свое умѣніе подавлять гражданскія смуты картечью (13-го вандеміера, 5-го октября). Этимъ умѣньемъ однако и ограничивались его гражданскія способности; позже, ставъ властелиномъ Франціи, онъ обобщалъ это умѣнье и подавлялъ не только возстанія и смуты, но и всякое проявленіе несогласія съ нимъ, самостоятельной мысли, смѣлаго выраженія; — въ этомъ заключалась вся его система внутренней политики (см. т. I, стр. 330), и для поддержанія ея онъ не задумывался ни предъ какимъ преслѣдованіемъ, ни предъ какою казнью.

Истинное назначеніе Наполеона было оставаться воиномъ, полководцемъ до тѣхъ поръ, пока была нужда въ немъ. Онъ умѣлъ вести массы на врага, умѣлъ возбудить ихъ заслуженное довѣріе, электризировать ихъ своимъ словомъ, своей личностью. Его видъ дѣйствительно производилъ громадное впечатлѣніе на массы. «Его маленькій ростъ — говоритъ Ланфре, описывая его торжественное вступленіе въ Миланъ, — его блѣдность, болѣзненная, истомленная худоба его тѣла, которое казалось пожираемо и поглощаемо огнемъ генія, и которое въ сущности было скована изъ стальныхъ мускуловъ, — все это овладѣвало воображеніемъ по той противоположности, которую оно представляло съ блестящими воинскими подвигами. Его взглядъ прямой и проницающій, его рѣзкій повелительный жестъ, его цезаревскій профиль, его отрывистый говоръ, его рѣшительный абсолютный тонъ, все обличало въ немъ человѣка, назначеннаго повелѣвать, и онъ до такой степени вошелъ въ свою роль съ перваго же дня, что было невозможно отличить въ его манерахъ напускное, заученное отъ врожденнаго.»

Впрочемъ, было исключеніе; нашлись разъ люди, на которыхъ Бонапартъ не умѣлъ произвести впечатлѣнія, и которые въ свою очередь смутили его — до потери чувствъ. Такая сцена именно произошла 19-го брюмера — 10 ноября 1799 г., когда Наполеонъ ворвался въ законодательный корпусъ съ солдатами, и когда депутаты бросились на него, чтобъ выгнать вонъ (т. I, стр. 471). Кромѣ того, въ первые годы его гражданской славы, въ немъ, въ его характерѣ, можно указать на качество, которое должно было погубить его даже какъ полководца. Наполеонъ былъ одаренъ слишкомъ пылкой фантазіей, и эта фантазія заставила позднѣйшихъ историковъ неосновательно объявить его помѣшаннымъ или неспособнымъ. Въ первый разъ фантазія сказалась въ дикой формѣ — въ предпринятіи похода въ Египетъ; дикость подобной фантазіи — по справедливому замѣчанію Ланфре — могла сравниться

только съ походомъ на Россію. Еслибъ онъ менѣе довѣрялъ себѣ, и болѣе полагался на другихъ, предоставляя законодательной власти располагать его воинскими способностями, тогда онъ избавился бы и отъ подобныхъ упрековъ и отъ другихъ, не менѣе тяжкихъ, лежащихъ на немъ съ самого начала его карьеры, — какъ напр., за миръ *Кампо-Форміо*, по которому онъ произвольно, вопреки всѣмъ требованіямъ французской верховной власти (директоріи), предательски бросилъ обезоруженную Венецію въ руки Австріи, и который повелъ ко всѣмъ комплікаціямъ въ распрѣ Италіи съ Австріей, разрѣшеннымъ только прусскою побѣдою 1866 года.

Второй томъ сочиненія Ланфре, занимаясь бо́льшей частью внутренними дѣлами Франціи, постепеннымъ возвышеніемъ Наполеона, постепеннымъ приближеніемъ его къ монархизму, и сосредоточеніемъ въ его рукахъ всей воли и власти надъ страной, — останавливается на разрывѣ Аміенскаго договора, въ маѣ 1803 года.

По сжатости изложенія и вмѣстѣ съ тѣмъ по полнотѣ, по легкости и картинности разсказа, по отсутствію пустыхъ фразъ и лирическихъ возгласовъ, по новизнѣ воззрѣній — книга Ланфре представляетъ интересное чтеніе, какъ научное, такъ и просто литературное.

III.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ІЕРЕМІИ БЕНТАМА [1]).

Переводъ избранныхъ сочиненій Бентама, предпринятый гг. Пыпинымъ и Невѣдомскимъ, является въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Приведеніе въ дѣйствіе судебной реформы оживило интересъ къ вопросамъ гражданскаго и уголовнаго права — интересъ, обращенный, это правда, преимущественно къ практической сторонѣ дѣла, но затрогивающій, мало по малу, и болѣе глубокія основанія его. Разработка дѣйствующихъ законовъ, критическій разборъ судебныхъ рѣшеній необходимо должны повести къ повѣркѣ коренныхъ началъ, на которыхъ построена цѣлая система законодательства. Знакомство съ этими началами распространено у насъ весьма слабо. Способствовать распространенію его всего лучше могутъ тѣ сочиненія, въ которыхъ

[1]) *Избранныя сочиненія Іереміи Бентама.* Т. I. — Введеніе въ основанія нравственности и законодательства. Основныя начала гражданскаго кодекса. Основныя начала уголовнаго кодекса. Перев. *А. Н. Пыпина* и *А. Н. Невѣдомскаго*, съ предисл. *Ю. Г. Жуковскаго*. Изд. Кн. Рус. Торг. Спб. 1867. Стр. 688. Ц. 3 р. 75 к.

съ оригинальностью и силою мысли соединена простота и общедоступность изложенія. Все, написанное Бентамомъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ и тому, и другому изъ этихъ условій. Его нельзя читать безъ нѣкотораго напряженія; но оно происходитъ не отъ туманности языка или неопредѣленности понятій, а отъ богатства мыслей и сжатости выраженія ихъ. Эти отличительныя свойства Бентама дѣлаютъ его довольно труднымъ для перевода; тѣмъ больше заслуга переводчиковъ, оставшихся вѣрными оригиналу и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣвшихъ сохранить его самобытную ясность. Мы сличали съ подлинникомъ нѣсколько отрывковъ изъ русскаго изданія, взятыхъ на-удачу, и постоянно находили переводъ правильнымъ и точнымъ. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы изданіе гг. Пыпина и Невѣдомскаго было доведено до конца, чтобы въ составъ его вошли всѣ главныя произведенія Бентама. До сихъ поръ — не говоря о переводахъ временъ императора Александра I-го, которыхъ теперь никто не читаетъ — переведено было на русскій языкъ только одно сочиненіе Бентама: «О судоустройствѣ», напечатанное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи и изданное затѣмъ отдѣльною книжкой.

Сочиненія Бентама требуютъ не бѣглой библіографической замѣтки, а подробнаго разбора, который мы и надѣемся представить въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Вѣстника Европы». Впрочемъ живую и рельефную характеристику главныхъ сторонъ ученія Бентама можно найти уже въ статьѣ Ю. Г. Жуковскаго, служащей предисловіемъ къ изданію гг. Пыпина и Невѣдомскаго.

К. А—въ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г-НА М.: „КНЯЖНА ТАРАКАНОВА И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМІРСКАЯ“ [1]).

Исторія мнимой дочери императрицы Елисаветы Петровны, молодой женщины, которая захвачена была графомъ Орловымъ-Чесменскимъ въ Ливорно и умерла въ Петропавловской крѣпости, — до настоящаго царствованія была извѣстна въ Россіи только по темнымъ слухамъ, на основаніи книгъ, изданныхъ за-границею. Дѣло считалось государственною тайной, и достаточно было этого обстоятельства, чтобы свѣдѣнія, распространенныя за-границею, проникнувъ въ Россію, принимались на вѣру. Иначе и не могло быть, при отсутствіи данныхъ, для критической провѣрки.

Но въ 1857 году, послѣдовало повелѣніе о передачѣ на разсмотрѣніе Втораго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи всѣхъ

---

[1]) Въ Рус. Вѣст. 1867: май, іюнь и августъ.

бумагъ, хранившихся въ государственныхъ архивахъ и относящихся къ этому дѣлу. Число такихъ бумагъ оказалось очень велико. Такъ, однѣ тѣ, которыя были отобраны у мнимой княжны Таракановой и у сопровождавшихъ ее поляковъ, составляютъ болѣе 300 нумеровъ. Кромѣ нихъ, сюда относятся подлинные акты слѣдственной коммиссіи, собственноручные рескрипты императрицы Екатерины II, донесеніе ей графа Орлова и проч., и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали встрѣчаться и въ нашей литературѣ историко-критическія статьи, основанныя на разныхъ источникахъ. Въ 1859 году, появились въ «Русской Бесѣдѣ» выдержки изъ писемъ аббата Рокатани, донесеній графа Орлова и рескрипта императрицы къ адмиралу Грейгу. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ томъ же году, была напечатана статья о княжнѣ Таракановой, составленная по сочиненіямъ Кастеры и Гельбига и дополненная по рукописному жизнеописанію Елисаветы Алексѣевны Таракановой. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860 года, была помѣщена замѣтка, въ которой указывалось на преданія о существованіи дочери Елисаветы Петровны (отъ брака ея съ Разумовскимъ). Въ 1865 году, по поводу извѣстной картины Флавицкаго, была помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» статья, доказавшая, что заключенная не погибла отъ наводненія 1777 года, а умерла отъ чахотки въ концѣ 1775 года. Въ ней упоминалось также о дѣтяхъ отъ брака Елисаветы Петровны съ Разумовскимъ, названныхъ Таракановыми по имени мѣста ихъ рожденія.

Въ нынѣшнемъ году, съ высшаго разрѣшенія было напечатано въ I-мъ томѣ «Чтеній», издаваемыхъ при московскомъ обществѣ русской исторіи и древностей — обширное извлеченіе изъ оффиціальной записки о княжнѣ Таракановой, съ прибавленіемъ подлиннаго текста документовъ относящихся къ дѣлу о ней, какъ-то: бумагъ, составленныхъ ею самою (въ томъ числѣ подложныя завѣщанія императора Петра I, императрицъ Екатерины I и Елисаветы), писемъ полученныхъ ею отъ разныхъ лицъ, донесеній графа Орлова и князя Голицына императрицѣ, наконецъ, рескриптовъ императрицы Екатерины II. Такимъ образомъ, государственная тайна о событіи, принадлежащемъ исторіи, перестала быть тайною, и обстоятельство это привело въ результату вполнѣ удовлетворительному: исторіи предоставляется произнести приговоръ надъ средствами, употребленными для достиженія политической цѣли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы пріобрѣли вѣрныя данныя, на основаніи которыхъ можемъ легко разоблачить миѳъ.

Но и этимъ дѣло не ограничилось: вслѣдъ за напечатаніемъ записки и документовъ въ «Чтеніяхъ», для русской публики, въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года появилась въ Берлинѣ, для иностранцевъ, на нѣмецкомъ языкѣ, та же самая записка, впрочемъ, болѣе полная, нежели та, которую мы пріобрѣли въ «Чтеніяхъ». По сравненію съ этой нѣ-

мецкой запиской, подписанной г. Г. Б., извѣстіе въ «Чтеніяхъ» можетъ показаться сокращеннымъ извлеченіемъ. Нѣмецкая брошюра носитъ заглавіе: «Мнимая дочь императрицы Елисаветы Петровны», съ примѣчаніемъ: «по актамъ императорскихъ русскихъ государственныхъ архивовъ [1])». Издатель говоритъ въ предисловіи: «Для прекращенія и за-границею басенъ о княжнѣ Таракановой, намъ было дозволено обнародовать записку вполнѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ приложеній. Это, именно, приложенія, не вошедшія въ русское изданіе.

Вслѣдъ за изданіемъ новыхъ документовъ въ «Чтеніяхъ», и одновременно, даже нѣсколько позже, — въ майской, іюньской и августовской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» нынѣшняго года—напечатана была статья г. М.: «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская». Статья г. М. не присоединяетъ ничего новаго объ этомъ предметѣ къ тому, что уже было извѣстно изъ «Чтеній», и составлена именно на ихъ основаніи. Но полнаго текста оффиціальной записки на нѣмецкомъ языкѣ авторъ не видалъ, не видалъ онъ также текста «новыхъ приложеній» къ нѣмецкой брошюрѣ, наприм., письма императрицы къ графу Орлову отъ 12 ноября 1774 года, какъ то слѣдуетъ изъ собственнаго его примѣчанія: «Текстъ письма 12 н. 1774 г. *неизвѣстенъ*» («Р. В.» т. LXIX, стр. 697). Изъ словъ, приводимыхъ авторомъ статьи по поводу этого письма, видно даже, что и содержаніе его было невполнѣ ему извѣстно. Ему было также неизвѣстно письмо императрицы къ графу Орлову отъ 22 марта 1775 года, написанное по полученіи имъ словесныхъ объясненій отъ его адъютанта Кристенека. Однимъ словомъ, г. М. имѣлъ предъ собою не полные матеріалы и писалъ на основаніи сокращенной записки, между тѣмъ какъ нѣмецкая литература представила уже по этому вопросу болѣе широкое основаніе. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ настоящей нашей библіографической замѣткѣ.

Оставляя въ сторонѣ самую записку г. Г. Б., представляющую, впрочемъ, какъ мы замѣтили, несравненно бо́льшую полноту, нежели записка въ «Чтеніяхъ», обратимъ вниманіе на новыя приложенія, не вошедшія въ «Чтенія» и слѣдовательно неизвѣстныя читателямъ статьи г. М. Первое мѣсто между такими приложеніями занимаютъ два собственноручныхъ рескрипта императрицы Екатерины II графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, отъ 12 ноября 1774 года [2]), и отъ 22 марта 1775 года изъ Москвы:

1. „Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 27 сентября со всѣми приложеніями исправно доставлено въ мои руки, и камеръ-юн-

[1]) Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna. — Nach den Acten des Kaiserlich Russischen Reichsarchiv's. Berl. 1867.

[2]) Послѣдовалъ въ отвѣтъ на донесеніе присланное Орловымъ 27 сентября.

керъ Домашневъ, присланный вами съ этими деньгами, мною надлежаще награжденъ и вскорѣ будетъ, согласно вашему желанію, отправленъ въ Италію. На ваше собственное письмо отвѣчаю слѣдующее. Во-первыхъ, вижу съ удовольствіемъ, что вами приняты всѣ мѣры для возвращенія флота въ наши воды, и при этомъ полагаюсь вполнѣ на ваше многократно доказанное усердіе. Во-вторыхъ, ваше поздравленіе съ заключеніемъ мира пріемлю какъ новый знакъ вашего постояннаго рвенія, вашей любви ко мнѣ, каковую я всегда держу въ памяти. Въ-третьихъ, ваше желаніе относительно поимки злодѣя Пугачева исполнилось: онъ живъ и привезенъ въ Москву, подъ добрую и крѣпкую стражу 4 числа сего мѣсяца. Доселѣ еще не видно, чтобы иностранныя державы или иноземцы были замѣшаны въ этомъ гнусномъ дѣлѣ; но раскольники въ немъ участвовали, что нынѣ со всѣмъ прилежаніемъ дознается. Равнымъ образомъ, болѣе пятидесяти главныхъ коноводовъ шайки привезены въ Москву, между ними и Перфильевъ, который вполнѣ отдался планамъ злодѣя, открывъ ему, съ какими порученіями былъ посланъ, и еще сомнительно, онъ-ли прислалъ казака съ предложеніемъ поймать злодѣя, или казакъ высказалъ это о немъ, дабы добыть деньги и уйти съ ними; по крайней мѣрѣ, Перфильевъ не вязалъ злодѣя и былъ пойманъ во время сраженія въ другой шайкѣ, а допросъ его и собственное его показаніе доказываютъ его довѣріе къ злодѣю, привязанность его къ нему. Въ-четвертыхъ, письмо, обращенное къ вамъ обманщицею [1]), я прочла и нахожу его сходнымъ съ тѣмъ, которое она писала графу Н. Панину. Здѣсь извѣстно, что въ іюлѣ она находилась съ княземъ Радзивилломъ [2]) въ Рагузѣ, и я совѣтую вамъ послать кого либо туда, дабы разслѣдовать о ея мѣстопребываніи и гдѣ она находится, и если возможно, заманите ее въ такое мѣсто, гдѣ вамъ было бы легко посадить ее на одинъ изъ нашихъ кораблей и прислать сюда подъ крѣпкимъ надзоромъ. Если же она все еще проживаетъ въ Рагузѣ, то я уполномочиваю васъ симъ послать туда одинъ или нѣсколько кораблей, съ требованіемъ выдать эту тварь, которая такъ нагло всклепала на себя невозможное имя и званіе, а на случай непослушанія, позволяю вамъ употребить угрозы, если же потребуется наказаніе, то бросить нѣсколько бомбъ въ городъ; буде же возможно достичь цѣли безъ шуму, то соизволяю и на это. Быть можетъ, что изъ Рагузы она отправилась въ Паросъ и только показываетъ будто прибыла изъ Константинополя. Въ-пятыхъ, изъ писемъ друзскихъ князей я съ удовольствіемъ узнала о вашемъ воинскомъ успѣхѣ противъ Бейрута и о привязанности тѣхъ князей къ вамъ. Въ-шестыхъ, что касается разоренныхъ сербскихъ се-

---

[1]) Въ этомъ письмѣ, безъ числа и обозначенія мѣста, она старалась склонить Орлова на свою сторону.

[2]) Извѣстный Карлъ Радзивиллъ, panie Kochanku, палатинъ виленскій.

мействъ, я одобряю ваше мнѣніе, и вы можете прислать ихъ, на основаніи трактата о мирѣ, на судахъ, въ наши порты, на Черномъ морѣ, когда то окажется нужнымъ. Въ-седьмыхъ, если бы вы услыхали, что миръ нарушенъ, то не вѣрьте такому слуху: онъ былъ бы тѣмъ болѣе невѣроятенъ, что туркамъ предстоятъ новыя затрудненія, такъ какъ цесарцы заняли около трехсотъ верстъ въ Молдавіи, аванпосты ихъ стоятъ въ шести верстахъ отъ Хотина, и генералъ Барко уже сообщилъ молдавскому дивану, что его дворъ предъявляетъ притязанія на эти округи. Будьте благополучны, будьте здоровы, я же вамъ благосклонная — Екатерина".

2. „Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Чрезъ вашего генеральнаго адъютанта Кристенека получила я третьяго-дня отъ васъ увѣдомленіе, что контръ-адмиралъ Грейгъ 35 дней тому сошелъ съ ливорнскаго рейда, и буде онъ не зашелъ въ какую либо гавань, то, полагаю, приближается къ Балтійскому морю; вѣроятнѣе однако же, что онъ присталъ къ Англіи, такъ какъ у насъ море еще не освободилось отъ льдовъ. Изъ тѣхъ же писемъ вашихъ я узнаю, что вамъ удалось ту женщину, которая дерзнула выдавать себя за дочь покойной императрицы Елисаветы Петровны взять подъ стражу, вмѣстѣ съ ея такъ-называемою свитою. Въ семъ вашемъ дѣйствіи я узнаю постоянное ваше усердіе во всемъ, что сколько нибудь относится къ служенію мнѣ, что меня нынѣ, какъ и прежде, радуетъ. Должно полагать, что въ такой сумасшедшей бродягѣ никто не приметъ теплаго участія, а напротивъ, всякъ опасаться будетъ косвенно или прямо показать, что находился въ какомъ либо къ ней отношеніи. Польскимъ конфедератамъ эта комедія, какъ многія плохія выдумки, отъ нихъ исшедшія, послужатъ только къ новому, большему посрамленію. Относительно княгини Роксандры Гика скажу вамъ, что такъ какъ она ищетъ моего покровительства, вы можете сообщить ей, что я дозволяю ей прибыть, съ семействомъ, въ Россію. Вѣроятно, она будетъ искать, чрезъ наше посредство, какого либо вознагражденія отъ Порты, и я рада ей помочь. Отправить ее, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, предоставляю лучшему вашему разумѣнію. Прилагаю при семъ письмо къ англійскому королю о кавалерѣ Диккѣ [1]). О прибытіи эскадры контръ-адмирала Басбала я узнала изъ вашихъ писемъ и надѣюсь, что всѣ мои суда вскорѣ оставятъ Архипелагъ, сообразно съ мирнымъ договоромъ, который нынѣ султаномъ вполнѣ ратификованъ — и разнѣненная ратификація доставлена сюда, вслѣдствіе чего 18 марта подпи-

[1]) Англійскій генеральный консулъ въ Ливорно. Онъ за услуги, оказанныя Россіи при войнѣ съ турками, получилъ орденъ св. Анны и называлъ себя вслѣдствіе того сэръ Джонъ Диккъ, хотя не былъ ни баронетомъ, ни кавалеромъ (knight) англійскимъ. За услуги при попыкѣ мнимой Таракановой онъ получилъ деньги. Въ письмѣ своемъ къ англійскому королю, Екатерина имѣла въ виду отклонить отъ Дикка отвѣтственность своимъ покровительствомъ.

санъ мною прилагаемый у сего манифестъ, и трактатъ печатно обнародованъ; однако сепаратныя статьи, хотя и онѣ ратифицированы, по желанію турокъ остаются секретными. Турки уже начали исполненіе (трактата), и нашъ повѣренный въ дѣлахъ Петерсонъ принялъ уже 3000 кошельковъ. Эти деньги, съ прибавленіемъ расходовъ для посольства, я посылаю въ Голландію, для уплаты долговъ. Впрочемъ пребываю и проч. — Екатерина".

Не менѣе также замѣчательны другіе два документа: 1) указъ фельдмаршалу князю Александру Михайловичу Голицыну, отъ 22 марта 1775 г. (с.-петербургскому генералъ-губернатору), и 2) собственноручный рескриптъ контръ-адмиралу Грейгу, изъ села Коломенскаго, отъ 16 мая 1775 года.

„Князь Александръ Михайловичъ! Тридцать шесть дней тому назадъ, контръ-адмиралъ Грейгъ со своею эскадрою оставилъ рейдъ ливорнскій, и должно полагать, если онъ не пристанетъ къ Англіи или не остановится въ Копенгагенѣ, то ко вскрытію моря придетъ въ Ревель или прямо въ Кронштадтъ, о чемъ нехудо бы извѣстить адмиралтействъ-коллегію, для приготовленій, буде то нужно. Господинъ Грейгъ, какъ я полагаю, нѣсколько поспѣшитъ, такъ какъ онъ везетъ на своемъ кораблѣ пойманную, ту женщину, которая, вездѣ бродя съ негоднымъ Радзивилломъ, осмѣлилась выдавать себя за дочь покойной императрицы Елисаветы Петровны. Графу Орлову удалось поймать ее, и онъ шлетъ ее сюда съ двумя, находившимися при ней поляками, ея служанкой и камердинеромъ, на этихъ судахъ, и контръ-адмиралу приказано никому ее безъ именного указа не выдавать. Посему, моя воля есть, дабы вы, когда Грейгъ прибудетъ въ Кронштадтъ, приказали принять эту женщину и посадить ее въ Петропавловскую крѣпость, подъ отвѣтственность коменданта, который имѣетъ также кормить ее, до дальнѣйшаго моего повелѣнія, отдѣливъ ее отъ поляковъ, состоящихъ въ ея свитѣ. Въ случаѣ же, если Грейгъ прибудетъ къ Ревелю, то имѣете вы распорядиться слѣдующимъ образомъ: въ Ревелѣ есть рабочій домъ; напишите тамошнему вице-губернатору, чтобы онъ сообщилъ вамъ, приличное ли это мѣсто для помѣщенія тамъ этой особы; поляковъ же на первое время можно содержать въ крѣпости.

Письма этихъ негодныхъ бродягъ теперь разсматриваются, и что окажется, а также, кто глава во всей этой комедіи, будетъ вамъ сообщено; извѣстно только, что она Пугачева называла роднымъ братомъ. Остаюсь къ вамъ благосклонна. — Екатерина."

„Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ! Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа увѣдомилась, васъ поздравляю, и весьма вѣстію сею обрадовалась. Чтоже

касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу, князю Голицыну, въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во всегдашней моей памяти и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства. — Екатерина *).“

Къ числу такихъ же новыхъ приложеній къ нѣмецкой запискѣ слѣдуетъ отнести и донесеніе фельдмаршала, князя Александра Михайловича Голицына. Вотъ, самый текстъ донесенія:

„Извѣстная, находившаяся на флотѣ контръ-адмирала Грейга женщина, два поляка, ее сопровождавшіе, пятеро служителей и служанка, наконецъ, 26-го мая, въ два часа утра привезены въ Петропавловскую крѣпость и заключены въ назначенныя для нихъ камеры равелина. Прибывъ того же дня въ крѣпость, я засталъ эту женщину въ немалой досадѣ по этому случаю, такъ какъ она — позабывъ свои прежнія безстыдства — никогда не могла думать, что ее подвергнутъ таковому заключенію. Выражая мнѣ свое изумленіе по этому поводу, она спросила: почему съ ней столь жестоко поступаютъ? Я тотчасъ пригласилъ ее подумать о причинѣ этого, весьма основательнаго обращенія, и сталъ ее всячески убѣждать, чтобы она на всѣ вопросы, которые ей будутъ предложены, отвѣчала сущую правду, нескрывая въ признаніи никого изъ своихъ пособниковъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ задавать ей вопросы на французскомъ языкѣ (такъ какъ она не знаетъ по-русски), а отвѣты ея записывать въ русскомъ переводѣ. Исторія ея жизни исполнена невозможностей и походитъ болѣе на басню; но ничего изъ сказаннаго ею, она, несмотря на многократное увѣщаніе, не беретъ назадъ, не признается также, что распространяла о себѣ, подъ вымышленнымъ именемъ, слухи, хотя и была спрашиваема на основаніи показаній Доманскаго [1]). Такъ какъ въ настоящее время не имѣю необходимыхъ доказательствъ для уличенія ея, то я не счелъ нужнымъ съ самаго начала подвергать ее ограниченіямъ относительно пищи или, удаливъ отъ нея служанку, осудить ее на временное молчаніе (ибо изъ приставленныхъ къ ней для надзора никто не знаетъ иностраннаго языка), тѣмъ болѣе, что отъ продолжительнаго пребыванія на кораблѣ, а особенно, отъ нравственнаго волненія, она больна. Сколь можно заключить изъ рѣчей ея и манеры, у нея страстный, вспыльчивый характеръ, проницательный умъ и поня-

*) Этотъ рескриптъ приведенъ въ статьѣ г. М., но такъ, какъ онъ былъ напечатанъ въ «Русской Бесѣдѣ», въ 1854 году (о чемъ, впрочемъ, въ статьѣ г М. не упомянуто). — *Ред.*

[1]) Одинъ изъ сопровождавшихъ ее поляковъ. Онъ былъ влюбленъ въ нее.

тіе, и много познаній; говоритъ она по-французски и по-нѣмецки въ совершенствѣ и съ чистымъ выговоромъ. Она показываетъ, что, посѣтивъ разные народы, нашла въ себѣ большую способность къ изученію языковъ, какимъ образомъ и выучилась по-англійски и по-итальянски въ короткое время, и въ пребываніе свое въ Персіи по-арабски и по-персидски. Впрочемъ, она средняго роста, худощава, стройна, имѣетъ волосы темные, глаза каріе, слегка коситъ, длинный согнутый носъ, отчего походитъ на итальянку. Но какъ она больна, то я приказалъ допустить къ ней врача, который, посѣтивъ ее, объяснилъ мнѣ, что полагаетъ жизнь ея въ опасности, такъ какъ она, при сухомъ кашлѣ, иногда харкаетъ кровью. Вслѣдствіе того, дабы облегчить ея положеніе, я приказалъ перевесть ее изъ равелина въ комнаты подъ квартирой коменданта, каковыя равномѣрно охранены отъ взглядовъ постороннихъ. Что касается обоихъ поляковъ, то можно, повидимому, допустить, что они вполнѣ вѣрили въ мнимое имя этой женщины и посему, какъ бродяги, присоединились къ ней, надѣясь составить тѣмъ, со-временемъ, свое счастіе. Что касается трехъ слугъ поляковъ и двухъ итальянцевъ, коихъ эта женщина приняла въ свое услуженіе еще въ Римѣ, то они на допросѣ не высказали ничего такого, что служило бы къ обличенію женщины и поляковъ, а разсказали только, что на основаніи слуховъ почитали ее за принцессу. Присемъ, всеподданнѣйше прилагаю показанія женщины, поляковъ и служанки, и ожидаю высочайшихъ вашего императорскаго величества повелѣній. С.-Петербургъ. 31-го мая, 1775. — Князь Александръ Голицынъ.“

Въ заключеніе, мы обязаны предупредить читателя, что не всѣ приведенные нами документы могутъ быть названы русскимъ переводомъ съ оригинала, писаннаго на иностранныхъ языкахъ *): два документа, а именно, первый и послѣдній, явля-

*) Во время приготовленія настоящаго листа къ печати, мы получили только-что вышедшій первый томъ «Сборника», изданнаго Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Впрочемъ, и въ этомъ томѣ не вполнѣ оправдались ожиданія нашего корреспондента; не всѣ, повидимому, документы нѣмецкой записки вошли въ составъ сообщенныхъ К. К. Злобинымъ «бумагъ изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой». — Мы возвратимся еще къ этому новому и въ высшей степени интересному изданію Русскаго Историческаго Общества, а теперь ограничимся указаніемъ на его составъ. Въ первый томъ вошли: 1) Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова, и рескрипты и инструкціи, имѣющія отношеніе къ архипелагской экспедиціи, сообщенныя княземъ Н. А. Орловымъ; 2) Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой, сообщ. К. К. Злобинымъ; 3) Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ, сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ; 4) Письма его же къ г-жѣ Жоффренъ, сообщ. А. Ѳ. Гамбургеромъ; 5) Письма генерала Аракчеева и учебныя книги и тетради В. Кн. Александра Павловича, сообщ. М. И. Богдановичемъ; 6) Дневная записка путешествія имп. Екатерины II въ Могилевъ; 7) Обширная и весьма любопытная пере-

ются у насъ обратнымъ переводомъ, такъ какъ въ нѣмецкой брошюрѣ оба эти документа сами составили переводъ съ русскаго языка. Эта же самая нѣмецкая брошюра извѣщаетъ, что «Петербургское Историческое Общество» уже началò печатаніе другихъ, относящихся къ тому же вопросу документовъ. Весьма было бы желательно, чтобъ издатели не ограничивались только тѣмъ, что въ такихъ документахъ разъясняетъ дѣло кн. Таракановой: приведенные нами выше документы показываютъ, что въ нихъ встрѣчаются весьма любопытныя и весьма важныя извѣстія, помимо интереса, какой представляетъ самый процессъ.

Р.

Берлинъ. Октябрь, 1867.

писка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата, сообщ. княземъ М. А. Оболенскимъ, и т. д. Нельзя не поблагодарить издателей за алфавитный указатель, присоединенный къ первому тому, изданному подъ наблюденіемъ членовъ Общества А. Ѳ. Бычкова и секретаря А. А. Половцова. — *Ред.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Декабрь, 1867.

«Однимъ годомъ меньше въ жизни, однимъ опытомъ больше» — весьма справедливая мысль въ практикѣ отдѣльнаго человѣка, но и то съ оговоркою, что повторять пройденный опытъ всегда придется въ другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ: дни слѣдуютъ другъ за другомъ, но не повторяются; то же можно сказать о годахъ и вѣкахъ въ великой жизни всего человѣчества. Задача историческаго прогресса состоитъ для людей не въ томъ, чтобы съ новою мудростью возвращаться къ старому, но чтобы охотно приступать ко всему новому съ старою опытностью. На сколько же наша современная общественная мудрость сдѣлалась старше, готовясь скоро выйти изъ школы приближающагося къ концу года и какихъ обновленій ожидаютъ отъ насъ его ближайшіе преемники?

Въ эту минуту еще каждый самъ служитъ живою лѣтописью и свидѣтелемъ текущаго года; перечень фактовъ еще у всякаго въ памяти. Мы хотѣли бы только указать на ихъ общій характеръ. Со временемъ историки, вѣроятно, будутъ излагать нашу эпоху по образцу старыхъ грамматикъ, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, хотя, правда имъ придется не разъ противъ многихъ вопросовъ помѣчать коротко: «остались безъ отвѣта!» или помѣстить такой отвѣтъ, который вовсе не отвѣчаетъ на вопросъ — и послѣднее случается нерѣдко. За то и между вопросами окажутся такіе, на которые, по извѣстной пословицѣ, и десять умныхъ не отвѣтятъ. Откуда же такое множество вопросовъ? отчего наше время такъ любитъ вопросительный знакъ? Если вопросы задаются самою жизнью, то для рѣшенія такихъ вопросовъ непремѣнно бываютъ всѣ данныя въ самой жизни: посаженный въ хорошую землю желудь даетъ непремѣнно отъ себя дубъ, и мы напрасно мучили бы себя вопросами, что́ должно вырости изъ этого желудя?

Обращаясь къ основному характеру политической исторіи Европы

за послѣднее время, приводя себѣ на память разнообразные ея факты, мы невольно поражались все болѣе и болѣе однимъ общимъ явленіемъ. Съ одной стороны, въ отдѣльной жизни новѣйшихъ европейскихъ народовъ слишкомъ рѣзко отдѣляется внутренняя и внѣшняя политика, такъ что мораль одной признается негодною для другой, и оказывается невозможнымъ примирить цѣли, которыя одновременно преслѣдуются у себя и у другихъ; однимъ словомъ, великое начало: «не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ» — совершенно утрачиваетъ свою силу во внѣшней политикѣ; хотя справедливость требуетъ прибавить, что случается прямо обратное, а именно: не могутъ у себя допустить того добра, которое защищаютъ у другихъ. Есть правительства великихъ націй, которыя во внѣшней политикѣ защищаютъ самые великодушные принципы и держутъ высоко знамя цивилизаціи и прогресса, покровительствуютъ угнетеннымъ національностямъ — всѣмъ, кромѣ той, которою управляютъ сами, и наоборотъ. Для Россіи, напримѣръ, считается чуть не преступленіемъ смотрѣть на русскій языкъ, какъ на языкъ всего государства; во Франціи пишутся однако книги для достиженія подобной же цѣли, какъ напримѣръ, только-что вышедшее сочиненіе Вирта (Par. 1867): Des moyens et des méthodes à employer pour propager la langue nationale dans les parties de l'Alsaces et de la Lorraine, ou l'idiome allemand est encore en usage — что значитъ вкратцѣ: о распространеніи *народнаго* языка въ Эльзасѣ и Лотарингіи, гдѣ еще употребляется нѣмецкій діалектъ. Въ Италіи цѣлые педагогическіе съѣзды опредѣляютъ изгнаніе изъ школъ всѣхъ мѣстныхъ нарѣчій и т. д., и т. д.

Мы никогда не кончили бы, еслибъ захотѣли продолжать списокъ всѣхъ противорѣчій внутренней и внѣшней современной политики и логики, какъ европейскихъ государствъ, такъ и общественныхъ настроеній, и наше потомство не добилось бы никакими усиліями до того, чтобы разобрать, во что же мы въ самомъ дѣлѣ вѣрили, и почему дважды два въ иномъ случаѣ давало въ результатѣ четыре, а другой разъ—пять, и шесть, и такъ далѣе ad libitum.

Такого рода мысли должны особенно тревожить французскихъ публицистовъ, и потому много любопытнаго представляетъ въ себѣ недавно появившееся въ печати разсужденіе Прево-Парадоля о внутренней и внѣшней политикѣ современной Франціи. Слѣдя за событіями послѣдняго времени, въ качествѣ журналиста, Прево-Парадоль собралъ всѣ свои политическія письма, и, издавъ ихъ подъ особымъ заглавіемъ: «Quelques pages d'histoire contemporaine (4-me série, Par. 1867), присоединилъ къ нимъ новое обширное введеніе. Для образца внутренней политики, онъ избралъ настоящее положеніе политической прессы во Франціи, и, видя, что ее терпятъ только подъ условіемъ безцвѣтности, слабости, вялости и ничтожества — аттрибуты, при которыхъ

ей дозволяется выступить на арену политики,—онъ сравнилъ нынѣшнюю политическую прессу Франціи, ея дебаты и движенія въ пустомъ пространствѣ съ публичными игрищами временъ римской имперіи, «когда *divinus* Коммодъ, одѣтый Геркулесомъ, весьма либерально дозволялъ съ нимъ состязаться больнымъ и раненымъ, которыхъ вытаскивали на этотъ случай изъ римскихъ больницъ, и одерживалъ знаменитыя побѣды, но всегда съ условіемъ, чтобы на арену не допускали никого изъ пользующихся здоровыми и сильными мышцами». Сравненіе не требуетъ разъясненій: французское правительство на столько либерально, что удостоиваетъ борьбы политическіе органы своей страны, выражающіе общественное мнѣніе, слѣдовательно, какъ-бы считается съ этимъ мнѣніемъ, но выходитъ побѣдителемъ только потому, что на арену допускаются органы не иначе, какъ подъ условіемъ какого нибудь увѣчья.

На кого же возложить отвѣтственность за такое невыгодное положеніе политической прессы во Франціи, невыгодное, какъ для общества, потому что оно лишено возможности откровенно говорить о своихъ нуждахъ, невыгодное и для правительства, потому что оно вводится въ самообольщеніе своими легкими побѣдами, подготовленными заранѣе, а въ тяжелую минуту кризиса окажется, что нѣтъ тѣхъ силъ, которыя оно само въ себѣ предполагаетъ? Вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ Прево-Парадоль, и тутъ же отвѣчаетъ на него слѣдующимъ размышленіемъ:

«Французская конституція (на основаніи всеобщей подачи голосовъ) — говоритъ Прево-Парадоль — возлагаетъ отвѣтственность на одного императора, и его величество отвѣчаетъ одинъ за все въ государствѣ. Но, по чистой совѣсти, мы не вправѣ на него возлагать такую отвѣтственность: отвѣтственность императора, весьма возможная и очевидно справедливая во всемъ, что касается веденія дѣлъ *внѣшней* политики, обращается въ фантомъ, а слѣдовательно и несправедливое требованіе (со стороны общества), если мы вздумаемъ ожидать того же отъ императора во *внутренней* политикѣ и особенно въ одномъ частномъ ея случаѣ, а именно, въ болѣе или менѣе благоразумномъ, въ болѣе или менѣе справедливомъ примѣненіи законодательства о печати....»

Прево-Парадоль не оставляетъ своей мысли безъ объясненія ея надлежащимъ примѣромъ: «Одного примѣра — говоритъ онъ — достаточно, чтобы показать на различіе между свойствомъ внутренней и внѣшней политики, по отношенію ихъ къ власти императора. Въ сентябрѣ 1863, французское правительство претерпѣло тяжелое пораженіе (тяжелое въ ту эпоху, но еще легкое сравнительно съ тѣмъ, что мы должны были испытать три года спустя, т. е. въ мексиканскую экспедицію) въ своей *внѣшней* политикѣ. Мы разумѣемъ переговоры

того времени въ пользу Польши и тѣ безразсудныя ноты, которыми Россія пренебрегла съ такою же гордостью, какъ и безнаказанностью. Журналъ *la Presse,* редактируемый въ тѣ года писателемъ, который могъ ошибаться, но которому никогда не отказывали въ талантѣ и энергіи, горько осуждалъ эту несчастную нашу дипломатическую кампанію и обвинялъ во всемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ отвѣтъ на это нападеніе, Друенъ-де-Люисъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, далъ напечатать въ *Moniteur*, 23 сентября 1863, слѣдующую замѣтку:

«Газета *La Presse* помѣстила нѣсколько статей, возлагающихъ всю отвѣтственность за нашу внѣшнюю политику на одного министра иностранныхъ дѣлъ. Осуждая вмѣстѣ и управленіе дѣлами и способъ веденія дѣлъ, эта газета показала непониманіе духа нашихъ государственныхъ учрежденій. По господствующему нынѣ у насъ принципу, идея, направляющая всѣ дѣла, исходитъ отъ самого императора. Министръ отвѣчаетъ только за одно ихъ выполненіе».

Французскій публицистъ, признавая не лестнымъ (pas très flère) такое заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ, въ тоже время полагаетъ, что оно безукоризненно и въ отношеніи конституціонной точки зрѣнія, и въ отношеніи правды, и въ отношеніи дѣйствительности. Прево-Парадоль совершенно согласенъ съ тѣмъ, что Наполеонъ III можетъ весьма удобно быть собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но — спрашиваетъ авторъ — возможно ли ему быть собственнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ? т. е. дозволяетъ ли самая природа внутреннихъ дѣлъ возлагать всю отвѣтственность по дѣламъ внутренней политики на Наполеона III? Будетъ ли справедливо утверждать, и могъ ли бы онъ въ дѣйствительности, а не на пергаминѣ конституціи, нести подобную отвѣтственность? Не требуетъ ли самая дробность, мелочность внутренней политики, чтобы Наполеонъ III, сохраняя всю отвѣтственность по дѣламъ внѣшнимъ, сложилъ бы такую отвѣтственность по внутреннимъ дѣламъ на своего министра? Прево-Парадоль идетъ даже далѣе и говоритъ: «Я осмѣлился бы сказать, безъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ лести императору, что я весьма сожалѣю о необходимости для императора слагать во внутреннихъ дѣлахъ отвѣтственность на министра.... Прежде всего, самъ императоръ — бывшій журналистъ; самъ употреблялъ и (прибавимъ, не оскорбляя его) злоупотреблялъ печатью, пользуясь при этомъ, относительно права публично выражать мысли, большею свободою въ своей темницѣ, нежели я теперь среди бѣлаго дня подъ его управленіемъ, между тѣмъ, я не бралъ въ руки оружія ни противъ одного установленнаго правительства, и не домогался никогда верховной власти.»

Прево-Парадоль предпочитаетъ, такимъ образомъ, имѣть и министра внутреннихъ дѣлъ въ самомъ императорѣ; искренне ли его пред-

почтеніе или не искренне: этотъ вопросъ не важенъ для насъ въ настоящую минуту. Мы останавливаемся на его главной мысли *о невозможности вести во Франціи однимъ и тѣмъ же способомъ, какъ внѣшнюю политику, такъ и внутреннюю.* Это положеніе у него обратилось въ догматъ, и надобно сознаться, оно, дѣйствительно, составляетъ характеристическую черту европейской исторіи послѣдняго времени, — черту, которая одна въ состояніи намъ объяснить тѣ аномаліи и противорѣчія, которыми, какъ мы сказали выше, страдаетъ наше время и бьется въ формѣ чуть не ежедневно рождающихся вопросовъ. Арена внѣшней политики, при этомъ догматѣ нашего времени, поддерживаемомъ даже и такимъ публицистомъ, какъ Прево-Парадоль, является чѣмъ-то въ родѣ шахматной доски, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ ловкая комбинація, умѣнье пожертвовать пѣшкой, если слѣдующій ходъ обѣщаетъ мнѣ вознагражденіе; шахматный игрокъ правъ, потому что субъекты, на головѣ которыхъ онъ строитъ свои комбинаціи, выточены изъ дерева или изъ кости, и по окончаніи игры всѣ становятся опять на свои мѣста, не смотря на то, что въ предъидущую игру считались убитыми. Но другое мы должны сказать объ игрокѣ, ареною котораго служитъ живая исторія народовъ, гдѣ фигуры не выточены изъ дерева или изъ кости, а имѣютъ плоть и кровь. Между тѣмъ Прево-Парадоль не допускаетъ одинаковыхъ законовъ для внѣшней и внутренней политики; по его мнѣнію, одна послѣдняя не находитъ себѣ возможности для régime personnel, на томъ основаніи, что несправедливо возлагать отвѣтственность на Наполеона III въ дѣлахъ внутренней политики, такъ какъ чрезвычайное разнообразіе и мелочность внутренней жизни требуютъ делегаціи не только для императора, но даже и министръ осужденъ силою вещей имѣть опять своихъ делегатовъ въ префектахъ, и такъ далѣе до послѣдняго чиновника. Внѣшняя политика представляетъ, по мнѣнію французскаго публициста, большое удобство для régime personnel: всѣ ея нити могутъ быть стянуты въ одинъ кабинетъ; народы могутъ быть даже перенумерованы, и если политикъ пріобрѣтаетъ славу побѣдителя въ дипломатической игрѣ, пожертвовавъ какой нибудь пѣшкой, то никто не будетъ говорить объ этой пѣшкѣ потому, что самая партія все-таки выиграна.

При такомъ слишкомъ рѣзкомъ разграниченіи во взглядахъ на значеніе внутренней и внѣшней политики, наше время характеризуется обратнымъ явленіемъ, а именно чрезвычайнымъ смѣшеніемъ той и другой политики въ общихъ дѣлахъ Европы. Почти нѣтъ ни одного внутренняго вопроса болѣе важнаго, чтобы этотъ вопросъ не принялъ тотчасъ же внѣшняго характера. Даже, если Данія вздумаетъ продать о. св. Оомы Сѣверо-американскимъ Штатамъ, другія державы поспѣшатъ сдѣлать свои представленія по этому дѣлу. Италія хочетъ быть

Италіею и распространить на жителей Рима начала лучшаго управленія — ей говорятъ, что это внѣшній вопросъ. Турція настаиваетъ на томъ, что желаетъ сохранить единство, въ которомъ однако допускалось бы строгое раздѣленіе подданныхъ на полноправныхъ и совсѣмъ безправныхъ, на людей и животныхъ, т. е. другими словами, не желаетъ имѣть у себя внутренняго государства, и слѣдов., открываетъ двери всякому, кто изъ чувства человѣческаго достоинства не согласится быть нѣмымъ свидѣтелемъ человѣческихъ страданій — но несмотря на все то находятся политики, которые считаютъ кандійское возстаніе дѣломъ внутреннимъ для Турціи, а въ тоже время римскій вопросъ или польскій вопросъ признаютъ внѣшнимъ для Италіи и Россіи. Если въ послѣднемъ отправлялись, по выраженію Прево-Парадоля, «безразсудныя ноты», а въ первомъ — посылались войска, то это произошло только отъ различія въ силахъ противниковъ, но достоинство факта одно и тоже.

Подобная политическая нравственность современной эпохи унаслѣдована нашимъ временемъ отъ пресловутой эпохи Вѣнскаго Конгресса, со времени котораго мы были осуждены: въ жизни отдѣльныхъ народовъ строго отличать внутреннюю и внѣшнюю политику, и наоборотъ, въ комбинаціяхъ внѣшней политики считать правомъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Отъ будущаго времени слѣдуетъ ожидать установленій одинаковой морали для внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ; это само собою уничтожитъ возможность и для разсчетовъ внѣшней политики задерживать внутреннее развитіе сосѣда и считать такое развитіе преступленіемъ въ международныхъ отношеніяхъ.

При тѣсной связи, которую представляетъ современная политическая мораль съ отдаленнымъ отъ насъ по времени Вѣнскимъ Конгрессомъ, весьма любопытно появившееся на дняхъ изданіе графомъ Мюнстеромъ политическихъ депешъ своего отца, игравшаго важную роль на Вѣнскомъ Конгрессѣ, именно по устроенію разрушеннаго нынѣ Германскаго союза, которымъ тогда замѣняли только-что разрушенную имперію. Это изданіе носитъ заглавіе: *«Politische Skizzen über die Lage-Europa's vom Wiener Congress bis zur Gegenwart* (Berl. 1867), т. е.: «Политическіе очерки положенія Европы отъ Вѣнскаго Конгресса до настоящаго времени». По своему политическому интересу письма гр. Мюнстера не уступятъ «Дневнику» Фр. Гентца. Графъ Мюнстеръ, уроженецъ ганноверскій, провелъ значительную часть своей жизни въ Лондонѣ, при дворѣ Георга III; въ 1801 г., былъ отправленъ англійскимъ королемъ въ качествѣ посланника, за Ганноверъ, въ Петербургъ, а въ 1814 г. его назначили представителемъ Ганновера на Вѣнскомъ Конгрессѣ. Отъ 17 сентября 1814 года до 14 іюня 1815 г., графъ Мюнстеръ отправлялъ постоянно секретныя депеши въ Англію къ принцу-регенту, которыя и изданы теперь его сыномъ. Въ этихъ

письмахъ, иногда весьма обширныхъ, гр. Мюнстеръ очертилъ самыми живыми красками всѣ интриги, обманы, взаимную измѣну, путемъ которыхъ изготовлялся Священный союзъ и будущій порядокъ Европы. Для характеристики Вѣнскаго Конгресса, это — весьма замѣчательный документъ. Особенно любопытны для насъ тѣ депеши, въ которыхъ рисуется положеніе о ходѣ польскаго вопроса, занимавшаго тогда первое мѣсто въ ряду всѣхъ многочисленныхъ затрудненій. Приведемъ небольшіе отрывки, чтобъ дать понятіе о цѣломъ значеніи писемъ гр. Мюнстера:

«Что касается — пишетъ гр. Мюнстеръ изъ Вѣны, отъ 17 ноября 1814 года — до важнѣйшихъ интересовъ Европы въ настоящую минуту, то два изъ нихъ, а именно — вопросъ о бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ и о Саксоніи, покрываютъ собою всѣ остальные, такъ какъ отъ ихъ рѣшенія, повидимому, зависитъ вопросъ, придетъ ли конгрессъ къ какому нибудь результату, и кончится ли все миромъ или войной.... Несчастный польскій вопросъ цѣлый годъ угрожалъ спокойствію Европы. Въ свою очередь онъ дѣлится на два различные вопроса, которые кажутся одинаково ужасными: 1) вопросъ о присоединеніи герцогства Варшавскаго къ Россіи, что угрожало бы границамъ Австріи и Пруссіи; 2) вопросъ о возстановленіи королевства польскаго, котораго одно существованіе было бы уже причиною тревогъ бывшихъ польскихъ провинцій, предоставленныхъ Австріи и Пруссіи. Молчаніе императора Александра относительно этихъ пунктовъ вызвало много сомнѣнія и ложныхъ мѣръ.... Кэстльри было поручено вступить въ непосредственные переговоры съ императоромъ.... Главнымъ аргументомъ съ нашей (т. е. союзниковъ) стороны послужила святость договоровъ, а именно императору Александру (въ опроверженіе его плановъ возстановить Польшу) ссылались на секретную статью 1797 г., въ силу которой три договаривающіяся державы обѣщались никогда не поднимать вопроса о возстановленіи королевства польскаго.... Отвѣтъ императора былъ таковъ, что обстоятельства, при которыхъ былъ заключенъ договоръ, измѣнились.... Вопросъ о Саксоніи въ эту минуту, можетъ быть, еще важнѣе для спокойствія Европы, нежели польскій вопросъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднее время мысли кабинетовъ о польскомъ дѣлѣ значительно перемѣнились. Сначала, повидимому, боялись возстановленія Польши, не независимой, а подъ властью русскаго императора. И тогда не сомнѣвались, что этотъ проэктъ въ концѣ концовъ обратится противъ самой Россіи, но думали, что одно имя польскаго королевства произведетъ возмущеніе въ австрійскихъ и прусскихъ провинціяхъ, отдѣленныхъ отъ древней его короны. А Франція опасалась въ особенности того, что присоединеніе Польши къ Россіи при всей своей не-

прочности, успѣетъ однако дать Россіи средство къ уничтоженію Оттоманской Порты....

«Теперь же, увидѣвъ очень ясно, что императоръ Александръ можетъ устроить себя въ Европѣ съ характеромъ завоевателя, эти же самые кабинеты (т. е. прежде противившіеся возстановленію Польши) поняли, что стремленіе русскаго императора — дать Польшѣ конституцію независимо и отдѣльно отъ Россіи, есть не что иное, какъ ловушка которую онъ ставитъ самъ себѣ, и которая, запутавъ его, обратитъ Польшу въ спасительную преграду между завоевательными планами Россіи и остальною Европою. Князь Меттернихъ повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, что съ этой минуты Австрія объявляетъ себя главною покровительницею польской свободы, и готова послѣ этого дѣлать всякія уступки по вопросамъ о границахъ, по мѣрѣ того, какъ императоръ Александръ будетъ стараться обезпечить независимость Польши.»

Не менѣе замѣчательна по этому же вопросу роль Пруссіи, дальновидность и откровенная честность прусскаго канцлера князя Гарденберга, конечно не снискавшая себѣ потому довѣрія окружавшихъ его. Въ другомъ письмѣ, отъ 17 декабря 1814 г., гр. Мюнстеръ замѣчаетъ по поводу предоставленія переговоровъ о польскомъ дѣлѣ съ русскимъ императоромъ князю Гарденбергу: «Должно сознаться, что посредничество, возложенное на прусскаго министра, не могло предсказывать намъ счастливаго результата.... Государственный интересъ Пруссіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Польши, находится въ прямой противоположности съ остальною Европою. Пруссіи казалось, что ея польскія земли будутъ плохо обезпечены, какъ только императоръ Александръ своими планами возстановитъ королевство польское — начнетъ тѣмъ самымъ сѣять сѣмена будущихъ возстаній.»

Въ письмахъ гр. Мюнстера встрѣчается также много относящагося лично къ императору Александру и рисующаго взгляды на него современниковъ и самихъ современниковъ:

«Прискорбно видѣть, какъ измѣняется императоръ Александръ, желая диктаторски рѣшать дѣла въ цѣлой Европѣ.... Между прочимъ, онъ сказалъ герцогу Саксенъ-Кобургскому, что онъ ни во-что́ не ставитъ династіи и такъ называемыя династическія права, когда дѣло идетъ объ интересѣ государствъ. — Разсуждать такъ — значитъ ниспровергать важнѣйшія гарантіи спокойствія государствъ....»

Такіе памятники, какъ письма гр. Мюнстера, возвращаютъ насъ всего лучше къ источнику современной политической нравственности, который относилъ «ловушки» къ числу орудій для своихъ дипломатическихъ побѣдъ.

I.

ОБЩІЙ ВЗЛЯДЪ НА ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ ВЪ РОССІИ.

Послѣдняя книжка нашего журнала, заканчивая годъ, совпадаетъ съ окончаніемъ перваго созыва земскихъ собраній. Читатели можетъ быть ждутъ отъ насъ опять обзора ихъ дѣятельности, подобнаго сообщенному нами за прошлый годъ. Но, на этотъ разъ, мы считаемъ необходимымъ измѣнить нѣсколько *форму* прежнихъ нашихъ обозрѣній. Для того чтобы объяснить причину, насъ къ тому побудившую, мы просимъ позволенія вернуться далеко назадъ и напомнить всю исторію развитія нашего общества за послѣднее время: только тогда намъ уяснится многое въ современномъ положеніи земства, только тогда мы вѣрнѣе поймемъ лежащую впереди его задачу и путь къ ней, прямой и вѣрный. Пора намъ стать лицемъ къ лицу съ правдою жизни, пора очнуться, пора говорить языкомъ возмужалыхъ людей, выбившихся изъ подъ чужой указки, не повторяющихъ заученныхъ фразъ, смѣло и откровенно высказывающихъ то, что́ даетъ окружающая среда, что́ непосредственно вырабатывается внутри общества, не заботясь, какъ понравится тѣмъ или другимъ результатъ вынесенныхъ каждымъ изъ насъ личныхъ впечатлѣній.

Когда обнародовано было земское положеніе,—и общество и печать встрѣтили эту реформу холоднѣе, нежели всѣ другія, въ послѣднее время совершившіяся. На это было много причинъ, но была одна главная, серьезная и знаменательная. До сихъ поръ реформы появлялись, какъ Минерва изъ головы Юпитера, во всеоружіи: такъ или иначе,—онѣ были закончены и по своему характеру, и по своей внѣшней отдѣлкѣ; онѣ обращались только къ *исполнительнымъ* способностямъ русскаго человѣка, а такихъ у него всегда оказывалось много въ запасѣ,—русскій человѣкъ воспиталъ ихъ въ себѣ цѣлою своею жизнію. Возьмите, напримѣръ, самую важную, коренную изъ послѣднихъ реформъ,—освобожденіе крестьянъ: отъ общественнаго дѣятеля она требовала только, чтобы онъ отрѣшился отъ стараго порядка вещей и принялъ «Положеніе», какъ готовую программу своей дѣятельности; отъ общества она требовала, чтобы оно помирилось съ новымъ строемъ жизни и приняло готовыя условія, предложенныя ему тѣмъ же «Положеніемъ». Земское положеніе было первою реформою, которая являлась въ зародышѣ и по характеру своему, и по внѣшней отдѣлкѣ: все въ ней было неопредѣленно, все носило характеръ временный и измѣнчивый, все предоставлено было иниціативѣ и самодѣятельности общества. Она,—эта реформа,—обращалась къ *созидающимъ способностямъ* нашего об-

щества, т. е., давала ему пищу непривычную и трудно переваримую, которую ему постоянно и строго запрещали,—боясь органическаго разстройства. Понятно, что и общество, и печать встрѣтили на первыхъ порахъ эту реформу холодно, какъ всякую *неизвѣстность;* но вотъ она пробыла у насъ три года: посмотримъ же какъ она пришлась по нашему организму, какіе созидающіе элементы вскрыла она и привела въ движеніе среди нашего общества...

Въ земствѣ сошлись всѣ три сословія, изъ которыхъ составлено наше общество: крестьянство, городское промышленное сословіе и дворянство.

Когда крестьянскіе выборные собрались въ первый разъ для назначенія земскихъ гласныхъ, для нихъ эта общая неизвѣстность земскаго дѣла осложнялась многими другими соображеніями самаго неутѣшительнаго свойства: лишніе расходы, дальняя поѣздка, непривычное житье въ уѣздномъ городѣ, занятіе дѣломъ, никогда не бывшимъ въ рукахъ, дѣломъ, которое, вмѣсто облегченія, пожалуй, ляжетъ новымъ налогомъ... Поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ заключать, что первый совывъ крестьянскихъ гласныхъ былъ *самый лучшій* и *самый цѣлесообразный:* были *исключенія* въ ту и другую сторону, въ одномъ мѣстѣ крестьяне посылали дѣйствительно самыхъ развитыхъ людей, въ другомъ они наряжали недоимщиковъ, какъ для отбыванія общественной повинности; но въ большинствѣ случаевъ выборъ происходилъ безъ всякихъ особыхъ соображеній: посылались люди потолковѣе и грамотные, чтобы съумѣли понять въ чемъ дѣло, прочесть и разсказать. Что же принесли съ собою эти люди? Крѣпкую солидарность между собою, какъ несокрушимый результатъ общиннаго быта и мірской сходки, глубокій практическій смыслъ, вѣрно оцѣнивающій близкія къ нимъ и непосредственныя отношенія общественной жизни и мирное настроеніе, то благодушіе, которое всегда отличаетъ спокойную, здравую силу, готовую на сдѣлки и соглашенія, на которыхъ основана гражданская жизнь. Это тотъ тройной рычагъ, который приводитъ въ движеніе русскую массу, который придаетъ ей неодолимую мощь и служитъ живымъ ручательствомъ ея грядущаго торжества и великаго призванія. Люди, близко стоящіе къ земскому дѣлу, глубоко въ томъ убѣдились; они отдаютъ полную справедливость дѣятельности и политичному такту, выдержкѣ крестьянскихъ гласныхъ, считая ихъ за самое здоровое и полезное ядро земскихъ учрежденій. Для доказательства этого существуетъ не мало фактовъ, и единичныхъ и общихъ, и мелкихъ и крупныхъ. Выборъ лучшихъ людей въ земство всегда встрѣчалъ самую единодушную поддержку со стороны крестьянскихъ гласныхъ; дѣйствительно, полезная дѣятельность всегда отъ нихъ отъ первыхъ получала простую, но искреннюю и теплую благодарность. Тамъ, гдѣ цѣлый составъ земскихъ учрежденій хлопоталъ о безпри-

страстіи и справедливости, гдѣ крестьяне видѣли добросовѣстное желаніе облегчить лежащія на нихъ тягости, гдѣ существовало непринужденное и истинное равенство между гласными, — тамъ крестьяне вникали въ дѣло, первые приходили и внимательно слушали, тамъ они подавали свой голосъ, тамъ они вѣрили другимъ сословіямъ и готовы были на всевозможныя уступки въ земскихъ раскладкахъ, чтобы излишне не обременить и безъ того тяжелое положеніе другихъ плательщиковъ. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ, между земскими учрежденіями и крестьянскими обществами возникла живая, прочная связь: волости присылали свои приговоры въ управы съ объясненіемъ своихъ нуждъ, гласные являлись въ собраніе съ письменными уполномочіями, въ которыхъ сходъ обращался къ земству и возбуждалъ разные вопросы; крестьяне смотрѣли на земство, какъ на что-то свое, имъ близкое, въ которомъ они сами участники и хозяева, на равнѣ съ другими [1]). Тамъ, гдѣ большинство ошибочно держало крестьянскихъ гласныхъ вдалекѣ отъ зейскаго дѣла и лишало ихъ всякой самостоятельности,—крестьяне держались вмѣстѣ и упорно молчали; но въ этомъ упорномъ молчаніи высказывался самый краснорѣчивый протестъ людей, понимающихъ свое случайное безсиліе. Но даже и тамъ, гдѣ крестьянскіе голоса брали перевѣсъ, — расходясь съ мнѣніями другихъ сословій, — крестьяне отличались безпристрастною умѣренностію: такъ, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ крестьяне, большинствомъ однихъ своихъ голосовъ, оцѣнили свои земли *вдвое выше* помѣщичьихъ. Изъ массы подобныхъ фактовъ, повторявшихся вездѣ, въ видѣ общаго правила, допускающаго лишь случайныя, отдѣльныя исключенія, нельзя не вывести заключенія, что въ *крестьянскомъ населеніи люди перваго созыва поняли свое призваніе.* Земское дѣло привилось къ массѣ, привилось въ трехъ стахъ пунктахъ, въ глубинѣ захолустьевъ, проникло въ крестьянскую избу и обсуживается на мірскомъ сходѣ.

---

[1]) Считаемъ полезнымъ привести здѣсь слѣдующее заявленіе Ветлугскихъ гласныхъ крестьянъ: «Покорнѣйше честь имѣемъ просить земскую управу, какъ уже земское собраніе три раза открывалось, коимъ навсегда остаемся признательны; но что касается до крестьянскаго быта по возвращеніи насъ въ свои жительства, какъ волостныя, такъ и сельскія начальства, а особенно крестьяне во время сходовъ, намъ какъ гласнымъ, никакого уваженія не производится, кто какъ вздумалъ, такъ всячески и обзываетъ безобразіемъ; имѣютъ за нами причину, что какъ имъ угодно было, и чтобы земское собраніе такъ и дѣлало въ ихнюю пользу; о чемъ покорнѣйше просимъ земскую управу сообщить волостнымъ старшинамъ, чтобы оные дерзкіе поступки прекратить крестьянамъ, и намъ, *какъ присяжнымъ лицамъ*, дѣлать дѣятельность.» Заявленіе это не отличается изящною формою, но это лучшее ручательство, что оно не подсказано; между тѣмъ какой въ немъ глубокій смыслъ! Гласные сознаютъ свое достоинство, въ качествѣ *присяжныхъ людей*, представителей не отдѣльныхъ волостей, а цѣлаго своего земства, въ которомъ мелкіе мѣстные интересы должны подчиняться пользамъ всего уѣзда и всѣхъ сословій.

Всего холоднѣе отнеслось къ земскому дѣлу промышленное городское сословіе. На это существуютъ многія самыя разнообразныя причины. Во-первыхъ, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, опредѣляя составъ земскихъ собраній, поставило въ такую тѣсную и неизбѣжную зависимость городскихъ гласныхъ отъ сельскихъ, что за первыми не обезпечено даже *фактически* право—имѣть своихъ представителей въ губернскомъ собраніи [1]), а въ уѣздномъ, они совершенно подавляются перевѣсомъ голосовъ крестьянскихъ и землевладѣльческихъ, солидарныхъ между собою гораздо болѣе, нежели съ городомъ. Между тѣмъ, имущественныя отношенія города и уѣзда, — а слѣдовательно и размѣръ, падающихъ на нихъ повинностей—находятся между собою далеко не въ такой неравной пропорціи, что́, въ особенности, замѣтно въ уѣздныхъ собраніяхъ, къ которымъ причислены губернскіе города. Такъ, въ Херсонскомъ уѣздномъ собраніи, земли сельскихъ владѣльцевъ оцѣнены въ 13,025,437 р., а городскія земли, городское недвижимое имущество и гильдейскіе капиталы, принадлежащіе городамъ — въ 12,453,193 р.; всѣ другіе разряды облагаемыхъ предметовъ, — изъ которыхъ цѣнность нѣкоторыхъ не показана,—падаютъ преимущественно на сторону города, такъ что общая цѣнность всего городского имущества *по крайней мѣрѣ равна* общей цѣнности сельскаго; а между тѣмъ въ уѣздное земское собраніе сельское земство посылаетъ большее число гласныхъ, нежели города (Херсонъ, Николаевъ и Бериславъ съ пригородами). Само собою разумѣется, что при такомъ стѣсненномъ положеніи, по условіямъ самаго законодательства, городское сословіе не могло быть очень заинтересовано въ земскомъ дѣлѣ. Во-вторыхъ, само сельское земство, во многихъ случаяхъ, слишкомъ неуравнительно и неосторожно воспользовалось выгодами своего положенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, городскія промышленныя заведенія и купеческіе капиталы были обложены слишкомъ высоко, и на эти исключительныя данныя могъ указывать законъ 21 ноября для своего мотивированія. Вездѣ жалобы городскихъ сословій на неуравнительность уѣздныхъ раскладокъ, обращенныя къ губернскимъ собраніямъ, — а такихъ жалобъ было много, — отвергались послѣдними безъ всякаго разсмотрѣнія, на основаніи буквы закона, не разрѣшающей губернскимъ собраніямъ отмѣны уѣздныхъ раскладокъ, по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ и сословій. Съ *легальной* точки зрѣнія, губернскія собранія были правы; но ничто имъ не мѣшало, — для сохраненія добрыхъ сословныхъ отношеній, разобрать эти жалобы, и, въ случаѣ справедливости, высказать о нихъ свое мнѣніе, *необязательное* для уѣздныхъ собраній. Такое дѣйствіе не запрещено положительно буквою закона; напротивъ, правомѣрность его истекаетъ

[1]) Кромѣ Петербурга, Москвы и Одессы, думы которыхъ сравнены съ уѣздными собраніями.

прямо изъ смысла «Положенія». Между тѣмъ невниманіе земскихъ собраній къ нуждамъ и жалобамъ городского общества заставило послѣднее искать и найти защиту и опору помимо земства, — у администраціи. Такой исходъ, разумѣется, еще болѣе охладилъ взаимныя отношенія и повредилъ доброму согласію. Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ или независящихъ отъ самого городского сословія обстоятельствъ, въ немъ самомъ есть внутреннія, существенныя причины его равнодушія. Что промышленное сословіе неохотно отрывается отъ своихъ занятій, что оно предано имъ всецѣло и смотритъ на все остальное, какъ на менѣе важное, лежащее преимущественно на другихъ сословіяхъ и составляющее для нихъ главный предметъ занятій, удѣлъ, отведенный имъ въ народной производительности, — все это понятно, естественно и не можетъ быть иначе. Не одну замкнутость и исключительность ихъ — можно даже извинить отчасти городамъ гордость, часто неумѣстную, проявляющуюся въ неловкихъ формахъ и мѣшающую общему дѣлу, — это все-таки *гордость труда*, своими руками нажившаго и сберегшаго матеріальную силу, на которую городъ опирается. Но есть недостатки, которые не допускаютъ — никакихъ извиненій. Это какое-то упорное, безконечное равнодушіе ко всякому общественному дѣлу, касается ли оно цѣлаго общества или даже своего сословія; это скупой, рѣшительный отказъ отъ всякого пожертвованія, — изъ общественнаго долга, а не изъ пустаго чванства, — пожертвованія на земское хозяйство, куда, — надо правду сказать! — безропотно и сознательно несетъ послѣдній свой грошъ обремененный болѣе всѣхъ крестьянинъ, послѣдній рубль обѣднѣвшій землевладѣлецъ. Исключеніе составляютъ только общія думы, гдѣ городское сословіе освѣжено приливомъ другихъ: тамъ общественное дѣло не заснуло, и ихъ гласные не бездѣйствовали въ земскихъ собраніяхъ. Одно это указываетъ на необходимость обѣщанной городской реформы, которая должна такъ много измѣнить бытъ нашихъ городовъ... Какъ бы то ни было, — должно сознаться, что *городскіе гласные перваго призыва почти отреклись отъ земскаго дѣла* [1]).

---

[1]) Какъ примѣръ непріязненныхъ отношеній городовъ къ земству, мы приведемъ слѣдующіе факты изъ «отчетовъ херсонскаго уѣзднаго собранія». Земская управа хотѣла сдѣлать правильную оцѣнку городскихъ имуществъ, но николаевская дума отказала дать депутата и свѣденія; городъ Берославъ также не сдѣлалъ оцѣнки, и потому трудъ таковой оцѣнки, совершенный въ Херсонѣ земствомъ и депутатами отъ города, собраніе должно было пока оставить безъ послѣдствій. Николаевская дума рѣшительно не признала земской раскладки на гильдейскіе капиталы, и городъ не заплатилъ ни одной копѣйки съ имѣющихся въ немъ питейныхъ заведеній. Херсонская дума, не смотря на повторенія управы, не доставила свѣденій о садахъ, и они не могли быть введены въ оцѣнку, по нормѣ принятой для нихъ собраніемъ. Съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, по раскладкѣ на 1866 годъ, слѣдовало поступить 3686 р., города не заплатили ничего!? Земское собраніе рѣшило: «Взявши во вниманіе явное неподчиненіе города Николаева земскимъ учрежденіямъ и медленность производства дѣлъ

Мы не смѣемъ думать, чтобы такое положеніе продлилось: оно должно измѣниться, — живые люди не отрекаются отъ живыхъ учрежденій.

Преобладающую массу между личными землевладѣльцами составляетъ дворянство: незначительное меньшинство другихъ, съ тожественными интересами, совершенно ему подчинилось и отъ него не отдѣляется. И такъ, что́ принесъ съ собою *старшій возрастъ дворянъ-землевладѣльцевъ*, призванный къ земскому дѣлу? Еслибы безпристрастный посторонній наблюдатель, незнакомый съ послѣдними событіями нашей жизни, проѣхалъ по нашимъ городамъ и всмотрѣлся въ эту среду, — то онъ сказалъ бы, что она не только не имѣетъ никакой программы, но что у нея нѣтъ въ виду никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, что она живетъ со дня на день, служитъ, посѣщаетъ клубы или играетъ въ карты; что въ ней нѣтъ не только партій, но никакихъ общественныхъ связей, кромѣ родственныхъ и служебныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдатель безпрестанно встрѣчалъ бы людей двухъ оттѣнковъ: одни ничего не желаютъ, на все сердятся и всѣмъ недовольны; другіе желаютъ чего-то, но никакъ сами не могутъ опредѣлить, чего именно, и тоже недовольны. Наблюдатель, конечно, полюбопытствовалъ бы узнать, что́ это за люди и какъ они называются? Ему сказали бы, что это *люди стараго* и *новаго порядка*, *дворянская партія* и *либералы*, *крѣпостники* и *красные*. Тогда онъ спроситъ: за чѣмъ же этой по большей части праздной, апатичной толпѣ приданы такія яркія, указывающія на борьбу и движеніе, названія? Отъ чего такой простой вопросъ не представился давно уже каждому изъ насъ?!.. Когда настаетъ пора дѣятельности и слагается партія, она получаетъ имя. Окончившееся дѣйствіе смѣняется другимъ, старая программа уступаетъ мѣсто новой, встаютъ другіе люди, — а имя долго еще остается и переживаетъ когда-то покрытое имъ содержаніе. Такъ, въ Англіи подъ стариннымъ именемъ «виговъ» и «тори» издавна собираются приверженцы постоянно мѣняющихся политическихъ стремленій. Если очередь дѣйствія не прерывается, если одна программа непосредственно вытекаетъ изъ другой, — то имя не имѣетъ значенія: бойцы каждой стороны хорошо знаютъ свое знамя и не за-

---

херсонской думы и бериславской ратуши, принести жалобу на первую г. министру внутреннихъ дѣлъ, а на послѣднія—губернатору». Между тѣмъ, земство вовсе не заслуживало такой непріязни: съ 1866 г. земство выдавало въ пособіе херсонской женской прогимназіи по 1000 р. ежегодно, открыло въ г. Херсонѣ двѣ школы для первоначальнаго обученія, и тратитъ на нихъ по 1200 р.; въ 1867 г. отпустило въ пособіе городу Николаеву на улучшеніе народныхъ школъ 1000 р., приняло бериславскую больницу въ самомъ безнадежномъ состояніи, тогда какъ городъ рѣшительно отказался принять участіе въ ея содержаніи и проч. Конечно, и здѣсь не безъ исключеній. Такъ, новгородское купечество съ первой поры примкнуло къ земству, и оттого новгородское земство, — представляющее дѣйствительное единство всѣхъ сословій, такъ ярко выдѣлилось своею полезною дѣятельностію и достигло, судя по времени и средствамъ, такихъ громадныхъ результатовъ.

ботятся, подъ какой кличкой они извѣстны другимъ. Иное дѣло если нѣтъ ни дѣйствія, ни программы, а есть только имя и сражающіеся. Печально состояніе общества, гдѣ, послѣ тревогъ пережитой реформы, вмѣсто необходимаго успокоенія и возврата къ нормальной жизни, изъ конца въ конецъ гудитъ запоздалое эхо; гдѣ люди принимаютъ за водруженное знамя туманный, неуловимый миражъ и, при слабомъ его мерцаніи, съ ожесточеніемъ бьются между собой, забывая всякое доброе дѣло. Къ несчастію, мы находимся именно въ этомъ состояніи общаго, — повальнаго недоразумѣнія. Передъ крестьянской реформой, жизнь каждому задавала крутой вопросъ: «быть или не быть освобожденію?» Каждый изъ землевладѣльцевъ долженъ былъ отвѣчать на него самому себѣ, каждый невольно долженъ былъ стать на ту или на другую сторону. Тогда было время дѣйствія; тогда предъ каждымъ лежала опредѣленная, простая программа, которую даже и обойти было нельзя; тогда сами собою естественно образовались партіи, и безъ нихъ трудно было обойтись. Въ эту эпоху отдѣлилась партія людей новаго порядка, которыхъ противники называли *красными*, а въ обществѣ они слыли за *либераловъ*. Эта партія достойна была послѣдняго названія въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Чистая, какъ слеза, свободная отъ всякихъ заднихъ мыслей, безкорыстно и съ сознаніемъ святости своего дѣла, — эта немногочисленная партія собрала въ себѣ все, что́ было лучшаго, мыслящаго, нравственно развитаго въ обществѣ, и увидѣла рѣшеніе своей великой задачи. Въ исторіи такимъ партіямъ, какъ *люди временъ редакціонныхъ коммиссій*,—отъ дѣйствовавшихъ и помогавшихъ до искренне сочувствовавшихъ, — отводится почетное мѣсто,—а наши теперешніе *либералы* ставятъ ихъ ни во что! Все противное, все непавидѣвшее этихъ людей и не переваривавшее стремленія къ новой реформѣ заклеймено было названіемъ *крѣпостниковъ*, которое удачно характеризовало людей, старавшихся удержать рабство. 19-е февраля прекратило эти партіи, у нихъ не осталось почвы подъ ногами, ихъ raison d'être миновался: крѣпостникамъ некого было закрѣплять, освободителямъ—некого освобождать. Казалось бы, страсти должны были улечься, названія—потерять значеніе. Но крестьянская реформа, ставъ совершившимся фактомъ, выдвинула вмѣстѣ съ собою уже не партію, а цѣлый готовый, новый *слой* общественный. Въ немъ, къ людямъ стараго закала, къ прежнимъ дѣятелямъ освобожденія, — присоединились и искренніе новые приверженцы эманципаціи, и люди поклоняющіеся всякому успѣху, и привыкшіе безусловно подчиняться торжествующему, модному направленію, и разсчитывавшіе на личныя выгоды, и случайно попавшіе въ этотъ слой, во время общей сумятохи. Все это перемѣшалось подъ именемъ *либераловъ*, идя въ разбросъ другъ съ другомъ, не имѣя никакой общей цѣли, никакой программы, но продолжая каждый называть людей другихъ убѣжденій

безразлично *крѣпостниками*. А между тѣмъ крѣпостниковъ, *какъ партіи*, послѣ 19 февраля 1861 года не было и не могло быть. Изъ бывшихъ крѣпостниковъ,—въ смыслѣ противниковъ ожидаемаго освобожденія, — большинство махнуло рукою и пассивно покорилось своей участи, сознавая безсиліе свое бороться съ закономъ, опирающимся на массу и администрацію, и сохраняя только осадокъ желчи, при случаѣ вырывающійся наружу; много перешло въ либералы, одни искренно, другіе для виду, не желая оставаться въ рядахъ побѣжденныхъ и потерявшихъ значеніе; нѣкоторые даже умерли, не выдержавъ удара. Были, конечно и есть въ настоящее время, не только желающіе возврата крѣпостного права, но вѣрящіе въ его возможность; такіе люди скорѣе жалки, нежели опасны. Были и есть люди, разсчитывающіе вновь закабалить массу экономическими пріемами, но это единицы, много кружки, также не составляющіе партіи, ибо у нихъ нѣтъ ни связи между собою, ни опредѣленной программы, ни силъ, ни тѣхъ экономическихъ условій, которыя бы обезпечивали за ними успѣхъ и потому представляли бы опасность въ общественномъ отношеніи. Бороться противъ этихъ единицъ и кружковъ, — и законно, и нравственно обязательно; но это есть борьба противъ a, b, c, противъ отдѣльныхъ случаевъ. Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ *борьбою партій*, ее можетъ вести только тотъ, кто стоитъ близко, кто сталкивается съ подобными единицами и кружками; но быть всегда въ оборонительномъ положеніи, искать враговъ и видѣть ихъ во всякомъ лицѣ, принадлежащемъ къ извѣстной экономической группѣ, — вотъ это-то и составляетъ отличительный характеръ того общаго заблужденія, которое у насъ всему мѣшаетъ и порождаетъ всѣ наши общественныя недоразумѣнія. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ эманципаціи, было довольно много помѣщиковъ, которые старались, при составленіи грамотъ, обойти крестьянъ и какъ можно болѣе, обезпечить свою пользу: но это дѣлалось вовсе не изъ политическихъ соображеній и зависѣло не отъ крѣпостническаго или либеральнаго направленія лица, а просто отъ большей или меньшей честности его вообще въ своихъ сдѣлкахъ и дѣйствіяхъ. Хорошая сторона посредническаго института заключается въ томъ, что онъ боролся съ успѣхомъ противъ подобныхъ попытокъ; но со введеніемъ грамотъ, и эта система также прекратилась сама собой. Гдѣ же теперь эта *партія крѣпостниковъ*, которая съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуется иными либералами? Не изчезнувшее ли это явленіе? не миражъ ли, не недоразумѣніе ли? Съ противоположной стороны, не такой ли же миражъ представляетъ группа радикаловъ, съ ея крайнимъ направленіемъ, почерпнутымъ изъ отринутыхъ западноевропейскою жизнію теорій. Ее еще съ меньшимъ правомъ можно признать партіею: у ней есть только доктрина и нѣтъ признаковъ программы. Доктрина извлекается изъ книгъ и дополняется вообра-

женіемъ: она можетъ быть доведена до самаго художественнаго совершенства, и все-таки ея успѣхъ въ жизни невѣренъ, непроченъ и скорѣе зависитъ отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ ея появленіе, нежели отъ нея самой. Программа указывается жизнію, вырабатывается среди самого общества, и все, что́ въ ней есть истиннаго, рано или поздно, но несомнѣнно осуществляется. Что же значатъ объ эти враждебныя горсти, въ сравненіи съ массою русскаго народа? Гдѣ та малѣйшая его часть, на которую бы хоть одна изъ нихъ опиралась? За чѣмъ они преслѣдуютъ съ такимъ ожесточеніемъ другъ друга и наполняютъ цѣлую страну пустыми звуками своей безплодной борьбы? За чѣмъ общество, съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи, тратитъ свое время, чтобы слѣдить за поединкомъ этихъ донъ-Кихотовъ? Но неужели въ цѣломъ русскомъ обществѣ, — въ той части его, которая считаетъ себя образованною, — нѣтъ ничего, кромѣ праздной, апатичной массы, съ такими безцвѣтными оттѣнками? Отчего вся эта масса сдѣлалась такою, и чего ей не достаетъ для дѣятельности? Сложеніе всякаго общества напоминаетъ геологическія формаціи: опытный глазъ и въ нашемъ обществѣ откроетъ и свои окаменѣлости, и образовавшіеся зародыши новыхъ соединеній, и пассивный, относительно неподвижный осадокъ, и активные элементы будущаго развитія. Но міръ общественныхъ явленій, за свою свободу, платитъ ошибками, которыхъ не знаетъ зиждущая сила природы, покоряющая несвободное вещество. Общественные зародыши думаютъ, что они созрѣли, — и гибнутъ невозвратно. Общественныя окаменѣлости воображаютъ, что они живутъ и дѣйствуютъ въ прежней средѣ, они усиливаются сказать слово, которому, въ свое время, такъ жадно внимало общество, но слово ихъ не въ состояніи пробить тяжелую броню, которою заволокла ихъ обошедшая жизнь. Осѣвшій пассивный осадокъ мечтаетъ сохранить свой неподвижный покой, но онъ забываетъ, что прогрессъ человѣческаго развитія не останавливается, что въ природѣ смерть есть нача́ло жизни, что новыя задачи глубоко и скоро взбороздятъ его праздную апатію. Активные элементы въ обществѣ не сталкиваются между собою неудержимо и въ опредѣленное время, какъ въ природѣ, силою міроваго тяготѣнія, — но долго блуждаютъ одинокіе, страдая истомою неудовлетворенной дѣятельности, пока жизнь приготовитъ для нихъ готовую почву. Крылись такіе элементы, невѣдомые и разсѣянные, и въ глубинѣ русскаго общества. Какъ подвижники Севастополя, они, въ послѣднюю эпоху своей жизни, могутъ считать мѣсяцы за годы: такъ много жизнь давала матеріаловъ, такъ много ихъ переваривалось впечатлительною натурой, такъ часто приходилось отказываться, вслѣдствіе новыхъ явленій, отъ убѣжденій, купленныхъ дорогою цѣною. Причина ихъ бездѣйствія заключалась въ томъ же, что способствуетъ апатіи и праздности цѣлой массы. Экономическая дѣятельность у насъ

вообще въ повсемѣстномъ застоѣ отъ обстоятельствъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, и при томъ землевладѣльцы, лишенные капиталовъ и привычки къ промышленному труду, менѣе всего въ состояніи ей посвятить себя. Для общественной дѣятельности не было почвы: выставленные вмѣсто знаменъ, — полинялые обрывки, крѣпостниками и радикалами, — по разнымъ причинамъ, равно были непривлекательны, а водрузить собственное знамя было рано, ибо оно не было указано жизнію, и не всякій къ тому способенъ. Знамя выставляется тогда только, когда общество сколько нибудь подготовлено къ его принятію. Успѣхъ на сторонѣ того, кто съумѣлъ во-время занять позицію: оттого часто заблужденіе временно привлекаетъ толпу, а истина проходитъ незамѣченною. Какъ нельзя болѣе кстати при этомъ появились земскія учрежденія; они представляли ту готовую, нейтральную почву, гдѣ сходились люди всѣхъ сословій, гдѣ сближеніе между ними могло произойти естественно и непосредственно, гдѣ затрогивались самыя серьезныя и насущныя потребности гражданскаго быта, и гдѣ обсужденію ихъ предоставлялся небывалый просторъ. Со всѣхъ концевъ потянулись въ земство люди, желавшіе общественной дѣятельности; они несли съ собою силы, наскучившія долгою праздностію и требовавшія труда; они были полны надежды, что начатки мѣстнаго самоуправленія привьются къ обществу и принесутъ обильные плоды. Выборъ большинства почти вездѣ палъ именно на такихъ людей; люди съ рѣзкими оттѣнками не имѣли успѣха въ земствѣ. Потому этимъ людямъ принадлежитъ честь того, что сдѣлано земствомъ до сихъ поръ: они же отвѣтчики за всѣ промахи и ошибки, за всѣ опущенія и за безполезныя начинанія и медленность исполненія. Крупные землевладѣльцы пробовали обратить земство въ средство провести свои интересы и выдвинуть впередъ *обязательность ихъ допущенія въ гласные* и *безвозмездную земскую службу*: но земство на первыхъ же порахъ обрѣзало ихъ попытки и отвергло ихъ предложенія. Радикалы, какъ и слѣдуетъ, съ разу порѣшили, что изъ земства ничего не выйдетъ: оно слишкомъ живой и народный институтъ, чтобы удовлетворить ихъ безпочвеннымъ идеаламъ. Остальное, какъ вездѣ, легло балластомъ.

Но рядомъ съ обществомъ, у насъ какъ вездѣ, есть еще среда, выдѣляющаяся изъ самого общества и находящаяся съ нимъ въ безпрестанныхъ отношеніяхъ, но имѣющая свое особенное бытіе, какъ всякая самостоятельная, рѣзко очерченная и преслѣдующая свои, особенныя цѣли, общественная группа: это администрація. Надъ всѣмъ этимъ возвышается правительство, какъ органическая сила, выражающая собою общія стремленія и потребности: въ этомъ смыслѣ правительство не можетъ представлять партіи, оно всѣ ихъ поглощаетъ, всѣ переработываетъ, извлекаетъ то, что́ нужно воплощающейся въ немъ общей пользѣ, а остатокъ отбрасываетъ, какъ негодныя выжимки,

часто вмѣстѣ съ самими представителями. Правительство партіи, правительство революціонное, — или непрочно, какъ сама партія, разлагающаяся тотчасъ по достиженіи своей задачи, или, становясь у кормила, оно измѣняетъ своему знамени, отказывается отъ своихъ симпатій и антипатій, дѣлается правительствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но администрація, есть сумма живыхъ людей. Въ средѣ ея могутъ находиться лица самыхъ различныхъ оттѣнковъ, образоваться кружки и партіи, сложившіяся, иногда въ самомъ обществѣ, изъ котораго набираются члены администраціи, а потому нисколько не удивительно, что, какъ въ обществѣ, такъ и въ администраціи, могли проявляться отдѣльно и симпатіи, и антипатіи къ земскимъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе что правительство силою закона придало обществу самостоятельность, которой оно доселѣ было лишено, и ограничило мѣстный административный произволъ [1]).

Конецъ 1865 и начало 1866 года, можно, по справедливости, назвать *годомъ земскихъ учрежденій*: они вездѣ стояли на первомъ планѣ и привлекали къ себѣ общее вниманіе. Къ несчастію, въ это время у земства было мало своихъ, такъ сказать, внутреннихъ, домашнихъ занятій: собранія только-что открывались, имущества и капиталы земства не были приняты, все было въ зародышѣ или даже вовсе не начиналось, даже пренія о раскладкахъ не могли стать на первомъ планѣ, потому что свѣдѣнія еще не были собраны и подготовлены земскими управами. Между тѣмъ неясность многихъ статей «Положенія» вызывала вопросы и сомнѣнія; пріемъ имуществъ, капиталовъ, сооруженій и дѣлъ отъ администраціи порождалъ частые споры и взаимныя недоразумѣнія; возможность въ первый разъ от-

[1]) Для указанія разницы между *прежнимъ* и *земскимъ* хозяйствомъ, приведемъ слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ Херсонѣ на засыпку болотъ ассигновано было въ 1847 и 1849 годахъ, изъ суммъ земской повинности Новороссійскаго края—*по смѣтѣ*— 48,606 р.; губернское и уѣздное собраніе ходатайствовали въ концѣ 1865 г. о передачѣ этихъ суммъ въ земство, но въ февралѣ мѣсяцѣ появилась публикація отъ херсонскаго губернскаго правленія о вызовѣ къ торгамъ по этой смѣтѣ на 22,250 р. Губернская управа принесла жалобу г. министру, и г. министръ, уничтоживъ распоряженіе губернскаго правленія, передалъ это дѣло земскимъ учрежденіямъ. Изъ губернской управы оно поступило въ уѣздную, и уѣздная управа прежде всего прокопала въ этомъ мѣстѣ канаву, которая стоила *27 рублей!* Коммиссія изъ *постороннихъ* техниковъ, осматривавшая эти болота и проведенную канаву нашла, что «мѣстность, на которой скопляется вода, нельзя признать за болото, потому что нѣтъ никакихъ признаковъ, доказывающихъ его существованіе; отъ проведенія канавы, *мѣстность совершенно высохла*, а грунтъ ея въ непродолжительное время затвердѣлъ до такой степени, что по немъ возможно, нисколько не вязнувши, не только ходить но даже и ѣздить, чего на болотистомъ грунтѣ не бываетъ.» Коммиссія техниковъ предложила свой планъ для окончательнаго осушенія этой мѣстности, а прежнюю смѣту нашли не только несообразною и слишкомъ дорогою, но даже *опасною* для города, ибо она могла измѣнить самое русло р. Днѣпра подъ городомъ и затопить *цѣлую улицу*....

крыто высказать передъ правительствомъ всѣ свои «нужды» и ходатайствовать о всѣхъ «пользахъ» побуждала на полную откровенность. Ходатайства и просьбы возникали десятками въ собраніяхъ; говорились рѣчи, въ которыхъ примѣшивалось нѣкоторое чувство желчи; составлялись постановленія, въ которыхъ относительная рѣзкость выраженій была далеко не похожа на прежній оффиціальный униженный слогъ, гдѣ самыя простыя вещи облекались въ заученныя безцвѣтныя фразы, часто изъ чувства канцелярскаго приличія, затемнявшія мысль и переиначивавшія факты. Перечень земскихъ ходатайствъ и дѣйствій губернскихъ собраній за 1865—66 годъ мы подробно изложили въ нашемъ прошломъ отчетѣ. Читатели наши могли фактически убѣдиться, что и этотъ первый годъ земскихъ учрежденій прошелъ не безъ пользы для общества, для тѣхъ мѣстностей, среди которыхъ онѣ дѣйствовали; что много серьезныхъ и важныхъ вопросовъ было затронуто и подвинуто къ разрѣшенію земствомъ; что въ стремленіяхъ его не было ничего не только анти-правительственнаго, но и направленнаго противъ принципа высшей и мѣстной администраціи; что частныя недоразумѣнія и отдѣльные споры были вызываемы неясностію законодательнаго положенія, гдѣ въ одно и тоже время существовало «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» и прежній «Уставъ о земскихъ повинностяхъ,» во многихъ случаяхъ другъ другу противорѣчащіе и ставившіе то земство, то администрацію въ недоумѣніе; что представленія земства вызывались настоятельными потребностями страны, а не были слѣдствіемъ излишней докучливости, неумѣстнаго желанія раздвинуть предѣлы, указанные земству правительствомъ, вызвавшимъ его къ жизни по собственной иниціативѣ, или пустымъ желаніемъ возбуждать не стоящіе на очереди вопросы, чтобы шевелить общественное мнѣніе и упражняться въ примѣненіяхъ предоставленнаго земству права иниціативы. Но рядомъ съ этими полезными или естественными проявленіями земской дѣятельности, возникло явленіе, которое мы назовемъ *земскимъ парламентаризмомъ*. Въ земствѣ фраза начала получать значеніе помимо дѣла; либеральное пустословіе начало входить въ моду; говорились рѣчи, не для того, чтобы достигнуть какого нибудь результата, а чтобы блеснуть желчно-смѣлою выходкою и произвести эффектъ. Причины этого явленія надобно, конечно, искать въ самомъ обществѣ. Общество наше мало или вовсе не обращаетъ вниманія на все серьезное и дѣльное: и въ литературѣ, и въ жизни, и въ общественной дѣятельности оно любитъ и жадно ловитъ только захватывающее духъ; ему нужна не правда мысли, не простота и ясность ея выраженія — а либеральная фраза, блестящія погремушки, оригинальность, доходящая часто до безобразія, словесные поединки, гдѣ противники расточаютъ другъ другу ругательства.... Рядомъ съ этимъ была еще черта: съ такимъ же беззаботнымъ злорадствомъ одобрительно поощряли, когда прежній

кумиръ тяжело и навсегда расплачивался за дешевыя рукоплесканія.... Подъ вліяніемъ подобнаго рода явленій неудивительно, что произошло всеобщее охлажденіе къ земскому дѣду. Новгородское губернское собраніе, самое дѣятельное и усердное къ своимъ обязанностямъ, говоритъ въ постановленіяхъ 3 и 12 декабря 1866 года, что въ эту сессію число прибывшихъ гласныхъ едва превышаетъ число 19, необходимое для законнаго состава земскаго собранія, и за симъ, если еще нѣкоторые гласные пожелаютъ оставить засѣданія, то собраніе можетъ оказаться несостоятельнымъ прежде окончанія весьма важныхъ, подлежащихъ его обсужденію дѣлъ; изъ гласныхъ новгородскаго уѣзда, явился *одинъ*, тогда какъ гласнымъ отъ новгородскаго уѣзда всего ближе и удобнѣе возможно прибыть въ Новгородъ, и, конечно, имъ это гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ гласнымъ отъ бѣлозерскаго и кириловскаго уѣзда.

Собраніе весьма справедливо замѣтило по этому случаю, что въ настоящее переходное, а потому весьма трудное для земства время, предстоитъ настоятельная необходимость въ подробномъ и всесторонномъ обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію губернскаго собранія, и потому нельзя не придти къ заключенію, что гг. гласные, отказывая безъ достаточныхъ причинъ въ своемъ содѣйствіи собранію, мало заботятся объ интересахъ обществъ, избравшихъ ихъ своими представителями и, можетъ быть, лишаютъ возможности другихъ полезныхъ дѣятелей принести свой трудъ на общую земскую пользу» [1]).

И такъ, — скажутъ иные, зная хорошо натуру русскаго человѣка — и *дорвались*, и *уходились!!!*.... Но нѣтъ народнаго института, для котораго, — законными, но единодушными и настойчивыми усиліями самого общества, — не приходила пора созрѣванія, какой бы туманъ ни застилалъ первыя минуты его рожденія. Недруги земскаго дѣла слишкомъ рано начали праздновать свою побѣду: доказательствомъ тому служитъ открытіе вновь петербургскаго собранія, по волѣ правительства. Если въ русскомъ обществѣ есть дѣятельныя единицы, если есть въ немъ элементы прогресса и развитія, — а думать иначе было бы слишкомъ грустно и невозможно, — то земство не заглохнетъ и не заснетъ тѣмъ апатичнымъ сномъ, въ который погружены были прежнія наши мѣстные сословные органы, лишенные жизненной силы, при самомъ своемъ учрежденіи. Выборы приближаются: на мѣсто уставшихъ, или измѣнившихъ дѣятелей станутъ новые; прежніе труженики, поощренные общественнымъ довѣріемъ, усерднѣе примутся за работу; невѣровавшіе—увѣрятся; безучастные и равнодушные

---

[1]) Въ Бугурусланѣ, по случаю неявки гласныхъ, уѣздное собраніе заключило брать за неявку штрафъ съ гласныхъ, съ крестьянъ 25 р., съ прочихъ сословій 50 рублей.

силою вещей привлекутся къ огражденію собственныхъ интересовъ. Приведемъ то, что́ сказано было разъ въ послѣднемъ костромскомъ губернскомъ собраніи: «Словами молитвы, ежедневно читаемой на нашей православной родинѣ, повторимъ: *станемъ добре*, *станемъ со страхомъ* святое служеніе земскому дѣлу нести на своихъ раменахъ! Пусть много жертвъ, много труда, — тяжелаго, невиднаго и неблагодарнаго,—ляжетъ фундаментомъ.... Въ болотную почву глубоко забиваются сваи: никто ихъ не видитъ, никто ихъ не вспомнитъ, но на ихъ твердомъ устоѣ высится величавое зданіе. Рушится зданіе, измѣнится почва,—но и тогда поздній потомокъ отъищетъ эти забитыя сваи и вспомнитъ, что́ на нихъ опиралось....»

Труда много для земскихъ учрежденій и въ той области, которая отведена имъ «Положеніемъ»: начатое ими уравненіе натуральныхъ повинностей, равномѣрная раскладка земскихъ налоговъ, народное образованіе, народное здравіе, призрѣніе и продовольствіе, учрежденіе мѣстнаго кредита, вспомоществованіе мѣстной промышленности и проч. и проч. Все это предметы, которые только затронуты земскими учрежденіями, но далеко не разработаны. Этого достаточно, чтобы они могли окрѣпнуть и укорениться въ народѣ на столько, чтобы оградить свою безопасность. Вотъ почему теперь,—когда дѣятельность земскихъ учрежденій дѣлается преимущественно внутреннею, *мѣстною*, мы не будемъ представлять свода, становящагося невозможнымъ по отдѣльнымъ вопросамъ,—а по мѣрѣ возможности обратимся къ *мѣстнымъ очеркамъ* земскихъ учрежденій по губерніямъ. Земскія учрежденія до сихъ поръ вовсе не обращали вниманія на экономическую сторону своего дѣла: на ихъ *прямой* обязанности лежитъ представить вѣрную, на статистическихъ данныхъ основанную картину дѣйствительнаго положенія своей мѣстности, ея упадокъ или процвѣтаніе, возможность платить повинности или достовѣрность накопленія неоплатныхъ недоимокъ, увеличеніе или уменьшеніе фабрикъ, заводовъ, мелкихъ заведеній, помѣщичьихъ и крестьянскихъ запашекъ, лѣсного промысла и пр. Въ обществѣ, на этотъ счетъ, господствуютъ самыя разнообразныя мнѣнія: одни утверждаютъ, что мы разворяемся и стоимъ на краю пропасти; другіе,—что мы напротивъ богатѣемъ и приближаемся къ благополучному исходу. Оба мнѣнія основаны болѣе всего на личномъ настроеніи высказывающаго, а не на фактахъ и данныхъ: что же разрѣшитъ общественное недоразумѣніе, какъ не земскія учрежденія? Ходатайства земскихъ учрежденій остаются иногда безъ послѣдствій: пусть они сдѣлаются умѣреннѣе, пусть отдѣльныя земства представляютъ правительству просьбы свои только о *неотложныхъ мѣстныхъ* нуждахъ и условятся въ *общемъ* ходатайствѣ, по тѣмъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для дальнѣйшаго движенія земскаго дѣла, и когда всякое замедленіе въ отвѣтѣ ставитъ земство въ безвыходное

положеніе. Но пусть прежде всего и больше всего земскія учрежденія помнятъ, что они представляютъ *среду единенія* и *школу воспитанія* для всѣхъ группъ и сословій, составляющихъ наше общество, для всѣхъ отдѣльныхъ единицъ. Разладъ и недоразумѣніе суть послѣдствія недостатка среды, воспитывающей для союзной общественной дѣятельности, и земство пополнило этотъ пробѣлъ. Народъ, какъ и отдѣльныя личности, воспитывается не только книгой и школой: для него нужно воспитаніе практическою жизнію и дѣятельностію, которое одно закрѣпляетъ голое развитіе умственныхъ способностей и даетъ ему пищу, безъ которой образованіе есть только источникъ страданій и сомнѣнія. Многіе видѣли на дѣлѣ, какое громадное воспитательное значеніе для народа имѣетъ судебная реформа; точно таково же и вліяніе земства, гдѣ оно поставлено правильно, гдѣ оно не подпало вліянію односторонняго большинства, а предупредить такое вліяніе можетъ только *участіе въ земскихъ выборахъ всѣхъ благомыслящихъ людей*. Законъ связалъ между собою земскія учрежденія и судебную реформу: пусть же еще искреннѣе и плотнѣе сдружитъ ихъ между собою общественная жизнь. Пусть люди земства и дѣятели новаго суда, пусть сочувствующіе той и другой сторонѣ подадутъ другъ другу руку и вмѣстѣ свершатъ свою великую воспитательную задачу: укрѣпленія въ народѣ чувства законности и привычки къ самоуправленію.

Говорятъ: такой путь медленъ, не стоитъ тратить на него своихъ силъ.... Невѣрный и болѣзненный путь крутыхъ переворотовъ и необдуманныхъ скачковъ избираютъ только дѣти и агитаторы: люди жизни и труда подвигаются если не такъ скоро, то *вѣрно* къ цѣлямъ, предуказаннымъ великому народу, не смущаясь, что порой облака и туманы закрываютъ лежащіе предъ ними пути, что ихъ тяжелыя усилія часто не оцѣниваются и пропадаютъ въ безвѣстности, не смотря на обильную жатву ими посѣяннаго добра!... Н. КОЛЮПАНОВЪ.

Ноябрь, 1867 года.

II.

ОБЗОРЪ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ 1858 ГОДУ, ВЪ СВЯЗИ СЪ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ.

*Статья вторая *).*

Не считая достаточнымъ одного *сокращенія городскихъ расходовъ*, чтобы возвысить городское благоустройство, мы назвали выше другое средство къ тому, а именно: *возвышеніе городскихъ доходовъ*, но безъ

*) См. начало выше въ 1866, т. III, отд. V, стр. 89 — 118.

увеличенія тягостей для городскихъ обывателей. Мы замѣтили также, что въ этомъ случаѣ нами должно руководить не подражаніе иностраннымъ образцамъ, а ближайшее и внимательное изученіе *уже существующихъ* у насъ городскихъ доходовъ, къ чему мы и намѣрены обратиться теперь непосредственно.

По оффиціальнымъ рубрикамъ, введеннымъ «Инструкціею» о составленіи городскихъ росписей 1849 года, городскіе доходы у насъ были перечислены за 1858 годъ во II-мъ томѣ «Общественнаго устройства и хозяйства городовъ» подъ двумя категоріями, которыя утверждены инструкціею для составленія городскихъ росписей: доходы обыкновенные и доходы чрезвычайные.

А. Доходы обыкновенные.

Доходы обыкновенные раздѣляются на слѣдующія главнѣйшія шесть категорій:

Категорія А). Доходъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей. Это есть самая существенная часть нашихъ городскихъ доходовъ: она составляетъ 22,1% всѣхъ доходовъ вообще и 30,4% однихъ обыкновенныхъ. Такимъ образомъ съ перваго взгляда, наши города представляются сравнительно *богатыми*, ибо въ западныхъ городахъ доходы съ городскихъ имуществъ весьма незначительны (такъ, въ Бельгіи они составляютъ всего 4,76% городскихъ доходовъ); а напротивъ, прямые и косвенные налоги служатъ тамъ главнымъ источникомъ дохода. Потому мы остановимся нѣсколько на анализѣ существующаго у насъ понятія о *городскомъ имуществѣ*.

Сводъ законовъ не даетъ общаго опредѣленія, что́ должно считать городскимъ имуществомъ. Въ статьяхъ свода (т. XII ст. 39, 40, 44) перечисляются только отдѣльные виды имуществъ; въ общей же инструкціи чиновникамъ, отряжаемымъ для ревизіи городовъ, изложено слѣдующее опредѣленіе: городскимъ имуществомъ признается все то, что́ по пожалованію отъ правительства, по покупкѣ, по наслѣдству или иному способу пріобрѣтенія, а также по общему закону, составляетъ собственность всего города или общества его составляющаго (Сб. ц. т. V, § 347); инструкція эта и образцовыя росписи, приложенныя къ «Инструкціи для составленія утвержденія и исполненія городскихъ росписей», 15 октября 1849 года, перечисляютъ всѣ виды городскихъ имуществъ. Всякое же имущество, переданное въ чье-либо пользованіе за извѣстное въ пользу города вознагражденіе, составляетъ *оброчную статью*, хотя въ болѣе ограниченномъ, техническомъ смыслѣ, въ росписи подъ именемъ оброчныхъ статей разумѣются «земельныя угодья, отдаваемыя съ публичныхъ торговъ по контрактамъ».

Виды городскихъ имуществъ сводятся къ слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ:

1) *Городскія земли:* пустопорожняя земля: a) внутри городской черты; b) внѣ оной, но въ предѣлахъ городской дачи, называемая *выгономъ;* и c) въ принадлежащихъ городу отдѣльныхъ пустошахъ и дачахъ.

2) *Городскія угодья*, подъ которыми разумѣются рыбныя ловли, мельничныя мѣста, пристани, известковыя копи и пріиски цѣнныхъ земель и минераловъ, лѣса и рощи на городской землѣ и проч., вообще тѣ естественныя цѣнности, которыя принадлежатъ городу и даютъ ему доходъ, вслѣдствіе ихъ разработки или особаго мѣстнаго удобства, но на устройство которыхъ городъ не затратилъ капитала.

3) *Городскія устроенія*, или вообще всѣ тѣ искусственныя цѣнности, для созданія которыхъ требовался капиталъ, употребленный ли со стороны самого города или со стороны всякого другого лица, отъ котораго имущество то дошло городу по правамъ законнаго пріобрѣтенія; сюда относятся:

a) *Зданія:* дома, лавки, гостинные дворы, амбары, балаганы и буяны.

b) *Промышленныя заведенія*, предназначенныя по своему устройству для какого-нибудь производства или промысла: мельницы, скотобойни, прачешныя [1]), городскіе театры, фабричныя и промышленныя заведенія, принадлежащія городу, бани, купальни и проч.

c) Разныя общеполезныя устроенія, на которыя городъ затратилъ свой капиталъ: верфи, пристани, перевозы, мосты, переправы, платемойни, бассейны, фонтаны, водопроводы и проч.

d) Ненаселенные хутора, мызы и фольварки, принадлежащіе городамъ въ западныхъ губерніяхъ, огороды, фруктовые сады и виноградники, разводимые на городскихъ земляхъ въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ, по особому положенію 1842 года ноября 2 дня.

4) *Населенныя имѣнія*, принадлежащія городамъ западнаго края.

5) *Движимыя имущества*, главнѣйшую часть которыхъ составляютъ городскіе капиталы.

Извлеченіе изъ всѣхъ этихъ статей дохода, тѣмъ или другимъ спо-

---

[1]) Въ 1848 году, въ Казани, на озерѣ Кабанѣ, устроена была прачешная, въ видахъ охраненія отъ простуды въ зимнее и ненастное время женщинъ, занимающихся мытьемъ бѣлья; устройство ея стоило городу 1,359 р. Желающіе пользоваться прачешною платили въ годъ: за семейство, имѣющее съ прислугою болѣе 10 душъ — дворяне, чиновники и купцы 3 р., разночинцы и мѣщане 1 руб., менѣе 10 душъ тѣ же лица — по 2 р. и по 75 коп., менѣе 5 душъ — по 1 р. и по 25 коп. Прачешная приносила въ годъ до 250 руб., т. е. по 18½% съ капитала. Циркуляромъ, отъ 31 октября 1850 г., министерство рекомендовало это полезное заведеніе начальникамъ губерній, но что изъ этого вышло — неизвѣстно.

собомъ, есть неотъемлемое право города, признанное закономъ, а наиболѣе выгодный для того способъ есть дѣло мѣстныхъ соображеній. Мы скажемъ только о важнѣйшей статьѣ городскихъ доходовъ — *о городской землѣ*, что же касается до прочихъ статей этой категоріи, то мы, относительно ихъ, ограничимся однимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ на счетъ *переправъ*, *мостовъ* и *перевозовъ*. По уставу о земскихъ повинностяхъ, всѣ безъ изъятія городскіе переправы и мосты, находящіеся на большихъ дорогахъ, почтовыхъ и не почтовыхъ, соединяющихъ города, переданы въ вѣдѣніе земства; въ городскомъ вѣдомствѣ оставлены переправы для внутренняго сообщенія городскихъ частей, а равно тѣ, которыя устроены городами, по направленію частныхъ дорогъ, для выгоды жителей и для *извлеченія городскихъ доходовъ*. Земство исполняетъ всѣ издержки по путямъ сообщенія, какъ повинность, города извлекаютъ изъ нихъ выгоду, пользуясь правомъ, которое нѣкогда было у каждаго частнаго лица и было уничтожено, какъ несовмѣстное съ значеніемъ частной собственности въ государствѣ, ибо право проѣзда признается общественною повинностію. Въ отношеніи къ городамъ это казалось бы еще болѣе справедливымъ, ибо мосты и переправы между частями города, составляя общественное удобство, не нарушаютъ владѣльческихъ пользъ города, не имѣющаго возможности именно этими мѣстами пользоваться для какихъ нибудь промышленныхъ устроеній, непосредственно или отдачею въ оброкъ. Сборъ съ мостовъ едва ли составляетъ важную статью городского дохода, тамъ, гдѣ онъ существуетъ; а между тѣмъ несомнѣнно отяготителенъ для массы бѣднаго городского населенія. Въ Вяткѣ, напримѣръ, гдѣ на пловучемъ, чрезъ р. Вятку, мосту собирается по 4 коп. мѣдью съ пѣшехода [1]).

Со времени введенія земскаго положенія, обязанности городовъ въ отношеніи къ дорожной повинности, измѣнились: при обращеніи дорожной повинности въ денежную, города несутъ ее вполнѣ равномѣрно съ остальнымъ земствомъ на всемъ пространствѣ уѣзда, точно также, какъ и прежде они участвовали въ отправленіи части дорожной повинности, обращенной на деньги. Кромѣ того, возвышеніе вообще городскихъ налоговъ въ пользу земства окупаетъ обязанности послѣдняго въ исправленіи натурою дорогъ на городскихъ участкахъ. Но, къ сожалѣнію, и земство увлеклось въ настоящее время возвышеніемъ своего дохода посредствомъ сборовъ на мостахъ и переправахъ, часто въ очень обременительной пропорціи: такъ второе Псковское собраніе назначило сборъ на Американскомъ мосту, чрезъ рѣку Пскову, въ г. Псковѣ, по 3 коп. съ лошади, видимо имѣя въ виду, что мостъ этотъ

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что сборъ съ мостовъ въ пользу городскихъ доходовъ существуетъ и за-границей, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, Бельгіи и пр.

служитъ преимущественно для сообщенія обывателей города, а содержится на земскій счетъ.

Городская земля считается полною собственностію города, изъ которой онъ можетъ извлекать доходъ, безъ всякого ограниченія со стороны законодательства и административнаго управленія, съ соблюденіемъ, впрочемъ, установленныхъ *формъ*. Такою формою является отдача городской земли въ оброкъ не иначе, какъ *съ торговъ*, что составляетъ *общее правило* по дѣйствующему законодательству, но подвергается множеству исключеній, допущенныхъ частными положеніями. До сихъ поръ городская земля была свободна отъ всякихъ земскихъ повинностей; только въ послѣднее время, при составленіи раскладокъ земскими учрежденіями, городская земля обложена была сборомъ наравнѣ съ уѣздными землями и притомъ въ однихъ городахъ только выгонная и пустошная, внѣ городской черты, а въ другихъ вмѣстѣ съ нею и пустопорожняя внутри города.

Вообще, свое неограниченное право на землю, города наши — съ цѣлію извлеченія дохода — исчерпали до послѣдней крайности, какъ будто все ихъ хозяйство должно быть основано на томъ, что они суть *землевладѣльцы*, поставленные въ необходимость извлекать весь свой доходъ съ *одной земли*.

Это, съ одной стороны, повело къ разнымъ неуравнительнымъ сборамъ, ложившимся только на тѣхъ, кого крайность заставляла обращаться къ общественной земельной собственности, а съ другой — обратилась во вредъ самимъ же городамъ, лишая ихъ несравненно бо́льшихъ выгодъ, возможныхъ при извлеченіи дохода помимо поземельнаго сбора. Система земельнаго пользованія въ нашихъ городахъ является въ слѣдующемъ видѣ:

a) Отдача участковъ пустопорожней выгонной земли, за городскою чертою, ненужной для пастбища обыкновеннаго скота, подъ хлѣбопашество, сѣнокошеніе и огородничество. Она обыкновенно дѣлается съ торговъ и въ одной Уфѣ мы встрѣтили весьма высокій и прямо назначаемый оброкъ по 3 руб. съ десятины городской пашенной земли.

b) Раздача обывателямъ городскихъ незаселенныхъ по плану города мѣстъ подъ постройку домовъ и другихъ зданій, съ торговъ или по таксѣ, опредѣленной положеніемъ или, наконецъ, просто по условію.

c) Отводъ мѣстъ подъ фабрики, заводы и вообще промышленныя заведенія, по контрактамъ, условіямъ, съ торговъ или на основаніи установленнаго общаго или окладного сбора.

d) Отводъ мѣстъ подъ различныя торговыя и ремесленныя постройки, склады и мѣста.

Оба послѣдніе вида особенно богаты разнообразіемъ и заслуживаютъ вниманіе. Въ разныхъ городахъ встрѣчается сборъ со всѣхъ

промышленныхъ заведеній, стоящихъ на городской землѣ: кузницъ, фабрикъ, заводовъ, мельницъ и проч., съ мѣстъ подъ анбары, балаганы, лабазы, лавки, подвижныя лавочки, лари, шалаши, столы, качели; въ Воронежѣ производится сборъ съ мѣстъ для продажи мяса, калачей, тесу и проч. Далѣе сбирается съ береговыхъ мѣстъ и вообще земель, отводимыхъ подъ складку всевозможныхъ товаровъ, не исключая хлѣба, сѣна, лѣсу и предметовъ крестьянской и мелкой промышленности. Мало того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до сихъ поръ, удерживается этотъ сборъ *посаженный*. Вотъ этотъ именно способъ извлеченія поземельнаго налога, мы имѣли въ виду, говоря, что города довели до крайности неограниченность правъ своихъ на землю. Начать съ того, что налогъ этотъ можно отнести къ разряду «доходовъ съ земель и оброчныхъ статей» только съ точки зрѣнія патріархальной политической экономіи. Собственно же говоря, сборъ этотъ есть налогъ *на промышленность и торговлю*, и здѣсь *земля* имѣетъ значеніе только какъ основаніе раскладки этого налога. Объясняется это всего лучше исторіей его происхожденія. Когда недостатокъ городскихъ средствъ для покрытія обязательныхъ расходовъ заставилъ нѣкоторые города обратиться къ налогамъ на свободную дотолѣ промышленность, первый представившійся городамъ масштабъ для раскладки была *земля*, ибо города наши изстари привыкли извлекать свои доходы изъ земли, какъ самаго производительнаго городского имущества. Это было тѣмъ естественнѣе и потому, что около города владѣльческихъ земель вообще было мало, вся земля общественная или городская, слѣдовательно промышленныя заведенія и склады по неволѣ должны были строиться на городской пустопорожней землѣ; притомъ же новый налогъ осѣдлые городскіе обыватели, составляющіе городское общество, разумѣется, старались скинуть на будущихъ арендаторовъ городской земли и отстоять собственниковъ-старожиловъ, завѣдывающихъ общественною раскладкою. Обѣихъ этихъ цѣлей городское общество практически достигало установленіемъ сбора за *отводъ городской пустопорожней земли* подъ промышленныя заведенія и товарные склады, ибо сборъ этотъ падалъ главнымъ образомъ на иногородное купечество и заѣзжихъ торговцевъ и промышленниковъ, неимѣющихъ своей осѣдлости въ городахъ, что, разумѣется, поддерживало и ограждало монополію осѣдлыхъ старожиловъ-обывателей, давно уже устроившихся на собственныхъ земляхъ. На этомъ, впрочемъ, промышленный налогъ не могъ остановиться; сначала постоянному сбору (а не временному только, при новомъ отводѣ земли), подвергались безразлично всѣ лица, пользовавшіяся городскою землею для производства промысловъ или для товарныхъ складовъ, вслѣдствіе чего установилось различіе въ цифрѣ налога между промышленными заведеніями и торговыми складами на *общественной* или *город-*

ской землѣ и на *собственной* или владѣльческой. А потомъ, рядомъ съ этимъ *поземельнымъ промышленнымъ налогомъ*, развился общій промышленный налогъ въ пользу города, со всѣхъ лицъ, занимающихся промысломъ или торговлею, *на какой бы землѣ* ни находились занятыя ими зданія, склады и устроенія, о чемъ скажемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Во многихъ нашихъ городахъ, руководствующихся частными положеніями, оба эти сбора существуютъ рядомъ другъ съ другомъ. Изъ сборовъ перваго разряда, падающихъ только на *занимающихъ городскую землю*, упоминается въ частныхъ положеніяхъ: а) *сборъ съ промышленныхъ заведеній, стоящихъ на городской землѣ:* сборъ вообще съ заводовъ, стоящихъ на городской землѣ въ Кіевѣ. Въ Вологдѣ посаженная плата съ разныхъ, выстроенныхъ на городской землѣ обывателями заведеній, измѣняющаяся, по роду этихъ заведеній, отъ 20 — 30 копѣекъ съ сажени. Въ Оренбургѣ съ салотопенныхъ заводовъ отъ 39 — 50 копѣекъ съ сажени. Въ Нижнемъ съ прядильныхъ заводовъ по 20 копѣекъ съ сажени и по 2 копѣйки съ мѣстъ для просушки канатовъ.

Дабы имѣть нѣкоторое понятіе о поступленіи доходовъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей, мы присоединяемъ нѣкоторыя числовыя о томъ данныя по *лѣсной* и *промышленной* полосамъ, которыя будемъ имѣть въ виду постоянно въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, какъ полосы болѣе намъ извѣстныя, по личнымъ нашимъ отношеніямъ.

По процентному отношенію сбора съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей къ общему итогу обыкновенныхъ доходовъ, губерніи этихъ полосъ располагаются слѣдующимъ образомъ:

Лѣсная полоса [1]).		*Промышленная полоса.*	
Вологодская	78,6%		
Костромская	75,6		
Архангельская	75,2		
Олонецкая	73,6		
Псковская	72,8		
		Тверская	71,8%
		Ярославская	62,0
Новгородская	57,7		
Смоленская	54,0		
		Владимірская	52,4
С.-Петербургская	51,3		
		Нижегородская	50,6
		Московская	48,2

Порядокъ этотъ совершенно обратный тому, который мы вправѣ

[1]) При исчисленіи процентовъ, выпущены нами всѣ губернскіе города и важнѣйшіе уѣздные, ибо только при такомъ исключеніи получается дѣйствительный *средній* процентъ по губерніи.

были бы ожидать. Чѣмъ богаче губернія и промышленнѣе, тѣмъ доходъ съ имуществъ долженъ бы быть выше, а выходитъ наоборотъ. Для объясненія этого явленія, мы присоединимъ слѣдующія замѣчанія:

1) Главную оброчную статью въ нашихъ городахъ занимаютъ *земельныя угодья*. Количество земли, принадлежащей городамъ, чрезвычайно разнообразно и мало подчиняется какимъ либо общимъ законамъ; во всякой губерніи есть города многоземельные и малоземельные, и притомъ многоземельные города встрѣчаются въ самыхъ населенныхъ, а малоземельные въ самыхъ пустынныхъ уѣздахъ. Города особенно богатые землею въ разсматриваемыхъ полосахъ суть Кемь—27,458 д. (въ томъ числѣ 11,234 неудобной), Меленки 13,889 д., Тихвинъ 13,785 д. (въ томъ числѣ 6,072 лѣсной) и Порховъ 12,760 д. (8,370 лѣсной); самый бѣдный городъ Старая Руса всего 57 д. городской земли. Общихъ сравнительныхъ выводовъ и доходности земель мы не можемъ представить, во первыхъ, потому что, въ лежащихъ предъ нами изданіяхъ, не вездѣ показана сумма дохода, получаемаго съ земель своихъ каждымъ городомъ, и очень рѣдко объяснено число отдаваемыхъ въ оброкъ десятинъ, а главное потому, что доходъ съ земли—вещь весьма условная, тѣсно связанная съ мѣстными удобствами и подавать мнѣніе о степени доходности того или другого участка изъ «прекраснаго далека» не приходится. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что въ приведенныхъ источникахъ по Ярославской губерніи, гдѣ вообще земля составляетъ существенную статью городскихъ доходовъ:

Въ Даниловѣ	съ	263 д.	получалось	1,498 р.
» Мологѣ	»	516 »	»	1,889 »
» Ростовѣ менѣе		300 »	»	2,103 »
» Рыбинскѣ	»	129 »	»	2,978 »

И изъ прекраснаго далека нельзя не подивиться, что такой богатый землею городъ, какъ Меленки получаетъ съ 13,889 д. только 1,911 р., тогда какъ въ Муромѣ земли 828 д. а доходу 1,816 р. Замѣчательное явленіе рядомъ съ этимъ представляетъ *Пудожъ* (Ол. губ.) у котораго земли 3,191 д.; онъ ее отдаетъ подъ сѣнокошеніе и хлѣбопашество и получаетъ 1,326 р.; положимъ, для сѣнокоса нужны мѣстныя удобства, а вѣдь подъ пашню подгородную землю возьметъ всякой съ величайшею радостью, и потому, если въ Пудожѣ такой значительный доходъ съ кортомы, отъ чего онъ такъ ничтоженъ въ другихъ городахъ? Вообще говоря, земельными угодьями сравнительно богаче города Олонецкой губерніи, Новгородской (кромѣ Демьянска и Старой Русы), Архангельской и Петербургской; бѣднѣе другихъ — Московской и Костромской.

2) Затѣмъ главную оброчную статью составляютъ *лавки* и зданія

для торговли и промысловъ въ разныхъ видахъ. Разбирая оброчныя статьи, по этому разряду, мы видимъ, что Московская губернія, кромѣ малоземелія, вообще мало имѣетъ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей, по крайней мѣрѣ лавки показаны только въ четырехъ городахъ: Бронницахъ, Вереѣ, Дмитровѣ и Серпуховѣ, доходъ же вообще по этимъ городамъ, съ лавокъ сравнительно высокій; въ Клину показана мельница приносящая 435 р., въ Можайскѣ 3 кружала (кабака) 100 р., что-то очень мало, ибо намъ извѣстно, что въ самыхъ отдаленныхъ селеніяхъ, питейные дома не приносятъ менѣе 50 руб. По отсутствіи оброчныхъ статей, Московская губернія представляетъ самый низкій процентъ дохода съ городскихъ имуществъ. Совсѣмъ другое дѣло Нижегородская, — тамъ виною не отсутствіе оброчныхъ статей, а такая низкая на нихъ плата, подобной которой не встрѣчается нигдѣ, кромѣ развѣ Шенкурска, гдѣ 29 лавокъ, по ветхости, приносятъ въ годъ 30 коп. дохода. Въ Нижегородской губерніи существуютъ слѣдующія цѣны за содержаніе оброчныхъ статей; въ Балахнѣ за 161 лавку 143 р., въ Васильѣ за 3 мельницы 11 р. 50 коп., въ Горбатовѣ за два корпуса лавокъ 300 р. Положимъ, что Василя и Княгинина нельзя равнять съ Рыбинскомъ и Ростовомъ; но чѣмъ, напримѣръ, Горбатовъ бѣднѣе Кинешмы, гдѣ за 81 лавку получается около 2,000 р., или напримѣръ, Опочки, гдѣ за 27 лавокъ получается 1,020 р.; въ Порховѣ за 8 лавокъ 947 р., и т. д. въ любомъ городѣ. Причина, почему Костромская губернія, малоземельная, въ заволжской полосѣ, стоитъ такъ высоко, именно та, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ городамъ принадлежитъ довольно много разныхъ имуществъ, и они отданы если не за цѣны слишкомъ высокія, то и не за такъ поразительно низкія, какъ въ Нижегородской губерніи.

Дабы показать степень выгодности другихъ имуществъ, мы приведемъ высшія на нихъ цѣны дохода въ разсматриваемыхъ губерніяхъ: *мельница* (крупчатная) больше всего даетъ въ Рыбинскѣ— 1,800 руб. Доходъ съ важни показанъ особо въ Новгородѣ около 700 р., скотобойня даетъ 120 р. въ Крестцахъ. Это мы можемъ объяснить уже только невозможностію найти другой источникъ дохода въ этомъ маленькомъ городѣ, которому, по бѣдности, Высочайше разрѣшено раздавать обывателямъ городскую землю *даромъ*. Вообще этотъ мелкій фактъ особенно ярко характеризуетъ наше городское хозяйство, на которое холодно, по заведенному порядку, смотрятъ общественныя власти: стаетъ у города средствъ отбыть обязательные расходы, ну и слава Богу, а не стаетъ—можно позаботиться и объ скотобойнѣ. Главная забота у насъ, при дефицитѣ городскихъ доходовъ, нельзя ли отъ казны походатайствовать, благо правительство опредѣлило извѣстные источники на пособіе городамъ! Такое слово осужденія по неволѣ вырывается, когда приглядимся къ ходу дѣлъ

на мѣстахъ, да еще въ добавокъ начитаемся такихъ фактовъ, какъ напримѣръ, въ Московской губерніи, гдѣ для устройства городскихъ имуществъ сдѣлано ни сколько не больше, если еще не меньше, Новѣнца и Шенкурска. Въ Шенкурскѣ когда-то выстроено было 29 теперь уже ветхихъ лавокъ и 4 балагана, а въ Рузѣ, Богородскѣ, Волоколамскѣ и того нѣтъ; въ Волоколамскѣ, напримѣръ, съ городскихъ имуществъ получается 993 р., въ городѣ, въ которомъ есть и торговля и ярмарки и заводы, а въ Олонцѣ съ городскихъ имуществъ 1,998 р., не смотря на то, что въ Олонцѣ и жителей всего 1,000 человѣкъ. А все отъ того, что въ Московской губерніи, въ одной изъ немногихъ, достаетъ помаленьку обыкновенныхъ доходовъ на обязательные расходы, къ числу которыхъ благоустройство города, какъ извѣстно, не относится.

Категорія Б). Сборъ съ владѣльцевъ городской недвижимой собственности, съ домовъ и городскихъ владѣльческихъ земель. Первоначально сборъ со всѣхъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ установленъ былъ только въ пользу однихъ городскихъ доходовъ. Въ 1863 г., вмѣсто уничтоженной подушной подати съ мѣщанъ, введенъ повсемѣстный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ, въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. По новому положенію о земскихъ учрежденіяхъ дозволено облагать земскимъ сборомъ недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ и вообще городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ. Такимъ образомъ, недвижимое имущество въ городѣ можетъ подлежать *тройному* сбору: а) въ пользу города; b) въ государственный общій налогъ, и с) въ пользу земства. Само собою разумѣется, что мы остановимся на одномъ первомъ разрядѣ: «сборъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городской доходъ.»

По историческому своему происхожденію, сборъ этотъ получилъ характеръ *налога дополнительнаго:* налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ нашихъ городахъ не есть *общее установленіе* или повсемѣстно силою закона введенный сборъ; но и теперь, какъ и прежде, городъ, котораго доходы оказывались недостаточными для покрытія текущихъ или обязательныхъ расходовъ, съ разрѣшенія правительства устанавливалъ поземельный или оцѣночный сборъ, какъ единовременный способъ покрытія дефицита; этотъ единовременный сборъ впослѣдствіи обращался мало по малу въ постоянный источникъ городскихъ доходовъ. Причина, почему у насъ городской дефицитъ пополняли именно оцѣночнымъ сборомъ съ городской недвижимой собственности, заключалась въ составѣ городского населенія: иначе нельзя было привлечь къ участію въ городскихъ расходахъ осѣдлыхъ собственниковъ, не принадлежащихъ къ сословію мѣщанъ и купцовъ, составлявшихъ въ юридическомъ смыслѣ городское населеніе. Отъ того въ западныхъ городахъ, гдѣ составъ населенія дру-

гой, общественная раскладка на пополненіе дефицита, напротивъ, преимущественно разлагалась по промысламъ и торговлѣ.

«Инструкція чиновникамъ для ревизіи городовъ» опредѣляетъ сборъ этотъ, называемый вообще *оцѣночнымъ*, слѣдующимъ образомъ: оцѣночный сборъ производится исчисленіемъ валового дохода, получаемаго владѣльцемъ съ имущества и необходимыхъ постоянныхъ расходовъ, на основаніи постановленныхъ правилъ, чѣмъ опредѣляется *чистый доходъ* владѣльца, съ котораго извѣстный процентъ составляетъ долю платимаго имъ налога (иногда оцѣночный сборъ въ частности употребляется говоря о сборѣ съ зданій, а съ земель *поземельный* сборъ).

Система оцѣночнаго сбора заключаетъ въ себѣ у насъ слѣдующіе недостатки:

1) Онъ существуетъ у насъ одинъ, безъ необходимаго своего дополненія *пожилаго* или *налога на помѣщеніе*, вслѣдствіе чего привлекаются къ его уплатѣ одни *домовладѣльцы*, а многочисленный классъ капиталистовъ, помѣщающихся въ наемныхъ домахъ, и также немалочисленный у насъ разрядъ лицъ, имѣющихъ казенныя помѣщенія, не участвуетъ въ городскихъ издержкахъ.

2) Самые способы производства оцѣнки весьма не точны и сложны. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не новѣйшіе способы переоцѣнки домовъ въ столицахъ, но общія правила, наблюдаемыя въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ оцѣночный сборъ введенъ частными городскими положеніями. По правиламъ этимъ, оцѣнкѣ подлежатъ дома, лавки, мѣста и заведенія, принадлежащія обывателямъ, кромѣ извѣстныхъ заведеній, подлежащихъ особому промышленному сбору. Оцѣнка производится депутатскими коммиссіями изъ каждаго сословія по частямъ города. Существовавшія у насъ до сихъ поръ правила оцѣнки, какъ замѣчаетъ, само министерство (Сб. Т. V и прим. 188), вводили безполезную сложность въ исчисленіи на томъ основаніи, что процентный сборъ взимали не прямо съ вычисленнаго *чистаго дохода*, но съ такъ называемаго *оцѣночнаго капитала*. Этотъ оцѣночный капиталъ опредѣлялся введеніемъ *условнаго коэффиціента капитализаціи*. Такъ напр. положимъ, что домъ приноситъ *чистаго дохода* (т. е. за исключеніемъ расхода) 1,000 р.; сборъ исчислялся не съ этой 1,000 р. а съ оцѣночнаго капитала, опредѣляемаго слѣдующимъ образомъ: въ разныхъ частяхъ города, соотвѣтственно различнымъ разрядамъ зданій, въ самыхъ частныхъ положеніяхъ, или особыхъ правилахъ объ оцѣнкѣ указаны были нѣсколько коэффиціентовъ, на которые надобно было помножить этотъ чистый доходъ, дабы получить оцѣночный капиталъ. Такъ напр. въ тульскомъ положеніи сказано, что оцѣночный капиталъ разсчитывается по 6, 7, 10, и до 12%, сообразно мѣстному положенію и выгодности зданій. Положимъ, домъ приносящій 1,000 р., должно оцѣнить по 6%, тогда оцѣнка производится слѣдующею пропорціею:

$\frac{\text{1000 р. дохода}}{\text{X т. е. искомый капиталъ}} = \frac{6}{100}$; откуда $X = \frac{1000 \times 100}{6} = 16{,}666$ р. 66 к.

Съ этого оцѣночнаго капитала и собирается въ Тулѣ напримѣръ по 1 проценту.

Вообще процентъ, собираемый въ губернскихъ городахъ съ оцѣночнаго капитала не одинаковъ и измѣняется отъ $^1/_4\%$ до 2, смотря по потребностямъ города, и кромѣ того освобождаются вовсе отъ оцѣночнаго сбора дома, имѣющіе извѣстный minimum цѣнности (отъ 90 до 200 р. сер., смотря по городу). Ясно, что это введеніе фиктивнаго оцѣночнаго капитала, для того, чтобы сдѣлать сборъ постояннымъ и не требующимъ новой переоцѣнки, совершенно измѣняетъ сущность и характеръ оцѣночнаго сбора, какъ подоходнаго налога, ибо приложеніе подобныхъ условныхъ коэффиціентовъ, предѣлъ которыхъ (maximum и minimum) обозначенъ въ законѣ, всегда будетъ сопровождаться со стороны оцѣнивающихъ лицъ произволомъ, не основаннымъ *на фактѣ*, не на цифрѣ опредѣленнаго въ данную минуту *чистаго дохода*, но на гадательно-примѣрномъ соображеніи выгодъ, представляемыхъ различными мѣстностями въ городѣ. Оттого у насъ оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ разныхъ городахъ, при сравненіи, поражаетъ несообразностію сопоставляемыхъ результатовъ; такъ напр. въ Костромѣ недвижимыя имущества оцѣнены въ 2 милліона руб. сер., тогда какъ въ Ярославлѣ, — который несравненно больше, богаче и лучше выстроенъ, всего оцѣнено на 3 милліона, и т. д.

Вотъ таблица процентнаго отношенія оцѣночнаго сбора къ суммѣ обыкновенныхъ доходовъ по губерніямъ и городамъ двухъ избранныхъ нами полосъ:

Смоленская	18,6
Новгородская	14,4
Владимірская	13,6

Затѣмъ, по отдѣльнымъ городамъ, кромѣ столицъ, оцѣночный сборъ располагается слѣдующимъ образомъ:

Смоленскъ	45,6	Смол.	*Нижній-Новгородъ*	18,8	Новг.
Петрозаводскъ	43,2	Олон.	Шуя	16,3	Влад.
Вологда	33,7	Волог.	Вязьма	16,0	Смол.
Бѣлый	31,8	Смол.	Лодейное Поле	15,5	Олон.
Новгородъ	25,8	Новг.	Повѣнецъ	15,5	Олон.
Тверь	25,0	Твер.	Гдовъ	15,5	С.-Пет.
Кострома	24,9	Костр.	Шлиссельбургъ	15,5	
Тихвинъ	24,1	Новг.	*Ярославль*	12,0	Яросл.
Бѣжецкъ, Корчева, Старица, Кр. Холмъ	24,3	Твер.	Муромъ	10,0	Влад.
			Гжатскъ	10,8	Смол.
Пос. Сольцы	20,2	Псков.	Онега, Пинега	10,5	Арханг.
			Шенкурскъ		

Ржевъ	8,4	Твер.	Кронштадтъ	2,1	С.-Пет.
Владиміръ	7,9	Влад.	Старая Руса	1,0	Новг.
Новая Ладога. . . .	5,2	С.-Пет.	Мышкинъ (позем. сб.)	1,0	Яросл.

Теперь разсматривайте нашу таблицу какъ угодно: вы вездѣ встрѣтите неопровержимое подтвержденіе высказаннаго нами заключенія, о томъ, что оцѣночный сборъ есть чисто *случайный*, дополнительный, а не *уравнительный:*

a) Если вы возьмете одни губернскіе города, то ясно увидите, что Ярославль, Владиміръ, Нижній, платятъ сравнительно меньше Смоленска, Вологды, Петрозаводска; не существуетъ оцѣночнаго сбора въ приморскомъ и торговомъ Архангельскѣ и бѣдномъ Псковѣ.

b) Если вы возьмете уѣздные города, то увидите, что не платятъ самые богатые—Рыбинскъ, Ростовъ и вообще вся Ярославская губернія,—Арзамасъ, Горбатовъ, Коломна, Кашинъ и т. д.; что изъ платящихъ, платятъ больше самые недостаточные,—послѣ Повѣнца и Лодейнаго Поля стоятъ Муромъ и Гжатскъ, послѣ Онеги и Пинеги—Ржевъ и Кронштадтъ.

c) Если вы возьмете одну и ту же губернію, то опять увидите, что платятъ самые бѣдные: въ Олонецкой губерніи платитъ Повѣнецъ, а не платитъ Вытегра, Гжатскъ платитъ меньше Вязьмы, Муромъ меньше Шуи и т. д. Замѣчательно, что во Владимірской губерніи, гдѣ платятъ всѣ города, исключеніе составляетъ *Вознесенскій посадъ!?*

d) Если вы сравните эту таблицу процентнаго исчисленія съ вышеприложенною таблицею сбора съ городскихъ имуществъ и слѣдующею таблицею сбора съ промышленниковъ, то увидите, что *чѣмъ болѣе процентъ платится съ недвижимой собственности, тѣмъ сравнительно менѣе процентъ или доходы съ городскихъ имуществъ или сбора съ промысловъ.* Возьмите напр. Смоленскъ,—въ немъ относительно самый высокій сборъ съ недвижимой собственности, за то въ разрядѣ дохода съ городскихъ имуществъ, Смоленскъ занимаетъ послѣднее мѣсто (22%); возьмите въ одной и той же губерніи сравнительную таблицу платежа съ недвижимой собственности и промысловъ, напримѣръ Владимірской губерніи.

Владиміръ:	съ город.	недвиж.	собств.	7,9	съ промышл.	и заведеній	10,4
Шуя	»	»	»	16,3	»	»	19,5
Муромъ	»	»	»	10,9	»	»	28,5

Вы видите, что во Владимірѣ промышленники платятъ *всего болѣе*, и потому недвижимая собственность *всего менѣе.* Мы здѣсь не говоримъ про неуравнительность промышленнаго налога; хотя для всякого очевидно, что шуйскимъ богатымъ фабрикантамъ, во всякомъ случаѣ, было бы не обидно платить на свой городъ больше владимір-

скихъ купцовъ,—но замѣчательно это соотвѣтствіе налога съ недвижимой собственности и увеличеніе его въ городахъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ другихъ источниковъ дохода, что́ и составляетъ признакъ его, какъ налога *случайнаго*, *дополнительнаго*. Внимательное разсмотрѣніе таблицъ убѣдитъ въ этомъ всякого, и потому дальнѣйшее приведеніе примѣровъ мы считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что самопроисхожденіе этого налога указываетъ на неизбѣжность подобнаго результата. За всѣмъ тѣмъ сборъ съ недвижимыхъ имуществъ занимаетъ второе мѣсто въ системѣ городскихъ доходовъ и доставляетъ 19,4% всѣхъ вообще доходовъ и около 27% однихъ обыкновенныхъ. Изъ одного перечня городовъ, гдѣ до сихъ поръ не введенъ сборъ съ владѣльцевъ недвижимой собственности (Рыбинскъ, Ростовъ, Архангельскъ, Курскъ, Тамбовъ, Ирбитъ, Моршанскъ и пр.), ясно, что онъ представляетъ значительное средство для замѣны другихъ, слишкомъ тяжелыхъ или несообразныхъ съ началами здравой народной экономіи налоговъ простымъ его введеніемъ въ общую систему доселѣ существующихъ городскихъ налоговъ, не въ видѣ чрезвычайнаго, но обыкновеннаго, общимъ закономъ установленнаго дохода. Съ другой стороны, въ городахъ бѣдныхъ, гдѣ сборъ съ недвижимыхъ имуществъ уже введенъ на пополненіе городского дефицита, не смотря на то, что сумма, назначенная правительствомъ на уплату государственнаго налога, сравнительно незначительна, городская недвижимая собственность чрезмѣрно отягощена, ибо съ нея и безъ того взимается извѣстный процентъ на городскія нужды и слѣдовательно справедливость требуетъ понизить этотъ послѣдній процентъ, замѣнивъ его отысканіемъ другихъ источниковъ городскихъ доходовъ. Въ городахъ богатыхъ введеніе сборовъ съ городской недвижимой собственности въ пользу города, рядомъ съ государственною податью, дозволило бы или понизить другія, сравнительно болѣе отяготительныя статьи городскихъ повинностей или расширило бы средства города;—говоря вообще,—платежъ съ недвижимой собственности въ государственный бюджетъ самъ по себѣ весьма не великъ и не составляетъ ощутительной тягости для городскихъ собственниковъ, не обремененныхъ черезъ силу другими налогами; повсемѣстное же распространеніе сбора съ недвижимой собственности въ городскую казну, послѣ введенія государственной подати, сдѣлалось возможнѣе потому, что 1) городскіе собственники тамъ, гдѣ они были свободны отъ всякой повинности, привыкли въ настоящее время отбывать ее, и слѣдовательно, сборъ въ пользу города представляется не новымъ *небывалымъ* налогомъ, а дополненіемъ прежде существовавшаго, въ видахъ бывшей уравнительности; и 2) повсемѣстная раскладка государственнаго налога, установила, или по крайней мѣрѣ должна была установить, нѣчто въ родѣ мѣстнаго кадастра или оцѣнки городской недвижимой собствен-

ности; есть значитъ факты, готовыя данныя, по которымъ въ настоящее время общество можетъ ввести дополнительный сборъ въ пользу города безъ отягощенія и съ извѣстною долею уравнительности,—что прежде было бы трудно на первыхъ порахъ и что, можетъ быть, составляло одну изъ причинъ, почему городскія общества не могли или не хотѣли прибѣгнуть къ этому источнику.

Категорія В). Сборъ съ промышленниковъ и торгующихъ лицъ. Система промышленныхъ налоговъ у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, измѣнена новымъ положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. Положеніе это необходимо должно было оказать вліяніе на городскіе промышленные сборы и прежде дѣйствовавшее *общее* законодательство получило значительныя измѣненія.

Но общія правила о поступленіи городскихъ доходовъ съ промышленниковъ и промышленныхъ заведеній, по циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 20 іюня 1863 года за № 102, не отмѣняютъ частныхъ положеній, Высочайше утвержденныхъ для различныхъ городовъ. Что же именно заключается въ этихъ частныхъ положеніяхъ?

Представляя перечень этихъ частныхъ положеній по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ (за исключеніемъ столицъ, Одессы и Остзейскаго края, руководствующихся въ настоящее время особыми правилами по городскому хозяйству и управленію), мы никакъ не претендуемъ на полноту нашихъ свѣдѣній; но мы старались исчерпать всѣ разнообразные разряды налоговъ, чтобы представить подробную и вѣрную ихъ картину такъ, что прибавленіе нѣсколькихъ городовъ къ тому или другому разряду не можетъ измѣнить общихъ выводовъ.

Налогъ на промышленниковъ и торгующихъ лицъ, по частнымъ положеніямъ представляетъ въ городахъ слѣдующіе главные разряды:

I. *Личный налогъ, или прямой налогъ съ промышленниковъ.*

Сюда относятся:

1) Налогъ съ фабрикантовъ и заводчиковъ изъ *дворянъ*, въ купеческомъ званіи не записанныхъ, но имѣющихъ лавки въ городѣ, для продажи своихъ произведеній, установленный въ Казани.

2) Налогъ на прикащиковъ, сидѣльцевъ и артельщиковъ изъ *крестьянъ*, *иногородныхъ*, *купеческихъ дѣтей* и *мѣщанъ*, достигшихъ совершеннолѣтія. Въ Вологдѣ каждый изъ нихъ платитъ 25 руб. сер.; подобный налогъ существуетъ въ Вяткѣ, Казани и другихъ городахъ.

3) Съ *мастеровыхъ* и *ремесленниковъ*, какъ туземныхъ, записанныхъ въ цехи, такъ и иногородныхъ, временно цеховыхъ и вовсе не приписанныхъ [1]). Налогъ съ туземныхъ встрѣчается рѣже: въ Калугѣ-

[1]) Дѣйствующимъ законодательствомъ подушная подать съ мѣщанъ перешла въ

Курскѣ. Гораздо обыкновеннѣе налогъ съ временно цеховыхъ и незаписанныхъ, или *иногородныхъ:* въ Вологдѣ, Екатеринославлѣ, Кіевѣ, Олонецкѣ, Самарѣ, Тулѣ, Нижнемъ и уѣздныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Въ Вяткѣ и Казани установленъ налогъ съ мастеровыхъ, принимающихъ къ себѣ *новыхъ рабочихъ*. Размѣры налога, взимаемаго городами съ ремесленниковъ, очень разнообразны, въ Вологдѣ берется 5 руб. съ мастера, 3 руб. съ подмастерья, 2 руб. съ работника и ученика. Самый значительный налогъ въ Нижнемъ: 10 руб. съ хозяина и 5 руб. съ рабочаго, къ уѣздныхъ городахъ Нижегородской губерніи, съ мѣщанина или посадскаго, держащаго, на основаніи дозволенія закона, не болѣе 4 рабочихъ, берется половина налога, существующаго въ губернскомъ городѣ, а имѣющіе болѣе 4 рабочихъ должны брать свидѣтельство и вносить съ него по 10% въ пользу города. Въ Екатеринославлѣ съ мастера 1 руб. 50 к., съ подмастерья 90 к., съ рабочаго 60 к., съ ученика 30 к., въ Олонецкѣ по 2 руб. со всякого безразлично, въ Самарѣ съ хозяина 6 руб., съ работника

пошлину за право торговли и промысловъ. Всѣ вообще содержатели фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній подлежатъ *билетному сбору* въ государственный доходъ, а лица, производящія въ городѣ мелочной или внѣ его развозный или разносный торгъ должны брать *промысловыя свидѣтельства*. Больше или меньше платятъ въ настоящее время мѣщане? Свидѣтельство *на мѣщанскіе промыслы* стоитъ 2 руб. 50 коп., но оно выдается только *рабочимъ*. Между тѣмъ извѣстно, что *рабочими* въ городахъ были у насъ преимущественно крестьяне разныхъ наименованій и дворовые люди, а отнюдь не мѣщане, большая часть которыхъ занята была мелочнымъ или разноснымъ торгомъ или промыслами и ремеслами, подходящими подъ категорію заведеній при мелочномъ торгѣ. Въ прежнее время мѣщанинъ платилъ подушной подати 2 руб. съ души (до указа 25 декабря 1862 г.), и на земскіе сборы среднимъ числомъ 1 р. съ души; слѣдовательно, полагая мѣщанское семейство среднимъ числомъ въ *три* мужскія души (что очень много), получимъ средній подушной налогъ съ домохозяина или трудовой единицы—9 руб. Принимая за среднюю цифру промысловаго налога сложный выводъ изъ 3 и 4 разряда мѣстностей, заключающихъ въ себѣ большинство городскихъ населеній, получимъ, что та же трудящаяся единица платитъ въ настоящее время въ одинъ государственный сборъ, занимаясь въ городѣ:

Мелочнымъ торгомъ.	12 р. 50 к.
Ремесломъ, въ промышленномъ заведеніи, за свидѣтельство, вмѣстѣ съ билетомъ	17 » 50 »
Снискивающій пропитаніе въ качествѣ рабочаго и не имѣющій заведенія или другихъ рабочихъ	2 » 50 »

Итакъ, особенно если принять въ соображеніе земскіе сборы и падающій на домохозяевъ сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, государственный налогъ на ремесленниковъ значительно увеличился. Это особенно важно имѣть въ виду при обложеніи ремесленниковъ городскими сборами; ибо вообще у насъ ремесла въ городахъ потому и не водятся, что ремесленный классъ облагался до сихъ поръ сравнительно слишкомъ высокимъ мѣстнымъ налогомъ, при чемъ налогъ этотъ преимущественно падалъ на иногородныхъ ремесленниковъ, поддерживая монополію мѣстныхъ.

2 руб., съ ученика 1 р., въ Тулѣ съ записанныхъ, съ хозяина 5 руб., съ рабочаго 1 руб., съ незаписанныхъ вдвое.

4) Съ рабочихъ людей, занимающихси *временно работою* въ городѣ: съ употребляемыхъ на биржѣ и буянахъ купечествомъ работниковъ или артельщиковъ изъ крестьянъ и разночинцевъ въ Архангельскѣ и Онегѣ; съ рабочихъ людей, находящихся при ловлѣ рыбы и тюленей на эмбенскихъ промыслахъ въ Астрахани; съ прядильщиковъ на канатныхъ фабрикахъ и со всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ на заводахъ, кромѣ поденьщиковъ, въ Вологдѣ по 2 руб. съ мужчины и по 1 руб. съ мальчика и женщины; съ крестьянъ занимающихся въ городѣ распиловкою лѣса въ Калугѣ и въ Нижнемъ по 10 руб. съ пилы (т. е. съ двоихъ); съ слугъ и рабочихъ въ Твери, и т. д. Положеніе о пошлинахъ за право торговли вообще значительно облегчило повинности этого рабочаго класса, установленіемъ съ нихъ единообразнаго государственнаго налога въ 2 руб. 50 коп., вмѣсто прежней подушной пошлины; но кромѣ того, сельскіе обыватели, подлежащіе уже прямымъ податямъ по обществамъ, къ которымъ приписаны, не обязаны платить и этихъ 2 руб. 50 коп. Неужели города будутъ продолжать свои мѣстные сборы съ этихъ людей? Гораздо болѣе, кажется, городъ выигрываетъ отъ ихъ присутствія, нежели они отъ пользованія тѣми удобствами городской жизни, которыя предлагаетъ имъ собственно городское общество или управленіе, въ теченіе временнаго ихъ пребыванія. Если крестьяне, приходящіе на временные заработки, обязаны платить, то почему же не платятъ всѣ проѣзжающіе, останавливающіеся въ городахъ, вѣдь и они такіе же временные посѣтители городскихъ поселеній?

5) Съ лицъ занимающихся нѣкоторыми *особыми родами промышленности;* сюда относятся:

a) Сборъ съ *пивоваровъ* и *медоваровъ*. Налогъ этотъ находился въ связи съ прежнею откупною системою и состоялъ въ уплатѣ въ пользу города извѣстнаго процента съ платимаго въ казну акциза. Мы встрѣчаемъ его въ весьма многихъ городахъ: Воронежѣ, Казани, Тулѣ, Калугѣ, Нижнемъ Новгородѣ и уѣздныхъ городахъ Нижегородской губ. и т. д.; большею частію онъ составлялъ 1—2%, только въ Тулѣ назначено 5% «по уваженію, какъ сказано въ положеніи, особаго удобства, представляемаго для этой промышленности, дешевизною хлѣба.» Такъ какъ налоги эти существовали по частнымъ положеніямъ, то они остались безъ измѣненія дѣйствующимъ законодательствомъ о новой акцизной продажѣ питей.

b) Съ *извощиковъ* [1]). Это самый обыкновенный сборъ встрѣчаю-

[1]) Положеніемъ о торг. и др. пром. извощичій промыселъ освобожденъ отъ государственныхъ податей, кромѣ содержанія конторъ для транспортированія кладей и пассажировъ.

щійся не только почти во всѣхъ губернскихъ, но и во многихъ уѣздныхъ городахъ (Динабургѣ, Арзамасѣ и пр.) [1]), не имѣющихъ никакихъ другихъ особыхъ статей дохода. Сборъ этотъ большею частію платится съ *лошади*, безъ всякого дальнѣйшаго различія. Въ Нижнемъ онъ доходитъ до 10 р. (серебромъ или ассигнаціями? Положеніе издано во время счета на ассигнаціи, но та же цифра выставлена безъ всякого опредѣленія и въ теперешнихъ министерскихъ изданіяхъ).

с) Съ торгующихъ *маркитантскимъ товаромъ:* хлѣбниковъ, калашниковъ, булочниковъ, сбитенщиковъ, пирожниковъ, блинщиковъ, конфетчиковъ [2]) и т. д. Сборъ этотъ производится большею частію вообще съ мѣстныхъ и иногородныхъ: въ Вологдѣ, Нижнемъ и Тулѣ они платятъ по 5 р. съ хозяина и по 2 р. съ рабочаго; подобный же сборъ существуетъ въ Воронежѣ, Калугѣ, Кіевѣ, Курскѣ, въ городахъ Нижегородской губерніи вдвое меньше губернскаго города, въ Олонецкѣ съ хозяина 4 р. съ рабочаго 1 р., въ Казани [3]) и т. д. Во многихъ городахъ сборъ этотъ исчисляется вполовину противъ платимаго другими ремесленниками. Въ Астрахани обложены сборомъ только *иногородные* люди, занимающіеся приготовленіемъ калачей, сбитня, пряниковъ, сухарей и квасу.

д) Съ пріѣзжающихъ въ города *эквилибристовъ, штукмейстеровъ и ташенипилеровъ:* въ Курскѣ, Новочеркасскѣ, Казани, Калугѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Самарѣ и пр., по усмотрѣнію думы и степени выгодности, представляемой этимъ «мастерствомъ.»

II. *Сборъ съ промышленныхъ заведеній.*

Говоря о *поземельномъ сборѣ*, взимаемомъ съ городскихъ *общественныхъ* и *владѣльческихъ* земель, занятыхъ промышленными заведеніями, мы сказали, что вообще сборъ съ *земли* перешелъ на самыя

---

[1]) Въ Ростовѣ-на-Дону всѣ иногородные извощики, привозящіе въ городъ товары, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, обязаны привести городу возъ песку или камня, не далѣе $2^1/_2$ верстъ, для устройства набережной или внести, вмѣсто этого, установленный сборъ.

[2]) По дѣйствующему законодательству всякая разносная продажа съѣстныхъ припасовъ, фруктовъ и лакомствъ освобождена отъ взиманія государственныхъ пошлинъ (росп. А, прил. къ ст. 4, п. 6).

[3]) Въ одномъ Казанскомъ положеніи сказано: «сборъ въ пользу города взимается съ продажи въ питейныхъ домахъ съѣстныхъ припасовъ». Въ настоящее время это выгодная статья, и г. Казань не останется въ накладѣ за внесеніе ея въ городской бюджетъ; простонародные трактиры и харчевни замѣняются вездѣ распивочными продажами съ приготовленіемъ закусокъ, т. е. заведеніями, которыя, не подходя подъ разрядъ харчевенъ, обложенныхъ налогомъ въ другихъ городахъ, не могутъ быть привлечены къ платежу въ городской доходъ ни по общему закону, ни по частнымъ положеніямъ.

промышленныя заведенія, какъ имущество, приносящее доходъ. Отличительный признакъ этого послѣдняго, *оцѣночнаго сбора* съ промышленныхъ заведеній, тотъ, что онъ падалъ безразлично на заведенія, выстроенныя хозяевами на своей ли или на городской землѣ. Обложеніе этихъ заведеній произошло не вдругъ; но постепенно распространялось на извѣстные разряды заведеній, существующихъ въ данномъ городѣ, а потомъ эти частные разряды *обобщались*, т. е. всякій городъ, составляющій для себя частное положеніе, имѣлъ ихъ въ виду и прямо вносилъ, по примѣру предъидущихъ, тѣ разряды, которые находились въ немъ на лицо, опуская, измѣняя и дополняя по мѣстнымъ удобствамъ, что и получало правительственное утвержденіе.

Такъ въ разныхъ городахъ выдѣлились извѣстные разряды торговыхъ и промышленныхъ заведеній, облагаемыхъ пошлиною, по *постоянной*, въ самомъ положеніи Высочайше *утвержденной таксѣ*, но каждый разрядъ особо. Сюда относятся—*торговыя* бани: въ Астрахани, Воронежѣ, Уфѣ, Самарѣ и пр.; *постоялые дворы и подворья:* въ Казани Кіевѣ и пр.; *модные и другіе магазины:* въ Вологдѣ; *цирульни:* въ Астрахани; *кондитерскія:* въ Казани, Кіевѣ, Уфѣ, Курскѣ и пр.; *курени для печенія хлѣба:* въ Самарѣ по 10 р. съ заведенія; *сбитенныя лавочки:* въ Уфѣ; *квасницы*, въ которыхъ приготовляется крестьянами квасъ и черный хлѣбъ и пекутся булки: во Владимірѣ, съ 1835 г., «по тому уваженію, что они дѣлаютъ этимъ подрывъ мѣщанамъ»; *мелочныя лавочки:* въ Астрахани съ наружныхъ лавокъ при домахъ, занимающихся розничною продажею и съ мелочныхъ заведеній, лавочекъ, пригородокъ, приносящихъ дохода болѣе 100 р. взимается въ пользу города, при оборотѣ 100—500: 10 р., отъ 500—1000: 25 р.; *театры:* въ Новочеркасскѣ, Кіевѣ, гдѣ содержатель долженъ дать одно представленіе въ пользу города и пр.; съ поименованныхъ въ самомъ частномъ положеніи *фабрикъ и заводовъ, стоящихъ не на городской землѣ:* въ Уфѣ съ заводовъ кожевенныхъ по 15 р., съ мыловареныхъ по 50 р.; въ Астраханской губерніи съ заведеній, гдѣ выдѣлывается и продается чихирь по 5 [1]) р.; въ Курскѣ, Воронежѣ, Тулѣ и Самарѣ обложены салотопенные, клейные, свѣчные, кожевенные и пр. заводы, *производящіе смрадъ и нечистоту* и пр.

Въ очень немногихъ городахъ сборъ этотъ достигнулъ *полнаго обобщенія*, не ограничиваясь извѣстными разрядами промышленныхъ заведеній, но падая безразлично на всѣ фабрики и заводы, существующіе внутри и внѣ городской черты: такъ сборъ вообще съ фабрикантовъ и заводчиковъ въ Калугѣ, Кіевѣ, Вологдѣ, Казани (по числу рабочихъ) и пр.

---

[1]) По нов. уст. о пит. сб., въ Астраханской и Ставропольской губ. введенъ вообще акцизъ въ пользу города съ заведеній продающихъ чихирь (ст. 279 прим. 2).

Дальнѣйшее движеніе промышленнаго налога состояло въ томъ, что, сохраняя обложенные разряды промышленныхъ заведеній, сборъ взимался съ каждаго изъ нихъ, не по постоянной утвержденной таксѣ, для всѣхъ безразличной, но переходилъ въ болѣе уравнительный, подоходный сборъ *по оцѣночной системѣ*.

III. *Сборъ съ товаровъ.*

Вообще къ этому разряду относятся только сборы съ приходящихъ и отпускныхъ товаровъ въ пользу города, взимаемые городомъ безъ всякой съ его стороны *затраты* или доставленія удобства торгующимъ, ибо сборы за пользованіе со стороны послѣднихъ городскими *устроеніями*, составляющими городскія оброчныя статьи, разсмотрѣны уже нами въ своемъ мѣстѣ. Такъ сюда относятся:

a) *Сборы въ портовыхъ городахъ.* Они составляютъ видъ таможенныхъ пошлинъ и большею частію перешли въ завѣдываніе правительства, которое выдаетъ городу извѣстную сумму въ *замѣнъ таможенныхъ доходовъ*. Эти доходы въ росписяхъ помѣщаются въ категоріи *доходовъ вспомогательныхъ*, гдѣ мы ихъ и разсмотримъ. Но въ нѣкоторыхъ городахъ подъ разными наименованіями, существуютъ *доходы добавочные*, сверхъ получаемыхъ изъ казны. Сюда, напримѣръ, относятся: въ Архангельскѣ сборъ съ отпускаемыхъ за море пеньки, льна и пакли, по $1^1/_7$ коп. съ пуда (коло 11,000 р. въ годъ); въ Астрахани, съ оптовой торговли азіятцевъ (2,250 р); въ Маріуполѣ, такъ называемый *вѣсовый сборъ*, съ русскихъ товаровъ, хлѣбныхъ и съѣстныхъ по $1^1/_2$ коп. съ четверти, съ сырыхъ произведеній по $^1/_4$ коп. сер. съ пуда, съ иностранныхъ товаровъ со всѣхъ вообще по $^1/_2$ коп. съ пуда, а съ жидкихъ $^1/_4$ коп. съ ведра, сборъ этотъ производится таможнею и ежемѣсячно доставляется думѣ; въ Ѳеодосіи съ отпуска пшеницы, ячменя и пр.

b) Сборъ съ *предметовъ внутренней торговли* привозимыхъ, вывозимыхъ и продаваемыхъ въ городахъ, не приморскихъ. Это составляетъ у насъ нѣчто въ родѣ внутреннихъ пошлинъ или *октруа*. Сюда относятся—въ *Астрахани:* со всѣхъ привозимыхъ, откуда бы то ни было, для продажи въ городъ товаровъ (кромѣ хлѣба, съѣстныхъ припасовъ, лѣсу и дровъ), съ каждаго рубля цѣны товара, объявляемой по совѣсти, по 1%; въ *Воронежѣ:* за складку на *наемныхъ* анбарахъ и домахъ сала, шерсти, кожъ, овчинъ и проч.; въ *Вяткѣ:* съ приводимыхъ на ярмарку лошадей; въ *Нижнемъ:* съ продажи фабрикантами въ розницу издѣлій желѣзныхъ и канатныхъ, съ желѣзной лавки 500 руб., съ канатной 200 руб.; въ *Саратовѣ:* съ товаровъ, привозимыхъ мѣстными и иногородными промышленниками по таксѣ, около 22,000 руб. въ годъ и съ неположенныхъ въ таксу, по 1% съ цѣны,

объявленной по совѣсти; въ *Казани:* съ торгующихъ лошадьми, на собственныхъ и наемныхъ дворахъ и съ приводимаго въ городъ на продажу и *прогоняемаго* скота, и проч.

IV. *Сборъ съ проходящихъ судовъ.*

Пошлина эта имѣетъ совершенно одинакое значеніе съ предъидущею, съ тѣмъ только различіемъ, что сборъ перенесенъ съ *товаровъ* на *суда.* Сюда относятся:

1) *Сборъ въ портовыхъ городахъ*—въ *Ялтѣ:* съ судовъ, принадлежащихъ мѣстнымъ городскимъ обывателямъ и съ иногородныхъ, приходящихъ не только для торга, но и для *всякой* надобности, взыскивается по размѣру, не съ количества дѣйствительнаго груза, а съ того, который они вмѣстить могутъ; въ *Астрахани:* съ лодокъ и волокушъ, отправляющихся на эмбенскіе тюленьи промыслы (около 2,700 руб. въ годъ), тамъ же съ морскихъ судовъ, отправляющихся съ грузомъ и принадлежащихъ не купцамъ 1-й гильдіи и не первостатейнымъ (около 7,300 руб.); *якорный* сборъ съ проходящихъ судовъ: въ Бердянскѣ (3,170 руб.), въ Ѳеодосіи, въ Керчи (12,750 р.), тамъ же сборъ съ лодокъ для перегрузки (около 1,060 р.) и т. д.

2) *Сборъ во внутреннихъ городахъ или по внутренней торговлѣ.* Сюда относятся — въ *Астрахани:* съ судовъ, на которыхъ отвозится рыбный товаръ во внутреннія губерніи; въ *Вологдѣ:* съ судовъ, останавливающихся на зимовку отъ 25 коп. до 5 руб. сер., и кромѣ того, въ Вологдѣ приплывающія суда облагаются сборомъ булыжнаго камня для мощенія улицъ; въ *Костромѣ:* съ пристающихъ къ городу судовъ съ хлѣбомъ, известью и дегтемъ; въ *Нижнемъ:* съ приходящихъ и отходящихъ судовъ по 1 руб. съ 1,000 руб. оцѣнки клади; въ *Перми:* съ судовъ и пароходовъ, нагружаемыхъ и выгружаемыхъ, кромѣ судовъ съ хлѣбомъ и солью и казенныхъ, по $^1/_{10}\%$ съ цѣнности груза по накладной; въ *Самарѣ:* съ судовъ, съ коихъ торгуютъ иногородные промышленники весною и лѣтомъ, по размѣру судовъ и по разряду товаровъ; въ *Калугѣ:* съ судовъ, проходящихъ на зимовку, *около* устроенныхъ городомъ дамбъ и проч.

Что̀ подумали вы, благосклонный читатель, если у васъ хватило терпѣнія дочесть этотъ длинный и сухой, но необходимый перечень городскихъ сборовъ съ промышленности и торговли, — пополнивъ его таковымъ же на предъидущихъ страницахъ о поземельномъ сборѣ для отвода мѣстъ подъ промышленныя заведенія и складъ товаровъ, — что̀ подумали вы, особенно, если подобно мнѣ и большинству нашей публики, вы самодовольно похваливали свободу нашей внутренней и мелочной промышленности и торговли, отсутствіе внутреннихъ пошлинъ и октруа въ нашемъ отечествѣ?! И замѣтьте, что все это — стремле-

ніе самихъ городскихъ обществъ, такъ что, предоставь имъ правительство полную свободу, они, пожалуй, возобновили бы и вѣсчее, и тамгу, и мытъ и всѣ эти удовольствія, нѣкогда уничтоженныя Елизаветой Петровной. Послѣ этого, когда я скажу вамъ, что сборъ съ промышленниковъ и промышленныхъ заведеній составлялъ въ 1858 г. 1,698,383 руб., т. е. 15,9% всѣхъ вообще городскихъ доходовъ и около 21% однихъ обыкновенныхъ, вы спросите меня: сколько изъ этой суммы приходится на долю торгующаго купечества и фабрикантовъ, и сколько платятъ блинщики, калашники, кузнецы, извозчики, пильщики и весь этотъ рабочій людъ, обложенный съ такою послѣдовательностью и предусмотрительностью, что даже взимается пошлина со скота, временно прогоняемаго и пасущагося на городской степи? вотъ этого-то я, по неимѣнію данныхъ и не могу вамъ сказать.... Невольно ставится вопросъ: какого рода вліяніе на городскую промышленность оказываютъ всѣ эти безконечные сборы, неоправдываемые никакими затратами со стороны нашихъ городовъ? Что̀ выгоднѣе для города — отказаться ли отъ нихъ и ожидать увеличенія своихъ доходовъ отъ бо̀льшаго вслѣдъ за тѣмъ развитія промышленности и торговли, или продолжать покрывать обычный свой дефицитъ этимъ подручнымъ способомъ, откинувъ прочь разумную, но отдаленную заботу объ увеличеніи благосостоянія, подъ гнетомъ неумолимой нужды, незнающей чѣмъ покрыть насущную необходимость самыхъ неизбѣжныхъ и обязательныхъ расходовъ? Ибо, въ самомъ дѣлѣ, скудны доходы нашихъ бѣдныхъ городовъ! Фиско и фонъ деръ Стретенъ [1]) разсчитываютъ, что въ 1858 и 1860 г. сумма обложенныхъ подоходною податью (income taxe) доходовъ промышленнаго и торговаго сословія въ Англіи (Сед. Д. по акту 1842 г.) была:

1858 г.	1860 г.
67,832,390 L. или 440,910, 535 р.	77,824,790 L. или 505,861,135 р.,

слѣдовательно, въ *два* года, *чистый* доходъ промышленнаго сословія возросъ на 64,950,600 руб. Одинъ Лондонъ объявилъ въ 1856 году чистаго дохода съ своего промышленнаго класса (съ City), въ которомъ всего 160,600 жителей) 85,670,000 руб.! Въ 1861 году income taxe принесла въ государственный бюджетъ 10,688,001 фунт. стерл.; разсчитывая по процентамъ, получаемъ подать съ промышленнаго класса (Сед. Д.), примѣрно, 21,376,000 руб., что навѣрное ниже дѣйствительнаго. Слѣдовательно, нашъ прямой государственный налогъ съ промышленнаго класса доставляетъ почти втрое меньше англійскаго, тогда какъ income taxe составляетъ въ Англіи всего около 16% государственныхъ налоговъ, изъ коихъ 81% приходится на кос-

[1]) Taxes locales de la Grande Brétagne.

венные налоги, оплачиваемые также въ значительной степени тѣми же классами. Для объясненія этого, на 131 стр. календаря на 1863 г., помѣщена маленькая, но очень любопытная таблица, изъ которой видно, что на каждаго жителя приходится оборотной суммы внѣшней торговли — въ Англіи 283 франка, въ Австріи 38, въ Турціи 35, а въ Россіи 19!

Тѣмъ не менѣе, нельзя, на основаніи предъидущихъ данныхъ, не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Сильнымъ развитіемъ промышленнаго налога при всевозможныхъ случаяхъ,—городскія сословія наложили тяжелыя оковы на нашу внутреннюю торговлю, фабричную и ремесленную промышленность и вообще на духъ предпріимчивости, и безъ того у насъ далеко неразвитый; иногородный, не приписной, не городской обыватель всюду отталкивается городскими хозяевами, въ качествѣ незваного пришлеца, дѣлающаго, какъ наивно выражается вологодское положеніе, своею конкурренціею только *подрывъ* городскимъ обывателямъ.

2) Если установленъ общій сборъ съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, то едва ли можетъ удерживаться *поземельный сборъ* съ городской общественной земли, отводимой подъ постройку таковыхъ заведеній. У насъ бо́льшая часть городовъ владѣютъ значительнымъ количествомъ земли: около города рѣдко гдѣ можно найти способное мѣсто, не принадлежащее городу,—послѣдній въ этомъ смыслѣ монополистъ, но монополистъ бѣдный, ибо за пустопорожнюю землю ему никто ничего не даетъ. Едва только на подобное мѣсто явился первый охотникъ занять его подъ какое нибудь промышленное заведеніе, какъ городъ начинаетъ самое неразсчетливое и притѣснительное извлеченіе дохода: не успѣлъ еще я и подковы согнуть во вновь построенной кузницѣ, какъ занятый мною клочекъ обмѣриваютъ, накладываютъ на меня оброкъ и заставляютъ платить, тогда какъ сосѣдъ мой, построившій на задахъ своей дворины, ничего не платитъ, потомъ начинаютъ раскладку по промысламъ, съ меня берутъ тоже, что съ сосѣда! Не ясно ли, что чрезъ это взиманіе поземельной аренды за городскую землю,—что́ не избавляетъ нисколько отъ уплаты промышленнаго налога наравнѣ съ другими,—число промышленныхъ заведеній на городской землѣ должно уменьшиться, и городъ *положительно* теряетъ, ибо онъ не получаетъ ни поземельнаго налога, ни промышленнаго сбора, тогда какъ уничтожь онъ первый, послѣдній все-таки остался бы въ его пользу.

3) При существованіи промышленнаго налога, долженъ ли удерживаться вообще *сборъ за складъ товаровъ на пути?* Я, напримѣръ, купилъ хлѣбъ въ Самарѣ, чтобы продать его въ Петербургѣ; у меня въ Самарѣ мои собственные анбары, гдѣ я заготовляю хлѣбъ для нагрузки, въ Рыбинскѣ склады для перегрузки и отчасти для храненія,

въ Петербургѣ анбары для разгрузки и склада хлѣба до продажи. Всѣ мои анбары стоятъ на пристаняхъ на *городской* землѣ, ибо тамъ частной земли и нѣтъ, вся она городская. По праву поземельнаго налога, я долженъ заплатить городу за мѣста подъ анбары и въ Самарѣ, и въ Рыбинскѣ, и въ Петербургѣ, тогда какъ собственно промыселъ мой, торговля моя и доходъ съ нея въ одномъ Петербургѣ, а въ Самарѣ и Рыбинскѣ только мои издержки производства: закупка, нагрузка, храненіе, путина и проч. Разъясненіе этого положенія законодательнымъ путемъ чрезвычайно важно, ибо если по прежнему города, подъ предлогомъ платы за городскую землю, удержатъ этотъ видъ внутреннихъ пошлинъ за транзитъ товаровъ, то нашей внутренней торговли не предстоитъ никакой свободы развитія и благо цѣлой страны будетъ пожертвовано стремленіямъ нѣкоторыхъ городовъ поправить свое благосостояніе, пользуясь мѣстными условіями, въ ущербъ цѣлой странѣ. Этотъ промышленный налогъ на транзитъ товаровъ, зависящій болѣе или менѣе отъ произвола городскихъ властей, болѣе всего охраняетъ и поддерживаетъ монополію тутошнихъ торговцевъ, въ ущербъ иногороднымъ и всему *неторговому* городскому населенію; вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ причинъ, почему, не смотря на обиліе нашихъ сырыхъ продуктовъ, даже при движеніи ихъ водою, т. е. при самой дешевой цѣнѣ привоза, мы не можемъ выгодно соперничать съ другими странами. На западѣ, города собираютъ за мѣста, на счетъ города прилично устроенныя и представляющія для торговцевъ извѣстныя выгоды или удобство, такъ что платится собственно не за *мѣсто*, а за *удобство*, въ видѣ извѣстнаго процента на затраченный городомъ капиталъ. У насъ часто промышленникъ самъ устроитъ дорогу на пристани для себя и для всѣхъ, а городъ все-таки беретъ съ него *за мѣсто*. Тамъ же, гдѣ въ западныхъ городахъ существуютъ ввозныя пошлины или октруа съ извѣстныхъ товаровъ, въ пользу города, тамъ эти пошлины падаютъ только на внутреннихъ потребителей и возвращаются при транзитѣ, т. е. при вывозѣ товара за предѣлы города, такъ въ Лондонѣ одна изъ важнѣйшихъ статей дохода есть налогъ на ввозъ каменнаго угля, но какъ скоро уголь вывозится изъ Лондона, такъ городскія пошлины возвращаются назадъ.

4) Разносная продажа съѣстныхъ товаровъ или такъ называемая маркитантская торговля, освобождена отъ государственнаго налога, но ее слѣдовало бы освободить и отъ городского. Торговля эта и производится самымъ бѣднымъ классомъ городского населенія, и предназначена для удовлетворенія потребностей бо́льшею частію этого класса. Городъ большого дохода съ этой статьи получить не можетъ, и притомъ, если городъ сколько нибудь озабочивается устройствомъ быта бѣднѣйшихъ своихъ гражданъ, то облагая сборомъ этихъ са-

мыхъ людей, онъ тоже самое количество, которое сберетъ съ нихъ въ видѣ налога, долженъ изъ своихъ доходовъ удѣлить другимъ путемъ на призрѣніе недостаточныхъ лицъ и слѣдовательно доходъ его въ настоящемъ случаѣ фиктивный и только возбуждающій справедливыя жалобы на собственниковъ, стоящихъ во главѣ городского управленія.

Категорія Г). Косвенные налоги. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, что такое косвенный налогъ? Слово это общеупотребительное, ходячее, но принадлежитъ къ числу тѣхъ условныхъ и потому неопредѣленныхъ терминовъ, которые только затемняютъ дѣло и сбиваютъ съ толку. Оно имѣетъ и оффиціальное значеніе въ государственныхъ финансахъ, но точно также *мѣстное:* французскіе финансисты понимаютъ его по своему, англійскіе иначе и т. д. [1]). Выраженіе *«косвенный налогъ»* имѣетъ оффиціальный смыслъ и въ нашихъ городскихъ росписяхъ, впрочемъ, какой именно, опредѣлить довольно трудно: въ инструкціи о составленіи росписей никакого общаго опредѣленія не сдѣлано, а представлено простое ихъ перечисленіе, съ прибавленіемъ: *и проч.* Оттого этотъ разрядъ наполняется въ росписяхъ совершенно произвольно, и обыкновенно сюда помѣщается все то, что̀ составитель не умѣетъ отнести къ другимъ болѣе опредѣленнымъ разрядамъ. По формѣ росписей къ косвеннымъ сборамъ причисляются: сборы съ *контрактовъ* и *договоровъ;* сборы съ *векселей* при протестѣ и съ *заемныхъ писемъ,* при явкѣ на срокъ; сборъ съ *аукціонной продажи,* въ вознагражденіе издержекъ за содержаніе аукціонной камеры; сборъ съ *лоттерей,* по частнымъ положеніямъ; единовременный сборъ за *клейменіе вѣсовъ* и *мѣръ,* по общ. уст. о гор. хоз.; сборъ съ *товаровъ,* привозимыхъ моремъ и сухимъ путемъ, на основаніи частныхъ положеній; различные сборы, существующіе въ западныхъ губерніяхъ, на основаніи прежнихъ узаконеній: таковы въ Вильнѣ *брамный* и *бруковый,* съ привозимыхъ въ городъ товаровъ и продуктовъ, отданный на откупъ, *чоповый* съ иностранныхъ винъ (до 2,770 р.) и т. д. Самый важный видъ косвенныхъ налоговъ составляетъ сборъ съ товаровъ и судовъ, подробно разсмотрѣнный нами въ разрядѣ промышленныхъ налоговъ.

Категорія Д). Доходы вспомогательные. Къ вспомогательнымъ доходамъ относятся доходы отъ казны, въ замѣнъ *питейныхъ* и *таможенныхъ* сборовъ.

Въ замѣнъ питейныхъ сборовъ, города пользовавшіеся этимъ отпускомъ до 1827 года, т. е. во время казеннаго управленія питейными сборами, получаютъ тѣ же самыя суммы, какъ и тогда; всѣ же

---

[1]) О различномъ значеніи терминовъ *прямый* и *косвенный* налогъ см. Traité des impôts, par Esquirou de Parieu. T. I, 8—15. Classification des impôts.

прочіе города—по 1% съ поступающаго въ казну дохода, собственно по городу, не считая уѣзда (уст. и пит. сб. ст. 279).

Въ замѣнъ таможенныхъ сборовъ города получаютъ по особому назначенію. Такъ напримѣръ, Кронштадтъ получаетъ отъ казны въ замѣнъ таможенныхъ сборовъ 7,857 р., Архангельскъ ½% съ цѣны привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ, что составляетъ 3,000 руб.; такою же *помощью* пользуется Онега, кромѣ товаровъ, принадлежащихъ приморскимъ жителямъ. Въ 1844 году, по ходатайству Новороссійскаго губернатора, Ростовъ-на-Дону получилъ отъ казны, впредь на 25 лѣтъ, по 10% съ сборовъ, поступающихъ по ростовской таможенной заставѣ и проч.

Категорія Е). Доходы случайные и мелочные.

Сюда принадлежатъ въ особенности *штрафныя деньги:* за нарушеніе правилъ по содержанію трактирныхъ заведеній; за бродящій по улицамъ скотъ; за необъявленіе полиціи о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; вообще штрафныя по городскому управленію деньги съ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ; вычеты за просрочку отпусковъ чиновниками и лицами, получающими жалованье изъ городскихъ доходовъ и пр. Здѣсь же помѣщаются суммы, слѣдующія въ возвратъ отъ военнаго министерства за леченіе нижнихъ воинскихъ чиновъ въ городскихъ больницахъ.

Вотъ распредѣленіе трехъ послѣднихъ категорій въ разсматриваемыхъ нами полосахъ:

Процентное отношеніе *косвенныхъ налоговъ* къ общей суммѣ обыкновенныхъ доходовъ распредѣляется вообще гораздо *равномѣрнѣе* между губерніями и отдѣльными городами.

Изъ губерній представляютъ наиболѣе выдающійся размѣръ процента: Нижегородская 30,3% общ. сум. обыкн. дох., Архангельская 12,8, Олонецкая 11,8; въ прочихъ губерніяхъ процентъ косвенныхъ налоговъ колеблется между 3,7% (въ Вологодской губ.) и 7,9 (въ Смоленской), какъ *крайними предѣлами.*

Что касается до отдѣльныхъ городовъ, то должно замѣтить, что въ Архангельскѣ и Кронштадтѣ всѣ сборы съ товаровъ числятся въ категоріи *вспомогательныхъ* доходовъ, какъ внѣ таможеннаго сбора, отъ чего *косвенныхъ налоговъ* считается въ первомъ только 1,8%, во второмъ 1,1%, а *вспомогательныхъ* доходовъ въ первомъ 48,3%, во второмъ 14,2%. Изъ отдѣльныхъ городовъ наибольшую сумму косвенныхъ налоговъ представляютъ:

	Сумма доходовъ.	Процентное отношеніе.
Нижній Новгородъ .	25,462 руб.	28,1% общ. сум. обыкн. дох.
Ростовъ	867 »	23,5 » » »
Вытегра	794 »	19,5 » » »

	Сумма доходовъ.	Процентное отношеніе.
Горбатовъ	587 руб.	19,5% общ. сум. обыкн. дох.
Вологда	3,495 »	14,8 » » »
Смоленскъ	1,604 »	13,2 » » »
Муромъ	869 »	11,1 » » »
Вышній Волочокъ. .	2,293 »	10,6 » » »

Въ прочихъ городахъ процентное отношеніе колеблется между 9,5 (въ Тихвинѣ) и 1,5 (въ Петрозаводскѣ).

Тщетно стали бы мы искать въ изданныхъ доселѣ источникахъ объясненія, почему исчисленныя нами губерніи и города пользуются сравнительно высшею цифрою косвенныхъ налоговъ. Въ Нижнемъ, Вологдѣ и Смоленскѣ это объясняется, какъ мы видѣли, сборами съ товаровъ, допущенными въ частныхъ положеніяхъ; но для многихъ остальныхъ городовъ не существуетъ частныхъ положеній, и нѣтъ повода думать, что они почему либо выходятъ изъ общей колеи на столько, чтобы обычные источники косвенныхъ налоговъ (какъ сборъ съ контрактовъ, векселей, лоттерей, клейменія и пр.), могли составить значительный перевѣсъ противъ другихъ городовъ. Неужели въ Вытегрѣ пишется векселей и контрактовъ и клеймится мѣръ и вѣсовъ больше, чѣмъ въ Шуѣ напримѣръ, а между тѣмъ, въ Вытегрѣ косвенныхъ налоговъ получается 794 р., а въ Шуѣ 405 р. Необъяснимая для насъ загадка!

По *вспомогательнымъ* доходамъ, изъ 13 губерній 8 имѣютъ таковыхъ доходовъ отъ 2,6 до 2,3% общей суммы доходовъ, Тверская 1,9%, Московская и Нижегородская 3,0 и 3,8%, Владимірская 4,3% и одна только Петербургская 5,3%, т. е. почти вдвое выше большинства губерній.

По *мелочнымъ* доходамъ одна Новгородская имѣетъ 1½%, остальныя меньше 1% или не имѣютъ вовсе.

Отдѣльные города, по вспомогательнымъ доходамъ, располагаются слѣдующимъ образомъ:

6 городовъ	имѣютъ	менѣе	1%	общей суммы обыкн. дох.
9 »	»	»	отъ 1 — 2%	» » »
6 »	»	»	2 — 3	» » »
6 »	»	»	3 — 4	» » »
4 »	»	болѣе	4%	» » »
1 (Муромъ)	»	»	6,6%	» » »

Вообще говоря, процентъ вспомогательныхъ и мелочныхъ доходовъ весьма незначителенъ и распредѣленъ равномѣрно между губерніями и отдѣльными городами.

Итакъ, общіе результаты сообщенныхъ свѣдѣній о доходахъ таковы:

1) Мы уже видѣли, что контроль мѣстной администраціи, въ связи съ недостаткомъ городского самоуправленія ведетъ только къ увеличенію городскихъ расходовъ собственно на содержаніе администраціи. Состояніе городскихъ доходовъ указываетъ съ другой стороны, что этотъ контроль нисколько не послужилъ къ возвышенію арендной платы и устройству городскихъ имуществъ и не препятствовалъ обложенію самыхъ тяжелыхъ и непроизводительныхъ налоговъ бѣдныхъ классовъ населенія и предметовъ первой необходимости. Однимъ словомъ, контроль этотъ не внесъ никакого порядка въ пеструю и нераціонально распредѣленную сферу городского хозяйства. Къ чему же его удерживать? Не служитъ ли это самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости расширенія городского самоуправленія, особенно въ то время, когда земскія учрежденія заявили такое удачное начало и возбудили общественные интересы во всѣхъ слояхъ общества?

2) Предоставляя городамъ свободу отысканія источниковъ городскихъ доходовъ, необходимо поставить на видъ имъ неотложность попеченій объ увеличеніи городскихъ доходовъ съ оброчныхъ статей и такихъ затратъ города, гдѣ онъ доставляетъ удобства частнымъ лицамъ; о сложеніи всѣхъ сборовъ съ городскихъ земель, собственно за *право пользованія* общественною землею, неиначе какъ въ формѣ обыкновеннаго найма или продажи общесвтенной земли частному лицу на равныхъ для всѣхъ условіяхъ: не брать, напримѣръ, за пустопорожнее мѣсто подъ заводъ дороже, нежели подъ постройку жилья, прирѣзку ко двору и т. д.

3) Ввести общій уравнительный налогъ съ недвижимой собственности, какъ на земскія, такъ и на городскія нужды параллельно государственному, съ тѣмъ, чтобы оцѣнка произведена была выборною и отвѣтственною коммиссіею изъ мѣстныхъ обывателей, независимо отъ административныхъ лицъ.

4) Ввести общій уравнительный налогъ на квартирантовъ, занимающихъ помѣщенія выше извѣстной низшей нормы, дабы привлечь къ сбору капиталистовъ, помѣщающихся на наемныхъ квартирахъ, и лица, занимающія казенныя квартиры.

5) Привести въ болѣе строгую, однообразную и уравнительную систему промышленный налогъ, дабы тѣ отрасли мелочного торга, которыя правительство признало нужнымъ освободить отъ государственнаго налога, какъ средства къ существованію бѣднѣйшихъ гражданъ, не были привлекаемы и къ городскимъ сборамъ; а съ другой стороны, чтобы городской и земскій сборъ, не упадая всей своей тяжестію на мелочный и транзитный торгъ, распредѣлялся равномѣр-

нѣе между крупными туземными и иногородными торговцами, повинности которыхъ значительно облегчило дѣйствующее законодательство о пошлинахъ за право торговли.

Намъ остается въ заключеніе разсмотрѣть подобнымъ же образомъ второй отдѣлъ городскихъ доходовъ, а именно, доходовъ чрезвычайныхъ.

B. Чрезвычайные городскіе доходы.

Юридическаго термина для доходовъ чрезвычайныхъ, въ смыслѣ принимаемомъ въ городскихъ росписяхъ, министерскихъ изданіяхъ и распоряженіяхъ, нѣтъ въ Сводѣ Законовъ; терминъ этотъ введенъ впервые инструкціею о составленіи городскихъ росписей 1849 года.

Чрезвычайные расходы заключаютъ въ себѣ двѣ совершенно различныя между собою категоріи:

1) Случайныя и непредвидѣнныя со стороны города поступленія, которыя ни по какимъ соображеніямъ нельзя ввести въ примѣрное погодное исчисленіе, въ роспись; сюда относятся:

a) Единовременный сборъ за записку въ городскую обывательскую книгу; сумма его, въ Св. Зак., опредѣлена не свыше 30 р. сер., съ каждой семьи, по приговору городского общества; но въ нѣкоторыхъ городахъ частными положеніями она возвышена до 100 р. и болѣе.

b) Добровольныя пожертвованія и завѣщанія въ пользу города.

c) Деньги за продажу выморочнаго имущества купцовъ и мѣщанъ, по закону поступающія въ городскую казну.

d) Деньги, вырученныя за продажу городскихъ имуществъ и проч.

Доходовъ этой первой категоріи предполагалось, по росписи на 1858 годъ (подъ рубрикою «изъ другихъ источниковъ»), по всему государству 354,760 р. т. е. 3, 3% всѣхъ вообще городскихъ доходовъ и 12, 1% однихъ чрезвычайныхъ.

2) Обязательныя мѣры пополненія городского дефицита:

a) Особыя, единовременныя и періодическія, общественныя раскладки.

b) Позаимствованія изъ собственнаго городского капитала.

c) Долги.

d) Пособія городамъ отъ правительства и земства.

e) Поступленіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ.

Мы остановимся только на второй, послѣдней категоріи.

Очередь, въ которой эти различныя мѣры призываются на пополненіе городского дефицита, опредѣлена въ законодательствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Если городъ не имѣетъ капиталовъ, и текущіе доходы онаго недостаточны для покрытія всѣхъ необходимыхъ расходовъ; то дума, или замѣняющее оную мѣсто, предъявляетъ о семъ городскому обще-

ству, которое постановляетъ приговоръ о раскладкѣ открывающагося въ городскихъ доходахъ недостатка на обывателей; а въ случаѣ безуспѣшности этой мѣры испрашивается назначеніе пособія городу отъ земства.»

Итакъ, прежде всего городъ хватается для покрытія дефицита за *собственный капиталъ;* а потому скажемъ прежде всего:

I. *О городскихъ капиталахъ и позаимствованіяхъ изъ оныхъ на покрытіе городскихъ расходовъ.*

Въ инструкціи даны слѣдующія опредѣленія:

Городскіе капиталы образуются изъ денегъ, остающихся за городскими расходами, и раздѣляются на *неприкосновенные* и *запасные* или *остаточные.*

Въ числѣ *неприкосновенныхъ* капиталовъ заключаются всѣ тѣ суммы, кои собраны или отчислены на какой нибудь предметъ (напр. устройство фонарей, мощеніе улицъ, постройка казармъ и т. п.), а равно всѣ тѣ суммы, при внесеніи коихъ въ кредитное установленіе, послѣдовало особое высочайшее повелѣніе или распоряженіе высшаго начальства о неприкосновенномъ храненіи и приращеніи оныхъ.

Запасные или *остаточные* капиталы составляются изъ ежегодныхъ остатковъ отъ доходовъ и изъ поступающихъ за прежнее время недоимокъ; расходуются не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ, пополненіе расходовъ можетъ быть произведено только изъ *запасныхъ капиталовъ.*

Города съ наибольшими *запасными* капиталами (болѣе 100,000 р. сер.) были:

	въ 1858 г.	въ 1862 г.
Одесса	1,857,642	не значится
С. Петербургъ . . .	1,081,055	—
Архангельскъ. . . .	233,487	59.580
Москва	170,174	не значится
Рыбинскъ	142,761	186,394
Ростовъ на Дону . .	138,002	209,673
Ромны	115,322	115,870
Ковно	112,236	108,727
Царское-Село. . . .	111,650	не значится
Итого . . .	3,962,329 р.	

т. е. болѣе половины (50, 7%) всѣхъ запасныхъ городскихъ капиталовъ.

Подробный анализъ цифръ запасныхъ и неприкосновенныхъ капиталовъ, принадлежавшихъ нашимъ городамъ въ 1858 и 1862 году, привелъ насъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о накопленіи *запасныхъ* капиталовъ.

1) *Взаимное отношеніе запасныхъ и неприкосновенныхъ капиталовъ* выражается въ слѣдующихъ явленіяхъ:

a) Запасные капиталы распредѣляются по городамъ равномѣрнѣе, нежели неприкосновенные: по 32 городамъ, съ наибольшими запасными капиталами, сумма ихъ составляетъ 69, 2% всей цѣлости городскихъ запасныхъ капиталовъ, а изъ неприкосновенныхъ 83,2% приходится на долю 10 только городовъ, выше нами перечисленныхъ.

b) Увеличеніе запасныхъ капиталовъ въ періодъ 1858 — 62 года сравнительно шло гораздо означительнѣе, нежели по неприкосновеннымъ.

c) Накопленіе неприкосновенныхъ и запасныхъ капиталовъ, какъ составляющихся изъ совершенно различныхъ источниковъ, независимо и не соотвѣтствуетъ одно другому въ одномъ и томъ же городѣ: разсматривая ряды найбольшаго накопленія тѣхъ и другихъ капиталовъ по отдѣльнымъ городамъ, мы видимъ совмѣстное ихъ накопленіе въ обѣихъ столицахъ, Казани и Рыбинскѣ; изъ всѣхъ же остальныхъ городовъ, нерѣдко имѣющіе значительный неприкосновенный капиталъ почти вовсе не располагаютъ запаснымъ, и на оборотъ. Такъ напр., Одесса имѣла въ 1858 г. запаснаго капитала 1,857,642 р., а неприкосновеннаго только 34,433 р., и т. д.

2) *Общій законъ географическаго распредѣленія* капиталовъ таковъ: оно зависитъ главнымъ образомъ отъ удобства путей сообщенія и густоты промышленно-торговаго (а не городского въ смыслѣ юридическаго прикрѣпленія) населенія въ губерніи.

Законъ этотъ выведенъ нами на основаніи предварительно составленныхъ таблицъ губерній и городовъ по нисходящей скалѣ запасныхъ капиталовъ и подкрѣпляется слѣдующими фактами:

a) Всѣ губерніи, гдѣ лежатъ *портовые* и *приморскіе* города, отличаются накопленіемъ въ нихъ капиталовъ. Близость къ морю крайняго юга Россіи дала городамъ его то хозяйственное благосостояніе, вслѣдствіе котораго вся южная полоса занимаетъ самое видное мѣсто въ числѣ губерній съ сильною капитализаціею. Въ сѣверной полосѣ капиталами изобилуютъ Архангельскъ и С. Петербургъ [1]), въ восточной — Астрахань и пр.

b) Затѣмъ обиліе капиталовъ разливается по Волжскому пути, въ особенности въ губерніяхъ Саратовской, Ярославской, Нижегородской и Казанской, занимающихъ самыя высокія мѣста въ таблицѣ распредѣленія капиталовъ.

c) Недостатокъ путей сообщенія препятствуетъ развитію промышленно-земледѣльческой группы, представляющей къ тому всѣ другія естественныя удобства; и потому мы видимъ, что въ этой полосѣ го-

[1]) Замѣчательно, что сравнительно запасныхъ капиталовъ меньше въ остзейскихъ городахъ.

родовъ съ значительными капиталами не встрѣчается. То же самое замѣчается въ малороссійскихъ губерніяхъ: хотя онѣ, — по бо́льшей своей населенности и качествамъ почвы болѣе накопили капиталовъ, нежели города промышленно-земледѣльческой полосы, но развитіе капиталовъ въ этихъ губерніяхъ все-таки сравнительно слабѣе, нежели можно бы было ожидать по суммѣ ихъ естественно-экономическихъ условій.

d) Самое малое накопленіе капиталовъ замѣчается въ губерніяхъ западной окраины: Эстляндская, Витебская, Псковская, Могилевская, Минская и губернія Пензенская, страдающая отсутствіемъ путей сообщенія, не смотря на густоту общаго въ губерніи населенія.

Что капитализація не совпадаетъ съ густотою городского — въ юридическомъ или законодательномъ смыслѣ — населенія, видно изъ слѣдующаго. По массѣ или средней плотности *городского населенія*, статистическія таблицы за 1858 годъ раздѣляютъ Россію на 3 группы: губерніи, имѣющія *болѣе* средней пропорціи городского населенія, имѣющія *среднюю пропорцію* (принимаемую отъ 10 до 7 процентовъ всего населенія въ губерніи), и имѣющія гораздо *менѣе* 7 процентовъ. Сравнивая распредѣленіе губерній по средней плотности городского населенія и по капитализаціи, мы видимъ, что ряды ихъ, по этимъ двумъ отношеніямъ, располагаются не вездѣ соотвѣтственнымъ образомъ. Такъ, къ губерніямъ, имѣющимъ болѣе средней плотности, причисляются губ. Петербургская, Московская и Херсонская: онѣ же представляютъ и самую сильную капитализацію, вмѣстѣ съ капиталами обѣихъ столицъ. Но если мы выпишемъ далѣе непосредственно за ними слѣдующія губерніи по средней плотности населенія, то увидимъ, что капитализація въ этихъ губерніяхъ совершенно различная и не соотвѣтствуетъ очереди ихъ въ первомъ отношеніи, какъ видно изъ №№ послѣдней графы, выражающей очередь губерній по капитализаціи:

Губерніи.	№ по нисходящей плотности городского населенія.	№ по нисходящей степени накопленія капиталовъ.
Таврическая	№ 3	№ 19
Бессарабія	4	24
Астраханская	5	25
Лифляндская	6	11
Гродненская	7	39
Харьковская	8	26
Екатеринославская	9	12
Кіевская	10	4
Курляндская	11	37

Такое явленіе можно объяснить именно только тѣмъ, что накопленіе капиталовъ обусловливается плотностью одного промышленно-торговаго сословія. А какъ промышленно-торговое городское сословіе обра-

зовалось и продолжаетъ образовываться главнымъ образомъ переходомъ изъ крестьянъ, то весьма важнымъ представляется съ одной стороны: установленная положеніемъ о торговлѣ 1-го января 1863 г. отмѣна усиленной системы пошлинъ или городского акциза съ торгующихъ въ городахъ крестьянъ и повсемѣстное освобожденіе отъ городскихъ сборовъ мелкихъ крестьянскихъ промысловъ; а съ другой стороны, извѣстная степень юридической полноправности временно-проживающаго въ городахъ сельскаго сословія, если она будетъ за нимъ обезпечена предстоящею реформою городского самоуправленія. Намъ казалось бы, что если сословное начало существуетъ и признано въ городскомъ самоуправленіи, то сословіе *временно-проживающихъ въ городѣ сельскихъ жителей*, не смотря на свою безпрерывную подвижность, какъ юридическое-лицо, независимое отъ смѣны составляющихъ его единицъ, могло бы имѣть участіе въ дѣлахъ города, которому дѣятельность этого сословія приноситъ несомнѣнную и значительную пользу, а между тѣмъ только ограженіе его представительствомъ въ равной степени съ другими сословіями, обезпечиваетъ за нимъ свободу его и благосостояніе, подверженныя безпрерывной опасности со стороны соперничества городскихъ старожиловъ, отстаивающихъ права и монополіи городовой исключительности, во вредъ странѣ и промышленному ея развитію. Намъ кажется, что обновленіе городовъ земскимъ элементомъ, какъ единственный залогъ ихъ благосостоянія, требуетъ болѣе всего этой мѣры, окончательно связывающей города съ земствомъ и предотвращающей единственную у насъ возможность антагонизма между этими двумя, равно важными элементами народной жизни, — тогда какъ на Западѣ, гдѣ этотъ антагонизмъ сложился издавна вслѣдствіе историческихъ причинъ, города превратились въ центры необезпеченнаго, всегда недовольнаго и волнующагося пролетаріата, главнымъ образомъ вслѣдствіе продолжающагося до сихъ поръ исключенія промышленнаго или трудящагося населенія изъ круга городского самоуправленія, переданнаго исключительно городскимъ собственникамъ. Взглядъ этотъ въ настоящее время не мѣшало бы усвоить нашимъ городамъ, ибо начало полному сліянію городского элемента съ земствомъ положено новымъ уставомъ о земскомъ самоуправленіи, гдѣ уѣздъ и городъ представляютъ одно нераздѣльное *земство*, и слѣдовательно прежняя система обложенія сельскихъ промышленниковъ въ городахъ усиленнымъ въ казну послѣднихъ сборомъ можетъ очень неблагопріятно отразиться на городскихъ обывателяхъ при раскладкѣ земскихъ повинностей въ уѣздномъ собраніи, гдѣ городскіе гласные вездѣ составляютъ меньшинство. Вопросъ этотъ былъ уже затронутъ въ харьковскомъ губернскомъ собраніи гл. Плетеневымъ. Онъ говоритъ: «извѣстно, въ какое невыгодное положеніе поставлены въ городахъ лица, принадлежащія къ категоріямъ земледѣльцевъ

и сельскихъ обществъ, если они въ то же время не принадлежатъ къ сословіямъ торговымъ и промышленнымъ, для которыхъ, на основаніи дѣйствующихъ положеній, существуетъ въ городахъ управленіе общее и частное. Такимъ образомъ, если городской обыватель изъ торговаго или промышленнаго сословія есть вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣлецъ уѣзда, то, кромѣ городового хозяйственнаго управленія, онъ имѣетъ еще представительство и въ земскихъ учрежденіяхъ,—тогда какъ землевладѣлецъ или крестьянинъ, владѣя въ городѣ недвижимою собственностію, лишенъ всякаго участія въ городскомъ хозяйственномъ управленіи, и возможности законнымъ путемъ выражать предъ правительствомъ свои пользы и нужды. Есть мѣстности, гдѣ $^5/_6$ населенія, принадлежа къ категоріямъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, вѣдаются по дѣламъ хозяйственнымъ въ полиціи, — напримѣръ Волчанскъ». На этомъ основаніи г. Плетеневъ предложилъ ходатайствовать, чтобы землевладѣльцы и крестьяне, владѣющіе въ городахъ недвижимою собственностію, допущены были чрезъ выборныхъ старостъ къ участію въ хозяйственномъ городскомъ управленіи. Комиссія, разсматривая заявленіе г. Плетенева, указала на общія думы столицъ, гдѣ это приведено уже въ исполненіе и на приготовляемыя измѣненія въ городскомъ управленіи, вслѣдствіе чего собраніе и отклонило это ходатайство. Но оно согласилось, что допущеніе къ участію въ городскомъ управленіи означенныхъ лицъ совершенно необходимо и законно, — точно также какъ и допущеніе въ число приписныхъ ремесленниковъ, составляющихъ особую корпорацію, особыхъ представителей отъ пришлаго трудящагося сословія, для огражденія ихъ интересовъ,—хотя объ этомъ доселѣ не возбуждалось вопроса ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ земскихъ учрежденіяхъ.

Далѣе, одно изъ самыхъ важныхъ условій географическаго распредѣленія капиталовъ есть ихъ *централизація*, т. е. степень накопленія отдѣльныхъ капиталовъ въ главныхъ пунктахъ централизаціи. Отъ этого зависитъ равномѣрность распредѣленія ихъ въ данной средѣ: чѣмъ капиталы отдѣльныхъ городовъ въ губерніи сравнительно дробнѣе, мельче, тѣмъ они ровнѣе распредѣляются; напротивъ, чѣмъ централизація капиталовъ сильнѣе, т. е. чѣмъ значительнѣе скопленіе ихъ въ одномъ или двухъ-трехъ наиболѣе значительныхъ пунктахъ въ губерніи, стягивающихъ промышленные и торговые обороты,—тѣмъ городскіе капиталы ложатся неровнѣе и тѣмъ болѣе остальныя мѣстности страдаютъ ихъ отсутствіемъ.

Наибольшее скопленіе капиталовъ мы встрѣчаемъ въ лѣсной, южной черноземно-степной и промышленной полосахъ. Въ первой, Петербургъ и Архангельскъ, — центры внѣшней торговли, — стягиваютъ 83,4% всѣхъ городскихъ капиталовъ, значущихся по этимъ губерніямъ; во второй, Одесса и Саратовъ, — центры, одна внѣшней, а другой—

внутренней торговли, стягиваютъ 76,1%; въ третьей, Москва, Нижній и Рыбинскъ,—центры внутренней торговли,—стягиваютъ 72,4%. Если мы разсмотримъ относительный процентъ централизаціи капиталовъ по лѣсной и промышленной полосамъ, какъ представительницамъ одна внѣшней, а другая внутренней торговли, то увидимъ здѣсь числовое выраженіе извѣстнаго закона, что «благосостояніе государствъ основано главнымъ образомъ на развитіи внутренней, а не внѣшней торговли: при одинаковыхъ условіяхъ возможности и дѣйствительнаго накопленія городскихъ капиталовъ, отдѣльные центры промышленной полосы стягиваютъ меньше капиталовъ, нежели въ лѣсной, т. е. капиталы въ первой распредѣлены ровнѣе, нежели въ послѣдней. Замѣчательно, что въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ условія внѣшней торговли должны бы были быть одинаковы съ остальнымъ балтійскимъ поморьемъ, главные пункты Рига и Ревель владѣютъ только 44,4% всѣхъ числящихся по тѣмъ губерніямъ городскихъ капиталовъ.

Напротивъ, полосу наименьшей централизаціи городскихъ капиталовъ представляютъ губерніи черноземныя, промышленно-земледѣльческія и малороссійскія. Въ этихъ полосахъ города съ наибольшими капиталами стягиваютъ къ себѣ изъ всей суммы числящихся по каждой полосѣ городскихъ запасныхъ капиталовъ:

Въ черноземной полосѣ: Курскъ, Сызрань и Острогожскъ .	35,6%
» промышленно-земледѣльческой полосѣ: Тула, Бѣлевъ, Моршанскъ, Брянскъ и Лебедянь .	17,3%
» малороссійской полосѣ: Кіевъ, Харьковъ, Тамбовъ и Кременчугъ.	10,4%

Данныя эти,—особенно въ послѣдней полосѣ, которая вовсе не страдаетъ отсутствіемъ городскихъ капиталовъ,—показываютъ, что развитіе внутренней торговой и промышленной дѣятельности въ этихъ полосахъ ровнѣе распредѣлено по всѣмъ отдѣльнымъ мѣстностямъ и не успѣло еще образоваться такихъ центровъ, которые подавляютъ окрестную мѣстность сосредоточеніемъ господствующихъ промысловъ исключительно у себя. Сѣверъ и югъ Россіи живутъ только на поморьѣ, гдѣ они являются посредниками между внутреннею страною и иноземными государствами; а промышленная группа около-московныхъ губерній (Московская, Ярославская и Владимирская, отчасти Тверская, Костромская и Нижегородская) занята работою на внутренній рынокъ, который составляютъ для нея земледѣльческія губерніи. Промышленная дѣятельность около-московной полосы, работающей для отпуска, сосредоточена, разумѣется, только въ пунктахъ, лежащихъ на главныхъ путяхъ сообщенія; и благоденствіе этихъ промышленныхъ ея центровъ, не смотря на ихъ раннее промышленное и историческое развитіе, зависитъ отъ чисто *внѣшнихъ*—относительно ихъ самихъ—условій, отъ размѣра запроса со стороны другихъ губер-

ній, обусловливаемаго степенью неразвитости собственной ихъ промышленной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ любопытны и знаменательны, въ описаніи мѣстныхъ промысловъ главныхъ центровъ промышленной полосы, — сѣтованія на удаляющуюся отъ нихъ промышленность: Арзамасъ жалуется, что кожевенное его производство перетянули Самара и Саранскъ; Муромъ закрылъ свои знаменитыя салотопни и свѣчныя фабрики; Тверь перестаетъ отпускать гвозди на желѣзные уральскіе заводы; изъ извѣстныхъ угличскихъ кожевенныхъ заведеній осталось только одно и т. д.

3) *Отношеніе накопленія капиталовъ къ административному значенію городовъ* выражается слѣдующимъ образомъ:

a) Изъ городскихъ капиталовъ 67,6% сосредоточены у насъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ; остальные (32,4%) распредѣлены по уѣзднымъ и другимъ городскимъ поселеніямъ.

b) Совпаденіе централизаціи капиталовъ съ административною замѣчается болѣе всего въ лѣсной полосѣ, гдѣ административные центры стягиваютъ 85,5% всѣхъ городскихъ капиталовъ и въ южной полосѣ, гдѣ на долю ихъ приходится 82,6% всѣхъ капиталовъ, что условливается дробностію тамъ административныхъ центровъ, вслѣдствіе существованія отдѣльныхъ градоначальствъ. Это показываетъ, что въ этихъ полосахъ административные центры находятся въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ по естественнымъ и историческимъ экономическимъ условіямъ скопляется промышленная и торговая дѣятельность мѣстности; ибо если бы административная централизація могла, наперекоръ естественнымъ условіямъ, перемѣщать капиталы по своему произволу и стягивать ихъ насильственнымъ образомъ, то такое ея вліяніе чувствовалось бы болѣе или менѣе равномѣрно во всей странѣ, ибо условія и средства административной централизаціи повсемѣстно одинаковы. Конечно, это общее заключеніе нельзя безусловно примѣнять къ каждому отдѣльному случаю, но общее заключеніе, основанное на цифрѣ, не подлежитъ сомнѣнію.

c) Напротивъ, въ промышленно-земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, капиталы сосредоточиваются преимущественно въ уѣздныхъ городахъ: въ первой группѣ капиталы губернскихъ городовъ составляютъ только 17,4%, а во второй 13,3% всѣхъ капиталовъ. Это показываетъ, что тамъ административные центры не совпадаютъ съ естественно-экономическими; и вотъ мы видимъ, что они не въ состояніи были стянуть капиталовъ, — ясное доказательство въ пользу предъидущаго нашего положенія. Дѣйствительно, мы знаемъ, что губернскіе города этихъ полосъ большею частію стоятъ внѣ торговыхъ путей сообщенія,—обстоятельство, которое должно измѣниться направленіемъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ.

d) Между двумя этими крайними отношеніями административныхъ

и экономическихъ центровъ, помѣщаются остальныя губерніи, по полосамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Промышленная полоса . .	61,4%	кап. въ губер. гор.	
Остзейская	54,1	»	»
Восточная	51,9	»	»
Западная	51,3	»	»
Черноземная	42,3	»	»

Такимъ образомъ, въ остальной Россіи это совпаденіе административныхъ и экономическихъ центровъ представляется болѣе равномѣрнымъ, и только черноземная полоса, по удаленію своихъ городовъ (Курскъ, Воронежъ) отъ путей сообщенія, приближается болѣе другихъ къ полосѣ наименьшаго совпаденія. Въ западной полосѣ, гдѣ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ значительно болѣе, — они своей числительностію, несмотря на незначительность своихъ капиталовъ, — перетягиваютъ нѣсколько средній уровень въ свою пользу, и потому западная полоса стоитъ ниже промышленной и восточной.

Переходимъ къ способу перечисленія городскихъ капиталовъ на покрытіе дефицита, или перечисленію ихъ въ чрезвычайный городской доходъ.

Мы видѣли, что это перечисленіе можетъ быть сдѣлано только изъ запаснаго капитала.

Законъ говоритъ: «запрещается усиливать городскіе доходы новыми налогами, чтобы за удовлетвореніемъ расходовъ были значительные остатки.» Слѣд., главный способъ накопленія городскихъ капиталовъ есть *сбереженіе*. Они суть *остатокъ* отъ обыкновенныхъ доходовъ за удовлетвореніемъ текущихъ расходовъ, почему и называются *остаточными* или *запасными*. Но бѣда въ томъ, что въ городскомъ нашемъ счетоводствѣ запасный капиталъ помѣщается въ головѣ росписи, какъ *кассовый остатокъ*, предназначенный на покрытіе расходовъ текущаго года. Ясно, что такимъ образомъ значеніе запаснаго капитала, какъ *городского имущества* совершенно теряется, и въ дѣйствительности онъ прежде всего полною суммою принимается въ разсчетъ на покрытіе дефицита при всякой новой затратѣ, предположенной мѣстною администраціею на счетъ городскихъ доходовъ. Разсматривая капиталъ, какъ кассовый остатокъ, составители росписей естественно безъ всякой бережливости сносятъ его въ расходъ, какъ скоро онъ достигнулъ извѣстной цифры, ибо балансъ городского хозяйства, выводимый въ журналѣ прилагаемомъ къ росписи не по разности только обыкновенныхъ доходовъ противъ текущихъ расходовъ, какъ бы слѣдовало, а по разности суммъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ противъ суммы текущихъ и чрезвычайныхъ расходовъ, является, по случаю затраты капитала, на сторонѣ *поступленій*, т. е. указываетъ на *избытокъ* городскихъ доходовъ и тогда, когда обыкновенные доходы не

покрываютъ текущихъ расходовъ. Этотъ фиктивный избытокъ вызываетъ даже иногда одобреніе со стороны контролирующаго мѣста (губернскаго правленія), повѣряющаго росписи, только съ формальной стороны.

Разсматривая *предположительное* позаимствованіе городскихъ капиталовъ на покрытіе дефицита по росписямъ на 1858 годъ, мы приходимъ къ такому общему заключенію, выражающемуся въ слѣдующей обратной пропорціи: въ полосѣ *наибольшей* капитализаціи предположительныя затраты вообще *меньше*, а въ полосѣ *наименьшей* капитализаціи (кромѣ остзейскихъ губерній) затраты, напротивъ, *больше*.

Между тѣмъ городскіе капиталы вообще значительно увеличиваются и при томъ, какъ мы видѣли, преимущественно запасные: съ 1843 по 1859 г. городскіе капиталы возрасли вообще съ 2.345,707 р. на 12.643,986 р., т. е. почти въ *шесть разъ*.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ данныхъ, приходимъ къ слѣдующему результату:

Преимущественно затрачиваются *средніе* капиталы и притомъ въ губерніяхъ центральныхъ земледѣльческихъ, удаленныхъ отъ главныхъ путей хлѣбной торговли; накопляются, значитъ, преимущественно *большіе* и *малые* капиталы. Бо́льшая часть нашихъ городовъ владѣютъ такими ничтожными капиталами, что затрата ихъ, до времени достаточнаго накопленія, не можетъ оказать существенной помощи городскому бюджету, что́ и спасаетъ ихъ въ настоящемъ случаѣ; вотъ, это-то значительное число скромныхъ копильщиковъ и составляетъ главный элементъ увеличенія городскихъ капиталовъ. Съ другой стороны, особенно развитые центры промышленной и торговой дѣятельности еще прежде успѣли накопить такую значительную цифру запаснаго капитала, что затрата извѣстнаго процента на покрытіе городского дефицита, до нѣкоторой степени возмѣщаемая остатками болѣе счастливыхъ годовъ въ городскомъ хозяйствѣ,—не можетъ повести къ окончательному его потребленію. Если необходимые расходы въ хозяйствѣ не покрываются такими заимствованіями изъ запасныхъ капиталовъ, то необходимо прибѣгать къ кредиту, къ займу. Итакъ,

II. *О городскихъ домахъ.*

Города занимаютъ:

1) У *частныхъ лицъ*. Случаи эти встрѣчаются только въ остзейскихъ и западныхъ городахъ, и то весьма рѣдко: о нихъ намъ ничего неизвѣстно.

2) *Одинъ городъ у другого*, по взаимному соглашенію, съ разрѣшенія начальства. Эти случаи также весьма рѣдки и не сопровождаются большимъ успѣхомъ. Такъ напр., изъ запаснаго капитала гор. Бѣло-

полья (Харьковской губ.) отпущено заимообразно славянской городовой ратушѣ на устройство лечебницы 8,107 р., съ тѣмъ, чтобы доходъ съ этой лечебницы поступалъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на возмѣщеніе долга; но ни бѣлопольской ратушѣ, ни городскому обществу неизвѣстно, когда и сколько поступило въ возвратъ. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые губернскіе города заявляютъ на уѣздные — права метрополій, хотя и не оправдываемыя съ исторической стороны. Поступаютъ иногда представленія, что въ такомъ-то уѣздномъ городѣ существуетъ значительный капиталъ и ему *не нуженъ*, а потому *было бы полезно* обратить его заимообразно на улучшеніе губернскаго города. На такомъ основаніи Астрахань обобрала Енотаевскъ. Но подобныя представленія въ министерствѣ сочувствія не находятъ, и потому этотъ способъ улучшенія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, когда имъ нельзя воспользоваться безъ разрѣшенія,—не находится во власти губернскихъ городовъ. Что же касается до добровольныхъ сдѣлокъ между городами, то законъ предоставляетъ имъ полную свободу, хотя на самомъ дѣлѣ, подобныя сдѣлки, при разрозненности нашихъ городовъ и при состояніи хозяйства, большею частію недостаточнаго для покрытія собственныхъ нуждъ, едва ли возможны.

3) Главный источникъ, который оказываетъ пособіе городамъ, есть *правительство*. Прежнія кредитныя установленія открывали кредитъ городамъ на разныя общеполезныя предпріятія, въ случаѣ недостатка собственныхъ средствъ (напр., государственный заемный банкъ на устройство съѣзжихъ домовъ и т. д). Съ 1843 года (по высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 23 декабря 1843 г.), постановлено:

a) Изъ остатковъ отъ ежегоднаго чистаго дохода приказовъ общественнаго призрѣнія отдѣлять *третью* часть для заимообразнаго отпуска въ пособіе нѣкоторымъ городамъ *по особому назначенію*.

b) Съ суммъ этихъ, какъ употребленныхъ для общественныхъ пользъ, никакихъ въ пользу приказовъ *процентовъ не назначать* и долгъ сей на городахъ считать впредь, пока доходы оныхъ приведены будутъ въ такое состояніе, что представится возможность производить изъ нихъ уплаты [1]).

c) Суммы эти назначаются городамъ заимообразно преимущественно на устройство полиціи, пожарной части и благотворительныхъ заведеній; но какъ единовременныя затраты на устройство другихъ различныхъ заведеній (лавокъ, скотобоенъ и проч. могутъ доставить на-

---

[1]) Нѣкоторые изъ прежнихъ городскихъ займовъ уплачиваются по прежней нашей долговой системѣ 37-лѣтняго погашенія. Такъ, заемъ, сдѣланный въ Нижнемъ въ 1835 г. на сумму 400,000 р. для устройства казармъ, для чего въ 1836 г. введенъ тамъ особый сборъ съ приходящихъ и отходящихъ судовъ.

всегда городу прочный или постоянный источникъ дохода или сократить значительно ежегодныя расходы (напр. чрезъ устройство казармъ, городскихъ зданій и заведеній); то дозволяется испрашивать пособіе собственно для предметовъ подобнаго рода.

d) Пособія эти могутъ быть только единовременныя, отпускаемыя городамъ, въ которыхъ не предвидится никакихъ новыхъ источниковъ доходовъ, и гдѣ для покрытія расходовъ допущены уже ежегодныя раскладки между жителями.

e) Пособіе должно быть обращено на расходы необходимые, расходы же прихотливые и относящіеся къ предметамъ роскоши отнюдь не допускаются.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эти займы съ условнымъ погашеніемъ и безъ процентовъ, вынужденные крайнею необходимостію и отсутствіемъ городскихъ средствъ, не составляютъ собственно займовъ въ экономическомъ смыслѣ, а скорѣе *пособія*, дарованныя правительствомъ въ видахъ благоустройства нашихъ городовъ. Оттого въ погашеніи этихъ займовъ и замѣчается такое отсутствіе опредѣленнаго порядка. Города, имѣя въ виду такое пособіе, всячески старались исходатайствовать его у правительства, не слишкомъ озабочиваясь пріисканіемъ средствъ къ уплатѣ. Правительство предоставляло заключеніе этихъ займовъ собственному усмотрѣнію городскихъ обществъ: такъ, покойный государь, при посѣщеніи Нижняго, пожелалъ, чтобы городъ озаботился сооруженіемъ тамъ казармъ для расположенныхъ войскъ и соизволилъ объявить о своемъ желаніи не въ видѣ высочайшаго повелѣнія, — оставляя исполненіе на усмотрѣніе городского общества. И потому города не заботились о производительности или доходности предпринимаемыхъ ими затратъ, имѣли въ виду только легкость пріобрѣтенія ссудъ, открытую щедростію правительства, такъ что долги, несмотря на погашеніе, возрастали и притомъ не въ разныхъ, а въ одномъ и томъ же городѣ, достигая иногда такихъ значительныхъ цифръ, что покрытіе уплатъ вынуждало новые и непредвидѣнные сборы. Такъ, въ 1843 г. долги составляли 22,8% ежегодныхъ городскихъ доходовъ, а въ 1858 г. уже 54,5, т. е. увеличились *болѣе нежели вдвое*. Притомъ, какъ увидимъ ниже, пособіемъ воспользовались города самые значительные и богатые.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется городская кредитная система на Западѣ. Такъ, въ Англіи, въ ея промышленныхъ, располагающихъ огромными средствами городахъ, правительство предоставляетъ ихъ разумѣется собственнымъ заботамъ, не оказывая пособія на ихъ благоустройство, но тамъ города, чрезъ членовъ мѣстнаго своего хозяйственнаго самоуправленія [1]), могутъ производить займы,

[1]) На основаніи local government Act, эти мѣстныя комиссіи, въ городахъ съ

не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: a) по предварительному разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ; b) съ тѣмъ, чтобы общая сумма долговъ города ни въ какомъ случаѣ не превышала ежегоднаго чистаго дохода съ имуществъ, подлежащихъ подати на мѣстныя нужды (general district rate, распредѣляемая на тѣхъ же основаніяхъ, какъ подать на бѣдныхъ); c) займы не могутъ быть заключаемы на сроки свыше 30 лѣтъ; d) члены мѣстнаго хозяйственнаго управленія обязаны погашать займы ежегодными уплатами (annuities), или учредить погасительный фондъ, на основаніи банковаго разсчета сложныхъ процентовъ (т. е. вмѣстѣ съ процентомъ погашенія капитала), и собираемыя съ обывателей суммы они должны обращать въ государственныя кредитныя бумаги, дабы имѣть въ готовности проценты и погашеніе, требующіяся къ уплатѣ на опредѣленный срокъ, по условію съ кредиторомъ.

Для разсмотрѣнія распредѣленія городскихъ долговъ, кромѣ обѣихъ столицъ и Одессы, мы выключимъ въ промышленной полосѣ *Нижній Новгородъ*, а въ западной *Слуцкъ* (Минской губ.), какъ города, имѣющіе долги выходящіе изъ обыкновенныхъ размѣровъ по особеннымъ причинамъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ числилось въ 1858 г. 1.104,671 р. долгу [1]), позаимствованнаго въ разныя времена (начиная съ 1834 г.) изъ суммъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, для благоустройства города, съ каковою цѣлію тамъ учрежденъ былъ въ 1836 г. *особый строительный комитетъ*, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. Слуцкъ купленъ казною у кн. Витгенштейна въ 1846 г. за 342,821 р. и погашеніе этого долга обращено на откупной доходъ съ города, по 14,199 р. въ годъ. Въ 1858 г. числилось долговъ на Слуцкѣ 301,820 р., а по свѣденіямъ 1862 г. уже 317,343, въ томъ числѣ на погашеніе ссуды по покупкѣ 315,543 р. По исключеніи этихъ городовъ, таблица распредѣленія долговъ по полосамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Сумма долга.	Проц. отнош.
Лѣсная полоса	110,208 р.	6,3%
Промышленная.	160,504 »	9,2
Промышленная земледѣльческая	134,817 »	7,7
Черноземная	9,198 »	0,5
Черноземностепная	106,187 »	6,1
Восточная	245,579 »	14,1
Западная	130,083 »	7,5
Малороссійская	478,705 »	27,6
Остзейская	357,744 »	20,6
Итого	1,733,025 »	109%

муниципальными правами, сосредоточиваются въ городскомъ совѣтѣ, а въ другихъ мѣстностяхъ учреждаются особо, подъ названіемъ *Совѣта благоустройства* (board of improvement commissioners).

[1]) По свѣденіямъ 1862 г. долгъ уменьшился на 443,117 р.

И такъ:

a) Болѣе *двухъ третей* (63,3%) долговъ лежитъ на губерніяхъ малороссійскихъ, остзейскихъ и восточныхъ.

b) Самые незначительные долги числятся по южнымъ губерніямъ, гдѣ они сосредоточиваются въ губб. Таврической, Херсонской и Саратовской; въ особенности отсутствіемъ долговъ отличается черноземная полоса, гдѣ они существуютъ только въ Воронежской губерніи.

c) Не имѣли вовсе долговъ губерніи Курская, Симбирская, Смоленская и Оренбургская.

d) Въ остальной части Россіи долги распредѣлены довольно равномѣрно (между 5 и 9%).

e) Распредѣленіе долговъ между губернскими и уѣздными городами таково:

Въ столицахъ и губернскихъ городахъ	3,981,073 р. долга	т. е. 84,7%
Въ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городахъ	715,921 —	— 15,2
Итого. . . .	4,696,994 [1]	100%

Итакъ, уѣздные города владѣютъ, какъ мы видѣли, 32,3% запасныхъ городскихъ капиталовъ, но обременены только 15,2% долговъ. Вообще долги у насъ сосредоточены въ губернскихъ городахъ [2] и столицахъ. Въ 715,721 р., падающихъ на всѣ уѣздные и безъуѣздные города, заключаются долги Слуцка (301,820 р.), Рыбинска (49,669 р.) и Либавы (32,083 р.), слѣд. на массу всѣхъ остальныхъ уѣздныхъ городовъ приходится незначительная очень сумма 332,349 р., и бо́льшая ихъ часть долговъ вовсе не имѣютъ.

Для лучшаго уразумѣнія состоянія городскихъ долговъ въ 1858 г. мы прилагаемъ слѣдующую таблицу городовъ, имѣющихъ болѣе значительные долги: изъ общей суммы всѣхъ городскихъ долговъ на долю помѣщенныхъ въ таблицѣ приходится 4,336,338 т. е. 92 слишкомъ процента.

---

[1] Безъ сибирскихъ городовъ и отдѣльныхъ градоначальствъ, кромѣ Одессы.

[2] Изъ губернскихъ городовъ не имѣли долговъ въ 1858 году: Владиміръ, Екатеринославль, Житоміръ, Каменецъ, Кишиневъ, Курскъ, Митава, Ревель, Самара, Симбирскъ, Симферополь, Смоленскъ, Тамбовъ, Черниговъ и Уфа. Въ 1862 г. оказалось долговъ: во Владимірѣ 556 р. и Смоленскѣ 7,074 р.

Таблица городскихъ долговъ.

НАЗВАНІЕ ГОРОДА.	I. СУММА ДОЛГА ВЪ РУБЛЯХЪ.	II. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ УПЛАТА ДОЛГА И СОСТАВЛЕНІЕ ЗАПАСНАГО КАПИТАЛА.	III. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЗАТРАТА НА ТЕКУЩІЕ РАСХОДЫ ИЗЪ КАПИТАЛА.	IV. БАЛАНСЪ КАПИТАЛИЗАЦІИ. ИЗБЫТОКЪ ИЛИ ПЕРЕВѢСЪ ГОДОВ. ПОСТУП. ВЪ КАПИТАЛЪ.	V. БАЛАНСЪ КАПИТАЛИЗАЦІИ. ДЕФИЦИТЪ ИЛИ ПЕРЕВѢСЪ ГОДОВОЙ ЗАТРАТЫ ИЗЪ КАПИТАЛА.	VI. ПРОЦЕНТНОЕ ОТНОШЕНІЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ УПЛАТЫ КЪ СУММѢ ДОЛГА.	VII. СУММА НЕВЫПОЛНЕННЫХЪ ГОРОДСКИХЪ РАСХОДОВЪ.
Н.-Новгородъ . .	1,101,674	82,451	15,522	66,926	—	7,4%	28,954
С.-Петербургъ . .	823,722	65,828	401,555	—	335,727	7,9	—
Одесса	370,079	423	128,581	—	128,158	0,1	—
Москва	363,677	35,929	203,711	—	167,782	9,8	—
Слуцкъ	301,820	789	—	789	—	0,2	2,209
Рига	263,758	24,311	—	24,311	—	9,2	16,595
Кіевъ	229,948	27,232	—	27,232	—	11,8	34,634
Харьковъ . . .	221,499	38,332	—	38,332	—	17,3	27,433
Казань	187,248	97,839	7,397	90,442	—	52,2	—
Орелъ	63,351	3,533	7,540	—	4,007	5,5	658
Ярославль . . .	55,739	22,705	—	22,705	—	40,7	26,618
Рыбинскъ . . .	49,669	77,632	87,131	—	9,499	156%	71,694
Астрахань . . .	43,140	2,989	—	2,989	—	6,9	2,539
Тверь	40,912	2,595	—	2,595	—	6,3	6,660
Архангельскъ . .	35,535	41,346	89,567	—	48,221	116%	87,009
Либава	32,083	1,450	—	1,450	—	4,4	—
Саратовъ	28,642	4,015	1,600	2,415	—	14,0	3,015
Бердянскъ. . .	23,153	1,602	4,276	—	2,674	6,9	617
Херсонъ	22,834	6,000	—	6,000	—	26,3	70,231
Вильна	22,804	3,209	—	3,209	—	14,1	35,954
Рязань	19,718	1,178	—	1,178	—	5,9	10,443
Ковна	18,404	4,066	4,053	16	—	23,3	7,275
Псковъ	13,311	—	—	—	—	0,0	2,175

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что наибольшіе долги лежатъ на *портовыхъ* городахъ (С.-Петербургъ, Одесса, Рига, Астрахань, Архангельскъ, Либава), и на *центрахъ внутренней промышленно-торговой дѣятельности* (Нижній, Москва, Казань, Рыбинскъ, Саратовъ); т. е. наиболѣе обременены долгами города самые богатые и цвѣтущіе.

Явленіе это повсемѣстное, — съ тѣмъ только различіемъ, что на

Западѣ богатые города, имѣющіе болѣе доступный кредитъ, затрачиваютъ несравненно значительнѣйшія заемныя суммы на производительныя городскія устроенія, сами себя оплачивающія и дающія еще доходъ городу. Такъ, въ Бельгіи значительнѣйшіе города представляли въ 1861 г. слѣдующія суммы лежащихъ на нихъ долговъ:

Брюссель	38,151,022 фр.	или	9,537,755 р. сер.
Антверпенъ . . .	14,151,653 —	—	3,537,914 — —
Гентъ	10,419,414 —	—	2,604,854 — —
Люттихъ	8,124,307 —	—	2,031,077 — —
Лувенъ	3,912,802 —	—	978,200 — —
Намюръ.	3,368,250 —	—	842,062 — —
Вервье	1,507,590 —	—	376,897 — —
Итого . .	79.635,038 фр.		19.908,759 р.

т. е. долги 7 бельгійскихъ важнѣйшихъ городовъ превышаютъ болѣе нежели *счетверо* цифру долговъ, лежащихъ на всѣхъ нашихъ городахъ, не исключая и Сибири [1]).

Нѣкоторые города вынуждены къ займамъ крайнею бѣдностію, удаленіемъ отъ путей сообщенія и другими неблагопріятными экономическими условіями: Псковъ, Слуцкъ, Орелъ, Рязань. Другіе заняли вѣроятно въ качествѣ только губернскихъ городовъ, сознающихъ до нѣкоторой степени обязанность заботиться о собственномъ украшеніи, хотя собственныхъ средствъ къ тому они не открыли: Вильна, Тверь, Ярославль.

Если мы вглядимся въ VI графу нашей таблицы, представляющую процентъ погашенія городскихъ долговъ, то получимъ самое поразительное доказательство неурядицы нашего городского хозяйства: оказывается, что здѣсь стоятъ рядомъ съ одной стороны города Рыбинскъ и Архангельскъ, предполагающіе заплатить больше, нежели сколько они должны (первый 156, а второй 116%),—а съ другой, Псковъ, не предполагающій платить ровно ничего; Одесса предполагаетъ заплатить меньше Слуцка, а Ярославль въ шесть разъ больше Москвы и т. д. Странное явленіе городовъ, предполагающихъ заплатить болѣе, нежели сколько они должны, объясняется слѣдующимъ образомъ: въ графѣ II, гдѣ показана цифра предположительной уплаты долговъ и по которой вычислена графа VI, вмѣстѣ съ тѣмъ заключается и предположительное начисленіе въ запасный капиталъ, но раздѣлить эти двѣ цифры, — погашеніе долга и зачисленіе въ капиталъ, — невозможно, по неимѣнію данныхъ. Тѣмъ не менѣе, явленіе это указываетъ

---

[1]) Въ Бельгіи изъ 86 числящихся въ ней городовъ только 9 не имѣютъ долговъ.— Послѣдніе парижскіе займы таковы:

1852 — 50,000,000
(1855—1860)—218,809,000
} Итого 268,809,000 или 67,404,250 р.

на самое патріархальное хозяйство: одинъ и тотъ же городъ *предполагаетъ* по недостатку доходовъ затратить свой капиталъ, и въ тоже время, изъ тѣхъ же недостаточныхъ доходовъ, — часть капитала пополнить! Если бы мы встрѣтили это въ *дѣйствительномъ* расходѣ, то это значило бы, что, противъ предположительнаго исчисленія, извѣстные расходы сократились, и слѣд. излишекъ, оставшійся по тѣмъ статьямъ отъ смѣтнаго назначенія, и можетъ, и долженъ поступить въ запасный капиталъ, — но въ росписи, въ предположительномъ назначеніи, такое счетоводство можетъ только породить запутанность.

Далѣе, если вы по изданіямъ министерства будете судить о погашеніи долговъ, — то безъ нѣкоторой снаровки можете впасть въ заблужденіе. Положимъ, вы знаете, что въ Петербургѣ въ 1858 г. числилось долгу 823,722 р., и вы *по статьямъ расхода* отыскали, что въ томъ же году назначено на уплату долга и составленіе запаснаго капитала 65,828 р.; вы заключите, что долгъ на эту послѣднюю цифру уменьшился или по крайней мѣрѣ на столько *улучшилось* городское хозяйство. Но ничуть не бывало! если вы взглянете въ *статьи прихода*, то увидите, что городъ въ тоже время предположилъ затратить 401,555 р. изъ своего запаснаго капитала, слѣд. городское хозяйство ухудшилось на 401,555 — 65,828 = на 335,727 р.

Если, наконецъ, мы обратимъ вниманіе на послѣднюю графу — невыполненныхъ расходовъ, — то увидимъ, что всѣ города съ дефицитомъ въ балансѣ капитализаціи (графа V), т. е. города, растрачивающіе свое хозяйство значительною затратою своего запаснаго капитала, — не имѣютъ вовсе невыполненныхъ расходовъ или имѣютъ ихъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, кромѣ Рыбинска и Архангельска, гдѣ они, напротивъ, очень велики. Любопытно было бы знать изъ перечисленія расходовъ, пополненныхъ этими затратами, на сколько издержки въ этомъ случаѣ городовъ производительны, и сколько они приносятъ процентовъ на уплату сдѣланныхъ долговъ или возмѣщеніе позаимствованнаго капитала?

III. *Общественныя раскладки.*

Законъ, сказали мы, въ случаѣ дефицита и неимѣнія у города для покрытія его *капитала*, предписываетъ обращаться прежде всего къ общественнымъ раскладкамъ. Эти общественныя раскладки не должно смѣшивать съ *добровольными складками*, которыя составляются совершенно по волѣ самихъ горожанъ, и составляются изъ единовременныхъ или періодическихъ взносовъ для образованія неприкосновеннаго городского капитала, предназначеннаго на извѣстный предметъ. Объ этихъ послѣднихъ складкахъ законъ говоритъ: дозволяется городскому обществу составлять особливую казну добровольными складками. На-

противъ, общественныя раскладки для покрытія дефицита—дѣло обязательное, ибо только въ случаѣ ихъ невозможности или недостаточности, правительство открываетъ городу заемъ или опредѣляетъ пособіе изъ другихъ источниковъ. Несмотря на то, мы видимъ, что эти общественныя раскладки, встрѣчающіяся въ западныхъ губерніяхъ [1]), въ великороссійскихъ рѣдко исполняются на самомъ дѣлѣ, и въ разбираемыхъ нами источникахъ мы о нихъ не встрѣчали указаній. Можетъ быть, подъ этимъ именемъ въ городахъ, гдѣ не существуетъ высочайше утвержденныхъ частныхъ положеній, разумѣется особый *оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ*, ибо назначеніе и способъ раскладки этого сбора весьма разнообразны.

Что касается до самаго способа раскладки, то законъ объ этомъ не говоритъ ничего, и совершенно предоставляетъ способъ этотъ усмотрѣнію и приговору общества. Въ министерскихъ распоряженіяхъ есть нѣкоторыя указанія, сложившіяся частію на основаніи обычая, частію по самому взгляду на этотъ предметъ, который проводитъ министерство своею иниціативою. Вообще у насъ до сихъ поръ главною нормою раскладки остается *недвижимая собственность*, и потому мы, еще при разборѣ поземельнаго налога, упоминали, что общественная раскладка бо́льшею частію основывается у насъ единственно на *оцѣночномъ сборѣ* съ недвижимой собственности. Министерство стремится придать этому налогу характеръ подоходной подати въ болѣе обширномъ смыслѣ, дополняя ее налогомъ на промышленность и торговлю, какъ дополнительный элементъ подоходнаго изчисленія. Въ инструкціи для составленія городскихъ росписей (§ 155) сказано, что въ городахъ, гдѣ значительно развита промышленность торговая, фабричная и ремесленная, *весьма справедливо* допускать при общественныхъ раскладкахъ и раскладку по промысламъ, въ видѣ дополненія къ общей раскладкѣ по доходамъ съ имущества и совмѣстно съ сею послѣднею. Впрочемъ, обязательныхъ правилъ для общественныхъ раскладокъ министерство никакихъ не предписываетъ, предоставляя способъ ихъ мѣстному усмотрѣнію. Мѣстная раскладка есть вообще нашъ народный, исконный способъ распредѣленія податей. Русскому человѣку вообще всего болѣе не по сердцу западная окладная система (repartition), основанная болѣе или менѣе на мелочной, дорого стоющей и рѣдко приводящей къ надежнымъ результатамъ таксаціи.

Въ Бельгіи, общественныя раскладки (cotisations personelles) существуютъ въ томъ же самомъ значеніи, какъ и у насъ,—какъ бли-

---

[1]) Особенное значеніе онѣ имѣютъ въ Бессарабіи, гдѣ, по учрежденію для управленія Бессарабскою Областію 1828 г. февраля 29, всѣ городскіе доходы, кромѣ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей, собираются не иначе какъ по раскладкамъ, ежегодно составляемымъ.

жайшее средство пополненія земскихъ сборовъ въ случаѣ дефицита. Они занимаютъ тамъ довольно видное мѣсто въ системѣ земскихъ повинностей (impots communeaux), и въ 1861 г. составляли 3.081,613 фр. (770,404 р.) въ цѣломъ государствѣ. Способъ раскладки совершенно свободенъ и не подчиненъ никакимъ общимъ правиламъ, предписаннымъ въ законодательствѣ. Обыкновенно основаніемъ ея служитъ предположительная оцѣнка имущества лица (la fortune présumée), — причемъ *движимое* имущество получаетъ такое же значеніе, какъ и недвижимая собственность.

IV. *Пособія отъ правительства.*

Если общественная раскладка не можетъ пополнить городского дефицита, и если признана будетъ совершенная невозможность удовлетворить собственными средствами го́рода всѣ обязательные его расходы, то городу предоставлено право ходатайствовать о *пособіи отъ правительства.* Пособіе это оказывается изъ слѣдующихъ источниковъ:

1) Первый и самый прямой источникъ, указываемый общимъ законодательствомъ, есть *пособіе изъ земскихъ сборовъ.* Его получаютъ города не только изъ земскихъ сборовъ своей губерніи, но иногда и изъ остатковъ этихъ суммъ по другимъ губерніямъ. Пособіе изъ земскихъ сборовъ выдавалось въ прежнее время городамъ, — кромѣ содержанія полиціи и больницъ,— въ случаѣ недостатка городскихъ доходовъ на пополненіе воинскихъ издержекъ, отопленіе и освѣщеніе остроговъ и содержаніе тюремныхъ смотрителей. По новому распредѣленію земскихъ повинностей, военныя издержки и содержаніе тюремныхъ учрежденій отнесено къ государственнымъ земскимъ сборамъ; и потому не извѣстно, при предстоящей реформѣ городского хозяйства, останутся ли эти издержки на городской казнѣ, или суммы на нихъ отчисляемыя, вмѣстѣ съ земскими сборами, отойдутъ въ государственный бюджетъ.

Существуетъ мнѣніе, что земскіе сборы, — какъ средства удовлетворенія единственно мѣстныхъ нуждъ, — не могутъ быть обращаемы на пособіе другимъ мѣстностямъ. Съ теоретической точки зрѣнія, — это совершенно справедливо. Но съ практической, — такъ какъ, во всякомъ случаѣ, мѣстности, не имѣющія средствъ покрыть собственными доходами обязательныхъ расходовъ, должны получить пособіе и не могутъ ожидать его ни откуда, кромѣ правительства, — все равно, производится ли это пособіе прямо изъ государственнаго бюджета, или чрезъ посредство правительства отчисляется извѣстная сумма земскихъ сборовъ въ указанныхъ мѣстностяхъ, — ибо источники пополненія этихъ пособій въ обоихъ случаяхъ останутся одни и тѣже,

съ тѣмъ только различіемъ, что при перечисленіи таковыхъ пособій въ общій государственный бюджетъ, распредѣляемый по цѣлой имперіи, тяжесть его падаетъ равномѣрнѣе на отдѣльныя мѣстности. Такъ въ Бельгіи, при уничтоженіи городской ввозной пошлины (octroi), составлявшей самый важный источникъ городскихъ доходовъ, она замѣнена была правительствомъ учрежденіемъ особаго фонда, куда поступаютъ: a) извѣстный процентъ съ почтовыхъ доходовъ и ввозной пошлины съ кофе и сахару; b) доходъ, доставляемый введеннымъ въ замѣнъ октруа акцизнымъ сборомъ въ пользу земства съ вина, иностранныхъ и туземныхъ водокъ, пива и сахару, доставляющій ежегодно 11 милліоновъ франковъ.

2) Въ пособіе городамъ, не имѣющимъ средствъ для производства обязательныхъ расходовъ по содержанію полиціи, установленъ въ 1847 г. особый *сборъ съ застрахованныхъ имуществъ*, взимаемый страховыми обществами при уплатѣ страховой преміи, въ размѣрѣ 75 коп. съ 1,000 р. страховой оцѣнки (0,075%), въ 1860 г. процентъ этотъ еще пониженъ, а въ настоящемъ году этотъ сборъ вовсе уничтоженъ съ сохраненіемъ его еще на 8 лѣтъ въ постоянно уменьшающемся размѣрѣ. Сумма, составляемая симъ сборомъ, поступаетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и распредѣляется между городами, по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ улучшеніи полиціи и пожарной части, преимущественно въ губернскихъ и торговыхъ городахъ. Росписаніе расходовъ по сему предмету представляется чрезъ комитетъ министровъ на высочайшее утвержденіе (Св. Зак. т. XII, ст. 69).

Города, которыхъ хозяйство разстроивается какими нибудь случайными обстоятельствами, дѣйствіе которыхъ не можетъ быть приписано винѣ городской администраціи или самого городского общества, получаютъ *пособіе отъ казны* изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Размѣръ этого пособія утверждается высочайшею властію, по докладу о семъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ эти разряды пособій вмѣстѣ составляли въ 1858 г.:

Пособіе отъ казны	198,977	т. е.	1,8% всей суммы городскихъ доходовъ.	и	6,7% суммы однихъ чрезвычайныхъ доходовъ.
» изъ земскихъ сборовъ .	100,987	»	0,9	»	3,4
» изъ страхового сбора .	97,146	»	0,9	»	3,3
Итого . . .	397,110		3,7		13,5

Замѣчательно, что въ 1858 г. ни Петербургъ, ни Москва не пользовались пособіемъ, а Одесса получила:

отъ казны	186 р. 630	220,532
отъ земства	33 » 902	

т. е. 93,8% всей суммы, отпускаемой правительствомъ въ пособіе городамъ, и 33,6% всей суммы пособія со стороны земства.

V. *О городскихъ недоимкахъ.*

Къ собственнымъ средствамъ покрытія своего дефицита города относятъ *пополненіе недоимокъ*. Размѣръ недоимокъ по полосамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	1. Сумма всей недоимки.	2. Процентное отношеніе по полосамъ.	3. Предназначеніе по смѣтѣ на пополненіе расхода.	4. Процентное отношеніе пополненія ко всей недоимкѣ.
Лѣсная полоса	206,557 р.	8,9%	93,795 р.	45,4%
Промышленная	210,589 »	9,1	66,214 »	31,4
Промышленно-земледѣльческая	298,168 »	12,8	73,609 »	24,7
Черноземная	172,455 »	7,4	55,084 »	31,9
Черноземно-степная	450,057 »	19,4	120,280 »	26,7
Восточная	190,203 »	8,2	96,950 »	50,9
Западная	365,796 »	15,8	151,658 »	41,4
Малороссійская.	259,101 »	11,1	178,281 »	68,8
Остзейская	160,814 »	6,9	24,501 »	15,3
Итого .	2,313,740 р.	100%	860,372 р.	37,1%

Итакъ, наибольшая недоимка заключается въ губерніяхъ южныхъ черноземно-степныхъ, а за тѣмъ въ западныхъ, наименьшая въ черноземныхъ и остзейскихъ. По отдѣльнымъ губерніямъ, наибольшую недоимку (болѣе 100,000 р. сер.) представляютъ: Саратовская (225,577 р.), Лифляндская (135,158), Херсонская (130,703) и Кіевская (102,616). Наименьшую (менѣе 10,000 р.): Эстляндская (1,783 р., безъ Ревеля), Вологодская (3,140), Архангельская (6,950), Екатеринославская (7,765). Остальныя губерніи заключаются въ этихъ предѣлахъ.

Графы 3 и 4 приведенной выше таблицы,—о количествѣ внесенной на пополненіе расхода недоимки общею суммою и въ процентномъ отношеніи, — показываютъ *степень ея благонадежности*, по крайней мѣрѣ въ глазахъ мѣстной администраціи. Мы видимъ, что всего менѣе надеждъ на пополненіе недоимки въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ впрочемъ, за исключеніемъ Лифляндской губерніи, и самая недоимка незначительна; а за тѣмъ въ промышленно-земледѣльческой и черноземностепной полосахъ, изъ коихъ въ послѣдней всего болѣе недоимокъ, тогда какъ города южной Россіи, отличающіеся развитіемъ въ нихъ отпускной торговли, должны бы были отличаться правильнымъ и благоустроеннымъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что они владѣютъ большею частію значительными городскими капиталами. Всего болѣе предположено къ возмѣщенію текущихъ расходовъ сборомъ недоимокъ въ губерніяхъ малороссійскихъ и восточныхъ. Совершенною безнадежностію къ пополненію недоимокъ отличались въ 1858 году обѣ столицы и Одесса, гдѣ состояніе недоимокъ было слѣдующее:

	Числилось недоимки:	Предназначено къ пополненію.
С.-Петербургъ	773,627 р.	»
Москва.	364,015 »	»
Одесса.	47,818 »	»
Итого . . .	1.185,460 р.	»

Если мы сравнимъ сумму всей числящейся недоимки съ тою суммою, которой не достаетъ городамъ для пополненія своихъ расходовъ предполагаемыми доходами (дефицитъ баланса), то увидимъ, что одно пополненіе недоимки покрыло бы съ избыткомъ весь годичный дефицитъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Дефицита вычислено нами	911,646 р.
Состоитъ вообще по городскому хозяйству недоимки .	3.686,239 »
Остается за пополненіемъ . . .	2.774,593 р.

Разсматривая это отношеніе въ приложенной выше таблицѣ по губерніямъ, удостовѣримся, что дефицитъ значительно превышаетъ и не можетъ быть покрытъ недоимкою только въ слѣдующихъ: Архангельской, Вологодской, Псковской, Нижегородской, Ярославской, Екатеринославской и Оренбургской.

Въ какой мѣрѣ недоимка зависитъ отъ неуравнительности сборовъ, и съ этой точки зрѣнія на сколько она благонадежна къ поступленію, мы, конечно, дѣлать никакихъ общихъ заключеній не можемъ, ибо не имѣемъ никакихъ свѣденій подъ руками, къ какому именно разряду доходовъ принадлежитъ недоимка. Добавимъ только, что если мы ограничимся двумя разобранными нами полосами (лѣсною и промышленною), то увидимъ, что *наибольшую* недоимку имѣютъ губерніи: Новгородская, Нижегородская и Ярославская, города которой, какъ извѣстно, пользуются, по естественнымъ условіямъ, такимъ важнымъ промышленнымъ и торговымъ значеніемъ; *наименьшую* же имѣютъ губерніи: Архангельская и Вологодская, т. е. самыя бѣдныя. Итакъ, какой же общій выводъ въ отношеніи къ чрезвычайнымъ городскимъ доходамъ?

Доходы эти почти оканчиваютъ свое существованіе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ видѣ. Главный источникъ ихъ,—заемъ у правительства—изсякъ совершенно; пособія отъ страховыхъ обществъ уничтожаются, — пособія отъ земства остались какъ временная мѣра; пособія изъ государственнаго бюджета всегда были незначительны, — а теперь, вѣроятно, и еще болѣе сократятся; — общественныя раскладки,—при совершенномъ разстройствѣ всего народнаго хозяйства,— не могутъ помочь городамъ; капиталовъ у послѣднихъ не много, хватитъ лишь на 2, 3 года для покрытія дефицита... А между тѣмъ, если города останутся только при *обыкновенныхъ* своихъ доходахъ, — то мы увидимъ у нихъ *повсемѣстный* и *значительный* дефицитъ. Что

же дѣлать, какой отсюда исходъ? 1) Предоставить городамъ такое же выборное самостоятельное, хозяйственное управленіе, — независимо отъ администраціи, — какъ земству; 2) допустить къ участію въ этомъ управленіи всѣхъ дѣйствительныхъ городскихъ обывателей,—не однихъ приписныхъ въ теперешнемъ смыслѣ городского положенія (т. е. купцовъ и мѣщанъ); 3) отдѣлить собственно городскіе расходы отъ земскихъ и передать завѣдываніе послѣднихъ въ земскія учрежденія; 4) для сокращенія расходовъ, предоставить мелкимъ городамъ право, въ случаѣ заявленія о томъ желанія на *отдѣльныхъ городскихъ собраніяхъ*, поручить завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ мѣстной земской управѣ, — не придавая этому, разумѣется, никакого обязательнаго характера.

Если мы, въ настоящей статьѣ, съумѣли убѣдительно доказать эти главныя положенія фактическими и числовыми данными, то цѣль наша вполнѣ достигнута. Н. КОЛЮПАНОВЪ.

28 апрѣля 1867 г.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Очеркъ третій *).

Состояніе французской журналистики и господствующее нынѣ направленіе въ гуманныхъ наукахъ, на чемъ мы сосредоточили наше вниманіе въ послѣднемъ очеркѣ, говорятъ, конечно, много о современной Франціи, служа центромъ идей, расходящихся по всему обществу. Но только въ экономической литературѣ возможно открыть то, что— болѣе чѣмъ интересуетъ современную Францію, что, можно сказать, составляетъ въ эту минуту самый жизненный для нея вопросъ. Уступая Франціи въ экономическомъ развитіи, мы пользуемся выгодою не знать всѣхъ затрудненій, какія представляетъ здѣсь «рабочій вопросъ» и для государственныхъ людей и для публицистовъ; мы съ трудомъ оцѣнимъ ту упорную борьбу, которая завязалась во Франціи съ конца XVIII столѣтія, и не перестаетъ грозить до настоящей минуты. Вся длинная исторія этого вопроса не привела къ счастливымъ результатамъ. Революція 1789 года и національное собраніе взялись за рабочій вопросъ такъ, какъ и можно было того ожидать въ ту эпоху, когда читалось всѣми «Путешествіе по Франціи» агронома Артура Юнга, безпристрастнаго англійскаго наблюдателя. «Невозможно — говоритъ онъ — оправдать всѣ насилія народа; но кого слѣдуетъ во всемъ

*) См. выше, т. I, отд. V, стр. 98; т. II, отд. V, стр. 55.

обвинять: его ли, или его притѣснителей, которые такъ долго держали этотъ народъ въ рабствѣ. Тотъ, кто желаетъ, чтобы ему служили рабы, и вдобавокъ, нищіе-рабы, тотъ долженъ знать, что его положеніе весьма отличается отъ того, кто любитъ лучше имѣть свободныхъ и счастливыхъ людей; тотъ, кто пируетъ подъ звуки стоновъ, не долженъ жаловаться, если въ минуту возстанія, его дочери будутъ похищены, а сыновья умерщвлены.... Журналы упоминаютъ только объ убійствѣ владѣтеля или о пожарѣ замка; но гдѣ найдемъ списки всѣхъ притѣсненій и взысканій этого же самаго владѣтеля съ тѣхъ, которые были осуждены дѣлаться свидѣтелями голодной смерти своихъ дѣтей?» [1]) Національное собраніе хотѣло вдругъ облагодѣтельствовать человѣчество, соразмѣряясь въ этомъ случаѣ болѣе съ бѣдственностью положенія массы, нежели со своими средствами. Никогда никто не диктовалъ такой программы будущимъ поколѣніямъ, не создавалъ такихъ восторженныхъ декретовъ, но никогда также всѣ реформы не оставались такъ исключительно на одной бумагѣ. Больше этого революція и не могла сдѣлать; одинъ починъ остался за нею: но уже нельзя было ни остановиться, ни идти назадъ. Революція прошла, страна какъ будто успокоилась, но рабочій вопросъ остался на поверхности, вызывая собою множество соціальныхъ теорій и утопій, пріобрѣтая ревностныхъ защитниковъ, изготовившихъ почву для будущаго его развитія. Это развитіе получаетъ сильный отпоръ въ новой силѣ, созданной тою же революціею, — въ буржуазіи, и 1848-й годъ послужилъ ареною столкновенія буржуазныхъ и рабочихъ интересовъ. «Буржуазное» правительство Луи-Филиппа пало на нашихъ глазахъ, и съ тѣхъ поръ, какихъ мѣръ не предпринимало новѣйшее правительство Франціи для разрѣшенія рабочаго вопроса его устраненіемъ, какихъ не было заботъ съ его стороны о томъ, чтобы этотъ вопросъ не рѣшился какъ нибудь помимо его почина! Но сколько оно ни запрещало въ первые года всякое обсужденіе рабочаго вопроса, какихъ работъ ни выдумывало, чтобы занять руки (весь новый Парижъ отстроенъ съ цѣлью отсрочивать всякое болѣе раціональное рѣшеніе рабочаго вопроса), къ какимъ войнамъ ни прибѣгало, чтобы отвести глаза, — все ограничилось только тѣмъ, что искуственныя работы привлекали страшное число рабочихъ рукъ въ центры, а села опустѣли, и правительство стало лицомъ къ лицу съ кризисомъ и въ деревняхъ и въ городахъ.

Какъ наканунѣ 1848 года литература бросилась на экономическіе вопросы, такъ то же явленіе повторилось и теперь, только не съ тою силою, какая была обнаружена въ 40-хъ годахъ: нынѣшній разъ литература отнеслась къ рабочему вопросу болѣе робко и боязливо, не

[1]) Voyage en France, Espagne et Italie. 1790—1794. — Арт. Юнгъ путешествовалъ по Франціи въ 1787 году.

строя теорій и ограничиваясь одною критикой современнаго экономическаго положенія и голымъ указаніемъ на необходимость распространенія нѣкоторыхъ мѣръ для улучшенія экономическаго и нравственнаго быта страны. Преимущество современной литературы предъ теоріями 40-хъ годовъ состоитъ въ томъ, что она ввела рабочій вопросъ въ обыденную жизнь, направивъ на него и философовъ и публицистовъ и романистовъ; но главнымъ ея представителемъ все-таки считается Жюль Симонъ.

Многое можно сказать, и многое справедливо говорится многими, противъ Ж. Симона, какъ философа, моралиста, но въ отношеніи рабочаго вопроса его заслуги дѣйствительно велики: онъ одинъ изъ первыхъ снова заговорилъ объ экономическомъ положеніи своей страны, ярко поставилъ на видъ матеріальное и нравственное состояніе работника, работницы и ребенка, который убивается съ 8-и лѣтняго возраста на фабрикѣ *); нельзя оспаривать у него и той заслуги, которую онъ оказалъ своему обществу, подведя итоги положенія, въ которомъ находится Франція относительно народнаго образованія, постоянно требуя и настаивая на необходимости дарового и обязательнаго обученія. Четыре работы, явившіяся почти одна за другою: *le Travail*, *l'Ouvrière*, *l'Ouvrier de huit ans* и *l'École* даютъ обильный матеріалъ для оцѣнки его дѣятельности. И мы вслѣдствіе того остановимся именно на этой дѣятельности.

---

*) Нашъ почтенный корреспондентъ справедливо замѣтилъ выше, что въ Россіи рабочій вопросъ не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ западной Европѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, что у насъ нѣтъ надобности наблюдать за отдѣльными случаями злоупотребленій. Достаточно остановиться для примѣра на томъ, что писалось недавно изъ Костромы въ газету «Востокъ»: «Съ легкой руки пароходнаго завода г. Шипова, здѣсь, въ недавнее время, появились фабрики гг. Зотова, Брюханова и Кашина—льнопрядильныя. Дѣятельность этой, прежде почти пустынной, части города значительно оживилась. На улицахъ, на которыхъ прежде трудно было встрѣтить даже и животныхъ, теперь постоянно кишитъ народъ, вслѣдствіе громаднаго запроса на ленъ, и крестьяне стали больше сѣять его и пренебрегаютъ даже хлѣбопашествомъ. *Работа на фабрикахъ продолжается 12 часовъ въ сутки, и изъ этого правила не исключены даже дѣти.* Мнѣ кажется (?) что такая эксплуатація дѣтскаго труда по меньшей мѣрѣ заслуживаетъ состраданія, если несовершеннаго запрещенія... Однимъ дѣтямъ приходится работать съ 6 часовъ вечера до 12 часовъ ночи и быть опять готовыми къ 6 часамъ утра; другимъ—просыпаться въ 12 часовъ ночи, и бѣжать иногда отъ теплой постели, въ грязь, вьюгу, дождь и непогоду, чтобы смѣнить товарищей. Ни о какихъ школахъ при фабрикахъ для дѣтей не слышно; да и странно бы было посылать еще въ школу и безъ того *замореныхъ дѣтей*, единственно бьющихся день и ночь изъ-за куска хлѣба, потому что, сколько я слышалъ отъ нѣкоторыхъ рабочихъ, платы достаетъ только на *хлѣбъ насущный*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Что около фабрикъ процвѣтаютъ фирмы *растворочно* и *навынось*,—это не доказательство излишнихъ заработковъ, а доказательство крайней бѣдности и, можетъ быть, одного отчаянія»... Такое мѣстное зло слѣдуетъ пресѣкать безотлагательно, не ожидая его дальнѣйшаго развитія. — *Ред.*

Чтобы нагляднѣе, понятнѣе было экономическое положеніе рабочаго класса въ наше время, Жюль Симонъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій «Travail» представляетъ намъ его прошедшее, показываетъ какимъ образомъ, пройдя черезъ рабство древнихъ республикъ, зависимость среднихъ вѣковъ, трудъ впервые освобождается только въ XVIII столѣтіи, и достигаетъ состоянія зародыша той формы, которая едва еще обозначилась, но уже носитъ опредѣленное имя ассоціаціи. Но въ исторіи труда не столько интересенъ его древній вѣковой періодъ рабства, сколько интересны тѣ перипетіи, которыя прошелъ трудъ послѣ своего перваго освобожденія, въ теченіе какихъ нибудь 80 лѣтъ существованія. Наполеоновскія войны, бурбонская реставрація и реакція замѣшкали развитіе рабочаго вопроса, вмѣстѣ съ другими вопросами. Отсюда продолжительный кризисъ для французскаго общества.

Болѣе богатые и образованные классы пробуждаются ранѣе массы. Не желая диктатуры 93 года, они возвращаются къ идеямъ 89 года, но что же они дѣлаютъ для того, спрашиваетъ Жюль Симонъ? «Они установляютъ ограниченную свободу, беря монополію ея въ свои руки». Вся разница между падшимъ древнимъ и новымъ порядкомъ ограничилась такимъ образомъ тѣмъ, что въ старомъ всѣ политическія и соціальныя силы, всѣ права принадлежали аристократическому классу, ревниво не допускавшему въ себя новыхъ элементовъ, между тѣмъ какъ въ новомъ всѣ силы и права забрала въ свои руки буржуазія, говоря народу: мы не каста, мы не замкнутый классъ, мы не привилегированный, не праздный слой общества, мы съ охотою, съ радостью даемъ всѣ права, принимаемъ къ себѣ всѣхъ, кто заслужилъ уваженіе, кто имѣетъ достоинства. (Мѣрило же этому достоинству было одно: деньги, богатство.) Мы отъ васъ не спрашиваемъ, должна была бы сказать буржуазія всѣмъ, кто входилъ въ ея составъ, какъ вы пріобрѣли ваши средства: пріобрѣтайте ихъ какъ хотите, трудомъ или какъ нибудь иначе, намъ все равно, только бы вы ихъ имѣли. Внѣ этихъ средствъ, внѣ богатства, для насъ нѣтъ ничего важнаго, ничего достойнаго уваженія. Сообразно съ этимъ, средства, которыя употребила буржуазія во Франціи для удержанія въ своихъ рукахъ политической власти, были очень просты: такой-то повемельный налогъ, чтобы быть избраннымъ, такой-то, чтобы быть избирателемъ, такой-то, чтобы быть присяжнымъ. Буржуазія считала себя истинно либеральною и думала, что въ ней на землѣ осуществилось полное торжество демократіи. Она постоянно говорила народу: Франція свободна; мы, пользующіеся всѣми политическими правами, и вы, не пользующіеся никакими, одинаково наслаждаемся свободою, потому что вы, сдѣлавъ небольшой запасъ доброй воли, здраваго смысла и труда, можете занять мѣсто въ нашихъ рядахъ. Напрасно ей отвѣчали на это, что собственность не всегда есть необходимое слѣдствіе

труда и честности. «Буржуазія — говоритъ Жюль Симонъ, дѣлая ея интересный портретъ—честна, безъ того, чтобы быть особенно добродѣтельною; у нея есть и умъ и здравый смыслъ, но безъ большой тонкости во вкусахъ и идеяхъ; она предана порядку по разсчету и интересу, нѣсколько рутинна, но все-таки либеральна, и не любитъ, чтобы ею слишкомъ управляли.» Еслибы этотъ портретъ былъ совершенно вѣренъ, то, вѣроятно, «умъ и здравый смыслъ» буржуазіи заставили бы ее быть внимательнѣе ко всеобщему ропоту, и она раціональными уступками съумѣла бы предупредить новую революцію, которая утвердила во Франціи «всеобщую подачу голосовъ». Но по достиженіи въ 1848 г. полнаго политическаго равенства, соціальное неравенство сдѣлалось несравненно нагляднѣе. Рабочіе классы во Франціи спросили себя, что̀ выиграли они отъ полученной свободы, когда они не могутъ ею пользоваться; они убѣдились, что мало имѣть одно право, что нужно еще имѣть средства, чтобы употребить его въ дѣло. «Право близко приближается къ мертвой буквѣ, говоритъ Жюль Симонъ, когда оно не сопровождается ни личною способностью, ни соціальною. Способность же эта не существуетъ, когда люди съ восьми-лѣтняго возраста и до глубокой старости должны безъ отдыха работать по двѣнадцати и четырнадцати часовъ въ сутки, когда главною ихъ заботою на всю жизнь дѣлается одинъ вопросъ: будетъ ли хлѣбъ на завтра? Это сознаніе невозможности для нихъ пользоваться свободою, заниматься общественными дѣлами, привело ихъ къ требованію *немедленной* помощи отъ государства, немедленнаго уничтоженія пауперизма. Капиталъ, испуганный такого рода требованіями, приготовился къ кровавой и ожесточенной междоусобной борьбѣ. Оба лагеря были воодушевлены одинаковою враждою, бой завязался.... побѣда досталась ни тому, ни другому, а третьему игроку, давно уже выжидавшему удобной минуты, чтобы облагодѣтельствовать Францію.» Говоря объ этой эпохѣ, Ж. Симонъ высказываетъ мнѣніе, что «исторія когда нибудь скажетъ, что дрались изъ недоразумѣнія», и что на самомъ дѣлѣ не могло быть вражды между трудомъ и капиталомъ, потому что трудъ есть не что иное, какъ завтрашній капиталъ, и капиталъ— вчерашній трудъ. Еслибы въ ту минуту, когда Ж. Симонъ писалъ эту фразу, онъ обратился бы къ фактамъ, бросающимся во Франціи въ глаза, еслибы онъ вспомнилъ, что чаще обманъ, лотерея, распространяющаяся биржевая игра, безъ всякаго участія труда, одному бросаетъ въ руки капиталъ, у другого отнимаетъ, дѣлаетъ и раздѣливаетъ состоянія, — онъ вѣрно поспѣшилъ бы оговорить высказанное имъ положеніе, и сознался бы, что въ современной Франціи трудъ и капиталъ не живутъ душа въ душу. Даже въ Англіи эти два понятія не мало враждебны другъ другу, и мы каждый день читаемъ о распространяющихся стачкахъ англійскихъ рабочихъ. А что же значатъ эти

стачки, какъ не то, что трудъ воюетъ съ капиталомъ. Самъ Ж. Симонъ приводитъ факты, что въ числѣ нуждающихся, записанныхъ на листахъ администраціи общественной помощи въ Парижѣ, попадаются такія имена, которыя, переходя отъ отца къ сыну, восходятъ до временъ Революціи. Едвали потому можно было утверждать, что въ 1848 г. французы боролись изъ недоразумѣнія. Но подобныя противорѣчія у Ж. Симона могутъ быть объяснены только извѣстною его страстью примиренія двухъ враждебныхъ становъ. Не дѣлая никакихъ иллюзій, мы должны сознаться, что и послѣ февральской революціи, положеніе рабочихъ во Франціи также требуетъ для себя перемѣны, какъ то было и прежде. Съ того времени эта необходимость сдѣлалась еще болѣ настоятельною, а вопросъ: кѣмъ должна быть произведена такая перемѣна, съ участіемъ ли правительства, государства, или только и исключительно самимъ рабочимъ классомъ, безъ всякой посторонней помощи, — этотъ вопросъ представилъ еще болѣе затрудненій и поднялъ ожесточенные споры. На той и другой сторонѣ стоятъ замѣчательные по таланту защитники, то и другое разрѣшеніе находитъ себѣ горячихъ партизановъ и въ самомъ рабочемъ классѣ. Жюль Симонъ является непреклоннымъ врагомъ вмѣшательства государства въ рабочій вопросъ. Но, можетъ быть, было бы справедливѣе остановиться на мысли, что раціональное и искреннее участіе правительства въ интересахъ рабочаго класса не только не излишне, но даже законно и необходимо. Если Жюль Симонъ правъ въ своей боязни государственной благотворительности, то, кажется, правы и тѣ, которые говорятъ, что они желали бы только иначе понимать вмѣшательство государства въ рабочій вопросъ.

Какими же средствами обладаетъ рабочій классъ, чтобы самому облегчить свое существованіе, какія мѣры проповѣдуются и требуются тѣми, которые желаютъ, чтобы работники были обязаны только самимъ себѣ въ перемѣнѣ своего тяжелаго положенія? Прежде чѣмъ мы станемъ говорить объ этихъ мѣрахъ и средствахъ, взглянемъ на самое положеніе рабочаго, какъ рисуетъ его еще смягчающими красками Жюль Симонъ въ своихъ двухъ сочиненіяхъ: *«l'Ouvrière»* и *«L'ouvrier de huit ans»*.

Появленіе «Работницы» (l'Ouvrière) въ 1860 году составило чуть не эпоху въ экономической литературѣ Франціи. Если много было и прежде говорено о состояніи работниковъ на фабрикахъ, большихъ мануфактурахъ, то никто еще не посвящалъ своего труда исключительно положенію работницы. Жюль Симонъ посѣтилъ всѣ главные промышленные центры, близко познакомился съ жизнію работницы и работника, много разъ поднимался на холодный чердакъ, много разъ спускался въ удушливый погребъ, подземелье, гдѣ «простой посѣтитель не можетъ дышать», видѣлъ женщину на фабрикѣ, видѣлъ ее

на улицѣ, въ кабакѣ, видѣлъ ее дома, и далъ всему, гдѣ онъ былъ самъ свидѣтелемъ, краснорѣчивое, подчасъ патетическое описаніе. Описаніе это, какъ онъ самъ сознается въ предисловіи къ своей книгѣ, блѣднѣетъ передъ дѣйствительностью; вездѣ его ожиданія, опасенія, его фантазія, воображеніе были превзойдены самою жизнію. Нѣтъ ничего легче, какъ отыскать главную идею его книги, она бросается въ глаза; все начало и конецъ, результатъ, къ которому онъ приходитъ, жалоба, которую онъ повторяетъ каждую минуту, заключаются въ одномъ словѣ, и это слово какъ раздирательная нота, звучитъ черезъ всю книгу, останавливаясь и усиливаясь на каждой страницѣ. Слово это: «отсутствіе семьи!» «Въ нашей экономической организаціи, говоритъ онъ, есть страшное зло, порождающее нищету,—зло, которое нужно побѣдить, если общество не хочетъ погибнуть, это—уничтоженіе семейной жизни». Откуда же произошло это зло? Но помимо этого вопроса, на который нетрудно отвѣтить, есть еще одинъ вопросъ болѣе важный, требующій, казалось бы, положительнаго разрѣшенія. Можно ли побѣдить это зло всѣхъ золъ, о которомъ говоритъ авторъ «Ouvrière»? Если слѣпо слѣдовать за Жюль Симономъ, то пришлось бы сказать тогда: какъ ни грустно, но уничтожить зла нельзя, нужно покориться и дѣлать добро, только улучшая старое, т. е. ослабляя, но не уничтожая этого зла въ самомъ корнѣ. По счастью, это зло только кажется непобѣдимымъ; Ж. Симонъ на него смотритъ такъ, потому что онъ ищетъ средствъ противъ него въ томъ же самомъ экономическомъ положеніи, изъ котораго только и стремится выйти рабочій классъ, съ которымъ онъ хочетъ покончить, пересоздать его. Вообще, нельзя найти средствъ противъ зла въ самомъ злѣ. Притомъ, уничтоженіе семьи не есть причина дурного положенія рабочаго класса, а только его слѣдствіе; причина подобнаго гибельнаго разрушенія семейной связи лежитъ въ самой экономической организаціи общества, въ недостаточномъ вознагражденіи труда, въ отсутствіи образованія, въ вѣчной междоусобной войнѣ производительныхъ силъ страны. Если-бы вознагражденіе за четырнадцати-часовой трудъ работника было достаточно, чтобы удовлетворять всѣ необходимыя потребности рабочей семьи, то, разумѣется, женщина, на отвѣтственности которой лежатъ малолѣтнія дѣти, не бросала бы ихъ на произволъ судьбы въ продолженіе цѣлыхъ тринадцати или четырнадцати часовъ, чтобы заработать ту добавочную копѣйку, безъ которой семья не можетъ существовать. При такомъ порядкѣ вещей, естественно, что развитіе фабричной промышленности, уничтоженіе частныхъ, маленькихъ мастерскихъ и замѣненіе ихъ большими мануфактурами, всеобщее введеніе новой силы, которая почти уничтожила значеніе физической силы человѣка, и дала возможность женщинѣ исправлять почти всѣ работы наравнѣ съ мущиною, все способствовало къ тому, чтобы при-

вести къ результату, на который такъ жалуется Жюль Симонъ, т. е. къ привлеченію женщины на мануфактуру.

Паръ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать никакой законодатель, что не удалось ни Кольберу, ни Людовику XIV, когда они хотѣли въ видахъ покровительства фабричнаго производства собрать женщинъ въ большія мастерскія; а паръ притянулъ ихъ въ эти красныя кирпичныя зданія, гдѣ уничтожается личность, гдѣ силою гаснетъ всякое чувство, гдѣ требуется, чтобы женщина забыла свою самую естественную обязанность, и изъ матери превратилась-бы въ машину. Фабриканты, большіе капиталисты, стоящіе во главѣ мануфактуръ, получивъ возможность, благодаря изобрѣтеннымъ и каждый день изобрѣтаемымъ машинамъ,—замѣнять мужской трудъ женскимъ, стали, очевидно, заботясь о собственной выгодѣ, предпочитать послѣдній, какъ менѣе стоющій. Какое же положеніе создано женщинѣ развитіемъ фабричнаго производства, въ какую рамку установлена ея жизнь всепоглощающею мануфактурою, какова вообще ея участь при настоящей экономической организаціи общества? Первый вопросъ, который представляется всякому, говоря о матеріальномъ положеніи работницы, заключается въ приблизительномъ опредѣленіи одного вознагражденія, которое полуучаетъ женщина за свой трудъ, и въ разсмотрѣніи, на сколько это вознагражденіе способно удовлетворять ея необходимымъ потребностямъ. Хотя это вознагражденіе и рознится въ различныхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ женщина заняла мѣсто, тѣмъ не менѣе вопросъ будетъ достаточно выясненъ, если взять только среднюю величину, т. е. показавъ, какъ вознаграждается вообще трудъ въ большомъ фабричномъ производствѣ и, если можно такъ выразиться, въ мелкой промышленности. Собственно говоря и подобное разграниченіе не есть необходимо, такъ какъ и тутъ и тамъ это вознагражденіе почти тождественно. Когда экономисты говорятъ, что вознагражденіе за женскій трудъ простирается до 20 fr. въ день, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ знаешь, что изъ 113 тысячъ работницъ, которыя были въ Парижѣ въ 1851 году, только одна тысяча заработывала 20 fr., то къ подобнымъ фразамъ теряешь возможность относиться серьезно. Эти нѣсколько сотенъ работницъ, которыя получаютъ плату, позволяющую имъ жить болѣе или менѣе въ довольствѣ, теряются въ сотняхъ тысячахъ работницъ, которымъ плата за ихъ трудъ далеко не даетъ даже необходимаго. Рядомъ съ этою баснословною цифрою 20 fr.—существуетъ другая, которая обозначена какъ minimum вознагражденія: 15 сантимовъ! Въ фабричной промышленности положеніе работницы считается непремѣнно однимъ изъ лучшихъ, напр. ткачихи шелка, когда ея трудъ даетъ ей 1 fr. и 75 сантимовъ, что въ годъ, состоящій изъ 300 рабочихъ дней, составитъ 525 франковъ. Ж. Симонъ раскладываетъ эту цифру, дѣлаетъ такъ сказать бюджетъ работницы, который

не лишенъ интереса. Онъ разсчитываетъ, что, если изъ этой цифры взять 72 fr. на квартиру, слишкомъ 20 сантимовъ въ день, то квартира эта будетъ нечеловѣческая канура;—150 fr. на обувь, одежду, стирку, то на это почти нѣтъ возможности пріобрѣсти себѣ необходимое, и тогда останется 80 сантимовъ въ день на пищу и всѣ непредвидимые расходы. Но если вмѣсто преувеличенной цифры, одного франка и 75 сант., взять болѣе нормальную плату 1 fr. и 50 с., тогда на ежедневные расходы останется всего 55 сантимовъ, т. е. сумма, на которую можно получить самую скудную пищу, недостаточную, чтобы возобновить утраченныя силы въ продолженіе двѣнадцати часовой работы. И при этомъ нужно сказать, что положеніе ткачихи въ мануфактурѣ является какъ бы привилегированнымъ: онѣ играютъ роль фабричной аристократіи. Въ мелкой промышленности, въ ремеслахъ, гдѣ игла занимаетъ главное мѣсто, если заработная плата остается приблизительно таже, т. е. колеблется отъ 2 fr. и до 75 сантимовъ, то за-то эта плата достается едва ли не еще труднѣе, чѣмъ на фабрикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно сдѣлать усиліе, чтобы понять, какимъ образомъ можно сидѣть за работою впродолженіе 12 или 13 часовъ, не отводя глазъ отъ иглы, не давая своей рукѣ ни минуты отдыха, и при этомъ еще страдать зимою отъ холода до того, что костенѣютъ и ноги и руки. Болѣзнь глазъ, болѣзнь груди являются самыми обыкновенными слѣдствіями этой безостановочной работы, которая продолжается сквозь слезы и вздохи, не смѣя обращать вниманія ни на слабость, ни на изнеможеніе, ни на болѣзнь женщины. Она должна быть пригвождена къ своему стулу, подъ угрозою голода. И такая работа далеко не всегда еще оплачивается двумя франками; въ самомъ Парижѣ, гдѣ жизнь такъ дорога, есть тысячи работницъ, которыя получаютъ за 13-ти часовой трудъ 75 сант. Какая ужасная задача для работницы, получающей въ годъ 225 или 270 fr. въ годъ, привести въ равновѣсіе свой бюджетъ [1])! Но предполагая даже, что женщина заработываетъ 2 fr. въ день, самое большое составитъ приблизительно 500 fr. въ годъ, и то скорѣе меньше, нежели больше, потому что изъ года необходимо вычесть всѣ воскресенья, праздники и время застоя, отсутствія работы, которому подвержены всѣ ремесла. Но огромное большинство работницъ получаютъ 50-ю и даже 75-ю сантимами меньше. «Тѣмъ, которые никогда не посѣщали жилищъ работниковъ, трудно даже представить себѣ эти норы, въ которыхъ они живутъ, тѣ лохмотья, въ которыя они одѣты, тяжело забраться на эти «мрачныя, холодныя, сырыя мансарды, гдѣ красивыя и изнуренныя дѣвушки съ утра до поздняго вечера стегаютъ иглою и умираютъ за работой...» Тутъ одна дорога, на которую ихъ

[1]) E. Levasseur — Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. Tome second. 439 p. 1867.

неминуемо толкаетъ тяжелая, грустная жизнь, дорога, которая, правда, приводитъ часто еще къ худшей жизни, къ болѣе тяжкому положенію. Вѣда, когда дѣвушка попадетъ на любовника, который не привяжется, не полюбитъ ее, а броситъ ее при первой болѣзни, при первой беременности. То, что едва хватало на ея существованіе, теперь должно быть раздѣлено между ею и ея ребенкомъ, который отнимаетъ у нея время, мѣшаетъ работать, и часто доводитъ или до преступленія, если при такомъ положеніи это можетъ быть названо безусловнымъ преступленіемъ, или до страшнаго разврата. Тотъ фактъ, что женщина прибѣгаетъ къ разврату для того, чтобы прокормить своего ребенка, подтверждается свидѣтельствами всѣхъ тѣхъ, которые близко подходили къ положенію французской работницы. Сколько ни трудись женщина, сколько ни работай, трудъ ея никогда даже не будетъ оплачиваться на равнѣ съ мужскимъ, потому что ея сфера, кругъ ея дѣятельности несравненно тѣснѣе того, въ которомъ вращается мущина. Множество ремеслъ, въ которыхъ она можетъ работать съ такимъ же успѣхомъ какъ и онъ, остаются для нея закрытыми, и когда женщина какъ нибудь случайно прорывается въ одно изъ нихъ, то ее тотчасъ встрѣчаетъ ожесточенная вражда работниковъ. Такъ, напр., недавно было съ типографскимъ ремесломъ. Фактъ тотъ, что распространеніе круга женской дѣятельности тотчасъ печально отзывается на работникахъ пониженіемъ платы за ихъ трудъ. Порокъ экономической организаціи привелъ Жюль Симона къ словамъ: «право работницы на распространеніе труда очевидно, но не менѣе очевидна и опасность отъ этого для работниковъ».

Все, что до сихъ поръ было говорено, относится къ той работницѣ, которая стоитъ одиноко въ жизни, на большомъ рынкѣ труда, и должна исключительно заботиться о собственномъ существованіи безъ всякой посторонней помощи. Но не лучше ли положеніе дѣвушки, которая выходитъ замужъ, которая находитъ опору въ своемъ мужѣ; должна ли замужняя женщина также работать какъ и незамужняя, не можетъ ли ограничиться ея трудъ уходомъ за дѣтьми, хозяйствомъ, работой на дому? Отвѣтъ на это можно найти въ необходимомъ бюджетѣ рабочей семьи и въ томъ, сколько заработываетъ среднимъ числомъ работникъ.

Представители рабочаго класса, посланные на послѣднюю Лондонскую всемірную выставку, представили въ 1864 отчетъ о положеніи работниковъ, изъ котораго сдѣлалось ясно отношеніе заработной платы къ тому, во что обходится жизнь, разумѣя только самое необходимое. Они разсчитали, что квартира въ годъ на семейство, состоящее изъ четырехъ лицъ, должна стоить въ самой отдаленной части Парижа, чтобы не сказать за Парижемъ, покрайней мѣрѣ 250 fr.; содержаніе, т. е. одежда и обувь—260 fr.; освѣщеніе и отопленіе—50 fr.; стирка

бѣлья—50 fr., итого 600 fr., не считая ни пищи, никакихъ случайныхъ, но всегда необходимыхъ расходовъ. И все это, нужно сказать, разсчитано въ самый обрѣзъ, взято только самое необходимое, безъ чего нельзя существовать, безъ чего жизнь перестаетъ быть жизнію. Эти же самые работники даютъ цифру 3 fr., какъ необходимую для дневного пропитанія семьи, состоящей изъ четырехъ лицъ. Въ годъ это составитъ 1,100 fr., что вмѣстѣ съ 600-ми дѣлаетъ 1,700 fr. Эти 1,700 fr. необходимы для самаго стѣсненнаго хозяйства. На сколько же соотвѣтствуетъ этой суммѣ заработная плата, получаемая парижскимъ работникомъ? Изслѣдованіе, сдѣланное въ 1859 году, показало, что работникъ добываетъ въ день, разумѣется беря среднюю величину, 4 fr. 41 с., не считая 52 воскресеній, и разумѣется столько же дней, какъ minimum, уходитъ на праздники, на застой въ работѣ, болѣзнь и т. д. Однимъ словомъ, въ году останется всего 261 рабочихъ дней. Если помножить это количество рабочихъ дней на ту среднюю цифру, то легко убѣдиться, что работникъ не имѣетъ физической возможности содержать своей семьи. Но если даже взять то количество рабочихъ дней, которое беретъ для круглоты цифры Жюль-Симонъ, т. е. 280, и ту плату, которую, по изслѣдованію 59 года, получаетъ часть парижскаго рабочаго населенія, т. е. 6 fr. въ день, то и тогда окажется, что изъ трехъ сотъ тысячъ парижскихъ работниковъ только 34,597 получаютъ 1,680 fr. въ годъ, т. е. сумму, позволяющую имъ содержать свою семью. Но и тутъ нужно сдѣлать не прибавку, а урѣзку въ 20 fr., такъ какъ необходимый бюджетъ долженъ равняться 1,700 франкамъ.

Изъ этого краткаго разсчета очевидно только одно, что такъ какъ жалованья мужа не хватаетъ чтобы прокормить семью, то недостающую сумму должна заработать жена, и чѣмъ меньше получаетъ мужъ, тѣмъ болѣе должна получить жена. Если мужъ получаетъ 5 fr. въ день, то она должна заработать 300 fr.; если только онъ заработываетъ 4 fr., то на ея долю приходится 580 fr., считая, что годъ состоитъ, согласно Жюль Симону, изъ 280 дней. А сколько есть работниковъ, которые не получаютъ и четырехъ франковъ! Сколько бы слѣдовательно ни толковали о томъ, что женщина-мать не должна покидать своего дома, своихъ дѣтей, сколько бы ни говорили, что женщина не должна работать; что ей слишкомъ много дѣла у себя, сколько бы ни повторяли за Мишле его фразы: «Работница! проклятое, мерзкое слово, которое никакой языкъ, никакое время не поняло бы прежде нашего желѣзнаго вѣка, слово, которое одно покачнетъ весь нашъ воображаемый прогрессъ!» [1])—тѣмъ не менѣе женщина должна работать, должна принести каждый день домой тотъ франкъ и тѣ су, безъ которыхъ семья будетъ брошена въ нищету. А сколько есть женщинъ, которыя, не

[1]) La femme, par J. Michelet.

смотря на свои тринадцать и четырнадцать часовъ работы, не имѣютъ никакихъ средствъ пополнить недостающую сумму? Положеніе замужней женщины едва ли еще не болѣе критическое, нежели положеніе дѣвушки. Участь этой рѣшена, она знаетъ, что она должна работать, она спокойно можетъ оставить свою конуру, ей некого беречь въ ней, она отвѣчаетъ только за себя, она заботится только о себѣ; если на дворѣ холодно, ей одной холодно, если ей нечего ѣсть, она одна только страдаетъ, если она дѣлается больна, она идетъ въ больницу, когда есть тамъ мѣсто; на фабрикѣ, за работой, во время болѣзни она не должна вѣчно думать: что дѣлается дома!

Показавъ такимъ образомъ, что заработная плата ни въ какомъ случаѣ не можетъ въ настоящее время соотвѣтствовать необходимымъ средствамъ существованія, интересно бросить взглядъ на то, какъ существуютъ эти рабочія семьи во Франціи, какъ справляются они съ своимъ положеніемъ. Первое, въ чемъ обнаруживается недостатокъ средствъ, нищета, это—квартира; на ней работникъ или работница прежде всего стараются спасти нѣсколько франковъ, недостающихъ на пищу. Читая описанія рабочихъ квартиръ, мы часто отказываемся вѣрить написанному. Но дѣйствительность превышаетъ всякое воображеніе, и часто тѣ, которые обвиняли описанія въ преувеличеніи, кончаютъ тѣмъ, что упрекаютъ ихъ въ недостаточной силѣ. Жюль Симонъ принадлежитъ къ послѣднимъ, и потому его описаніямъ можно смѣло вѣрить, тѣмъ болѣе, что его подтверждаютъ даже и тѣ, которые умышленно смотрятъ на все въ оптимистическое стекло. Спрашивается, что находитъ работникъ, когда онъ возвращается усталый и измученный домой послѣ цѣлаго дня безостановочной работы? Шумная, часто удушливая и грязная мастерская можетъ показаться ему дворцомъ по сравненію съ комнатой, гдѣ онъ живетъ, гдѣ онъ находитъ свое семейство. Рабочія квартиры, помѣщаются большею частью въ старыхъ домахъ различныхъ предмѣстьевъ, въ узкихъ, едва проходимыхъ улицахъ; иногда вмѣсто комнаты попадается сырой подвалъ, иногда мансарда, въ которую черезъ крышу бьетъ вѣтеръ и дождь. Жюль Симонъ осмотрѣлъ рабочія квартиры почти во всѣхъ главныхъ городахъ Франціи, онъ видѣлъ эти норы, въ которыхъ копошатся люди въ Ліонѣ, Амьенѣ, Рубэ, Лиллѣ, Реймсѣ, Руанѣ и т. д. — и вотъ общее заключеніе, которое, кажется, можно сдѣлать: большинство работниковъ помѣщены несравненно хуже, нежели приговоренные къ тюремному заключенію. Самое большое зло рабочихъ кануръ заключается въ недостаткѣ воздуха, который убійственно дѣйствуетъ на здоровье. Рядомъ съ этимъ зломъ господствуетъ неопрятность, нечистота, которая неизбѣжна въ такомъ помѣщеніи, гдѣ нельзя даже поставить самой необходимой мебели. Въ такой крошечной конурѣ, гдѣ часто нельзя даже развести огня за отсутствіемъ камина или печи, гдѣ и ночью и днемъ почти одинаково темно,

гдѣ свѣтъ проходитъ черезъ щель или едва примѣтное окошечко, въ такой конурѣ живетъ часто нѣсколько человѣкъ, мущины, женщины, дѣти, всѣ вмѣстѣ. Часто женщина не имѣетъ никакой возможности въ такомъ помѣщеніи приготовить ни обѣда, ни ужина, все нужно тогда покупать готовое. Да и когда ей есть время приготовлять? По большей части, домá съ такими квартирами находятся на разстояніи часа отъ фабрики, и женщина, проработавъ 13 часовъ, должна употребить еще два часа на ходьбу. Послѣ 15-ти часовъ, она возвращается, усталая, измученная,—ей нельзя даже думать о томъ, чтобы содержать въ чистотѣ свою конуру. Безъ нея между тѣмъ все приходитъ еще въ большее запущеніе: грязь, духота, удушливый воздухъ, вотъ что ожидаетъ и мужа и жену, когда они возвращаются домой. Но не преувеличено ли такое описаніе, не есть ли такая квартира исключеніе? Нѣтъ, «конура есть общее правило, а сносная квартира исключеніе», свидѣтельствуетъ самъ Жюль Симонъ. Нечего спрашивать о ночи. Дѣти съ большими, мужчины и женщины—все это вмѣстѣ, въ грязи валяется на одномъ тюфякѣ. Чуть-свѣтъ, мужъ и жена уходятъ, и въ этой душной дырѣ остаются дѣти, одни, безъ присмотра, да гдѣ нибудь въ углу лежитъ, не вставая по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, больная старуха или полуумирающій инвалидъ труда. А что дѣлается зимою? Иногда нѣсколько человѣкъ дѣтей, одинъ другого меньше, стоятъ безъ движенія около давно угасшаго огня, и трясутся отъ холода, сырости; на рукахъ кого они остались?—на рукахъ часто семилѣтняго ребенка, который смотритъ и нянчитъ ихъ. Правда, что вездѣ существуютъ пріюты, заведенія, куда принимаютъ дѣтей на тѣ часы, когда мать на работѣ, но все это недостаточно, особенно когда сравниваешь число маленькихъ дѣтей, которыхъ мать должна бросать почти на улицѣ, съ количествомъ мѣстъ, которыя существуютъ для дѣтей въ подобныхъ учрежденіяхъ.

Каково же положеніе ребенка у фабричнаго, кáкъ воспитывается, развивается онъ въ извѣстной уже намъ обстановкѣ, при какихъ условіяхъ растетъ и дѣлается человѣкомъ, работникомъ, являющимся на смѣну своего отца? Этому важному вопросу, вопросу о положеніи ребенка-работника и посвятилъ Жюль Симонъ свой послѣдній трудъ: «*L'ouvrier de huit ans*». Эти простыя слова «работникъ 8 лѣтъ» представляютъ собою высшее выраженіе экономическаго порядка на Западѣ, они являются послѣднимъ результатомъ, вѣнцомъ положенія рабочаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ большомъ общемъ рабочемъ вопросѣ нѣтъ ничего, чтó заслуживало бы бóльшаго вниманія, какъ этотъ частный вопросъ. Въ немъ скрывается вся будущность страны, все ея богатство, вся ея сила, и потому авторъ, который напоминаетъ о немъ, разработываетъ и настоятельно требуетъ въ этомъ вопросѣ реформы, — такой авторъ оказываетъ дѣйствитель-

ную услугу обществу. За подобную услугу Жюль Симону смѣло можно не ставить въ укоръ ту узкость его соціальныхъ воззрѣній, которая иногда проглядываетъ въ его трудахъ, изъ страха быть обвиненнымъ въ желаніи поколебать до основанія современный экономическій порядокъ, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости, а потому и страхъ автора неосновательенъ. Съ самыхъ первыхъ дней появленія на свѣтъ ребенка для него уже начинается та отчаянная борьба между жизнью и смертью, которая должна тянуться до конца его дней. Большая часть изъ новорожденныхъ тотчасъ оставляются своими матерьми, для того, чтобы быть отданными или въ воспитательный домъ, или на руки какой нибудь женщины, которая кормитъ ихъ козьимъ молокомъ, или для того, чтобы быть отправленными куда нибудь въ деревню, кормилицѣ, которая за-разъ берется закормить нѣсколько дѣтей. Сколько останется въ живыхъ изъ этихъ дѣтей черезъ годъ отъ дня ихъ рожденія—страшно и спрашивать? Въ департаментѣ Seine-Inférieure изъ 100 дѣтей спасаютъ только 13. Въ департаментѣ Eure-et-Loir, въ которомъ распространено это ремесло кормилицъ, въ 1861, 62, 63 и 64 годахъ, изъ незаконныхъ дѣтей, отправленныхъ туда на выкормленіе, умерло — страшно сказать — болѣе чѣмъ 95 на 100 [1]). Но, разумѣется, такія цифры составляютъ исключеніе; беря же среднее число, изъ 100 новорожденныхъ въ рабочемъ классѣ по минованіи года остается 70 дѣтей, въ буржуазіи же изъ 100 спасается 90. Но вотъ ребенокъ спасся; послѣ года, онъ возвращается матери, и для него начинается жизнь въ семействѣ. Мать и отецъ съ ранняго утра уходятъ на фабрику, и ребенокъ оставляется на произволъ судьбы. «Кто не встрѣчалъ — говоритъ Жюль Симонъ въ своей книгѣ—въ этихъ узкихъ улицахъ, куда едва проникаетъ лишь свѣтъ, цѣлыя стаи маленькихъ дикарей, грязныхъ и ободранныхъ, оспаривающихъ другъ у друга куски, которыхъ не захотѣли бы даже собаки? Кто не содрогнулся тогда, думая объ ихъ будущности?» Въ этихъ-то улицахъ, въ грязи, привыкнувъ къ дождю и холоду, растетъ, развивается, живетъ ребенокъ, блуждая по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ съ такими же брошенными дѣтьми, какъ и онъ самъ, изъ одного конца улицы въ другой. Тутъ проходятъ его первые годы, тутъ застаетъ его та пора, когда всякій ребенокъ долженъ былъ бы получить въ руки азбуку и начать учиться. Но не школа ожидаетъ его. Введеніе пара произвело цѣлую экономическую революцію; паръ отозвался и на нравственномъ устройствѣ общества, измѣнивъ отношенія, господствовавшія между тремя членами семьи: отцемъ, матерью и ребенкомъ. Когда паръ потребовалъ бо́льшее количество рукъ и, не находя ихъ, привлекъ къ себѣ въ первый разъ женщинъ, тогда, благодаря этой явившейся конкуренціи рабочихъ силъ,

[1]) L'ouvrier de huit ans, par Jules Simon.

ему удалось до того понизить вознагражденіе за трудъ, что экономическое начало, утверждающее, что заработная плата не можетъ быть ниже необходимыхъ средствъ для существованія, было ниспровергнуто. Плата, получаемая не только мужемъ, но и женою, за ихъ четырнадцати и пятнадцати-часовой трудъ, сдѣлалась недостаточна для содержанія рабочаго семейства, какъ это уже было показано на рабочемъ бюджетѣ. Нужно было искать дополнительныхъ средствъ, которыя бы не дали дѣтямъ умереть съ голоду. Гдѣ же были найдены эти средства? «Когда англійскіе фабриканты—говоритъ Мишле—страшно обогащенные изобрѣтенными машинами, пришли жаловаться къ Питту и сказали: «мы больше не можемъ такъ жить, мы мало выигрываемъ!» тогда онъ произнесъ ужасное слово, которое, по выраженію Мишле, тяготѣетъ надъ его памятью: «возьмите дѣтей»! Съ этой минуты участь дѣтей рабочаго населенія была рѣшена, они поставлены были подъ тяжелое ярмо фабричнаго производства. Всѣ условія труда, которыя до сихъ поръ существовали, были нарушены, и наружу вышли самые уродливые факты; такъ напр., въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ Англіи работники оставались совершенно безъ дѣла въ то время, когда ихъ жены и малолѣтнія дѣти работали на фабрикахъ, такъ какъ ихъ трудъ стоилъ фабрикантамъ несравненно менѣе мужского. Роли мѣнялись и, вмѣсто естественнаго факта, чтобы малолѣтнія дѣти существовали трудомъ отца, обществу представлялся совершенно неестественный фактъ, т. е. что отецъ, полный силъ и здоровья, оставался дома въ бездѣльи въ то время, когда всѣ дѣти отправлялись на работу. Фабриканты не знали никакой мѣры; они наполняли свои фабрики дѣтьми пяти, шести лѣтъ, которыя едва умѣли еще лепетать, и заставляли ихъ работать по 13 по 14-ти часовъ, часто ночью, въ удушливыхъ, темныхъ, полныхъ міазмовъ, мастерскихъ, которыя были для нихъ самыми жестокими палачами. Родители ихъ, не понимая, что они совершаютъ дѣтоубійство, вели своихъ шестилѣтнихъ дѣтей въ эти бойни, зная только одну угрозу, вѣчно стоявшую предъ ними: голодъ! Общество не могло оставаться равнодушнымъ къ пагубнымъ слѣдствіямъ этой ранней, продолжительной, несоразмѣрной съ силами ребенка, работы. Неизбѣжнымъ и неисправимымъ результатомъ этого введенія дѣтей на фабрику было уничтоженіе, разрушеніе ихъ здоровья, которое должно было отозваться на будущихъ поколѣніяхъ, и нанести неминуемый ударъ народнымъ силамъ. Прогрессивная часть общества, его лучшіе представители понимали очень хорошо все уродство подобнаго экономическаго явленія, и всѣ бѣдствія, которыя связаны съ нимъ въ будущемъ, но они не на столько имѣли силы, чтобы заговорить объ его уничтоженіи. Все, что они могли сдѣлать, и все, что они на самомъ дѣлѣ сдѣлали, это—поднять вопросъ дѣтской работы и потребовать, чтобы въ немъ были сдѣ-

ланы нѣкоторыя самыя настоятельныя измѣненія и ограниченія. Они посмѣли заговорить о томъ, чтобы были ослаблены самыя вредныя стороны этого явленія, и за это уже одно имъ можно воздвигнуть памятникъ благодарности. Первый, кто торжественно формулировалъ требованіе ограничить это зло, былъ Робертъ Пиль старшій, который сдѣлалъ въ 1802 году въ англійскомъ парламентѣ предложеніе въ этомъ духѣ. По тому самому, что̀ онъ предложилъ въ своемъ биллѣ, видно, какъ велико было зло. Онъ требовалъ, чтобы дѣтямъ была запрещена ночная работа отъ 9 часовъ вечера до 6-ти часовъ утра, чтобы рабочій день дѣтей былъ ограниченъ 12-ю часами въ сутки, и чтобы изъ этого времени удѣлялось еще на первоначальное образованіе. Его билль прошелъ, но такъ какъ въ немъ говорилось только о тѣхъ дѣтяхъ, съ родителями которыхъ былъ заключенъ контрактъ объ ученичествѣ, то фабриканты продолжали набирать малолѣтнихъ дѣтей и держать ихъ днемъ, ночью, по 15, 16-ти часовъ, съ тою только разницею, что не заключали болѣе контрактовъ. Пиль видѣлъ, что его билль превратился въ дымъ, и потому въ 1815 году потребовалъ, чтобы слово «ученикъ» было замѣнено словомъ «дѣти». Это измѣненіе прошло только въ 1819 году, но продолжительность работы, т. е. эти страшные 12-ть часовъ оставались по прежнему для всѣхъ дѣтей, ниже 16-ти лѣтняго возраста. Напрасно требовалъ Вильберфорсъ, тотъ самый Вильберфорсъ, имя котораго съ такою славою связано съ уничтоженіемъ торга неграми, чтобы для дѣтей ниже 13-ти лѣтняго возраста число рабочихъ часовъ было сокращено. Требованіе его получило удовлетвореніе только 15 лѣтъ спустя въ 1833 году, когда прошелъ билль о томъ, чтобы число рабочихъ часовъ для дѣтей отъ 13 до 9-ти лѣтъ было ограничено 8-ью часами, а для юношей отъ 13 до 18-ти лѣтъ 11½ часами. По этому же самому биллю, ни одинъ фабрикантъ не имѣлъ права принимать къ себѣ на фабрику ребенка, если онъ не приносилъ въ понедѣльникъ свидѣтельства объ ежедневномъ посѣщеніи школы впродолженіе 2 часовъ. Наконецъ, послѣднее измѣненіе въ этой отрасли законодательства было сдѣлано биллемъ 1844 года, по которому дѣти ниже 13-ти лѣтняго возраста могутъ работать на фабрикѣ вмѣсто 8 часовъ всего 6½, и кромѣ того на школу опредѣлено 3 часа въ день. Вотъ слѣдовательно въ краткихъ словахъ, ходъ этого вопроса въ Англіи, которая была свидѣтельницею пятидесятилѣтней борьбы между людьми прогресса и тою буржуазною партіею, которая видитъ только одно: личную выгоду, настоящую минуту, да лишнюю копѣйку, поступающую въ ея карманъ, и не обращаетъ никакого вниманія на то, что эта копѣйка стоитъ жизни тысячи дѣтей, которыя, развившись въ здоровой атмосферѣ, составили бы впослѣдствіи истинное богатство страны. Что̀ же, спрашивается, потеряла Англія отъ того, что она хоть нѣсколько удовлетворила требованію простой человѣч-

ности, что́ она потеряла отъ этой реформы, которая должна была — какъ кричала буржуазія—уничтожить все производство Англіи, и которая, говоря ея словами, нарушала «свободу труда»? Англійское производство увеличилось! Это было оффиціально доказано. Всѣ другія государства западной Европы послѣдовали за Англіей на этомъ пути. Пруссія и Баварія опредѣлили, что дѣти могутъ быть допущены на фабрику только по исполненіи 9 лѣтъ, Австрія опредѣлила 10 лѣтъ, Саксонія также, и наконецъ Швеція назначила 12 лѣтъ, какъ возрастъ, въ который дѣти могутъ поступить на фабрику. То, что въ Англіи было сдѣлано въ 1802 году, то во Франціи было начато только въ 1841 году. По реформѣ 1841 года, вступленіе на фабрику было дозволено дѣтямъ, которымъ исполнилось 8 лѣтъ, и число рабочихъ часовъ было назначено для всѣхъ дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ точно также какъ и въ Англіи по закону 1833 года—восемь, и для дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ—двѣнадцать. Въ то время, когда въ Англіи ночная работа была строго запрещена, здѣсь она была позволена въ нѣкоторыхъ, хотя правда, рѣдкихъ случаяхъ. И главное, что при этомъ слѣдуетъ замѣтить, этотъ законъ 1841 года касался только тѣхъ мастерскихъ, гдѣ работало болѣе 20 человѣкъ; что же дѣлалось во всѣхъ другихъ мастерскихъ, работали ли тамъ дѣти 6 лѣтъ, сидѣли ли они тамъ по 12, 13 часовъ—до этого закону не было дѣла. Какъ ни ограниченъ былъ кругъ этого закона, какъ ни мало онъ носилъ на себѣ правильный характеръ,—подготовленіе его было крайне медленно, и нужны были цѣлые томы медицинскихъ отчетовъ, свидѣтельствовавшихъ объ отчаянныхъ слѣдствіяхъ ранней дѣтской работы, громкія жалобы, благородныя старанія такихъ людей, какъ Сисмонди, какъ Виллермѣ, которые указывали на этихъ несчастныхъ, измученныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья дѣтей, отправляющихся съ босыми ногами по дождю и грязи, держа въ рукахъ кусокъ хлѣба—пищу ихъ цѣлаго дня, на фабрику, гдѣ они каждый день подвергаются новой пыткѣ двѣнадцатичасового труда,—нуженъ былъ, однимъ словомъ, громкій протестъ всѣхъ честныхъ людей, чтобы заставить восторжествовать этотъ скромный законъ. Какъ ни скроменъ онъ былъ, и что еще хуже, какъ ни часто онъ нарушался, такъ какъ усмотръ за его исполненіемъ не былъ хорошо организованъ, тѣмъ не менѣе буржуазная партія старалась отъ него отдѣлаться, предложивъ замѣнить его закономъ, который бы позволялъ, начиная съ 10 лѣтъ, всѣмъ дѣтямъ работать на фабрикѣ двѣнадцать часовъ въ сутки. Но, къ счастью, назначенная коммиссія для разсмотрѣнія этого новаго человѣколюбиваго проекта закона, отвергла его, разбивъ на всѣхъ пунктахъ, и въ свою очередь эта коммиссія представила свой проектъ въ концѣ 1847 года. Проектъ коммиссіи опредѣлялъ, что всякая мастерская, гдѣ работаетъ болѣе 10 человѣкъ, подчиняется предписаніямъ закона, который въ остальномъ почти не раз-

нился отъ закона 1841 года. Проектъ этотъ былъ принятъ правительствомъ и долженъ былъ быть вотированъ въ ту минуту, когда вспыхнула революція. Національное собраніе, которое 9-го сентября 1848 года опредѣлило, что рабочій день для взрослыхъ не можетъ превышать 12 часовъ, ничего не сдѣлало для уменьшенія числа рабочихъ часовъ для дѣтей. Законодательство слѣдовательно остановилось въ этомъ вопросѣ на той точкѣ, на которую оно стало въ 1841 году.

Такое юридическое положеніе дѣтей не могло не вызвать у всѣхъ друзей прогресса, и въ томъ числѣ, чтобы не сказать во главѣ другихъ, у Жюль Симона,—самыхъ жестокихъ нападеній и самыхъ рѣшительныхъ требованій измѣненія подобнаго положенія. Поведеніе Ж. Симона въ этомъ вопросѣ составляетъ одну изъ его услугъ французскому обществу. Онъ громко требуетъ, чтобы для всѣхъ дѣтей безъ всякаго исключенія число рабочихъ часовъ было понижено на 6 и даже на $5^1/_2$, т. е. половину рабочаго дня взрослаго работника. Онъ съ большою силою и съ неменьшею справедливостью говоритъ, что если семейства этихъ несчастныхъ дѣтей слѣпы и не понимаютъ, какой вредъ они дѣлаютъ, отводя ребенка на 8 и часто на 10 часовъ на фабрику, и принуждаютъ его работать, отнимая у него средства къ образованію даже тамъ, гдѣ его можно получить, гдѣ существуютъ школы,— то общество, представляемое правительствомъ, не должно быть слѣпо и должно не позволять родителямъ вредить ихъ дѣтямъ и тѣмъ самымъ обществу. Право общества начинается въ ту минуту, когда отецъ, посягая на физическое и нравственное развитіе ребенка, посягаетъ на общественные интересы. «Народъ, какъ народъ — говоритъ Жюль Симонъ — имѣетъ право жить и требовать отъ согражданъ то, что необходимо для его жизни, какъ народа». И въ этомъ Жюль Симонъ совершенно правъ; интересы общества всегда должны стоять выше частнаго, индивидуальнаго интереса. Въ то время пока прогрессивная часть общества требуетъ измѣненія, реформы законовъ, относящихся къ дѣтскому труду, интересно спросить, какъ относятся къ этому же вопросу сами работники, семейства этихъ дѣтей. Родители, которые не видятъ ничего другого какъ завтрашній день, которые давно забыли все, кромѣ слова «нужда», постоянно жалуются на предписанія закона, который не позволяетъ дѣтямъ вступленіе на мануфактуру ранѣе 8-ми лѣтняго возраста. День, когда ребенку исполняется 8 лѣтъ, представляется имъ какимъ-то праздникомъ; съ этой минуты доходы семьи прибавляются, 8-ми лѣтній ребенокъ становится человѣкомъ, который начнетъ самъ заработывать себѣ на жизнь, онъ падаетъ съ ихъ плечъ, жизнь становится имъ легче, свободнѣе. Удивляться этому нельзя. Мать такого ребенка видитъ только настоящее, которое слишкомъ тяжело, чтобы оно позволяло ей думать о будущемъ; фабрика не съ перваго дня оказываетъ на ребенкѣ пагубные результаты, они яв-

ляются мало по малу, и потому мать не можетъ даже думать о нихъ. Въ мастерской она видитъ прибавленіе жалованья для всей семьи, она видитъ въ ней кровъ, убѣжище для своего ребенка. Превращеніе для ребенка дѣлается быстро и не стоитъ ему большого труда. Семейная жизнь замѣнилась для него мастерской, домой онъ приходитъ измученный, усталый, для того только, чтобы на скоро проглотить что нибудь и потомъ въ изнеможеніи броситься на тюфякъ. На другой день чуть свѣтъ семья поднимается, и всѣ трое, т. е. отецъ, мать и ребенокъ расходятся часто по разнымъ концамъ, едва имѣя минуту, чтобы перебросится словомъ. На фабрикѣ ребенокъ сидитъ между взрослыми женщинами, онъ слышитъ, что говорится, онъ видитъ, что дѣлается, никто не обращаетъ вниманія на ребенка, имъ никто не стѣсняется, и нужно всего нѣсколько дней, чтобы онъ акклиматизировался въ этой средѣ, чтобы у него составился въ головѣ цѣлый лексиконъ самыхъ неупотребительныхъ словъ, выраженій, чтобы онъ усвоилъ себѣ привычки, обычаи мастерской. Голосъ его искусственно грубѣетъ, онъ начинаетъ курить, кабакъ иногда становится для него приманкой; во всемъ своемъ поведеніи, въ разговорѣ, въ манерахъ онъ старается подражать своимъ взрослымъ товарищамъ по мастерской. Его крошечный заработокъ даетъ ему независимость, самостоятельность, которою дѣти скоро пріучаются пользоваться. Если такая жизнь пагубна для дѣтей въ нравственномъ отношеніи, то еще болѣе пагубна она въ физическомъ. Рабочій день по закону долженъ продолжаться 8 часовъ, на практикѣ же, въ дѣйствительности они проводятъ на фабрикѣ по большей части десять часовъ. При такомъ положеніи, когда весь день поглощенъ работой на фабрикѣ, въ мастерской, нечего и думать о томъ, чтобы ребенокъ аккуратно ходилъ въ школу, чтобы онъ занимался со вниманіемъ, чтобы онъ прилагалъ стараніе къ азбукѣ, когда онъ измученъ и физически и нравственно. Законъ 1841 года, который гласитъ, что ребенокъ, принятый на фабрику, долженъ до 12 лѣтъ ходить въ школу, остается слишкомъ часто только на бумагѣ, и нельзя не согласиться съ Жюль Симономъ, когда онъ говоритъ: «до тѣхъ поръ, пока мы будемъ закрывать глаза на неисполненіе и недѣйствительность существующихъ законовъ о дѣтскомъ трудѣ, до тѣхъ поръ мы можемъ сколько угодно прибавлять департаментовъ къ нашей территоріи, мы будемъ подобными присоединеніями занимать только болѣе мѣста на картѣ, и каждый день менѣе и менѣе въ дѣйствительности».

Въ виду такого отчаяннаго положенія рабочаго класса и трехъ его агентовъ, а именно, работника, работницы и фабричнаго ребенка, всѣ мыслящіе люди и понимающіе важность для Франціи благополучнаго разрѣшенія рабочаго вопроса, раздѣлились на два лагеря. Одни ищутъ палліативныхъ, смягчающихъ мѣръ, другіе вѣрятъ въ возмож-

ность раціональной перемѣны. Къ мѣрамъ палліативнымъ относятся: реформа квартиръ, устройство различныхъ обществъ, однихъ подъ покровительствомъ правительства, другихъ безъ него, заведеніе пріютовъ, госпиталей, и т. д.; раціональнымъ средствомъ считаются: ассоціація и школа.

Устройство квартиръ и домовъ для рабочихъ, оставаясь частною мѣрою, способною измѣнить къ лучшему судьбу нѣсколькихъ сотъ, нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, но безсильною, когда дѣло идетъ объ общемъ вопросѣ, представляетъ тѣмъ не менѣе интересъ, какъ примѣръ добраго по крайней мѣрѣ покровительства. Помѣщеніе рабочихъ всегда составляло и до сихъ поръ составляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ ихъ жизни, и потому давно уже и очень многіе заботились и мечтали объ устройствѣ для нихъ человѣческихъ жилищъ. Мысль чисто практическая, легко приложимая къ дѣлу, явилась у англичанъ, которые тотчасъ составили общество, подъ предсѣдательствомъ покойнаго принца Альберта, для постройки домовъ для работниковъ. Общество это составилось въ 1844 году и немедленно приступило къ дѣлу. Выстроено было нѣсколько зданій для помѣщенія рабочихъ, нѣсколько моделей, которыя были описаны въ одномъ сочиненіи, имѣвшемъ большой успѣхъ: «The dwellings of the labouring classes». Сочиненіе это было переведено на французскій языкъ по приказанію президента республики принца Наполеона, который, домогаясь популярности, уже писалъ прежде объ уничтоженіи пауперизма и теперь заботился о постройкѣ домовъ для рабочихъ. По его настоянію и подъ его покровительствомъ начаты были въ Парижѣ огромныя постройки, изъ которыхъ нѣкоторыя должны были помѣстить до 500 человѣкъ. Но несмотря на всѣ старанія, несмотря на то, что декретомъ 1852, имѣвшимъ цѣлію заставить примириться рабочее населеніе Парижа съ только-что совершеннымъ coup d'État, было отпущено 10 милліоновъ франковъ на улучшеніе рабочихъ квартиръ,—дѣло не пошло на ладъ. Деньги были затрачены понапрасну, работники отказались селиться въ выстроенныхъ имъ казармахъ. Неудачу этого предпріятія объяснили отвращеніемъ рабочихъ жить въ большихъ домахъ, огромными скопищами, и потому выстроили въ Парижѣ отдѣльные домики, но попытка эта точно также провалилась какъ и первая, рабочіе не явились. Дѣло устройства рабочихъ домовъ имѣло гораздо больше успѣха въ Эльзасѣ, въ департаментѣ du Haut-Rhin, и именно въ Мюльгаузенѣ, который давно уже былъ извѣстенъ своимъ стараніемъ хоть немного улучшить жизнь того рабочаго населенія, которое копошилось около его фабрикъ. Еще въ 1826 году, въ этомъ городѣ составилось «Societé industrielle de Mulhouse», задавшее себѣ цѣлію покровительствовать всему, что можетъ способствовать процвѣтанію мануфактуръ этого департамента. Поэтому всѣ вопросы

какъ техническаго усовершенствованія, такъ и улучшенія быта рабочихъ, этого необходимаго элемента въ области мануфактуръ, занимали собою общество. Общество это, заключавшее въ себѣ всѣхъ главныхъ фабрикантовъ города, очень хорошо понимало, что для ихъ личныхъ интересовъ важно не только усовершенствованіе обыкновенныхъ машинъ, но усовершенствованіе и той самой сложной и самой трудной машины, которая зовется человѣкомъ. Вотъ почему оно создало библіотеки, школы, публичные курсы, и занялось вопросомъ объ улучшеніи матеріальнаго быта рабочихъ. Въ концѣ сентября 1851 года, въ комитетъ мюльгаузенскаго общества было внесено предложеніе о томъ, чтобы представить обществу проэктъ, который позволилъ бы доставить многочисленнымъ работникамъ Мюльгаузена удобныя, здоровыя и дешевыя помѣщенія. «Удобство, чистота квартиры оказываютъ бо́льшее вліяніе, чѣмъ можно было бы предполагать, говорится въ отчетѣ, представленномъ обществу, на нравственность и благосостояніе семейства. Тотъ, кто возвращаясь къ себѣ не находитъ ничего больше, какъ грязную, несчастную яму, гдѣ онъ дышетъ вреднымъ и противнымъ воздухомъ, тотъ не останется здѣсь охотно и убѣжитъ въ кабакъ, чтобы провести бо́льшую часть своего свободнаго времени. Его очагъ становится для него чуждымъ, и въ немъ вкореняются пагубныя привычки къ издержкамъ, которыя тяжко отзываются на его семьѣ и приводятъ всегда почти къ нищетѣ. Если, напротивъ, мы предложимъ этимъ самымъ людямъ веселыя и опрятныя жилища, если мы дадимъ каждому маленькій садикъ..... не разрѣшимъ ли мы тогда одну изъ самыхъ важныхъ задачъ соціальной экономіи и не способствуемъ ли мы къ тому, чтобы крѣпче стянуть семейныя связи, и не окажемъ ли мы истинной услуги рабочему классу, возбуждающему такой интересъ, и самому обществу» [1]). На основаніи сдѣланнаго заключенія, общество формулировало желаніе, чтобы нѣсколько мюльгаузенскихъ гражданъ, соединившись вмѣстѣ, посвятили себя этому благородному дѣлу. Желаніе общества не осталось тщетнымъ. Въ іюнѣ 1853 года явилось Société mulhousienne des Cités ouvrières, поставившее себѣ главною цѣлію, не только снабдить работниковъ лучшими квартирами, но стараться о развитіи въ нихъ чувства собственности, давая возможность, облегчая имъ пріобрѣтеніе выстроенныхъ домиковъ. Между Мюльгаузеномъ и Дорналомъ тянется большая равнина, которая пересѣкается каналомъ, окружающимъ Мюльгаузенъ. На этой-то равнинѣ мюльгаузенское общество начало́ строить ряды небольшихъ домиковъ, за дешевую цѣну купивъ себѣ большое пространство земли. Общество это стало дѣйствовать съ капиталомъ въ 300,000 fr., раздѣленнымъ на 60 акцій по 5,000 fr. каждая; къ этому

[1]) Les cités ouvrières de Mulhouse et du département du Haut-Rhin, par A. Penot, 1867.

капиталу правительство прибавило какъ помощь еще 300,000 fr., которые дали возможность обществу дѣйствовать болѣе свободно. Оно немедленно приступило къ дѣлу, и скоро вокругъ пяти зданій мануфактуръ вырось цѣлый рабочій городъ, какъ можно судить по цифрѣ выстроенныхъ домиковъ. Къ 1 январю 1867 года существовало уже 800 домиковъ, изъ которыхъ 684 были уже проданы работникамъ. Общество приняло нѣсколько плановъ домовъ, изъ которыхъ одни двухъэтажные, другіе одно-этажные. На парижской выставкѣ 1867 года можно было видѣть модель домиковъ, которые оказались самыми удобными для работниковъ. Устройство ихъ крайне просто; четыре отдѣльные домика приставлены одинъ къ другому, такъ что составляютъ какъ будто бы одинъ домъ, окруженный садомъ. Садъ точно также разбитъ на четыре части, такъ что каждому домику принадлежитъ свой уголъ. Всѣ выстроенные дома стоютъ или 3,400 fr.—это тѣ, которые надъ rez-de-chaussée имѣютъ еще одинъ этажъ—или 2,650 fr., въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ одного этажа. Поверхность, занимаемая каждымъ домикомъ и садомъ, представляетъ 160 квадратныхъ метровъ. Продажа этихъ домовъ работникамъ совершается слѣдующимъ образомъ: при покупкѣ работникъ платитъ въ первый разъ 300 fr. или 250, смотря по тому, покупаетъ ли онъ домъ въ 3,400 или въ 2,650, и затѣмъ всю остальную сумму онъ выплачиваетъ мало по малу, внося каждый мѣсяцъ отъ 18 до 25 франковъ. Если же онъ не можетъ при началѣ внести 250 или 300 fr., то тогда его мѣсячный взносъ увеличивается нѣсколькими франками. Такимъ-то образомъ, къ 1 январю 1867 года было продано болѣе чѣмъ на два милліона франковъ, и изъ 684 домовъ 112 уже совершенно оплачены. Домики эти, какъ продаются, точно также и отдаются работникамъ въ наймы, хотя условія найма не такъ выгодны для нихъ. Наемная плата немногимъ меньше тѣхъ ежемѣсячныхъ взносовъ, которые дѣлаются при покупкѣ дома. «Когда работникъ купилъ, напр., домъ въ 3,000 fr., стоимость котораго онъ вполнѣ уплатитъ въ 13 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, то въ сущности въ концѣ этого промежутка времени онъ издержитъ всего 1,300 fr. бо́льше, нежели если бы онъ былъ простымъ жильцемъ» [1]). Продажа этихъ домовъ производится подъ нѣкоторыми условіями, между которыми стоитъ слѣдующее: покупщикъ не можетъ продать своего дома ранѣе 10 лѣтъ со дня контракта, ни отдать часть его въ наймы другому семейству, безъ особеннаго дозволенія административнаго совѣта. Кромѣ этихъ домовъ для отдѣльныхъ семействъ, выстроено было огромное зданіе для холостыхъ работниковъ, которые имѣютъ въ немъ комнаты по 6 fr. въ мѣсяцъ. Здѣсь точно также сдѣланы обществомъ нѣкоторыя условія и между прочимъ, чтобы всѣ жильцы были

[1]) Les cités ouvrières, par A. Penot.

дома въ десять часовъ вечера, и чтобы ни одна женщина не входила бы въ домъ. Эти условія намъ объясняютъ, почему первое возраженіе, которое обыкновенно дѣлается всѣмъ соціальнымъ теоріямъ, заключается въ словахъ: стѣсненіе личной свободы! Чтобы дополнить картину мюльгаузенскаго рабочаго города, нужно еще сказать, что тутъ же въ отдѣльномъ зданіи устроена булочная, гдѣ хлѣбъ продается дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но подъ условіемъ немедленнаго платежа, — большой ресторанъ, гдѣ за 40 или 50 сантимовъ можно имѣть хорошій обѣдъ; впрочемъ, эта издержка можетъ быть сдѣлана только меньшинствомъ работниковъ [1]). Во всякомъ случаѣ, эти послѣднія учрежденія принадлежатъ частному лицу, носятъ характеръ чистѣйшаго коммерческаго разсчета, и потому не могутъ заслуживать тѣхъ похвалъ, которыя имъ расточаются. Примѣру Мюльгаузена послѣдовали нѣкоторые другіе города, заводя у себя подобныя «cités ouvrières» съ большими или меньшими отклоненіями отъ мюльгаузенской модели. Нисколько не отказывая въ пользѣ этому порыву для улучшенія рабочихъ квартиръ, признавая за людьми, вызвавшими это движеніе, самое искреннее желаніе добра, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ возлагать на эту благую мѣру слишкомъ большихъ надеждъ, не нужно придавать ей слишкомъ большого значенія, такъ какъ улучшая судьбу нѣкоторыхъ работниковъ, переводя ихъ въ классъ собственниковъ, она рѣшительно не способна ни на волосъ измѣнить сущность положенія рабочаго вопроса.

Совершенно иной характеръ носятъ на себѣ другія два средства, которыя при свободномъ развитіи могутъ получить дѣйствительную силу для разрѣшенія рабочаго вопроса во Франціи, это ассоціація и школа. Ассоціація рабочихъ долго составляла предметъ упорной борьбы различныхъ экономическихъ школъ, и одною своею неопредѣленностью наводила страхъ. Ліонское возстаніе 1832 года показало, что дѣйствительное положеніе рабочихъ подвергаетъ общество бо́льшей опасности, нежели литературныя пренія, и что раціональное рѣшеніе рабочаго вопроса неизбѣжно. Потому со дня ліонскаго возстанія начинается дѣятельная проповѣдь ассоціаціи, и общество начинаетъ прислушиваться къ толкамъ о ней. Слово ассоціація разносится по всѣмъ концамъ Франціи журналами, брошюрами, книгами; ему служатъ *l'Atelier*, *Phalanstère*, который смѣняется новымъ органомъ фурьеристической школы *la Phalange*, потомъ *Démocratie pacifique*, *Revue du Progrès*, которое публикуетъ сочиненіе, имѣвшее такой большой успѣхъ *«Organisation du Travail»*. 1848-й годъ засталъ потому рабочее населеніе въ состояніи энтузіазма; но при всемъ томъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ историковъ февральской революціи, понятіе о соціализмѣ находилось въ

[1]) Idem, p. 27.

1848 году въ самомъ хаотическомъ состояніи: «Соціализмъ имѣлъ столько различныхъ формъ, что трудно было сказать, гдѣ онъ начинался и гдѣ онъ оканчивался; слова не имѣли для всѣхъ одного и того же значенія, а когда нельзя быть согласнымъ въ словахъ, то еще труднѣе быть согласнымъ въ самой сущности дѣла [1])». Членамъ временнаго правительства было ясно одно, что немедленно нужно было заняться судьбою рабочаго населенія; но оно было еще очень далеко отъ того, чтобы декретировать организацію труда, чтобы приложить къ дѣлу какую-нибудь новую систему всего соціальнаго порядка. Соціалисты, желавшіе чтобы правительство какъ можно скорѣе рѣшилось на какую-нибудь коренную реформу, и видя, что оно въ этомъ отношеніи остается въ бездѣйствіи, стали требовать, чтобы было устроено «министерство прогресса.» Требованіе это нашло себѣ поддержку въ двухъ членахъ временнаго правительства, Луи Бланѣ и Альбертѣ, которые въ свою очередь были поддержаны манифестаціею нѣсколькихъ тысячъ работниковъ, на знаменахъ которыхъ было написано: «Организація труда! министерство прогресса! уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ!» Послѣ бурнаго засѣданія временнаго правительства, въ засѣданіе котораго была допущена депутація работниковъ, и послѣ ожесточенной борьбы между Луи Бланомъ и Ламартиномъ, въ которой первый настаивалъ на министерствѣ прогресса, говоря, что первый вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ, это самый важный вопросъ объ организаціи труда, такъ какъ характеръ совершившейся революціи есть чисто соціалистическій, — временное правительство рѣшилось назначить коммиссію, имѣвшую своею цѣлію изученіе всѣхъ вопросовъ, касавшихся соціальной реформы. Президентомъ этой «правительственной коммиссіи для работниковъ» былъ назначенъ Луи Бланъ, вице-президентомъ — Альбертъ. Въ декретѣ, назначавшемъ эту коммиссію, были такія двѣ фразы: «Пришла пора положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ работниковъ»; и другая: «Безъ малѣйшаго замедленія нужно позаботиться объ обезпеченіи народу законныхъ плодовъ его труда.» Когда декретъ этотъ былъ прочтенъ народу, собравшемуся на площади Hôtel-de-Ville, онъ успокоился, ропотъ затихъ, казалось, что надежды его должны скоро уже сбыться. Коммиссія эта открыла свои засѣданія въ Люксембургскомъ дворцѣ... кому неизвѣстенъ ея печальный исходъ. Рабочій вопросъ не былъ разрѣшенъ; «долгимъ и несправедливымъ страданіямъ работниковъ» не было положено конца; но тѣмъ не менѣе идея ассоціаціи, какъ ни ничтоженъ тотъ результатъ, сдѣлала небольшой шагъ впередъ: изъ теоріи она перешла въ практику. Тогда явилось множество ассоціацій, взявшихъ за основаніе равенство заработной платы

[1]) Histoire du gouvernement provisoire du 1848, par Ruttiez.

и исключеніе капитала. Но большинство изъ нихъ кончилось вмѣстѣ съ республикою; пять ассоціацій пережили всю эту тяжелую годовщину, и перенесли мысль ея во вторую имперію. Въ первые годы имперіи, это, какъ и всякое другое, движеніе остановилось; мысль ассоціаціи сохранялась только въ существовавшихъ уже ассоціаціяхъ, но онѣ не распространялись; казалось, что идея ихъ должна погибнуть. Не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Въ 1857 году, когда меньше всего можно было ожидать, вдругъ является новая ассоціація; въ 1858, появилась еще одна, потомъ опять затишье, и на цѣлые пять лѣтъ. Лондонская выставка 1862 г. дала сильный толчокъ замершему движенію; она расшевелила умы, и съ тѣхъ поръ новое броженіе обхватываетъ массы, движеніе быстро ростетъ: съ 1863 года, одна ассоціація является за другою, но онѣ не представляютъ того направленія, того духа, который одушевлялъ ихъ въ 1848 году. Съ 1848 года, въ работникахъ произошла большая перемѣна: они потеряли свою наивную довѣрчивость къ людямъ, событія научили ихъ быть осторожными, они не забыли, что всѣ ихъ лучшія надежды были разбиты, что золотой вѣкъ они видѣли только во снѣ, въ какомъ-то лихорадочномъ бреду; ко всему, вслѣдствіе этого, они стали относиться съ горькимъ скептицизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря *48 году*, они отлично сознали ту роль, которую они играютъ, они поняли, что они тяготѣютъ на политическихъ вѣсахъ. «Работникъ гордъ, говоритъ Левассёръ, тѣмъ, что онъ достигъ наконецъ политическаго совершеннолѣтія; онъ чувствуетъ свое могущество, и онъ склоненъ дать почувствовать другимъ свой вѣсъ.» Но, почувствовавъ свое значеніе, работники стали, къ счастью, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, учиться.

Никогда съ такою настойчивостью, какъ теперь, не раздавалось требованіе работниками сокращенія рабочихъ часовъ, и въ защиту, въ основаніе своего требованія, они ставятъ именно то, что имъ должно быть оставлено время для образованія. Если до 48 года меньшинство работниковъ только занималось политическими и соціальными вопросами, то теперь это меньшинство значительно выросло и продолжаетъ расти каждый день; но въ обсужденіе этихъ вопросовъ они не вносятъ за то той лихорадки, которая была отличительною чертою 48 года: многіе изъ работниковъ перенесли свое недовѣріе отъ людей на самыя вещи, и усомнились въ томъ, чему они прежде такъ охотно вѣрили. Перемѣна произошла не въ однихъ работникахъ, а также и въ тѣхъ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, которые въ 40-хъ годахъ проповѣдывали имъ свои противоположныя ученія. Экономисты почувствовали всю несостоятельность борьбы противъ ассоціаціи, и самою силою событій приведены были къ нѣкоторымъ уступкамъ, къ допущенію реформъ, противъ которыхъ боролись съ такимъ ожесточеніемъ.

Въ 1862 году, французскій рабочій классъ послалъ на лондонскую

выставку своихъ представителей, которые по своемъ возвращеніи въ Парижъ, посмотрѣвъ на свободу англійскихъ работниковъ, на ихъ ассоціаціи, на ихъ «trade unions», представили отчеты, громко требовавшіе одного — ассоціаціи. «Ассоціація, говорили они, вотъ истинное и самое могущественное средство прогрессивнаго и мирнаго освобожденія рабочаго класса.» И въ другомъ мѣстѣ: «Истинное средство—это владѣніе сообща всѣми работниками орудій труда, это ассоціація въ производствѣ, которая антагонизмъ замѣнитъ общностью интересовъ.» Англія, гдѣ ассоціаціи въ ходу, и Германія, гдѣ народные банки получили такое развитіе, давали французскому рабочему населенію примѣръ и опору, и еще лучше, служили укоромъ Франціи, которая первая провозгласила принципъ ассоціаціи. Съ этой минуты движеніе было рѣшено, и въ 1863 году образуется общество, которое дало уже хорошіе результаты, «Société du Crédit au Travail», положившее себѣ цѣлію кредитовать существующія ассоціаціи, помогать образованію новыхъ ассоціацій производства, потребленія и кредита, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить сберегательною кассою для рабочихъ. Начало этого общества было крайне скромно; въ день его основанія 29-го сентября 1863 года, оно имѣло всего 172 человѣка съ подписаннымъ капиталомъ въ 20,120 fr., изъ котораго наличными деньгами было внесено всего 4,082 франка. Меньше чѣмъ черезъ годъ, т. е. въ февралѣ 1864 г., капиталъ этотъ возвышался до 60,000 fr., а къ 31-му августа 1867 г., онъ уже дошелъ до 302,040 fr. Число членовъ или общниковъ увеличилось до 1728 человѣкъ, и въ то время когда въ 1864 году было сдѣлано дѣлъ всего на 2,133,000 fr., теперь ихъ дѣлается почти на 2 милліона въ мѣсяцъ [1]). Благодаря этому обществу, образованіе ассоціацій было значительно облегчено, и одна ассоціація стала являться за другою.

Всѣ существующія ассоціаціи можно раздѣлить на три категоріи: ассоціаціи кредитныя, ассоціаціи на потребленіе, и наконецъ производительныя ассоціаціи. Первыя, получившія такое быстрое развитіе въ Германіи, что въ какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ число кредитныхъ ассоціацій изъ скромной цифры пяти, существовавшихъ въ 1855 году, превратилась въ серьезную цифру 1,200 въ началѣ 1867 года, во Франціи не принялись съ особенною силою. Въ концѣ 1866 года, въ Парижѣ существовало 120 обществъ взаимнаго кредита, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ «Société du Crédit au Travail», которое главнымъ образомъ рознится отъ нѣмецкихъ народныхъ банковъ тѣмъ, что эти послѣдніе дѣлаютъ ссуды только своимъ членамъ, между тѣмъ какъ Crédit au Travail кредитуетъ ассоціаціямъ и даже просто отдѣльнымъ лицамъ, не членамъ ассоціаціи, требуя только ручательства трехъ

[1]) Almanach de la Coopération pour 1868; — Annuaire de l'association pour 1867.

членовъ. Внѣ Парижа, кредитныя общества распространены очень мало. Въ Ліонѣ, Лиллѣ, Стразбургѣ, Кольмарѣ, Мюльгаузенѣ существуютъ по одному обществу Crédit au Travail, которыя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, какъ напр. въ Ліонѣ, тяжело оспариваютъ свое существованіе. Ассоціаціи на потребленіе развиваются съ необыкновенною медленностью, особенно если принять во вниманіе, съ какою быстротою они ростутъ въ Англіи. Англія можетъ считаться родиною потребительныхъ ассоціацій, которыя дали здѣсь очень замѣчательные результаты. Рочдель, небольшой городъ Ланкастра, около Манчестера, навсегда останется памятнымъ въ исторіи ассоціаціоннаго движенія. Въ 1844 году, нѣсколько человѣкъ основали ассоціацію для потребленія, и доказательствомъ тому, что между ними не было ни одного Креза, можетъ служить цифра капитала, положеннаго въ основаніе общества. Послѣ долгихъ стараній, послѣ всевозможныхъ лишеній, 28 человѣкъ, составлявшихъ общество, набрали наконецъ капиталъ въ 28 ф. ст. Первые дни существованія этого общества были тяжелы, потомъ мало по малу дѣла улучшились и кое-какъ пошли на ладъ. Въ концѣ 1866 года, ассоціація эта имѣла уже не 28 членовъ, а 6,246, капиталъ не въ 28 ф. стерл. а въ 99,989 фунт., и она дѣлала дѣлъ на 249,122 ф. ст. и чистой выгоды получила 31,931 ф. стерл. [1]). Маленькая лавочка, въ которой въ 1844 году продавались членамъ ассоціаціи только необходимые съѣстные припасы, осталась по прежнему, но рядомъ съ нею рочдельская ассоціація выстроила великолѣпный дворецъ съ огромными залами для митинговъ, кабинета для чтенія, библіотеки и т. д. и кромѣ того во всемъ городѣ разбросаны богатые магазины, принадлежащіе ассоціаціи. Примѣръ Рочделя былъ полезенъ, за этою ассоціаціею явилось множество другихъ, и теперь въ Англіи насчитывается болѣе тысячи потребительныхъ ассоціацій. Но какъ относительно ни хороши эти результаты, ихъ полезность является одною каплею въ морѣ,... въ морѣ англійскаго пауперизма. Во Франціи, и въ особенности въ Парижѣ, ассоціаціи для потребленія не имѣютъ большого успѣха, что можно видѣть по ихъ числу. Въ Парижѣ ихъ всего семь, и то дѣла ихъ далеко не блестящи; въ Ліонѣ, гдѣ они принялись несравненно лучше, ихъ насчитывается 22, и при этомъ нужно сказать, что всѣ онѣ идутъ довольно успѣшно. И за тѣмъ, еще въ нѣкоторыхъ городахъ существуетъ по одной, по двѣ потребительныхъ ассоціацій. Форма ассоціацій, которая имѣетъ во Франціи самый большой успѣхъ, и къ которой работники относятся съ самымъ большимъ сочувствіемъ, есть производительная. Она одна уничтожаетъ собою наемный трудъ, и дѣлаетъ работника своимъ собственнымъ хозяиномъ. Важность этой производительной ассоціаціи Жюль Симонъ характеризуетъ однимъ сло-

[1]) The Rochdale Equitable Pioneers'Society limited—Almanach for 1867.

вомъ: «работать для себя, зависѣть только отъ себя *).» Но вмѣстѣ съ этимъ производительныя ассоціаціи представляютъ больше трудностей, чѣмъ какія-нибудь другія, и трудность заключается именно въ необходимости *капитала*. Во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя не требуютъ значительныхъ капиталовъ, производительныя ассоціаціи могутъ имѣть въ самомъ дѣлѣ успѣхъ; но какія средства имѣетъ ассоціація, чтобы бороться, въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя нуждаются въ большихъ капиталахъ, съ тѣми мануфактуристами, которые ворочаютъ нѣсколькими милліонами? Понятно, что если бы какая-нибудь рабочая ассоціація начала дѣло, которое вслѣдствіе машинъ, пара, можетъ быть выгодно предпринимаемо только въ большихъ размѣрахъ, то такое дѣло, начатое въ маленькомъ видѣ, тотчасъ будетъ забито конкурренціею сильныхъ. Эта необходимость большого капитала и невозможность, при настоящихъ условіяхъ, пріобрѣсти его для работниковъ, и служитъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ той школы, которая требуетъ вмѣшательства государства въ вопросъ объ организаціи труда. Но не смотря на всѣ трудности, сопряженныя съ производительными ассоціаціями, онѣ имѣютъ во Франціи больше успѣха, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и сердце работниковъ лежитъ къ нимъ больше чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Въ одномъ Парижѣ, съ конца 1863 года, составилось болѣе пятидесяти производительныхъ ассоціацій, и всѣ онѣ дали болѣе или менѣе хорошіе результаты. Во всей остальной Франціи движеніе это идетъ далеко не такъ быстро, и всѣхъ производительныхъ ассоціацій не существуетъ даже и тридцати. Въ Ліонѣ напр., гдѣ потребительныя ассоціаціи идутъ съ такимъ успѣхомъ, производительныя рѣшительно не могутъ существовать, такъ какъ все почти рабочее населеніе принадлежитъ къ шелковой мануфактурѣ, для устройства которой требуются значительные капиталы.

Если производительная ассоціація, развиваясь свободно въ средѣ промышленнаго класса, можетъ получить большую важность для разрѣшенія рабочаго вопроса, то не меньшую важность имѣетъ распространеніе *сельской ассоціаціи*, которая находится во Франціи только въ состояніи зародыша **). На этотъ родъ ассоціаціи еще мало обра-

---

*) Этимъ же словомъ характеризуется и печальное состояніе общественнаго хозяйства, и хозяйство дикаря, поставленнаго въ зависимость отъ одного себя, — а потому мысль Ж. Симона можетъ быть неправильно понята, если ограничиться ея буквальнымъ выраженіемъ. — *Ред.*

**) Уясненіе устройства и законовъ развитія сельской ассоціаціи имѣло бы важное значеніе въ Россіи, гдѣ происходитъ такая борьба приверженцевъ *общины* и *личнаго владѣнія* въ сельскомъ быту. Быть можетъ, наши защитники общины не встрѣтили бы столько упрековъ, болѣе или менѣе справедливыхъ, за поддержаніе начала, въ сущности свидѣтельствующаго объ отсталости общественнаго развитія, если бы они внесли въ понятіе общины тѣ идеи, на которыхъ должна быть устроена сельская ассо-

щаютъ вниманія, и только изрѣдка слышится откуда-нибудь голосъ, который говоритъ: «земля у васъ часто раздроблена до того, что вы не имѣете средствъ кормить лошадь или быка для земледѣльческихъ работъ, вы не можете пріобрѣсти себѣ дорогихъ машинъ, которыя облегчали бы вашъ трудъ; если же вы соединитесь вмѣстѣ, то не только вы купите себѣ и скотъ и машины, но вы выиграете много доходной земли, уничтоживъ всѣ ваши заборы, всѣ разграниченія, всѣ раздѣляющія земли пропасти; соедините всѣ ваши кусочки въ одинъ большой кусокъ образуйте между собою ассоціацію и тѣмъ измѣните вашу судьбу [1].» Такъ говорятъ люди, понимающіе всю важность сельскихъ ассоціацій. Въ нихъ лежитъ можетъ быть секретъ общественнаго благосостоянія и въ ту минуту, когда вся или почти вся Франція превратится въ одну земледѣльческую ассоціацію, рабочій вопросъ будетъ разрѣшенъ самымъ выгоднымъ образомъ. На сельскія ассоціаціи должна была бы теперь во Франціи сосредоточить свое вниманіе ассоціаціонная пропаганда, которая снова началась съ 1863 года. Въ слѣдующемъ году былъ основанъ журналъ *Association*, который, просуществовавъ два года и заслуживъ общее уваженіе, долженъ былъ прекратиться. Его мѣсто, но не съ такимъ достоинствомъ, занялъ другой журналъ подъ названіемъ *Coopération*. Кромѣ него существуетъ еще нѣсколько журналовъ, посвященныхъ ассоціаціонному движенію, какъ: *le Travail*, *la Mutualité*, *Solidarité* и т. д. Помимо періодическихъ журналовъ, начиная съ 1862 года, стали выходить различныя сочиненія, альманахи, сборники, отчеты по ассоціаціонному движенію. Но между всѣми подобными изданіями нѣтъ ни одного, которое безпрепятственно могло бы развивать свои идеи, такъ какъ тотчасъ оно будетъ подкошено правительствомъ, что̀ случилось уже съ журналомъ *Association*. Французское правительство, вышедшее изъ демократіи и ссылающееся безпрестанно на «великія» начала 1789 г., не очень благосклонно смотритъ на источники своего происхожденія, если въ нихъ замѣчается самостоятельная жизнь, и потому съ цѣлью запутать ассоціаціи въ свои сѣти, оно само старается вызывать нѣкоторыя ассоціаціи, даетъ помощь, назначаетъ коммиссіи для изслѣдованія ихъ положенія относительно законодательства и т. д.; но работники, опасаясь такого вмѣшательства, стали всѣми силами ему противиться и отказываться отъ предлагаемыхъ благъ. Какъ само рабочее населеніе, такъ и всѣ тѣ, которые занимаются и пишутъ о его положеніи, высказываютъ постоянно одну и

ціація. Западная Европа, конечно, можетъ позавидовать намъ въ томъ, что у насъ сама народная жизнь выработала общину, но за то западная Европа можетъ и обогнать насъ своими сельскими ассоціаціями, если мы не будемъ внимательно слѣдить и изучать это новое и важное экономическое явленіе. — *Ред.*

[1]) L'association dans les Campagnes, par P. Joigneaux, помѣщенное въ Almanach de la Coopération.

туже мысль: ассоціаціонное движеніе тогда только можетъ принести пользу, когда развитіе его будетъ свободно, а свободно оно не можетъ быть при современномъ политическомъ строѣ Франціи. Необходимость того сознается очень хорошо всѣми рабочими, которые не дальше какъ два мѣсяца назадъ на конгрессѣ, устроенномъ «международною ассоціаціею рабочихъ» въ Лозаннѣ, приняли единогласно постановленія именно въ томъ смыслѣ, что ассоціація одна можетъ рѣшить всѣ экономическія затрудненія въ ихъ положеніи, а успѣхи ассоціаціи возможны только при существованіи политической свободы. И наоборотъ, французское правительство употребляетъ всѣ косвенныя мѣры, чтобы рабочіе классы достигли благосостоянія, но не прибѣгая къ ассоціаціи, т. е. къ тому, что одно въ силахъ уничтожить страшную картину быта рабочихъ.

Но вопросъ объ ассоціаціяхъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о народномъ образованіи, о народныхъ школахъ.

Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи, впродолженіе почти уже цѣлаго вѣка служитъ «перчаткою», которая бросается въ лицо противнику, лишь только та или другая сторона чувствуетъ въ себѣ силу для новаго боя. Отсюда безпрерывная перемѣна системъ, а часто безусловное отрицаніе сегодня того, что вчера признавалось истиною. Народное просвѣщеніе разсматривалось, какъ политическое орудіе, и потому заботы о просвѣщеніи не рѣдко обращались въ заботы о поддержаніи невѣжества, хотя и въ послѣднемъ случаѣ фирма: «народное просвѣщеніе», фигурировало попрежнему. Но до тѣхъ поръ, пока Франція будетъ считаться «старшею дочерью Рима», пока католицизмъ будетъ *господствующею* религіею, исторія Франціи, вмѣстѣ съ исторіею своего народнаго просвѣщенія будетъ представлять дикую смѣсь двухъ враждебныхъ принциповъ, изъ которыхъ одинъ выражается 1572-мъ годомъ съ его Варѳоломеевскою ночью, другой — 1789-мъ годомъ и революціею.

Такова и была судьба народнаго просвѣщенія во Франціи до второй имперіи, но и вторая имперія, несмотря на «всеобщую подачу голосовъ»—источникъ своего происхожденія—полагаетъ, что подача голосовъ можетъ быть всеобщею безъ всеобщаго образованія. До революціи, или какъ говорятъ французы, при «старомъ порядкѣ» (ancien régime), народное образованіе не было разсматриваемо даже какъ и политическое орудіе. О немъ просто не было рѣчи; вопросъ объ образованіи былъ вопросомъ такъ-сказать экономическимъ, и образованіе обусловливалось достаткомъ, какъ обусловливается пріобрѣтеніе хорошей мебели, одежды и т. п. Народнымъ массамъ нельзя было сказать, что «не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ», потому что ихъ потребностью считался буквально одинъ хлѣбъ.

Въ этомъ легко убѣдиться, если взглянуть только на сохранив-

шіеся финансовые документы того времени [1]). Въ бюджетѣ «стараго порядка» ни одной копѣйки не полагалось на народное образованіе. Впрочемъ, какъ ни мало о немъ заботились, тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы предъ революціею, въ нѣкоторыхъ деревняхъ заводятся уже школы, которыя, разумѣется, попадаютъ въ руки духовенства, и все ученіе большею частью ограничивается нѣсколькими молитвами, заучиваемыми наизусть даже безъ помощи азбуки. Въ 80-хъ годахъ послѣдняго столѣтія, на такое положеніе дѣлъ начали жаловаться провинціальныя собранія. Въ 1786 году, провинціальное собраніе Берри сѣтуетъ объ отсутствіи образованія между крестьянами, и въ 89 году всѣ провинціи повторяютъ ту же жалобу, и требуютъ, говоритъ Левассеръ, учрежденія «школъ въ приходахъ, школьныхъ учительницъ въ деревняхъ, дарового образованія для крестьянъ и созданія системы народнаго образованія» [2]). Но удовлетвореніе этихъ жалобъ, вслѣдствіе революціи, должны были принять на себя временныя правительства, смѣнившія древнюю монархію. Первое изъ нихъ, Національное собраніе, немедленно *декретировало*, что всякій французъ долженъ умѣть читать, и потому вездѣ должны были быть устроены школы, гдѣ бы давалось даровое образованіе. «Будетъ создано и устроено общественное образованіе, общее для всѣхъ гражданъ», говорилось въ декретѣ. Были назначены большія суммы для этой цѣли, но въ то же время понимали хорошо необходимость дѣйствовать систематически. Талейрану предоставили изготовить проектъ народнаго образованія. По его плану, сами департаменты назначали количество первоначальныхъ школъ, необходимыхъ для каждаго изъ нихъ; въ этихъ школахъ слѣдовало учить чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики, съ общимъ понятіемъ о мѣрахъ и географіи; такія школы слѣдовало устроить одинаково какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. За первоначальными школами шли окружныя школы, съ семигодичнымъ курсомъ; потомъ спеціальныя школы для образованія юристовъ, медиковъ, священниковъ и т. д.; и наконецъ, надъ всѣмъ стоялъ національный институтъ, при которомъ были бы устроены публичные курсы, библіотеки и т. д. Помимо этихъ общественныхъ заведеній, гдѣ народъ получалъ бы образованіе, допускалось устройство частныхъ школъ, провозглашалась полная свобода преподаванія. Первоначальное образованіе разсматривалось какъ бы долгъ передъ обществомъ, а потому оно объявлено было даровымъ. «Что даровое образованіе должно существовать, этотъ принципъ неоспо-

---

[1]) Жюль Симонъ, въ своей книгѣ «l'École», приводитъ родъ бюджета того времени за нѣсколько послѣднихъ годовъ до революціи, и каждый годъ онъ заключаетъ словами: «pour les écoles rien».

[2]) Histoire des classes ouvrières depuis 1789 jusqu' à nos jours.

римъ, говоритъ Талейранъ, но гдѣ даровое образованіе должно останавливаться? «Единственное образованіе, которое общество должно давать совершенно даромъ, это то, которое самымъ существеннымъ образомъ обще всѣмъ, какъ необходимое для всѣхъ»; изъ этого слѣдовало, что только одно первоначальное образованіе должно быть даровое, другое же нѣтъ. Но Талейранъ объявляетъ себя противникомъ обязательнаго образованія. «Нація, говоритъ онъ, предлагаетъ большое благодѣяніе образованія, но она никому не навязываетъ его». Всему этому проекту суждено было, впрочемъ, остаться на бумагѣ. За планомъ Талейрана слѣдовалъ планъ Кондорсе, который мало разнился отъ перваго; онъ назначалъ, чтобы первоначальная школа была устроена вездѣ, гдѣ есть 400 человѣкъ жителей, второстепенная въ каждомъ округѣ и въ каждомъ городѣ, имѣющемъ 4,000 чел. жителей, затѣмъ на 3-й степени стояли 114 институтовъ, родъ техническихъ заведеній, затѣмъ на 4-й степени 9 лицеевъ, гдѣ преподавались бы науки во всей ихъ полнотѣ; и наконецъ, Національное Общество наукъ и искуствъ. Въ одномъ только отношеніи планъ Кондорсе разнится отъ проекта Талейрана; онъ не ограничиваетъ даровое образованіе однимъ первоначальнымъ, а простираетъ его и на высшее образованіе: «Для общественнаго благосостоянія, говоритъ Кондорсе, необходимо дать дѣтямъ бѣдныхъ классовъ, которые самые многочисленные, возможность развивать свои таланты; это средство не только обезпечитъ отечеству болѣе гражданъ способныхъ служить ему, наукамъ болѣе людей способныхъ способствовать ихъ прогрессу, но также уменьшитъ то неравенство, которое проистекаетъ изъ разницы состояній и смѣшаетъ между собою классы, которые эта разница состояній стремится разъединить». И для того, чтобы сдѣлать высшее образованіе болѣе доступнымъ для бѣдныхъ классовъ народа, онъ предлагаетъ, чтобы избранные изъ первоначальныхъ школъ переходили въ дальнѣйшія учрежденія, и содержались на счетъ государства, такъ какъ далеко не всѣ дѣти, говорилъ онъ, имѣютъ такихъ достаточныхъ родителей, которые бы могли давать имъ возможность посвящать себя продолжительнымъ ученымъ занятіямъ. Такіе избранные ученики называются «учениками отечества» (les élèves de la patrie). Планъ Кондорсе постигла та же участь, какъ и проектъ Талейрана; онъ пережилъ только одно засѣданіе и скоро былъ замѣненъ новымъ планомъ народнаго образованія, носившимъ на себѣ характеръ своего автора, Робеспьера, который требовалъ, чтобы «всѣ дѣти, отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ для мальчиковъ и до одиннадцати для дѣвочекъ, всѣ безъ всякаго различія и безъ всякаго исключенія, были бы воспитаны вмѣстѣ на счетъ Республики; и чтобы всѣ, подъ святымъ покровомъ равенства, получали бы одинаковую одежду, одинаковую пищу, одинаковое образованіе, одинаковую заботливость». Кромѣ этого, Робе-

сперъ вводилъ новый принципъ обязательнаго образованія, впрочемъ, не безъ фантастическихъ формъ: «Молодые граждане, говорилось въ декретѣ 17-го ноября 1794 года, которые не посѣщаютъ школъ, подвергаются экзамену въ присутствіи народа въ день праздника Молодости, и если будетъ доказано, что они не имѣютъ необходимыхъ для французскихъ гражданъ познаній, то тогда они будутъ устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей до тѣхъ поръ, пока они не пріобрѣтутъ ихъ». Сенъ-Жюстъ требовалъ, чтобы ко всему этому было прибавлено еще нѣсколько спартанскихъ правилъ относительно одежды, пищи и жилища, но конвентъ не рѣшился этого декретировать. Онъ постановилъ только, что образованіе будетъ обязательное и даровое, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ свободу преподаванія. Чувствуя страшный недостатокъ въ преподавателяхъ, конвентъ основалъ Нормальную школу, изъ которой до сихъ поръ выходятъ лучшіе профессора. Кромѣ этого онъ декретировалъ образованіе центральныхъ школъ, одну на 300,000 жителей, при которыхъ существовали бы библіотеки, и кромѣ того, профессора читали бы при нихъ публичныя лекціи. Но всѣ эти начинанія не были приведены въ исполненіе. Въ эпоху консульства и имперіи сдѣланъ былъ даже шагъ назадъ. Республика разсчитывала на народное образованіе, какъ на средство содѣйствовать развитію свободныхъ учрежденій; имперія обратила вниманіе на этотъ же предметъ, какъ на средство къ утвержденію своего вліянія, и потому руководилась особенными взглядами на просвѣщеніе. Даровое и обязательное обученіе было уничтожено; коммунамъ предоставлено заботиться самимъ объ открытіи школъ, безъ помощи изъ бюджета. Новымъ можно считать одинъ катихизисъ, которому учились, по приказанію Наполеона I, дѣти въ церквахъ. Вотъ, образчикъ его:

Вопр. Какія обязанности имѣютъ христіане относительно государей, которые управляютъ, и какія въ особенности наши обязанности по отношенію къ Наполеону I, нашему императору?—*Отв.* Христіане обязаны питать къ государямъ, которые ими управляютъ, и мы въ особенности къ Наполеону I, нашему императору, обязаны чувствовать любовь, уваженіе, покорность, преданность; мы должны нести предъ нимъ военную службу, требуемыя подати для сохраненія и защиты имперіи и его трона; мы обязаны возносить пламенныя мольбы за его спасеніе и за благоденствіе государства». — *Вопр.* Нѣтъ ли особенныхъ причинъ, по которымъ мы обязаны быть крѣпко привязаны къ Наполеону I, нашему императору?—*Отвѣтъ.* Да, такъ какъ онъ нарочно поставленъ Богомъ въ трудныя для насъ минуты и т. д. По возвращеніи съ острова Эльбы, и желая опять притянуть къ себѣ народъ, онъ, вмѣсто приведенныхъ правилъ катехизиса, обращается къ нему съ другого рода рѣчью: «Я вышелъ изъ народа, говоритъ онъ, и если народъ въ самомъ дѣлѣ желаетъ свободы, я долженъ

ему ее дать; я призналъ его верховную власть, я долженъ слѣдовательно исполнять его волю и даже его капризы». Признавая, такимъ образомъ, верховную власть народа, Наполеонъ I долженъ былъ подумать о народномъ образованіи, и Карно́, который былъ во время «Ста дней» министромъ внутреннихъ дѣлъ, представилъ ему проектъ обученія народа. Но этотъ проектъ погибъ вмѣстѣ съ имперіей на поляхъ Ватерлоо. Явилась реставрація, которая передала снова дѣло народнаго образованія совершенно и безусловно въ руки католическаго духовенства. Правда, въ 1816 году, явился законъ о народномъ образованіи, который говорилъ, чтобы всякая коммюна позаботилась объ устройствѣ школы, въ которой мальчики были бы отдѣлены отъ дѣвочекъ, но законъ этотъ, къ несчастію, не позаботился о средствахъ, на которыя коммюны могли устроить бы школы. Онъ подробно опредѣлялъ, кто можетъ преподавать, подъ чьимъ надзоромъ должно находиться образованіе, кто назначаетъ учителей, кто можетъ смѣнять ихъ, однимъ словомъ, онъ опредѣлялъ все, что должно было стѣснять народное образованіе, но ничего, что дало бы ему возможность распространиться и получить прочное существованіе. Все, что было для него сдѣлано, это то, что въ бюджетъ была внесена сумма въ 50,000 фр., назначавшаяся на изданіе сочиненій, на награду учителямъ и на устройство моделей первоначальныхъ школъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого закона, Royer-Collard, министръ Лудовика XVIII, дозволяетъ въ школахъ систему взаимнаго обученія, которую Карно предлагалъ Наполеону, и въ 1817 году было уже около 100 школъ взаимнаго обученія, которое сопряжено съ самыми незначительными издержками, такъ какъ ученики, дѣлаясь учителями, сокращали количество необходимыхъ учителей. Но католическая партія, относясь недовѣрчиво къ этой системѣ, начала борьбу, которая окончилась въ 1824 году полнымъ торжествомъ. Система взаимнаго обученія погибла, и всѣ учителя и всѣ школы были поставлены въ прямую зависимость епископовъ. Только уже въ послѣдніе мѣсяцы реставраціи, правительство снова начинаетъ заботиться о народномъ образованіи; министръ народнаго просвѣщенія Guernon-Ranville представляетъ Карлу X рапортъ объ его состояніи, и тогда является указъ, въ которомъ говорится: «приказавъ представить себѣ отчетъ о состояніи первоначальныхъ школъ въ королевствѣ, мы убѣдились, что значительное количество коммюнъ лишены всякихъ средствъ образованія, которое, мы желаемъ, чтобы было предоставлено всѣмъ нашимъ подданнымъ». На основаніи этого указа, муниципальные совѣты должны были сдѣлать итогъ необходимымъ издержкамъ для первоначальнаго устройства школъ, составить списки дѣтей, которыя должны быть допущены въ школы даромъ, назначить для другихъ величину мѣсячной платы и опредѣлить жалованье преподавателямъ, и наконецъ, они должны

были вотировать необходимыя средства для содержанія этихъ школъ и учителей. Если коммюна рѣшительно не въ состояніи содержать своими средствами школу, тогда на ея помощь должны были являться генеральные совѣты департамента, и наконецъ, неимущимъ департаментамъ являлось на помощь само государство. Бюджетъ народнаго образованія выросъ изъ 50,000 фр. въ 300,000; но мѣра эта была принята уже слишкомъ поздно, реставрація смѣнилась іюльскою монархіею.

Іюльская монархія въ дѣлѣ народнаго образованія совершила актъ, который составляетъ ея главную славу. Послѣ революціи 30-го года, люди, стоявшіе во главѣ правленія, стали понимать не только необходимость удовлетворить, наконецъ, общественному требованію народнаго образованія, а также и то, что это образованіе не должно ограничиваться умѣніемъ кое-какъ читать и писать, но также возвысить уровень знаній, между тѣмъ какъ Наполеонъ I предписывалъ строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы учителя не шли въ своемъ преподаваніи далѣе назначенной границы.

Въ 1831 году, министръ народнаго просвѣщенія предлагаетъ проектъ закона, которымъ снова провозглашалась свобода преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ коммюнамъ ставилось въ обязанность устроить помѣщеніе для школы и назначить изъ ея доходовъ содержаніе учителямъ. Въ случаѣ невозможности это сдѣлать для коммюны, департаментъ и за тѣмъ само государство должны были являться на помощь. Но проектъ этотъ, устраняя совершенно духовенство изъ дѣла образованія, вызвалъ противъ себя цѣлую бурю; правительство должно было уступить, проектъ былъ принятъ, и на сцену явился новый министръ народнаго просвѣщенія Гизо. По всей Франціи были разосланы инспектора, которые должны были осмотрѣть всѣ школы и представить свои заключенія. Отчеты эти привели къ одному заключенію: что въ дѣлѣ народнаго образованія еще ничего не сдѣлано, что страшно поразительное невѣжество и грубость господствуютъ въ этой странѣ. Инспектора находили учителей, которые знали столько же, сколько и ученики, т. е. почти не умѣли читать; нѣкоторые изъ нихъ не знали даже, въ чемъ состоитъ ихъ обязанность, чему они должны учить. Само правительство испугалось результатовъ ревизіи, и поспѣшило представить проектъ народнаго образованія, который превратился въ знаменитый законъ 23-го іюня 1833 года. Въ этомъ законѣ было два большихъ недостатка; во первыхъ, католическое духовенство не было устранено, и во вторыхъ, женское образованіе было совершенно оставлено въ сторонѣ. Первоначальное образованіе было раздѣлено на элементарное и высшее, и обязанность содержанія школъ, согласно провозглашенному принципу 89 года, должна лежать на коммюнахъ. Обязанность эта простирается на основаніе школы, доставленіе

помѣщенія и содержаніе учителя. Когда коммюна неспособна нести такихъ издержекъ, тогда въ это дѣло вмѣшивается департаментъ, и наконецъ, государство; однимъ словомъ, принята система, которую предлагалъ одинъ изъ министровъ реставраціи передъ самымъ ея паденіемъ. Упомянутыя обязанности коммюны были очень точно опредѣлены, и потому она не могла ускользать отъ нихъ. Она должна была, помимо доставленія приличнаго, назначеннаго исключительно для школы помѣщенія, давать учителю minimum 200 фр. Если она не могла этого сдѣлать изъ своихъ обыкновенныхъ доходовъ, то она могла ввести новый налогъ, который бы не прибавлялъ къ платимымъ уже налогамъ болѣе 3 сантимовъ. Департаментъ для этой же цѣли могъ увеличить свои налоги на 2 сантима, и наконецъ, государство вносило въ свой бюджетъ сумму для этого расхода. Затѣмъ, въ законѣ 1833 года есть еще два большихъ достоинства, которыя составляютъ его главную заслугу. Во-первыхъ, этимъ закономъ снова провозглашена свобода преподаванія, хотя, разумѣется, болѣе ограниченная, чѣмъ свобода, которая предоставлялась проектами революціи, но тѣмъ не менѣе свобода, которая позволяла свѣтскому элементу занять въ дѣлѣ народнаго образованія болѣе дѣятельную роль. Зависимость преподавателей отъ епископовъ, священниковъ и т. д., была замѣнена надзоромъ особенныхъ комитетовъ и инспекторовъ. Другое достоинство закона 33 года, это то, что даровое образованіе сдѣлалось болѣе дѣйствительно, оно перестало быть ограниченнымъ извѣстнымъ количествомъ дѣтей. Коммюнальныя школы принимали въ себя, какъ платящихъ, такъ и неплатящихъ дѣтей, сколько бы ихъ ни было.

Результатъ этого закона не заставилъ себя ждать долго. Въ одинъ годъ было открыто болѣе 2,275 школъ, и 454,400 дѣтей прибавилось сразу къ цифрѣ учениковъ. Количество школъ выросло въ пять, шесть лѣтъ въ относительно значительную цифру 39,460. Въ 1848 году, было уже почти 44,000 школъ, гдѣ получали образованіе почти 2,200,000 дѣтей. Въ 1831 году, болѣе половины рекрутовъ не умѣли ни читать ни писать; въ 1846 году, произошло небольшое улучшеніе, т. е. на 100 было уже только 40 неграмотныхъ; черезъ 20 лѣтъ послѣ закона, т. е. въ 1854, на 100 оставалось еще все-таки большое число: 32 неумѣющихъ читать и писать, а теперь, т. е. въ 1867 г., несмотря на значительное улучшеніе, изъ 100 человѣкъ все же было еще 25 незнавшихъ грамоты. Цифра эта громадна, если подумать, что въ Пруссіи на 100 человѣкъ, поступающихъ въ военную службу, только 3 не умѣютъ читать, и то, вѣроятно, потому, что въ Пруссіи есть и населеніе католическое. Помимо школъ для дѣтей, въ то время стали заботиться о распространеніи образованія между взрослыми людьми, и въ 1835 году заводятся нѣсколько публичныхъ курсовъ для работниковъ; число этихъ курсовъ наканунѣ революціи почти достигло семи ты-

сячъ. Февральская революція и республиканское правительство также поддерживали начáло дарового и обязательнаго обученія, распространивъ свои заботы на образованіе женскаго пола. Всякій ребенокъ, не посѣщающій публичной школы, долженъ быть представленъ его отцомъ въ экзаменаціонную коммиссію, а если будетъ доказано, что ребенокъ не пріобрѣтаетъ дома, или въ частной школѣ, никакого образованія, тогда родитель получаетъ на первый разъ публичный выговоръ, а на слѣдующій годъ, если ребенокъ попрежнему останется безъ требуемаго образованія, тогда онъ можетъ быть приговоренъ къ штрафу отъ 20 фр. до 500 фр. и къ лишенію избирательныхъ правъ отъ года до пяти лѣтъ. Но все это было однимъ проектомъ, который въ 1849 году замѣнили клерикальнымъ планомъ министра народнаго просвѣщенія Фаллу. Видимо, уже начиналось подготовленіе второй имперіи. Планъ Фаллу, разумѣется, абсолютно уничтожалъ даровое и обязательное образованіе, снова понизилъ minimum вознагражденія преподавателей до 200 фр., и образованіе дѣвочекъ поставилъ опять болѣе чѣмъ на второй планъ; такъ какъ только та коммуна, которая имѣетъ не менѣе 800 человѣкъ, обязывалась содержать женскую школу, и то только тогда, если она сама имѣетъ для этого средства. Проектъ этотъ былъ вотированъ 15 марта 1850 года. Но хуже всего то, что новый законъ, который отодвинулъ на нѣсколько шаговъ назадъ дѣло народнаго образованія, опять вырвалъ его изъ рукъ «университетскаго» [1]) управленія и передалъ значительное вліяніе католическому духовенству, допустивъ и давъ ему самое большое мѣсто во всѣхъ совѣтахъ по образованію, предоставивъ ему право надзора за школами, которыя подпадаютъ такимъ образомъ зависимости католической партіи.

Въ этомъ видѣ застала народное образованіе вторая имперія, гордящаяся тѣмъ, что въ основаніи ея лежитъ народная воля. Какъ же начала она свою дѣятельность въ этой важной отрасли общественнаго благосостоянія? Новое правительство ознаменовало свое вступленіе двумя постановленіями, относящимися къ народному образованію. Первое явилось въ началѣ 1853 года и имѣло своею цѣлію ограничить даровое образованіе. По закну 15 марта, первоначальное образованіе должно было даваться даромъ всѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ не въ состояніи были платить. Постановленіе 31 декабря 1853 г., нашло этотъ законъ слишкомъ либеральнымъ и сдѣлало въ немъ такого рода измѣненіе: муниципальный совѣтъ не можетъ болѣе разрѣшать даровое образованіе всѣмъ, кто въ немъ нуждается; цифра дѣтей, которыя могутъ быть допущены даромъ въ первоначальныя школы опредѣляется префектомъ, и муниципальный совѣтъ не имѣетъ права выйти изъ назначеннаго предѣла. Мысль эта очевидно была похи-

[1]) Т. е. министерскаго, свѣтскаго.

щена у первой имперіи, которая точно также поспѣшила ограничить даровое образованіе. Другая мѣра, слѣдующая за этою, явилась въ 1854 году, и она не отличается болѣе либеральнымъ характеромъ. Народное образованіе очутилось въ зависимости отъ префектовъ, которые получили право назначать и смѣнять преподавателей, однимъ словомъ, эти послѣдніе подпали подъ полную власть людей, совершенно не компетентныхъ въ дѣлѣ образованія и заботящихся исключительно о политическихъ интересахъ. Народное образованіе конечно не могло отъ этого выиграть. Оно должно было бы придти еще въ худшее положеніе чѣмъ было прежде, если бы съ тѣхъ поръ въ немъ не были произведены хотя нѣкоторыя перемѣны. Положеніе преподавателей, если ухудшилось въ нравственномъ положеніи, то въ матеріальномъ отношеніи оно значительно улучшилось. Для преподавателей опредѣленъ былъ minimum въ 600 фр., и для преподавательницъ отъ 400 до 500 фр. И то эта перемѣна была сдѣлана только закономъ 11 марта 1867 года. Другое важное преобразованіе было сдѣлано декретомъ 28 марта 1866 года, который позволилъ муниципальнымъ совѣтамъ распространить даровое образованіе на всѣхъ дѣтей, семейства которыхъ не могутъ вносить въ школу платы. Оффиціальныя донесенія самаго правительства начинаютъ клониться какъ будто бы къ тому, чтобы болѣе и болѣе убѣдить въ необходимости обязательнаго обученія. На упрекъ, который часто дѣлается правительству, что мало заботятся о распространеніи школъ, оно отвѣчаетъ, что школъ довольно, что если не всѣ дѣти ихъ посѣщаютъ, то не недостатокъ ихъ тому причиной, а отсталость и невѣжество родителей. И въ самомъ дѣлѣ, Жюль Симонъ тоже приводитъ нѣсколько фактовъ, гдѣ на вопросъ родителямъ, отчего ихъ дѣти не ходятъ въ школу, они отвѣчаютъ: «въ прежнія времена ничего этого не знали, а были не менѣе счастливы». Но эта жалоба правительства на невѣжество родителей и должна была бы служить въ пользу обязательнаго образованія.

У французскаго правительства, которое не желало введенія обязательнаго образованія, и у тѣхъ, кто поддерживалъ въ этомъ правительство, была готовая аргументація противъ обязательнаго образованія; она заключалась въ двухъ словахъ: «уничтоженіе семьи»! Подобно тому, французскій кабинетъ отвѣчаетъ на вопросъ: почему оно не позволяетъ Италіи присоединить Римъ: «это будетъ торжествомъ революціи»! Недавно еще, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ послѣднюю законодательную сессію, когда дѣло шло о распространеніи дарового и обязательнаго образованія, какою фразою опровергали это требованіе защитники правительства? «Скажемъ прямо, говорилъ одинъ изъ нихъ, та система, которая требуетъ образованія, даваемаго государствомъ, имѣетъ пагубное происхожденіе. Она вышла изъ одного изъ самыхъ большихъ заблужденій революціоннаго ума:

уничтоженія семьи! Это Дантонъ, который говорилъ за другими преобразователями своего времени: «Пора провозгласить наконецъ великій принципъ, что дѣти принадлежатъ обществу прежде нежели своему семейству» [1]). Имя Дантона было приведено для того, чтобы испугать и заставить отказаться отъ обязательнаго образованія — тѣхъ, которые его требовали. Но отвѣтъ на это было найти не трудно, и тѣ были правы, которые отвѣчали оратору: «Что же дѣлать, если это пугало человѣчества предлагалъ что нибудь хорошее; воспользуемся этимъ, съумѣемъ вездѣ отъискать хорошую сторону, и обратимъ ее въ свою выгоду»! Но другіе ораторы, можетъ быть болѣе искренніе, отвѣчали гораздо проще; они прямо говорили: «Нѣтъ, вы совсѣмъ не потому не заботитесь о распространеніи образованія, что вы боитесь нарушить власть отца, что вы боитесь поколебать основанія семьи: причина лежитъ гораздо ближе къ вамъ, вы знаете очень хорошо, говорили они, что, въ политическомъ отношеніи, образованное населеніе будетъ вѣроятно гораздо затруднительнѣе для дурного правительства, и что, не смотря на разумную любовь этого населенія къ порядку, оно рѣшится возстать противъ дурного правительства». Къ этому вторая имперія въ свое назиданіе, можетъ развѣ прибавить еще одинъ аргументъ: правительство, напримѣръ, реставраціи также боялось просвѣщенія, но и такая боязнь просвѣщенія ему также не представила ничего спасительнаго.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что во Франціи въ настоящее время есть много и такихъ людей, которые искренне желаютъ распространенія образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ противятся принципу обязательнаго обученія. Причина заключается въ самомъ странномъ смѣшеніи понятій, въ спорѣ о правѣ государственнаго вмѣшательства съ одной стороны и объ индивидуальной свободѣ съ другой. Но личная свобода должна оканчиваться тамъ, гдѣ она посягаетъ на высшіе интересы, интересы цѣлаго общества. Система, выражаемая двумя словами: *laissez-faire, laissez-passer*, представляетъ много опаснаго и приводитъ иногда къ одному результату: къ праву сильнаго. Разумѣется, когда французское правительство беретъ образованіе исключительно въ свои руки, и притомъ съ цѣлію вмѣшать въ него политику и свои личные интересы, тогда вредъ очевиденъ; но обязательное образованіе совсѣмъ не требуетъ, чтобы ребенокъ шелъ въ такую-то именно школу, онъ долженъ получить только необходимое первоначальное образованіе, но какимъ способомъ, — до этого правительству не можетъ быть дѣла, получаетъ ли онъ его дома или въ школѣ общественной или частной, что все равно, лишь бы онъ его получилъ. Гораздо лучше

[1]) Рѣчь Кольбъ-Бернара, произнесенная въ законодательномъ корпусѣ 1-го марта 1867 г.

и справедливѣе бороться съ злоупотребленіемъ свободнаго обученія, нежели, ради зла, не дозволять и добро. Къ счастью, эта система *laissez-faire*, и особенно въ дѣлѣ народнаго образованія, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ въ Европѣ, и даже тамъ, гдѣ эта система имѣла больше всего защитниковъ,—въ Англіи, въ странѣ, гдѣ она привилась съ такою силою, она начинаетъ теперь терять свою твердую позицію. Въ то самое время, когда противники государственнаго вмѣшательства въ дѣлѣ народнаго образованія, указываютъ на Англію, которая съумѣла обойтись безъ него, нужно посмотрѣть, что говорятъ сами англичане объ этой системѣ *laissez-faire*. Нѣсколько дней тому назадъ одна изъ самыхъ популярныхъ личностей въ либеральной партіи Англіи, Hepworth Dixon, на митингѣ въ Ливерпулѣ произнесъ слѣдующія слова: «Мы перестали думать, что лучшее средство управлять міромъ, это предоставить его самому себѣ». И въ то самое время, когда одинъ изъ представителей либеральной партіи произносилъ эти слова, другой ораторъ, представитель консервативной партіи, г. Іоне, выразился такъ именно по вопросу о народномъ образованіи: «Всѣ признаютъ теперь, что образованіе бѣднаго не принадлежитъ къ числу предметовъ, которые могутъ быть предоставлены частной иниціативѣ, это обязанность государства.... Образованіе бѣднаго есть дѣло государства на столько же, на сколько составленіе законовъ, управленіе иностранными дѣлами, администрація арміи и флота, — столько же, сколько полиція и правосудіе».

Вотъ, какимъ образомъ разсуждаютъ нынѣ въ Англіи, «гдѣ—по справедливому замѣчанію Дизраели, сдѣланному имъ въ Эдинбургѣ (онъ недавно говорилъ тамъ рѣчь о положеніи рабочаго класса въ Англіи),—имѣется еще другой неистощимый источникъ народнаго образованія—въ свободной печати». Для современной же Франціи—свобода печати, какъ она понимается въ Англіи, есть еще вопросъ, а народныя школы между тѣмъ представляютъ собою интересъ болѣе тѣхъ, которые учатъ, нежели тѣхъ, которые учатся. Если правительство сдѣлало въ послѣднее время нѣкоторыя уступки въ пользу свободы обученія, и министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи докладывалъ императору, что «30,000 курсовъ для взрослыхъ, собиравшихся эту зиму есть не что иное, какъ suffrage universel, декретирующій необходимость обязательнаго образованія для народа»,—то такія уступки и такое признаніе свидѣтельствуютъ только о невозможности обойти вопросъ или рѣшать его съ одними политическими разсчетами. Современная Франція серьезно озабочена соціальнымъ положеніемъ рабочаго класса; французское правительство испытало неудачу въ Мексикѣ, въ Германіи, не особенно прославило себя и въ Италіи,—но все это не могло повлечь за собою того, что́ можетъ угрожать второй имперіи, если не разрѣшится благополучно соціальный вопросъ. Ассоціація и школа, какъ мы видѣли,

представляютъ къ тому лучшій путь — и теперь все зависитъ отъ того, захочетъ ли правительство оказать имъ поддержку, чтобы потомъ въ свою очередь найти въ нихъ опору и для себя, или правительство останется при прежней мысли, что дружба клерикальной партіи можетъ, въ случаѣ надобности, замѣнять все. К. О.

Парижъ. $^{12}/_{24}$ ноября, 1867.

IV.

АВСТРІЙСКІЙ КОНКОРДАТЪ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Въ то самое время, когда вниманіе всей Европы обращено было на борьбу, происходившую недавно на Аппенинскомъ полуостровѣ между защитниками свѣтской власти и противниками ея, — въ другой части Европы велась и ведется до сихъ поръ борьба, можетъ быть менѣе замѣтная, но не менѣе упорная и, во всякомъ случаѣ, не менѣе важная, — между защитниками неограниченной духовной власти папы и католическаго духовенства и противниками ея. Въ римской области шла борьба, конечно, кровавая между наемными защитниками личности, владѣній и духовнаго авторитета главы католическаго міра, и итальянскими патріотами, желавшими довершить объединеніе Италіи и положить конецъ существованію аномаліи XIX столѣтія, — теократическаго римскаго государства — но въ Австріи, обѣтованной землѣ іезуитовъ и католиковъ-фанатиковъ, эта борьба не имѣетъ того трагическаго характера, не представляетъ случаевъ испытать на живомъ тѣлѣ достоинство ружей новаго изобрѣтенія Шасспо, «совершающихъ чудеса», по возмутительному выраженію французскаго генерала Фальи. Въ Австріи, борьба между католическимъ духовенствомъ и противниками его ведется оружіемъ менѣе страшнымъ, нежели ружья Шасспо, оружіемъ духовнымъ, когда-то весьма могущественнымъ и опаснымъ. За то въ Австріи дѣло идетъ объ освобожденіи тридцати милліоннаго населенія этой имперіи изъ-подъ безусловнаго господства и вліянія католическаго духовенства, которое наложило свою тяжелую руку на всю умственную и духовную жизнь его. Въ Австріи всѣмъ это хорошо понятно, и поэтому вся Австрія, раздѣлившись на два лагеря, принимаетъ самое горячее участіе въ этой борьбѣ. Вообще католическое духовенство имѣетъ покуда довольно мало надежды на побѣду, но ему нужно отдать справедливость въ томъ, что оно старается продать эту побѣду какъ можно дороже, и съ величайшей энергіей защищается упорно противъ направленныхъ на него отовсюду нападеній. Какъ сложилось такое положеніе дѣлъ въ Австріи, и каковы въ настоящую минуту средства и надежды противниковъ?

До заключенія конкордата 1855 г. между австрійскимъ и папскимъ правительствами, отношенія между духовенствомъ Австріи и римскимъ дворомъ опредѣлялись законами, изданными еще въ концѣ прошлаго столѣтія императоромъ нѣмецкимъ Іосифомъ II, — законами вовсе не благопріятными для духовенства и для римской куріи. Императоръ Іосифъ въ своей реформаторской дѣятельности не могъ не коснуться отношеній церкви къ государству. Съ раннихъ лѣтъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, какъ духовенство часто употребляло во зло религіозность его матери, императрицы Маріи-Терезіи, и какъ оно побуждало благочестивую императрицу къ мѣрамъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали интересамъ духовенства, но нисколько не согласны были съ интересами государства и народа. Императоръ видѣлъ въ тогдашнемъ вліяніи католическаго духовенства въ Австріи не только помѣху къ свободѣ науки и совѣсти, но — что́ было гораздо́ важнѣе въ глазахъ его и перваго министра Кауница — онъ смотрѣлъ на это вліяніе, какъ на стѣсненіе монархической власти, и какъ на помѣху реформаторской дѣятельности своей. Но изданные имъ законы не измѣнили такъ глубоко отношеній государства къ церкви, какъ напр. французская революція измѣнила около того же времени эти отношенія во Франціи, хотя и ограничивали въ значительной степени вліяніе духовенства въ Австріи. Прежде всего онъ объявилъ себя независимымъ отъ папы, постановивъ, что ни одна папская булла не можетъ быть допущена въ австрійскія владѣнія и имѣть силу закона, если она не будетъ утверждена предварительно свѣтскою властью; вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что нѣкоторыя изъ прежнихъ буллъ, которыя не соотвѣтствовали видамъ правительства, (преимущественно буллы, касавшіяся отношеній свѣтской власти къ духовной) потеряли законную силу въ австрійскихъ владѣніяхъ. Далѣе, въ теченіе одной недѣли упразднено было не менѣе 700 монастырей въ Австріи, и число монаховъ уменьшено съ 63,000 на 27,000; всѣ монашескіе ордена поставлены были подъ надзоръ епископовъ, которымъ также предоставлено было право разрѣшенія въ брачныхъ дѣлахъ, принадлежавшее доселѣ одному только папѣ. Наконецъ, изданъ былъ знаменитый эдиктъ вѣротерпимости, который предоставлялъ протестантамъ и членамъ православной церкви полную свободу вѣроисповѣданія; улучшено также положеніе евреевъ, и наконецъ сдѣланы были попытки къ введенію нѣмецкаго языка при католическомъ богослуженіи. Папское правительство конечно увидѣло въ этихъ законахъ — паденіе католической религіи въ Австріи; а въ авторахъ ихъ — самыхъ опасныхъ враговъ католической церкви. Тогдашній папа Пій VI вообразилъ, что онъ личнымъ вмѣшательствомъ своимъ въ это дѣло и личнымъ вліяніемъ на императора въ состояніи будетъ остановить реформы его, и возвратить католическому духовенству прежнее вліяніе

его въ Австріи. Съ этой цѣлью онъ въ 1782 году самъ поѣхалъ въ Вѣну. Ему оказанъ былъ самый почтительный пріемъ, но поѣздка эта не достигла желаемой цѣли, и новые законы, опредѣлявшіе отношенія церкви къ государству, остались неизмѣненными. Папа вывезъ изъ Вѣны одно только утѣшеніе — а именно, что народъ въ Австріи еще не созрѣлъ для вводимыхъ императоромъ реформъ. Но вообще съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій положеніе католической церкви въ Австріи составляло для римскаго двора предметъ постоянныхъ огорченій и жалобъ. Преемники императора Іосифа, при всей своей ревности къ католической церкви находили свои выгоды въ сохраненіи созданныхъ имъ отношеній къ главѣ католическаго міра. Наконецъ, эти отношенія вошли уже въ привычку, и до 1849 г. никто и не думалъ объ измѣненіи ихъ.

Но съ торжествомъ реакціи, послѣдовавшемъ за революціонными потрясеніями 1848 и 1849 годовъ усилилось вліяніе католическаго духовенства въ Австріи. Клерикалы не переставали твердить, что недавнія революціонныя смуты находятся въ самой тѣсной связи съ ослабленіемъ авторитета духовенства и съ увеличивающимся будто бы вслѣдствіе этого безвѣріемъ въ Австріи. Они не переставали твердить, что возстановленіе возможно-большаго вліянія духовенства на государственную, общественную и семейную жизнь составляетъ лучшую гарантію для сохраненія общественнаго порядка и противъ возвращенія подобныхъ событій. На австрійскій престолъ только что вступилъ молодой монархъ, который былъ воспитанъ вѣнскимъ архіепископомъ, кардиналомъ Раушеромъ, и отличался необыкновенною привязанностью къ интересамъ духовенства. Подъ вліяніемъ своего воспитателя онъ пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствовавшіе до сихъ поръ законы Іосифа заключали въ себѣ величайшую несправедливость относительно духовенства, что отношенія, установленныя этими законами между церковью и государствомъ, не могли и не должны были существовать, и что слѣдуетъ непремѣнно вступить въ переговоры съ римскимъ дворомъ касательно измѣненій этихъ отношеній. Еще въ 1850 году сдѣлана была попытка начать переговоры объ этомъ предметѣ. Въ то время впрочемъ эта попытка еще не привела ни къ какому положительному результату; но уже тогда императоръ Францъ-Іосифъ увѣрилъ папу въ томъ, что онъ искренне желаетъ поставить католическое духовенство въ Австріи въ такія отношенія къ государству, которыя бы вполнѣ соотвѣтствовали желаніямъ папскаго престола, и что онъ осуществитъ это желаніе свое при первой возможности.

Въ началѣ 1855 года между Вѣной и Римомъ возобновились переговоры объ этомъ предметѣ. Веденіе ихъ было поручено со стороны римской куріи папскому нунцію въ Вѣнѣ, кардиналу Віале-Прела, считавшемуся однимъ изъ блистательнѣйшихъ представителей совре-

менной римской дипломатіи; со стороны вѣнскаго правительства для веденія переговоровъ былъ назначенъ извѣстный кардиналъ архіепископъ Раушеръ. Переговоры велись въ глубокой тайнѣ, такъ что до самаго обнародованія договора, явившагося результатомъ ихъ, ничего неизвѣстно было о характерѣ тѣхъ отношеній, которыя должны были установиться между Вѣной и Римомъ. Наконецъ 18-го августа, кардиналами Раушеромъ и Віале-Прела подписанъ былъ такъ-называемый конкордатъ, опредѣлявшій отношенія австрійскаго правительства и духовенства къ римской куріи; 25-го сентября произведенъ былъ обмѣнъ ратификацій этого договора, а 5-го ноября того же года онъ получилъ силу закона вслѣдствіе особаго императорскаго декрета.

Договоръ, который обнимаетъ собою всю совокупность отношеній церкви къ государству, состоитъ изъ 36 статей; и нужно отдать справедливость авторамъ его, редакція этихъ статей не оставляетъ почти ничего желать относительно точности и опредѣленности выраженій, кромѣ развѣ редакціи первой статьи договора. При многочисленности австрійскихъ подданныхъ не-католическихъ исповѣданій, найдено было неудобнымъ объявить католическую религію—единственной государственной религіей Австріи; но это неудобство обойдено было искусной редакціей перваго параграфа договора. Въ этомъ параграфѣ сказано было, что священная, римско-католическая религія сохранится во всей неприкосновенности, на протяженіи всей австрійской имперіи и всѣхъ частей ея, со всѣми преимуществами и правами ея, установленными для нея Богомъ и каноническими законами. Вторая, третья и четвертая статьи договора имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ ими уничтожаются преграды, возведенныя императоромъ Іосифомъ между папою и католическимъ духовенствомъ Австріи, и между духовенствомъ и свѣтскими лицами. Во второй статьѣ сказано, что папа, въ силу предоставленнаго ему Богомъ права, долженъ находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ епископами, духовенствомъ и народомъ во всѣхъ церквахъ и духовныхъ дѣлахъ, поэтому распоряженія папы не нуждаются ни въ какомъ утвержденіи свѣтской власти. Третьею и четвертою статьею установлялось, что архіепископы и епископы не подчиняются никакому контролю со стороны государственной власти въ своихъ сношеніяхъ съ низшимъ духовенствомъ своихъ епархій и съ мірянами, что они могутъ безпрепятственно обнародовать свои распоряженія и постановленія, созывать собранія духовенства, распредѣлять приходы, раздавать ордена, и т. д.

Но особенно важное значеніе имѣютъ тѣ статьи конкордата, которыя касаются опредѣленій отношенія духовенства къ школамъ, печати, къ брачнымъ дѣламъ и учрежденію духовныхъ судовъ. Отношенія къ школамъ опредѣляются въ статьяхъ 5-й и слѣдующихъ до

8-й. Въ этихъ статьяхъ установлялось, что обученіе католическаго юношества, во всѣхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, должно быть вполнѣ согласнымъ съ ученіемъ католической религіи; епископы, въ силу предоставленной имъ архипастырской власти, будутъ направлять духовное образованіе во всѣхъ общественныхъ и частныхъ школахъ, и бдительно смотрѣть за тѣмъ, чтобы при преподаваніи какого бы то ни было предмета не было высказано чего-либо несогласнаго съ католическимъ вѣроученіемъ или съ правилами нравственности. Въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ школахъ наставники и учители назначаются исключительно изъ лицъ католическаго исповѣданія, которые всячески должны стараться запечатлѣть въ сердцахъ воспитанниковъ правила христіанской жизни. Епископы по взаимному между собою соглашенію опредѣляютъ выборъ книгъ духовнаго содержанія, употребляемыхъ въ школахъ, и руководятъ назначеніемъ профессоровъ богословія и законоучителей. Еще болѣе строгія правила примѣняются къ начальнымъ школамъ. Всѣ учителя этихъ школъ находятся подъ надзоромъ духовенства; императоръ назначаетъ инспекторовъ этихъ школъ изъ лицъ, представленныхъ ему мѣстнымъ епископомъ; если бы оказалось, что въ этихъ школахъ религіозное образованіе производится не съ достаточною заботливостью, епископъ имѣетъ право назначить для этой цѣли какое нибудь духовное лицо. Вѣра и нравственность народнаго учителя должны быть безупречны. Кто отклонится отъ истиннаго пути немедленно будетъ устраненъ отъ этого дѣла. 9-ю статьею конкордата австрійскому духовенству предоставляется право цензуры надъ произведеніями печати въ Австріи. «Архіепископамъ, епископамъ и настоятелямъ монастырскихъ орденовъ, сказано въ этой статьѣ, предоставляется право указывать на тѣ книги, которыя вредны для религіи и нравственности, и принимать необходимыя мѣры для отклоненія своей паствы отъ чтенія этихъ книгъ. Правительство съ своей стороны приметъ необходимыя мѣры для того, чтобы подобныя книги, указанныя духовенствомъ, не распространялись въ имперіи.» Слѣдующія затѣмъ статьи отъ 10-ой до 14-ой касаются учрежденія духовныхъ судовъ для извѣстнаго разряда дѣлъ, и ограниченія компетентности гражданскихъ судовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается духовныхъ лицъ. «Всѣ духовныя дѣла—сказано въ 10-ой статьѣ, а въ особенности тѣ, которыя касаются вѣроученія, таинствъ, духовныхъ отправленій, а также правъ и обязанностей, соединенныхъ съ духовнымъ званіемъ, подлежатъ исключительно вѣдѣнію духовныхъ судовъ и судей; они же должны судить брачныя дѣла сообразно съ каноническими законами, и преимущественно съ постановленіями тріентскаго собора; и только гражданскія послѣдствія брачныхъ дѣлъ подлежатъ вѣдѣнію свѣтскихъ судовъ. Духовная власть должна произносить свои рѣшенія

касательно того, слѣдуетъ ли признать существующими или несуществующими препятствія къ браку, сообразуясь при этомъ съ постановленіями тріентскаго собора и съ апостольскими посланіями.» Въ 13-ой статьѣ сказано между прочимъ, что «въ виду обстоятельствъ настоящаго времени, его святѣйшество папа изъявляетъ согласіе свое на то, чтобы свѣтскіе суды рѣшали исключительно гражданскіе процессы, въ которыхъ замѣшаны духовныя лица, какъ-то дѣла о контрактахъ, наслѣдствахъ, долговыхъ обязательствахъ» и т. д. «По тѣмъ же причинамъ—сказано въ 14-ой статьѣ—его святѣйшество не противится тому, чтобы уголовныя преступленія или проступки духовныхъ лицъ подлежали вѣдѣнію гражданскихъ судовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти послѣдніе немедленно увѣдомляли о томъ мѣстнаго епископа. Кромѣ того, въ случаѣ, если духовное лицо приговорено будетъ къ аресту, этотъ приговоръ долженъ быть исполненъ въ формѣ, совмѣстной съ уваженіемъ, которое должно быть оказано духовному сану. Если противъ духовнаго лица будетъ произнесенъ смертный приговоръ, или если оно будетъ приговорено къ тюремному заключенію свыше пяти лѣтъ, дѣло, прежде исполненія приговора, должно быть передано на разсмотрѣніе мѣстнаго епископа. Духовныя лица во всякомъ случаѣ подвергаются тюремному заключенію отдѣльно отъ свѣтскихъ лицъ — за проступки въ монастыряхъ, за преступленія — въ особыхъ мѣстахъ заключенія для духовныхъ лицъ.

Слѣдующія затѣмъ 22 статьи имѣютъ менѣе важное значеніе, нежели предшествующія. Но впрочемъ и въ числѣ этихъ статей были такія, которыя предоставляли значительныя привилегіи австрійскому духовенству, и ставили свѣтскую власть въ чрезвычайно зависимое положеніе; такъ напр., 16-ой статьей установлялось неопредѣленно, что чиновники имперіи, равно какъ и все населеніе должны относиться съ уваженіемъ къ духовенству; статьею 18-ой и 19-ой папѣ предоставлялось право учреждать въ австрійской имперіи новыя епархіи и назначать, по своему усмотрѣнію, епископовъ на всѣ епископскія каѳедры въ имперіи. Слѣдующими статьями папскому правительству предоставляется полное право безпрепятственно сноситься съ духовенствомъ, безъ всякаго контроля со стороны свѣтской власти. Статьею 27-ой и 29-ой подтверждаются всѣ права духовенства на имущества, которыми оно прежде владѣло, и предоставляется ему право безпрепятственно пріобрѣтать новыя имущества. Статьей 35-ой отмѣнялись всѣ прежніе законы и постановленія, несогласныя съ постановленіями этого договора. Статья 34-я имѣетъ довольно важное значеніе въ виду настоящихъ усилій австрійскихъ законодателей и народныхъ представителей къ измѣненію многихъ изъ постановленій конкордата, такъ какъ на ней духовенство и клерикалы главнымъ образомъ основываютъ свое противодѣйствіе этимъ измѣненіямъ: въ означенной статьѣ

сказано, что всякія мѣры, касающіяся духовныхъ лицъ и дѣлъ, будутъ приниматься на будущее время согласно съ постановленіями церкви, при чемъ слѣдуетъ сообразоваться съ постановленіями настоящаго договора, утвержденными папскимъ правительствомъ.

Кромѣ этихъ 36 явныхъ статей, въ договорѣ, заключенныхъ между австрійскимъ и папскимъ правительствами, заключалось еще 19 секретныхъ статей, которыя въ началѣ не были обнародованы, и которыя стали извѣстны только въ 1856 году. Въ этихъ тайныхъ статьяхъ заключались слѣдующія важныя постановленія, касающіяся отношеній церкви къ дѣлу народнаго образованія, печати, и наконецъ объ агентахъ свѣтской власти. Въ первой секретной статьѣ сказано: «Его величество намѣренъ обратить всю свою заботливость на то, чтобы въ высшихъ школахъ наука преподавалась согласно съ чистымъ вѣроученіемъ. Многоразличная польза, которую наука приноситъ человѣчеству, стала омрачаться, въ особенности начиная съ XVIII столѣтія, многими лжеученіями, и благо человѣческаго общества требуетъ, чтобы свѣтъ истины разсѣялъ эти лжеученія. Его величество намѣренъ руководствоваться этими соображеніями при устройствѣ обученія въ высшихъ школахъ. Многія причины заставляютъ желать, чтобы епископы занимали должности канцлеровъ въ университетахъ; но въ случаѣ, если это окажется невозможнымъ, они все-таки должны имѣть особенное вліяніе на богословскіе факультеты, независимо отъ положенія канцлеровъ въ тѣхъ университетахъ, гдѣ эту должность будутъ занимать свѣтскіе люди».—Профессора каноническаго права въ университетахъ не могутъ быть опредѣлены къ этимъ должностямъ иначе, какъ если мѣстные епископы дадутъ имъ свидѣтельство въ томъ, что они тверды въ католическомъ вѣроученіи. Въ пештскій университетъ впредь могутъ быть назначаемы профессорами только лица, принадлежащія къ католическому вѣроисповѣданію, такъ какъ университетъ этотъ основанъ на деньги, пожертвованныя въ значительной мѣрѣ духовными лицами и учрежденіями. Статья 9-я секретныхъ статей договора особенно замѣчательна. «Уничтоженіе книгъ, вредныхъ для религіи и для доброй нравственности, должно составлять въ одно и тоже время задачу церкви и государства; поэтому е. в. императоръ съ своей стороны обратитъ все свое вниманіе на то, чтобы изгнать такія книги изъ предѣловъ государства. Онъ озаботится о томъ, чтобы существующіе уже законы, имѣющіе цѣлью обуздать излишества печати, примѣнялись съ достаточной строгостью, и чтобы въ точности исполнялись относящіяся къ этому предмету желанія епископовъ. Но при томъ слѣдуетъ поступать съ величайшей осторожностью, чтобы, вмѣсто поправленія дѣла, не испортить его. Въ большей части европейскихъ государствъ высшіе, образованные классы, и тѣ, которые имѣютъ притязанія на названіе людей науки,

одержимы болѣзнью, которая кроется очень глубоко, и можетъ быть излечена только искуснымъ и опытнымъ врачемъ. До 1848 года, въ Австріи примѣнялась предварительная цензура, и притомъ примѣнялась съ большою строгостью. Тѣ, которые въ то время желали прослыть либералами, жаловались на то, что защита, оказываемая государствомъ католической церкви, заходитъ за предѣлы справедливости; въ дѣйствительности же цензура, въ томъ видѣ, какъ она тогда существовала, была совершенно недостаточна для того, чтобы избѣжать зла или бороться противъ него. Предѣлы Австріи столь обширны, что всегда найдется возможность обмануть бдительность государственной власти. Такимъ образомъ, книгопродавцы всегда находили возможность провозить въ предѣлы Австріи запрещенныя книги; и чѣмъ строже было запрещеніе того или другого сочиненія, тѣмъ съ большею жадностью его искали и покупали, и тѣмъ дороже за него платили; это давало возможность тѣмъ, которые вели такого рода торговлю, платить безъ особеннаго затрудненія денежные штрафы, къ которымъ ихъ приговаривали; дѣло дошло до того, что иностранные книгопродавцы радовались, когда въ Австріи запрещалась изданная ими книга. Впрочемъ, все вышесказанное примѣняется не въ одинаковой степени ко всѣмъ провинціямъ имперіи. Такъ напр., въ Ломбардо-Венеціянской области легче исключать изъ обращенія вредныя книги, нежели въ нѣмецкихъ провинціяхъ, которыя граничатъ съ владѣніями столькихъ протестантскихъ государей, или также въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ число жителей—не-католиковъ особенно значительно». Наконецъ, въ 13-ой статьѣ секретнаго договора сказано было, что такъ какъ императоръ желаетъ строгаго поддержанія духовной дисциплины, то онъ всегда былъ и будетъ готовъ оказывать возможное содѣйствіе свѣтской власти при исполненіи приговоровъ епископовъ надъ подчиненными имъ духовными лицами; отъ епископовъ требуется только, чтобы, обращаясь къ этому содѣйствію, они представляли необходимыя объясненія. При разрѣшеніи подобнаго рода вопросовъ свѣтская власть будетъ пользоваться совѣтами особой коммиссіи, составленной изъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ.

Таковы были главныя постановленія этого замѣчательнаго договора, который останется навсегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ документовъ, — съ одной стороны, неумѣренности притязаній католическаго духовенства и умѣнья его пользоваться временными обстоятельствами для достиженія своей цѣли, съ другой стороны — близорукой угодливости свѣтской власти, искавшей въ усиленіи вліянія духовенства спасенія отъ революціонныхъ потрясеній. Заключеніе и обнародованіе этого договора, предававшаго всю умственную жизнь Австріи въ руки фанатическаго духовенства, произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе какъ въ австрійской имперіи, такъ и въ остальной Европѣ.

Въ Германіи заключеніе этого договора не могло не взволновать тѣхъ правительствъ, которыя имѣли значительное число католическихъ подданныхъ и въ особенности тѣхъ, которыя представляли смѣшанное католическое и протестантское населеніе. Они опасались, чтобы значительныя права, предоставленныя Австріей папскому правительству, не сдѣлали этого послѣдняго болѣе требовательнымъ въ сношеніяхъ его съ прочими нѣмецкими правителями. Наиболѣе робкіе изъ нихъ видѣли въ этомъ поступкѣ Австріи желаніе привлечь къ себѣ всѣхъ германскихъ католиковъ, и увеличить такимъ образомъ свое вліяніе въ Германіи. Въ Италіи, находившейся еще въ то время подъ австрійскимъ вліяніемъ, обнаружились тѣ же опасенія; и правительство тосканскаго великаго герцога поспѣшило предупредить опасность, отмѣнивъ законы великаго герцога Леопольда, сходныя съ законами изданными для Австріи братомъ его Іосифомъ, и издавъ постановленія, довольно близко подходившія къ постановленіямъ австрійскаго конкордата. Въ самой австрійской имперіи либеральныя партіи были поражены тѣмъ положеніемъ, въ которое конкордатъ ставилъ все населеніе Австріи. Но масса населенія въ то время отнеслась къ этому договору еще не слишкомъ враждебнымъ образомъ; причины тому слѣдуетъ искать съ одной стороны въ религіозномъ индифферентизмѣ, развитомъ довольно сильно въ большей части австрійскихъ провинцій (кромѣ Тироля); съ другой стороны, въ томъ, что большинство не поняло съ перваго раза всего значенія искусно формулированныхъ постановленій конкордата, и не предвидѣло того вліянія, которое они должны будутъ оказать на всю умственную и общественную жизнь Австріи.

Однако въ самомъ непродолжительномъ времени стали проявляться на практикѣ послѣдствія конкордата, обнаруживавшіяся въ стремленіи духовенства разрѣшать по своему различные вопросы въ общественной жизни, въ которыхъ до сихъ поръ не допускалось вліяніе его. Такъ напр., уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обнародованія конкордата, появилось правительственное распоряженіе, составленное въ духѣ этого договора, и запрещавшее самымъ строжайшимъ образомъ производить работу по воскресеньямъ и праздникамъ. Вскорѣ послѣ того духовенство нашло случай проявить свою исключительность въ другомъ вопросѣ — а именно въ вопросѣ о кладбищахъ. Со времени Іосифа II, т. е. еще съ 1783 года установлено было, что католики и протестанты должны быть погребаемы на общихъ кладбищахъ; какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ другихъ австрійскихъ городахъ, не было раздѣленія кладбищъ на католическія и протестантскія. Къ тому же въ Австріи кладбища не составляютъ собственности церкви, а принадлежатъ общинамъ. Поэтому право распоряжаться кладбищенскою землею, назначать такую-то часть ея для похоронъ католиковъ, а иную для

протестантовъ, во всякомъ случаѣ принадлежало бы общинамъ, а не духовенству. Несмотря на это безспорное право общинъ, вѣнскій архіепископъ, не посовѣтовавшись даже съ общиннымъ совѣтомъ, издалъ повелѣніе о томъ, чтобы впредь католики и протестанты погребаемы были на отдѣльныхъ кладбищахъ, и чтобы большое вѣнское кладбище, которое до сихъ поръ предназначалось безразлично для похоронъ католиковъ и протестантовъ, впредь было исключительно только католическимъ кладбищемъ. Это распоряженіе произвело сильное волненіе, какъ между протестантами, которые въ 70 лѣтъ уже успѣли отвыкнуть отъ подобныхъ актовъ нетерпимости, такъ и въ вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ, который усмотрѣлъ въ немъ посягновеніе духовенства на его несомнѣнныя права, утвержденныя за нимъ законами имперіи. Императоръ постарался успокоить это волненіе тѣмъ, что повелѣлъ выдать протестантскимъ общинамъ Австріи изъ государственныхъ средствъ необходимыя суммы для покупки земли подъ протестантскія кладбища. Но все-таки та нетерпимость, которую выказало въ настоящемъ случаѣ католическое духовенство по отношенію къ вѣроисповѣданію, къ которому принадлежатъ милліоны австрійскихъ подданныхъ, тысячи чиновниковъ, сотни генераловъ и высшихъ офицеровъ, даже министры и члены высшихъ государственныхъ учрежденій— эта нетерпимость произвела въ высшей степени неблагопріятное впечатлѣніе въ австрійскомъ обществѣ, и показала ему, чего оно можетъ ожидать отъ сдѣлавшагося теперь всесильнымъ католическаго духовенства.

Одна изъ главныхъ цѣлей, которую преслѣдовало духовенство при заключеніи конкордата, заключалась, какъ мы видѣли, въ томъ, чтобы подчинить себѣ народное образованіе. Понятно, что на этомъ поприщѣ необходимо должны были произойти столкновенія между духовенствомъ и противниками вліянія его въ дѣлѣ образованія. Такъ напр., въ 1857 году предполагалось устроить въ Австріи очень полезное учрежденіе — коммерческое училище. Но духовенство нашло нужнымъ выказать сильную оппозицію учрежденію этого училища, полагая, вѣроятно, что занятіе коммерческими науками ведетъ прямой дорогой къ безвѣрію. Неосновательность этой оппозиціи была столь очевидна, что даже тогдашнее австрійское правительство, даже такіе клерикалы, какъ Бахъ и графъ Тунъ, нашли притязаніе духовенства неумѣстнымъ. Но не рѣшаясь прямо отклонить вліяніе его въ этомъ дѣлѣ, опасаясь нарушить этимъ букву конкордата, они стали изыскивать средства къ тому, чтобы обойти препятствія, полагаемыя духовенствомъ учрежденію этого училища: наконецъ, они рѣшились не приравнивать новаго училища къ низшимъ или среднимъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ, на основаніи 7-ой статьи конкордата, наставники и учителя должны исключительно назначаться изъ лицъ

католическаго исповѣданія, и которыя подчинены непосредственному вліянію духовенства; они постановили возвести это училище на степень академіи, и предоставить такимъ образомъ учредителямъ его право прибѣгать къ содѣйствію профессоровъ и наставниковъ, не принадлежащихъ къ одному только католическому исповѣданію.

Всѣ министерства, смѣнявшія въ Австріи послѣ 1859-го года министерство Баха и Туна, не рѣшались коснуться этого важнаго, существеннаго для развитія Австріи вопроса, и произвести въ немъ сколько-нибудь радикальныхъ измѣненій. Ни аристократическій Голуховскій, ни либеральный Шмерлингъ, ни консервативный Белькреди не хотѣли или не могли рѣшиться произвести какія бы то ни было измѣненія въ гибельныхъ для умственной жизни Австріи постановленіяхъ конкордата. Вниманіе народныхъ представителей въ центральныхъ и мѣстныхъ представительныхъ собраніяхъ было обращено во все это время главнымъ образомъ на борьбу различныхъ національностей и партій, на борьбу автономистовъ и федералистовъ съ централистами, на борьбу неокрѣпнувшихъ еще конституціонныхъ учрежденій противъ самовластія администраціи, на опредѣленія отношеній Венгріи къ Австріи, на финансовыя затрудненія и пр. и пр. Все это лишало представителей общественнаго мнѣнія возможности устремить свои силы на борьбу противъ конкордата, защищаемаго двумя столь могущественными сторонниками, какъ духовенство и державшее покуда во всемъ его сторону правительство. Въ 1861 году, коммиссіей палаты былъ, правда, выработанъ проектъ закона, отмѣнявшій многія изъ постановленій конкордата; но проектъ этотъ такъ и остался проектомъ и не перешелъ даже на разсмотрѣніе общаго собранія рейхсрата; а постановленія конкордата продолжали процвѣтать въ Австріи, не смотря на то, что другихъ сферъ общественной и политической жизни страны давно уже коснулся духъ реформъ, хотя, правда, реформъ подъ-часъ робкихъ, нерѣшительныхъ, непрактическихъ.

Однако съ самаго заключенія конкордата, въ Австріи не переставали раздаваться голоса, указывавшіе на противорѣчія, существующія между конкордатомъ и требованіями новѣйшей цивилизаціи. Когда вступило въ управленіе настоящее министерство, и возобновилась прерванная на полтора года дѣятельность представительныхъ собраній въ Австріи, эти народныя чувства и желанія нашли себѣ выраженія въ этихъ собраніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно было засѣданіе нижней палаты австрійскаго рейхсрата 20-го іюля нынѣшняго года. Обѣ стороны, т. е. противники и защитники конкордата, въ первый разъ помѣрялись силами, въ первый разъ открыто высказали свои желанія и намѣренія, и познакомились со средствами защиты своихъ непріятелей. Это было первое значительное дѣло, которымъ началась упорная и въ высшей степени интересная борьба за

и противъ конкордата, борьба, которая съ тѣхъ поръ ведется безъ перерыва, но съ перемѣннымъ счастіемъ, и которая не окончилась еще и до этой минуты.

Въ этомъ засѣданіи однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ либеральнаго, нѣмецкаго большинства палаты, депутатомъ Гербстомъ, внесено было предложеніе объ измѣненіи тѣхъ постановленій конкордата, которыя касаются отношеній церкви къ школѣ, вліянія духовенства на брачныя дѣла, отношеній различныхъ вѣроисповѣданій между собою, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ постановленій конкордата, противъ которыхъ наиболѣе возставало общественное мнѣніе. Но эти предложенія показались слишкомъ умѣренными депутату Мюльфельду, который съ тѣхъ поръ принялъ на себя какъ бы главное начальство надъ противниками конкордата, и ведетъ борьбу противъ притязаній духовенства съ неутомимой энергіей и съ большимъ искусствомъ. Въ рѣчи, произнесенной въ отвѣтъ на предложенія Гербста, онъ объявилъ, что никоимъ образомъ не можетъ согласиться на его предложенія, потому что онъ съ своей стороны считаетъ необходимымъ требовать радикальнаго пересмотра всего конкордата. Онъ доказывалъ, что частныя измѣненія недостаточны, и что необходимо вырвать зло съ корнемъ; что же касается до увѣренія, будто частныя измѣненія должны быть признаны болѣе практичными, нежели измѣненія радикальныя, то Мюльфельдъ рѣшительно возставалъ противъ такого мнѣнія, такъ какъ папское правительство, въ своемъ ослѣпленіи и непреклонномъ упорствѣ, окажетъ въ обоихъ случаяхъ одинаковое сопротивленіе, и создастъ одинаковыя затрудненія австрійскому законодательству (событія дѣйствительно вполнѣ оправдали это предсказаніе). Со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ партій въ палатѣ стали раздаваться голоса, высказывавшіеся въ пользу пересмотра конкордата. Но такъ какъ въ то время упорство духовенства и клеветы клерикаловъ противъ лицъ, выражавшихъ самыя умѣренныя требованія реформъ конкордата, еще не довели озлобленія въ общественномъ мнѣніи до той степени, до которой оно дошло впослѣдствіи, то во время тогдашнихъ преній, умѣренное предложеніе Гербста находило болѣе сторонниковъ, нежели болѣе радикальное предложеніе Мюльфельда. Особенное вниманіе обратила на себя рѣчь ревностнаго католика, считавшагося даже клерикаломъ, барона Пратобевера. Этотъ депутатъ началъ свою рѣчь съ заявленія, что онъ католикъ, и притомъ ревностный католикъ. «Не смотря на это, или, лучше сказать, именно поэтому, говорилъ онъ, я высказываюсь въ пользу предложенія Гербста». Онъ требовалъ полной вѣротерпимости и свободы вѣроисповѣданій, ссылаясь при этомъ на сочиненіе графа Монталамбера «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ», и на сочиненіе епископа Кеттлера «Германія послѣ войны 1866 года». Онъ окончилъ свою

рѣчь слѣдующими словами, вызвавшими громкія рукоплесканія въ палатѣ и на галлереяхъ, занятыхъ публикой: «Мы должны открыто и прямо стремиться къ пріобрѣтенію того, что необходимо обществу, если мы желаемъ, чтобы Австрія — бѣдная Австрія, разорванная и истекающая кровью изъ тысячи ранъ, избавилась навсегда отъ той язвы, которая называется религіознымъ раздоромъ». Депутатъ Гленицеръ тоже говоритъ отъ имени зальцбургскихъ католиковъ, что католицизмъ можетъ существовать безъ конкордата. Протестантскій пасторъ Шнейдеръ объявилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ принципами, изложенными Мюльфельдомъ, но предложеніе Гербста кажется ему въ настоящее время болѣе практическимъ, и поэтому австрійскіе протестанты привѣтствовали бы принятіе его предложенія, какъ первый шагъ къ удовлетворенію важнѣйшихъ, священнѣйшихъ интересовъ своихъ.

Сторонники отмѣны, или по крайней мѣрѣ пересмотра конкордата, высказывались въ австрійскомъ рейхсратѣ вообще въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Но не менѣе были энергичны хотя и немногіе голоса, пытавшіеся отразить опасность, угрожавшую конкордату, этому любимому учрежденію клерикаловъ. Глава клерикаловъ, въ рейхсратѣ, патеръ Грейтеръ, увѣрялъ, что равноправность вѣроисповѣданій равносильна съ уничтоженіемъ католической религіи, что она представляетъ собою несправедливость относительно католиковъ. Эти слова вызвали такія шумныя заявленія негодованія, что президентъ долженъ былъ просить палату не прерывать оратора. П. Грейтеръ старался далѣе доказать, что предложенія Гербста противны догматамъ католической церкви; онъ увѣрялъ, что національныя симпатіи склоняются на сторону церкви, и что онѣ возрастутъ еще болѣе, если церкви прійдется бороться за свое существованіе. Изъ рѣчи, произнесенной въ томъ же засѣданіи палаты управляющимъ министерствомъ духовныхъ дѣлъ, министромъ юстиціи Гіэ, видно, что правительство въ то время еще далеко было отъ мысли разрѣшить предстоящій вопросъ законодательнымъ путемъ, и что оно еще надѣялось удовлетворить населенія Австріи кое-какими уступками въ мелочахъ, сдѣланными съ согласія папскаго правительства. Палата однако же не убѣдилась доводами министра. Послѣ рѣчи докладчика своего, Штурма, который предостерегалъ правительство противъ принциповъ, изложенныхъ въ папскомъ «Силлабусѣ», и предлагалъ палатѣ принять предложенія Гербста, она отклонила тенденціи депутата Іегера (требовавшаго, чтобы палата отложила разсмотрѣніе предложеній Гербста до внесенія правительственныхъ предложеній), и приняла предложенія Гербста огромнымъ большинствомъ 134 голосовъ противъ 22. Уже въ то время агитація противъ конкордата находила себѣ сильную поддержку во всемъ австрійскомъ населеніи, въ отдѣльныхъ провинціяхъ, въ город-

скихъ и сельскихъ общинахъ, присылавшихъ вѣнскому правительству многочисленные адресы съ просьбой объ его отмѣнѣ.

Австрійское духовенство, преимущественно высшее, сочло невозможнымъ оставаться нѣмымъ и безучастнымъ зрителемъ этого движенія. Еще въ палатѣ депутатовъ, во время преній о предложеніи Гербста, клерикальные ораторы доказывали, какъ мы видѣли, что равноправность вѣроисповѣданій равносильна уничтоженію католической религіи, и противна догматамъ католической церкви. Гораздо болѣе рѣзкимъ образомъ австрійское духовенство отнеслось къ попыткамъ отмѣнить или измѣнить конкордатъ въ засѣданіяхъ католическаго конгресса, происходившаго въ августѣ мѣсяцѣ въ Инспрукѣ. Но все это были только незначительныя, передовыя стычки между защитниками и противниками конкордата. Генеральное сраженіе началось между ними только тогда, когда высшее австрійское духовенство, руководимое умнымъ, но отличающимся нетерпимостью своей вѣнскимъ кардиналомъ-архіепископомъ Раушеромъ, сдѣлало отчаянную попытку нанести рѣшительный ударъ противникамъ конкордата.

Австрійскіе епископы очень хорошо понимаютъ, что конкордатъ, какъ результатъ абсолютистской системы, можетъ существовать только при существованіи этой системы; они понятнымъ образомъ видятъ въ конституціонныхъ учрежденіяхъ, въ народномъ представительствѣ, въ провинціальномъ и общинномъ самоуправленіи главныхъ противниковъ своего вліянія, помѣху къ безусловному господству своему. Они поэтому поступаютъ весьма логично, стараясь совершенно уничтожить нынѣшніе, слабые зачатки конституціонной свободы въ Австріи. Вспомнивъ о томъ, какую преданность нынѣшній австрійскій императоръ постоянно оказывалъ католической церкви, они рѣшились обратиться прямо въ нему съ представленіями о тѣхъ опасностяхъ, которыми настоящее направленіе угрожаетъ не только церкви, но и государству, семьѣ, общественной нравственности, словомъ всему, что есть святого для человѣка. Они задумали обойти окольными путями барона Бейста и всѣхъ противниковъ конкордата. Съ этою цѣлью австрійскіе епископы собрались въ Вѣну въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года для какихъ-то таинственныхъ совѣщаній, содержаніе и цѣль которыхъ долгое время оставались глубокою тайной. Наконецъ на страницахъ органа клерикальной партіи, газеты «Volksfreund», появился адресъ къ императору, подписанный 25-ью епископами западной половины имперіи — ни одинъ венгерскій епископъ не принялъ участія въ этой демонстраціи — и содержащій въ себѣ изложеніе всѣхъ жалобъ и желаній высшаго духовенства въ Австріи. При обширности этого любопытнаго документа ограничимся краткимъ изложеніемъ содержанія его, и приведемъ цѣликомъ одни наиболѣе любопытныя мѣста.

Адресъ начинается слѣдующимъ обращеніемъ къ императору:

«Всемилостивѣйшій Государь! Австрія стоитъ въ виду вопросовъ, счастливое разрѣшеніе которыхъ представляется дѣломъ первостепенной важности, и которое не можетъ быть далѣе отсрочено. Дѣло идетъ о соглашеніи между отдѣльными частями имперіи, безъ котораго существованіе цѣлой имперіи подвергалось бы немалымъ опасностямъ. Дѣло идетъ объ устраненіи финансовыхъ затрудненій, которое одно только можетъ доставить имперіи необходимыя средства для существованія и спасти народное благосостояніе отъ важныхъ матеріальныхъ бѣдствій. Однимъ словомъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы крайне нуждаемся въ согласіи, и что слѣдуетъ избѣгать всякихъ поводовъ къ размолвкамъ и несогласіямъ. И не смотря на то въ Австріи находятся люди, которые желаютъ воспользоваться настоящими затрудненіями, для того чтобы сдѣлать цѣлью своихъ нападеній религію, которую исповѣдуетъ ваше величество, весь вашъ августѣйшій домъ, и большинство вашихъ подданныхъ».

Послѣ такого вступленія, епископы переходятъ къ происхожденію слова «конкордатъ», и доказываютъ, что слово это очень стариннаго происхожденія, но что понятіе, скрывающееся подъ нимъ, еще старинѣе. Затѣмъ мы находимъ въ адресѣ нижеслѣдующее изложеніе связи, существующей между «агитаціей противъ конкордата и олицетворенной революціей»:

«Конкордатъ постигла та же участь — сказано въ адресѣ — которая постигаетъ всѣ важнѣйшіе договоры, всѣ важнѣйшія государственныя мѣры: далеко не всѣ остались довольны содержаніемъ его. Но до послѣдняго времени никому не приходило въ голову сдѣлать предметомъ агитаціи старинное, ни въ чемъ неповинное слово «конкордатъ». Когда сардинскій король Карлъ Альбертъ задумалъ воспользоваться внутренними затрудненіями Австріи для осуществленія давнишнихъ плановъ своихъ, то онъ между прочимъ старался оправдать нарушеніе мира тѣмъ, что въ Австріи католическая церковь страдаетъ подъ гнетомъ позорнаго ига, и что освободить ее, значитъ совершить благородное, святое дѣло. Когда въ 1855 году появился конкордатъ, руководители итальянской революціи очень хорошо поняли все значеніе его: они увидѣли, что у нихъ отняли изъ рукъ орудіе, которымъ они до сихъ поръ усердно пользовались. Но какъ артисты въ дѣлѣ революціонныхъ происковъ, они сдѣлали быстрый поворотъ въ другую сторону, и стали всячески позорить конкордатъ и набрасывать на него тѣнь подозрѣнія. Они стали внушать извѣстной части австрійскаго населенія, что всякій, кто хвалитъ конкордатъ, не можетъ быть признанъ австрійскимъ патріотомъ, и содѣйствуетъ угнетенію своей родины. Когда въ 1857 году въ Бельгіи открытые враги христіанской религіи восторжествовали надъ правительствомъ и законными представителями народа, союзники ихъ въ Германіи пріободрились: они взяли себѣ за образецъ мацциниствъ, и сдѣлали во имя либерализма воззваніе къ востанію противъ конкордата, какъ тѣ, во имя патріотизма, взывали къ возстанію противъ законныхъ правительствъ. Однако эти голоса были еще слабы и одиночны, когда наступилъ съ своими затрудненіями 1859-й годъ. Значительное большинство нѣмцевъ поняло совершенно вѣрно, что честь, долгъ, благоразуміе не дозволяли германскимъ государствамъ покинуть Австрію въ предстоящей борьбѣ. Предводители политической и общественной революціи только отчасти раздѣляли эти взгляды; но они съ полнымъ единодушіемъ старались эксплуатировать въ свою пользу тогдашнее настроеніе общественнаго мнѣнія, и громко требовали, въ награду за благосклонность свою, которая не проявилась однакоже на дѣлѣ, чтобы Австрія преобразовала свои учрежденія, а главнымъ образомъ существовавшія въ ней отношенія государства къ религіи и къ нравственности, сообразно съ предписаніями извѣстныхъ германскихъ газетъ, обществъ и

союзовъ. Именно въ то время слово «конкордатъ» было причислено къ тѣмъ лозунгамъ, позади которыхъ скрывается цѣлая система. Предводители революціи вовсе не требуютъ того, чтобы всякій знакомъ былъ съ этой системой. Напротивъ, сообразно съ обстоятельствами, они стараются затемнить ее, или даже нагло отрицаютъ ее. Но они приглашаютъ всякаго, кто не желаетъ считаться отсталымъ, чтобы онъ повторялъ эти лозунги безъ всякихъ разсужденій, или по крайней мѣрѣ воздерживался бы отъ всякаго противорѣчія. Могло бы казаться, что уловки, къ которымъ они прибѣгаютъ, давно уже утратили свою силу; но опытъ показываетъ намъ совершенно противуположное тому. Нижеподписавшіеся архіепископы и епископы постоянно старались противодѣйствовать по возможности искаженію истины, столь нагло производимому означенною революціонной партіей. Настоящее положеніе дѣлъ побуждаетъ ихъ обратиться съ совокупнымъ представленіемъ къ вашему величеству».

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ требованій противниковъ конкордата, епископы увѣряютъ, что люди, желающіе ограничить вліяніе духовенства въ брачныхъ дѣлахъ, имѣютъ исключительно только въ виду внести безнравственность въ семейную жизнь и ослабить всѣ семейныя связи. Но съ особеннымъ негодованіемъ относятся они къ мысли объ изъятіи школъ изъ подъ вліянія духовенства. «Либералы, жалующіеся на современное устройство школъ — говорятъ они въ своемъ адресѣ — вовсе не имѣютъ въ виду улучшенія народнаго образованія: они желаютъ только подкопаться подъ основанія религіи и нравственности, распространить въ школахъ безвѣріе, воспитать поколѣніе атеистовъ, которые будутъ насмѣхаться надъ всѣмъ святымъ и возвышеннымъ». Наконецъ, епископы заключаютъ свой адресъ слѣдующими словами:

«Нѣтъ ни одной страны, кромѣ Италіи, гдѣ бы священнѣйшія блага человѣчества такъ беззащитно подвергались такимъ безстыднымъ нападеніямъ какъ въ Австріи; законъ потерялъ всякую силу.... Но въ пространныхъ земляхъ, въ которыхъ нижеподписавшіеся исполняютъ пастырскія обязанности, христіанскія убѣжденія остались неприкосновенными въ сердцахъ большинства; число католиковъ, вѣра которыхъ поколебалась, сравнительно очень незначительно, и въ числѣ ихъ мы находимъ еще менѣе такихъ, для которыхъ отреченіе отъ христіанства не являлось бы чѣмъ-то немыслимымъ. Несмотря на то, мы почти ежедневно присутствуемъ при демонстраціяхъ, внушенныхъ непріязнью къ церкви и къ христіанству. Тѣ, которые прибѣгаютъ къ этимъ демонстраціямъ, не заслуживаютъ названія христіанъ, а тѣмъ менѣе католиковъ; они находятъ, вопреки закону, полную возможность пользоваться всякимъ, даже самымъ позорнымъ средствомъ для того, чтобы обманывать и ослѣплять легковѣрныхъ. Наше время вообще не отличается глубиною мысли и самостоятельностью въ убѣжденіяхъ; недостатокъ нравственнаго мужества открываетъ широкое поприще дѣятельности для ложнаго стыда. Этимъ и объясняются временные успѣхи искусно организованной агитаціи. Но подобныя вліянія не въ состояніи бываютъ создать что-либо прочное и благотворное. Все, что они приносятъ съ собою, имѣетъ характеръ скоро-преходящаго — это не подлежитъ сомнѣнію; но нельзя предвидѣть размѣра того разрушенія, которое они оставятъ за собою. Пользуясь настоящими обстоятельствами, враги церкви объявляютъ войну христіанской школѣ и христіанскому браку. Поэтому ни для кого болѣе не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что собственно означаютъ вопли, подпимаемые противъ конкордата. Они означаютъ: мы

желаемъ брака, лишеннаго священнаго характера и прочности; мы желаемъ школы, лишенной серьезныхъ нравственныхъ и религіозныхъ основъ. Но тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, составляютъ самую незначительную часть населенія; симпатіи большинства населенія стоятъ на сторонѣ конкордата. Нижеподписавшіеся сознаютъ, что, защищая права церкви, они защищаютъ Бога, престолъ и интересы народа; они повергаютъ свое дѣло, справедливость котораго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, на благоусмотрѣніе вашего величества, въ полной надеждѣ, что обращено будетъ должное вниманіе на это дѣло первостепенной важности».

Австрійскіе епископы, рѣшившись подать императору этотъ адресъ, въ которомъ они столь рѣшительно отказывались отъ всякихъ сдѣлокъ и соглашеній, отъ всякихъ самомалѣйшихъ уступокъ, играли весьма рискованную игру. Они прямо и откровенно выступали впередъ съ девизомъ: все или ничего. Однимъ словомъ, духовенство открыто заявило своимъ адресомъ, что примиреніе между нимъ и конституціонализмомъ, о которомъ иные еще позволяли себѣ мечтать, стало дѣломъ невозможнымъ, и что для Австріи впредь возможны только два исхода — или полное освобожденіе отъ вліянія католическаго духовенства, или полное торжество клерикальной реакціи.

Невозможно предвидѣть на чью сторону склонится окончательная побѣда. Какъ бы велики ни были вѣроятности успѣха для противниковъ конкордата, однако при томъ вліяніи, какимъ пользуется при австрійскомъ дворѣ аристократически-клерикальная партія, нельзя ручаться за то, чтобы даже въ послѣднюю минуту не произошелъ благопріятный для этой партіи поворотъ въ дѣлахъ. Но въ томъ видѣ, въ какомъ стоятъ дѣла въ настоящее время, нельзя не признать, что епископы, тѣмъ адресомъ, принесли скорѣе вредъ, нежели пользу своему дѣлу. Такъ между прочимъ, одна изъ главныхъ цѣлей заключалась въ томъ, чтобы поколебать положеніе барона Бейста, котораго австрійскіе епископы ненавидятъ во-первыхъ за то, что онъ протестантъ, во-вторыхъ за то, что онъ конституціоналистъ. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ эту ненависть католическаго духовенства противъ Бейста ничто не оправдывало. Новый австрійскій канцлеръ не только не выказывалъ никакого желанія ограничить во что бы то ни стало права католическаго духовенства и главы католической церкви, но онъ даже старался обуздывать по возможности направленныя къ этой цѣли стремленія народныхъ представителей, чѣмъ онъ даже навлекъ на себя нерасположеніе австрійскихъ либераловъ, угрожавшихъ лишить правительство своей поддержки въ случаѣ, если правительство не рѣшитъ этого важнаго вопроса сообразно съ ихъ желаніями. Но смѣлое нападеніе, произведенное епископами на всѣхъ, даже самыхъ умѣренныхъ противниковъ конкордата, заставило барона Бейста выйти изъ прежняго нерѣшительнаго и неопредѣленнаго положенія относительно этого вопроса. Увидѣвъ, что онъ отовсюду подвергается нападеніямъ, что духовенство открыто дѣлаетъ попытки для низвер-

женія, а либеральная партія обвиняетъ его въ трусости, и готова отказать ему въ своей поддержкѣ въ важнѣйшихъ вопросахъ переустройства Австріи, баронъ Бейстъ обратился къ императору съ изложеніемъ настоящаго положенія дѣла, и указалъ ему на тѣ опасности, которыя угрожаютъ соглашенію съ Венгріей и вообще предпринятому австрійскимъ правительствомъ внутреннему преобразованію имперіи, въ случаѣ, если либеральное большинство отшатнется отъ правительства, выдавшаго его головой католическому духовенству. Баронъ Бейстъ самъ ясно увидѣлъ и съумѣлъ разъяснить императору, что правительству нечего надѣяться на сдѣлки и компромиссы, на которыя оно не переставало доселѣ разсчитывать. Адресъ епископовъ поставилъ правительство въ необходимость выбрать одно изъ двухъ: или смѣло вступить въ борьбу съ духовенствомъ, не желавшимъ сдѣлокъ, или же отказаться отъ своихъ принциповъ, отъ надежды на переустройство Австріи: другого исхода нѣтъ. Правительство, повидимому, дѣйствительно рѣшилось поднять перчатку, брошенную ему высшимъ духовенствомъ, и опираясь на общественное мнѣніе, вступить въ борьбу съ надменнымъ соперникомъ. Императоръ въ рескриптѣ къ кардиналу-архіепископу Раушеру сдѣлалъ ему и всему высшему духовенству выговоръ за излишнее рвеніе его, и за попытку вмѣшательства въ законодательную дѣятельность правительства; къ великой радости огромнаго большинства австрійскаго населенія, онъ объявилъ, что ничто не заставитъ его отступить въ важномъ вопросѣ о конкордатѣ отъ обязанностей конституціоннаго государя. Баронъ Бейстъ высказалъ въ палатѣ, что правительство дѣйствительно хотѣло дать кардиналу Раушеру полномочіе на веденіе переговоровъ съ Римомъ объ измѣненіи конкордата, но что послѣднія событія заставили его отказаться отъ этого намѣренія. Онъ заявилъ далѣе, что правительство намѣрено еще сдѣлать послѣднюю попытку склонить папское правительство къ уступкамъ и къ согласію на произведеніе нѣкоторыхъ измѣненій въ конкордатѣ; но что, въ случаѣ упорнаго противодѣйствія духовенства, оно намѣрено обойтись и безъ его согласія, и приступить къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ объ отношеніи церкви къ государству путемъ внутренняго законодательства, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Увѣряютъ даже, будто баронъ Бейстъ въ частныхъ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ членовъ палаты пошелъ еще далѣе, и объявилъ, что онъ твердо рѣшился въ вопросѣ о конкордатѣ побѣдить или пасть вмѣстѣ съ либеральнымъ большинствомъ палатъ и австрійской интеллигенціи. Рѣзкій поворотъ въ намѣреніяхъ правительства относительно конкордата замѣтенъ также въ томъ, что оно устранило отъ веденія переговоровъ по этому предмету не только кардинала Раушера, но и бывшаго представителя своего въ Римѣ, барона Гюбнера, извѣстнаго своими клерикальными наклонностями. Еще

за нѣсколько недѣль до обнародованія адреса епископовъ, баронъ Гюбнеръ возвратился изъ Вѣны въ Римъ съ новыми инструкціями отъ своего правительства на счетъ веденія переговоровъ съ римской куріею о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ конкордатѣ. Но послѣ того, какъ высшее католическое духовенство Австріи, дѣйствовавшее, конечно, съ согласія, и даже по внушенію римской куріи, объявило столь рѣшительнымъ образомъ войну всѣмъ противникамъ неприкосновенности конкордата, австрійское правительство нашло клерикала Гюбнера неспособнымъ къ веденію переговоровъ съ Римомъ, и онъ былъ отозванъ отъ должности австрійскаго посланника и уполномоченнаго. На его мѣсто назначенъ былъ дипломатъ вполнѣ преданный политикѣ барона Бейста, графъ Кривелли, которому и поручено веденіе переговоровъ о пересмотрѣ конкордата.

Но еще сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное адресомъ епископовъ на массу австрійскаго населенія, на все, что̀ есть въ Австріи свободно-мыслящаго и разсудительнаго. Неумѣренныя притязанія и дерзкія клеветы, содержащіяся въ адресѣ епископовъ, произвели взрывъ негодованія во всей Австріи, даже въ самыхъ умѣренныхъ кружкахъ, и немедленно стали обнаруживаться слѣды этого негодованія. Такъ между прочимъ, въ смирномъ, буржуазномъ вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ рѣшено было подать императору адресъ, въ отвѣтъ на адресъ епископовъ, протестовать въ этомъ адресѣ противъ ложныхъ увѣреній и клеветъ епископовъ, и высказаться въ пользу немедленной отмѣны всего конкордата. Во время преній объ этомъ адресѣ, всякая рѣзкая выходка противъ конкордата и духовенства вызывала самый шумный восторгъ между членами общиннаго совѣта, и на галлереяхъ, наполненныхъ публикой; всякая, самая скромная попытка, сказать нѣсколько словъ въ защиту адреса епископовъ, возбуждала бурю между всѣми присутствовавшими. Восторгъ членовъ совѣта и зрителей не зналъ предѣловъ, когда докладчикъ адреса, адвокатъ Граничъ, произнесъ въ концѣ своей рѣчи слѣдующія слова: «Мы никогда не допустимъ, чтобы листъ бумаги, скажу прямо—запачканный листъ бумаги, сталъ между нами и нашимъ императоромъ».

Палата тоже выступила теперь гораздо рѣшительнѣе въ вопросѣ о конкордатѣ, нежели то было, напримѣръ, лѣтомъ нынѣшняго года. Поэтому на сторонѣ Мюльфельда оказалось гораздо большее число голосовъ, когда онъ, вскорѣ послѣ обнародованія адреса епископовъ, повторилъ свое предложеніе о совершенной отмѣнѣ конкордата законодательнымъ путемъ. Въ засѣданіи нижней палаты рейхсрата 11-го октября, Мюльфельдъ внесъ слѣдующее предложеніе: 1) «Постановленія конкордата, изданнаго при неограниченномъ образѣ правленія въ видѣ государственнаго закона, должны быть отмѣнены закономъ, изданнымъ конституціоннымъ путемъ, съ тѣмъ, чтобы можно было освободить го-

сударство отъ вліянія церкви. 2) Неотъемлемое право свободы обученія не можетъ быть отмѣнено, или поставлено въ зависимость отъ религіозной общины. 3) Законодательство имперіи должно проложить провинціальнымъ сеймамъ конституціонный путь, по которому они могли бы прійти къ принятію необходимыхъ мѣръ для организаціи общественнаго образованія въ различныхъ провинціяхъ имперіи сообразно съ потребностями населенія». Представляя это предложеніе, депутатъ Мюльфельдъ произнесъ замѣчательную рѣчь, которая постоянно прерывалась громкими знаками одобренія, не только со стороны присутствующихъ членовъ палаты, но и со стороны публики, присутствовавшей на галлереяхъ. «Конкордатъ вовсе не нуженъ для католической религіи, говорилъ между прочимъ Мюльфельдъ. Она проложила себѣ путь безъ конкордата, а если бы дѣйствительно была правда, что нынѣ нельзя уже поддержать католической религіи безъ помощи конкордата, то она поистинѣ была бы достойна сожалѣнія. Христіанство основано на великихъ принципахъ любви къ Богу и къ ближнему; неужели кто нибудь захочетъ замѣнить эти великія начала какими-то конвенціями и договорами? Нѣтъ, христіанство не нуждается ни въ какихъ конкордатахъ. Оно должно корениться въ душахъ и сердцахъ людей: а если этого нѣтъ, то тому не поможетъ никакой юридическій договоръ, который не въ состояніи снова зажечь въ сердцахъ людей угасшую вѣру».... «Что же касается до языка, который епископы употребляютъ въ своемъ адресѣ—говорилъ далѣе Мюльфельдъ—то епископы, хотя они и называютъ себя преемниками апостоловъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отступили въ немъ отъ апостольскихъ постановленій; если бы они помнили волю апостоловъ, то они говорили бы совершенно иначе въ своемъ адресѣ. Тогда съ ихъ стороны раздавался бы только плачъ и жалобы, между тѣмъ какъ въ адресѣ мы находимъ только брань и клеветы, что совершенно противно христіанскимъ принципамъ. Въ адресѣ мы замѣчаемъ еще другую особенность: онъ исполненъ лицемѣрія и лести. Да, я повторяю: лицемѣрія и лести! Авторы его желаютъ обмануть императора, и увѣрить его, будто конкордатъ не только не отнялъ у него никакихъ правъ, но даже еще поддержалъ принадлежащія ему права. Это басня, это неправда, это—наглая ложь. Напротивъ, конкордатомъ у главы государства отняты такія права, которыя онъ даже не имѣлъ права отдавать». Палата, которая еще три мѣсяца тому назадъ вовсе не хотѣла обращаться къ разсмотрѣнію предложенія Мюльфельда о совершенной отмѣнѣ конкордата, постановила теперь огромнымъ большинствомъ голосовъ, передать его на разсмотрѣніе отдѣльной коммиссіи. А двѣ недѣли спустя, палатою приняты были проекты законовъ, совершенно освобождающіе школы отъ опеки церкви, и значительно ограничивающіе вліяніе духовенства на брачныя дѣла. Теперь эти проекты перешли на разсмотрѣніе верхней палаты,

гдѣ они встрѣчаютъ, конечно, сильное сопротивленіе, при чемъ однако-же правительство склоняется, повидимому, на сторону тѣхъ, которые желаютъ утвержденія этихъ законовъ.

Въ такомъ видѣ находится въ настоящее время важный законъ о пересмотрѣ или отмѣнѣ конкордата въ Австріи. Рѣшительное, генеральное сраженіе между защитниками и противниками его началось теперь на всей линіи. Австрія, повторяемъ,—страна неожиданныхъ рѣшеній; вопросъ о судьбахъ австрійскаго конкордата много зависитъ также и оттого, чѣмъ кончится римское дѣло. Но тѣмъ не менѣе, послѣднія пренія въ Австріи и общественное настроеніе доказываютъ, что старое время прошло безвозвратно: вопросъ о конкордатѣ можно отложить, хотя и то съ величайшимъ трудомъ, — но не уничтожить. Средневѣковая теорія о необходимости и пользѣ поручать народное просвѣщеніе исключительно духовенству умираетъ даже на своей родинѣ—католической Европѣ, гдѣ, справедливость требуетъ признать, духовенство само стоитъ на высокой степени образованія. Западная Европа, слѣдовательно, пришла къ убѣжденію, что ея духовенство, даже и при его высокомъ развитіи, не можетъ быть годнымъ орудіемъ для распространенія образованности въ народѣ. Мы привели выше адрессъ кардинала Раушера, написанный имъ въ защиту необходимости сохранить за духовенствомъ привилегію народнаго образованія—но это скорѣе обвинительный актъ противъ такихъ притязаній. Впрочемъ, клерикалы, гдѣ бы они ни являлись, вездѣ будутъ кричать и повторять слова Раушера, что «противники ихъ не имѣютъ въ виду улучшенія народнаго образованія, что они желаютъ только подкопаться подъ основанія религіи и нравственности, распространить въ школахъ безвѣріе, воспитать поколѣніе атеистовъ» и т. п. На бѣду клерикаламъ, даже и въ ихъ обѣтованной землѣ, какою была Австрія, уже заподозрѣли истину такихъ доводовъ и усмотрѣли волка подъ овечьей шкурой; клерикаламъ, если конкордатъ уничтожатъ, придется искать себѣ новыхъ убѣжищъ. Вотъ почему вопросъ объ австрійскомъ конкордатѣ болѣе чѣмъ вопросъ австрійскій; какъ онъ кончится въ Австріи—это пусть интересуетъ австрійскихъ публицистовъ; но въ этомъ дѣлѣ есть и общій интересъ: защитники теоріи народнаго образованія, поддерживаемой конкордатомъ, если имъ и удастся снова спасти это покушеніе на умственную и нравственную жизнь народовъ, еще не отвѣтятъ тѣмъ на возраженія своихъ противниковъ и не избавятся отъ будущаго суда исторіи. W.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПО ПОВОДУ ДѢЛА ОБЪ А. П. ПЕЩУРОВѢ.

(Письмо въ Редакцію).

Господинъ Редакторъ!

Въ III-мъ томѣ издаваемаго вами журнала «Вѣстникъ Европы», за настоящій годъ, помѣщено нѣсколько главъ изъ «Воспоминаній В. И. Панаева». Разсказывая о своемъ поступленіи на службу въ департаментъ министерства юстиціи, онъ, какъ бы въ отплату за неласковый пріемъ, сдѣланный ему при этомъ нашимъ отцомъ, Алексѣемъ Петровичемъ Пещуровымъ, изложилъ его монографію. По словамъ г. Панаева, Пещуровъ былъ низкаго происхожденія и не смотря на свои замѣчательныя способности и завидную служебную карьеру, окончилъ ее плохо, а именно: «былъ обличенъ по какому-то дѣлу во взяткахъ, отставленъ по высочайшему повелѣнію отъ службы, послѣ чего прожилъ не долго». Всѣ эти свѣдѣнія не важны и суть не болѣе какъ незрѣлые плоды фантазіи г. Панаева, оскорбительные для насъ и набрасывающіе пятно на память человѣка, пользовавшагося всегда добрымъ именемъ и уваженіемъ не только одиночныхъ лицъ, но и общества, въ средѣ котораго онъ дѣйствовалъ. Прежде изложенія фактовъ, на коихъ основано наше опроверженіе, не лишнимъ будетъ предложить вопросъ, на сколько вообще воспоминанія г. Панаева можно признать за достовѣрныя? Онъ ихъ писалъ не по дневнику или своевременно веденнымъ запискамъ, а въ минуты вдохновенія, въ 1858 и 1859 г., т. е. почти шестьдесятъ лѣтъ послѣ описываемаго имъ времени? Такъ онъ пишетъ, между прочимъ, что родился 6 ноября 1792 г., и имѣя отъ роду 11 лѣтъ присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ въ Казанскомъ народномъ училищѣ, гдѣ видѣлъ въ первый разъ на-

шего отца, успѣвшаго, будто бы, къ окончанію курса ученія получить чинъ и отправлявшагося на службу въ Петербургъ. Слѣдовательно, этотъ экзаменъ происходилъ въ 1803 г. Но въ этомъ году нашъ отецъ находился уже на службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи и имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника; первый же классный чинъ онъ получилъ 20 февраля 1800 г., когда г. Панаеву было только 7 лѣтъ и 3 мѣсяца и когда, конечно, успѣхи другихъ въ ученіи не производили на него никакого впечатлѣнія, а тѣмъ болѣе столь сильнаго, что онъ вспомнилъ объ этомъ чрезъ 58 лѣтъ. Также, какъ ни лестно было бы для нашего отца получить знаки ордена св. Анны 1 степени, какъ удостовѣряетъ г. Панаевъ, но онъ ихъ не имѣлъ, и высшій орденъ, который его особу украшалъ, былъ св. Владиміра 3-ей степени.

Отецъ нашего отца былъ дворянинъ по происхожденію, а когда родился у него сынъ Алексѣй, о которомъ идетъ рѣчь, имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора, такъ сказать былъ дворянинъ вдвойнѣ. Въ выданной изъ департамента герольдіи, за № 50, копіи съ герба рода Пещуровыхъ сказано: «Фамиліи Пещуровыхъ, многіе Россійскому престолу служили разныя дворянскія службы и жалованы въ 7189 (1681) и другихъ годахъ помѣстьями и чинами. Все сіе доказывается хранящимися въ Герольдіи справкою вотчиннаго департамента и родословною Пещуровыхъ. По указу же Его Величества, сія копія съ герба рода Пещуровыхъ и съ описанія происхожденія той фамиліи, находящихся въ Высочайше утвержденномъ гербовникѣ дворянскихъ родовъ, выдана происшедшему отъ сего рода Алексѣю Петровичу Пещурову». На основаніи же 54 и 57 статей IX тома Св. Зак., внесеніе рода въ гербовникъ пріемлется вѣрнѣйшимъ доказательствомъ дворянскаго происхожденія, а употребленіе дворянскаго герба въ какой либо фамиліи имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда доказано будетъ, что лице, употребляющее тотъ гербъ, происходитъ дѣйствительно отъ предковъ, коимъ дворянство было пожаловано по грамотѣ или привилегіи. Такимъ образомъ, оказывается, что г. Панаевъ ошибался, предполагая, что имя его могло служить уликою незавиднаго, будто бы, происхожденія нашего отца. Дѣдъ нашъ дѣйствительно жилъ и служилъ въ Казани, но если его сыновья и ходили въ народную школу, то ею не ограничивалась его забота о ихъ образованіи. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ избранныя ими поприща дѣятельности: старшимъ — юстиція, младшимъ — артиллерія.

Служебная карьера нашего отца была слѣдующая. Записанный съ 14 лѣтъ на службу въ Казанское губернское правленіе, онъ, по представленію ревизовавшихъ Казанскую губернію сенаторовъ, князя Лопухина и Спиридова, произведенъ былъ въ коллежскіе регистраторы 20 февраля 1800 г.; перемѣщенъ въ канцелярію генералъ прокурора 14 октября 1801, а вслѣдъ затѣмъ въ департаментъ министерства

юстиціи, гдѣ награжденъ чинами, *за отличіе*, губернскаго секретаря въ началѣ, а титулярнаго совѣтника въ концѣ 1803 г.; коллежскаго ассесора въ 1804, и надворнаго совѣтника въ 1807 г. Опредѣленъ пензенскимъ губернскимъ прокуроромъ въ 1809; получилъ благодарственный ордеръ отъ министра юстиціи за открытіе издавна существовавшаго злоупотребленія, отъ котораго казна теряла значительный доходъ, и перемѣщенъ въ Симбирскую губернію въ 1810 г., и въ томъ же году вновь перемѣщенъ, какъ сказано въ письмѣ къ нему министра юстиціи, для выгодъ службы, въ Кіевскую губернію, съ выдачею 1,000 р., изъ государственнаго казначейства. Находясь въ должности кіевскаго губернскаго прокурора, удостоился получить орденъ св. Владиміра 4-й степени, по представленію генералъ губернатора графа Милорадовича, за прекращеніе вкравшихся по магистрату безпорядковъ и злоупотребленій. Въ 1814 г., былъ вызванъ въ С. Петербургъ, произведенъ въ коллежскіе совѣтники, назначенъ экспедиторомъ департамента м. ю., и ему поручено исправлять должность директора сего департамента. За труды по этой должности получилъ: въ 1816 г., орденъ св. Анны 2-й ст. съ алмазами, а въ 1818 г. чинъ статскаго совѣтника, и назначенъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора 2-го отд. 5-го департамента правительствующаго сената. Въ 1820 г., награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей ст.; въ 1821, согласно прошенію, перемѣщенъ на ту же должность въ Москву, во 2-е отд. 6-го департамента; въ 1822, высочайше повелѣно быть оберъ-прокуроромъ, т. е. дѣйств. ст. совѣтникомъ; въ 1823 г., перемѣщенъ въ 7-й департаментъ, а 23 марта 1827 г., уволенъ отъ должности оберъ-прокурора, съ причисленіемъ къ герольдіи.

Это послѣднее, весьма строгое распоряженіе, объяснимое впрочемъ обстоятельствами того времени, вѣроятно, дало поводъ къ неблагопріятнымъ для отца слухамъ, на которыхъ г. Панаевъ и основалъ свое предположеніе, что нашъ отецъ, наканунѣ назначенія въ сенаторы, ибо состоялъ уже оберъ-прокуроромъ 9 лѣтъ, былъ обиченъ, по какому-то дѣлу, во взяткахъ. Но онъ положительно ошибался и весьма жаль, что его ошибка попала въ печать. Дѣло было такъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 16 марта 1827 г., министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, испрашивая разрѣшеніе на увольненіе отъ службы оберъ-прокурора Новосильцева и указывая, что съ увольненіемъ Новосильцева будутъ двѣ оберъ-прокурорскія вакансіи, изъ коихъ одна, и именно въ 3-мъ департаментѣ, остается не замѣщенною долгое время, ходатайствовалъ о предоставленіи этихъ вакансій, *по извѣстности лицъ* (подл. выраж. доклада), первой — статсъ-секретарю Слободскому, а второй—оберъ-прокурору 7-го деп. Пещурову; но въ разрѣшеніе этого доклада, статсъ-секретарь Муравьевъ, при отношеніи отъ 23 марта за № 368, препроводилъ къ министру юстиціи высочайшіе указы о назначеніи, вмѣсто Новосильцева, д. с. с. Жихарева и — объ увольн-

ненiи Пещурова отъ должности оберъ-прокурора, съ причисленiемъ къ герольдiи, безъ всякаго указанiя, почему состоялись тѣ несогласныя съ ходатайствомъ министра распоряженiя (дѣло подъ №№ 92—5142). Не трудно однакоже угадать причину, такъ какъ 15-го того же марта слушалась въ комитетѣ министровъ записка министра юстицiи о назначенiи формальнаго слѣдствiя по доносу находившагося въ отставкѣ писца 2-го отдѣленiя 6-го департ. прав. сената, Извѣкова, въ найденныхъ у котораго письмахъ къ нему повѣреннаго откупщиковъ Донского откупа, Грушецкаго, упоминались нѣкоторые сенаторы, нашъ отецъ, который, какъ сказано выше, былъ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента, его предмѣстникъ Новосильцевъ, нѣсколько оберъ-секретарей и секретарей этого департамента, въ который долженствовало поступить и дѣйствительно было получено въ концѣ сентября 1823, т. е. только за три мѣсяца до перемѣщенiя нашего отца изъ 6-го въ 7-й департаментъ, дѣло объ откупщикахъ Донского питейнаго откупа и членовъ войсковой канцелярiи, преданныхъ суду за злоупотребленiя по откупу. Слѣдствiе по этому доносу высочайше повелѣно было произвести сперва на Дону, куда высланы были Извѣковъ и Грушецкiй, а потомъ въ Москвѣ. Оно возложено было: на Дону — на генераловъ: графа Гурьева и Богдановича, а въ Москвѣ — на того же Гурьева и оберъ-прокурора общаго собранiя московскихъ департаментовъ прав. сен., князя Гагарина, съ тѣмъ, чтобы о результатѣ слѣдствiя ими донесено было непосредственно его величеству. Сущность показанiй Грушецкаго, въ которыхъ упоминалось имя нашего отца и его преемника Новосильцева, заключалась въ томъ, что Извѣковъ требовалъ отъ Грушецкаго денегъ: въ первый разъ 100 т. р., для сенаторовъ, нашего отца и другихъ чиновниковъ 6-го департамента, но что онъ, Грушецкiй, далъ въ этотъ разъ только 25 т., во второй — 15 т., которые онъ выдалъ, какъ ему помнится, при писцѣ Карпенко, собственно для нашего отца; при чемъ Извѣковъ увѣрялъ, что полученные имъ 25 тысячъ пришлось отдать сполна оберъ-секретарямъ и секретарямъ, и въ третiй разъ — 20 т. р. для оберъ-прокурора Новосильцева; но это требованiе имъ, Грушецкимъ, исполнено не было. Извѣковъ же утверждалъ, что всѣ эти показанiя Грушецкаго суть чистѣйшая клевета, и что онъ, Извѣковъ, никогда и ни для кого у Грушецкаго денегъ не требовалъ. На данныхъ имъ многочисленныхъ очныхъ ставкахъ оба всегда оставались при своихъ показанiяхъ; писецъ же Карпенко, за всѣми допросами и священническими увѣщанiями, отвергъ показанiя Грушецкаго. Читая дѣло (подъ №№ 624—1423), поражаешься наглостью лжи со стороны Извѣкова и слѣпымъ довѣрiемъ къ нему какъ Грушецкаго, такъ и довѣрителей сего послѣдняго. Такъ, между прочимъ, Извѣковъ, познакомившiйся съ Грушецкимъ въ 1821 г., увѣрялъ сего послѣдняго, что онъ близокъ къ нашему отцу потому, что

учитъ его дѣтей; но въ 1821 г. отецъ нашъ еще не былъ женатъ, а въ 1823 г. у него былъ сынъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Грушецкій же не только не далъ себѣ труда убѣдиться въ справедливости такого показанія Извѣкова, но даже не зналъ въ лицо нашего отца, прежде первой очной съ нимъ ставки. Въ рапортѣ отъ 25-го іюля 1828 г. за № 739-мъ, князь Гагаринъ, донося министру юстиціи объ окончаніи слѣдствія, писалъ: «Желательно бы было, чтобы, въ случаѣ преданія суду Извѣкова, чиновники сената, на коихъ по слѣдствію не пало ни малѣйшаго подозрѣнія, были изъяты отъ дальнѣйшаго таковаго-жъ, и даже предписать палатѣ, чтобы не могла простирать къ нимъ свои вопросы; ибо, не смотря на то, что невинность ихъ и по суду подтвердится, привлеченіе оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретарей въ уголовную палату было бы предосудительно для самого сената.» А во всеподданнѣйшемъ рапортѣ графа Гурьева и князя Гагарина, отъ 31-го того же іюля, между прочимъ, изъяснено: «Изъ всѣхъ оговоренныхъ Извѣковымъ и Грушецкимъ чиновниковъ сената никто при изслѣдованіи не приличился яснымъ и законнымъ образомъ въ преступленіи лихоимства. Медленности въ производствѣ дѣла и противозаконныхъ переходовъ незамѣчено; самое же рѣшеніе, по предписанію министра юстиціи, представлено было къ нему на просмотръ и имъ утверждено. Бывшій оберъ-прокуроръ 6-го департамента Пещуровъ не приличается *ни въ чемъ* могущемъ наводить на него законное подозрѣніе, равно какъ и настоящій оберъ-прокуроръ онаго Новосильцевъ, на коего не падаетъ ни малѣйшаго подозрѣнія.» Этотъ рапортъ былъ внесенъ, по высочайшему повелѣнію, первоначально на разсмотрѣніе комитета министровъ, а потомъ въ общее собраніе 1-го департ. пр. сената, опредѣленіе котораго, отъ 17-го декабря 1828 и 26-го февраля 1829 г. за № 1206-мъ, также представлялось на высочайшее воззрѣніе. Характеръ доноса Извѣкова и дѣйствій какъ его, такъ и Грушецкаго, при чемъ тотъ и другой состояли уже подъ судомъ по другимъ дѣламъ, ясно очерченъ въ только-что упомянутомъ опредѣленіи сената. Вотъ буквальное изложеніе главнѣйшихъ пунктовъ сего опредѣленія: «Входя въ подробное обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, правительствующій сенатъ усматриваетъ: 1) что компаніоны уничтоженнаго на Дону откупа, производя переписку съ повѣренными ихъ Извѣковымъ и Грушецкимъ, по поступленіи уголовнаго о злоупотребленіяхъ по тому откупу дѣла изъ войсковой канцеляріи во 2-е отд. 6-го департамента П. С., дѣйствительно переслали къ Грушецкому значительную сумму, будто бы для подкупа чиновниковъ, имѣвшихъ въ производствѣ то самое дѣло компаніоновъ; 2) что Грушецкій, бывъ увлеченъ хитростью Извѣкова, и, полагаясь на ложныя его увѣренія, передалъ ему, для предположеннаго между ими употребленія — на подарки нѣкоторую сумму; а потомъ оба вмѣстѣ, пользуясь слѣпымъ довѣріемъ помянутыхъ компа-

ніоновъ, рѣшились выказать въ расходъ пересланныя къ нимъ деньги большею частью на счетъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ въ производствѣ откупное дѣло; и 3) что Извѣковъ и Грушецкій выдуманныхъ ими для отчета предъ вѣрителями своими показаній, во время происходившаго по высочайшему повелѣнію изслѣдованія, не только не доказали, но явными противорѣчіями въ собственныхъ отзывахъ и на очныхъ ставкахъ, между ими и другими лицами учиненныхъ, совершенно изобличали самихъ себя, какъ въ напрасномъ оклеветаніи и невинномъ поношеніи поименованныхъ ими чиновниковъ прав. сената, такъ напротивъ того, въ употребленіи пересланныхъ по ихъ домогательству суммъ, подъ видомъ обращенія ихъ въ подарки, на свои надобности и издержки. Столь дерзкое обоихъ ихъ предпріятіе въ показаніи расходовъ на счетъ чиновниковъ и другихъ особъ, долженствовавшихъ по обязанностямъ званія ихъ имѣть вліяніе на то дѣло, представляется учиненнымъ ими конечно въ томъ предположеніи, дабы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе вѣрителей своихъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, каковыя употребляли они на самомъ дѣлѣ въ обманъ противу ихъ и въ укоризну сенатскихъ чиновниковъ; но сколь ложны всѣ сдѣланныя ими на счетъ послѣднихъ изъясненія, сіе доказывается обстоятельствами дѣла и изысканіями гг. слѣдователей, ибо употребленіе пересланныхъ къ Грушецкому и Извѣкову суммъ на собственныя ихъ надобности, подтверждается обнаруженнымъ по слѣдствію образомъ ихъ жизни, соединеннымъ съ излишествомъ и мотовствомъ противу ихъ состоянія; особенно же образомъ жизни Извѣкова, который до начала дѣла тѣхъ откупщиковъ по 6-му департаменту имѣлъ крайне недостаточное состояніе и заимствовался у другихъ, а когда, пользуясь случаемъ службы своей въ канцеляріи сената и при отправленіи должности писца, принявъ на себя, *сверхъ всякой возможности*, ложное посредничество въ столь важномъ дѣлѣ, тѣмъ самымъ вкрался въ довѣренность уполномоченнаго донскими откупщиками Грушецкаго, а впослѣдствіи и въ довѣренность самихъ подсудимыхъ, заведя съ ними столь же обманную, сколь и хитрую переписку, то началъ вести роскошную жизнь и за всѣмъ тѣмъ, при арестованіи, имѣлъ въ наличныхъ деньгахъ и ломбардныхъ билетахъ до 20 т. руб., не доказавъ откуда пріобрѣлъ ихъ».

Тотчасъ по окончаніи слѣдствія, отецъ нашъ рѣшился оставить службу, вышелъ въ отставку съ пенсіей и переѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, въ масальскій уѣздъ калужской губерніи, гдѣ сперва былъ избранъ попечителемъ одного изъ участковъ, на которые раздѣленъ былъ уѣздъ, для принятія мѣръ предосторожности отъ холеры, а вскорѣ послѣ того уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и въ этомъ званіи умеръ, послѣ весьма непродолжительной простудной болѣзни, въ декабрѣ 1833 года, на 49 году отъ рожденія. Выборъ его дворян-

ствомъ въ свои представители и утвержденіе въ этомъ званіи правительствомъ суть новыя доказательства тому, что въ его благородствѣ и честности никто не сомнѣвался изъ тѣхъ, кто зналъ его лучше и дольше, чѣмъ г. Панаевъ.

Затѣмъ намъ остается просить васъ, г. редакторъ, напечатать наше письмо [1]) въ ближайшемъ нумерѣ издаваемаго вами, уважаемаго журнала «Вѣстникъ Европы», и — не ставить намъ въ вину обширность этого письма, которая есть неизбѣжное слѣдствіе его оправдательнаго значенія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе, и проч.

Михаилъ и *Дмитрій Пещуровы.*

С.-Петербургъ,
22-го ноября 1867 г.

P. S. Остальные два сына Алексѣя Петровича, а наши братья, находятся въ отсутствіи и потому лишены возможности пріобщить свои подписи къ нашимъ.

---

[1]) Весьма охотно помѣщаемъ настоящее письмо, вызванное напечатанными у насъ «Воспоминаніями» В. И. Панаева. Выше, на стр. 179 (отдѣлъ I), читатели найдутъ взглядъ редакціи, которымъ она руководилась при ихъ изданіи, и причины, по которымъ она не дозволила себѣ дѣлать выпусковъ при неблагопріятныхъ отзывахъ автора о своихъ современникахъ. Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтенными авторами этого письма только въ одномъ, а именно, мы думаемъ, нельзя жалѣть, что въ печать попадаетъ иногда и несправедливое, потому что также печать доставляетъ всю возможность возстановить фактъ въ его надлежащемъ видѣ. Такъ произошло и въ настоящемъ случаѣ: безъ напечатанія «Воспоминаній» Панаева, впрочемъ *открытыхъ для каждаго въ Публичной Библіотекѣ и слѣдовательно уже опубликованныхъ до извѣстной степени,* родные А. П. Пещурова не имѣли бы никакой возможности такъ публично возстановить имя покойнаго, какъ публично можетъ читаться взведенное на него обвиненіе въ манускриптѣ, помѣщенномъ въ Публичной Библіотекѣ. На то, что читаютъ въ Библіотекѣ, и о чемъ послѣ говорятъ въ обществѣ, авторы не имѣли бы возможности отвѣтить также громко, какъ они отвѣчаютъ теперь. — Письмо было доставлено въ редакцію слишкомъ поздно, и потому мы должны были помѣстить его въ отдѣлѣ замѣтокъ, въ чемъ и просимъ извиненія у авторовъ. *М. С.*

Всего 636 страницъ.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ОПЕЧАТКИ

въ первыхъ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ.

Стран.	Строки:	Напечатано:	Вмѣсто:
II, 211	10 сверху	половинникъ	половникъ
» 214	8 »	послѣднихъ. Большая	Большая
» 217	17 »	примѣненіе	измѣненіе
» 230	1 »	собственности	особенности
» 237	13 »	сдерживала	сдерживали
» —	14 »	такъ-называемыхъ	такъ-называемыя
» 248	17 »	цѣли	цѣна
» 252	16 »	whitebous	white boys
» 255	20 »	спеціальная	соціальная
III, 312	8 »	право	права
» 318	7 »	мѣтны	мѣтные
» 320	32 »	исполненіи. Происками	исполненіе происками
» 321	29 »	десятинѣ	десятины
» 326	27 »	ихъ найти	найти защиту
» 327	3 снизу	существующихъ	существенныхъ
» 334	3 »	если онъ	если крестьянинъ

Въ настоящемъ томѣ просятъ исправить: 1) въ отд. I, стр. 238, строчка 6 снизу, *напечатано:* которое, чтò несравненно — *вм.:* которое несравненно; 2) въ отд. II, стр. 70, строка 4 сверху, *напечатано:* сознательною — *вм.:* сознательною.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТЫРЕХЪ ТОМОВЪ

ВТОРОГО ГОДА.

Томъ I. — Мартъ.

I. — Смутное время Московскаго государства. — III. Московское разоренье. Глава первая. **Н. И. Костомарова.** — II. — Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Драматическая хроника въ двухъ частяхъ. **А. Н. Островскаго.** — III. — Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. Глава первая и вторая. **В. Я. Стоюнина.** — IV. — Тильзитскій миръ. **М. И. Богдановича.** — V. — Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка. **М. И. Семевскаго.** — VI. — Эпоха конгрессовъ. — III. **С. М. Соловьева.** — VII. — Древности Москвы и ихъ изслѣдованія. Статья первая. **И. Е. Забѣлина.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — I. Новѣйшая литература русской исторіи. — Замѣтка по поводу брошюры Н. И. Тургенева: «О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ. Парижъ. 1866. *А.* — II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская. В) Иностранная: 1) Французская; 2) Нѣмецкая; 3) Англійская.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Историческій взглядъ на связь школьнаго образованія съ служебными преимуществами. — Учительская дѣятельность и учительская служба. — Различныя новѣйшія мѣры и предположенія вообще по учебной части. — Новыя книги.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Мартъ, 1867. — I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ первый. **Н. П. Колюпанова.** — II. Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ. Статья первая. **L.** — III. Паденіе Германскаго союза. Статья вторая. **А. М.** — IV. Современная Франція. Очеркъ первый. **Е. О.** — V. Возстаніе на островѣ Кандіи. **W.** — Объявленія и Библіографическій листокъ: Новыя книги.

Томъ II. — Іюнь.

I. — Смутное время Московскаго государства. — III. Московское разоренье. Глава вторая. **Н. И. Костомарова.** — II. — Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. Глава третья и четвертая. **В. Я. Стоюнина.** — III. — Историческая судьба крымскихъ татаръ. Статья вторая. **Ѳ. Хартахая.** — IV. — Изъ записокъ о времени императора Александра I. **Н. В. Сушкова.** — V. — Очерки изъ исторіи крестьянства въ Европѣ. — I. **А. И. Скребицкаго.** — VI. — Пій IX и революція. — Изъ записокъ очевидца: 1848 и 49 г. — I. **М. А. Пинто.** — VII. — Эпоха конгрессовъ. — IV. **С. М. Соловьева.** — VIII. — Древности Москвы и ихъ изслѣдованія. Статья вторая. **И. Е. Забѣлина.** — IX. — Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ. Статья первая.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — Іюнь, 1867. — I. Новѣйшая литература русской исторіи. — II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи. — III. Историко-юридическая литература: «Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры», соч. г. Градовскаго. — **В. И. Утина.**

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Іюнь, 1867. — I. Письмо въ Редакцію штатнаго смотрителя Т. училищъ. — По поводу вопросовъ о народномъ образованіи. **Ш. С. Ф.** — II. О докладѣ «Постоянной Земской Коммиссіи» въ Москвѣ по народному образованію.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Іюнь, 1867. — I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ второй. **Н. П. Колюпанова.** — II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ первый. **W.** — III. Современная Франція. Очеркъ второй. **Е. О.**

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ и ЗАМѢТКИ. — I. Всемірная выставка 1867 года. Письмо первое изъ Парижа. **Е. О.** — II. По поводу новѣйшей русской исторической сцены. **Н. К.** — III. Русская современная исторія и романъ И. С. Тургенева: «Дымъ». **Н. В. Анненкова.** — Объявленія и Библіографическій листокъ: Новыя книги.

Томъ III. — Сентябрь.

I. — Смутное время Московскаго государства. — III. Московское разоренье. Глава третья. **Н. И. Костомарова.** — II. — Очерки этнографіи Кавказа. Статья первая. **Евг. П. Ковалевскаго.** — III. — Дагестанъ, его нравы и обычаи. **П. Пржецлавскаго.** — IV. — Воспоминанія В. И. Панаева. Глава первая и вторая. — V. — Очерки изъ исторіи крестьянства въ Европѣ. — II. **А. И. Скребицкаго.** — VI. — Эпоха конгрессовъ. — V. **С. М. Соловьева.** — VII. — Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ. Статья вторая. — VIII. — Западная Европа наканунѣ тридцатыхъ годовъ. Статья вторая. **М. М. Стасюлевича.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Иностранная; 1) Французская; 2) Нѣмецкая.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Сентябрь, 1867. — Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени. **П. П.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Сентябрь, 1867. — I. Очерки изъ исторіи

земства въ 1866 году. Очеркъ третій. Н. П. Колюпанова. — II. Первое пят десятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ второй. W.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ и ЗАМѢТКИ. — Всемірная выставка 1867 г. Письм второе. Е. О. — Библіографическій листокъ: Новыя книги.

Томъ IV. — Декабрь.

Отъ Редакціи. — Программа «Вѣстника Европы», журнала исторіи, поли тики, литературы, въ 1868 году.

I. — Очерки этнографіи Кавказа. Статья вторая. Евг. П. Ковалевскаго. — II. — Горные Черемисы Казанскаго края. Изъ наблюденій очевидца. П. Знамен скаго. — III. — Воспоминанія В. И. Панаева. Глава третья и четвертая. — IV. — Очерки изъ исторіи крестьянства въ Европѣ. — III. А. И. Скребицкаго. — V. — Пій IX и революція. Изъ записокъ очевидца: 1848 и 49 гг. — II. М.-А Пинто. — VI. — Эпоха конгрессовъ. — VI. С. М. Соловьева. — VI. — Русско масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ. Статья третья. А. Н. Пыпина. — VIII. — Фран цузскіе парламентаристы сороковыхъ годовъ. И. Н.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — I. Новѣйшая литература русской исто ріи. — II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи. — III. Библіографическія за мѣтки: 1) Русскій переводъ избранныхъ сочиненій Іереміи Бентама. К. А—в 2) По поводу статьи г. М.: «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская». Е

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Декабрь, 1867. — I. Общій взглядъ на пер вый періодъ исторіи земскихъ собраній въ Россіи. Н. П. Колюпанова. — II Обзоръ городского хозяйства въ 1858 году, въ связи съ необходимостью город ской реформы. Н. П. Колюпанова. — III. Современная Франція. Очеркъ тре тій. Е. О. — IV. Австрійскій конкордатъ, въ связи съ вопросомъ о народном образованіи. W.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ и ЗАМѢТКИ. — По поводу дѣла объ А. П. Пещу ровѣ. (Письмо въ Редакцію.) — Объявленія и Библіографическій листокъ: Но выя книги.

Примѣчаніе. Всѣ начатыя сочиненія и статьи, въ теченіе двухъ первых годовъ «Вѣстника Европы», закончены въ нынѣшнемъ, послѣднемъ томѣ, что поставило редакцію въ необходимость значительно сократить содержаніе хро никъ.

Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 гг. Соч. Ег. Ковалевскаго. Удостоено высшей премія Воен. Уч. Комитета. Спб. 1868.

Въ журналахъ 1856 г. вниманіе нашей публики было уже обращено на небольшіе отрывки изъ рукописныхъ замѣтокъ Е. П. Ковалевскаго, составленныхъ имъ по личнымъ воспоминаніямъ, во время самой осады Севастополя, и дополненныхъ разсказами дѣйствующихъ лицъ. При помощи новыхъ матеріаловъ, авторъ нашелъ возможность дополнить свою прежнюю работу и составить капитальное сочиненіе, которое въ первый разъ изложитъ намъ съ такою обстоятельностью начало одной изъ самыхъ кровавыхъ драмъ новѣйшей исторіи. Спеціалисты въ военномъ дѣлѣ уже отдали новому труду Е. П. Ковалевскаго всю справедливость, а въ отношеніи искусства изложенія, простоты и ясности разсказа, публика сама хорошо знаетъ, чего можно ожидать отъ автора книги: «Графъ Блудовъ и его время».

Іезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Ч. I, Царствованія Екатерины II и Павла I. Соч. свящ. М. Морошкина. Спб. 1867. Ц. 2 р. 50 к.

Объ этомъ трудѣ много говорили, еще до его появленія въ печати, и давно его ожидали. Исторія іезуитовъ въ Россіи, вслѣдствіе сосредоточенія ихъ одно время на нашей землѣ, когда нигдѣ ихъ болѣе уже не терпѣли, сдѣлалась печальнымъ фактомъ въ исторіи нашей собственной образованности, и, по замѣчанію автора, даже изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи не было извѣстіемъ ихъ вліянія на весь складъ нашей общественной и политической жизни. И при всемъ томъ, въ послѣдніе 20 лѣтъ, наша литература, если исключить письма Ю. Ѳ. Самарина, не представила ничего, заслуживающаго вниманія по этому вопросу. Тѣмъ болѣе важно появленіе новаго сочиненія, которое носитъ на себѣ всѣ доказательства глубокой учености автора и богатства матеріаловъ, находившихся подъ его руками. Исторія іезуитовъ въ Россіи, при Александрѣ I, до ихъ изгнанія, и исторія іезуитовъ, такъ-сказать, послѣ іезуитовъ, исторія ихъ духа въ нашемъ обществѣ до послѣднихъ дней — составятъ продолженіе замѣчательнаго труда М. Я. Морошкина.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, издаваемый подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Половцова. Томъ I. Спб. 1867. Стр. 558. Ц. 2 руб.

«Русское Историческое Общество», основанное годъ тому назадъ въ Петербургѣ, сдѣлало свой первый шагъ, вполнѣ оправдавшій давнишнія всеобщія ожиданія. Не обязывая себя извѣстными выпусками, а издавъ за цѣлый годъ томъ, величиною, приближающеюся къ объему цѣлаго годового экземпляра «Русскаго Архива», Общество могло лучше группировать документы. Въ первомъ томѣ содержатся матеріалы, относящіеся къ царствованію Екатерины II, и половина этого тома принадлежитъ самымъ замѣчательнымъ матеріаламъ, которые были доставлены кн. Н. А. Орловымъ: рескрипты и письма имп. Екатерины II;—и кн. М. А. Оболенскимъ: переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. Но бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой, сообщенныя К. К. Злобинымъ, уступаютъ въ полнотѣ собранію документовъ, находящихся при запискѣ, изданной г. Г. В. на нѣмецкомъ языкѣ: Die vorgebliche Tochter der K. Elisabeth Petrowna, по бумагамъ нашего государственнаго архива, въ Берлинѣ (1867). Хотя, по § 3 устава, документы на иностранныхъ языкахъ должны печататься вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, но въ первомъ томѣ это не выдержано вполнѣ.

Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи. Истор.-крит. изслѣд. *М. Троицкаго*. Москва. 1867. Стр. 658. Ц. 4 р. 50 к.

Давно нашъ «Листокъ» не имѣлъ случая указать читателямъ на столько крупныхъ фактовъ русской ученой литературы, появившихся почти одновременно. Самостоятельное изслѣдованіе г. Троицкаго относится притомъ къ области философіи, гдѣ мы были такъ долго осуждены питаться переводными спекуляціями. Посвящая особую статью предмету, касающемуся изслѣдованія автора, мы ограничиваемся теперь однимъ указаніемъ на новый трудъ, который сдѣлалъ бы честь любой литературѣ.

Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и пр. Состав. *Г. Колисогло* и *М. Овонисіе*. Спб. 1867. Стр. 330 и 213.

«Очеркъ» составленъ на основаніи документовъ и записокъ адмирала Рикорда, принимавшаго большое участіе въ исторіи освобожденія Греціи. Авторы, между прочимъ, поставили себѣ задачею опроверженіе «превратнаго толкованія» мотивовъ дѣйствія греческихъ патріотовъ, приводимаго г. Овенистовымъ въ его статьѣ: «Борьба Греціи за независимость». Авторы объясняютъ причину такой превратности тѣмъ, что работа русскаго изслѣдователя была компиляціею иностранныхъ ученыхъ, враждебныхъ Греціи. Но мы мало имѣли своихъ источниковъ; изданіе мемуаровъ и переписки лицъ, подобныхъ Рикорду, можетъ установить и у насъ самостоятельные взгляды.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . » **16** » — » **9** »

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ, за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ*: въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по будн. отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 пополуд.); и въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и **заграничная подписка** высылается, *по почтѣ*, исключительно: въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы», (Спб. Галерная, 20), или въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 руб.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

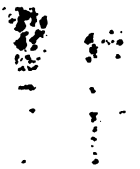
NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтѣ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книги Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ, сдавшихъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ удостовѣренія отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи. ☜

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за **1866 1867** гг. (отдѣльный годъ въ 4 томахъ: 8 руб.) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ **1** руб. для пересылки годового экземпляра.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 393 D



This book should be
the Library on or before
stamped below.
A fine is incurred by
beyond the specified time.
Please return promptly.

3 2044 010 473 841

MAR 2 '64 H

OCT 4 '75 H

WIDENER
1990